

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

3 3433 07433020 4

251
Koshelov
Kalyubanov

64

1107
А. К.

БІОГРАФІЯ

АЛЕКСАНДРА ІВАНОВИЧА КОШЕЛЕВА.

Томъ II.

Возвратъ къ общественной и литературной дѣятельности

(1832 — 1856 г.).

МОСКВА.

Типо-литографія Высочайше утвержден: Г-ва И. Н. Кушнеревъ и К^о,
Пименовская улица, собственный домъ.

1892.

БІОГРАФІЯ

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВИЧА КОШЕЛЕВА.

Томъ II.

Возвратъ къ общественной и литературной дѣятельности

(1832—1856 г.).

МОСКВА.

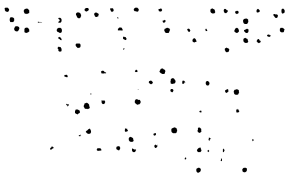
Типо-литографія Высочайше утвержден. Т-ва М. Н. Мушкетеръ и Н^о,
Пименовская улица, собственный домъ.

1892.

Копия

* G E

TO NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
192185A
ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS
R 1935 L

ОГЛАВЛЕНИЕ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Стр.

Предисловіе VII

Первое заграничное путешествіе. — Служба въ московскомъ губернскомъ правленіи. — Женитьба и покупка имѣнія. — Откупа. — Заграничное путешествіе въ 1839 и 1840 годахъ. — Исправленіе должности сапожковскаго предводителя дворянства. — Умственное движеніе московскаго общества и участіе въ немъ Александра Ивановича. — Литературная дѣятельность кружка, къ которому принадлежалъ Александръ Ивановичъ 1

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Возвратъ къ умственнымъ занятіямъ, чтеніе духовныхъ книгъ. — Первоначальныя занятія и проекты по крестьянскому вопросу. — Тѣснѣйшее сближеніе съ Хомяковымъ и Кирѣевскимъ. — Отрицательная и положительная стороны славянофильскаго ученія. — Понятія славянофиловъ о православіи, самодержавіи и народности. — Отличительныя черты воззрѣнія Александра Ивановича сравнительно съ другими членами кружка 79

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Занятіе сельскимъ хозяйствомъ. — Заграничное путешествіе Алекс. Иван. въ 1849 г. — Свиданіе съ Мидкевичемъ. — Лебедянское Общество сельскаго хозяйства. — Заграничное путешествіе въ февралѣ 1850 года и свиданіе съ Жуковскимъ. — Поѣздка на Лондонскую выставку въ августѣ 1851 г. — Записка о финансовыхъ средствахъ Россіи въ продолженіе Крымской войны 196

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Издательская дѣятельность Александра Ивановича. — „Русская Бесѣда“. — Путешествіе по австрійскимъ славянскимъ землямъ въ 1857 году. — Главные вопросы поднятые „Рус. Бесѣдой“ и въ особенности вопросъ о сельской общинѣ. — Изданіе „Молвы“ и „Шаруса“ 232

П Р И Л О Ж Е Н І Я:

ПРИЛОЖЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Перечень статей, помѣщенныхъ въ „Московскомъ Наблюдателѣ“ 1

ПРИЛОЖЕНІЕ ВТОРОЕ.

Охота пуце неволи (статья А. И. Кошелева, напечатанная въ № 99 „Земледѣльческой Газеты“ за 1847 годъ) 11

ПРИЛОЖЕНИЕ ТРЕТЬЕ.

Стр.

И правда бываетъ не правдоподобна (статья эта запрещена была цензурой).	14
ПРИЛОЖЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ	15
ПРИЛОЖЕНИЕ ПЯТОЕ.	

Документы по намѣренію Александра Ивановича внести проектъ улучшения быта крѣпостныхъ въ рязанское губернское дворянское собраніе въ 1847 году:

1. Письмо А. И. Кошелева октября 1847 года къ министру внутреннихъ дѣлъ	16
2. Отвѣтъ министра внутреннихъ дѣлъ (23 ноября 1847 г. № 3489) . .	17
3. Проектъ рѣчи А. И. Кошелева дворянамъ Рязанской губерніи объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ	—
4. Первоначальный проектъ Александра Ивановича объ улучшеніи быта крѣпостныхъ въ томъ видѣ, какъ Кошелевъ предполагалъ внести въ рязанское дворянское собраніе	19

ПРИЛОЖЕНИЕ ШЕСТОЕ.

Второй проектъ улучшения быта крѣпостныхъ, представленный Александромъ Ивановичемъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ въ 1850 году .	24
--	----

ПРИЛОЖЕНИЕ СЕДЬМОЕ.

Переписка Александра Ивановича съ министромъ внутреннихъ дѣлъ относительно отпуска крестьянъ на свободу съ землею въ 1857 году (проектъ третій):

1. Письмо Алек. Ив. къ министру внутреннихъ дѣлъ С. С. Ланскому . .	31
2. Отвѣтное письмо министра Ланского А. И. Кошелеву	32
3. Отвѣтное письмо А. И. Кошелева министру Ланскому	34
4. Второе письмо министра внутрен. дѣлъ Ланского А. И. Кошелеву . .	36
5. Окончательный отвѣтъ А. И. Кошелева министру внутрен. дѣлъ . . .	38

ПРИЛОЖЕНИЕ ОСЬМОЕ.

Переписка А. И. Кошелева съ членами славянофильскаго кружка и И. С. Аксаковымъ:

1. Письмо А. И. Кошелева И. С. Аксакову. Чтеніе и характеристика отцовъ церкви; необходимость удалиться отъ общества	41
2. Письмо А. И. Кошелева А. С. Хомякову о томъ же предметѣ	42
3. Отвѣтное письмо И. С. Аксакова А. И. Кошелеву на № 1.	43
4. Письмо К. С. Аксакова А. И. Кошелеву о томъ же предметѣ	47
5. Отвѣтное письмо А. И. Кошелева И. С. Аксакову на № 3.	48
6. Отвѣтное письмо А. И. Кошелева К. С. Аксакову на № 4	50
7. Отвѣтное письмо К. С. Аксакова А. И. Кошелеву на № 6	51
8. Отвѣтное письмо И. С. Аксакова А. И. Кошелеву.—Письмо Кошелева, вызвавшее этотъ отвѣтъ, въ бумагахъ не найдено	53
9. Письмо А. И. Кошелева И. С. Аксакову.—Письмо Аксакова, вызвавшее этотъ отвѣтъ, въ бумагахъ не найдено	54
10. Отвѣтное письмо И. С. Аксакова А. И. Кошелеву на № 9.	57
11. Письмо И. С. Аксакова А. С. Хомякову о страданіяхъ и молитвѣ .	61
12. Письмо К. С. Аксакова А. С. Хомякову по поводу письма И. С. Аксакова за № 11	69
13. Письмо А. И. Кошелева А. С. Хомякову по поводу письма И. С. Аксакова за № 11	73
14. Письмо А. И. Кошелева А. С. Хомякову о значеніи слова „Православная церковь“.—Отвѣтъ Хомякова на это письмо напечатанъ въ „Рус. Арх.“ 1879 г., III, 277—282	74

15. Письмо А. И. Кошелева А. С. Хомякову объ источникѣхъ христіанской догматики	78
16. Письмо И. В. Кирѣвскаго А. И. Кошелеву о свободѣ вѣроисповѣданія.	80
17. Отвѣтное письмо А. И. Кошелева на письмо И. В. Кирѣвскаго за № 16.	85
18. Отвѣтное письмо И. В. Кирѣвскаго на письмо А. И. Кошелева за № 16	94
19. Письмо И. В. Кирѣвскаго А. И. Кошелеву. — Характеръ русской особенности	99
20. Письмо И. В. Кирѣвскаго А. И. Кошелеву. — Духовныя книги для чтенія	101
21. Письмо А. И. Кошелева А. С. Хомякову о сельской общинѣ. — Отвѣтъ на это письмо Хомякова помѣщенъ въ „Рус. Арх.“ 1878 г.	103
22. Отвѣтное письмо А. И. Кошелева А. С. Хомякову объ общинѣ	106
23. Письмо А. С. Хомякова И. В. Кирѣвскому	108
24. Письмо А. С. Хомякова А. И. Кошелеву	110
ПРИЛОЖЕНІЕ ДЕВЯТОЕ,	
Отрывки изъ дневника Александра Ивановича во время путешествія въ 1849 году	111
ПРИЛОЖЕНІЕ ДЕСЯТОЕ.	
Письмо А. И. Кошелеву Вас. Андр. Жуковскаго	125
ПРИЛОЖЕНІЕ ОДИННАДЦАТОЕ.	
Письмо А. И. Кошелева къ Императору Александру II и Записка о денежныхъ средствахъ Россіи	127
ПРИЛОЖЕНІЕ ДВѢНАДЦАТОЕ.	
Перечень лицъ, участвовавшихъ въ изданіи „Русской Бесѣды“, съ указаніемъ сочиненій. „Бесѣды“ вышло: въ 1856 г. — IV части, въ 1857 г. — IV части, въ 1858 г. — VI частей, въ 1859 г. VI — частей и въ 1860 г. — II части.	141
ПРИЛОЖЕНІЕ ТРИНАДЦАТОЕ.	
Отрывокъ изъ дневника А. И. Кошелева во время путешествія по австрійскимъ славянскимъ землямъ въ 1857 году	150

ПРЕДИСЛОВІЕ.

По поводу вышедшихъ первыхъ двухъ книгъ „Біографіи А. И. Кошелева“ мнѣ сдѣланъ былъ справедливый упрекъ, что въ немъ менѣе всего говорится о самомъ Кошелевѣ. Но я тогда же высказалъ причину. Чтобы вполнѣ толково исполнить задачу, мнѣ пришлось сдѣлать много предварительныхъ работъ, не столько по тѣсной связи съ самымъ вопросомъ, сколько по незнакомству моему съ исторіей литературы и въ особенности журналистики, гдѣ Александръ Ивановичъ является крупнымъ дѣятелемъ. Не считая себя вправѣ ограничиться чужою разработкою, я просмотрѣлъ всѣ наши старые журналы и, естественно, не хотѣлъ бросить безъ всякаго вниманія матеріалъ, который можетъ пригодиться другому. Обработать и издать отдѣльно весь этотъ сырой матеріалъ я не имѣлъ ни времени, ни возможности.

Въ настоящей части моего труда Ал. Иван. занимаетъ принадлежащее ему мѣсто. Изъ заграничныхъ брошюръ Ал. Ив—ча мною сдѣланы краткія извлеченія. Время не пришло обнародовать эти брошюры вполнѣ,— не потому, чтобы онѣ содержали мнѣнія революціонныя или неблагонамѣренныя, но потому, что слишкомъ откровенный и правдивый рассказъ о недавно прошломъ неудобенъ по состоянію нашей печати. Я жалѣю объ одномъ, что, вслѣдствіе подобнаго затрудненія, личность Ал. Ив—ча не выяснится вполнѣ и не познакомятся читатели съ тою смѣлой и безпристрастною

опѣнкой современныхъ фактовъ, которую будущій читатель почерпнетъ въ этомъ матеріалѣ. Искренно сожалѣю, что много дѣлъ служебныхъ и личныхъ оставляютъ мнѣ слишкомъ мало времени для моего труда, и потому невольно онъ долженъ былъ появляться лишь чрезъ очень большіе промежутки.

Считаю своею обязанностью исправить ошибку, вкравшуюся въ 1 книгѣ I-го тома изданной мною біографіи. На стр. 183, на основаніи біографіи Невзорова, составленной г. Безсоновымъ и помѣщенной въ „Рус. Бесѣдѣ“ (1857 г., кн. III, приложение), я упомянулъ о непріятностяхъ Невзорова съ ректоромъ Геймомъ и о его трудахъ по спасенію Университетской типографіи въ 1812 году; а на стр. 185—о значительной экономіи, сдѣланной Невзоровымъ по управленію типографіей и о раздачѣ изъ этой суммы 6.000 руб. чиновникамъ и рабочимъ, оставшимся неудовлетворенными жалованьемъ. Случайно въ литерат. отдѣлѣ „Московскихъ Вѣдомостей“ за 1857 годъ мнѣ попалась написанная по поводу біографіи г. Безсонова статья Г. М. Третьякова, знавшаго Невзорова съ 1801 года,—подъ заглавіемъ „М. И. Невзоровъ“ (№ 59). Изъ этой статьи видно, что свѣдѣнія сообщенныя г. Безсоновымъ совершенно невѣрны: ректоръ Геймъ никогда не притѣснялъ Невзорова; въ спасеніи типографіи Невзоровъ никакого особеннаго участія не принималъ; увеличенію дохода съ Университетской типографіи Невзоровъ самъ не способствовалъ; 6.000 р. чиновникамъ и рабочимъ онъ не раздавалъ, а удовлетворены были эти лица временною комиссіей помимо Невзорова; напротивъ, послѣдній, за ложный и неприличный доносъ на комиссію, долженъ былъ подать въ отставку 11 февраля 1815 г.

Кромѣ того, въ настоящей книжкѣ встрѣтились неточности, которыя также требуютъ исправленія. На стр. 95 напечатано: „несмотря на отношеніе къ кресть-

янскому вопросу редактора „Земледѣльческой Газеты“, подъ вліяніемъ цензурныхъ условій статья значительно урѣзана“. На стр. 114: „при гр. Киселевѣ Заблоцкій былъ редакторомъ „Земледѣльческой Газеты“, издававшейся при министерствѣ государствен. имуществъ, и, насколько это возможно при тогдашнихъ цензурныхъ условіяхъ, въ ней помѣщалъ все, что было направлено къ улучшенію крестьянскаго сословія и къ доказательству несостоятельности крѣпостнаго права“. Все это совершенно невѣрно. Членъ ученаго комитета мин. гос. им., А. И. Заблоцкій-Десятовскій принялъ на себя редакцію „Земледѣльческой Газеты“ только съ 1853 года, и тогда она дѣйствительно совершенно перемѣнила характеръ и даже форматъ, хотя и тогда такимъ особеннымъ сочувствіемъ къ крестьянскому вопросу газета не отличалась. Но до 1853 г. „Земледѣльческая Газета“ была органомъ чисто помѣщичьихъ интересовъ и въ бумагахъ Ал. Иван. сохранились черновые наброски возраженій на статьи газеты, гдѣ крестьянскіе интересы затрогивались очень безцеремонно. Въ сочиненіяхъ Ю. Ѳ. Самарина напечатана критика на статью Великосельцева подъ заглавіемъ „Замѣтка о связи между улучшенною жизнью, нравственностью и богатствомъ въ крестьянскомъ быту“, гдѣ авторъ приписываетъ низкій уровень развитія пензенскаго крестьянина тому, что у него вмѣсто жены *чучело, баба*, и совѣтуетъ крестьянскимъ женщинамъ *принаряжаться и кокетничать* (I, 122—147). Хомяковъ также глумился надъ этою статьею.

Другая неточность указана мнѣ Дм. Ал. Хомяковымъ, за что, равно какъ за нѣкоторыя другія исправленія, я приношу ему искреннюю благодарность. На стр. 131 я, между прочимъ, выразился, что А. С. Хомяковъ, по натурѣ своей, былъ склоненъ къ мечтательности. Здѣсь надо оговориться и точнѣе выразить,

что я хотѣлъ сказать. Мечтательность въ тѣсномъ смыслѣ (*Schwärmerei*) есть способность интеллекта производить построения, не имѣющія никакихъ реальныхъ основъ; и потому это есть въ человѣкѣ недостатокъ, отзывающійся маниловщиной и дѣлающій человѣка не серьезнымъ. Конечно, такой склонности я не могъ приписывать А. С. Хомякову. Но человѣкъ имѣетъ способность посредствомъ ассоціаціи идей дополнять или измѣнять соотношеніе и размѣры отдѣльныхъ представленій, изъ которыхъ слагается общее построеніе и такимъ образомъ получаютъ новыя построения, въ дѣйствительности для самого наблюдателя не существовавшія. Эта способность, на которой основано искусство, обыкновенно называется *фантазією* или творческимъ воображеніемъ, въ обширномъ смыслѣ мечтательностью, въ противоположность разсудочному анализу, ограниченному единственно данными, изъ наблюденія почерпнутыми. Въ этомъ смыслѣ Хомяковъ обладалъ фантазією не столько въ его поэтическихъ произведеніяхъ, сколько въ научныхъ построеніяхъ, чему самымъ нагляднымъ примѣромъ служатъ его „Записки по всемірной исторіи“. Само собою разумѣется, что построенія путемъ фантазіи, только потому, что они математически не совпадаютъ съ фактомъ наблюденія, не получаютъ чрезъ это ложной окраски, а, напротивъ, часто дополняютъ наблюденіе. Такъ, напримѣръ, гениальный историкъ, который по незамѣтнымъ для другаго остаткамъ прежняго времени создаетъ характеръ цѣлой эпохи, или геологъ, который по обломку кости допотопнаго животнаго восстанавливаетъ цѣльный его образъ, основываютъ свои построенія на дѣятельности фантазіи или творческаго воображенія; но построенія ихъ могутъ совпадать съ дѣйствительностью, которая въ данномъ случаѣ оставалась имъ неизвѣстною.

Кромѣ того, я долженъ указать на одну очень важную опечатку: на стр. 134 напечатано, что воззрѣніе славянофиловъ получило характеръ *релиіознаго спиритуализма*, — слѣдуетъ читать: *православно-релиіознаго спиритуализма*.

Въ этомъ смыслѣ, изъ западныхъ системъ къ славянофильству всего ближе подходитъ католическій социализмъ Ламене; но философская сторона социальнаго ученія разработана славянофилами, съ своей точки зрѣнія, полнѣе, серьезнѣе и законченнѣе.

Н. Колюпановъ.

Москва.

Апрѣль 1892 г.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Первое заграничное путешествіе.—Служба въ московскомъ губернскомъ правленіи.—Женитьба и покупка имѣнія.—Откупа.—Заграничное путешествіе въ 1839 и 1840 годахъ.—Исправленіе должности сапожовскаго уѣднаго предводителя дворянства.—Умственное движеніе московскаго общества и участіе въ немъ Александра Ивановича.—Литературная дѣятельность кружка, къ которому принадлежалъ Александръ Ивановичъ.

Мы оставили Александра Ивановича Копелева въ Петербургѣ передъ отъѣздомъ за границу, куда направляли его испытанныя имъ сердечныя волненія и болѣзнь печени, какъ физическое ихъ послѣдствіе. Написавши письмо къ матери и распростившись съ друзьями, Ал. Ив. въ 4½ часа пополудни, на пароходѣ „Наслѣдникъ Александръ“, отправился изъ Петербурга. „Я покидалъ людей дорогихъ сердцу моему безъ сожалѣнія,—записалъ Ал. Ив. въ своемъ „Дневникѣ“.—Мысль: *я иду въ чужіе края*—заглушала всѣ прочія чувствованія. Первая ночь, которую мы провели на рейдѣ, была восхитительна. Видъ Кронштадта и залива, лѣсъ мачтъ, украшенныхъ флагами всѣхъ державъ, свѣжая петербургская ночь, совершенная тишина, изрѣдка только нарушаемая окриками сторожей,—все это составляло картину чудесную. Я всю ночь не смыкалъ глазъ и столько же наслаждался зрѣлищемъ, предо мной лежащимъ, сколько наслаждался мыслью, что наконецъ я увижу страны, куда такъ часто и съ такимъ пламеннымъ желаніемъ я переносился“. 9 іюня, послѣ благополучнаго плаванія и выдержанія карантина, путешественники сошли на землю въ Травемюнде. „Не могу,—говоритъ Ал. Ив. въ „Дневникѣ“,—выразить чувство, которое овладѣло мною, когда я ступилъ на землю Германіи: я готовъ былъ облобызать ее, еслибы разумъ не подоспѣлъ на помощь моей чувствительности. Все для меня было интересно: я смотрѣлъ и на дома, и на лица, и на одѣянія“. Впрочемъ въѣздъ въ Гер-

манію чрезъ Травемюнде, Любекъ и Гамбургъ всегда производилъ впечатлѣніе на Кошелева. „Сколько разъ я ни приставалъ въ этому красивому, довольствомъ дышущему Травемюнде,—записалъ Ал. Ив. въ „Дневникъ“ 3 іюля 1849 года,—всегда я встрѣчалъ знакомый городъ съ новымъ удовольствіемъ. Всѣ дома убраны какъ будто для праздника; чистота необыкновенная; румяныя и здоровыя лица жителей предрасполагаютъ въ пользу Германіи. Дорога отъ Травемюнде до Любека всегда восхитительна: это просто великолѣпный паркъ. Но сегодня воскресенье и половина Любека отправилась въ Травемюнде *Sontag recht lustig zu zubringen*. Дилижансы и частные экипажи встрѣчались на каждомъ шагу, и не знаешь чѣмъ больше любоваться: веселыми лицами нѣмцевъ и нѣмокъ, или столѣтними деревьями парка, красивыми домами, разбѣянными по дорогѣ, или тщательно обработанными, окопанными и искусно обсаженными полями, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пересѣкавшими паркъ. Въ концѣ парка картинно представляется Любекъ съ своими высокими, старинными башнями. Въ четвертый разъ въѣзжаю въ этотъ городъ, но его улицы, съ древними, пирамидально-завершенными домами, производятъ на меня самое сильное впечатлѣніе. Мало городовъ сохранили такъ цѣльно характеръ среднихъ вѣковъ, какъ Любекъ; и въѣздъ чрезъ Любекъ и Гамбургъ считаю я самымъ выгоднымъ для путешественника. Любекъ сообщаетъ живое возрѣніе на исторію старой Германіи, а Гамбургъ даетъ понятіе о новой“.

Изъ Гамбурга Ал. Ив. проѣхалъ прямо въ Берлинъ, гдѣ оставался только нѣсколько дней. „Хотя въ Берлинѣ мнѣ было вовсе не скучно,—напротивъ, мнѣ хотѣлось все осмотрѣть и послушать побольше лекцій въ университетѣ,—однако время бѣжало и мнѣ надо было спѣшить въ Карлсбадъ“. Впрочемъ Берлинъ произвелъ на Кошелева непріятное впечатлѣніе: онъ напомнилъ Петербургъ своими правильными и однообразными улицами. Тѣмъ не менѣе Кошелевъ посѣтилъ лекціи Шлейермахера, Ганса, Савиньи и нѣкоторыхъ другихъ ученыхъ знаменитостей („Записки“, стр. 33).

А. И. Кошелевъ отправился въ Карлсбадъ на Дрезденъ, гдѣ любовался и картинною галлереей, и музеями, и Брюлевскою террасой, „и не знаю, чтѣ не возбуждало,—говоритъ онъ,—моего восторга“. Передъ отъѣздомъ изъ Дрездена Кошелевъ обошелъ пѣшкомъ въ четверо сутокъ Саксонскую Швейцарію. При этомъ съ нимъ слу-

чилось такое происшествіе: „Рано утромъ отправился я пѣшкомъ и, по дорогѣ, захожу въ королевскій увеселительный замокъ Пильницъ. Вхожу въ садъ, иду на одно возвышеніе, откуда чудный видъ на окрестности, и тутъ, найдя одного старца, сидящаго на скамьѣ, почтительно ему кланяюсь. Вступаемъ въ разговоръ и я высказываю сожалѣніе, что не могъ получить дозволенія на осмотръ примѣчательной крѣпости Koenigstein, говорю, что обращался, по этому предмету, съ просьбою къ нашему посланнику, но что онъ мнѣ совѣтовалъ не настаивать на этомъ, потому что саксонское правительство не охотно даетъ такіа разрѣшенія. Старецъ нашель, что русскій посланникъ несправедливо отозвался насчетъ саксонскаго правительства, спросилъ мою карточку и предложилъ мнѣ выслать въ Koenigstein желаемое дозволеніе. Я съ благодарностью принялъ это предложеніе, раскланялся и ушелъ. Тутъ же въ саду я узналъ, что мой собесѣдникъ былъ самъ король саксонскій. Когда я пришелъ въ Кёнигштейнъ, то позволеніе для осмотра уже было получено и самъ комендантъ мнѣ все показывалъ. Это такая крѣпость, которую взять невозможно, ибо она стоитъ на неприступномъ со всѣхъ сторонъ утесѣ и ее можно принудить къ сдачѣ только голодомъ. Особенно замѣчательнъ колодезь, чрезвычайно глубокій и дающій отличную воду („Записки“, стр. 34—35).

Изъ Дрездена чрезъ Теплицъ Кошелевъ проѣхалъ въ Карлсбадъ, гдѣ пробылъ семь недѣль, и выѣхалъ оттуда 15 августа 1831 г. почти совершенно здоровымъ, намѣреваясь вернуться на слѣдующій годъ, для упроченія полученнаго исцѣленія. Карлсбадъ Кошелевъ оставилъ 15 августа и—на Франценсбадъ, Лейпцигъ, Люценъ, Наумбургъ—прибылъ въ Веймаръ наканунѣ празднованія 82-й годовщины дня рожденія Гёте—28 августа 1831 года. Ал. Ив. въ своемъ „Дневникѣ“ такъ описываетъ это торжество: „Гёте не хотѣлъ принимать личнаго участія и уѣхалъ въ Илменау, въ 6 миляхъ отъ Веймара, гдѣ онъ намѣренъ былъ сдѣлать какія-то географическіа розысканія. Съ ранняго утра весь городъ пришелъ въ волненіе: мужчины одѣлись въ самые новые фраки, дамы разрядились въ пухъ; около 11 часовъ я отправился въ бібліотеку, гдѣ уже собралось самое избранное веймарское общество (роздано было 200 билетовъ). Въ 11 часовъ загремѣла музыка и кантата, сочиненная другомъ Гёте, канцлеромъ Мюллеромъ, исполненная

чувства и высокихъ мыслей: исполнителями были всѣ лучшіе здѣшніе артисты. Артисты помѣщались на хорахъ въ третьемъ этажѣ, такъ что слышенъ былъ звукъ будто сходящій съ неба, что еще болѣе придавало эффекта. Затѣмъ оберъ-библіотекаръ Римеръ произнесъ рѣчь, гдѣ, между прочимъ, развивалъ мысль о братствѣ народовъ, во имя науки и искусства, приведя въ примѣръ, что артистъ иного народа—французъ Давидъ—безвозмездно, по собственному желанію, покинулъ Парижъ, провелъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Веймарѣ единственно для того, чтобы передать потомству ликъ величайшаго генія, и нѣсколько лѣтъ трудился надъ исполненіемъ этого намѣренія. Потомъ заиграла музыка и завѣса, скрывавшая бюстъ Гёте, спала, къ общему удовольствію. Не могу еще судить о сходствѣ, но работа чудесная,—видно, что Давидъ работалъ не изъ-за денегъ, но по внушенію высшему. Жаль, что зала слишкомъ мала для такого колоссальнаго бюста, оттого онъ стоялъ слишкомъ низко и свѣтъ падалъ не сверху, а съ одной стороны“. Впослѣдствіи, познакомившись съ Гёте, Ал. Ив. нашелъ, что бюстъ Давида чрезвычайно хорошъ, но не похожъ: „Давидъ придалъ лицу Гёте слишкомъ много округлости и не выразилъ всей той живости, которою одушевленъ Гёте. Бюстъ Рауха гораздо ближе къ оригиналу, но всего болѣе сходства въ гравюрѣ по портрету Стилера. Въ два часа,—продолжаетъ Ал. Ив.,—мы опять собрались на обѣдъ по подпискѣ. За столомъ пили за здоровье герцога и вел. кн. Маріи Павловны, за здоровье Гёте, за здоровье дамъ; послѣдній тостъ былъ за доброе согласіе народовъ (Voelkereintracht). При каждомъ тостѣ была произносима рѣчь, пѣлись или читались стихи. Мюллеръ, предложившій тостъ за здоровье Гёте, произнесъ весьма трогательную рѣчь; всѣ внимали ему сперва съ почтеніемъ, а потомъ съ видимымъ сочувствіемъ. Послѣ рѣчи Мюллеръ прочелъ письмо, полученное Гёте отъ 18 англійскихъ, шотландскихъ и ирландскихъ поэтовъ, которые соединились подъ предсѣдательствомъ Вальтеръ-Скотта и прислали Гёте перстень. Оканчивая рѣчь, Мюллеръ предложилъ выпить тостъ за здоровье Гёте изъ кубка, присланнаго вольнымъ городомъ Франкфуртомъ въ даръ своему знаменитому сыну. Обѣдъ продолжался до 8 часовъ, а вечеромъ былъ придворный балъ въ Бельведерѣ“. Ал. Ив. былъ весьма милостиво принятъ въ Веймарѣ великою княгиней Маріей Павловною и ея супругомъ. Обозрѣвши музей и другія учрежденія въ городѣ и

пробывъ тамъ до 10 сентября, онъ отправился отсюда въ Эрфуртъ. Изъ Эрфурта 12 сентября Кошелевъ отправился въ Эйзенахъ, а затѣмъ, черезъ Фульдъ, Заль-Мюнстеръ, Гебтгаузенъ и Ганау, во Франкфуртъ на Майнѣ.

Изъ Франкфурта Кошелевъ отправился на пароходѣ до Бибриха, а отсюда пѣшкомъ, съ сумкою на плечахъ, то по одной, то по другой сторонѣ Рейна. „Это путешествіе,—говоритъ Ал. Ив.,—отъ Майнца до Кобленца, продолжавшееся семь дней, оставило мнѣ на всю жизнь самыя пріятныя воспоминанія“ („Зап.“, 38). Съ береговъ Рейна, чрезъ Страсбургъ, Кошелевъ отправился въ Швейцарію, любовался паденіемъ Рейна при Шафгаузенѣ, исходилъ пѣшкомъ Оберландъ и въ дилижансѣ доѣхалъ до Лозаны, гдѣ, послѣ нѣсколькихъ-дневнаго пребыванія, сѣлъ на пароходъ и пріѣхалъ на зимовье въ Женеву.

Ал. Ив. очень симпатично относился къ нѣмцамъ. Вскорѣ послѣ пріѣзда Ал. Ив. записалъ: всѣ нѣмцы, на всякой степени ума и образованія, чувствуютъ жажду познанія; ѣдетъ нѣмецъ по дѣлу, онъ вѣрно не пропуститъ ни одного любопытнаго мѣста и осмотритъ все въ немъ замѣчательное („Дневн.“ 13 августа). Посмотрите на семейную жизнь нѣмцевъ: конечно, нѣтъ нигдѣ ни лучшихъ отцовъ и матерей, ни болѣе нѣжныхъ дѣтей. Нѣмецъ почти всегда и вездѣ съ своимъ семействомъ. Чѣмъ болѣе всматриваешься въ семейныя связи въ Германіи, тѣмъ болѣе убѣждаешься въ семейныхъ добродѣтеляхъ нѣмцевъ. Надо также отдать честь справедливости и добротѣ нѣмцевъ: едва ли кто-нибудь можетъ съ ними сравниться въ этомъ отношеніи. Не должно, впрочемъ, пруссаковъ смѣшивать съ саксонцами, а послѣднихъ съ баварцами. Если вообще нѣмцы флегматичны, то это качество всего свойственнѣе пруссакамъ, саксонцы же вообще живы. Южные нѣмцы отличаются несравненно болѣе воображеніемъ (18 августа). Сказавши о страсти нѣмцевъ къ музыкѣ, Ал. Ив. прибавляетъ: я понимаю, что нѣмцы съ своимъ семействомъ могутъ пріятно проводить время въ маленькомъ городѣ, но иностранцу жизнь тамъ нестерпима. Общественной жизни нѣтъ почти никакой: клубъ и кофейня здѣсь имѣютъ какой-то семейный характеръ. ³/₁₃ іюля 1849 года Кошелевъ записалъ въ своемъ „Дневникѣ“: „Замѣчательно, какъ нѣмцы всѣхъ классовъ умѣютъ веселиться; всеобщее довольство; удовлетворяются немногимъ, ничего не бра-

нять". Тѣмъ не менѣе Ал. Ив. не разъ упрекаетъ нѣмцевъ въ страсти къ отвлеченности и въ непрактичности.

Уже въ то время объ отношеніяхъ нѣмцевъ къ французамъ Ал. Ив. записалъ (13 августа 1831 г.) въ своемъ „Дневникѣ“: „Сегодня былъ я въ кофейномъ домѣ и слушалъ, какъ нѣмцы разсуждаютъ о вступленіи французовъ въ Бельгію. Не только военные, но и прочіе пруссаки и другіе нѣмцы, вспоминая какъ французы разорали ихъ въ прежніе годы, питаютъ въ нимъ жестокую ненависть: имъ хотѣлось бы, чтобы Францію стерли съ лица земли“. Тамъ же Кошелевъ сообщилъ слѣдующую интересную замѣтку: „Одинъ очень умный венгерецъ, Б. Паскій (?), говорилъ мнѣ: не думайте, чтобы мы васъ, русскихъ, не любили и чтобы мы преданы были полякамъ. Мы подали адресъ императору (сочувственный, по поводу польскаго возстанія) потому, что желаемъ, чтобы подлѣ насъ возникло свободное государство, на которое, въ случаѣ нужды, можно бы было опереться. Впрочемъ Австрія не должна удивляться, если даже этотъ шагъ сдѣланъ былъ изъ ненависти къ Россіи: въ продолженіе 15 лѣтъ она употребляла всѣ средства, чтобы родить ненависть къ русскимъ: и всендзы, и чиновники—всѣ должны были помогать правительству въ достиженіи этой цѣли“.

Ал. Ив. не тратилъ дорогаго времени и въ каждомъ городѣ осматривалъ и описывалъ въ своемъ „Дневникѣ“ все замѣчательное: церкви, ратуши, музеи, картинныя галлерей, библиотеки, театры, памятники, поля сраженія и т. д.; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ по возможности старался свести знакомство съ мѣстными знаменитостями. Изъ „Дневника“ видно, что Кошелева въ особенности поразила Даннекерова „Ариадна“ во Франкфуртѣ на Майнѣ, въ Бетмановомъ музеѣ: „Я болѣе часа стоялъ передъ нею какъ вкопанный, не могъ глазъ съ нея свести. Что за жизнь въ тѣлѣ! Что за шёллеух, что за нѣжность во всѣхъ чертахъ и движеніяхъ! Я не понялъ хорошо лицо Ариадны; но положеніе ея такъ натурально, такъ граціозно, что думаешь видѣть передъ собою произведеніе изъ лучшей эпохи античнаго искусства“.

Въ Лейпцигѣ Ал. Ив. познакомился съ профессоромъ исторіи Гассе, который, между прочимъ, принималъ дѣятельное участіе въ изданіи энциклопедическаго словаря Брокгаузомъ-отцомъ,—съ знаменитымъ филологомъ Германомъ, однимъ изъ самыхъ видныхъ

представителей гуманизма въ Германіи, и со вторымъ сыномъ Брокгауза, Германомъ, съ которымъ Ал. Ив. въ особенности сошелся и нашель въ немъ „молодаго человѣка пламенно любящаго науку и готоваго для нея на всѣ пожертвованія“.

Въ Веймарѣ Кошелевъ познакомился съ другомъ Гёте, канцлеромъ Мюллеромъ, — съ другимъ другомъ дѣтства Гёте, швейцарцемъ Мейеромъ, „особенно милымъ и общительнымъ человѣкомъ, отличавшимся своею простотою и откровенностью“, — съ оберъ-консistoriаль-ратомъ Швабе, извѣстнымъ въ свое время педагогомъ, познакомившимъ Ал. Ив. съ устройствомъ школъ.

Знакомство свое съ Гёте Ал. Ив. въ „Дневникѣ“ рассказываетъ слѣдующимъ образомъ: „4 сентября 1831 г., въ 12 час., былъ я у Гёте. Съ благоговѣніемъ вошелъ я въ домъ его. Лѣстница, ведущая въ его жилище, вся уставлена статуями; въ первой комнатѣ много цвѣтовъ и между цвѣтами столъ съ книгами и нѣкоторыми предметами изъ царства ископаемаго, во второй — нѣсколько картинъ и рисунковъ, статуи и огромныя полки съ гравюрами. Я не успѣлъ рассмотреть комнату, какъ вошелъ Гёте. Не могу выразить, что я чувствовалъ, увидѣвши этого величайшаго генія нашего вѣка; одѣтъ онъ былъ въ свѣтло-гороховомъ сюртукѣ и галстухъ повязанъ небрежно и весьма слабо, именно какъ Гёте нарисованъ Стилеромъ. Хотя Гёте 84-й годъ, но онъ весьма свѣжъ и живъ, такъ что на-лицо ему можно дать отъ 65—70 лѣтъ; лицо его весьма значительно, особенно верхняя часть. Держался Гёте весьма прямо, глаза его были исполнены огня и жизни. Гёте говоритъ очень скоро. Мы разговаривали о нѣмецкой и русской литературѣ; Гёте очень любитъ нашего Жуковскаго, съ удовольствіемъ говоритъ о часахъ, которые съ нимъ провелъ; съ восторгомъ вспоминаетъ о времени, когда онъ жилъ въ дружбѣ съ Шиллеромъ и Гердеромъ, и вообще много ожидаетъ отъ русскихъ. Посидѣвъ у него около часа, я откланялся. Мнѣ сказывали, что Гёте до сихъ поръ цѣлый день работаетъ, что у него много написано, что онъ кончилъ вторую часть Фауста, но никому ее еще не читалъ. Великая княгиня Марія Павловна его весьма часто посѣщаетъ, раза два или три въ недѣлю. Нельзя вообразить, какъ онъ здѣсь всѣми боготворимъ: на немъ не сбылась пословица: *on n'est jamais prophète dans son pays*“.

Первое впечатлѣніе русскаго туриста по Европѣ, не задавш-

гося какою-либо научною или другою спеціальною цѣлью, всегда по преимуществу внѣшнее: глазъ поражается новизною и блескомъ всего окружающаго, такъ что внутренній смыслъ европейской жизни не дается сразу. Путешестіе Ал. Ив. совершалось очень быстро и надолго онъ остановился только въ Женевѣ. Ал. Ив. торопился познакомиться и съ мѣстностями, и съ памятниками искусствъ, и съ замѣчательными людьми, но это знакомство невольно, по краткости срока, было быстрое и поверхностное. Интересно, какъ съ этого перваго путешествія опредѣлился характеръ Ал. Ив. Политическіе и общественные интересы чужой страны мало занимали Кошелева; онъ всюду и вездѣ видѣлъ впереди практическую дѣятельность на своей родинѣ. Оттого, гдѣ только возможно, Кошелевъ старался ближе ознакомиться съ тѣми учреждениями, которыя должны существовать въ каждомъ государствѣ. Встрѣтился Кошелевъ въ Карлсбадѣ съ очень умнымъ и ученымъ прусскимъ офицеромъ, графъ Брюлемъ, и тотчасъ же сталъ его подробно спрашивать объ устройствѣ прусской арміи. Кошелевъ довольно подробно описываетъ военную реформу Шарнгорста, послужившую прототипомъ современнаго военнаго устройства въ Европѣ, съ общою воинскою повинностью и призывомъ запаса и ополченія. Кошелевъ всего дольше провелъ въ Веймарѣ и тамъ занялся подробнымъ изученіемъ школьнаго дѣла. Свѣдѣнія, сообщаемыя Кошелевымъ, устарѣли и съ тѣхъ поръ много перемѣнилось; но они интересны и въ настоящее время, какъ свидѣтельство очевидца, насколько развито было школьное дѣло въ Германіи еще въ началѣ тридцатыхъ годовъ. Въ Веймарѣ тогда уже существовало обязательное обученіе: всѣ дѣти отъ 6 до 14 лѣтъ обязаны ходить въ школу; конфирмуются они не ранѣе 14 лѣтъ, выслушавши конфирмаціонное ученіе. Весьма строгіе и точные законы предписываютъ дѣтей 6 лѣтъ посылать въ школу, и за непосѣщеніе школы отвѣчаютъ родители и воспитатели. При каждой школѣ есть *Schulpfleger*, который обязанъ надзирать, чтобы дѣти ходили въ школу; вообще онъ имѣетъ попеченіе о школѣ внѣ школы и вѣдаетъ всѣ внѣшнія дѣла до нея относящіяся. Нижшія школы суть сельскія: почти въ каждой деревнѣ есть такая школа, гдѣ же деревни слишкомъ малы, тамъ у двухъ непремѣнно. Учителя получаютъ жалованья не менѣе 100 талеровъ, вромѣ дома, отопленія и сада. Предметы преподаванія: чтеніе,

письмо, законъ Божій, ариметика, основанія географіи и исторіи. Дѣти учатся ежедневно 5 часовъ. Вторую ступень составляютъ мѣщанскія или городскія школы (Bürgerschule). Ал. Ив. осматривалъ такую школу и записалъ: Домъ прелестный, порядокъ, тишина и чистота удивительныя. Въ школѣ получаютъ образованіе 900—1.000 дѣтей обоого пола. Домъ раздѣленъ на двѣ части—мужскую и женскую. Классовъ 4, учителей 8 и помощниковъ 5 изъ учительской гимназіи. Я обошелъ всѣ классы и вездѣ былъ удивленъ какъ тишиной и прилежаніемъ учениковъ, такъ и приобретенными ими свѣдѣніями. Правда, курсъ продолжается 8 лѣтъ, большею частью по 5 часовъ въ день, но за то и достигаемые результаты удивительны. Вообще всѣ нѣмецкія школы очень учены. Мнѣ кажется, весьма можно было бы сократить года ученія, т.-е. не начинать такъ рано, менѣе часовъ держать въ школѣ, не налегать такъ на частности, избрѣсти лучшіе методы для обученія и т. д. Учебники издаются правительствомъ, хотя строго ихъ не придерживаются; за то, во избѣжаніе расходовъ, очень строго наблюдаютъ за цѣлостью книгъ, выданныхъ ученикамъ, и замѣняютъ новыми только въ случаѣ дѣйствительной необходимости. Книга для чтенія (Lesebuch), изданная Швабе въ Веймарѣ, введена въ Пруссіи и другихъ нѣмецкихъ государствахъ, такъ что ея расходится ежегодно до 50.000 экземпляровъ. Дисциплинарныя мѣры: замѣчаніе учителя, перемѣщеніе на другое низшее мѣсто, выговоръ отъ учителя, выговоръ отъ суперъинтендента, отъ консисторіи, изгнаніе изъ школы и, наконецъ, тѣлесное наказаніе, по приговору консисторіи; послѣднее существуетъ почти только въ возможности, ибо въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ только одинъ разъ оно было применено. Въ низшихъ школахъ не возбраняется слегка наказывать дѣтей за волосы или по ладонямъ. Низшія школы содержатся большею частью изъ училищнаго фондуша, составившагося изъ имѣній уничтоженныхъ монастырей, затѣмъ изъ стипендій, учреждаемыхъ нѣкоторыми лицами, изъ церковной казны, и если всего этого недостаточно, то изъ сбора съ родителей, начиная съ 12 грошей и до полуталера съ ученика. Schulgeld собираетъ обыкновенно одинъ изъ крестьянъ или мѣщанъ, получая за то два гроша съ талера; но иные учителя предпочитаютъ собирать сами, чтобы не платить за труды. Въ Баденѣ предложили собирать школьныя деньги не съ каждой деревни и не за cadaго ребенка, а съ цѣ-

лаго округа—по числу душъ, такъ какъ часто бѣдные родители имѣютъ много дѣтей. Для вспомошествованія школамъ, которыя не могли бы содержаться деревнею, для пособія учителямъ, пострадавшимъ отъ пожара и др. несчастій, существуетъ особый фондъ (Schulfond). Городская школа содержится на счетъ городской суммы и платы съ учениковъ: ученикъ 4 класса платитъ 1 талеръ 8 грошей, ученикъ 1 класса—4 талера.

За городскими школами слѣдуетъ *гимназія*. О посѣщеніи ея Кошелевъ говоритъ: Былъ въ здѣшней гимназіи и нашелъ, что она имѣетъ всѣ недостатки нѣмецкихъ высшихъ школъ, что она желаетъ образовывать ученыхъ, а не людей. Проф. Кунцъ читалъ тригонометрію; видно, что онъ хорошо знаетъ предметъ, объясняется ясно и точно, но преподаетъ механически.—Для образованія учителей учреждена семинарія. Ал. Ив. посѣтилъ ее и описываетъ слѣдующимъ образомъ: Семинарія находится въ томъ же домѣ, гдѣ и *Bürgerschule* и въ связи съ этимъ заведеніемъ, но она есть учрежденіе государственное. Принимаютъ ежегодно 15—20 изъ числа желающихъ поступить въ учителя; каждый платитъ 4 талера. Преподаваніе точно такое же, какъ и въ *Bürgerschule*, съ тѣмъ различіемъ, что здѣсь всѣ предметы преподаются гораздо обстоятельнѣе и обращается безпрестанно вниманіе на то, какъ слушаемый урокъ должно передавать дѣтямъ; кромѣ того преподаются латинскій языкъ и педагогика. Курсъ продолжается пять лѣтъ: 2 года въ третьемъ классѣ, 2 года во 2-мъ и 1 годъ въ 1-мъ. Ученики перваго класса поступаютъ помощниками въ *Bürgerschule*, присутствуютъ при урокахъ и пр. Кромѣ того существуетъ *Central Bauzuchtsschule*, гдѣ семинаристы учатся садоводству, по 2 часа въ недѣлю. Такъ какъ торговля черносливомъ, абрикосами и грушами составляетъ главную статью отпуска, и такъ какъ огородничество вообще очень значительно въ герцогствѣ, то правительство сочло нужнымъ при сельскихъ школахъ открыть школы садоводства подъ руководствомъ тѣхъ же учителей. Ручная книга по садоводству издана Бертухомъ, по Науману. Во главѣ низшей школы стоитъ учитель, надъ 5—6 школами—пасторъ, надъ діоцезомъ—суперъинтендентъ и надъ послѣднимъ—генераль-суперъинтендентъ. Школьная часть (т.-е. сельскія и городскія школы, семинарія, лицей и частныя заведенія) находится въ вѣдомствѣ консисторіи, составленной изъ свѣтскаго президента и четырехъ духов-

ныхъ консисторскихъ совѣтниковъ. Генераль-суперъинтендентъ имѣеть обязанность каждый годъ объѣзжать и осматривать по крайней мѣрѣ два округа. Президентъ консисторіи имѣеть обыкновенно одинъ голосъ; но если мнѣніе раздѣлится, то онъ имѣеть право требовать *Sigialstimme*, и тогда свѣтская сторона (голосъ президента) равна духовной, состоящей изъ 4 совѣтниковъ. Дѣло идетъ тогда на рѣшеніе министра (г. Гернсдорфъ), завѣдующаго дѣлами иностранными, внутренними, духовными и народнаго просвѣщенія. Учителя народныхъ школъ назначаются и отрѣшаются консисторіей. Испытанія для принятія въ учительскую семинарію производятся конференціею семинаріи, а въ званіе учителя экзаменуетъ генераль-суперъинтендентъ отъ имени консисторіи. Учителя лишаются своего званія не иначе, какъ по троекратномъ увѣщаніи (*admonition*). Учителя собираются раза два въ годъ на конференцію и сообщаютъ другъ другу все замѣчательное, случившееся въ ихъ школьной профессіи. Въ Веймарѣ есть нѣсколько частныхъ заведеній для воспитанія, но они отерываються не иначе, какъ съ разрѣшенія консисторіи. Учредитель пансіона и тѣ изъ учителей, которые не были прежде на испытаніи въ консисторіи, обязаны держать экзамень. Кромѣ того учредитель обязанъ представить подробную программу преподаванія въ пансіонѣ, приче́мъ консисторія разсматриваетъ, нѣтъ ли въ ней чего-либо несогласнаго съ общимъ *Lectiionsplan* для училищъ. Впослѣдствіи консисторія имѣеть надзоръ надъ училищемъ и всегда присутствуетъ чрезъ одного изъ своихъ членовъ (обыкновенно ген.-суперъинтендента) на экзаменахъ. Въ Веймарскомъ герцогствѣ вообще число учениковъ относится къ числу населенія какъ 1:7; учителей считается до 700 человекъ.

Народное воспитаніе стѣбитъ въ Баваріи 735.000 гульденовъ, т.-е. $\frac{1}{8}$ часть годоваго дохода. На населеніе въ 3.960.000 жителей 5.400 народныхъ школъ, 130 городскихъ, гимназій и др., съ 500.000 учениковъ, что составляетъ $\frac{1}{8}$ часть населенія.

Швабе показывалъ Кошелеву маленькое учебное заведеніе для дѣтей, оставленныхъ безъ призрѣнія (*Verwahrlozene Kinder*). Швабе думаетъ, что такія заведенія должны быть многочисленны, такъ какъ дѣти, у которыхъ родители умерли, или тѣ, которыя вообще оставлены были безъ всякаго призрѣнія, должны подвергаться болѣе серьезному и строгому надзору, ибо по большей части имѣли

время испортиться. Что особенно отличает это заведение, это — господствующий въ немъ чисто-домашній характеръ воспитанія. Нѣмцы, — говоритъ Ал. Ив., — несравненны для педагогiи, они рождены для семьи, дѣтей любятъ и со страстью предаются воспитанію. Швабе говоритъ о педагогикѣ съ восторгомъ, искренне преданъ дорогому дѣлу и всѣми силами торопится подвинуть его впередъ. Заведеніе для призрѣнія сиротъ (Waisenanstalt) основано было въ 1713 году, имѣло свой домъ и тамъ воспитывало сиротъ; но правительство, убѣдившись въ дурныхъ послѣдствіяхъ такой системы, въ 1784 году преобразовало это учрежденіе такимъ образомъ, что дѣти воспитываются въ частныхъ домахъ, съ выдачею извѣстныхъ суммъ на содержаніе. Учрежденіе находится въ самомъ цвѣтущемъ состояніи, слишкомъ 500 сиротъ призрѣваются въ немъ и всѣ весьма довольны послѣднимъ устройствомъ.

Алекс. Иван. съ самой ранней молодости мечталъ о журнальной дѣятельности, и будущій редакторъ сказался въ немъ во время перваго его путешествія. Въ письмахъ къ матери изъ Женевы Кошелевъ прямо заявляетъ желаніе посвятить себя въ Россіи журнальной дѣятельности. Въ Лейпцигѣ Кошелевъ почти все свое время посвятилъ изученію нѣмецкой журналистики. Въ этомъ случаѣ Ал. Ив. нашель хорошаго руководителя въ проф. Гассе, который былъ съ 1830 г. издателемъ „Лейпцигской Газеты“ (Leipziger Zeitung). Бѣглыя замѣтки Ал. Ив. о нѣмецкой журналистикѣ потеряли въ настоящее время всякое значеніе.

Но, несмотря на все это разнообразіе впечатлѣній и усердное занятіе разными вопросами, Алекс. Иван. не сжился съ иностранною жизнью. Въ письмѣ отъ 1-го октября 1831 года изъ Карлсруге, о которомъ я уже говорилъ прежде („Биогр. Кош.“ II, 213—214), Ал. Ив. такъ описываетъ свое настроеніе: „Грѣшно тебѣ, Одоевскій, что ты меня вовсе позабылъ! Еслибы ты зналъ, какъ грустно на чужбинѣ, когда никто не подаетъ о себѣ вѣсточки, то вѣрно бы ты ко мнѣ написалъ не одно, а нѣсколько писемъ. Я увѣренъ въ твоей дружбѣ; но когда цѣлый день окруженъ людьми чужими, когда никто, въ продолженіе трехъ-четырехъ мѣсяцевъ, не сказалъ тебѣ слова, дружбою согрѣтаго, тогда начинаешь если не сомнѣваться въ семь чувствѣ вообще, то по крайней мѣрѣ рождается непреоборимое желаніе услышать отъ друга слово отъ души къ душѣ. Не завидуй мнѣ, что я въ чужихъ

краяхъ. Конечно, я многое видѣлъ, узналъ, испыталъ; конечно, со временемъ я буду весьма радъ, что судьба дозволила мнѣ побывать внѣ отечества; но теперь часто, весьма часто я хочу возвратиться въ Россію, долженъ бороться съ собою, и если остался на чужбинѣ, то этимъ я обязанъ торжеству разсудка надъ моими чувствами. Мы съ тобою устарѣли для празднаго путешествія. И пріятно, и назидательно нынѣ видѣть то, завтра другое,—нынѣ познакомиться съ однимъ, а завтра съ другимъ человѣкомъ; но скоро чувствуешь въ глубинѣ души пресыщеніе и пустоту. Прелестнѣйшія произведенія природы и искусствъ, замѣчательнѣйшія учрежденія человѣколюбія, любознанія и промышленности, знаменитѣйшіе люди въ мірѣ наконецъ—тебя уже не интересуютъ; а почему?—ты все это видишь, ты всему удивляешься, но все ты остаешься въ страдательномъ положеніи. Путешествовать должно, когда окончилось школьное воспитаніе; но человѣкъ, который началъ жить, дѣйствовать какъ человѣкъ и гражданинъ, тому трудно повинууть однажды начатое дѣло и сѣсть на скамью школьника. Есть, конечно, люди, которые вѣкъ проводятъ въ путешествіяхъ, но я ихъ не завидую и не имѣю о нихъ весьма хорошаго мнѣнія. Ты едва повѣришь моимъ словамъ; я самъ прежде думалъ иначе, но теперь четырехмѣсячная опытность доказала мнѣ, что я былъ въ заблужденіи. Я видѣлъ Саксонскую Швейцарію, Богемію, несравненный Рейнъ, и узналъ много, весьма много интереснаго, приобрѣлъ (смѣло могу сказать) бездну опытности, познакомился со многими знаменитыми людьми; однимъ словомъ, мое путешествіе не могло быть ни пріятнѣе, ни назидательнѣе, но, несмотря на то, протекшіе четыре (нѣтъ, три съ половиною) мѣсяца кажутся мнѣ едва ли не нѣсколькими годами“.

Зиму 1831 года Алекс. Иван. пробылъ въ Женевѣ и воспользовался этимъ для продолженія своего образованія. Женева, еще со временъ реформаціи, была убѣжищемъ и средоточіемъ для французскихъ протестантовъ и уже во времена Кальвина заслужила названіе „протестантскаго Рима“. Въ эту эпоху Женева представляла одинъ изъ самыхъ оживленныхъ и серьезныхъ умственныхъ центровъ въ Европѣ. Въ Женевѣ тогда процвѣтали такіа научныя силы, какъ извѣстный ботаникъ Декандоль, физикъ Деларивъ, историкъ и политико-экономъ Сисмонди, братья Пигте, изъ которыхъ одинъ приобрѣлъ извѣстность зоолога, а другой въ обла-

сти сравнительнаго языкознанія; философъ моралистъ Бонштеттенъ (ум. въ 1832 г.), который имѣлъ нѣкоторое вліяніе на нашу литературу и преимущественно на Карамзина, въ двадцатыхъ годахъ, когда въ нашихъ журналахъ были въ ходу разсужденія о нравственности. Въ Женевѣ жили также въ это время: Етьенъ Дюмонъ, сотрудникъ Мирабо и комментаторъ Бентама; извѣстный юристъ Белло; авторъ изданнаго подъ именемъ Наполеона „Manuscrit de St.-Hélène“, профессоръ философіи, извѣстный преимущественно переводами политико-экономическихъ сочиненій Прево; остроумный моралистъ Симонъ. Въ Женевѣ проживалъ также ученый, оказавшій особое вліяніе на Ал. Ив.,—Росси (1787—1848). Росси былъ родомъ изъ Каррары и очень молодымъ вступилъ на общественное политическое поприще въ Болоньи; но приверженность къ Франціи заставила его удалиться въ Швейцарію, и съ весны 1816 г. Росси поселился въ Женевѣ, гдѣ съ 1819 года онъ началъ свои публичныя лекціи по римскому праву. Росси въ началѣ двадцатыхъ годовъ избранъ былъ депутатомъ въ представительный совѣтъ кантона и занялъ весьма видное положеніе въ Женевѣ. Во время революціи 1830 г. началось броженіе и въ Швейцаріи, и въ 1832 г. Росси, въ качествѣ представителя Женевы въ учредительномъ собраніи, составилъ проектъ новаго союзнаго договора, носящій его имя, въ умѣренно-либеральномъ духѣ, но съ нѣкоторымъ усиленіемъ центральной власти. Учредительное собраніе приняло проектъ Росси единогласно, но кантоны соединившіеся въ Сарлемъ (Sonderbund) и сельскія общины въ Люцернѣ, вмѣстѣ съ частью крайней партіи, отказались и только побѣжденные въ 1848 г. должны были принять новую конституцію въ болѣе радикальномъ духѣ, но еще съ бѣльшимъ развитіемъ центральной власти. Въ 1833 году Росси перешелъ на кафедру политической экономіи во Францію и въ концѣ тридцатыхъ годовъ сдѣлался членомъ палаты перовъ. Въ 1845 году Росси назначенъ былъ министромъ Гизо чрезвычайнымъ посломъ въ Римъ, много способствовалъ избранію кардинала Маттеи подъ именемъ Пія IX и помогалъ ему въ начертаніи либеральныхъ реформъ, которыхъ, впрочемъ, папа не исполнилъ. Въ февральскую революцію 1848 года Росси потерялъ званіе посла и право на почетную профессуру во французской Ecole du droit; но Росси приглашенъ былъ папою къ участию въ преобразованіи внутренняго управленія въ Папской области. 15 ноября 1848 года, когда Росси

шелъ въ палату для изложенія своихъ проектовъ, онъ былъ убитъ однимъ изъ сторонниковъ крайней партіи. По своимъ политическимъ убѣжденіямъ Росси былъ типъ умѣреннаго либерала, признающаго лишь медленное поступательное движеніе въ расширеніи политическихъ правъ, путемъ своевременныхъ и широкихъ уступокъ, но помимо всякихъ потрясеній и принесенія въ жертву цѣлыхъ общественныхъ группъ; какъ ученый, Росси не былъ самостоятельнымъ, но имѣлъ даръ яснаго и основательнаго изложенія теорій, въ его время господствовавшихъ въ наукѣ.—Такова была Женева въ то время, когда пріѣхалъ туда Александръ Ивановичъ.

Въ зиму 183¹/₂ года пребываніе въ Парижѣ русскимъ было запрещено и въ Женевѣ собралось огромное русское общество. Кромѣ разныхъ аристократическихъ фамилій (Нарышкиныхъ, Голицыныхъ и проч.), Кошелевъ встрѣтилъ здѣсь Шевырева съ воспитанникомъ его кн. Ал. Волконскимъ и Соболевскаго. Въ письмѣ къ князю Одоевскому изъ Женевы, отъ 8 (20) ноября, Кошелевъ, извѣщая о встрѣчѣ своей съ Соболевскимъ, прибавилъ: „Его я отъ души полюбилъ. Онъ, право, добрый малый, имѣетъ сердце хорошее и даже можетъ быть славнымъ семьяниномъ. Ты бы его не узналъ,—такъ путешествія его измѣнили. Вообрази, онъ сдѣлался сантиментальнымъ. Чудо да и только“. Но особенно часто Кошелевъ видался съ Шевыревымъ, съ которымъ онъ условился приступить къ серьезнымъ занятіямъ. Какъ отголосокъ этого дѣловаго настроенія, въ бумагахъ Ал. Иван. сохранился, въ видѣ письма къ Шевыреву, проектъ „Общества трудолюбія“ (время, въ которое написанъ этотъ проектъ, не обозначено):

„Ты не забудь, надѣюсь, любезный другъ Шевыревъ, что мы основали въ Женевѣ общество, коего главною цѣлью должно было быть: противодействовать свойственной намъ, русскимъ, лѣности. Кочующая жизнь, которую мы доселѣ вели, не позволила намъ ни положить постоянныя и точныя правила для поощренія нашей дѣятельности, ни строго наблюдать за исполненіемъ тѣхъ немногихъ постановленій, посредствомъ которыхъ мы признали нужнымъ еще въ Женевѣ сократить худое дѣйствіе нашей лѣни. Теперь мы оба возвратились на родину, оба намѣрены здѣсь поселиться и заниматься *отъльно*. Къ тому же мы въ Москвѣ имѣемъ друзей, которые также желаютъ быть, по мѣрѣ силъ своихъ, полезными своей отчизнѣ, но которые также страдаютъ терзающею насъ бо-

лѣзныю. Если мы не примемъ рѣшительныхъ мѣръ противъ *dolce far niente*, то въ удовольствіи быть другъ съ другомъ мы найдемъ сильное поощреніе въ празднолюбію, а потому болѣе нежели когда-нибудь необходимо привести въ исполненіе мысль объ *общество трудолюбія*, которому мы бросили основаніе въ Женевѣ. Позволь мнѣ изложить мои мысли какъ о цѣли, такъ и о правилахъ, которыя должны будутъ служить ему руководствомъ. Надѣюсь, что ты сообщишь свои по сему предмету мысли, и тогда мы попытаемъ начертить проектъ устава.

„Цѣль нашего общества—поощрять въ трудолюбію. Члены онаго должны постоянно, прилежно и дѣльно трудиться. И ученый, и человѣкъ должностной, и промышленникъ, и артистъ имѣютъ право быть въ оное приняты, но обязаны удовлетворить вышеозначенному условію, т.-е. постоянно, прилежно и дѣльно трудиться. Человѣкъ издавшій книгу даже весьма полезную, артистъ прославившійся произведеніемъ гениальнымъ и пр.—не могутъ быть членами нашего общества, если они не представляютъ доказательствъ, что они подчинили свою дѣятельность ходу постоянному. Должно имѣть постоянно въ виду, что предметомъ нашего общества—труды постоянные, прилежные и полезные, а потому не столько вещи произведенныя, сколько дѣйствія производства самаго подлежать вѣдомству нашего общества.—Намъ вовсе не нужно заботиться объ умноженіи членовъ общества; напротивъ того, польза онаго для насъ будетъ гораздо ощутительнѣе, если число членовъ будетъ невелико. Еслибы мы имѣли цѣлью издавать что-нибудь, или достигнуть какую-нибудь объективную цѣль, то, конечно, при большемъ числѣ сотрудниковъ, вѣроятно, легче было бы оную исполнить, но цѣль нашего общества вовсе цѣль субъективная—поощреніе нашей собственной дѣятельности. Всякій членъ общества обязанъ трудиться ежедневно 8 часовъ, развѣ препятствуютъ тому болѣзнь или же непреодолимыя препятствія. Во всякомъ случаѣ онъ обязанъ донести объ употребленіи времени. Всякій членъ общества означаетъ въ таблицѣ, какъ онъ употреблялъ время. Буде окажется, что кто-либо не занимался постоянно, прилежно и дѣльно, то получаетъ замѣчаніе, во второй разъ—выговоръ, а въ третій разъ запрещается ему пріѣзжать на сѣздъ въ продолженіе одной, 2-хъ, 3 или 4 недѣль. Послѣ двухъ запрещеній въ теченіе одного года членъ подвергается ис-

ключенію. Съѣзды бывають еженедѣльно. На этихъ съѣздахъ сперва всякій даетъ отчетъ въ употребленіи времени. Потомъ сообщаются важнѣйшія изобрѣтенія или самыя интересныя свѣдѣнія, даются отчеты въ прочтенныхъ книгахъ и наконецъ читаются сочиненія, представленныя кѣмъ-либо изъ членовъ. Всякій членъ долженъ являться на съѣздъ, если не задержанъ болѣзнью или другою уважительною причиною, подъ опасеніемъ выговора. Члены общества должны раздѣлить между собою журналы и новѣйшія книги; каждый обязательно докладываетъ по прочтеніи доставшееся ему на долю. Рекомендующій кандидата долженъ представить доказательства, что онъ трудится постоянно, прилежно и дѣльно. Избраніе происходитъ по единодушному согласію, безъ баллотировки. Одинъ разъ въ годъ, 1 ноября, общество собирается экстраординарно и всякій представляетъ годовой отчетъ. Президентъ и вице-президентъ избираются по прилежанію“.

Въ Женевѣ Ал. Ив., съ нѣсколькими русскими, предался серьезнымъ занятіямъ. „Всѣ утра посвящены были слушанію лекцій отчасти въ академіи, а отчасти на дому у профессоровъ. Мы слушали ботанику у Декандоля, химию у Деларива, уголовное право и уголовное судопроизводство у Росси. Сверхъ того мы слушали у сего послѣдняго публичныя лекціи о швейцарской исторіи и частныя—только для насъ, восьми человекъ, за особую плату—о государственномъ и международномъ правѣ. Лекціи Росси на французскомъ языкѣ приводили насъ въ восторгъ: онъ излагалъ свои мысли чрезвычайно ясно, послѣдовательно и занимательно, рассказывалъ событія необыкновенно живо и заинтересовывалъ насъ такъ, что часы казались намъ получасами. Росси полюбилъ насъ, а мы его; и его частныя для насъ лекціи продолжались не часъ, а два и даже три часа“. Въ бумагахъ Ал. Ив. сохранились двѣ тетради, гдѣ подробно записаны лекціи Росси по сравнительному уголовному судопроизводству; изъ нихъ видно, что выслушанный Ал. Ив. курсъ совершенно отличный отъ напечатаннаго. Курсъ заключаетъ въ себѣ полную теорію французскаго уголовного судопроизводства, съ краткимъ историческимъ обзоромъ и ссылками на римскіе и англійскіе судебныя учрежденія и процессы.

О вліяніи на него Росси Ал. Ив. говоритъ: „Этотъ человекъ развилъ во мнѣ много новыхъ мыслей и утвердилъ во мнѣ *настоящій либерализмъ*, который, къ сожалѣнію, у насъ рѣдко встрѣ-

чается, ибо въ средѣ нашихъ такъ называемыхъ либераловъ, по большей части, встрѣчаются люди проникнутые западнымъ доктринерствомъ и руководящіеся чувствами и правилами скорѣе деспотичнаго, чѣмъ истиннаго свободолюбія и свободомыслія. Этому доброму на меня вліянію знаменитаго Росси я весьма многимъ обязанъ въ дѣятельности моей по дѣлу освобожденія нашихъ вѣрнопостныхъ людей и по управленію дѣлами въ Царствѣ Польскомъ“ („Записки“, стр. 39).

Но, несмотря на эти серьезные занятія и на вечернія развлеченія,—Ал. Ив. кромѣ русскихъ знакомыхъ приобрѣлъ еще нѣсколько мѣстныхъ семейныхъ домовъ,—въ глубинѣ души его таилось желаніе, о которомъ онъ написалъ *тайное* письмо другу своему Одоевскому [Женева, 8 (20) ноября]: „Мое письмо тебя весьма удивитъ, другъ Одоевскій. Я помню послѣднія тобой мнѣ сказанныя слова, а потому тебѣ первому, тебѣ одному долгомъ считаю сообщить родившіяся во мнѣ мысли о женитьбѣ. Я былъ, какъ ты знаешь, влюбленъ, безумно влюбленъ. Слава Богу, это проходитъ. Прежде я думалъ, что можно жениться только по любви; теперь начинаю думать, что едва ли не сто кратъ счастливѣе бракъ основанный разсудкомъ на согласіи чувствованій и мнѣній. Грустныя мысли, которыя всегда, какъ ты знаешь, крушатъ душу, еще болѣе овладѣли ею, и я чувствую, что для моего счастья мнѣ необходима женщина, которая понимала бы всю глубину моихъ скорбей. Скажи, безцѣнный другъ, что ты о семъ думаешь? Скажи свое мнѣніе чистосердечно, ибо твоя дружба для меня дороже всего; а если ты имѣешь малѣйшее возраженіе противъ моихъ проектовъ, то будь увѣренъ, что я ни минуты болѣе не буду о нихъ думать. Отвѣчай мнѣ обстоятельно и *откровенно*. О, человекъ, чрезъ какія странныя судьбы ты проходишь, какъ измѣняются твои мысли, чувствованія и дѣйствія! Давно ли я вздыхалъ по уединенію. Путешествіе свое окончу и тогда никто не будетъ мнѣ препятствовать предаться моимъ склонностямъ. Ужасный билетъ мнѣ надобно еще взять въ житейской лотереѣ,—надобно жениться. Я чувствую необходимость пустить корень. Странствованія какъ физическія, такъ и моральныя мнѣ постылы. Я для нихъ устарѣлъ. Тяжело быть на чужой сторонѣ, быть безъ друга. Сперва весело путешествовать, но жалѣю о томъ, кто можетъ долго быть внѣ своего отечества, безъ друзей и безъ родныхъ. Вскорѣ почувствуешь

какъ все пусто, какъ все холодно. Видишь вещи замѣчательныя, чудесныя мѣстоположенія, видишь замѣчательныхъ людей, но все это хорошо на три, на четыре мѣсяца. Дѣйствительное начало въ насъ долго дремать не можетъ и мы чувствуемъ необходимость выйти изъ страдательнаго положенія“ (ср. „Біогр. Кошел.“ II, 2).

Въ началѣ апрѣля русскіе начали разъѣзжаться изъ Парижа, и Ал. Иван. рѣшился заглянуть въ Парижъ. Конецъ путешествія Кошелева не записанъ въ „Дневникѣ“, и потому я его перепечатаваю изъ изданныхъ за границею „Записокъ Алек. Иван. Кошелева“ (стр. 40—45):

Какъ *Парижъ* въ то время былъ для русскихъ запрещеннымъ плодомъ и какъ я тогда числился на службѣ по министерству иностранныхъ дѣлъ, то, по приѣздѣ въ Парижъ, я счелъ долгомъ немедленно явиться къ нашему послу, графу *Поццо ди Борго*, и сказать ему, что я—только проѣздомъ въ Лондонъ и останусь въ Парижѣ не болѣе трехъ дней. Посоль принялъ меня очень любезно, позвалъ меня къ себѣ обѣдать и сказалъ, что я могу здѣсь оставаться столько времени, сколько мнѣ угодно. Я очень обрадовался этому позволенію и рѣшился пожить въ Парижѣ сколько возможно.

Въ продолженіе моего пребыванія въ Парижѣ, я часто былъ приглашаемъ на обѣдъ къ гр. *Поццо ди Борго*, и его бесѣды за столомъ и въ послѣобѣденное время были чрезвычайно интересны. Онъ вовсе не былъ закупореннымъ дипломатомъ и говорилъ обо всемъ весьма свободно и охотно; умъ его былъ столько же живъ, сколько и глубокъ; и эти бесѣды могли считаться почти лекціями о современныхъ событіяхъ. Какъ этотъ государственный человѣкъ выше *Нессельроде* и *комп.*!

Имѣвши письмо отъ Россіи къ герцогу *Броми*, я не замедлилъ къ нему отправиться. Онъ пригласилъ меня къ себѣ на вечера по четвергамъ. Тутъ, въ первый же вечеръ, я познакомился съ *Гизо*, *Кузеномъ*, *Вилменемъ*, *Мишле* и другими замѣчательными людьми. Тутъ также впоследствии я познакомился съ молодымъ *Тьеромъ*. Эти вечера были для меня такъ интересны, что я не пропускалъ изъ нихъ ни одного и уходилъ домой однимъ изъ послѣднихъ. Черноволосый, съ пламенными глазами и увлекательною рѣчью *Кузенъ*, всегда спокойный, разсудительный и краснорѣчивый *Гизо* и живой, многорѣчивый и разнообразіемъ своихъ свѣдѣній поражающій *Тьеръ*—были для меня особенно интересны, и я старался ихъ всего болѣе слушать. Самъ хозяинъ дома былъ человѣкъ высокаго ума, пользовался большимъ авторитетомъ въ обществѣ и принималъ гостей чрезвычайно любезно. На этихъ вечерахъ не было дамъ и всѣ чувствовали себя какъ дома.

Я посѣщалъ и лекціи, и театры, осматривалъ достопримѣчательности Парижа, и часто приходилось жалѣть, что дни заключали въ себѣ мало часовъ. Въ концѣ мая, когда я располагалъ отправиться въ Лондонъ, гр. *Поццо ди Борго* предложилъ мнѣ туда курьерскую экспедицію. Я съ радостью принялъ это предложеніе, потому что пребываніе въ Парижѣ причиняло сильный ущербъ моему кошельку.

Въ Лондонѣ я пробылъ мѣсяць. Кромѣ осмотра достопримѣчательностей этой столицы, я, какъ дипломатъ, т.-е. служащій по министерству иностранныхъ дѣлъ, имѣлъ случай посѣщать дома высшаго англійскаго общества. Тутъ познакомился я съ разными знаменитостями того времени, съ лордами *Греемъ*, *Пальмерстономъ* и другими. Англія особенно интересовала меня по своей конституціонной жизни, и

я часто посѣщалъ парламентъ. Одинъ случай англійской вѣжливости меня особенно поразилъ. Однажды, придя къ дверямъ парламента, я обратился къ знакомому мнѣ коммунару, лорду Морпееу (Morpeth), съ просьбой ввести меня въ нижнюю палату. Лордъ очень охотно исполнилъ мое желаніе, а впоследствии я узналъ, что въ этотъ день онъ долженъ былъ внести предложеніе въ пользу поляковъ, но, введя русскаго, онъ счелъ уже неприличнымъ дѣлать такое предложеніе и передалъ это motion другому. Скажите, какой французъ или нѣмецъ изъ подобной причины откажется отъ приготовленной имъ рѣчи? Да и сами англичане въ этомъ отношеніи не пошли ли назадъ?

Во время моего пребыванія въ Англіи совершилось одно великое событіе, котораго мнѣ удалось быть свидѣтелемъ. Въ іюнѣ 1832 г. наконецъ прошелъ въ палатѣ лордовъ знаменитый Reform bill. Я былъ тамъ въ этотъ день и имѣлъ случай любоваться если не краснорѣчіемъ англичанъ,—ибо для этого я не достаточно зналъ ихъ языкъ,—то ихъ тепле, т.-е торжественностью обстановки, серьезностью ихъ рѣчей и порядкомъ, господствовавшимъ въ засѣданіи: 7 іюня билль былъ утвержденъ королевскою властью и народная радость была всеобщою.

Изъ Лондона, въ самомъ концѣ іюня, я отправился въ Карлсбадъ для окончательнаго излѣченія моей печени. Тутъ случилось со мною романтическое приключеніе. Познакомился я съ одною полькою, гр. С. Она была красива, умна, любезна,—однимъ словомъ, обворожительна,—и жила въ разводѣ съ мужемъ. Я влюбился въ нее по уши, и мы вмѣстѣ проводили все время дня и строили самые завлекательные планы ѣхать вмѣстѣ въ Италію, поселиться на зиму въ Венеціи, жить вмѣстѣ и наслаждаться другъ другомъ, забывая весь остальной міръ. Но не суждено было этому исполниться. Я получилъ изъ Москвы письмо о серьезной и даже опасной болѣзни моей матушки, которую я страстно любилъ. Чувствовалъ, что еслибъ я сказалъ объ этомъ моей графинѣ, то я не въ силахъ былъ бы исполнить своей обязанности и своего намѣренія тотчасъ ѣхать въ Россію. А потому я объявилъ, что ѣду до Дрездена по неотложному дѣлу, что тотчасъ возвращусь и что немедленно вмѣстѣ мы отправимся въ Италію. Дѣйствительно я поѣхалъ въ Дрезденъ, оттуда написалъ нѣжнѣйшее письмо съ сообщеніемъ извѣстія объ опасной болѣзни моей матери и съ обѣщаніемъ вскорѣ вернуться изъ Россіи и отыскать ее въ Италіи. Симвъ заключается романъ и мы болѣе уже не встрѣчались. Черезъ нѣсколько лѣтъ я узналъ, что она скончалась.

Болѣе свѣдѣній о первомъ путешествіи Александра Ивановича ни въ „Запискахъ, ни въ Дневникѣ“ не содержится.

По приѣздѣ въ Москву, Кошелевъ нашелъ мать свою уже выздоравливающею; остатокъ лѣта Ал. Иван. провелъ съ матерью въ подмосковной, а на зиму вернулся въ Москву. Такимъ образомъ Кошелевъ провелъ за границею нѣсколько больше года. Не имѣя возможности получить продолженіе отпуска для окончанія лѣченія за границею, Кошелевъ подалъ просьбу объ отставкѣ и 4 марта 1832 г. уволенъ по болѣзни. Дальнѣйшее поступленіе Алек. Иван. на службу мы расскажемъ словами „Записокъ“:

Въ теченіе зимы я познакомился и довольно близко сошелся съ московскимъ генералъ-губернаторомъ, всѣми любимымъ и уважаемымъ кн. Д. В. Голицынымъ,

который стал уговаривать меня поступить совѣтникомъ въ московское губернское правленіе, въ которое ему уже удалось помѣстить очень порядочныхъ людей. Въ февралѣ (1833) я поѣхалъ въ Петербургъ, и Блудовъ очень мило и настоятельно побуждалъ меня возвратиться къ нему на службу. Раздумье мое было сильнѣйшее: мнѣ очень хотѣлось возвратиться на службу къ Д. Н. Блудову, который въ то время былъ уже министромъ внутреннихъ дѣлъ, а матушка, которой здоровье видимо слабѣло, уговаривала меня остаться въ Москвѣ. При этомъ раздумьи наступило гѣто и мы уѣхали въ подмосковную. Осенью (1833) получилъ я въ деревнѣ отъ К. К. Данзаса, моего хорошаго пріятели и близкаго человѣка кн. Д. В. Голицыну, письмо, которымъ онъ приглашалъ меня, отъ имени послѣдняго, пріѣхать въ Москву. Пріѣзжаю; кн. Голицынъ объявляетъ мнѣ, что открылась ваканція совѣтника 1-го отдѣленія губернскаго правленія, и сильно убѣждаетъ меня поступить на эту ваканцію. Я не отказываюсь и не изъявляю согласія, а прошу дать мнѣ недѣлю на окончательное рѣшеніе. Въ Москвѣ я остановился не въ своемъ домѣ, а у Ив. В. Кирѣевскаго, который, за отъѣздомъ матери и вотчина въ деревню, оставался одинъ во всемъ домѣ. На другой день послѣ моего разговора съ генераль-губернаторомъ я получилъ отъ него бумагу, въ которой онъ меня увѣдомлялъ, что онъ далъ предложеніе губернскому правленію о допущеніи меня къ исправленію должности совѣтника по I отдѣленію и что самъ входитъ въ правитель. сенатъ объ утвержденіи меня въ этой должности. Что же, окончательно отказаться или вступить въ должность? Кирѣевскій убѣждалъ рѣшиться на послѣднее; матушка, хотя и отсутствующая, сильно желала того же. Надѣлъ фракъ и поѣхалъ къ генераль-губернатору объявить, что подчиняюсь его наслію. Это было 10 октября 1833 г. (Ал. Ив. опредѣленъ совѣтникомъ указомъ правит. сената 11 декабря 1833 г.).

Я всегда и всѣмъ занимался страстно. Въ Петербургѣ я въ нѣсколько мѣсяцевъ выучился англійскому языку, такъ что могъ бѣгло читать англійскія газеты и дѣлать изъ нихъ выписки. Тамъ же я сдѣлался такимъ карточнымъ игрокомъ, что проводилъ нѣсколько ночей сряду за картами. Въ Москвѣ зимой 183³/₄ года случайно я зашелъ въ tir Prevost на Кузнецкомъ Мосту; знакомая молодежь уговорила меня выстрѣлить изъ пистолета: вмѣсто дѣли я попалъ въ потолокъ. Это меня взбѣсило и я далъ себѣ слово сдѣлаться отличнѣмъ стрѣльцомъ и до того не покидать пистолета. Почти цѣлую зиму, до отъѣзда въ деревню, я ежедневно выстрѣливалъ по сту зарядовъ и сдѣлался однимъ изъ первыхъ стрѣлковъ въ Москвѣ. Такъ и своими обязанностями совѣтника я занялся съ увлеченіемъ. Старался все узнать, все привести въ порядокъ, и черезъ шесть мѣсяцевъ мое отдѣленіе было уже въ отличномъ видѣ. Товарищами моими по службѣ были В. В. Давыдовъ, А. Н. Васильчиковъ, Николаевъ и старикъ Телезовъ. Я сблизился особенно съ первымъ, который занимался службой усердно и благонамѣренно. Второй мой товарищъ былъ также человѣкъ умный, но слишкомъ много занимался своими собственными дѣлами и небрежно относился къ дѣлу служебному. Остальные два совѣтника были чистыми чиновниками.

Во время моей службы въ московскомъ губернскомъ правленіи были приключенія довольно замѣчательныя, которыя стоять разказа: они показываютъ, какъ въ то время производились дѣла, и представляютъ данныя для опредѣленія характера какъ той эпохи, такъ и лицъ въ оной дѣйствовавшихъ.

Система наложенія запрещеній по долговымъ взысканіямъ была у насъ прежде въ крайнемъ, еще большемъ чѣмъ нынѣ, беспорядкѣ. Налагались запрещенія въ „Сенатскихъ Вѣдомостяхъ“ и, при совершеніи купчихъ, закладныхъ и другихъ актовъ, надобно было рыться во всей этой огромной массѣ напечатанной бумаги. А потому „учиненіе справокъ о запрещеніяхъ“ было источникомъ большихъ расходовъ для

частныхъ лицъ и такихъ же доходовъ для приказныхъ; и сверхъ того часто продавались и закладывались имѣнія, на которыхъ уже лежали запрещенія. Всего болѣе подобныхъ актовъ совершалось въ Москвѣ; вслѣдствіе этого, служившій тогда въ Москвѣ (кажется, въ сенатѣ) *П. В. Хавскій* (умершій въ 1876 г.) подалъ генераль-губернатору кн. Д. В. Голицыну записку о необходимости составленія свода запрещеній и алфавита къ нимъ. Кн. Голицынъ, всегда расположенный на всякое доброе и полезное дѣло, принялъ это предложеніе и передалъ его въ губернское правленіе съ тѣмъ, чтобъ оно распубликовало это распоряженіе и всѣмъ присутственнымъ мѣстамъ Московской губерніи и самому себѣ имѣло въ обязанность составить въ годичный или двухгодичный срокъ сводъ запрещеній, наложеннымъ каждымъ присутственнымъ мѣстомъ, съ добавленіемъ, что запрещенія, не вошедшія въ этотъ сводъ, должны считаться уничтоженными. Такое распоряженіе насъ поразило и губернское правленіе отвѣтило генераль-губернатору, что оно не считаетъ себя вправѣ исполнить такое распоряженіе, и что это должно быть совершенно законодательнымъ порядкомъ и не иначе какъ для всей Имперіи. Генераль-губернаторъ настаивалъ на своемъ предложеніи; губернское правленіе, къ крайнему прискорбію губернатора (Н. А. Небольсина), оставалось при своемъ мнѣніи. Тогда кн. Д. В. Голицынъ вызвалъ къ себѣ всѣхъ совѣтниковъ и уговаривалъ ихъ не упрямиться; они доказывали ему незаконность и невозможность исполненія его требованія. Такъ какъ, на основаніи тогда дѣйствовавшаго Учрежденія о губерніяхъ, губернаторъ или генераль-губернаторъ, *председательствовавшій* въ губернскомъ правленіи, пользовался правомъ *приказывать* и совѣтники должны были исполнять полученное приказаніе, имѣя только право и обязанность донести о томъ сенату, то кн. Голицынъ намъ объявилъ, что на слѣдующій день онъ будетъ въ губернскомъ правленіи и займетъ председательское кресло. Дѣйствительно, на слѣдующій день онъ къ намъ пріѣхалъ, имѣвши при себѣ Хавскаго, и открылъ пренія по этому дѣлу. Спорили много и долго; наконецъ, кн. Голицынъ всталъ и сказалъ: „Вижу, господа, что вы правы; но я не покину своего намѣренія и войду съ докладомъ къ Государю Императору“. Этотъ докладъ и былъ поводомъ къ разработкѣ въ Петербургѣ вопроса „о составленіи свода запрещеній и разрѣшеній“.

Въ 1834 году (кажется, такъ) выгорѣла въ Москвѣ Рогожская часть; сгорѣло болѣе тысячи домовъ; слухъ о поджогахъ былъ всеобщій. По Высочайшему повелѣнію была назначена коммиссія для производства слѣдствія по этому дѣлу. Самъ Императоръ пріѣхалъ въ Москву. Слѣдствіе производилось и днемъ и ночью. Уѣзжая изъ Москвы, Государь приказалъ, по окончаніи слѣдствія, передать его въ особо наряженный военный судъ, имѣвшій окончить все судопроизводство въ трое сутокъ. Рѣшеніе постановлено въ назначенный срокъ и представлено къ генераль-губернатору. Кн. Голицынъ вздумалъ не прямо утвердить рѣшеніе или его не утвердить, а передать на предварительное заключеніе губернскаго правленія. Въ 2 часа ночи меня будятъ и зовутъ въ губернское правленіе. Надѣваю мундиръ, ѣду туда и застаю уже тамъ губернатора, тоже въ мундирѣ. Онъ объявляетъ намъ генераль-губернаторское предложеніе, показываетъ дѣло, заключающееся въ нѣсколькихъ исписанныхъ стопахъ бумаги, и требуетъ, чтобы мы составили наше заключеніе по прочтеніи одного приговора и никакъ не позже какъ чрезъ 12 часовъ. Мы читаемъ вслухъ приговоръ и убѣждаемся, что, безъ разсмотрѣнія самаго дѣла, мы не можемъ по совѣсти ничего сказать. Добрѣйшій нашъ Н. А. Небольсинъ (губернаторъ) приходитъ въ ужасъ, ибо онъ надѣялся чрезъ нѣсколько часовъ представить наше заключеніе и чрезъ то дать генераль-губернатору возможность тотчасъ утвердить рѣшеніе и въ тотъ же день, черезъ особаго курьера, донести о томъ Государю Императору. Убѣж-

дене и просьбы губернатора на насъ не дѣйствуютъ, и мы объявляемъ, что готовы всѣ вмѣстѣ работать, раздѣлить между собою трудъ и не расходиться до составления заключенія. Мы принимаемъ за дѣло, а губернаторъ, въ 9 часовъ утра, отправляется къ генералъ-губернатору съ горестнымъ извѣстіемъ объ упрямствѣ совѣтниковъ, оттуда возвращается нѣсколько успокоенный и вмѣстѣ съ нами сидитъ безропотно 36 часовъ. Но тогда новый для него ужасъ. Военный судъ приговорилъ девять или десять человѣкъ въ наказанію и изъ нихъ, кажется, четырехъ къ шпицрутенамъ до смерти; а мы, юрсты-вольгодумцы, находимъ, что нѣтъ достаточныхъ уликъ ни противъ одного изъ обвиняемыхъ, и полагаемъ, что только четверыхъ можно, по тогдашнимъ законамъ, оставить въ подозрѣніи. Измученный 36-часовымъ сидѣніемъ на предсѣдательскихъ креслахъ, губернаторъ падаетъ въ обморокъ. Пришедши въ себя, почти рыдая, говоритъ: „Господа, вы себя и меня погубите, поразмыслите объ этомъ“. Мы остались неумолимыми, подписываемъ наше заключеніе, и губернаторъ, безъ своей подписи, везетъ злополучную бумагу къ кн. Голицыну. Черезъ часъ насъ всѣхъ требуютъ къ генералъ-губернатору. Онъ спрашиваетъ насъ обстоятельно о дѣлѣ, благодаритъ за добросовѣстное исполненіе возложеннаго на насъ порученія и говоритъ, что воспользуется нашимъ заключеніемъ, насколько это будетъ для него возможно. Генералъ-губернаторъ не взялъ на себя утвержденія приговора и представилъ объ этомъ Государю. Ни одинъ человѣкъ не былъ наказанъ до смерти; четверо подверглись болѣе или менѣе тяжелому наказанію, а остальные оставлены подъ надзоромъ.

Дворянскія собранія во время оно были нѣсколько живѣе, чѣмъ теперь, и если они не оказывались плодотворнѣе нынѣшнихъ, то были, по крайней мѣрѣ, шумнѣе. Въ декабрѣ 1834 г. дворянство Московской губерніи затѣяло требовать отъ генералъ-губернатора, для провѣрки, отчетъ губернской дорожной комиссіи. Пренія были самыя оживленныя и продолжительныя; и я, хотя совѣтникъ губернскаго правленія, принималъ въ нихъ, какъ московскій дворянинъ, горячее участіе и крѣпко настаивалъ на требованіи отчета. Это дѣло сильно занимало Москву, и генералъ-губернаторъ пріѣхалъ на хоры Благороднаго Собранія и оттуда смотрѣлъ на дворянскія волненія. Большинство голосовъ утвердило предложеніе ревизіонной комиссіи. Я думалъ, что генералъ-губернаторъ будетъ въ сильномъ на меня неудовольствіи за такіе взгляды своего подчиненнаго, и для того, чтобы въ этомъ удостовѣриться, я ѣду нарочно потомъ къ нему на вечеръ. Онъ встрѣтилъ меня очень ласково и, пожмая мнѣ руку, сказалъ: „ce matin je vous ai admiré. Vous avez bien agi, et à votre place j'aurais fait juste la même chose“ *) („Записки“, стр. 46—51).

Во время службы Алекс. Иван. совѣтникомъ съ нимъ случились два крупныя событія, оказавшія рѣшительное вліяніе на его дальнѣйшую судьбу: женитьба и покупка очень значительнаго имѣнія; мы расскажем о нихъ тоже словами „Записокъ“:

Давно я былъ знакомъ съ семействомъ Скарятныхъ и состоялъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ двумя старшими сыновьями, Ѳеодоромъ и Григорьемъ Скарятными. Первый очень усердно занимался живописью и былъ однимъ изъ основателей московскихъ художественныхъ классовъ (школы живописи и ваянія на Мясницкой), а другой убитъ былъ впоследствии въ Венгерской кампаніи. Въ этомъ домѣ я познакомился съ воспитывавшеюся у своей тетки дѣвицею Ольгою Ѳеодоровною Пет-

*) Сегодня утромъ я на васъ любовался. Вы хорошо поступали и на вашемъ мѣстѣ я бы сдѣлалъ совершенно то же самое.

рово-Соловово. Она мнѣ очень понравилась по складу своего ума и по серьезности своихъ занятій. Въ декабрѣ я сдѣлалъ предложеніе и 4 февраля 1835 года мы были повѣнчаны.

Въ первыхъ числахъ мая пріѣхалъ въ Москву Императоръ и съ нимъ вмѣстѣ нѣсколько придворныхъ. Въ числѣ послѣднихъ былъ кн. В. В. Долгорукій (кажется, обершталмейстеръ), съ которымъ я былъ давно знакомъ. Я отправился къ нему съ визитомъ и нашелъ его весьма разстроеннымъ вслѣдствіе полученныхъ имъ донесеній изъ рязанскаго имѣнія его матери, которымъ онъ управлялъ. Послѣ обычныхъ привѣтствій, онъ шути сказалъ мнѣ: „будьте моимъ благодѣтелемъ, освободите меня отъ рязанскаго имѣнія, которое мнѣ не доходъ даетъ, а изъ меня высасываетъ послѣднія деньги. Купите его у меня; я вамъ его дешево отдамъ“. Узнавши, что дѣло идетъ о сапожковскомъ имѣніи, мнѣ извѣстномъ какъ сосѣду, я изъявилъ склонность быть благодѣтелемъ кн. Долгорукаго, и тѣмъ охотнѣе, что у меня были деньги, хотя и небольшія, и что я искалъ купить имѣніе. Тотчасъ я получилъ отъ него привязъ для осмотра имѣнія и даже для обревизованія его конторы. Ни мало не медля, я отправился въ свое родовое имѣніе с. Смыково, а оттуда въ имѣніе кн. Долгорукаго—въ с. Песочню. Осмотрѣвши имѣніе и нѣсколько обревизовавши его контору, я убѣдился, что имѣніе хорошо и что бездоходность его происходитъ отъ плохого управления. Возвратившись въ Москву 9 мая, я тотчасъ отправился къ кн. Долгорукому, который пораженъ былъ моимъ быстрымъ возвращеніемъ и думалъ, что я вовсе отложилъ поѣздку мою для осмотра. Въ нѣсколько минутъ торгъ у насъ былъ оконченъ и за 725 тыс. ассигнаціями я приобрѣлъ 9 тыс. десятинъ въ хорошей части Сапожковскаго уѣзда съ 3 тыс. десятинъ строеваго лѣса. Эта значительная покупка измѣнила всѣ мои предположенія относительно дальнѣйшей моей дѣятельности. Я вышелъ въ отставку (Ал. Ив. уволенъ отъ должности совѣтника московскаго губернскаго правленія 12 юля 1835 г., съ награжденіемъ чиномъ надворнаго совѣтника), перѣхалъ въ деревню и предался со страстью хозяйству. Это занятіе было для меня дѣломъ не совершенно новымъ. Матушка моя была хорошею хозяйкою и пріучила меня къ хозяйству съ раннихъ лѣтъ: нѣсколько разъ она посылала меня одного въ рязанское имѣніе.

Я нашелъ купленное имѣніе въ крайнемъ безпорядкѣ. Господской запашки почти не было; я постепенно ее увеличивалъ расчисткою и распашкою кустарника, котораго было много и который не приносилъ никакого дохода. Скотоводство было ничтожное, я умножилъ и улучшилъ свои стада. Лѣсъ вырубался зря и кража лѣса считалась промысломъ почти дозволеннымъ: въ городъ возили лѣсъ на продажу изъ песоченскихъ рощей не только ночью, но и днемъ. Я обрылъ ихъ канавами и устроилъ строгій надзоръ за лѣсниками. Всего хлопотливѣе и затруднительнѣе было для меня винокуреніе на находившемся въ имѣніи заводѣ. Я никогда до того времени не былъ ни на одномъ винокуренномъ заводѣ, а тутъ приходилось управлять дѣломъ весьма значительнымъ. Счастіе, въ этомъ случаѣ, послужило мнѣ лучше умѣнья. Тогда всѣ винныя заподряды производились казною. Торги въ Рязани, въ первый годъ моего хозяйничанья, не состоялись потому, что заводчики нашли низкими цѣны, назначенныя казною на вино. Я отправился оттуда въ Москву и, узнавши тамъ, что цѣны на хлѣбъ вездѣ падали, тотчасъ же возвратился въ Рязань и вечеромъ подалъ вице-губернатору, тогда управлявшему казенною палатою, объявленіе съ согласіемъ принять поставку вина въ размѣрѣ 150 тыс. ведеръ, т.-е. на всю конкуренцію моего завода. Весь заподрядъ состоялъ изъ 600 тыс. ведеръ. На слѣдующее же утро другіе заводчики также изъявили согласіе на принатіе поставокъ въ размѣрѣ конкуренціи ихъ заводовъ—на 900 тыс. ведеръ. При равномъ удовлетворе-

ни всѣхъ заводчиковъ, мнѣ приходилось получить менѣе ста тысячъ ведеръ. Но я потребовалъ, чтобы мнѣ, какъ первому, изъявившему согласіе на принятіе поставки, дали были всѣ мною просимыя 150 тыс. ведеръ, угрожая въ противномъ случаѣ отправить по эстафетѣ жалобу къ министру финансовъ. Губернаторъ послѣ долгихъ, но напрасныхъ съ его стороны споровъ и увѣщаній, согласился на мое требованіе и я, оставивъ за собою 100 тыс. ведеръ, въ самые удобные для меня города и сроки сдать 50 тыс. ведеръ другимъ заводчикамъ и взять съ нихъ отступнаго по 50 коп. на ведро. Оставленная за собою стотысячная поставка дала мнѣ барыша болѣе 75 коп. на ведро; и такимъ образомъ получилъ я съ завода, въ первый годъ моего хозяйничанія, около 100.000 руб. дохода. Это значительно исправило положеніе моихъ финансовъ, которые были мною потрачены на покупку имѣнія, и дало мнѣ возможность предпринять въ хозяйствѣ разныя нововведенія и улучшенія („Зап.“, 53—54).

Я не буду описывать хозяйственнаго устройства имѣнія Кошелева, такъ какъ, во первыхъ, я не имѣю въ рукахъ всѣхъ необходимыхъ данныхъ, а главное—потому, что это не касается общественной дѣятельности Ал. Ив., составляющей предметъ настоящей біографіи. Замѣчу только, что Ал. Ив. былъ не только опытный и умный хозяинъ, но и постоянно дѣлился своею опытностью съ другими, какъ это увидимъ ниже.

Что касается до управленія крестьянами, то Ал. Ив. на первыхъ порахъ старался примѣнить къ нему принципъ самоуправленія, насколько это было возможно при условіяхъ крепостнаго права и личнаго его хозяйства. Еще въ началѣ сороковыхъ годовъ Кошелевъ предоставилъ самимъ крестьянамъ устроить мірское управленіе на слѣдующихъ основаніяхъ:

Крестьянамъ предоставляется право избирать мірскаго старосту и старшинъ.

Мірской староста и старшины избираются всѣми домохозяевами ежегодно въ праздничный день, весною передъ пахотой.

Обязанность мірскаго старосты и старшинъ:

- 1) Разборъ всѣхъ споровъ и тяжбъ между крестьянами.
- 2) Дознаніе и изслѣдованіе о всѣхъ воровствахъ и шинкахъ и поступленіе съ виновными какъ слѣдуетъ. Въ маловажныхъ случаяхъ старосты распорядятся сами, а въ значительныхъ воровствахъ и при открытіи шинковъ всегда по розысканіи обязаны доносить владѣльцу.
- 3) Сложеніе и наложеніе тяголъ съ утвержденія владѣльца.
- 4) Сборъ подушныхъ и взносъ ихъ въ казначейство.
- 5) Сборъ недоимокъ денежныхъ и хлѣбныхъ.
- 6) Разсмотрѣніе заявленій крестьянъ о выдачахъ въ помощь

какъ денегъ, такъ и хлѣба изъ мірской кассы и мірскаго амбара. Всѣ выдачи дѣлаются не иначе какъ съ утвержденія владѣльца.

7) Наблюденіе за исправленіемъ всѣхъ казенныхъ повинностей, т.-е. подводныхъ, квартирныхъ, мостовыхъ и проч.

8) Наблюденіе за дорогами, мостами и городьбами по всѣмъ крестьянскимъ дачамъ.

9) Наблюденіе за крестьянскими хозяйствами, за своевременною пахотою, посѣвомъ и уборкою, за продажею хлѣба тѣми крестьянами, за которыми имѣются хлѣбныя или денежныя недоимки и проч.

10) Попеченіе о сиротахъ, больныхъ и совершенно немущихъ; больнымъ въ рабочую пору давать помощь изъ господскихъ подводныхъ дней.

Въ одномъ изъ писемъ своихъ Ал. Ив., возражая противъ безусловной возможности единогласнаго рѣшенія по мірской сходкѣ, такъ объясняетъ самый процессъ введенія этого порядка въ его имѣніяхъ: „По прїѣздѣ моемъ въ имѣніе, гдѣ я теперь живу, собралъ я крестьянъ и объявилъ имъ, что судъ между собой и завѣдываніе ихъ общественными дѣлами предоставляю имъ самимъ, а потому и поручилъ избрать изъ среды себя старшинъ. Крестьяне удивились моему приказу; сперва не знали кого выбрать и наконецъ выбрали въ старшины тѣхъ, кого предложилъ имъ крестьянинъ одинъ изъ самыхъ богатыхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ изъ величайшихъ плутовъ. Впослѣдствіи крестьяне увидѣли, что я въ ихъ дѣла почти вовсе не вмѣшивался, что старшины дѣйствовали самостоятельно и что они судили и радили крестьянъ по лучшему своему разумѣнію. На слѣдующихъ выборахъ появились споры, несогласія, партіи; я принужденъ былъ отбирать голоса посредствомъ раздѣленія людей на правую и лѣвую сторону; слѣдовательно единогласіе исчезло, какъ скоро выборы сдѣлались не шуткою, какъ скоро увидѣли крестьяне, что въ рукахъ выборныхъ дѣйствительныя права“. Мотивы и послѣдствія введенія такого самоуправленія въ вѣрѣстномъ состояніи, въ статьѣ своей, написанной въ защиту поземельной общины, Кошелевъ объясняетъ слѣдующимъ образомъ: „При поступленіи крестьянъ въ мое завѣдываніе, они были въ весьма различныхъ положеніяхъ, и при первомъ осмотрѣ уже замѣчено было мною, что степень ихъ благосостоянія была въ обратномъ отношеніи къ степени заботливости о нихъ прежнихъ помѣщиковъ. Впослѣдствіи времени крестьяне, кото-

рыми владѣльцы мало или не попечительно занимались, быстро улучшали свой бытъ при предоставленномъ имъ самоуправленіи частными и мірскими дѣлами; крестьяне же, у которыхъ помѣщики отбирали осенью въ свои амбары сѣменной овесъ на сбереженіе, которые во всемъ относились къ барину и безъ его позволенія не смѣли ни продать что-либо, ни отлучиться изъ села, и которые даже для установки женитьбъ собирались на господскій дворъ и тутъ окончательно устраивали свои свадьбы,—долго, долго не поправлялись, съ трудомъ привыкали къ самоуправленію, и съ ними мнѣ было въ десять разъ болѣе хлопотъ, чѣмъ съ крестьянами, пріобрѣтенными мною отъ отсутствующихъ или малопопечительныхъ помѣщиковъ. Теперь, по милости Божіей и на основаніи правила вмѣшиваться сколь можно менѣе въ крестьянскія частныя и мірскія дѣла, состояніе моихъ крестьянъ значительно улучшилось: избъ на боку нѣтъ или очень мало (лѣсъ отпускаю я не иначе, какъ за деньги); крестьяне имѣютъ много старыхъ владушекъ хлѣба; лошадьми и упряжью они исправны; большого пьянства нѣтъ,—однимъ словомъ, крестьяне мои—настоящіе крестьяне, и этимъ особенно обязанъ я тому, что не беру на себя попеченія о собственныхъ ихъ дѣлахъ“ („Р. Бесѣда“ 1857, кн. IV, 118—119).

Ю. Ѡ. Самаринъ въ своемъ проектѣ объ освобожденіи крестьянъ, въ доказательство того, что въ крестьянскомъ управленіи, даже при сохраненіи обязательныхъ отношеній къ помѣщику, необходимо отдѣленіе дѣлъ мірскихъ отъ управленія вотчиннаго, указываетъ, что „возможность такого отдѣленія даже въ имѣніяхъ издѣльныхъ доказана *многочисленнымъ опытомъ* въ имѣніи А. И. Кошелева изъ 5.500 душъ, Сапожковскаго уѣзда, Рязанской губ.“ (Ю. Самаринъ. Сочин. т. II, стр. 104).

Въ № 245 „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ за 1858 годъ Даль помѣстилъ престранную замѣтку, вооружившую на него всю печать, гдѣ онъ доказывалъ, что распространять у насъ между крестьянами грамотность слишкомъ рано, потому что обученные грамотности крестьяне почти всегда дѣлаются плутами и развращаются. Кошелевъ въ первой книжкѣ „Р. Бесѣды“ за 1858 годъ помѣстилъ возраженіе Далю, подъ заглавіемъ „Нѣчто о грамотности“, и здѣсь, защищая пользу распространенія грамотности, говоритъ между прочимъ о своемъ имѣніи: „Въ моемъ имѣніи существуютъ школы: одна существуетъ болѣе 20 лѣтъ, другія 15, 10, 8 и 4 года. Изъ

первой выпущено болѣе 400 учениковъ; въ итогѣ обучалось у меня подѣ тысячу человекѣвъ. Крестьяне изъ школѣ возвращаются изъ своимъ обыкновеннымъ занятіямъ, и они не только не становятся отъ того худшими,—напротивъ, грамотные чаще ходятъ въ церковь, чѣмъ неграмотные, ведутъ себя гораздо лучше, пьяницѣ между ними почти нѣтъ; многіе изъ нихъ поступили въ начальники, включники и проч., и я ими остаюсь вполне доволенъ. Скажу еще болѣе: отцы теперь спѣшатъ приводить мальчиковъ въ школу, а некоторые изъ нихъ оставляютъ своихъ дѣтей и сверхъ трехъ, четырехъ лѣтъ (чѣмъ обыкновенно ограничивается курсъ крестьянскаго ученія), желая, чтобы дѣти ихъ доучились“ (стр. 218).

„Потребность сильной внѣшней дѣятельности, — говоритъ Ал. Ив.,—и винокуренный заводъ вовлекли меня въ откупа“. Въ 1838 г. Кошелевъ, вмѣстѣ съ сосѣдомъ своимъ Колюбакинымъ, взялъ на откупъ свой городъ Сапожокъ съ уѣздомъ, а на торгахъ въ послѣдующихъ четырехлѣтіяхъ къ Ал. Ив. постепенно перешли: Зарайскъ и Егорьевскъ, которые онъ держалъ вмѣстѣ съ И. А. Протасевымъ, Коломна, Рязскъ, Сапожокъ и Спасскъ (Тамб. губ.), которые держалъ одинъ.

Отказался Ал. Ив. отъ откуповъ въ 1848 г., т.-е. спустя почти 10 лѣтъ послѣ вступленія въ эти занятія. Въ „Запискахъ“ своихъ отказъ этотъ Ал. Ив. рассказываетъ такимъ образомъ: „Въ февралѣ мѣсяцѣ 1848 г. я пріѣхалъ въ деревню—въ с. Песочню и меня посѣтили короткіе пріатели—А. И. Колеминъ и И. А. Протасевъ. Я вошелъ въ откупа, не зная ихъ сущности; но увязивши въ нихъ свое состояніе и довѣренныя мнѣ капиталы, я уже не могъ покинуть откупа, хотя они съ каждымъ днемъ становились мнѣ все противнѣе и противнѣе. Наконецъ, обстоятельства вообще улучшились и я нѣсколько исправилъ положеніе своихъ дѣлъ. Какъ только гнетъ нужды пересталъ меня давить, откупныя дѣла стали для меня невыносимыми и я воспользовался первою возможностью ихъ сдать. Вечеромъ я высказалъ моимъ гостямъ сильное желаніе покончить съ откупами и даже выяснилъ тѣ условія, на которыхъ я бы охотно ихъ сдалъ. Условія мои были крайне выгодны для тѣхъ, кто пожелалъ бы снять содержимыя мною откупа. И. А. Протасевъ даже смѣялся надо мною и сказалъ, что видно откупа мнѣ вѣрнѣе надобѣли, что я хочу ихъ сдать во что бы то ни стало. Вскорѣ послѣ того мы разошлись и отправились

спать. Вставалъ я всегда рано. Еще до разсвѣта А. И. Колеминъ вошелъ ко мнѣ въ кабинетъ и сказалъ мнѣ, что онъ всю ночь не спалъ и все думалъ о вчерашнемъ нашемъ разговорѣ. Тутъ мы еще много потолковали; къ 9 часамъ въ чаю пришелъ Н. А. Протасъевъ и въ теченіе дня все было улажено и устроено. Затѣмъ послѣдовали въ мартѣ и апрѣлѣ фактическія передачи откуповъ и къ 1 мая я былъ отъ нихъ окончательно освобожденъ. Впослѣдствіи, несмотря на приглашенія съ разныхъ сторонъ, я уже болѣе къ откупамъ не возвращался и считалъ себя весьма счастливымъ, что отдѣлался отъ нихъ не только безъ убытка, но даже съ барышомъ („Записки“, стр. 63—64).

По оставленіи мною откуповъ,—говоритъ Ал. Ив. въ своихъ „Запискахъ“,—въ 1849 или 1850 г., я составилъ *записку о необходимости замѣны откуповъ введениемъ акцизнаго сбора съ вина и пива*. Я доказывалъ въ этой запискѣ, что откупа столь же вредны для народа и государства, сколько они невыгодны и для казны, — что они развращаютъ народъ, препятствуютъ улучшенію его хозяйства и извлекаютъ изъ него всякими, самыми предосудительными способами послѣднія его трудовыя деньги, — что нѣтъ возможности и думать о сокращеніи взяточничества, пока будутъ существовать привилегированные нарушители законовъ, вынужденные своимъ положеніемъ подкупать агентовъ власти, и что изъ тяжелаго питейнаго налога, при благоприятныхъ обстоятельствахъ, часть его поступаетъ въ казну, а остальное въ карманы откупщиковъ, а при недовыручкахъ казна должна не только распрощивать платежи, но и слагать откупщицныя недоимки. Изъ этого я выводилъ необходимость уничтоженія откуповъ и замѣны ихъ прямымъ акцизнымъ сборомъ въ пользу казны съ вина и пива. Эту записку, въ свое время, я препроводилъ къ министру финансовъ г. *Вронченко*; никакого извѣстія о дальнѣйшей судьбѣ ея я не имѣлъ (стр. 124—125).

Вскорѣ послѣ взятія откуповъ болѣзнь супруги Ал. Ив., Ольги Ѳедоровны, заставила Кошелевыхъ отправиться за границу. Ольга Ѳедоровна прожила за границей полтора года, и Ал. Ив. два раза туда ѣздилъ, бывши по дѣламъ въ необходимости возвращаться въ Россію. О первой изъ этихъ поѣздокъ Ал. Ив. сообщаетъ въ „Запискахъ“ слѣдующее:

Лѣто 1839 года мы провели въ Эмсѣ и потомъ въ Баденъ-Баденѣ, гдѣ жена осталась и на зиму подъ попечительствомъ извѣстнаго доктора *Гурета*. Я возвратился туда въ началѣ февраля и мы вскорѣ отправились въ Парижъ, куда пріѣхали въ самые первые дни министерства Тьера, т.-е. *ministère du 1 mars*, какъ долго называли это министерство. Оживленіе было всеобщее и значительное. Тутъ прожили мы остатокъ зимы и весну до половины мая. Время провели мы не весело: жена моя тяжело занемогла, что и доставило намъ непріятное знакомство съ парижскими медицинскими знаменитостями.

Знаменитости помощи не оказали,—Ольга Ѳедоровна обязана была своимъ выздоровленіемъ извѣстной тогда въ Парижѣ ясно-

видающей m-me Lagramiège. По ея совѣту Кошелевы отправились въ Швейцарію, гдѣ поселились въ Интерлакенъ и оттуда предпринимали поѣздки и хожденія по Бернскому Обелранду. Но вскорѣ обстоятельства заставили Кошелевыхъ вернуться въ Россію. Ал. Ив. получилъ извѣстіе изъ Сапожка, что предводитель, В. И. Колюбакинъ, скончался, что Ал. Ив., какъ кандидатъ, утвержденъ въ этой должности и что присутствіе предводителя совершенно необходимо въ уѣздѣ по случаю раздачи пособій отъ правительства помѣщикамъ на прокормленіе крестьянъ. Ал. Ив. пробылъ въ должности сапожковскаго уѣзднаго предводителя съ 30 апрѣля 1840 г. по 14 января 1842 г. Помѣщенное въ его „Запискахъ“ описаніе его предводительской службы настолько интересно и характерно, что мы выписываемъ его вполнѣ („Записки“, стр. 57—62):

Мы прямо пріѣхали въ деревню, и я тотчасъ отправился въ Сапожокъ. Вступивъ въ должность предводителя, я имѣлъ возможность прекратить разныя злоупотребленія, было вкравшіяся въ раздачу пособій. Исправляя мою должность уѣздный судья, который, обще съ уѣзднымъ стряпчимъ и земскимъ исправникомъ, сторговавшись съ управляющими богатыхъ имѣній графовъ Шувалова и Остерманъ-Толстого, назначилъ имъ въ выдачу на прокормленіе крестьянъ и на обѣмненіе ихъ полей огромныя суммы—по 15 т. р. каждому, а бѣднымъ дворянамъ предполагалъ отказать въ ссудѣ за недостаткомъ денегъ. Я тотчасъ измѣнилъ это назначеніе, не далъ пособія ни одному помѣщику, который самъ былъ въ состояніи помочь крестьянамъ, и одѣлалъ деньгами всѣхъ мелкопомѣстныхъ помѣщиковъ, которыхъ въ уѣздѣ было очень много и которые сами почти умирали съ голода. Четверть ржи доходила до 40 р. на монету. Крестьяне ѣли по большей части мякину и желуди съ прибавкою $\frac{1}{3}$ или $\frac{1}{4}$ части ржаной муки. Тутъ я имѣлъ случай убѣдиться въ огромномъ количествѣ мелкопомѣстныхъ дворянъ, въ ихъ бѣдности и невѣжествѣ. Вѣсьма многіе изъ нихъ, получая пособія, не могли сами въ томъ расписаться за незнаніемъ грамоты. Тутъ также я узналъ страшныя злоупотребленія помѣщичьей власти. Отсюда начало послѣдующихъ моихъ стремленій къ ограниченію помѣщичьей власти и къ освобожденію крестьянъ и дворовыхъ людей отъ крѣпостной зависимости.

Разскажу нѣсколько событій изъ мой предводительской дѣятельности.

Жилъ у насъ въ уѣздѣ одинъ старикъ, вѣсьма богатый, бывший въ теченіе, кажется, 18 лѣтъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства и прославившійся своимъ самоуправствомъ и своимъ дурнымъ обхожденіемъ съ крестьянами и дворовыми людьми—С. И. Ш. Онъ былъ нѣсколько разъ подъ судомъ, но по милости денегъ всегда выходилъ чистымъ изъ самыхъ ужасныхъ дѣлъ. Онъ засѣдалъ до смерти людей, зарывалъ ихъ у себя въ саду и подавалъ объявленія о томъ, что такой-то отъ него бѣжалъ. Полиція, судъ и уѣздный стряпчій у него въ кабинетѣ показывали всѣ дѣла. Однажды, въ царствованіе императора Александра I, былъ присланъ для производства слѣдствія флигель-адъютантъ. Тутъ деньги были бессильны; но опытный дѣлецъ не сталъ въ тупикъ. Когда слѣдствіе было кончено, всѣ документы собраны, всѣ показанія сняты и слѣдователь уже собирався уѣзжать, тогда въ кушанье было подложено, слѣдователь уснулъ крѣпкимъ сномъ, а все дѣло было у него украдено.

Затѣмъ новое слѣдствіе; присланъ былъ уже человѣкъ болѣе практичный, чѣмъ флигель-адъютантъ, и Ш. вышелъ блѣдъ, какъ снѣгъ.

Дворяне почти всѣ были должниками Ш. и онъ не иначе имъ говорилъ какъ „ты“: на выборы онъ возилъ ихъ на свой счетъ и, вслѣдствіе того, всегда былъ выбираемъ значительнымъ большинствомъ. Ему чрезвычайно хотѣлось получить пряжку за 35-лѣтнюю безпорочную службу; но разныя отмѣтки въ послужномъ его спискѣ были къ тому препятствіемъ, казалось, неустранимымъ. Но чего нельзя было достигнуть посредствомъ денегъ! Израсходованныя 20—30.000 руб. все побѣдили и грудь Ш. украсилась, уже въ царствованіе Николая I, пряжкой за безпорочную службу. Ш. былъ набоженъ, не пропускалъ ни обѣднѣ, ни заутренъ, не пилъ чая до обѣдни и строго соблюдалъ всѣ посты, а между тѣмъ обычное его занятіе между заутренею и обѣднею по праздникамъ было слѣдующее: отправляясь къ заутренѣ, онъ говорилъ: „приготовить“, т.-е. собрать въ конторѣ людей, назначенныхъ быть сѣченными, и припасты розги. Послѣ заутрени онъ приходилъ въ контору и начиналось сѣченіе. Когда истощалось число людей, подлежащихъ наказанію, тогда Ш. говорилъ: „Эй, скажите батькѣ благовоистить!“ И спокойно онъ отправлялся къ самому началу часовъ. Съ этимъ-то человѣкомъ, старцемъ уже за 70 лѣтъ, и мнѣ пришлось имѣть дѣло.

Являются ко мнѣ, какъ къ предводителю, предсѣдательствующему въ рекрутскомъ присутствіи, двое молодыхъ дворовыхъ людей С. И. Ш. и объявляютъ мнѣ, что помѣщикъ морить ихъ голодомъ, даетъ имъ только по одному пуду муки въ мѣсяцъ, требуетъ работъ сверхъсильныхъ и наказываетъ безщадно; почему они просятъ одной милости—забрить имъ лобъ, т.-е. принять въ рекруты. Письмомъ я прошу г. Ш. пожаловать ко мнѣ въ Сапожокъ по дѣламъ службы. Сапожковскій магнатъ, разумеется, не пріѣзжаетъ; и я пишу къ нему вторичное письмо съ добавленіемъ, что если онъ не пріѣдетъ ко мнѣ, то я пошлю за жандармскимъ офицеромъ и пріѣду къ нему самъ для производства слѣдствія по полученному мною доносу. Наконецъ, является слишкомъ 70-лѣтній магнатъ къ молодому, только-что избранному предводителю. Объявляю ему въ чемъ дѣло и требую отъ него подписки въ томъ, что онъ будетъ давать своимъ людямъ муки и крупы въ опредѣленныхъ количествахъ по полу и возрасту дворовыхъ людей; что онъ за проступки будетъ наказывать не иначе, какъ черезъ посредство земской полиціи, и что двухъ молодыхъ людей, принесшихъ жалобу, онъ завтра же представить въ рекруты. Легко себѣ вообразить удивленіе и гнѣвъ этого закоренѣлаго самоуправца. На положительный его отказъ, я преспокойно сказалъ, что дамъ ему время на размышленіе до 9 часовъ утра слѣдующаго дня, а что затѣмъ донесу губернатору, вытребую жандармскаго начальника и приступлю къ формальному слѣдствію. На другой день къ девяти часамъ С. И. Ш. явился ко мнѣ хотя гнѣвный, но съ согласіемъ на мои требованія. Всего тяжелѣе было ему согласиться на отдачу въ рекруты одного изъ молодыхъ людей, потому что этотъ человѣкъ былъ писаремъ въ вотчинной конторѣ. Я былъ однако неумолимъ и онъ долженъ былъ и на это согласиться; но въ душѣ онъ поклялся мнѣ за это отомстить старшцею.

А вотъ другой случай. Въ сосѣдствѣ моемъ жилъ помѣщикъ В. И. Ч., человѣкъ не дурной, но жестокой въ обращеніи съ крестьянами и дворовыми людьми. Его жестокость происходила менѣе отъ злости въ душѣ, чѣмъ отъ того, что онъ считалъ своимъ священнымъ долгомъ учить своихъ людей порядочному житію, наказывать лѣтневъ и воровъ, и строго взыскивалъ за всякіе проступки. Милосердіе, прощеніе—считалъ онъ бабьими принадлежностями. Ч. ходилъ по крестьянскимъ избамъ и требовалъ, чтобы тамъ было все въ порядкѣ, чисто и опрятно. По нѣскольку разъ въ годъ онъ осматри-

валъ лошадей и сбрую у крестьянъ; и горе тому, у кого скоть или упряжь оказывались въ неисправности. Нерадивыхъ крестьянъ Ч. лишалъ права вести свое хозяйство и отдавалъ ихъ подъ опеку, т.-е. въ полное распоряженіе хорошихъ хозяевъ. Майоръ Ч., какъ старый военный служака, особенно любилъ военную выправку, и у него и крестьяне, и дворовые люди являлись всё съ солдатскими манерами. Жаловаться никто не смѣлъ и житье людямъ было ужасное. Такъ, при земляныхъ работахъ, чтобы работники не могли ложиться для отдыха, Ч.—въ надѣвалъ на нихъ особаго устройства рогатки, въ которыхъ они и работали. За неисправность сажалъ людей въ башню и кормилъ ихъ сеledками, не давая при этомъ пить. Если кто изъ людей бѣжалъ, то пойманнаго приковывалъ цѣпью къ столбу. Приказывалъ въ лѣсу рыть ямы и ими ограждать избы и закладывать дыры, что давало деревнѣ его очень странный видъ и было крайне тяжело для крестьянъ, но позволяло Ч. легкимъ способомъ очищать свои лѣса. Зимой отверстія и двери въ избахъ Ч.—въ приказывалъ обкладывать навозомъ и снѣгомъ, а пнями топить. Брань, ругательства и сѣченіе крестьянъ производились ежедневно. Я считалъ нужнымъ внушить и Ч. о необходимости измѣнить его образъ управленія крестьянами и дворовыми людьми, подъ опасеніемъ учрежденія надъ нимъ опеки. Ч. крайне обидѣлся и изумился, что предводитель дворянства вздумалъ вмѣшиваться въ его домашнія дѣла, и сказалъ мнѣ, что давно живеть въ уѣздѣ, что никогда ни одинъ предводитель не позволялъ себѣ подобныхъ внушеній и что онъ хорошо знаетъ свои права и обязанности. Къ этому майоръ прибавилъ: что же касается до „гуманности“, то онъ ее считаетъ источникомъ всякихъ беспорядковъ и бѣдствій, и что о моихъ дѣйствіяхъ, клонящихся къ возмущенію крѣпостныхъ людей, онъ считаетъ долгомъ донести высшему начальству. Ч.—въ побѣжалъ въ Рязань съ жалобой на меня къ губернскому предводителю дворянства *Ник. Ник. Реткину*, который нашелъ мои дѣйствія несогласными съ настоящими дворянскими чувствами и понятіями. Я же, съ своей стороны, довелъ до свѣдѣнія губернатора о дѣйствіяхъ Ч., который и былъ имъ вызванъ и получилъ нужные внушенія. Такимъ образомъ дисциплинарная дѣятельность Ч. была нѣсколько сокращена.

Не могу здѣсь не рассказать объ одномъ случаѣ, бывшемъ впоследствии съ майоромъ Ч. Этотъ случай вполне оправдывалъ мои старанія къ сокращенію помѣщичьей власти. Когда я уже не былъ предводителемъ, произошло слѣдующее. Кучеръ г. Ч., проѣзжавши разъ съ своимъ баринкомъ зимою по лѣсу въ саняхъ, слѣзъ съ облучка и связалъ В. И. Ч.—ву: „нѣтъ, ваше высокоблагородіе, жить у васъ больше мнѣ не въ моготу“. Затѣмъ снялъ вожжи, сдѣлалъ петлю и, перекинувши на толстый сукъ дерева, покончилъ свою жизнь. Какъ Ч. въ это время былъ разбитъ параличомъ, то ему предстояло замерзнуть въ лѣсу; но лошадь сама привезла его домой. Ч. самъ это рассказывалъ въ доказательство „глупости и грубости простаго народа“.

Еще было нѣсколько подобныхъ случаевъ, хотя въ меньшихъ размѣрахъ, т.-е. жаловались на небогатыхъ помѣщиковъ, которые, послѣ моихъ распоряжкомъ съ столбовыми защитниками неограниченной власти помѣщиковъ, хотя съ гнѣвомъ въ душѣ, но съ покорностью на словахъ и отчасти на самомъ дѣлѣ, принимали мои внушенія къ исполненію.

Приближались дворянскіе выборы. Съѣхались въ Рязань изъ Сапожковскаго уѣзда чуть-чуть не всё дворяне, имѣвшіе право голоса. Пріѣхали даже такіе дворяне, которые хотя не могли дѣйствовать шаромъ, но тѣмъ усерднѣе всюду рассказывали о моихъ недворянскихъ стремленіяхъ и дѣйствіяхъ. Губернскій предводитель, Н. Н. Реткинъ, громко и вездѣ осуждалъ мои дѣйствія. Не таковъ, говорилъ онъ, долженъ быть предводитель дворянства: если я увижу, что мой братъ дворя-

или зарізалъ человѣка, то и тутъ пойду подъ присягу, что ничего не знаю. Дворяне Сапожковскаго уѣзда, ко мнѣ расположенные, опасаясь забаллотировки, совѣтовали мнѣ не баллотироваться въ предводители. Я увѣренъ былъ въ забаллотировкѣ; но мнѣ казалось предосудительнымъ въ данныхъ обстоятельствахъ не баллотироваться, что значило трусить и оказывать моимъ врагамъ нѣкоторое уваженіе. Я пошелъ на баллотировку и меня блистательно забаллотировали — почти двумя третями. Ужасно взбѣсило моихъ враговъ то, что я этимъ ни мало не сконфузился и всѣмъ рассказывалъ, сколько шаровъ получилъ я налѣво.

Кошелевы лѣтомъ жили въ деревнѣ, а на зиму переѣзжали въ Москву, какъ это было въ обычаѣ у всѣхъ богатыхъ помѣщиковъ около-московныхъ губерній, считавшихся жителями столицѣ, гдѣ они имѣли свои дома.

Въ первыхъ двухъ томахъ „Біографіи Кошелева“ я старался собрать факты, подтверждающіе, что интеллигентная жизнь русскаго общества съ двадцатыхъ до пятидесятыхъ годовъ—съ конца царствованія императора Александра I до конца царствованія императора Николая—сосредоточивалась преимущественно въ Москвѣ и въ то время тѣснѣе слившемся съ общественною жизнью университетѣ, который клалъ на ней свой отпечатокъ.

Время для печати тогда было неудобное и образование распространялось преимущественно въ слояхъ болѣе богатаго общества, путемъ оживленныхъ преній, чтеній и писемъ. Въ этомъ смыслѣ громадную услугу оказали пріемныя гостинныя во многихъ московскихъ домахъ, двери которыхъ радушно открывались для всѣхъ, кому дороги были интересы мысли. Въ особенности этою услугою отличались болѣе тѣсныя кружки единомышленниковъ въ общественной средѣ и въ стѣнахъ университета, гдѣ бесѣды получали правильное, систематическое направленіе и убѣжденія складывались въ цѣльное, опредѣленное міровоззрѣніе.

Въ хронологическомъ порядкѣ первые московскіе пріемные дома были у Елагиныхъ („Біогр. Кош.“ II, 9—11) и кн. З. Волконской (Ibid. 265—268). Въ домѣ Елагиныхъ центромъ собиравшагося общества была Авдотья Петровна, о которой Кавелинъ, пользовавшійся въ годы студенчества ея гостепрѣимствомъ и сохранившій о ней самое благодарное воспоминаніе, говорить: „Авдотья Петровна не была писательница, но участвовала въ движеніи русской литературы и русской мысли болѣе, чѣмъ многіе писатели и ученые по ремеслу“. Все, что было выдающагося въ русской литературѣ и наукѣ—являлось попеременно въ домѣ Елагиныхъ, а юно-

ши, только-что сошедшіе со студенческой скамейки, по воспоминаніямъ Кавелина, здѣсь доканчивали свое образованіе и мало-помалу укрѣплялись въ любви къ литературнымъ и научнымъ занятіямъ. Елагины переселились въ Москву въ 1821 году, и съ конца двадцатыхъ годовъ Авдотья Петровна жила въ Москвѣ до переѣзда въ Бѣлевъ сына своего Ник. Алекс. Елагина, въ началѣ семидесятыхъ годовъ избраннаго тамошнимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства; но блестящею эпохой Елагинскихъ воскресеній было время съ конца двадцатыхъ годовъ, когда возмужали Кирѣевскіе, до смерти мужа Авдотьи Петровны въ 1846 году. Въ скромной гостиной Авдотьи Петровны, гдѣ были постоянными посѣтителями: Хомяковъ, жившіе у него Дм. А. Валуевъ и А. Н. Поповъ, Баратынскій, Н. Ф. Павловъ и жена его, еще бывшая дѣвицею Янишъ, впоследствии Самаринъ, Авсаковъ, Кошелевъ, Стаховичъ, собирались всѣ члены мыслящаго и образованнаго московскаго общества и заѣзжіе въ Москву таланты; здѣсь гостями являлись: Пушкинъ послѣ написанія „Бориса Годунова“, Жуковский, И. И. Дмитріевъ, Салтыковъ, Орловъ, кн. Вяземскій, А. Н. Тургеневъ, Чаадаевъ, Максимовичъ, Шевыревъ, Погодинъ, Крюковъ, Грановскій, Рѣдвинъ. Въ позднѣйшее сравнительно уже время въ домѣ Елагиныхъ воспитались трое Бакуниныхъ (братья эмигранта), художникъ Мамоновъ и др. На вечерахъ у Елагиныхъ происходили иногда чтенія. Тутъ нѣсколько разъ Гоголь читалъ свои комедіи и первыя главы тогда еще не изданныхъ „Мертвыхъ душъ“; для этихъ вечеровъ была написана проф. Крюковымъ прекрасная статья о греческой исторіи. Хомяковъ прочелъ зимой 1839 или 1838 года статью „О старомъ и новомъ“, гдѣ онъ впервые высказалъ свои мнѣнія древней русской исторіи и о назначеніи Россіи. Статья эта, совершенно не похожая на послѣдующія сочиненія Хомякова и по содержанію, и по внѣшней отдѣлкѣ, вызвала въ слушателяхъ многочисленныя и разнообразныя возраженія. Первый отозвался на нее И. В. Кирѣевскій статью „Въ отвѣтъ А. С. Хомякову“, гдѣ также впервые изложены были, — правда, неясные и бездоказательные, — наброски основныхъ началъ славянофильскаго ученія въ томъ видѣ, какъ они впоследствии сложились въ цѣлое и систематическое воззрѣніе.

Княгиня З. Волконская прожила въ Москвѣ съ 1824 по 1829 годъ. Вечера ея имѣли музыкально-литературный характеръ; распорядителемъ этихъ вечеровъ былъ кн. П. А. Вяземскій, а гостями

большою частью тѣ же самыя лица, какъ у Елагиныхъ, но особенно близкими посѣтителами у княгини были Шевыревъ, Мицкевичъ, во время пребыванія его въ Москвѣ, и Веневитиновъ.

Своеобразное положеніе въ Москвѣ занялъ вернувшійся въ 1827 году изъ-за границы Чаадаевъ. Послѣ трехмѣсячнаго уединенія Чаадаевъ вошелъ въ московское общество. Тридцать лѣтъ сряду, говоритъ въ своемъ о немъ воспоминаніи Д. Н. Свербеевъ, въ обветшавшей своей квартирѣ изъ трехъ небольшихъ комнатъ, принималъ Чаадаевъ у себя еженедѣльно своихъ многочисленныхъ знакомыхъ, сперва вечеромъ по средамъ, а потомъ утромъ по понедельникамъ, и любилъ, чтобы въ эти дни его не забывали. Вся Москва, какъ говорится фигурально, знала, любила, уважала Чаадаева, снисходила къ его слабостямъ, даже ласкала эти слабости. Кто бы ни пріѣзжалъ чрезъ городъ изъ людей замѣчательныхъ, — давній знакомецъ посѣщалъ его, незнакомый сѣшилъ съ нимъ познакомиться. Кюстинъ, Могень (Mauguin), Малисье, Сиркуръ, Мериме, Листъ, Берлиозъ, Гакстаузенъ — всѣ у него перебывали. Гоголь, еще до появленія „Мертвыхъ душъ“, пріѣхалъ въ одну среду вечеромъ къ Чаадаеву („Рус. Арх.“ 1868 г., 995).

Въ 1826 году возвратился изъ-за границы Д. Н. Свербеевъ и поступилъ въ московскій архивъ иностранныхъ дѣлъ, гдѣ сошелся съ „архивными юношами“ („Биог. Кош“. II, 60) и появился въ домѣ Елагиныхъ. Вскорѣ, въ началѣ тридцатыхъ годовъ, возникли знаменитыя „пятницы“ у Свербеевыхъ, гдѣ преимущественно происходили споры между раздѣлившимися въ концѣ сороковыхъ годовъ западниками и славянофилами и гдѣ главнымъ бойцомъ западнаго лагеря явился А. И. Герценъ, во время московской его жизни съ 1842 по 1846 годъ. Вскорѣ послѣ революціи сорокъ восьмаго года Свербеевскіе вечера закрылись.

Въ 1835 году, писалъ одинъ изъ членовъ тогдашняго интеллигентнаго общества, „мы собираемся по пятницамъ у Свербеевыхъ, по воскресеньямъ у Кириѣвскаго, иногда по четвергамъ у Кошелевыхъ и время отъ времени у Баратынскаго. Два-три раза въ недѣлю мы всѣ въ сборѣ, дамы — непремѣнныя участницы нашихъ бесѣдъ, и мы проводимъ время какъ нельзя веселѣе: Хомяковъ спорить, Кириѣвскій поучаетъ, Кошелевъ рассказываетъ, Баратынскій поэтизируетъ, Чаадаевъ проповѣдуетъ или возводитъ очи къ небу, Герке (музыкантъ, близкій пріятель Веневитинова) дурачится, Мещерскій мол-

чить, мы остальные слушаемъ. Павловъ еще въ деревнѣ, пишетъ повѣсти; Скарятинъ завелъ славную академію“ („Біог. Кош.“ II, 227—228).

Наконецъ въ это же время интеллигентная Москва собиралась у Павловыхъ. Н. Ф. Павловъ, изъ театральной школы переведенный Ковошкинымъ въ Московскій университетъ, получилъ въ тридцатыхъ годахъ крупную литературную извѣстность своими повѣстями, въ которыхъ и Бѣлинскій призналъ выдающійся внѣшній талантъ блестящаго и остроумнаго наблюдателя, и сдѣлался обычнымъ посѣтителемъ всѣхъ литературныхъ кружковъ. Послѣ десятилѣтняго молчанія Павловъ въ 1856 г. появился въ числѣ сотрудниковъ „Рус. Вѣстника“, гдѣ онъ помѣщалъ свои критическія статьи до 1861 г., когда Павловъ предпринялъ, съ негласнымъ пособіемъ отъ правительства, изданіе газеты „Наше Время“, въ 1863 году переименованной въ „Русскія Вѣдомости“ и переданной въ 1864 г., послѣ смерти Павлова и короткаго редакторства его сына, Свворцову. Супруга Павлова, извѣстная Королина Карловна, урожденная Янишь, принадлежала къ числу тѣхъ возвышенно-сантиментальныхъ натуръ, которыя на дѣлѣ, въ житейскихъ отношеніяхъ, оказываются жестче и грубѣе всякаго, повидимому, безчувственнаго флегматика; но во всякомъ случаѣ ей нельзя отказать въ нѣкоторомъ поэтическомъ талантѣ.

Отличительною характеристикой умственной жизни тогдашняго московскаго общества было философско-эстетическое направленіе: всякія практическія задачи, всякое даже проявленіе движенія въ обществѣ считалось преступленіемъ и подвергало неминуемой карѣ. Извѣстныя обстоятельства объясняютъ, почему люди того времени всецѣло уходили въ отвлеченное мышленіе, въ науку и искусство. Ю. О. Самаринъ говоритъ, что „о политическихъ вопросахъ никто тогда не толковалъ и не думалъ“ (Пыпинъ: „Хар. Л. Мн.“, 237).

Этимъ московская молодежь отличалась отъ современной петербургской, гдѣ Анненковъ, возвратившись въ 1843 г. изъ-за границы, „встрѣтилъ отраженіе многихъ сторонъ тогдашней интеллектуальной жизни на Западѣ. Книга Прудона о собственности, „Икарія“ Кабэ, сочиненія Фурье—все это служило предметомъ изученія, горячихъ толковъ, вопросовъ и чайній всякаго рода. Книги названныхъ авторовъ были во всѣхъ рукахъ въ эту эпоху (1840—1843), подвергались всестороннему изученію и обсужденію, породили своихъ ораторовъ, комментаторовъ, толковниковъ“. Движеніе это разрѣшилось появленіемъ кружка Бутаевича-Петрашевскаго.

Университетъ въ этотъ періодъ обогатился слѣдующими профессорами: въ 1820 году вступилъ на кафедру Павловъ (ум. въ 1840 г.), въ 1826 г.—Максимовичъ (выш. въ 1834 г.) и Погодинъ (выш. 1844 г.), въ 1831 г.—Надеждинъ (выш. въ 1835 г.), въ 1833 г.—Шевыревъ и Морошвинъ, въ 1835 г.—Крыловъ, Рѣдкинъ (выш. въ 1848 г.) и Крюковъ (ум. въ 1845 г.), въ 1839 г.—Грановскій, въ 1840 г.—Рулье, въ 1842 г.—Бодянский и Буслаевъ, въ 1844 г.—Кавелинъ (выш. въ 1848 г.), въ 1845 г.—Соловьевъ, въ 1847 г.—Кудрявцевъ, Леонтьевъ и Мюльгаузенъ. Кромѣ своего вліянія на университетскую молодежь, всѣ они болѣе или менѣе принимали участіе въ тогдашнемъ умственномъ движеніи общества, а нѣкоторые были постоянными и вліятельными посѣтителеми московскихъ салоновъ.

Я уже говорилъ объ образованіи въ двадцатыхъ годахъ общества, собиравшагося у Раича, зерно котораго составилось изъ воспитанниковъ Университетскаго Благороднаго пансіона и въ которому мало-помалу применило большинство тогдашней мыслящей московской молодежи, и о выдвигавшемся болѣе тѣснымъ кружкѣ, сгруппировавшемся около вн. Одоевскаго, куда принадлежали бр. Кирѣевскіе, Веневитиновы, Рожалинъ*), Кошелевъ, Шевыревъ, Соболевскій, Мельгуновъ, Максимовичъ и отчасти Погодинъ и гдѣ пріютилась философія Шеллинга, тогда довольно распространенная въ русскомъ обществѣ. Въ тридцатыхъ годахъ, на смѣну этихъ кружковъ, подъ сѣнью университета выросли другіе кружки молодежи, изъ которыхъ вышли люди занявшіе самыя видныя мѣста въ числѣ дѣятелей сороковыхъ годовъ. Кружковъ этихъ было, какъ извѣстно, главныхъ два: Герцена и Станкевича.

А. И. Герценъ вступилъ въ Московскій университетъ, вмѣстѣ съ своимъ другомъ дѣтства Огаревымъ, въ 1831 году на физико-математическій факультетъ и окончилъ курсъ кандидатомъ въ 1833 году. Кружку Герцена предшествовалъ кружокъ Сунгуров-

*) Изъ письма вн. Одоевскаго къ Ал. Нв. отъ 13 іюля 1834 г. видно, что Рожалинъ умеръ около этого времени, почти вслѣдъ за его пріѣздомъ. Рожалина, какъ видно, очень цѣнили его друзья. Кн. Одоевскій прибавляетъ: „Право, братъ, это очень глупо: уроды живутъ и размножаются, а такіе люди, какъ Рожалинъ, мрутъ какъ мухи; но можетъ-быть онъ теперь счастливѣе насъ, можетъ-быть онъ теперь знаетъ то, чего мы не знаемъ и чего онъ вѣрно самъ не понималъ. Постарайся, чтобы собрали все, что осталось послѣ покойника, и напечатали бы,—деньгами и чѣмъ нужно будетъ и я помогу“.

скій, имѣвшій, повидѣмому, главнымъ образомъ политической от-
тѣвною. Въ 1833 году Сунгуровскій кружокъ былъ уничтоженъ,
по обвиненію въ составленіи тайнаго общества, и виновные под-
верглись строгому наказанію. Молодой семейный помѣщикъ Сун-
гуровъ, находившійся на службѣ, приговоренъ былъ къ лишенію
правъ состоянія и къ ссылке въ Сибирь; съ этапа на Воробье-
выхъ горахъ Сунгуровъ бѣжалъ, но на другой день былъ пойманъ,
хотѣлъ зарѣзаться, не успѣлъ въ этомъ и сосланъ былъ въ ка-
торжную работу въ Нерчинскъ, гдѣ и умеръ*). Студенты: Кольрейфъ,
сынъ нѣмецкаго пастора, отличный музыкантъ, Антоновичъ, Косте-
нецкій и Оболенскій—разжалованы въ рядовые оренбургскихъ ба-
таліоновъ. Кольрейфъ черезъ 10 лѣтъ былъ возвращенъ въ Моск-
ву къ отцу, Костенецкій и Антоновичъ отличились на Кавказѣ и
произведены были въ офицеры. Герценъ такъ описываетъ дѣятель-
ность своего кружка: „На второй годъ университетскаго курса,
т.-е. осенью 1831 года, мы (т.-е. Герценъ и Огаревъ) встрѣтили
въ числѣ новыхъ товарищей двоихъ, съ которыми особенно сбли-
зились. Мы вошли въ аудиторію съ твердою цѣлью основать въ
ней зерно общества по образцу и подобію декабристовъ и потому
искали прозелитовъ и послѣдователей. Первый товарищъ, ясно по-
нявшій насъ, былъ Сазоновъ,—мы нашли его совсѣмъ готовымъ и
тотчасъ подружились. Сазоновъ сознательно подалъ свою руку и
на другой день привелъ намъ еще одного студента (Сатина). Са-
зоновъ имѣлъ рѣзкія дарованія и рѣзкое самолюбіе. Ему было
лѣтъ 18, скорѣе меньше, но, несмотря на то, онъ много зани-
мался и читалъ все на свѣтѣ. Мы подали другъ другу руку и,
à la lettre, пошли проповѣдывать свободу и борьбу во всѣ че-
тыре стороны нашей молодой вселенной (universitas). Проповѣды-
вали мы вездѣ, всегда. Что мы собственно проповѣдывали, трудно
сказать. Идеи были смутны; мы проповѣдывали декабристовъ и
французскую революцію, потомъ проповѣдывали сенсимонизмъ
и ту же революцію; мы проповѣдывали конституцію и республику,
чтеніе политическихъ книгъ и сосредоточеніе силъ въ одномъ обще-
ствѣ. Но пуще всего проповѣдывали ненависть ко всякому насилію,
ко всякому произволу. Общество въ сущности никогда не составля-

---

*) Нѣсколько иначе, но смутно, сунгуровскій эпизодъ изложенъ у Анненкова („Ан-
ненковъ и его друзья“. 1892, стр. 111—112.).

лось, но пропаганда наша пустила глубокие корни во все факультеты и далеко перешла университетские стѣны“. Къ кружку Герцена, который продолжался и послѣ выхода его изъ университета до высылки, присоединились постепенно: В. Пасекеъ, Сатинъ, Павловъ, Лактинъ (молодой человекъ изъ купечества, женатый), Кетчеръ, Сорокинъ, Савичъ. Т. Н. Пасекеъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ“ упоминаетъ въ числѣ участниковъ кружка Герцена двухъ братьевъ В. В. Пасекеъ (Д. В. и А. Пасекеъ), Косича, Мажарова и Миллера. Къ кружку Герцена, какъ видно изъ переписки, подавшей поводъ къ арестованію членовъ кружка, принадлежалъ поэтъ Соколовскій, который былъ студентомъ Московскаго университета съ 1830—1833 г. и по окончаніи курса вступилъ на службу въ Петербургъ. Герценъ, подъ влияніемъ Павлова, прежде всего увлекался Шеллингомъ и Оксеномъ („Изъ дальнихъ лѣтъ“ Т. Н. Пасекеъ, I, 328), а потомъ перешелъ къ политической пропагандѣ. Но кружокъ Герцена не былъ совершенно солидаренъ и расходился въ направленіяхъ. „Послѣ польскаго возстанія часть молодежи—и въ числѣ ея В. Пасекеъ—бросилась на глубокое и серьезное изученіе исторіи, другая на изученіе нѣмецкой философіи. Мы съ Огаревымъ не принадлежали ни къ тѣмъ, ни къ другимъ,—мы искали чего-то другаго, чего не могли найти въ Несторовой лѣтописи, ни въ трансцендентальномъ идеализмѣ Шеллинга. Среди этого броженія, среди догадокъ, усилій понять сомнѣнія, пугавшія насъ, попались въ наши руки сенсимонистскія брошюры, ихъ проповѣдь, ихъ процессъ. Онѣ поразили насъ. Кругъ нашъ еще тѣснѣ сомкнулся. Уже тогда, въ 1833 году, либералы смотрѣли на насъ изъ подлобья, какъ на сбившихся съ дороги. Передъ самою ссылкой сенсимонизмъ поставилъ рубежъ между мной и Н. А. Полевымъ“. Савичъ, впоследствии известный астрономъ, никогда не присоединялся ни къ политической пропагандѣ, ни къ умозрительной философіи и вообще стоялъ дальше всѣхъ отъ кружка, привязанный къ нему только внѣшними пріятельскими отношеніями. Кетчеръ, медикъ по профессіи, не входилъ глубоко въ умственные интересы кружка и больше платонически наслаждался умною бесѣдой людей, къ которымъ привязывали его культурныя стремленія его дикой, по внѣшнему виду, природы. Кружокъ продолжался и послѣ выхода изъ университета, но онъ вскорѣ обратилъ на себя вниманіе полиціи. Въ томъ же 1834 году, при отправкѣ въ Оренбургъ сту-

дентовъ, замѣшанныхъ въ сунгуровской исторіи, Огаревъ и И. Кирѣевскій сдѣлали, каждый въ своемъ кругу, подписку для снабженія арестантовъ теплою одеждою и нѣкоторою имъ помощи. Кирѣевскій доставилъ собранныя деньги московскому коменданту Сталю, а Огаревъ самъ отвезъ въ казармы. Осужденные съ дороги прислали благодарственное письмо чрезъ проѣзжавшаго чиновника, представившаго письмо жандармскому окружному генералу въ Москвѣ. Вслѣдствіе этого Герценъ, Огаревъ, Кетчеръ, Сатинъ, Пассекъ, Оболенскій и пр. были вызваны и по сдѣланіи имъ надлежащаго внушенія отпущены. Вскорѣ случилось такое происшествіе. Одинъ студентъ окончившій курсъ давалъ своимъ пріятелямъ праздникъ 24 іюня 1834 года, гдѣ пьяная компанія пѣла недозволенные пѣсни; собесѣдники были арестованы въ числѣ 20 человекъ, но на этой пирушкѣ не было никого изъ членовъ кружка. Авторомъ этихъ пѣсенъ оказался поэтъ Соколовскій, авторъ поэмъ „Мірозданіе“ и „Хевери“. У Соколовскаго нашли письмо Сатина, у Сатина—письмо Огарева, у Огарева—письмо Герцена, и такимъ образомъ къ процессу привлечено было постепенно большинство членовъ кружка. Для производства слѣдствія и суда назначена была особая коммиссія подъ предсѣдательствомъ вк. С. М. Голицына. Приговоръ былъ объявленъ 20 марта 1835 года. Изъ числа подсудимыхъ Соколовскій, художникъ Уткинъ и офицеръ Ибаевъ обвинены были въ оскорбленіи Величества и приговорены къ заключенію въ Шлиссельбургской крѣпости безсрочно. Уткинъ чрезъ 2 года умеръ въ казематѣ. Соколовскій, около года просидѣвъ въ Шлиссельбургѣ, въ 1836 г. поселился въ Петербургѣ, въ 1837 году переселился на службу въ Вологду и въ 1839 г. умеръ на Кавказѣ. Ибаевъ высланъ въ Пермь и сдѣлался тамъ мистикомъ.

Изъ числа членовъ кружка, у которыхъ сдѣланъ былъ обыскъ и найдены запрещенныя книги и брошюры С.-Симона, Фурье и пр., Герценъ приговоренъ былъ къ ссылкѣ въ Пермь, а оттуда переведенъ въ Вятку, Огаревъ—въ Пензу къ больному отцу, Сатинъ, Лахтинъ, Оболенскій и Сорокинъ—въ другія мѣста; остальные члены кружка: Сазоновъ, Пассекъ, Кетчеръ, не находившіеся въ Москвѣ,—не были привлечены, такъ какъ писемъ ихъ не оказалось ни у кого изъ товарищей. Изъ членовъ Герценовскаго кружка только самъ Александръ Ивановичъ игралъ впоследствии видную роль въ московскомъ обществѣ. Сазоновъ, послѣ непродолжитель-

ной жизни въ Москвѣ и Петербургѣ, уѣхалъ за границу и сдѣлался эмигрантомъ. Герценъ вообще былъ не высокаго мнѣнія о Сазоновѣ и указываетъ на его страсть еще въ университетѣ окружать себя „дворомъ“ изъ посредственностей, которыхъ онъ могъ импонировать. Точно также съ несовсѣмъ выгодной стороны вспоминаетъ о Сазоновѣ другой его университетскій товарищъ—К. С. Аксаковъ: „Замѣчательнѣе другихъ былъ Сазоновъ, перешедшій изъ другаго отдѣленія (изъ физико-математическаго на словесный факультетъ). Сазоновъ былъ человекъ умный, но фразеръ и эффектеръ. На третьемъ курсѣ мы (Аксаковъ и Сазоновъ) уже были на первомъ планѣ, считались первыми студентами и получили притомъ вѣсь студентовъ старыхъ. Сазоновъ считался первымъ студентомъ; онъ, точно, былъ человекъ очень образованный, очень много читавшій, впрочемъ преимущественно французскихъ писателей; но въ особенности онъ умѣлъ ловко себя держать, умѣлъ придавать себѣ вѣсь. Я помню, случилось, что онъ не знаетъ того, о чемъ его спрашиваетъ профессоръ, отвѣчаетъ, ошибается, но все это съ такимъ чувствомъ собственнаго достоинства, съ такой увѣренностью въ себѣ, что и профессору казалось, что Сазоновъ прекрасно отвѣчаетъ. Если профессоръ поправлялъ явную ошибку Сазонова, Сазоновъ соглашался на поправку профессора или какъ бы съ снисхожденіемъ, или же какъ на дѣло совершенно ему извѣстное, но о которомъ онъ, странно въ самомъ дѣлѣ, какъ будто позабылъ. Итакъ, я тогда же увидаль и замѣтилъ этихъ мастеровъ, дѣйствующихъ такъ ловко не на одной студенческой лавкѣ, но и въ жизни,—этихъ ловкихъ людей, небрежныхъ повидимому, но такъ умѣющихъ себя выставить и такъ искусно, что увидать все, что имъ хотѣлось выставить, а не увидать того только, какъ они себя выставляютъ. Я говорилъ Сазонову о его ловкости, онъ смѣялся и совѣтовалъ мнѣ такъ же дѣйствовать. Но такой образъ дѣйствій мнѣ былъ совершенно противоположенъ, и такого мастерства я никогда не хотѣлъ, и не хочу“ („День“ 1862, № 40, 5). Въ Парижѣ Сазоновъ предавался сначала веселой жизни, а потомъ, лѣтомъ 1848 года, основалъ скоро закрывшійся международный клубъ, гдѣ собирались французы, нѣмцы, поляки и пр.—изъ второстепенныхъ агитаторовъ; затѣмъ Сазоновъ участвовалъ въ „La Tribune des peuples“, издававшейся подъ главнымъ завѣдываніемъ Мицкевича, и помѣстилъ во II томѣ „Полярной Звѣзды“ статью объ

участіи Россіи на всемірной выставкѣ. Изгнанный изъ Франціи, Са-
зоновъ жилъ въ Женевѣ и умеръ тамъ въ бѣдности, въ концѣ пя-
тидесятихъ годовъ. В. Пассекъ, вслѣдствіе процесса Герценовскаго
кружка, не получилъ обѣщаннаго ему мѣста профессора русской
исторіи въ Харьковскомъ университетѣ и, кое-какъ пробывавшись,
умеръ отъ чахотки въ Москвѣ въ 1842 году. Двое изъ кружка Гер-
цена, Кетчеръ и Сатинъ, вошли потомъ въ кружокъ западниковъ
сороковыхъ годовъ.

Станкевичъ поступилъ въ университетъ въ 1831 году (т.-е. од-
новременно съ Герценомъ) и жилъ почти до конца курса у проф.
Павлова; но самое сильное на него вліяніе изъ преподавателей
имѣлъ открывшій свои чтенія въ 1832 году проф. Надеждинъ; въ
1834 году Станкевичъ окончилъ курсъ кандидатомъ по словесному
факультету. По окончаніи курса, Станкевичъ сначала поѣхалъ въ
Петербургъ, но вскорѣ возвратился въ деревню, откуда въ концѣ
января 1835 года вернулся въ Москву. Двѣ зимы (1835—1836 гг.)
Станкевичъ почти безвыѣздно, съ малыми отлучками въ деревню,
прожилъ въ Москвѣ и въ 1836 году, съ мая по августъ, лѣчился на
Кавказѣ, откуда вернулся въ деревню и въ октябрѣ 1836 года въ
Москву. Въ мартѣ 1837 года Станкевичъ слегъ въ постель и въ
августѣ уѣхалъ за границу, гдѣ, послѣ лѣченія въ Карлсбадѣ,
онъ въ половинѣ октября 1837 года пріѣхалъ въ Берлинъ и про-
велъ тамъ двѣ зимы (1838 и 1839 годѣвъ). Въ концѣ 1839 года
Станкевичъ отправился въ Италію и скончался въ городкѣ Нови, 24
іюня 1840 года, двадцати семи лѣтъ отъ роду. Кружокъ Станке-
вича былъ гораздо многочисленнѣе; изъ товарищей студентовъ къ
нему, кромѣ исключеннаго въ 1831 году Бѣлинскаго, принадлежали:
восторженный поэтъ Красовъ, бывший потомъ извѣстнымъ профес-
соромъ санскритскаго языка Петровъ, В. Строевъ, Бодянской, Ефре-
мовъ, съ которыми Станкевичъ былъ очень близокъ, и, впоследствии,
Аксаковъ, И. Бецкій и др.; изъ лицъ ранѣе окончившихъ курсъ—
поэтъ Ключниковъ, въ кружкѣ товарищей отличавшійся юморомъ,
а съ 1838 года начавшій печатаніе лирическихъ стихотвореній
подъ именемъ—**Θ**—и Невѣровъ. Кандидатъ Московскаго универси-
тета, Невѣровъ былъ въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ со Станке-
вичемъ, и къ нему обращена самая значительная часть изъ напе-
чатанной переписки Станкевича. Григорьевъ, въ своихъ „Воспоми-
наніяхъ“ о Грановскомъ, говоритъ о Невѣровѣ, что онъ „былъ одною

изъ самыхъ чистыхъ и теплыхъ душъ, какія я встрѣчалъ только въ жизни, и притомъ натурой въ высшей степени общительною“ („Рус. Бес.“ 1856 г., III, 40). Въ томъ же именно смыслѣ описываетъ Я. М. Невѣрова коротко его знавшій А. В. Станкевичъ. Невѣровъ, вмѣстѣ съ Краевскимъ, находился тогда въ редакціи „Жур. Мин. Народн. Просвѣщенія“ и участвовалъ въ другихъ петербургскихъ журналахъ. У Невѣрова собирався кружокъ петербургскихъ студентовъ и его товарищей по Московскому университету; къ этому кружку принадлежали Грановскій и Григорьевъ. Грановскій также былъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ Невѣровымъ; за границу, куда онъ хотѣлъ отправиться вмѣстѣ съ Невѣровымъ, Станкевичъ встрѣтился съ послѣднимъ и Грановскимъ. Станкевичъ открылъ Кольцова, который много обязанъ Станкевичу и Бѣлинскому какъ развитіемъ своего таланта, такъ и литературною извѣстностью. Проѣзжая въ деревню, во время своего студентства, Станкевичъ столкнулся съ Кольцовымъ въ Воронежѣ, прочелъ его самобытные опыты и одобрилъ ихъ. Въ 1831 г. Кольцовъ по дѣламъ своего отца пріѣхалъ въ Москву и Станкевичъ ввелъ его въ общество литераторовъ; въ 1835 году Станкевичъ въ первый разъ напечаталъ 18 стихотвореній Кольцова, выбранныхъ изъ довольно увѣсистой и толстой тетради. Герценъ, который могъ знать Станкевича только студентомъ, говоритъ о немъ: „Станкевичъ, тоже одинъ изъ *праздныхъ* людей, ничего не совершившихъ, былъ первый послѣдователь Гегеля въ кругу московской молодежи. Онъ изучилъ нѣмецкую философію глубоко и эстетически; одаренный необыкновенными способностями, онъ увлекъ большой кругъ друзей въ свое любимое занятіе. До ссылки между нашимъ кругомъ и кругомъ Станкевича не было большой симпатіи. Имъ не нравилось наше почти исключительно-политическое направленіе, намъ не нравилось ихъ почти исключительно-умозрительное. Они насъ считали фронтѣрами и французами, мы ихъ—сентименталистами и нѣмцами. Болѣзненный, пылкій по характеру, поэтъ и мечтатель, Станкевичъ естественно долженъ былъ больше любить созерпаніе и отвлеченное мышленіе, чѣмъ вопросы жизненные и чисто-практическіе; его артистическій идеализмъ ему шелъ,—это былъ „побѣдный вѣнокъ“, выступавшій на его блѣдномъ, предсмертномъ челѣ юноши“. Другой очевидецъ, тоже ежедневно посѣщавшій кружокъ Станкевича, К. Аксаковъ, ко-

тому въ это время философскіе интересы были чужды, но который первоначальное влеченіе къ Гегелевской философіи, составившей предметъ его занятій уже впоследствии, получилъ въ кружкѣ Станкевича, передалъ свои впечатлѣнія съ другой стороны: „Въ кружкѣ Станкевича выработалось уже общее воззрѣніе на Россію, на жизнь, на литературу, на міръ,—воззрѣніе, большею частью, отрицательное. Искусственность россійскаго классическаго патріотизма, претензіи наполнявшія нашу литературу, усилившаяся фабрикація стиховъ, неискренность печатнаго лиризма — все это породило справедливое желаніе простоты и искренности, породило сильное нападеніе на всякую фразу и эффектъ; и то и другое высказалось въ кружкѣ Станкевича, быть-можетъ впервые, какъ мнѣніе цѣлаго общества людей. Какъ всегда бываетъ, отрицаніе лжи довело и здѣсь до односторонности; но, надо отдать справедливость, односторонность эта не была крайняя, была искренняя; нападеніе на претензію—даже иногда и тамъ, гдѣ ея не было—не переходило само въ претензію, какъ это часто бываетъ и какъ это было въ другихъ кружкахъ. Одностороннѣе всего были нападенія на Россію, возбужденныя казенными ей похвалами. Пятнадцатилѣтній юноша, вообще довѣрчивый и тогда готовый вѣрить всему, еще многого не передумавшій, еще со многимъ не уравнившійся, я былъ пораженъ такимъ направленіемъ, и мнѣ часто было больно; въ особенности больно было мнѣ нападеніе на Россію, которую люблю съ самыхъ малыхъ лѣтъ. Кружокъ этотъ, будучи свободомысленъ, не любилъ ни фронтёрства, ни либеральничанья, боясь вѣроятно той же неискренности, той же претензіи, которыя ему были ненавистнѣе всего, и даже, вообще, политическая сторона занимала его мало. Насмѣшливость и иногда горькая шутка звучали въ этихъ студенческихъ бесѣдахъ. *Такой кружокъ не могъ быть увлеченъ никакимъ авторитетомъ.* Опредѣляя этотъ кружокъ, я опредѣляю всего болѣе Станкевича, именемъ котораго по справедливости называю кружокъ; стройное существо его духа удерживало его друзей отъ того легкаго отрицанія, къ которому человекъ такъ охотно бѣжитъ отъ свободы. Станкевичъ самъ былъ человекъ совершенно простой, безъ претензіи, и даже нѣсколько боявшійся претензіи, человекъ необыкновеннаго и глубокаго ума; главный интересъ его была чистая мысль. Не бывши собственно діалектикомъ, Станкевичъ въ спорахъ такъ строго, логически и ясно говорилъ, что са-

мые щегольскіе діалектики, какъ Надеждинъ и Бакунинъ, должны были ему уступать. Въ существѣ его не было односторонности; искусство, красота, изящество много для него значили. Онъ имѣлъ сильное значеніе въ своемъ кругу, но это значеніе было вполне свободно и законно, и отношеніе къ Станкевичу друзей, невольно признававшихъ его превосходство, было проникнуто свободою любовью, безъ всякаго чувства зависимости. Скажу еще, что Бакунинъ не доходилъ при Станкевичѣ до крайнихъ безжизненныхъ и бездушныхъ выводовъ мысли, а Бѣлинскій еще воздерживалъ при немъ свои буйныя хулы. Хотя значеніе церкви не раскрылось еще Станкевичу,—по крайней мѣрѣ до отъѣзда его за границу,—но церковь и еще семья были для него святынею, на которую Станкевичъ не позволялъ при себѣ видаться. Станкевичъ былъ нѣжный сынъ" („День" 1862 г., № 39, 4—5).

Кружокъ Станкевича продолжался и послѣ выхода его изъ университета и особенно скрѣпился и расширился въ 1835—6 годахъ, когда Станкевичъ болѣе постоянно поселился въ Москвѣ. Въ этомъ кружкѣ въ то время находился постоянно и К. С. Авсаковъ. Кружокъ въ то время расширился и обогатился приобрѣтеніемъ людей даровитыхъ и впоследствии игравшихъ самыя разнообразныя роли въ обществѣ. Однимъ изъ первыхъ присоединился В. П. Боткинъ. Многочисленная семья братьевъ Боткиныхъ вообще состояла изъ лицъ болѣе или менѣе даровитыхъ и, притомъ, въ высокой степени наджеленныхъ эстетическимъ чувствомъ. Василій Петровичъ не получилъ законченнаго и серьезнаго образованія: онъ воспитывался въ пансіонѣ какого-то Крестова, откуда вынесъ только знаніе новѣйшихъ языковъ. Постоянныя занятія въ теченіе всей жизни, заграничныя путешествія, а всего болѣе тѣсное знакомство со всѣми выдающимися въ наукѣ и литературѣ людьми, начиная съ тридцатыхъ годовъ и до самой его смерти (1869), воспитали природныя дарованія Боткина и отвели ему почетное мѣсто не столько въ качествѣ талантливаго писателя, сколько въ смыслѣ живаго и дѣятельнаго участника въ средѣ лицъ, стоявшихъ во главѣ современнаго русскаго просвѣщенія. Лично я познакомился съ В. П. Боткинымъ въ 1865 году, когда въ Петербургѣ среди аристократіи составилъ кружокъ лицъ, сочувствовавшихъ земскому дѣлу,—кружокъ, къ которому применили кн. А. И. Васильчиковъ, кн. Гр. Ал. Щербатовъ, гр. Ал. П. Бобринскій, гр. А. П. Шуваловъ. Ва-

силій Петровичъ почти ежедневно являлся на вечернія собранія и живо интересовался земскимъ дѣломъ; но, къ сожалѣнію, онъ былъ тогда уже устарѣлымъ, болѣзненнымъ и молчаливымъ собесѣдникомъ. Въ которомъ именно году Боткинъ примкнулъ къ кружку, неизвѣстно, но, по словамъ Пыпина, Боткинъ прежде всего сошелся съ Бѣлинскимъ у сына извѣстнаго типографа Н. С. Селивановскаго. „Селивановскій, человѣкъ университетскаго образованія и съ достаточными средствами, имѣлъ литературные вкусы и любилъ собирать у себя представителей московской литературы: вѣроятно здѣсь Бѣлинскій, въ самомъ началѣ своей дѣятельности, встрѣтился и съ Полевымъ“ (Бѣлин. II, 134). Боткинъ близко сошелся и съ Бѣлинскимъ, и со Станкевичемъ: послѣдній писалъ Боткину изъ-за границы: „ты вѣрно давно знаешь, что я тебя люблю и что ты принадлежишь къ немногимъ людямъ, внѣ моего семейства, дѣлающимъ мнѣ возвращеніе въ Россію пріятнымъ“. Съ 1837 года, послѣ отъѣзда Станкевича за границу, кружокъ собирался у В. П. Боткина. Въ 1839 г. Боткинъ уѣхалъ за границу и изъ Италіи началъ присылать свои путевыя наблюденія, печатавшіяся въ „Московскомъ Наблюдателѣ“, издававшемся подъ редакціей Бѣлинскаго. Въ 1835 году къ кружку присоединился только-что вышедшій въ отставку М. Бакунинъ. Семья Бакуниныхъ, въ Тверской губерніи, представляла одинъ изъ тѣхъ рѣдкихъ оазисовъ, гдѣ умственные и эстетическіе интересы одержали верхъ надъ праздною и безнравственною жизнію помѣщичьихъ усадебъ и гдѣ воспитывались лучшіе люди сороковыхъ годовъ. Сосѣдъ по имѣнію Бакуниныхъ, Лажечниковъ такъ описываетъ эту семью: „Какъ было тепло въ этой семьѣ сердцу, какъ умъ и талантъ въ немъ разыгрывались, какъ было въ немъ привольно всему доброму и благородному! Художникъ, музыкантъ, писатель, учитель, студентъ, или просто добрый и честный человѣкъ—были въ немъ обласканы равно, несмотря на состояніе и рожденіе. Казалось мнѣ, бѣдности-то и отдавали въ немъ первое мѣсто. Посѣтители, всегда многочисленные, считали себя въ домѣ не гостями, а принадлежащими къ семейству. Душою дома былъ глава его, патріархъ округа. Какъ хорошъ былъ этотъ величавый, слишкомъ семидесятилѣтній старецъ, съ непокидающею его улыбкой, съ бѣлыми, падающими на плечи волосами, съ голубыми глазами, ничего не видящими, какъ у Гомера, но съ душой глубоко зрящею, средь молодыхъ людей, въ кругу которыхъ онъ особенно

любилъ находиться и которыхъ не тревожилъ своимъ присутствіемъ. Ни одна свободная рѣчь не останавливалась отъ его прихода. Въ немъ забывали лѣта, свыкнувшись только съ его добротой и умомъ. Бакунинъ учился въ одномъ изъ знаменитыхъ въ свое время итальянскихъ университетовъ, служилъ не долго, не гонялся за почестями, доступными ему по рожденію и связямъ его, дослужился до неважнаго чина, и съ молодыхъ лѣтъ поселился въ своей деревнѣ, подъ сѣнъ насаженныхъ его собственною рукою кедровъ. Только два раза вызывали его изъ сельскаго убѣжища обязанность и званіе губернскаго предводителя дворянства и почетнаго попечителя гимназій. Онъ любилъ все прекрасное, природу, особенно цвѣты, литературу, музыку, и лепетъ младенца въ колыбели, и пожатіе нѣжной руки женщины, и красоты сада, и тишину могилы. Что любилъ онъ, то любила его жена, умная и нѣжная женщина, любили дѣти, сыновья и дочери. Никогда семейство не жило гармоничнѣе. Откуда, съ какихъ концовъ Россіи не съѣзжались къ нему посетители! Сюда, вмѣстѣ съ Станкевичемъ, Ботвиннымъ и многими другими даровитыми людьми (имена ихъ смѣшались въ моей памяти), не могъ не попасть и Бѣлинскій“ (Пыпинъ: Бѣл. II, 129—130, прим.).

Бакунинъ, во время своего присоединенія къ кружку, прочитывалъ отъ скуки французскіе трактаты о сенсуализмѣ, какъ началъ всякаго познанія. Станкевичъ прямо съ Кондильяка засаживаетъ его за Гегеля (Анненк. Б.: Станк., 101). Станкевичъ въ 1835—1837 гг. близко сошелся съ Бакунинимъ, они часто жили вмѣстѣ и, какъ сейчасъ видѣли, Станкевичъ введенъ былъ Бакунинимъ въ его семейство. Бакунинъ съ жаромъ предался изученію Гегелевой философіи. „Положенія и истины ея,—говоритъ Анненковъ,—какъ и самыя розысканія въ этой сферѣ, сдѣлались его жизнью, между тѣмъ какъ Станкевичъ былъ поминутно развлекаемъ всѣми явленіями общества, искусства, природы и пр. Дилетантъ, обратившійся въ ревностнаго изслѣдователя, вскорѣ приобрѣлъ даръ блестящаго изложенія, который сообщалъ ему нѣчто похожее на роль провозвѣстника философскихъ истинъ. Къ нему прибѣгали при всякомъ недоумѣніи, затруднительномъ вопросѣ, случайномъ перерывѣ идей, и пояснительная рѣчь его текла блестящею импровизаціей. Разумѣется, тутъ не могло быть какаго-нибудь самобытнаго ученія, да и никто не думалъ о томъ, но Бакунинъ обладалъ особеннымъ даромъ, похожимъ на творчество, именно даромъ перерабатывать все вычитанное и

узнанное въ собственную мысль, такъ что онъ самъ казался почти изобрѣтателемъ и родоначальникомъ поясняемаго имъ метода. Роль зодчаго, которую игралъ Бакунинъ въ отношеніи каждаго, такъ или иначе накопившаго сырой, необдѣланный матеріалъ, имѣла своего рода неизбѣжныя и тяжкія условія. Вся жизнь являлась передъ нимъ сквозь призму отвлеченія, и только тогда говорилъ онъ о ней съ поразительнымъ увлеченіемъ, когда жизнь переведена была въ идею. Все случайное, мгновенное, самобытное въ жизни было ему гораздо менѣе доступно, хотя усиліями обширнаго, дѣйствительно необыкновеннаго ума онъ успѣвалъ возводить до понятія убѣгающія поэтическія черты жизни и такимъ образомъ овладѣвать ими, но при этомъ онъ уже многое терялъ и иногда то самое, что составляло существенную ихъ особенность. Станкевичъ Бакунину оказалъ важную услугу: онъ оковалъ и охолодилъ его живую, подвижную фантазію, насколько могъ и насколько нужно было для правильнаго труда надъ наукой мышленія. Бакунинъ приучилъ Станкевича къ самообладанію въ занятіяхъ и, такъ сказать, къ искусству соблюдать порядокъ между идеями“ (134—135).

Въ февралѣ 1836 года Станкевичъ познакомился съ Грановскимъ, проѣзжавшимъ черезъ Москву, по возвращеніи изъ деревни, куда ѣздилъ Грановскій проститься съ родными предъ заграничнымъ своимъ путешествіемъ. Грановскій пробылъ въ Москвѣ около мѣсяца, но успѣлъ настолько сблизиться со Станкевичемъ, что между ними завязалась пріятельская и откровенная переписка. Въ Берлинѣ Станкевичъ снова и на болѣе долгое время встрѣтился съ Грановскимъ и еще болѣе сошелся, такъ что Грановскій называлъ себя ученикомъ Станкевича. Сношенія между Грановскимъ и Станкевичемъ были только личными; къ тому, чтѣ собственно слѣдуетъ назвать кружкомъ Станкевича, Грановскій никогда не принадлежалъ. Но кружокъ Станкевича потому именно и получилъ значеніе въ исторіи нашего развитія, что онъ не умеръ со смертью своего основателя, что, всасывая въ себя лучшія молодыя силы, постепенно развивался и образовалъ собою непрерывную традицію литературныхъ дѣятелей, непосредственно примкнувшихъ къ современной жизни. Такъ, въ качествѣ младшихъ членовъ кружка, къ нему примыкають Катковъ, Кавелинъ и Кудрявцевъ. Катковъ до своего студенчества (1834—1838 гг.) не могъ не знать Станкевича, такъ какъ Катковъ воспитывался въ пансіонѣ Павлова, у котораго

жилъ въ то время Станкевичъ; но Катковъ собственно применилъ въ кружку Станкевича уже послѣ отъѣзда Станкевича за границу. По словамъ Панаева, Бѣлинскій признавалъ въ Катковѣ замѣчательное литературное дарованіе и большое расположеніе къ философскимъ занятіямъ. Послѣднее подлежитъ большому спору. Несмотря на то, что Любимовъ, въ его книгѣ „Катковъ и его историческая заслуга“, приходитъ въ восторгъ отъ чтеній Каткова по исторіи философіи, статья Каткова „о греческой философіи“, несмотря на ея оригинальность, очень низко ставится специалистами. Я слушалъ, — въ первый годъ поступленія Каткова на кафедру, — „Логикѣ по Бенеке“, но никто изъ насъ ничего не понялъ и не усвоилъ, хотя за годъ предъ этимъ мы выслушали у проф. Рѣдина курсъ энциклопедіи законовѣдѣнія по Гегелю и не только поняли, но были въ восторгѣ и усвоили себѣ не только предметъ, но самый методъ философскаго мышленія, облегчившій намъ знакомство съ другими философскими сочиненіями умозрительнаго направленія. Катковъ очень много работалъ для „Отечественныхъ Записокъ“ съ начала изданія до своего отъѣзда за границу въ 1841 году; Бѣлинскій высоко цѣнилъ его статьи и называлъ его третьимъ сотрудникомъ послѣ себя и Краевскаго, заявляя, что журналъ существуетъ исключительно ими. Катковъ сдѣлалъ тоже очень много для развитія Бѣлинскаго, особенно во время пребыванія своего въ Петербургѣ въ 1840 году, что признаетъ послѣдній самъ; но, тѣмъ не менѣе, искренней симпатіи между обоими не было даже и въ то время; въ одномъ письмѣ къ Боткину Бѣлинскій говоритъ о Катковѣ: „онъ много возбудилъ во мнѣ и отъ этого многога большая часть воскресла и самодѣятельно переработалась во мнѣ уже послѣ его отъѣзда. Ясно, что не много прошло у него черезъ сердце, но живетъ только въ головѣ, и потому отъ него пристааетъ и принимается съ трудомъ. (Пып. II, 91). Впослѣдствіи Бѣлинскій совершенно разошелся съ Катковымъ. Замѣчательно, что, несмотря на раннее знакомство съ кружкомъ Бѣлинскаго, Катковъ прошелъ въ немъ безслѣдно и ни одинъ изъ участниковъ не вспоминаетъ его съ чувствомъ. Г. Любимовъ объяснилъ это не безъ самоотверженія. По его словамъ, „чтобы быть съ Катковымъ въ тѣсномъ общеніи, быть безъ усилія услышаннымъ, вполне понятымъ, требовалось войти въ этотъ міръ (мировоззрѣніе созданное для себя Катковымъ), оставивъ, забывъ за порогомъ большую часть самого себя“ (Люб. 22).

Въ переводѣ на русскій языкъ это значить: самолюбіе Каткова было такъ безгранично, что онъ сходилса и даже просто выслушивалъ только тѣхъ бездарныхъ людей, которые соглашались отказатья отъ своей личности и совершенно ему подчиниться.

Кавелинъ, окончивши домашнее образованіе въ Москвѣ, поступилъ въ университетъ въ 1835 году, окончилъ курсъ въ 1839 г. и держалъ магистерскій экзаменъ въ 1840 году. Съ 1840—1843 года Кавелинъ служилъ въ Петербургѣ и занялъ въ 1844 году каведру въ Московскомъ университетѣ. Кавелинъ былъ ученикомъ Бѣлинскаго, еще до поступленія перваго въ университетъ, но во время студенчества Кавелина Бѣлинскій относился къ нему очень холодно, и Панаевъ рассказываетъ очень рѣзкую встрѣчу Бѣлинскаго съ Кавелинымъ въ то время („Воспом.“ 199, изд. Мартынова). Но за то во время своего студенчества Кавелинъ посѣщалъ домъ Елагинныхъ и здѣсь встрѣтился со всѣми выдающимися людьми, составляющими ихъ общество. Бѣлинскій сошелся съ Кавелинымъ уже во время петербургской его службы въ 1842—1843 г. Но съ 1844—1848 года, когда Кавелинъ оставилъ Москву и университетъ, онъ былъ дѣятельнымъ членомъ позднѣйшаго кружка западниковъ, къ которому мы сейчасъ перейдемъ.

Кудрявцевъ окончилъ курсъ въ Московскомъ университетѣ въ 1840 г., а въ 1843 г. онъ отправился за границу, откуда возвратился въ половинѣ 1847 г. и занялъ каведру исторіи. Панаевъ рассказываетъ, что Бѣлинскій полюбилъ студента Кудрявцева за его эстетическій вкусъ, за его, какъ онъ выражалса, тонкую, нѣжную натуру; они часто толковали о современныхъ литературныхъ дѣтеляхъ и перечитывали лучшія, по ихъ мнѣнію, произведенія русскихъ поэтовъ. Когда Бѣлинскій взялъ на себя редакцію „Московского Наблюдателя“, Кудрявцевъ помѣстилъ тамъ рассказъ „Одни сутки изъ жизни холостяка“ и повѣсть „Флейту“ подъ буквами А. Н., изъ которыхъ послѣдняя повѣсть приводила въ восхищеніе Бѣлинскаго. Повѣсти Кудрявцева подъ псевдонимомъ А. Нестроева помѣщались въ „Отечественныхъ Запискахъ“ и „Современникѣ“. Впослѣдствіи, подъ вліяніемъ натуральной школы, Бѣлинскій нѣсколько разочаровалса въ сантиментально-идеалистическомъ направленіи своего молодого друга.

Возвращаемся къ хронологіи кружка. Послѣ отъѣзда въ 1839 году Боткина за границу появился въ Москвѣ новый центръ. Въ

1838 г. умеръ отецъ Огарева, и онъ въ началѣ 1839 года перешалъ въ Москву; съ 1839 по 1841 годъ Огаревъ жилъ въ Москвѣ, служилъ, а въ концѣ 1841 года уѣхалъ за границу. Герценъ изъ Вятки въ 1838 году былъ переведенъ на службу во Владиміръ и въ томъ же 1839 г., послѣ переѣзда Огарева, поселился въ Москвѣ. Изъ бывшаго кружка Герцена Бѣлинскій въ 1837 году, на Кавказѣ, познакомился и сблизился съ Сатинымъ; вѣроятно, это знакомство свело Бѣлинскаго съ вновь пріѣзжими.

Около Огарева сгруппировался новый кружокъ, въ которомъ на первомъ планѣ стояли бывшіе члены кружка Станкевича, въ томъ числѣ К. С. Аксаковъ, имѣя во главѣ Бѣлинскаго и Бакунина, и примкнули изъ прежняго кружка Герцена Сатинъ и Кетчеръ. Грановскій въ то время еще жилъ въ Берлинѣ. Здѣсь впервые Герценъ встрѣтился съ Бѣлинскимъ, чтобы вскорѣ разойтись. Связующимъ звеномъ былъ Огаревъ, который, по словамъ Герцена, обладалъ замѣчательною способностью соединять между собою людей. „Огаревъ,—говоритъ Ал. Ив.,—одаренъ былъ особою магнитностью, женственною способностью притяженія. Безъ всякой видной причины къ такимъ людямъ льнуть, пристають другіе; они согрѣваютъ, связуютъ, успокоиваютъ ихъ, они—*открытый столъ*, за который садится каждый, возобновляетъ силы, отдыхаетъ, становится бодрѣе, спокойнѣе, и идетъ прочь—другомъ. „Кружокъ этотъ совершенно былъ преданъ изученію Гегеля и до такой степени проникнутъ былъ привычкою къ отвлеченной мысли, что самое простое явленіе жизни не понималъ иначе, какъ прикрытое ярлыкомъ гегелевской терминологіи, совершенно непонятной для непосвященныхъ. вмѣстѣ съ тѣмъ кружокъ настолько мирился съ настоящимъ, что всякій протестъ считалъ не только лишнимъ, но вполне незаконнымъ. Это былъ періодъ, когда Бѣлинскій въ концѣ 1839 года писалъ свои ультра-примирительныя статьи, отъ которыхъ впоследствии отрекся, а Бакунинъ, когда онъ въ 1840 году явился въ Петербургъ, показался крайнимъ консерваторомъ. Естественно, что съ такимъ направленіемъ не могъ примириться Герценъ, котораго вся жизнь была непрерывнымъ протестомъ и протестъ лежалъ въ глубинѣ его природы: Герценъ разошелся съ Бѣлинскимъ. Впрочемъ, этотъ кружокъ очень не долго продержался и только произвелъ разрывъ между друзьями, впоследствии сгладившійся. Бѣлинскій въ концѣ октября 1839 года переѣхалъ

въ Петербургъ, а въ 1840 году перешель туда же на службу и Герценъ.

Бакунинъ, съ которымъ Бѣлинскій разошелся окончательно въ Москвѣ, въ 1840 году поѣхаль въ Петербургъ, а оттуда въ Берлинъ, гдѣ онъ немедленно появился въ рядахъ лѣвой фракціи гегельянства *) и познакомилъ съ нею своихъ друзей.

Герценъ въ кружкѣ Огарева также принялся за изученіе Гегеля; но въ 1841 году, когда Герценъ, высланный снова изъ Петербурга, находился на службѣ въ Новгородѣ, онъ прочелъ „Das Wesen des Christenthums“ Фейербаха—и окончательно сдѣлался матеріалистомъ. Это поставило его въ одинокое положеніе въ позднѣйшемъ кружкѣ его друзей-западниковъ, которые не соглашались отбросить призваніе духовнаго элемента въ человѣкѣ. Дружескія отношенія не прекращались, но разрывъ былъ глубже и серьезнѣе, нежели съ Бѣлинскимъ, въ Петербургѣ помирившимся съ Герценомъ.

Возвратившись въ 1842 году изъ новгородской ссылки въ Москву, Герценъ сейчасъ же познакомился съ Грановскимъ. Примирительную роль, которую игралъ Грановскій въ кружкѣ, Герценъ очерчиваетъ слѣдующимъ образомъ: „первый человѣкъ, признанный нами (т.-е. самимъ Герценомъ и вошедшими членами его кружка) и ими (кружкомъ Станкевича), который дружески подалъ обоимъ руки и снялъ своею теплою любовью въ обоимъ, своей примиряющею натурой, послѣдніе слѣды взаимнаго непониманія, былъ Грановскій“. Около Герцена и Грановскаго тѣснѣе сомкнулся кружокъ, которому собственно и принадлежитъ названіе „московскихъ западниковъ“. Къ этому кружку присоединились изъ старыхъ товарищей Герцена: Кетчеръ и Сатинъ, профессора Рѣдвинъ и Брюковъ, Е. Ф. Коршъ, который изъ Петербурга, гдѣ онъ занимался вмѣстѣ съ Грановскимъ въ редакціи „Библиотеки для Чтенія“, вызванъ былъ гр. Строгановымъ въ Москву и получилъ мѣсто бібліотекаря при университетѣ, В. П. Боткинъ, И. П. Галаховъ, раннюю смерть котораго оплакивалъ Герценъ въ своемъ „Былое

---

*) Въ органѣ лѣвой фракціи Гегеля „Deutsche Jahrbücher für Wissenschaft und Kunst“ за октябрь 1842 г. помѣщена была Бакунинымъ, подъ псевдонимомъ Jules Elyard, статья „Die Reaction in Deutschland, ein Fragment von Franzosen“, на которую особенное вниманіе читателей обращала редакція.

и думы“, М. С. Щепкинъ, Дм. Щепкинъ, Красовъ, извѣстный музыкантъ Лангеръ, Кольчугинъ и др.

Въ то же самое время разрастался и укрѣплялся болѣе тѣсный кружокъ славянофиловъ. Къ Хомякову и Кирѣевскимъ примкнули К. С. Аксаковъ и Ю. О. Самаринъ. Аксаковъ, какъ мы видѣли, началъ свое развитіе въ кружкѣ Станкевича, былъ желаннымъ гостемъ и въ кружкѣ западниковъ, и въ гостиной Авд. И. Елагинной, гдѣ встрѣчались люди обоихъ направленій, и только послѣ окончательнаго разрыва въ 1845 году перешелъ всецѣло въ славянофильскій лагерь.

Ю. О. Самаринъ поступилъ въ Московскій университетъ въ 1835 году, въ годъ когда попечителемъ назначенъ былъ гр. С. Гр. Строгановъ и пригласилъ незабвеннаго Платона Степановича, когда университетскій курсъ съ трехъ лѣтъ перешелъ на четыре и введена была для студентовъ обязательная форма. Окончивши курсъ въ 1838 году, Самаринъ познакомился съ К. С. Аксаковымъ и оба они въ 1839 году согласились готовиться вмѣстѣ на магистерскій экзаменъ. Въ 1840 году Самаринъ и Аксаковъ въ московскомъ обществѣ встрѣтились съ Хомяковымъ. Встрѣча эта имѣла серьезныя послѣдствія не только лично для обѣихъ сторонъ, но для всей исторіи нашей мысли. Молодые люди, въ особенности Аксаковъ, изучали тогда Гегеля и встрѣтились на литературныхъ вечерахъ Свербеевыхъ и Павловыхъ съ однимъ изъ самыхъ сильныхъ его противниковъ, въ которомъ разладъ вѣры съ знаніемъ умиротворялся совершенно своеобразно, но послѣдовательно и искренне, не вродѣ туманнаго и натянутаго деизма правыхъ гегельянцевъ, — съ Хомяковымъ. Самаринъ былъ съ молодю православно-религіозенъ, что доказываетъ самый выборъ темы для его диссертациі, и въ зиму съ 1841 по 1842 годъ у Самарина были сильныя богословскіе споры съ Кирѣевскими и Хомяковыми, вслѣдствіе которыхъ его убѣжденія иногда сильно колебались вліяніемъ этихъ лицъ (Сам. соч. V, XLI, прим.). Но въ началѣ 1843 года въ Самаринѣ совершился внутренній переворотъ, вызванный возвратомъ Самарина къ занятіямъ философіею Гегеля. По формулѣ этой философіи Самаринъ дошелъ до убѣжденія, что религія должна быть признана за вѣчно присущій моментъ въ развитіи духа, и высшимъ моментомъ является философія, которая однако не оправдываетъ религіи (LXIII). И вотъ Самаринъ задалъ себѣ задачу оправдать

православіе и опредѣлить ему мѣсто философіею Гегеля (LX). Но традиціонное чувство православія не умолкало въ Самаринѣ и тѣмъ болѣзненнѣе и ярче томилъ его внутренній разладъ. Въ письмѣ къ К. С. Аксакову въ январѣ 1844 года Самаринъ писалъ: много ночей я провелъ въ деревнѣ безъ сна, въ горькихъ слезахъ и безъ молитвы. Бездѣлицу мы вычеркнули изъ нашей жизни—Провидѣніе, и послѣ этого можетъ быть легко и спокойно на сердцѣ (LXXIII). Изъ этого раздвоенія выведенъ былъ въ сторону прямо православную Самаринъ Хомяковымъ, съ которымъ онъ имѣлъ продолжительныя бесѣды до самаго отъѣзда Самарина въ Петербургъ осенью 1844 года.

Оба кружка вступили между собою въ борьбу, отзвуки которой не улеглись еще до сихъ поръ. Но оба они исполнили свою задачу и изъ ихъ борьбы вышло все позднѣйшее движеніе русской мысли. Не даромъ одинъ изъ самыхъ видныхъ противниковъ, послѣ смерти Хомякова и Кирѣевскихъ, помянулъ ихъ примирительнымъ словомъ.

Кружокъ западниковъ состоялъ изъ людей, которые усвоили себѣ не одинъ внѣшній лоскъ, но внутреннюю сущность европейскаго просвѣщенія,—послѣдніе результаты его научныхъ изслѣдованій, его стремленіе ко всему истинному, честному и прекрасному, развитіе личнаго достоинства, возведеннаго на степень нравственнаго долга, стремленіе къ свободѣ и равноправности. Но, кромѣ этого, лица составлявшія кружокъ были артистическія натуры, одаренныя тонкимъ и сильнымъ артистическимъ чувствомъ. Кромѣ любви къ литературѣ и ея великимъ представителямъ, общей всѣмъ, Станкевичъ и Боткинъ страстно любили музыку, Бѣлинскій увлекался театромъ, Грановскій былъ художникъ въ душѣ. Недавно сошелъ въ могилу послѣдній изъ могиканъ, живой представитель людей сороковыхъ годовъ для современнаго поколѣнія, С. А. Юрьевъ. Всѣмъ памятна симпатичная и на все отзывчивая фигура этого человѣка, для котораго „вселенская правда и красота“ были высшимъ идеаломъ, а наука и искусство—тѣмъ жизненнымъ проявленіемъ, которымъ онъ служилъ до послѣднихъ дней. Относясь съ полнымъ уваженіемъ къ памяти Сергѣя Андреевича, молодое поколѣніе доказало, что оно не забыло заслуги людей сороковыхъ годовъ, а заслуга эта была не маловажная. То гуманно-эстетическое направленіе, которое выработано было ихъ

дѣятельностью, было необходимымъ и важнымъ, послѣднимъ фазисомъ воспитанія для русскаго общества предъ вступленіемъ его на самостоятельный путь. Но, несмотря на свои возвышенныя стремленія, на нравственное значеніе лицъ его составлявшихъ, кружокъ западниковъ—въ смыслѣ движенія впередъ—для русской жизни не принесъ съ собою ничего. Кружокъ относился къ послѣдней только отрицательно, какъ завѣзшій европеецъ или русскій, долго прожившій за границею и потерявшій связь съ землей. Между тѣмъ подвигъ отрицанія со стороны меньшинства, усвоившаго для собственнаго комфорта только внѣшній лоскъ европейскаго просвѣщенія и не сдѣлавшаго ничего для народа, былъ уже совершенъ Чаадаевымъ, и въ этомъ заключалась великая его заслуга. Оставался другой болѣе серьезный и трудный подвигъ, требовавшій значительныхъ умственныхъ силъ,—подвигъ отрицанія европейскаго просвѣщенія, въ смыслѣ чуждой догматики, принимаемой на вѣру и обращаемой рабски въ житейскій канонъ; только этимъ путемъ можно было стать въ нормальное отношеніе къ европейскому просвѣщенію, принимая въ немъ сознательное и равноправное участіе и сохраняя тотъ народный субъективизмъ, которымъ всегда была отмѣчена доля самостоятельнаго труда, которую извѣстный народъ вносилъ въ общее достояніе. Подвигъ этотъ,—поворотъ русской мысли, какъ совершенно справедливо и мѣтко называлъ Герценъ,—совершили славянофилы, и въ этомъ все ихъ значеніе. Гуманное отношеніе къ обществу, основанное на широкомъ распространеніи европейскаго просвѣщенія, обусловленное свободой мысли и слова; конституціонализмъ, основанный на интеллигентномъ меньшинствѣ въ смыслѣ англійскаго Gentry, съ его парламентаризмомъ и централизаціею, что выражалось въ господствовавшей тогда теоріи государственности; но вмѣстѣ съ тѣмъ отрицательное отношеніе къ русской жизни и исторіи и платоническая жалость къ закрѣпощенному народу, съ которымъ порвана была всякая связь,—таковъ былъ уставъ, выработанный въ кружкѣ западниковъ сороковыхъ годовъ. Въ сторонѣ отъ этого устава, одинокій среди не раздѣлявшихъ съ нимъ убѣжденій западниковъ, стоялъ Герценъ, олицетворяя собою дальнѣйшее движеніе европейской мысли. Герцена не удовлетворяла эта спокойная и, относительно говоря, возвышенная, но пассивная программа, отправлявшаяся отъ *statu quo* европейскаго порядка въ его настоящемъ равновѣ-

сн. Пылливый и дѣятельный умъ Герцена шелъ дальше и глубже, туда, гдѣ въ судорожныхъ усиліяхъ зарождалось зерно будущаго развитія, гдѣ готовился отвѣтъ на только-что поставленные и нерѣшенные вопросы современной жизни. Въ этомъ Герценъ сходилъ, какъ онъ самъ признается, съ славянофилами, которые своимъ стремленіемъ къ самобытности натолкнулись на неразрѣшенные задачи русской жизни. Для обоихъ предметомъ заботы былъ народъ, обдѣленная масса неимущихъ,—масса, которая до сихъ поръ молчала, но въ наше время стала предъавлять свои права на участіе въ трапезѣ, до сихъ поръ уготованной для богатыхъ и привилегированныхъ. Для обоихъ былъ ближе и дороже другихъ тотъ народъ, къ которому сами они принадлежали; но отношеніе обоихъ къ русскому народу было различно. Герценъ объ однородности своихъ стремленій съ славянофильскими выражается такъ: „У насъ была одна любовь, но не одинакая. У нихъ и у насъ запало съ раннихъ лѣтъ одно сильное, безотчетное, фізіологическое, страстное чувство, которое они принимали за *воспоминаніе*, а мы за *пророчество*, чувство безграничной, обхватывающей все существо любви къ русскому народу, русскому быту, къ русскому складу ума. И мы, какъ Янусъ или какъ двухглавый орелъ, смотрѣли въ разныя стороны, въ то время какъ сердце билось одно“. Слова Герцена вполне искренни и имѣютъ глубокой смыслъ, но не совсѣмъ тотъ, который придаетъ имъ Герценъ, ибо онъ недостаточно отбѣнилъ, и не могъ отбѣнить, въ качествѣ судьи въ своемъ дѣлѣ, разницу обоихъ воззрѣній, хотя, именно по своей искренности, самъ далъ ключъ къ ея разъясненію. Дѣйствительно фізіологическая любовь къ русскому народу пересилила въ славянофилахъ традиціонное благоговѣніе передъ западною цивилизаціей и привела ихъ къ инстинктивному пониманію прошедшей жизни когда-то цѣльнаго и свободнаго русскаго народа; живое сближеніе съ крестьянствомъ, которое славянофилы идеализировали своею любовью и *уважаніемъ*, а не только *жалтми*, — открыло имъ уцѣлѣвшіе остатки и особенности русскаго быта, которые не укладывались въ рамкахъ искусственной государственности. Съ этой точки зрѣнія взглядъ славянофиловъ на русскій народъ былъ *воспоминаніемъ*. Любить по воспоминанію можно, потому что воспоминаніе предполагаетъ что-то когда-то облеченное плотью, что-то дѣйствительно существовавшее на реальной почвѣ. Герценъ,

весь преданный обаянію европейской жизни, не отдѣлывавшійся никогда отъ отрицательнаго отношенія не только къ настоящему, но и къ прошедшему русскаго народа, къ его исторіи, фізіологическую любовь къ родному совершенно утратилъ; русскій народъ, въ смыслѣ живаго существа, въ его повседневной обстановкѣ былъ чуждъ Герцену,—онъ воображалъ, что любить его въ идеѣ, созданной по мѣркамъ для него изобрѣтеннымъ, а не ему присущимъ, и въ этомъ смыслѣ русскій народъ являлся Герцену въ смыслѣ *пророчества*. Но пророчество—это бестѣлесное прозрѣніе, образъ, не проявленный въ жизни—*любить* нельзя, ему можно только *отричь*, но изъ этой вѣры для живущаго организма извлечь ничего невозможно. И поэтому едва ли Герценъ и всѣ отправлявшіеся отъ западнаго ученія объ ассоціаціяхъ могли дойти совершенно самостоятельно и непосредственно до живаго пониманія русскаго міра, общины и артели, еслибъ эти явленія не были указаны славянофилами, принявшими ихъ непосредственно изъ рукъ народа.

Не было въ умственномъ движеніи Москвы болѣе оживленной эпохи, какъ время сороковыхъ годовъ, несмотря на то, что эта жизнь мало выражалась въ печати, но за то тѣмъ сильнѣе кипѣла она внутри. Все тогдашнее московское общество смѣшалось и жило одной общєю жизнью: сначала славянофилы и западники держались вмѣстѣ, потомъ они разошлись, спорили другъ съ другомъ, въ разгарѣ спора доходили до взаимныхъ недоразумѣній и ожесточенія, но никогда не забывали и не могли забыть, что въ извѣстныхъ отношеніяхъ „сердце у нихъ билось одно“. Собраніе въ обществѣ такихъ выдающихся людей, которые стояли во главѣ обоихъ кружковъ, создало въ московскомъ обществѣ ту полную умственныхъ интересовъ атмосферу, о которой, вскорѣ по возвращеніи изъ-за границы, писалъ Грановскій Фролову (1 января 1840 года): „въ здѣшнемъ хорошемъ обществѣ теперь мода на ученость, дамы говорятъ объ исторіи и философіи съ цитатами, а такъ какъ я слышу очень ученымъ человѣкомъ, то и получаю часто приглашенія, за которыя благодарю, оправдываясь занятіями; недавно мнѣ предложили читать курсъ исторіи для дамъ“ („Біогр.“, 105). Я помню на университетской скамьѣ эту осмысленную и культурную эпоху, помню какъ она насъ охватывала и напутствовала въ жизни. Искреннее уваженіе къ наукѣ господствовало тогда въ стѣнахъ „alma mater“, оставшейся незабвенною до гробовой доски; среди

разгула, въ которомъ бушевалъ избытокъ юношескихъ силъ, не требовавшийся ни на какое другое дѣло, въ дымной „Британіи“ *) безъ умолку раздавался оживленный и серьезный споръ о философскихъ вопросахъ и о крупныхъ литературныхъ и научныхъ явленіяхъ.

Среди мыслящей части московскаго общества, въ центрѣ этого спора, вращался Александръ Ивановичъ. Безъ всякаго сомнѣнія, его любознательная природа живо интересовалась и много усвоивала, но онъ не принималъ въ то время дѣятельнаго участія, такъ какъ онъ всецѣло поглощенъ былъ другими интересами. По возвращеніи изъ-за границы, поступивши на службу въ Москвѣ, Кошелевъ вернулся къ своимъ старымъ знакомымъ. „Здоровье мое совершенно поправилось,—пишетъ Кошелевъ въ своихъ „Запискахъ“,— и зиму 1833 года провели мы очень пріятно съ друзьями моими: Кирѣевскимъ, Хомяковымъ, Свербеевымъ, Баратынскимъ и другими старыми и новыми пріятелями“ („Зап.“, 46). Но вскорѣ женитьба, покушка имѣнія, откупа и накопленіе долговъ заставили Ал. Ив. посвятить всего себя заботамъ о матеріальномъ своемъ благосостояніи. Начиная съ 1835 года, „лѣтнее и осеннее время,—говоритъ Кошелевъ,—мы проводили въ деревнѣ, а зимы въ Москвѣ, куда мы пріѣзжали въ концѣ ноября или въ началѣ декабря; я же ежемѣсячно совершалъ поѣздки въ деревню. Въ Москвѣ мы мало ѣздили

---

*) „Британія“ была своеобразное и не лишнее значенія „учрежденіе“ сороковыхъ годовъ. Это былъ довольно грязный трактиръ, прямо противъ манежа, гдѣ теперь меблированныя комнаты. Въ „Британіи“ въ каждой комнатѣ висѣло росписаніе университетскихъ лекцій; половые знали характеристику каждого профессора и по-своему толковали о писателяхъ. Во время лекцій тлнула безъ перерыва цѣль студентовъ, возвращавшихся изъ „Британіи“ въ университетъ или обратно направлявшихся туда; каждый вечеръ далеко за полночь въ „Британіи“ собирались сотни студентовъ. Это была настоящая, ежедневная, учено-литературная сходка, на которой впрочемъ рѣшались студентами и всѣ до нихъ касающіяся университетскія дѣла. Платонъ Степановичъ официально признавалъ „Британію“ за *status in statu*: онъ посылалъ туда письменныя объявленія о вызовѣ кого-либо изъ студентовъ, и отъ казеннокоштнаго студента, окончившаго курсъ и получавшаго при выходѣ определенную сумму на эквипировку, требовалъ квитанціи въ уплатѣ счета въ „Британію“, безъ чего деньги не выдавались. Но никогда ни одинъ субъ-инспекторъ не появлялся въ „Британію“. Какъ-то разъ студентъ, сръзавшійся на экзаменѣ и по обычаю просившій Платона Степановича уговорить профессора прибавить баллъ, тоже по обычаю увѣрялъ Платона Степановича, что онъ „все знаетъ“ и только случайно смѣшался и не отвѣтилъ. „Нѣтъ, ты ничего не знаешь“, отвѣчалъ съ добродушной улыбкой Платонъ Степановичъ. — „Почему же, Платонъ Степановичъ, вы это думаете?“ — „Очень ужъ часто ты чрезъ проливъ-то плаваешь“. Проливомъ Платонъ Степановичъ называлъ улицу, отдѣляющую „Британію“ отъ университета. Несмотря на то, Платонъ Степановичъ просьбу студента исполнялъ.

въ такъ-называемый *grand monde*—на балы и вечера, а преимущественно проводили время съ добрыми пріателями: Кирѣевскими, Елагиными, Хомяковымъ, Свербеевымъ, Шевыревымъ, Погодинымъ, Баратынскимъ и пр. По вечерамъ постоянно три раза въ недѣлю мы собирались у Елагиныхъ, Свербеевыхъ и у насъ, и сверхъ того довольно часто съѣзжались у другихъ нашихъ пріателей. Бесѣды наши были самыя оживленныя; тутъ выказались первые начатки борьбы между народившимся *русскимъ* направлеиємъ и господствовавшимъ тогда *западничествомъ*. Почти единственнымъ представителемъ перваго былъ Хомяковъ, ибо и Кирѣевскіе, и я, и многіе другіе еще принадлежали къ послѣднему. Главными, самыми исключительными защитниками западной цивилизаціи были Грановскій, Герценъ, Н. Ф. Павловъ и Чаадаевъ („Зап.“, 55). Но съ 1838 года Ал. Иван. вступилъ въ откупа и умственные интересы отошли на задній планъ. Зимой Ал. Ив. много разъѣзжалъ по откупамъ. „Дѣла откупныя,—говоритъ онъ,—пошли ужасно дурно, убійки были страшныя. Было время, что рубашка, которая была на мнѣ, уже мнѣ не принадлежала, и, сверхъ того, я подвергалъ разоренію нѣсколько семействъ, довѣрившихъ мнѣ свои деньги и земли. Это удеслтеряло мою дѣятельность, я не давалъ себѣ покоя и былъ совершенно погруженъ въ откупное дѣло“ („Зап.“, 62). „Друзья мои,—говоритъ Ал. Ив. въ своихъ „Запискахъ“,—и въ особенности Кирѣевскій, жестоко меня за это бранили. Послѣдній даже начиналъ во мнѣ отчаяваться и опасаться, чтобъ я окончательно не погрязъ въ этомъ болотѣ; но Хомяковъ его успокоивалъ и говорилъ, что человѣкъ, который погружался по уши въ нѣмецкую философію, не можетъ сгннуть въ откупахъ“. Предсказаніе Хомякова сбылось: мы видѣли, какъ Ал. Ив. при первой возможности постарался раздѣлаться съ откупами; тогда онъ совершенно предался умственнымъ занятіямъ и общественной дѣятельности. Кошелевъ самъ называлъ это „*своимъ возвратомъ*“, о которомъ мы поговоримъ въ слѣдующей главѣ.

Въ двадцатыхъ годахъ въ Москвѣ уцѣлѣлъ одинъ журналъ— „Вѣстникъ Европы“ и Москва не приняла участія въ томъ подъемѣ журналистики, который начался въ Петербургѣ, въ либеральную эпоху царствованія императора Александра I-го, появленіемъ „Духа Журналовъ“ (1816—1820) и закончился дѣятельнымъ участіемъ въ современныхъ изданіяхъ декабристовъ въ началѣ двад-

пятих годовъ. „Вѣстникъ Европы“ пользовался заслуженнымъ авторитетомъ. Гречъ, въ своемъ „Опытѣ краткой исторіи русской литературы“, несмотря на журнальное соперничество, не могъ не заявить, что Каченовскій заслужилъ вниманіе и благодарность русской публики преимущественно изданіемъ „Вѣстника Европы“, который занимаетъ первое мѣсто въ числѣ русскихъ журналовъ (268). Но съ 1825 года „Вѣстникъ“ началъ, по собственному выраженію, „умирать по чину естества“. Издававшійся съ 1823 года кн. Шаликовымъ „Дамскій Журналъ“ не пополнилъ пробѣла и представлялъ бездарное и запоздалое переживаніе отжившей старины. Потребность журнала чувствовалась въ Москвѣ во всѣхъ слояхъ читателей. Стремленіе удовлетворить этой потребности естественно обнаружилось прежде всего въ обществѣ Раича, гдѣ обсуждались направленіе и программа журнала; но прежде нежели члены кружка успѣли осуществить свое намѣреніе, мысль ихъ воспользовался посѣщавшій общество Полевой и, съ помощью кн. Вяземскаго, началъ въ 1825 году изданіе „Телеграфа“, который сразу приобрѣлъ блестящій успѣхъ. Полевой имѣлъ безспорно и литературный талантъ, и критическій даръ, но, кромѣ того, онъ былъ рожденъ журналистомъ. Герценъ, который знакомъ былъ съ Полевымъ, говоритъ о немъ, что „Полевой былъ человѣкъ жившій послѣднимъ открытіемъ, вчерашнимъ вопросомъ, новой новостью въ теоріи и въ событіи ея, мѣнявшійся какъ хамелеонъ“. Это какъ нельзя болѣе подходило къ требованіямъ современнаго общества, также жаднаго до всякаго рода новостей, безъ разбора и безъ всякой опредѣленной потребности, такъ что для журнала того времени не требовалось никакого направленія, теперь составляющаго и потребность, и критеріумъ для оцѣнки журнала со стороны публики. „Телеграфъ“ доставлялъ массу самыхъ разнообразныхъ и текущихъ свѣдѣній, составленныхъ если не съ глубокимъ знаніемъ дѣла, то съ живою занимательностью для публики, довольствовавшейся простымъ удовлетвореніемъ ея любознательности. На этомъ низкомъ уровнѣ читающей публики основалъ свой успѣхъ Сенковскій, и его „Библіотека для Чтенія“ представляла замѣчательный образчикъ блестящаго остроумія и плутоватой ловкости, придававшей литературному предпріятію коммерческой характеръ. Но если журналъ Полевого удовлетворялъ вкусу большинства, то серьезное и мыслящее меньшинство, напр. С. Т. Аксаковъ („Біографъ“

Кошел.“ II, 221—225), не было удовлетворено и требовало органа поучающего и направляющего, а не просто только легко и приятно развлекающего. Я уже говорилъ, какую серьезную задачу, выраженную въ программѣ Веневитинова, хотѣло осуществить въ своемъ журналѣ общество Раича, когда тамъ зародились толки объ этомъ предметѣ („Биогр. Кошел.“ II, 67—70). Отвѣтомъ на это требованіе серьезнаго и поучительнаго чтенія явился „Московскій Вѣстникъ“ подъ редакціей Погодина и Шевырева (1827—1831), съ благословенія и подъ покровительствомъ Пушкина. Причины скорого прекращенія „Московского Вѣстника“ очень различны и сложны. Прежде всего журналъ на другой же годъ остался безъ сотрудниковъ. Кошелевъ въ сентябрѣ 1826 г., еще до изданія журнала, перешелъ въ Петербургъ; въ томъ же году отправились въ Петербургъ Титовъ и Веневитиновъ, и послѣдній тамъ умеръ 15 марта 1827 г.; въ 1828 году отправились за границу Шевыревъ и Рожалинъ. На мѣсто вышедшихъ поступили лица совершенно бездарныя и не обладающія необходимыми для серьезнаго журнальнаго дѣла свѣдѣніями (имен. Араповъ, Зиновьевъ и разныя неизвѣстныя лица, скрывавшіяся подъ псевдонимами). Вовторыхъ, и Шевыревъ и въ особенности Погодинъ лишены были редакторскаго таланта, а Погодинъ къ этому еще присоединялъ другія неудобныя качества, дѣлавшія сношенія съ нимъ невозможными, какъ это выяснилось при сдачѣ „Москвитянина“ Кирѣевскому. Попытки изданія серьезнаго журнала не ограничились „Московскимъ Вѣстникомъ“. Въ 1828 г. К. Калайдовичъ предпринялъ изданіе „Русскаго Зрителя“, а Павловъ—„Атенея“. Калайдовичъ скоро занемогъ и собранный имъ матеріалъ напечатанъ подъ редакцію друзей, большею частью изъ лицъ впослѣдствіи близкихъ къ славянофильскому кружку: Погодинымъ, Шевыревымъ, С. Т. Аксаковымъ, а затѣмъ Ознобишинымъ, Раичемъ, Томашевскимъ и братьями Калайдовичами; въ числѣ сотрудниковъ были И. В. Кирѣевскій и Максимовичъ. Въ „Атенеѣ“ въ первый разъ выступили на журнальное поприще Станкевичъ и Герценъ („Биогр. Кошел.“ II, 477—478).

Литературный кружокъ, сгруппировавшійся въ маѣ двадцатыхъ годовъ, изъ котораго вышли славянофилы и въ которомъ участвовали всѣ лица, впослѣдствіи къ нимъ примкнувшія, держался крѣпко и впослѣдствіи не оставлялъ своихъ стремленій принять участіе въ журналистикѣ.

Вернувшись из-за границы и рассчитывая на участие членовъ кружка, И. В. Кирѣвскій въ 1832 году предпринялъ изданіе журнала „Европеецъ“, который очень много обѣщалъ, судя по началу, но былъ остановленъ на третьемъ номерѣ и Кирѣвскому запрещена дальнѣйшая литературная дѣятельность. Свѣдѣнія объ изданіи „Европейца“ и объ его содержаніи изложены въ „Матеріалахъ для біографіи И. В. Кирѣвскаго“, собранныхъ Н. В. Елагинимъ („Соч. И. В. Кирѣвскаго“ т. I, Матер., 79—82 и прим.).

Въ 1835 г. члены кружка вновь принялись за изданіе журнала. На этотъ разъ въ складчину вступили Хомяковъ, Кирѣвскій, Кошелевъ, Баратынскій, Шевыревъ, Погодинъ, Павловъ, Языковъ, Свербеевъ, Мельгуновъ и пригласили Одоевскаго. Каждый изъ участниковъ долженъ былъ внести по 1.000 рублей сер., а всего предполагалось собрать 20.000 руб. Журналъ получилъ названіе „Московского Наблюдателя“, а редакторомъ избранъ былъ Андросовъ, знакомый этому кружку какъ одинъ изъ членовъ прежняго общества, собиравшагося у Раича.

По всей вѣроятности, неудачное редакторство Погодина и Шевырева въ „Московскомъ Вѣстникѣ“ натолкнуло кружокъ издателей журнала на Андросова какъ на единственнаго знакомаго человѣка, способнаго принять это званіе, такъ какъ онъ уже занимался редакціонными работами въ издававшемся проф. Павловымъ журналѣ „Атеней“. Андросовъ, въ то время помощникъ Павлова по московской земледѣльческой школѣ, былъ умный, даровитый и образованный человѣкъ, но безъ литературнаго таланта. Личность Андросова, съ которымъ Н. А. Полевой встрѣчался у бывшаго содержателя Университетской типографіи, издателя „Вѣстника Европы“ Попова, К. А. Полевой описываетъ въ своихъ запискахъ слѣдующимъ образомъ: Василій Андреевичъ Андросовъ былъ человѣкъ замѣчательный свѣтлымъ умомъ, любовью къ просвѣщенію и оригинальностью въ разговорѣ. Пылкость его была такова, что онъ занимался всѣмъ, что только можетъ занимать умъ и благородную душу; но пылкость же дѣлается причиною, что онъ былъ вспыльчивъ, увлекался легко приходилъ въ гнѣвъ, не договаривалъ словъ, бормоталъ, прыскалъ слюною, когда говорилъ, и иногда защищалъ несообразности. Отъ сообщества съ Павловымъ онъ вскорѣ сдѣлался отчаяннымъ шеллингистомъ и, встрѣтившись у Попова съ Н. А. Полевымъ, чрезвычайно заинтересовалъ его новыми у насъ

тогда идеями нѣмецкой философіи. (Это извѣстіе относится къ началу двадцатыхъ годовъ.) Цѣлые вечера проходили въ сужденіяхъ и спорахъ о ней, и этого было довольно для воспримчивости брата моего („Зап.“, 89). Полевой сталъ заниматься философіей и сблизился съ кружкомъ Ранча, о чемъ я уже упоминалъ („Віог. Кош.“ II, 64). Погодинъ, находившійся въ дружескихъ отношеніяхъ съ Андросовымъ, въ своемъ некрологѣ, говоритъ о немъ: „Андросовъ былъ характера благороднаго и независимаго. Можетъ-быть эти качества и иѣшали его успѣхамъ въ свѣтѣ. Въ его любви къ справедливости, сознаніи человѣческаго достоинства было что-то высокое. До глубины сердца онъ бывалъ тронутъ всякою несправедливостью, гдѣ бы она ни была сдѣлана, въ Калькуттѣ или Филадельфіи, Вяткѣ или Парижѣ, и пламенная рѣчь вытекала изъ задыхавшихся устъ его. Рѣдко встрѣтишь людей, которые принимали бы такъ горячо къ сердцу всякое самое неважное оскорбленіе, нарушеніе правъ человѣческихъ, даже будь оно въ однихъ словахъ и формахъ, а не на дѣлѣ. И, напротивъ, успѣхи цивилизаціи—это было любимое его слово—приводили его въ восторгъ. Онъ любилъ искренно отечество, но любовь его выражалась не столько въ похвалѣ хорошему, сколько въ осужденіи дурнаго. Последнее трогало его сильнѣе, по особенному направленію, которое приняла его умъ и характеръ. Можетъ-быть и неудовлетворенное самолюбіе принимало здѣсь участіе. Въ обществѣ съ короткими знаками онъ бывалъ веселъ, остеръ и иногда коловъ“ („Москвит.“ 1841, кн. XI, 273—274). Когда въ „Вѣстникѣ Европы“ одинъ изъ самыхъ сильныхъ противниковъ Канта, извѣстный проф. астрономіи Виленскаго университета Снядецкій, помѣстилъ двѣ статьи съ своими возраженіями, Андросовъ напечаталъ въ защиту нѣмецкой философіи довольно жиденькую статью (1823 года, №№ 3 и 19). Въ литературѣ Андросовъ извѣстенъ трудами по своей спеціальности: составленная имъ для учениковъ „Хозяйственная статистика Россіи“ (М. 1827 года) была не безъ достоинства для своего времени; ей уступаетъ „Статистическая записка о Москвѣ“ (М. 1832 года).

Въ изданіи журнала принималъ участіе и Гоголь, обѣщавшій свою повѣсть: редакціи сильно хотѣлось ее получить, и Андросовъ хлопоталъ объ этомъ черезъ Погодина, но не удалось. Гоголь написалъ въ Погодину очень интересную филиппику противъ лѣвни

московскихъ литераторовъ (Барс.: „Погод.“ IV, 263—264), гдѣ между прочимъ говоритъ: „мерзавцы вы всѣ, московскіе литераторы. Въ васъ никогда не будетъ проку; вы всѣ только на словахъ. Какъ, затѣяли журналъ, а никто не хочетъ работать! Какъ же вы можете полагаться на отдаленныхъ сотрудниковъ, когда не въ состояніи положиться на своихъ? Срамъ, срамъ, срамъ!“

Журналъ „Московскій Наблюдатель“ какъ сейчасъ увидимъ изъ перечня помѣщенныхъ въ немъ статей (за исключеніемъ необходимаго баласта), ничѣмъ не отличался отъ многихъ другихъ и не былъ нисколько ихъ хуже. Въ первомъ году, когда „Наблюдатель“ явился съ богатымъ стихотворнымъ отдѣломъ и съ повѣстями и рассказами кн. Одоевскаго, Н. Павлова, Даля и Вельмана, журналъ долженъ бы былъ обратить на себя вниманіе. Но была ли то неумѣлость редакціи, или недостатокъ денежныхъ средствъ, или какія-либо другія причины, „Наблюдатель“ началъ падать уже со втораго года, а на третій годъ онъ представлялъ, за исключеніемъ переводовъ, сборникъ статей неизвѣстныхъ авторовъ, не представляющій никакого интереса для читателя, такъ что журналу по-неволѣ приходилось прекратить свое существованіе. Даже Шевыревъ въ 1837 году помѣстилъ всего одну критическую статью („Перечень Наблюдателя“). Во всякомъ случаѣ редакторскія способности Андросова, со второй же книжки оставленнаго своими пайщиками, кромѣ Шевырева, были одною изъ главныхъ причинъ. Самъ Андросовъ напечаталъ въ журналѣ немного: статью „Производительность и живыя силы“ и критическія статьи: какъ пишутъ критику, Ревизоръ Гоголя, о внѣшней торговлѣ Россіи, соч. Небольсина, виды внѣшней торговли за 1834 г., двѣ записки комитета сахароваровъ при Московскомъ Обществѣ сельскаго хозяйства. Изъ славянофильскаго кружка только одинъ Хомяковъ помѣстилъ въ „Наблюдатель“ статью „Замѣчаніе на статью о чрезполосности“.

Характеръ журнала былъ энциклопедическій, гдѣ безъ всякой руководящей мысли помѣщались одна за другою статьи различнаго содержанія и неравнаго достоинства (Прилож. I). Тотъ же самый „Наблюдатель“, перешедшій въ руки Бѣлинскаго, ожилъ и получилъ опредѣленное направленіе. Въ отдѣлѣ поэзіи помѣщены въ „Наблюдатель“ за 1835 годъ стихотворенія: Пушкина *), Бара-

*) Помѣщеніе въ „Наблюдатель“ стихотворенія Пушкина „На выздоровленіе Лукулла“, гдѣ въ лицѣ жаднаго наслѣдника изображенъ гр. С. С. Уваровъ, почему

тискаго, Хомякова, Языкова, Ознобишина, гр. Растопчиной, Раича, Н. Павлова, вн. Зинаиды Волконской, Н. Грекова. Здѣсь же помѣщены знаменитыя октавы изъ „Освобожденнаго Іерусалима“ въ переводѣ Шевырева, возбуждившія всеобщій смѣхъ и дѣйствительно напоминающія Телемахиду. Въ 1836 г. печатались: Языковъ, Ознобишинъ, гр. Растопчина, вн. З. Волконская, Грековъ; Шевыревъ въ качествѣ поэта болѣе не появляется. Въ 1837 году остался Ознобишинъ и помѣстилъ отрывокъ изъ „Хевери“ Соколовскій.

Къ тому времени, какъ началось изданіе „Московского Наблюдателя“, литература наша такъ много прожила и такъ много накопила всякаго матеріала, что явилась потребность въ критикѣ, какъ въ средствѣ разобраться среди этой разнохарактерной массы, критическій отдѣлъ сдѣлался необходимымъ въ журналѣ и занялъ въ немъ преобладающее мѣсто. Главнымъ критикомъ „Наблюдателя“, съ первой книжки, явился С. П. Шевыревъ. Критическая дѣятельность Шевырева строго, но вѣрно оцѣнена Бѣлинскимъ въ статьѣ „О критикѣ и литературныхъ мнѣніяхъ Московскаго Наблюдателя“ (Соч. II, 75—156). Бѣлинскій въ то время находился подъ вліяніемъ нѣмецкихъ эстетическихъ теорій, считавшихъ фантазію источникомъ искусства, и, въ силу внутренняго художественнаго чутья, часто и невольно самъ себѣ противорѣчилъ. Но этимъ художественнымъ чутьемъ Бѣлинскій обладалъ какъ никто изъ современниковъ, что именно и упрочило за нимъ заслуги его въ исторіи нашей критики. Для того чтобъ оцѣнить относительное значеніе обоихъ, достаточно привести сужденія Бѣлинскаго и Шевырева о Гоголѣ, при его появленіи. Вслѣдъ за изданіемъ „Миргорода“ (С.-Пб. 1834) Бѣлинскій назвалъ Гоголя тѣмъ именемъ, которое принадлежитъ ему по праву и которое утвердилось за нимъ навсегда: „поэтъ дѣйствительной жизни“ (I, 211). Въ то время какъ Шевыревъ видѣлъ въ Гоголѣ только стихотворца и смѣшному придавалъ исключительно характеръ *забавной безсмыслицы*, Бѣлинскій видѣлъ талантъ Гоголя въ удивительной вѣрности изображенія жизни и понялъ, что въ смѣхѣ Гоголя много горечи и грусти (Бѣлин. II, 95—96). Замѣчательно, что позже, когда ту

въ петербургскіе журналы отказались помѣстить эти стихи, — было до нѣкоторой степени гражданскимъ подвигомъ со стороны „Наблюдателя“ и чуть не обрушило на него дѣлю бурю. Самому Пушкину объявленъ былъ выговоръ отъ Государя (см. Барсукова: „Погодинъ“, IV).

же самую мысль повторилъ Ю. О. Самаринъ, сказавши, что у Гоголя подъ изображеніемъ дѣйствительности, поразительно искреннимъ, скрывалась душевная скорбная исповѣдь (Соч. I, 82), самъ же Бѣлинскій, не узнавая себя, выразился: „воля ваша, темно, что-то мистицизмомъ отзывается“ (Соч. XI, 243). Точно то же отсутствіе художественнаго чутья у Шевырева высказалось въ оцѣнѣ Бенедиктова, отъ котораго Шевыревъ въ восторгъ и котораго онъ призналъ по преимуществу поэтомъ мысли. Въ первой же книжкѣ „Наблюдателя“ Шевыревъ помѣстилъ свою извѣстную статью „Словесность и торговля“: это былъ въ сущности первый гласный протестъ литератора-аристократа, — а Шевыревъ чѣмъ менѣе принадлежалъ къ настоящимъ аристократамъ, тѣмъ болѣе имѣлъ на то претензій во всѣхъ видахъ, — противъ вторженія въ область литературы разночинца. Жалобу эту по достоинству, хотя и не безъ желчи, разобралъ въ вышеприведенной статьѣ Бѣлинскій. Прибавимъ небольшой курьезъ. Въ бумагахъ Ал. Ив. сохранились письма, отъ разныхъ лицъ, по поводу „Русской Бесѣды“, есть письмо и С. П. Шевырева, исключительно напоминающее объ аккуратной ему высылкѣ гонорара за единственную статью, помѣщенную имъ въ „Рус. Бесѣдѣ“. Впрочемъ, Шевыревъ былъ до нѣкоторой степени правъ, упрекалъ современную литературу въ чисто - коммерческомъ направленіи и приписывая этому растянutosть слога, недостатокъ серьезной подготовки къ разсматриваемому вопросу и преувеличенную погоню за тѣмъ именно, что въ данную минуту требуется публикой, и находить сбытъ, не обращая вниманія на качество запроса.

Въ прозѣ помѣщены повѣсти и рассказы кн. Одоевскаго (Петербургскія письма, Себастьянъ Бахъ, Русскія ночи), Н. Ф. Павлова (Маскарадъ), Срезневскаго (изъ повѣстей котораго Бѣлинскій особенно хвалилъ „Барабашъ“), Н. Полевого (Пиръ Святослава, одна изъ самыхъ плохихъ), Вельмана (Эротика и Юланда), кн. Зин. Волконской и рассказы Даля. Изъ переводныхъ авторовъ встрѣчаются статьи: Гёте (Шекспиръ); небольшой отрывокъ изъ біографіи Вальтеръ-Скота; изъ Жоржъ-Занда, который тогда началъ только входить въ моду (Письма путешественника, Симонъ и Мопра); Гейне (Флорентинскія ночи); Бульвера (изъ Последняго дня Помпей); Альфреда де Виньи, Эмиля Жиардена, Евгенія Скриба, Фридриха Сулье, Эмиля Сувестра, Альфреда Мюссе, Филарета Шаля (Дра-

истическіе нравы XVI столѣтія, Гейнрихъ Гейне); Мармье, очевидно пользовавшася уваженіемъ редакціи, по числу переводныхъ статей; Шарля Нодье (Что такое истина, Философское соитвіе); Низара (Викторъ Гюго въ 1836 г.). Изъ оригинальныхъ серьезныхъ статей для своего времени замѣчательны: Погодина (Очеркъ русской исторіи, Письма изъ Петербурга объ ученыхъ трудахъ и рецензія соч. Берга, Царствованіе Ѳедора Алексѣевича); статьи Ю. Венелина (Скандинавоманія и ея поклонники, о зародышѣ новой болгарской литературы); В. Григорьева (Историческіе и филологическіе труды русскихъ ориенталистовъ); д-ра Ястребцова (Взглядъ на направленіе исторіи, отмѣчена Бѣлинскимъ); П. И. Иванова (Назначеніе помѣстныхъ окладовъ въ русской службѣ, Борисовскій городокъ); проф. Эйнбротта (О первой причинѣ неровности твердой оболочки земли); П. Дубровскаго (принимавшаго участіе въ журналѣ, кромѣ статьи своей о польской литературѣ, переводами и даже стихами); кромѣ того помѣщены въ журналѣ путевые очерки Н. Мельгунова и отрывки изъ заграничной переписки А. И. Тургенева. Статья М. Макарова (древняя и новая Москва, замѣтки о Москвѣ и въ особенности жизнь и приключеніе всѣхъ россійскихъ повременныхъ изданій) сообщаютъ иногда интересныя данныя, но, къ сожалѣнію, на Макарова нельзя во всемъ положиться. Изъ иностранныхъ статей серьезнаго содержанія есть извлеченія изъ Гаммера, Дюмонъ - Дюрвиля и Шафарика (въ переводѣ Бодянскаго). Кромѣ того, тотъ же самый Кенигъ, который со словъ преимущественно Мельгунова издалъ въ Штутгартѣ въ 1837 году *Litterarische Bilder aus Russland*, прислалъ, — вѣроятно по просьбѣ того же Мельгунова, — для помѣщенія въ журналѣ двѣ довольно обширныя статьи: о теперешнемъ состояніи нѣмецкой литературы и новые нѣмецкіе романисты. Переведенныя съ иностранныхъ языковъ рецензіи, кромѣ принадлежащихъ извѣстнымъ критикамъ (Мармье объ исторіи Мишле, Мюнга опыты философіи индѣйцевъ, соч. Кольбрука, Жюль Жапена о Дюлорѣ и Пиго Лебрѣнѣ), заимствованы изъ журналовъ „Artiste“, „Morgenblatt“ и „New Monthly Magazine“. Изъ философскихъ статей напечатана И. Ефимовича — „Взглядъ на системы философіи XIX вѣка во Франціи“.

Изъ критическихъ статей, не принадлежащихъ Шевыреву, Бѣлинскій въ особенности одобряетъ музыкальную лѣтопись Н. А.

Мельгунова и двѣ статьи подписанныя буквою — о — разборъ оперы „Аскольдова могила“ и комедіи Загоскина „Недовольные“.

Весной 1838 года Андросовъ передалъ изданіе московскому типографу Степанову, который пригласилъ въ редакторы Бѣлинскаго. „Наблюдатель“ подъ новою редакціей начинается съ XVI тома, книжками не доданными за 1837 годъ. Подъ руководствомъ Бѣлинскаго измѣнилось направленіе журнала и явились новые сотрудники, молодежь изъ кружка Станкевича и близкіе пріятели Бѣлинскаго: Боткинъ, Бакунинъ, Кудрявцевъ, Катковъ, К. Аксаковъ, Красовъ, Ключниковъ, П. А. Петровъ, М. Строевъ; изъ постороннихъ сотрудниковъ—Ив. Яв. Кроненбергъ, Полежаевъ, Струговщиковъ, Студицкій. Направленіе и значеніе „Московского Наблюдателя“ подъ редакцію Бѣлинскаго подробно изложены въ сочиненіи А. Н. Пыпина: „Бѣлинскій, его жизнь и переписка“ (I, 238—257).

Александръ Ивановичъ внесъ, какъ мы видѣли, свой пай (1.000 руб. сер.) въ капиталъ учредителей при основаніи журнала, но этимъ и ограничилось его участіе. Кошелеву было не до того,—это было самое серьезное и озабоченное время его жизни: онъ женился, потерялъ мать, приобрѣлъ имѣніе, положившее основаніе его состоянію, и только-что вступилъ въ откупа.

Въ 1841 году Погодинъ, при главномъ участіи Шевырева, началъ издавать „Москвитянинъ“, всѣ грѣхи котораго въ то время ставились на счетъ славянофиловъ, такъ какъ это былъ единственный журналъ, въ которомъ иногда появлялись ихъ имена *). О своемъ участіи въ „Москвитянинѣ“ Хомяковъ писалъ графъ Блудовой (25 ноября 1848 г.): „Журнальная дѣятельность никогда меня не веселила, я никогда можетъ - быть не напечаталъ бы и строки въ журналѣ, но я не умѣлъ придумать другого пути, удобнаго для выраженія моей мысли, и печатаю статьи въ нѣкѣмъ не читаемомъ

---

*) Въ старомъ „Москвитянинѣ“ одинъ Хомяковъ помѣщалъ свои статьи (о сельскихъ условіяхъ, 1842 г. № 6; еще о сельскихъ условіяхъ, № 10; письма въ Петербургъ о выставкѣ, 1843 г. № 7; опера Глинки „Жизнь за царя“, 1844 г. кн. 5; Англія, письмо къ другу, 1848 г. кн. 7; стихотворенія—1841 г.: Видѣніе, на перенесеніе Наполеонова праха, кн. 1; суета суетъ, кн. 2; еще о немъ, кн. 3; Ritter Spruch, кн. 4; Кіевъ, кн. 5; вчерашняя ночь, сумракъ вечерній, кн. 10; 1844: Давидъ, кн. V; 1850: кремлевская заутреня на Пасху, кн. 9. Затѣмъ помѣщена въ „Москвитянинѣ“ 1847 г. извѣстная статья Ю. О. Самарина—„О литературныхъ мнѣніяхъ Современника“ подъ именемъ М. З. К.

„Москвитянинъ“. Я хотѣлъ, я долженъ былъ высказать завѣтную мысль, которую носилъ въ себѣ отъ самаго дѣтства“ („Рус. Арх.“ 1879, I, 372). Конечно и другіе славянофилы печатались въ этомъ журналѣ только по необходимости, ибо не имѣли другаго органа сколько-нибудь подходящаго къ ихъ убѣжденіямъ. Еще ранѣе, 23-го іюня 1845 года, Хомяковъ писалъ Ю. О. Самарину: Всѣ отказываются отъ участія въ „Москвитянинѣ“. Я этого не осуждаю, — онъ дѣйствительно не заслуживаетъ поддержки, — но мнѣ еще нужно написать двѣ статьи, и я на-дняхъ принимаюсь за одну изъ нихъ. Разумѣется, ужь это не ради журнала, а потому только, что хочу досказать недосказанное („Рус. Арх.“ 1873, III, 318).

Само собою разумѣется, что славянофиламъ невыгодно было совершенное закрытіе „Москвитянина“. Ученіе славянофиловъ только разрабатывалось по частямъ и они не успѣли сами изложить его въ стройной и совершенно законченной системѣ; поэтому отдѣльнаго изданія, посвященнаго исключительно изложенію своей системы, славянофилы предпринять не могли. Да и кто же бы въ то время сталъ его читать? Къ этому присоединились цензурныя опасенія. Еще въ началѣ 1845 года Самаринъ писалъ къ Хомякову изъ Петербурга, что правительство и петербургская журналистика относятся къ славянофиламъ крайне враждебно, и совѣтовалъ быть осторожными. Въ то же время, какъ будто для усиленія подозрѣній, появилось нѣсколько статей объ „mouvement Slave“ и „mouvement Moscovite“. По словамъ Хомякова, эта гроза разразилась въ то время нелѣпою строгостью цензуры, въ особенности къ „Москвитянину“. „Статья моя, — говоритъ Хомяковъ, — о желѣзныхъ дорогахъ подверглась столькимъ мытарствамъ, что она не попадетъ въ № 1 („Москв.“ 1845), а отложена до № 2-го и пропущена только по усиленнымъ стараніямъ и просьбамъ“ („Рус. Арх.“ 1873, III, 313). Это относится къ редакторству Бирѣвскаго, о которомъ сейчасъ скажемъ. Тѣмъ не менѣе Хомяковъ, въ письмѣ 28 февраля 1845 года, писалъ Самарину: „дайте что-нибудь въ „Москвитянинѣ“, хотя безъ имени“. Самаринъ, дѣйствительно, напечаталъ въ № 2 „Москвитянина“ за 1847 годъ свою статью „о литературныхъ мнѣніяхъ Современника“ (подъ буквами М... З... К...). Безъ сомнѣнія, Самаринъ сдѣлалъ это не изъ страха, или съ какимъ-нибудь другимъ расчетомъ, — всѣ свои, даже заграничныя, изданія онъ печаталъ съ полною подписью, но очевидно Самаринъ не хотѣлъ

видѣть своего имени на страницахъ журнала, программѣ котораго онъ не сочувствовалъ.

Въ 1844 году Хомяковъ, К. С. Аксаковъ и нѣкоторые другія лица изъ кружка, издававшего „Московскій Наблюдатель“ (не извѣстно, участвовалъ ли въ этомъ Алек. Ив. Кошелевъ), задумали воспользоваться представившимся случаемъ и взять въ свои руки готовый журналъ, такъ какъ получить разрѣшеніе на изданіе новаго не представлялось возможности. Въ это время Погодинъ, въ то время подвергнувшійся разнымъ несчастіямъ, предлагалъ передать И. В. Кирѣевскому „Москвитянинъ“. Кирѣевскій жилъ тогда въ деревнѣ, переговоры шли безъ него, но къ концу 1844 г. Кирѣевскій переѣхалъ въ Москву и, не дождавшись официальнаго разрѣшенія, принялся за редакцію: имъ изданы первые три номера „Москвитянина“ и приготовленъ матеріалъ для четвертаго. Но дѣло не состоялось, какъ видно, главнымъ образомъ по винѣ Погодина. Хомяковъ писалъ Ю. Ѳ. Самарину 20 іюня 1845 года: „Хорошо осрамилась наша Москва, не умѣла-таки сохранить журналъ. Погодину дѣлавы были съ нашей стороны всѣ возможные уступки; наконецъ даже рѣшились отягчить будущій годъ кредитомъ въ 10.000 руб. и сохранить ему пай въ сборѣ сверхъ тысячи подписчиковъ,—онъ не пошелъ ни на что. Кирѣевскій также отказался рѣшительно, несмотря на всѣ моленія, на ревность нѣсколькихъ купцовъ (вещь особенно дорогая для Кирѣевскаго), предлагавшихъ денежное обезпеченіе, и даже на мнѣніе всей семьи (т.-е. Елагиныхъ, кромѣ жены и брата Петра Васильевича), сказавшей ему безъ обиняковъ, что для него отказаться отъ журнала значитъ отказаться отъ всякой умственной дѣятельности. („Рус. Арх.“ 1849, III, 317). Причиною отказа Кирѣевскаго была отчасти болѣзнь, отчасти невозможность вести дѣло, не бывши хозяиномъ журнала, а главное—цензурныя стѣсненія.

Какъ скоро Кирѣевскій принялъ въ свои руки редакцію журнала, журналъ оживился и принялъ опредѣленное направленіе. „Съ береговъ Майна“ прислалъ свое привѣтствіе Жуковскій и статьи о переводѣ „Одиссеи“. Славянофилы и люди къ нимъ близкіе стали наполнять своими статьями „Москвитянинъ“ *); Хомя-

*) Самими славянофилами и лицами къ нимъ близкими были помѣщены слѣдующія статьи: И. В. Кирѣевскій: Обзорніе современнаго состоянія словесности (№№ 1, 2 и 3, — не кончено); живнѣ Стефенса (№№ 1, 2 и 3); о сочиненіяхъ Паскала, изд. Куве-

ковъ приглашалъ въ сотрудничеству служившаго тогда въ Петербургѣ („насъ немного,—писалъ онъ,—и каждый обязанъ сказать хоть слово“) Самарина (письмо отъ 28 февраля 1845 г., „Рус. Арх.“ 1879, III, 317), но Самаринъ не успѣлъ исполнить на этотъ разъ просьбу Хомякова, потому что не болѣе какъ черезъ мѣсяцъ Кирѣевскій отказался отъ редакціи. Въ стихотворномъ отдѣлѣ „Москвитянина“ за время редакторства Кирѣевскаго принимали участие: Языковъ (очень большое), Шевыревъ, вн. Вяземскій (эпиграмма на Булгарина), М. Дмитріевъ, Бергъ, Ф. Миллеръ, Мей, Каролла Павлова и Н. Теплова. Отдѣлъ литературный отечественный не богатъ: два разсказа Даля (Козакъ Луганскій), отрывокъ изъ романа О. Шишкиной „Проконій Ляпуновъ“ и повѣсть неизвѣстнаго „Вѣрочка“. Изъ иностранной литературы помѣщены: „Жизнь Стефенса“, извлеченная изъ его автобіографіи, повѣсть Ал. Дюма „Корсиканское семейство“, разсказъ Диккенса „Колокола“ и повѣсть Емиля Сувестра „Опись“. За то тѣмъ богаче отдѣлъ серьезныхъ статей, гдѣ много участвовалъ Погодинъ,

номъ (№ 3); предисловіе къ открытію отдѣла сельскаго хозяйства (№ 1); письмо къ А. П. Зонтага, о публичныхъ лекціяхъ Шевырева (подп. К. № 1); всѣ рецензіи, подписанныя буквою К. (Соч. т. I, 200—228);—*Хомяковъ*: О желѣзныхъ дорогахъ, письмо въ Петербургъ (№ 2); спортъ, охота (безъ подп. № 2); мнѣніе иностранцевъ о Россіи (№ 4);—*И. В. Кирѣевскій*: О древней русской исторіи, единственное печатное сочиненіе, оставшееся послѣ Петра Васильевича (№ 3);—*А. Н. Поповъ*: отрывокъ изъ путевыхъ записокъ по Черногоріи (№№ 1 и 2); о философскихъ началахъ государственнаго права (№ 3); рецензія на книгу Путешествія ко святымъ мѣстамъ русскимъ Муравьева (подп. А. Н. № 1);—*В. А. Елазинъ*: рецензія на книгу: Очерки южной Франціи и Ниццы (подп. В. Е. № 1);—*И. С. Аксаковъ*: стихотворенія: ставсы (подп. А. № 1); Хоть усталая дошла я; Христофоръ Коломбъ съ пріятелями (подп. И. А. № 2);—*К. С. Аксаковъ*: стихотвореніе Москвѣ (№ 2); небольшая рецензія на сочиненіе Тургенева: Разговоръ (безъ подп. № 2);—*А. В. К—ой* (безъ подп. № 3).

Кстати приведу здѣсь одну мелочную, но интересную подробность. Во 2 книжкѣ напечатана въ отдѣлѣ „Смѣси“ небольшая статейка „Декартово cogito—ergo sum, гдѣ находится и пр.“, подписанное Ritter. Это имя извѣстнаго историка философіи познакомилъ С. П. Шевыревъ вотъ по какому случаю. На диссертациі Грановскаго въ этомъ году С. П. Шевыревъ доказывалъ, что Декартъ заимствовалъ свое знаменитое „cogito—ergo sum“ у Блаж. Августина, а Рѣдкинъ отстаивалъ приоритетъ перваго. Такъ какъ мы (т.-е. студенты) въ существо дѣла не вступали, то на диссертациі профессорамъ, которыхъ любили и уважали, аплодировали, а прочимъ шикали: на этотъ разъ аплодировали Рѣдкину, а шикали Шевыреву. „Вы сказали — и вамъ аплодировали“, началъ одно изъ своихъ возраженій Степанъ Петровичъ.—„Вы сказали—и вамъ шикали“, началъ свой отвѣтъ не оставшійся въ долгу Рѣдкинъ. Приведенная статейка написана Шевыревымъ, чтобы обнародовать свое открытіе,—насколько именно убѣдительно, пусть прочтутъ желающіе.

а затѣмъ Шевыревъ, Максимовичъ, вн. М. А. Оболенскій и, въ видѣ особаго отдѣла сельскаго хозяйства, проф. Я. Ал. Линовскій. Лекціи сельскаго хозяйства Линовскаго были чрезвычайно увлека- тельны, профессоръ обладалъ замѣчательнымъ даромъ изложенія, и до самой его трагической кончины (онъ былъ зарѣзанъ своимъ человѣкомъ) аудиторія его наполнялась не только студентами всѣхъ факультетовъ, но часто многочисленною постороннею пуб- ликой. Отдѣлъ „Матеріаловъ“ былъ очень разнообразенъ и весь- ма интересенъ. Критическимъ отдѣломъ завѣдывалъ самъ Кирѣ- евскій и ему помогали Ѳ. И. Буслаевъ (по части словесности) и геологъ П. Языковъ (по геологіи, статистикѣ и географіи). Ре- цензіи писалъ большею частью Кирѣевскій, а затѣмъ Буслаевъ и по одной Н. Елагинъ и К. Аксаковъ. Надо замѣтить, что, несмот- ря на кратковременность редакціи Кирѣевскаго, его духовно-ми- стическое направленіе не могло не отразиться на журналѣ. Ду- ховно-мистическое направленіе Кирѣевскаго выразилось въ помѣ- щеніи: Житія молдавскаго старца Паисія Величковскаго и письма его (№ 4, см. о семъ „Біогр. Кошел.“ II, 288—289), письма Спер- анскаго къ Словцову о пути ко спасенію (№ 3), слова митрополита Филарета на освященіе церкви въ Чудовѣ монастырѣ (№ 1), опи- санія крестнаго хода изъ Куряжскаго монастыря въ харьковскій соборъ (№ 3), преданія объ основаніи Угрѣшской обители, Н. Иван- чина-Писарева (№ 3).

1845 годъ усилилъ значеніе въ литературѣ кружка славяно- филовъ еще съ другой стороны. Въ домѣ Хомякова съ ранняго возраста проживалъ племянникъ его по женѣ, Дм. Ал. Валуевъ, симбирскій уроженецъ, умершій, въ молодыхъ годахъ, въ концѣ 1845 года. О смерти Валуева Хомяковъ писалъ Ю. Ѳ. Самарину 17 декабря 1845 года: „Изъ нашего круга отдѣлился человѣкъ, котораго нѣтъ мнѣ никогда не замѣнить,—человѣкъ, который былъ и братомъ мнѣ, и сыномъ. Этотъ ударъ былъ для меня невыра- зимо-тяжелъ; но, отвлекая себя отъ личнаго чувства, я могу ска- зать, что эта потеря невознаградимая для насъ всѣхъ. Его моло- дость, дѣятельность, чистота, миротворящая, хотя ни въ чемъ не уступающая, кротость нрава и, наконецъ, его совершенная сво- бода и независимость отъ лицъ и обстоятельствъ—все дѣлало его драгоцѣннѣйшимъ изъ всѣхъ сотрудниковъ въ общемъ дѣлѣ добра и истины. Богу угодно было, чтобы такая прекрасная жизнь рано

кончилась; но, къ счастью, Валуевъ многое началъ, и начатое имъ, я надѣюсь, не пропадетъ, а продолжится. Вы, конечно, сочувствуете моему горю; но никто не можетъ вполне оцѣнить, что я въ Валуевѣ потерялъ и какъ много я ему обязанъ былъ во всѣхъ самыхъ важныхъ частяхъ моей умственной дѣятельности. Во многомъ онъ былъ моею совѣстью, не позволяя мнѣ ни слабѣть, ни предаваться излишнему преобладанію сухого и логическаго анализа, къ которому я по своей природѣ склоненъ. Если что-нибудь во мнѣ цѣнятъ другіе, то я хотѣлъ бы, чтобъ они знали, что въ продолженіе цѣлыхъ семи лѣтъ дружба Валуева постоянно работала надъ исправленіемъ дурного и укрѣпленіемъ хорошаго во мнѣ“ („Рус. Арх.“ 1879, III, 320—321). Близкіе знакомые рассказываютъ, что Валуевъ въ особенности побуждалъ Хомякова къ работѣ и даже иногда запыривалъ его, чтобы заставить покончить слишкомъ долго затянувшійся трудъ. Всѣ лица знавшія Валуева, — а такихъ было много, безъ различія направленія, — сходятся въ восторженныхъ похвалахъ и характеру, и усидчивости, и талантливости покойнаго Валуева (Соловьевъ, Кавелинъ, Грановскій и другіе). П. Г. Рѣдкинъ говоритъ о Валуевѣ, по поводу изданія „Библиотски для воспитанія“, для которой имъ собраны были матеріалы: „Пока не была получена вѣсть о его кончинѣ, все шло хорошо: хотя отсутствующій, онъ могъ еще, пока былъ живъ, соединить своихъ сотрудниковъ; но когда получена была вѣсть о его кончинѣ, память о немъ не могла удержать въ соединеніи всѣхъ ихъ вмѣстѣ; и все показало, что Валуевъ, при всемъ постоянствѣ и твердости убѣжденій, которымъ онъ никогда не измѣнялъ, стоявшій выше всѣхъ партій, принадлежалъ не нашему, а лучшему будущему времени“ („Библ. для воспит.“ 1845, VI, 172—173). Этою способностью соединять между собою и соглашать людей съ разными отгѣнками, но съ одною цѣлью и одинаковою любовью къ истинѣ и образованію, объясняется успѣхъ въ такое короткое время изданій Валуева.

Въ хронологической послѣдовательности напечатанія работъ Валуева первое мѣсто занимаетъ „Библиотека для воспитанія“, задуманная имъ вмѣстѣ съ П. Г. Рѣдкинымъ. Это былъ, безъ сомнѣнія, лучший сборникъ статей для чтенія въ юношескомъ возрастѣ, какой когда-нибудь появлялся въ Россіи. Изданіе это составляетъ такую библиографическую рѣдкость, что полного эк-

земляра нѣтъ ни въ одной изъ московскихъ публичныхъ библиотекъ; съ трудомъ я составилъ его изъ разныхъ частныхъ рукъ. Я остановлюсь на немъ нѣсколько долѣе и приведу перечень статей, въ немъ заключающихся. Валуевъ началъ изданіе „Библиотеки для воспитанія“ въ 1843 году, причеиъ онъ раздѣлилъ ее на два отдѣла, въ 6 книжкахъ, изъ нихъ 2 для воспитателей и 4 для дѣтскаго чтенія. Валуевъ предоставилъ себѣ редакцію только перваго и главнаго отдѣла для дѣтей: заказомъ, составленіемъ, выборомъ, корректурой статей этого отдѣла занимался онъ одинъ—до тѣхъ поръ, пока ему не измѣнили послѣднія силы. За 1843 годъ Валуевъ выпустилъ всѣ шесть книжекъ въ теченіе 1843 и 1844 гг. Въ 4-хъ книжкахъ отдѣла для дѣтей помѣщены почти исключительно переводныя повѣсти, сказки и комедіи; кромѣ того переведены отрывки „Исторіи греческихъ героевъ, разсказанной Нибуромъ своему сыну“; разказы о древней мифологіи Востока, передѣланные изъ Bergard: „Mythologie de tous les peuples pour la jeunesse“, 1842; начало „Троянской войны“ изъ „Разказовъ о Трои и Греціи“ Густава Шваба; и разказы изъ жизни знаменитыхъ людей (Бетховенъ и Петръ Брегель). Двѣ книжки отдѣла для воспитателей заключаютъ въ себѣ переводъ „Практическаго воспитанія“ М. Еджеворта. На 1844 годъ изданіе было прервано, по случаю поѣздки Валуева за границу. Въ новомъ видѣ и съ новыми средствами Валуевъ возобновилъ его на 1845 годъ, но число книжекъ было увеличено: 6 для дѣтей и 2 для воспитателей. Программа нѣсколько измѣнилась. „Наша главная цѣль,—говорилъ Валуевъ въ предисловіи къ 1 книжкѣ „Библ. для воспит.“ 1845 г.,—дать пищу для пробуждающейся дѣятельности души и мысли, оживить для учащагося сухую науку, чтобы, среди географическихъ названій и чиселъ, глухо звучащихъ именъ историческихъ дѣятелей и народовъ, передъ нимъ мелькала хоть изрѣдка живая картина той или другой земли, стройный образъ великаго мужа или славной годинны того или другаго народа, чтобы измлада онъ могъ привязать свое благородное, еще ничѣмъ не искаженное сочувствіе къ предметамъ достойнымъ его, а прежде всего къ великому святому достоянію своего отечества, его высокой судьбѣ и назначенію, къ великимъ годинамъ его прошедшаго и его сподвижникамъ за вѣру и родину“. Вслѣдствіе этого характеръ изданія измѣнился,—повѣсти и сказки уступили болѣе серьезнымъ разказамъ изъ исторіи, естественныхъ наукъ и географіи. Валуевъ

самъ издалъ только первыя двѣ книжки „Библиотеки“, двѣ книжки передалъ совершенно готовыми къ изданію, а составленіе двухъ остальныхъ передалъ П. Г. Рѣдкину, причемъ весь матеріалъ уже былъ намѣченъ, большая часть статей заказаны, нѣкоторыя готовы. „Библиотека для воспитанія“ за 1845 годъ состоитъ изъ 6 книжекъ для дѣтскаго возраста и 1 книжки для воспитателей; печатаніе ея окончено было въ 1848 году. Самъ Валуевъ помѣстилъ въ „Библиотекѣ“ статью „Св. Филиппъ, митрополитъ московскій“ и „Іоанна д'Аркъ“, передѣлалъ повѣсть Диккенса „Свѣтлое Воскресенье“, „Спасскія ворота въ Москвѣ“ по сочиненію Снегирева— „Памятники московской древности“. Хомяковъ помѣстилъ: „Царь Θεодоръ Іоанновичъ“, „Тринадцать лѣтъ царствованія Ивана Васильевича“ и не вошедшія въ собраніе его сочиненій „Черты изъ жизни калифовъ“, „Биографію Д. А. Валуева“ (кн. VI) и предисловіе къ стихотвореніямъ Веневитинова. И. В. Кирѣевскому принадлежитъ предисловіе къ стихотвореніямъ Баратынскаго. Главными вкладчиками въ „Библиотеку“ были профессоръ Московскаго университета: П. Г. Рѣдкинъ (Плиній младшій и его письма къ Тациту, Оукидидъ), Т. Н. Грановскій (Первобытный міръ скандинавовъ, по Фрикселю, рыцарь Баярдъ, нѣмецкія народныя преданія), С. М. Соловьевъ (Мстиславъ Ростиславовичъ Храбрый), К. Фр. Рулье (о вліяніи наружныхъ условій на жизнь животныхъ), С. П. Шевыревъ (Жизнь Рафаэля), И. К. Бабсть (Θемистокль), Θ. И. Буслаевъ (предисловіе и примѣчанія къ русскимъ пѣснямъ изъ сборника П. В. Кирѣевскаго), А. П. Ефремовъ (извлеченія изъ Риттера: степи и пустыни, мусульманскіе богомольцы). „Библиотека“ имѣла цѣлюю познакомить юношество съ исторіей славянъ. Съ этою цѣлю А. Н. Поповъ помѣстилъ очеркъ черногорской исторіи, а другъ Валуева, о которомъ скажемъ ниже, В. А. Пановъ—статьи о настоящихъ жилищахъ южныхъ и западныхъ славянъ и ихъ разселеніи въ Европѣ, исторію хорватовъ, исторію Болгарскаго государства. Кромѣ того помѣщены двѣ повѣсти А. Зонтагъ (трудолюбіе и лѣность, рукопись мавританскаго доктора); окончаніе рассказовъ о Троѣ и Греціи, Густава Шваба, съ дополненіями; избранныя стихотворенія Веневитинова, Лермонтова, Баратынскаго, Языкова и Дельвига; статья—золото, М. Св—ва; извлеченіе изъ соч. Снегирева „Памятники московской древности“, сдѣланное Е. П. (Евг. Ив. Поповъ) подъ заглавіемъ: „Исторія города Москвы“ и „Московскіе врем-

левскіе соборы“ и его же небольшой разсказъ „Усыновленный“, гдѣ разсказано, что усыновленный сынъ крестьянина, желавшій охотою поступить за роднаго сына своего воспитателя, по волѣ послѣдняго, остается дома. Отдѣла для воспитателей вышла только одна книжка, гдѣ помѣщены статьи: „о воспитаніи и начальномъ обученіи родному языку“, Ѳ. Буслаева; объ изученіи новыхъ языковъ, П. Рѣдкина; объ умственномъ и нравственномъ образованіи посредствомъ школьнаго ученія, д-ра А. Северина.

Съ 1847—1849 гг. П. Г. Рѣдкинъ издалъ уже одинъ 10 книжекъ, подъ заглавіемъ „Новая Библіотека для воспитанія“, которыя сюда не относятся.

Въ 1837 году, когда Валуевъ былъ еще молодъ и жилъ въ Симбирскѣ, гостилъ одинъ изъ ревностныхъ любителей старины (по всей вѣроятности, Хомяковъ) и указалъ Валуеву, что у дворянъ часто находятся драгоцѣнные памятники нашей старины; онъ предложилъ заняться пересмотромъ и разборомъ столбцовъ и рукописей, принадлежащихъ дворянамъ Симбирской губерніи. Составилось общество для собранія этихъ памятниковъ, которыхъ накопилась цѣлая масса. Для разбора и изданія этихъ актовъ согласились между собою Хомяковъ, Валуевъ и братья Языковы, причемъ редакціонное подготовленіе къ напечатанію актовъ юридическихъ принялъ на себя К. Д. Кавелинъ, а по сошному письму— Н. В. Калачовъ. Къ сожалѣнію, это предположеніе не осуществилось.

Часть изъ этого матеріала напечатана была Валуевымъ въ его „Симбирскомъ сборникѣ“ (Москва, 1849 г.). Въ сборникъ вошли: разрядная книга, 1559—1604 гг., родословная роспись рода Клинныхъ, грамоты и наказы, гдѣ между прочимъ содержатся интересные данныя о сношеніи царя Алексѣя Михайловича съ запорожскимъ войскомъ и отписки за 1673—1674 гг. кievскаго воеводы кн. Трубецкаго царю Алексѣю Михайловичу о малороссійскихъ дѣлахъ. Изданію этихъ актовъ Валуевъ предпослалъ свое известное сочиненіе о мѣстничествѣ въ древней Россіи, которое впервые пролило свѣтъ на этотъ важный и темный вопросъ и до сихъ поръ служитъ исходною точкой для всѣхъ дальнѣйшихъ изслѣдованій. Въ 1845 г. былъ составленъ Валуевымъ „Сборникъ историческихъ и статистическихъ свѣдѣній о Россіи и народахъ ей единовѣрныхъ и единоплеменныхъ“ (Москва, 1845). Сборнику

этому Валуевъ предпослалъ обширное предисловіе, гдѣ онъ изложилъ задачи, предстоящія Россіи: кто со вниманіемъ прочтетъ это предисловіе, тотъ усмотритъ тамъ въ зародышѣ всѣ основныя положенія будущей славянофильской теоріи. Указавъ, что намъ предстоитъ самостоятельная переработка результатовъ западной жизни, Валуевъ продолжаетъ: „Когда свѣжія силы новопришедшаго въ исторію народа и всѣ глубокіе тайники его внутренняго, еще не сознанныго духа, скрытая мысль и поэзія его быта и не даромъ прожитаго имъ прошедшаго—разъ отзовутся въ его мыслящихъ представителяхъ, знаемыхъ съ просвѣщеніемъ прочаго міра, тогда всякій добросовѣстный трудъ въ области науки принесетъ ей въ дань не букву и не мертвый наборъ фактовъ, а свое живое слово и свѣжую силу, которыя дадутъ ей новое движеніе и оплодотворятъ ея почву, гдѣ она оскудѣла“ (стр. 10). Говоря о несамостоятельности науки въ Россіи, Валуевъ утверждаетъ, между прочимъ, что въ самой исторіи Запада есть сотни явленій, для которыхъ *наука русская и православная* должна найти совершенно иное разрѣшеніе, чѣмъ какое находили для нихъ люди западные, необходимо заключенные въ свою тѣсную сферу, изъ которой выйти они не могутъ, не отказавшись отъ самихъ себя (17). При этомъ Валуевъ признаетъ, что если обнять исторію человѣчества въ ея болѣе широкихъ размѣрахъ, взглядѣться пристальнѣе въ ея прошедшее и вдуматься въ ея будущее, мы увидимъ, что одна вѣра и духовныя убѣжденія людей или раздѣляютъ человѣчество на великія историческія массы, или соединяютъ государства и народы въ одну общую судьбу (19). Но будущее ученіе высказывалось въ такихъ скромныхъ и неясныхъ намекахъ, что они не испугали людей, впоследствии такъ рѣзко отшатнувшихся отъ славянофиловъ. На ряду съ Хомяковымъ, который свою статью, поставленную въ головѣ и названную „Вмѣсто введенія“, заканчиваетъ прямо словами, что „славянскій міръ хранитъ для человѣчества если не зародышъ, то возможность обновленія“,—на ряду съ сочувствующими Хомякову А. И. Поповымъ, Коссовичемъ и В. А. Елагинымъ, въ сборникѣ участвуютъ Грановскій, Кавелинъ и Соловьевъ.

Трудъ покойнаго Валуева по изданію сочиненій кружка принялъ на себя его родственникъ, точно также принадлежавшій въ кружку Хомякова и Кирѣевскихъ-Елагиныхъ и умершій въ очень молодыхъ годахъ (1851 г.), недавно кончившій курсъ въ Москов-

скомъ университетѣ Вас. Алекс. Пановъ. Пановъ, между прочимъ, провожалъ Гоголя въ его поѣзду за границу въ 1841 году, поѣхавъ славянскія земли и издавъ объ этомъ брошюру. Кромѣ того, что онъ помѣстилъ выше названныя статьи въ „Библ. для воспитанія“, Пановъ участвовалъ въ обсужденіи вопросовъ въ кружкѣ: такъ, когда въ кружкѣ обсуждалась оставшаяся непечатавшею (по собственному его желанію) статья Самарина „Князь и вѣче“, присланная во время редакторства Кирѣевскаго въ „Москвитянинъ“, Хомяковъ пишетъ, что при чтеніи совершенно согласились со взглядомъ Самарина—самъ Хомяковъ, К. С. Аксаковъ и братья Елагины, на половину—Поповъ, Валуевъ, Пановъ, совсѣмъ несогласны Кирѣевскіе („Рус. Арх.“ 1879, III, 316). Пановъ издавалъ „Московский Сборникъ“ въ 1846 и 1847 годахъ. Изданія эти въ сущности не имѣютъ никакого опредѣленнаго направленія. Если ихъ причисляютъ къ изданіямъ славянофильскимъ, то только потому, что здѣсь появились впервые сочиненія опредѣленнаго кружка—Хомякова, Аксаковыхъ, Самарина, А. Н. Попова, Чицова и Языкова; но рядомъ съ именами старыхъ знакомыхъ: Погодина, Максимовича и Павловой—встрѣчаются и лица совершенно постороннія: Жуковский, кн. Вяземскій, Я. Полонскій, Бергъ, Жадовская, Даль, Соловьевъ, Срезневскій, Линовскій, Ригельманъ (изъ Вѣны). И по содержанію сборники эти весьма мало способствовали разъясненію славянофильскаго ученія, оттого на нихъ мало обратила вниманія даже цензура,—„все прошло не слишкомъ съ большими пожертвованіями“ („Рус. Арх.“ 1879, III, 325). Изъ главныхъ славянофиловъ одни вовсе не участвовали, какъ Кирѣевскіе, другіе помѣстили статьи мало выражающія ихъ основныя убѣжденія. Хомяковъ помѣстилъ двѣ статьи: „Мнѣніе русскихъ объ иностранцахъ“ и „О возможности русской художественной школы“, гдѣ его образъ мыслей выражался, но слишкомъ отрывочно и разбросанно. К. С. Аксаковъ и Самаринъ явились передъ публикою только въ качествѣ критиковъ (три критическія статьи г-на Имрекъ и разборъ „Тарантасъ“, соч. гр. Соллогуба, М. З. К.). Даже статья Самарина о литературныхъ мнѣніяхъ современниковъ не пошла въ сборникъ и напечатана въ № 2 „Москвитянина“ за тотъ же 1847 годъ.

Этимъ оканчивается попытка славянофиловъ къ отдѣльнымъ изданіямъ впредь до пятидесятихъ годовъ, когда обязанность редактора-издателя принялъ на себя А. И. Кошелевъ,—правда, при

болѣе благопріятныхъ цензурныхъ условіяхъ. Мы увидимъ дальше, что только благодаря его энергіи и настойчивости славянофильское ученіе появилось въ цѣльномъ своемъ видѣ и такъ или иначе обратило на себя вниманіе не только немногихъ, воспользовавшихся устною бесѣдою, но всей читающей публики.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Возвратъ къ умственнымъ занятіямъ; чтеніе духовныхъ книгъ.—Первоначальныя занятія и проекты по крестьянскому вопросу.—Тѣснѣйшее сближеніе съ Хомяковымъ и Кирѣевскимъ.—Отрицательная и положительная стороны славянофильскаго ученія.—Понятія славянофиловъ о православіи, самодержавіи и народности.—Отличительныя черты воззрѣнія Александра Ивановича сравнительно съ другими членами кружка.

Возвратъ къ умственнымъ занятіямъ, какъ называетъ самъ Александръ Ивановичъ, совершился въ немъ еще въ 1847 г., до передачи откуповъ, главнымъ образомъ подъ вліяніемъ зимнихъ бесѣдъ съ Хомяковымъ и Кирѣевскимъ. Стимулъ этого возврата былъ религиозный. Это совершенно естественно: исходною точкой славянофильства, какъ его понимали Хомяковъ и Кирѣевскій, была религія, и съ этой стороны преимущественно Хомяковъ овладѣвалъ тѣснѣе присоединяющимися къ кружку сторонниками. Изъ біографическихъ свѣдѣній объ Юріи Ѳедоровичѣ, сообщенныхъ въ изданіи Дм. Ѳ. Самарина, видно, что Хомяковъ дѣйствовалъ главнымъ образомъ на чувство вѣры въ Самаринѣ въ ту минуту, когда въ душѣ послѣдняго происходилъ разладъ между религіей и философіей, обычный для всякаго, въ комъ не выдохлись окончательно религиозныя традиціи,—въ ту минуту, когда Юрій Ѳедоровичъ томился неразрѣшимою задачею построить христіанство на началахъ Гегелевой философій. Юрій Ѳедоровичъ самъ указываетъ на силу вліянія Хомякова въ дѣлѣ религиознаго убѣжденія въ такой степени, что онъ смѣло, во введеніи къ богословскимъ сочиненіямъ Хомякова, причисляетъ его къ отцамъ церкви. „Для людей,—говоритъ Самаринъ,—сохранившихъ въ себѣ чуткость неповрежденнаго религиознаго смысла, но запутавшихся въ противорѣчіяхъ и раздвоившихся душою, Хомяковъ былъ своего рода эмансипаторомъ; онъ выводилъ ихъ на просторъ, на свѣтъ Божій, возвращалъ имъ цѣльность религиознаго сознанія“ (Самар. соч. V, LXXV). Такъ было отчасти и съ Кошелевымъ.

Въ бумагахъ Ал. Ив. сохранился „Дневникъ“, начатый имъ 23 ноября 1848 г., но, въ сожалѣнію, оборвавшійся на нѣсколькихъ дняхъ. Тѣмъ не менѣе „Дневникъ“ этотъ очень интересенъ, потому что онъ обнаруживаетъ внутренній процессъ мыслей Кошелева. Вотъ выдержка изъ этого „Дневника“: „23 ноября 1848 г. Сегодня я рѣшился вести своимъ дѣйствіямъ и мыслямъ „Дневникъ“. Какая цѣль моя въ этомъ? Прежде я тратилъ деньги безотчетно, даже не могъ вести имъ обстоятельный счетъ; наконецъ года два тому назадъ я далъ себѣ слово записывать подробно всѣ денежные мои приходы и расходы, и съ тѣхъ поръ веду денежную книгу обстоятельно и добросовѣстно и въ расходахъ своихъ сталъ гораздо осмотрительнѣе. А развѣ время не дороже денегъ? Не трачу ли я его безотчетнѣе, чѣмъ когда-либо тратилъ деньги? Мнѣ 42 года; говорятъ, что я очень трудолюбивъ, и дѣйствительно я великій человѣкъ на малыхъ дѣлахъ; но въ сравненіи съ тѣмъ, чѣмъ каждому человѣку слѣдовало бы быть, я—нуль. Конечно, другіе изъ нашего сословія менѣе чѣмъ нуль; но развѣ ничтожность другаго можетъ служить мнѣ въ оправданіе? Одному дается одинъ талантъ, другимъ—два, три, десять талантовъ; всякій долженъ отдать хозяину отчетъ въ томъ, что каждый получилъ. Жизнь наша есть заемъ; мы всѣ должны трудиться; мы не отвѣчаемъ за послѣдствія, результаты нашихъ дѣйствій; но одинъ трудъ служитъ нашимъ оправданіемъ. Сколько времени потерялъ я и какъ мало сдѣлалъ добра на семъ свѣтѣ! Теперь ежедневно буду отсчитываться въ своихъ дѣлахъ и мысляхъ; быть можетъ, что буду бережливѣе на время, какъ сдѣлался расчетливѣе на деньги. Странная вещь: съ тѣхъ поръ, какъ сдѣлался расчетливѣе на деньги, я менѣе хлопочу о добываніи ихъ и болѣе о добромъ ихъ употребленіи. Я сталъ къ крестьянамъ гораздо снисходительнѣе и помогаю имъ болѣе чѣмъ прежде.

„Вечеромъ того же дня. Съ 15 сего мѣсяца я началъ ежедневно читать „Дѣянія Св. Апостоловъ“. Это чтеніе имѣетъ на меня весьма сильное дѣйствіе. Ученіе Христова должно перейти въ жизнь; вѣра и жизнь должны заключить союзъ на вѣкъ. Французскій коммунизмъ долженъ былъ возникнуть, потому что деньги сдѣлались идоломъ всѣхъ и каждаго; чрезмѣрное богатство нѣкоторыхъ и совершенная бѣдность прочихъ должны были породить негнѣпую мысль французскаго коммунизма. Въ христіанскомъ государствѣ французскій коммунизмъ былъ бы невозможенъ; онъ силится взять

то, что каждый христiанинъ по совѣсти долженъ самъ положить въ ноги своей братiи.—Христово ученiе должно теперь перейти въ жизнь и совершенно измѣнить всѣ общественныя отношенiя, правила, удовольствiя и пр.—Или Христово ученiе есть ложь, или всѣ мы жестокие наглецы, называя себя христiанами. Мы язычники и болѣе ничего.—Рѣшительно передъ каждымъ дѣйствiемъ должно думать, согласно ли оно съ ученiемъ Христовымъ. Всѣми силами должны стараться и мысли и дѣйствiя согласоватьъ съ симъ высокимъ ученiемъ.

„24 ноября. Сегодня я прочелъ остальные восемь главъ „Дѣяній апостольскихъ и началъ читать Евангелiе. Изъ первыхъ пяти главъ Евангелiя отъ Матѳея я сдѣлалъ выписку. Каждое изреченiе прожигаетъ до глубины души и носитъ отпечатокъ божественности. Евангелiе содержитъ правила для нашихъ дѣйствiй въ отношенiи къ Богу, себѣ самимъ и другимъ людямъ; однимъ словомъ, оно наполняетъ весь мiръ религiозный. Евангелiе переноситъ въ иную сферу—въ политику—значитъ перепутывать всѣ мысли. Власть въ государствѣ, которая хотѣла бы облечь ученiе Христово въ форму закона, породила бы жестокой, невыносимый деспотизмъ. Вѣра и государственность суть двѣ противоположности. Одна опредѣляетъ всѣ дѣйствiя мои въ отношенiи Бога, самого меня, ближнихъ моихъ и остальнаго мiра; законъ, право—опредѣляетъ дѣйствiя людей одного въ отношенiи къ другому. Правила вѣры совершенно положительны; правила закона отрицательны. Хотѣтъ въ государствѣ имѣть господствующую церковь есть вводить религiю въ сферу ей не принадлежащую. Въ этомъ-то великая ошибка Хомякова, Самарина и проч.—Намъ, частнымъ людямъ, должно проповѣдывать ученiе Христово вездѣ и стараться всѣми силами осуществить его въ своей жизни“.

Такiя же отмѣтки о чтенiи Евангелiя Ал. Ив. сдѣлалъ въ своемъ „Дневникѣ“ 25, 26 и 30 ноября 1848 г., 20, 21 и 28 февраля 1851 года:

„19 марта 1851 г. Сегодня я прочелъ первыя три бесѣды Иоанна Златоуста на Евангелiе отъ Матѳея. Много тамъ прекраснаго. Особенно съ чувствомъ сказаны и объяснены слѣдующiя мысли: „Слугу употребляемъ мы на дѣла нужныя и большею частью добрыя; а языкъ, высшее изъ плотскихъ орудiй, употребляемъ мы на бесполезныя и большею частью на вредныя для

насть и для другаго дѣла: насмѣхаемся, острословимъ, проклинаемъ и обожаемъ, влянемся, лжемъ и преступаемъ клятвы.—Чтеніе Свящ. Писанія нужно для монаховъ, но еще болѣе для насъ; кто живетъ въ мірѣ и каждый день получаетъ новыя язвы, для него особенно нужно врачевство.— Слово срамное возжигаетъ похоть, а слово благодѣльное внушаетъ цѣломудріе.—Худыя бесѣды растлѣваютъ добрые обычаи (Посл. къ Коринѣ. XV, 55).—Не мало пользы и слышать только благое, святое,—узнаешь самъ себя, воздохнешь и можеть-быть дойдешь до того, что исполнишь слышанное. Смиреномудріе есть краеугольный камень христіанства. Изъ грѣшниковъ оно дѣлаетъ праведными, а тѣмъ паче праведника дѣлаетъ еще болѣе праведнымъ. Если будешь себя хвалить, то не будешь похваленъ отъ Бога. Если себя назовешь достойнымъ похвалы, то ты еси непотребенъ. Посему должно забывать о своихъ добрыхъ дѣлахъ и отнюдь ихъ не выказывать.—Ничто такъ не пріятно Богу, какъ если кто считаетъ себя въ числѣ великихъ грѣшниковъ.—Это есть начало любомудрія.—Будемъ со всѣмъ тцаніемъ водворять въ душахъ нашихъ матеръ всѣхъ благъ — смиреномудріе“.

Изъ „Записокъ“ Ал. Иван. видно, что онъ въ одно лѣто прочелъ почти всѣ творенія Іоанна Златоустаго и много изъ сочиненій Василя Великаго и Григорія Богослова; въ то же время онъ не покидаетъ и политическихъ книгъ и журналовъ (стр. 64).

Интересно, какъ это религіозное настроеніе отразилось въ практической личности Ал. Иван. Мысль Кошелева прежде всего наткнулась на крѣпостное право и въ немъ увидала самый яркій и возмутительный *грѣхъ* тогдашней обстановки. Кошелевъ записалъ на первыхъ же страницахъ коротенькаго „Дневника“: „Стыдно и непонятно какъ мы можемъ называть себя христіанами и *держатъ въ рабствѣ своихъ братьевъ и сестеръ*.—Господинъ не можеть быть христіаниномъ; господство и христіанство не могутъ сосуществовать.—Уничтоженіе рабства надобно главнѣйше основать на Христовомъ ученіи о братствѣ“. Въ другомъ мѣстѣ Кошелевъ говоритъ: „Особенно рѣшило меня вести журналъ жизнеописаніе Бѣкстона *). Чудный человекъ. Я его прежде вовсе не зналъ; но теперь я открываю въ себѣ нѣкоторыя черты съ нимъ сходныя. Бѣкстонъ посвятилъ себя

---

*) Sir Thomas F. Buxton, von A. v. Treskow. В. 1853 г.

освобожденію африканцевъ, далъ клятву всѣ силы посвятить достиженію этой цѣли. Ровно 15 мѣсяцевъ тому назадъ я далъ такую же клятву. Онъ былъ пивоваръ и до конца жизни не покидалъ промышленной дѣятельности, входилъ въ разныя предпріятія; но освобожденіе африканцевъ было его путеводительною звѣздою съ 38-лѣтняго возраста. Я—винокуръ — сильно дѣйствовалъ въ прежней жизни по промышленнымъ и торговымъ оборотамъ и съ 41 года рѣшилъ я все покорить одному—уничтоженію крѣпостнаго состоянія, просвѣщенію и облагороживанію народа. Онъ умеръ на 57 году послѣ истощенія, причиненнаго нѣскольکو-дневными тяжелыми преніями въ парламентѣ объ уничтоженіи рабства въ колоніяхъ. Бѣкстонъ сходилъ съ поприща земнаго съ утѣшеніемъ, что его цѣль достигнута. Да ниспошлетъ Господь Богъ и мнѣ подобное утѣшеніе!“

Мысль, что рабство есть грѣхъ, повторяется во множествѣ писемъ и черновыхъ записокъ, оставшихся послѣ Ал. Ив.; съ особенною рельефностью она заявлена въ слѣдующемъ наброскѣ письма къ И. В. Кирѣевскому отъ 27 октября 1852 года: „Не понимаю, любезный другъ Кирѣевскій, какъ тебя, христіанина, не терзаетъ мысль имѣть у себя людей въ крѣпости. Въ послѣднее мое пребываніе въ Москвѣ ты даже надо мною смѣялся, считая эту мысль во мнѣ едва ли не маноманіей. Поэтому я рѣшился на письмѣ съ тобою объ этомъ объяснить; надѣюсь, что ты не полѣнишься мнѣ отвѣчать. Грустно, когда съ людьми, которыхъ любишь сердечно, расходишься въ важныхъ вопросахъ.—Вникая въ ученіе Христово, я все болѣе и болѣе убѣждаюсь, что братство есть основа всѣхъ его правилъ для взаимныхъ отношеній людей между собою. Это конечно неоспоримо,—какъ же можно хоть одинъ часъ защищать крѣпостное состояніе?! Говорятъ, будто вѣкоторые люди основываютъ законность рабства на словахъ Апостола Петра: „рабы, повинуйтесь господамъ своимъ!“ И еще оправдываютъ это состояніе тѣмъ, что Спаситель неоднократно говоритъ о рабахъ и нигдѣ не опорочиваетъ права господства. Мнѣ кажется, что эти доводы весьма недостаточны. Спаситель пришелъ не какъ политическій, а какъ нравственный законодатель; это подтвердилъ онъ своими словами: кесарево—кесареви, а Божіе—Богови. Онъ не вмѣшался ни въ одно политическое или общественное учрежденіе, — онъ пришелъ спасти человѣка, дать ему

заповѣди, изъ которыхъ послѣднія содержатся въ одномъ: люби ближняго какъ самого себя. Желалъ ли бы ты быть въ крѣпостномъ состояніи? Вѣрно—нѣтъ. Слѣдовательно, это состояніе отвергнуто Христомъ. Апостоль, говоря: рабы, повинуйтесь господамъ вашимъ,—далъ заповѣдь истинную, ибо повиновеніе, смиреніе, не грѣшно; но господамъ онъ сказалъ: любите ихъ какъ дѣтей вашихъ. Если ты любишь своихъ крѣпостныхъ наравнѣ съ своими дѣтьми, то ты не грѣшишь, имѣя рабовъ. Слѣдовательно, это есть непремѣнное условіе безгрѣшности господства,—слѣдовательно, господство крайне грѣшно. Если признавать грѣховность этого состоянія и въ немъ пребывать, это—не грѣхъ минутный, отъ котораго можно омыться раскаяніемъ, но постоянное сожитіе съ блудницею. И я съ нею постоянно живу, но совѣсть меня мучаетъ, и я безпрестанно думаю о томъ, какъ бы ее повинуть. Ты спокойно съ нею живешь и разными умозаключеніями успокоиваешь свою совѣсть. Не въ худшемъ ли положеніи ты находишься? Ты спокоенъ,—значитъ ты и не думаешь о томъ, какъ освободиться отъ грѣха. Знаю, что ты говоришь: я своихъ людей не притѣсняю, забочусь о томъ, чтобъ имъ было тепло и сытно; увѣренъ, что при освобожденіи ихъ состояніе будетъ хуже, а потому считаю долгомъ сохранить до времени это положеніе.—Не принимаешь ли ты въ этомъ случаѣ то, чего мы на себя брать не должны, т.-е. отвѣтственность за послѣдствія? Послѣдствія всякія отъ насъ не зависятъ,—они въ рукахъ Божіей,—а дѣло, т.-е. самое дѣйствіе...“ (На этомъ, въ сожалѣнію, письмо прерывается). Замѣчательно, что и для Хомякова исходною точкой въ дѣлѣ освобожденія была религія. „Говоря относительно, рабовладѣлецъ всегда бываетъ болѣе развращенъ, чѣмъ рабъ: христіанинъ можетъ быть рабомъ, но не долженъ быть рабовладѣльцемъ. Въ краяхъ, гдѣ еще рабство существуетъ, память объ этой великой истинѣ должна быть присуща сознанію всѣхъ людей и устремлять ихъ мысли къ рѣшенію общественнаго вопроса, который, какими бы затрудненіями онъ ни былъ обставленъ, не можетъ быть не разрѣшенъ“ (Соч. II, 87, прим.).

• Съ 1847 года вопросъ объ освобожденіи сдѣлался самымъ первымъ и самымъ важнымъ дѣломъ въ общественной жизни Александра Ивановича,—задачею, на которую онъ стремился положить всѣ свои усилія, какъ скоро представлялся къ тому случай. Интересно, что Алекс. Иван. и въ этомъ случаѣ остался себѣ вѣ-

рель. Какъ человѣкъ практическій, Кошелевъ всегда отъ мысли переходилъ къ дѣлу и на первыхъ же порахъ старался собрать своихъ единомышленниковъ, образуя такимъ образомъ необходимую первоначальную ячейку общественнаго развитія. Такъ поступилъ Кошелевъ и въ данномъ случаѣ.

Ничего не было естественнѣе для Ал. Иван. какъ обратиться къ сложившемуся уже тогда и самому близкому къ нему кружку славянофиловъ и кружокъ этотъ сдѣлать средою для пропаганды его плановъ объ измѣненіи крѣпостныхъ отношеній, тѣмъ болѣе что члены славянофильскаго кружка уже давно и самостоятельно обсуждали этотъ вопросъ. Изъ переписки А. И. Кошелева мы видимъ, что это была почти единственная тема для его разговоровъ и споровъ въ кружкѣ, что онъ главнымъ образомъ поднималъ крестьянскій вопросъ среди старыхъ славянофиловъ. Мы уже привели письмо его къ Кирѣевскому, откуда видно, что подобное стремленіе Александра Ивановича пріятели въ шутку называли *мономаніей*. Въ его журналѣ есть много отрывковъ слѣдующаго содержанія: „12 марта 1851 г. Всѣ эти дни по утрамъ развѣзжалъ по дѣламъ, а по вечерамъ бывалъ въ бесѣдахъ съ моими пріятелями. Главный предметъ разговора была эмансипація. Понятія уясняются. Необходимо составить связь между людьми благонамѣренными, безъ чего это дѣло не подвинется“. „17 марта. Въ четвергъ 15 и въ пятницу 16 провели мы вечера—первый у Хомякова, а второй у кн. Черкаскаго, и единственный разговоръ былъ — уничтоженіе крѣпостнаго права. Главный предметъ спора: я требовалъ между нами безусловнаго запрещенія продажи и покупки людей, Хомяковъ отстаивалъ покупку для переселенія изъ малоземельныхъ въ многоземельныя губерніи, кн. Черкасскій—*для отдачи въ рекруты* за оброчныя имѣнія, т.-е. не онъ покупаетъ и получаетъ отъ того выгоды, но крестьяне подъ его именемъ. При этомъ Черкасскій сказалъ, что онъ того мнѣнія, что цѣль освящаетъ средства. Это сказано было такъ, что я нѣсколько измѣнилъ мое мнѣніе насчетъ его“. И т. д. Въ письмѣ къ Ю. О. Самарину, отъ 1 марта 1849 года, Хомяковъ подтверждаетъ заявленія Кошелева: „эмансипаціонные разговоры здѣсь въ сильномъ ходу, и дѣло подвигается впередъ въ общемъ мнѣніи, если можно что-нибудь у насъ назвать общимъ мнѣніемъ. Кошелевъ много помогаетъ какъ человѣкъ признанный практическимъ“ („Рус. Арх.“ 1879 г., 355). Сохранился въ бума-

гахъ Ал. Иван. отрывокъ, относящійся къ тому времени, гдѣ высказана цѣль подобнаго союза „людей благонамѣренныхъ“, имѣющихъ въ виду освобожденіе крестьянъ, и при этомъ особая цѣлая программа дѣятельности.

Въ указанномъ отрывкѣ А. И. Кошелевъ разсуждаетъ такъ: „Ни правительство, ни самый гениальный изъ насъ человекъ не можетъ составить положенія, которое, по прекращеніи крѣпостнаго права, удовлетворило бы дѣйствительнымъ потребностямъ и правамъ помѣщиковъ и крестьянъ нашей обширной имперіи. Даже нельзя составить общаго положенія не только для одной губерніи, но и для одного уѣзда, ибо и почва, и добычки, и множество другихъ обстоятельствъ разнообразятъ положеніе крестьянъ и помѣщиковъ.“

„Какъ правительство не можетъ издать общаго положенія для всей Россіи и даже для какой-нибудь части оной, потому что ему неизвѣстны частные вопросы и случаи, требующіе разрѣшеній; такъ крайне трудно, почти невозможно частнымъ людямъ, по одиночкѣ каждому для себя, безъ сношенія съ сосѣдами и другими опытными хозяевами, составить положеніе, которое бы точно и справедливо опредѣляло отношенія ихъ къ крестьянамъ. Въ первомъ случаѣ свѣдѣнія и соображенія слишкомъ общи, а въ послѣднемъ свѣдѣнія и соображенія слишкомъ частны. Тамъ, т.-е. въ государственномъ смыслѣ, преобладаетъ склонность частныя выгоды принести въ жертву общей выгодѣ (какъ будто общая выгода не есть совокупность частныхъ выгодъ); тутъ, т.-е. въ помѣщицьемъ смыслѣ, господствуетъ расположеніе считать себя не только центромъ, но всѣмъ, и потому стремленіе сдѣлать этотъ переворотъ въ исключительную свою пользу. По-моему единственное средство помочь этой бѣдѣ состоитъ въ томъ, чтобы люди благонамѣренные, твердо и глубоко убѣжденные въ необходимости прекращенія крѣпостнаго права на людей, соединились хоть для того, чтобы другъ другу помогать совѣтомъ, другъ друга умѣрять въ экономическихъ требованіяхъ и взаимно подгонять къ достиженію желаемой цѣли. Мы не имѣемъ средствъ посредствомъ печати или изустныхъ публичныхъ совѣщаній другъ друга просвѣщать и взаимно помогать въ разрѣшеніи нашихъ сомнѣній и недоумѣній,—такъ мы, пріатели между собою, люди всѣ глубоко пронизанные желаніемъ прекратить въ нашихъ деревняхъ и домахъ крѣпостное состояніе, соеди-

нитесь узами взаимнаго обѣщанія въ исполненіи этой цѣли. Будемъ другъ у друга просить совѣтовъ и разрѣшеній по этому дѣлу, будемъ другъ другу оныя давать. Самымъ благонамѣреннымъ людямъ свойственно требовать для себя много; требованія наши для себя почти всегда кажутся намъ и справедливыми, и умѣренными. Поэтому выберемъ людей благонамѣренныхъ и непричастныхъ къ владѣнію крѣпостными и сдѣлаемъ ихъ въ нашей средѣ прокурорами и страпчими, съ тѣмъ чтобъ они приняли на себя защиту крестьянскихъ интересовъ. Такъ какъ вообще мы лѣнны, безпечны и дѣлаемся пылки лишь тогда, когда нужда личная насъ гонитъ, то будемъ другъ друга подгонять, будемъ слѣдить за дѣйствіями каждаго изъ насъ и взаимно привѣтствовать не комплиментами, не поздравленіями, но упреками, кто много говоритъ, а мало дѣлаетъ, кто занимается этимъ предметомъ не какъ главнымъ, не какъ дѣломъ совѣсти, но какъ побочнымъ, какъ дѣломъ ума или моды. Я, съ своей стороны, вполне подвергаюсь этому надзору и готовъ исполнить безпрекословно всѣ положенія въ пользу крестьянъ, которыя будутъ приняты большинствомъ союза, и мой голосъ прошу считать всегда въ пользу такого положенія; я обязуюсь ежегодно представлять отчетъ во всѣхъ моихъ дѣйствіяхъ для уничтоженія крѣпостнаго состоянія въ моихъ имѣніяхъ.

„Полезьа, ожидаемая мною отъ этого союза, должна быть большая: непосредственная для насъ и посредственная для другихъ. Для насъ прямая польза будетъ та, что мы уяснимъ себѣ всѣ вопросы по этому дѣлу, приступимъ къ разрѣшенію оныхъ и съ помощью Божьей совершимъ великое дѣло собственнаго нашего и крестьянъ нашихъ освобожденія. Для другихъ, для постороннихъ, для общаго разрѣшенія этого вопроса будетъ польза та, что оно получитъ многія и разнообразныя разрѣшенія; что изъ сферы умственной или разговорной оно перейдетъ въ область дѣйствительности; что въ разныхъ мѣстностяхъ установятся умѣренныя нормы; что освобожденные имѣнія представятъ образцы подручныя для подражанія и что сдѣланъ будетъ великій шагъ къ осуществленію освобожденія крестьянъ не посредствомъ *coup d'état* или революцій, т.-е. не толчкомъ сверху или снизу, но на основаніи обычая, единственнаго разумнаго законодателя“.

Затѣмъ слѣдуетъ подробная программа для дѣятельности по-

добнаго союза, въ видѣ обязательства, подписываемаго каждымъ изъ членовъ при его поступленіи.

„Мы нижеподписавшіеся симъ обязуемся другъ передъ другомъ честнымъ нашимъ словомъ исполнить нижеслѣдующее:

„1. Освободить всѣхъ дворовыхъ людей, какъ безусловно, такъ и по условнымъ отпускнымъ, сколь возможно поспѣшнѣе, но отнюдь не позже—такъ, чтобъ къ 1-му января 1854 года не было у насъ въ крѣпости ни одного двороваго человѣка.

„2. Не брать ни подъ какимъ предлогомъ во дворъ изъ крестьянъ.

„3. Въ теченіе 3-хъ лѣтъ, т.-е. непременно до 1-го января 1852 года, представить правительству проектъ для освобожденія принадлежащихъ каждому изъ насъ крестьянъ съ надѣломъ ихъ землею.

„4. Въ мирскія, т.-е. крестьянскія судныя и распорядительныя, дѣла отнюдь не вмѣшиваться, но предоставить ихъ въ полное завѣдываніе міра и старшинъ, отъ онаго избранныхъ.

„5. Всѣ поборы съ крестьянъ, какъ денежныя, такъ и натурою, уничтожить, т.-е. съ оброчныхъ крестьянъ брать оброкъ и болѣе ничего, съ барщинскихъ же сверхъ трехъ дней не брать ни одного дня.

„6. По возможности уничтожить тѣлесныя наказанія и въ крайнихъ случаяхъ допускать оныя не иначе, какъ по приговору старшинъ и съ утвержденіемъ помѣщика.

„7. Заводить школы во всѣхъ селеніяхъ и по возможности дѣлать грамотность общею въ нашихъ селеніяхъ.

„8. Обо всемъ, что каждымъ изъ насъ будетъ сдѣлано въ теченіе года, представить письменный отчетъ въ январѣ слѣдующаго года“.

На второмъ листѣ.

„1. Проповѣдывать ученіе Христова по догматамъ нашей церкви, съ примѣненіемъ онаго въ жизни. Доказывать необходимость вѣры вообще и удобопримѣнимость православнаго ученія къ жизни въ особенности. Внущать, что теперъ болѣе нежели когда-либо пришло время ученія Спасителя провести въ жизнь.

„2. Оказывать народу всякое уваженіе. Отнюдь не насмѣхаться надъ его обычаями и вѣрованіями. Всѣ нынѣшніе его пороки и недостатки сваливать на помѣщиковъ, какъ нареченныхъ отцовъ. Поднимать народъ въ общемъ мнѣніи и въ собственномъ его. Заботиться о народномъ просвѣщеніи.

„3. Всѣми силами хлопотать объ уничтоженіи крѣпостнаго состоянія, какъ противнаго и христіанству, и здравому смыслу, и государственнымъ выгодамъ. Въ своихъ имѣніяхъ все подготовить къ освобожденію—и дворовыхъ людей, и крестьянъ, такъ чтобы чрезъ пять лѣтъ у насъ не было крѣпостныхъ людей, т.-е. не только словами, но и дѣломъ проповѣдывать возвращеніе свободы крестьянамъ. *Освобожденіе крестьянъ должно быть учинено съ надѣломъ землею.*

„4. Заботиться о своемъ собственномъ воспитаніи въ духѣ народномъ и помнить, что одно нравственное превосходство дѣлаетъ человѣка человѣкомъ. Всякія боярскія затѣи и причуды въ себѣ уничтожать, а въ другихъ осмѣивать; воевать противъ всѣхъ привилегій, противъ западнаго аристократизма и восточнаго боярства.

„5. Имѣть постепенно въ виду сближеніе съ народомъ и для этого исключительно употреблять русскій языкъ съ русскими, узнавать народный бытъ и изъ настоящей жизни и изъ исторіи; побидать обычаи, которые противны разуму и народному духу, и возвращаться къ народнымъ и разумнымъ обычаямъ. Въ жизни водворить простоту нравственную. Все сіе распространять и словомъ и дѣломъ,—словомъ, т.-е. чрезъ печать и въ обществѣ. Писать и печатать что только возможно. Возбуждать умы къ дѣятельности. Воевать противъ картъ, лѣни и бездушія. Не насмѣхаться надъ людьми, хотя и не раздѣляющими нашихъ мнѣній, если только они дѣйствуютъ нравственно и съ желаніемъ добра нашей землѣ“.

Программы этой сохранилось въ бумагахъ нѣсколько экземпляровъ одного и того же содержанія: всѣ они написаны рукой Александра Ивановича и подписаны имъ однимъ, съ обозначеніемъ разныхъ чиселъ (15 февраля 1849 года, 30 декабря 1850 г.), другихъ подписей нѣтъ.

Всѣ эти программы и возванія остались безъ исполненія. Между тѣмъ члены славянофильскаго кружка давно уже однимъ изъ своихъ главныхъ убѣжденій признали вопросъ объ измѣненіи отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ и работали надъ нимъ. Изъ славянофиловъ только одинъ И. В. Кирѣевскій, весь погруженный въ мистическое созерцаніе и не обращающій почти никакого вниманія на вопросы практической жизни, холодно относился къ дѣлу освобожденія; мы видѣли изъ приведеннаго выше письма, что онъ, по выраженіямъ Кошелева, *смѣялся* надъ его стрем-

леніями. Хомяковъ *) былъ одинъ изъ первыхъ, обратившихъ вниманіе на этотъ вопросъ, и рѣшительно первый затронулъ его въ литературѣ, по крайней мѣрѣ настолько, насколько было въ то время возможно. Хомяковъ, въ письмѣ къ Ростовцеву, самъ заявилъ, что „много и много лѣтъ прежде, чѣмъ крестьянскій вопросъ возбужденъ былъ официально, онъ былъ для него предметомъ заботы, и заботы не праздною, а искренней, горячей и дѣятельной, во сколько это зависѣло отъ него“ (Хомякова соч. т. I, изд. 2, стр. 665). Въ письмѣ 1 марта 1849 года Хомяковъ писалъ Ю. О. Самарину: „Помня обѣщаніе, данное вамъ въ деревнѣ, я записалъ кое-

---

*) Г. Семеновскій, раздѣляющій нерасположеніе въ особенности къ Хомякову, обвиняетъ славянофиловъ въ томъ, что у нихъ „слово расходилось съ дѣломъ“; при этомъ онъ указываетъ, что у богатыхъ славянофиловъ, Хомякова и Кошелева, положеніе крестьянъ было значительно хуже, чѣмъ у большинства болѣе крупныхъ мѣстныхъ помѣщиковъ, хотя послѣдніе и не думали кричать о мерзости крѣпостнаго права („Крест. вопр. II“, 398—401, 411—412). Я не располагаю всѣми данными, чтобы вполне безпристрастно и документально опредѣлить сравнительное экономическое состояніе крестьянъ въ имѣніяхъ Хомякова и Кошелева, но не могу не указать, насколько довѣрія заслуживаютъ тѣ данныя, которыми пользовался г. Семеновскій при постановкѣ такого тяжкаго обвиненія. Единственнымъ фактомъ г. Семеновскій приводитъ, что, по „описаніямъ крупныхъ помѣщичьихъ имѣній“ (свыше 100 душъ), помѣщеннымъ въ „Приложеніяхъ къ трудамъ редакціонныхъ комиссій“, въ имѣніяхъ Хомякова и Кошелева надѣлъ крестьянъ ниже средняго размѣра въ своемъ уѣздѣ, а повинности *выше*. По служебнымъ обязанностямъ, мнѣ приводилось повѣрять описанія, составленныя самими помѣщиками для представленія въ губернскій комитетъ по крестьянскому дѣлу; сводъ этихъ описаній напечатанъ въ „Приложеніяхъ“, которыми руководствовался г. Семеновскій. По личному обзорѣнню я могу судить о степени ихъ достовѣрности. По Костромской губерніи надѣлъ крестьянъ ни въ одномъ крупномъ имѣніи не показанъ на основаніи какой бы то ни было хозяйственной съемки: всѣ эти съемки сдѣланы уже впоследствии, при составленіи уставныхъ грамотъ. Количество земли, владѣемой крестьянами, опредѣлялось или по размѣру посѣва, или по примѣрному промѣру полей, или просто наглядно. При этомъ многіе владѣльцы, смотря по своему взгляду, или уменьшали количество владѣемой крестьянами земли, опасаясь ихъ отчужденія, или напротивъ увеличивали его, считывая, что будущій оброкъ или выкупъ будетъ раскладываться не по душамъ, а по количеству владѣемой крестьянами земли. Выгоны, которыми пользовались крестьяне, у однихъ владѣльцевъ показывались въ числѣ земли, владѣемой крестьянами, у другихъ они исключались изъ числа земли, бывшей въ крестьянскомъ пользованіи. При этомъ валовая цифра надѣла не даетъ никакого понятія объ экономическомъ положеніи поселенныхъ на этомъ надѣлѣ крестьянъ; въ этомъ случаѣ самую важную роль играетъ распределеніе крестьянскихъ земель по угодьямъ. Оброки до уничтоженія крѣпостнаго права очень рѣдко являлись въ чистомъ видѣ, т.-е. одними деньгами, а по большей части были смѣшанные, т.-е. съ добавленіемъ: работою, подводами, припасами, издѣліями и пр. Въ однихъ имѣніяхъ эти добавочныя повинности точно обозначались, въ другихъ—опускались. Опредѣлить, для нагляднаго срав-

что въ программѣ у Александра Николаевича (Попова). Чувствую, что этого мало и слишкомъ мало, и что изъ этого малаго еще мѣнѣе можетъ пойти въ дѣло; но что же дѣлать! Мы не привыкли думать, и отъ этого придумать не умѣемъ. Польза по крайней мѣрѣ та, что мы все-таки можемъ быть не бесполезными другъ другу и наводить другъ друга на иную, не замѣченную сторону. Что одинъ замыслить, то другой домыслить. Главное дѣло у насъ—не вводить и не предлагать прямо и практически полезное, но пробуждать, уяснять или вводить нормы согласныя съ правдою и истиннымъ христіанствомъ“. Вслѣдъ за этимъ Хомяковъ дѣлаетъ „еще одинъ

непѣя, денежную стоимость этихъ добавочныхъ повинностей въ каждомъ имѣніи слишкомъ затруднительно, и этого не было сдѣлано ни въ самыхъ описаніяхъ, ни при повѣркѣ ихъ въ губернскихъ комитетахъ. Изъ сказаннаго очевидно, какую степень достовѣрности представляютъ средніе размѣры надѣла и повинностей по описаніямъ, бывшимъ подъ руками г. Семейскаго, и насколько можно на ихъ основаніи допустить сколько-нибудь серьезные выводы объ экономическомъ положеніи отдѣльныхъ имѣній. По крайней мѣрѣ прямымъ отвѣтомъ на это служатъ самыя „Труды редакціонныхъ комиссій“, которыя, при опредѣленіи размѣровъ надѣла и повинностей, не принимали въ соображеніе этихъ описаній, въ чемъ можно убѣдиться, сравнивши по уѣздамъ цифры средняго размѣра, выведеннаго въ описаніяхъ и предполагаемаго комиссіями въ составленномъ ими проектѣ. Впрочемъ у г. Семейскаго совсѣмъ своеобразная мѣрка, смотря по тому, къ кому онъ ее прилагаетъ. Такъ г. Семейскій рассказываетъ, что въ завѣщаніи отца Герцена было сказано, что всѣ дворовые, хорошо и усердно служившіе, должны быть отпущены на волю. Наслѣдникъ его Голохвастовъ, не зная, кто и какъ служилъ въ домѣ, предоставилъ Герцену разборъ ихъ правъ. Герценъ помѣстилъ въ списокъ не только всѣхъ служившихъ его отцу, но и дворовыхъ прежнихъ поколѣній, никогда не служившихъ въ домѣ, а ходившихъ по паспортамъ. Голохвастовъ хотя и понималъ, что половина этихъ лицъ никогда не была на службѣ, выдалъ имъ отпускныя. Но вся честь въ этомъ дѣлѣ, по мнѣнію г. Семейскаго, принадлежитъ Герцену, „который широко надѣлилъ такимъ образомъ свободою дворовыхъ своего отца“ (306—307).

Относительно перевода Хомяковымъ крестьянъ на оброкъ, г. Семейскій, выписавши свѣдѣнія, сообщаемыя о семьѣ Самаринымъ и Хомяковымъ, изъ которыхъ видно, что соглашеніе дѣлалось невдуръ, а крестьянамъ давался цѣлый годъ на обсужденіе, что крестьяне остались вездѣ благодарными и что нѣкоторые деревни сами просили о введеніи этой мѣры,—говорить: „Изъ показаній самого Хомякова еще нельзя заключить, что онъ перевелъ крестьянъ на оброкъ на *очень выдвинутыя для нихъ условія*: крестьяне могли принять ихъ и въ томъ случаѣ, если они были *маломальски* легче того положенія, въ которомъ они находились прежде, и слѣдовательно будучи *сравнительно болѣе легкими*,—эти условія могли быть *абсолютно доволно тяжельми и обременительными*. Оригинальное сопоставленіе!! Какимъ образомъ болѣе легкое можетъ быть вмѣстѣ съ тѣмъ абсолютно-тяжелымъ и обременительнымъ? Какъ же послѣ этого назвать прежнее положеніе, когда еще оно не сдѣлалось болѣе легкимъ?... Затѣмъ что выражаютъ, безъ всякихъ фактовъ и въ видѣ простаго сомнѣнія, эти сравнительныя степени—*очень и маломальски* выгодныя условія?

маленькій намекъ": онъ доказываетъ, что помѣщику въ вознагражденіе за отпускъ крѣпостныхъ художниковъ нельзя давать вознагражденіе свыше цѣнности рекрутской квитанціи („Рус. Архивъ“ 1879, III, 334). Хомяковъ имѣлъ ту заслугу, что первый поднялъ въ печати голосъ за улучшеніе быта крестьянъ, а въ то время это было новостью, и притомъ не совсѣмъ безопасною, такъ что, по замѣчанію г. Семевскаго, „эту статью Хомякова привѣтствовали нѣкоторые почти какъ подвигъ со стороны автора“. (Статья эта напечатана въ № 6 „Москвитянина“ за 1842 годъ, подъ заглавіемъ: „О сельскихъ условіяхъ“, и перепечатана въ I-мъ томѣ соч. Хо-

(Сем. II, 397—8). У г. Семевскаго сгруппированы свѣдѣнія, сообщенныя Ю. Ѳ. Самаринимъ, и показаніе самого Хомякова въ письмахъ къ А. Н. Попову. Для полноты мы можемъ привести извлеченія по этому же предмету изъ письма Хомякова къ гр. А. П. Блудовой, 14 марта 1855 г., г. Семевскимъ не приводимыя: „Мнѣ удалось въ одной деревнѣ сдѣлать съ крестьянами ряду навсѣгда. Сцена стоила бы описанія, еслибы я вообще не думалъ, что всѣ эти описанія куда негодятся, да сверхъ того живыя портятъ, причуая людей обращать въ сцену лучшія минуты ихъ дѣятельности. Обстановка была очень простая: голыя стѣны просторной избы, да образъ въ углу. Но серьезность, или лучше сказать—разумная торжественность, съ которой крестьяне приступали къ дѣлу, искренность съ ихъ стороны и *благодарность, съ которою они встрѣчали искренность во мнѣ*, оставили во мнѣ глубокое впечатлѣніе, хотя я совсѣмъ не принадлежу къ разряду людей чувствительныхъ. Разумѣется, что Пара Grandet (прозвище Хомякова) не забылъ своихъ выгодъ, и за всѣмъ тѣмъ крестьяне двухъ другихъ деревень просить такой же сдѣлки (въ одной уже въ главныхъ условіяхъ мы сошлись), а сосѣдніе помѣщики бранятъ меня на-пропалую: такъ дорогъ чело-вѣку произволь и такъ досадно видѣть, что другой рѣшается отъ него отказаться („Рус. Арх.“ 1879, I, 380).

Сахарный заводъ устроенъ Хомяковымъ не безъ хлопотъ, единственно съ цѣлю введенія вольнонаемнаго труда, чего прежде не случалось на помѣщичьихъ фабрикахъ, и Хомяковъ показалъ въ этомъ случаѣ первый примѣръ. Въ письмѣ къ А. И. Кошелеву, написанномъ въ 1854 году, Хомяковъ говоритъ: „Сколько работъ и хлопотъ, сколько безпрестанныхъ переѣздовъ накликалъ я на себя затеей сахароваренія! Я бы готовъ былъ себя бранить, *но такъ какъ я предпринялъ заводъ съ видами эмансипаціи*, то полагаю, что я правъ и что скуку хлопотливаго лѣта, отчасти опредѣленнаго на переѣздъ изъ Тулы въ Данковъ и обратно, я долженъ переносить не только не безъ досады, но даже съ нѣкоторымъ удовольствіемъ“ („Рус. Арх.“ III, 284).

Этотъ же самый вольнонаемный трудъ Хомяковъ началъ примѣнять и въ своемъ сельскомъ хозяйствѣ: „въ Смоленскѣ у меня съ будущаго года все хозяйство наймомъ“, писалъ Хомяковъ Кошелеву въ 1854 году. Огаревъ, въ началѣ сороковыхъ годовъ, родовое свое имѣніе Бѣломутъ въ Пензенской губерніи продалъ крестьянамъ за 500.000 р., но сдѣлка эта оказалась для крестьянъ очень невыгодною, хотя это не было виною самого Огарева, поступившаго великодушно и гуманно и отказавшагося отъ 250.000 р., которые предлагали ему три семьи за отдѣльный выкупъ. Бѣдныя крестьяне попали въ кабалу богатыхъ, заплатившихъ за нихъ деньги („Анненковъ и его друзья“. Спб. 1892 г., 113—115).

мякова изд. 2, стр. 411—422.) Она появилась по случаю изда-
нія закона 1842 г. объ обязанныхъ крестьянахъ и сопровожда-
ющаго указъ циркуляра министерства внутреннихъ дѣлъ, гдѣ из-
ложено было разъясненіе министра, что „земли, на коихъ крестъ-
яне водворены, остаются попрежнему полною вотчинною собствен-
ностію дворянства“, и предписывалось мѣстной администраціи
самымъ бдительнымъ образомъ наблюдать, чтобы по поводу на-
стоящаго указа не происходило „никакихъ лживыхъ разглашеній
на счетъ мнимаго освобожденія крестьянъ“ и чтобы послѣдніе
„оставались въ непрекословномъ повиновеніи законной власти
своихъ помѣщиковъ“. Сдѣлаю мимоходомъ одно замѣчаніе. Г. Се-
мевскій, въ статьѣ своей „Крестьянскій вопросъ въ царствованіе
императора Николая“ („Русская Мысль“ 1884 г., кн. 12, глава IV,
стр. 2—4), говоритъ, что „громадное большинство недовольно было
указомъ“, и описываетъ переполохъ, произведенный имъ на первыхъ
порахъ въ Москвѣ и провинціи. Изъ Москвы съ первою почтою
пришло извѣстіе, что „помѣщики бѣгутъ изъ деревень въ Москву,
потому что крестьяне будутъ бунтовать непремѣнно“. Я хоро-
шо помню эту эпоху: особаго волненія между дворянствомъ по
поводу этого указа не происходило, да и повода къ тому ника-
кого не было. Правда, большинство было, особенно на первыхъ
порахъ, озадачено этимъ указомъ, какъ всякою мѣрою сколь-
ко-нибудь затрогивавшею и безъ того назрѣвавшей вопросъ о
крѣпостномъ состояніи. Но очень скоро дворяне распознали, что
указъ 1842 г. даже полезенъ въ консервативномъ смыслѣ, какъ
отнимавшій у крестьянъ всякую надежду на то, что населенныя
ими земли будутъ когда-либо принадлежать имъ въ собственность.
Не такъ смотрѣлъ на дѣло Хомяковъ. „Въ наше время,—говорилъ
онъ во второй статьѣ (Хомякова соч. т. I, изд. 2, стр. 423),—
возникло въ Россіи новое требованіе, основанное на началахъ
нравственныхъ и утвержденное на хозяйственныхъ расчетахъ,
требованіе положительныхъ и нравственныхъ отношеній между
землевладѣльцами и поселянами“. Хомяковъ высказываетъ осно-
ванія, на которыхъ, по его мнѣнію, могли бы опираться подоб-
ныя сдѣлки. Такимъ основаніемъ Хомяковъ признаетъ обычай, а
формою наиболѣе примѣнимою и содержащею въ себѣ всѣ на-
чала усовершенствованія Хомяковъ рекомендуетъ *половничество
трудоу*, т.-е. сдѣлку, по которой равныя мѣры земли обрабаты-

ваются поселяниномъ въ пользу свою и въ пользу владѣльца. Возражавшій Хомякову въ „Отечественныхъ Запискахъ“ Заблоцкій-Десятовской (1842 г. № 11) не вполне справедливо замѣчаетъ, что обычай половничества повсемѣстно выражаетъ собой только крайнее напряженіе обязательной силы съ одной стороны и безотвѣтнаго исполненія—съ другой, такъ какъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ половничество установлялось не по принужденію, а по обоюдному согласію обѣихъ сторонъ, и составляетъ въ настоящее время одинъ изъ довольно распространенныхъ въ сѣверныхъ губерніяхъ способовъ обработки помѣщичьихъ земель, причѣмъ половина урожая отдается владѣльцу земли, а другая поступаетъ крестьянамъ за трудъ обработки. Но авторъ совершенно правъ, что при свободномъ наймѣ земли въ Россіи плата за пользованіе ею чаще ниже того, что стоить трудъ, употребляемый на ея воздѣлываніе. При этомъ авторъ указываетъ на примѣры въ средней и южной Россіи, также на казенныя имѣнія въ Западныхъ губерніяхъ и частно-владѣльческія въ Остзейскомъ краѣ, гдѣ урочное время барщинныхъ работъ ограничено двумя днями. Поэтому данное Хомяковымъ опредѣленіе крестьянскихъ повинностей въ отношеніи къ помѣщику нельзя считать облегченіемъ. Но важно то, что при существующемъ въ правительствѣ и обществѣ убѣжденіи въ полной неотчуждаемости помѣщичьей земли и въ возможномъ освобожденіи крестьянъ не иначе, какъ безъ надѣла, Хомяковъ печатно высказалъ о постоянномъ и непреложномъ пользованіи со стороны крестьянъ (о ихъ правѣ собственности на землю въ то время не могло быть и рѣчи) половиною помѣщичьей земли.

Впрочемъ Хомяковъ измѣнилъ свой взглядъ и на барщину, какъ норму опредѣленія крестьянскихъ повинностей. Хомяковъ былъ очень недоволенъ инвентарными правилами, изданными въ концѣ сороковыхъ годовъ для Западныхъ губерній, и смотрѣлъ на нихъ не только какъ на способъ отдалить какъ-нибудь радикальное измѣненіе въ отношеніяхъ крестьянъ къ помѣщику, но какъ на средство узаконить барщину въ смыслѣ нормъ для этихъ отношеній. По этому случаю Хомяковъ писалъ: „Главный недостатокъ инвентарнаго положенія замѣчается въ томъ, что оно повидимому опредѣляетъ окончательныя отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ и не содержитъ въ себѣ никакого указанія на дальнѣйшее ихъ развитіе. Дѣятельность крестьянина заключена въ безысходно-тѣсномъ

кругъ; ему даже не дано права требовать замѣны барщины оброкомъ,—пусть бы наложили высшій оброкъ, лишь бы крестьянинъ видѣлъ, что когда-нибудь прекратится барщина. У насъ на Руси барщина, усовершенствованная и подведенная подъ строгія правила, не долго продержится съ упраздненіемъ помѣщичьяго полновластія (какъ скоро оправдалось предсказаніе Хомякова поелѣ введенія Положенія 19 февраля). Германія въ этомъ случаѣ намъ не указъ. Нашъ крестьянинъ терпѣливѣе нѣмца, вынесетъ грубый произволь; но ему нужно больше простора и онъ не пойметъ свободы въ кандалахъ, хотя бы кандалы были законнаго вѣса и образцовой мѣрки“ (Соч. Самар. I, 247—248).

Изъ другихъ славянофиловъ на попріице печатнаго слова по крестьянскому вопросу отважился выступить въ это неудобное время только Алекс. Ив.: въ 1847 году, какъ увидимъ ниже, онъ началъ практическую свою дѣятельность въ этомъ направленіи. Кошелевъ помѣстилъ въ „Земледѣльческой Газетѣ“ статью подъ заглавіемъ: „Добрая воля сильнѣе неволи“, гдѣ Кошелевъ убѣждалъ помѣщиковъ, на основаніи Высочайшаго указа 12 іюня 1844 г., освобождать дворовыхъ людей, заключая съ ними условія. Не только содержаніе, но самое помѣщеніе статьи было протестомъ противъ тогдашнихъ дворянскихъ убѣжденій. Несмотря на отношеніе къ крестьянскому вопросу редактора газеты, подъ вліяніемъ цензурныхъ условій, заглавіе статьи Кошелева было выпущено и сама записка значительно урѣзана. Мы помѣщаемъ ее въ приложеніи съ восстановленнымъ заглавіемъ и въ томъ видѣ, какъ она была написана,—это интересно для сравненія и для опредѣленія направленія тогдашней цензуры (Прилож. второе).

Кромѣ того Алекс. Иван. послалъ въ „Московскія Вѣдомости“ печатаемую въ Приложеніи статью: „И правда часто неправдоподобна“, но она была запрещена цензурою (Прилож. третье).

Помимо этой *печатной* дѣятельности, славянофилы усердно занимались, какъ мы уже видѣли, въ частныхъ своихъ бесѣдахъ вопросомъ объ уничтоженіи крѣпостнаго права. По словамъ Кошелева въ предисловіи къ изданнымъ имъ письмамъ Хомякова („Рус. Арх.“ 1879, III, 264), у него и Хомякова, еще въ концѣ сороковыхъ годовъ, выработанъ былъ цѣлый планъ освобожденія крестьянъ съ землей посредствомъ одновременнаго выкупа по всей Россіи (о послѣднемъ не сохранилось ничего). Но теорія о *правѣ*

крестьянъ на землю выработана была славянофилами совершенно своеобразно. Всего рельефнѣе и рѣшительнѣе высказана была она К. С. Аксаковымъ въ письмѣ его къ Хомякову въ концѣ 1857 г.: „Крестьянинъ умѣлъ сохранить свою духовную свободу, цѣломудренность человѣческихъ понятій и подѣ государственнымъ и помѣщичьимъ игомъ. Помѣщикъ, правда, воображаетъ себя законнымъ обладателемъ крестьянина, всего существа его духовнаго и тѣлеснаго, но крестьянинъ никогда и не думалъ вѣрить такой нечлѣпости. Правомѣрность помѣщичьей власти никогда имъ не признавалась. Придай онъ власти помѣщика такое значеніе, онъ или бы сдѣлался рабомъ, палъ бы душой, или бы ее—эту власть—рѣшительно и навсегда сбросилъ. Ни того, ни другаго не случилось. На угнетенія помѣщичьей власти смотритъ крестьянинъ какъ на бурю, на тучу съ градомъ, на набѣгъ разбойниковъ, и переноситъ съ терпѣніемъ эти угнетенія, какъ перенесъ бы онъ съ терпѣніемъ другое какое-нибудь народное бѣдствіе, насланное отъ Бога. При такомъ убѣжденіи съ одной стороны, съ другой стороны крестьянинъ вѣритъ въ міръ, въ свое общественное устройство, не сомнѣвается, чтобы земля принадлежала ему по праву, и въ своей жизни, даже въ наружности своей, носить печать человѣка свободнаго, которой не видать на его повелителяхъ, запечатлѣнныхъ печатью глубокаго рабства. Понимая свободу не политически, крестьянинъ не увлечется однимъ звукомъ, не кинется на слова: „homme libre!“ Поэтому ему нужно не уничтоженіе названія крѣпостнаго, ибо крѣпостнымъ въ помѣщичьемъ смыслѣ онъ никогда себя и не считалъ, не возвращеніе только личной его свободы, нарушение которой онъ считалъ не закономъ, а злоупотребленіемъ,—ему нуженъ быть свободный, самостоятельный, обезпеченіе этого быта, который соблюдаетъ онъ,—ему нужна земля, обезпеченіе земли, которую онъ считаетъ *своею* и которою владѣетъ онъ и при помѣщичьей власти, по его твердому убѣжденію, какъ *своею*. Ему необходима земля, безъ которой ему этотъ бытъ невозможенъ. Пока вопросъ о собственности не рѣшился, помѣщикъ могъ считать землю *своею* и на дѣлѣ жить мирно, оставаясь каждый при своемъ убѣжденіи и взаимно пользуясь землею. Но какъ скоро подымется рѣшительный вопросъ: чья земля? — крестьянинъ скажетъ: *моя*,—и *будетъ правъ, по крайней мѣрѣ, больше, чѣмъ помѣщикъ*“ (Замѣч. на админ. устройство крестьянъ въ Россіи. Л. 1861, 3—4).

Такое заключение есть неизбежный логический вывод из теории, признанной славянофилами, по которой помещику в России не принадлежало никогда *право собственности на землю*, но только право *пользоваться под контролем государства или правительства*. Зародыш этой мысли появился прежде всего у И. В. Кирьевскаго. В первой же своей статьѣ, написанной в 1838 году, Кирьевскій замѣтилъ, что поземельная собственность, источникъ личныхъ правъ на Западѣ, была у насъ принадлежностью общества,—лицо участвовало во столько въ правѣ владѣнія, во сколько само входило въ составъ общества (I, 194). Во второй статьѣ „О ходѣ просвѣщенія“ Кирьевскій выражается опредѣленно: „Одно изъ самыхъ существенныхъ отличій правомѣрнаго устройства Россіи и Запада составляютъ коренныя понятія о правѣ поземельной собственности. Римскіе гражданскіе законы, можно сказать, суть всё не что иное какъ развитіе безусловности этого права. Западно-европейскія общественныя устройства произошли изъ разнообразныхъ сочетаній этихъ самобытныхъ правъ, въ основаніи своемъ неограниченныхъ и—только въ отношеніяхъ общественныхъ—принимающихъ нѣкоторыя взаимно-условныя ограниченія. Можно сказать: все зданіе западной общественности стоитъ на развитіи этого личнаго права собственности, такъ что и самая личность, въ юридической основѣ своей, есть только выраженіе этого права собственности. Въ устройствѣ русской общественности личность есть первое основаніе, а право собственности—только ея *случайное* отношеніе. Общинѣ земля принадлежитъ потому, что община состоитъ изъ семей, состоящихъ изъ лицъ могущихъ землю воздѣлывать. Съ увеличеніемъ числа лицъ увеличивается и количество земли, принадлежащее семьѣ, а съ уменьшеніемъ—уменьшается. Право общины надъ землею ограничивается правомъ помещика, или вотчинника; *право помещика условливается его отношеніемъ къ государству*. Отношенія помещика къ государству зависятъ не отъ помѣстья его, но его помѣстье зависитъ отъ его личныхъ отношеній. Эти личныя отношенія опредѣляются столько же личными отношеніями его отца, сколько и собственными, терются неспособностью поддерживать ихъ, или возрастаютъ рѣшительнымъ перевѣсомъ достоинствъ надъ другими совмѣстными личностями. Однимъ словомъ, *безусловность поземельной собственности могла являться въ Россіи только какъ исключеніе*. Общество слагалось пе

изъ частныхъ собственности, къ которымъ приписывались лица, но изъ лицъ, которымъ приписывалась собственность. Запутанность, которая впоследствии могла произойти отъ этихъ отношений въ высшихъ слояхъ общества, при уничтоженіи мелкихъ княжествъ и сліяніи ихъ въ одно правительственное устройство,— была случайная и имѣла основаніе свое, какъ кажется, въ причинахъ постороннихъ, являясь не какъ необходимое развитіе, но уже какъ нѣкоторое отклоненіе отъ правильнаго развитія основнаго духа всей русской государственности. Впрочемъ, во всякомъ случаѣ, это особенное, совершенно отличное отъ Запада положеніе, въ которомъ человѣкъ понималъ себя относительно поземельной собственности, должно было находиться въ связи со всею совокупностью его общественныхъ, общежительныхъ и нравственныхъ отношений“ (II, 266—268). Совершенно ясно и послѣдовательно развилъ эту теорію К. С. Аксаковъ, посвятившій вопросу о землевладѣніи двѣ статьи: „О состояніи крестьянъ въ древней Россіи“ и по поводу „Бѣлевской Вивлюэки“, изданной Елагинымъ. Предположенія Аксакова заключаются въ слѣдующемъ: „Послѣ укрѣпленія крестьянъ (крѣпостное право до Петра вовсе не было такимъ, какъ оно есть) крестьяне не утратили ни правъ своихъ, ни устройства. Они лишь не переходили съ земли на землю и сейчасъ поняли населенную и обрабатываемую ими землю какъ свою собственность, какъ собственность общины,—убѣжденіе справедливое, твердо существующее и доселѣ у нашихъ крѣпостныхъ и не крѣпостныхъ крестьянъ“ (Соч. I, 416).

Разбирая Бѣлевскую писцовую книгу, Аксаковъ встрѣтилъ важную особенность. Въ сошное письмо, т.-е. въ казну государеву, платилось только съ имѣнія населеннаго,—другими словами, въ сошное письмо платили крестьяне-пашенники. Какъ скоро у помѣщика имѣніе впусти, или какъ скоро у него есть пашня, хотя и большая, но нѣтъ крестьянъ, тогда въ сошное письмо не платилось. Итакъ, крестьяне платили за землю прямо государству; отсюда прямой выводъ, что и землю они получали отъ государства; если же государство распорядилось землею и брало за землю, то отсюда вытекаетъ другой выводъ, что земля не была помѣщичья, что государство не думало помѣщикамъ или вотчинникамъ уступать эту землю въ собственность; помѣщикъ или вотчинникъ (одинъ временно, другой наследственно) пользовался зем-

лею и доходомъ, который она приносила, и только; а земли *въ собственности* онъ не имѣлъ. Вмѣстѣ съ этими двумя выводами образуется еще третій, что помѣщикъ не могъ, *не имѣлъ права* не дать земли крестьянину, ибо въ такомъ случаѣ онъ имѣлъ бы право лишить государство его дохода, чего предположить нельзя. Скажутъ: помѣщикъ и самъ бы этого не захотѣлъ; пусть такъ, но, тѣмъ не менѣе, онъ не имѣлъ права поступать иначе (стр. 511—512). Рядомъ съ этимъ Аксаковъ выставляетъ предположенія, подлежащія изслѣдованію въ слѣдующемъ видѣ. Помѣщикъ и вотчинникъ до укрѣпленія и послѣ укрѣпленія не былъ собственникомъ ни имѣнія вообще, ни земли. Земля русскаго народа принадлежитъ русскому народу и чрезъ него государству, какъ его внѣшнему представителю. Какъ собственность всего русскаго народа, она находится въ пользованіи или владѣніи у того или другаго лица, не переходя въ его частную собственность. Съ тѣхъ поръ, какъ въ Россіи явился и наконецъ опредѣлился государь, земля стала называться государевою, вовсе не въ смыслѣ частной собственности государя, но въ смыслѣ чисто-государственномъ, ибо государство имѣетъ въ немъ своего представителя. На этомъ основаніи Аксаковъ признаетъ, что земля отдана была въ пользованіе государствомъ не только *помѣщику* (служилому лицу, владѣющему помѣстьями), но и *вотчиннику*. Вотчинникъ владѣлъ поэтому землею на правѣ государственнымъ. Если уже подымать вопросъ, кому въ ближайшемъ смыслѣ, въ болѣе тѣсномъ объемѣ, принадлежитъ земля въ имѣніи помѣщика, такъ она принадлежитъ населенію, а владѣлецъ пользуется ею на государственномъ правѣ. Отношенія помѣщика или вотчинника къ населенію были, въ свою очередь, чисто-государственные: въ жалованныхъ грамотахъ часто встрѣчается выраженіе, что жалуются помѣстье или *вотчина* съ данью и съ судомъ, т.-е. съ правомъ суда. Помѣщикъ и вотчинникъ бралъ отъ суда опредѣленные пошлыны, въ чемъ состояла его финансовая выгода, судилъ онъ, слѣдовательно, какъ судья, по законамъ государства. Оброкъ, который платили, и пашня, которую пахали крестьяне на помѣщика и вотчинника, были въ замѣнъ разныхъ податей и повинностей, которые платили крестьяне государству и составляли помѣщиковъ доходъ. Скажутъ: этотъ доходъ составлялъ главную цѣль при пожалованіи имѣніемъ,—но у насъ и воеводамъ давали города въ кормленіе. Если жаловали для дохода, то все-таки жаловали го-

сударственнымъ званіемъ,—государственность отношеній отъ этого не измѣнялась. Есть сильное основаніе думать, что помѣщикъ и вотчинникъ не могъ заставлять крестьянъ пахать на себя столько, сколько захочетъ, ни налагать количество оброка по своей волѣ. Между помѣщикомъ и вотчинникомъ не было никакой разницы во внутреннихъ, такъ сказать, его отношеніяхъ къ имѣнію; разница въ томъ, что имѣнія помѣщика становились наследственными, переходя въ отношенія вотчинника (стр. 512—514). Куплю-продажу и залогъ населенныхъ имѣній, составлявшихъ вотчины, Аксаковъ объясняетъ такимъ образомъ, что передавалось только право на извѣстный доходъ, въ такомъ же смыслѣ какъ акціи, дающія право на извѣстный дивидендъ, но не на участіе въ самомъ предпріятіи. Аксаковъ, кромѣ того, указываетъ на присутствіе въ имѣніяхъ крѣпостныхъ цѣловальниковъ, выборныхъ судей, приговоры сходоу и земскихъ дьяковъ, писавшихъ эти приговоры. Сохранившееся во многихъ имѣніяхъ названіе „земской“, подъ которымъ обыкновенно разумѣлись помѣщичьи конторщики или писаря, указываетъ на этихъ прежнихъ земскихъ дьяковъ. При этомъ Аксаковъ возражаетъ Побѣдоносцеву, утверждавшему, что помѣщики ввели у себя въ имѣніяхъ управленіе по образцу государственному, обратнымъ предположеніемъ, что помѣщики въ своихъ имѣніяхъ уже получили это государственное устройство и не имѣли права его измѣнить (стр. 514—515). Аксаковъ думаетъ, что помѣщикъ пользовался вѣзжимъ лѣсомъ отъ государства, точно такъ же, какъ и крестьяне; вообще права помѣщика на лѣсъ не ясны (стр. 516). Въ концѣ концовъ Аксаковъ пришелъ къ убѣжденію, что въ до-Петровской Руси вообще частной поземельной собственности не было, а свобода передвиженія, полная до прикрѣпленія крестьянъ къ землѣ Феодоромъ Іоанновичемъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ оставалась дозволенною до Петра (стр. 526—527).

При настоящей разработкѣ нашей древней исторіи, теорія Аксакова представляется недостаточно подкрѣпленною и противорѣчить существующему воззрѣнію; но нельзя сказать, чтобы вопросъ о поземельныхъ отношеніяхъ сельской общины къ личнымъ владѣльцамъ, отъ которыхъ она зависѣла, былъ вполне выясненъ, въ особенности если принять въ соображеніе всегда господствовавшее въ народѣ сознаніе, что земля есть собственность самого земле-

дѣльца, а къ помѣщику крестьяне имѣютъ отношенія только *личныя*. Конечно, это народное сознание можно вывести изъ другого источника, изъ общаго всегда и вездѣ сознанія, что на землю, которую человекъ обрабатываетъ и безъ которой онъ не можетъ жить, онъ имѣетъ неотъемлемое право, какъ на право существованія; но замѣчанія и выводы Аксакова во всякомъ случаѣ не лишены значенія и должны повести къ дальнѣйшимъ изслѣдованіямъ *). Отчего это общее сознание такъ настойчиво и осязательно держалось у насъ и совершенно утратилось у западныхъ пролетаріевъ, пока оно не пробудилось извнѣ, путемъ доктрины? Вѣроятно условія, въ которыя стали въ отношеніи къ своимъ вассаламъ западные землевладѣльцы, были другія, чѣмъ существовавшія у насъ, а потому и характеръ нашей поземельной собственности былъ совсѣмъ другой, чѣмъ на Западѣ. Надѣль крестьянъ землею для насъ въ настоящее время представляется благотѣльнымъ совершившимся фактомъ; по понятіямъ западнымъ, онъ есть въ сущности экспроприація. А потому теорія славянофиловъ, если она и кажется не совсѣмъ вѣрною исторически, была во всякомъ случаѣ своевременнымъ и интереснымъ подготовленіемъ къ крестьянской реформѣ.

Повидимому Ю. О. Самаринъ раздѣлялъ эту теорію и наткнулся на нее самостоятельно, но онъ нигдѣ опредѣленно ее не высказалъ. Первый намекъ на эту теорію высказанъ былъ Самаринымъ, когда онъ находился въ Кіевѣ, въ написанной имъ зимой 1849—50 г. замѣткѣ по поводу „Статистическаго описанія Кіевской губ.“ Журавскаго,—замѣткѣ, напечатанной послѣ его смерти (Соч. II, 14—16). Тамъ Самаринъ говоритъ, между прочимъ: „Въ основѣ русскаго землевладѣнія лежитъ, мнѣ кажется, понятіе о *нераздѣльности земледѣльца съ землею*, понятіе совершенно чуждое западной Европѣ. Эта нераздѣльность проявляется двойнымъ образомъ: *какъ зависимость земледѣльца отъ земли* — крѣпостное право — и *какъ зависимость земли отъ земледѣльца*, т.-е. отношеніе обратное, осуществленіе котораго предоставлено буду-

*) Замѣчательно, что къ такому же выводу о правѣ пользованія, а не собственности у насъ частныхъ землевладѣльцевъ, пришелъ совершенно самостоятельно и независимо проф. Крыловъ въ его „Критическихъ замѣчаніяхъ на сочиненіе Чичерина объ „Областныхъ учрежденіяхъ въ Россіи“ („Рус. Бесѣда“ 1857, кн. II, 151). Взглядъ этотъ развили Шаповъ въ статьѣ „Земство“ („Вѣкъ“, изд. Вейнбергомъ, 1862, №№ 7 и 8).

щему“ (стр. 15). Въ другой разъ, во время службы своей въ Остзейскомъ краѣ, познакомившись ближе съ послѣдствіями безземельнаго освобожденія крестьянъ и съ неудобствами сохраненія помѣщичьихъ патримоніальныхъ правъ, Ю. О. пришелъ къ убѣжденію о необходимости надѣла крестьянъ землею, принадлежащею имъ въ собственность. Въ заключеніи „Исторической записки о мѣропріятіяхъ по устройству крестьянъ“, составленной въ 1847 году подъ руководствомъ Самарина, и въ написанномъ имъ заключеніи Самаринъ прямо заявилъ для Остзейскихъ провинцій такую мысль: „Положеніе 1804 года признавало нераздѣльность крестьянина съ землею, но въ формѣ крѣпости къ землѣ, то-есть зависимости лица отъ земли; Положеніе 1819 года признало лице свободнымъ, но уничтожило связь его съ землею; остается возстановить эту связь, признавъ зависимость лица, то-есть *право крестьянина на землю*“. Печатно Самаринъ мысль о правѣ крестьянъ на землю высказалъ мимоходомъ въ статьѣ „Нѣсколько словъ по поводу историческихъ трудовъ г. Чичерина“, гдѣ онъ выразился, что подъ крѣпостнымъ правомъ, въ формѣ зависимости лица отъ земли, уцѣлело и сохранилось для другихъ временъ право крестьянъ на землю.

Ю. О. Самаринъ свои предположенія о характерѣ поземельной собственности въ Россіи изложилъ въ письмѣ къ Хомякову и, судя по отвѣту, изложилъ полнѣе и осязательнѣе въ смыслѣ *теоріи пользованія*, высказанной К. С. Аксаковымъ. Хомяковъ, по складу своего ума, прежде всего обобщилъ эту теорію, а затѣмъ сгладилъ самый рѣзкій ея диссонансъ, вмѣсто признанія прямо за помѣщикомъ права пользованія, предоставляя ему землю въ собственность, но отличающуюся отъ крестьянскаго наслѣдственнаго владѣнія только степенью. Эта мысль, что въ древней Руси по отношенію къ землѣ не было права неограниченной собственности въ западномъ смыслѣ, а существовало право потомственнаго владѣнія участкомъ земли, состоявшимъ въ фактическомъ распоряженіи собственника, высказана въ отношеніи къ черносошнымъ крестьянамъ проф. Сергѣевичемъ („Русскія юридическія древности“, I, 216). Но напрасно профессоръ не находитъ различія между такимъ владѣніемъ и собственностью: Хомяковъ совершенно правильно замѣтилъ, что они другъ отъ друга отличаются степенью. Цѣлая территория искони принадлежала въ собственность или народу (въ догосударственныхъ народоправствахъ—*ager publicus*), или Богу (какъ

у іудеевъ и вообще въ обществахъ теократическаго періода), или высшему правительству, у насъ князю; а участки поступали въ потомственное владѣніе частныхъ лицъ, ихъ занявшихъ или обработавшихъ. Въ западной Европѣ память объ этихъ первоначальныхъ отношеніяхъ утратилась и явилась поземельная собственность—полная и неограниченная. Въ древней Руси это первоначальное представленіе сохранилось и потому никогда у насъ вотчины и помѣстья совершенно рѣзкаго и опредѣленнаго различія не получали.

Въ отвѣтномъ письмѣ Хомякова, написанномъ въ половинѣ 1848 года, высказано слѣдующее: Спасибо вамъ, что вы напали на ту юридическую форму, которая выражаетъ этотъ смыслъ (т.-е. смыслъ крестьянскаго вопроса) съ наибольшою ясностью и отчетливостью, именно на существованіе у насъ двухъ правъ, одинаково крѣпкихъ и священныхъ: права наслѣдственнаго на собственность и такого же права наслѣдственнаго на пользованіе. Въ болѣе абсолютномъ смыслѣ, въ частныхъ случаяхъ, право собственности истинной и безусловной *не существуетъ*: оно пребываетъ въ самомъ государствѣ (великой общинѣ), какаѣ бы ни была ея форма. Можно доказать, что это общая мысль всѣхъ государствъ, даже европейскихъ. *Всякая частная собственность есть только болѣе или менѣе пользованіе, только въ разныхъ степеняхъ.* По исторіи старой Руси можно, кажется, доказать, что таково было значеніе даже и княжеской собственности, по крайней мѣрѣ поземельной. Наша (дворянская) собственность (пользованіе въ отношеніи къ государству) есть собственность въ отношеніи къ другимъ частнымъ людямъ, а слѣдов. и къ крестьянамъ. Ихъ право въ отношеніи къ намъ есть право пользованія наслѣдственнаго; дѣйствительно же оно разнится отъ нашего только степенью, а не характеромъ и подчиненностью другому началу— общинѣ. Таково отношеніе юридическое, вышедшее изъ обычая или создавшее обычай, и кто хочетъ нанести этому отношенію ударъ (освобожденіе крестьянъ безъ земли), тотъ хочетъ возмутить всѣ убѣжденія, всю сущность народа, а теперь объ этомъ только и хлопчуть („Рус. Арх.“ 1879, стр. 331).

Свою солидарность съ теоріею права крестьянъ на владѣемую ими землю Ю. Ө. Самаринъ заявилъ тѣмъ, что въ своемъ „Проектѣ уничтоженія крѣпостнаго права“ онъ предполагалъ надѣлить крестьянъ *всю владѣемую ими землю*. Ал. Ив. Кошелевъ, повидимому,

никогда не смотрѣлъ на этотъ вопросъ съ чисто-теоретической стороны, но свое сочувствіе запечатлѣлъ въ окончательномъ своемъ проектѣ—„Запискахъ по уничтоженію крѣпостнаго права въ Россіи“—тѣмъ же самымъ предложеніемъ. Разница между Самаринимъ и Кошелевымъ въ данномъ случаѣ была та, что необходимость вознагражденія помѣщиковъ, признанная Самаринимъ въ своемъ проектѣ, представлялась ему не вполне опредѣленною относительно оцѣнки земли, размѣра и способа вознагражденія; Кошелевъ же, какъ человекъ практическій, разрубилъ Гордіевъ узелъ сразу и въ своихъ „Запискахъ“, предлагая избранныя имъ мѣры для освобожденія крестьянъ со всею землею, съ вознагражденіемъ помѣщика ссудю изъ кредитныхъ учрежденій по установленной оцѣнкѣ, занялся даже разрѣшеніемъ вопроса: откуда кредитнымъ учрежденіямъ взять деньги для выдачи огромныхъ суммъ, слѣдующихъ за освобожденныхъ крестьянъ.

Въ бумагахъ Ал. Ив. сохранился по этому предмету набросокъ Хомякова, относящійся ко времени занятій редакціонныхъ комиссій. Отбросивши освобожденіе крестьянъ безъ земли, какъ „мечту не только опасную, но и вредную“, Хомяковъ доходъ владѣльца считаетъ *справедливымъ* только въ томъ случаѣ, когда владѣлецъ получаетъ только за то, что имъ дано крестьянину. Въ этомъ случаѣ Хомяковъ сходится, какъ увидимъ дальше, слово въ слово съ тѣмъ опредѣленіемъ, которое гораздо ранѣе далъ Алек. Иван. въ отвѣтъ на вопросы, предложенныя Лебедянскимъ Обществомъ сельскаго хозяйства. Затѣмъ Хомяковъ предполагаетъ освободить крестьянъ по нормальной оцѣнкѣ 70—80 р. сер. за душу, надѣливъ крестьянъ землею на эту сумму по установленной оцѣнкѣ. Оцѣнку пахатной земли Хомяковъ опредѣляетъ въ 35—32 р. за десятину. Такимъ образомъ въ хлѣбородныхъ губерніяхъ помѣщикъ получить 80 р. сер., а крестьянинъ $2\frac{3}{7}$ десятины на душу; въ мѣстахъ менѣе хлѣбородныхъ 70 руб. представляютъ цѣнность $2\frac{1}{6}$ дес. Крестьяне обязаны уплачивать въ теченіе 33 лѣтъ кредитнымъ учрежденіямъ, въ видѣ поземельной подати, ежегодно: въ первомъ случаѣ 1 р. 80 к. съ десятины, а во второмъ—1 р. 60 к. Это составитъ за душевой надѣлъ въ хлѣбородныхъ мѣстностяхъ 4 р. 10 к., а въ менѣе хлѣбородныхъ—3 р. 46 коп. Кромѣ пахатной земли, включая и усадебную, крестьяне ни луговъ, ни лѣсу не получаютъ. Хомяковъ ничего не упоминаетъ о случаяхъ, когда крестья-

яне, во время крѣпостнаго права, не имѣли въ своемъ владѣніи пахатной земли въ такомъ количествѣ, а помѣщикъ не имѣлъ возможности прирѣзать изъ прилегающей собственной земли.

П. В. Кирѣевскій, въ приведенномъ мною письмѣ къ Кошелеву, требуетъ полнаго раздѣла помѣщика съ крестьянами и признаетъ ихъ собственностью половину помѣщичьей земли, не объясняя, состоящей ли въ то время въ пользованіи крестьянъ, или всей вообще. По словамъ Марковича, когда заходила рѣчь объ освобожденіи крестьянъ, П. В. Кирѣевскій говорилъ: „Сколько Государь скажетъ отдать имъ земли моей, столько и отдамъ“ („Русск. Бесѣда“ 1857 г., кн. II, 19).

Но дѣло въ томъ, что члены кружка, согласные въ самомъ принципѣ, готовые на пренія („что одинъ замыслить, то другой домыслить“, говорилъ Хомяковъ), далеко не сходились въ способахъ осуществленія признаваемого необходимымъ улучшенія крестьянскаго быта. Мысль Ал. Ив. достигнуть этой цѣли путемъ добровольнаго соглашенія крестьянъ съ помѣщиками, повидимому, встрѣчала мало сочувствія. Въ „Русскомъ Архивѣ“ (1873, II, 1345—1354) напечатано очень интересное письмо Кирѣевскаго къ А. И. Кошелеву, гдѣ Кирѣевскій, признавая, что „едва ли на свѣтѣ есть такой безумецъ, который бы могъ искренно думать, чтобы правда могла быть плодомъ человѣческаго произвола, и признавая, что глубоко безнравственны тѣ отношенія, которыя обращаютъ человѣка въ рѣ беззащитную игрушку человѣческихъ страстей и прихотей,—въ заключеніе говоритъ: „Помочь можетъ только одна коренная, центральная, слѣд. правительственная мѣра, потому что одно правительство можетъ одновременно остановить всѣ потоки злоупотребленія, которые взаимно одни другими поддерживаются, одно правительство можетъ въ одно и то же время уничтожить и чиновничество, и крѣпостное право“. Въ бумагахъ Алекс. Ив. сохранилось письмо Н. В. Елагина, одного изъ второстепенныхъ, но самыхъ искреннихъ и близкихъ членовъ кружка. Сущность этого письма заключается также въ возраженіи противъ немедленнаго освобожденія крестьянъ путемъ личныхъ сдѣлокъ помѣщиковъ съ крестьянами. Елагинъ приходитъ къ совершенно тождественному съ Кирѣевскимъ заключенію, что порча крестьянъ и помѣщиковъ идетъ такъ быстро, что требуетъ быстрого пособія; помочь можетъ только одна коренная, центральная, слѣдовательно

правительственная власть (Приложение IV). Тотъ же Елагинъ помѣстилъ въ № 1 „Паруса“ статью подъ заглавіемъ „Законъ 1848 года 3 марта“ (дозволявшій помѣщикамъ выдачу купчихъ вѣрностей безпошлинно на земли, прежде на ихъ имя купленныя крестьянами), гдѣ Елагинъ говоритъ о необходимости льготныхъ условій при передачѣ таковыхъ земель помѣщиками крестьянамъ, при предстоявшемъ въ то время освобожденіи крестьянъ. Замѣчательно заключеніе статьи: „Извѣстно, что русскій крестьянинъ не вполне понимаетъ возможность освобожденія безъ земли, что по большей части всѣ ждуть какихъ-то аграрныхъ законовъ (доказательствомъ можетъ служить, что *нынѣшнее лто почти нигдѣ крестьяне не вывозили удобренія въ поле*), поэтому выдачи нѣкоторымъ лицамъ вѣрностей на ихъ покупную землю отозвались бы далеко по сосѣдству: увидѣли бы, что право собственности уважается и не нарушается даже въ отношеніи къ мелкимъ собственникамъ; убѣдились бы, что разъ купленное—вѣрно навсегда, что надо заплатить деньги, *купить*, для того чтобы спокойно и безспорно владѣть землею“.

Алек. Ив., конечно, и самъ не былъ убѣжденъ, что путемъ добровольныхъ соглашеній крестьянъ съ помѣщиками можно придти къ окончанію такой обширной и серьезной задачи, какъ уничтоженіе вѣростнаго права. Впослѣдствіи, разбирая въ IV книжкѣ „Сельскаго Благоустройства“ за 1858 г., помѣщенную въ № 11 „Отеч. Зап.“ за тотъ же годъ, статью подъ заглавіемъ „Обзоръ журнальныхъ статей, относящихся къ улучшенію крестьянскаго быта“, Ал. Ив. говоритъ въ заключеніе: „Выводъ, который рецензентъ имѣетъ въ виду, мнѣ кажется, слѣдующій: ничего не нужно обязательнаго, все нужно оставить на добровольныя соглашенія; время и полная свобода устроить все лучше, чѣмъ кто и чѣмъ что-либо. Система эта, конечно, была бы не дурна, еслибы исходною точкой было не вѣростное состояніе: съ одной стороны полное правіе или, вѣрнѣе сказать, всеправіе помѣщика, съ другой—совершенное порабощеніе крестьянъ“ („Сел. Благ.“ IV, 193).

Такъ какъ правительство того времени вообще было несклонно къ какому-либо рѣшительному мѣрамъ въ пользу крестьянъ, то ссылка въ этомъ случаѣ на правительство могла прикрывать—и въ нѣкоторыхъ не искренно убѣжденныхъ людяхъ дѣйствительно прикрывала—ловкій маневръ въ защиту существующаго. Поэтому Але-

ксандръ Ивановичъ справедливо понималъ, что въ то время единственный доступный способъ, чтобы приступить къ началу измѣненія крѣпостныхъ отношеній и заставить правительство взять это дѣло въ свои руки, — было именно возбудить вопросъ въ средѣ самого дворянства путемъ добровольныхъ соглашеній съ крестьянами со стороны лицъ, искренно убѣжденных въ настоятельности такого измѣненія. Не безъ желчнаго раздраженія записалъ Кошелевъ это въ своемъ дневникѣ, прибавивши, что „къ дѣлу освобожденія мы холодны по свойственной намъ восточной, плантаторской лѣни; мы ждемъ, чтобы вопросъ самъ разрѣшился, мы боимся и хлопотъ, и послѣдствій“. Въ другомъ мѣстѣ Алекс. Иван. говоритъ: „всѣ мы безъ исключенія лѣнны, безпечны и пылки лишь тогда, когда нужда личная насъ гонитъ. Къ несчастію, уничтоженіе рабства считается многими (если почти не всѣми) дѣломъ болѣе умственнымъ, чѣмъ дѣйствительнымъ и неотложнымъ, ибо дѣйствительными и неотложными привыкли мы считать лишь дѣла, которыя бьютъ насъ по затылку, которыя своею матеріальностью и неотложною настоятельностью держать насъ за шиворотъ“.

Оставленный на первыхъ порахъ своими, Алекс. Ив. рѣшился выступить одинъ, безъ союзниковъ, и въ томъ же 1847 году, когда онъ наткнулся на вопросъ объ освобожденіи, когда онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, далъ себѣ вѣяту сдѣлать его задачею жизни, Алекс. Ив. перешелъ отъ словъ къ дѣлу. Для того, чтобы вѣрно оцѣнить практическую дѣятельность Алекс. Ив. въ этомъ отношеніи, необходимо припомнить, въ какомъ положеніи вопросъ объ освобожденіи крестьянъ находился въ правительственныхъ сферахъ того времени. Алек. Ив. не былъ политическимъ мечтателемъ и всегда добивался только возможныхъ, въ данную минуту, практическихъ результатовъ, если даже они не осуществляли всей широты имъ самимъ созданной постановки.

Императоръ Николай во все продолженіе своего царствованія не прекращалъ попытокъ къ измѣненію крѣпостнаго состоянія. Г. Семеновъ это стремленіе приписываетъ вліянію наставника покойнаго Государя—Шторха и стремленію къ освобожденію декабристовъ, считавшихъ крѣпостное право важнѣйшимъ изъ золъ современной имъ Россіи. Имп. Николай дѣйствительно вступалъ въ личныя сношенія съ нѣкоторыми изъ декабристовъ, самъ занимался допросами и тщательно слѣдилъ за показаніями ихъ при слѣд-

ствіи. Поль Лакруа, въ своей „Исторіи жизни и царствованія императора Николая“, рассказываетъ, что Алекс. Бестужевъ, во время допроса его Государемъ, „не желая скрыть свою голову отъ преслѣдованія законовъ, но рѣшившись повѣдать Царю полезныя и необходимыя реформы, требовавшіяся отъ его царствованія, смѣло и рѣзко говорилъ объ опасностяхъ самодержавной власти, о страданіяхъ народа, о продажности администраціи, о всѣхъ злоупотребленіяхъ, которыя вызвали заговоръ декабристовъ. На одномъ допросѣ, гдѣ Императоръ былъ почти съ глазу на глазъ съ обвиненнымъ, Бестужевъ увлекся порывомъ самаго страстнаго патриотизма и въ блестящей импровизаціи представилъ благодѣтельныя, по его мнѣнію, послѣдствія для Россіи заговора 26 декабря, который долженъ былъ не только положить начало конституціонной монархіи, но и установить великіе принципы свободы политической. „Бестужевъ!—сказалъ растроганный Императоръ,—я могъ бы простить тебя и, конечно, сдѣлалъ бы это, еслибъ я былъ увѣренъ, что на будущее время встрѣчу въ тебѣ вѣрнопоподаннаго“.—„Ваше величество,—отвѣчалъ Бестужевъ,—вотъ на это-то мы и жалуемся! Вотъ оттого-то мы и вступаемъ въ заговоры! Самое страшное злоупотребленіе, когда Императоръ можетъ сдѣлать все, что захочетъ, и когда онъ не подчиненъ закону. Ради Бога, предоставьте правосудію его естественный ходъ и пусть участь вашихъ подданныхъ не зависитъ отъ вашего каприза или минутнаго впечатлѣнія“ (II, 62—63). Баронъ Штейнгель, въ январѣ 1826 г., написалъ императору Николаю изъ крѣпости письмо, гдѣ, въ числѣ мѣръ, которыя, по его мнѣнію, необходимо принять правительству, указываетъ улучшение состоянія земледѣльцевъ и уничтоженіе „унизительной для націи продажи людей“. Самъ Императоръ, въ рѣчи своей въ государственномъ совѣтѣ 30 марта 1842 г., предъ изданіемъ закона объ обязанныхъ крестьянахъ, указалъ, что въ намѣреніяхъ императора Александра I, въ началѣ его царствованія, было даровать свободу крѣпостнымъ людямъ. Но г. Семевскій справедливо замѣтилъ, что импер. Николай дѣйствовалъ въ этомъ дѣлѣ съ большою нерѣшительностью и готовъ былъ довольствоваться весьма мало-важными мѣрами, изъ которыхъ многія оставались безъ всякаго результата („Крест. вопр.“ II, 17.) Причиною тому была боязнь революціи, съ которой приверженцы крѣпостнаго права отождествляли всякую попытку къ улучшенію крѣпостнаго состоянія, вплоть

до самаго манифеста 19 февраля 1861 года. Въ приведенной рѣчи императоръ Николай выразился, что „время, когда можно будетъ приступить къ освобожденію крестьянъ, еще весьма далеко и въ настоящую минуту всякій помyselъ о семъ былъ бы лишь преступнымъ посягательствомъ на общественное спокойствіе и благо государства; пугачевскій бунтъ доказалъ, до чего можетъ достигнуть буйство черни“.

Въ той же рѣчи Государь выразился въ концѣ: „Невозможно ожидать, чтобы дѣло сіе принялось вдругъ и повсемѣстно,—*это не соответствовало бы даже и видамъ правительства*“. Такимъ образомъ новый законъ, при самомъ своемъ рожденіи, осужденъ былъ на бездѣйствіе самимъ Государемъ. Ближайшіе сотрудники Императора, въ своемъ нежеланіи измѣнять status quo крѣпостнаго права, шли еще далѣе самого Государя. Послѣдній сказалъ о нихъ Киселеву: „Я говорилъ со многими изъ моихъ сотрудниковъ (о крестьянск. вопросѣ) и ни въ одномъ не нашелъ прямого сочувствія; даже въ семействѣ моемъ нѣкоторые (вел. кн. Константинъ и Михаилъ Павловичи) были совершенно противны“. Министръ вн. дѣлъ гр. Перовскій въ ноябрѣ 1845 года представилъ Государю „Записку объ уничтоженіи крѣпостнаго состоянія въ Россіи“. Здѣсь Перовскій возложилъ, между прочимъ, такой взглядъ: „По народному понятію вольность заключается собственно въ совершенномъ безначаліи и неповиновеніи: кто будетъ противъ этого спорить, у того или намѣренія нечисты, или онъ не знаетъ Россію... Немедленное освобожденіе народа крайне опасно, такъ какъ оно легко можетъ вызвать всеобщее возмущеніе, окончательную развязку котораго даже и гадательно предсказать невозможно“. Всего картиннѣе въ этомъ смыслѣ выразался „либеральный князь“ уже въ 1856 году, когда всѣ сколько-нибудь сочувствующіе освобожденію люди, совершенно спокойно смотря въ лице будущему, заботились только о приисканіи справедливаго и уравнительнаго способа для разведенія обѣихъ сторонъ. Кн. Черкасскій, въ представленной имъ правительству запискѣ „о способахъ новаго устройства отношеній между землевладѣльцами и земледѣльцами“, предлагаетъ отвести крестьянамъ *постоянный надѣлъ* и за то обязать ихъ *постояннымъ оброкомъ* съ выкупомъ крестьянскаго труда по оцѣнкѣ самихъ помѣщиковъ. Приобрѣтеніе крестьянами земли въ собственность даже за вторичный, особый выкупъ кн. Черкасскій считаетъ вреднымъ, такъ какъ

это поведетъ къ возникновенію мелкой собственности (къ демократическому устройству страны). Въ доказательство связи мелкой собственности и демократіи приведена выписка изъ Токввиля (de la démocratie en Amérique). Дальше говорится слѣдующее: „Довольно сказаннаго, кажется, чтобъ убѣдиться въ опасности устроить осѣдлость поселянъ на земляхъ, имъ собственно принадлежащихъ; но если къ этому присовокупить тѣ неистовства и кровопролитія, которыя ожидаютъ всѣхъ, во время перехода отъ настоящаго порядка къ освобожденію съ землей, то лезвіе ножа уже чувствуется на шеѣ, воображеніе рисуетъ пальцы и другіе члены раздробленные на наковальняхъ сельскихъ кузницъ, вдали видятся потѣшныя огни, на которыхъ мелкимъ огнемъ жарятся землевладѣльцы, судьи и правители, или торжественныя костры изъ ободранныхъ помѣщиковъ и чиновниковъ... Господь милосердый! избави и сохрани Россію отъ подобнаго испытанія, во имя развитія и человечества. Нѣтъ, въ Россіи освобожденіе съ крѣпостнымъ правомъ на землю невозможно. Пауперизмъ и пролетаріатъ опасны и вредны, но демократическое раздѣленіе поземельнаго владѣнія страшно и ужасно!“ Какъ жаль, что вн. Черкасскій, при начертаніи своего проекта, не предчувствовалъ, вмѣсто этой страшной картины, мирнаго своего засѣданія членомъ въ губернскомъ комитетѣ, а потомъ въ редакціонныхъ комиссіяхъ! Единственный изъ приближенныхъ императора Николая, который искренно преданъ былъ дѣлу освобожденія, былъ графъ В. Д. Киселевъ, котораго Императоръ называлъ своимъ „начальникомъ штаба по крестьянской части“. Киселевъ еще въ 1816 г. подавалъ императору Александру I записку о постепенномъ уничтоженіи рабства въ Россіи. Бывши начальникомъ штаба 2-й арміи, Киселевъ сходилъ съ декабристами и даже посвященъ былъ Пестелемъ въ содержаніе его „Русской правды“. Затѣмъ въ 1829 г., поставленный во главѣ управленія Молдавіей и Валахіей, Киселевъ занимался регулированіемъ тамъ отношеній землевладѣльцевъ и поселянъ и подробно объ этомъ изложилъ въ своемъ отчетѣ объ управленіи Дунайскими княжествами, чѣмъ и обратилъ на себя вниманіе Государя въ этомъ смыслѣ. Съ 1835 года Киселевъ былъ самымъ дѣятельнымъ и передовымъ членомъ всѣхъ секретныхъ комитетовъ по крестьянскому вопросу въ царствованіе императора Николая и всегда отстаивалъ если не совершенное прекращеніе крѣпостнаго права, то обращеніе его

въ регулированное точными постановленіями закона прикрѣпленіе къ землѣ. Посылая Киселеву въ Парижъ первый № „Сельскаго Благоустройства“, издававшася А. И. Кошелевымъ,—Ю. О. Самаринъ выразился, что „въ убѣжденіи всей Россіи имя гр. Киселева связано съ идеей, которой онъ служитъ“. Киселевъ и самъ это признавалъ; въ своемъ „Дневникѣ“ онъ записалъ между прочимъ: „благословляю судьбу, избавившую меня (противъ моей воли) отъ окончанія этой тяжелой работы (крестьянскаго вопроса), которая однако должна была принадлежать мнѣ“. Завѣщаніе свое по крестьянскому вопросу Киселевъ передалъ племяннику своему, Н. А. Милютину, завершившему дѣло, начатое дядею; на нихъ обоихъ, на дядѣ и племянникѣ, отразилась главнымъ образомъ непримиримая ненависть не одного дворянскаго поколѣнія.

Въ царствованіе императора Николая приняты были слѣдующія мѣры къ улучшенію быта крестьянъ:

1. Высочайше утвержденное мнѣніе государственнаго совѣта 2 января 1841 г. и указъ правит. сената отъ 19 февраля того же года, которымъ запрещалось продавать крѣпостныхъ людей отдѣльно отъ семействъ и предписывалось крѣпостныхъ, прибрѣтенныхъ послѣ 8 ревизіи, приписывать исключительно къ собственнымъ населеннымъ имѣніямъ.

2. Указомъ 2 апрѣля 1842 г. разрѣшалось помѣщикамъ отпустить на волю крестьянъ съ тѣмъ, что отведенная крестьянамъ земля оставалась въ собственности помѣщика, а уволенные крестьяне, оставаясь въ разрядѣ помѣщичьихъ, подъ именемъ временно обязанныхъ, подчинялись суду и надзору владѣльца. Взысканіе недоимокъ и надзоръ за исполненіемъ принятыхъ на себя крестьянами обязательствъ переходили въ вѣдомство мѣстной полиціи. Указъ этотъ состоялся вслѣдствіе несостоятельности прежняго указа 20 февраля 1803 г., которымъ разрѣшалось помѣщикамъ отпустить на волю крестьянъ какъ по-одиночкѣ, такъ и цѣльнымъ селеніемъ, и утверждать за ними участки земли или цѣлую дачу, на условіяхъ, заключенныхъ между помѣщиками и крестьянами, заключенныхъ по обоюдному согласію и восходившихъ на Высочайшее утвержденіе. Со времени изданія закона, перешло въ свободныя хлѣбпашцы всего 296.428 рев. душъ. При этомъ указъ вводилъ участковое или подворное владѣніе, обязывая помѣщика при заключеніи условія раздѣлить всю землю на участки и принимая

нормальный участокъ въ 8 десятинъ. Указъ 2 апрѣля 1842 г., лишавшій крестьянъ собственности на землю, былъ значительнымъ шагомъ назадъ. Алекс. Ив. совершенно справедливо признаетъ этотъ указъ несостоятельнымъ. Отправляясь отъ совершенно вѣрнаго положенія, что согласить свободу и неволю, помѣщичью власть и самостоятельность крестьянъ есть задача чисто-невозможная, Кошелевъ находитъ въ указѣ слѣдующіе недостатки. Указъ порождаетъ какое-то странное, двусмысленное положеніе: крестьяне перестаютъ быть крѣпостными по смыслу закона, а помѣщикъ сохраняетъ вмѣстѣ съ тѣмъ право на барщину, разбираетъ тяжбы между крестьянами, взыскиваетъ за ихъ проступки, подвергаетъ ихъ тѣлеснымъ наказаніямъ и пр. Крестьяне какъ будто освобождены и вмѣстѣ съ тѣмъ остаются приврѣпленными къ землѣ, и не къ своей, а къ чужой, и видятъ въ землевладѣльцѣ своего судью, исправника и чуть-чуть не прежняго полного помѣщика. Съ другой стороны, помѣщикъ, лишаясь части прежнихъ своихъ правъ и долженствуя уважать постановленныя ограниченія его власти, сохраняетъ преимущества судить и наказывать, но при неисполненіи договора крестьянами имѣетъ жаловаться полиціи и, съ неубраннымъ хлѣбомъ или съ незасѣянными полями, ожидать отъ нея должнаго удовлетворенія; крестьяне имѣютъ право жаловаться на помѣщика и въ то же время они подлежатъ прямому, ежечасному взысканію за малѣйшіе проступки (99).

3. Указомъ 12 іюня 1844 г. предоставлено было помѣщикамъ отпускать дворовыхъ людей на волю безъ земли, по обоюднымъ договорамъ, и не испрашивать въ имѣньяхъ заложенныхъ въ банковыхъ учрежденіяхъ предварительнаго ихъ разрѣшенія.

4. Указомъ 3 марта 1848 г. дозволялось крѣпостнымъ людямъ пріобрѣтать въ собственность дома, лавки и всякаго рода недвижимыя имущества, кромѣ населенныхъ имѣній, но не иначе какъ съ согласія помѣщика.

5. Указомъ 8 ноября 1847 г. предоставлено было крестьянамъ населенныхъ имѣній, продаваемыхъ съ публичнаго торга за долги казнѣ, частнымъ лицамъ или кредитнымъ установленіямъ, выкупаться вмѣстѣ съ землей посредствомъ взноса состоявшейся на торгахъ цѣны или полной оцѣночной суммы, при неавѣ въ покупцовъ. Крестьяне обязаны были внести всю сумму въ теченіе 30 дней со времени объявленія имъ чрезъ полицію размѣра выкупной

суммы. Выкупившіеся крестьяне причислялись къ государственнымъ крестьянамъ и названы были въ указѣ безоброчными, а указомъ 15 іюля 1848 г., наравнѣ со свободными хлѣбопашцами, получили наименованіе государственныхъ крестьянъ, водворенныхъ на собственныхъ земляхъ. При этомъ первый разъ установленъ неотдѣлимой принадлежностью имѣнія надѣлъ въ 2 десятины на ревизскую душу, на который не должны надать никогда долги крестьянъ.

Исторія обнародованія этого указа очень интересна: она показываетъ, насколько мало помѣщики расположены были принять самыя скромныя мѣры къ улучшенію крестьянскаго быта и насколько правительство должно было обладать твердостью, энергіей и волюй искреннимъ стремленіемъ къ осуществленію своихъ реформъ, чтобы не подвергаться безпрестаннымъ колебаніямъ и не брать назадъ имъ самымъ дарованнаго. Новый указъ вызвалъ сильное волненіе въ средѣ дворянства; поданы были обсуждавшіяся въ особыхъ секретныхъ комитетахъ записки о вредномъ его дѣйстви въ смыслѣ не только экономическомъ, но и политическомъ („Зап. тульск. губернскаго предвод. В. А. Норова и неиввѣстнаго“ Семева, II, 189—194). Съ другой стороны, въ нѣсколькихъ имѣніяхъ разныхъ губерній (Тверской, Харьковской, Рязанской, Тамбовской, Орловской и Тульской) произошли болѣе или менѣе серьезныя безпорядки, вызванныя недоразумѣніями по поводу издавнаго указа. Въслѣдствіе этого Высочайше утвержденнымъ, 19 іюня 1845 года, мѣніемъ государственнаго совѣта, вмѣсто права непосредственно выкупа крестьянами, предоставлено было владѣльцу имѣнія право заключенія съ крестьянами договора, на основаніи Положенія 20 февраля 1803 г., объ увольненіи въ свободныя хлѣбопашцы. Такимъ образомъ законъ 8 ноября 1847 г. если не отмѣненъ прямо и гласно формальнымъ актомъ, то въ сущности совершенно уничтоженъ. Въ пользу отмѣны этого закона, 8 ноября 1847 г., до разсмотрѣнія въ государственномъ совѣтѣ, склонилось большинство комитета, „келейно“ собравшагося въ Петергофѣ для обсужденія послѣдствій издавнаго закона, а именно изъ 9 членовъ 5: Наслѣдникъ Цесаревича, принцъ Ольденбургскій, кн. Чернышевъ, гр. Орловъ и Перовскій.

Но, несмотря на эту нерѣшительность высшаго правительства время и сила вещей брали свое. Съ сороковыхъ годовъ въ умахъ самого дворянства произошелъ значительный переворотъ и мысль

о необходимости измененія крѣпостнаго права представлялась все яснѣе и яснѣе для людей просвѣщенныхъ и благомыслящихъ. Это засвидѣтельствовалъ въ своей запискѣ Заблоцкій - Десятовскій. А. П. Заблоцкій-Десятовскій былъ старшимъ изъ тѣхъ двухъ довѣренныхъ чиновниковъ, которымъ гр. Киселевъ поручилъ лѣтомъ 1841 г. отправиться во внутреннія губерніи, подъ предлогомъ обзоренія управленія государственныхъ имуществъ, для того чтобы вникнуть въ положеніе помѣщичьихъ крестьянъ. Результатомъ этой поѣздки была записка Заблоцкаго „о крѣпостномъ состояніи въ Россіи“, гдѣ описывалась вся несостоятельность крѣпостнаго права и доказывалась необходимость его уничтоженія правительственною властью, а не самимъ дворянствомъ—путемъ добровольныхъ соглашеній. Эта записка, напечатанная въ первый разъ въ сочиненіи: „Гр. П. Д. Киселевъ и его время“ (т. IV, прил. 251—373), сохранилась въ тайнѣ и возбудила негодованіе всѣхъ, случайно ее узнавшихъ. Записка эта впослѣдствіи была причиною назначенія Заблоцкаго членомъ редакціонныхъ комиссій и дальнѣйшаго его возвышенія. При гр. Киселевѣ Заблоцкій былъ редакторомъ „Земледѣльческой Газеты“, издававшейся при министерствѣ государственныхъ имуществъ, и, насколько это возможно было при тогдашнихъ цензурныхъ условіяхъ, въ ней помѣщалъ все, что было направлено къ улучшенію быта крестьянскаго сословія и къ доказательству несостоятельности крѣпостнаго права. Въ этой запискѣ говорится слѣдующее: „Нельзя не замѣтить, что вопросъ объ измененіи крѣпостнаго права, за нѣсколько лѣтъ передъ симъ казавшійся чрезвычайно дикимъ, нынѣ никого не изумляетъ. Всякій, такъ или иначе, готовъ разсуждать о немъ. Еще недавно, въ 1837 или 1838 году, нѣкоторые изъ тульскихъ дворянъ вздумали составить проектъ объ освобожденіи крестьянъ, но за то сихъ прожекторовъ въ Московскомъ Англійскомъ клубѣ предали анаемѣ. Когда пришли голодные годы и помѣщики увидѣли всю бѣду, съ тѣхъ поръ сдѣлалась реакція,—начали думать, что хорошо было бы и освободить крестьянъ. Вообще теперь мысль эта не дика никому: о ней говорятъ не одни профессора, но такъ или иначе разсуждаютъ и помѣщики“ (Гр. Кисел. IV, прил. 342). Семевскій приводитъ, что одинъ умный наблюдатель провинціальной жизни въ центральной Россіи писалъ въ концѣ 40-хъ годовъ, что со времени закона объ обязанныхъ крестьянахъ нѣ-

которые помѣщики стали заниматься составленіемъ проектовъ объ освобожденіи вѣрстныхъ по губерніямъ или во всемъ государствѣ. Проекты читались пріятелямъ и знакомымъ: „толковъ и разговоровъ было много, споровъ и возраженій еще болѣе“ (II, 469).

Въ началѣ 1844 г. произошло движеніе въ средѣ тульскихъ дворянъ, по иниціативѣ П. Мяснова, подробно описанное г. Семевскимъ по неизданнымъ запискамъ Мяснова („Крест. вопросъ“ II, 238—254). Проектъ Мяснова, представленный Государю, вызвалъ дозволеніе составить изъ дворянъ, желающихъ улучшенія быта своихъ крестьянъ, оффиціальный комитетъ для составленія проекта по своимъ имѣніямъ; но комитетъ былъ закрытъ, прежде чѣмъ онъ приступилъ къ своимъ дѣйствіямъ. Тульскіе дворяне составили нѣсколько проектовъ, гдѣ излагались общія мѣры къ освобожденію крестьянъ исключительно въ интересахъ помѣщиковъ; въ число условій входили надѣлы въ размѣрѣ одной десятины на душу, съ уплатой за нее 100 рублей, добавочный надѣлъ до трехъ десятинъ, по 45 рублей за десятину, обязательное введеніе подворнаго хозяйства. Всѣ эти проекты министерство внутреннихъ дѣлъ—и совершенно справедливо—нашло неудовлетворительными. Въ томъ же 1847 году Государь рѣшился обратиться къ дворянамъ съ предложеніемъ самимъ добровольно озаботиться улучшеніемъ быта крестьянъ. Съ этою цѣлью, въ 1847 году, вызваны были въ Петербургъ витебскіе и смоленскіе депутаты отъ губернскаго дворянскаго собранія. Въ Смоленскѣ отказъ смоленскаго дворянства исполнить приглашеніе Государя вызвалъ иниціативу губернскаго предводителя дворянства, кн. Друцкаго-Сокольницкаго, который пригласилъ нѣкоторыхъ дворянъ къ составленію проектовъ и подавалъ свою записку на Высочайшее усмотрѣніе; но всѣ эти предположенія ни къ чему не привели. Подробности изложены у Севежскаго (II, 163—184). Между тѣмъ движеніе въ 1847 году росло. Дворяне Тверской губерніи ожидали вызова въ Петербургъ депутатовъ отъ губернскаго дворянскаго собранія, подобно тому, какъ это произошло въ Смоленскѣ; дворяне Раненбургскаго уѣзда составили проектъ объ обращеніи крестьянъ въ обязанные, но проектъ этотъ отвергнутъ былъ правительствомъ. Въ трехъ уѣздахъ С.-Петербургской губерніи, Царскосельскомъ, Ямбургскомъ и С.-Петербургскомъ, подъ вліяніемъ: въ первомъ—предводителя Платонова, во второмъ—предводителя бар. Фридерикса

и помѣщиковъ: сенатора Веймарна и Роткирха и въ послѣднемъ— помѣщика Безобразова, составлены были предположенія объ опредѣленіи крестьянскихъ повинностей. Въ Ямбургскомъ уѣздѣ избранъ былъ дворянствомъ комитетъ, на который возложена была обязанность составленія урочнаго положенія барщинныхъ работъ по свойству почвъ и мѣстностей, и въ немъ высказаны были предположенія объ улучшеніи крестьянскаго земледѣлія и скотоводства, распространеніи нравственно-религіознаго образованія, обученіи ремесламъ, учрежденіи общественныхъ записекъ и капиталовъ, предоставленіи крестьянамъ врачебныхъ пособій и пр. Министръ нашелъ избраніе такого комитета незаконнымъ, несмотря на то, что постановленіе подписано было въ числѣ прочихъ гр. Ал. Адлербергомъ, гр. Нессельроде и др. Предводитель объяснилъ на это, что это было частное соглашеніе нѣсколькихъ наличныхъ дворянъ, не имѣющее оффиціального значенія общей мѣры и предпринимаемое въ смыслѣ подготовленія почвы, что не выходитъ изъ прѣдѣловъ закона дворянству предоставленныхъ; что, въ случаѣ извлеченія изъ этой частной, подготовительной мѣры какихъ-либо общихъ и обязательныхъ постановленій, дворянство предполагало испросить надлежащее разрѣшеніе, которое въ такомъ только случаѣ являлось своевременнымъ. Но, несмотря на такое разъясненіе, министръ вторично потребовалъ „рѣшительнаго прекращенія всѣхъ дѣйствій ямбургскаго дворянства по этому предмету“ (Семевск. II, 470—2). Кошелевъ безъ сомнѣнія зналъ о томъ, что происходило въ Тулѣ, Смоленскѣ и другихъ губерніяхъ.

Въ 1847 году должны были происходить дворянскіе выборы въ Рязанской губерніи, и Ал. Ив. хотѣлъ воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы провести подобную идею среди тамошняго дворянства. Съ этою цѣлью Кошелевъ составилъ печатаемое въ Приложеніяхъ (Приложеніе пятое) воззваніе къ дворянству, гдѣ онъ убѣждалъ дворянъ испросить Высочайшее соизволеніе на составленіе комитета изъ двухъ депутатовъ отъ каждаго уѣзда для обсужденія настоящаго положенія дворянскихъ имѣній Рязанской губерніи и для предположенія мѣръ къ узаконенію отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ по Рязанской губерніи. Въ бумагахъ Александра Ивановича сохранился черновой проектъ, очевидно относящійся къ его предложенію рязанскому дворянству и выражающій первоначальныя его мысли объ улучшеніи крестьянскаго быта (въ томъ же Прило-

жен.). Въ этомъ проектѣ прежде всего авторъ разбираетъ, почему такъ мало имѣли послѣдствій первоначальныя мѣры, предложенныя правительствомъ для выхода крестьянъ изъ крѣпостной зависимости, а именно прежнее Положеніе о *вольныхъ хлѣбопашцахъ* и Положеніе объ *обязанныхъ крестьянахъ* 2 апрѣля 1842 г. Совершенно отвергая удобопримѣнимость перваго, авторъ излагаетъ тѣ измѣненія, которыя правительство должно допустить въ послѣднемъ, чтобы дать возможность желающимъ изъ помѣщиковъ воспользоваться съ удобствомъ предоставленнымъ имъ правомъ обратитъ отношенія свои въ крестьянамъ въ постоянныя и не зависящія отъ произвола владѣльца. Но рядомъ съ этимъ Кошелевъ желаетъ, чтобы само дворянство приняло на себя инициативу улучшенія быта своихъ крестьянъ. Съ этою цѣлью онъ предлагаетъ нѣчто вродѣ *инвентарей*, но только составляемыхъ дворянствомъ и лишь въ крайнемъ случаѣ восходящихъ на утвержденіе правительства. Трудъ по составленію этихъ инвентарей авторъ возлагаетъ на уѣздныя и губернскіе комитеты дворянства, подъ предсѣдательствомъ губернскаго и уѣзднаго предводителей, изъ лицъ избранныхъ дворянствомъ. Уѣздный комитетъ долженъ отобрать отъ каждаго помѣщика точное показаніе повинностей крестьянъ въ отношеніи къ помѣщику и угодій, предоставленныхъ имъ крестьянамъ. Если комитетъ находитъ, что повинности соразмѣрны съ угодьями, то онъ представляетъ о томъ въ губернскій комитетъ, который утверждаетъ положеніе, составленное уѣзднымъ, а въ случаѣ несогласія представляетъ министерству внутреннихъ дѣлъ. Если уѣздный комитетъ находитъ, что существующія повинности слишкомъ тяжелы для крестьянъ, то онъ прежде всего вызываетъ помѣщика и убѣждаетъ его понизить ихъ. Въ случаѣ несогласія помѣщика, уѣздный комитетъ составляетъ свое положеніе и представляетъ его въ губернскій комитетъ, который или утверждаетъ его, или представляетъ министру внутреннихъ дѣлъ.

Около того же времени совершенно подобная мысль сложилась у Дм. Н. Свербеева, какъ это видно изъ собственноручной его записки, сохранившейся въ бумагахъ Ал. Ив.—Свербеевъ хотѣлъ внести свое предложеніе московскому дворянству въ такомъ видѣ: „Дворянство глубоко и искренно убѣждается, что самая настоятельная, самая современная потребность наша, какъ помѣщиковъ, есть: 1) привести въ извѣстность настоящее положеніе помѣщичьихъ

крестьянъ Моск. губ. и многоразличныя обязанности ихъ къ владѣльцамъ; и 2) по окончаніи сего предварительнаго труда и по внимательномъ соображеніи онаго съ существенными потребностями земледѣльческой промышленности въ нашей губерніи, приступить съ благою и просвѣщенною волей къ изясненію вѣрнѣйшихъ средствъ для законнаго опредѣленія всѣхъ отношеній крестьянъ Моск. губ. къ ихъ помѣщикамъ, принимая въ основаніе тѣ правила, которыя изображены уже болѣе 4 лѣтъ тому назадъ въ именномъ указѣ 2 апрѣля 1842 г. (объ обязанныхъ крестьянахъ) и распространены въ Высочайше утвержденномъ 10 іюля 1846 г. мнѣніи государственнаго совѣта“. Мѣру эту для приведенія въ исполненіе Свербеевъ полагалъ поручить или собранію предводителей и депутатовъ, или особому комитету изъ членовъ, нарочно для сего назначенныхъ отъ правительства и избранныхъ отъ дворянства. Предложеніе это Дм. Ник. отослалъ къ московскому губернскому предводителю дворянства, А. Д. Черткову, при письмѣ отъ 24 ноября 1846 года, гдѣ изложилъ мотивы въ слѣдующемъ видѣ: *Вопервыхъ*, вопросъ объ опредѣленіи законныхъ отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ становится теперь уже вопросомъ всеобщимъ, ежедневнымъ, такъ сказать, предметомъ разсужденій и толковъ не только для однихъ помѣщиковъ, но и во всѣхъ сословіяхъ государства, — слѣдовательно, по самой своей гласности, дѣлается вопросомъ, требующимъ близкаго разрѣшенія, или, по крайней мѣрѣ, принятія дѣятельныхъ мѣръ къ разрѣшенію. *Вовторыхъ*, заботы и попеченія правительства объ улучшеніи быта казенныхъ поселянъ. встрѣтившія большія, всѣмъ извѣстныя, затрудненія при началѣ министерства государственныхъ имуществъ, очевидно начинаютъ достигать благодѣтельной своей цѣли, и съ каждымъ годомъ, съ каждымъ успѣхомъ будутъ выставлять рѣзкое различіе въ бытѣ казенныхъ поселянъ съ бытомъ крестьянъ помѣщичьихъ, — различіе, которое неминуемо и уже скоро станетъ подвергаться сравненіямъ весьма неприятнымъ для помѣщиковъ и обольстительнымъ для ихъ крестьянъ. *Втретьихъ*, воля Государя постановить законныя предѣлы помѣщичьей власти, нелицемѣрное сочувствіе съ его волею священною для русскаго сердца, людей благонамѣренно-просвѣщенныхъ и разумно-благонамѣренныхъ, безсознательное, но тѣмъ не менѣе всеобщее, ожиданіе рѣшенія этой трудной задачи нашего времени — должны наконецъ пробудить и тѣхъ владѣльцевъ, ко-

торы, не понимая или не желая понять всей важности сего вопроса, обманывают себя тщетною и для всѣхъ опасною надеждою отдалить эти мѣры своимъ бездѣйствіемъ,—иные (къ счастью, не многіе) бездѣйствіемъ умышленнымъ и своекорыстнымъ, другіе бездѣйствіемъ робкимъ, простодушнымъ и невѣжественнымъ.

Ал. Ив., какъ видно, предварительно послалъ Дм. Ник. свой проектъ обращенія къ рязанскому дворянству въ первой редакціи, нисколько не похожей на послѣдующую, напечатанную въ Приложеніи; можно безошибочно догадаться, что отвѣтъ Свербеева навелъ Кошелева на мысль о смягченіи вносимаго имъ предложенія. Письмо Дм. Н. Свербеева отъ 11 октября 1847 г. заключало въ себѣ слѣдующія возраженія:

Авторъ письма излагаетъ предполагаемую рѣчь, которую онъ сказалъ бы въ дворянскомъ собраніи, выслушавши предложеніе Кошелева: „Мм. гг. (значится въ письмѣ),—сказалъ бы я по прочтеніи вашего воззванія, по дѣлу присяги и совѣсти,—не могу скрыть тагостнаго моего удивленія тому, какъ могло быть допущено чтеніе предъ вами мнѣнія почтеннаго моего сочлена А. И. Кошелева и т. д.“—и пошелъ, и пошелъ... Въ моемъ возраженіи сказалъ бы я, во 1-хъ, что если кто-либо изъ насъ беретъ уже на себя смѣлость изъ частнаго позволенія, даннаго правительствомъ помѣщику на условія съ своими собственными крестьянами, выводить общую мѣру для всѣхъ помѣщиковъ, то онъ по меньшей мѣрѣ долженъ бы ограничиться приложеніемъ своихъ мнѣній къ одной губерніи, къ которой принадлежитъ, а не разсуждать о цѣломъ составѣ дворянства имперіи. Во 2-хъ, замѣтилъ бы я, что православная вѣра наша никогда не требовала измѣненій въ отношеніяхъ крѣпостнаго состоянія, ибо мы читаемъ у Апостола Павла: рабы, повинуйтесь своимъ господамъ; господа, помните, что рабы—подобные вамъ люди; ибо, далѣе, церковь, хранительница вѣры, сама до нашего времени, до сороковыхъ годовъ, имѣла крѣпостныхъ и еще недавно одинъ изъ современныхъ намъ святителей, митрополитъ Филаретъ, сказалъ въ проповѣди, что христіанская любовь помѣщиковъ къ ихъ крестьянамъ, и обратно, есть основа этого союза, и что такой союзъ надежнѣе для общаго блага, нежели обольстительная свобода нашего времени. Въ 3-хъ, что крѣпостное право не можетъ и не должно быть названо неестественнымъ и безнравственнымъ, ибо оно существовало въ Европѣ у са-

мыхъ образованныхъ народовъ и у нѣкоторыхъ до начала XIX столѣтія, существовать начало у насъ именно съ того времени, когда просвѣщеніе стало водворяться въ Россіи, и утверждено было въ ней самыми великими нашими государями, Петромъ I и Екатериной II; противники же освобожденія утверждаютъ, что оно есть и теперь единственно-возможное нравственное отношеніе въ обществѣ не вполне еще развившемся и доселѣ представляетъ такія ручательства народнаго благосостоянія, какихъ не обеспечиваютъ для низшихъ классовъ народа другія европейскія общества, что тамъ существуютъ пролетаріи, которыхъ у насъ при крѣпостномъ состояніи быть не можетъ, и что для уврачеванія золь пауперизма и пролетаріата многіе изъ европейскихъ мыслителей, наприм. Сисмонди, предлагали для низшихъ классовъ покровительство патроновъ, похожихъ на нашихъ помѣщиковъ. Въ 4-хъ, что всего менѣе ожидать можно было отъ предлагающаго измѣнить наши отношенія къ крестьянамъ—неумѣстнаго тутъ разсужденія о бѣдности всего російскаго дворянства, какъ будто бы всеобщее это разореніе, которое еще нужно доказать основательнѣе, можетъ быть уничтожено предлагаемымъ пожертвованіемъ самыхъ значительныхъ для дворянства правъ и преимуществъ. Въ 5-хъ, что слишкомъ дерзкое указаніе на то, что нравственность дворянскаго сословія не соотвѣтствуетъ успѣхамъ просвѣщенія,—столько же неосновательно, ибо если у насъ замѣтны гдѣ-либо успѣхи просвѣщенія, то, конечно, въ высшихъ государственныхъ сословіяхъ, а во главѣ этихъ сословій кто же какъ не дворянство? Въ 6-хъ, что такого указанія на безнравственность благороднаго сословія, названнаго Благословеннымъ Александромъ *умомъ и душою народа*, никто дѣлать права не имѣетъ. Вотъ въ чемъ бы содержалась первая часть моего возраженія. Во второй сказалъ бы я, что предложеніе г. Кошелева, еслибъ оно представлено было приличнѣе, умѣреннѣе и ограниченнѣе, могло бы быть допущено къ разсужденію, ибо успѣхи всякаго человѣческаго общества, разрушая, по законамъ необходимости, первобытное патріархальное состояніе, согласное въ то время и съ законами вѣры и съ законами природы человѣческой, требуютъ время отъ времени измѣненій, а потому умноженіе народонаселенія и общественнаго богатства, успѣхи торговли, промышленности, земледѣлія—все это вмѣстѣ взятое настоятельно требуетъ и перемѣны нашихъ крѣпостныхъ отношеній;

что самое время допустило уже важнѣйшія въ немъ перемѣны и крѣпостное состояніе уже не есть тотъ патриархальный союзъ, какимъ было оно прежде, и что, наконецъ, это теперешнее неопредѣлительное переходное состояніе, въ какомъ мы находимся, вредно въ экономическомъ отношеніи и поземельному владѣльцу и посеженному на его землѣ крестьянину, и что потому, а еще болѣе по мѣстнымъ неудобствамъ, именно нашей губерніи такимъ-то и такимъ-то, я согласенъ на учрежденіе въ нашей губерніи комитета.

Другое письмо передаетъ событіе въ витебскомъ и смоленскомъ дворянскихъ собраніяхъ нѣсколько отлично отъ разсказа г. Семеновскаго:

„Какъ скоро услышалъ я отъ М. А. Волкова, смоленскаго помѣщика, о смоленской и еще прежде витебской депутаціи дворянства къ Государю, то первую мою мыслью было сообщить это вамъ, для вашихъ соображеній, съ задуманнымъ вами предложеніемъ рязанскому дворянству. Волковъ, пріѣхавшій сюда изъ Смоленска ровно назадъ тому недѣлю, разсказалъ мнѣ, на другой день своего пріѣзда, что у нихъ было, но я не хотѣлъ вамъ писать по почтѣ и ждалъ отъѣзда Ольги Ѳедоровны. Теперь встали появились и уже напечатаны въ „Московск. Вѣдомостяхъ“ (№№ 142 и 3) двѣ важныя оффиціальныя новости. Вопервыхъ, подъ статью „о Тифлисѣ“ положеніе о тамошнихъ поселянахъ и, во вторыхъ, несравненно важнѣе указъ 8 ноября о правѣ выкупа, предоставленнаго крестьянамъ тѣхъ имѣній, которыя продаваться будутъ съ аукціона. Послѣдній замѣчательнъ въ особенности по своему осторожному, скажу даже—робкому изложенію. Васъ, конечно, поразило уже это при самомъ первомъ прочтеніи. Не знаю, замѣтили ли вы въ немъ два главные для всѣхъ помѣщиковъ намѣка: 1) что тутъ рѣшительно опредѣляется мѣра земли необходимой для врестьянина, именно 2 десятины на каждую ревизскую душу; 2) что ссылаются на соображенія, удостоенныя предварительнаго одобренія императора Александра еще въ 1824 году, и наконецъ, пожалуй, еще 3) что утверждается новый классъ поселянъ безоброчныхъ, которые прежде назывались *свободными* хлѣбопашцами. Это слово замѣнено другимъ съ явнымъ намѣреніемъ. Опасаются названія и въ то же время даютъ правъ. Тѣмъ лучше. Кстати о свободныхъ хлѣбопашцахъ. Кат. Ѳед. Муравьева представила уже давно въ Петербургъ утвержденное всѣми нижегородскими властями положеніе объ осво-

боженіи въ хлѣбопашцы болѣе тысячи душъ въ той губерніи. Не получая никакого отвѣта объ этомъ изъ министерства внутреннихъ дѣлъ и боясь внезапной смерти (ей 80 лѣтъ и холера все еще въ Москвѣ), она отнеслась въ сенатору Муравьеву, управляющему межевою частью, съ просьбою выхлопотать для нея скорѣе рѣшеніе по этому дѣлу, но получила въ отвѣтъ, что всѣ дѣла этого рода приостановлены, потому что къ новому году выйдетъ общее о свободныхъ хлѣбопашцахъ постановленіе. Поповъ писалъ мнѣ изъ Петербурга, что министру государственныхъ имуществъ будутъ отпускать ежегодно, въ видѣ опыта, 300 т. руб. сер. для покупки, на имя министерства, продающихся съ аукціона имѣній. Я думаю теперь, что это распоряженіе выйдетъ вслѣдъ за указомъ 8 ноября. Въ обѣихъ столицахъ ожидаютъ важныхъ перемѣнъ по этому вопросу. Вместе съ желаніемъ правительства видна и робость, внушаемая оппозиціей совѣтниковъ и общества. Теперь надо вамъ рассказать слышанное отъ Волкова. Видно, что въ Западныхъ губерніяхъ сохраняется еще обычай на каждахъ выборахъ избирать депутатовъ для поднесенія всеподданнѣйшей благодарности за дарованное право. У насъ это было, кажется, только одинъ разъ, послѣ изданія новаго положенія о выборахъ. Но и западные депутаты никогда не приглашались въ Петербургъ. Избранные на послѣднемъ дворянскомъ сѣздѣ въ Витебскѣ были однако вызваны; и тогда, по разсказу Волкова, Государь лично объявилъ имъ рѣшительное желаніе свое не оставлять безъ дѣйствія указъ 2 апрѣля объ обязанныхъ крестьянахъ, который есть какъ бы переходъ къ будущему освобожденію, совѣтоваль самимъ депутатамъ не терять времени и пригласить и другихъ дворянъ приступить къ исполненію указа. Витебцы общали за себя и за другихъ. Возвратясь домой, они собрали дворянство и объявили желаніе Царя и свои обѣщанія. Собраніе сдѣлало постановленіе, которое, по словамъ Волкова, писалъ Убри, мой пріятель, и въ немъ откровенно высказалъ: 1) что депутаты присланные съ одной благодарностью не имѣли никакого права не только общать что-либо отъ имени цѣлаго дворянства, но и входить въ разсужденіе по этому предмету; 2) что за отчужденіе правъ собственности слѣдуетъ, по общимъ законамъ, вознагражденіе; 3) что если допущены будутъ разнообразныя условія помѣщиковъ съ ихъ крестьянами, то въ губерніи появится безчисленное множество совершенно

различныхъ постановленій, не имѣющихъ ничего почти общаго; эти постановленія необходимо обратятся въ частные законы, которые, вполнѣдствіи, затруднятъ администрацію, судебную власть и само высшее правительство. Такое положеніе, подписанное витебскимъ дворянствомъ, отправлено къ министру внутреннихъ дѣлъ; такъ оно и остается безъ всякаго движенія. Потомъ были выборы въ Смоленскѣ и депутатовъ избрали такихъ, которыхъ и посылать не могли и не думали,—какихъ-то двухъ стариковъ и одного слѣпаго (надо васъ предупредить, впрочемъ, что Волковъ, о чемъ бы онъ ни рассказывалъ, представляетъ все, даже противъ воли, въ смѣшномъ видѣ). Депутатовъ потребовали. Смольяне поняли, испугались и выбрали другихъ: генерала Шнейднера или какъ-то похоже и свитскаго полковника въ безсрочномъ отпуску Фонтонна. Депутаты были приняты Государемъ необыкновенно милостиво. Между прочимъ, Государь сказалъ имъ, что—какъ первый русскій дворянинъ—и онъ не отдѣляетъ себя отъ дворянства и заботится о сохраненіи дворянскихъ правъ и преимуществъ, что земля есть и должна быть достояніе помѣщиковъ, что они, смольяне, истинные коренные русскіе, доказывавшіе это на полѣ брани и на гражданскомъ поприщѣ, но что время требуетъ измѣненій, что теперь уже нельзя продавать людей, что надобно избѣгать насильственныхъ переворотовъ благоразумнымъ предупрежденіемъ и уступками, что указъ 1-го февраля, полезный по своему направленію, можетъ быть недостаточенъ и что онъ это уже знаетъ и охотно выслушаетъ ихъ замѣчанія,—однимъ словомъ, что надо дѣйствовать. Депутаты, наученные примѣромъ витебскихъ своихъ сосѣдей, отвѣтили, что они не уполномочены ни на что кромѣ какъ на принесеніе благодарности и сверхъ того не достаточно приготовлены къ разсужденіямъ такого рода. Тогда Государь одобрилъ этотъ отвѣтъ, прибавивъ, что витебцы, напротивъ, много наобѣщали и ничего не сдѣлали, и отпустилъ ихъ, сказавъ, чтобы они сообщили объ этомъ другимъ дворянамъ, но *келейно*, и повторилъ нѣсколько разъ послѣднее выраженіе. Старшій депутатъ генералъ, отказавшись отъ всякаго въ этомъ участія, предоставилъ все Фонтону. Этотъ еще изъ Петербурга написалъ къ своему губернскому предводителю, который и сообщилъ о томъ дворянамъ. Слухъ дошелъ до народа, который началъ обнаруживать радость. Переписку Фонтонна съ предводителемъ взяли жандармы и все кончилось опять ничѣмъ,

только губернаторъ объявилъ циркуляромъ о приемѣ Государемъ смоленскихъ депутатовъ, о томъ что Государь изволилъ принять ихъ и милостиво спрашивалъ о положеніи губерніи, о средствахъ продовольствія, объ урожаѣ, торговлѣ, состояніи городовъ и пр. О всемъ же важномъ въ этомъ циркулярѣ не было, разумѣется, и помину. Этотъ циркуляръ Волковъ обѣщалъ мнѣ доставить. Такъ вотъ какъ, почтеннѣйшій, идетъ паше дѣло, а сколько еще дѣлается и готовится мнѣ и никому неизвѣстнаго, можно предполагать по этимъ же даннымъ. Говорятъ, что тульскій проектъ остался безъ всякаго дѣйствія, хотя, — я забылъ это сказать, — и Государь говорилъ смоленскимъ депутатамъ о многихъ проектахъ, которые признаны неудобными. Изъ всего этого, по моему убѣжденію, слѣдуетъ, что если ужъ начинать дѣлать что-нибудь, то надо начинать рѣшительно, т.-е. просто явиться на собраніе съ предложеніемъ и положить его на губернской столъ, а не спрашивать согласія у министра, который навѣрно откажетъ. Если опасно почему бы то ни было сдѣлать это салто-мортале одному, то приищите единомышленниковъ, — человекъ десять было бы очень достаточно, — не то совѣтую оставить. Будемъ ждать нашихъ московскихъ выборовъ и выступимъ: одинъ Кобылинъ отвѣчалъ мнѣ человекъ за пятьдесятъ. Одного только бояться можно, что до нашего срока многое уже подѣлается безъ участія дворянъ, а въ этомъ увѣренъ. Кто же виноватъ, какъ не сами?!”

Предложеніе свое рязанскому дворянству Ал. Ив. предъявилъ въ сентябрѣ губернскому предводителю, который пришелъ отъ него въ ужасъ и объявилъ, что безъ разрѣшенія изъ Петербурга онъ, конечно, не рѣшится передать предложеніе Кошелева на обсужденіе дворянства.

Въ виду противодѣйствія со стороны губернскаго предводителя, Ал. Ив. рѣшился самъ обратиться къ министру внутреннихъ дѣлъ съ ходатайствомъ о разрѣшеніи внести свое предложеніе на обсужденіе рязанскаго дворянскаго собранія. Письмо министру, написанное Ал. Ив. въ октябрѣ 1847 года, напечатано въ Приложеніи. Какъ письмо, такъ и самое предложеніе вызвали большое неудовольствіе на Кошелева со стороны мѣстнаго дворянства. „Я нисколько не скрывалъ, — говорятъ Ал. Ив. въ своихъ „Запискахъ“, — объ этомъ моемъ намѣреніи и даже охотно сообщалъ какъ проектъ, такъ и черновое письмо къ министру; губернской же предводитель дво-

ринства усердно рассказывалъ всѣмъ, кого онъ только видѣлъ, о моихъ злостныхъ намѣреніяхъ и дѣйствіяхъ. А потому и не удивительно, что слухъ о нихъ быстро распространился по губерніи. Благородное дворянство негодовало, находило, что за это мало меня четвертовать, и готовилось, въ предстоящемъ собраніи, излить на меня всю свою желчь“ („Зап.“, 65). Но излить свою желчь дворянству не пришлось, такъ какъ внесеніе предложенія запрещено было Ал. Ив-чу изъ Петербурга. Въ ноябрѣ Кошелевъ получилъ отъ Перовскаго, тогдашняго министра внутреннихъ дѣлъ, отношеніе, которымъ онъ сообщилъ, что докладывалъ о предложеніи Государю Императору, и что хотя оно вполнѣ согласно съ видами правительства, однако Его Величество находитъ неудобнымъ въ настоящее время подвергать это дѣло обсужденію дворянства. Къ этому министръ присовокупилъ, что еслибы Кошелевъ желалъ подать такой благой примѣръ по своимъ имѣніямъ, то такія его дѣйствія вполнѣ заслужили бы одобреніе Его Величества. Вслѣдствіе приглашенія, заявленнаго въ приведенномъ выше отвѣтѣ министра внутреннихъ дѣлъ на ходатайство Кошелева о разрѣшеніи представить предложеніе дворянству,—приглашенія, которымъ разрѣшалось ему заключить съ крестьянами условіе для обращенія ихъ во временно-обязанные,—Ал. Ив., какъ видно изъ его „Записокъ“ (66—67), въ 1850 году представилъ министру проектъ освобожденія крестьянъ его съ землею и съ выдачею ему выкупныхъ денегъ по 40 руб. ср. за десятину (Прилож. шестое). На проектъ этотъ Кошелевъ не получилъ никакого отвѣта. Чтобы покончить съ попытками Ал. Ив. къ освобожденію принадлежащаго ему имѣнія, мы должны забѣжать нѣсколько впередъ. Въ 1856 г. Ал. Ив. представилъ Государю свой проектъ объ освобожденіи крестьянъ, о которомъ мы будемъ говорить въ своемъ мѣстѣ. Но, не ожидая исхода въ видѣ законодательной общей мѣры, Ал. Ив. 29 марта 1857 года обратился съ письмомъ къ министру внутреннихъ дѣлъ С. С. Ланскому объ освобожденіи крестьянъ его имѣнія на условіяхъ, изложенныхъ въ письмѣ. Переписку по этому поводу Ал. Ив. съ министромъ внутр. дѣлъ С. С. Ланскимъ мы печатаемъ въ Приложеніяхъ (Прилож. VII). Документы эти крайне интересны и для разъясненія взгляда самого Ал. Ив. на освобожденіе крестьянъ въ разные эпохи его дѣятельности, и для охарактеризованія отношеній къ этому дѣлу самого министерства, въ

періодъ непосредственно предшествовавшій изданію Высочайшихъ рескриптовъ на имя дворянства объ освобожденіи крестьянъ.

Само собою разумѣется, что, приглашая другихъ къ освобожденію дворовыхъ людей на основаніи указа 12 іюня 1844 года, Ал. Ив. признавалъ нужнымъ выполнить эту мѣру въ своихъ имѣніяхъ. Но на дѣлѣ оказалось, что въ ревизскихъ сказкахъ много дворовыхъ записаны были крестьянами и потому не подлежали увольненію, и наоборотъ. Чтобы помочь этому неудобству, Ал. Ив. въ 1849 году написалъ къ министру внутреннихъ дѣлъ письмо, въ которомъ онъ высказывалъ необходимость измѣненія указа о дворовыхъ людяхъ въ слѣдующемъ видѣ. Правительство, при изданіи упомянутаго указа, именно и неоднократно упомянуло „показанныхъ дворовыми по 8-й народной переписи“, потому что оно имѣло опасеніе, чтобы помѣщики не перевели теперь значительное количество крестьянъ въ дворовыхъ и тѣмъ не причинили убытка и казнѣ и кредитнымъ установленіямъ. Потому необходимо, въ предупрежденіе сихъ злоупотребленій, постановить слѣдующія правила:

1. Со дня изданія Высочайшаго указа, который по сему предмету имѣетъ состояться, воспретить помѣщикамъ изъ крестьянъ брать во дворъ.

2. Дворовыми имѣютъ быть показаны тѣ люди, которые не имѣютъ у себя въ надѣлѣ участковъ полевой земли или вообще постоянной осѣдлости.

3. Крестьянинъ взятый во дворъ послѣ состоянія сего указа получаетъ чрезъ то самое свободу.

4. Крестьянинъ показанный неправильно въ дворовыхъ также чрезъ то самое получаетъ свободу.

5. Перечисленіе въ дворовые должно быть произведено безъ раздробленія семействъ.

Отвѣта на это не послѣдовало. Тѣмъ не менѣе, какъ видно изъ письма къ министру внутреннихъ дѣлъ, отъ 17 апрѣля 1857 года, Ал. Ив. отпустилъ на волю до того времени болѣе 200 душъ обоего пола, но за какое именно вознагражденіе—неизвѣстно.

Такимъ образомъ въ средѣ дворянства въ періодъ сороковыхъ годовъ распрострапялось движеніе, вызванное самимъ правительствомъ. Замѣчательно, что мысль объ учрежденіи выборныхъ изъ дворянства губернскихъ комитетовъ для разрѣшенія крестьянскаго вопроса подсказывалась самою жизнью и вездѣ принята была какъ

подготовительная мѣра. Общее направленіе предполагаемыхъ улучшеній дано было правительственною программой въ видѣ учрежденія инвентарей въ Западныхъ губерніяхъ и устройства обязанныхъ крестьянъ. А потому предполагаемыя улучшения не шли далѣе регулированія крестьянскихъ повинностей или освобожденія въ видѣ обязанныхъ крестьянъ съ возможно малымъ надѣломъ, въ одну десятину на душу или до двухъ десятинъ, какъ это было установлено закономъ 8 ноября 1847 года о правѣ крестьянъ выкупаться на свободу, при продажѣ имѣній съ публичнаго торга. Но само же, вызвавшее это движеніе, правительство „рѣшительно прекратило“ всѣ дѣйствія дворянства по этому предмету. Извѣстно, какимъ гнетомъ революція 1848 года отозвалась на всякомъ проявленіи русской мысли. Небольшая кучка Петрашевцевъ, занятая теоретическою разработкой социальныхъ вопросовъ, была достаточно, чтобы обще распространенное предположеніе о связи крестьянскаго вопроса съ революціей обратить въ неопровержимый и грозный фактъ, въ силу котораго всякая попытка къ какому-либо измѣненію существующихъ отношеній между помѣщиками и крестьянами дѣломъ или печатнымъ словомъ стала рассматриваться какъ политическое преступленіе, и крестьянскій вопросъ окончательно затормозился впредь до новаго царствованія.

Остановленный въ самомъ началѣ своей практической дѣятельности, Ал. Ив., подобно всѣмъ мыслящимъ людямъ сороковыхъ годовъ, ушелъ въ отвлеченныя сферы и тѣснѣе прижмулъ къ Хомякову и Кирѣевскому.

По всѣмъ признакамъ, славянофильское ученіе главнымъ образомъ выработывалось въ началѣ сороковыхъ годовъ, когда къ Хомякову и Кирѣевскимъ присоединились новыя силы въ лицѣ К. С. Аксакова и Ю. Ѳ. Самарина, такъ что Ал. Ив., вошедшій въ это ученіе послѣ своего возврата къ умственнымъ занятіямъ въ 1847 году, нашелъ его уже до извѣстной степени сложившимся. Въ предисловіи къ напечатанію писемъ, написанныхъ къ нему Хомяковымъ, Кошелевъ говоритъ: „Самыми интересными для читателей письмами были бы тѣ, которыя писалъ ко мнѣ Хомяковъ въ тѣ времена, когда мы были различныхъ мнѣній или когда я только переходилъ отъ своихъ прежнихъ убѣжденій и *нуждался въ его разъясненіяхъ и указаніяхъ*. Эти письма сороковыхъ годовъ были чрезвычайно хороши и интересны; они мною сообщались многимъ, ко-

торые ихъ читали, даже переписывали и по большей части зачитывали. Къ сожалѣнiю, я не нашелъ этихъ писемъ въ своихъ бумагахъ“ („Русск. Арх.“ 1879, III). Въ бумагахъ Ал. Ив. сохранилась только часть его переписки по теоретическимъ вопросамъ и нѣсколько относящихся сюда черновыхъ набросковъ, которыми мы воспользуемся. Жаль, что скудость матеріаловъ не позволяетъ совершенно ясно и опредѣленно выдѣлить, что именно принялъ Ал. Ив. изъ славянофильскаго ученiя и что въ свою очередь онъ далъ для его развитiя. Но во всякомъ случаѣ отвѣтъ на этотъ вопросъ мы должны начать съ краткаго изложенiя сущности славянофильскаго ученiя.

Славянофилы не ограничивались, подобно западникамъ, послушнымъ и пассивнымъ преклоненiемъ предъ результатами европейскаго строя и отрицательнымъ отношенiемъ къ русской жизни: требуя для послѣдней самобытности, они должны были, такъ или иначе, затронуть живые интересы современной обстановки и найти ихъ рѣшенiе въ самой народной средѣ. Въ этомъ смыслѣ Герцень совершенно справедливо замѣтилъ, что славяне приближались съ противоположной стороны къ тѣмъ же жизненнымъ вопросамъ, которые занимали насъ (кружокъ Герцена), были гораздо больше ихъ (западниковъ) ринуты въ живое дѣло и въ настоящую борьбу. Славянофильство прежде всего было послѣдовательный, смѣлый, страстный и потому самому иногда односторонний и переходящій въ крайность протестъ противъ безусловнаго и постояннаго приимѣненiя цѣльнаго строя западнаго просвѣщенiя и неразрывно съ нимъ связаннаго отрицательнаго направленiя къ русской жизни въ ея прошедшемъ и настоящемъ, во имя самобытности и историческаго развитiя русскаго народа. Славянофилы отрицали все то, что признавали несомнѣннымъ ихъ противники. Западники преклонялись предъ западнымъ образованiемъ какъ предъ единственнымъ вѣковымъ наслѣдiемъ общечеловѣческой культуры, а въ европейскомъ Западѣ видѣли верховнаго рѣшителя мировыхъ судебъ; славянофилы это западное образованiе признавали ложью, а будущее развитiе человечества предоставляли славянскому племени и во главѣ его Россiи. Западники проповѣдывали государство основанное на возможно неограниченномъ проявленiи личности (индивидуализмѣ) и на формальномъ значенiи права (на юридическихъ началахъ); славянофилы защищали подчиненiе личности общинному началу, неприкосновенность обычая и преданiя, внутреннюю прав-

ду, которую они ставили выше внѣшней правды, созидаемой закономъ. Западники поражались грандіозностью западной исторіи и могучею силой ея великихъ дѣятелей; славянофилы заявляли, что русскій человѣкъ не прославляетъ человѣка съ его дѣлами, а прославляетъ Бога, достоинство русскаго человѣка — его смиреніе, исторія его — исторія святыхъ. Очевидно, это было со стороны славянофиловъ полное и ничѣмъ не стѣсняющееся отрицаніе воззрѣній противниковъ, возможное только въ моментъ страстной проповѣди. Славянофилы сами не могли убѣдиться въ крайностяхъ, приросшихъ къ ихъ ученію подобно шелухѣ, нужной для прикрытія зерна во время его роста и отбрасываемой, когда зерно созрѣетъ и поступаетъ въ употребленіе, и потому сами славянофилы иногда впадали въ противорѣчіе. Но именно страстностью этого крайняго и ничѣмъ не стѣсняющагося протеста и были сильны славянофилы. Еслибъ они дѣйствовали спокойными и умѣренными разсужденіями, еслибъ они дожидались основательныхъ розысканій, то кто же бы на нихъ обратилъ вниманіе? Противники славянофиловъ, вооруженные всѣмъ запасомъ западнаго просвѣщенія, были настолько сильны и положительными знаніями, и поддержкою стоявшаго на ихъ сторонѣ общественнаго мнѣнія, и привычкой общества къ ихъ авторитету, что спокойный и разсудительный споръ не обратилъ бы ничьего вниманія. А страстная проповѣдь славянофиловъ не осталась безъ вліянія на самыхъ сильныхъ представителей западнаго лагеря, заставляя ихъ глубже провѣрить свои собственныя убѣжденія, и тѣмъ болѣе она дѣйствовала на массу, на которую проповѣдь всегда дѣйствуетъ сильнѣе осторожнаго и холоднаго разсужденія; и притомъ чѣмъ проповѣдь больше вдается въ крайность и приковываетъ къ себѣ оригинальностью и смѣлостью, тѣмъ вліяніе ея на первыхъ порахъ сильнѣе. Дѣятельность славянофиловъ была тоже отрицаніе, но совсѣмъ иного рода. Отрицаніе жизни какой бы то ни было, а тѣмъ болѣе цѣлаго народа, есть разрывъ, а слѣдовательно смерть; изъ такого отрицанія ничего не можетъ выйти, — отрицающій жизнь умеръ, какъ отшельникъ бѣгушій въ пустыню. Отрицаніе въ мышленіи есть актъ возрожденія, поворотъ со стараго пути на новый, таковъ неизбѣжный въ неуклонномъ прогрессѣ человѣческаго мышленія. Въ этомъ отношеніи Герценъ правъ, когда онъ утверждаетъ, что „съ славянофиловъ начался поворотъ русской мысли“. Безъ сомнѣнія, не исклю-

чительно славянофилы были виною поворота къ народности, замѣчаемаго въ литературѣ и обществѣ съ конца сороковыхъ годовъ, но, безъ сомнѣнія, имъ въ этомъ принадлежитъ значительная и въ хронологическомъ смыслѣ первенствующая доля.

Но эту отрицательную стороною не исчерпывается значеніе славянофильства. Положительная сторона ученія славянофиловъ обнимала въ сущности тѣ основныя положенія, которыя высказаны были въ коронаціонномъ манифестѣ императора Николая: православіе, самодержавіе и народность. Поэтому Бѣлинскій, а за нимъ вся масса его читателей, главнымъ упрекомъ славянофиламъ ставили, что они просто вторили безусловно официальной народности (Пып.: „Бѣл.“, II, 220) и такимъ образомъ открыто заявляли себя врагами истиннаго и свободнаго просвѣщенія. Въ то время это было довольно понятно, такъ какъ въ печати ученіе славянофиловъ почти не появлялось и Бѣлинскій смѣшивалъ славянофиловъ съ „Москвитяниномъ“. Напротивъ полиція въ этомъ случаѣ оказывалась проидательнѣе. Въмѣсто того, чтобы покровительствовать славянофиламъ, въ качествѣ сторонниковъ официальной народности, полиція не спускала съ нихъ глазъ и всякое ихъ изданіе подвергалось или самому строгому цензурному исправленію, или, еще чаще, совершенному запрещенію, ибо полиція хорошо чувствовала подъходящими выраженіями официальной народности что-то другое...

Прежде всего скажемъ, какія были религіозныя убѣжденія у славянофиловъ и что такое было ихъ православіе.

Религіозное убѣжденіе есть субъективное состояніе свободной воли человѣка, обуславливаемое различными весьма сложными факторами его внутренней жизни и внѣшней обстановки; оно не подлежитъ критикѣ, съ нимъ можно соглашаться или не соглашаться, но полемизировать и бесполезно, и неумѣстно. Поэтому я ограничиваюсь тѣмъ, что постараюсь, насколько съумѣю, правильно изложить сущность религіознаго возрѣнія Хомякова, какъ главнаго представителя религіозно-философскаго направленія кружка, не касаясь стороны чисто-догматической. Славянофилы вообще выросли въ семьяхъ, гдѣ набожность—не только традиціонная, но искренняя—оставалась въ полной силѣ, и потому съ равнаго младенчества окружены были православно-религіозною атмосферой. О своей матери и вліяніи ея на него Хомяковъ писалъ, послѣ ея кончины, М. С. Мухановой: „Много настрадалась она въ своей

жизни и тяжело было ей поприще, прежде чѣмъ она пришла къ отдыху; но и не бесполезна была эта жизнь и много добрыхъ воспоминаній связано съ нею. Она, смѣю это сказать, была благороднымъ и чистымъ образчикомъ своего времени, и въ силѣ ея характера было что-то принадлежащее эпохѣ болѣе крѣпкой и смѣлой, чѣмъ эпохи послѣдовавшія. Что до меня касается, то знаю, что во сколько могу я быть полезенъ, ей обязанъ я и своимъ направлениемъ, и своею неуклонностью въ этомъ направленіи, хотя этого она и не думала. Счастливъ тотъ, у кого была такая мать и наставница въ дѣтствѣ, и въ то же время какой урокъ смиренія даетъ такое убѣжденіе! Какъ мало изъ того добраго, что есть въ человѣкѣ, принадлежитъ ему! И мысли по большей части сборныя, и *направленіе мыслей заимствованное отъ первоначальнаго воспитанія*. Что же его собственное?“ („Русск. Арх.“ 1879, 356—357). При этомъ, по своей впечатлительной и наклонной къ мечтательности природѣ, Хомяковъ еще мальчикомъ увлекался религиозными представленіями. Въ письмахъ къ Пальмеру Хомяковъ говорить о себѣ: „Я, воспитанный въ благочестивой семьѣ и въ особенности набожною матерью, былъ приученъ всѣмъ сердцемъ участвовать въ этой чудной молитвѣ церковной. Когда я былъ еще очень молодъ, почти ребенкомъ, мое воображеніе часто воспламенялось надеждою увидѣть весь міръ христіанскій соединенный подъ однимъ знаменемъ истины“ (II, 300). Затѣмъ въ теченіе всей жизни, по выраженію Самарина, Хомяковъ „жилъ въ церкви“, исполняя всѣ ея предписанія до малѣйшихъ обрядовъ, которые Хомяковъ считалъ за „художественный символъ внутренняго единства“ (I, 28). „Церковь,—говоритъ Самаринъ,—была для Хомякова живымъ средоточіемъ, изъ котораго исходили и къ которому возвращались всѣ его помыслы; онъ стоялъ передъ ея лицомъ и по ея законамъ творилъ надъ самимъ собою внутренній судъ; всѣмъ что было для него дорого—онъ дорожилъ по отношенію къ ней; ей служилъ, ее оборонялъ, къ ней прочищалъ дорогу отъ заблужденій и предубѣжденій, всѣмъ ея радостямъ радовался, всѣми ея страданіями болѣлъ внутренно, глубоко, всею душою“ (Хомяковъ, II, XVI—XVII). Самъ Хомяковъ придавалъ преобладающее значеніе вѣрѣ въ направленіи и жизни человѣка: „Человѣкъ признаетъ въ себѣ высшую, духовную жизнь; онъ сочувствуетъ съ міромъ, стремится къ источнику всякаго событія и всякой правдѣ, возвышается

до мысли о божествѣ и въ ней находить вѣнецъ всего своего существованія. Темно ли, ясно ли его понятіе, вѣчной ли истинѣ или мимолетному призраку приносить онъ свое поклоненіе, во всякомъ случаѣ *тѣра составляетъ предѣлъ его внутреннему развитію*. Изъ ея круга онъ выйти уже не можетъ, потому что вѣра есть высшая точка всѣхъ его помысловъ, тайное условіе его желаній и дѣйствій, крайняя черта его знаній. Въ ней его будущность, личная и общественная, въ ней окончательный выводъ всей полноты его существованія, разумнаго и всемірнаго“ (III, 8). Вліяніе Хомякова въ религиозномъ отношеніи на другихъ было очень значительно. Самаринъ, въ своемъ „предисловіи“ къ богословскимъ сочиненіямъ Хомякова, говоритъ: „Слѣдъ онъ оставилъ и, думаемъ, слѣдъ неизгладимый, къ которому рано или поздно обратятся всѣ; вліяніе онъ имѣлъ и вліяніе огромное, хотя можетъ-быть пока еще не вполне замѣченное, и не столько въ ширину, сколько въ глубину, если не на многихъ, то очень сильное и прочное. Для людей безразлично равнодушныхъ къ вѣрѣ Хомяковъ былъ страшенъ и смѣшонъ; для людей оказывающихъ вѣрѣ свое высокое покровительство онъ былъ невыносимъ,—онъ безпокоилъ ихъ; для людей сознательно и, по-своему, добросовѣстно отвергающихъ вѣру онъ былъ живымъ возраженіемъ, предъ которымъ они становились въ тупикъ; наконецъ, для людей сохранившихъ въ себѣ чуткость неповрежденнаго религиознаго смысла, но запутавшихся въ противорѣчіяхъ, Хомяковъ былъ своего рода эмансипаторомъ, онъ выводилъ ихъ на просторъ, на свѣтъ Божій, и возвращалъ имъ цѣльность религиознаго сознанія“ (Хом. соч. II, XIX, XX, XXIII). Точно также Кирѣевскій ставитъ церковь верховнымъ началомъ: „Для православномыслящаго,—говоритъ И. Кирѣевскій,—ученіе церкви не пустое зеркало, которое для каждой личности отражаетъ ея очертаніе, не Прокустова постель, которая уродуетъ живыя личности по одной условной мѣркѣ, но высшій идеаль, къ которому можетъ только стремиться вѣрующій разумъ, конечный край высшей мысли, руководительная звѣзда, которая горитъ на высотѣ неба и, отражаясь въ сердцѣ, освѣщаетъ разуму его путь къ истинѣ“ (Соч. II, 308—309). Что же это за церковь и что за православіе, которое исповѣдывали славянофилы? Въ своемъ „Опытѣ катехизическаго ученія о церкви“ Хомяковъ говоритъ: „Церковь едина и свята, потому что она принадлежитъ всему міру, а не какой-нибудь мѣстности, потому что

ею святится все человечество и вся земля, а не одинъ какой-нибудь народъ или не одна страна“ (II, 5). Поэтому подъ словомъ *русское православіе* Хомяковъ понималъ сохраненіе чистоты исповѣданія, т.-е. неизмѣнность ученія древней вселенской церкви до ея раздѣленія, а не политическое знамя, которымъ русскій народъ и всѣ единовѣрцы отличаются отъ всѣхъ другихъ иновѣрцевъ. Въ одномъ изъ писемъ своихъ къ Ю. Ѡ. Самарину Хомяковъ ставитъ въ упрекъ К. С. Аксакову, что его православіе, хотя искреннее, имѣетъ характеръ слишкомъ мѣстный, *народный*, слѣдов. не вполне достойный („Рус. Арх.“ 1879, III, 330). Православіе,—говоритъ Хомяковъ,—понимаетъ полноту христіанства въ тождествѣ единства и свободы, проявляемомъ въ законѣ духовной любви; всякое другое понятіе о христіанствѣ отнынѣ сдѣлалось невозможнымъ. Представителемъ этого понятія является Востокъ, по преимуществу же земли славянскія и во главѣ ихъ наша Русь (I, 152). Эти принципы *любви* и *свободы* дѣйствительно славянофилы считали краеугольнымъ камнемъ своего ученія. Этими же признаками православіе славянофиловъ отличается отъ оффиціальнаго православія, о чемъ упоминаетъ и самъ Хомяковъ: „Было бы лучше, еслибъ у насъ было поменьше оффиціальной политической религіи (II, 340). Тамъ не можетъ быть толковъ о политическомъ значеніи религіи, гдѣ неизмѣнно соблюдается основное положеніе Хомякова: „въ дѣлахъ вѣры принужденное единство есть ложь, а принужденное послушаніе есть смерть“ (II, 127). Самаринъ, въ предисловіи къ его изданію богословскихъ сочиненій Хомякова, говорить: „Требованіе отъ вѣры какой-нибудь полицейской службы есть не что иное какъ проповѣдь невѣрія, можетъ быть опаснѣйшая изъ всѣхъ по ея общепонятности. У насъ и эта проповѣдь дѣлала свое дѣло“ (Хом. соч. II, VIII).

Признавши вѣру за исходную точку и верховное начало всей своей внутренней личной жизни, славянофилы должны были подъявить ей всѣ сферы мышленія и дѣятельности человеческой. Хомяковъ говорить: „всякое народное просвѣщеніе опредѣляется народною личностью, т.-е. живою сущностью народной мысли; болѣе же всего опредѣляется она тою вѣрою, которая въ немъ является предѣломъ его разумнія“ (Соч. I, 80). „Характеръ господствующей философіи, — говоритъ Кирѣевскій, — зависитъ отъ характера господствующей вѣры; гдѣ философія и не происходитъ непосред-

ственно отъ вѣры, гдѣ даже является ея противорѣчіемъ, философія все-таки рождается изъ того особеннаго настроенія разума, которое сообщено ему особеннымъ характеромъ вѣры“ (II, 306). Философія не есть одна изъ наукъ и не есть вѣра: она — общій итогъ и общее основаніе всѣхъ наукъ и проводникъ мысли между ними и вѣрою (313). Даже литература, „слово,—по мнѣнію Хомякова,—не развивается нигдѣ безъ свѣтлой теплоты живаго богопочитанія“ (III, 521).

Такимъ образомъ, по мнѣнію славянофиловъ, всѣ стороны умственной и бытовой жизни народа подчиняются *вѣрѣ*; на этомъ основаніи воззрѣніе славянофиловъ получило характеръ *религіознаго спиритуализма*. Исходя изъ такой зависимости образованія отъ вѣры и признавая за истинную вѣру только православіе, а всѣ остальные за ересь или расколъ, славянофилы должны были прійти а ргіогі, и дѣйствительно пришли, къ заключенію объ односторонности и, слѣд., ложности всей западной цивилизаціи. „Если въ самомъ религіозномъ началѣ Запада, т.-е. въ сліянніи одностороннепонятаго христіанства съ одностороннею образованностью (грекоримскою), скрывался неизбѣжный раціонализмъ (а въ томъ нѣтъ никакого сомнѣнія), всѣ прочія начала должны были равнѣ или позже покориться ему, ибо таково свойство того логическаго механизма, того „самодвижущагося ножа“, который называется раціонализмомъ, что, будучи разъ допущенъ въ сердцевину человѣческаго мышленія и въ высшую область его духовныхъ помысловъ, оный долженъ по необходимости подрѣзывать и сокрушить все живое и безусловное, всю, такъ сказать, органическую растительность души, и оставить около себя только безотрадную пустыню“ (Хомяк. соч. I, 202—203). Такой выводъ, призывающій къ отвѣтственности за религіозныя убѣжденія всю умственную и соціальную дѣятельность не только отдѣльныхъ народовъ, но цѣлой половины человѣчества, и притомъ самой образованной, едва ли оправдывается духомъ христіанскаго ученія. По ученію церкви, только тотъ, кто нашелъ въ себѣ силы и желаніе призвать на себя божественную благодать, становится вмѣстилищемъ истины и членомъ духовной общины вселенской православной церкви, не прикрѣпленной ни къ какой національности: могій вмѣстити да вмѣститъ. Когда Иисусу Христу предложенъ былъ вопросъ о податяхъ, т.-е. общественный интересъ, на обсужденіе, Спаситель отвѣчалъ: „воздадите кесарево кесареву, а

Божіе Богови“. Такимъ образомъ государство и вѣра поставлены совершенно отдѣльно другъ отъ друга. Христіанство ставитъ *человѣка* не только внѣ національности и общины, но внѣ всѣхъ условій внѣшняго міра, исполненнаго грѣха и соблазна; озаряя его внутреннюю душу, христіанство оттуда освѣщаетъ всѣ его личные дѣйствія въ общественной средѣ. Этимъ мы, конечно, не хотимъ сказать, что христіанство не имѣло цивилизующаго вліянія на общество,—такая нелѣпость ни одному здравомыслящему человѣку не можетъ придти въ голову. Но, помимо міроваго значенія христіанства для народовъ, среди которыхъ оно никогда не осуществлялось въ полнотѣ своего духа, догматическая истина христіанства не можетъ служить критеріумомъ для общественной дѣятельности. Православіе не помѣшало осуществленію въ русской исторіи всѣхъ ея темныхъ сторонъ; догматическое заблужденіе католицизма и протестантства не мѣшало западу Европы стать во главѣ просвѣщенія. Между тѣмъ перенесеніе религіознаго настроенія въ непринадлежащую ему сферу привело славянофиловъ къ неоправдываемому дѣйствительностью идеализированію русскаго народа, къ отыскиванію въ немъ особыхъ, ему исключительно принадлежащихъ добродѣтелей, къ возвеличенію неизвѣстной будущей судьбы русскаго народа въ качествѣ носителя какихъ-то новыхъ началъ, которымъ суждено обновить человѣчество, къ неспокойно-враждебному отношенію къ другимъ національностямъ, у которыхъ все дурно, потому что оно развилось на ихъ почвѣ, а у насъ все хорошо, потому что родилось у насъ. Конечно, этотъ религіозный оттѣнокъ, не сросшійся органически со многими даже изъ главныхъ положеній славянофильскаго ученія, можетъ быть легко устраненъ, безъ вреда для сущности дѣла, но именно этотъ религіозный оттѣнокъ былъ и источникомъ недоразумѣнія, и поводомъ къ дискредитированію самаго ученія. Такое неподходящее основаніе кидалось прежде всего въ глаза и заставляло предполагать, что вся система, на немъ построенная, не включаетъ въ себѣ ничего достойнаго изученія.

Изъ ученія о вѣрѣ Хомякова мы остановимся на двухъ сторонахъ—на отношеніи вѣры къ знанію и къ государству.

По словамъ Самарина въ предисловіи къ изданію богословскихъ сочиненій Хомякова, послѣдній отличался рѣдкою и замѣчательною гармоніей между искреннимъ религіознымъ убѣжденіемъ

и полною свободой изслѣдованія. „Хомякову были коротко извѣстны и пантеизмъ, и матеріализмъ во всѣхъ ихъ видахъ; онъ зналъ, къ какимъ результатамъ пришла современная ему наука какъ въ изслѣдованіи явленій природы, такъ и въ крѣпическомъ разборѣ Священнаго Писанія и церковныхъ преданій; наконецъ, онъ провелъ много лѣтъ въ изученіи исторіи религій,—слѣдовательно, въ обращеніи съ тою измѣнчивою, вѣчно волнующеюся стороною человѣческихъ вѣрованій, которая, повидимому, такъ убѣдительно свидѣлствуетъ противъ какой бы то ни было истины непреложной и не подлежащей законамъ историческаго развитія; и при всемъ томъ его религіозныя убѣжденія не пошатнулись,—онъ устоялъ въ нихъ. Хомяковъ не только дорожилъ вѣрою, но онъ вмѣстѣ съ тѣмъ питалъ несомнѣнную увѣренность въ ея *прочности*, оттого онъ ничего не боялся, онъ всегда и на все смотрѣлъ во всѣ глаза, никогда ни передъ чѣмъ не жмурился ихъ, ни отъ чего не отмаливался и не кривилъ душой предъ своимъ сознаніемъ. Вполнѣ свободный, то-есть вполнѣ правдивый въ своемъ убѣжденіи, онъ требовалъ той же свободы, того же права быть правдивымъ—и для другихъ“ (Соч. Хом. II, XX—XXI). Самъ Хомяковъ говорилъ по этому поводу: „Правда, опасная дѣятельность разума человѣческаго не разъ потрясала весь міръ христіанскій, но безъ нея человѣкъ—не человѣкъ и, управляемая любовью къ божественной истинѣ, она сама испѣляетъ раны, нанесенныя ея временнымъ злоупотребленіемъ“ (Соч. I, 215).

Съ общей теоретической точки зрѣнія, вопросъ объ отношеніи вѣры къ знанію Хомяковъ формулируетъ слѣдующимъ образомъ: „Апостолы свободное изслѣдованіе дозволяли, даже вмѣняли въ обязанность; святые отцы свободнымъ изслѣдованіемъ защищали истины вѣры; свободное изслѣдованіе, такъ или иначе понятое, составляетъ единственное основаніе истинной вѣры. Всякое вѣрованіе, всякая смыслящая вѣра есть актъ свободы и непремѣнно исходитъ изъ предварительнаго, свободнаго изслѣдованія, которому человѣкъ подвергъ явленія внѣшняго міра или внутреннія явленія своей души, событія минувшихъ временъ или свидѣтельства своихъ современниковъ“ (II, 48). Въ другомъ мѣстѣ Хомяковъ объясняетъ и дополняетъ свою мысль: „хотя, придерживаясь общепринятыхъ опредѣленій, я призналъ право изслѣдованія данныхъ, на которыхъ зиждется вѣра и ея тайны, однако я этимъ отнюдь не думалъ оправды-

вать того значенія, какое придается слову „изслѣдованіе“ (examen) въ западныхъ исповѣданіяхъ. Вѣра всегда есть слѣдствіе *откровенія опознающаго*, т.-е. признаннаго за откровеніе; она есть созерцаніе факта невидимаго, проявленнаго въ фактѣ видимомъ; вѣра не то что *твореніе* или *убѣжденіе* логическое, основанное на выводахъ, а гораздо болѣе; вѣра не есть актъ одной познавательной способности, отрѣшенной отъ другихъ, но *актъ всѣхъ силъ разума*, охваченнаго и стѣсненнаго до послѣдней его глубины живою истиною откровеннаго факта. Вѣра не только мыслится или чувствуется, но, такъ сказать, и мыслится и чувствуется вмѣстѣ,—словомъ, это не одно познаніе, но познаніе и жизнь. Очевидно поэтому, что и процессъ изслѣдованія, въ примѣненіи его къ вопросамъ вѣры, отъ нея же заимствуетъ существенное ея свойство и всецѣло отличается отъ изслѣдованія въ обыкновенномъ значеніи этого слова. Во первыхъ, въ области вѣры міръ, подлежащій изслѣдованію, не есть міръ для человѣка внѣшній, ибо самъ человѣкъ, и весь человѣкъ, всею цѣлостью разума и воли, принадлежитъ къ этому міру, какъ существенная часть его. Вторыхъ, изслѣдованіе въ области вѣры предполагаетъ нѣкоторыя основныя данныя, нравственныя или рациональныя, стоящія для души выше всякаго сомнѣнія. Въ сущности изслѣдованіе есть не что иное какъ процессъ разумнаго раскрытія этихъ данныхъ; ибо сомнѣніе полное, не знающее границъ (пирронизмъ), еслибъ оно могло существовать въ дѣйствительности, исключало бы не только всякую возможность вѣры, но и всякую мысль о серьезномъ изслѣдованіи. Малѣйшая изъ этихъ данныхъ, будучи разъ допущена душою совершенно чистою, дала бы ей всѣ другія данныя, въ силу неотразимаго, хотя можетъ-быть и несознаннаго ею вывода. Исходное начало такого изслѣдованія— въ смиренномъ признаніи собственной немощи (соч. Хомяк. II, 56—57). Попытки проникнуть въ область вѣры и въ ея тайны, преднося предъ собою одинъ свѣтильникъ разума (раціонализмъ), есть дерзость въ глазахъ христіанина, не только преступная, но въ то же время безумная. Только свѣтъ съ неба сходящій и проникающій всю душу человѣка можетъ указать ему путь, только сила, даруемая Духомъ Божиимъ, можетъ вознести его въ тѣ неприступныя высоты, гдѣ является Божество“ (II, 52). Раціонализмъ Хомяковъ считаетъ главною причиною всѣхъ заблужденій въ дѣлѣ религіи и ему приписываетъ отпаденіе отъ православія другихъ

христіанскихъ исповѣданій. Но само собою разумѣется, что въ научныхъ изслѣдованіяхъ религіозный элементъ — вѣра — непосредственнаго участія не имѣетъ. Даже И. В. Кирѣевскій называетъ мистицизмомъ такое состояніе, гдѣ анализъ, во всѣхъ случаяхъ не имѣющихъ прямаго и непосредственнаго отношенія къ религіи, угнетается религіознымъ синтезомъ. Въ своей запискѣ объ общественномъ воспитаніи Хомяковъ говоритъ, между прочимъ, слѣдующее: „Всякая наука должна выговаривать свои современные выводы прямо и открыто, безъ унижительной лжи, безъ смѣшныхъ натяжекъ, безъ умалчиванія, которое слишкомъ легко можетъ быть обличено. Нѣтъ сомнѣнія, что показанія нѣкоторыхъ наукъ положительныхъ, какъ геологія, фактическихъ, какъ исторія, или умозрительныхъ, какъ философія, кажутся не совсѣмъ согласными съ историческими показаніями Священнаго Писанія или съ его догматическою системою. То же самое было и съ другими науками, и иначе быть не могло. Науки не свершили круга своего, и мы еще далеко не достигли до ихъ окончательныхъ результатовъ. Точно также не достигли мы и полнаго разумѣнія Священнаго Писанія. Сомнѣнія и кажущіяся несогласія должны являться; но только смѣлымъ допущеніемъ и вызовомъ наукъ къ дальнѣйшему развитію можетъ вѣра показать свою твердость и непоколебимость. Заставляя другія науки лгать или молчать, она подрываетъ не ихъ авторитетъ, а свой собственный. Въ системѣ инквизиціи религіозной вредны не столько ея жестокости, сколько робость и безвѣріе, которыя въ ней скрываются. Многое, что считалось противнымъ закону Божьему—теперь допущено и безвредно“ („Рус. Арх.“ 1879, I, 118—119).

Отношеніе вѣры къ знанію Хомяковъ старается уяснить еще другимъ философскимъ построеніемъ, выведеннымъ изъ анализа самаго акта сознанія человѣка. Хомяковъ человѣческой интеллектъ, „всецѣлый разумъ“ славянофиловъ, или духъ, раздѣляетъ на двѣ самостоятельныя и равноправныя способности или области: разумъ въ тѣсномъ смыслѣ или разсудокъ, какъ способность познавательную, и волю. Воля для человѣка принадлежитъ къ области *допредметной* (Соч. I, 279). Воля въ здоровомъ состояніи отдѣляетъ самосозданный предметъ отъ внѣшняго міра; отсутствіе ея или безсознательность въ больномъ уничтожаетъ границы для самого разумѣнія и сливаетъ образъ внутренняго и образъ внѣшняго въ одно

хаотическое безобразіе. Предметъ внѣшній не покоренъ волѣ; предметъ внутренній ею зарождается или ею управляется, когда онъ есть невольный отзвукъ внѣшняго. Воля владеть на него свою печать, и если этой печати нѣтъ, предметъ мысли обращается въ призракъ, въ фантазмъ или въ то, что мы называемъ видѣніемъ по преимуществу. Всякій предметъ, всякое познаваемое (въ качествѣ познаваемаго) одинаковы, всѣ поступаютъ въ человѣческое я, а за всѣмъ тѣмъ отношенія ихъ къ личному разумнію различны. Воля опредѣляетъ иные какъ *я и отъ меня*, другіе какъ *я, но не отъ меня*, обличая различіе *первоначалъ*, изъ которыхъ истекаетъ существованіе или измѣненіе самихъ познаваемыхъ предметовъ. Такъ воля сопровождаетъ каждое понятіе, такъ она обличаетъ первоначало, которое предшествуетъ явленію, и она одна ограничиваетъ дѣйствительные предѣлы личности. Познаніе разсудочное не-обнимаетъ дѣйствительности познаваемаго; познаваемое не содержитъ первоначала въ полнотѣ его силъ и, слѣдовательно, тѣмъ менѣе можетъ передать его знанію даже въ отвлеченности; а между тѣмъ мы говоримъ про эту дѣйствительность, про эти непроявляемыя силы и слѣдовательно знаемъ ихъ. Какое же это знаніе, которое не есть знаніе разсудка? Оно не имѣетъ самостоятельности, отрѣшенной отъ дѣйствительности познаваемаго, но за то оно проникнуто всею его дѣйствительностью и разумѣетъ самую связь этой дѣйствительности съ дѣйствительностью еще не проявленнаго первоначала; оно бьется всѣми біеніями жизни, принимая отъ нея все ея разнообразіе, и само проникаетъ ее своимъ смысломъ; оно самого себя и своихъ законовъ не доказываетъ; оно въ себѣ не сомнѣвается и сомнѣваться не можетъ; въ непроявленномъ оно чувствуетъ возможность проявленія, а въ проявленномъ узнаетъ вѣрность и законность проявленія въ отношеніи къ первоначалу; оно не похищаетъ области разсудка, но обогащаетъ разсудокъ всѣми данными для его самостоятельнаго дѣйствія и взаимно обогащается всѣмъ его богатствомъ; наконецъ, оно знаніе живое въ высшей степени и въ высшей степени неотразимое. Это еще не всецѣлый разумъ, ибо разумъ въ своей всецѣлости объемлетъ сверхъ того всю область разсудка: это—то, что въ германской философіи является иногда подъ весьма неопредѣленнымъ выраженіемъ непосредственнаго знанія (*das unmittelbare Wissen*),—то, что можно назвать знаніемъ внутреннимъ, но что, по

преобладающему характеру всей области, слѣдуетъ назвать *вѣрою*. Разумъ живъ воспріятіемъ явленія въ вѣрѣ и, отрѣшаясь, самъ воздѣйствуетъ на себя въ разсудкѣ; разумъ отражаетъ жизнь познаваемаго въ жизни вѣры, а логику его законовъ — въ діалектикѣ разсудка (I, 277—279).

Эта попытка объяснить волю какъ самостоятельную способность человѣка „допредметную“, т.-е. не имѣющую никакого отношенія къ чувственному міру, въ смыслѣ чисто-духовной субстанціи, дающей человѣку живое и истинное знаніе,—субстанціи, которая собственно есть переводъ на философскій языкъ христіанско-догматическаго ученія объ откровеніи,—не удалась Хомякову. Объясненіе свое Хомяковъ ничѣмъ не доказываетъ; приводимое имъ сравненіе, что слѣпой оптикъ можетъ опредѣлить законъ свѣта, но не знаетъ самого свѣта, тогда какъ его дворникъ видитъ и знаетъ самый свѣтъ,—какъ всякое сравненіе, нельзя считать за доказательство. Хомяковъ самъ замѣчаетъ, что „хотя существованіе воли, какъ силы, не подвержено никакому сомнѣнію, но существованіе ея, какъ силы свободной, не такъ явно. Многіе готовы признать ее за простое отношеніе частнаго центра къ силамъ общей периферіи, незамѣтно на него воздѣйствующей. *Сомнѣніе* это (?), также какъ сомнѣніе разума въ самомъ себѣ (уничтоженное Кантомъ), существуетъ не на дѣлѣ, а только на словахъ. Точно также какъ сомнѣніе разума въ самомъ себѣ дѣйствительно невозможно вслѣдствіе всей сферы разумныхъ дѣйствій, къ которымъ оно (т.-е. сомнѣніе) принадлежитъ; точно также и сомнѣніе въ волѣ невозможно для разума, вслѣдствіе всей сферы нравственныхъ сознаний, которая обусловлена сознаніемъ свободной воли и безъ него не могла бы существовать для разума даже въ смыслѣ призрака, или фантазма, или категоріи“. Такимъ путемъ, если даже признать его вѣрнымъ, можно только доказать *бытіе* воли, но никакъ не ея *существо*, ея отличительные признаки и характеръ дѣятельности. Хомяковъ продолжаетъ далѣе, въ видѣ объясненія трудности такой задачи: „Мнимое и на словахъ высказываемое сомнѣніе объясняется тѣмъ, что свободная воля, какъ допредметная сила мысли, никогда не можетъ перейти въ предметъ познаваемый діалектическимъ разсудкомъ; воторыхъ—потому, что она въ человѣкѣ неполна и несовершенна, какъ самый разумъ, и что частное (человѣкъ) только стремится воли, какъ оно стремится разумѣть;

ибо оно само есть только стремление, а не бытие въ смыслѣ сущаго“ (Соч. I, 278).

Я не могу связно изложить взглядъ Хомякова на отношеніе церкви къ государству, потому что въ общемъ смыслѣ Хомяковъ зтого вопроса не касался. Хомяковъ говоритъ самъ, что онъ не политикъ и никогда не брался за рѣшеніе политическихъ вопросовъ, и—странное и непредвидимое для меня дѣло—начинаетъ онъ одно изъ писемъ своихъ къ Пальмеру „писать о политикѣ“. Я приведу только нѣкоторыя положенія Хомякова, которыя разъясняютъ сущность его взгляда на поставленный вопросъ. Упомянувъ объ эдиктѣ Θεодосія Великаго, которымъ онъ объявилъ христіанство господствующимъ въ имперіи *), Хомяковъ говоритъ: „высокое понятіе о личной вѣрѣ, свободно образующей святую общину, исчезло въ понятіи государственной религіи, обязательной извнѣ. Ревность великаго правителя ввела его въ ошибку, къ несчастію отзвѣвающуюся черезъ 14 вѣковъ даже до нашего времени. Имперія, объявляя себя христіанскою, присвоила себѣ право, не принадлежащее ей, и давала себѣ безъ согласія церкви (т.-е. не только епископовъ, но и внутренняго смысла церкви) мнимое освященіе церковное (IV, 488). Христіанство, торжествующее послѣ Константина, слабѣло отъ соблазна своего политическаго торжества“ (587). Далѣе, взглядъ славянофиловъ на отношенія церкви къ государству до нѣкоторой степени объясняется ихъ уваженіемъ къ Вине, котораго Хомяковъ называетъ „одной изъ самыхъ чистыхъ знаменитостей нашего вѣка (II, 97),—человѣкомъ, котораго высокій умъ и благородная и чистая душа нигдѣ такъ искренно не цѣнятся, какъ въ Россіи“ (II, 28).

Дѣйствительно, славянофилы прилежно изучали Вине; по порученію Хомякова, его переводила Авд. П. Елагина, но переводъ остался не напечатаннымъ. Ал. Ив. 4 іюля 1853 г. писалъ кн. Черкасскому: „Особенно восхищаюсь Вине, котораго вамъ весьма рекомендую. Кромѣ „Discours“ и „Nouveaux discours“, „Etudes evange-

*) Хомяковъ выражается вообще, не указывая самого эдикта. Эдикта въ этомъ смыслѣ Θεодосій не издавалъ, но дѣйствительно имъ были издаваемы эдикты, гдѣ принимались мѣры противъ язычества въ восточной половинѣ имперіи. Хомяковъ, по всей вѣроятности, разумѣетъ эдиктъ 384 или 386 г. на имя *praefectus praetoris Cynegius*, повелѣвавшій закрытіе всѣхъ храмовъ и уничтоженіе языческаго богослуженія въ восточной части римской Азіи и Египтѣ. См. Neander: „Gesch. der christl. Religion u. Kirche“. II B. 1 Abt. 107).

liques“ и „Nouvelles études“, рекомендую вамъ „Etudes sur Pascale“ и „Essais de philosophie morale“, которыя особенно должны быть для васъ полезны“. Протестантскій пасторъ Вине (1797—1847) былъ богословъ-публицистъ, очень жарко защищавшій совершенную независимость церкви отъ государства и полнѣйшую вѣротерпимость, не исключая и людей, не признающихъ никакой религіи. У Вине было много общаго съ Хомяковымъ: та же искренность и сила вѣры, та же непоколебимая увѣренность въ истинѣ Христова ученія и въ непреложномъ его торжествѣ, такое же сопоставленіе всѣмъ сердцемъ исповѣдуемаго догмата и совершенной свободы изслѣдованія, то же убѣжденіе во всемогуществѣ Божіей правды, торжествующей надъ ложью и заблужденіемъ *). Общество христіанской нравственности увѣнчало въ 1826 году премією, основанною гр. Ламбрехтомъ, разсужденіе Вине „О свободѣ вѣроисповѣданій“, о которомъ упоминается ниже. Вине ратовалъ, въ качествѣ защитника преслѣдуемыхъ, во время религіозныхъ смуть, которыя въ 1822, 29 и 45 годахъ обнаружались въ Водскомъ кантонѣ, вслѣдствіе преслѣдованія со стороны правительства и мѣстнаго общества вновь основанной евангелической общины **). Затѣмъ Вине принималъ дѣятельное участіе, преимущественно въ видѣ публициста и организатора, во всѣхъ фазисахъ учрежденія свободной церкви въ Водскомъ кантонѣ, всегда оставаясь строго-православнымъ, сообразно своему вѣроисповѣданію, и въ то же время вездѣ защищалъ полную и совершенную раздѣльность и независимость церкви и государства.

Но, несмотря на свое сочувствіе положенію Вине о полномъ невмѣшательствѣ религіозныхъ убѣжденій въ политическія отношенія, славянофилы не всегда соблюдали это въ практическомъ отношеніи. Въ „Посланіи къ сербамъ“, адресованномъ славянофилами изъ Москвы въ 1860 г. и написанномъ Хомяковымъ въ годъ его смерти, между прочимъ, высказано: „Да будетъ же всѣмъ полная свобода въ вѣрѣ и въ исповѣданіи ея! Да не терпитъ никто угнетенія или преслѣдованія въ дѣлѣ богопознанія или богопо-

*) См. Alex. Vinet: „Notre sur la vie et ses écrits“, par Edmond Scherer. Paris, 1853, p. 8—9.

**) Подробности о религіозномъ движеніи въ Швейцаріи съ 1817 года читатели найдутъ въ сочиненіи „Die reformirte Kirche Genfs in XIX Jahrh., von Herm. von der Goltz. Baul, 1862.

члененія, — никто, хотя бы онъ былъ (чего Боже избави) совратившійся съ пути истиннаго сербъ, — да будетъ онъ все еще братомъ, хотя несчастнымъ и ослѣпленнымъ! Но да не будетъ онъ уже ни законодателемъ, ни правителемъ, ни судьей, ни членомъ общиннаго *схода*, ибо иная *совѣсть*, нежели у насъ. Великій Апостоль языкъ говоритъ: не стыдно ли вамъ, христіанамъ, судиться передъ язычниками? пусть судятъ между васъ братья. Поэтому иновѣрецъ долженъ быть для васъ какъ гость, охраняемый вами отъ всякой неправды и пользующійся всѣми вашими правами въ дѣлахъ жизни частвой, но не долженъ быть полноправнымъ гражданиномъ или сыномъ вашего сербскаго дома, судящимъ съ братьями въ дѣлахъ общественныхъ. Богъ избавилъ васъ отъ внутренняго разъединенія, — не допускайте такого разъединенія въ самыхъ вѣдрахъ совѣсти народной и общественнаго духа. Горько намъ подумать, что не всѣ славяне православны. Вѣримъ, что и они со временемъ всѣ просвѣтятся истинною: любимъ ихъ душою и всегда готовы протянуть имъ руку братства и помощи противъ всѣхъ; но думаемъ, что они такимъ исключеніемъ оскорбиться не могутъ и сами, по любви къ намъ, не захотѣли бы внести сѣмена раздора и разномыслія въ наше общество“ („Къ сербамъ! Посланіе изъ Москвы“, 33—34). „Многому должны вы учиться у иноземцевъ, часто даже пользоваться ихъ услугами. Умѣйте цѣнить ихъ, награждайте ихъ; любите ихъ и благодарите за пользу, которую они вамъ принесутъ; но не включайте ихъ въ свое общественное братство, развѣ бы они были православны, а особенно православны славяне, ибо эти вамъ не иноземцы. Мы говоримъ: пользуйтесь ихъ услугами и по мѣрѣ услугъ награждайте ихъ, но все это мы говоримъ о дѣлахъ торговли, наукъ и искусствъ: въ дѣло гражданственности вашей имъ вмѣшиваться не должно“ (68). Письмо это подписано Хомяковымъ, Погодинымъ, Кошелевымъ, Бѣляевымъ, Н. Елагинимъ, Ю. Самаринимъ, Безсоновимъ, К. Аксаковымъ, Бартевымъ, Чижовымъ и И. Аксаковымъ.

Защищая русскую церковь отъ обвиненій г. Лоренси, будто русскій Императоръ, какъ свѣтскій государь, вмѣстѣ съ тѣмъ и глава церкви, Хомяковъ слѣдующимъ образомъ объясняетъ отношеніе между правительствомъ и церковью: „Когда послѣ многихъ крушеній и бѣдствій русскій народъ общимъ совѣтомъ избралъ Михаила Романова своимъ наследственнымъ государемъ, народъ вручилъ сво-

ему избраннику всю власть, какою облеченъ былъ самъ во всѣхъ ея видахъ. Въ силу избранія, государь сталъ главою народа въ дѣлахъ церковныхъ, также какъ и въ дѣлахъ гражданскаго управленія,—повторяю: главою народа въ дѣлахъ церковныхъ, и въ этомъ смыслѣ—только мѣстной церкви, но единственно въ этомъ смыслѣ. Народъ не передавалъ и не могъ передать своему государю такихъ правъ, какихъ не имѣлъ самъ, и едва ли кто-либо предположить, чтобы русскій народъ когда-нибудь почиталъ себя призваннымъ править церковью. Онъ имѣлъ значала, какъ всѣ народы, образующіе православную церковь, голосъ въ избраніи своихъ епископовъ, и этотъ свой голосъ онъ могъ передать своему представителю. Народъ имѣлъ право, или точнѣе—обязанность, блюсти, чтобы рѣшенія его пастырей и ихъ соборовъ приводились въ исполненіе; это право народъ могъ довѣрить своему избранному и его преемникамъ. Народъ имѣлъ право отстаивать свою вѣру противъ всякаго непріязненнаго на нее нападенія; это право онъ также могъ передать своему государю. Но народъ не имѣлъ никакой власти въ вопросахъ совѣсти, обще-церковнаго благочинія, догматическаго ученія, церковнаго управленія, а потому не могъ и передать такой власти своему царю“ (Соч. Хомяк. II, 34—35). Замѣчательно, что императоръ Николай, прочитавши богословскія сочиненія Хомякова, выразилъ, что въ своихъ богословскихъ сужденіяхъ Хомяковъ слишкомъ смѣлъ, но что съ его сужденіями о русской церкви Императоръ совершенно согласенъ. Затѣмъ въ сочиненіяхъ Хомякова разбросаны слѣдующія мысли о томъ же предметѣ. Церковь въ землѣ самодержавной болѣе ограждена равнодушіемъ правительства къ ней, чѣмъ сановитымъ, но всегда зависимымъ лицомъ полупридворнаго патріарха (Соч. I, 364). Независимость церкви въ Россіи была уничтожена перенесеніемъ внутрь государства престола патріаршаго, который могъ быть свободнымъ въ Царьградѣ, но не могъ уже быть свободнымъ въ Москвѣ (366). Церковь русская не настолько независима отъ государства, насколько слѣдовало бы. Это зависитъ единственно отъ малодушія ея высшихъ представителей и ихъ собственнаго стремленія снискать покровительство правительства (354). Было бы лучше, еслибъ у насъ было поменьше официальной политической религіи и еслибы правительство могло убѣдиться въ томъ, что христіанская истина не нуждается въ постоянномъ покрови-

тельствѣ и что чрезмѣрная о ней заботливость ее ослабляетъ, а не усиливаетъ. Расширеніе умственной свободы много способствовало бы къ уничтоженію безчисленныхъ расколовъ самаго худшаго свойства, которые безпрестанно возникаютъ и распространяютъ свое вредное вліяніе въ простомъ народѣ (II, 340). Въ статьѣ „О скопцахъ“ (Соч. I, 686—688) Хомяковъ проводитъ взглядъ на скопчество какъ на противообщественное преступленіе, оставляя въ сторонѣ преслѣдованіе съ религіозной стороны. Скопецъ не подвергается наказанію, ибо онъ жертва заблужденія, а не злонамѣренный преступникъ; но, для избѣжанія заразы, скопецъ, какъ преступникъ противъ общественной нравственности, ссылается въ самыя отдаленныя мѣста и лишается собственности, передаваемой ближайшимъ родственникамъ или въ общество, такъ какъ корыстолюбіе Хомяковъ считаетъ однимъ изъ самыхъ главныхъ поводовъ къ преступленію. Извѣстно, что оскотненіе происходитъ большею частью за деньги.

Относительно *инновѣрцевъ* Хомяковъ выражается слѣдующимъ образомъ: „На широкомъ пространствѣ нашего отечества мы насчитываемъ согражданъ различныхъ вѣроисповѣданій, въ томъ числѣ поляковъ-папистовъ и нѣмцевъ-протестантовъ. Они могутъ быть совершенно равноправны съ нами, нерѣдко могутъ даже стоять и выше насъ въ порядкѣ политическаго союза. Въ Австріи, наоборотъ, наши братья по вѣрѣ стоятъ на самой низкой степени. Дѣло понятное: церковь православная никогда не предъявляла притязанія на видное мѣсто въ мірѣ и, въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ, она даже слыла въ Польшѣ вѣрою хлопскою, въ противоположность романизму—вѣрѣ папской. Мы и братья наши (т.-е. члены православной церкви) обязаны вездѣ поддерживать общественный порядокъ и гражданскій законъ, не отвергая нигдѣ въ дѣлахъ мірскихъ содѣйствія нашихъ согражданъ, къ какому бы вѣроисповѣданію они ни принадлежали“ (II, 77). Въ другомъ мѣстѣ Хомяковъ говорить: „Россія приняла въ свое великое лоно много разныхъ племенъ, финновъ прибалтійскихъ, приволжскихъ татаръ, сибирскихъ тунгузовъ, бурятъ и др.; но имя, бытіе и значеніе получила она отъ русскаго народа (т.-е. человѣка Великой, Малой и Бѣлой Россіи). Остальные должны съ нимъ слиться вполне: разумные, если поймутъ эту необходимость; великіе, если соединятся съ этою великою личностью; ничтожныя, если вздумаютъ удерживать свою мелкую

самобытность“ (Соч. I, 27). Слѣдовательно о какомъ бы то ни было принудительномъ обрусеніи здѣсь нѣтъ даже ни малѣйшаго намека,—оно предоставлено свободному желанію всякой народности.

Довольно рѣзкій оттѣнокъ въ этомъ случаѣ изъ числа славянофиловъ представляетъ Ю. О. Самаринъ. Въ 1863 году, въ самый разгаръ польскаго вопроса, Ю. О. Самаринъ помѣстилъ въ газетѣ „День“ (1863 года № 38) статью подъ заглавіемъ „Современный объемъ польскаго вопроса“. Здѣсь Самаринъ признаетъ, что поляки составляютъ отдѣльную, самостоятельную вѣтвь славянскаго племени и обладаютъ всѣми условіями народной личности. Признаніе этого простаго и неопровержимаго факта естественно ведетъ къ признанію права на такое устройство, которое не нарушало бы свободы народной жизни во всѣхъ ея проявленіяхъ, составляющихъ необходимое условіе всякой живой народности. Мы разумѣемъ подъ этимъ свободу вѣроисповѣданія, официальное употребленіе народнаго языка въ дѣлахъ внутренняго управленія и своеобразность гражданскаго быта (Соч. I, 326). Затѣмъ, исходя отъ основнаго положенія, что Польша есть „острый клинъ, вогнанный латинствомъ въ самую сердцевину славянскаго міра, съ цѣлью расколоть его въ щепы (333), Самаринъ рѣзко, но послѣдовательно и окончательно разрѣшаетъ польскій вопросъ съ политической точки зрѣнія. Прежде всего Самаринъ раздѣляетъ польскій вопросъ на два вопроса: о Западныхъ губерніяхъ и о Царствѣ Польскомъ. Западныя губерніи Самаринъ считаетъ исконнымъ русскимъ достояніемъ, гдѣ поляки составляютъ элементъ хотя до сихъ поръ и господствовавшій, но все-таки пришлый; на этомъ основаніи онъ предлагалъ всѣ тѣ мѣры, которыя въ послѣдствіи осуществлены были правительствомъ, т.-е. обязательный выкупъ, устраненіе польскаго элемента изъ мѣстной администраціи, улучшеніе хозяйственнаго быта православнаго духовенства, учрежденіе народныхъ школъ, состоящихъ непременно въ вѣдѣніи послѣдняго, именно съ цѣлью распространенія просвѣщенія православно-русскаго; возстановленіе и поддержаніе древнихъ православныхъ братствъ; преобразование мировыхъ учреждений по крестьянскимъ дѣламъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ окажется невозможнымъ устранить изъ нихъ польскихъ помѣщиковъ; изытаніе Западныхъ губерній и Украйны (?) изъ числа мѣстностей, гдѣ должно быть введено предполагавшееся тогда Положеніе о земскихъ

учрежденіяхъ (347—348). Что касается до Царства Польскаго, то Самаринъ, отвергая всякую возможность свободнаго примиренія русской и польской національности въ сколь-нибудь близкомъ будущемъ и признавая всякую попытку къ насильственному примиренію не достигающею цѣли и скорѣе вредною, предлагалъ или нераздѣльное сочѣтаніе Польши съ Россією учрежденіемъ въ первой власти, въ русскихъ рукахъ сосредоточенной и настолько сильной, чтобъ убѣдить поляковъ въ безнадежности всякаго возстанія,—или добровольное и полное отреченіе Россіи отъ Польскаго Царства (348), причемъ это отреченіе Самаринъ обставлялъ условіями настолько трудными и недостижимыми, что они обращались въ невозможныя, именно — освобожденіе всѣхъ славянъ отъ турецкой зависимости и др. (349). Такимъ образомъ Самаринъ является въ этомъ случаѣ прямымъ истолкователемъ и послѣдователемъ официальной народности. Неизвѣстно, какъ отнесся бы къ польскому вопросу Хомяковъ, не дожившій до польскаго возстанія 1863 года; но, судя по вышеприведеннымъ мнѣніямъ, можно сказать навѣрное, что онъ не раздѣлилъ бы обрусительной программы Самарина. Правда, Хомяковъ въ свое время ободрялъ обличительное письмо Самарина изъ Остзейскаго края; но тамъ религіозный вопросъ стоялъ въ сторонѣ и весь узелъ сосредоточивался на освобожденіи литовскаго крестьянина отъ патримоніальной власти нѣмецкаго барона. Этотъ вопросъ въ особенности дорогъ былъ славянофиламъ потому, что они смотрѣли на него какъ на преддверіе къ разрѣшенію крестьянскаго вопроса въ Россіи. По этому поводу писалъ въ то время Хомяковъ Самарину: „великое дѣло эта остзейская борьба; важная сама по себѣ и *по началамъ, которыя другъ съ другомъ сражаются, она получила еще бѣольшую важность отъ обстоятельствъ, и исходъ ея можетъ служить образцомъ того, чего намъ придется ждать во всякомъ другомъ случаѣ, гдѣ встрѣтились бы тѣ же обстоятельства и тѣ же начала“ („Русск. Арх.“ 1879, III, 322). До польскаго возстанія въ письмѣ къ А. О. Смирновой отъ 21 мая 1848 года Хомяковъ предлагалъ слѣдующее разрѣшеніе польскаго и вообще славянскаго вопроса:*

„Въ концѣ прошлаго столѣтія Польша, разорванная, разграбленная, окровавленная своевоіемъ своихъ аристократовъ, грозила спокойствію своихъ сосѣдей и губила свой народъ. Державы вос-

точной Германіи и Россія взяли ее подъ временный интердиктъ для общаго мира, причемъ Россіи возвращены были ея старыя области, удѣлъ Рюрикава рода, населенныя народомъ одноязычпымъ съ Россією, а не съ Польшею. Въ 1815 году, послѣ долгихъ и кровавыхъ смуть, интердиктъ былъ возобновленъ на общемъ совѣтѣ; но одна Россія, въ лицѣ своего Государя, противъ воли многихъ, показала, что она считаетъ эту мѣру только временною и не хочетъ гибели польской народности. Въ 1830 году своевольное возстаніе наименѣе угнетенной Польши противъ общаго приговора и общихъ трактатовъ принудило Россію возобновить силу оружія интердиктъ, наложенный съ совѣта всѣхъ державъ... Державы европейскія измѣнились: нѣтъ уже ни прежней Австріи, ни прежней Пруссіи; интердиктъ Польши бесполезенъ для нихъ; онъ ни теперь, ни прежде не былъ нуженъ Россіи; ему не для чего продолжаться. Вотъ, кажется, прямой и простой взглядъ на фактъ историческій. Выводъ былъ бы ясенъ. Пусть возстанутся: Польша, во сколько можетъ, Познань съ Гданскомъ (Данцигъ), княжество Галицкое и Краковъ, герцогство Варшавское и часть Литвы, не говорящая по-руски. Но такъ какъ это дѣло не административное и не правительственное, а народное и историческое въ высшемъ значеніи слова, то въ немъ не должно быть признаваемо никакое случайное различіе между людьми, и голоса должны быть собираемы поголовно: дворяне единицами въ счетѣ крестьянскихъ единицъ, города причислены къ деревнямъ, и т. д. Даже отсутствующіе могутъ быть всѣ допущены къ подачѣ голоса письменно въ той области, къ которой они желаютъ быть причтены. Голоса народные должны быть подаваемы на языкѣ народномъ: въ Польшѣ—по-польски, въ Литвѣ—по-литовски (совершенно непонятно для поляковъ), въ Галичѣ—по-галицки (т.-е. почти по-руски). Всякая область должна имѣть право приписаться или къ новой Польшѣ, или къ сосѣдней державѣ, или составить отдѣльную общину подъ покровительствомъ или безъ покровительства другой державы. То же право должно быть распространено на славянъ Лузаціи и Шлезіи; то же право можетъ быть распространено благороднымъ сеймомъ венгерскимъ на славянъ, хорватовъ, словаковъ, руснаковъ и другихъ. Такимъ образомъ будущая судьба славянскихъ народовъ будетъ опредѣлена ими самими“ („Бесѣда“ 1872, кн. XI, 346—347).

Александръ Ивановичъ былъ такой же искренній православно-вѣрующій, какъ и другіе славянофилы. Въ письмѣ къ Хомякову онъ говоритъ, что принадлежать къ пашей церкви онъ считаетъ величайшимъ счастьемъ и быть съ ней во всемъ согласнымъ искреннейшее его желаніе (№ 14). Путь, которымъ Ал. Ив. пришелъ къ своимъ религіознымъ убѣжденіямъ, онъ такъ описываетъ въ письмѣ къ кп. Черкасскому отъ 4-го іюля 1853 года: „Никакъ не могу думать, чтобы человѣкъ съ умомъ и душою могъ остановиться на поверхности вещей, потонуть въ матеріализмѣ и заглушить въ себѣ стремленіе къ чему-то высшему, чѣмъ подводить итоги, хлопотать о вещахъ, которыхъ завтра можетъ не быть, и довольствоваться безжизненными, форменными понятіями, которыя сообщаетъ нашъ сухой, все ограничивающій и все разлагающій разсудокъ. Нѣтъ, дражайшій князь, я прошелъ черезъ ваше состояніе, утопалъ въ дѣлахъ, пичкалъ голову и Локками, и Кантами, и Шеллингами, со страстью занимался науками положительными, считалъ чуть не все суетвѣремъ, но пришелъ къ убѣжденію, что все это суета изъ суетъ. Да, суета изъ суетъ все это, взятое въ отдѣльности, но все это получаетъ смыслъ, становится Божьимъ міромъ, когда освѣщается одною истинною истиной“. Но отъ другихъ славянофиловъ Кошелевъ отличался, какъ ниже увидимъ, сравнительно ббльшею вѣротерпимостью; вообще Ал. Ив. не такъ крайне и исключительно относился къ западному просвѣщенію, какъ остальные. Въ одномъ мѣстѣ своего „Дневника“ Кошелевъ говоритъ: „Тѣмъ, которые отчаиваются въ судьбѣ Европы и которые говорятъ о гнили въ ея тѣлѣ, можно сказать многое, но между прочимъ и то, что мы, т.-е. я, Кирѣевскій и др., были европейцами и въ умственномъ, и въ правственномъ отношеніи, а между тѣмъ теперь измѣнились, узнали нищету голыхъ умствованій, перешли къ вѣрѣ, и перерабатываемся на основаніи новыхъ началъ. Если въ людяхъ такое положеніе можно допустить, то тѣмъ оно возможнѣе для народовъ. Нѣтъ, Европѣ еще предстоитъ огромная будущность“. Тѣмъ не менѣе Ал. Ив. признавалъ превосходство и вліяніе А. С. Хомякова. Въ письмѣ своемъ по поводу поднятаго И. С. Аксаковымъ спора о страданіи и молитвѣ (см. ниже) Кошелевъ писалъ Хомякову: „Я общалъ Ивану Сергѣевичу также отвѣчать ему, хотя письмо его не ко мнѣ адресовано, но мой отвѣтъ едва ли будетъ для него удовлетворителенъ, ибо мои доводы будутъ почерпнуты главнѣйше изъ Св.

Писанія и отцовъ церкви. Но ты отвѣтишь изъ собственнаго fonds, твой отвѣтъ будетъ гораздо современнѣе, глубже и шире“ (№ 13).

Мы говорили въ началѣ главы, что Ал. Ив. прилежно занимался чтеніемъ Новаго Завѣта. Изъ приложенныхъ писемъ видно, что Кошелевъ продолжалъ постоянно это занятіе и прочелъ Ветхій Завѣтъ и Творенія св. отцовъ: Григорія Богослова, Іоанна Златоустаго, Василія Великаго, Ефрема Сирина. Въ письмѣ къ И. С. Аксакову (№ 1) Ал. Ив. сообщаетъ характеристику этихъ отцовъ церкви. Какъ видно изъ письма И. В. Кирѣевскаго къ Кошелеву (№ 20), Алекс. Иван. съ нимъ совѣтовался насчетъ чтенія духовныхъ книгъ; въ этомъ письмѣ Кирѣевскій дѣлаетъ для Ал. Ив. разборъ исторіи церкви различныхъ западныхъ и нашихъ авторовъ. Особенно религіознымъ занятіямъ Кошелевъ посвящалъ начало пятидесятихъ годовъ. Ив. С. Аксаковъ, часто посѣщавшій Песочню, говоритъ, что его пугалъ иногда жаръ, съ которымъ Кошелевъ предавался своимъ занятіямъ, своему уединенному чтенію (№ 3). Религіозные вопросы сильно волновали Ал. Ив.; иногда, по выраженію Аксакова, въ умѣ его отъ чтенія духовныхъ книгъ „поднимался мятежъ мыслей, задачъ, вопросовъ, требованій и стремленій“. Тогда бродящія въ головѣ мысли ложились на бумагу и шла оживленная письменная бесѣда между пріятелями, пересылавшими другъ другу письма съ цѣлыми къ нимъ коментаріями. Переписка эта, конечно, вся не уцѣлѣла; что нашлось въ бумагахъ Алек. Иван., напечатано въ Приложеніи. Замѣчательно, что это уединенное чтеніе поселило въ Алек. Иван. стремленіе удалиться отъ общества. „Много это время я думалъ,—писалъ Кошелевъ И. С. Аксакову (№ 1),—и все болѣе и болѣе вижу необходимость разорвать связи съ язычествомъ, т.-е. нашимъ обществомъ и нашимъ общественнымъ бытомъ, и крѣпче прилѣпиться къ ученію Христову и къ образу жизни съ нимъ согласному“. То же самое Ал. Ив. повторилъ одновременно въ письмѣ къ Хомякову (№ 2). Отъ обоихъ братьевъ Аксаковыхъ Ал. Ив. получилъ совершенно разнородные отвѣты. Ив. Серг. выдвигаетъ впередъ любовь къ ближнему и трудность опредѣлить образъ жизни, согласный съ Христовымъ ученіемъ. „Въ тѣ минуты или, лучше, секунды,—говоритъ онъ,—когда иногда снизойдешь въ душу и обрѣтешь такое богатство любви, такое добро, что тысячерукиимъ хотѣлось бы быть, чтобы вездѣ поспѣть съ помощью, съ словами любви и утѣшенія,—и въ эти священныя

минуты дико подумать мнѣ о пустынничествѣ и отшельничествѣ или монастырѣ“ (№ 3). К. С. Аксакову какъ нельзя болѣе по душѣ пришлось отреченіе отъ общества Кошелева. Отправляясь отъ того положенія, что „общество есть союзъ людей, основанный на единствѣ началъ и убѣжденій“, К. С. выводитъ такое слѣдствіе: „если вы, принадлежа къ обществу, построенному на началахъ нравственныхъ, допустите въ него человѣка противорѣчащаго или своими мнѣніями, или своей постоянной жизнію вашимъ общественнымъ началамъ, тогда вы этимъ отказываетесь отъ вашихъ общественныхъ началъ, для васъ не нужно единство общей основы и вы потрясаете всю общественную связь, распатываете самое основаніе общества и ослабляете его нравственную силу“ (№ 4). Такая рѣзкая постановка вопроса испугала Ал. Ив., и въ своемъ отвѣтѣ онъ говоритъ: „ваше общество есть чистая невозможность,— ваше общество будетъ извергать изъ среды себя до тѣхъ поръ, пока оно сосредоточится въ одномъ человѣкѣ“. Въ отвѣтѣ же И. С. Аксакову Кошелевъ разъясняетъ свою мысль слѣдующимъ образомъ: „Если я говорю, что мы должны удалиться отъ общества и его обычаевъ, то это не потому, чтобы я презиралъ людей составляющихъ такъ-называемое *la société* (Боже сохрани меня отъ такой гордости и глупости!), и не потому, чтобы я имѣлъ склонность къ пустынножительству (оно совершенно противно моей природѣ и люди для меня необходимы); но единственно потому, что мы всѣ и каждый изъ насъ въ особенности крайне дрянны, что мы всѣ готовы засыпать на подушкѣ общаго самодовольства и духовной дремоты, что мы, расходуя себя по грошамъ, тратимъ послѣднія силы, что мы, при развлеченіи общественномъ, не имѣемъ силы, возможности, досуга войти въ себя, что намъ нужно себя переработывать (о чемъ такъ много и такъ прекрасно говорить апостоль Павелъ), къ чему не общество, конечно, дастъ намъ средства“ и проч. (№ 5). До какой степени Ал. Ив. старался во всѣхъ мелочахъ повѣрять себя и отбрасывать все не только вредное, но просто бесполезное и тормозящее полезную дѣятельность, видно изъ слѣдующаго письма къ И. С. Аксакову:

„Знаете, любезнѣйшій Иванъ Сергѣевичъ, что мало вещей производятъ на меня впечатлѣніе болѣе тяжкое, чѣмъ *partie de plaisir* вообще и въ деревнѣ въ особенности. Вездѣ я считаю прогулки для удовольствія, катанія и пр. дѣломъ позволительнымъ, но въ

деревнѣ я ихъ считаю въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже преступленіемъ. Но, прежде чѣмъ выскажу мои мысли объ этомъ частномъ предметѣ, считаю нужнымъ поговорить съ вами объ удовольствіяхъ вообще и о томъ, до какой степени и въ какихъ случаяхъ они могутъ быть допущены.

„Жизнь наша, вся жизнь наша есть не что иное какъ служба. Таково возрѣніе на жизнь нашей церкви; слѣдовательно таково должно быть возрѣніе и каждого христіанина. Не думаю, и церковь наша не говоритъ, чтобы всякое удовольствіе было запрещено, было проступкомъ. Пѣть, аскетизмъ я считаю мнѣніемъ и дѣломъ нехристіанскимъ,—Богъ нашей церкви не есть Богъ лишений и наказаній, Богъ завистливо или холодно взвѣшивающій каждое наше дѣйствіе, чувство и мысль. Онъ помѣстилъ насъ не въ темницѣ, не на голой скалѣ, но въ прекрасномъ, обильномъ мірѣ. Не для того расточилъ Онъ всего прекраснаго такъ много, чтобы испытывать насъ, чтобы смотрѣть какъ мы истощаемъ силы въ борьбѣ сами съ собою и со всѣмъ насъ окружающимъ. Эта борьба не Его произволеніе, не Его для насъ назначеніе; эту борьбу произвели мы, утративши свое единство, предавшись многообразнымъ влеченіямъ нашей чувственности; эту борьбу съ торжествомъ вести далъ намъ возмозность Спаситель. Онъ указалъ намъ цѣль, очистилъ взглядъ нашъ на вселенную и далъ намъ силы стать выше чувственной природы. Для человѣка вещественнаго удовольствіе, счастье—есть высшая, конечная цѣль жизни; для человѣка духовнаго долгъ есть все, и на удовольствія онъ не можетъ иначе смотрѣть какъ на препятствія къ исполненію своего дѣла.

„Человѣкъ не есть ни животное, ни духъ. Онъ любитъ удовольствія, но отсутствіе долга унижаетъ его въ собственныхъ его глазахъ. Ему нужно имѣть цѣль безконечную, но отрадно ему приостановиться, отразить жизнь свою въ чемъ-либо конечномъ и съ новымъ рвеніемъ пуститься на подвигъ.

„Мнѣ кажется, что между удовольствіями позволительными и непозволительными граница очевидна. Непозволительно всякое удовольствіе, хотя бы оно ни у кого ничего не отнимало, которое для себя единственно поглощаетъ силы человѣка; позволительно всякое удовольствіе, которое не наноситъ вреда другимъ и которое попадаетъ на дорогѣ къ дѣлу. Всякое наше дѣйствіе должно имѣть цѣлью службу; если въ пути попадаютъ удовольствія, которыя,

впрочемъ, не отвлекають насъ отъ дѣла, то мы имѣемъ полное право ими насладиться.

„Если я сажусь обѣдать съ тѣмъ, чтобы наѣсться лакомыхъ блюдъ, то я дѣлаю дурно,—дозволяю себѣ удовольствіе непопозителное. Если за обѣдомъ я съ удовольствіемъ ѣмъ вкусное блюдо и ѣмъ умѣренно, то я ни мало не грѣшу.

„Я ѣду кататься: вопервыхъ, я трачу время и, вовторыхъ, я ѣду единственно съ цѣлью доставить себѣ удовольствіе.

„Сверхъ того, кататься есть вообще затѣя барская, а потому мы это удовольствіе допускать должны менѣе, чѣмъ кто-либо. Въ деревнѣ должно принимать въ соображеніе и время, когда кататься. Въ праздничный день, когда крестьяне не работаютъ, катанье не есть для нихъ обида; ради общества, бесѣды, хорошей погоды, красиваго мѣстоположенія, можно еще кататься. Но въ будни, когда крестьяне работаютъ, катанье есть просто насмѣшка надъ ними, чистое преступленіе“.

Въ религиозныхъ убѣжденіяхъ Ал. Иван. была одна отличительная черта, которою онъ рѣзко отдѣлялся отъ другихъ славянофиловъ: это—его широкая вѣротерпимость. Пусть читатели прочтутъ письмо его къ Хомякову отъ 1 декабря 1853 года (№ 14): болѣе примирительнаго отношенія къ западнымъ церквамъ со стороны искренне вѣрующаго православнаго нельзя себѣ представить. Хомяковъ понималъ православіе нашей церкви въ исключительномъ смыслѣ, не ограничиваясь сохраненіемъ чистоты догмата: всѣ прочія исповѣданія, по его мнѣнію, какъ ересь или расколъ, не заключаютъ въ себѣ ничего другаго, кромѣ лжи, и потому виѣ православной церкви невозможно спасеніе. Самое соединеніе церквей въ духѣ любви и на основаніи равноправности Хомяковъ отвергалъ и условіемъ его для церквей иновѣрныхъ ставилъ покаяніе. Иновѣрцу, желающему присоединиться къ православной церкви, Хомяковъ говоритъ: „осудить преступленіе, содѣянное заблужденіемъ вашихъ отцовъ противъ невинныхъ братьевъ — вотъ единственное условіе, могущее возратить вамъ божественную истину и спасти отъ неизбежнаго разложенія всю вашу духовную жизнь“ (Соч. II, 144). Противъ такой исключительности возстаетъ Кошелевъ. „Я считаю,—говоритъ онъ,—нашу церковь по преимуществу и въ корнѣ православною; но не могу допустить, чтобы прочія церкви, признающія Христа Богомъ и вѣрующія въ искупленіе

нашихъ грѣховъ Его крестною смертію, были безусловно неправославными“. Указывая, что чистота и непогрѣшимость церкви касается исключительно догмата, Кошелевъ говоритъ: „сознаю всю важность православныхъ мнѣній для человѣка, но никакъ не могу все православіе церкви заключить въ его догматикѣ. Церковь—не академія: она обхватываетъ всего человѣка и стремится все тайное въ немъ проявить въ мірѣ для большей славы Божіей. Важнѣйшее въ человѣкѣ не чувство, не знаніе, а дѣла. Не думаю, чтобы всѣ прочія церкви должны были пасть и обратиться съ покаяніемъ къ нашей восточной церкви. Да и сама наша церковь этого не думаетъ, ибо она не перестаетъ молиться о *соединеніи* первой, а не о низложеніи, не о покореніи, не о паденіи иновѣрныхъ церквей. Еслибы наша церковь полагала, что другія основаны на лжи, то вѣрно истина не стала бы молиться о соединеніи съ ложью“. Въ другомъ письмѣ (№ 17) Кошелевъ, указывая на то, что Хомяковъ основаніемъ для православной догматики признаетъ ученіе вселенскихъ соборовъ, но не придаетъ никакого значенія соборамъ помѣстнымъ, совершенно справедливо возражаетъ на одно изъ главныхъ положеній Хомякова, что въ религіозныхъ вопросахъ рѣшающимъ является *соборъ*, на которомъ проявляется „единодушное согласіе іерархіи съ народомъ“. Кошелевъ совершенно справедливо замѣчаетъ: „Сколько мнѣ извѣстно, такого и такимъ образомъ принятаго догмата не было и нѣтъ ни одного. Чтобы такое рѣшеніе могло состояться, слѣдовало бы *всей* іерархіи принять въ немъ участіе; и притомъ такое рѣшеніе слѣдовало бы предложить на утвержденіе *всему* православному народу. Не говорю о томъ, какъ трудно такой обрядъ исполнить; но безошибочно можно сказать, что далеко не послѣдовало бы единодушнаго согласія по самому простому, несомнѣнному положенію. Допускаю, что подъ единодушнымъ согласіемъ мы разумѣемъ не исполненіе изложеннаго мною обряда, а установленіе чего-либо, сдѣланное съ одной стороны іерархіей и не отвергнутое другою стороною—народомъ. Но и въ этомъ случаѣ, по надлежащемъ испытаніи, уцѣлѣетъ весьма немного и на дѣлѣ выйдетъ слѣдующее: православною будетъ для каждаго та церковь, къ которой онъ принадлежитъ, съ которой онъ согласенъ въ главныхъ догматахъ и которую онъ пополняетъ тѣми положеніями, которыя, по его мнѣнію, истекаютъ изъ тѣхъ общихъ, основныхъ догматовъ. От-

вѣтъ Хомякова („Рус. Арх.“ 1879, III) довольно слабъ. Уступая, что, несмотря на страшную примѣсь лжи у католиковъ и протестантовъ, можетъ безпрестанно и въ частной, и въ общественной жизни проявляться чисто-православное, *ими не вполнѣ сознаваемое*, начало, Хомяковъ все-таки признаетъ, что „общій объемъ и строй истинной вѣры доступенъ только православному обществу, но только подъ условіемъ свободнаго пониманія жизненныхъ фактовъ, а это зависитъ во многихъ отношеніяхъ отъ историческаго развитія народовъ, въ которомъ православные могутъ уступать весьма долго не православнымъ“. Эта сложная и темная формула скрываетъ за собою основное положеніе Хомякова, что одно догматическое исповѣданіе православія прикрываетъ всякую ложь и неправду общественнаго развитія, хотя Хомяковъ и признаетъ въ теоріи нераздѣльную связь догмы съ нравственностью (христіанскою этикою).

Въ вопросѣ о вѣротерпимости Кошелевъ совершенно сходится съ Вине. Посылая книгу Вине: „Разсужденіе о свободѣ вѣроисповѣданій“—И. В. Кирѣевскому, Кошелевъ назвалъ ее „своимъ сочиненіемъ“,— до такой степени онъ солидаренъ съ авторомъ. По поводу этой книги между обоими завязалась интересная переписка, которая помѣщена нами въ Приложеніи (№№ 16, 17 и 18). Главныя практическіе результаты, къ которымъ пришелъ Вине, таковы: 1) гражданская правоспособность лицъ не должна имѣть никакого отношенія къ ихъ вѣрованію и 2) всякая секта должна быть терпима, если она не наноситъ ущерба общественной нравственности (Vinet: „La liberté des cultes“, 268). Безъ сомнѣнія, эти выводы, вполнѣ раздѣляемые Ал. Иван., заставили его сдѣлаться такимъ восторженнымъ поклонникомъ Вине. Суровый отзывъ о Вине Кирѣевскаго, что въ его разсужденіяхъ излагаются только общія мѣста, и притомъ весьма неопредѣленно, допуская то противорѣчія, то преувеличенія,—совершенно справедливъ; но и Кирѣевскій признаетъ, что въ книгѣ Вине „много прекраснаго, много мыслей свѣтлыхъ, много замѣчаній вѣрныхъ или сердечныхъ, драгоценныхъ словъ“. Ал. Иван. тоже замѣтилъ, что талантъ Вине публицистическій: „онъ болѣе опровергаетъ, нежели назидаетъ“ (№ 13).

Чтобы познакомить читателей съ аргументаціей Вине, я привожу одно мѣсто, означенное въ экземплярѣ, принадлежавшемъ Ал. Иван., карандашомъ и обратившее на себя особенное вниманіе: „Приверженцы церкви установившейся должны остерегаться отъ

излишняго ей покровительства. Пусть она внушитъ къ себѣ уваженіе добродѣтелями своихъ служителей, усердіемъ своихъ послѣдователей, а не оружіемъ внѣшней силы, ей покровительствующей. Необходимо, чтобы церковь чувствовала себя беззащитною, чтобы она подвергалась опасностямъ,—необходимо, чтобы она стояла среди падающихъ. Сила ея въ томъ, чтобы быть оставленною безъ поддержки; авторитетъ ея въ томъ, чтобы существовать самой по себѣ; жизнь ея въ томъ, чтобы выдерживать борьбу. Откуда происходитъ эта поразительная жизненность сектъ? Отъ ихъ положенія, отъ опасностей ихъ окружающихъ. Пусть же господствующая религія сама обратится въ секту, пусть она дерзнетъ выступить на бой съ равными средствами, пусть не ржавѣетъ ея духовное оружіе, и тогда она сдѣлается сильною, благодѣтельною и внушающею уваженіе. Если же, напротивъ, она укроется за стѣной поддерживающей ее человѣческой власти; если, въ надеждѣ на запоры, тщательно наложенные на всѣ двери мысли, заснетъ она безопасно на ложѣ благоденствія, спокойно взирая на ослабленіе, холодность, равнодушіе, гибель христіанскихъ ученій и чувствованій,—то неминуемо потревожитъ сонъ ея одно изъ паденій или со стороны множества религіозныхъ сектъ, если осталось хотя одно отверстіе для критическаго разбора священныхъ опредѣленій церкви, или со стороны единой, но ужасной секты невѣрія, если фарисеи взяли въ свои руки ключъ науки“ (стр. 264—265). Кирѣевскій въ концѣ концовъ соглашается съ тѣми практическими злоупотребленіями, которыя вкрались въ православную церковь, по его мнѣнію, изъ католицизма. Сюда онъ причисляетъ: преслѣдованіе за вѣру; насильственное обращеніе гражданъ въ иную вѣру; обращеніе церкви въ средство для государственныхъ цѣлей,—напримѣръ, злоупотребленіе присяги; зависимость церкви отъ мірскаго устройства,—напримѣръ, когда духовенство превращается въ чиновничество. Но Кирѣевскій не согласенъ ни съ Вине, ни съ Кошелевымъ въ коренной постановкѣ вопроса объ отношеніяхъ церкви къ государству. Въ первомъ письмѣ Кирѣевскій высказалъ свои основанія въ такомъ видѣ: Для вѣрующаго отношеніе къ Богу и къ святой церкви есть самое существенное на землѣ,—отношеніе къ государству есть уже второстепенное и случайное. Очевидно, что всѣ законы истины должны нарушиться, когда существенное будетъ подчиняться случайному или *будетъ признаваться на оди-*

наконыхъ правахъ съ нимъ и не будетъ господствовать надъ нимъ. Государство должно согласоваться съ церковью, чтобы поставить себя главною задачею всего своего существованія — безпрестанно болѣе и болѣе проникаться духомъ церкви, и не только не смотрѣть на церковь какъ на средство къ своему удобнѣйшему существованію, но, напротивъ, въ своемъ существованіи видѣть только средство для полнѣйшаго и удобнѣйшаго водворенія церкви Божіей на землѣ. Если общество понимаетъ свою жизнь такъ, что въ ней временное должно служить вѣчному, то и государственное устройство этого общества должно служить церкви. Если же общество понимаетъ свою жизнь такъ, что въ ней земныя отношенія идутъ сами по себѣ, а духовныя сами по себѣ, то государство въ такомъ обществѣ должно быть отдѣлено отъ церкви. Но такое общество не будетъ состоять изъ христіанъ, а изъ людей невѣрующихъ или, по крайней мѣрѣ, изъ *смѣшанныхъ вѣръ* и убѣжденій. Кошелевъ возражаетъ на это: „для общества нѣтъ ничего вѣчнаго, все для него, какъ и оно само, временное и случайное; вѣчность существуетъ только для человѣка—не какъ гражданина, а какъ лица; государство, которое захочетъ служить вѣчности, должно принять или уставъ Василія Великаго, или иное подобное учрежденіе, но во всякомъ случаѣ оно тѣмъ самымъ перестанетъ быть государствомъ“. Свою собственную теорію въ данномъ вопросѣ Кошелевъ излагаетъ въ слѣдующемъ видѣ: Церковь и государство суть два учрежденія совершенно раздѣленные, и хотя оба имѣютъ предметомъ одно и то же — человѣка, но едины и тождественны только въ человѣкѣ, и то только въ таинственномъ его центрѣ; въ проявленіи же, въ мірѣ, они совершенно различны и общаго ничего не имѣютъ. Правила церкви суть вѣчныя и безусловныя, правила же государства суть временныя и условныя. Источникомъ вѣчнымъ и неисчерпаемымъ для первыхъ служить ученіе Христова, для послѣднихъ — безпрестанно измѣняющіяся правила людей. Изъ вѣчныхъ евангельскихъ ученій ни одно не можетъ быть облечено въ положительный законъ, — какъ же хотѣть, чтобы церковь составляла государство? У каждаго человѣка вѣра бываетъ въ его мѣру (субъективная). Для того, чтобы государство было религиозно, надобно одно изъ двухъ: или перенести на государство ту часть вѣры, которая обща всѣмъ гражданамъ, или представителемъ государства считать государя. Въ первомъ случаѣ переносъ

смая часть вѣры не будетъ ли равняться нулю, а во второмъ, при такой религіозности государства, возможно ли гражданамъ быть религіозными? Кажется, что одно изъ двухъ неминуетъ: если государство имѣетъ вѣру, если оно устанавливаетъ догматы и обряды и опредѣляетъ, что добро и что зло, то граждане суть не что иное какъ куклы,—не только для нихъ невозможно никакое обсужденіе догматовъ и обрядовъ, но даже они не могутъ по-человѣчески, т.-е. свободно, дѣйствовать, а должны испрашивать себѣ привязъ для дѣйствія у правительства, потомъ у него же спрашивать разрѣшенія и на всѣ могущія возникнуть по исполненію сихъ приказовъ сомнѣнія и недоумѣнія. Если же граждане—люди, если вѣра есть достояніе правительства, а не государства, то уже государство никакъ не можетъ быть названо христіанскимъ, а тѣмъ еще менѣе—римско-католическимъ, протестантскимъ или восточно-христіанскимъ. Но, не будучи религіознымъ, государство можетъ и должно быть нравственнымъ: государство живетъ правилами нравственности, вырабатывающимися въ обществѣ. Источникъ этихъ правилъ есть, конечно, вѣра, *и другою источника быть не можетъ*; но государственная правда вытекаетъ не непосредственно изъ вѣры, а посредственно изъ нея *черезъ чловѣка*, который, какъ гражданинъ, проявляетъ свою правду дѣлами и словами, и изъ этихъ проявленій образуется общественная нравственность,—единственное правило для государственныхъ законовъ, распоряженій и сужденій. Всякое посягательство государства на религію вредно для самого государства, ибо такое посягательство подавляетъ, заглушаетъ тотъ источникъ, изъ котораго исходитъ его жизненность, т.-е. личную дѣятельность людей. Но церковь временная существуетъ въ государствѣ и должна имѣть къ нему извѣстныя отношенія. Отношенія эти двоякія. Первые и самыя существенныя, и самыя тѣсныя, никакому закону не подлежащія—*отношенія внутреннія*—суть отношенія церкви къ государству черезъ совѣсть отдѣльныхъ лицъ, какъ членовъ церкви и гражданъ государства. Эти внутреннія отношенія и должны оставаться внутренними, не выражаясь во внѣшности. А поэтому какъ всякое стѣсненіе, такъ и всякое покровительство вредны и для церкви и для государства. Какую жизнь можетъ сообщить государству церковь несвободная? Церковь получаетъ лишь внѣшнихъ исповѣдниковъ, государство же превращаетъ своихъ гражданъ въ лицемѣровъ, обманщиковъ, святотат-

цевъ. Вторыя отношенія церкви къ государству суть внѣшнія, тѣ, которыя каждое учрежденіе въ государствѣ должно къ нему имѣть относительно своихъ внѣшнихъ проявленій, т.-е. своихъ должностныхъ лицъ, обрядовъ, собраній, домовъ и т. д. Въ этомъ отношеніи всѣ церкви въ государствѣ должны имѣть равныя права и пользоваться одинаковою свободою. Сверхъ того, существующія въ государствѣ церкви не должны оскорблять общественной нравственности. Итакъ, государство должно защищать права церкви точно такъ же, какъ оно защищаетъ права какого-нибудь страховаго общества, и наблюдать за ея обрядами и собраніями точно такъ же, какъ оно наблюдаетъ за собраніями обществъ литературныхъ и другихъ. Въ концѣ послѣдняго отвѣта самъ Кирѣевскій указалъ, гдѣ лежитъ узелъ вопроса и корень разногласія: „Для тебя,—писалъ Кирѣевскій Кошелеву,—главное основаніе государства, причина его такого или иного направленія и образованія,—однимъ словомъ, душа государства,—есть общественное мнѣніе или мнѣніе большинства, для меня душа государства есть господствующая въра. Но подумай, право господства большинства не сведется ли въ послѣднемъ результатѣ къ праву сильнаго? Конечно, и при моемъ, и при твоёмъ понятіи о государствѣ должно предположить въ немъ возможность такого оборота вещей, при которомъ грубая эгоистическая сила господствуетъ надъ разумомъ и убѣжденіями народа. Но при моемъ предположеніи это можетъ случиться только обманомъ или явнымъ насиліемъ (чьимъ?!), т.-е. незаконно. При твоёмъ предположеніи это будетъ законное господство партіи, превосходящей по количеству или по силѣ. Вслѣдствіе того неизбѣжно будетъ признать понятіе Гегеля, что всякое правленіе въ государствѣ равно законно, только бы стояло; всякая революція равно законна, только бы удалась; правленіе то незаконно, которое свергнуто, и незаконна революція, которая не удалась. Эти-то безнравственныя положенія и привели Европу къ теперешнему ея положенію. Но въ вопросѣ объ отношеніяхъ государства къ церкви ты идешь гораздо дальше Гегеля: онъ видитъ тѣсную связь между ними, которую ты не признаешь“ (№ 18, въ концѣ). Переписка, которая должна была продолжаться, на этомъ, повидимому, оборвалась, поэтому отвѣта со стороны Алекс. Ив. нѣтъ, но его не трудно предвидѣть. Разъ когда Кошелевъ все-таки верховнымъ началомъ въ самомъ человѣкѣ признаетъ вѣру и, слѣдов., допускаетъ общественную нравствен-

ность не иначе, какъ основанную на христіанской этикѣ, поскольку она можетъ проявиться при извѣстныхъ историческихъ условіяхъ,—понятія о правѣ сильнаго въ принципѣ нѣтъ. Слѣдоват. и при объясненіи Кошелева фактическое проявленіе права силы точно также незаконно. А въ силу чего это фактическое право произошло,—въ силу ли чьего-то (Кирѣевскій не договорилъ) обмана или насилія, или въ силу преобладанія большинства, и притомъ большинства людей не признающихъ христіанской этики,—это въ сущности все равно, только послѣднее и понятнѣе, и вѣрнѣе.

Сочиненія Вине подали поводъ къ другой перепискѣ между братьями Аксаковыми, Хомяковымъ и Кошелевымъ*). И. С. Аксаковъ въ одной изъ проповѣдей Вине (*les murmures des pêcheurs*) остановился, между прочимъ, на мысляхъ, что Богъ караетъ отдѣльныхъ лицъ и народъ за ихъ грѣхи, что страданіе и воспитаніе скорбью есть приуготовленіе къ принятію благодати, что силою ниспосылаемыхъ испытаній Господь удостовѣряетъ человѣка въ любви своей къ нему. По мнѣнію И. С., Богъ предоставилъ въ мірѣ естественный его ходъ, гдѣ все добро, все любовь, все миръ, все гармонія; Богъ не создавалъ несчастія, какъ не создавалъ зла. Богъ устроилъ логическій (т.-е. естественный)**) порядокъ вещей, который уже самъ силою логики своей неминуемо наказываетъ всякаго нарушающаго порядокъ. Несчастье—всегда законное, логическое послѣдствіе нашей ошибки или невѣжества, нашего грѣха, стало-быть оно вполне согласно съ гармоніей и мудростью Божіей. Отсюда прямой выводъ, что для Бога не существуетъ человѣческихъ мелкихъ опредѣленій счастья и несчастія, т.-е. Богъ не вмѣшивается въ житейскія дѣла людей. К. С. Аксаковъ совершенно вѣрно понимаетъ мысль брата, утверждая, что, по понятію послѣдняго, Богъ, разъ заведши законы міра и весь міровой порядокъ.

---

*) Начальное письмо И. С. Аксакова и письмо къ Хомякову К. С. Аксакова помещены въ Приложеніи за №№ 11 и 12. Отвѣтныя письма Хомякова напечатаны во II томѣ его сочиненій (первому 284—291, второму 291—295). Письма объ этомъ предметѣ Хомякова къ Кошелеву („Рус. Арх.“ 1879 г., III, 282—284). Письмо Кошелева — въ Приложеніи № 18.

**) Какъ характерно это выраженіе „логическій“, которое современный языкъ замѣнилъ словомъ естественный: это — остатокъ прежняго трансцендентализма, который рассматривалъ міръ изъ самого человѣка, какъ центра, вмѣсто того чтобы низвести самого человѣка на одно изъ созданій чего-то высшаго, что деисты называютъ Богомъ, а матеріалисты—веществомъ.

удалися, сталъ въ сторонѣ, а міръ пошелъ дѣйствовать по своимъ законамъ. Отсюда молитва не должна содержать въ себѣ какихъ-нибудь личныхъ или общественныхъ пожеланій; молитва словесная или безмолвная, секундная или часовая, молитва искренняя есть возношеніе души къ Богу, сближеніе, соединеніе души съ Богомъ, возжеланіе всѣмъ сердцемъ свѣта истины. Счастье въ Богѣ; счастье христіанина, когда душа постоянно съ Богомъ и Богомъ проживаетъ всю денную жизнь свою, съ ея радостями и законнымъ горемъ, когда душа участвуетъ въ согласномъ хорѣ творенія, когда она постоянно полна звуками всей міровой гармоніи (№ 11). Такимъ образомъ поставленъ былъ вопросъ объ отношеніи свободной человѣческой воли къ Божіей, вопросъ о свободѣ и необходимости, и рѣшенъ въ смыслѣ первой. Это есть отраженіе такъ-называемаго трансцендентальнаго идеализма, развитаго съ окончательною послѣдовательностью Гегелемъ, по которому человѣку присуще самостоятельный духъ или разумъ, мыслящій самъ по себѣ и осуществляющій рѣшенія свои путемъ свободной воли; духъ этотъ или разумъ по своему произволению можетъ вступать въ отношенія съ Богомъ, соединяться съ нимъ, и тогда происходитъ добро въ христіанскомъ смыслѣ; можетъ, наоборотъ, отречься отъ такого соединенія и тогда происходитъ зло. Но во всякомъ случаѣ *непосредственнаго* участія въ людскихъ дѣлахъ Богъ не принимаетъ. Совершенно противоположнаго взгляда держался К. С. Аксаковъ, который принимаетъ непосредственное вмѣшательство Божества въ каждомъ фазисѣ человѣческой дѣятельности. Аксаковъ приводитъ, между прочимъ, живой примѣръ: убійца цѣлится въ васъ изъ-за угла, вы поскользнулись и упали, — пуля пролетѣла мимо: Богу угодно было спасти васъ. Такое соотношеніе Аксаковъ объясняетъ изъ понятія о Божіей безконечности. Самая категорія времени, самое *прежде* и *послѣ* есть созданіе конечнаго міра, есть явленіе изъ него возникшее—и къ безконечному и къ безвременному относиться не можетъ. Человѣкъ не можетъ представить себѣ конца, не можетъ представить и безконечности. Наше понятіе о безконечности есть понятіе о безконечномъ рядѣ концовъ, понятіе безграничное. Итакъ, если *прежде* и *послѣ* есть призма нашего мірка, то понятно, что представлять себѣ эпоху, когда ничего не было, а потомъ эпоху, когда все было заведено и пущено въ ходъ, слѣд. эпоху когда Богъ не былъ творцомъ и эпоху когда сталъ твор-

помъ,— очевидно невозможно. Находясь внѣ предѣловъ, Богъ не положить ихъ когда-нибудь, ибо *когда-нибудь* есть понятіе конечное, ограниченное, но они, предѣлы, постоянно полагаются, разбиваясь сейчасъ же на *прежде* и *послѣ*, на *тамъ* и *здѣсь*, на всю эту конечную безконечность. Поэтому Богъ постоянно, такъ сказать, творитъ міръ или творится въ мірѣ. Слѣдовательно все постоянно угодно Богу, вездѣ Его воля. Призма конечности, являя все во времени и пространствѣ, приурочиваетъ всякое явленіе воли Божіей, въ немъ (конечномъ) мірѣ обличающееся, во времени и пространству. Это приурочиваніе въ конечномъ мірѣ находится въ связи съ вѣчною правдою, съ мудростью Бога, и составляетъ сущность Божіе. Воля человѣческая свободна, но человѣку принадлежитъ только нравственная сторона дѣла, самый же поступокъ, какъ фактъ (быль), есть соизволеніе Божіе и весь міръ строится и ведется имъ къ цѣли, ему извѣстной. Воръ вкрадетъ: тутъ грѣшитъ его свободная воля,—на грѣхъ нѣтъ воли Божіей,—а удался ли ему украсть или нѣтъ, на то воля Божія. Вотъ почему *буквально* вѣрно, что волосъ съ головы не упадетъ безъ воли Божіей. Съ другой стороны, всѣ дѣйствія личныя человѣка суть его воля, онъ всегда повиненъ въ нихъ своею волею, а результаты или направленіе дѣйствій человѣка, принадлежащее Богу, человѣка не оправдываетъ и не обвиняетъ.

Дѣйствуя въ мірѣ, воля Божія дѣйствуетъ міромъ, тѣми явленіями, которыя въ немъ происходятъ. Но воля Божія въ извѣстныхъ частныхъ случаяхъ бываетъ виднѣе, такъ что человѣкъ ее замѣчаетъ и потому говоритъ: „такъ Богу угодно“. Непрерывное сознаніе воздѣйствующей на человѣка воли Божіей убило бы живое чувство самого человѣка, и потому волю и милость Божію человѣкъ слышитъ только мѣстами и временами. Отсюда слѣдуетъ, что человѣкъ всегда и о всемъ можетъ молиться, т.-е. полная свобода молитвы, ибо во всякомъ случаѣ факты человѣческой дѣятельности есть воля Божія и, слѣдовательно, во всѣхъ *будущихъ* случаяхъ можно ее призывать въ томъ или другомъ смыслѣ. Изъ этого же основнаго положенія о соотношеніи воли Божіей (необходимости) и воли человѣческой (свободы) Аксаковъ выводитъ понятіе о чудесахъ, какъ проявленіи воли Божіей для грубыхъ *)

*) Аксаковъ выразился: грубымъ проявленіемъ Божіей воли.

(поправка Хомяк., II, 293). Чудо есть нарушение конечнаго закона, и это есть признакъ его явленія; но общій законъ, всемогущество воли Божіей, остается ненарушимымъ. Аксаковъ изъясняетъ радость, что чудеса рѣдки, а потому человекъ не можетъ увѣровать въ чудеса и такимъ образомъ сдѣлаться язычникомъ и обратить религію въ магію, въ колдовство (№ 12). Такимъ образомъ система К. С. Аксакова представляетъ полное изложеніе теоріи божественнаго міроуправленія или деистической необходимости, оставляя только самый узкій размѣръ для свободы воли человѣческой, какъ это замѣтилъ и Хомяковъ („Русск. Архивъ“ 1879 г. III, 283). Что касается до самого Хомякова, то главнаго вопроса онъ не брался разрѣшить. „Вопросъ о чудѣ,—говоритъ Хомяковъ,—объ его значеніи въ жизни, о молитвѣ и ея дѣйстви и проч., входитъ очевидно въ широкій разрядъ вопросовъ, возникающихъ изъ сопоставленія Божьяго провидѣнія и человѣческой свободы или (болѣе общимъ выраженіемъ) изъ сопоставленія законовъ міровыхъ, логически развивающихся, и законовъ или явленій по видимому исключительныхъ. Изъ этого *не только для насъ разрѣшимаго* противорѣчія возникаютъ два взгляда или двѣ системы: одна, вездѣ признающая только законъ міровой и называющая всякое нарушение его чудомъ, т.-е. явленіемъ рѣдко и почти никогда не допускаемымъ приверженцами этой системы, и другая, вездѣ признающая только частный законъ каждаго отдѣльнаго явленія, прямо возводимаго къ волѣ Божіей. Къ первой системѣ принадлежитъ К. С. Аксаковъ; во второй, гдѣ Богомъ данныя силы разума оставляются въ какомъ-то преступномъ пренебреженіи отъ вѣчнаго ожиданія чудесъ,—Хомяковъ причисляетъ И. В. Кирѣевскаго. Держать настоящую середину, по мнѣнію Хомякова, трудно и даже *едва ли возможно*. Тутъ даже и споръ невозможенъ и остается только каждому смиренно сознавать, что, не слишкомъ строго строя свою систему, онъ долженъ повиноваться въ случаяхъ исключительныхъ *простымъ требованіямъ сердца* (тамъ же). Но за то Хомяковъ подвинулъ частные вопросы, поставленные на очереди Аксаковымъ. Въ отвѣтъ К. С. Аксакову Хомяковъ стѣсняетъ его понятіе о безусловной свободѣ молитвы, поясняя, что кругъ молитвы, въ смыслѣ просьбы, очень узокъ и слѣд. личности въ ней не должно быть излишняго простора. Чудо объясняетъ Хомяковъ слѣдующимъ образомъ: Чудо есть проявленіе силы, о которой вы

еще не имѣете полнаго знанія; отнимите ваше знаніе — и остается дѣло колдовства, магіи, чуда. Чтобы дѣло яснѣе понять, надобно бы сперва спросить: чтѣ такое сила, сила вообще? Это вопросъ очень важный и который непременно ставить въ тупикъ матеріалиста. Вещество намъ всегда является въ пространствѣ, *въ атомистическомъ состояніи*. Очевидно, никакая частица вещества не можетъ дѣйствовать внѣ своихъ предѣловъ, т.-е. дѣйствовать тамъ, гдѣ ея нѣтъ. Итакъ, никакой частной силы быть не можетъ, и сила является принадлежностью не дробнаго вещества, но *всевещества*, т.-е. уже не вещества, но идеи, уже не дробной, но всецѣлой, не рабствующей ничему иному, но свободно творящей силу. Итакъ, сила сама есть иное названіе воли. Какой? Самая плохая логика доводитъ уже прямо до идеи, что эта воля есть воля Божія. Тутъ явно исчезаетъ всякій споръ, всякое несогласіе между чудомъ и обычнымъ ходомъ міра. И въ этомъ мірѣ воли Божіей, свободной, ходитъ опять свободная наша воля, всегда *свободная въ себѣ*, но подчиненная высшей волѣ относительно своего проявленія или послѣдствій своего проявленія (Соч. II, 293—295). Но главный запасъ своихъ возраженій и разъясненій Хомяковъ сосредоточилъ въ отвѣтѣ И. С. Аксакову, который поднялъ самый споръ. И здѣсь Хомяковъ обходитъ главный вопросъ и обращается къ частному; въ письмѣ своемъ онъ прямо говоритъ, что основной вопросъ объ отношеніи свободы человѣческой къ Божьему строителству (или необходимости) *можно покуда отстранить*. Хомяковъ сосредоточивается на анализѣ понятія о грѣхѣ. Понятіе о грѣхѣ имѣетъ два значенія: или собственный проступокъ личный человѣка, противный законамъ Божіей правды, или общее отношеніе человѣчества къ Богу, возникшее изъ первоначальнаго нарушенія закона, предписаннаго человѣку (первородный грѣхъ). Духъ, нарушающій законъ божественной правды, становится по необходимости въ состояніе вражды съ Божіей мыслию, съ гармоніей мірозданія, и слѣдовательно въ состояніе страданія, которое было бы невыносимо, еслибъ оно не умѣрялось постоянною благостью Божіей. Человѣкъ каждый дольникъ грѣха (первороднаго), по необходимости, дольникъ страданія, страдаетъ *вслѣдствіе*, но не въ мѣру своей доли нравственной нечистоты или грѣховности („Рус. Арх.“ III, 286) *). Итакъ, сознаніе, что человѣкъ страдаетъ за свой грѣхъ или

*) Объясненіе исполненія грѣха Христоу (ibid. 286).

грѣховность, и сознание грѣха въ каждомъ страданіи, какъ бы оно ни было ничтожно, совершенно справедливо, но не относительно *мысли*. Хомяковъ говоритъ, что исполненіе молитвы съ извѣстной точки зрѣнія есть чудо, потому что оно измѣняетъ божественное строительство согласно услышанной молитвѣ. Какимъ образомъ это происходитъ? Вопросъ, очевидно, неразрѣшимъ вполнѣ; но въ то время душа какъ будто чувствуетъ, что различіе мысли Божіей въ отношеніи ко всему міру и той же мысли въ отношеніи къ каждому данному случаю (то-есть исполненія молитвы) выдуманно бредомъ нашей слѣпоты и не имѣетъ никакой существенности. Законы нравственнаго міра такъ же непреложны, какъ и законы міра физическаго (который есть въ то же время и нравственный), а между тѣмъ мы чувствуемъ, что наша воля (разумѣется, подъ благодатью) измѣняетъ насъ самихъ и слѣдов. наши отношенія къ Богу. Почему та же воля, выраженная въ молитвѣ, не могла бы измѣнить и отношеній нашихъ къ міру внѣшнему (289)? Кошелевъ отказался отъ участія въ спорѣ. „Я вполнѣ,—говоритъ Ал. Ив.,—чувствую, что это (мнѣніе высказанное Ив. Серг.) не такъ, что это мнѣніе не религиозное, но философское, что оно противно не только нашей церкви, но всѣмъ церквамъ, что оно охлаждаетъ жизнь и что у него молитва есть суррогатъ. Изложенное Аксаковымъ мнѣніе содержится, съ нѣкоторыми измѣненіями, въ воззрѣвіи Шеллинга на начало зла, на Провидѣніе и проч. (№ 13).

Взглядъ славянофиловъ на отношенія правительства къ народу выразился всего короче, опредѣленнѣе и послѣдовательнѣе въ „дополненіяхъ“ къ запискѣ, поданной покойному Императору К. С. Аксаковымъ, чрезъ гр. Блудова, черезъ годъ по восшествіи его на престолъ (1855). Записка эта помѣщена въ №№ 26, 27 и 28 „Руси“ за 1888 годъ:

I. Русскій народъ, не имѣющій въ себѣ политическаго элемента, отдѣлилъ государство отъ себя и государствовать не хочетъ.

II. Не желая государствовать, народъ предоставляетъ правительству неограниченную власть государственную.

III. Въ замѣнъ этого, русскій народъ предоставляетъ себѣ нравственную свободу, свободу жизни и духа.

IV. Государственная неограниченная власть, безъ вмѣшательства въ нее народа, можетъ быть только неограниченная монархія.

V. На основаніи такихъ началъ зиждется русское устройство: правительству (необходимо монархическому)—неограниченная власть, государственная, политическая; народу—полная свобода нравственная, свобода жизни и духа (мысли и слова).

Единственно, что самостоятельно может и должен предлагать самовластный народъ полновластному правительству, это—мнѣніе (слѣдовательно сила чисто-нравственная), мнѣніе, которое правительство вольно принять и не принять.

VI. Эти истинныя начала могутъ быть нарушены и съ той и съ другой стороны.

VII. При нарушеніи ихъ со стороны народа, при ограниченіи власти правительства, слѣдов. при вмѣшательствѣ народа въ правительство, народъ прибѣгаетъ къ внѣшней, принудительной силѣ, измѣняетъ своему пути внутренней духовной свободы и силы и непремѣнно портится нравственно.

VIII. При нарушеніи этихъ началъ со стороны правительства, при стѣсненіи правительствомъ въ народѣ свободы нравственной, свободы жизни и духа, неограниченная монархія обращается въ деспотизмъ, въ правительство безнравственное, гнетущее всѣ нравственныя силы и развращающее душу народа.

IX. Начала русскаго гражданскаго устройства не были нарушены со стороны народа (ибо это его коренныя, народныя начала), но были нарушены со стороны правительства. То-есть правительство вмѣшалось въ нравственную свободу народа, стѣснило свободу жизни и духа (мысли, слова) и перешло такимъ образомъ въ душевредный деспотизмъ, гнетущій духовный міръ и человѣческое достоинство народа и, наконецъ, обозначившійся упадкомъ нравственныхъ силъ въ Россіи и общественнымъ разслабленіемъ. Впереди же этотъ деспотизмъ угрожаетъ или совершеннымъ разслабленіемъ и паденіемъ Россіи, на радость враговъ ея, или же искаженіемъ русскихъ началъ въ самомъ народѣ, который, не находя свободы нравственной, захочетъ наконецъ свободы политической, прибѣгнуть къ революціи и оставить свой истинный путь. И тотъ и другой исходъ ужасны, ибо и тотъ и другой гибельны: одинъ—въ матеріальномъ и нравственномъ, другой—въ одномъ нравственномъ отношеніи.

X. Итакъ, нарушеніе, со стороны правительства, русскаго гражданскаго устройства, похищеніе у народа нравственной его свободы,—однимъ словомъ, отступленіе правительства отъ истинныхъ русскихъ началъ,—вотъ источникъ всякаго зла въ Россіи.

XI. Поправленіе дѣла зависитъ очевидно отъ правительства.

XII. Правительство наложило нравственный и жизненный гнетъ на Россію; оно должно снять этотъ гнетъ. Правительство отступило отъ истинныхъ началъ русскаго гражданскаго устройства, оно должно воротиться къ этимъ началамъ, а именно: *правительству—неограниченная власть государственная, народу—полная свобода нравственная, свобода жизни и духа; правительству—право дѣйствія и слѣд. закона, народу—право жинія и слѣд. слова.*

XIII. Но какъ же его привести въ исполненіе? Отвѣтъ на это находимъ въ самомъ указаніи общихъ началъ. Духъ живетъ и выражается въ словѣ. Свобода духовная или нравственная народа есть свобода слова.

XIV. Итакъ, свобода слова—вотъ что нужно Россіи, вотъ прямое приложеніе общаго начала къ дѣлу, до того съ нимъ нераздѣльное, что свобода слова есть начало (принципъ) и явленіе (фактъ).

XV. Но и не удовлетворяясь тѣмъ, что свобода слова, а поэтому и общественное мнѣніе, существуетъ, правительство чувствуетъ иногда нужду само вызывать общественное мнѣніе. Какимъ образомъ можетъ правительство вызывать это мнѣніе?

Древняя Русь указываетъ намъ и на дѣло самое, и на способъ. Цари наши вызывали, въ важныхъ случаяхъ, общественное мнѣніе всей Россіи и созывали для того *земскіе соборы*, на которыхъ были выборные отъ всѣхъ сословій и со всѣхъ концовъ Россіи. Такой земскій соборъ имѣетъ значеніе *только мнѣнія*, которое государь можетъ принять и не принять.

Итакъ, изъ всего сказаннаго въ моей „запискѣ“ и объясненнаго въ этомъ „дополненіи“ вытекаетъ ясное, опредѣленное, прилагаемое къ дѣлу и въ этомъ смыслѣ *практическое* указаніе, что нужно для внутренняго состоянія Россіи, отъ котораго зависитъ и внѣшнее ея состояніе; именно: полная *свобода слова* устнаго и печатнаго—всегда и постоянно, и *земскій соборъ*—въ тѣхъ случаяхъ, когда правительство захочетъ спросить мнѣнія страны.

Внутренній общій союзъ жизни,—сказалъ я въ своей „запискѣ“,—до того ослабѣлъ въ Россіи, сословія въ ней до того отдалились другъ отъ друга, вслѣдствіе полурасполѣтней деспотической системы правительства, что земскій соборъ въ настоящую минуту не могъ бы принести своей пользы. Я говорю: *въ настоящую минуту*, т.-е. немедленно. Земскій соборъ непремѣнно полезенъ для государства и земли, и нужно пройти нѣкоторому только времени, чтобы правительство могло воспользоваться мудрымъ указаніемъ древней Руси и созвать земскій соборъ.

Открыто возмѣщаемое общественное мнѣніе — вотъ чѣмъ въ настоящую минуту можетъ быть замѣненъ для правительства земскій соборъ; но для того необходима свобода слова, которая дастъ правительству возможность созвать вскорѣ съ полною пользою для себя и народа земскій соборъ.

Это понятіе о раздѣленіи власти между правительствомъ и обществомъ, между государствомъ и землею, причемъ обществу, землѣ, предоставляется только право совѣщательнаго участія, есть основаніе политическихъ убѣжденій славянофиловъ.

Возникаетъ вопросъ, насколько оно правильно, и притомъ съ общей теоретической философской точки зрѣнія. Но, прежде всего, существуетъ ли такая точка для наукъ политическихъ? Государство, какъ способъ устройства или форма народной жизни, никогда не можетъ перейти въ идею и всегда останется реальнымъ фактомъ; а потому всякая государственная теорія — въ смыслѣ философскомъ — невозможна. Однѣ формы существуютъ въ государствахъ болѣе свободныхъ, а другія—въ менѣе свободныхъ; но дѣло не въ формахъ, а въ содержаніи, въ народѣ или въ обществѣ. Какъ скоро народъ достигнетъ извѣстной цивилизаціи, такъ онъ самъ устроитъ внутреннія свои отношенія, причемъ выработаетъ и подходящую форму. Это хорошо сознавалъ Хомяковъ, хотя съ своеобразнымъ отгнѣнкомъ. „Я говорю не о *наукѣ правъ*, т.-е. закона обычнаго или письменнаго, въ его положительномъ развитіи (догма). Эта наука тоже называется наукою права, но она имѣетъ историческое значеніе и, слѣдовательно, неоспоримое достоинство. Я говорю о *наукѣ права*—какъ права самобытнаго, самостоятельнаго, носящаго въ себѣ свои собственныя начала и законы своего опредѣленія (*Naturrecht* въ смыслѣ идеала). Самостоятельная наука должна имѣть свои начала въ самой себѣ. Какія же начала безусловнаго права? Человѣкъ является въ совокупности силъ ум-

ственныхъ и тѣлесныхъ. Въ этотъ отношеніи онъ можетъ быть предметомъ науки чисто-опытной, человѣко-знанія (антропологін), но его силы еще не имѣютъ характера права. Эти силы могутъ быть ограничены извнѣ, силами природы, или силами другихъ людей, но и сила человѣка въ ограниченіи своемъ еще не имѣетъ значенія права. Это только сила стѣсненная. Для того, чтобы сила сдѣлалась правомъ, надобно чтобы она получила свои границы отъ закона,—не отъ закона внѣшняго, который опять не что иное какъ сила (напримѣръ завоеваніе), но отъ закона внутренняго, признаннаго самимъ человѣкомъ. Этотъ признанный законъ есть признанная имъ *нравственная обязанность*. Она—и только она—даетъ силамъ человѣка значеніе права. Слѣдовательно наука о правѣ получаетъ нѣкоторое разумное значеніе только въ смыслѣ науки о самопризнаваемыхъ предѣлахъ силы человѣческой, т.-е. о нравственныхъ обязанностяхъ, точно такъ какъ геометрія не есть наука о пространствѣ, но о формахъ пространства. Съ другой стороны, понятіе объ обязанности находится въ прямой зависимости отъ общаго понятія человѣка о всечеловѣческой и всемірной нравственной истинѣ и, слѣдовательно, не можетъ быть предметомъ отдѣльнымъ для самобытной науки. Очевидно, что наука объ обязанностяхъ, возводящихъ силу человѣка въ право, не только находится въ прямой зависимости отъ понятія о всемірной истинѣ, будь оно философское или религіозное, но составляетъ часть изъ его общей системы философской или религіозной. Итакъ, можетъ существовать наука права по такой-то философін или по такой-то вѣрѣ; но наука права самобытнаго есть прямая и яреалъ безсмыслица, и разумное толкованіе о правѣ можетъ основываться только на объявленныхъ началахъ всемірнаго знанія или вѣрованія, которое принимаетъ тотъ или другой человѣкъ (Соч. I, 14—15; напечатана въ 4-й кн. „Москвит.“ 1845 г.). А потому съ точки зрѣнія славянофиловъ не слѣдуетъ ставить вопросъ, есть ли совѣщательная функція общества, земли, нормальная въ смыслѣ философскомъ, или, другими словами, удовлетворяетъ ли она неопредѣленно отдаленному будущему, а тѣмъ менѣе похожа ли эта функція на таковую же въ западныхъ государствахъ? Единственный возможный вопросъ: происходитъ ли эта совѣщательная функція изъ духа русскаго народа, изъ его народности, или, другими словами, выражалась ли она всегда и постоянно въ русской исторіи

до того времени, когда какой-либо переворотъ, обусловленный вѣдшими причинами или извѣстными обстоятельствами, временно уничтожилъ или затормазилъ ея отправленіе? Противъ такой постановки вопроса прежде всего является такое соображеніе. Теперешнія представительныя учрежденія на Западѣ сначала также выступили въ качествѣ совѣщательныхъ собраній, созываемыхъ правительственною властью, также сначала ограничивались ролью пассивно-совѣщательною; но, вслѣдствіе неослабной настойчивости и народной энергіи, они достигли активнаго вмѣшательства, установившаго неизмѣнный законъ вмѣсто колеблющагося въ ту и другую сторону правительственнаго произвола. Есть ли этотъ путь неизбѣжный и долженъ ли онъ привести къ такимъ же, какъ на Западѣ, результатамъ, то-есть къ борьбѣ и измѣненію совѣщательной роли общества, земли, въ формѣ представительнаго правленія, съ активною ролью выборныхъ? Славянофилы отвѣчаютъ, — и это второе ихъ основное положеніе, — что въ Россіи, вслѣдствіе отсутствія завоеванія, борьбы правительства съ землею никогда не существовало, что между ними розни не было, а всегда былъ миръ, не требующій особыхъ формальныхъ гарантій, и что если когда-либо происходили беспорядки, то возставшіе имѣли дѣло или съ дѣйствительными злоупотребленіями власти, или съ мнимыми, причемъ возставшіе тѣмъ или другимъ способомъ введены были въ обманъ или заблужденіе отъ имени той же власти (самозванцы). Славянофиламъ принадлежитъ честь, что они въ народномъ вѣчѣ, боярской думѣ и земскомъ соборѣ инстинктивно угадали (памятники тогда еще не были достаточно разработаны, чтобы приводить документальныя доказательства) органическія проявленія совѣщательнаго голоса земли, а не отголоски до государственнаго самоуправления или преходящій капризъ самодержавнаго царя, какъ смотрѣли на эти учрежденія люди изучавшіе русскую исторію по западнымъ шаблонамъ. Послѣдующіе труды Шапова, Костомарова, Сергѣевича, Ключевскаго и друг. подтвердили гаданія славянофиловъ въ области русской исторіи. Въ своей „Боярской думѣ“ Ключевскій доказалъ, что дума, несмотря на свое раболѣпство, была учрежденіе органическое, а сенатъ, несмотря на высокое положеніе, въ которое поставилъ его Петръ, — учрежденіе бюрократическое. Въ послѣдней своей статьѣ „О земскихъ соборахъ“ („Русск. Мысль“, январь 1892 г.) В. О. Ключевскій утверждаетъ, что московское пра-

вительство стремилось ввести въ государственное управленіе новыя силы. Эти силы надѣялось оно вызвать привлеченіемъ мѣстныхъ обществъ къ участию въ управленіи. На земскихъ соборахъ XVI в. эти силы являлись въ лицѣ тѣхъ органовъ управленія и депутатовъ мѣстныхъ обществъ, которые составляли вторую исполнительную половину собора (первую, руководящую, въ смыслѣ органовъ центрального управленія, составляли члены боярской думы, начальники и дьяки московскихъ приказовъ) и которымъ можно придавать представительное значеніе. Органы мѣстнаго управленія, призывавшіеся на соборъ правительствомъ, и депутаты, которыхъ посылали туда по выбору мѣстнаго общества, конечно, черпали свои представительныя полномочія изъ различныхъ источниковъ: для однихъ этимъ источникомъ служила правительственная должность, для другихъ—общественный выборъ, т.-е. довѣріе общества. *Но въ то время между этими источниками не было такою антагонизма, какой существуетъ теперь.* Во второй половинѣ XVI в. правительство старалось подбирать на должности по мѣстному управленію людей, которые и независимо отъ своей правительственной должности имѣли связь съ управляемымъ обществомъ. Подборъ офицеровъ для уѣздныхъ дворянскихъ отрядовъ изъ лучшихъ дворянъ тѣхъ же уѣздовъ былъ обычнымъ явленіемъ, если не былъ правиломъ; нерѣдко воеводой города назначался дворянинъ, принадлежавшій къ дворянскому обществу того же города или имѣвшій землю въ его уѣздѣ (стр. 144). Эти соображенія едва ли оправдываютъ общій взглядъ уважаемаго профессора на земскіе соборы. По его мнѣнію, земское представительство возникло у насъ изъ потребностей государства, а не изъ усилій общества, явилось по призыву правительства, а *не выработалось изъ жизни народа*, наложено было на государственный порядокъ *дѣйствіемъ сверху механически*, а *не выросло органически*, какъ плодъ внутренняго развитія общества (стр. 141). Здѣсь прежде всего надо разъяснить вопросъ, что въ народной жизни вырастаетъ *механически* и что *органически*, или—что одно и то же—налагается сверху, дѣйствіемъ правительства, или вырабатывается изъ жизни народной усилиями самого общества. Очевидно, что авторъ подъ словомъ *органически* разумѣетъ борьбу, а подъ словомъ *механически* — отсутствіе ея. Такъ оно и слѣдуетъ, если судить по западному шаблону и принимая правительство и общество за

дѣя раздѣльныя и между собою несогласныя силы, признавать за активный элементъ ту сторону, среди которой возбуждена была инициатива. Но славянофилы доказали — и доказали совершенно справедливо, что въ древней Руси именно не было того разъединеннаго и враждебнаго раздвоенія правительства и народа, государства и земли, которое съ перваго основанія западныхъ государствъ установилось вслѣдствіе борьбы культуры и народностей и наложило свою печать на всѣ политическія формы, установивъ разъ навсегда этотъ путь борьбы, какъ культурный приемъ римско-германской цивилизаціи; что между государствомъ и землей былъ всегда миръ, согласіе, — конечно, не въ смыслѣ постоянного удовлетворенія законныхъ и справедливыхъ требованій той и другой стороны, но въ томъ смыслѣ, что — послѣ всякихъ колебаній и захватовъ со стороны власти — обѣ стороны мирно, безъ борьбы, но сами собою, т.-е. *органически*, но не *механически*, приходили въ замиренію. Этотъ путь мирнаго развитія — безъ борьбы — вопросъ объ инициативѣ не ставитъ такъ рѣзко, чтобы по этому одному судить объ активномъ вмѣшательствѣ стороны, но понятно, что съ внѣшней стороны дѣятельность государства, проявляющаяся во всей своей полнотѣ въ видимыхъ и остающихся результатахъ, — совершенно заслоняетъ, въ особенности для отдаленнаго потомства, для котораго не слышно біенія прежней жизни, тотъ властный, но нѣмый для насъ, современниковъ, и убитый послѣдующими событіями, духъ народный, ту нетронутую силу общественную, которая заставляла московское правительство содержать при себѣ боярскую думу, выбирать своими правительственными органами лучшихъ мѣстныхъ людей, созывать соборы и издавать свои указы въ отвѣтъ на челобитья общинъ и отдѣльныхъ лицъ. Даже въ позднѣйшія времена, послѣ Петровскаго преобразования, только тѣ реформы удавались и приносили пользу, гдѣ — въ томъ или другомъ видѣ — правительство выслушивало голосъ земли и исполненіе своихъ мѣропріятій поручало выборнымъ людямъ. Это именно имѣли въ виду славянофилы, противопоставляя строй древней Московской Руси строю новѣйшей Петербургской, бюрократической, созданной дѣйствительно *механически*, по формамъ перенесенныхъ съ Запада и не только не выросшимъ органически на народной почвѣ, но лишеннымъ того содержанія, которое онѣ на Западѣ имѣли и имѣютъ.

Поэтому славянофилы были правы въ обвиненіи Петра съ той стороны, что Петръ затормазилъ у насъ совѣщательный голосъ земли ничѣмъ не сдержаннымъ бюрократическимъ произволомъ. Но они опустили изъ виду, или по крайней мѣрѣ не достаточно отгѣнили, что Петръ въ данную минуту долженъ былъ, такъ сказать, перевести свой народъ на военное положеніе и, обучая его силою западному просвѣщенію, въ то же время силою брать это просвѣщеніе у Запада, отказывавшаго въ мирномъ усвоеніи. Съ этой точки зрѣнія временнаго приспособленія личность Петра должна быть выгорожена отъ нареканій, падающихъ на способъ дальнѣйшаго продолженія его реформеннаго дѣла. Что же касается до отвѣта на вопросъ, какими путями: однимъ ли развитіемъ и распространеніемъ свободнаго общественнаго мнѣнія, выраженнаго въ совѣщательныхъ учрежденіяхъ, или упорною борьбою и переходомъ къ активному участию, къ осуществленію гарантій въ той или другой формѣ, установится царство закона на мѣсто произвола,—а этой главной дѣли славянофилы никогда не терали изъ вида,—то отвѣтъ въ данномъ случаѣ можетъ быть не теоретическій, а историческій, и обусловливается взаимнымъ отношеніемъ сторонъ сообразно степени развитія и нравственнымъ качествамъ той и другой. Но во всякомъ случаѣ вопросъ не разрѣшается простымъ перенесеніемъ формъ представительнаго правленія, хотя бы и съ нѣкоторымъ примѣненіемъ къ условіямъ русской жизни. Замѣчу мимоходомъ, что въ русской исторіи замѣчается дѣйствительно какая-то внутренняя сила, сила *пассивнаго сопротивленія*, не всплывающая наружу внѣшними фактами обостренной борьбы, но выкидывающая все, что не усваивается органическимъ прогрессомъ народной жизни. Эту силу, въ отличіе отъ тревожнаго и рѣзко выступающаго наружу процесса западной исторіи, славянофилы называли,—правильно ли или нѣтъ, это другой вопросъ,—*миромъ, смиреніемъ*.

Свой идеаль политическаго устройства К. С. Аксаковъ изложилъ въ общихъ чертахъ въ замѣчаніяхъ на „Новое административное устройство крестьянъ въ Россіи“. Русскій народъ прожилъ на памяти исторіи тысячу лѣтъ, и древнее устройство, имъ созданное, свой міръ, со всѣми его отгѣнками, умѣлъ, въ предѣлахъ крестьянства (которое не безъ основанія зовется собственно народомъ), сберечь и пронести сквозь всѣ искушенія и соблазны до

нашихъ дней, когда передовое сознаніе Европы доходить,—какъ до идеальнаго совершенства, существующаго лишь въ мечтаніи,— до того, что у нашего народа есть дѣйствительность, фактъ; когда, съ другой стороны, въ самой Россіи пробудилось самостоятельное мышленіе и обратилось къ русскимъ началамъ и самобытнымъ явленіямъ, которыя доселѣ вѣпи въ русскомъ народѣ. Слѣдов., готовясь разсуждать о предстоящемъ устройствѣ русскаго народа (т.-е. объ устройствѣ сельскихъ общинъ въ редакціонныхъ комиссіяхъ), надо было начать съ того, чтобы изучить это устройство во всѣхъ возможныхъ подробностяхъ, какъ въ историческомъ, такъ и въ современномъ мѣстномъ отношеніи. Тысячелѣтній опытъ народа что-нибудь да значить (17—18). Въ народѣ найдемъ самое естественное основаніе: именно о такомъ бы то ни было дѣлѣ судять тѣ или лучше то общество, до котораго это дѣло касается. Такимъ образомъ объемъ міра съ одной стороны сжимается до деревни, до выселка, до починка, а съ другой стороны расширяется на всю Русь. Такимъ образомъ является множество круговъ, совершенно самостоятельныхъ и удовлетворительныхъ для себя каждый, которые, начиная отъ самыхъ малыхъ, восходятъ, смыкаясь между собою вмѣстѣ, до самыхъ широкихъ. Подобная градація видна въ русской исторіи. Напримѣръ улица въ Новгородѣ имѣла свой міръ, свою сходку, свое вѣче, конецъ въ Новгородѣ—свое вѣче, Софійская сторона и торговая сторона—свое вѣче, весь Новгород—свое вѣче. Наконецъ въ одномъ случаѣ въ Новгородѣ приходятъ Псковъ и Ладога и соединяются въ одно общее великое вѣче. *Русская земля представляетъ такимъ образомъ соединеніе оконченныхъ въ себѣ круговъ, смыкающихся другъ съ другомъ и восходящихъ отъ самыхъ малыхъ до самыхъ широкихъ размѣровъ.* Въ сущности оно такъ и должно быть. Но здѣсь сами собою образуются болѣе постоянные круги или міры, на которыхъ задерживается и останавливается это постоянное расширеніе. Здѣсь являются болѣе прочные центры круговъ, къ которымъ тянутъ другіе мелкіе *).

Такимъ образомъ основой и формой государственнаго устройства въ Россіи Аксаковъ признаетъ міръ. Аксаковъ не изложилъ

---

*) Сохранить общину и дать свободу лицу, распространить сельское и волостное self government по городамъ и всему государству, сохраняя народное единство,—вотъ въ чемъ состоитъ вопросъ о будущемъ въ Россіи (Герценъ: „Старый міръ и Россія“. Соч. V, 283).

своего мнѣнія объ этихъ общихъ или задерживающихъ центрахъ, которые являются органами государственной организаціи. Но самое понятіе о мѣрѣ имѣетъ два существенные и неизмѣнные признака: всесловность и общую подачу голосовъ.

Александръ Ивановичъ не задавался такими неопредѣленно отдаленными и смутными идеалами, какъ К. С. Аксаковъ. Смотри на наше положеніе какъ на острый недугъ, Кошелевъ желалъ найти немедленное цѣлебное средство и находилъ его въ созывѣ земской думы. Мысль свою Ал. Ив. постоянно развивалъ въ цѣломъ рядѣ заграничныхъ брошюръ довольно сходнаго содержанія, за исключеніемъ почерпнутаго изъ событій минуты фактическаго изложенія симптомовъ болѣзни. Сюда относятся: „Какой исходъ для Россіи изъ нынѣшняго ея положенія“ (1862 г.), „Конституція, самодержавіе и земская дума“ (1862 г.), „Общая земская дума“, какъ отдѣльное приложеніе къ брошюрѣ „Наше положеніе“ (1875 г.) и „Что же теперь“ (августъ 1882 г.).

Главное положеніе Кошелева представляется въ слѣдующемъ видѣ: „Ошибочно думать, что какой-либо образъ правленія можетъ неминуемо обезпечить гражданамъ свободу, безопасность, гласность, равенство передъ закономъ и другія блага вождельныя и необходимыя для человѣка. И самыя либеральныя монархическія конституціи и даже республиканскія учрежденія не всегда доставляютъ людямъ то, чего они желаютъ, и нерѣдко приводятъ ихъ къ тяжкимъ деспотизмамъ. Конечно, нѣкоторые образы правленія представляютъ болѣе вѣроятія къ обезпеченію гражданамъ свободы и благосостоянія; но главное, самое важное—не въ формѣ, а въ сущности правленія. А эта сущность не вносится, не вкладывается, не сочиняется, а должна исходить изъ самаго народа, его жизни, его характера, его убѣжденій, его мѣстныхъ и временныхъ обстоятельствъ, и развиваться согласно совокупнымъ ихъ требованіямъ. Въ нынѣшнія времена возникъ въ Европѣ конституціонализмъ, т. е. попытка согласованія единодержавія съ народовластіемъ. Удачнѣйшій опытъ, въ этомъ смыслѣ, сдѣланъ въ Англіи: тамъ—мѣсто его рожденія; тамъ возникъ онъ самъ собою, постепенно, изъ народныхъ нуждъ и согласно свойствамъ народнаго духа; а потому тамъ развился онъ вполне естественно и доставилъ людямъ блага свободы, обезпеченности, самобытности и устойчивости. Не такимъ оказался онъ пересаженный на европейскій материкъ: за

исключеніемъ двухъ маленькихъ государствъ—Голландіи и Бельгіи, гдѣ особенныя обстоятельства помогли его водворенію, во всѣхъ прочихъ странахъ конституціонализмъ далеко не доставилъ того, чего отъ него ожидали. Сочинены тутъ самыя либеральныя конституціи; устроены по двѣ палаты; избирательныя права даны всѣмъ гражданамъ; гласность предоставлена и совѣщаніямъ, и суду, и печати; министры объявлены отвѣтственными передъ палатами. Казалось, все сдѣлано для достиженія желаемой цѣли, а между тѣмъ настоящей свободы и гражданской обезпеченности на всей материкѣ—мало, а общаго благосостоянія—еще меньше. И все это отчего?—отъ того, что ввести, учредить, создать какое-либо прочное, сильное, духу и потребностямъ народу соотвѣтствующее управленіе—трудно, почти невозможно. Оно должно исходить изъ прошлой и настоящей жизни народа, корениться въ ней, ею питаться и удовлетворять ея нуждамъ,—оно должно, такъ сказать, само собою народиться“.

Единственною формою, соотвѣтствующею въ данную минуту потребностямъ и желаніямъ русскаго народа, Кошелевъ признаетъ неограниченную монархію или самодержавіе по слѣдующимъ основаніямъ:

1. Потому, что изо ста русскихъ 99 за него, и народу навязать то, чего желаютъ и требуютъ немногіе, и безразсудно, и даже невозможно. Пусть спросятъ народъ русскій и всѣ страны къ нему присоединенныя, не исключая ни такъ называемыхъ остзейскихъ, ни такъ называемыхъ польскихъ губерній, и огромное большинство отвѣтитъ: „пусть царь будетъ самодержавенъ“, ибо собственно народъ несравненно болѣе терпитъ отъ дворянства, купечества, духовенства и, въ особенности, отъ чиновничества, изъ нихъ набираемаго, чѣмъ собственно отъ самодержавной власти или отъ царя, котораго народъ считаетъ своимъ заступникомъ, покровителемъ и единственнымъ правосуднымъ карателемъ злоупотребленій. Къ этому же, при разнообразіи племенъ, составляющихъ Имперію, при многочисленности собственно русскаго и при относительной малочисленности прочихъ народовъ, при недостаточномъ ихъ знакомствѣ между собою и при опасеніяхъ, всегда возбуждаемыхъ величиной неизвѣстной,—провинціи, окаймляющія наше государство, расположены болѣе къ царю, чѣмъ собственно къ Россіи; и это можетъ измѣниться только впоследствии, когда онѣ убѣдятся, что русскимъ

вовсе не свойственно во зло употреблять свою численность, и что нашъ народный духъ, своей широтой, глубиной, воспримчивостью и терпимостью, можетъ ужиться со всѣми разнообразными племенами, не стѣсняя, не давя никого и не палагая ни на кого своихъ особенностей.

2. Потому, что самодержавіе вовсе не значитъ безграничный, дѣйствующій только по своимъ прихотямъ и взглядамъ произволъ одного лица. Еще менѣе оно значитъ самоуправство министровъ, губернаторовъ, исправниковъ и проч., распоряжающихся во имя верховной власти, считающихъ себя и являющихся какими-то царьками. Самодержавіе, какъ его понимаютъ народъ и до-Петровская исторія, власть полная, но заключенная въ предѣлахъ закона (какъ ей не исполнять, не уважать собственнаго своего творенія), освѣщенная совѣтами и знаніями народныхъ выборныхъ и дѣйствующая чрезъ помощниковъ, ею назначаемыхъ изъ среды людей, пользующихся довѣріемъ и уваженіемъ земли; слѣдовательно такое самодержавіе не есть деспотизмъ, не есть бюрократія; оно не только не враждебно народнымъ вольностямъ, но ими оживляется и укрѣпляется.

3. Потому, что теперь нѣтъ и еще долго не будетъ никакой возможности дѣйствительно ограничить у насъ самодержавіе. Допустимъ, что конституція, вродѣ бельгійской или итальянской, сочинена и обнародована, что палаты собраны и дѣйствуютъ какъ нельзя лучше, что онѣ недовольны правительствомъ и отказываютъ ему въ сборѣ податей,—что изъ этого выйдетъ? Въ другихъ странахъ послѣдуетъ перемѣна министерства, но въ Россіи царскій манифестъ, прочтенный въ церквахъ, всеиленъ: крестьяне, мѣщане, вущы и духовенство станутъ на сторону царя, и тогда конституція, пересаженная изъ чужихъ краевъ, останется только въ полномъ собраніи законовъ, памятникомъ законодательной лжи и представительнаго безсилія.

Конституціонализмъ есть такое государственное устройство, при которомъ верховная власть, по основнымъ законамъ, принадлежитъ государю обще съ палатами. Конституціонализмъ непременно предполагаетъ въ государствѣ три силы: демократическую, аристократическую и монархическую. Первая, вообще малоимущая, малоправная, хотя и весьма многочисленная, алчетъ перемѣнъ и приобрѣтеній, а потому она побуждаетъ управление на разныя ново-

введенія. Вторая сила, вообще обладающая землею, разными богатствами и властью и дорожащая удержаніемъ ихъ за собою, старается охранять по возможности все существующее и задерживать стремленіе въ преобразованіяхъ. Наконецъ, послѣдняя сила, т.-е. монархическая, имѣетъ обязанностью умѣрять, умиротворять, согласовать предыдущихъ двухъ дѣятелей, утверждать и приводить въ исполненіе законоположенія и принимать нужныя административныя мѣры. При этомъ важнѣйшее условіе для успѣшнаго дѣйствія этихъ силъ содержится въ надлежащемъ ихъ уравниваніи и въ предоставленіи каждой изъ нихъ нужной и соразмѣрной доли власти. Слѣдовательно конституціонализмъ непрѣнно требуетъ разныя силы и нѣкоторое соревнованіе или борьбу между ними. У насъ на дѣлѣ этого ничего нѣтъ, мы видимъ у насъ и въ настоящемъ двѣ главныя дѣйствующія силы: верховную власть и народъ.—Первая стоитъ теперь тверже, крѣпче и выше, чѣмъ когда-либо стояла. Основанія ея значительно расширились чрезъ вступленіе ея въ прямыя сношенія съ нѣсколькими десятками милліоновъ людей, бывшихъ прежде въ полной зависимости отъ помещиковъ, а нынѣ пользующихся гражданскими правами. Дѣйствія верховной власти, конечно, не такъ свободны и не такъ производительны, какъ бы они могли быть; причинами тому, что она еще не имѣетъ всѣхъ средствъ знать настоящія потребности страны и пользоваться всѣми, ею предоставляемыми, пособіями, и что между властью и народомъ стоитъ стѣною бюрократія. Но—чрезъ введенныя земскія учрежденія, установленный гласный судъ и прорывающіеся отъ времени до времени отзвуки гласности—верховная власть уже кое-что узнаетъ о дѣйствительномъ положеніи страны и хотя сколько-нибудь можетъ обуздывать своеволие своихъ агентовъ. Народъ, въ лицѣ всеобщаго земства, крѣпнетъ и все болѣе и болѣе вступаетъ въ права, ему предоставленныя. Нельзя при этомъ не замѣтить, что по мѣрѣ развитія земства, олицетворяющаго совокупность народа, сословія все болѣе и болѣе утрачиваютъ у насъ свое значеніе и все менѣе и менѣе имѣютъ возможность служить правительству опорой при веденіи государственныхъ дѣлъ. Дворянство, даже въ тѣ времена, когда оно было на Руси единственнымъ правами снабженнымъ сословіемъ, и когда, подъ вліяніемъ Монтескьё, правительство считало необходимымъ устроить въ государствѣ аристократію, не сумѣло или не могло

воспользоваться благоприятными для него обстоятельствами и сдѣлаться господствующимъ сословіемъ; теперь же при все болѣе и болѣе утверждающейся, какъ въ Европѣ, такъ и въ Россіи, всесословности или бессословности, дворянство уже, конечно, не можетъ разумно помогать какой-либо привилегированности. Впрочемъ, въ этомъ мы ни мало его не винимъ: всякія его въ этомъ смыслѣ попытки противорѣчили бы духу народному, остались бы безуспѣшными и послужили бы только къ большому отчужденію его отъ русскаго народа вообще. Крестьянство, возвращенное къ пользованію гражданскими правами, избирающее свои ближайшія начальства и своихъ ближайшихъ судей, участвующее въ земскомъ самоуправленіи и въ общемъ судѣ и обучаемое грамотѣ, хотя ожило и начинаетъ чувствовать свою человѣчность и самобытность, однако оно еще не въ состояніи надлежащимъ образомъ справиться съ дарованными ему правами, а тѣмъ еще менѣе оказать дѣйствительное пособіе правительству по общему управленію. Что касается до купечества, то, въ денежномъ отношеніи, оно имѣетъ несомнѣнное значеніе; но, по малому своему развитію и по ограниченности своихъ воззрѣній, оно никакъ не можетъ приобрести вѣсскій голосъ въ дѣлахъ государственныхъ. Въ городахъ оно располагаетъ значительнымъ большинствомъ голосовъ; но и тутъ оно не можетъ справиться съ мѣстнымъ самоуправленіемъ. О мѣщанствѣ и о духовенствѣ, уже переставшихъ быть сословіями, нечего и говорить какъ о политическихъ дѣятеляхъ. Слѣдовательно, ни одно изъ существующихъ у насъ сословій не является исключительнымъ обладателемъ и представителемъ народной силы; они получаютъ ее только въ совокупности, и только въ той мѣрѣ, въ какой они упраздняютъ себя въ отдѣльности и сливаются въ единый русскій народъ. А потому, какъ мы прежде сказали, у насъ имѣются только двѣ дѣйствительныя государственныя силы: верховная власть и народъ въ полномъ смыслѣ этого слова, т.-е. какъ единство всѣхъ состояній, осуществляемое въ нашемъ бессословномъ земствѣ. Только на этихъ двухъ силахъ и на ихъ согласіи и единствѣ можетъ основываться на Руси твердое и сильное правительство. Поэтому конституціонализмъ въ Россіи совершенно немислимъ. Только нѣсколько молодыхъ людей, вполне благонамѣренныхъ, но воспитанныхъ на французскихъ идеяхъ и плохо знавшихъ Россію, могли сочинять для нея конституцію, посылать ее на просмотръ Бенжамена Кон-

стана и жертвовать собою для обезпеченія своему отечеству благъ конституціоннаго порядка. Только нѣсколько дворянъ, мечтавшихъ быть перами или лордами или, пожалуй, боярами, могли, послѣ освобожденія крестьянъ, думать о введеніи у насъ конституціоннаго образа правленія и говорить объ исходатайствованіи его у верховной власти. У насъ особенно должно привязывать народъ къ самодержавію то, что его интересы совершенно совпадаютъ съ общими интересами народа. Тогда какъ интересы и дворянства, и купечества, и даже крестьянства часто расходятся съ общими интересами народа, а иногда и вовсе имъ противоположны, интересы хорошо понятые самодержавія безусловно тождественны съ интересами всего народа. Имъ только сильно самодержавіе; а потому оно должно всѣми силами и способами содѣйствовать къ народному развитію въ умственномъ, нравственномъ, земледѣльческомъ, промышленномъ и торговомъ отношеніи, каковое развитіе теперь болѣе чѣмъ когда-либо возможно только при свободѣ и обезпеченности гражданъ. Слѣдовательно, что дорого и необходимо для народа, то должно быть такимъ же и для самодержавія. Слѣпы тѣ, которые этого не видятъ, и равно преступны какъ ищущіе поколебать верховную власть или словомъ или дѣломъ, такъ и стремящіеся ее расширить и утвердить на счетъ правъ народныхъ. Для насъ всего вѣрнѣе и выгоднѣе не предаваться какимъ-нибудь мечтательнымъ поискамъ и попыткамъ, твердо и искренно стать на почву дѣйствительности и тѣмъ облегчить верховной власти достиженіе тѣхъ благихъ цѣлей, которыхъ она не можетъ не имѣть“.

Между тѣмъ общее направленіе современной жизни стремится неудержимо къ расширенію вліянія общественнаго мнѣнія и къ признанію за нимъ извѣстныхъ правъ въ управленіи. Россія не можетъ въ этомъ случаѣ выдѣлиться изъ общаго стремленія и рано или поздно должна будетъ ему подчиниться. Въ какомъ же видѣ, по мнѣнію Кошелева, расширеніе общественнаго мнѣнія можетъ быть допущено, не нарушая самодержавія Государя?

„Какъ интересы самодержавія и народа одни и тѣ же, то не видимъ ничего невозможнаго въ томъ, чтобы первое не захотѣло быть окруженнымъ народными представителями, выслушивать ихъ мнѣнія и совѣты и рѣшаться охотнѣе въ пользу дѣльно и многосторонне обдуманнаго, чѣмъ въ пользу того, что вдругъ придеть въ голову или что предлагается бюрократіею. Въ этомъ слу-

чаѣ верховная власть будетъ свободнѣе въ выборѣ высшихъ сановниковъ и не вынуждена будетъ брать ихъ изъ числа людей, которые случайно ей сдѣлались извѣстными; а народъ будетъ имѣть возможность законнымъ путемъ высказывать свои мнѣнія по общимъ дѣламъ, приносить жалобы на испытываемыя имъ стѣсненія и угнетенія и представлять свои ходатайства. Однимъ словомъ, не представляется несовмѣстнымъ съ самодержавіемъ, если Россіи вообще даны были бы права вродѣ тѣхъ, которыя уже дарованы уѣзднымъ и губернскимъ земствамъ, или чтобы былъ учрежденъ земскій совѣтъ вродѣ нынѣ существующаго государственнаго совѣта, который высказываетъ только свои мнѣнія, не имѣющія сами по себѣ никакой обязательной силы и получающія ее только по высочайшемъ ихъ утвержденіи. Мы думаемъ, что было бы весьма полезно и для самодержавія, и для народа, если бы всѣ проекты законовъ непременно подвергались предварительному обсужденію въ собраніи народныхъ представителей,—еслибы государственныя смѣты доходамъ и расходамъ и отчеты государственнаго контроля проходили предварительно чрезъ думскія коммиссіи, были тамъ обстоятельно разсматриваемы и съ заключеніями думы представляемы на Высочайшее утвержденіе. Все это ни мало не ограничило бы правъ самодержавія; напротивъ того, мѣстныя и общія свѣдѣнія, которыя были бы сообщены народными представителями, многостороннее и гласное обсужденіе предполагаемыхъ законоположеній и правительственныхъ мѣръ и близкія, прямыя отношенія, которыя установились бы между народомъ и верховною властью, значительно бы ее расширили, усилили и утвердили какъ внутри государства, такъ и въ ея сношеніяхъ съ другими державами“.

Кошелевъ полагаетъ, что лучшую среду для избранія такихъ выборныхъ, при существующихъ условіяхъ, представляютъ губернскія земскія собранія. При этомъ я упомяну еще объ одномъ обстоятельстве, которое характеризуетъ различіе между западниками и славянофилами. Чичеринъ, представляя себѣ будущій идеалъ Россіи въ видѣ конституціонной монархіи съ двумя палатами и устраненіемъ сельскаго населенія *), приходитъ въ убѣжденію,

*) Въ обширныхъ странахъ, гдѣ высшее сословіе болѣе разрознено, гдѣ крупная собственность разсыяна среди мелкой, для водворенія свободныхъ учреждений необходимо развитіе другаго элемента, недвижимой собственности, которая одна въ состояніи

что наши иноплеменные и иновѣрные окраины, разумѣя подъ этимъ главнымъ образомъ Польшу и Западныя губерніи, гдѣ недовольство управленіемъ не разъ обнаруживалось открытымъ возстаніемъ, должны быть исключены изъ пользованія общими правами. Представимъ себѣ,—говорить Чичеринъ,—что Западныя губерніи были бы включены въ представительное собраніе, созданное для всей Имперіи. Верхній слой населенія, единственный, въ которомъ существуетъ политическая жизнь и который въ состояніи дать серьезное представительство, состоитъ тамъ изъ поляковъ, болѣе или менѣе враждебныхъ Россіи, какъ доказало недавнее возстаніе. Задача состоитъ въ полномъ обрусеніи этого края, посредствомъ возвышенія низшихъ, чисто-русскихъ слоевъ. Но эта дѣль становится неисполнимою, какъ скоро польскому элементу предоставляется не только полная свобода дѣйствія, но и участіе въ верховномъ собраніи, гдѣ его представители естественно составлять замкнутую, единодушную и весьма опасную группу. Если же выборы будутъ устроены такъ, что преобладаніе получаютъ въ нихъ низшіе классы, то наименьшее зло будетъ состоять въ совершенной неспособности выборныхъ къ рѣшенію политическихъ вопросовъ, главное же—то, что въ остальномъ государствѣ надобно будетъ устроить представительство по тому же совершенно ненормальному образцу, давши въ немъ перевѣсъ низшимъ классамъ надъ высшими. Отсюда слѣдуетъ, что или введеніе представительнаго порядка совершенно невозможно, или оно невозможно по крайней мѣрѣ для значительной части государства. Если, продолжая приведенный примѣръ, мы представимъ себѣ, что сюда было бы включено и все Царство Польское, то это было бы еще

связать общество и дать конституціонной жизни надлежащую полноту. Чѣмъ болѣе преобладаетъ здѣсь земледѣльческій бытъ, тѣмъ менѣе возможна политическая свобода (Чичеринъ: „О народн. представительствѣ“. М. 1866 г., 432). Въ правильномъ конституціонномъ устройствѣ главное зерно нижней палаты должны составлять промышленныя состоянія (437). Средніе классы, къ которымъ принадлежитъ всякій, кто успѣлъ пріобрѣсти какое-нибудь образованіе и достатокъ, должны сдѣлаться самымъ существеннымъ элементомъ народнаго представительства (421). (Замѣтимъ встать, что у насъ этотъ средній классъ представляетъ ничтожный процентъ и большая его часть принадлежитъ къ чиновничеству, такъ какъ всѣ другіе способы пропитанія, по экономическимъ условіямъ страны, слишкомъ недостаточны и не разнообразны.) Конституціонная монархія требуетъ только участія высшихъ и среднихъ классовъ въ политической жизни. Низшіе могутъ болѣе или менѣе примыкать къ послѣднимъ, по мѣрѣ распространенія въ нихъ благосостоянія и образованности, но самостоятельную роль они играютъ только въ революціяхъ (438).

большее осложненіе задачи; тутъ должна исчезнуть уже всякая надежда на сколько-нибудь благоприятный исходъ („О народномъ представит.“ 406—407). Совсѣмъ инаго мнѣнія былъ Кошелевъ. „Къ сожалѣнію, еще не во всей Имперіи введены земскія учрежденія, — въ огромной ея части они еще не существуютъ, — а между тѣмъ общая дума не можетъ состоять изъ гласныхъ отъ нѣкоторыхъ губерній и оставаться безъ представительства отъ остальныхъ. Весьма желательно, чтобы земскія учрежденія были введены повсемѣстно и какъ можно незамедлительнѣе. Признаться, мы не видимъ въ тому и непреодолимыхъ препятствій. Придется сдѣлать въ положеніи по этому предмету нѣкоторыя измѣненія; но сущность этого закона должна оставаться та же. Опасенія насчетъ Западнаго края, а равно и Привислянскихъ губерній теперь значительно ослабли и должны вскорѣ и вовсе исчезнуть. Дѣйствія Пруссіи и даже Австріи, а равно и непогрѣшимаго папы, могутъ въ этомъ отношеніи насъ вполне успокоить. Зная нѣсколько эти края, мы думаемъ, что вѣрнѣйшее средство окончательно сокрушить сепаратическія ихъ наклонности и стремленія заключается въ томъ, чтобы предоставить имъ возможность дома жить спокойно и безобидно и чтобы показать имъ на дѣлѣ, въ ихъ мѣстностяхъ, выгоды и превосходство изданныхъ, въ нынѣшнее царствованіе, разныхъ для Имперіи положеній и постановленій передъ обветшалыми, разнокалиберными, по преимуществу шляхетскими ихъ порядками. Мы надѣемся, что особенно благотворное дѣйствіе на слияніе окраинъ съ внутреннею Россіей можетъ оказать допущеніе гласныхъ изъ Западныхъ и Привислянскихъ губерній въ нашу общую земскую думу. Подобное же вліяніе долженъ имѣть на Прибалтійскую окраину призывъ въ общую думу гласныхъ изъ Ревельской, Рижской и Митавской губерній. Тутъ только одно затрудненіе: какъ рыцарей, горожанъ и крестьянъ посадить за одинъ столъ и дать имъ выбирать представителей не отъ сословій, а отъ губерній. Впрочемъ, въ видахъ общаго блага, самодержавію нечего слишкомъ церемониться съ отжившими рыцарскими и городскими привилегіями. Даже въ Германіи все это хоронится. не быть же намъ plus royalistes, qui le roi. Мы вовсе не за насиліе вообще и не за навязанныя благодѣянія въ особенности, но есть случаи, когда самодержавіе должно дѣйствовать рѣшительно и даже насилственно. Такими случаями были: уничтоже-

ніе въ Имперіи крѣпостной зависимости крестьянъ и дворовыхъ людей и обезпеченіе въ такъ называемомъ Царствѣ Польскомъ земельнымъ надѣломъ уже прежде освобожденныхъ тамошнихъ крестьянъ. Такимъ случаемъ должно быть окончательное упраздненіе изветшалыхъ остзейскихъ привилегій“.

Всего труднѣе изложить ученіе славянофиловъ о народности, такъ какъ понятіе о народности принадлежитъ къ числу самыхъ неопредѣленныхъ и неустойчивыхъ. Подъ народностью разумѣется расовая или племенная особенность, которая народу, какъ отдѣльному и самостоятельному цѣлому, придаетъ *личность* или *характеръ* и которая представляетъ сумму всѣхъ условій и воздѣйствій въ теченіе прошедшей исторической жизни даннаго народа. Внѣшнія проявленія этой народной личности: вѣра, языкъ и обычаи, обусловленные характеромъ его жилья и образомъ занятій,—очевидны; до тѣхъ поръ, пока ихъ народъ сохраняетъ, онъ и признается народомъ, утрачивая же ихъ, народъ утрачиваетъ свою народность. Но чтѣ такое та внутренняя, неизвѣстная сила, тотъ *народный интеллектъ*, который заставилъ народъ пріобрѣсти и сохранить эти внѣшніе признаки, мы не знаемъ, точно также какъ мы не знаемъ, какимъ путемъ или какою силою фізіологическое устройство извѣстной особи, въ связи со всѣми внѣшними вліяніями окружающей среды, производитъ ту или другую личность отдѣльнаго человѣка. К. С. Аксаковъ (въ № 5 „Молвы“ 1857 года) опредѣлилъ, что „народность есть личность народа. Точно также какъ человѣкъ не можетъ быть безъ личности, такъ и народъ безъ народности. Личность не только не мѣшаетъ, но она одна и даетъ возможность понять, воплнѣ и свободно, другаго человѣка, другія личности. Такъ точно и народность одна даетъ возможность народу понять другія народности. Народность—это есть живая, цѣльная сила, имѣющая въ себѣ нѣчто неуловимое, какъ жизнь. И духъ, и творчество художественное, и природа человѣческая, и даже природа мѣстная—все принимаетъ участіе въ этой силѣ. Иные скажутъ: народность ограничена, въ ней можетъ быть исключительность. Но исключительность есть уже злоупотребленіе. Для того, чтобы избавиться отъ народной исключительности, не нужно уничтожать свою народность, а нужно признать всякую другую. Да, нужно признать всякую народность,—изъ совокупности ихъ слѣдуетъ общечеловѣческій хоръ“.

Хомяковъ опредѣляетъ народность какъ вѣрность или устойчивость въ преданіяхъ и обычаяхъ своей старины. Какъ въ живому образцу, Хомяковъ обращается по этому случаю къ Англіи. Англія для Хомякова—страна преданія и по тому самому страна сохраненія народныхъ началъ. Изъ ея примѣра, говоритъ Хомяковъ, узнаютъ другіе народы, какъ губительно вѣчное умничанье отдѣльныхъ личностей, гордыхъ своимъ мелкимъ просвѣщеніемъ, надъ общественною жизнью народовъ, какъ вредно уничтоженіе мѣстной жизни и мѣстныхъ центровъ, какъ страшно замѣнять историческія и естественныя связи условными, а совѣсть и духъ—полицейскимъ матеріализмомъ формъ и убивать живое растеніе подъ мертвыми настройками (Соч. Хомяк. I, 138). То, что существуетъ въ Англіи, что иностранцы называютъ учрежденіями, не является самому англичанину въ видѣ учреждений: это просто часть его самого, олицетвореніе его внутренней жизни, прошедшей или настоящей (130). Англія есть страна преданія, и эта цѣль преданія не прерывается. Кромѣ того, что оно поддерживается всѣмъ строемъ общества, неизмѣнными обычаями и характеромъ жизни домашней,—оно укрѣпляется и обновляется воспитаніемъ общественнымъ. Всѣ великіе расадники наукъ восходятъ въ Англіи до глубокой древности: оба университета, Кембриджъ и Оксфордъ, были свидѣтелями почти всей исторіи англійской, особенно же Оксфордъ, котораго начало едва ли не связано съ учрежденіями Саксонской эпохи *). Ихъ отдѣльная и строгая организація, ихъ совершенная независимость отъ временныхъ перемѣнъ, ихъ самостоятельность, основанная на преданіи и хранящая преданіе, служатъ постояннымъ оплотомъ исторической жизни противъ произвола личнаго раціонализма (162). Хомяковъ указываетъ на развитіе народоправства въ Англіи въ Саксонскую эпоху (124) и этому приписываетъ удержаніе народомъ большей свободы во времена послѣдующія, несмотря на завоеванія датчанъ и нормановъ. Съ гордостію вспоминаетъ англичанинъ, съ досадою помнитъ французъ имена Пуатье и Азенкура, гдѣ, повидимому, горсть англичанъ побѣждала огромныя ополченія Франціи; но эти побѣды были дѣломъ не рыцарей, которыхъ мужество было равно съ обѣихъ

---

*) Оксфордъ еще во времена Эдуарда Исповѣдника (1041—1066) славился своею школою древней учености; но она была переименована въ университетъ только въ 1201 году, т.-е. уже въ Норманскую эпоху.

сторонѣ. При англійскомъ рыцарѣ былъ зеленый кафтанъ линкольнскаго стрѣла и бодрое сердце вольнаго поселанина (йомена); при французскомъ была толпа бездушныхъ вассаловъ, годныхъ только для рѣзни и всегда готовыхъ къ бѣгству. Англія побѣждала, потому что у нея—и только у нея—былъ народъ (125).

Но синтетическій умъ Хомякова не могъ остановиться, не придавъ понятіямъ объ *обычаѣ* и *преданіи* принципиальнаго значенія: Хомяковъ понятіе объ обычаяхъ, какъ общепринятой формѣ внѣшней общественной дѣятельности, расширяетъ и переноситъ въ сферу нравственную, отождествляя обычай съ совѣстью и противопоставляя *обычай*, какъ внутреннюю правду, *закону*, какъ выраженію правды внѣшней. Чтобъ объяснить, что такое *преданіе*, надо начать очень издалека и объяснить гипотезу Хомякова, положенную въ основаніе его „Записокъ о всемірной исторіи“ (2 толстыхъ тома), представляющихъ оригинальный курсъ теозофическаго изложенія развитія общечеловѣческой образованности. Несмотря на эту оригинальность, нельзя не признать, что эти „Записки“ заключаютъ множество замѣчательныхъ соображеній, теперь уже большею частью устарѣвшихъ, но, принимая въ соображеніе время, въ которое онѣ написаны, доказывающихъ всю обширность ума и эрудиціи Хомякова. Хомяковъ признаетъ первоначальное преданіе или откровеніе (хотя онъ этого слова тщательно избѣгаетъ), сохраненное во всей чистотѣ еврейскимъ народомъ,—преданіе, смыслъ котораго былъ таковъ: „Человѣкъ былъ сотворенъ съ полною свободой и съ правомъ ею пользоваться; міръ былъ чистымъ и выраженіемъ божественной мысли. Злоупотребленіе человѣческой свободы (т. е. произволь человѣческой) создало новый міръ—грубаго вещества и вещественной необходимости. Освобожденіе человѣка есть возвратъ его въ чистой разумной свободѣ (III, 265). Это поклоненіе свободному духу Хомяковъ называетъ *иранствомъ*, такъ какъ представителями его являются арійцы, которыхъ родину,—не опредѣляя, впрочемъ, въ точности мѣстность,—Хомяковъ, согласно наиболѣе общепринятому мнѣнію, помѣщаетъ въ Иранѣ. Противоположное начало, начало вещественной необходимости, Хомяковъ называетъ *кушитствомъ*, на основаніи словъ Діодора Сицилійскаго, приводящаго слова греческихъ жрецовъ о развитіи древнѣйшей цивилизаціи въ Эѳіопіи, странѣ Куша. Считаемо не лишнимъ замѣтить, что рассказъ Діодора въ настоящее время совершенно отвергнутъ и доказано, что

Эіопія получила свою цивилизацію изъ Египта *). Впрочемъ, Хомяковъ самъ признаетъ, въ письмѣ къ Бунзену, что „хамиды или кушиты, которыхъ Ханаанъ есть только ближайшій представитель, суть не языкъ, не племя, а *религіозное начало*, преданное проклятію священнымъ преданіемъ. Это начало есть еаллизмъ, присущій религіямъ, которыя вы позволите мнѣ назвать *кушитскими*“ (II, 352). Вся всемірная исторія представлена Хомяковымъ какъ борьба иранства съ кушитствомъ, причемъ иранство выразилось окончателно въ христіанствѣ, т.-е. православіи, а кушитство—въ буддизмѣ и вообще во всякомъ раціонализмѣ, такъ что и Гегель является представителемъ кушита. Чѣмъ человѣкъ былъ ближе къ первобытному преданію и чѣмъ чище его сохраняетъ, тѣмъ общественный его бытъ проще, чище и нравственнѣе. Но съ отступленіемъ хамидовъ отъ общаго завѣта отцовъ кончилось свѣтлое и святое младенчество человѣческаго рода, кончились взаимныя сношенія, и развитіе просвѣщенія синтетическаго, и вселенская жизнь мысли. Объ этомъ раннемъ періодѣ остались преданія и сказки. Міръ, въ своихъ грустныхъ воспоминаніяхъ, и вѣра и не вѣра ему, назвалъ его золотымъ вѣкомъ. Начались вѣка борьбы, вѣка героическіе (Соч. IV, 21). Понятно, что всякое мирно-патріархальное состояніе людей, гдѣ бы оно ни появлялось въ исторіи, представлялось Хомякову отголоскомъ этого золотого вѣка. А такъ какъ славяне, какъ извѣстно, дольше всѣхъ другихъ арійскихъ племенъ оставались въ состояніи мирныхъ земледѣльцевъ и такъ какъ древніе историки свидѣтельствуютъ о многочисленности славянъ, то все, что есть хорошаго, создано славянами, и если это хорошее гдѣ-нибудь встрѣчается, то заставляетъ предполагать въ томъ или другомъ видѣ, тѣмъ или другимъ путемъ, примѣсь славянскаго элемента. Доказательству этой гипотезы посвящена вся обширная эрудиція автора. Само собою разумѣется, что цѣль была не достигнута, но при этомъ темная сторона изслѣдованія оказалась въ неспокойномъ и враждебномъ отношеніи къ другимъ народамъ. Если отзывы западныхъ хронистовъ и историковъ не признаютъ за славянами и русскими ни хорошихъ качествъ, ни способности активнаго вмѣшательства въ дѣло цивилизаціи (въ этомъ они до послѣдняго времени были правы), то это не давало Хомякову

*) Maspero: „Histoire ancienne“. Paris 1876, pag. 13 и 14.

права на такое бездоказательное обвиненіе другихъ народностей. Вотъ примѣры. Говоря о франкахъ и германцахъ, Хомяковъ выражается: „Трехвѣковая жизнь, составленная изъ поочереднаго рабства, унижающаго душу, и изъ промежутковъ свободы, купленной по большей части измѣною и всегда ознаменованной свирѣпостью, изъ безпрестаннаго кровопролитія за чужое дѣло или за деньги и изъ грубо-роскошнаго разврата, приготовили въ странѣ прирейнской ту грозу франковъ, которая измѣнила всѣ судьбы западной Европы и представила одно изъ самыхъ великихъ, но также изъ самыхъ отвратительныхъ явленій въ исторіи человѣчества (IV, 423). Воинственные и хладнокровно - свирѣпые, безгранично - развратные и ненасытимо-корыстолюбивые, хитрые и до того лживые, что, по словамъ одного лѣтописца, считали ложь простою формою рѣчи, а по словамъ другаго—любили клятву, чтобы наслаждаться клятво-преступленіемъ, таковы были франки въ концѣ V-го и началѣ VI вѣка. Таково было воспитаніе, данное Римомъ своимъ наемнымъ дикарямъ (419). Славяне не переселялись: въ нихъ нѣтъ ни малѣйшаго слѣда склонности кочевой. Они расселялись по лицу земли, не отрываясь отъ своей первобытной родины. По привольямъ прирѣчнымъ, по богатымъ низовьямъ расселялись мирные земледѣльцы, подвигаясь все далѣе и далѣе на Западъ, до береговъ Атлантики; но въ новыхъ жилищахъ, на просторѣ Европы, тогда еще безлюдной, ихъ не оставялъ прежній духъ братства и человѣческаго общенія. Отъ Сыръ-Дарьи и Инда до Луары и Гаронны непрерывная цѣпь мелкихъ, безыменныхъ общинъ или большихъ семейныхъ круговъ служила живымъ проводникомъ для движенія промышленнаго и торговаго, для силы мыслящей и просвѣщающей, быстро передавая изъ края въ край міра всѣ измѣненія языка и понятій, старыхъ знаній и новыхъ заблужденій. По степямъ ходили веселые караваны, по рѣкамъ и морямъ летали смѣлые корабли, и въ одной изъ многочисленнѣйшихъ отраслей иранскихъ продолжалась древняя жизнь молодаго человѣчества, не смыкаясь въ мертвый эгоизмъ народовъ и государствъ, не волнуясь бурнымъ восторгомъ ненависти и войны, не унижая человѣка до раба, не искажая его до господина. Отъ этой прекрасной эпохи, скоро минувшей, но никогда не забытой и вѣроятно оставившей по себѣ миѳическое преданіе о золотомъ вѣкѣ, сохранились намъ два несокрушимые колоса — мысль индустанская и бытъ славянскій — братья, которые

Эіопія получила свою цивилизацію изъ Египта *). Впрочемъ, Хомяковъ самъ признаетъ, въ письмѣ къ Бунзену, что „хамиды или кушиты, которыхъ Ханаанъ есть только ближайшій представитель, суть не языкъ, не племя, а *религіозное начало*, преданное проклятію священнымъ преданіемъ. Это начало есть оаллизмъ, присущій религіямъ, которыя вы позволите мнѣ назвать *кушитскими*“ (II, 352). Вся всемірная исторія представлена Хомяковымъ какъ борьба иранства съ кушитствомъ, причемъ иранство выразилось окончателно въ христіанствѣ, т.-е. православіи, а кушитство—въ буддизмѣ и вообще во всякомъ раціонализмѣ, такъ что и Гегель является представителемъ кушитства. Чѣмъ чловѣкъ былъ ближе къ первобытному преданію и чѣмъ чище его сохраняетъ, тѣмъ общественный его бытъ проще, чище и нравственнѣе. Но съ отступленіемъ хамидовъ отъ общаго завѣта отцовъ кончилось свѣтлое и святое младенчество чловѣческаго рода, кончились взаимныя сношенія, и развитіе просвѣщенія синтетическаго, и вселенская жизнь мысли. Объ этомъ раннемъ періодѣ остались преданія и сказки. Міръ, въ своихъ грустныхъ воспоминаніяхъ, и вѣря и не вѣря ему, назвалъ его золотымъ вѣкомъ. Начались вѣка борьбы, вѣка героическіе (Соч. IV, 21). Понятно, что всякое мирно-патріархальное состояніе людей, гдѣ бы оно ни появлялось въ исторіи, представлялось Хомякову отголоскомъ этого золотого вѣка. А такъ какъ славяне, какъ извѣстно, дольше всѣхъ другихъ арійскихъ племенъ оставались въ состояніи мирныхъ земледѣльцевъ и такъ какъ древніе историки свидѣтельствуютъ о многочисленности славянъ, то все, чтѣ есть хорошаго, создано славянами, и если это хорошее гдѣ-нибудь встрѣчается, то заставляеть предполагать въ томъ или другомъ видѣ, тѣмъ или другимъ путемъ, примѣсь славянскаго элемента. Довозательству этой гипотезы посвящена вся обширная эрудиція автора. Само собою разумѣется, что цѣль была не достигнута, но при этомъ темная сторона изслѣдованія оказалась въ неспокойномъ и враждебномъ отношеніи къ другимъ народамъ. Если отзывы западныхъ хронистовъ и историковъ не признають за славянами и русскими ни хорошихъ качествъ, ни способности активнаго вмѣшательства въ дѣло цивилизаціи (въ этомъ они до послѣдняго времени были правы), то это не давало Хомякову

*) Maspero: „Histoire ancienne“. Paris 1876, pag. 13 и 14.

права на такое бездоказательное обвиненіе другихъ народностей. Вотъ примѣры. Говоря о франкахъ и германцахъ, Хомяковъ выражается: „Трехвѣковая жизнь, составленная изъ поочереднаго рабства, унижающаго душу, и изъ промежутковъ свободы, купленной по большей части измѣною и всегда ознаменованной свирѣпостью, изъ безпрестаннаго кровопролитія за чужое дѣло или за деньги и изъ грубо-роскошнаго разврата, приготовили въ странѣ прирейнской ту грозу франковъ, которая измѣнила всѣ судьбы западной Европы и представила одно изъ самыхъ великихъ, но также изъ самыхъ отвратительныхъ явленій въ исторіи человѣчества (IV, 423). Воинственные и хладнокровно - свирѣпые, безгранично - развратные и ненасытимо-корыстолюбивые, хитрые и до того лживые, что, по словамъ одного лѣтописца, считали ложь простою формою рѣчи, а по словамъ другаго—любили клятву, чтобы наслаждаться клятво-преступленіемъ, таковы были франки въ концѣ V-го и началѣ VI вѣка. Таково было воспитаніе, данное Римомъ своимъ наемнымъ дикарямъ (419). Славяне не переселялись: въ нихъ нѣтъ ни малѣйшаго слѣда склонности кочевой. Они расселялись по лицу земли, не отрываясь отъ своей первобытной родины. По привольямъ прирѣчнымъ, по богатымъ низовьямъ расселялись мирные земледѣльцы, подвигаясь все далѣе и далѣе на Западъ, до береговъ Атлантики; но въ новыхъ жилищахъ, на просторѣ Европы, тогда еще безлюдной, ихъ не оставлялъ прежній духъ братства и человѣческаго общенія. Отъ Сыръ-Дарьи и Инда до Луары и Гаронны непрерывная цѣпь мелкихъ, безыменныхъ общинъ или большихъ семейныхъ круговъ служила живымъ проводникомъ для движенія промышленнаго и торговаго, для силы мыслящей и просвѣщающей, быстро передавая изъ края въ край міра всѣ измѣненія языка и понятій, старыхъ знаній и новыхъ заблужденій. По степямъ ходили веселые караваны, по рѣкамъ и морямъ летали смѣлые корабли, и въ одной изъ многочисленнѣйшихъ отраслей иранскихъ продолжалась древняя жизнь молодаго человѣчества, не смыкаясь въ мертвый эгоизмъ народовъ и государствъ, не волнуясь бурнымъ восторгомъ ненависти и войны, не унижая человѣка до раба, не искажая его до господина. Отъ этой прекрасной эпохи, скоро минувшей, но никогда не забытой и вѣроятно оставившей по себѣ миѳическое преданіе о золотомъ вѣкѣ, сохранились намъ два несокрушимые колоса — мысль индустанская и бытъ славянскій — братья, которые

Эіопія получила свою цивилизацію изъ Египта *). Впрочемъ, Хомяковъ самъ признаетъ, въ письмѣ въ Бунзену, что „хамиды или кушиты, которыхъ Ханаанъ есть только ближайшій представитель, суть не языкъ, не племя, а *религіозное начало*, преданное проклятію священнымъ преданіемъ. Это начало есть еаллизмъ, присущій религіямъ, которыя вы позволите мнѣ назвать *кушитскими*“ (II, 352). Вся всемірная исторія представлена Хомяковымъ какъ борьба иранства съ кушитствомъ, причемъ иранство выразилось окончателно въ христіанствѣ, т.-е. православіи, а кушитство—въ буддизмѣ и вообще во всякомъ раціонализмѣ, такъ что и Гегель является представителемъ кушитства. Чѣмъ человекъ былъ ближе къ первобытному преданію и чѣмъ чище его сохраняетъ, тѣмъ общественный его бытъ проще, чище и нравственнѣе. Но съ отступленіемъ хамидовъ отъ общаго завѣта отцовъ кончилось свѣтлое и святое младенчество человѣческаго рода, кончились взаимныя сношенія, и развитіе просвѣщенія синтетическаго, и вселенская жизнь мысли. Объ этомъ раннемъ періодѣ остались преданія и сказки. Міръ, въ своихъ грустныхъ воспоминаніяхъ, и вѣря и не вѣря ему, назвалъ его золотымъ вѣкомъ. Начались вѣка борьбы, вѣка героическіе (Соч. IV, 21). Понятно, что всякое мирно-патріархальное состояніе людей, гдѣ бы оно ни появлялось въ исторіи, представлялось Хомякову отголоскомъ этого золотого вѣка. А такъ какъ славяне, какъ извѣстно, дольше всѣхъ другихъ арійскихъ племенъ оставались въ состояніи мирныхъ земледѣльцевъ и такъ какъ древніе историки свидѣтельствуютъ о многочисленности славянъ, то все, чтѣ есть хорошаго, создано славянами, и если это хорошее гдѣ-нибудь встрѣчается, то заставляетъ предполагать въ томъ или другомъ видѣ, тѣмъ или другимъ путемъ, примѣсь славянскаго элемента. Доказательству этой гипотезы посвящена вся обширная эрудиція автора. Само собою разумѣется, что цѣль была не достигнута, но при этомъ темная сторона изслѣдованія оказалась въ беспокойномъ и враждебномъ отношеніи къ другимъ народамъ. Если отзывы западныхъ хронистовъ и историковъ не признаютъ за славянами и русскими ни хорошихъ качествъ, ни способности активнаго вмѣшательства въ дѣло цивилизаціи (въ этомъ они до послѣдняго времени были правы), то это не давало Хомякову

*) Maspero: „Histoire ancienne“. Paris 1876, pag. 13 и 14.

права на такое бездоказательное обвиненіе другихъ народностей. Вотъ примѣры. Говоря о франкахъ и германцахъ, Хомяковъ выражается: „Трехвѣковая жизнь, составленная изъ поочереднаго рабства, унижающаго душу, и изъ промежутковъ свободы, купленной по большей части измѣною и всегда ознаменованной свирѣпостью, изъ безпрестаннаго кровопролитія за чужое дѣло или за деньги и изъ грубо-роскошнаго разврата, приготовили въ странѣ прирейнской ту грозу франковъ, которая измѣнила всѣ судьбы западной Европы и представила одно изъ самыхъ великихъ, но также изъ самыхъ отвратительныхъ явленій въ исторіи человѣчества (IV, 423). Воинственные и хладнокровно - свирѣпые, безгранично - развратные и ненасытимо-корыстолюбивые, хитрые и до того лживые, что, по словамъ одного лѣтописца, считали ложь простою формою рѣчи, а по словамъ другаго—любили клятву, чтобы наслаждаться клятво-преступленіемъ, таковы были франки въ концѣ V-го и началѣ VI вѣка. Таково было воспитаніе, данное Римомъ своимъ наемнымъ дикарямъ (419). Славяне не переселялись: въ нихъ нѣтъ ни малѣйшаго слѣда склонности кочевой. Они расселялись по лицу земли, не отрываясь отъ своей первобытной родины. По привольямъ прирѣчнымъ, по богатымъ низовьямъ расселялись мирные земледѣльцы, подвигаясь все далѣе и далѣе на Западъ, до береговъ Атлантики; но въ новыхъ жилищахъ, на просторѣ Европы, тогда еще безлюдной, ихъ не оставялъ прежній духъ братства и человѣческаго общенія. Отъ Сыръ-Дарьи и Инда до Луары и Гаронны непрерывная цѣпь мелвихъ, безыменныхъ общинъ или большихъ семейныхъ круговъ служила живымъ проводникомъ для движенія промышленнаго и торговаго, для силы мыслящей и просвѣщающей, быстро передавая изъ края въ край міра всѣ измѣненія языка и понятій, старыхъ знаній и новыхъ заблужденій. По степямъ ходили веселые караваны, по рѣкамъ и морямъ летали смѣлые корабли, и въ одной изъ многочисленнѣйшихъ отраслей иранскихъ продолжалась древняя жизнь молодаго человѣчества, не смыкаясь въ мертвый эгоизмъ народовъ и государствъ, не волнуясь бурнымъ восторгомъ ненависти и войны, не унижая человѣка до раба, не искажая его до господина. Отъ этой прекрасной эпохи, скоро минувшей, но никогда не забытой и вѣроятно оставившей по себѣ мифическое преданіе о золотомъ вѣкѣ, сохранились намъ два несокрушимые колоса — мысль индуставская и бытъ славянскій — братья, которые

Эіюпія получила свою цивилизацію изъ Египта *). Впрочемъ, Хомяковъ самъ признаетъ, въ письмѣ въ Бунзену, что „хамиды или кушиты, которыхъ Ханаанъ есть только ближайшій представитель, суть не языкъ, не племя, а *религіозное начало*, преданное проклятію священнымъ преданіемъ. Это начало есть эаллизмъ, присущій религіямъ, которыя вы позволите мнѣ назвать *кушитскими*“ (II, 352). Вся всемірная исторія представлена Хомяковымъ какъ борьба иранства съ кушитствомъ, причемъ иранство выразилось окончательно въ христіанствѣ, т.-е. православіи, а кушитство—въ буддизмѣ и вообще во всякомъ раціонализмѣ, такъ что и Гегель является представителемъ кушита. Чѣмъ человекъ былъ ближе къ первобытному преданію и чѣмъ чище его сохраняетъ, тѣмъ общественный его бытъ проще, чище и нравственнѣе. Но съ отступленіемъ хамидовъ отъ общаго завѣта отцовъ кончилось свѣтлое и святое младенчество человѣческаго рода, кончились взаимныя сношенія, и развитіе просвѣщенія синтетическаго, и вселенская жизнь мысли. Объ этомъ раннемъ періодѣ остались преданія и сказки. Міръ, въ своихъ грустныхъ воспоминаніяхъ, и вѣря и не вѣря ему, назвалъ его золотымъ вѣкомъ. Начались вѣва борьбы, вѣва героическіе (Соч. IV, 21). Понятно, что всякое мирно-патріархальное состояніе людей, гдѣ бы оно ни появлялось въ исторіи, представлялось Хомякову отголоскомъ этого золотого вѣва. А такъ какъ славяне, какъ извѣстно, дольше всѣхъ другихъ арійскихъ племенъ оставались въ состояніи мирныхъ земледѣльцевъ и такъ какъ древніе историки свидѣтельствуютъ о многочисленности славянъ, то все, чтѣ есть хорошаго, создано славянами, и если это хорошее гдѣ-нибудь встрѣчается, то заставляетъ предполагать въ томъ или другомъ видѣ, тѣмъ или другимъ путемъ, примѣсь славянскаго элемента. Довозательству этой гипотезы посвящена вся обширная эрудиція автора. Само собою разумѣется, что цѣль была не достигнута, но при этомъ темная сторона изслѣдованія оказалась въ неспокойномъ и враждебномъ отношеніи къ другимъ народамъ. Если отзывы западныхъ хронистовъ и историковъ не признаютъ за славянами и русскими ни хорошихъ качествъ, ни способности активнаго вмѣшательства въ дѣло цивилизаціи (въ этомъ они до послѣдняго времени были правы), то это не давало Хомякову

*) Maspero: „Histoire ancienne“. Paris 1876, pag. 13 и 14.

права на такое бездоказательное обвиненіе другихъ народностей. Вотъ примѣры. Говоря о франкахъ и германцахъ, Хомяковъ выражается: „Трехвѣковая жизнь, составленная изъ поочереднаго рабства, унижающаго душу, и изъ промежутковъ свободы, купленной по большей части измѣною и всегда ознаменованной свирѣпостью, изъ безпрестаннаго кровопролитія за чужое дѣло или за деньги и изъ грубо-роскошнаго разврата, приготовили въ странѣ прирейнской ту грозу франковъ, которая измѣнила всѣ судьбы западной Европы и представила одно изъ самыхъ великихъ, но также изъ самыхъ отвратительныхъ явленій въ исторіи человѣчества (IV, 423). Воинственные и хладнокровно - свирѣпые, безгранично - развратные и ненасытимо-корыстолюбивые, хитрые и до того лживые, что, по словамъ одного лѣтописца, считали ложь простою формою рѣчи, а по словамъ другаго—любили клятву, чтобы наслаждаться клятво-преступленіемъ, таковы были франки въ концѣ V-го и началѣ VI вѣка. Таково было воспитаніе, данное Римомъ своимъ наемнымъ дикарямъ (419). Славяне не переселялись: въ нихъ нѣтъ ни малѣйшаго слѣда склонности кочевой. Они расселялись по лицу земли, не отрываясь отъ своей первобытной родины. По привольямъ прирѣчнымъ, по богатымъ низовьямъ расселялись мирные землепашцы, подвигаясь все далѣе и далѣе на Западъ, до береговъ Атлантики; но въ новыхъ жилищахъ, на просторѣ Европы, тогда еще безлюдной, ихъ не оставялъ прежній духъ братства и человѣческаго общенія. Отъ Сыръ-Дарьи и Инда до Луары и Гаронны непрерывная цѣпь мелкихъ, безыменныхъ общинъ или большихъ семейныхъ круговъ служила живымъ проводникомъ для движенія промышленнаго и торговаго, для силы мыслящей и просвѣщающей, быстро передавая изъ края въ край міра всѣ измѣненія языка и понятій, старыхъ знаній и новыхъ заблужденій. По степямъ ходили веселые караваны, по рѣкамъ и морямъ летали смѣлые корабли, и въ одной изъ многочисленнѣйшихъ отраслей иранскихъ продолжалась древняя жизнь молодаго человѣчества, не смыкаясь въ мертвый эгоизмъ народовъ и государствъ, не волнуясь бурнымъ восторгомъ ненависти и войны, не унижая человѣка до раба, не искажая его до господина. Отъ этой прекрасной эпохи, скоро минувшей, но никогда не забытой и вѣроятно оставившей по себѣ мифическое преданіе о золотомъ вѣкѣ, сохранились намъ два несокрушимые колоса — мысль индустанская и бытъ славянскій — братья, которые

Эіопія получила свою цивилизацію изъ Египта *). Впрочемъ, Хомяковъ самъ признаетъ, въ письмѣ въ Бунзену, что „хамиды или кушиты, которыхъ Ханаанъ есть только ближайшій представитель, суть не языкъ, не племя, а *религіозное начало*, преданное проклятію священнымъ преданіемъ. Это начало есть эаллизмъ, присущій религіямъ, которыя вы позволите мнѣ назвать *кушитскими*“ (II, 352). Вся всемірная исторія представлена Хомяковымъ какъ борьба иранства съ кушитствомъ, причемъ иранство выразилось окончательно въ христіанствѣ, т.-е. православіи, а кушитство—въ буддизмѣ и вообще во всякомъ раціонализмѣ, такъ что и Гегель является представителемъ кушита. Чѣмъ человекъ былъ ближе къ первобытному преданію и чѣмъ чище его сохраняетъ, тѣмъ общественный его бытъ проще, чище и нравственнѣе. Но съ отступленіемъ хамидовъ отъ общаго завѣта отцовъ кончилось свѣтлое и святое младенчество человѣческаго рода, кончились взаимныя сношенія, и развитіе просвѣщенія синтетическаго, и вселенская жизнь мысли. Объ этомъ раннемъ періодѣ остались преданія и сказки. Міръ, въ своихъ грустныхъ воспоминаніяхъ, и вѣря и не вѣря ему, назвалъ его золотымъ вѣкомъ. Начались вѣка борьбы, вѣка героическіе (Соч. IV, 21). Понятно, что всякое мирно-патріархальное состояніе людей, гдѣ бы оно ни появлялось въ исторіи, представлялось Хомякову отголоскомъ этого золотого вѣка. А такъ какъ славяне, какъ извѣстно, дольше всѣхъ другихъ арійскихъ племенъ оставались въ состояніи мирныхъ земледѣльцевъ и такъ какъ древніе историки свидѣтельствуютъ о многочисленности славянъ, то все, чтѣ есть хорошаго, создано славянами, и если это хорошее гдѣ-нибудь встрѣчается, то заставляетъ предполагать въ томъ или другомъ видѣ, тѣмъ или другимъ путемъ, примѣсь славянскаго элемента. Довозательству этой гипотезы посвящена вся обширная эрудиція автора. Само собою разумѣется, что цѣль была не достигнута, но при этомъ темная сторона изслѣдованія оказалась въ неспокойномъ и враждебномъ отношеніи къ другимъ народамъ. Если отзывы западныхъ хронистовъ и историковъ не признаютъ за славянами и русскими ни хорошихъ качествъ, ни способности активнаго вмѣшательства въ дѣло цивилизаціи (въ этомъ они до послѣдняго времени были правы), то это не давало Хомякову

*) Maspero: „Histoire ancienne“. Paris 1876, pag. 13 и 14.

права на такое бездоказательное обвиненіе другихъ народностей. Вотъ примѣры. Говоря о франкахъ и германцахъ, Хомяковъ выражается: „Трехвѣковая жизнь, составленная изъ поочереднаго рабства, унижающаго душу, и изъ промежутковъ свободы, купленной по большей части измѣною и всегда ознаменованной свирѣпостью, изъ безпрестаннаго кровопролитія за чужое дѣло или за деньги и изъ грубо-роскошнаго разврата, приготовили въ странѣ прирейнской ту грозу франковъ, которая измѣнила всѣ судьбы западной Европы и представила одно изъ самыхъ великихъ, но также изъ самыхъ отвратительныхъ явленій въ исторіи человѣчества (IV, 423). Воинственные и хладнокровно - свирѣпые, безгранично - развратные и ненасытимо-корыстолюбивые, хитрые и до того лживые, что, по словамъ одного лѣтописца, считали ложь простою формою рѣчи, а по словамъ другаго—любили клятву, чтобы наслаждаться клятво-преступленіемъ, таковы были франки въ концѣ V-го и началѣ VI вѣка. Таково было воспитаніе, данное Римомъ своимъ наемнымъ дикарямъ (419). Славяне не переселялись: въ нихъ нѣтъ ни малѣйшаго слѣда склонности кочевой. Они расселялись по лицу земли, не отрываясь отъ своей первобытной родины. По привольямъ прирѣчнымъ, по богатымъ низовьямъ расселялись мирные земледѣльцы, подвигаясь все далѣе и далѣе на Западъ, до береговъ Атлантики; но въ новыхъ жилищахъ, на просторѣ Европы, тогда еще безлюдной, ихъ не оставлялъ прежній духъ братства и человѣческаго общенія. Отъ Сыръ-Дарьи и Инда до Луары и Гаронны непрерывная цѣпь мелвихъ, безыменныхъ общинъ или большихъ семейныхъ круговъ служила живымъ проводникомъ для движенія промышленнаго и торговаго, для силы мыслящей и просвѣщающей, быстро передавая изъ края въ край міра всѣ измѣненія языка и понятій, старыхъ знаній и новыхъ заблужденій. По степямъ ходили веселые караваны, по рѣкамъ и морямъ летали смѣлые корабли, и въ одной изъ многочисленнѣйшихъ отраслей иранскихъ продолжалась древняя жизнь молодаго человѣчества, не смыкаясь въ мертвый эгоизмъ народовъ и государствъ, не волнуясь бурнымъ восторгомъ ненависти и войны, не унижая человѣка до раба, не искажая его до господина. Отъ этой прекрасной эпохи, скоро минувшей, но никогда не забытой и вѣроятно оставившей по себѣ мифическое преданіе о золотомъ вѣкѣ, сохранились намъ два несокрушимые колоса — мысль индустанская и бытъ славянскій — братья, которые

Эіопія получила свою цивилизацію изъ Египта *). Впрочемъ, Хомяковъ самъ признаетъ, въ письмѣ къ Бунзену, что „хамиды или кушиты, которыхъ Ханаанъ есть только ближайшій представитель, суть не языкъ, не племя, а *религіозное начало*, преданное проклятію священнымъ преданіемъ. Это начало есть еаллизмъ, присущій религіямъ, которыя вы позволите мнѣ назвать *кушитскими*“ (II, 352). Вся всемірная исторія представлена Хомяковымъ какъ борьба иранства съ кушитствомъ, причемъ иранство выразилось окончательно въ христіанствѣ, т.-е. православіи, а кушитство—въ буддизмѣ и вообще во всякомъ раціонализмѣ, такъ что и Гегель является представителемъ кушитства. Чѣмъ человѣкъ былъ ближе къ первобытному преданію и чѣмъ чище его сохраняетъ, тѣмъ общественный его бытъ проще, чище и нравственнѣе. Но съ отступленіемъ хамидовъ отъ общаго завѣта отцовъ кончилось свѣтлое и святое младенчество человѣческаго рода, кончились взаимныя сношенія, и развитіе просвѣщенія синтетическаго, и вселенская жизнь мысли. Объ этомъ раннемъ періодѣ остались преданія и сказки. Міръ, въ своихъ грустныхъ воспоминаніяхъ, и вѣря и не вѣря ему, назвалъ его золотымъ вѣкомъ. Начались вѣка борьбы, вѣка героическіе (Соч. IV, 21). Понятно, что всякое мирно-патріархальное состояніе людей, гдѣ бы оно ни появлялось въ исторіи, представлялось Хомякову отголоскомъ этого золотого вѣка. А такъ какъ славяне, какъ извѣстно, дольше всѣхъ другихъ арійскихъ племенъ оставались въ состояніи мирныхъ земледѣльцевъ и такъ какъ древніе историки свидѣтельствуютъ о многочисленности славянъ, то все, что есть хорошаго, создано славянами, и если это хорошее гдѣ-нибудь встрѣчается, то заставляетъ предполагать въ томъ или другомъ видѣ, тѣмъ или другимъ путемъ, примѣсь славянскаго элемента. Доказательству этой гипотезы посвящена вся обширная эрудиція автора. Само собою разумѣется, что цѣль была не достигнута, но при этомъ темная сторона изслѣдованія оказалась въ неспокойномъ и враждебномъ отношеніи къ другимъ народамъ. Если отзывы западныхъ хронистовъ и историковъ не признаютъ за славянами и русскими ни хорошихъ качествъ, ни способности активнаго вмѣшательства въ дѣло цивилизаціи (въ этомъ они до послѣдняго времени были правы), то это не давало Хомякову

*) Maspero: „Histoire ancienne“. Paris 1876, pag. 13 и 14.

права на такое бездоказательное обвиненіе другихъ народностей. Вотъ примѣры. Говоря о франкахъ и германцахъ, Хомяковъ выражается: „Трехвѣковая жизнь, составленная изъ поочереднаго рабства, унижающаго душу, и изъ промежутковъ свободы, купленной по большей части измѣною и всегда ознаменованной свирѣпостью, изъ безпрестаннаго кровопролитія за чужое дѣло или за деньги и изъ грубо-роскошнаго разврата, приготовили въ странѣ прирейнской ту грозу франковъ, которая измѣнила всѣ судьбы западной Европы и представила одно изъ самыхъ великихъ, но также изъ самыхъ отвратительныхъ явленій въ исторіи человѣчества (IV, 423). Воинственные и хладнокровно - свирѣпые, безгранично - развратные и ненасытимо-корыстолюбивые, хитрые и до того лживые, что, по словамъ одного лѣтописца, считали ложь простою формою рѣчи, а по словамъ другаго—любили клятву, чтобы наслаждаться влѣтвоступленіемъ, таковы были франки въ концѣ V-го и началѣ VI вѣка. Таково было воспитаніе, данное Римомъ своимъ наемнымъ дикарямъ (419). Славяне не переселялись: въ нихъ нѣтъ ни малѣйшаго слѣда склонности кочевой. Они расселялись по лицу земли, не отрываясь отъ своей первобытной родины. По привольямъ прирѣчнымъ, по богатымъ низовьямъ расселялись мирные землепашцы, подвигаясь все далѣе и далѣе на Западъ, до береговъ Атлантики; но въ новыхъ жилищахъ, на просторѣ Европы, тогда еще безлюдной, ихъ не оставлялъ прежній духъ братства и человѣческаго общенія. Отъ Сыръ-Дарьи и Инда до Луары и Гаронны непрерывная цѣпь мелкихъ, безыменныхъ общинъ или большихъ семейныхъ круговъ служила живымъ проводникомъ для движенія промышленнаго и торговаго, для силы мыслящей и просвѣщающей, быстро передавая изъ края въ край міра всѣ измѣненія языка и понятій, старыхъ знаній и новыхъ заблужденій. По степямъ ходили веселые караваны, по рѣкамъ и морямъ летали смѣлые корабли, и въ одной изъ многочислѣннѣйшихъ отраслей иранскихъ продолжалась древняя жизнь молодаго человѣчества, не смыкаясь въ мертвый эгоизмъ народовъ и государствъ, не волнуясь бурнымъ восторгомъ ненависти и войны, не унижая человѣка до раба, не искажая его до господина. Отъ этой прекрасной эпохи, скоро минувшей, но никогда не забытой и вѣроятно оставившей по себѣ мифическое преданіе о золотомъ вѣкѣ, сохранились намъ два несокрушимые колоса — мысль индустанская и бытъ славянскій — братья, которые

Эіюпія получила свою цивилизацію изъ Египта *). Впрочемъ, Хомяковъ самъ признаетъ, въ письмѣ въ Бунзену, что „хамиды или кушиты, которыхъ Ханаанъ есть только ближайшій представитель, суть не языкъ, не племя, а *религіозное начало*, преданное проклятію священнымъ преданіемъ. Это начало есть еаллизмъ, присущій религіямъ, которыя вы позволите мнѣ назвать *кушитскими*“ (II, 352). Вся всемірная исторія представлена Хомяковымъ какъ борьба иранства съ кушитствомъ, причемъ иранство выразилось окончательно въ христіанствѣ, т.-е. православіи, а кушитство—въ буддизмѣ и вообще во всякомъ раціонализмѣ, такъ что и Гегель является представителемъ кушита. Чѣмъ человекъ былъ ближе къ первобытному преданію и чѣмъ чище его сохраняетъ, тѣмъ общественный его бытъ проще, чище и нравственнѣе. Но съ отступленіемъ хамидовъ отъ общаго завѣта отцовъ кончилось свѣтлое и святое младенчество человѣческаго рода, кончились взаимныя сношенія, и развитіе просвѣщенія синтетическаго, и вселенская жизнь мысли. Объ этомъ раннемъ періодѣ остались преданія и сказки. Міръ, въ своихъ грустныхъ воспоминавіяхъ, и вѣря и не вѣря ему, назвалъ его золотымъ вѣкомъ. Начались вѣка борьбы, вѣка героическіе (Соч. IV, 21). Понятно, что всякое мирно-патріархальное состояніе людей, гдѣ бы оно ни появлялось въ исторіи, представлялось Хомякову отголоскомъ этого золотого вѣка. А такъ какъ славяне, какъ извѣстно, дольше всѣхъ другихъ арійскихъ племенъ оставались въ состояніи мирныхъ земледѣльцевъ и такъ какъ древніе историки свидѣтельствуютъ о многочисленности славянъ, то все, чтѣ есть хорошаго, создано славянами, и если это хорошее гдѣ-нибудь встрѣчается, то заставляетъ предполагать въ томъ или другомъ видѣ, тѣмъ или другимъ путемъ, примѣсь славянскаго элемента. Доказательству этой гипотезы посвящена вся обширная эрудиція автора. Само собою разумѣется, что цѣль была не достигнута, но при этомъ темная сторона изслѣдованія оказалась въ неспокойномъ и враждебномъ отношеніи къ другимъ народамъ. Если отзывы западныхъ хронистовъ и историковъ не признаютъ за славянами и русскими ни хорошихъ качествъ, ни способности активного вмѣшательства въ дѣло цивилизаціи (въ этомъ они до послѣдняго времени были правы), то это не давало Хомякову

---

*) Maspero: „Histoire ancienne“. Paris 1876, pag. 13 и 14.

права на такое бездоказательное обвиненіе другихъ народностей. Вотъ примѣры. Говоря о франкахъ и германцахъ, Хомяковъ выражается: „Трехвѣковая жизнь, составленная изъ поочереднаго рабства, унижающаго душу, и изъ промежутковъ свободы, купленной по большей части измѣною и всегда ознаменованной свирѣпостью, изъ безпрестаннаго кровопролитія за чужое дѣло или за деньги и изъ грубо-роскошнаго разврата, приготовили въ странѣ прирейнской ту грозу франковъ, которая измѣнила всѣ судьбы западной Европы и представила одно изъ самыхъ великихъ, но также изъ самыхъ отвратительныхъ явленій въ исторіи человѣчества (IV, 423). Воинственные и хладнокровно - свирѣпые, безгранично - развратные и ненасытимо-корыстолюбивые, хитрые и до того лживые, что, по словамъ одного лѣтописца, считали ложь простою формою рѣчи, а по словамъ другаго—любили клятву, чтобы наслаждаться влѣтвоступленіемъ, таковы были франки въ концѣ V-го и началѣ VI вѣка. Таково было воспитаніе, данное Римомъ своимъ наемнымъ дикарямъ (419). Славяне не переселялись: въ нихъ нѣтъ ни малѣйшаго слѣда склонности кочевой. Они расселялись по лицу земли, не отрываясь отъ своей первобытной родины. По привольямъ прирѣчнымъ, по богатымъ низовьямъ расселялись мирные земледѣльцы, подвигаясь все далѣе и далѣе на Западъ, до береговъ Атлантики; но въ новыхъ жилищахъ, на просторѣ Европы, тогда еще безлюдной, ихъ не оставлялъ прежній духъ братства и человѣческаго общенія. Отъ Сыръ-Дарьи и Инда до Луары и Гаронны непрерывная цѣпь мелкихъ, безыменныхъ общинъ или большихъ семейныхъ круговъ служила живымъ проводникомъ для движенія промышленнаго и торговаго, для силы мыслящей и просвѣщающей, быстро передавая изъ края въ край міра всѣ измѣненія языка и понятій, старыхъ знаній и новыхъ заблужденій. По степямъ ходили веселые караваны, по рѣкамъ и морямъ летали смѣлые корабли, и въ одной изъ многочисленнѣйшихъ отраслей иранскихъ продолжалась древняя жизнь молодаго человѣчества, не смыкаясь въ мертвый эгоизмъ народовъ и государствъ, не волнуясь бурнымъ восторгомъ ненависти и войны, не унижая человѣка до раба, не искажая его до господина. Отъ этой прекрасной эпохи, скоро минувшей, но никогда не забытой и вѣроятно оставившей по себѣ мифическое преданіе о золотомъ вѣкѣ, сохранились намъ два несокрушимые колоса — мысль индустанская и бытъ славянскій — братья, которые

Эіюпія получила свою цивилизацію изъ Египта *). Впрочемъ, Хомяковъ самъ признаетъ, въ письмѣ къ Бунзену, что „хамиды или кушиты, которыхъ Ханаанъ есть только ближайшій представитель, суть не языкъ, не племя, а *религіозное начало*, преданное проклятію священнымъ преданіемъ. Это начало есть еаллизмъ, присущій религіямъ, которыя вы позволите мнѣ назвать *кушитскими*“ (II, 352). Вся всемірная исторія представлена Хомяковымъ какъ борьба иранства съ кушитствомъ, причемъ иранство выразилось окончательно въ христіанствѣ, т.-е. православіи, а кушитство—въ буддизмѣ и вообще во всякомъ раціонализмѣ, такъ что и Гегель является представителемъ кушита. Чѣмъ человекъ былъ ближе къ первобытному преданію и чѣмъ чище его сохраняетъ, тѣмъ общественный его бытъ проще, чище и нравственнѣе. Но съ отступленіемъ хамидовъ отъ общаго завѣта отцовъ кончилось свѣтлое и святое младенчество человѣческаго рода, кончились взаимныя сношенія, и развитіе просвѣщенія синтетическаго, и вселенская жизнь мысли. Объ этомъ раннемъ періодѣ остались преданія и сказки. Міръ, въ своихъ грустныхъ воспоминаніяхъ, и вѣря и не вѣря ему, назвалъ его золотымъ вѣкомъ. Начались вѣка борьбы, вѣка героическіе (Соч. IV, 21). Понятно, что всякое мирно-патріархальное состояніе людей, гдѣ бы оно ни появлялось въ исторіи, представлялось Хомякову отголоскомъ этого золотого вѣка. А такъ какъ славяне, какъ извѣстно, дольше всѣхъ другихъ арійскихъ племенъ оставались въ состояніи мирныхъ земледѣльцевъ и такъ какъ древніе историки свидѣтельствуютъ о многочисленности славянъ, то все, что есть хорошаго, создано славянами, и если это хорошее гдѣ-нибудь встрѣчается, то заставляетъ предполагать въ томъ или другомъ видѣ, тѣмъ или другимъ путемъ, примѣсь славянскаго элемента. Доводительству этой гипотезы посвящена вся обширная эрудиція автора. Само собою разумѣется, что цѣль была не достигнута, но при этомъ темная сторона изслѣдованія оказалась въ неспокойномъ и враждебномъ отношеніи къ другимъ народамъ. Если отзывы западныхъ хронистовъ и историковъ не признаютъ за славянами и русскими ни хорошихъ качествъ, ни способности активнаго вмѣшательства въ дѣло цивилизаціи (въ этомъ они до послѣдняго времени были правы), то это не давало Хомякову

*) Maspero: „Histoire ancienne“. Paris 1876, pag. 13 и 14.

права на такое бездоказательное обвиненіе другихъ народностей. Вотъ примѣры. Говоря о франкахъ и германцахъ, Хомяковъ выражается: „Трехвѣковая жизнь, составленная изъ поочереднаго рабства, унижающаго душу, и изъ промежутковъ свободы, купленной по большей части измѣною и всегда ознаменованной свирѣпостью, изъ безпрестаннаго кровопролитія за чужое дѣло или за деньги и изъ грубо-роскошнаго разврата, приготовили въ странѣ прирейнской ту грозу франковъ, которая измѣнила всѣ судьбы западной Европы и представила одно изъ самыхъ великихъ, но также изъ самыхъ отвратительныхъ явленій въ исторіи человѣчества (IV, 423). Воинственные и хладнокровно - свирѣпые, безгранично - развратные и ненасытимо-корыстолюбивые, хитрые и до того лживые, что, по словамъ одного лѣтописца, считали ложь простою формою рѣчи, а по словамъ другаго—любили клятву, чтобы наслаждаться клятво-преступленіемъ, таковы были франки въ концѣ V-го и началѣ VI вѣка. Таково было воспитаніе, данное Римомъ своимъ наемнымъ дикарямъ (419). Славяне не переселялись: въ нихъ нѣтъ ни малѣйшаго слѣда склонности кочевой. Они расселялись по лицу земли, не отрываясь отъ своей первобытной родины. По привольямъ прирѣчнымъ, по богатымъ низовьямъ расселялись мирные земледѣльцы, подвигаясь все далѣе и далѣе на Западъ, до береговъ Атлантики; но въ новыхъ жилищахъ, на просторѣ Европы, тогда еще безлюдной, ихъ не оставялъ прежній духъ братства и человѣческаго общенія. Отъ Сыръ-Дарьи и Инда до Луары и Гаронны непрерывная цѣпь мелкихъ, безыменныхъ общинъ или большихъ семейныхъ круговъ служила живымъ проводникомъ для движенія промышленнаго и торговаго, для силы мыслящей и просвѣщающей, быстро передавая изъ края въ край міра всѣ измѣненія языка и понятій, старыхъ знаній и новыхъ заблужденій. По степямъ ходили веселые караваны, по рѣкамъ и морямъ летали смѣлые корабли, и въ одной изъ многочисленнѣйшихъ отраслей иранскихъ продолжалась древняя жизнь молодаго человѣчества, не смыкаясь въ мертвый эгоизмъ народовъ и государствъ, не волнуясь бурнымъ восторгомъ ненависти и войны, не унижая человѣка до раба, не искажая его до господина. Отъ этой прекрасной эпохи, скоро минувшей, но никогда не забытой и вѣроятно оставившей по себѣ миѳическое преданіе о золотомъ вѣкѣ, сохранились намъ два несокрушимые колоса — мысль индустанская и бытъ славянскій — братья, которые

Эіопія получила свою цивилизацію изъ Египта *). Впрочемъ, Хомяковъ самъ признаетъ, въ письмѣ къ Бунзену, что „хамиды или кушиты, которыхъ Ханаанъ есть только ближайшій представитель, суть не языкъ, не племя, а *религіозное начало*, преданное проклятію священнымъ преданіемъ. Это начало есть еаллизмъ, присущій религіямъ, которыя вы позволите мнѣ назвать *кушитскими*“ (II, 352). Вся всемірная исторія представлена Хомяковымъ какъ борьба нравства съ кушитствомъ, причемъ нравство выразилось окончателно въ христіанствѣ, т.-е. православіи, а кушитство—въ буддизмѣ и вообще во всякомъ раціонализмѣ, такъ что и Гегель является представителемъ кушита. Чѣмъ человекъ былъ ближе къ первобытному преданію и чѣмъ чище его сохраняетъ, тѣмъ общественный его бытъ проще, чище и нравственнѣе. Но съ отступленіемъ хамидовъ отъ общаго завѣта отцовъ кончилось свѣтлое и святое младенчество человѣческаго рода, кончились взаимныя сношенія, и развитіе просвѣщенія синтетическаго, и вселенская жизнь мысли. Объ этомъ раннемъ періодѣ остались преданія и сказки. Міръ, въ своихъ грустныхъ воспоминаніяхъ, и вѣря и не вѣря ему, назвалъ его золотымъ вѣкомъ. Начались вѣка борьбы, вѣка героическіе (Соч. IV, 21). Понятно, что всякое мирно-патріархальное состояніе людей, гдѣ бы оно ни появлялось въ исторіи, представлялось Хомякову отголоскомъ этого золотого вѣка. А такъ какъ славяне, какъ извѣстно, дольше всѣхъ другихъ арійскихъ племенъ оставались въ состояніи мирныхъ земледѣльцевъ и такъ какъ древніе историки свидѣтельствуютъ о многочисленности славянъ, то все, чтд есть хорошаго, создано славянами, и если это хорошее гдѣ-нибудь встрѣчается, то заставляеть предполагать въ томъ или другомъ видѣ, тѣмъ или другимъ путемъ, примѣсь славянскаго элемента. Доводательству этой гипотезы посвящена вся обширная эрудиція автора. Само собою разумѣется, что цѣль была не достигнута, но при этомъ темная сторона изслѣдованія оказалась въ беспокойномъ и враждебномъ отношеніи къ другимъ народамъ. Если отзывы западныхъ хронистовъ и историковъ не признають за славянами и русскими ни хорошихъ качествъ, ни способности активнаго вмѣшательства въ дѣло цивилизаціи (въ этомъ они до послѣдняго времени были правы), то это не давало Хомякову

*) Maspero: „Histoire ancienne“. Paris 1876, pag. 13 и 14.

права на такое бездоказательное обвинение других народностей. Вотъ примѣры. Говоря о франкахъ и германцахъ, Хомяковъ выражается: „Трехвѣковая жизнь, составленная изъ поочереднаго рабства, унижающаго душу, и изъ промежутковъ свободы, купленной по большей части измѣною и всегда ознаменованной свирѣпостью, изъ безпрестаннаго кровопролитія за чужое дѣло или за деньги и изъ грубо-роскошнаго разврата, приготовили въ странѣ прирейнской ту грозу франковъ, которая измѣнила всѣ судьбы западной Европы и представила одно изъ самыхъ великихъ, но также изъ самыхъ отвратительныхъ явленій въ исторіи человѣчества (IV, 423). Воинственные и хладнокровно - свирѣпые, безгранично - развратные и ненасытимо-корыстолюбивые, хитрые и до того лживые, что, по словамъ одного лѣтописца, считали ложь простою формою рѣчи, а по словамъ другаго—любили клятву, чтобы наслаждаться клятвopреступленіемъ, таковы были франки въ концѣ V-го и началѣ VI вѣка. Таково было воспитаніе, данное Римомъ своимъ наемнымъ дикарямъ (419). Славяне не переселялись: въ нихъ нѣтъ ни малѣйшаго слѣда склонности кочевой. Они расселялись по лицу земли, не отрываясь отъ своей первобытной родины. По привольямъ прирѣчнымъ, по богатымъ низовьямъ расселялись мирные землепашцы, подвигаясь все далѣе и далѣе на Западъ, до береговъ Атлантики; но въ новыхъ жилищахъ, на просторѣ Европы, тогда еще безлюдной, ихъ не оставлялъ прежній духъ братства и человѣческаго общенія. Отъ Сыръ-Дарьи и Инда до Луары и Гаронны непрерывная цѣпь мелкихъ, безыменныхъ общинъ или большихъ семейныхъ круговъ служила живымъ проводникомъ для движенія промышленнаго и торговаго, для силы мыслящей и просвѣщающей, быстро передавая изъ края въ край міра всѣ измѣненія языка и понятій, старыхъ знаній и новыхъ заблужденій. По степямъ ходили веселые караваны, по рѣкамъ и морямъ летали смѣлые корабли, и въ одной изъ многочисленнѣйшихъ отраслей иранскихъ продолжалась древняя жизнь молодаго человѣчества, не смыкаясь въ мертвый эгоизмъ народовъ и государствъ, не волнуясь бурнымъ восторгомъ ненависти и войны, не унижая человѣка до раба, не искажая его до господина. Отъ этой прекрасной эпохи, скоро минувшей, но никогда не забытой и вѣроятно оставившей по себѣ миѣическое преданіе о золотомъ вѣкѣ, сохранились намъ два несокрушимые колоса — мысль индустанская и бытъ славянскій — братья, которые

Эѳіопія получила свою цивилизацію изъ Египта *). Впрочемъ, Хомяковъ самъ признаетъ, въ письмѣ къ Бунзену, что „хамиды или кушиты, которыхъ Ханаанъ есть только ближайшій представитель, суть не языкъ, не племя, а *религіозное начало*, преданное проклятію священнымъ преданіемъ. Это начало есть *эллинизмъ*, присущій религіямъ, которыя вы позволите мнѣ назвать *кушитскими*“ (II, 352). Вся всемірная исторія представлена Хомяковымъ какъ борьба иранства съ кушитствомъ, причемъ иранство выразилось окончателно въ христіанствѣ, т.-е. православіи, а кушитство—въ буддизмѣ и вообще во всякомъ раціонализмѣ, такъ что и Гегель является представителемъ кушитства. Чѣмъ человекъ былъ ближе къ первобытному преданію и чѣмъ чище его сохраняетъ, тѣмъ общественный его бытъ проще, чище и нравственнѣе. Но съ отступленіемъ хамидовъ отъ общаго завѣта отцовъ кончилось свѣтлое и святое младенчество человѣческаго рода, кончились взаимныя сношенія, и развитіе просвѣщенія синтетическаго, и вселенская жизнь мысли. Объ этомъ раннемъ періодѣ остались преданія и сказки. Миръ, въ своихъ грустныхъ воспоминаніяхъ, и вѣра и не вѣра ему, назвалъ его золотымъ вѣкомъ. Начались вѣка борьбы, вѣка героическіе (Соч. IV, 21). Понятно, что всякое мирно-патріархальное состояніе людей, гдѣ бы оно ни появлялось въ исторіи, представлялось Хомякову отголоскомъ этого золотого вѣка. А такъ какъ славяне, какъ извѣстно, дольше всѣхъ другихъ арійскихъ племенъ оставались въ состояніи мирныхъ земледѣльцевъ и такъ какъ древніе историки свидѣтельствуютъ о многочисленности славянъ, то все, чтѣ есть хорошаго, создано славянами, и если это хорошее гдѣ-нибудь встрѣчается, то заставляеть предполагать въ томъ или другомъ видѣ, тѣмъ или другимъ путемъ, примѣсь славянскаго элемента. Доказательству этой гипотезы посвящена вся обширная эрудиція автора. Само собою разумѣется, что цѣль была не достигнута, но при этомъ темная сторона изслѣдованія сказалась въ неспокойномъ и враждебномъ отношеніи къ другимъ народамъ. Если отзывы западныхъ хронистовъ и историковъ не признають за славянами и русскими ни хорошихъ качествъ, ни способности активнаго вмѣшательства въ дѣло цивилизаціи (въ этомъ они до послѣдняго времени были правы), то это не давало Хомякову

*) Maspero: „Histoire ancienne“. Paris 1876, pag. 13 и 14.

права на такое бездоказательное обвиненіе другихъ народностей. Вотъ примѣры. Говоря о франкахъ и германцахъ, Хомяковъ выражается: „Трехвѣковая жизнь, составленная изъ поочереднаго рабства, унижающаго душу, и изъ промежутковъ свободы, купленной по большей части измѣною и всегда ознаменованной свирѣпостью, изъ безпрестаннаго кровопролитія за чужое дѣло или за деньги и изъ грубо-роскошнаго разврата, приготовили въ странѣ прирейнской ту грозу франковъ, которая измѣнила всѣ судьбы западной Европы и представила одно изъ самыхъ великихъ, но также изъ самыхъ отвратительныхъ явленій въ исторіи человѣчества (IV, 423). Воинственные и хладнокровно - свирѣпые, безгранично - развратные и ненасытимо-корыстолюбивые, хитрые и до того лживые, что, по словамъ одного лѣтописца, считали ложь простою формою рѣчи, а по словамъ другаго—любили клятву, чтобы наслаждаться клятвенно-преступленіемъ, таковы были франки въ концѣ V-го и началѣ VI вѣка. Таково было воспитаніе, данное Римомъ своимъ наемнымъ дикарямъ (419). Славяне не переселялись: въ нихъ нѣтъ ни малѣйшаго слѣда склонности кочевой. Они расселялись по лицу земли, не отрываясь отъ своей первобытной родины. По привольямъ прирѣчнымъ, по богатымъ низовьямъ расселялись мирные землепашцы, подвигаясь все далѣе и далѣе на Западъ, до береговъ Атлантики; но въ новыхъ жилищахъ, на просторѣ Европы, тогда еще безлюдной, ихъ не оставлялъ прежній духъ братства и человѣческаго общенія. Отъ Сырь-Дарьи и Инда до Луары и Гаронны непрерывная цѣпь мелкихъ, безыменныхъ общинъ или большихъ семейныхъ круговъ служила живымъ проводникомъ для движенія промышленнаго и торговаго, для силы мыслящей и просвѣщающей, быстро передавая изъ края въ край міра всѣ измѣненія языка и понятій, старыхъ знаній и новыхъ заблужденій. По степямъ ходили веселые караваны, по рѣкамъ и морямъ летали смѣлые корабли, и въ одной изъ многочисленнѣйшихъ отраслей иранскихъ продолжалась древняя жизнь молодаго человѣчества, не смыкаясь въ мертвый эгоизмъ народовъ и государствъ, не волнуясь бурнымъ восторгомъ ненависти и войны, не унижая человѣка до раба, не искажая его до господина. Отъ этой прекрасной эпохи, скоро минувшей, но никогда не забытой и вѣроятно оставившей по себѣ миѣическое преданіе о золотомъ вѣкѣ, сохранились намъ два несокрушимые колоса — мысль индустанская и бытъ славянскій — братья, которые

Эѳіопія получила свою цивилизацію изъ Египта *). Впрочемъ, Хомяковъ самъ признаетъ, въ письмѣ къ Бунзену, что „хамиды или кушиты, которыхъ Ханаанъ есть только ближайшій представитель, суть не языкъ, не племя, а *религіозное начало*, преданное проклятію священнымъ преданіемъ. Это начало есть еаллизмъ, присущій религіямъ, которыя вы позволите мнѣ назвать *кушитскими*“ (II, 352). Вся всемірная исторія представлена Хомяковымъ какъ борьба иранства съ кушитствомъ, причемъ иранство выразилось окончателно въ христіанствѣ, т.-е. православіи, а кушитство—въ буддизмѣ и вообще во всякомъ раціонализмѣ, такъ что и Гегель является представителемъ кушитства. Чѣмъ человекъ былъ ближе къ первобытному преданію и чѣмъ чище его сохраняетъ, тѣмъ общественный его бытъ проще, чище и нравственнѣе. Но съ отступленіемъ хамидовъ отъ общаго завѣта отцовъ кончилось свѣтлое и святое младенчество человѣческаго рода, кончились взаимныя сношенія, и развитіе просвѣщенія синтетическаго, и вселенская жизнь мысли. Объ этомъ раннемъ періодѣ остались преданія и сказки. Миръ, въ своихъ грустныхъ воспоминаніяхъ, и вѣра и не вѣра ему, назвалъ его золотымъ вѣкомъ. Начались вѣка борьбы, вѣка героическіе (Соч. IV, 21). Понятно, что всякое мирно-патріархальное состояніе людей, гдѣ бы оно ни появлялось въ исторіи, представлялось Хомякову отголоскомъ этого золотого вѣка. А такъ какъ славяне, какъ извѣстно, дольше всѣхъ другихъ арійскихъ племенъ оставались въ состояніи мирныхъ земледѣльцевъ и такъ какъ древніе историки свидѣтельствуютъ о многочисленности славянъ, то все, чтѣ есть хорошаго, создано славянами, и если это хорошее гдѣ-нибудь встрѣчается, то заставляеть предполагать въ томъ или другомъ видѣ, тѣмъ или другимъ путемъ, примѣсь славянскаго элемента. Доказательству этой гипотезы посвящена вся обширная эрудиція автора. Само собою разумѣется, что цѣль была не достигнута, но при этомъ темная сторона изслѣдованія сказалась въ неспокойномъ и враждебномъ отношеніи къ другимъ народамъ. Если отзывы западныхъ хронистовъ и историковъ не признають за славянами и русскими ни хорошихъ качествъ, ни способности активнаго вмѣшательства въ дѣло цивилизаціи (въ этомъ они до послѣдняго времени были правы), то это не давало Хомякову

*) Maspero: „Histoire ancienne“. Paris 1876, pag. 13 и 14.

права на такое бездоказательное обвиненіе другихъ народностей. Вотъ примѣры. Говоря о франкахъ и германцахъ, Хомяковъ выражается: „Трехвѣковая жизнь, составленная изъ поочереднаго рабства, унижающаго душу, и изъ промежутковъ свободы, купленной по большей части измѣною и всегда ознаменованной свирѣпостью, изъ безпрестаннаго кровопролитія за чужое дѣло или за деньги и изъ грубо-роскошнаго разврата, приготовили въ странѣ прирейнской ту грозу франковъ, которая измѣнила всѣ судьбы западной Европы и представила одно изъ самыхъ великихъ, но также изъ самыхъ отвратительныхъ явленій въ исторіи человѣчества (IV, 423). Воинственные и хладнокровно - свирѣпые, безгранично - развратные и ненасытимо-корыстолюбивые, хитрые и до того лживые, что, по словамъ одного лѣтописца, считали ложь простою формою рѣчи, а по словамъ другаго—любили клятву, чтобы наслаждаться влѣтво-преступленіемъ, таковы были франки въ концѣ V-го и началѣ VI вѣка. Таково было воспитаніе, данное Римомъ своимъ наемнымъ дикарямъ (419). Славяне не переселялись: въ нихъ нѣтъ ни малѣйшаго слѣда склонности кочевой. Они расселялись по лицу земли, не отрываясь отъ своей первобытной родины. По привольямъ прирѣчнымъ, по богатымъ низовьямъ расселялись мирные землепашцы, подвигаясь все далѣе и далѣе на Западъ, до береговъ Атлантики; но въ новыхъ жилищахъ, на просторѣ Европы, тогда еще безлюдной, ихъ не оставлялъ прежній духъ братства и человѣческаго общенія. Отъ Сыръ-Дарьи и Инда до Луары и Гаронны непрерывная цѣпь мелкихъ, безыменныхъ общинъ или большихъ семейныхъ круговъ служила живымъ проводникомъ для движенія промышленнаго и торговаго, для силы мыслящей и просвѣщающей, быстро передавая изъ края въ край міра всѣ измѣненія языка и понятій, старыхъ знаній и новыхъ заблужденій. По степямъ ходили веселые караваны, по рѣкамъ и морямъ летали смѣлые корабли, и въ одной изъ многочислѣннѣйшихъ отраслей иранскихъ продолжалась древняя жизнь молодаго человѣчества, не смыкаясь въ мертвый эгоизмъ народовъ и государствъ, не волнуясь бурнымъ восторгомъ ненависти и войны, не унижая человѣка до раба, не искажая его до господина. Отъ этой прекрасной эпохи, скоро минувшей, но никогда не забытой и вѣроятно оставившей по себѣ миѣическое преданіе о золотомъ вѣкѣ, сохранились намъ два несокрушимые колоса — мысль индустанская и бытъ славянскій — братья, которые

Эіопія получила свою цивилизацію изъ Египта *). Впрочемъ, Хомяковъ самъ признаетъ, въ письмѣ къ Бунзену, что „хамиды или кушиты, которыхъ Ханаанъ есть только ближайшій представитель, суть не языкъ, не племя, а *религіозное начало*, преданное проклятію священнымъ преданіемъ. Это начало есть *эаллизмъ*, присущій религіямъ, которыя вы позволите мнѣ назвать *кушитскими*“ (II, 352). Вся всемірная исторія представлена Хомяковымъ какъ борьба иранства съ кушитствомъ, причемъ иранство выразилось окончателно въ христіанствѣ, т.-е. православіи, а кушитство—въ буддизмѣ и вообще во всякомъ раціонализмѣ, такъ что и Гегель является представителемъ кушитства. Чѣмъ человекъ былъ ближе къ первобытному преданію и чѣмъ чище его сохраняетъ, тѣмъ общественный его бытъ проще, чище и нравственнѣе. Но съ отступленіемъ хамидовъ отъ общаго завѣта отцовъ кончилось свѣтлое и святое младенчество человѣческаго рода, кончились взаимныя сношенія, и развитіе просвѣщенія синтетическаго, и вселенская жизнь мысли. Объ этомъ раннемъ періодѣ остались преданія и сказки. Миръ, въ своихъ грустныхъ воспоминаніяхъ, и вѣря и не вѣря ему, назвалъ его золотымъ вѣкомъ. Начались вѣка борьбы, вѣка героическіе (Соч. IV, 21). Понятно, что всякое мирно-патріархальное состояніе людей, гдѣ бы оно ни появлялось въ исторіи, представлялось Хомякову отголоскомъ этого золотого вѣка. А такъ какъ славяне, какъ извѣстно, дольше всѣхъ другихъ арійскихъ племенъ оставались въ состояніи мирныхъ земледѣльцевъ и такъ какъ древніе историки свидѣтельствуютъ о многочисленности славянъ, то все, чтд есть хорошаго, создано славянами, и если это хорошее гдѣ-нибудь встрѣчается, то заставляеть предполагать въ томъ или другомъ видѣ, тѣмъ или другимъ путемъ, примѣсь славянскаго элемента. Довозательству этой гипотезы посвящена вся обширная эрудиція автора. Само собою разумѣется, что цѣль была не достигнута, но при этомъ темная сторона изслѣдованія оказалась въ неспокойномъ и враждебномъ отношеніи къ другимъ народамъ. Если отзывы западныхъ хронистовъ и историковъ не признають за славянами и русскими ни хорошихъ качествъ, ни способности активнаго вмѣшательства въ дѣло цивилизаціи (въ этомъ они до послѣдняго времени были правы), то это не давало Хомякову

---

*) Maspero: „Histoire ancienne“. Paris 1876, pag. 13 и 14.

права на такое бездоказательное обвинение других народностей. Вотъ примѣры. Говоря о франкахъ и германцахъ, Хомяковъ выражается: „Трехвѣковая жизнь, составленная изъ поочереднаго рабства, унижающаго душу, и изъ промежутковъ свободы, купленной по большей части измѣною и всегда ознаменованной свирѣпостью, изъ безпрестаннаго кровопролитія за чужое дѣло или за деньги и изъ грубо-роскошнаго разврата, приготовили въ странѣ прирейнской ту грозу франковъ, которая измѣнила всѣ судьбы западной Европы и представила одно изъ самыхъ великихъ, но также изъ самыхъ отвратительныхъ явленій въ исторіи человѣчества (IV, 423). Воинственные и хладнокровно - свирѣпые, безгранично - развратные и ненасытимо-корыстолюбивые, хитрые и до того лживые, что, по словамъ одного лѣтописца, считали ложь простою формою рѣчи, а по словамъ другаго—любили клятву, чтобы наслаждаться клятво-преступленіемъ, таковы были франки въ концѣ V-го и началѣ VI вѣка. Таково было воспитаніе, данное Римомъ своимъ наемнымъ дикарямъ (419). Славяне не переселялись: въ нихъ нѣтъ ни малѣйшаго слѣда склонности кочевой. Они расселялись по лицу земли, не отрываясь отъ своей первобытной родины. По привольямъ прирѣчнымъ, по богатымъ низовьямъ расселялись мирные земледѣльцы, подвигаясь все далѣе и далѣе на Западъ, до береговъ Атлантики; но въ новыхъ жилищахъ, на просторѣ Европы, тогда еще безлюдной, ихъ не оставлялъ прежній духъ братства и человѣческаго общенія. Отъ Сыръ-Дарьи и Инда до Луары и Гаронны непрерывная цѣпь мелкихъ, безыменныхъ общинъ или большихъ семейныхъ круговъ служила живымъ проводникомъ для движенія промышленнаго и торговаго, для силы мыслящей и просвѣщающей, быстро передавая изъ края въ край міра всѣ измѣненія языка и понятій, старыхъ знаній и новыхъ заблужденій. По степямъ ходили веселые караваны, по рѣкамъ и морямъ летали смѣлые корабли, и въ одной изъ многочисленнѣйшихъ отраслей иранскихъ продолжалась древняя жизнь молодаго человѣчества, не смыкаясь въ мертвый эгоизмъ народовъ и государствъ, не волнуясь бурнымъ восторгомъ ненависти и войны, не унижая человѣка до раба, не искажая его до господина. Отъ этой прекрасной эпохи, скоро минувшей, но никогда не забытой и вѣроятно оставившей по себѣ миѣическое преданіе о золотомъ вѣкѣ, сохранились намъ два несокрушимые колоса — мысль индустанская и бытъ славянскій — братья, которые

Эіюпія получила свою цивилизацію изъ Египта *). Впрочемъ, Хомяковъ самъ признаетъ, въ письмѣ къ Бунзену, что „хамиды или кушиты, которыхъ Ханаанъ есть только ближайшій представитель, суть не языкъ, не племя, а *религіозное начало*, преданное проклятію священнымъ преданіемъ. Это начало есть еаллизмъ, присущій религіямъ, которыя вы позволите мнѣ назвать *кушитскими*“ (II, 352). Вся всемірная исторія представлена Хомяковымъ какъ борьба иранства съ кушитствомъ, причемъ иранство выразилось окончательно въ христіанствѣ, т.-е. православіи, а кушитство—въ буддизмѣ и вообще во всякомъ раціонализмѣ, такъ что и Гегель является представителемъ кушитства. Чѣмъ человекъ былъ ближе къ первобытному преданію и чѣмъ чище его сохраняетъ, тѣмъ общественный его бытъ проще, чище и нравственнѣе. Но съ отступленіемъ хамидовъ отъ общаго завѣта отцовъ кончилось свѣтлое и святое младенчество человѣческаго рода, кончились взаимныя сношенія, и развитіе просвѣщенія синтетическаго, и вселенская жизнь мысли. Объ этомъ раннемъ періодѣ остались преданія и сказки. Міръ, въ своихъ грустныхъ воспоминаніяхъ, и вѣря и не вѣря ему, назвалъ его золотымъ вѣкомъ. Начались вѣка борьбы, вѣка героическіе (Соч. IV, 21). Понятно, что всякое мирно-патріархальное состояніе людей, гдѣ бы оно ни появлялось въ исторіи, представлялось Хомякову отголоскомъ этого золотого вѣка. А такъ какъ славяне, какъ извѣстно, дольше всѣхъ другихъ арійскихъ племенъ оставались въ состояніи мирныхъ земледѣльцевъ и такъ какъ древніе историки свидѣтельствуютъ о многочисленности славянъ, то все, что есть хорошаго, создано славянами, и если это хорошее гдѣ-нибудь встрѣчается, то заставляетъ предполагать въ томъ или другомъ видѣ, тѣмъ или другимъ путемъ, примѣсь славянскаго элемента. Доводательству этой гипотезы посвящена вся обширная эрудиція автора. Само собою разумѣется, что цѣль была не достигнута, но при этомъ темная сторона изслѣдованія оказалась въ беспокойномъ и враждебномъ отношеніи къ другимъ народамъ. Если отзывы западныхъ хронистовъ и историковъ не признаютъ за славянами и русскими ни хорошихъ качествъ, ни способности активнаго вмѣшательства въ дѣло цивилизаціи (въ этомъ они до послѣдняго времени были правы), то это не давало Хомякову

*) Maspero: „Histoire ancienne“. Paris 1876, pag. 13 и 14.

права на такое бездоказательное обвиненіе другихъ народностей. Вотъ примѣры. Говоря о франкахъ и германцахъ, Хомяковъ выражается: „Трехвѣковая жизнь, составленная изъ поочереднаго рабства, унижающаго душу, и изъ промежутковъ свободы, купленной по большей части измѣною и всегда ознаменованной свирѣпостью, изъ безпрестаннаго кровопролитія за чужое дѣло или за деньги и изъ грубо-роскошнаго разврата, приготовили въ странѣ прирейнской ту грозу франковъ, которая измѣнила всѣ судьбы западной Европы и представила одно изъ самыхъ великихъ, но также изъ самыхъ отвратительныхъ явленій въ исторіи человѣчества (IV, 423). Воинственные и хладнокровно - свирѣпые, безгранично - развратные и ненасытимо-корыстолюбивые, хитрые и до того лживые, что, по словамъ одного лѣтописца, считали ложь простою формою рѣчи, а по словамъ другаго—любили клятву, чтобы наслаждаться клятвенно-преступленіемъ, таковы были франки въ концѣ V-го и началѣ VI вѣка. Таково было воспитаніе, данное Римомъ своимъ наемнымъ дикарямъ (419). Славяне не переселялись: въ нихъ нѣтъ ни малѣйшаго слѣда склонности кочевой. Они расселялись по лицу земли, не отрываясь отъ своей первобытной родины. По привольямъ прирѣчнымъ, по богатымъ низовьямъ расселялись мирные землепашцы, подвигаясь все далѣе и далѣе на Западъ, до береговъ Атлантики; но въ новыхъ жилищахъ, на просторѣ Европы, тогда еще безлюдной, ихъ не оставялъ прежній духъ братства и человѣческаго общенія. Отъ Сыръ-Дарьи и Инда до Луары и Гаронны непрерывная цѣпь мелкихъ, безыменныхъ общинъ или большихъ семейныхъ круговъ служила живымъ проводникомъ для движенія промышленнаго и торговаго, для силы мыслящей и просвѣщающей, быстро передавая изъ края въ край міра всѣ измѣненія языка и понятій, старыхъ знаній и новыхъ заблужденій. По степямъ ходили веселые караваны, по рѣкамъ и морямъ летали смѣлые корабли, и въ одной изъ многочислѣннѣйшихъ отраслей иранскихъ продолжалась древняя жизнь молодаго человѣчества, не смыкаясь въ мертвый эгоизмъ народовъ и государствъ, не волнуясь бурнымъ восторгомъ ненависти и войны, не унижая человѣка до раба, не искажая его до господина. Отъ этой прекрасной эпохи, скоро минувшей, но никогда не забытой и вѣроятно оставившей по себѣ миѣическое преданіе о золотомъ вѣкѣ, сохранились намъ два несокрушимые колоса — мысль индустанская и бытъ славянскій — братья, которые

Эѳіопія получила свою цивилизацію изъ Египта *). Впрочемъ, Хомяковъ самъ признаетъ, въ письмѣ къ Бунзену, что „хамиды или кушиты, которыхъ Ханаанъ есть только ближайшій представитель, суть не языкъ, не племя, а *религіозное начало*, преданное проклітію священнымъ преданіемъ. Это начало есть еаллизмъ, присущій религіямъ, которыя вы позволите мнѣ назвать *кушитскими*“ (II, 352). Вся всемірная исторія представлена Хомяковымъ какъ борьба иранства съ кушитствомъ, причемъ иранство выразилось окончательно въ христіанствѣ, т.-е. православіи, а кушитство—въ буддизмѣ и вообще во всякомъ раціонализмѣ, такъ что и Гегель является представителемъ кушита. Чѣмъ человекъ былъ ближе къ первобытному преданію и чѣмъ чище его сохраняетъ, тѣмъ общественный его бытъ проще, чище и нравственнѣе. Но съ отступленіемъ хамидовъ отъ общаго завѣта отцовъ кончилось свѣтлое и святое младенчество человѣческаго рода, кончились взаимныя сношенія, и развитіе просвѣщенія синтетическаго, и вселенская жизнь мысли. Объ этомъ раннемъ періодѣ остались преданія и сказки. Миръ, въ своихъ грустныхъ воспоминаніяхъ, и вѣра и не вѣра ему, назвалъ его золотымъ вѣкомъ. Начались вѣка борьбы, вѣка героическіе (Соч. IV, 21). Понятно, что всякое мирно-патріархальное состояніе людей, гдѣ бы оно ни появлялось въ исторіи, представлялось Хомякову отголоскомъ этого золотого вѣка. А такъ какъ славяне, какъ извѣстно, дольше всѣхъ другихъ арійскихъ племенъ оставались въ состояніи мирныхъ земледѣльцевъ и такъ какъ древніе историки свидѣтельствуютъ о многочисленности славянъ, то все, чтѣ есть хорошаго, создано славянами, и если это хорошее гдѣ-нибудь встрѣчается, то заставляеть предполагать въ томъ или другомъ видѣ, тѣмъ или другимъ путемъ, примѣсь славянскаго элемента. Доводательству этой гипотезы посвящена вся обширная эрудиція автора. Само собою разумѣется, что цѣль была не достигнута, но при этомъ темная сторона изслѣдованія сказалась въ беспокойномъ и враждебномъ отношеніи къ другимъ народамъ. Если отзывы западныхъ хронистовъ и историковъ не признають за славянами и русскими ни хорошихъ качествъ, ни способности активнаго вмѣшательства въ дѣло цивилизаціи (въ этомъ они до послѣдняго времени были правы), то это не давало Хомякову

*) Maspero: „Histoire ancienne“. Paris 1876, pag. 13 и 14.

права на такое бездоказательное обвиненіе другихъ народностей. Вотъ примѣры. Говоря о франкахъ и германцахъ, Хомяковъ выражается: „Трехвѣковая жизнь, составленная изъ поочереднаго рабства, унижающаго душу, и изъ промежутковъ свободы, купленной по большей части измѣною и всегда ознаменованной свирѣпостью, изъ безпрестаннаго кровопролитія за чужое дѣло или за деньги и изъ грубо-роскошнаго разврата, приготовили въ странѣ прирейнской ту грозу франковъ, которая измѣнила всѣ судьбы западной Европы и представила одно изъ самыхъ великихъ, но также изъ самыхъ отвратительныхъ явленій въ исторіи человѣчества (IV, 423). Воинственные и хладнокровно - свирѣпые, безгранично - развратные и ненасытимо-корыстолюбивые, хитрые и до того лживые, что, по словамъ одного лѣтописца, считали ложь простою формою рѣчи, а по словамъ другаго—любили клятву, чтобы наслаждаться влѣтвоступленіемъ, таковы были франки въ концѣ V-го и началѣ VI вѣка. Таково было воспитаніе, данное Римомъ своимъ наемнымъ дикарямъ (419). Славяне не переселялись: въ нихъ нѣтъ ни малѣйшаго слѣда склонности кочевой. Они расселялись по лицу земли, не отрываясь отъ своей первобытной родины. По привольямъ прирѣчнымъ, по богатымъ низовьямъ расселялись мирные землепашцы, подвигаясь все далѣе и далѣе на Западъ, до береговъ Атлантики; но въ новыхъ жилищахъ, на просторѣ Европы, тогда еще безлюдной, ихъ не оставялъ прежній духъ братства и человѣческаго общенія. Отъ Сыръ-Дарьи и Инда до Луары и Гаронны непрерывная цѣпь мелкихъ, безыменныхъ общинъ или большихъ семейныхъ круговъ служила живымъ проводникомъ для движенія промышленнаго и торговаго, для силы мыслящей и просвѣщающей, быстро передавая изъ края въ край міра всѣ измѣненія языка и понятій, старыхъ знаній и новыхъ заблужденій. По степямъ ходили веселые караваны, по рѣкамъ и морямъ летали смѣлые корабли, и въ одной изъ многочисленнѣйшихъ отраслей иранскихъ продолжалась древняя жизнь молодаго человѣчества, не смыкаясь въ мертвый эгоизмъ народовъ и государствъ, не волнуясь бурнымъ восторгомъ ненависти и войны, не унижая человѣка до раба, не искажая его до господина. Отъ этой прекрасной эпохи, скоро минувшей, но никогда не забытой и вѣроятно оставившей по себѣ мифическое преданіе о золотомъ вѣкѣ, сохранились намъ два несокрушимые колоса — мысль индустанская и бытъ славянскій — братья, которые

Эіопія получила свою цивилизацію изъ Египта *). Впрочемъ, Хомяковъ самъ признаетъ, въ письмѣ къ Бунзену, что „хамиды или кушиты, которыхъ Ханаанъ есть только ближайшій представитель, суть не языкъ, не племя, а *религіозное начало*, преданное проклятію священнымъ преданіемъ. Это начало есть оаллизмъ, присущій религіямъ, которыя вы позволите мнѣ назвать *кушитскими*“ (II, 352). Вся всемірная исторія представлена Хомяковымъ какъ борьба иранства съ кушитствомъ, причемъ иранство выразилось окончательно въ христіанствѣ, т.-е. православіи, а кушитство—въ буддизмѣ и вообще во всякомъ раціонализмѣ, такъ что и Гегель является представителемъ кушитства. Чѣмъ человекъ былъ ближе къ первобытному преданію и чѣмъ чище его сохраняетъ, тѣмъ общественный его бытъ проще, чище и нравственнѣе. Но съ отступленіемъ хамидовъ отъ общаго завѣта отцовъ кончилось свѣтлое и святое младенчество человѣческаго рода, кончились взаимныя сношенія, и развитіе просвѣщенія синтетическаго, и вселенская жизнь мысли. Объ этомъ раннемъ періодѣ остались преданія и сказки. Міръ, въ своихъ грустныхъ воспоминаніяхъ, и вѣря и не вѣря ему, назвалъ его золотымъ вѣкомъ. Начались вѣка борьбы, вѣка героическіе (Соч. IV, 21). Понятно, что всякое мирно-патріархальное состояніе людей, гдѣ бы оно ни появлялось въ исторіи, представлялось Хомякову отголоскомъ этого золотого вѣка. А такъ какъ славяне, какъ извѣстно, дольше всѣхъ другихъ арійскихъ племенъ оставались въ состояніи мирныхъ земледѣльцевъ и такъ какъ древніе историки свидѣтельствуютъ о многочисленности славянъ, то все, чтѣ есть хорошаго, создано славянами, и если это хорошее гдѣ-нибудь встрѣчается, то заставляетъ предполагать въ томъ или другомъ видѣ, тѣмъ или другимъ путемъ, примѣсь славянскаго элемента. Довозательству этой гипотезы посвящена вся обширная эрудиція автора. Само собою разумѣется, что цѣль была не достигнута, но при этомъ темная сторона изслѣдованія оказалась въ неспокойномъ и враждебномъ отношеніи къ другимъ народамъ. Если отзывы западныхъ хронистовъ и историковъ не признаютъ за славянами и русскими ни хорошихъ качествъ, ни способности активнаго вмѣшательства въ дѣло цивилизаціи (въ этомъ они до послѣдняго времени были правы), то это не давало Хомякову

*) Maspero: „Histoire ancienne“. Paris 1876, pag. 13 и 14.

права на такое бездоказательное обвиненіе другихъ народностей. Вотъ примѣры. Говоря о франкахъ и германцахъ, Хомяковъ выражается: „Трехвѣковая жизнь, составленная изъ поочереднаго рабства, унижающаго душу, и изъ промежутковъ свободы, купленной по большей части измѣною и всегда ознаменованной свирѣпостью, изъ безпрестаннаго кровопролитія за чужое дѣло или за деньги и изъ грубо-роскошнаго разврата, приготовили въ странѣ прирейнской ту грозу франковъ, которая измѣнила всѣ судьбы западной Европы и представила одно изъ самыхъ великихъ, но также изъ самыхъ отвратительныхъ явленій въ исторіи человѣчества (IV, 423). Воинственные и хладнокровно - свирѣпые, безгранично - развратные и ненасытимо-корыстолюбивые, хитрые и до того живые, что, по словамъ одного лѣтописца, считали ложь простою формою рѣчи, а по словамъ другаго—любили клятву, чтобы наслаждаться клятво-преступленіемъ, таковы были франки въ концѣ V-го и началѣ VI вѣка. Таково было воспитаніе, данное Римомъ своимъ наемнымъ дикарямъ (419). Славяне не переселялись: въ нихъ нѣтъ ни малѣйшаго слѣда склонности кочевой. Они расселялись по лицу земли, не отрываясь отъ своей первобытной родины. По привольямъ прирѣчнымъ, по богатымъ низовьямъ расселялись мирные землепашцы, подвигаясь все далѣе и далѣе на Западъ, до береговъ Атлантики; но въ новыхъ жилищахъ, на просторѣ Европы, тогда еще безлюдной, ихъ не оставалъ прежній духъ братства и человѣческаго общенія. Отъ Сыръ-Дарьи и Инда до Луары и Гаронны непрерывная цѣпь мелкихъ, безыменныхъ общинъ или большихъ семейныхъ круговъ служила живымъ проводникомъ для движенія промышленнаго и торговаго, для силы мыслящей и просвѣщающей, быстро передавая изъ края въ край міра всѣ измѣненія языка и понятій, старыхъ знаній и новыхъ заблужденій. По степямъ ходили веселые караваны, по рѣкамъ и морямъ летали смѣлые корабли, и въ одной изъ многочислѣннѣйшихъ отраслей иранскихъ продолжалась древняя жизнь молодаго человѣчества, не смыкаясь въ мертвый эгоизмъ народовъ и государствъ, не волнуясь бурнымъ восторгомъ ненависти и войны, не унижая человѣка до раба, не искажая его до господина. Отъ этой прекрасной эпохи, скоро минувшей, но никогда не забытой и вѣроятно оставившей по себѣ мифическое преданіе о золотомъ вѣкѣ, сохранились намъ два несокрушимые колоса — мысль индуставская и бытъ славянскій — братья, которые

Эіюпія получила свою цивилизацію изъ Египта *). Впрочемъ, Хомяковъ самъ признаетъ, въ письмѣ къ Бунзену, что „хамиды или кушиты, которыхъ Ханаанъ есть только ближайшій представитель, суть не языкъ, не племя, а *религіозное начало*, преданное проклятію священнымъ преданіемъ. Это начало есть оаллизмъ, присущій религіямъ, которыя вы позволите мнѣ назвать *кушитскими*“ (II, 352). Вся всемірная исторія представлена Хомяковымъ какъ борьба нравства съ кушитствомъ, причемъ нравство выразилось окончателно въ христіанствѣ, т. е. православіи, а кушитство—въ буддизмѣ и вообще во всякомъ рационализмѣ, такъ что и Гегель является представителемъ кушита. Чѣмъ человекъ былъ ближе къ первобытному преданію и чѣмъ чище его сохраняетъ, тѣмъ общественный его бытъ проще, чище и нравственнѣе. Но съ отступленіемъ хамидовъ отъ общаго завѣта отцовъ кончилось свѣтлое и святое младенчество человѣческаго рода, кончились взаимныя сношенія, и развитіе просвѣщенія синтетическаго, и вселенская жизнь мысли. Объ этомъ раннемъ періодѣ остались преданія и сказки. Міръ, въ своихъ грустныхъ воспоминаніяхъ, и вѣря и не вѣря ему, назвалъ его золотымъ вѣкомъ. Начались вѣка борьбы, вѣка героическіе (Соч. IV, 21). Понятно, что всякое мирно-патріархальное состояніе людей, гдѣ бы оно ни появлялось въ исторіи, представлялось Хомякову отголоскомъ этого золотого вѣка. А такъ какъ славяне, какъ извѣстно, дольше всѣхъ другихъ арійскихъ племенъ оставались въ состояніи мирныхъ земледѣльцевъ и такъ какъ древніе историки свидѣтельствуютъ о многочисленности славянъ, то все, чтд есть хорошаго, создано славянами, и если это хорошее гдѣ-нибудь встрѣчается, то заставляеть предполагать въ томъ или другомъ видѣ, тѣмъ или другимъ путемъ, примѣсь славянскаго элемента. Довозательству этой гипотезы посвящена вся обширная эрудиція автора. Само собою разумѣется, что цѣль была не достигнута, но при этомъ темная сторона изслѣдованія оказалась въ неспокойномъ и враждебномъ отношеніи къ другимъ народамъ. Если отзывы западныхъ хронистовъ и историковъ не признають за славянами и русскими ни хорошихъ качествъ, ни способности активнаго вмѣшательства въ дѣло цивилизаціи (въ этомъ они до послѣдняго времени были правы), то это не давало Хомякову

*) Maspero: „Histoire ancienne“. Paris 1876, pag. 13 и 14.

права на такое бездоказательное обвиненіе другихъ народностей. Вотъ примѣры. Говоря о франкахъ и германцахъ, Хомяковъ выражается: „Трехвѣковая жизнь, составленная изъ поочереднаго рабства, унижающаго душу, и изъ промежутковъ свободы, купленной по большей части измѣною и всегда ознаменованной свирѣпостью, изъ безпрестаннаго кровопролитія за чужое дѣло или за деньги и изъ грубо-роскошнаго разврата, приготовили въ странѣ прирейнской ту грозу франковъ, которая измѣнила всѣ судьбы западной Европы и представила одно изъ самыхъ великихъ, но также изъ самыхъ отвратительныхъ явленій въ исторіи человѣчества (IV, 423). Воинственные и хладнокровно - свирѣпые, безгранично - развратные и ненасытимо-корыстолюбивые, хитрые и до того лживые, что, по словамъ одного лѣтописца, считали ложь простою формою рѣчи, а по словамъ другаго—любили клятву, чтобы наслаждаться клятво-преступленіемъ, таковы были франки въ концѣ V-го и началѣ VI вѣка. Таково было воспитаніе, данное Римомъ своимъ наемнымъ дикарямъ (419). Славяне не переселялись: въ нихъ нѣтъ ни малѣйшаго слѣда склонности кочевой. Они расселялись по лицу земли, не отрываясь отъ своей первобытной родины. По привольямъ прирѣчнымъ, по богатымъ низовьямъ расселялись мирные землепашцы, подвигаясь все далѣе и далѣе на Западъ, до береговъ Атлантики; но въ новыхъ жилищахъ, на просторѣ Европы, тогда еще безлюдной, ихъ не оставлялъ прежній духъ братства и человѣческаго общенія. Отъ Сыръ-Дарьи и Инда до Луары и Гаронны непрерывная цѣпь мелкихъ, безыменныхъ общинъ или большихъ семейныхъ круговъ служила живымъ проводникомъ для движенія промышленнаго и торговаго, для силы мыслящей и просвѣщающей, быстро передавая изъ края въ край міра всѣ измѣненія языка и понятій, старыхъ знаній и новыхъ заблужденій. По степямъ ходили веселые караваны, по рѣкамъ и морямъ летали смѣлые корабли, и въ одной изъ многочисленнѣйшихъ отраслей иранскихъ продолжалась древняя жизнь молодаго человѣчества, не смыкаясь въ мертвый эгоизмъ народовъ и государствъ, не волнуясь бурнымъ восторгомъ ненависти и войны, не унижая человѣка до раба, не искажая его до господина. Отъ этой прекрасной эпохи, скоро минувшей, но никогда не забытой и вѣроятно оставившей по себѣ миѳическое преданіе о золотомъ вѣкѣ, сохранились намъ два несокрушимые колоса — мысль индустанская и бытъ славянскій — братья, которые

Эіопія получила свою цивилизацію изъ Египта *). Впрочемъ, Хомяковъ самъ признаетъ, въ письмѣ къ Бунзену, что „хамиды или кушиты, которыхъ Ханаанъ есть только ближайшій представитель, суть не языкъ, не племя, а *религіозное начало*, преданное проклятію священнымъ преданіемъ. Это начало есть *эаллизмъ*, присущій религіямъ, которыя вы позволите мнѣ назвать *кушитскими*“ (II, 352). Вся всемірная исторія представлена Хомяковымъ какъ борьба иранства съ кушитствомъ, причемъ иранство выразилось окончателно въ христіанствѣ, т.-е. православіи, а кушитство—въ буддизмѣ и вообще во всякомъ раціонализмѣ, такъ что и Гегель является представителемъ кушитства. Чѣмъ человекъ былъ ближе къ первобытному преданію и чѣмъ чище его сохраняетъ, тѣмъ общественный его бытъ проще, чище и нравственнѣе. Но съ отступленіемъ хамидовъ отъ общаго завѣта отцовъ кончилось свѣтлое и святое младенчество человѣческаго рода, кончились взаимныя сношенія, и развитіе просвѣщенія синтетическаго, и вселенская жизнь мысли. Объ этомъ раннемъ періодѣ остались преданія и сказки. Міръ, въ своихъ грустныхъ воспоминаніяхъ, и вѣря и не вѣря ему, назвалъ его золотымъ вѣкомъ. Начались вѣка борьбы, вѣка героическіе (Соч. IV, 21). Понятно, что всякое мирно-патріархальное состояніе людей, гдѣ бы оно ни появлялось въ исторіи, представлялось Хомякову отголоскомъ этого золотого вѣка. А такъ какъ славяне, какъ извѣстно, дольше всѣхъ другихъ арійскихъ племенъ оставались въ состояніи мирныхъ земледѣльцевъ и такъ какъ древніе историки свидѣтельствуютъ о многочисленности славянъ, то все, чтѣ есть хорошаго, создано славянами, и если это хорошее гдѣ-нибудь встрѣчается, то заставляеть предполагать въ томъ или другомъ видѣ, тѣмъ или другимъ путемъ, примѣсь славянскаго элемента. Доводательству этой гипотезы посвящена вся обширная эрудиція автора. Само собою разумѣется, что цѣль была не достигнута, но при этомъ темная сторона изслѣдованія оказалась въ неспокойномъ и враждебномъ отношеніи къ другимъ народамъ. Если отзывы западныхъ хронистовъ и историковъ не признають за славянами и русскими ни хорошихъ качествъ, ни способности активнаго вмѣшательства въ дѣло цивилизаціи (въ этомъ они до послѣдняго времени были правы), то это не давало Хомякову

*) Maspero: „Histoire ancienne“. Paris 1876, pag. 13 и 14.

права на такое бездоказательное обвиненіе другихъ народностей. Вотъ примѣры. Говоря о франкахъ и германцахъ, Хомяковъ выражается: „Трехвѣковая жизнь, составленная изъ поочереднаго рабства, унижающаго душу, и изъ промежутковъ свободы, купленной по большей части измѣною и всегда ознаменованной свирѣпостью, изъ безпрестаннаго кровопролитія за чужое дѣло или за деньги и изъ грубо-роскошнаго разврата, приготовили въ странѣ прирейнской ту грозу франковъ, которая измѣнила всѣ судьбы западной Европы и представила одно изъ самыхъ великихъ, но также изъ самыхъ отвратительныхъ явленій въ исторіи человѣчества (IV, 423). Воинственные и хладнокровно - свирѣпые, безгранично - развратные и ненасытимо-корыстолюбивые, хитрые и до того лживые, что, по словамъ одного лѣтописца, считали ложь простою формою рѣчи, а по словамъ другаго—любили клятву, чтобы наслаждаться клятво-преступленіемъ, таковы были франки въ концѣ V-го и началѣ VI вѣка. Таково было воспитаніе, данное Римомъ своимъ наемнымъ дикарямъ (419). Славяне не переселялись: въ нихъ нѣтъ ни малѣйшаго слѣда склонности кочевой. Они расселялись по лицу земли, не отрываясь отъ своей первобытной родины. По привольямъ прирѣчнымъ, по богатымъ низовьямъ расселялись мирные землепашцы, подвигаясь все далѣе и далѣе на Западъ, до береговъ Атлантики; но въ новыхъ жилищахъ, на просторѣ Европы, тогда еще безлюдной, ихъ не оставлялъ прежній духъ братства и человѣческаго общенія. Отъ Сыръ-Дарьи и Инда до Луары и Гаронны непрерывная цѣпь мелкихъ, безыменныхъ общинъ или большихъ семейныхъ круговъ служила живымъ проводникомъ для движенія промышленнаго и торговаго, для силы мыслящей и просвѣщающей, быстро передавая изъ края въ край міра всѣ измѣненія языка и понятій, старыхъ знаній и новыхъ заблужденій. По степямъ ходили веселые караваны, по рѣкамъ и морямъ летали смѣлые корабли, и въ одной изъ многочисленнѣйшихъ отраслей иранскихъ продолжалась древняя жизнь молодаго человѣчества, не смыкаясь въ мертвый эгоизмъ народовъ и государствъ, не волнуясь бурнымъ восторгомъ ненависти и войны, не унижая человѣка до раба, не искажая его до господина. Отъ этой прекрасной эпохи, скоро минувшей, но никогда не забытой и вѣроятно оставившей по себѣ миѳическое преданіе о золотомъ вѣкѣ, сохранились намъ два несокрушимые колоса — мысль индустанская и бытъ славянскій — братья, которые

Эіопія получила свою цивилизацію изъ Египта *). Впрочемъ, Хомяковъ самъ признаетъ, въ письмѣ къ Бунзену, что „хамиды или кушиты, которыхъ Ханаанъ есть только ближайшій представитель, суть не языкъ, не племя, а *религіозное начало*, преданное проклятію священнымъ преданіемъ. Это начало есть еаллизмъ, присущій религіямъ, которыя вы позволите мнѣ назвать *кушитскими*“ (II, 352). Вся всемірная исторія представлена Хомяковымъ какъ борьба иранства съ кушитствомъ, причемъ иранство выразилось окончательно въ христіанствѣ, т.-е. православіи, а кушитство—въ буддизмѣ и вообще во всякомъ раціонализмѣ, такъ что и Гегель является представителемъ кушитства. Чѣмъ человекъ былъ ближе къ первобытному преданію и чѣмъ чище его сохраняетъ, тѣмъ общественный его бытъ проще, чище и нравственнѣе. Но съ отступленіемъ хамидовъ отъ общаго завѣта отцовъ кончилось свѣтлое и святое младенчество человѣческаго рода, кончились взаимныя сношенія, и развитіе просвѣщенія синтетическаго, и вселенская жизнь мысли. Объ этомъ раннемъ періодѣ остались преданія и сказки. Міръ, въ своихъ грустныхъ воспоминаніяхъ, и вѣря и не вѣря ему, назвалъ его золотымъ вѣкомъ. Начались вѣва борьбы, вѣва героическіе (Соч. IV, 21). Понятно, что всякое мирно-патріархальное состояніе людей, гдѣ бы оно ни появлялось въ исторіи, представлялось Хомякову отголоскомъ этого золотого вѣва. А такъ какъ славяне, какъ извѣстно, дольше всѣхъ другихъ арійскихъ племенъ оставались въ состояніи мирныхъ земледѣльцевъ и такъ какъ древніе историки свидѣтельствуютъ о многочисленности славянъ, то все, чтѣ есть хорошаго, создано славянами, и если это хорошее гдѣ-нибудь встрѣчается, то заставляетъ предполагать въ томъ или другомъ видѣ, тѣмъ или другимъ путемъ, примѣсь славянскаго элемента. Довозательству этой гипотезы посвящена вся обширная эрудиція автора. Само собою разумѣется, что цѣль была не достигнута, но при этомъ темная сторона изслѣдованія оказалась въ неспокойномъ и враждебномъ отношеніи къ другимъ народамъ. Если отзывы западныхъ хронистовъ и историковъ не признаютъ за славянами и русскими ни хорошихъ качествъ, ни способности активнаго вмѣшательства въ дѣло цивилизаціи (въ этомъ они до послѣдняго времени были правы), то это не давало Хомякову

*) Maspero: „Histoire ancienne“. Paris 1876, pag. 13 и 14.

права на такое бездоказательное обвиненіе другихъ народностей. Вотъ примѣры. Говоря о франкахъ и германцахъ, Хомяковъ выражается: „Трехвѣковая жизнь, составленная изъ поочереднаго рабства, унижающаго душу, и изъ промежутковъ свободы, купленной по большей части измѣною и всегда ознаменованной свирѣпостью, изъ безпрестаннаго кровопролитія за чужое дѣло или за деньги и изъ грубо-роскошнаго разврата, приготовили въ странѣ прирейнской ту грозу франковъ, которая измѣнила всѣ судьбы западной Европы и представила одно изъ самыхъ великихъ, но также изъ самыхъ отвратительныхъ явленій въ исторіи человѣчества (IV, 423). Воинственные и хладнокровно - свирѣпые, безгранично - развратные и ненасытно-корыстолюбивые, хитрые и до того лживые, что, по словамъ одного лѣтописца, считали ложь простою формою рѣчи, а по словамъ другаго—любили клятву, чтобы наслаждаться клятвенно-преступленіемъ, таковы были франки въ концѣ V-го и началѣ VI вѣка. Таково было воспитаніе, данное Римомъ своимъ наемнымъ дикарямъ (419). Славяне не переселялись: въ нихъ нѣтъ ни малѣйшаго слѣда склонности кочевой. Они расселялись по лицу земли, не отрываясь отъ своей первобытной родины. По привольямъ прирѣчнымъ, по богатымъ низовьямъ разселялись мирные земледѣльцы, подвигаясь все далѣе и далѣе на Западъ, до береговъ Атлантики; но въ новыхъ жилищахъ, на просторѣ Европы, тогда еще безлюдной, ихъ не оставялъ прежній духъ братства и человѣческаго общенія. Отъ Сыръ-Дарьи и Инда до Луары и Гаронны непрерывная цѣпь мелкихъ, безыменныхъ общинъ или большихъ семейныхъ круговъ служила живымъ проводникомъ для движенія промышленнаго и торговаго, для силы мыслящей и просвѣщающей, быстро передавая изъ края въ край міра всѣ измѣненія языка и понятій, старыхъ знаній и новыхъ заблужденій. По степямъ ходили веселые караваны, по рѣкамъ и морямъ летали смѣлые корабли, и въ одной изъ многочисленнѣйшихъ отраслей иранскихъ продолжалась древняя жизнь молодаго человѣчества, не смыкаясь въ мертвый эгоизмъ народовъ и государствъ, не волнуясь бурнымъ восторгомъ ненависти и войны, не унижая человѣка до раба, не искажая его до господина. Отъ этой прекрасной эпохи, скоро минувшей, но никогда не забытой и вѣроятно оставившей по себѣ мифическое преданіе о золотомъ вѣкѣ, сохранились намъ два несокрушимые колоса — мысль индустанская и бытъ славянскій — братья, которые

Эіопія получила свою цивилизацію изъ Египта *). Впрочемъ, Хомяковъ самъ признаетъ, въ письмѣ къ Бунзену, что „хамиды или кушиты, которыхъ Ханаанъ есть только ближайшій представитель, суть не языкъ, не племя, а *религіозное начало*, преданное проклятію священнымъ преданіемъ. Это начало есть еаллизмъ, присущій религіямъ, которыя вы позволите мнѣ назвать *кушитскими*“ (II, 352). Вся всемірная исторія представлена Хомяковымъ какъ борьба иранства съ кушитствомъ, причемъ иранство выразилось окончателно въ христіанствѣ, т.-е. православіи, а кушитство—въ буддизмѣ и вообще во всякомъ раціонализмѣ, такъ что и Гегель является представителемъ кушитства. Чѣмъ человекъ былъ ближе къ первобытному преданію и чѣмъ чище его сохраняетъ, тѣмъ общественный его бытъ проще, чище и нравственнѣе. Но съ отступленіемъ хамидовъ отъ общаго завѣта отцовъ кончилось свѣтлое и святое младенчество человѣческаго рода, кончились взаимныя сношенія, и развитіе просвѣщенія синтетическаго, и вселенская жизнь мысли. Объ этомъ раннемъ періодѣ остались преданія и сказки. Миръ, въ своихъ грустныхъ воспоминаніяхъ, и вѣря и не вѣря ему, назвалъ его золотымъ вѣкомъ. Начались вѣка борьбы, вѣка героическіе (Соч. IV, 21). Понятно, что всякое мирно-патріархальное состояніе людей, гдѣ бы оно ни появлялось въ исторіи, представлялось Хомякову отголоскомъ этого золотого вѣка. А такъ какъ славяне, какъ извѣстно, дольше всѣхъ другихъ арійскихъ племенъ оставались въ состояніи мирныхъ земледѣльцевъ и такъ какъ древніе историки свидѣтельствуютъ о многочисленности славянъ, то все, чтд есть хорошаго, создано славянами, и если это хорошее гдѣ-нибудь встрѣчается, то заставляеть предполагать въ томъ или другомъ видѣ, тѣмъ или другимъ путемъ, примѣсь славянскаго элемента. Доказательству этой гипотезы посвящена вся обширная эрудиція автора. Само собою разумѣется, что цѣль была не достигнута, но при этомъ темная сторона изслѣдованія сказалась въ беспокойномъ и враждебномъ отношеніи къ другимъ народамъ. Если отзывы западныхъ хронистовъ и историковъ не признають за славянами и русскими ни хорошихъ качествъ, ни способности активнаго вмѣшательства въ дѣло цивилизаціи (въ этомъ они до послѣдняго времени были правы), то это не давало Хомякову

*) Maspero: „Histoire ancienne“. Paris 1876, pag. 13 и 14.

права на такое бездоказательное обвиненіе другихъ народностей. Вотъ примѣры. Говоря о франкахъ и германцахъ, Хомяковъ выражается: „Трехвѣковая жизнь, составленная изъ поочереднаго рабства, унижающаго душу, и изъ промежутковъ свободы, купленной по большей части измѣною и всегда ознаменованной свирѣпостью, изъ безпрестаннаго кровопролитія за чужое дѣло или за деньги и изъ грубо-роскошнаго разврата, приготовили въ странѣ прирейнской ту грозу франковъ, которая измѣнила всѣ судьбы западной Европы и представила одно изъ самыхъ великихъ, но также изъ самыхъ отвратительныхъ явленій въ исторіи человѣчества (IV, 423). Воинственные и хладнокровно - свирѣпые, безгранично - развратные и ненасытимо-корыстолюбивые, хитрые и до того лживые, что, по словамъ одного лѣтописца, считали ложь простою формою рѣчи, а по словамъ другаго—любили клятву, чтобы наслаждаться влѣтвоступленіемъ, таковы были франки въ концѣ V-го и началѣ VI вѣка. Таково было воспитаніе, данное Римомъ своимъ наемнымъ дикарямъ (419). Славяне не переселялись: въ нихъ нѣтъ ни малѣйшаго слѣда склонности кочевой. Они расселялись по лицу земли, не отрываясь отъ своей первобытной родины. По привольямъ прирѣчнымъ, по богатымъ низовьямъ расселялись мирные землепашцы, подвигаясь все далѣе и далѣе на Западъ, до береговъ Атлантики; но въ новыхъ жилищахъ, на просторѣ Европы, тогда еще безлюдной, ихъ не оставлялъ прежній духъ братства и человѣческаго общенія. Отъ Сыръ-Дарьи и Инда до Луары и Гаронны непрерывная цѣпь мелкихъ, безыменныхъ общинъ или большихъ семейныхъ круговъ служила живымъ проводникомъ для движенія промышленнаго и торговаго, для силы мыслящей и просвѣщающей, быстро передавая изъ края въ край міра всѣ измѣненія языка и понятій, старыхъ знаній и новыхъ заблужденій. По степямъ ходили веселые караваны, по рѣкамъ и морямъ летали смѣлые корабли, и въ одной изъ многочисленнѣйшихъ отраслей иранскихъ продолжалась древняя жизнь молодаго человѣчества, не смыкаясь въ мертвый эгоизмъ народовъ и государствъ, не волнуясь бурнымъ восторгомъ ненависти и войны, не унижая человѣка до раба, не искажая его до господина. Отъ этой прекрасной эпохи, скоро минувшей, но никогда не забытой и вѣроятно оставившей по себѣ миѣическое преданіе о золотомъ вѣкѣ, сохранились намъ два несокрушимые колоса — мысль индустанская и бытъ славянскій — братья, которые

Эѳіопія получила свою цивилизацію изъ Египта *). Впрочемъ, Хомяковъ самъ признаетъ, въ письмѣ къ Бунзену, что „хамиды или кушиты, которыхъ Ханаанъ есть только ближайшій представитель, суть не языкъ, не племя, а *религіозное начало*, преданное проклятію священнымъ преданіемъ. Это начало есть эаллизмъ, присущій религіямъ, которыя вы позволите мнѣ назвать *кушитскими*“ (II, 352). Вся всемірная исторія представлена Хомяковымъ какъ борьба иранства съ кушитствомъ, причемъ иранство выразилось окончательно въ христіанствѣ, т. е. православіи, а кушитство—въ буддизмѣ и вообще во всякомъ раціонализмѣ, такъ что и Гегель является представителемъ кушитства. Чѣмъ человекъ былъ ближе къ первобытному преданію и чѣмъ чище его сохраняетъ, тѣмъ общественный его бытъ проще, чище и нравственнѣе. Но съ отступленіемъ хамидовъ отъ общаго завѣта отцовъ кончилось свѣтлое и святое младенчество человѣческаго рода, кончились взаимныя сношенія, и развитіе просвѣщенія синтетическаго, и вселенская жизнь мысли. Объ этомъ раннемъ періодѣ остались преданія и сказки. Миръ, въ своихъ грустныхъ воспоминаніяхъ, и вѣра и не вѣра ему, назвалъ его золотымъ вѣкомъ. Начались вѣка борьбы, вѣка героическіе (Соч. IV, 21). Понятно, что всякое мирно-патріархальное состояніе людей, гдѣ бы оно ни появлялось въ исторіи, представлялось Хомякову отголоскомъ этого золотого вѣка. А такъ какъ славяне, какъ извѣстно, дольше всѣхъ другихъ арійскихъ племенъ оставались въ состояніи мирныхъ земледѣльцевъ и такъ какъ древніе историки свидѣтельствуютъ о многочисленности славянъ, то все, что есть хорошаго, создано славянами, и если это хорошее гдѣ-нибудь встрѣчается, то заставляетъ предполагать въ томъ или другомъ видѣ, тѣмъ или другимъ путемъ, примѣсъ славянскаго элемента. Доказательству этой гипотезы посвящена вся обширная эрудиція автора. Само собою разумѣется, что цѣль была не достигнута, но при этомъ темная сторона изслѣдованія оказалась въ беспокойномъ и враждебномъ отношеніи къ другимъ народамъ. Если отзывы западныхъ хронистовъ и историковъ не признаютъ за славянами и русскими ни хорошихъ качествъ, ни способности активнаго вмѣшательства въ дѣло цивилизаціи (въ этомъ они до послѣдняго времени были правы), то это не давало Хомякову

*) Maspero: „Histoire ancienne“. Paris 1876, pag. 13 и 14.

права на такое бездоказательное обвиненіе другихъ народностей. Вотъ примѣры. Говоря о франкахъ и германцахъ, Хомяковъ выражается: „Трехвѣковая жизнь, составленная изъ поочереднаго рабства, унижающаго душу, и изъ промежутковъ свободы, купленной по большей части измѣною и всегда ознаменованной свирѣпостью, изъ безпрестаннаго кровопролитія за чужое дѣло или за деньги и изъ грубо-роскошнаго разврата, приготовили въ странѣ прирейнской ту грозу франковъ, которая измѣнила всѣ судьбы западной Европы и представила одно изъ самыхъ великихъ, но также изъ самыхъ отвратительныхъ явленій въ исторіи человѣчества (IV, 423). Воинственные и хладнокровно - свирѣпые, безгранично - развратные и ненасытимо-корыстолюбивые, хитрые и до того лживые, что, по словамъ одного лѣтописца, считали ложь простою формою рѣчи, а по словамъ другаго—любили клятву, чтобы наслаждаться клятво-преступленіемъ, таковы были франки въ концѣ V-го и началѣ VI вѣка. Таково было воспитаніе, данное Римомъ своимъ наемнымъ дикарямъ (419). Славяне не переселялись: въ нихъ нѣтъ ни малѣйшаго слѣда склонности кочевой. Они расселялись по лицу земли, не отрываясь отъ своей первобытной родины. По привольямъ прирѣчнымъ, по богатымъ низовьямъ расселялись мирные землепашцы, подвигаясь все далѣе и далѣе на Западъ, до береговъ Атлантики; но въ новыхъ жилищахъ, на просторѣ Европы, тогда еще безлюдной, ихъ не оставлялъ прежній духъ братства и человѣческаго общенія. Отъ Сыръ-Дарьи и Инда до Луары и Гаронны непрерывная цѣпь мельникъ, безыменныхъ общинъ или большихъ семейныхъ круговъ служила живымъ проводникомъ для движенія промышленнаго и торговаго, для силы мыслящей и просвѣщающей, быстро передавая изъ края въ край міра всѣ измѣненія языка и понятій, старыхъ знаній и новыхъ заблужденій. По степямъ ходили веселые караваны, по рѣкамъ и морямъ летали смѣлые корабли, и въ одной изъ многочисленнѣйшихъ отраслей иранскихъ продолжалась древняя жизнь молодаго человѣчества, не смыкаясь въ мертвый эгоизмъ народовъ и государствъ, не волнуясь бурнымъ восторгомъ ненависти и войны, не унижая человѣка до раба, не искажая его до господина. Отъ этой прекрасной эпохи, скоро минувшей, но никогда не забытой и вѣроятно оставившей по себѣ мифическое преданіе о золотомъ вѣкѣ, сохранились намъ два несокрушимые колоса — мысль индустанская и бытъ славянскій — братья, которые

Эѳіопія получила свою цивилизацію изъ Египта *). Впрочемъ, Хомяковъ самъ признаетъ, въ письмѣ къ Бунзену, что „хамиды или кушиты, которыхъ Ханаанъ есть только ближайшій представитель, суть не языкъ, не племя, а *религіозное начало*, преданное проклятію священнымъ преданіемъ. Это начало есть еаллизмъ, присущій религіямъ, которыя вы позволите мнѣ назвать *кушитскими*“ (II, 352). Вся всемірная исторія представлена Хомяковымъ какъ борьба иранства съ кушитствомъ, причемъ иранство выразилось окончательно въ христіанствѣ, т.-е. православіи, а кушитство—въ буддизмѣ и вообще во всякомъ раціонализмѣ, такъ что и Гегель является представителемъ кушитства. Чѣмъ человекъ былъ ближе къ первобытному преданію и чѣмъ чище его сохраняетъ, тѣмъ общественный его бытъ проще, чище и нравственнѣе. Но съ отступленіемъ хамидовъ отъ общаго завѣта отцовъ кончилось свѣтлое и святое младенчество человѣческаго рода, кончились взаимныя сношенія, и развитіе просвѣщенія синтетическаго, и вселенская жизнь мысли. Объ этомъ раннемъ періодѣ остались преданія и сказки. Миръ, въ своихъ грустныхъ воспоминаніяхъ, и вѣра и не вѣра ему, назвалъ его золотымъ вѣкомъ. Начались вѣка борьбы, вѣка героическіе (Соч. IV, 21). Понятно, что всякое мирно-патріархальное состояніе людей, гдѣ бы оно ни появлялось въ исторіи, представлялось Хомякову отголоскомъ этого золотого вѣка. А такъ какъ славяне, какъ извѣстно, дольше всѣхъ другихъ арійскихъ племенъ оставались въ состояніи мирныхъ земледѣльцевъ и такъ какъ древніе историки свидѣтельствуютъ о многочисленности славянъ, то все, чтѣ есть хорошаго, создано славянами, и если это хорошее гдѣ-нибудь встрѣчается, то заставляетъ предполагать въ томъ или другомъ видѣ, тѣмъ или другимъ путемъ, примѣсъ славянскаго элемента. Доказательству этой гипотезы посвящена вся обширная эрудиція автора. Само собою разумѣется, что цѣль была не достигнута, но при этомъ темная сторона изслѣдованія оказалась въ беспокойномъ и враждебномъ отношеніи къ другимъ народамъ. Если отзывы западныхъ хронистовъ и историковъ не признаютъ за славянами и русскими ни хорошихъ качествъ, ни способности активнаго вмѣшательства въ дѣло цивилизаціи (въ этомъ они до послѣдняго времени были правы), то это не давало Хомякову

*) Maspero: „Histoire ancienne“. Paris 1876, pag. 13 и 14.

права на такое бездоказательное обвинение других народностей. Вотъ примѣры. Говоря о франкахъ и германцахъ, Хомяковъ выражается: „Трехвѣковая жизнь, составленная изъ поочереднаго рабства, унижающаго душу, и изъ промежутковъ свободы, купленной по большей части измѣною и всегда ознаменованной свирѣпостью, изъ безпрестаннаго кровопролитія за чужое дѣло или за деньги и изъ грубо-роскошнаго разврата, приготовили въ странѣ прирейнской ту грозу франковъ, которая измѣнила всѣ судьбы западной Европы и представила одно изъ самыхъ великихъ, но также изъ самыхъ отвратительныхъ явленій въ исторіи человѣчества (IV, 423). Воинственные и хладнокровно - свирѣпые, безгранично - развратные и ненасытимо-ворыстолюбивые, хитрые и до того лживые, что, по словамъ одного лѣтописца, считали ложь простою формою рѣчи, а по словамъ другаго—любили клятву, чтобы наслаждаться влыво-преступленіемъ, таковы были франки въ концѣ V-го и началѣ VI вѣка. Таково было воспитаніе, данное Римомъ своимъ наемнымъ дикарямъ (419). Славяне не переселялись: въ нихъ нѣтъ ни малѣйшаго слѣда склонности кочевой. Они расселялись по лицу земли, не отрываясь отъ своей первобытной родины. По привольямъ прирѣчнымъ, по богатымъ низовьямъ расселялись мирные землепашцы, подвигаясь все далѣе и далѣе на Западъ, до береговъ Атлантики; но въ новыхъ жилищахъ, на просторѣ Европы, тогда еще безлюдной, ихъ не оставлялъ прежній духъ братства и человѣческаго общенія. Отъ Сыръ-Дарьи и Инда до Луары и Гаронны непрерывная цѣпь мелкихъ, безыменныхъ общинъ или большихъ семейныхъ круговъ служила живымъ проводникомъ для движенія промышленнаго и торговаго, для силы мыслящей и просвѣщающей, быстро передавая изъ края въ край міра всѣ измѣненія языка и понятій, старыхъ знаній и новыхъ заблужденій. По степямъ ходили веселые караваны, по рѣкамъ и морямъ летали смѣлые корабли, и въ одной изъ многочислѣннѣйшихъ отраслей иранскихъ продолжалась древняя жизнь молодаго человѣчества, не смыкаясь въ мертвый эгоизмъ народовъ и государствъ, не волнуясь бурнымъ восторгомъ ненависти и войны, не унижая человѣка до раба, не искажая его до господина. Отъ этой прекрасной эпохи, скоро минувшей, но никогда не забытой и вѣроятно оставившей по себѣ мифическое преданіе о золотомъ вѣкѣ, сохранились намъ два несокрушимые колоса — мысль индустанская и бытъ славянскій — братья, которые

обличаютъ братство свое полнымъ тождествомъ формъ словесныхъ и логически-стройнымъ ихъ развитіемъ изъ общихъ корней. Не такова личность германскаго племени и его ранняя судьба. Западный Иранъ скоро исказился отъ враждебнаго столкновенія съ кшитомиъ и семитомъ, нравы одичали, народъ огрубѣлъ. Движеніе германцевъ изъ Азіи въ Европу очевидно произошло послѣ расселенія славянъ и вѣроятно даже послѣ переселенія кельтовъ (III, 432—433). Германцы не хотѣли областей пустопорожнихъ, которыхъ было множество на Западѣ Европы, утратившей значительную часть народонаселенія. Они искали земель обитаемыхъ, народовъ, надъ которыми можно бы было властвовать, людей, которыхъ можно бы было обратить въ орудіе и рабовъ. Исторія прежнихъ вѣковъ осудила ихъ быть аристократами“ (IV, 508). Этого примѣра достаточно, чтобы показать, какъ своеобразно Хомяковъ понималъ и писалъ исторію. Но самая важная заслуга славянофиловъ состоитъ въ томъ, что они, еще въ сороковыхъ годахъ, поняли и оцѣнили демократическій характеръ русскаго народа, и притомъ не въ смыслѣ западной демократіи и не въ лицѣ ея представителей, а въ смыслѣ родной, тогда безправной и непризнанной массы; первые указали на несправедливое и вредное отчужденіе отъ преобладающаго численностью крестьянскаго сословія высшихъ и образованныхъ классовъ общества. Еще въ 1845 году Хомяковъ писалъ: „Одно только высшее сословіе могло у насъ воспользоваться и воспользовалось новыми приобрѣтеніями знанія. Старое по своему родовому происхожденію отъ служилыхъ людей, новое по своему характеру сословія, оно приняло въ себя все богатство новаго просвѣщенія, поглощая его въ одномъ себѣ, замыкая его въ своемъ кругѣ и замыкаясь само этою новою, почти внѣшнею силою. Всѣ другія сословія остались чужды новому движенію. Они не могли воспользоваться сокровищами науки, которая привозилась къ намъ какъ заграничный товаръ, доступный только для немногихъ, для досужихъ, для богатыхъ (I, 18). Попытки ломать нашу внутреннюю жизнь казались безопасными, потому что хаоса не испортишь, а стремленіе казалось благодѣтельно, ибо все наше просвѣщеніе отправлялось отъ глубокаго убѣжденія въ своемъ превосходствѣ и въ нравственной ничтожности той человѣческой массы, на которую оно хотѣло дѣйствовать. Высокія явленія ея нравственной жизни были почти неизвѣстны и нисколько не оцѣнены. Всякій членъ

общества думалъ, что любая дѣвочка, изъ любого общественнаго заведенія, можетъ и должна произвести духовный переворотъ во всякой общинѣ русскихъ дикарей. Никому и въ голову не приходило, что изъ этихъ общинъ чуть-чуть не австралійцевъ, еще не слыжавшихъ о христіанскомъ законѣ, выходили и выходятъ безпрестанно Паисіи, Серафимы и множество другихъ духовныхъ дѣятелей, которыхъ нравственная высота должна изумлять даже тѣхъ, кто не сочувствуетъ ихъ стремленіямъ; что изъ этихъ общинъ льются потоки благодѣяній, что изъ нихъ являются безпрестанно высокіе примѣры самопожертвованія, что въ тяжелыя годы военнаго испытанія онѣ спасали Россію не только своимъ мужествомъ, но и разумнымъ согласіемъ, а въ мирныя времена отличаются вездѣ, гдѣ еще не испорчены, неподражаемою мудростью и глубокимъ смысломъ своихъ внутреннихъ учреждений и обычаевъ (I, 59). Хомяковъ тогда же обратилъ вниманіе на врожденный демократизмъ русскаго народа и, судя по времени, до нѣкоторой степени обратился къ нему съ пророческимъ воззваніемъ:

„Мы будемъ, какъ всегда и были, демократами между прочихъ семей Европы; мы будемъ представителями чисто-человѣческаго начала, благословляющаго всякое племя на жизнь вольную и развитіе самобытное. Законы могутъ создать у насъ на время родовое дворянство, можетъ-быть и родовое боярство, могутъ учредить у насъ майоратство и право семейнаго первородства; ложное направленіе народности въ литературѣ можетъ раздувать въ насъ слабую искру гордости и вселять безумную мечту первенства нашего передъ нашею братіей, сыновьями той же великой семьи. Все это возможно. Но невозможно въ насъ вселить то чувство, тотъ ладъ и строй души, изъ котораго развиваются майоратство, и аристократія, и родовое чванство, и презрѣніе къ людямъ и народамъ. Это невозможно, этого не будетъ. Градущее покажетъ, кому предоставлено стать впереди всеобщаго движенія; но если есть какая-нибудь истина въ братствѣ человѣческомъ, если чувство любви, правды и добра—не призракъ, а сила живая и неумирающая, зародышъ будущей жизни міровой, — не германецъ, аристократъ и завоеватель, а славянинъ, труженикъ и разночинецъ, призывается къ плодотворному подвигу и великому служенію“ (III, 107—108).

Вмѣсто господствовавшаго тогда апофеоза личности, которая

въ лицѣ великихъ людей и правителей, воздѣйствующихъ на туго подающуюся и пассивную массу, являлась пружиною мировыхъ событий, славянофилы подъемомъ народнаго духа, оживленнаго общественною солидарностью, объясняли великія эпохи всемірной исторіи. Это высказалъ поэтически въ одномъ изъ своихъ стихотвореній К. С. Аксаковъ:

Къ народу лишь свобода низлетѣла,
Могуществовъ народа только кликъ,
Принадлежитъ народу только дѣло
И путь его державень и великъ!

Эта же самая мысль проведена чрезъ всю исторію въ „Запискахъ“ Хомякова или его „Семирамидѣ“. Вотъ нѣкоторыя изъ его руководящихъ положеній: „Общее стремленіе цѣлаго народа, если это стремленіе не пустая вспышка, а слѣдствіе искренней и глубоко сознаваемой потребности, всегда достигаетъ своей цѣли. Оно находитъ себѣ достойнаго представителя и производитъ великія историческія явленія (IV, 803). Никогда правители не могутъ возвышаться значительно надъ тѣмъ обществомъ, котораго судьба поручена ихъ правленію. Они сами—созданіе общества: орудія ихъ и совѣтники—члены его и всѣ дѣйствія ихъ подчиняются его законамъ; все то, что противно этимъ законамъ, будь оно ко злу или къ добру, исчезаетъ безъ слѣда или гибнетъ еще въ зародышѣ вслѣдствіе положительнаго отпора или безчувственной апатіи массъ. Оттого-то всякая историческая критика, отдѣляющая правительства отъ народовъ въ исторіи человѣчества, впадаетъ въ бессмысленную ошибку. Личныя случайности народныхъ вождей имѣютъ безспорно свое значеніе: онѣ ускоряютъ или замедляютъ развитіе общихъ или частныхъ началъ въ государствѣ, производятъ временныя смущенія или потрясенія въ его нормальномъ ходѣ, но никогда не могутъ нарушить этого хода. Сила духовныхъ, нравственныхъ и умственныхъ его основъ прорѣзываетъ историческій путь для каждаго народа и для каждаго общества, возвышая или губя его и опредѣляя его судьбу до тѣхъ поръ, покуда не дастся ему другой высшій законъ, или покуда не встрѣтятся съ нимъ другія высшія или сильнѣйшія начала, олицетворенныя въ другомъ обществѣ или народѣ, которымъ принадлежитъ по справедливости историческое первенство и право на временное торжество (859). Дѣла

и царствованіе одного какого-нибудь государя не имѣютъ общаго, всемірнаго значенія, какъ бы ни былъ широкъ кругъ его дѣйствія. Все значатъ народы и мысли, ими управляющія или воплощаемыя въ нихъ (872). Въ наше время дѣйствіе личности лишилось величія, потому что личность много утратила своего значенія. Поэзія, величіе—принадлежатъ дѣйствію массъ государственныхъ или общественныхъ. Эта поэзія менѣе понятна, менѣе дѣйствуетъ на воображеніе или на умъ непросвѣщенный, но въ сущности она выше поэзіи прошлой эпохи. Конечно, прекрасна и увлекательна мелодія, пропѣтая солистомъ: она кипитъ и блещетъ, дышетъ страстью и разжигаетъ страсть; но она несравненно ниже плавнаго и стройнаго хора, сливающего безконечное множество голосовъ въ одно величественное цѣлое, уже не горящее мелкою страстью, но освѣщающее всю душу лучами разумной гармоніи (I, 187).

Констант. Серг. Аксаковъ говоритъ въ „Молвѣ“ 1857 года: „Простый народъ есть основаніе всего общественнаго зданія страны. Напрасно думаютъ, что простой народъ есть безсознательная масса людей. Еслибъ это было такъ, то онъ былъ бы то же, что неразумная стихія, которую можно направить и въ ту, и въ другую сторону. Нѣтъ, простой народъ имѣетъ глубокія, основныя убѣжденія, условія существованія для всей страны. Защищая эти убѣжденія, онъ, точно, въ силѣ своей равняется стихіи, но это стихія разумная, имѣющая нравственную волю; это стихія только по дружному, цѣльному своему составу и дѣйствію. Напрасно также думаютъ, что простой народъ есть какой-то слѣпый поклонникъ обычая, что онъ предъ чѣмъ бы то ни было раболѣпствуетъ духомъ. Правда, онъ не представляетъ легкаго подвижнаго явленія, то въ ту, то въ другую сторону направляемаго вѣтромъ; какъ все истинное и дѣйствительное, онъ крѣпокъ на ногахъ и не шатается изъ стороны въ сторону, онъ понимаетъ, что преданіе, что преемство жизни есть необходимое условіе жизни; онъ связываетъ, поддерживаеетъ, а не рветъ нить жизни, идущую изъ прошедшаго въ будущее. Простый народъ есть стражъ преданія и блюститель старины, но въ то же время онъ не есть слѣпый рабъ ея. Простый народъ принимаетъ новое, но не скоро, не легкомысленно, не изъ презрѣнія къ старинѣ, не изъ благоговѣнія къ новизнѣ. То, что онъ приметъ, приметъ самобытно, усвоитъ прочно и перенесетъ въ свою жизнь. Названіе народа остается преиму-

щественно за низшимъ сословіемъ. Какъ скоро верхніе классы смотрятъ на свои отличія и преимущества (хотя бы и во зло не употребляемыя) не какъ на причину гордости и превосходства надъ другими, но какъ на требуемыя временемъ, порожденныя несовершенствомъ міра сего явленія, какъ скоро, забывая о нихъ, чувствуютъ въ себѣ только человѣка и крестьянина, тогда становятся и они народомъ. Часто гордо смотрятъ на народъ люди такъ называемаго образованнаго или свѣтскаго русскаго общества, пренебрегаютъ имъ, называютъ его мужиками, обращая это слово въ брань. Красуясь надъ ними и свысока на него посматривая, они забываютъ, что только простой народъ составляетъ условіе ихъ существованія“ (№ 9).

Любовь къ народу, къ мужику, какъ равноправному члену русскаго общества, въ началѣ сороковыхъ годовъ, когда стали ее проповѣдывать славянофилы, присуща была только имъ: у тогдашняго образованнаго человѣка была только жалость къ массѣ угнетенной, но не образованной и потому не имѣющей права на признаніе съ образованной стороны какого-либо равенства. Эта любовь у славянофиловъ выражалась у каждаго своеобразно, смотря по личному складу ума и характера. У Хомякова она больше всего переходитъ въ философскую мысль, хотя и не лишенную, какъ мы видѣли, значительнаго, для своего времени, примѣненія на практикѣ. У Кошелева она отражалась справедливымъ расчетомъ и практическою дѣятельностью. У К. Аксакова она, эта любовь, обратилась въ страстное и поглотившее все его существо влеченіе, выражавшееся лиризмомъ, — правда, преувеличеннымъ и исключительнымъ, но во всякомъ случаѣ искреннимъ и святымъ. Въ лицѣ П. В. Кирѣвскаго любовь къ народу нашла самое простое и безхитрое, но непосредственное и живое выраженіе: собиратель русскихъ пѣсенъ безъ заднихъ мыслей искалъ среди народа сохранившихся остатковъ старины и съ нимъ дѣлился и своимъ знаніемъ, и достояніемъ *). Такимъ образомъ народники новѣйшей формаціи, въ лучшемъ смыслѣ этого слова, т.-е. люди видящіе въ массѣ крестьянскаго населенія главную силу государства

---

*) Ае. Марковичъ, въ своихъ „Воспоминаніяхъ о П. В. Кирѣвскомъ“, говоритъ, что въ голодный годъ весь амбаръ его былъ исчерпанъ, за бесплатнымъ удовлетвореніемъ собственныхъ крестьянъ, бесплатно же чужими крестьянами, приходившими изъ другихъ селъ отъ распроданныхъ закромовъ.

в потому желающіе устройства его въ интересахъ массы, ближайшую и непосредственную связь должны найти для себя въ славянофилахъ; эту заслугу признаютъ въ настоящее время и люди изъ враждебнаго имъ лагеря. А. Н. Пыпинъ, въ извѣстномъ своемъ сочиненіи: „Характеристика литературныхъ мнѣній“, даетъ, между прочимъ, о славянофилахъ слѣдующій отзывъ: Славянофильское пониманіе народа было преувеличенное, но въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ оно было заслугою; со стороны славянофиловъ было въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ довольно смѣлымъ дѣломъ указывать въ народѣ единственный критеріумъ государственной и общественной жизни, придавать ему такое значеніе, о которомъ не помышляла господствовавшая оффиціальная народность, возвышать и превозносить этотъ черный народъ тогда, когда надъ нимъ еще тяготѣло осужденіе государственнаго закона, пренебреженіе барства, чиновничества и почти всего, что стояло надъ низшими классами, когда считалось, что онъ годится только служить рабочею силой и толпой для народныхъ празднествъ оффиціальной жизни. Славянофилы указывали обществу его оторванность отъ народа, *ничтожество его въ этомъ раздѣленіи отъ истиннаго основанія народной жизни*, на необходимость союза, который одинъ даетъ обществу нравственную силу, даетъ его образованію дѣйствительную плодотворность. Славянофилы указывали исторической наукѣ мало тронутую ею задачу — раскрыть внутреннія основы народнаго характера, которыя однѣ могутъ пролить истинный свѣтъ на историческую судьбу народа и государства. Эти стороны славянофильскаго ученія составляютъ лучшую и достойную уваженія его заслугу (339). Самые рѣшительные противники славянофиловъ впоследствии, не признавая другихъ сторонъ ихъ ученія, въ этомъ именно отношеніи переходили на ихъ сторону. Такъ Кавелинъ въ брошюрѣ „Крестьянскій вопросъ“ (С.-Пб. 1882, перепеч. изъ „Вѣстн. Европы“ 1881) пришелъ къ такому заключенію: „Степень умственнаго и нравственнаго состоянія и развитія крестьянъ опредѣлится и состояніе культуры во всѣхъ слояхъ русскаго общества, весь нашъ политическій и общественный бытъ и строй Русскаго государства (стр. 194—195). Церковь, владѣльческіе классы, горожане внесли чрезвычайно много новаго въ развитіе человѣческаго рода и придали великимъ созданіямъ человѣческаго творчества по всѣмъ отраслямъ свой особенный характеръ и отпечатокъ. Одни сельчане

были до сихъ поръ паріями рода человѣческаго, работали на другихъ, служили имъ подножіемъ и вариатидой. Заявлять себя они могли лишь случайно, отрывочно, но и по такимъ немногимъ заявленіемъ уже видно, что весь складъ сельскаго типа совсѣмъ другой, не похожій ни на одинъ изъ тѣхъ различныхъ складовъ, которые до сихъ поръ играли роль въ исторіи. Изъ этого мы съ большимъ основаніемъ можемъ заключить, что страна, въ которой типъ сельчанина выступить, наконецъ, какъ одинъ изъ факторовъ общественности, необходимо представить собою новую, своеобразную формацію, никогда еще не бывалую по той простой причинѣ, что никогда еще сельскій элементъ не служилъ, такъ сказать, камертономъ общественной и государственной жизни, не былъ никогда центральнымъ фактомъ, опредѣляющимъ національные интересы“ (24).

Алекс. Иван. выступилъ съ этой стороны на публицистическое поприще уже впоследствии, когда естественный ходъ событій, помимо увлеченій и гаданій отдѣльныхъ партій и группъ, своей стихійною силой выдвинулъ то ближайшее рѣшеніе злобы дня, которому должны были подчиняться люди разумные и остающіеся на почвѣ дѣйствительной. Вмѣстѣ съ другими своими современниками, уяснившими себѣ непосредственный смыслъ наступающаго новаго, послѣреформеннаго порядка русской жизни, Кошелевъ опредѣленно выразилъ дальнѣйшее движеніе славянофильскаго воззрѣнія въ слѣдующемъ видѣ:

„Аристократія, по буквальному смыслу этого слова, значить властвованіе лучшихъ. Но кого считать лучшими? Если подъ этимъ словомъ считать лучшихъ по добродѣтелямъ, по уму, по знаніямъ, по способности вести общественныя дѣла, то едва ли кто станетъ спорить и подастъ голосъ за худшихъ, имѣя въ виду лучшихъ. Но, очевидно, не таковы мнѣнія людей, съ неудовольствіемъ перечитавшихъ переведенное нами предисловіе (предисловіе изъ книги „О собственности и первобытныхъ ея видахъ“, соч. Е. Лавеле, Парижъ 1874 года, у насъ не пропущенное). Они можетъ быть и не имѣютъ въ виду признавать лучшими тѣхъ, которые только что богаты, хотя они и не прочь отъ того, чтобы обставить своихъ *лучшихъ* людей достаточностью и даже избыткомъ; однако, главное и самое существенное достоинство, которое наши сторонники аристократіи желаютъ видѣть въ своихъ излюбленныхъ, есть

благородство происхожденія и еще кое-что, чего они и объяснить не умѣютъ. А что такое демократія, почему многіе такъ ея боятся? Почему все, что только на нее походить или ею отзывается, внушаетъ страхъ и отвращеніе? Понимаю, что демагогія, демагоги и демагогическіе замыслы и насилія внушаютъ сказанныя чувства; но всѣ эти явленія возможны только при отсутствіи настоящей демократіи и при существованіи аристократіи, которая своими привилегіями, притязаніемъ и роскошью возбуждаетъ общую зависть и ненависть, создаетъ государство въ государствѣ, особый въ народѣ отдѣлъ и тѣмъ вооружаетъ на себя огромное большинство людей. Демократія—народовластіе, то-есть власть всѣхъ гражданъ, а не кого-либо изъ нихъ, однимъ словомъ—самоуправленіе, въ настоящемъ смыслѣ этого слова; поэтому она не должна бы внушать ни опасенія, ни какихъ-либо непріятныхъ ощущеній. Демократія вовсе не значить, чтобы народъ самъ на площадяхъ или въ клубахъ распоряжался своими дѣлами, и чтобы искатели наживы, говоруны и властолюбцы ими заправляли. Напротивъ того, при демократіи можетъ быть полный порядокъ, и необходимо только то, чтобы, чрезъ своихъ представителей, правильно избранныхъ, всѣ участвовали въ законодательствѣ и вліяніи на управленіе. Демагоги страшны тамъ, гдѣ власть и богатство сосредоточены въ рукахъ немногихъ и гдѣ массы невѣжественны, поработчены и погружены въ нищету. Въ Европѣ еще имѣются аристократическіе остатки, а потому тамъ неизбѣжны и демагогическіе замыслы и попытки. Въ Европѣ громадныя богатства нѣсколькихъ лицъ и страшная нищета массъ; а потому коммунизмъ и социализмъ, въ томъ видѣ, какъ они на Западѣ вырабатываются, вполне тамъ умѣстны, законны, неминуемы и должны все болѣе и болѣе распространяться, крѣпнуть и угрожать общественному спокойствію.

„У насъ, слава Богу, дѣло обстоитъ совершенно иначе. Намъ нечего опасаться демагогіи, ибо на Руси нѣтъ аристократіи, а есть *настоящая демократія*,—настоящій народъ, состоящій изъ всѣхъ жителей страны, преданный своему государю и олицетворяемый въ бессловныхъ земскихъ учрежденіяхъ, которымъ остается только развиваться, расширяться и крѣпнуть. Намъ нечего опасаться западнаго социализма и коммунизма, ибо у насъ есть владѣющая землей община, которая ограждаетъ большинство людей отъ бездомства и нищеты и которая обезпечиваетъ государству спокой-

ствіе и устойчивость. Намъ слѣдуетъ опасаться только одного, чтобы врачи, предпринимающіе лѣчить насъ отъ болѣзней, которыхъ въ насъ вовсе нѣтъ, не произвели въ насъ дѣйствительныхъ болѣзней“.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Занятіе сельскимъ хозяйствомъ.—Заграничное путешествіе Алек. Иван. въ 1849 г.—Свиданіе съ Мицквичемъ.—Лебедянское Общество сельскаго хозяйства.—Заграничное путешествіе въ февралѣ 1850 года и свиданіе съ Жуковскимъ.—Повѣдка на Лондонскую выставку въ августѣ 1851 г.—Записи о финансовыхъ средствахъ Россіи въ продолженіе Крымской войны.

Мы уже видѣли, что Ал. Иван. зиму проводилъ въ Москвѣ, а лѣтомъ занимался хозяйствомъ въ деревнѣ. Хозяйство Кошелева приняло обширные размѣры: по его собственному показанію, у него было до 1.300 десятинъ запашки въ полѣ и до 1.000 штукъ рогатаго скота, въ томъ числѣ до 300 дойныхъ коровъ. Для улучшенія своего скотоводства, Кошелевъ выписалъ англійскихъ, голландскихъ, тирольскихъ и холмогорскихъ быковъ и телятъ и выстроилъ для скота теплое помѣщеніе. Отношенія свои къ крестьянамъ во время крѣпостнаго права Ал. Ив., въ „Отвѣтахъ“ на вопросы, предложенные Лебедянскимъ Обществомъ сельскаго хозяйства, опредѣляетъ на слѣдующемъ основаніи: Крѣпостное право есть все-таки право; всякое право основано на взаимности, и безъ взаимности оно быть не можетъ; слѣдовательно мы должны отъ крестьянъ требовать столько, сколько сами мы имъ даемъ. Еслибы взаимное соглашеніе было возможнымъ, то наше право и наша обязанность были бы совершенно чисты, и ничья совѣсть не была бы въ затрудненіи; но наше положеніе совершенно иное. Одна изъ сторонъ—крестьяне, какъ безусловно подвластные, въ этомъ соглашеніи голоса имѣть не могутъ; слѣдовательно помѣщикъ одинъ долженъ взвѣшивать все что онъ даетъ крестьянамъ и все что онъ долженъ отъ нихъ требовать, т.-е. онъ долженъ заключить это условіе самъ съ собою. Всякое условіе предполагаетъ равновѣсіе выгодъ какъ съ одной, такъ и съ другой стороны,—инаго основанія разумъ допустить не можетъ. Слѣдовательно помѣщикъ долженъ требовать отъ своихъ крестьянъ столько, сколько онъ имъ даетъ. Требовать менѣе онъ всегда можетъ, ибо дѣлать подарки

зависитъ отъ воли каждаго; но требовать болѣе онъ не имѣетъ права,—это было бы присвоеніе чужой собственности. Слѣдовательно помѣщикъ долженъ, говоря коммерческимъ языкомъ, открытъ съ своими крестьянами счетъ. Всякій счетъ, чтобы быть удобопонятнымъ и по возможности точнымъ, долженъ быть веденъ на деньги; а потому все, что помѣщикъ даетъ крестьянину и получаетъ отъ него въ возвратъ—имѣетъ быть оцѣнено по совѣсти, на основаніи существующихъ цѣнъ въ каждой мѣстности.

Оцѣнивши добросовѣстно выгоды получаемыя крестьянами отъ помѣщика и ихъ повинности, Кошелевъ пришелъ къ заключенію, что въ нашихъ среднихъ губерніяхъ господская запашка на 100 тоголъ отнюдь не должна превышать 150 десятинъ указной мѣры въ каждомъ полѣ. Всякій излишекъ противъ сей пропорціи принудитъ помѣщика или къ усилению рабочихъ уроковъ, или къ отнятію у крестьянъ собственныхъ ихъ дней. Въ губерніяхъ Саратовской и Воронежской, гдѣ и рабочее время продолжительнѣе и пахота легче, количество обрабатываемой крестьяниномъ земли можетъ быть доведено до двухъ десятинъ указной мѣры; но это есть такой цифръ, который никакъ и ни въ какомъ случаѣ перейдѣть не можетъ. Конечно, противъ этого, говоритъ Алекс. Ив., возопіетъ большая часть помѣщиковъ, заставляющихъ своихъ крестьянъ обрабатывать въ нашихъ селеніяхъ по двѣ и даже по три десятины, а въ другихъ болѣе южныхъ губерніяхъ по три десятины и даже болѣе; но пусть они удостовѣрятъ меня своими нарядами за прошедшіе годы, или пусть докажутъ правильно выведенными расчетами, что можно, не отнимая дней у крестьянина, обработать болѣе назначенныхъ мною пропорцій, и тогда отдамъ я имъ книги въ руки и не буду нападать на ихъ хозяйственные расчеты и распоряженія, а до того смѣло и вездѣ буду говорить, что въ нашихъ Тульской, Рязанской и отчасти Тамбовской губерніяхъ отнюдь не должно отъ тягльца требовать обработки свыше полутора казенныхъ, а въ другихъ—болѣе южныхъ и болѣе хлѣбородныхъ—мѣстностяхъ свыше двухъ десятинъ въ каждомъ полѣ, и что отнюдь нельзя надѣлать крестьянина въ первой мѣстности, при домашнихъ дровахъ и лѣсѣ, менѣе восьми-десятинной пропорціи, а въ послѣдней мѣстности менѣе 12-десятинной пропорціи земли.

Относительно числа рабочихъ дней Ал. Ив. говоритъ: У меня по

всѣмъ имѣніямъ нарядъ работникамъ записывается ежедневно, и по многолѣтнему опыту могу утвердительно сказать, что въ сложности тягелецъ работаетъ не болѣе 120 дней, а жена его не болѣе 40 дней. При этомъ Ал. Ив. дѣлаетъ такое замѣчаніе: Вездѣ цѣль сельскаго хозяйства есть извлеченіе изъ земли болѣшихъ по возможности выгодъ; у насъ помѣщикъ, получающій съ своего имѣнія большіе доходы, возбуждаетъ во мнѣ не удивленіе, не благорасположеніе къ себѣ, но какъ-то отъ себя онъ отталкивается, или по крайней мѣрѣ невольно заставляетъ дознавать о способахъ имъ употребленныхъ къ усиленію доходовъ. Въ особенности Кошелевъ возстаетъ противъ перевода крестьянъ съ барщины на оброкъ. Къ несчастью, съ нѣкотораго времени вошло въ моду сажать крестьянъ на барщину. Этимъ злополучнымъ нововведеніемъ обязаны мы въ особенности обществамъ сельскаго хозяйства, которыя распространяютъ свеклосахарныя и другія промышленности, толкуютъ о тувахъ и мергелѣ, а забываютъ, что первымъ основаніемъ всякаго хозяйства должно быть благосостояніе поселянъ—людей занимающихся обработкою полей. Сколько имѣній разорено переводомъ съ оброчовъ на барщину! Сколько сахаръ заставилъ пролить горькихъ слезъ! Сколько записныхъ агрономовъ себя не устроили, а крестьянъ довели до крайней бѣдности!

Въ это же время Кошелевъ вступилъ въ переписку съ Н. П. Шишковымъ,—переписку, продолжавшуюся съ 1847 года до половины шестидесятыхъ годовъ *). Переписка эта касалась исключительно сельскохозяйственныхъ вопросовъ. Въ первыхъ письмахъ, до поѣздки Ал. Ив. за границу, съ цѣлью изученія тамошняго хозяйства, онъ обращался къ Шишкову за совѣтами и указаніями, какъ къ болѣе опытному хозяину; а по возвращеніи изъ Лондона Кошелева, оба они занялись преимущественно испытаніемъ и примѣненіемъ усовершенствованныхъ земледѣльческихъ машинъ и орудій. Первое сельскохозяйственное общество, которое оцѣпило въ этомъ отношеніи труды Ал. Ив., было Московское Общество сельскаго хозяйства, которое, въ годичномъ собраніи 20 декабря 1848 года, избрало его своимъ дѣйствительнымъ членомъ.

*) Въ бумагахъ Ал. Ив. сохранились письма: отъ 1847 г.—1, отъ 1849 г.—1, отъ 1850 г.—1, отъ 1851 г.—1, отъ 1852 г.—4, отъ 1853 г.—9, отъ 1854 г.—5, отъ 1855 г.—2, отъ 1856 г.—5, отъ 1858 г.—3, отъ 1859 г.—4, отъ 1860 г.—3, отъ 1861 г.—1, отъ 1862 г.—3, отъ 1864 г.—1, отъ 1866 г.—1. Н. П. Шишковъ умеръ 17 марта 1869 года, въ имѣніи своемъ селѣ Слѣшневѣ.

Я уже упомянулъ о продолжительной болѣзни супруги Алек. Ив. Путешествіе, о которомъ говорилось въ первой главѣ, предпринятое въ 1839 году и внезапно прерванное въ 1840 году возвращеніемъ Алек. Ив. на предводительскую должность, не излѣчило окончательно Ольгу Ѳедоровну и возобновившаяся болѣзнь снова заставила семью Кошелевыхъ собраться на воды. Послѣ долгихъ раздумій, сомнѣній и пр.,—говоритъ Алек. Иван.,—наконецъ мы рѣшились ѣхать за границу. Супруга Ал. Ив. съ дѣтьми выѣхала изъ Москвы 18 іюня, а онъ 21-го, и изъ Петербурга всѣ вмѣстѣ отправились на пароходъ въ Любекъ. Оттуда Кошелевы поѣхали чрезъ Гамбургъ, Берлинъ и Дрезденъ до Lehrte, гдѣ семейство раздѣлилось: супруга Ал. Ив. съ дочерью поѣхала въ Мариенбадъ, а самъ онъ съ сыномъ—чрезъ Ганноверъ—въ Голландію. Алек. Ив. въ это путешествіе подробно изучилъ Голландію и Бельгію и въ Брюсселѣ съѣхался съ женою. Изъ Брюсселя Кошелевъ отправился въ Парижъ и, пробывши тамъ 15 дней, чрезъ Кельнъ и Берлинъ вернулся въ Россію, а Ольга Ѳедоровна осталась за границей. На все путешествіе Кошелевъ употребилъ около 3½ мѣсяцевъ (отъ 21 іюня до 5 октября).

Алекс. Ив. попрежнему во всякомъ городѣ осматривалъ все интересное: церкви, ратуши, музеи, картинныя галлерей, театры и проч. Съ какимъ вниманіемъ и съ какою подробностью Ал. Ив., несмотря на ежедневныя посѣщенія самыхъ разнообразныхъ достопримѣчательностей, производилъ осмотръ, можно подтвердить слѣдующимъ примѣромъ: осматривая въ Брюгге древній дворецъ Карла V (нынѣ Palais de Justice), Ал. Ив. обратилъ вниманіе на рѣзной изъ дерева каминъ и взялъ его рисунокъ. Осматривая библиотеку въ Гагѣ, Ал. Ив. натолкнулся на спорный вопросъ, и въ этомъ случаѣ интересно впечатлѣніе очевидца. Извѣстно, что Гарлемъ и Майнцъ спорили о чести служить родиною изобрѣтателя книгопечатанія; Гарлемъ называлъ своего гражданина Лоренса Костера (Laugens Jansoon Coster), а Майнцъ—Гуттенберга. „Любопытны весьма отрывки изъ книгъ, напечатанныхъ Лаврентіемъ Костеромъ. Очень важна книга, напечатанная въ Майнцѣ въ 1459 году, гдѣ сказано въ концѣ: „благодаримъ Бога, что окончили печатаніе сей книги; важное сіе изобрѣтеніе принесъ изъ Голландіи вѣкто Ульрихъ, но здѣсь мы его усовершенствовали и сподобились напечатать сію книгу“. Къ этому же вопросу Ал. Ив. вер-

нулся въ Гарлемѣ, гдѣ въ ратушѣ сохраняется собраніе первыхъ листовъ и книгъ, напечатанныхъ сперва неподвижными, а потомъ подвижными буквами. Печать вообще не красивая и далеко отстоитъ отъ майнцскихъ печатей, но чѣмъ болѣе всматриваешься въ это дѣло, тѣмъ вѣроятнѣе становится, что открытіе сдѣлано въ Гаарлемѣ Лоренцомъ Костеромъ, но что въ Майнцѣ и Страсбургѣ это открытіе усовершенствовано Гутенбергомъ и Шеферомъ. Преданіе говоритъ, что Лоренцъ Костеръ училъ дѣтей своихъ грамотѣ гуляя по роцѣ и вырѣзывалъ буквы на деревьяхъ. Однажды, застигнутый дождемъ, онъ не успѣлъ окончить своего урока, срѣзалъ кору дерева, на которомъ онъ вырѣзывалъ буквы, и положилъ ее къ себѣ въ карманъ. По возвращеніи домой онъ нашелъ, что на бумагѣ, которая лежала въ его карманѣ подлѣ коры, отпечатались буквы, вырѣзанныя имъ на корѣ. Это дало ему мысль печатать, вырѣзывая на деревѣ. Нѣсколько листовъ хранятся напечатанные буквами, вырѣзанными на доскахъ, потомъ онъ вырѣзывалъ деревянные буквы подвижныя и наконецъ перешелъ или къ свинцу, или иному чему, но буквы стали печататься чище и мельче и одна къ другой ближе. Близъ собора на площади и въ Гарлемской роцѣ воздвигнутъ монументъ въ честь Костера; на монументѣ, поставленномъ близъ собора, онъ представленъ разсматривающимъ отпечатокъ съ древесной коры и пораженнымъ плодотворною мыслью“. Въ послѣднее время споръ рѣшенъ въ пользу Гутенберга.

Но въ настоящую свою поѣздку Ал. Ив. отправился уже не простымъ туристомъ: у него былъ опредѣленный, специальный предметъ для изученія. Хозяйство въ большомъ имѣніи требовало приобрѣтенія основательныхъ познаній по этому предмету, и вотъ Алек. Ив. въ Голландіи и Бельгіи принялся за обзоръ тамошнихъ фермъ и всѣхъ отраслей сельскаго хозяйства. Алек. Ив. пристально осматривалъ всѣ фермы, лежащія около тѣхъ городовъ, гдѣ онъ останавливался, и вникалъ во всѣ подробности хозяйства, пользуясь всякимъ случаемъ завести знакомство съ мѣстными агрономами и воспользоваться ихъ указаніями. Съ однимъ изъ такихъ агрономовъ, который въ особенности заинтересовалъ Копелева, — Де Кнуйтомъ (De Snuyt), — Ал. Ив. познакомился въ Остенде, побѣдилъ вмѣстѣ съ нимъ его хозяйство и по приѣздѣ представилъ его въ члены Лебедянскаго Общества сельскаго хозяйства, которое

въ январѣ 1851 г. выслало Кнудту дипломъ на званіе члена-корреспондента. Въ Приложеніи (VIII) мы помѣщаемъ въ сокращеніи дневникъ Ал. Ив., во время его путешествія въ 1849 году, гдѣ изложены всѣ наблюденія Алек. Ив. по этому предмету.

Независимо отъ всѣхъ этихъ занятій, Алек. Ив. во все время путешествія усердно занимался чтеніемъ. На пароходѣ Алек. Ив. прочелъ „England“, von I. Veneday (1845. 3 Bände) и по поводу этой книги сдѣлалъ слѣдующія интересныя замѣчанія: „Вторая статья „о Саксахъ“ меня чрезвычайно заинтересовала. Ихъ семья, вѣче, Wittanagemote, присяжные, виры и compositions, ихъ старшины (aldermen) и короли-граждане перенесли меня въ нашу древнюю исторію. Чѣмъ болѣе углубляешься въ исторію Англіи, тѣмъ виднѣе, что твердость англійскихъ учреждений лежитъ не въ одномъ ихъ превосходствѣ, но особенно въ постепенномъ ихъ развитіи. Корень бѣды для Европы есть древнее римское устройство, внесенное мечомъ побѣдителя во Францію, Германію, Испанію и пр. Саксы пришли въ Англію по выходѣ римлянъ и нашли народъ испорченный, лѣнивый и трусливый. Они сохранили и развили свои начала. Франція осуждена еще на долгое бореніе и колебаніе, потому что она постоянно принимала чужія учрежденія. Теперь во Франціи все старое уничтожено и все вновь заведено; она извѣрилась и потому ничему не вѣритъ. Наше положеніе въ этомъ отношеніи и радостно, и грустно. Въ народѣ вообще сохранилась и вѣра въ Бога, и вѣра въ право; чувства въ немъ свѣжи, силы—чрезвычайны; но въ болѣе просвѣщенной части народа—въ насъ западное безвѣріе, старческая холодность, городская поверхностность убили всякую дѣятельность. Между нами и огромнымъ большинствомъ народа—неизмѣримая пропасть. Народъ не идетъ впередъ потому, что мы надъ нимъ тяготѣемъ; а мы не идемъ впередъ потому, что мы безъ него—ничто. Что и кто положить конецъ этому разрыву? Я прежде думалъ, что присяжные и вначалѣ были *судьями*, и не понималъ, какъ англичане вначалѣ могли имѣть нелѣпую мысль требовать единогласнаго рѣшенія 12 человекъ; но дѣло въ томъ, что первобытное значеніе присяжныхъ было не какъ судей, но какъ свидѣтелей, людей присягающихъ вмѣстѣ съ обвиняемымъ въ удостовѣреніе его невиновности; впоследствии времени изъ соприсягателей сдѣлались судьи; и какъ англичане сильно стоятъ за старину и какъ вообще они болѣе за обвиняемаго, чѣмъ за об-

щественную кару (vindicta publica), то они и удерживают до сих поръ единогласіе въ рѣшеніяхъ по уголовнымъ дѣламъ. (Присяжные въ Англіи не участвуютъ въ рѣшеніи дѣлъ гражданскихъ.) Хомяковъ, Аксаковъ и др. увѣряютъ, что община есть отличительное славянское учрежденіе. Венедей говоритъ и доказываетъ, что у древнихъ саксовъ община была и владѣтельницаю всѣхъ земель, и отвѣтчицею за всѣхъ ея членовъ, и полною распорядительницею. Я увѣренъ, что у всякаго молодого народа семейство и община являются въ полной силѣ и что они отнюдь не суть принадлежность славянскаго племени. По мѣрѣ испорченности семейство и община теряются. Протестомъ противъ подобнаго порядка вещей являются коммунизмъ и социализмъ. Этимъ объясняется значеніе ихъ въ нынѣшнее время“.

Во время своего путешествія Ал. Ив. всегда выбиралъ для чтенія или описанія страны, гдѣ онъ въ данную минуту находился, или книги и брошюры политическаго содержанія, отвѣчающія на вопросы дня. Такъ въ Дрезденѣ Кошелевъ прочелъ книгу о прусской революціи и двѣ брошюры венгерскаго посланника въ Парижѣ, графа Телеки „Die Deutsche Hegemonie“ и „Die Russische intervention“. Въ Гагѣ Кошелевъ оставался долѣе (съ 17 іюля до 8 августа) и потому онъ имѣлъ тамъ время предаваться чтенію. Тамъ Кошелевъ прочелъ „Lettres sur la Hollande“ par Marmier и „Freundliche Erinnerung an Holland“, von Ditmar. Въ книгѣ Marmier Кошелевъ особенно хвалитъ воззрѣніе автора на голландскій бытъ и характеръ: „Мармье не ругаетъ голландцевъ, какъ обыкновенно дѣлаютъ это путешественники; онъ беретъ голландцевъ какъ они живутъ сами въ себѣ, а не въ отношеніи иностранцевъ. Голландецъ, по замѣчанію Мармье, отлично хорошій отецъ, сынъ, мужъ,—семейной жизни въ немъ много. Онъ славный гражданинъ и готовъ на всякія пожертвованія, какъ скоро это нужно; онъ въ душѣ республиканецъ. Голландецъ республиканецъ не какъ французъ, который думаетъ, что республика и своевольство есть одно и то же; но онъ республиканецъ въ томъ смыслѣ, что считаетъ дѣло государственное своимъ и совершенно себя сливаетъ съ правительствомъ. Голландецъ—по природѣ торговецъ, человѣкъ совершенно практичный. Онъ любитъ и музыку, и живопись, и цвѣты, и лошадей не страстно, но какъ очень пріятное развлеченіе послѣ трудовъ. Голландецъ—не врагъ людей, но можетъ и безъ нихъ

обойтись; онъ разговорчивъ, когда нужно, но не болтливъ. Онъ серьезенъ, но не надутъ и не мраченъ.

О книгѣ Дитмара Кошелевъ говорить: „сочиненіе это читаю съ большимъ удовольствіемъ, въ особенности внутренняя жизнь голландцевъ очень хорошо описана. Видно, что авторъ знаетъ Голландію хорошо и всякую вещь описываетъ и рассказываетъ совершенно добросовѣстно“. Кроме того, Кошелевъ прочелъ: въ Гагъ— „Исторію французской революціи“ 1848 г. Ламартина, „Исторію Бельгіи и Голландіи отъ Вѣнскаго конгресса до 1843 г.“, соч. Бомонъ де Васси, „Россія при императорѣ Николаѣ“, соч. Головина; въ Остенде— „Описаніе Бельгіи“ Гельфериха, „О правѣ на трудъ“, отвѣтъ Тьера Луи Блану, „Организація труда“ его же. О сочиненіи Гельфериха Кошелевъ говорить: „Эта книга крайне интересна и положеніе партій въ Бельгіи изложено отлично хорошо и опредѣленно; ее можно и должно перечестъ въ Россіи на свободѣ“. „Organisation du travail“ Кошелевъ считаетъ на дѣлѣ совершенно непримѣнимымъ; но она полезна какъ колокольчикъ, которымъ тревожатъ собственниковъ и напоминаютъ имъ о братствѣ между людьми“. Въ Парижѣ Кошелевъ прочелъ утромъ Луи Блана „Le Nouveau Monde“ (три книжки), а вечеромъ—одинъ номеръ Ламартина „Conseiller du peuple“. Оба—жестокіе фразеры, но роль Луи Блана и легче, и лучше тѣмъ, что онъ зоветъ впередъ; Ламартинъ, напротивъ, хвалитъ народъ, хвалитъ президента, хвалитъ министерство, хвалитъ армію,—однимъ словомъ, хвалитъ все и уговариваетъ народъ теперь быть совершенно спокойнымъ и рѣшительно не слушать коммунистовъ и социалистовъ. Ни тотъ, ни другой не имѣютъ на грошъ государственнаго ума, но оба народные трибуны. Луи Бланъ не можетъ не производить сильнаго дѣйствія и можетъ значительно подвинуть народное благосостояніе. Ламартинъ, безъ сомнѣнія, будетъ находить все менѣе и менѣе читателей и его „Conseiller du peuple“ долженъ совершенно упасть.

Изъ замѣчательныхъ людей въ это путешествіе Кошелевъ видѣлъ Мицкевича и вотъ какъ рассказываетъ о своемъ посѣщеніи: „Сегодня поутру былъ я у Мицкевича, котораго нашелъ весьма постарѣвшимъ и крайне грустнымъ. Мицкевичъ совершенно сѣдъ и видно, что нервами весьма разстроенъ. Мы много говорили съ нимъ о Парижѣ, о французахъ, о Россіи, о славянахъ, о Польшѣ. Мицкевичу французы надоѣли жестоко своимъ корыстолюбіемъ,

хвастовствомъ и безчувствіемъ, но онъ не отчаивается въ ихъ будущности. Мицкевичъ предвидитъ для Франціи еще много революцій, для коммунизма—непремѣнное и хотя самое кратковременное торжество. О Россіи Мицкевичъ говоритъ съ уваженіемъ и даже съ чувствомъ; онъ называетъ время, проведенное въ Москвѣ, счастливѣйшимъ въ его жизни.

„Мицкевичъ спрашивалъ обо всѣхъ нашихъ общихъ пріятеляхъ; онъ вполне убѣжденъ, что Польша можетъ соединиться и получить опять политическое бытіе не иначе, какъ чрезъ Россію и по ея милости, что отъ Европы полякамъ ожидать нечего. Мицкевичъ мнѣ сказывалъ, что изъ Франціи поляковъ гонятъ и что недавно ему было назначено *trois fois vingt quatre heures* для выѣзда, но онъ кое-какъ упросилъ министра. Мицкевичъ весьма желаетъ, чтобы Государь нашъ показалъ болѣе сочувствія въ славянамъ и чтобы открытіе дѣйствовалъ въ ихъ пользу. Престарѣлый поэтъ очень занятъ, работаетъ для многихъ журналовъ; обстоятельства его очень плохи. Я ушелъ отъ него съ самымъ грустнымъ чувствомъ и видно, что онъ не можетъ произнести слово *exilé* безъ слезъ.

„Спрашивалъ я у Мицкевича о Тургеневѣ и Герценѣ, но онъ мнѣ сказалъ, что давно ихъ не видалъ и что почти ни съ кѣмъ не видится“.

Я сказалъ уже, что Ал. Ив. вернулся въ 1849 г. съ сыномъ, а Ольга Федоровна съ дочерью осталась за границей и на зиму переѣхала въ Баденъ. Въ декабрѣ 1850 года Ал. Ив. отправился привезти ее въ Россію и въ этотъ разъ поѣхалъ сухимъ путемъ на Варшаву. Въ то время, какъ проѣзжалъ Алекс. Иван., положеніе Польши, по словамъ его, было ужасное; и это бросилось ему прямо въ глаза при самомъ въѣздѣ въ Царство. „Прежде почтовая гоньба учреждена была прекрасно: здѣсь везли скоро и безъ всякихъ хлопотъ, лучше, чѣмъ даже въ Пруссіи. Теперь, послѣ 20-лѣтняго нашего владычества, лошади измучены фельдъегерями, курьерами и чиновниками до того, что едва ноги таскаютъ, люди такъ привыкли стремглавъ бѣгать, когда проѣзжаютъ эти важныя лица, что для насъ, пріѣзжающихъ, у нихъ остались одна лѣнь и безпечность. Теперь по получасу закладываютъ на станціи тощихъ, измученныхъ, потертыхъ кляченокъ, и 14 верстъ тащутъ по два часа. Вездѣ мы прикладываемъ свою печать беспорядка. Изъ

поляковъ порядочные люди удаляются, живутъ по деревнямъ или въ Варшавѣ, но совершенно отдѣльно, а потому правительство наше въ необходимости употребляетъ изъ нихъ худшихъ. На каждомъ шагу встрѣчаешь русскихъ солдатъ и офицеровъ; всѣ важнѣйшія мѣста заняты русскими чиновниками; вездѣ и во всемъ введены стѣсненія, какихъ мы даже не видимъ въ Россіи. Взятки по всѣмъ мѣстамъ сдѣлались повсемѣстныя. Цензура здѣсь до того строга, что русскія книги вышедшія до 1-го января 1851 года перепеченовываються. Мы хотимъ сдѣлать Польшу русскою и до сихъ поръ, въ теченіе 20 лѣтъ, не позаботились открыть курсы русскаго языка. Чрезвычайно трудно имѣть здѣсь учителя русскаго языка. Министерство просвѣщенія иногда присылаетъ, но, большею частью, пьяницъ и пустыхъ людей, ибо хорошіе остаются въ Россіи, гдѣ они могутъ вромѣ казеннаго жалованья получить чины и частныя уроки.

„Система страха (intimidation) есть нынѣшняя система, и она до сихъ поръ произвела лишь одно, что мы теперь въ Польшѣ въ худшемъ положеніи, чѣмъ въ 1832 году. Я желалъ бы смекнуть, во что обошлась Россіи Польша съ 1830 года, т.-е. въ 20 лѣтъ. Я увѣренъ, что на эти деньги можно было бы въ Россіи сдѣлать по всѣмъ частямъ такія улучшенія, которыя стоили бы двухъ Польшъ. Не Польша принадлежитъ намъ, а мы принадлежимъ Польшѣ. Польша для Россіи есть ракъ, который съѣдаетъ ея лучшую внутренность. Если мы не измѣнимъ въ отношеніи Польши своей системы, то Польша насъ съѣстъ. Кавказъ намъ пріобрѣсти легче, чѣмъ Польшу. Туда мы вносимъ и большій развратъ, и нѣсколько высшую образованность; здѣсь мы назади и въ томъ и другомъ. Польша принадлежитъ Западу и своею религіею, и своимъ просвѣщеніемъ, и своими административными понятіями, и своими обычаями. Для присоединенія Польши надобно дѣйствовать совершенно иначе“.

Незадолго предъ проѣздомъ Александра Иван. снята была таможенная линія между Имперіею и Царствомъ Польскимъ, и вотъ какъ онъ описываетъ вліяніе этой мѣры на населеніе:

Границу Царства Польскаго составляетъ рѣка Нѣманъ, и хотя городъ Ковно въ Имперіи, но предмѣстія его уже въ Царствѣ. Когда 1-го января поутру сняли таможенную линію, то весь почти городъ отправился на ту сторону Нѣмана. Прежде, чтобъ

перейти на ту сторону рѣки, надобно было брать паспортъ, а потому многіе изжили свой вѣкъ, не побывавши за Нѣманомъ. Теперь ежедневно тамъ гулянья и почти весь городъ ходитъ туда пить дешевое вино. Народъ вообще очень доволенъ снятіемъ таможенной линіи; мѣра эта всѣми одобряется, кромѣ истыхъ польскихъ патріотовъ. Снятіе таможенной линіи доставитъ Польшѣ большія богатства, тамъ мануфактуры сильно поднимутся и сахарные заводы пойдутъ въ гору. Но наши фабриканты могутъ весьма легко выдержать соперничество Польши и по причинѣ дороговизны продовольствія и задѣльной платы, и потому, что здѣсь фабрики вовсе не такъ усовершенствованы, какъ воображаютъ. Всѣ усовершенствованія и въ хозяйствѣ и въ фабрикахъ происходятъ отъ пруссаковъ и саксонцевъ, которые приходятъ или призываются сюда, но съ нѣкотораго времени и это сопряжено съ большими затрудненіями. Паскевичъ былъ противъ снятія таможенной линіи, и единственно изъ властолюбія, т.-е. чтобы не допустить министра финансовъ въ Польшу.

Настоящее путешествіе Ал. Ив. было непродолжительно: онъ выѣхалъ изъ Москвы 30 декабря 1850 г., а 13 февраля 1851 года, въ 7 часовъ поутру, Ал. Ив. былъ уже въ Москвѣ, т.-е. провель въ путешествіи почти полтора мѣсяца. Изъ этого времени слишкомъ двѣ недѣли (съ 13 января по 1 февраля) Кошелевъ провель въ Баденѣ, а остальной мѣсяцъ весь употребленъ былъ на переѣздъ, и въ томъ числѣ цѣлыхъ 20 дней на путешествіе въ предѣлахъ Россіи, гдѣ тогда желѣзныхъ дорогъ не было, считая въ томъ числѣ и двѣ остановки въ Варшавѣ. Въ Баденѣ Кошелевъ возобновилъ свое знакомство съ Жуковскимъ, который поселился тамъ съ 1848 года. Я уже говорилъ о знакомствѣ въ Петербургѣ Кошелева съ Жуковскимъ, съ которымъ связывали Ал. Ив. общая пріязнь къ Кирѣевскимъ и расположеніе Авд. Петр. Елагиной („Біограф. Кошел.“ II, 207). Въ Баденѣ Кошелевъ сошелся съ Жуковскимъ гораздо ближе. Я привожу изъ „Дневника“ Алек. Ив. всѣ мѣста, касающіяся этого знакомства, безъ всякихъ сокращеній и измѣненій, несмотря на шероховатость слога и нѣкоторыя повторенія, неизбѣжныя въ летучихъ замѣткахъ дневника. Эти необработанные, отрывочные наброски — плодъ минутныхъ впечатлѣній, такъ сказать застывшіе элементы слагавшагося въ умѣ понятія—всего понятіе и вѣрнѣе уясняютъ для читателя самый

процессъ образовавшагося у Александра Ивановича воззрѣнія на Жуковскаго и даютъ возможность до нѣкоторой степени повѣрить автора.

17 (29) января 1851 г. Я не видалъ Жуковскаго болѣе 10 лѣтъ, т.-е. съ его женитьбы, и нашелъ его весьма состарѣвшимся и въ физическомъ и нравственномъ отношеніи. Объ Россіи спрашивалъ меня, чѣмъ самъ рассказывалъ о прошедшихъ временахъ. Принялъ онъ меня весьма радушно и я просидѣлъ у него до 2-го часа. Въ 5-мъ часу Жуковскій былъ у меня. Онъ мнѣ рассказывалъ прекрасно про дуэль и смерть Пушкина, объяснилъ предшествующія обстоятельства и говорилъ, какъ Государь призывалъ по этому поводу Жуковскаго и какія милости сдѣлалъ для вдовы Пушкина и дѣтей. Жуковскій рассказывалъ также, какъ Бенкендорфъ и Государь боялись возмущенія по случаю похоронъ Пушкина, какъ перенесли его ночью безъ факеловъ и какъ отпѣвали не въ Адмиралтейской (т.-е. Исакиевской), но въ Конюшенной церкви. Новаго я узналъ мало; но рассказъ былъ чудный и я не могъ не сказать ему: „вы рассказываете такъ славно, т.-е. такъ просто и такъ наглядно, — вамъ слѣдовало бы выбрать нѣсколько происшествій изъ русской исторіи и рассказать ихъ для народа“. Тутъ Жуковскій мнѣ показалъ теперешніе свои труды; онъ работаетъ для обученія своихъ дѣтей вдругъ тремъ языкамъ (русскому, французскому и нѣмецкому), а также географіи и исторіи.

Особенность способа Жуковскаго состоитъ въ томъ, что онъ представляетъ всѣ свѣдѣнія въ рисункахъ и слова замѣняетъ цифрами (для того, чтобы дѣти приискивали и тѣмъ въ ихъ память все врѣзывалось). Всѣ рисунки сдѣланы имъ самимъ и съ особенною отчетливостью. Работа гигантская, но, по-моему, совершенно бесполезная. Спорить я не сталъ, ибо Жуковскій вначалѣ мнѣ сказалъ: „Вотъ это теперь мое любимое занятіе; этимъ трудомъ я, вѣроятно, закончу свое поприще. Дай Богъ мнѣ трудъ этотъ окончить, — онъ назначенъ не для свѣта, а для моихъ дѣтей. Если я на своихъ дѣтяхъ увижу добрые плоды, то подѣлюсь и съ друзьями; но хочу, чтобы дѣвственность этой методы досталась моимъ дѣтямъ“. Я видѣлъ сына и дочь Жуковскаго и оба не говорятъ ни слова по-русски. Я началъ разговоръ по-русски, но отецъ сказалъ тотчасъ по-нѣмецки: „Nein, sie sprechen nicht russisch“. Тутъ я изъявилъ мое глубокое удивленіе, что дѣти Жуковскаго не знаютъ

по-русски и что самъ онъ говоритъ съ ними по-нѣмецки. Въ извиненіе Жуковскій мнѣ сказалъ: „До сихъ поръ они были на рукахъ у матери, женщины больной, теперь начинаю ихъ учить по-русски, и они уже много русскихъ словъ знаютъ“. На это я позволилъ себѣ сказать: „Слѣдовательно для нихъ русскій языкъ никогда не будетъ своимъ, а всегда останется выученнымъ языкомъ“. Жуковскій мнѣ отвѣчалъ, что лѣтомъ надѣется быть въ Москвѣ и поселится или тамъ, или въ Дерптѣ. Много мы говорили и изъ разговоровъ я могъ заключить, что этотъ человекъ совершенно остановился въ своемъ образованіи и что событія, книги и разговоры уже его болѣе не развлекаютъ. Очень мало интересовался Жуковскій о томъ, что дѣлается въ Россіи, и говорилъ съ особенною нѣжностью и подробностью о женѣ, дѣтияхъ, о своемъ тестѣ. Кажется, Жуковскій пишетъ свои записки; отъ него я узналъ, что рескриптъ на имя Карамзина писанъ имъ.

19 (31) января. Вечеръ просидѣлъ у Жуковского, нашелъ его сильно страдающимъ отъ головной боли. Я было хотѣлъ уйти, но потомъ разговорились и я провелъ у него часа два очень пріятно. Разговоръ былъ о Россіи, о самодержавіи, объ Европѣ, о конституціонализмѣ и пр. Жуковскій весьма любитъ императора Николая Павловича, очень высокаго мнѣнія объ его умѣ, характерѣ и благонамѣренности; весьма много ожидаетъ отъ наследника.

Жуковскій считаетъ самодержавіе единственно возможнымъ образомъ правленія для Россіи. Для Жуковского самодержавіе не есть самодержавіе нашего пріятеля (К. С. Аксакова), онъ не хочет ни думать, ни вѣчать,—онъ любитъ самодержавіе чистое, безъ всякой примѣси. По мнѣнію Жуковского, у насъ всѣ нововведенія и преобразованія нисходятъ свыше: у насъ царь есть первый революціонеръ, и до тѣхъ поръ, пока онъ таковымъ будетъ, Россіи нечего бояться революціи. Когда я сказалъ Жуковскому, что Государь можетъ ошибаться и можетъ быть окруженъ совѣтниками неблагонамѣренными, Жуковскій отвѣчалъ: „А развѣ собранія не могутъ точно такъ же ошибаться, дѣйствовать неблагонамѣренно и пр.?“ По мнѣнію Жуковского, какъ самодержавіе, такъ и конституціонализмъ—подвержены разнымъ случайностямъ; великая выгода перваго надъ вторымъ есть та, что самодержавіе основано на единствѣ, слѣдовательно—мирѣ, а конституціонализмъ—на борьбѣ, т.-е. войнѣ, такъ что всѣ силы теряются въ этой враждѣ между борющимися сти-

пями и ничего почти не остается для настоящей дѣятельности. Я не спорилъ, хотѣлъ лишь узнать хорошенько мысли своего собесѣдника.

20 января (1 февр.).—Во 2-мъ часу я пошелъ къ Жуковскому, и онъ мнѣ показывалъ въ подробностяхъ всѣ свои труды; онъ уже окончилъ таблицы для священной исторіи до Христа, древнюю исторію также до Христа, всю русскую грамматику въ двухъ таблицахъ, арифметику до тройнаго правила, географію. Жуковскій работаетъ очень много. Трудно произнести сужденіе объ его методѣ. Я увѣренъ, что въ его рукахъ способъ этотъ произведетъ чудеса, но въ рукахъ другаго онъ легко можетъ превратиться въ чисто-механическое обученіе. По способу Жуковскаго, все выражается или красками, или линіями, или знаками. Я познакомился сегодня съ его женой и тестемъ. Жена его высокая, стройная женщина; объ ея разговорѣ ничего сказать не могу, ибо она вошла въ то время, когда Жуковскій показывалъ мнѣ свою работу. Тестъ его—безрукій генералъ, высокій; дочь на него очень похожа. Дѣти Жуковскаго болѣе похожи на мать, чѣмъ на отца. Жуковскій показывалъ мнѣ свой переводъ съ славянскаго на русскій языкъ всего Новаго Завѣта, кромѣ Апокалипсиса; онъ пользовался при этомъ французскимъ и нѣмецкимъ переводами.

Жуковскій сильно стоитъ за православіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ прибавилъ: „могу сказать, что между протестантами всего болѣе набожныхъ людей и истинныхъ христіанъ“. Я не видывалъ человѣка, который болѣе Жуковскаго имѣлъ бы способность созерцательную, который свои мысли одѣвалъ бы исключительно въ образы и который былъ бы чуждъ понятій и логики. У Жуковскаго все—картина, все живой міръ и только тѣ мысли для него истинны, которыя являются и группируются въ одно живое, чистое цѣлое. Въ 2 часа пришелъ къ намъ Жуковскій и просидѣлъ до 4-хъ. Былъ очень милъ, живъ и разговорчивъ. Позвалъ меня къ себѣ обѣщая сообщить въ рукописи свои послѣднія сочиненія и кое-что прочесть у себя только для меня. И поутру, и вечеромъ былъ онъ восхитителенъ. Я еще болѣе полюбилъ его: душа чистѣйшая, благороднѣйшая; простота и прямотушіе его просто дѣтскія. Смѣло можно сказать, что подлость и неправда никогда не коснулись его души. По большей части для людей самые сильные мотивы и причины дѣйствій суть выгоды, а въ Жуковскомъ чувство—любовь—

есть источникъ всѣхъ мыслей и поступковъ. Душа и воображеніе Жуковскаго вовсе не состарѣлись,—онъ еще юноша по тому и по другому. Мечтательность, любовь ко всему чистому и согласному, отвращеніе отъ всего искусственнаго, ненатуральнаго—отъ всякой борьбы—вотъ что объясняетъ теперешній образъ мыслей Жуковскаго. Онъ хорошо говорить: спорить и доказывать онъ не можетъ; но рассказываетъ такъ, какъ я отъ роду никого не слыживалъ: разъ выслушавши его рассказъ, уже его забыть никогда нельзя. Жуковский прочелъ мнѣ отрывки изъ своихъ писемъ къ Наслѣднику и къ Цесаревичу (Константину Павловичу). Въ нихъ есть даже смѣлость, вездѣ благонамѣренность и горячая любовь къ отечеству и къ этимъ лицамъ. Но формы странны для переписки наставника даже и съ царственнымъ воспитанникомъ. Жуковский часто проситъ Наслѣдника, по свойственному великодушію, подать ему милостыню нѣсколькими строчками его руки и проч. Самарина Жуковский не любитъ за то, что онъ напалъ на лифляндцевъ, и за это онъ противъ всѣхъ его мыслей. Асакова не жалуется за его исключительность, нетерпимость и любовь къ деспотизму.

23 января (4 февраля).—Всякій день видимся мы съ Жуковскимъ, даже по нѣсколько разъ въ день, и проводимъ съ нимъ въ самой живой бесѣдѣ по три, четыре часа. Сегодня я сидѣлъ у него, а потомъ мы пошли гулять и сперва говорили о болячкахъ Россіи. Жуковский принималъ все весьма близко къ сердцу и соглашался, что отечество въ ужасномъ положеніи; онъ надѣется, что, разъ успокоившись со стороны Европы, Государь примется съ новымъ жаромъ за внутреннее управленіе.

Во время прогулки мы говорили о религіи, и тутъ я былъ отъ него въ восторгѣ. Чистая его душа религіозна въ полномъ смыслѣ этого слова. Жуковский совершенно христіанинъ православный, ни въ чемъ не отступаетъ отъ ученія нашей церкви, совершенно вѣротерпимъ и горячо любитъ Христа и Его церковь. Всякій день я люблю его болѣе и болѣе.

24 января (5 февраля).—Въ 4-мъ часу зашелъ къ намъ Жуковский, а вечеромъ мы были у него. По середкамъ онъ принимаетъ во фракахъ и бѣлыхъ перчаткахъ; разговоръ по-французски. Было гостей немного, все лифляндцы и эстляндцы. Интереснаго ничего не было. Жуковский и по-французски, и по-нѣмецки говорить не

свободно, но по-русски говорить чисто, живо и съ большою пріятностію.

25 января (6 февр.).— Гулялъ съ Жуковскимъ, а вечеръ онъ провель у насъ. Говорили о Гоголѣ, Хомяковѣ, Шевыревѣ, объ университетахъ и пр. Зашель разговоръ о смертной казни, и Жуковскій былъ противъ ея уничтоженія, а равно и противъ присяжныхъ, потому что здѣсь, въ южной Германіи, съ уничтоженіемъ смертной казни усилились и усложнились преступленія; что же касается до присяжныхъ, то, по мнѣнію Жуковскаго, они суть не что иное какъ орудіе безнаказанности и съ ними правосудіе невозможно. Я доказывалъ ему, что въ христіанскомъ государствѣ смертная казнь есть бессмыслица и преступленіе; Жуковскій согласился, что въ теоріи это такъ, но что гдѣ смертная казнь существуетъ, тамъ ее уничтожать неосторожно. Жуковскій работаетъ очень много: встаетъ въ 5 часовъ, занимается до 2-хъ. Главныя его занятія теперь—составленіе таблицъ; онъ такъ пристрастился къ таблицамъ и картинамъ, что наши разговоры о болячкахъ Россіи онъ хотѣлъ изъяснить въ таблицахъ, т.-е. главныя болячки отъ нихъ—дѣти и пр. и пр. Отъ 3-хъ до 5 Жуковскій гуляетъ, обѣдаетъ въ 5, чай пьетъ въ 8, читаетъ газеты, бесѣдуетъ съ женою. Съ 10 до 11 опять читаетъ, а въ 11 ложится спать. Спитъ послѣ обѣда полчаса. Читаетъ онъ мало и болѣе старое, чѣмъ новое, — болѣе для своихъ занятій, чѣмъ для своего дальнѣйшаго образованія.

27 января (8 февр.). — Вечеромъ къ намъ пришелъ Жуковскій, говорилъ очень сильно противъ теперешней французской литературы вообще и въ особенности противъ Eugène Sue и другихъ коммунистическихъ романистовъ. Я ему сталъ говорить о русской литературѣ и Жуковскій слушалъ съ большимъ вниманіемъ. Жуковскій объявилъ себя противъ всѣхъ романовъ, гдѣ выставляется худая сторона и крѣпостнаго состоянія, и настоящаго устройства, и теперешняго общества. Странно, ему весьма хотѣлось бы сломить строгость цензуры и вмѣстѣ съ тѣмъ не хотеть допускать ничего, что могло бы самымъ отдаленнымъ образомъ затронуть существующій порядокъ вещей. Робость въ Жуковскомъ чрезвычайная; задумавшись онъ сказалъ: „Конечно, цензурѣ трудно быть не нелѣпою, но, во что бы то ни стало, надобно охранять самодержавіе и общество образованное“.

28 января (9 февраля).— Вечеромъ былъ у Жуковскаго и про-

сидѣлъ у него отъ половины 8-го до 11 часовъ; онъ много читалъ изъ своихъ мыслей, отрывковъ и памятныхъ записокъ. Жуковскій очень заботится о Наслѣдникѣ и много пишетъ для него и къ нему, — ему очень хочется представить ему полную картину нуждъ Россіи. Не надѣюсь многого отъ него, ибо Жуковскій — человѣкъ вовсе не практичный; онъ остановился на нѣсколькихъ мысляхъ и вездѣ ихъ высказываетъ. Мы имѣли очень откровенный разговоръ; я ему говорилъ, что я также весьма стою за самодержавіе, но предлагалъ ему свои не сомнѣнія, но затрудненія. Жуковскій мнѣ на это отвѣчалъ, что самодержавіе должно непременно себя ограничить законами, въ которыхъ должна быть высказана Божья правда. — Я: „Какъ откровенія въ политикѣ нѣтъ, то кто же выскажетъ Божью правду и почему самодержецъ узнаетъ, что это Божья правда?“ *Жуковскій*: „Конечно, это довольно затруднительно, но все-таки царь, по своему возвышенному положенію, долженъ быть и безстрастнѣе, и дальновиднѣе (ибо онъ стоитъ на общественномъ холмѣ), чѣмъ парламентъ. Охъ, эти народныя собранія! Одни честолюбцы, болтуны, сребролюбцы, идеологи и суются впередъ, а люди хорошіе, не хотящіе входить въ сношеніе съ чернью, никогда не попадутъ чрезъ парламентъ въ царскій совѣтъ. Парламентъ необходимо связываетъ царей и на добро, а не на одно зло. Оставьте конституціонализмъ Европѣ на десять лѣтъ — и будетъ всюду одинъ демократизмъ, который менѣе чѣмъ въ десять лѣтъ изъ всѣхъ мѣстъ вытѣснится коммунизмомъ и соціализмомъ. Нѣтъ, нельзя ни конституціонализму, ни демократизму уступать ни шагу. Я — врагъ произвола, деспотизма всякаго, но убѣжденъ, что одно самодержавіе можетъ дѣлать добро и человѣчество вести впередъ. Самодержавіе должно быть (и ему легче, чѣмъ кому-нибудь) окружено умственною и нравственною аристократіей. И исторія, и ежедневный опытъ доказываютъ, что народъ въ своихъ выборахъ безсмысленъ и рѣдко, почти никогда не выбираетъ людей существенно добрыхъ: они ему и неизвѣстны. Народъ выбираетъ говоруновъ и шарлатановъ и чрезъ самое краткое время тотъ же самый народъ ихъ перемѣняетъ, — значитъ, твердости и постоянства въ народномъ правленіи никакихъ быть не можетъ, и безъ этихъ двухъ свойствъ никакое правительство добра сдѣлать не можетъ. Въ началѣ вечера сидѣла тутъ жена Жуковскаго, которая мнѣ всякій день болѣе нравится: она и умна, и очень мила.

29 января (10 февр.).—Сегодня мы праздновали 60 лѣтъ Жуковскому. Онъ родился въ 1785 году. Моя жена ему поднесла букетъ, а я—трость съ вырѣваннымъ сегодняшнимъ числомъ.

Обѣдали у него: все семейство Рейтернъ (т.-е. отецъ, мать, дочь, два сына), Сидовъ (посланникъ прусскій при швейцарскомъ сеймѣ и другъ Радовица) съ женою, князь Барклай съ женою, лифляндцы и мы двое. Обѣдъ былъ веселый и Жуковский былъ необыкновенно милъ. Пили за здоровье и всѣхъ присутствующихъ и всѣхъ отсутствующихъ. Мы съ Жуковскимъ пили за здоровье Елагина, Кирѣевского, Хомякова и Гоголя. Пили общее здоровье за Государя и Наслѣдника, за короля прусскаго. Король прусскій прислалъ Жуковскому въ подарокъ свой портретъ, прекрасно написанный, видъ Потсдама и славное изданіе твореній Фридриха Великаго.

31 января (12 февраля).—Поутру были у Жуковского и онъ мнѣ во всей подробности показалъ свои труды по части русской грамматики; онъ особенно занятъ приведеніемъ въ систему всѣхъ русскихъ глаголовъ и уже много по этому сдѣлалъ. Жуковский всю грамматику русскую изложилъ въ шести таблицахъ. Теперь все это Жуковский провѣрилъ и пишетъ объясненіе и истолкованіе. Мнѣ кажется, что тутъ много хорошаго.

Жуковский мнѣ разсказалъ, что Крыловъ и умеръ какъ баснописецъ. Пріѣхалъ къ нему, кажется, Вяземскій,—Крыловъ ему говорить: „крестьянинъ, увѣренный въ добротѣ своей сивки, не боится на нее власть все болѣе и болѣе тяжести; но сивка, какъ ни сильна и терпѣлива, а наконецъ споткнулась, упала и болѣе уже не встала; такъ и мой желудокъ: много я его обременялъ,—теперь онъ споткнулся и, кажется, болѣе не встанетъ“ (извѣстно, что Крыловъ умеръ отъ расстройства желудка).—Много очень распрашивалъ Жуковский о Москвѣ; ему очень хочется тамъ поселиться, но боится, что жить тамъ дорого. Жуковский мнѣ говорилъ, что онъ можетъ издерживать до 30 тыс. ассигн.; я его увѣрилъ, что съ этою суммой онъ можетъ весьма хорошо жить въ Москвѣ; обѣщалъ прислать ему бюджетъ приблизительный.

1 (13) февр.—Поутру уладывался; прочелъ, данныя мнѣ Жуковскимъ, письма къ нему Фарнгагена объ Одиссеѣ: нѣмецъ отдаетъ полную справедливость труду. Затѣмъ пошелъ съ женою проститься къ Жуковскому. Вас. Андр. далъ мнѣ на память собственноручную

записку о „Библіотекѣ“, которую ему хотѣлось издавать въ обществѣ съ другими людьми, положивъ въ основаніе православіе и самодержавіе. Жуковскіе приплыли потомъ къ намъ и проводили насъ до вагона. Всегда грустно разставаться, но какъ-то нынѣ мнѣ было особенно грустно. Въ дорогѣ и все думалъ о Жуковскомъ. Очень радъ, что я съ нимъ сошелся: славный человекъ и по душѣ, и по уму. Трудолюбіе его замѣчательно: работаетъ такъ, что намъ надобно у него учиться.

Изъ „Записокъ“ Ал. Ив. видно, что Жуковскій читалъ ему выдержки изъ писемъ Наслѣдника (покойнаго импер. Александра II), которыя произвели на Кошелева сильное впечатлѣніе своей дѣлностью, своимъ изложеніемъ (стр. 79). Мы прилагаемъ интересное письмо Жуковскаго къ Кошелеву отъ 29 ноября (11 декабря) изъ Бадена (Приложеніе X), гдѣ Жуковскій выражаетъ свои предположенія о переселеніи въ Россію. Предположеніямъ этимъ не суждено было осуществиться,—Жуковскій скончался 12 апрѣля 1852 года, т.-е. черезъ 4¹/₂ мѣсяца послѣ настоящаго письма.

Ал. Ив. и во время настоящаго путешествія, несмотря на его краткость, не повидалъ серьезнаго чтенія. На пути въ Баденъ Кошелевъ прочелъ брошюры: „Unsere Politik“ и „Vier Wochen aus wärtiger Politik“; обѣ вышли въ январѣ 1851 года и написаны въ духѣ прусской дипломатіи;—„Die deutschen Hegemonen“. Berlin 1849; эта брошюра писана полякомъ и есть весьма замѣчательное явленіе: въ ней высказана вся ненависть поляковъ къ нѣмцамъ и надежда на блестящую будущность славянъ во всемірной исторіи;—„Die Russische intervention von Graf Teleki ungarischen Gesandten bei der Französischen Republick“. Написана очень хорошо — съ точки чисто-венгерской: тутъ говорится о завѣщаніи Петра Великаго и о запискѣ поданной какимъ-то дипломатомъ Р. di В.—Странно, что это завѣщаніе не извѣстно въ Россіи; странно, что этотъ дипломатъ по буквамъ и уму долженъ быть Поццо ди Борго, а между тѣмъ Поццо ди Борго давно умеръ, т.-е. много прежде Февральской революціи. Мнѣ кажется, что оба эти акта—вымышленные и что всѣ эти брошюры—одинъ пухъ.

Въ Баденѣ Кошелевъ занимался сочиненіями Гизо и прочелъ его исторію англійской революціи и біографіи Вашингтона и Монка. Достоинства Гизо, какъ историка, Кошелевъ опредѣляетъ слѣдующимъ образомъ: „21 января (2 февраля). Вотъ человекъ совер-

шенно неспособный писать исторію. Жизнь Вашингтона весьма интересна, написана славнымъ языкомъ и выведены мысли свѣтлыя и обширныя; но живости и наглядности въ разсказѣ никакой нѣтъ. Читаешь не жизнь Вашингтона, но трактатъ объ его жизни“. О Вашингтонѣ Кошелевъ говоритъ: „Одно изъ приложений къ этой книгѣ лучше самой книги: это — прощальное посланіе Вашингтона къ американскому народу. Въ немъ выразились и славная душа, и государственный умъ Вашингтона“. Кромѣ Гизо, Кошелевъ прочелъ соч. Вил. Пенна „О правахъ человѣка“, „Прусскую революцію“, соч. А. Nask, и № 1 журнала „L'Orient europeen“, издаваемого Славянскимъ Обществомъ въ Парижѣ. Этотъ первый номеръ хорошъ и обѣщаетъ быть полезнымъ изданіемъ. Главная мысль (разумѣется, не славянская, а польская), что Польшѣ предоставлено всемірное значеніе въ исторіи, какъ разсадницѣ либеральныхъ идей. Французская рѣчь, произнесенная Бакунинымъ 29 ноября 1847 года при празднованіи 17-й годовщины польской революціи, написана не дурно, но почти все—фразы. Читалъ его же воззваніе къ славянамъ, по-нѣмецки, изданное въ 1848 году. Лучше первой рѣчи, но замѣчательнаго мало. И полякамъ, и чехамъ, и мадьярамъ—много чести, фразъ бездна, а дѣльнаго почти ничего. Интереснѣе всего, что Бакунинъ предсказываетъ союзъ славянъ съ мадьярами“.

Наконецъ Ал. Ив. очень понравилась исторія Англіи Маколая и онъ сейчасъ же началъ ее переводить. Кошелевъ рѣшился переводить по двѣ страницы въ день и рассчитывалъ окончить все сочиненіе (три тома) въ три года. Изъ писемъ А. Н. Попова видно, что первая часть „Исторіи Англіи“ была представлена Кошелевымъ въ цензуру, но была задержана. Рѣшеніе свое приняться за переводъ Маколая Кошелевъ мотивировалъ слѣдующимъ образомъ: „1) узнаю лучше англійскій языкъ; 2) узнаю англійскую исторію; 3) привыкну по-русски писать и *задамъ себѣ необходимую работу*“.

Познакомившись съ сельскимъ хозяйствомъ въ сѣверной Германіи, Бельгіи и Голландіи, Ал. Иван., по дѣятельной своей натурѣ, сейчасъ же началъ искать средствъ обмѣниваться пріобрѣтенными познаніями съ другими. Незадолго предъ его заграничною поѣздкой открылось Общество сельскаго хозяйства въ Лебедяни. На Лебедянскую конную ярмарку издавна съѣзжались помѣщики преимущественно изъ губерній Тамбовской, Орловской,

Тульской, Рязанской и Воронежской, и въ послѣднее время между ними возникъ обмѣнъ мыслей по сельскому хозяйству и въ частности по введенію у себя усовершенствованныхъ орудій, потребность въ которыхъ начала уже распространяться. Изъ этихъ частныхъ разговоровъ, по инициативѣ извѣстнаго агронома-писателя и члена редакціонныхъ комиссій (гдѣ, впрочемъ, онъ по болѣзни не присутствовалъ) Н. П. Шишкова составилось Лебедянское Общество сельскаго хозяйства, одно изъ первыхъ внутри великорусскихъ губерній *), уставъ котораго утвержденъ 11 апрѣля 1847 г., а первое его засѣданіе состоялось 15 сентября того же года. Самый проектъ устава составленъ былъ за годъ предъ этимъ, во время выставки сельскихъ произведеній, открытой министерствомъ госуд. имущ., на десятилѣтній срокъ. Предсѣдателемъ былъ въ первое же засѣданіе въ Лебедянскомъ Обществѣ избранъ единогласно Н. П. Шишковъ, а въ числѣ первоначальныхъ членовъ значились: извѣстный лѣсоводъ и сельскій хозяинъ Фр. Хр. Майеръ, Яковъ, Алексѣй и Александръ Ивановичи Сабуровы, Иос. Н. Шатиловъ, И. А. Бабинъ, Ал. Ив. Шеншинъ и др. По уставу Лебедянское Общество должно было открывать свои засѣданія во время Покровской ярмарки, отъ 10 до 25 сентября. Изъ членовъ славянофильскаго кружка присоединились къ Обществу, кромѣ Ал. Ив., въ томъ же 1850 г. М. А. Стаховичъ, въ 1851 г. Хомяковъ, въ 1853 г. Ю. О. Самаринъ. Алек. Ив. поѣхалъ въ Лебедянь въ первый разъ 14 сентября 1850 года; тотчасъ же по пріѣздѣ его навѣстилъ Шишковъ и пригласилъ въ Общество. Въ засѣданіи 17 сентября Ал. Ив. прочелъ приложенное къ „Запискамъ Общества“ сообщеніе о необходимости частныхъ сѣздовъ между хозяевами. Ал. Ив. прежде всего дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе о нашихъ сельскохозяйственныхъ обществахъ: „Наши засѣданія въ обществахъ сельскаго хозяйства убиты формальностію и похожи болѣе на засѣданія присутственнаго мѣста, чѣмъ на сѣзды хозяевъ для обмѣна мыслей и сообщенія другъ другу сдѣланныхъ опытовъ и собранныхъ свѣдѣній. Чтеніе официальныхъ

---

*) Кромѣ столичныхъ обществъ сельскаго хозяйства, нѣкоторыхъ остзейскихъ и Бѣлорусскаго Общества, открытаго въ 1827 году и закрытаго въ 1841 году, собственно по великорусскимъ губерніямъ были утверждены Южнорусское Общество сельскаго хозяйства въ Одессѣ въ 1829 г., Экономическое Общество въ Казани въ 1839 г. и затѣмъ въ 1847 г. Лебедянское Общество.

бумагъ возбуждаетъ въ насъ чувство чиновничества; мы воображаемъ быть какими-то сановниками и уже боимся подѣлиться мнѣніями и знаніями, которыхъ непреложность можетъ быть оспорена. Къ тому же мы сидимъ такъ чинно, а комнаты такъ великолѣпны, что деревенскій житель, забредшій въ наши засѣданія, едва находитъ слово, чтобы пробормотать свое согласіе.— Упомянувши, что Лебедянское Общество составляетъ счастливое исключеніе, Кошелевъ находитъ, что съѣзды уничтожатся, или превратятся въ оффиціальныя засѣданія, если мы или деревенскіе жители, истые хозяева, не примемъ въ сихъ съѣздахъ дѣятельнаго участія.

Съ этою цѣлью Ал. Ив. предлагаетъ *частныя съѣзды сельскихъ хозяевъ*. Эти частныя съѣзды должны быть или въ каждомъ уѣздѣ, или въ совокупности въ двухъ-трехъ уѣздахъ; они должны быть, раза три-четыре въ году, то въ одномъ помѣстьѣ, то въ другомъ,— однимъ словомъ, въ томъ хозяйствѣ, которое почему-либо заслуживаетъ особеннаго вниманія хозяевъ. Тутъ не должно быть ни докладовъ, ни журналовъ, ни президентовъ, ни секретарей: помѣщики должны съѣхаться какъ бы семейно, поговорить о хозяйствѣ, сообщить другъ другу свои замѣчанія, или недоумѣнія, прочесть что кто написалъ, осмотрѣть что есть интереснаго у хозяина дома или въ его сосѣдствѣ и, прежде чѣмъ разъѣхаться, должны уговориться о мѣстѣ и времени будущаго съѣзда („Зап. Леб. Общ.“ 1850 г., 92). Въ томъ же засѣданіи Ал. Иван. избранъ былъ дѣйствительнымъ членомъ Лебедянскаго Общества сельскаго хозяйства, а въ слѣдующее засѣданіе (19 сентября), уже въ качествѣ члена, онъ прочелъ записку о видѣнныхъ имъ улучшенныхъ породахъ скота за границею и о необходимости учрежденія агентуры для выписки желающими хозяевами рогатаго скота и свиней изъ-за границы („Зап.“ 1850 г., 238). Вообще же говоря, впечатлѣніе, которое Лебедянское Общество оставило въ Ал. Ив., было такое: „Я провелъ время очень хорошо, но ушелъ съ грустнымъ чувствомъ, что у насъ нѣтъ обществъ, а есть только лица. Участъ Лебедянскаго Общества соединена съ участію одного человѣка: Шашковъ есть все Лебедянское Общество“.

Вскорѣ послѣ возвращенія изъ-за границы Ал. Ив. собрался на первую всемірную выставку въ Лондонѣ, съ специальною цѣлью изученія улучшенныхъ земледѣльческихъ машинъ и орудій. Кошелеву хотѣлось отправиться въ качествѣ оффиціальнаго депутата

отъ Лебедянскаго Общества, но это встрѣтило затрудненія; во всякомъ случаѣ Ал. Ив. принялъ на себя обязанность подѣлиться собранными свѣдѣніями съ Обществомъ. Въ августѣ 1851 года—на Петербургъ, Берлинъ и Кале—Кошелевъ отправился въ Лондонъ, а въ половинѣ сентября выѣхалъ на пароходѣ изъ Дувра, пробывши на выставкѣ около мѣсяца. Въ Лондонѣ Кошелевъ встрѣтилъ бывшаго московскаго механика Вильсона и просилъ его остаться на выставкѣ, чтобы вмѣстѣ съ нимъ изучить все замѣчательное. Все свое время въ Лондонѣ Ал. Ив. употребилъ на тщательный и подробный осмотръ машинъ и орудій и затѣмъ посѣтилъ нѣсколько англійскихъ фермъ. На выставкѣ 1851 года Кошелевъ встрѣтилъ американскую жнею Макъ-Кормика, тогда еще почти неизвѣстную въ Россіи; поэтому Кошелевъ обратилъ преимущественно вниманіе на жатвенныя машины—эту и англійскую Гуссея. Выставленную машину Макъ-Кормика Кошелевъ купилъ, несмотря на то, что изобрѣтатель отказался продать ее англичанамъ и даже самому принцу Уэльскому; впоследствии оказалось, что посланная была все-таки другая машина, подѣтъмъ предлогомъ, что выставочная была болѣе показная, чѣмъ годная въ дѣло.—Честь введенія жатвенныхъ машинъ въ Россіи принадлежитъ Кошелеву. Тотчасъ по возвращеніи, Кошелевъ о своемъ осмотрѣ выставки написалъ Н. П. Шишкову, съ присоединеніемъ записки съ чертежами о жатвенныхъ машинахъ („Записки Лебед. Общества“ 1851 г., 555—574). Результатъ своей поѣздки въ Лондонъ Кошелевъ напечаталъ въ „Московскомъ Сборникѣ“ 1852 года подѣтъглавіемъ „Поѣздка русскаго земледѣльца въ Англію на всемірную выставку“, и издалъ отдѣльною брошюрой, которую разослалъ извѣстнымъ ему лицамъ, занимавшимся земледѣліемъ въ своихъ имѣніяхъ; кромѣ того самыя машины, по привозѣ ихъ, предоставилъ въ распоряженіе Московскаго Общества сельскаго хозяйства для производства опытовъ и съ этою цѣлью выставилъ въ Москвѣ, въ машинномъ заведеніи Вильсонъ, для осмотра желающимъ. Къ сожалѣнію, вторая часть статьи, гдѣ говорилось о результатахъ поѣздки Александра Ивановича по англійскимъ фермамъ, приготовленная для втораго, не появившагося тома „Московскаго Сборника“, утратилась при пересылкѣ ея изъ московскаго цензурнаго комитета въ С.-Петербургъ.

Съ іюня мѣсяца 1852 года начались испытанія улучшенныхъ

орудій, въ присутствіи съѣхавшихся хозяевъ изъ Рязанской, и другихъ губерній сперва въ селѣ Спѣшневѣ, Данковского уѣзда, у Н. П. Шишова, а потомъ въ селѣ Песочнѣ у Ал. Ив. О результатѣ этихъ испытаній Ал. Ив. печаталъ въ „Запискахъ Лебедянского Общества сельскаго хозяйства“ и въ „Журналѣ Московскаго Общества“ *). Въ 1852 г. были испытаны при содѣйствіи машиниста Вильсона: плуги Смаля, Домбала, Гоурда и Старбурга, Уильсова борона, Гарретова сѣлка, пропапниязъ Гаррета и Бѣзбія, Барретова зернодробилка и соломорѣзка, Голмессова молотилка, Смитовы сѣвосошники и конныя грабли, жатвенныя машины Гуссея и Макъ-Кормика. Рекомендую введеніе жатвенныхъ машинъ въ нашихъ хозяйствахъ, Ал. Ив. обращаетъ вниманіе и на то, что „жатвенная машина имѣетъ право на вниманіе почтеннѣйшихъ нашихъ сочленовъ и всѣхъ вообще помѣщиковъ не по однимъ вещественнымъ выгодамъ,—это орудіе должно облегчить самый тяжкій трудъ женщины, уже и безъ того обремененной разными физическими страданіями. Вѣрно каждый съ радостію воспользуется первою возможностью уплатить свой долгъ человѣчеству; а при введеніи жатвенныхъ машинъ, даже несовершенныхъ, улучшенія не замедлятъ послѣдовать, и смѣемъ надѣяться, что со временемъ онѣ совершенно упразднятъ тягостный для работъ серпъ („Зап. Лебедянскаго Общества“ 1852 г., 239—273). Въ 1853 году, въ іюлѣ, на

---

*) Въ журналѣ Московскаго Общества сельскаго хозяйства помѣщены слѣдующія статьи Ал. Ив. 1852 г.: замѣчанія на статью г. Волкова объ урочныхъ работахъ; объ испытаніи англійскихъ и американск. машинъ и орудій въ 1852 г.; 1853: предложеніе испытывать жатвенныя машины и повѣрять плуги, дѣлаемые въ Москвѣ по образцу Старбурговыхъ; 1854: объ испытаніи жатвенныхъ машинъ въ 1853 г.; о машинной жатвѣ въ имѣніи Кошелева; 1855 г.: объ опытахъ машиннаго жатва въ 1854 г.; испытаніе жатвенной машины Петровскаго; 1858: по поводу статьи г. Ладженскаго объ отношеніи рабочаго къ владѣльцу; замѣчанія на отвѣтъ г. Ладженскаго. Кромѣ того Ал. Ив., какъ одинъ изъ наиболѣе извѣстныхъ опытностью своею хозяевъ, приглашался Обществомъ въ комиссія, назначаемыя для разрѣшенія различныхъ практическихъ вопросовъ, напримѣръ—устройство овинновъ и др. Отчеты объ испытаніи сельскохозяйственныхъ машинъ перепечатывались въ „Земледѣльческой Газетѣ“: за 1852 г. въ 1852 г., № 99-й, 785—791; за 1853 г. въ 1853 г., № 55-й, 435—436; за 1854 г. въ 1854 г., № 28-й, 181—182. Съ 1853 г. отчеты появились въ „Трудахъ Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества“ въ отдѣлѣ библиографіи, гдѣ излагались отчеты въ Трудахъ Московскаго и Лебедянскаго Обществъ сельскаго хозяйства. Приводя отчетъ Ал. Ив. за 1852 годъ, редакция „Трудовъ“ останавливается на нихъ съ большимъ интересомъ и жалѣетъ, что Кошелевъ не состоялъ въ то время членомъ Общества. Редакторъ тогда же вступилъ въ переписку съ Ал. Ив. и просилъ его выслать напечатанную брошюру о поѣздкѣ въ Англію и объ испытаніи жатвенныхъ машинъ.

съѣздѣ у Ал. Ив. производились испытанія жатвенной машины, изобрѣтенной г. Петровскимъ и устроенной съ помощью Кошелева. Отчетъ объ этихъ испытаніяхъ, съ похвалою машины Петровскаго, Кошелевъ напечаталъ въ „Запискахъ Лебедян. Общества“ (1853 г., 118—121). Въ 1854 году на съѣздѣ у Кошелева производились опыты надъ машинами Магъ-Кормика и Петровскаго, при чемъ первую машину Кошелевъ призналъ непригодною для нашихъ хозяйствъ, хотя дѣйствующею удовлетворительно, и отдалъ преимущество жнеѣ Петровскаго („Зап.“ 1854 г., 176—181). Въ 1855 и 1856 годахъ *) продолжались опыты надъ жнеей Петровскаго, который тутъ же дѣлалъ приспособленія и усовершенствованія, какія оказывались нужными для полезнаго дѣйствія машины **) („Зап.“ 1855, г., ч. I, 118—121; 1856 г., ч. I, 75—79). Послѣ 1856 г. Ал. Ив., отвлеченный другими занятіями, не созывалъ у себя лѣтнихъ съѣздовъ для испытанія сельскохозяйственныхъ орудій, но въ 1859 году онъ прислалъ въ Общество письмо изъ Парижа объ испытаніи жатвенныхъ машинъ въ Сенъ-Клу, причемъ въ особенности обратилъ вниманіе на усовершенствованіе Магъ-Кормиковой машины Бургесомъ и Кеемъ, что сдѣлало эту машину совершенно пригодною въ хозяйствѣ, но для насъ слишкомъ дорогою („Записки“ 1859 года, стр. 83—93).

Какое значеніе труды Ал. Ив. имѣли въ свое время для сельскихъ хозяевъ, видно изъ письма къ нему екатеринославскаго помѣщика Яв. Яв. Савельева, начинающаго съ того, что онъ съ Кошелевымъ лично не знакомъ (2 декабря 1852 года): „Безъ вся-

*) На съѣздѣ 1856 года присутствовали Хомяковъ, Самаринъ, гр. Д. Н. Толстой (тогда рязанскій губернаторъ), Мосоловъ, П. Ал. Соколовъ, Петровскій, Я. И. Сабуровъ, Жихаревъ, проф. Ершовъ и другіе хозяева.

**) Алек. Ив. сильно хлопоталъ о возможности для Петровскаго заняться усовершенствованіемъ устроенной имъ жатвенной машины и въ видѣ поощренія купилъ у него за 7.000 р. все его механическое заведеніе. По рекомендаціи Кошелева, механическое заведеніе Петровскаго въ 1854 году принято было подъ особое покровительство Московскаго Общества сельскаго хозяйства и признано практическимъ отдѣленіемъ Земледѣльческой школы. Но когда въ 1853 г. появилось объ этой машинѣ объявленіе машинистовъ бр. Бутеновъ, гдѣ достоинства ея были чересчуръ преувеличены, Алек. Ив. помѣстилъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ заявленіе, напечатанное въ „Трудахъ Импер. Вольнаго Экономическаго Общества“, гдѣ онъ обращалъ вниманіе на то, что достоинства машинъ Петровскаго достаточно и точно еще не опредѣлены. Машина Петровскаго не удалась. Въ 1857 году Петровскій умеръ и его механическое заведеніе, вмѣстѣ съ учениками, переведено было на хуторъ Общества въ Петровскомъ-Разумовскомъ.

каго преувеличенія и лести надо сознаться, что ваша метода оказывается для насъ полезнѣе всѣхъ правительственныхъ комиссій и посылокъ, представляя точное описаніе видѣннаго вами по части земледѣлія и примѣнимаго къ нашимъ хозяйствамъ, чего мы напрасно ожидали отъ кого бы то ни было бывшаго на выставкѣ и чего, къ несчастію, не представили намъ ни комиссіи правительства, ни машинисты. По моему мнѣнію, выборъ приведенныхъ вами и столь удачно выбранныхъ англійскихъ орудій долженъ составить эпоху въ нашихъ хозяйствахъ и подвинуть ихъ до непредѣльно-важныхъ результатовъ, если только наши московскіе машинисты будутъ добросовѣстно намъ ихъ дѣлать и столь же добросовѣстно за нихъ брать“ *). Труды эти не остались безъ вознагражденія. 14 апрѣля 1852 г., по докладу министра государственныхъ имуществъ, членамъ Лебедянскаго сельскохозяйственнаго Общества объявлено было высочайшее благоволеніе за полезные труды по изданію „Записокъ“ и вообще по улучшенію разныхъ отраслей сельскаго хозяйства. Само же Общество, въ засѣданіи 16 сентября 1852 г., присудило Ал. Ив. золотую медаль. Такая же медаль присуждена была ему въ засѣданіи 20 декабря 1852 г. Московскаго Общества сельскаго хозяйства. Вслѣдъ затѣмъ Ал. Иван. былъ избранъ дѣйствительнымъ членомъ въ засѣданіяхъ: 12 декабря 1853 г.—Вольнаго Экономическаго Общества, 20 декабря 1854 г.—комитета лѣсоводства, состоящаго при Моск. Общ. сел. хоз., 27 апрѣля 1856 г.—комитета льняной промышленности, учрежденнаго при томъ же Обществѣ, 12 февраля 1857 г.—комитета акклиматизаціи растеній при томъ же Обществѣ. Въ 1854 г. Ал. Ив. совѣтомъ Московскаго Общества сельскаго хозяйства избранъ былъ начальникомъ V отдѣленія Общества (по скотоводству) и оставался въ этомъ званіи до 1858 года. Кромѣ того 20 мая 1853 г. Ал. Ив. былъ приглашенъ въ члены комиссіи экспертовъ по части земледѣль-

---

*) Жена Махъ-Кормика выписана была нѣсколько ранѣе (осенью 1851 года) изъ Вѣны Южнорусскимъ Обществомъ сельскаго хозяйства и испытана однимъ изъ членовъ его г. Иснаркомъ въ Одессѣ („Записки Одесскаго Общ. сел. хоз.“ 1851, кн. VI), но опыты эти, не повторившіеся болѣе, не дали никакого опредѣленнаго результата и потому не содѣйствовали распространенію свѣдѣній о жатвенныхъ машинахъ въ средѣ сельскихъ хозяевъ даже своей мѣстности. Доказательствомъ служитъ приведенное въ текстѣ письмо Савельева, который въ 1852 г., въ письмѣ къ Кошелеву, дѣлаетъ опросъ о Махъ-Кормиковой машинѣ, какъ объ орудіи, сдѣланшемся ему извѣстнымъ впервые по статьѣ Кошелева.

ческих машинъ и орудій комитетомъ устройства въ Москвѣ выставки мануфактурныхъ издѣлій въ 1853 году.

Къ сожалѣнію, сравнительно блестящее положеніе Лебедянскаго сельскохозяйственнаго Общества скоро окончилось. Еще 25 сентября 1858 г. Шишковъ писалъ Кошелеву: „засѣданія наши изъ рукъ вонъ пусты, одни только члены совѣта, и на ярмаркѣ почти никого не было,—она видимо упадаетъ каждый годъ. Поэтому и „Записки“ наши должны быть все тоньше и тоньше и пустѣе. Но, въ виду большой необходимости сельскихъ обществъ послѣ освобожденія крестьянъ, совѣтъ Лебедянскаго Общества тогда же рѣшился отнестись ко всѣмъ губернскимъ предводителямъ, не найдутъ ли они полезнымъ открытіе сельскихъ обществъ въ каждомъ губернскомъ городѣ“. Въ 1859 году Шишковъ жаловался, что для „Записокъ“ нѣтъ вовсе статей, и хотѣлъ присланныя къ нему статьи, какъ это дѣлало Юрьевское Общество, передавать въ „Московский Журналъ сельскаго хозяйства“. Въ 1865 г. открыто было Общество сельскаго хозяйства въ Рязани и къ нему присоединилось Лебедянское, прекративъ самостоятельное свое существованіе.

Ал. Ив. и живя въ Москвѣ собиралъ сельскихъ хозяевъ для переговоровъ. Въ „Дневникѣ“ его записано: „Въ среду 14 марта (1851 г.) было у меня сельско-хозяйственное совѣщаніе, въ немъ участвовали: Шишковъ, Майеръ, Желѣзновъ, Анненковъ, Свербеевъ, Нарышкинъ, кн. Черкасскій, кн. Евг. и Влад. Львовы. Предметомъ разсужденія были: навозъ, сѣялки, посѣвъ пшеницы и крыши. Засѣданіе началось въ 8³/₄ и кончилось въ 12¹/₂ часовъ и было интересно въ высшей степени,—всѣ остались довольны. Болтовни не было и много дѣльнаго было сказано. Майеръ очень хвалилъ черепичныя крыши и заявилъ, что у него производство черепицы очень значительно“. Объ этомъ засѣданіи Ал. Ив. помѣстилъ отчетъ въ „Запискахъ Лебедянскаго Общества сел. хоз.“ (1851 года, 91—119). Вообще, послѣ возвращенія съ выставки, до занятія „Бесѣдою“ Ал. Ив. занимался хозяйствомъ съ тѣмъ увлеченіемъ, которое составляло одну изъ главныхъ чертъ его характера.

30 августа 1854 года Кошелевъ писалъ кн. Черкасскому: „Я все лѣто совершенно ничего не читалъ и не писалъ, а весь погружался въ хозяйство. Ранѣе я такъ усердно не занимался хозяйствомъ, какъ въ нынѣшнемъ году, и много, очень много сдѣлалъ добраго. Да чѣмъ было и заниматься? Въ видѣ эпитиміи на-

лагалъ на себя чтеніе газетъ; но едва силъ хватало на одинъ номеръ, и скорѣе бѣжалъ въ поле. — Да, молебень въ Св. Софіи придется отслужить въ иное время“. Въ то же время у Кошелева шла самая оживленная переписка съ Шишковымъ.

Кромѣ этихъ практическихъ занятій по сельскому хозяйству, Ал. Ив. слѣдилъ за сельскохозяйственной литературой и пробовалъ самъ принять въ ней участіе. Лебедянское Общество сельскаго хозяйства, на основаніи 26 § устава, съ самаго перваго года своего существованія (1847 г.), предложило цѣлый рядъ весьма важныхъ вопросовъ по полеводству, скотоводству, домоводству и лѣсоводству и ежегодно ихъ пополняло. Въ Общество поступали отвѣты отъ членовъ и постороннихъ лицъ, прочитываемые и обсуждаемые въ засѣданіяхъ Общества и печатавшіеся въ „Запискахъ“, въ видѣ приложений къ засѣданіямъ. Алек. Ив. принималъ личное участіе въ разрѣшеніи поставленныхъ вопросовъ. Но изъ всѣхъ письменныхъ отвѣтовъ напечатанъ одинъ, на безобидный вопросъ, поставленный въ 1851 г., какія сѣялки у насъ вошедшія въ употребленіе болѣе другихъ удовлетворяютъ требованію. Ал. Ив. отдалъ преимущество, введенной Н. П. Шишковымъ и получившей въ 1854 году золотую медаль отъ Московскаго Общества, сѣялку Гринвицкаго, которая дѣйствительно въ то время была лучшею и теперь имѣетъ значеніе для посѣва кормовыхъ травъ, хотя въ настоящее время употребляются усовершенствованныя сѣялки другаго типа („Зап.“ 1854 г., 170—173). Другіе вопросы, на которые сохранились отвѣты, не пропущенные цензурою, но, по словамъ самого Ал. Ив., встрѣченные одобреніемъ со стороны Общества, были слѣдующіе:

1-й: Сдѣланъ ли вѣрный учетъ стоимости самому хозяину на мѣсть каждаго хлѣба?

2-й: Какое количество земли можетъ обработать одно тягло, какъ на себя, такъ и на помѣщика, безъ отягощенія и при какихъ именно обстоятельствахъ мѣстности?

Эти два вопроса, говоритъ Ал. Ив., нѣсколько расшевелили спокойную толпу нашихъ помѣщиковъ, и, несмотря на всю важность современныхъ событій, сдѣланы были попытки если не къ разрѣшенію, то по крайней мѣрѣ къ обсужденію предметовъ, указанныхъ Лебедянскимъ Обществомъ. Конечно, во всѣхъ статьяхъ ограничивались поверхностнымъ разсмотрѣніемъ затрудненій, представляе-

мыхъ дѣломъ, а потому обвиняли то, что не должно было винить, и требовали того, чего не слѣдовало и желать. Отвѣтъ Ал. Ив. имѣлъ совсѣмъ иной характеръ. Кошелевъ обратился къ анализу самыхъ элементовъ производства при крѣпостномъ правѣ и доказалъ, что вопросы эти при его существованіи неразрѣшимы. На первый вопросъ Кошелевъ отвѣчаетъ: можно опредѣлить цѣнность хлѣба тогда, когда условія, при коихъ оный производится, утверждены разумомъ, когда для обработки полей необходимо взаимное добровольное соглашеніе между владѣльцемъ и работникомъ и когда при продажѣ хлѣба могутъ быть барыши и убытки. Теперь толковать о томъ, во что обходится хозяину обработка земли, есть дѣтская игра: помѣщики продаютъ хлѣба за то, что даютъ; что же касается до издержекъ производства, т.-е. матеріала и работы, то употребляется все свое, ничего помѣщику не стоящее и потому и въ цѣну не владется.— Относительно втораго вопроса Кошелевъ не считаетъ нужнымъ разсматривать, сколько земли можетъ обработать тягло для себя, потому что это зависитъ отъ воли каждаго; а другую половину, относительно помѣщика, Кошелевъ формулируетъ слѣдующимъ образомъ: сколько земли долженъ получить всякій тяглець отъ своего помѣщика, чтобы безъ отягощенія обрабатывать помѣщичью землю, и сколько сей послѣдней можетъ быть на тягло? Отвѣтъ Ал. Иван. на этотъ вопросъ мы помѣстили въ началѣ главы. Кромѣ этихъ отвѣтовъ, сохранились разные приготовленные отвѣты на статьи, помѣщенные въ сельскохозяйственныхъ изданіяхъ: на статью г. Поздюнина, подъ либеральными формами очень притѣснительную для крестьянъ: „о единицѣ хозяйственныхъ счетовъ“ въ журналѣ Московскаго Общества сельскаго хозяйства (1847 года, № 6, стр. 239—248); на статью г. Козлова въ „Земледѣльческой Газетѣ“ за 1847 годъ, гдѣ изложены отвѣты на вышеприведенные вопросы Лебедянскаго Общества (1848 года № 20 и прод.), и статьи написанныя Александромъ Ивановичемъ по собственному почину. *Всѣ они цензурою не пропущены.* Это оттого, что точка зрѣнія, усвоенная себѣ Ал. Ив., была для того времени незаконною и нетерпимою. Что это за точка зрѣнія, видно изъ слѣдующаго начала статьи, озаглавленной „о сельскомъ благоустройствѣ“:

„Одно изъ важнѣйшихъ дѣлъ нашего хозяйства есть, конечно, сельское благоустройство. Съ крестьянами разоренными, распу-

ценными, не имѣющими доброй нравственности, впавшими въ лѣность или отчаяніе—помѣщику почти дѣлать нечего. Не говорю, что совѣсть налагаетъ на насъ обязанность заботиться о благосостояніи крестьянъ, но самыя выгоды наши требуютъ, чтобы мы пеклись о приведеніи ихъ въ возможно-лучшее положеніе. Если мы будемъ хлопотать объ однихъ вещественныхъ улучшеніяхъ, объ умноженіи туковъ, объ усовершенствованіи машинъ, объ облагораживаніи породъ скота, то очень легко можетъ случиться, что наше хозяйство споткнется въ главномъ—въ важнѣйшемъ. Какъ много разорилось людей, слывшихъ знатоками сельскаго хозяйства и, по видимому, занимавшихъ своими дѣлами весьма усердно! Когда мнѣ хвалятъ чье-либо хозяйство, всегда первый мой вопросъ: а въ какомъ положеніи его крестьяне? Къ несчастью, рѣдко получался желаемый отвѣтъ, а еще рѣже дѣйствительность подтверждаетъ слова отвѣта“.

Отвѣтную статью свою Поздюнину Ал. Ив. начинаетъ такую характеристикой „Московского Журнала“: „Получаю я много журналовъ и потому какъ будто совѣстно не выписывать журнала издаваемого Московскимъ Обществомъ сельскаго хозяйства. Было время, что онъ приносилъ намъ, хозяевамъ, много пользы; онъ оживлялъ нашу сельскую дѣятельность и распространялъ между нами полезныя свѣдѣнія; но съ нѣкотораго времени сей журналъ совершенно упалъ. Въ теченіе истекшаго года не было въ немъ помѣщено ни одной истинно интересной статьи; протоколы, оффиціальныя рѣчи и письма, свѣдѣнія о шерстяныхъ ярмаркахъ, переводы изъ иностранныхъ книгъ—вотъ все, или почти все, чѣмъ угощали насъ нынѣшніе издатели сего журнала. Статьи пусты, книжки тонки, но хуже всего нынѣшній духъ сего изданія. Люди идутъ впередъ, мысли развиваются, вопросы умножаются, а журналъ сельскаго хозяйства и овцеводства остается все при прежнемъ: толкуетъ о навозѣ, шерсти, свеклѣ и тому подобныхъ вещественныхъ предметахъ, не обращаетъ никакого вниманія на то, что нынѣ по сельскому хозяйству возникли другіе вопросы, разрѣшеніе коихъ несравненно важнѣе всѣхъ туковъ и улучшенныхъ орудій. Нельзя не сказать спасибо прежнему издателю сего журнала г. Маслову за его статьи „о всенародномъ распространеніи грамотности въ Россіи“; изъ современныхъ вопросовъ этотъ одинъ, по милости его, проявился въ упомянутомъ изданіи“.

зрѣнія,—попеченія о крестьянахъ и неумолимаго судьи надъ всѣми соображеніями, гдѣ эта главная цѣль была опущена изъ виду,— Ал. Ив. извѣстенъ былъ среди членовъ Московскаго Общества. Непремѣнный секретарь Московскаго Общества, С. А. Масловъ, препровождая къ Ал. Ив. (26-го ноября 1851 г.) статью Волкова „объ урочныхъ работахъ“ (напечатанную въ № 1 „Журн. Моск. Общ. Сел. Хоз.“ за 1852 годъ, 1—38), которую цензура не пропустила, безъ оговорки, поставленной въ видѣ предисловія Масловымъ, писалъ между прочимъ: „Невозможнаго не требуютъ сложныхъ отношеніяхъ помѣщика къ крестьянамъ. Дѣло въ томъ, чтобы порядкомъ работъ достигнуть того же, чего и вы желаете по вашему положенію имѣній; но это положеніе въ Псковской и Тульской губерніяхъ совершенно различно. Тамъ всѣ поля завалены камнями, а у васъ черноземъ и пр. и пр. Препровождая къ вамъ статью Волкова и мое предисловіе, я увѣренъ, что вы не будете требовать болѣе, нежели сколько можно отъ Общества при заключеніи о трудѣ добронамѣренномъ нашего сочлена“. Отвѣтъ Кошелева напечатанъ въ № 2 за 1852 г. (105—120). Отдавая справедливость попыткѣ г. Волкова замѣнить урочнымъ положеніемъ произволъ помѣщика въ требованіи работъ отъ крестьянъ, Ал. Ив. указываетъ на невозможность составить такое положеніе въ видѣ постояннаго и непремѣннаго правила. „Не одна почва, не одніи силы людей и животныхъ разнообразяютъ до чрезвычайности уроки земледѣльческихъ работъ,—самая погода, засуха болѣе или менѣе продолжительная, сырость, глубже или мелче проникнувшая землю и пр.—значительно облегчаютъ или отягчаютъ работу земледѣльца. Живя въ моихъ имѣніяхъ 15 лѣтъ почти постоянно и управляя лично своимъ хозяйствомъ, я также составлялъ урочныя положенія, но постоянно убѣждался, что сколько урочное положеніе необходимо, какъ предметъ для соображеній распорядителя, столько оно и невозможно, какъ непремѣнное правило для исполненія. Оттого Алек. Ив. приходитъ въ заключенію, что всякое урочное положеніе безъ личности *его умѣряющей и исправляющей* есть чистая тиранія, состояніе худшее чѣмъ отсутствіе всякаго урочнаго положенія“. Но Ал. Ив. считаетъ собраніе свѣдѣній объ урочныхъ положеніяхъ изъ разныхъ мѣстностей дѣломъ весьма полезнымъ, во первыхъ, въ статистическомъ отношеніи, а вовторыхъ—для начертанія по губерніямъ или по

разнымъ краямъ Россіи руководство къ составленію въ каждомъ мѣстѣ урочнаго положенія, которое въ свою очередь должно служить лишь *руководствомъ* для помѣщика и для бурмистра въ назначеніи работъ.

Въ 1853 году происходила переписка между Ал. Ив. и Ладженскимъ, опытнымъ хозяиномъ, задавшимся, какъ видно, вопросомъ, какимъ образомъ совершенному произволу между помѣщикомъ и крестьяниномъ въ крѣпостномъ правѣ придать сколько-нибудь справедливое основаніе или по крайней мѣрѣ подвергнуть экономическому разсчету. Въ „Журналѣ Сельскаго Хозяйства“, изд. Имп. Моск. Общ. сел. хоз. за 1857 годъ, напечатана эта запоздавшая по цензурнымъ условіямъ переписка (№ 2: Е. Ладженскій—„Взглядъ на отношеніе рабочаго къ владѣльцу въ земледѣльческомъ хозяйствѣ“, замѣтка Кошелева и обмѣнъ замѣтками тѣхъ же лицъ). Ладженскій въ статьѣ своей цифровыми данными доказываетъ, что доходъ, получаемый помѣщикомъ, несравненно выше съ барщиннаго крестьянина, нежели съ оброчнаго, и потому выводитъ, что самый выгодный способъ хозяйничанья есть барщина, при разумномъ и справедливомъ урочномъ положеніи и при предоставленной крестьянамъ возможности откупаться отъ барщины постановкою вмѣсто себя другаго работника. Кошелевъ находитъ разсчеты Ладженскаго преувеличенными и вообще считаетъ доходъ барщинника почти равнымъ доходу доставляемому оброчникомъ.

А между тѣмъ, пока Алекс. Иван. увлекался сельскимъ хозяйствомъ, общественное положеніе было крайне тяжелое. Общество, отвыкнувши думать, перестало и чувствовать: война не возбуждала въ немъ патріотическихъ порывовъ, къ ней относились съ тупымъ равнодушіемъ и привычною апатіею. „Высадка союзниковъ въ Крымъ въ 1854 году, послѣдовавшія затѣмъ сраженія при Альмѣ и Инкерманѣ и обложеніе Севастополя насъ не слишкомъ огорчили, ибо мы были убѣждены, что даже пораженія Россіи сносили и даже для нея и полезныя того положенія, въ которомъ она находилась въ послѣднее время. Общественное и даже народное настроеніе, хотя отчасти безсознательное, было въ томъ же родѣ. Не могу здѣсь не сказать нѣсколькихъ словъ объ объявленномъ въ 1854 году *ополченіи*. Несмотря на то, что войны противъ мусульманъ за единовѣрцевъ и единоплеменниковъ всегда встрѣчали въ Россіи народное сочувствіе,

манифестъ объ ополченіи принятъ былъ всѣми сословіями не только холодно, но даже съ тяжелымъ чувствомъ. Какъ наборы рекрутовъ всегда возбуждали вой и плачь, такъ и ополченцевъ провожали— какъ будто они отправлялись на тотъ свѣтъ; не видно было въ народѣ никакого одушевленія, хотя дѣло уже шло о защитѣ своей земли. Въ дворянскихъ собраніяхъ замѣтно было то же: шли въ ополченіе только тѣ дворяне, которые съ приличіемъ не могли отъ того уклониться; а кого освобождали лѣта, здоровье или особенныя семейныя обстоятельства, тѣ, съ едва скрываемою радостью, отказывались отъ чести и долга защищать свое отечество“ („Записки Кошелева“, стр. 81—82).

Но за то памятно всѣмъ, какимъ свѣжимъ воздухомъ повѣяло тотчасъ послѣ заключенія мира. Все встрепенулось, мысль проснулась, гласность понемногу стала вскрывать и испѣлять общественныя недуги, правительство выходило на путь великихъ реформъ, прославившихъ прежнее царствованіе. Въ концѣ 1856 г. Алекс. Иван. записалъ въ своемъ „Дневникѣ“: „Бывало страшно и подумать о нуждахъ Россіи: взадъ темно, впередъ темно; вправо, влѣво— все то же. Теперь еще конечно много, очень много грустнаго, тяжелаго на душѣ, но отъ мрачнаго берега мы отвалили, все въ движеніи и у руля сталъ государь добрый, благонамѣренный и сердцемъ и умомъ сознающій потребности человѣческія. Онъ, конечно, не богатырь, перетаскивающій ладью на своихъ плечахъ, онъ не прожъ, останавливающій солнце, онъ не силачъ, не нуждающійся въ чьей-либо помощи; но мы живемъ въ такія времена, когда единичный голось пророка замѣненъ голосомъ всѣхъ, когда силы богатырей ничто передъ мощью массъ, когда умъ одного безсиленъ передъ умомъ народнымъ и когда лишь въ добромъ согласіи, въ общемъ совѣтѣ, при общемъ содѣйствіи силенъ каждый и въ особенности силенъ правитель. Слава Богу, отрадная звѣзда взошла на нашемъ горизонтѣ; дай Богъ чтобы скорѣе разсѣялись облака, отъ времени до времени скрывающія ея яркое сіяніе“.

Въ концѣ 1854 года, еще при жизни императора Николая, Ал. Иван. составилъ записку „о финансовыхъ средствахъ Россіи къ продолженію борьбы съ Турціей и Европой“; 9 мая онъ отправилъ эту записку новому императору. Въ запискѣ этой Кошелевъ исходитъ изъ той мысли, что въ тогдашней войнѣ, какъ во всякой другой, побѣдитъ тотъ, чьи денежные средства долше

вытерпятъ. Это заставило его взглянуть пристальнѣе, въ какомъ положеніи представлялось тогда финансовое положеніе Россіи, имѣя въ виду, что по случаю войны предстоить чрезвычайныхъ издержекъ отъ 100 до 150 милліоновъ въ годъ. Съ этой точки зрѣнія онъ разсматриваетъ всѣ наши финансовыя ресурсы: „Усиленіе налоговъ представляется невозможнымъ потому, что хотя цифра ихъ сама по себѣ не велика, но она значительна потому, что наши въ обращеніи находящіяся богатства и нами добытыя нельзя не назвать крайне ограниченными. Съ крестьянъ ничего болѣе взять нельзя; въ таможенныхъ доходахъ и безъ того въ то время существовала недовыручка; питейный сборъ доведенъ и безъ того до размѣровъ чрезвычайныхъ и притомъ основанъ на контрактахъ и потому не можетъ быть увеличенъ; расходъ на соль ложится преимущественно на низшій классъ и имѣетъ самое вредное вліяніе на общественное здоровье и земледѣіе; прочіе налоги наши такъ незначительны, что удвоеніе ихъ не дастъ и десяти милліоновъ рублей. Опытъ доказалъ, какъ тягостенъ внѣшній заемъ въ настоящихъ обстоятельствахъ,—онъ едва состоялся лѣтомъ 1854 года. Слѣд. мы можемъ сдѣлать только заемъ внутренній. Капиталы, которыми мы располагаемъ, всѣ сосредоточены въ правительственныхъ кредитныхъ учрежденіяхъ и ихъ мало въ частныхъ рукахъ, что и служитъ главною задержкой частной предпримчивости. Заемъ внутренній извлечетъ послѣднія деньги изъ народа, и сверхъ того онъ не доставитъ казнѣ денегъ въ дѣйствительности, ибо мы должны будемъ взять ихъ изъ банковъ, которые имѣютъ незначительные наличные фонды и которымъ казна должна огромныя суммы; слѣд. она должна будетъ возвратитъ кредитнымъ учрежденіямъ то, что она получитъ отъ частныхъ лицъ. Выпускъ билетовъ казначейства (серій), несмотря на общее къ нимъ расположеніе, также не представляетъ удобствъ. Сумма обращающихся уже въ народѣ серій (75 мил. сер.), при теперешнемъ застоѣ промышленности, не дозволяетъ дальнѣйшаго значительнаго выпуска, который едва ли разойдется. Кромѣ того, для приобрѣтенія этихъ билетовъ, усилятся выемки изъ банковъ, уменьшатся вклады въ это учрежденіе, и барышъ будетъ только для частныхъ лицъ, которыя, вмѣсто 4% въ годъ, получаютъ $4\frac{83}{100}$. Выпускъ билетовъ подъ залогъ государственныхъ имуществъ для внутренняго займа не имѣетъ значенія, такъ какъ финансовое довѣріе къ правитель-

ству не поколеблено; и въ такой мѣрѣ всякій русскій увидѣлъ бы лишь грустный признакъ затруднительности положенія. Конечно, нашъ размѣнный фондъ значителенъ, и онъ можетъ снести выпускъ новыхъ кредитныхъ билетовъ на 50, на 100, даже можетъ быть на 200 милліоновъ руб. Но подобный выпускъ не истощитъ ли возможность дальнѣйшихъ выпусковъ? Выпускъ такой значительный, произведенный въ теченіе одного или полутора года, не уронитъ ли ихъ цѣнности? Не наводнитъ ли онъ государство капиталами, которые тотчасъ не найдутъ себѣ дѣятельнаго помѣщенія и поступятъ въ кредитныя учрежденія? Не страшна ли уже и безъ того цифра вкладовъ въ наши банки? Даже теперь, при остановкѣ денежныхъ оборотовъ, не чувствуется ли уже излишекъ въ кредитныхъ билетахъ? Звонкая монета исчезла изъ обращенія; полумперіалы вымѣниваются въ Москвѣ по 5 р. 25 к., а въ Варшавѣ цѣна на нихъ 5 р. 35 и даже 38 к.; требованія размѣна билетовъ на золото, какъ слышно, усиливаются. Слѣдовательно, обыкновенными ресурсами предстоящіе военные расходы не покрываются⁴. Къ числу чрезвычайныхъ прежде всего относятся пожертвованія. Кошелевъ разсчитываетъ, что за дворянствомъ числится до 10.000.000 душъ, т.-е. до 4.000.000 тяголъ, что даетъ доходу, полагая доходъ съ тягла 15 до 25 руб., собственно съ дворянскихъ имѣній, до 80.000.000 руб., а за вычетомъ долга опекунскому совѣту,—до 30.000.000. Если дворянство пожертвуетъ 10% своего дохода, то это составитъ никакъ не болѣе 5.000.000. Допустимъ, что купечество пожертвуетъ около той же суммы,—всего вмѣстѣ 10.000.000. Допустимъ почти невозможное, что эта сумма удвоится,—что уже будетъ крайній, разорительный предѣлъ возможности жертвовать,—сумма эта, все-таки, въ сравненіи съ потребностями войны недостаточна. „Пусть царь созоветъ въ Москву, какъ настоящій центръ Россіи, выборныхъ отъ всей земли русской—и мы всѣ готовы пожертвовать собою и всѣмъ своимъ достояніемъ для спасенія отечества. Выборные изыщутъ средства въ добытїю денегъ для войны; они опредѣлятъ извѣстный сборъ съ деревень, съ заводовъ, съ фабрикъ, съ капиталовъ и съ другихъ имуществъ для составленія суммы—не той, которую они предоставятъ въ распоряженіе правительства и которая не можетъ быть значительною, но которая будетъ служить только для уплаты процентовъ, съ погашеніемъ, на билеты, имѣющіе быть выпущенными на основаніи

сего пожертвованія. Положимъ, выборные опредѣлятъ ежегодный взносъ только въ 6.000.000 р. сер., то эта сумма изъ разсчета 6% дастъ уже возможность выпуска билетовъ такого новаго, можно сказать народнаго, займа въ 100.000.000 сер. 6%-ный сборъ дастъ возможность погасить этотъ сборъ въ теченіе 36 лѣтъ, причемъ, по мѣрѣ развитія нашихъ производительныхъ силъ, будетъ все менѣе и менѣе обременительнымъ“. Преимущество такого способа Кошелевъ доказывалъ слѣдующимъ образомъ: „Попытайтесь указомъ установить налогъ съ доходовъ, и вы увидите, что онъ доставитъ казнѣ еще менѣе денегъ, чѣмъ сколько ей доставили пожертвованія даже въ настоящемъ видѣ. Переложите его даже на имущество, и вы въ десять лѣтъ не опредѣлите цѣнность имущества, или разверстаете его такъ, что одинъ будетъ платить мало, а другой несоразмѣрно много, и вы какъ разъ установите премию въ пользу обмана и налогъ на честность и усердіе къ отечеству. Чтобъ этотъ налогъ былъ производителенъ, надобно, чтобъ онъ доставлялся по собственному личному убѣжденію въ необходимости и пользѣ этого взноса, и чтобы клеймо стыда налагалось общимъ мнѣніемъ не уклоняющихся отъ этой повинности“. Затѣмъ Кошелевъ указываетъ на главный недостатокъ нашей финансовой системы, тогда дѣйствительно существовавшей, но теперь до нѣкоторой степени устраненной, на тайну соблюдавшуюся во всѣхъ финансовыхъ операціяхъ, подрывавшую довѣренность къ правительству. Возраженія, представляющіяся противъ этого проекта, Кошелевъ старается устранить слѣдующимъ образомъ: „Опасности отъ созыва выборныхъ для правительства не можетъ быть никакой, такъ какъ мы любимъ власть, вѣримъ ей и убѣждены въ томъ, что она должна быть сильна, чтобы быть благотворною; и сопротивленіе власти, потребность ее ограничить—такъ же чужды русскаго народа, какъ и самого православія, составляющаго сущность всего нашего быта. Созывъ, избраніе и пріѣздъ выборныхъ въ Москву потребуетъ не болѣе двухъ - трехъ мѣсяцевъ. Одинъ манифестъ объ этомъ созывѣ уже произведетъ большое одушевленіе въ Россіи и ея войскахъ. Такое созваніе произведетъ и на Европу дѣйствіе весьма сильное. Европейскіе дипломаты убѣдятся, что они имѣютъ дѣло не съ однимъ Петербургскимъ кабинетомъ, а со всѣмъ народомъ русскимъ; а тамъ знаютъ, что такое войны противъ народовъ. Опредѣленіе цѣнности имущества не затруднитъ выборныхъ.

Конечно, опредѣленіе цѣнности имуществъ въ Россіи крайне затруднительно для правительства, дѣйствующаго за померами, на бумагѣ и чрезъ чиновниковъ; но теперь, когда всѣ трепещутъ за честь, безопасность и судьбу Россіи, и когда всѣ пламенно желаютъ помочь царю въ предстоящей борьбѣ съ Европой, то и это, конечно, трудное дѣло окажется не только возможнымъ, но даже и менѣе многосложнымъ, чѣмъ вообще полагаютъ. Съ помощью нѣкоторыхъ статистическихъ данныхъ, имѣющихся въ министерствахъ финансовъ и внутреннихъ дѣлъ, и свѣдѣній, которыя доставятъ сами выборные, это опредѣленіе цѣнности имуществъ легко можетъ быть составлено. На первый разъ оно будетъ несовершенно, впоследствии оно можетъ быть исправлено самими выборными на мѣстахъ; но главное дѣло уже будетъ сдѣлано. Загроможденіе рынка выпущенными билетами произойдетъ несомнѣнно; но, во-первыхъ, тѣмъ или другимъ способомъ оно неизбѣжно; а во вторыхъ, выпускъ такихъ билетовъ, вмѣсто соответственнаго выпуска простокредитныхъ билетовъ, несравненно менѣе подѣйствуетъ на денежный рынокъ, потому что эти билеты, главнымъ образомъ, представляютъ помѣщеніе для капитала (стоячій капиталъ) и только часть ихъ, подобно серіямъ, поступитъ въ непосредственное денежное обращеніе“.

Въ концѣ іюня Кошелевъ, въ деревнѣ, чрезъ становаго пристава получилъ извѣщеніе, что его „всеподданнѣйшее прошеніе“ съ запискою чрезъ комиссію прошеній препровождено по принадлежности къ министру финансовъ.

Ал. Иван. указываетъ на эту записку какъ на доказательство, что мысль о созывѣ общей думы, о чемъ онъ постоянно писалъ, какъ мы видѣли, въ дальнѣйшихъ своихъ „Запискахъ“, была въ немъ не результатомъ внезапнаго вдохновенія, но результатомъ многолѣтняго размышленія и изученія нашего быта (Приложеніе XI).

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Издательская дѣятельность Александра Ивановича. — „Русская Бесѣда“. — Путешествіе по австрійскимъ славянскимъ землямъ въ 1857 году. — Главные вопросы поднятые „Рус. Бесѣдой“ и въ особенности вопросъ о сельской общинѣ. — Изданіе „Молвы“ и „Паруса“.

Мы уже видѣли, что сборники статей славянофиловъ, выпущенные подъ редакціей Панова, не представляли сколько-нибудь

удовлетворительнаго изложенія ихъ ученія: статьи, принадлежавшія К. С. Аксакову и Ю. О. Самарину, были критическаго содержанія, Кирѣевскіе и Кошелевъ вовсе не участвовали, только двѣ статьи Хомякова („Мнѣніе русскихъ объ иностранцахъ“ и „О возможности русской художественной школы“) служили отдаленнымъ и отрывочнымъ отголоскомъ ученія кружка. „Зимой 185½ года,— пишетъ Ал. Иван. въ своихъ „Запискахъ“,—мы сговорились издать общими силами сборникъ, въ которомъ предполагали хотя отчасти высказать наши мнѣнія по разнымъ вопросамъ и который мы хотѣли выпустить въ четырехъ книгахъ. Высказали мы свои мнѣнія весьма скромно“ (стр. 80—81). Редакторомъ этого сборника самъ Кошелевъ называетъ И. С. Аксакова, но, безъ всякаго сомнѣнія, неофициальную организацію изданія принялъ на себя А. И. Кошелевъ; важность участія его въ редакторскомъ дѣлѣ выяснилась, какъ сейчасъ увидимъ, его дѣятельностью при изданіи „Бесѣды“. По крайней мѣрѣ, въ одномъ изъ писемъ Хомякова къ Алекс. Ивановичу, имѣющемъ дѣловой и пятиминный характеръ, между прочимъ есть вопросъ такого рода: „что *твоей* Сборникъ?“—относящійся очевидно къ „Московскому Сборнику“, изданному въ 1852 г. Но самымъ убѣдительнымъ доказательствомъ служить то, что складъ оставшихся экземпляровъ „Московскаго Вѣстника“ 1852 г. находится у Ал. Иван., вмѣстѣ со всѣми другими изданіями, въ которыхъ онъ принималъ прямое и непосредственное участіе.

Въ этомъ „Сборникѣ“ еще участвуютъ, въ качествѣ постороннихъ сотрудниковъ, С. М. Соловьевъ, поздаѣе всѣхъ западниковъ отдѣлившійся отъ славянофиловъ, и И. Д. Бѣляевъ, при изданіи „Бесѣды“ примкнувшій къ ней въ качествѣ одного изъ постоянныхъ сотрудниковъ. Въ „Сборникѣ“ помѣщены двѣ капитальныя статьи И. В. Кирѣевскаго „О характерѣ просвѣщенной Европы и о его отношеніи къ просвѣщенію Россіи“, гдѣ намѣчены всѣ основныя тезисы славянофильскаго ученія, и К. С. Аксакова „О древнемъ бытѣ у славянъ вообще и у русскихъ въ особенности“, гдѣ Аксаковъ такъ побѣдоносно разрушилъ, возникшую въ то время, теорію родоваго быта, возвѣщенную Соловьевымъ и Кавелинымъ. Хомяковъ приготовилъ статью для второй книги въ „Сборникѣ“, а въ первой помѣстилъ только небольшое предисловіе къ „русскимъ народнымъ пѣснямъ“, доставленнымъ П. В. Кирѣевскимъ. „Хотя въ статьяхъ „Сборника“,—говоритъ Кошелевъ,—не было ничего рѣз-

каго, смѣлаго, а тѣмъ менѣе возмутительнаго, однако онѣ произвели почти переполохъ въ Петербургѣ, въ администраціи и въ тамошнихъ повременныхъ изданіяхъ. Тамъ почуяли какой-то новый высказывающійся духъ. Высшая цензура страшно взволновалась, однако не рѣшилась арестовать уже выпущенную, съ одобренія цензуры, первую книгу „Сборника“; предписано было московскому цензурному комитету препроводить въ Петербургъ всѣ статьи, представленныя для 2-й книги (стр. 81). Вторая книга „Сборника“, уже представленная въ цензуру, была запрещена, по личному объясненію, данному издателю И. С. Аксакову, не столько за то, что въ немъ сказано, сколько за то, что умолчено. вмѣстѣ съ симъ состоялось повелѣніе: всѣмъ главнымъ участникамъ „Сборника“—Аксаковымъ, Кирѣевскимъ, Хомякову, кн. Черкасскому—не иначе печатать свои статьи, какъ проведя чрезъ главное управленіе цензуры въ Петербургѣ, что равнялось запрещенію; кромѣ того всѣ они отданы подъ полицейскій надзоръ. Эти мѣры были отмѣнены въ началѣ 1856 г., при новомъ царствованіи.

Возбужденіе русской мысли вслѣдъ за окончаніемъ Крымской войны и нѣкоторое ослабленіе цензурныхъ условій естественно пробудили мысль славянофиловъ объ основаніи своего собственнаго органа.

Изъ „Записокъ“ Ал. Иван. видно, что осенью 1855 года кружокъ приступилъ къ положительнымъ переговорамъ объ изданіи журнала, „что всегда,—говорилъ Кошелевъ,—составляло нашу любимую, самую пламенную мечту. Хомяковъ, Ю. Самаринъ, К. Аксаковъ и я съѣхались въ Москву и порѣшили издавать журналъ, сперва въ видѣ четырехъ книгъ въ годъ, назвать этотъ журналъ „Русскою Бесѣдой“ и быть мнѣ его издателемъ-редакторомъ. И. В. Кирѣевскій не могъ пріѣхать въ Москву и письмомъ уполномочилъ меня дѣйствовать за него на нашихъ совѣщаніяхъ вполне неограниченно“ (стр. 84).

Мысль о журналѣ зародилась, конечно, еще съ 1847 г. (письмо Хом. къ Самар. отъ 30 мая 1847 г., „Рус. Арх.“ 1879 г., III, 327, 328) не въ одной чьей-либо головѣ, но созданіе своего органа было общею потребностью кружка. Тѣмъ не менѣе, по своей дѣлательной природѣ, больше всѣхъ хлопоталъ Кошелевъ. К. С. Аксаковъ, въ одномъ изъ коротенькихъ своихъ писемъ къ Ал. Иван., говоритъ между прочимъ: „хотя вчера благодарилъ я васъ за

„Бесѣду“ лично, но хочется еще вамъ сказать спасибо за вашу волю, за ваше постоянство, за вашу увѣренность, за вашу любовь къ общему дѣлу. Примите же мою благодарность такъ искренно и прямо, какъ она дается“. Высказывалось въ литературѣ мнѣніе, что участіе Ал. Иван. въ „Бесѣдѣ“ было больше номинальное или денежное. Максимовичъ, который въ концѣ 1857 года переѣхалъ въ Москву и около полугода помогалъ Ал. Иван. въ редактированіи „Рус. Бесѣды“, въ одномъ изъ своихъ писемъ (30 декабря 1859 г.) говоритъ Кошелеву объ его редакторской дѣятельности: „узнавъ васъ лично, я убѣдился, что вы одинъ были настоятелемъ монастыря и его строителемъ, что изъ всей христіанской братіи и честнаго собора одинъ И. С. Аксаковъ годился въ намѣстники, что безъ вашего личнаго настоятельства „Бесѣда“ не можетъ быть“. Дѣйствительно, Ал. Иван. велъ всю переписку съ сотрудниками, дѣлалъ самъ или окончательно одобрялъ всѣ редакціонныя поправки въ статьяхъ и наблюдалъ за цѣльностью и выдержкою направленія въ журналѣ. Въ письмахъ къ Кошелеву А. С. Хомякова, напечатанныхъ въ „Рус. Арх.“ за 1878 г., есть нѣсколько прямыхъ на то указаній (письмо VIII, 288—289; XV, 295—296). Хомяковъ прямо говоритъ въ одномъ мѣстѣ: „всталъ, принялся за перо и исполнилъ урокъ. То ли я писалъ и такъ ли, не знаю. Держался твоихъ наставленій, старался выразить мысль посильнѣе и въ то же время крайне умѣренно“ (стр. 295).

Какъ серьезно Ал. Иван. смотрѣлъ на редакторскія обязанности, видно изъ слѣдующаго его разъясненія, помѣщеннаго въ письмѣ къ Черкасскому (30 іюля 1856 г.). Въ отсутствіе Ал. Иван., Т. И. Филипповъ, по совѣту Черкасскаго, напечаталъ во II кн. „Бесѣды“ статью К. С. Аксакова. „Я написалъ, — говоритъ Ал. Иван., — къ Филиппову, что онъ не вправѣ былъ такъ поступить, что если еще разъ подобная вещь случится, то мы уже не будемъ съ нимъ издавать журналъ и что я не могу допустить, чтобы въ журналѣ, издаваемомъ подъ моимъ именемъ, помѣщались статьи безъ моего согласія и вѣдома. Сами же сотрудники настояли, чтобы я, а не Филипповъ, былъ предъ вами отвѣтственнымъ лицомъ, а теперь хотите, чтобы Филипповъ распоряжался. Охъ, русскіе дворяне, самоуправцы! Если членамъ „Бесѣды“ угодно помѣщать статьи, наканунѣ написанныя, то на слѣдующій годъ пусть выбираютъ новаго издателя, а я никакъ не соглашусь быть издателемъ жур-

нала, въ которомъ всѣ хотятъ хозяйничать. Избирайте себѣ другаго издателя, а я отвѣшу вамъ низкій поклонъ, да и вонъ, сотрудникъ же навсегда останусь, и несравненно охотнѣе, чѣмъ нынѣ издателемъ“. Въ особенности заботамъ объ основаніи славянофилами своего органа содѣйствовалъ успѣхъ „Современника“. Хомяковъ въ 1855 г. писалъ Кошелеву: „Рѣшительно дѣйствуете ты, любезный Кошелевъ, и можетъ-быть такъ и лучше. Молодцы западные не дремлютъ,— дремать не слѣдуетъ и намъ. Но какова слѣпота!... А едва ли насъ допустятъ къ соучастію въ журналѣ. Впрочемъ знай, что все то, что ты по этому дѣлаешь, мною напередъ уже подписано и о моемъ согласіи не безпокойся“ (стр. 286). Изъ приводимаго ниже письма Ап. Григорьева видно, что первоначально предполагалось приобрести „Москвитянинъ“ отъ Погодина; но вскорѣ оказалось, что съ послѣднимъ нельзя имѣть никакого дѣла по торговымъ расчетамъ, а главное „Москвитянинъ“ совсѣмъ упалъ въ глазахъ публики и сами славянофилы отъ него отшатнулись въ послѣднее время. Хомяковъ еще въ письмѣ отъ 23 іюня 1845 г. къ Ю. Ѳ. Самарину выражался: „всѣ отказываются отъ участія въ „Москвитянинѣ“; и этого нисколько не осуждаю: онъ дѣйствительно не заслуживаетъ поддержки“ („Рус. Арх.“ 1879 г., стр. 318).

Журналъ, повидимому, начинался при благопріятныхъ обстоятельствахъ, но тѣмъ не менѣе дѣло не обошлось безъ большихъ затрудненій.

Вообще подробности о переговорахъ по изданію „Русской Бесѣды“, какъ они выясняются изъ сохранившейся въ бумагахъ Ал. Иван. переписки, очень характерны и интересны. Въ самомъ началѣ, Ал. Иван. предпринялъ изданіе при ближайшемъ участіи Т. И. Филиппова, бывшаго тогда учителемъ одной изъ московскихъ гимназій и дававшего уроки исторіи дочери Ал. Иван. Объявленіе объ изданіи „Бесѣды“ на 1856 годъ подписано Кошелевымъ и Филипповымъ вмѣстѣ. Филиппову Ал. Иван. поручилъ хлопотать о разрѣшеніи журнала. Въ Москвѣ дѣло шло совсѣмъ удовлетворительно. Попечителемъ университета былъ въ то время Вл. Ив. Назимовъ, бывшій начальникъ штаба шестаго пѣхотнаго корпуса. Ограниченный и мало образованный, — объ его совершенномъ незнаніи ходило не мало рассказовъ въ университетѣ, — Вл. Ив. былъ вмѣстѣ съ тѣмъ человекъ самый добрый, податливый и благорасположенный (bienveillant). Назимовъ отнесся къ хода-

тайству Филиппова съ обычною своею привѣтливостью, безъ всякаго стѣсненія согласился на разрѣшеніе журнала и впослѣдствіи въ Петербургѣ поддерживалъ просьбу о томъ предъ министромъ народнаго просвѣщенія Норовымъ. Вообще Филипповъ очень былъ доволенъ ходомъ дѣла въ Москвѣ и въ особенности тѣмъ, что *митрополитъ благословилъ предпріятіе* (подчеркнуто въ подлинномъ письмѣ къ О. Ѳ. Кошелевой 19 сентября 1855 г.). Съ этими радужными надеждами Филипповъ отправился въ октябрѣ 1855 г. въ Петербургъ, гдѣ товарищъ министра народнаго просвѣщенія кн. Вяземскій, при содѣйствіи Шлетнева, совсѣмъ уже согласился на разрѣшеніе журнала, какъ пріѣхалъ самъ министр Норовъ и дѣло получило совсѣмъ другой оборотъ. Осторожный до трусости, всегда находившійся подъ чьимъ-нибудь влияніемъ и не имѣвшій опредѣленныхъ убѣжденій, Норовъ испугался, что за спиной его вучатнаго брата и прежняго пріятеля, Ал. Иваповича, стоятъ со-трудники „Московского Сборника“, уже надѣлавшаго столько переполоха и подвергшагося запрещенію. А. Н. Поповъ писалъ Кошелеву, что главная причина недоброжелательства Норова къ журналу зависитъ отъ того, что въ Москвѣ онъ видѣлся съ К. С. Аксаковымъ, который не знаю чѣмъ, но напугалъ его несказанно.

Между тѣмъ этотъ ужасный Константинъ Сергѣевичъ, при посѣщеніи Норова въ Москвѣ, произвелъ на него благопріятное впечатлѣніе. Съ особеннымъ чувствомъ радости Норовъ сказалъ Кошелеву: „я видѣлъ Аксакова. Я ожидалъ найти въ немъ если не тигра, то медвѣдя; а онъ очень вѣжливъ и даже, кажется, благодушенъ“.

Изъ письма Хомякова видно, что причиною испуга была статья Константина Сергѣевича „о родовомъ бытѣ“ (!?). Не менѣе опасеній внушалъ Норову и И. В. Кирѣевскій; на послѣдняго Норовъ съ ужасомъ жаловался Хомякову: „Кирѣевскій мнѣ писалъ, и вообразите: онъ проситъ разрѣшенія и въ то же время объявляетъ, что онъ нисколько не хочетъ измѣнить своего взгляда и образа дѣйствій и выраженій“ (стр. 290). Только уже впослѣдствіи, когда вышло нѣсколько вышекъ „Русской Бесѣды“, Ав. С. Норовъ нѣсколько измѣнилъ свое мнѣніе о старыхъ знакомыхъ. Въ Петербургѣ Норовъ встрѣтилъ уже благосклонно Ал. Иван. и сказалъ: „ничего, продолжайте какъ начали, и вы будете имѣть во мнѣ вѣрнаго защитника. Признаться, я васъ шибко боялся, — думалъ, что вы занесетесь Богъ вѣсть

куда. Нѣтъ, ничего. Вы ругаете только журналы и газеты,— это не бѣда“. Между тѣмъ, въ самомъ началѣ, когда Филипповъ явился къ Норову и доложилъ ему, что со стороны Вяземскаго препятствій къ разрѣшенію журнала не оказывается, министр сконфузился и все повторялъ: „да какъ же это! Да вотъ я ѣду въ Дерптъ, ворочусь черезъ двѣ недѣли, а безъ меня не рѣшится главное управленіе“ и т. д. Теперь и вн. Вяземскій запѣлъ уже другую пѣсню, что въ нынѣшнемъ (1855 г.) журналъ разрѣшать поздно, что сотрудники всѣ подъ запрещеніемъ и надо его предварительно снять и т. д. Между тѣмъ въ Петербургѣ Т. И. Филипповъ хлопоталъ преимущественно при помощи дамъ: Ант. Н. Блудовой, пріятельницы Хомякова, племянницы министра Л. Н. Карамзиной, которая, вмѣстѣ съ самими Блудовымъ и Тютчевымъ, принадлежала къ литературному кружку покойной императрицы, вн. С. И. Мещерской и другихъ. Такимъ путемъ Филипповъ дознавалъ, что покойная императрица, прочитавши духовныя брошюры Хомякова, оказывала къ нему благоволеніе; и вернувшись въ половинѣ октября въ Москву, Филипповъ написалъ Кошелеву письмо, гдѣ совѣтовалъ ему ѣхать хлопотать о журналѣ самому въ Петербургъ и захватить Хомякова. Ал. Иван. дѣйствительно поѣхалъ въ декабрѣ 1855 года въ Петербургъ *одинъ* и, повидавшись тамъ съ Норовымъ, вернулся въ Москву. Вслѣдъ за нимъ отправился въ Петербургъ 3 января 1856 г. и Хомяковъ. Сначала хлопоты Хомякова въ Петербургѣ подвигались довольно медленно. Вотъ одно изъ его писемъ оттуда (въ мартѣ 1856 г.): „послѣ тебя дѣло не двинулось ни на волосъ. Норовъ очень хорошъ, очень милъ — и только. Я нѣсколько подозреваю, что Дубельтъ его ставитъ въ уголъ, когда онъ зашалитъ: по крайней мѣрѣ таково мое впечатлѣніе. Вотъ положеніе, какъ я понимаю. Можетъ-быть съ насъ снимется запрещеніе, но что толку? Мы останемся подъ страшнымъ присмотромъ и малѣйшее слово живое будетъ прихвачено. Отказъ въ журналѣ или нашъ отказъ отъ журнала не значить ничего,— это насъ не срамитъ; но если насъ будутъ тщательно обезпѣчивать и лишать всякаго вкуса и содержанія, мы потеряемъ всякое значеніе въ мірѣ людей мыслящихъ и погибнемъ навсегда или по крайней мѣрѣ надолго“ („Рус. Арх.“ 1879, III, 290).

Наконецъ, „съ помощью гр. Д. Н. Блудова и нѣкоторыхъ другихъ лицъ“, удалось въ февралѣ 1855 г. снять запрещеніе съ со-

трудниковъ и получить разрѣшеніе на изданіе славянофильскаго журнала. Но, прибавляетъ Кошелевъ въ письмѣ къ кн. Черкасскому (14 февраля 1856 года), затрудненія далеко не сгладились. „Свято запрещено, но имѣется также какое-то тайное предписаніе къ наблюденію за духомъ и направлениемъ журнала, а цензурному комитету предписано при малѣйшемъ сомнѣніи представлять статьи въ главное управленіе цензуры. А потому мы рѣшились, по объявленіи о журналѣ, представить статьи въ цензуру и послѣ пропуска статей объявить о журналѣ. Дѣлать болѣе нечего, мы представляемъ статьи на этой недѣлѣ“. Наконецъ 3-го марта 1856 года въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ появилось объявленіе объ изданіи новаго журнала въ 1856 году подъ названіемъ „Русская Бесѣда“, а 28-го апрѣля вышла первая ея книжка.

Изъ множества почти ежедневныхъ записокъ К. Аксакова къ Кошелеву видно, что въ началѣ изданія веденіе журнала происходило сообща съ Кошелевымъ, Хомяковымъ и Аксаковымъ. Иногда приглашались на совѣщаніе и другія лица; такъ въ одной запискѣ Аксаковъ пишетъ: „очень жалѣю, что вамъ нельзя быть у Хомякова. Надо бы намъ втроемъ потолковать. У насъ всегда гости, отъ которыхъ я могу уѣхать, но уйти неловко. Лучше намъ съѣзжаться у Хомякова; позовите Чижова и Гилярова“. Самъ Александръ Ивановичъ смотрѣлъ всегда на „Русскую Бесѣду“ не какъ на личный органъ, а какъ на журналъ издаваемый кружкомъ: „Журналъ не мой и не вашъ,—писалъ Ал. Иван. И. С. Аксакову во время его редакторства,—а всего нашего кружка; при нашемъ развогласіи судить сходва и ея рѣшеніе обязательно для насъ обоихъ“. Изъ одной черновой Ал. Ив. видно, что журналъ издавался на паяхъ, въ коихъ 2 принадлежали Кошелеву, 1—Хомякову, 1—Ю. О. Самарину и 1—кн. Черкасскому: эти лица должны были составлять „совѣтъ редакціи“. Когда предполагалось на первый годъ изданіе журнала подъ отвѣтственною редакціей одного Т. И. Филиппова, право голоса въ этомъ совѣтѣ предполагалось предоставить И. В. Кирѣевскому, Погодину, К. С. Аксакову и А. Н. Попову. Ближайшимъ сотрудникомъ по редакціи въ первый годъ существованія „Рус. Бесѣды“ былъ, какъ я уже упомянулъ, Т. И. Филипповъ, подписавшій вмѣстѣ съ Алекс. Ивановъ объявленіе объ изданіи журнала на 1857 годъ, помѣщенное въ IV книжкѣ на 1856 годъ, но въ 1857 г. Кошелевъ разошелся съ Филипповымъ. Въ бумагахъ

Ал. Иван. не сохранилось никакой видимости о причинах размовки. Т. И. Филиповъ помѣстилъ въ первой же книжкѣ „Рус. Бесѣды“ за 1856 годъ единственную статью—разборъ драмы Островскаго „Не такъ живи, какъ хочется“ (I, 70—100), гдѣ онъ по этому поводу вообще разсматривалъ вопросъ о любви къ женщинѣ и семейномъ союзѣ. По мнѣнію г. Филипова, западный взглядъ на этотъ вопросъ воплотился въ Жоржъ-Зандѣ, которая „не испытанную страстность своей природы, влеченіямъ которой она предаваться не хотѣла, не узаконивъ ихъ, вывела его изъ здраваго понятія о правахъ личной любви, которое предлагается уставомъ христіанскаго брака“ (стр. 82). „За единственное основаніе сердечнаго союза принята любовь, какъ источникъ личнаго эгоистическаго наслажденія, а все остальное, всѣ обязанности, соединенныя съ этимъ союзомъ,—напримѣръ, хоть бы судьба дѣтей,—все это препоручалось случайному устройству, какъ нѣчто не существенное, а второстепенное. То, что въ христіанскомъ бракѣ почитается поводомъ, здѣсь стало цѣлью, и наоборотъ. Такой извращенный порядокъ мышленія имѣлъ необыкновенно разрушительныя послѣдствія: то, что прежде сдерживалось предписаніями нравственнаго закона, получило не только свободу, но какой-то призывъ на усиленное развитіе. Изящество любовнаго наслажденія, столь приманчивое для кипящаго юнаго возраста и столь опасное для его нравственной твердости, даже при тщательномъ огражденіи постановленій, вдругъ разрѣшается безусловно, даже съ поощреніемъ. Женщина, до того времени исключенная изъ позорныхъ правъ, восхищенныхъ мужчиною, получила уравненіе съ нимъ въ этихъ правахъ, и все, что отъ вѣка считалось ея украшеніемъ: стыдъ, цѣломудріе, скромность, вѣрность однажды сдѣланному выбору,—изгонялось, какъ обветшалаая принадлежность прежняго времени съ его предрасудками. Отсюда-то происходитъ это мрачное уныніе современнаго поколѣнія, ибо священнѣйшія тайны нашего бытія, источникъ нашего счастья, нагло обнажаются прежде времени, и жизнь чрезъ то теряетъ всю свою красоту; отсюда и это общее умственное, нравственное и тѣлесное разслабленіе въ наше время, признанное свидѣтельствомъ лучшихъ умовъ и оплакиваемое друзьями челоувѣческаго рода. Наслажденіе, ставъ основнымъ началомъ жизни, не можетъ воспитать ничего твердаго, сильнаго, здраваго, трезваго (это все послѣдствія воздержанія и мѣры); оно порождаетъ вялость,

лѣнь, болѣзненность, тревогу ума“ (стр. 82—83). Въ противоположность этому западному возрѣнію является возрѣніе русское, выразившееся, по мнѣнію Филиппова, въ народныхъ нашихъ пѣсняхъ. Указавъ на одну изъ этихъ пѣсенъ, гдѣ братъ отвѣчаетъ сестрѣ, обвинутой мужемъ и оскорбленной во всѣхъ своихъ правахъ, во всѣхъ самыхъ естественныхъ чувствахъ:

„Потерпи сестрица! потерпи родная!“

Т. Филипповъ такъ изображаетъ это мировозрѣніе: „Но неужели вѣкъ страдать и не ждать ниоткуда отрады? Въ чемъ же пройдетъ жизнь? Это не наше дѣло; мы не сами собой получили жизнь и не сами собой распоряжаемся своими обстоятельствами. Наше дѣло — идти своею дорогой, не сбиваясь съ пути добродѣтели и долга; а тамъ что будетъ, не узнаешь, да и не нужно: пошлется счастье—благодари, пошлется горе—терпи! Вотъ всѣ правила для устройства обстоятельствъ нашей жизни“ (стр. 88 — 89). Статья эта для „Русской Бесѣды“ была Ахиллесовою пятой, на которую набросились всѣ журналы, когда они принимались сводить счеты съ несочувственнымъ направлениемъ. Самый расположенный въ „Русской Бесѣдѣ“ журналъ „Современникъ“ говоритъ, что статья г. Филиппова осуждена не только всѣми органами печати, но всею читающею публикой, и прибавляетъ: „разсужденія Филиппова слишкомъ противорѣчатъ общему духу самой „Рус. Бесѣды“. Намъ кажется, что единство между г. Филипповымъ и, на примѣръ, г. Самаринымъ или г. Аксаковымъ едва ли можетъ существовать въ чемъ-нибудь существенно важномъ“ („Соврем.“ 1856, № 6, 247). Противъ этого обвиненія, въ защиту Т. И. Филиппова, выступилъ А. С. Хомяковъ, въ письмѣ къ издателю, Т. И. Филиппову („Рус. Бесѣда“ 1856 г., кн. IV, 92—107).

Это подало поводъ Хомякову изложить свой взглядъ на ходячій вопросъ о женской эмансипаціи: „Любовь, какъ требованіе притязательное и себялюбивое, любовь, ставящая цѣль въ лицѣ любящемъ, есть еще не отрѣшившійся эгоизмъ. Она можетъ, какъ и всякая другая страсть, доходить до изступленія, разгараться до безумія, опьянать до бѣшенства. Но въ этой степени она не имѣтъ еще ни благородства, ни нравственнаго достоинства. Какое бы ни было ея напряженіе, она не заслуживаетъ еще имени любви. Англійскій языкъ, сколько мнѣ извѣстно, одинъ изъ новыхъ европейскихъ языковъ, выразилъ эту первую степень любви словомъ *to*

like. Оно выражаетъ любовь человѣка къ предметамъ низшимъ, неодушевленнымъ или неразумнымъ, или къ другому человѣку, признаваемому еще какъ средство наслажденія, а не какъ цѣль. Истинная любовь имѣетъ иное, высшее значеніе. Предметъ любимый уже не есть средство: онъ дѣлается цѣлью, и любящій уравниваетъ его съ собою, если не ставитъ выше себя; иначе сказать, признавалъ его уже не средствомъ, а цѣлью, онъ переноситъ на него свои собственныя права, часть своей собственной жизни, ради его, а не ради самого себя. Таково опредѣленіе истинной человѣческой любви: она по необходимости заключаетъ уже въ себѣ понятіе духовнаго самопожертвованія. Безъ сомнѣнія, всякая дѣятельность исходитъ отъ человѣка, отъ его внутреннихъ требованій и, слѣдовательно, имѣетъ въ себѣ характеръ эгоистическій; но въ любви она переходитъ на высшую степень, на степень *самоотрицающагося эгоизма*. Оттого-то, и только оттого, любовь есть нравственнѣйшее чувство, къ какому только способно духовное существо, высшее, къ чему только можетъ стремиться человѣкъ. Если есть какая-нибудь обязанность въ стремленіи къ совершенству, если есть какое-нибудь благородство въ человѣчествѣ, если есть, наконецъ, какая-нибудь истина въ понятіяхъ о нравственности и добрѣ,—очевидно, что любовь есть тотъ высшій законъ, которымъ должны опредѣляться отношенія человѣка къ человѣку вообще, или лица разумнаго ко всему роду своему; но этотъ законъ, всѣмъ подлежащій, многихъ къ себѣ привлекающій, исполнимъ для весьма малаго числа избранныхъ душъ. Таково внутреннее тяготѣніе эгоизма и сравнительная слабость добрыхъ началъ. Человѣкъ стремящійся къ исполненію высокаго закона, котораго красоту онъ сознаетъ, и не находящій въ себѣ достаточной силы, ищетъ для осуществленія его (хотя въ тѣсныхъ предѣлахъ) пособія внѣшняго. Это внѣшнее пособіе находитъ онъ въ земномъ счастьи, доставляемомъ ему союзомъ съ лицомъ другаго пола, вслѣдствіе того первоначальнаго закона, который раздѣлилъ родъ человѣческой на двѣ половины, взаимно пополняющія другъ друга какъ въ вещественномъ, такъ и въ духовномъ отношеніи. Счастье само не есть цѣль союза, но пособіе грубому человѣческому эгоизму для полнѣйшаго осуществленія высокаго закона любви, принимающей чужую человѣческую личность не средствомъ наслажденія, а цѣлью полнѣйшей нравственной жизни. Изъ союза, представ-

ляущаго въ четѣ типъ самого рода человѣческаго, возникаетъ для нея цѣлый новый міръ, такъ сказать новый родъ человѣческой въ семьѣ, и кровная естественная связь придаетъ слабости человѣческой столько силъ, что она доходитъ (хотя, повторяю, въ тѣсныхъ предѣлахъ) до самоотрицанія эгоизма, т.-е. до искренней, истинной и длительной любви. Взаимная любовь родителя и дѣтей представляетъ типъ той высокой человѣческой любви, которая въ родѣ человѣческомъ соединяетъ поколѣніе съ поколѣніемъ; а разрывъ между родителями, уничтожая связь ихъ съ дѣтьми, представляетъ безобразное и безнравственное явленіе—разрывъ между человѣческимъ поколѣніемъ; а не должно забывать, что внутренняя нравственность каждаго поколѣнія заключается преимущественно въ той любви и въ тѣхъ надеждахъ, которыя оно обращаетъ на поколѣніе грядущее. Итакъ, нарушеніе святыни семейной есть нарушеніе всѣхъ законовъ любви человѣческой“ (стр. 98—101).

Самое возникновеніе проповѣди Жоржъ-Занда Хомяковъ объясняетъ слѣдующимъ образомъ: „Но неужели она не имѣетъ никакого оправданія, т.-е. неужели она не опирается ни на какое здоровое и доброе чувство въ душѣ человѣческой? Ея успѣхъ, даже временный, былъ бы невѣроятенъ, еслибы не было какой-нибудь правды въ ея основѣ, или, лучше сказать, еслибы не было какого-нибудь нравственнаго повода въ ея существованію. И дѣйствительно, онъ есть въ самомъ бытѣ современнаго общества.

„Все ученіе объ эманципаціи женщинъ лежитъ на двухъ началахъ: на чувствѣ справедливости, котораго законности и святости отрицать нельзя, и на той нравственной слабости, которая, не рѣшаясь на строгій приговоръ противъ порока, готова распространить его предѣлы, чтобъ уничтожить по крайней мѣрѣ несправедливость привилегіи, даруемой обществомъ на пользованіе этимъ порокомъ. Ученіе о законности разврата для женщины оправдывается общимъ развратомъ мужчинъ, и давнишній жизненный обычай связанъ логически съ новою теоріей.

„Поставьте себя на мѣсто защитниковъ женской эманципаціи. Передъ ними общій развратъ мужчины и почти общее осужденіе женскаго разврата. Эти два явленія логически отрицаютъ другъ друга; и поэтому слѣдуетъ узнать, которое же изъ нихъ болѣе согласно съ дѣйствительными, хотя и не высказанными, убѣжденіями общества. Развратъ мужчины предполагаетъ развратъ жен-

щины. Какое же понятіе имѣеть мужчина объ отношеніяхъ женщины къ нему въ этомъ союзѣ? Считаетъ ли онъ невиннымъ? Тогда, осуждая женщину, онъ лицемѣръ изъ личныхъ выгодъ. Считаетъ ли ихъ порочными? Тогда кто же онъ самъ? Дѣйствительно, тѣ, которые осуждаютъ развратъ женщинъ, не произнося такого же строгаго приговора противъ разврата мужчинъ, замолвливаютъ слово въ пользу низости и подлости душевной. И такъ, школа Занда права противъ общей неправды. Явленіе женщинъ-эманципационистокъ было неизбѣжно. Когда общество живетъ въ явной лжи, на словѣ признавая какой-нибудь законъ, а на дѣлѣ безсовѣстно и сознательно нарушая его, и когда обличители, во имя высшей правды, потворствуютъ неправдѣ низкимъ молчаніемъ, тогда, вслѣдствіе неизбѣжной исторической логики, возникаютъ обличители другого рода, обличители во имя самого порока, принимающіе явленіе бытовое за признанный законъ и притягивающіе къ нему, для его оправданія, другой нравственный законъ, еще признаваемый обществомъ (какъ, напримѣръ, въ теперешнемъ случаѣ чувство справедливости) (стр. 104—105). Смѣлый протестъ цѣлой школы, болѣе или менѣе явно подымавшей знамя женской эманципации, не пройдетъ безъ слѣдовъ. Онъ не правъ передъ нравственнымъ закономъ; онъ совершенно правъ передъ жизненнымъ обычаемъ. За него справедливость, чувство вполне законное и христіанское. Для общества предстоить впереди выборъ неизбѣжный: или расширеніе предѣловъ дозволеннаго разврата на женщину, или подчиненіе мужчины строгости нравственнаго закона; а необходимость выбора возвыситъ общій строй жизни въ избѣжаніе совершеннаго паденія“ (стр. 106). Къ этому надо прибавить, что вопросъ объ эмансипации тогда находился еще въ первомъ фазисѣ своего развитія. Самостоятельность женщины разсматривалась исключительно съ точки зрѣнія *чувственной* свободы. Если въ литературѣ уже появились намеки на слѣдующій шагъ—эмансипацию женщины въ смыслѣ самостоятельно трудящагося члена въ обществѣ, то они далеко не переходили въ жизнь и не распространялись въ самой общественной средѣ. Но во всякомъ случаѣ читатели могутъ видѣть, какая глубокая разница существовала между Т. И. Филипповымъ и славянофилами. Поэтому не удивительно, что сотрудничество Филиппова окончилось съ первымъ же годомъ. Впослѣдствіи разрывъ еще болѣе обострился. Въ 1857

году, оставивши „Бесѣду“, Т. И. Филипповъ, по рекомендаціи А. С. Хомякова, поступилъ въ синодъ къ бывшему оберъ-прокурору гр. А. П. Толстому, который былъ сильнымъ сторонникомъ Константинопольскаго патріархата. Въ I томѣ сочиненій Хомякова (стр. 716, прим.), и въ одномъ изъ его писемъ есть извѣстіе, что Филипповъ напечаталъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ возраженіе на помѣщенную въ „Бесѣдѣ“ (1858 г. кн. 11) статью Даскалова „Возрожденіе болгаръ“, но, по тщательной провѣркѣ, такой статьи въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ за 1858 и 1859 годы не оказалось. Въ статьѣ Даскалова изложены притѣсненія и весь вредъ, испытанные Болгаріей отъ Константинопольскаго патріархата и фанариотскаго духовенства. Статья эта возбудила цѣлую бурю со стороны оберъ-прокурора синода, который прислалъ чрезъ московскій цензурный комитетъ грозную бумагу. Хомяковъ написалъ на нее возраженіе, которое признано было достаточнымъ. Вѣроятно въ какомъ-нибудь другомъ изданіи Т. И. Филипповъ впервые выступилъ въ 1858 или 1859 году защитникомъ Фанара, какимъ онъ явился и въ послѣднее время, въ извѣстной распрѣ Константинопольскаго патріархата съ болгарскимъ духовенствомъ. Защита Филиппова вызвала замѣчаніе Хомякова, напечатанное въ „Рус. Бесѣдѣ“ послѣ статьи Дестуниса „Голосъ грека въ защиту Византіи“, гдѣ приводятся оправдательныя причины паденія Византіи и указываются заслуги ея дѣлу общей образованности. Хомяковъ въ своей замѣткѣ указывалъ, что есть двѣ Византіи: одна изъ нихъ есть просвѣщенное христіанство, а другая—фанариотство. „Думаемъ,—говоритъ Хомяковъ,—что въ отношеніи къ обѣимъ „Бесѣда“ высказалась ясно. Первую мы признаемъ единственную животворную истину, единственную достойною цѣлью для человѣческой жизни и человѣческаго труда; другую ненавидимъ всею душою, съ тѣмъ большею ненавистью, что она есть ядъ, отравляющій высшую область человѣческой и общественно-человѣческой жизни, что она сочетаетъ въ себѣ всю мервостъ святотатства и всю свирѣпость народныхъ эгоизмовъ. Противъ этого отвратительнаго отсѣда древней Византіи, неожиданно для насъ принятаго подъ защиту однимъ изъ бывшихъ сотрудниковъ „Рус. Бесѣды“, будемъ мы вооружаться всею силою негодованія и, если можемъ, всею силою слова (I, 715).

Въ апрѣлѣ 1857 года Т. И. Филипповъ уѣхалъ въ Петербургъ

и мѣсто его занялъ П. И. Бартеневъ, съ которымъ Кошелевъ познакомился у Хомякова, племяннику котораго Бартеневъ давалъ уроки и цѣлый годъ прожилъ въ его домѣ. Въ ноябрѣ 1857 года Бартеневъ уѣхалъ за границу. Съ 1-го декабря 1857 г. на тѣхъ же правахъ смѣнилъ его Максимовичъ, переѣхавшій изъ Кіева и окончательно оставившій редакцію въ августѣ 1858 года. Вскорѣ послѣ обнародованія Высочайшихъ манифестовъ Ал. Иван. задумалъ издавать журналъ, исключительно посвященный дѣлу освобожденія крестьянъ, подъ названіемъ „Сельское Благоустройство“. Въ январѣ 1858 г. Кошелевъ уже былъ въ Петербургѣ, хлопоталъ и получилъ разрѣшеніе. Не имѣя возможности справиться одному съ двумя изданіями, Ал. Иван. рѣшился передать „Рус. Бесѣду“ И. С. Аксакову. Повидимому, такое предположеніе существовало въ самомъ началѣ; въ 1856 году еще Кошелевъ писалъ кн. Черкасскому, что, по окончаніи года, онъ передастъ „Бесѣду“ Аксакову, но въ 1857 году онъ передумалъ. Когда, въ свою очередь, кн. Черкасскій напомнилъ въ этомъ году о передачѣ „Бесѣды“ Аксакову, съ тѣмъ чтобы журналъ нѣсколько измѣнилъ направленіе, Кошелевъ отвѣчалъ: „нѣтъ, батюшка, послѣднее совершенно невозможно. Наши убѣжденія совершенно тверды и со дня на день опредѣляются все болѣе и болѣе даже для нашихъ читателей. Правда, кругъ нашихъ читателей не огроменъ (теперь подписчиковъ 1.206), но дѣйствіе „Бесѣды“ велико, и это ощущается все болѣе и болѣе. Если молодежь къ намъ не льнетъ, за то люди зрѣлые и сами наши противники все болѣе и болѣе поддаются силѣ высказываемыхъ нами истинъ. Нѣтъ, намъ, т.-е. „Бесѣдѣ“, нельзя сдѣлать ни малѣйшей уступки“ (21 ноября 1857 г.). Кошелевъ предчувствовалъ, что ему придется рано или поздно разойтись съ Аксаковымъ.

„Нѣтъ, дражайшій князь, — прибавилъ Кошелевъ, — съ И. С. Аксаковымъ я не могу издавать журналъ. У насъ и убѣжденія, и способы дѣйствія слишкомъ различны. Съ виду они похожи, а какъ покопашься въ нихъ, то увидишь, что они различны въ самыхъ основахъ“. Это и обнаружилось впоследствии, въ особенности во время издаванія Аксаковымъ „Руси“, до такой степени, что Ал. Иван. рѣшился основать свой особый органъ — „Земство“ — только для того, чтобы разубѣдить публику въ своей солидарности съ Ив. Серг. Но во время изданія „Бесѣды“ обстоятельства требовали сойтись съ Аксаковымъ, да и самъ Аксаковъ, при жизни главарей славяно-

фильства, шель осторожно и покорно за другими. Мотивъ передачи Кошелевъ въ письмѣ къ Ив. Сер. отъ 2-го іюня 1858 г. объясняетъ слѣдующимъ образомъ.

„Теперь завязалось такое дѣло, что я долженъ ему посвятить себя *только*. „Сельское Благоустройство“ я долженъ и буду издавать. Этотъ журналъ входитъ прямо въ кругъ моей дѣятельности, но „Бесѣду“ я издавать не могу, не уронивши ея вполнѣ. До сихъ поръ я былъ ею занятъ, и хотя сотрудники мнѣ помогали, хотя моихъ статей было и не много, но моей дѣятельности было много. Я сѣдлалъ и ѣздилъ верхомъ на нѣкоторыхъ моихъ сотрудникахъ и этимъ поддерживалъ журналъ.

„Теперь, занятый вполнѣ дѣломъ уничтоженія крѣпостнаго состоянія, я не въ состояніи выѣзжать моихъ сотрудниковъ, а они народъ такой, что кнутъ или шпоры имъ необходимы.

„Къ тому же „Бесѣда“ должна теперь или сдѣлать шагъ впередъ, или она попадетъ въ „Москвитяинъ“. Первое для меня невозможно, втораго я не желаю.

„А потому я рѣшился или закрыть Бесѣду съ 1859 года, или ее передать.

„Передать ее могу только вамъ.

„Изъ людей вполнѣ сочувствующихъ *нынѣшнему* направленію „Бесѣды“ нѣтъ ни одного, кто бы могъ взять „Бесѣду“ на свои руки. Были у меня совѣщанія съ ними и я убѣдился, что никто изъ нихъ не можетъ принять „Бесѣду“ на свою отвѣтственность. Всѣ готовы быть сотрудниками, но издателемъ никто. Я же сознаю себя теперь вполнѣ къ этому дѣлу негоднымъ.

„Думалъ было передать „Бесѣду“ на полное попеченіе Максимовича безъ матеріальныхъ хлопотъ, но и эта мысль—поэтическая. Теперь нужна жизнь, а нашъ добрый Максимовичъ впадаетъ въ изнеможеніе при 6-часовой работѣ и какъ-то утратилъ чутье къ живому“.

Ив. Серг. Аксаковъ въ то время рѣшился издавать „Парусъ“. Кошелевъ предлагалъ соединить всѣ три изданія (т.-е. „Парусъ“, „Бесѣду“ и „Сельское Благоустройство“) и принималъ всѣ расходы на себя, опредѣлилъ бюджетъ въ 33.501 р., въ томъ числѣ ежегодной платы Аксакову за редакторство 2.000 р. сер. Убытки Кошелевъ принималъ на себя, а барыши шли въ пользу Аксакова, и если онъ самъ найдетъ нужнымъ, то треть (за „Сельское

Благоустройство“) отчислялась въ пользу Кошелева, но съ тѣмъ, чтобы деньги эти прямо изъ конторы редакціи отсылались на учрежденія по народному образованію. Кошелевъ кончаетъ свое письмо слѣдующимъ образомъ: „Вы можете на своихъ мощныхъ плечахъ вывезти два журнала при сотрудникахъ „Бесѣды“. Вашъ „Парусъ“ будетъ игрушкою, куда вы будете складывать всякую мелочь, а „Бесѣда“ будетъ главнымъ вашимъ дѣломъ. Я убѣжденъ, что дѣйствительно, т.-е. на дѣлѣ, между нашими мнѣніями гораздо менѣе разности, чѣмъ теперь кажется. Я быть долге издателемъ не могу; Самаринъ по однимъ со мною причинамъ (т.-е. по занятію крестьянскимъ вопросомъ)—тоже; Хомяковъ—совершенно не журнальный человекъ; К. С. Аксаковъ дастъ „Бесѣдѣ“ такое эксцентричное направленіе, что мы отъ нея гораздо болѣе отшатнемся, чѣмъ при вашемъ издательствѣ; слѣдовательно, ~~то~~ ~~be~~ ~~от~~ ~~not~~ ~~to~~ ~~be~~, „Бесѣда“ совершенно въ вашихъ рукахъ“.

Отношенія между Аксаковымъ, какъ редакторомъ, и Кошелевымъ, какъ хозяиномъ журнала, видны изъ слѣдующаго условія, предъявленнаго послѣднимъ первому: „Вы (т.-е. Аксаковъ) преимущественный редакторъ; но отвергать ненравящіяся вамъ статьи или помѣщать статьи, противъ которыхъ я (т.-е. Кошелевъ) могу возстать, вы права не имѣете. Когда я въ Москвѣ, мы устанавливаемъ книжку журнала съ общаго согласія и по вашему предложенію. При разногласіи судить сходка и ея рѣшенія обязательны для насъ. Когда меня нѣтъ въ Москвѣ, вы устанавливаете книжку журнала, но сомнительныя статьи, т.-е. такія, противъ которыхъ я могу возражать, вы отправляете ко мнѣ въ деревню“. Бюджетъ журнала установленъ былъ въ 25.000 р. сер., въ томъ числѣ 1.500 р. сер. ежегодной платы Аксакову за редакторство. Изъ переписки между Кошелевымъ и Аксаковымъ видно, что почти всѣ статьи Аксаковъ присылалъ на предварительный просмотръ Кошелеву. Фактическое завѣдываніе Аксакова началось съ августа 1858 года, когда Максимовичъ оставилъ редакцію, а отвѣтственнымъ редакторомъ Аксакова считалъ А. И. Кошелевъ съ четвертой книжки „Бесѣды“ за 1858 годъ. Собственно окончилась „Бесѣда“ въ 1859 г. и о подпискѣ на слѣдующій годъ не было объявлено; двѣ книжки 1860 года выпущены были А. И. Ивановичемъ изъ статей, оставленныхъ въ редакціи, безъ всякаго участія Аксакова, бывшаго тогда за границею.

Усиленная, почти ежедневная, переписка Аксакова, какъ завѣдывающаго редакціей, съ Кошелевымъ, когда послѣдній переѣхалъ въ Рязань для занятій въ губернскомъ комитетѣ по крестьянскому дѣлу, вполне обрисовываетъ взглядъ Алекс. Ивановича и его отношеніе къ журнальному дѣлу. Приводимъ наиболѣе характерныя мѣста изъ этой переписки.

Въ половинѣ іюня 1858 года Ал. Иван. писалъ Ив. Серг. Аксакову: „Одно меня тревожитъ: это ваше болѣзненное нерасположеніе къ власти. Въ „Парусѣ“ кутите какъ хотите, но въ „Бесѣдѣ“, издающейся, къ сожалѣнію, подъ моимъ именемъ, будьте, въ примѣчаніяхъ отъ редакціи, крайне воздержны, ибо скорѣе соглашусь закрыть „Бесѣду“, чѣмъ дать ей оппозиціонный характеръ. Нѣтъ, дражайшій Иванъ Сергѣевичъ, вы въ „Парусѣ“, а я въ „Благоустройствѣ“ будемъ высказывать наши мнѣнія безъ всякой воздержки, а въ „Бесѣдѣ“, какъ въ изданіи моемъ по имени и вашему по труду, мы должны держаться середины. Я въ душѣ за власть; съ прискорбіемъ вижу, когда она спотыкается, а не намѣренъ выказывать къ ней ни малѣйшей непріязненности. Убѣдительно васъ прошу и въ „Парусѣ“ и въ „Бесѣдѣ“ не становиться въ оппозицію съ правительствомъ. Вы этимъ дѣло убите. Что намъ Герценъ и компанія? Для насъ важно дѣло, а не то, что объ насъ они будутъ думать или говорить. „Бесѣда“ въ правительственномъ смыслѣ стоитъ хорошо,—ради Бога не портите. Что же касается до „Благоустройства“, то убѣдительно васъ прошу ни одного слова не измѣнять въ этомъ отношеніи, ибо я желаю слыть органомъ правительства, только либеральнаго правительства. Впрочемъ я глубоко убѣжденъ, что у насъ оппозиція не плодотворна. Пуще всего намъ должно избѣгать фанфаронить либерализмомъ,—это дешево, но гнило“.

Въ другомъ письмѣ (въ половинѣ октября 1858 года) Кошелевъ говорилъ: „Вы еще все думаете, что оппозиція, независимость полнѣйшая есть у насъ *власть* на Руси. Нѣтъ, у насъ *вся власть во власти*. Чтѣ бы ни говорили съ одной стороры К. С. Аксаковъ съ Хомяковымъ, съ другой стороны И. С. Аксаковъ, но власть у насъ *не въ землѣ* и *не въ мысли*. Дѣйствовать сильно можно руководясь только *мыслью*, имѣя въ виду *землю*, но *во имя власти царя*. Мы всѣ еще плохо понимаемъ смыслъ Руси: одинъ выдвигаетъ на первое мѣсто *землю*, другой—*Западъ* (т.-е. его начало), а сила у насъ ни тутъ, ни тамъ.“

„Всѣ статьи и примѣчанія малѣйше сомнительныя въ религиозномъ и политическомъ отношеніи прошу васъ присылать ко мнѣ, ибо я подъ своимъ именемъ не могу выпускать то, что противно моимъ убѣжденіямъ“.

15 октября 1858 г., по поводу составленнаго Аксаковымъ объявленія объ изданіи „Паруса“ *), Кошелевъ писалъ: „Письмо ваше отъ 12 октября и при немъ объявленіе о „Парусѣ“ я получилъ. Программа ваша хороша, очень хороша, но жаль, что вы выставили знаменемъ не вещь, а форму. Народность есть то, что доставляетъ и жизни, и искусству, и наукѣ самобытность фактическую, внѣшнюю; безъ развитія, безъ пособія народности ни жизнь, ни искусство, ни наука нигдѣ не могутъ выразиться своеобразно, самостоятельно. Но одна народность не доведетъ васъ еще до общечеловѣческаго значенія. Можно сказать положительно, что въ настоящую пору ни полякъ-католикъ, ни чехъ-католикъ, ни моравъ-протестантъ не выразятъ славянской самобытной мысли. Наука самостоятельная, которая имѣетъ гордую мысль выходить изъ самой себя, доведена нѣмцами до крайнихъ предѣловъ — до полной несостоятельности, и великій Шеллингъ сдѣлался, съ отчаянія, католикомъ. Жизнь раздроблена протестантизмомъ до полного ералаша. Искусство въ мірѣ какъ бы убито, и теперь нѣтъ ни единого геніального человѣка въ числѣ живыхъ. Вѣра, одна вѣра можетъ жи-

*) Объявленіе объ изданіи „Паруса“, приложенное къ „Сельскому Благоустройству“ (1858 г., № 10, октябрь), между прочимъ объясняло направленіе его слѣдующимъ образомъ:

„Вполнѣ уважал и европейскую мысль, и науку, и сознавая необходимымъ постоянно изучать смыслъ современныхъ явленій, редакция „Паруса“ считаетъ своею обязанностью прямо объявить, что „Парусъ“, будучи вполнѣ отдѣльнымъ и самостоятельнымъ изданіемъ, принадлежитъ къ одному направленію съ „Русскою Бесѣдой“ — къ тому, нѣрѣдко осмѣянному и оклеветанному направленію, которое съ радостью видитъ, что многія выработанныя имъ положенія принимаются и повторяются теперь самими горячими его противниками.

„Итакъ, не боясь ложныхъ упрековъ въ исключительности, мы смѣло ставимъ наше знамя.

„Наше знамя — русская народность.

„Народность вообще — какъ символъ самостоятельности и духовной свободы, свободы жизни и развитія, какъ символъ права, до сихъ поръ попираемаго тѣми же самими, которые стоятъ и ратуютъ за право личности, не возводя своихъ понятій до сознанія личности народа!

„Народность русская, какъ залогъ новыхъ началъ, полнѣйшаго жизненнаго выраженія общечеловѣческой истины.

„Таково наше знамя!“

вить мертвѣющую природу; она одна можетъ собрать обломки и изъ нихъ создать нѣчто органическое. Какая вѣра? не католицизмъ и не протестантизмъ, а одно наше православіе. Его-то вы, по ложной стыдливости, боитесь поставить во главу угла. Безъ православія наша народность—дрянь. Съ православіемъ наша народность имѣетъ міровое значеніе. Какъ ваша программа ни хороша, а ее подписать я бы не могъ. Очень боюсь, дражайшій Иванъ Сергѣевичъ, что вы напишете мнѣ для „Бесѣды“ такую программу, которой я не въ состояніи буду подписать. Могу согласиться на одно—не упоминать о православіи, но сослаться на прежнія наши программы; но безъ православія „Бесѣда“ не имѣетъ никакого значенія, и ее подъ своимъ именемъ я держать не могу“. Въ этомъ случаѣ Александръ Ивановичъ оставался вѣренъ всей системѣ славянофильскаго ученія. Посторонній изслѣдователь можетъ изъ этой системы выдѣлять различныя ея стороны и, по субъективному своему взгляду, однимъ сочувствовать, а другія признавать несущественными. Но для славянофиловъ православно-религіозное воззрѣніе положено было во главу угла, и ни одна изъ сторонъ ихъ ученія, отрѣшенная отъ этого верховнаго начала, послужившаго для всѣхъ исходною точкой, въ глазахъ самихъ славянофиловъ, какъ это высказано въ настоящемъ случаѣ Кошелевымъ, не имѣло значенія. Въ началѣ второй половины марта 1859 года между Кошелевымъ и Аксаковымъ произошло недоразумѣніе, которое выяснить оказывается невозможнымъ, за неимѣніемъ въ виду письма Аксакова. По этому поводу Ал. Иван. снова заговорилъ объ окончательномъ отказѣ отъ изданія „Бесѣды“. „Вы пишете,—говоритъ Кошелевъ,— что я держу общее знамя, а потому долженъ менѣе думать о себѣ, чѣмъ о всѣхъ вообще. Знамени, какъ вы разумѣете, я никогда въ свои руки не принималъ. Я согласился быть издателемъ „Рус. Бесѣды“ только потому, что не было въ то время другаго лица, которое могло бы взять на себя эту обязанность. Не разъ, а сто разъ я повторялъ, что „Бесѣда“—дѣло не мое, а общее, что я ее передамъ другому, по общему назначенію, съ величайшею радостью. Но дѣйствовать по приказу, а не по убѣжденію, по чужому, а не по своему—я не могу. Каковъ я ни есть, но буклой ничьей не былъ и ничьимъ вѣтромъ мой пузырь не надувался. Цензорскаго права въ отношеніи моихъ поступковъ я никому не давалъ и не дамъ. Совѣты и увѣщанія принимаю съ радостью, но, по слабости

человѣческой, люблю чтобъ они давались братски, а не повелительно и не во имя того, чему я вполне далеко не повинуюсь. Чувствую, что требованія ваши, быть-можетъ Хомякова и другихъ. теперь поднялись и что я, по обстоятельствамъ времени, не гожусь въ ваши представители. Убѣдительнѣйше прошу васъ и всѣхъ сотрудниковъ „Русской Бесѣды“, оскорбленныхъ и не оскорбленныхъ моимъ отказомъ, избрать человѣка, кому я бы могъ передать „Бесѣду“. Долѣе ее подъ своимъ именемъ держать не могу“ (4 февраля 1859 г.). Самъ Кошелевъ, въ случаѣ отказа И. С. Аксакова, указывалъ еще ранѣе на В. А. Елагина, за которымъ признавалъ всѣ редакторскія качества и кромѣ того обязанность потрудиться, такъ какъ до этихъ поръ Елагинъ почти ничего не дѣлалъ для общаго дѣла.

Надо отдать справедливость кружку, заправлявшему „Бесѣдою“: какъ скоро въ литературѣ появлялся въ какой бы то ни было отрасли человѣкъ способный, кружокъ тотчасъ же старался завербовать его въ число своихъ сотрудниковъ. Появился Ап. Ал. Майковъ съ своей многодѣльной и основательною диссертациею „Исторія сербскаго языка“, и Хомяковъ тотчасъ же пишетъ Кошелеву: „нужно намъ достать Майкова,—его огромный трудъ показываетъ, что въ человѣкѣ есть сила“. Въ „Рус. Вѣстникѣ“ въ 1857 г. выступилъ довольно эффектно В. П. Безобразовъ, и опять Хомяковъ совѣтуетъ: „пригвозди Безобразова! Мнѣ за него жаль, что онъ не съ нами“ („Рус. Арх. 1879, III, 995). Изъ писемъ Ал. Иван. къ И. С. Аксакову въ концѣ 1858 года видно, что въ это время М. Е. Салтыковъ былъ за что-то сердитъ на Каткова и разошелся съ „Рус. Вѣстникомъ“. Салтыковъ получилъ тогда „горячія“ приглашенія отъ „Современника“ и „Атеней“, но, по словамъ Кошелева, Салтыковъ къ „Бесѣдѣ“ „все болѣе и болѣе благорасполагался“,—и Ал. Иван. говорилъ, что у нихъ въ журналѣ работаетъ „цѣлое согласіе“. Въ октябрѣ 1858 года Салтыковъ изъявилъ согласіе вступить въ число сотрудниковъ „Бесѣды“ и обѣщалъ статью И. С. Аксакову въ „Парусь“. 20 октября 1858 г. Кошелевъ писалъ И. С. Аксакову: „Тихменева статью я весьма вѣско цѣню и его слѣдуетъ оторвать отъ „Русскаго Вѣстника“; съ этою цѣлью Кошелевъ вошелъ съ нимъ въ сношенія чрезъ В. А. Елагина, обѣщалъ гонораръ и согласился въ крайнемъ случаѣ печатать статьи его противъ общины,—разумѣется, съ оговоркою. Тихменевъ при-

нял участіе въ „Сельскомъ Благоустройствѣ“. Тѣснѣе всѣхъ при-
мыкаетъ къ кружку кн. Черкасскій, который, какъ мы видѣли, былъ
одинъ изъ основателей журнала. Черкасскій впервые выступилъ
за литературномъ поприщѣ въ „Рус. Бесѣдѣ“ и сразу занялъ бле-
стящее положеніе, поэтому славянофилы очень имъ дорожили. При
выходѣ первой книжки „Рус. Бесѣды“ Кошелевъ писалъ Черкасскому
(1 мая 1856): „Статья ваша рѣшительно нравится всѣмъ и ее хвалятъ
болѣе всѣхъ остальныхъ. Также довольны вступленіемъ Хомякова.
Вообще появленіе „Рус. Бесѣды“ произвело довольно сильное дѣй-
ствіе“. О статьѣ кн. Черкаскаго, помѣщенной во второй книжкѣ
„Бесѣды“—„Протоколы парижскаго конгресса“, Кошелевъ отзывался
(12 іюня 1856 г.): „Статья ваша крайне жива, интересна и осторож-
на, — просто чудо! Вамъ слѣдовало бы служить въ дипломатіи“. Точно также Хомяковъ писалъ въ іюнь 1857 года Самарину: „Бе-
сѣда“ вышла 27-го и съ великимъ эффектомъ. Спрашиваютъ, от-
куда у насъ такъ силъ прибыло. Не въ примѣръ, дескать, лучше
прошлогодней. Серьезно, это общій отзывъ. Но главный герой—Чер-
касскій; отъ него всѣ въ восторгѣ, называютъ единственнымъ пуб-
лицистомъ нашимъ, а въ Англійскомъ клубѣ прибавляютъ, что онъ
публицистъ-философъ. Безъ шутокъ, ни одна статья не имѣетъ успѣ-
ха равнаго его статьямъ“ („Рус. Арх.“ 1879 г., III, 292). Въ пись-
мѣ къ Кошелеву, написанномъ въ 1858 г., Хомяковъ, по случаю пе-
рерыва въ печатаніи статьи Черкаскаго, рекомендуетъ настоячи-
вое приглашеніе его въ сотрудничеству (стр. 296). Но Ал. Иван. въ
своихъ „Запискахъ“ настойчиво протестуетъ противъ причисленія
Черкаскаго къ славянофиламъ: „Хотя впоследствии Черкасскій часто
считался такъ называемымъ славянофиломъ, а иногда даже стано-
вили его и во главу этой партіи, но онъ никогда таковымъ не
былъ и расходился съ нами въ самыхъ существенныхъ направле-
ніяхъ. Черкасскій вовсе не считалъ православнаго ученія основою
нашего міровоззрѣнія, высказывался безпрестанно противъ сельской
общины и любилъ насмѣхаться надъ народомъ — кумиромъ, кото-
рому, по его мнѣнію, поклонялись Хомяковъ и К. С. Аксаковъ.
Черкасскій, какъ откровенно умный человѣкъ, признавалъ, что въ
нашемъ направленіи болѣе силы и будущности, чѣмъ въ противо-
положномъ, т.-е. тогдашнемъ западномъ,—онъ находилъ особенное
удовольствіе въ нашихъ бесѣдахъ и дорожилъ связями съ нами.
Ради этого онъ согласился предоставить мнѣ право вычеркивать

изъ его статей все то, что окажется противнымъ нашему направленію, или требовать отъ него измѣненій въ этомъ же смыслѣ. Только на этихъ условіяхъ мы и согласились принять кн. Черкаскаго въ постоянные сотрудники „Рус. Бесѣды“ („Зап.“, 84—85). Вотъ на это прямое доказательство. Въ „Рус. Архивѣ“ за 1884 г. (кн. IV, 270—279) помѣщено письмо отъ 1 августа 1870 г. кн. Черкаскаго къ кн. С. Н. Урусову о дробленіи поземельной собственности. Письмо это написано вслѣдствіе составленія во II отдѣленіи собственной Е. И. В. канцеларіи записки по вопросу, слѣдуетъ ли, и какія именно, принять мѣры по ограниченію дробленія поземельной собственности. Кн. Урусовъ хотѣлъ въ этомъ дѣлѣ заручиться мнѣніемъ кн. Черкаскаго, какъ одного изъ участниковъ при составленіи Положенія 19 февраля 1861 г. Вотъ что изложилъ, между прочимъ, въ своемъ отвѣтѣ кн. Черкасскій: „Процессъ распаденія общины на семейные или подворные участки есть, конечно, одна изъ важнѣйшихъ задачъ нашего періода. Редакціонныя комиссіи, на долю которыхъ выпала нѣкогда неблагоприятная роль примиренія самыхъ разнородныхъ интересовъ, были и въ этомъ случаѣ поставлены въ самое затруднительное положеніе. Вѣрныя началу развитія постепеннаго и осторожнаго, онѣ совѣтовали правительству не нарушать немедленно и произвольно древнихъ общинныхъ отношеній; но между тѣмъ онѣ, въ числѣ прочихъ задачъ наступающаго времени, указали и на законность постепеннаго распаденія общины и предложили ввести въ Положеніе и самыя условія и нормы, при соблюденіи коихъ община могла бы свободно распадаться на семейные и подворные участки. *Къ сожалѣнію*, не извѣстно, почему прошло девять лѣтъ, прежде чѣмъ Положеніе 19 февраля получило въ этомъ отношеніи хотя бы самое первоначальное и необходимое развитіе, къ чему доселѣ сдѣланъ лишь самый первый и скромный шагъ посредствомъ нѣкоторыхъ облегченій продажи съ аукціоннаго торга подворныхъ участковъ крестьянскихъ, на коихъ накопились недоимки. *Въ настоящее время всѣ правительственныя заботы должны быть рѣшительно направлены къ облегченію образованія изъ общинъ подворныхъ участковъ, въ видахъ преуспѣянія крестьянскаго хозяйства и болѣе прочнаго устройства самой податной системы.* Но для достиженія этой цѣли полезно убѣдить самихъ крестьянъ въ превосходствѣ этой новой формы землевладѣнія; а этого едва ли можно достигнуть, если, одновременно со

введеніемъ ея, форма эта будетъ опутана, стѣснена и осложнена формальностями, народу непонятными и даже ему противными, какъ напримѣръ условіемъ безусловнаго запрета дробленія участковъ“. На этомъ основаніи Черкасскій предлагаетъ принять немедленныя мѣры къ созданію подворной собственности изъ нынѣшняго общиннаго владѣнія, а затѣмъ уже приступить къ обсужденію и рѣшенію вопроса о наименьшемъ размѣрѣ такого подворнаго участка. Въ числѣ мѣръ, способствующихъ естественному и непринудительному для крестьянъ переходу общиннаго поземельнаго владѣнія въ подворно-участковую собственность, Черкасскій предлагаетъ: „1) Крестьянамъ должна быть всѣми мѣрами облегчена возможность завѣщать не только свои благопріобрѣтенныя, но и родовыя подворныя участки, въ видахъ избѣжанія обязательнаго дробленія сихъ участковъ по закону, въ тѣхъ случаяхъ, когда крестьяниномъ не сдѣлано будетъ духовнаго завѣщанія. 2) Далѣе требуется полная радикальная переработка дѣйствующихъ рекрутскихъ уставовъ (предлагаемая мѣра сама собою упразднилась введеніемъ устава о воинской повинности). 3) Наконецъ, та же цѣль и тѣмъ же косвеннымъ путемъ можетъ быть достигнута отчасти *черезъ введеніе подворной подати*, при предстоящемъ преобразованіи подушной системы“. При этомъ кн. Черкасскій, предлагая всѣ эти мѣры, имѣлъ въ виду главнымъ образомъ прекращеніе семейныхъ раздѣловъ (стр. 275—279). Такимъ образомъ кн. Черкасскій является самымъ послѣдовательнымъ и рѣшительнымъ сторонникомъ *уничтоженія общины словомъ закона*, хотя и говоритъ о необходимости пути естественнаго и для крестьянъ не принудительнаго, такъ какъ предлагаемая имъ фискальная мѣра, — учрежденіе обязательной для всѣхъ подворной подати, — совершенно непримѣнимая при общинномъ владѣніи, равносильна прямому указу объ уничтоженіи общины. Въ этомъ случаѣ князь, оставаясь вѣрнымъ себѣ, послѣдовательно дошелъ до самаго крайняго результата. Копелевъ изъ Петербурга 15 октября 1859 года писалъ И. С. Аксакову, что кн. Черкасскій всего злостнѣе въ редакціонныхъ комиссіяхъ дѣйствовалъ противъ общины; и его авторитетъ имѣлъ тѣмъ болѣе силы, что *онъ былъ съ нами и*, слѣдовательно, если говорилъ противъ, то уже не по незнанію, а по глубокому убѣжденію.

Изъ числа лицъ близкихъ къ кружку славянофиловъ приняли участіе въ „Рус. Бесѣдѣ“: Погодинъ, Шевыревъ, Елагинъ, Чижевъ,

А. Н. Поповъ и Гильфердингъ; двое послѣднихъ жили нѣкоторое время въ домѣ Хомякова и были многимъ обязаны его вліянію въ умственномъ своемъ развитіи. Изъ числа лицъ постороннихъ, применившихъ къ журналу въ качествѣ постоянныхъ сотрудниковъ, слѣдуетъ назвать неутомимо трудолюбиваго профессора И. Д. Бѣляева, Н. П. Гилярова, бывшаго профессора философіи Кіевскаго университета, служившаго цензоромъ, а впослѣдствіи издававшаго газету „Современныя Извѣстія“; П. А. Безсонова, въ настоящее время профессора славянской филологіи въ Харьковскомъ университетѣ, служившаго тогда старшимъ совѣтникомъ Московской Синодальной типографіи; П. И. Якушкина, принявшагося за собраніе русскихъ пѣсенъ подъ руководствомъ П. В. Кирѣевскаго и путешествовавшаго на средства редакціи (см. списокъ сотрудниковъ въ приложеніи XII-омъ). Въ своемъ „Заключительномъ словѣ“ редакція „Рус. Бесѣды“ говоритъ: „Конечно, не „Рус. Бесѣды“ принадлежитъ честь установленія умственнаго и литературнаго общенія съ славянскими племенами, — честь эта безспорно принадлежитъ М. П. Погодину *), но думаемъ, что никто не станетъ отрицать то важное общественное значеніе, которое имѣло для славянъ существованіе собственно „Рус. Бесѣды“ и о которомъ громко свидѣтельствуютъ и Бѣлградъ, и Загребъ, и Тырновъ, и Прага. Намъ удалось вывести славянскій вопросъ изъ области археологическаго интереса въ область живаго, дѣятельнаго сочувствія и оживить умственное движеніе въ кругу нашихъ литературныхъ славянскихъ собратій“ (1859, кн. VI, прил. въ концѣ). Поэтому одной изъ важнѣйшихъ задачъ „Бесѣды“ было привлеченіе сотрудниковъ изъ славянскихъ земель. Главнымъ, самымъ удобнымъ, дѣятельнымъ и умѣлымъ посредникомъ въ этомъ случаѣ былъ Гильфердингъ, который на средства Хомякова предпринялъ путешествіе по славянскимъ землямъ. Другимъ корреспондентомъ „Рус. Бесѣды“ по юго-славянскимъ землямъ былъ священникъ православной церкви въ Вѣнѣ, протоіерей Раевскій: онъ отыскивалъ корреспондентовъ, вступалъ съ ними въ сношенія, присылалъ въ редакцію издававшіеся тамъ журналы и сочиненія и въ объѣзѣ передавалъ „Рус. Бесѣду“. Въ одномъ изъ писемъ своихъ (4 августа 1856 г.)

*) Погодинъ началъ свое знакомство съ славянскими учеными во время перваго своего путешествія за границу въ 1835 году (Барсуковъ: „Погод.“, IV, 312—320, 326—329).

Раевскій объясняетъ всѣ затрудненія по пересылкѣ русскихъ книгъ и по сношенію съ славянскими учеными. Самымъ аккуратнымъ и удобнымъ корреспондентомъ для пересылки книгъ Раевскій называетъ Гильфердинга и, вообще, проситъ пересылать книги чрезъ гурьеровъ мин. иностр. дѣлъ. „Австрійское правительство рѣшительно противится распространенію всякой русской книги въ своихъ владѣніяхъ. Лица, которыя изъявили желаніе участвовать въ вашемъ журналѣ, не хотятъ, чтобъ имена ихъ были извѣстны. Напримѣръ, г. Головацкому очень было непріятно, что Гильфердингъ выставилъ его имя. Боятся правительства и имѣютъ основаніе. Die Slaven in Oesterreich sind geborene Staatsverbrecher. Ко-му захочется потерять мѣсто, которое правительство броситъ славянину, какъ собакѣ кусокъ хлѣба?“ Раевскій рекомендуетъ редакціи „Русской Бесѣды“ слѣдующихъ славянскихъ литераторовъ: въ Бродаци—Берлинъ, въ Сербіи—Медаловичъ и Субботичъ, изъ русняковъ—Радлинскій и Дурновичъ, въ Лембергѣ—Петрашевичъ, ревностѣйшій галицкій писатель, изъ словаковъ проф. Кузmani и Горбакъ, изъ хорутанъ—Швегель. „Надѣюсь,—прибавляетъ Раевскій,— что если не всѣ, мною избранные, то большая ихъ часть будутъ присылать свои статьи для журнала“. Къ сожалѣнію, ожиданіе это не оправдалось. Ал. Иван. и самъ желалъ завязать живыя и непосредственныя сношенія редакціи съ славянскими землями; съ этою цѣлью, отправившись въ Карлсбадъ, Кошелевъ посѣтилъ Прагу и Вѣну съ исключительною цѣлью ознакомиться съ извѣстными славянскими дѣятелями. Отчетъ о своемъ путешествіи, въ видѣ письма къ Хомякову, Кошелевъ помѣстилъ въ „Рус. Бесѣдѣ“ за 1857 г. подъ заглавіемъ: „Шесть недѣль въ австрійскихъ славянскихъ земляхъ“ (1857, IV, 1—18). Письмо это сообщаетъ интересныя свѣдѣнія о положеніи славянъ въ Австріи: выдержки изъ него перепечатаны были въ „Современникѣ“. Въ Приложеніи XIII-мъ помѣщая отрывки изъ „Дневника“ Ал. Иван. во время этого путешествія, гдѣ онъ записывалъ свои сношенія съ славянскими учеными и личныя свои впечатлѣнія. Кромѣ Кошелева, въ „Рус. Бесѣдѣ“ помѣщены путешествія по славянскимъ землямъ Попова, Чицова и Ковалевскаго.

Изъ польскихъ писателей въ „Бесѣдѣ“ приняли участіе Грабовскій и Мацѣевскій, изъ славянскихъ земель—извѣстный чешскій поэтъ и ученый Эрбенъ, профессоръ въ кантонѣ Сень-Галленъ,

а потомъ въ Вѣнѣ Клуноу, изъ Бѣлграда Милчевичъ и Петковичъ, изъ Праги чехъ Риттербергъ, студентъ изъ болгаръ въ Московскомъ университетѣ В. Поповичъ и болгаринъ Даскаловъ, изъ Вѣны С. Павловичъ, Родолюбецъ и О. В. (см. приложение XII). Кроме того помѣщены „Записки“ протоіерея Ненадовича и „Лѣтопись Герцеговины“ Прокопія Чокорило. Такое оживленіе сношеній между литературою русскою и славянскою вызвало интересъ въ первой со стороны нашихъ соплеменниковъ, и въ средѣ заграничныхъ книгопродавцевъ появилась мысль о расширеніи русской книжной торговли. Въ „Рус. Бесѣдѣ“ (1858 г., IV, Смѣсь, 81—102), подъ заглавіемъ „Голосъ заграничнаго книгопродавца объ устройствѣ русской книжной торговли“, появилось письмо книгопродавца въ Бауценѣ (Саксонск. кор.) изъ сербовъ лужичанъ Смолара, гдѣ онъ, описывая ходъ нѣмецкой книжной торговли и сосредоточеніе ея въ Лейпцигѣ, предлагаетъ—для распространенія книжной торговли внутри и за границею: 1) приступить къ печатанію каталога русскихъ книгъ, съ необходимыми указаніями, вродѣ нѣмецкихъ; 2) учредить союзъ всѣхъ русскихъ книгопродавцевъ въ Москвѣ; 3) открывать между ними срочный кредитъ и 4) отъ имени союза вступить въ постоянное сношеніе съ Лейпцигомъ. При редакціяхъ „Рус. Бесѣды“ и „Паруса“ предполагалось учредить славянскую контору, съ цѣлью облегчить учено-литературное сношеніе русскихъ съ славянами, о чемъ было заявлено въ объявленіи объ изданіи „Рус. Бесѣды“ на 1859 г. (1858 г., кн. IV). Въ то же время Аксаковъ хлопоталъ объ изданіи карты славянскихъ племенъ. Кошелевъ это одобрилъ и указалъ, что этимъ дѣломъ очень усердно занимался кн. Ал. Ил. Васильчиковъ и много на это потратилъ денегъ. У Васильчикова сотрудниками были Вукъ Караджичъ и еще кто-то, а шло это дѣло чрезъ посредство Раевского. Кошелевъ предлагалъ списаться съ послѣднимъ и приобрести отъ него матеріалы для изданія, которое Ал. Ивановичъ принималъ на свой счетъ. (Объ изданіи карты и „Сборника о славянахъ“ было упомянуто въ объявленіи о подпискѣ на 1859 годъ, но, вслѣдствіе закрытія въ томъ году журнала, предположеніе не состоялось.) 14-го сентября 1858 г. Кошелевъ писалъ И. С. Аксакову: „Искренно радуюсь успѣшному, живому ходу вашей славянской конторы; вашъ циркуляръ очень хорошъ“. Тѣмъ же менѣе Ал. Иван. одобрялъ Аксакова, что онъ не желаетъ обра-

тить „Бесѣду“ и „Парусъ“ въ чисто-славянскій журналъ,—это, по словамъ Кошелева, было бы смертнымъ приговоромъ. „Что ни говорите, а славянизмъ у насъ есть чисто-литературная идея, не гибнущая никакого корня въ нашемъ быту. Боже васъ избави отъ крайностей Бодянского, Гильфердинга, Бессонова и нѣкоторыхъ другихъ! Впрочемъ, для васъ это не опасно,—вы слишкомъ для того живы“ (1 октября 1858 г.). Въмѣстѣ съ этимъ предполагалось издавать газету „Пароходъ“ или „Славянскій Вѣстникъ“, которой отвѣтственнымъ редакторомъ долженъ былъ быть Ѡ. В. Чижовъ, а действительнымъ И. С. Аксаковъ. Министерство иностранныхъ дѣлъ признавало тогда сближеніе со славянами и появленіе такого изданія желательнымъ и даже само предлагало его начать. Тѣмъ не менѣе цензура не разрѣшала изданія иначе, какъ обративъ его въ чисто литературно-ученое предпріятіе, отнюдь не допуская какихъ-нибудь даже намековъ въ политическомъ смыслѣ. Такимъ образомъ изданіе журнала не состоялось. Хомяковъ писалъ объ этомъ Самарину: „Пришлось отказаться отъ этого, почти необходимаго, изданія и отъ новаго, весьма заманчиваго имени „Славянскій Вѣстникъ“; мнѣ это было страшно досадно и сверхъ того грустно“ („Рус. Арх.“ 1879, III, 353).

Вотъ два любопытныхъ письма, полученныхъ Кошелевымъ по случаю изданія „Бесѣды“:—Письмо 25 марта 1856 г. отъ Ап. А. Григорьева, известнаго критика и гегелианца 40-выхъ годовъ, бывшаго членомъ молодой редакціи „Москвитянина“ и впоследствии редакторомъ журнала „Эпоха“: „Принявши съ величайшею радостью весьма лестное предложеніе ваше (сотрудничества въ „Русской Бесѣдѣ“), какъ совершенно удовлетворяющее всѣмъ моимъ лучшимъ убѣжденіямъ, я только потому могъ нѣсколько обдумать дѣло, рассмотреть его не съ одной, а съ нѣсколькихъ сторонъ.—Всѣ главные выводы такого рассмотрѣнія я рѣшаюсь изложить вамъ съ откровенностью, необходимою между людьми честно служащими одному дѣлу, но смотрящими на него съ нѣсколькихъ разныхъ точекъ. Вы хотите, возстановляя „Москвитянина“, сохранить одинъ изъ оттѣнковъ нашего общаго направленія,—оттѣнокъ, замѣтите, нѣсколько отличный отъ вашего, отъ старшаго славянофильства. Главнымъ образомъ мы расходимся съ вами во взглядѣ на искусство, которое для васъ имѣетъ значеніе только служебное, для насъ совершенно самостоятельное, если хотите—даже высшее чѣмъ

наука. Когда я говорю, что *мавнымъ* образомъ мы въ этомъ расходимся, то говорю не *савсѣмъ* точно,—надо бы сказать: единственно въ этомъ,—во *всемъ* *остающемся*, т.-е. въ учении о самостоятельности развитія, о *непредложности* православія, мы (по крайней мѣрѣ, я лично) охотно признаемъ васъ старшими, а себя учениками. Въ отношеніи къ взгляду на народность различія наши могутъ быть, какъ мнѣ кажется, формулированы въ двухъ слѣдующихъ положеніяхъ. 1) Глубоко сочувствуя, какъ вы же, всему разноплеменному славянскому, мы убѣждены только въ особенномъ превосходствѣ начала великорусскаго передъ прочими и, слѣдственно, здѣсь болѣе *исключительны*, чѣмъ вы,—*исключительны* даже до нѣкоторой *подозрительности*, особенно въ отношеніи къ началамъ ляхитскому и хохлацкому. 2) Убѣжденные, какъ вы же, что залогъ будущаго Россіи хранится только въ *классахъ* народа, сохранившаго *вѣру*, нравы, языкъ *отцовъ*,—въ *классахъ*, не тронутыхъ *фальшью* цивилизаціи,—мы не беремъ таковымъ *исключительно* *одно* крестьянство: въ *классѣ* среднемъ, промышленномъ, *вупеческомъ* по преимуществу видимъ старую, *извѣчную* Русь, съ ея дурнымъ и хорошимъ, съ ея *самобытностью* и, пожалуй, съ ея *подражательностью*,—*чертой*, которою славянъ *попрекали* чуть-что не до *первыхъ* минутъ ихъ историческаго существованія,—*чертой*, которою *объясняются* и нѣкоторая *порча* языка средняго сословія (если называть это *порчей*), и нѣкоторая *мишура* въ жизни, и нѣкоторыя въ высшей степени *комическія* явленія быта. *Значитъ*, здѣсь мы менѣе чѣмъ вы *исключительны*, коли хотите—менѣе чѣмъ вы *цѣломудренны*.

„Вотъ наши различія *положительныя*. Изъ нихъ *вытекаютъ* *покамытъ* наружу, литературно, вотъ какія *послѣдствія*: 1) *большее* сравнительно съ вами *поклоненіе* Пушкину и *меньшее* сравнительно съ вами же *поклоненіе* Гоголю; 2) *значительнѣйшая* сравнительно съ *вашею* *одѣнкою* *одѣнка* нѣкоторыхъ литературныхъ явленій *настоящей* минуты, какъ *минуты* *нашей*; что же касается до *отрицательныхъ* пунктовъ, то здѣсь *сходство* *простирается* до тождества. Не любимъ мы того же, что и вы не любите, и нѣтъ *нужды* даже *пояснять*, чего именно. Итакъ, хотите ли вы *поддержать* и *сохранить* таковой *оттѣнокъ* *направленія*, котораго свойства я *формулировалъ* сравнительно и по крайнему разумѣнію?

„Если да, то въ такомъ случаѣ едва ли возможны въ будущемъ „Москвитянинъ“ иныя для насъ отношенія, какъ слѣдующія:

„1) Отдѣлъ критики литературныхъ произведеній состоитъ въ моемъ исключительномъ завѣдываніи: мое дѣло—и сотрудники для сего отдѣла, и просмотръ статей и т. д.

„2) Въ другіе отдѣлы я не мѣшаюсь; относительно произведеній словесности я имѣю голосъ равный съ прочими—касательно помѣщенія ихъ въ нашемъ журналѣ.

„3) Имя мое—вмѣстѣ ли съ вашимъ или другимъ именемъ, но должно быть на журналѣ.

„4) Тотчасъ же по рѣшеніи нашего дѣла вы отправляете меня въ Петербургъ, для набора хорошихъ статей у кого нужно.

„Все остальное предоставляю волѣ самихъ тѣхъ, которымъ, на сихъ условіяхъ, буду служить вѣрою и правдою!“

Соглашеніе съ Григорьевымъ на этихъ условіяхъ не состоялось; но онъ помѣстилъ въ „Русской Бесѣдѣ“ статью „О правдѣ и искренности въ искусствѣ“.

Письмо ориенталиста В. В. Григорьева отъ 3 марта 1856 г. изъ Оренбурга, гдѣ Григорьевъ былъ тогда предсѣдателемъ Оренбургской пограничной комиссіи:

„Въ № 65 „Русскаго Инвалида“ прочелъ я, что вы предприняли изданіе „Русской Бесѣды“, журнала въ духѣ вѣры и народности русской.

„Лѣтъ восемь-девять тому, ультра-западное направленіе, господствовавшее исключительно въ обществѣ и журналахъ нашихъ, опротивѣло мнѣ до того, что я задумалъ противодѣйствовать ему на сколько могъ, предпринявъ изданіе въ томъ же духѣ, какимъ повидимому пронизаны и вы, ежемѣсячнаго журнала. Это было блаженной памяти „Сѣверное Обзорѣніе“. Для публики я былъ только сотрудникомъ этого журнала, но онъ принадлежалъ мнѣ какъ собственность, и редактировалъ въ немъ, помимо именъ, выставленныхъ на оберткѣ, я одинъ. Печальный конецъ этой затѣи извѣстенъ: первый годъ журналъ еще держался кое-какъ, потомъ книжки его стали являться все рѣже и рѣже, наконецъ изданіе прекратилось совсѣмъ, не подвинувъ желаемого дѣла ни на шагъ впередъ и наградивъ меня, за ревность къ нему, долгомъ и ненавистью всѣхъ безусловныхъ поклонниковъ Запада.

„Много было причинъ неудачи „Сѣвернаго Обзорѣнія“. Одною

изъ главныхъ—та, что издатель не имѣлъ достаточныхъ денежныхъ средствъ, чтобы въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ издавать журналъ въ убытокъ, довольствуясь нѣсколькими сотнями подписчиковъ. Въ Москвѣ М. П. Погодинъ ухитрился издавать „Москвитянинъ“, многіе годы расхोлившійся въ какихъ-нибудь 600 экземплярахъ. Въ Петербургѣ плата почти всѣмъ сотрудникамъ и за каждую статью; журналъ не могъ держаться при такихъ условіяхъ. Сильно повредили также „Сѣверному Обозрѣнію“ европейскія происшествія 1848 года: правительство сдѣлалось подозрительнѣе, цензура дошла до вельпости; въ тому же цензоръ журнала, западникъ самъ, считалъ обязанностію вредить изданію, проповѣдывавшему убѣжденія враждебныя его собственнымъ. Наконецъ у меня самого отнимала духъ и силы болѣе всего несоотвѣтственность журнала моимъ отъ него требованіямъ: вмѣсто согласнаго во всѣхъ отдѣлахъ его преслѣдованія и развитія однихъ и тѣхъ же идей, однихъ и тѣхъ же стремленій, являлась какая-то разнообразица, вредно дѣйствовавшая и на публику въ томъ отношеніи, что затемняла для нея мысль и направленіе изданія. Я чуть не плакалъ, а горю помочь не могъ. Одинъ не въ состояніи я былъ работать за всѣхъ, тѣмъ болѣе, что издавалъ въ то же время, по службѣ, другой журналъ—министерства внутреннихъ дѣлъ; сотрудниковъ же сочувствующихъ и усердныхъ въ дѣлу было мало, или я вовсе не было. По всей Руси нашлось только два-три человѣка, которые поняли, куда бѣтъ журналъ, и отозвались на голось его присылкою нѣсколькихъ статей. Такое равнодушіе русскихъ къ русскому дѣлу огорчало меня до глубины души; мнѣ больно было не то, что падало предпріятіе, а то, что не созрѣла еще Русь для самосознанія, что все еще оставалась она глупымъ и послушнымъ ребенкомъ своихъ неразумныхъ учителей.

„Не знаю, на много ли подвинулась она съ тѣхъ поръ, и насколько счастливѣе меня будете вы съ вашею „Бесѣдою“; но помни, каково было мнѣ сиротствовать, ратуя безъ сподвижниковъ, я не могъ удержаться, чтобы, увидѣвъ другихъ людей, возобновляющихъ мое дѣло, не благословить ихъ подвига и не выразить имъ сочувствія къ этому подвигу предложеніемъ своего посильнаго сотрудничества.

„При большемъ досугѣ, я бы общалъ работать постоянно и много—по части, для которой небогаты мы дѣятелями и которая

составляла нѣкогда мою спеціальность: по изученію и разборкѣ мусульманскаго и немусульманскаго Востока, единственной отрасли занятій въ Россіи, по которой нечему намъ учиться у Запада, по которой работаемъ мы самостоятельно, не преклоняясь ни передъ какими авторитетами. Но я занятъ службою по горло и, въ прибавокъ, не имѣю средствъ слѣдить, какъ должно, за ученою дѣятельностію по этой части. Если, обремененный оффиціальными занятіями, рѣшаюсь я отнять у себя послѣднія свободныя минуты, то единственно по горячему участию въ пробужденію русскаго духа,— дѣлу, которое я считаю выше и нужнѣе всего. Такимъ образомъ многого общать не могу, а на дѣлѣ не окажется, быть-можетъ, исполнимымъ для меня и то небольшое, за что думаю я взяться для вашей „Рус. Бесѣды“.

Именно, въ теченіе настоящаго года, желалъ бы я и, если Богъ поможетъ, успѣю написать двѣ статьи: одну — „о Т. Н. Грановскомъ, до его профессорства въ Москвѣ“. Я былъ друженъ съ покойнымъ въ до-московскій періодъ его жизни и могъ бы сообщить о томъ, какъ развивалась эта прекрасная натура, много любопытнаго. Но я не поклонникъ Грановскаго и выбираю этого представителя западнаго направленія въ Москвѣ какъ тему для указанія бесплодности для Руси непереваренной западной науки. Другая статья будетъ имѣть предметомъ Н. И. Надеждина, котораго нѣкогда зналъ я близко и долго. Надеждина считаю я типомъ русскаго ученаго — не въ возможности, а въ дѣйствительности, и мнѣ хотѣлось бы показать значеніе его въ наукѣ и въ общественной жизни не въ видѣ похвальнаго слова, а съ возможнымъ безпристрастіемъ.

Настоящая служба заставила меня познакомиться съ бытомъ подвластныхъ намъ киргизовъ. По этому поводу намѣренъ я также поговорить о „родовомъ бытѣ“ въ томъ видѣ, какъ онъ существуетъ въ дѣйствительности, а не въ соображеніяхъ кабинетныхъ ученыхъ. Можетъ выйти вещь съ значеніемъ для науки. Рано или поздно объ этомъ предметѣ буду я писать непременно,—не для васъ, такъ для академіи наукъ. Но если „Рус. Бесѣда“ окажется соотвѣтствующею моимъ желаніямъ, я отдамъ вамъ и этотъ трудъ.

Въ заключеніе позвольте послужить совѣтомъ отъ искренняго сердца: хотите успѣха дѣлу, такъ работайте усердно, не лѣнясь и не довольствуясь чѣмъ-нибудь. Коли валить черезъ пень-колоду,

лучше и за дѣло не приниматься: только повредите себѣ и единомышленникамъ. Вотъ напримѣръ „Русскій Вѣстникъ“: какой это журналъ? что въ немъ своего? Наборъ хорошихъ статей, между которыми ничего нѣтъ общаго, а хватанье того-сего по мелочи, безъ отчета, почему объ одномъ говорится, а о другомъ нѣтъ. Примитесь обозрѣвать ту или другую отрасль дѣятельности, такъ ужь отдавайте полный о ней отчетъ; иначе трудъ смысла не имѣеть. „Отечественныя Записки“, которыя впрочемъ тоже потеряли и цвѣтъ, и запахъ, относительно однородности статей могли бы служить хорошимъ примѣромъ для московскихъ журналовъ“.

Сотрудничество Григорьева не обошлось „Бесѣдъ“ даромъ. Отвѣчая въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ Григорьеву на его предложеніе, Ал. Иван. говоритъ, между прочимъ, о статьѣ, обѣщанной „другомъ“ Грановскаго: „хотя Т. Н. Грановскій былъ и западнаго направленія, но онъ былъ человѣкъ живой и часто мы услаждались въ бесѣдѣ съ нимъ. Ваши слова о немъ будутъ истиннымъ вкладомъ для „Бесѣды“, ибо это докажетъ людямъ противнаго намъ направленія, что мы умѣемъ цѣнить людей и не одинаковыхъ съ нами убѣждений“.

Извѣстно, какъ въ статьѣ Григорьева „Т. Н. Грановскій до его профессорства въ Москвѣ“ „другъ“ закидалъ грязью память одного изъ самыхъ честныхъ и благороднѣйшихъ русскихъ дѣятелей. По всѣмъ лучшимъ журналамъ прошелъ общій взрывъ негодованія; въ особенности ополчился на Григорьева „Русскій Вѣстникъ“, гдѣ Кавелинъ помѣстилъ фізіологическій очеркъ „Слуга“, примѣняя въ Григорьеву то фамиллярно-пошлое отношеніе, какое позволяетъ иногда къ знаменитому человѣку его собственный лакей; а Н. Ф. Павловъ—остроумный и рѣзкій отвѣтъ подъ заглавіемъ „Біографъ оріенталиста“, гдѣ онъ не встать пустилъ въ оцѣнку ученыя заслуги не только самого Григорьева, но и вообще русскихъ оріенталистовъ, въ чемъ онъ оказался совсѣмъ несвѣдущимъ. Даже С. П. Шевыревъ не выдержалъ и прислалъ Кошелеву письмо такого содержанія: „Статья эта преинтересный документъ въ исторіи современнаго образованія, а все-таки со стороны Григорьева дурной поступокъ, и мнѣ жаль, что онъ совершенъ въ „Рус. Бесѣдѣ“. Грановскій письмами своими много выигрываетъ, какъ человѣкъ искренній, изливающаящій душу свою въ душу другаго. Но что касается до этого „друга“, то къ нему не только всякое сочувствіе исчезаетъ, а чув-

ствуешь омерзѣніе. Мнѣ кажется, тутъ спора быть не можетъ“. К. С. Авсаковъ, осуждая Григорьева за то, что статьи, помѣстивъ въ обзорѣніи современныхъ журналовъ „Молвы“ (№ 1-й, 1857, 6 и 7) прекрасный и самый сочувственный отзывъ о Грановскомъ.

Цензурныя условія, въ концѣ пятидесятихъ годовъ, вообще были сравнительно легче, но это не касалось „Рус. Бесѣды“, за которую цензура смотрѣла въ оба. Въ 1858 году вмѣсто одного, извѣстнаго своимъ благороднымъ и снисходительнымъ отношеніемъ къ печати, цензора Н. Ф. Крузе *) назначенъ былъ другой—Н. П. Гиляровъ. 2 іюня 1858 года Ал. Иван. писалъ И. С. Авсакову:

„Новое цензурное устройство крайне неуѣшительно: вмѣсто одного—два цензора; у нихъ болѣе свободнаго времени—вотъ что скверно. Изъ 17 статей пропущено только 5: это просто ужасно! Отсюда вижу, что пропущено: моя статья, двѣ дрянныя статьи Хрущова, одинъ разговоръ и еще не знаю что. При такой цензурѣ нѣтъ возможности издавать“. Несмотря на то, что Гиляровъ былъ негласнымъ постояннымъ сотрудникомъ „Рус. Бесѣды“, Ал. Иван. жаловался, что сношенія гораздо затруднительнѣе. Журнальная дѣятельность въ Москвѣ еще болѣе стѣснена была распоряженіемъ министра народнаго просвѣщенія Ковалевскаго: чтобы всѣ политическія текущія извѣстія, печатаемыя въ московскихъ журналахъ, заимствовались исключительно изъ газетъ петербургскихъ; чтобы политическія обзорѣнія и статьи основывались на извѣстіяхъ помѣщенныхъ въ русскихъ газетахъ и подвергались разсмотрѣнію въ присутствіи всего цензурнаго комитета. Эти и другія цензурныя стѣсненія заставили Ал. Иван. прекратить, по окончаніи года, изданіе „Сельскаго Благоустройства“ и отразились на изданіи „Рус. Бесѣды“.

Въ печатномъ объявленіи объ изданіи „Рус. Бесѣды“, программа журнала, написанная А. И. Кошелевымъ и нѣсколько измѣненная на общемъ совѣщаніи, изложена была въ слѣдующемъ видѣ:

„Единственная почва для самобытнаго и полнаго развитія всякаго народа есть, конечно, его народность, т.-е. та совокупность его умственныхъ, нравственныхъ и жизненныхъ силъ, которая составляетъ его нравственную личность. Какъ человѣку безъ утраты самостоятельности нельзя отказаться отъ своей личности, такъ

*) Изъ переписки Ал. Иван. видно, что онъ принималъ дѣятельное участіе въ поднескѣ въ честь Н. Ф. Крузе, составившейся въ Москвѣ послѣ удаленія Крузе отъ должности цензора.

и народу безъ ущерба силы и самобытности невозможно покинуть свою народность. Къ великому счастью нашему, народность русская сильна и тверда. Изучать русскую жизнь въ исторіи и народномъ быту, разрабатывать этотъ едва початый рудникъ и посылно содѣйствовать къ развитію русскаго воззрѣнія на науки и искусства, къ возбужденію русской изобрѣтательности и къ поддержанію русскихъ нравовъ и обычаевъ—вотъ главная цѣль, которую предполагаетъ себѣ „Русская Бесѣда“. Она не будетъ имѣть въ виду ни воскрешать старины, которая имѣла значеніе въ свое время, которая нынѣ невозможна и превратилась бы въ бессмысленныя оковы для настоящаго, ни выставять все нынѣ существующее въ народѣ образцомъ для слѣплого подражанія; но она посвятитъ всѣ свои усилія на то, чтобы болѣе и болѣе убѣдить своихъ соотечественниковъ въ необходимости оживляться въ струѣ русскаго духа, проявляемаго исторіею, великими событіями нашего времени и знаменательнымъ бытомъ нашего народа.

„Народность русская неразрывно соединена съ православною вѣрою. Вѣра—душа всей русской жизни; она же должна опредѣлять характеръ всякой умственной дѣятельности на нашей родинѣ.

„Считаемъ почти излишнимъ оговариваться, что, посвящая себя преимущественно служенію русскаго начала, журналъ нашъ не будетъ враждебнымъ къ западной цивилизаціи. Всякій просвѣщенный русскій знаетъ, сколь много онъ ей обязанъ своимъ умственнымъ развитіемъ, и убѣжденъ, что еще весьма многому онъ долженъ у нея научиться; но вмѣстѣ съ тѣмъ очевидно, что западная цивилизація можетъ быть для Россіи полезнаю только по пропущеніи ея черезъ критику русскаго духа, основанную на коренныхъ началахъ нашей вѣры. Заимствовать какъ можно болѣе у богатаго свѣдѣніями Запада, съ самобытностью усвоивать себѣ все занятое, показывать истинныя отношенія Запада къ Россіи и Россіи къ Западу и содѣйствовать къ настоящей оцѣнкѣ у насъ западной цивилизаціи—вотъ предметы, которые „Русская Бесѣда“ при соприкосновеніяхъ съ Западомъ постарается имѣть неизмѣнно въ виду“.

Хомяковъ, въ предисловіи, помѣщенномъ имъ въ первой внижѣ „Рус. Бесѣды“, такъ высказался о ея направленіи: „Когда русское общество стало лицомъ къ лицу съ западною наукою, изум-

ленное, ослѣпленное новооткрытыми сокровищами, оно бросилось къ нимъ со всею страстію, въ которой только была способна его нѣсколько лѣнивая природа. Ему показалось, что только теперь началась умственная и духовная жизнь для Русской земли, что прежде того она или вовсе не жила, или по крайней мѣрѣ ничего такого не дѣлала, что бы стоило памяти въ родѣ человѣческомъ. Но дѣйствительно было совсѣмъ не то. Русскій духъ создалъ самую Русскую землю въ безконечномъ ея объемѣ, ибо это дѣло не плоти, а духа; русскій духъ утвердилъ навсегда мірскую общину, лучшую форму общежительности въ тѣсныхъ предѣлахъ; русскій духъ повилъ святость семьи и поставилъ ее какъ чистѣйшую и неизблемую основу всего общественнаго зданія: онъ выработалъ въ народѣ всѣ его нравственныя силы, вѣру въ святую истину, терпѣніе несокрушимое и полное смиреніе. Таковы были его дѣла, плоды милости Божіей, озарившей его полнымъ свѣтомъ православія. Теперь, когда мысль окрѣпла въ знаніи, когда самый ходъ исторіи, раскрывающей тайныя начала общественныхъ явленій, обличилъ во многомъ ложь западнаго міра и когда наше сознаніе оцѣнило (хотя можетъ-быть еще не вполне) силу и красоту нашихъ исконныхъ началъ,—намъ предлежитъ снова пересмотрѣть всѣ тѣ положенія, всѣ тѣ выводы, сдѣланныя западною наукою, которымъ мы вѣрили такъ безусловно; намъ предлежитъ подвергнуть все шаткое зданіе нашего просвѣщенія безстрастной критикѣ нашихъ собственныхъ духовныхъ началъ и тѣмъ самымъ дать ему несокрушимую прочность. Въ то же время на насъ лежитъ обязанность разумно усвоивать себѣ всякій новый плодъ мысли западной, еще столько богатой и достойной изученія, дабы не оказаться отсталыми въ то время, когда богатство нашихъ данныхъ возлагаетъ на насъ обязанность стремиться къ первому мѣсту въ рядахъ просвѣщающагося человѣчества“.

Самое опубликованіе программы „Рус. Бесѣды“ вызвало замѣтку въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, издававшихся тогда еще Катковымъ *). Привѣтствуя новый журналъ, редакція вскользь замѣчаетъ,

---

*) Ал. Иван. 21 ноября 1857 г. писалъ кн. Черкасскому: „Я съ Лешковымъ снимаемъ на 10 лѣтъ Университетскую типографію съ „Московскими Вѣдомостями“ и книжною лавкою. Соперники наши братья Коршъ (Евг. и Вал. Ѳеодор.); они давали въ годъ 45.000, мы предложили 50.000. Хотѣли еще разъ пустить на переторжку. Коршей поддерживаетъ Солдатенковъ.“

что въ программѣ говорится о посильномъ содѣйствіи къ развитію русскаго воззрѣнія на науки и искусство, но вѣдь науки и искусство допускаютъ лишь одно воззрѣніе—просвѣщенное, слѣдовательно общечеловѣческое“ (№ 27-й, 3 марта 1856 года, литер. отд.). Редакція „Рус. Бес.“ отвѣчала на упрекъ въ неопредѣленности программы, не отличающейся отъ другихъ журналовъ, тѣмъ, что именно развитіе русскаго воззрѣнія и составляетъ ея главную задачу и существенный отличительный признакъ. Поддерживая прежній свой взглядъ, редакція „Московск. Вѣдомостей“ повторяетъ: „мы знаемъ и уважаемъ одну науку, общую всѣмъ народамъ, всѣмъ національностямъ, предъ которою принуждены преклонять голову даже невѣжественные турки, доводившіе національную исключительность до отвратительныхъ размѣровъ“ (8 марта, № 29). Эти бѣглыя замѣтки послужили исходною точкою теоретическаго спора о народности въ наукѣ, съ котораго началась полемическая дѣятельность „Рус. Бесѣды“. Въ 1-й книжкѣ „Рус. Бесѣды“ за 1856 г. Самаринъ помѣстилъ статью: „Два слова о народности въ наукѣ“ и о томъ же предметѣ трактовалъ К. С. Аксаковъ („О русскомъ воззрѣніи“ 1886, кн. I, подп. А. К.). Противникомъ „Рус. Бесѣды“ выступилъ Б. Н. Чичеринъ, и съ этого началась полемика по этому вопросу преимущественно между „Рус. Бесѣдой“ и „Рус. Вѣстникомъ“,—полемика, въ которой приняли участіе и другіе журналы*). Споръ этотъ въ настоящее время не имѣетъ значенія и основанъ, какъ большинство полемическихъ препирательствъ, на недоразумѣніи. К. С. Аксаковъ тогда же справедливо замѣтилъ, что этотъ теоретическій споръ о необходимости народнаго воззрѣнія доказываетъ, что мы еще

*) Чичеринъ помѣстилъ первую свою статью „О народности въ наукѣ“ въ первой книжкѣ „Рус. Вѣстника“ за май 1856 года; вслѣдъ за этимъ сама редакція „Русскаго Вѣстника“ помѣстила отъ себя „нѣсколько словъ о критикѣ“ „Рус. Бес.“ и такъ называемое славянофильское направленіе“ (ч. VI, 212). Противъ этихъ статей возражали К. С. Аксаковъ („Еще о русскомъ воззрѣніи“, 1856, кн. II) и Хомяковъ („Разговоръ въ подмосковной“, 1856, кн. 11, стр. 107, безъ подписки). На послѣдній статьѣ Чичеринъ отвѣчалъ статью въ первой книжкѣ „Рус. Вѣстника“ за сентябрь 1856 года подъ тѣмъ же заглавіемъ „О народности въ наукѣ“. Въ 1857 года споръ возбудилъ снова Н. П. Гиляровъ статью „Новыя объясненія по старому спору“, въ отвѣтъ на статью г. Яхонтова „Исслѣдованіе вопроса о народности въ наукѣ и государственная жизнь“, помѣщенную въ № 239 за 1857 г. „Сѣверной Пчелы“. Чичеринъ отвѣчалъ статью „Дополнительная замѣтка о народности въ наукѣ“ („Атеней“, ч. 1, 269—285). Сюда же относится „Голосъ изъ Енисейска по поводу толковъ о народности въ наукѣ“, М. Кривошапкина („Рус. Бес.“ 1857, III, 63—80).

не такъ близки къ самобытной эпохѣ и что наше подражательное направленіе еще не прошло; скажемъ встати, что этотъ споръ о народномъ возрѣніи былъ бы непонятенъ ни для француза, ни для нѣмца, ни для англичанина („Рус. Бес.“ 1856, кн. 11, 140). Замѣтимъ при этомъ, что славянофилы никогда не думали ни о какомъ національномъ возрѣніи въ наукахъ точныхъ и наукахъ о природѣ (Хомяковъ, соч. т. I, 571; Самаринъ, соч. ч. I); вопросъ ставился преимущественно относительно исторіи и наукъ социальныхъ, гдѣ субъективизмъ изслѣдователя никогда не можетъ вполне отрѣшиться не только отъ мѣстныхъ и народныхъ вліяній, но и отъ возрѣній той партіи или школы, къ которой принадлежитъ „изслѣдователь“. Если слово „народность“ замѣнить словомъ „самостоятельность“ или „самобытность“, то споръ будетъ оконченъ, ибо ни одна изъ спорящихъ сторонъ не отказывала русскому народу въ правѣ самостоятельнаго изслѣдованія въ дѣлѣ науки. Но въ то время безусловнаго подчиненія западнымъ научнымъ авторитетамъ самостоятельность научнаго изслѣдованія являлась какимъ-то особымъ процессомъ, предполагавшимъ съ одной стороны отреченіе отъ Запада, а съ другой—возвратъ въ самого себя, связанный неразрывно со всѣми другими, въ данномъ случаѣ совершенно посторонними сторонами народной жизни—вѣрою и бытовымъ экономическимъ условіемъ, чѣмъ и выражалось цѣльнымъ словомъ *народность*. Что дѣйствительно славянофилы подъ словомъ *народность* разумѣли именно *самостоятельность научнаго изслѣдованія*, очевидно изъ слѣдующихъ разсужденій. Славянофилы указываютъ на неопредѣленность выраженія „общечеловѣческое“ въ противоположность „народному“. „Увы, еще не родился тотъ геній,—говоритъ Самаринъ,—который бы размежевалъ всю область человѣческаго вѣдѣнія на двѣ полосы и поставилъ между ними столбъ съ надписями: образованное и человѣческое, ложное и народное“ (Самаринъ, соч. ч. 1). Общечеловѣческое само по себѣ не существуетъ; оно существуетъ въ личномъ разумѣніи отдѣльнаго человѣка. Чтобы понять общечеловѣческое, нужно быть *собою*, надо имѣть *свое мнѣніе*, надо мыслить *самому*. Но что же пойметъ тотъ, кто своего мнѣнія не имѣетъ, а живетъ чужими мнѣніями? Что же сдѣлаетъ, что придумаетъ онъ *самъ*?—ничего: за него думаютъ другіе; а онъ живетъ подъ умственнымъ авторитетомъ другихъ и *самъ* ничего не можетъ сдѣлать для общаго дѣла. Только *самостоятельные*

умы служатъ великому дѣлу человѣческой мысли (К. Аксаковъ, „Рус. Бесѣда“ 1856, кн. II, 142). По мнѣнію Самарина, „призваніе народности въ дѣло науки“ представляется въ двоякомъ видѣ: „Съ одной стороны сродство мысли познающей съ мыслью проявившею себя исторически заключаетъ въ себѣ одно изъ существенныхъ условій постиженія внутреннего смысла и побудительныхъ причинъ, вызвавшихъ эти проявленія; съ другой—непричастность народнаго возрѣнія къ предубѣжденіямъ и односторонностямъ, налагающимъ свое клеймо на возрѣнія другихъ народовъ, даетъ возможность общечеловѣческому возрѣнію постепенно расширяться и освобождать себя отъ тѣсныхъ рамокъ, временно его ограничивающихъ. Здравое понятіе о народности ограничивается съ одной стороны боязнью исключительности, съ другой—боязнью слѣпago подражанія“ (Соч. ч. 1). Къ этому прибавляетъ Аксаковъ: „Русскій народъ имѣетъ прямое право, какъ народъ, на общечеловѣческое, а не чрезъ посредство и не съ позволенія западной Европы. Къ Европѣ относится онъ критически и свободно, принимая отъ нея лишь то, что можетъ быть общимъ достояніемъ, а національность европейскую откидывая. Онъ относится точно такъ же къ Европѣ, какъ ко всѣмъ другимъ, древнимъ и современнымъ, народамъ въ странамъ: такъ думаютъ люди, называемые славянофилами. Европизмъ, имѣя человѣческое значеніе, имѣетъ свою, и очень сильную, національность: вотъ чего не видятъ противники нашихъ мнѣній, не отдѣляющіе въ Европѣ человѣческаго отъ національнаго. И такъ, споръ, понятый настоящимъ образомъ, совершенно перемѣняетъ свое значеніе. Съ одной стороны, такъ называемые славянофилы стоятъ за общечеловѣческое и за прямое на него право русскаго народа. Съ другой стороны, поборники западной Европы стоятъ за исключительную европейскую національность, которой придаютъ всемірное значеніе и ради которой они отнимаютъ у русскаго народа его прямое право на общечеловѣческое. И такъ, наоборотъ, такъ называемые славянофилы стоятъ за общечеловѣческое, а противники ихъ—за исключительную національность. Съ одной стороны, чувство свободы и любви; съ другой—чувство зависимости и преданности авторитету“ („Рус. Бес.“ I, 85).

Изъ двухъ статей, помѣщенныхъ въ „Рус. Вѣстникъ“ Чичерина, въ первой разсматривается вопросъ, какое значеніе имѣетъ наука, субъективное или объективное, народное или общечеловѣчное? Во

второй — какъ образуетъ себя народъ? Долженъ ли онъ развиваться внутри себя, органическимъ путемъ, или долженъ онъ принимать образованность какъ внѣшній матеріалъ, къ которому онъ относится чисто-страдательнымъ образомъ. Второй вопросъ возникъ потому, что славянофилы, говоря о народной самостоятельности, имѣли въ виду не столько научную разработку, сколько характеръ просвѣщенія вообще *).

Сущность первой статьи Чичерина въ слѣдующемъ: „Для науки необходимо возрѣніе объективное; чѣмъ болѣе мы отрѣшимся отъ субъективныхъ взглядовъ, тѣмъ яснѣе и полнѣе будетъ истина, ибо истина одна для всѣхъ. Справедливо однако же, что каждый народъ, имѣя ближайшее знакомство съ собственнымъ бытомъ и большее сочувствіе къ собственной исторіи, нежели къ другимъ, обыкновенно разрабатываетъ и, преимущественно предъ другими, обращается къ туземнымъ источникамъ и раскрываетъ ихъ содержаніе. Но это не означаетъ еще возрѣнія народнаго (стр. 63). Куда бы мы ни обратились, вездѣ народность въ наукѣ представится намъ синонимомъ исключительности, односторонности, а потому и лжи. Другаго значенія народное возрѣніе въ наукѣ имѣть не можетъ. Но формы, въ которыхъ проявляется истина, разнообразны. Въ практической жизни, даже въ искусствѣ, каждый народъ можетъ предпочитать одну форму другой; это дѣло вкуса и физическихъ или духовныхъ потребностей человѣка. Но въ наукѣ такого выбора нѣтъ, потому что не можетъ быть двухъ различныхъ истинъ. Для науки всякое явленіе, гдѣ бы оно ни было и каково бы оно ни было, есть фактъ, который она вноситъ въ свои лѣтописи, провѣривъ напередъ, дѣйствительно ли онъ существуетъ, въ какой формѣ и при какихъ условіяхъ. Сродные факты наука сближаетъ и выводитъ постоянный

---

*) Просвѣщеніе не есть только сводъ и собраніе положительныхъ знаній, оно глубже и шире такого тѣснаго опредѣленія. Истинное просвѣщеніе есть разумное просвѣтленіе всего духовнаго состава въ человѣкѣ или народѣ. Оно можетъ соединяться съ наукою, ибо наука есть одно изъ его явленій, но оно сильно и безъ наукообразнаго знанія, наука же (одностороннее его развитіе) безсильна и ничтожна безъ него (Хомяковъ, соч. т. I, 26). Если даже частное усовершенствованіе, если всякое отдѣльное изобрѣтеніе, даже въ наукахъ прикладныхъ, носить на себѣ до извѣстной степени печать земли, въ которой оно возникло, и, такъ сказать, часть ея духа; то тѣмъ болѣе дѣлая образованность, или дѣлая система знанія запечатлѣвается мѣстнымъ характеромъ той области, въ которой она развилась, и передаетъ этотъ духъ и этотъ характеръ всякой землѣ, которая ее усваиваетъ и даетъ право гражданства (стр. 18).

или преемственный ихъ законъ. Фактъ и законъ—вотъ вся наука, вотъ вся ея задача. Законъ уже заключается въ фактъ; послѣдній есть произведеніе перваго. Такое настроеніе науки составляетъ, впрочемъ, только идеалъ, въ которому стремится наука (стр. 65). Точки зрѣнія въ наукѣ должны вырабатываться изъ самой науки, а не приготовляться напередъ и не приноситься въ нее извнѣ. Какъ скоро въ извѣстномъ рядѣ явленій открытъ внутренней, управляющій имъ законъ, какъ скоро, на основаніи критическаго изученія фактовъ, дѣлается неотъемлемымъ достояніемъ науки, такъ онъ становится точкою зрѣнія, съ которой мыслитель оглядывается кругомъ и съ которой онъ сводитъ всѣ принадлежащія къ этой области факты. Мало того, онъ дѣлается точкою опоры для дальнѣйшаго хода впередъ, для постиженія другихъ законовъ, для уразумѣнія другихъ явленій, ибо между различными законами и явленіями существуетъ живая внутренняя связь. Открытіе новаго закона, новую начала жизни, даетъ новую точку зрѣнія, и такимъ образомъ, при дальнѣйшемъ ходѣ познанія, кругозоръ дѣлается все шире и разумѣніе все яснѣе. Наука заключаетъ въ себѣ двѣ стороны: умозрѣніе и опытъ. Умозрѣніе есть также наука, имѣющая свои логическіе факты, свои логическіе законы, которые должны вырабатываться изъ самой науки, а не прилагаться къ ней извнѣ. Но и эти выведенные умозрѣніемъ законы природы или человѣчества мы не должны прямо прилагать къ фактическому познанію. Это пытались дѣлать нѣмецкіе философы новѣйшаго времени, но попытка оказалась не совсѣмъ удачною. Мы можемъ сказать, что *такой-то законъ есть требованіе нашего разума, но мы не вправъ ставъ на эту точку зрѣнія и разсматривать съ нея факты*. Для этого мы должны дожидаться, чтобы она (т.-е. точка зрѣнія) выработалась изъ самыхъ фактовъ путемъ опыта и критическаго анализа (стр. 67).

„Что приносить народъ въ дѣло науки? — Онъ приносить не какія-либо извѣстныя начала, не какое-либо извѣстное воззрѣніе, а мыслительную способность, склонную къ тому или другому способу познанія, смотря по характеру народа. Когда наука въ своемъ развитіи вырабатываетъ тѣ стороны единой истины, въ познаніи которыхъ можетъ преимущественно проявиться способность извѣстнаго народа, тогда народъ совершаетъ свое дѣло и становится дѣятелемъ въ исторіи человѣчества. Но для этого необходимо, чтобы

способности его были достаточно развиты полнымъ обладаніемъ предмета“ (стр. 68).

Таково въ главныхъ чертахъ мнѣніе Чичерина. Но если признать категоріи *логическихъ* фактовъ, тогда нельзя утверждать, что точный методъ естественныхъ наукъ всецѣло примѣняется къ наукамъ социальнымъ и что въ смыслѣ метода наука одна; если допустить, что мыслительная способность зависитъ отъ характера народа, то нельзя оспаривать своеобразности воззрѣнія у каждаго народа и, слѣдовательно, присутствія элемента народности въ процессѣ постиженія, т.-е. всѣхъ тѣхъ результатовъ, на которые указывали славянофилы.

Во второй статьѣ авторъ соглашается, что „нравы, обычаи, учрежденія могутъ различаться до безконечности; каждый народъ развиваетъ ихъ по-своему и то, что совершается даже подъ вліяніемъ единого теоретическаго воззрѣнія, можетъ въ приложеніи повести къ совершенно различнымъ бытовымъ явленіямъ. Мало того, нравы и обычаи различаются не только по народностямъ, но и по отдѣльнымъ классамъ одного и того же народа“. Затѣмъ Чичеринъ очень основательно, какъ всегда, доказываетъ, что народы менѣе цивилизованные развиваются только общеніемъ съ народами высшей культуры, причемъ первые у послѣднихъ заимствуютъ чужое хорошее и отбрасываютъ свое негодное. Но г. Чичеринъ совершенно напрасно для усвоенія такого разумнаго заимствованія требуетъ, чтобы народъ совершенно отрывался отъ своей почвы, и также напрасно приводитъ такую банальную истину, что „требовать сознательнымъ образомъ общаго умственнаго и нравственнаго подчиненія народнымъ началамъ значитъ отрицать въ народѣ движеніе къ развитію“. Славянофилы, принимая ту оговорку, которую мы привели и которую авторъ поставилъ во главѣ статьи, никогда и ни однимъ словомъ не возражали противъ позаимствованій у другихъ народовъ и не требовали, чтобы русскій народъ подчинился народнымъ началамъ въ томъ смыслѣ, чтобы его умственный и нравственный горизонтъ сравнялся съ теперешнимъ состояніемъ крестьянина и на этомъ остановился. „Нѣтъ,— писалъ Хомяковъ,— тотъ, кто говоритъ противъ умственнаго рабства и противъ умственнаго сна, тотъ не врагъ ума, и въ числѣ людей, требующихъ освобожденія отъ формъ западнаго просвѣщенія, едва ли найдутся такіе, которые бы не изучали добросовѣстно, съ любовью,

съ преданностью, его духовную сущность“ (Хомяковъ, соч. т. I, 183). „Отвергайте всякое нравственное зло, но не воображайте, что вы имѣете право отвергать какое бы ни было умственное или вещественное усовершенствованіе подѣ тѣмъ предлогомъ, что оно опасно для цѣлостности жизни и что оно вводитъ въ нее новую стихію раздвоенія. Мы обязаны принять все то, чѣмъ можетъ укрѣпиться земля, расширится промыслы, улучшится общественное благосостояніе. Какъ бы ни были вѣроатны недоразумѣнія, какъ бы ни были неизбежны частныя ошибки, мы обязаны принимать все то, что полезно и честно въ своемъ началѣ“ (стр. 463).

Редакціонная статья „Русскаго Вѣстника“ признаетъ присутствіе народнаго элемента въ научномъ постиженіи, но она вооружается противъ его односторонности. „Идея народа опредѣляется исторіей всемірной, и историческій народъ развивается во взаимодѣйствіи съ другими историческими народами. Есть народы, которые какъ бы отрекаются отъ такого взаимодѣйствія и замыкаются въ себѣ. Въ такихъ народахъ изсякаетъ всякая производительность, всякое творчество, всякій духъ, всякая жизнь. Исторія каждаго европейскаго народа есть исторія человѣчества, каждый изъ этихъ народовъ представляетъ собою великій и обильный міръ, каждый изъ нихъ ознаменовалъ себя оригинальною дѣятельностью и отличается самостоятельнымъ характеромъ, потому что всѣ они жили вмѣстѣ, взаимодействуя другъ на друга“ (VI, 224). Но статья заявляетъ совершенное свое согласіе съ словами Аксакова: „дѣло человѣчества совершается народностями, которыя не только отъ того не исчезаютъ и не теряются, но, проникаясь общимъ содержаніемъ, возвышаются и свѣтлѣютъ, я оправдываются, какъ народность“ (кн. I, 84).

Очевидно, что споръ происходилъ въ словахъ и держался отчасти недоразумѣніемъ, отчасти нежеланіемъ согласиться съ противникомъ. Это была обыкновенная и ничего въ дѣлу не прибавляющая перебранка изъ принципа двухъ враждебныхъ лагерей. Впрочемъ недоразумѣніе болѣе заключалось въ крайней постановкѣ вопроса Чичеринымъ, который слишкомъ мало оставлялъ простора самобытному русскому мышленію, осуждая его лишь на разработку частныхъ вопросовъ, вытекающихъ изъ основныхъ положеній современной западной науки, критическое отношеніе въ которымъ со стороны русскихъ ученыхъ Чичеринъ представляетъ себѣ во

всякомъ случаѣ подчиненнымъ. Такое воззрѣніе встрѣтило отпоръ въ современной профессорской средѣ и противъ него высказались Лешковъ и Рѣдкинъ. В. Н. Лешковъ помѣстилъ двѣ статьи „о русскомъ воззрѣніи“ въ „Москвитянинъ“ за 1856 годъ (часть I, 85 и 237). Точка отправления Лешкова слѣдующая: „Истина — одна, наука — одна, искусство — одно для всего человѣчества; все же справедливо только въ идеѣ; наука одна, какъ искомое, какъ цѣль стремленій, результаты же дѣйствительныхъ усилій къ осуществленію этихъ идей весьма различны—по мѣсту, времени, народности. Результаты идей ученыхъ составляютъ также науку, какъ результаты во имя идей искусства образуютъ искусство. Такъ наука и искусство, въ значеніи результатовъ, данныхъ въ извѣстное время, неужели для всѣхъ одни? (I, 88). Самостоятельное знаніе необходимо народно, какъ у частныхъ людей оно необходимо лично, и въ высшей степени народное, истинно-народное дѣлается общественнымъ, какъ въ высшей степени личное, истинно-личное претворяется въ народное“ (I, 238). Лешковъ разсматриваетъ *особенности*, обнаруживаемыя въ историческомъ развитіи русскаго народа сравнительно съ Западомъ, именно общинный бытъ, который Лешковъ, согласно съ славянофилами, признаетъ отличительною и самую важную чертой нашего прошедшаго: вѣра, сохранившая доселѣ свою силу, цѣльность и вліяніе; государственная самодержавная власть и ея организація; право и его понятія, опирающіяся на обычай, *по старинѣ*. Всѣ эти особенности изложены у Лешкова съ нѣкоторымъ славянофильскимъ отгѣнкомъ, такъ что всѣ его симпатіи обращены въ эту сторону *). Общее заключеніе, къ которому приходитъ Лешковъ, такое: „Въ Россіи, въ странѣ такихъ особенностей въ трудѣ и землѣ, служащихъ основаніемъ для рѣшенія личныхъ вопросовъ права, политики и государственнаго хозяйства, начала наукъ объ этихъ вопросахъ должны быть существенно различны отъ началъ, принятыхъ на Западѣ. Изучая, на примѣръ, начала политической экономіи въ Россіи, съ русской

---

*) Сюда относится статья „Русской Бесѣды“: „Критическія статьи И. Д. Бѣлева на изслѣдованіе Чичерина „Обзоръ историческаго развитія сельской общины въ Россіи“ („Рус. Бес.“ 1856 г., кн. 1 и 2); нѣсколько словъ по поводу историческихъ трудовъ Чичерина Ю. Самарина (1857 г., кн. 1); критическій разборъ книги г. Чичерина „Областныя учрежденія Россіи въ XVII вѣкѣ“ И. Кр—ва (1856 г., кн. 3 и 4); замѣчаніе на то же сочиненіе проф. Н. Крылова (1857 г., кн. 1 и 2).

точки зрѣнія, мы не будемъ повторять чужаго, а можетъ-быть скажемъ такое свое, которое войдетъ въ науку и тѣмъ будетъ содѣйствовать достиженію общечеловѣческаго идеала— истины“ (I, 246).

Ал. Иван. въ своемъ „заключительномъ словѣ“, заканчивая 1859 годомъ „Русскую Бесѣду“, довольно мѣтко указываетъ, что П. Г. Рѣдкинъ, одинъ изъ самыхъ видныхъ западниковъ блестящаго періода, въ началѣ сороковыхъ годовъ, въ статьѣ „Обозрѣніе юридической литературы“ („Юридическія записки“, изд. Рѣдкина, т. III), доказываетъ необходимость разработки исторіи римскаго права съ самостоятельной, русской точки зрѣнія, русской науки римскаго права. Въ „Москвитянинѣ“ за 1856 годъ помѣщена еще коротенькая замѣтка Г. М. „Нѣсколько словъ о народности въ наукѣ“ (ч. IV, 44—46), интересная развѣ заявленіемъ автора, что онъ русскій нѣмецъ и что прежде всего онъ постарался вытравить въ себѣ всѣ остатки нѣмецкой національности. Говоря вообще, нельзя лучше изложить этотъ споръ, какъ словами Хомякова, еще задолго до появленія самаго спора, напечатанными: „Нѣтъ сомнѣнія, что наука совершитъ то, что она разумно начала, и что она соединится съ истиннымъ просвѣщеніемъ Россіи посредствомъ строгаго анализа въ путяхъ историческихъ, посредствомъ теплаго сочувствія въ изученіи современнаго, посредствомъ безпристрастной оцѣнки всякой истины, откуда бы она ни являлась, и любви ко всему доброму, гдѣ бы оно ни встрѣтилось“ (Соч. т. I, 28, конецъ статьи: „Мнѣніе иностранцевъ о Россіи“, помѣщенной въ „Москвитянинѣ“ 1845 г. кн. IX).

Споръ о народномъ или русскомъ воззрѣніи приобрѣлъ гораздо болѣе опредѣленности и внесъ извѣстные результаты въ науку, когда онъ коснулся болѣе частнаго вопроса — воззрѣнія на русскую исторію. Здѣсь первымъ противникомъ, на котораго направлены были всѣ усилія славянофиловъ, былъ тотъ же Б. Н. Чичеринъ. Чичеринъ являлся представителемъ того, что называлось общественнымъ или просвѣщеннымъ взглядомъ на русскую исторію,— онъ смотрѣлъ на нее глазами образованнаго чловѣка съ точки зрѣнія западной науки и, не находя того, что онъ привыкъ видѣть въ источникѣ, откуда заимствовалъ онъ свое готовое воззрѣніе, относился къ этой исторіи враждебно, останавливаясь преимущественно на темныхъ ея сторонахъ. Славянофилы, которыхъ главная заслуга состояла въ томъ, что они, несмотря на всю безот-

радность окружающей обстановки, воспитали въ себѣ, а не заглушили инстинктивное, фізіологическое, народное чувство, не довольствующееся темными сторонами, а требующее—на первыхъ порахъ страстно и съ нѣкоторымъ преувеличеніемъ—свѣтлыхъ проявленій,—славянофилы указывали на тѣ ошибки, куда влекла односторонность западнаго воззрѣнія. Въ самомъ широкомъ и руководящемъ смыслѣ задачу въ этомъ случаѣ славянофильскаго воззрѣнія выразилъ Хомяковъ. Къ статьѣ проф. Иванищева „О древнихъ сельскихъ общинахъ въ юго-западной Россіи“, гдѣ авторъ, на основаніи вновь найденныхъ источниковъ, указалъ, что въ юго-западной Россіи вплоть до XVII вѣка крестьянская сходка (вѣче) въ копѣ или волости имѣла право суда надъ всѣми тамъ живущими, не исключая и помѣщиковъ, Хомяковъ прибавилъ отъ имени редакціи такую замѣтку: Школа, къ которой принадлежитъ г. Чичеринъ, относится къ явленіямъ русской жизни, какъ къ явленіямъ совершенно внѣшнимъ, о которыхъ она узнаетъ только путемъ внѣшнимъ и средствами случайными. Чтò писано и уже разобрано, чтò на пергаментѣ или на бумагѣ, чтò засвидѣтельствовано вещественнымъ знакомъ, она то знаетъ, тому вѣрить и болѣе не знаетъ ничего. Въ дальнѣйшемъ развитіи своего мертваго и мнимаго прагматизма она, по необходимости, теряетъ то чувство истины художественной или человѣческой, которое не дозволяетъ принять картину Остада за картину Рафаэля, даже еслибы на Остадѣ была поддѣлана подпись Рафаэля, подтвержденная свидѣтельствами, повидимому, несомнѣнными. Школа получила характеръ мертвенности; она уже не чувствуетъ жизни и живаго не понимаетъ нигдѣ—ни дома ни въ чужихъ людяхъ.

„Другое отношеніе къ наукѣ находится тамъ, гдѣ прежде всего и болѣе всего требуется жизнь. Люди этого направленія легко могутъ чувствовать истину даже въ чужеземныхъ явленіяхъ, въ силу своей собственной человѣческой жизни. Это чувство художественной истины. Въ домашнихъ же явленіяхъ они чувствуютъ истину вслѣдствіе неотразимаго внутренняго убѣжденія. Они (въ Россіи) сознаютъ свое русское, какъ человѣкъ чувствуетъ и знаетъ явленія своей собственной жизни, или какъ членъ сознаетъ жизнь организма, котораго онъ составляетъ часть. Люди сіи знали живую истину объ общинѣ, и акты письменные оправдали ихъ: противоположная школа не понимала русской жизни, и теперь

уличена бумагою и чернилами, единственнымъ оракуломъ, которому она вѣрить, хотя и тотъ ей не вполне доступенъ, потому что самыя письменныя явленія суть опять оболочка жизни.

„Всѣмъ нашимъ ученымъ совѣтуемъ помнить слово даровитаго Прескотта: «Во всякой исторіи народной, писанной иноземцемъ, есть непремѣнно односторонность и непониманіе. Одноземство даетъ такія силы, которыхъ никакой геній замѣнить не можетъ». Бѣда для насъ, когда мы своей землѣ не своеземны“ („Русская Бесѣда“ 1857 г., III, 63—64).

Самаринъ, указывая на неполноту источниковъ у г. Чичерина, ограничившагося одними чисто-юридическими памятниками, приходитъ къ убѣжденію въ отрицательности его воззрѣнія не въ силу преднамѣреннаго порицанія, но по непримѣнимости избраннаго мѣрила къ предмету изученія: „Историческая наука, зародившаяся у насъ послѣ Петра, явилась не какъ плодъ созрѣвшаго народнаго самосознанія, а какъ попытка со стороны *цивилизованнаго общества*, оторвавшаяся отъ народной почвы, возстановить въ себѣ утраченное самосознаніе, придти въ себя. Такое воззрѣніе характеризуется, главнымъ образомъ, двумя признаками. Впервыхъ, изслѣдователь смотритъ на предметъ со стороны, съ своей точки зрѣнія, предварительно избранной, приноситъ съ собою готовый масштабъ; онъ приступаетъ прямо къ *суду* надъ прошедшимъ, не удостоверявшись, того ли онъ ищетъ въ древней Россіи, того ли требуетъ отъ нея, чего требовала сама Россія и въ чемъ полагала свое призваніе. Вовторыхъ—и это есть прямое, неизбежное послѣдствіе непримѣнимости основныхъ понятій, вынесенныхъ изъ чужой намъ среды, къ явленіямъ нашей жизни—выводы носятъ на себѣ постоянно отрицательный характеръ.

„Такого рода выводы, сколько бы ихъ ни набралось, имѣютъ всѣ одно общее свойство: они не объясняютъ изучаемаго предмета, они только ограничиваютъ его извнѣ; говоря языкомъ гегелевой философіи, они опредѣляютъ его für ein anderes (со стороны), а не an und für sich (по себѣ), не раскрываютъ передъ нами его внутренняго содержанія, не вводятъ насъ въ его сердцевину, не даютъ намъ живаго о немъ представленія.

„Въ концѣ своей книги о русской администраціи г. Чичеринъ сводитъ итогъ своихъ разысканій, и передъ читателемъ является длинный перечень всего не оказавшагося въ наличности. Отсутствие

союзнаго духа, отсутствіе систематическаго законодательства, отсутствіе общихъ разрядовъ и категорій, отсутствіе юридическихъ началъ и юридическаго сознанія въ народѣ, отсутствіе общихъ соображеній, отсутствіе теоретическаго образованія, и еще нѣсколько другихъ отсутствій удалось отмѣтить г. Чичерину на переѣздахъ учреждений до-петровской Руси.

„Такъ что же, наконецъ, въ ней присутствовало? Вѣдь жизнь народа не можетъ наполняться тѣмъ, чего въ ней нѣтъ или чего мы въ ней не нашли. Должны же мы допустить въ ней и положительное содержаніе, да и самое множество дѣйствительно или мнимо отсутствующихъ въ ней началъ можетъ быть понято только какъ признакъ рѣшительнаго преобладанія какихъ-либо другихъ творческихъ силъ. Къ сожалѣнію, ихъ-то мы и не видимъ.

„Отрицательность выводовъ есть выраженіе неспособности угадать причину своеобразной народной жизни и уловить въ ней тѣ духовныя побужденія, въ которыхъ сперва бессознательно обнаруживаются предрасположенія народа къ его историческому призванію и которымъ позднѣе, въ эпоху зрѣлости, предназначено развиться въ стройную систему понятій и найти для себя идеальные образы. Но пока не наступило это время, чтобы постигнуть въ явленіяхъ человѣческой жизни, личной или народной, еще недостаточно, не вполне проявленную ихъ сущность,—одной способности нанизывать факты и связывать понятія по правиламъ логики мало: нужно сочувственное настроеніе мысли, допрашивающей эти явленія, къ мысли въ ней проявившейся...

„Прежде чѣмъ произнести приговоръ надъ челоѣкомъ или надъ цѣлымъ народомъ, прежде чѣмъ опредѣлить отношеніе жизни къ закону и сказать, что въ ней недоставало того и другаго, мы должны не только установить ея внѣшніе признаки, но *выразумѣть* ее, какъ явленіе естественно возникшее изъ внутреннихъ свободныхъ побужденій, мы должны пережить ее въ себѣ и, такъ сказать, провѣрить ее своимъ личнымъ опытомъ. Жизнь, усвоенная такимъ образомъ—не однимъ разсудкомъ, не въ одной ея логической возможности, но всѣмъ существомъ мыслителя или художника (ибо и въ основаніи художества, какъ справедливо сказалъ г. Катковъ въ своей статьѣ о Пушкинѣ, лежитъ постиженіе), какъ живое живымъ, черезъ его посредство дѣлается общепонятнымъ и проводится въ сознаніе цѣлаго челоѣчества. Итакъ, народность, какъ

опредѣленіе испытующей мысли, составляетъ необходимое условіе для того, чтобы выразумѣть смыслъ жизни и добыть его для науки. Теперь понятно, отчего русская жизнь въ прошедшемъ и въ настоящемъ представляется отрицательной школою одними внѣшними своими признаками, какимъ-то нестройнымъ загадочнымъ хаосомъ. Эта школа стоитъ не въ средоточіи жизни и не надъ нею, а въ сторонѣ отъ нея“ (Соч. т. I, 204—205). Проф. Крыловъ, разсматривая методъ, употребленный г. Чичеринымъ въ его изслѣдованіи, доказываетъ, что этотъ методъ заключался во внѣшнемъ приложеніи шаблоновъ Гегелевой философіи права къ русской исторіи. Другая особенность метода состояла въ томъ, что древняя Русь разсматривалась съ точки зрѣнія петровской реформы, и изслѣдователь, призывая эту древнюю Русь къ суду, спрашивалъ не то, что дѣйствительно въ ней жило и дѣйствовало, а поскольку въ ней осуществлялись требованія, обусловленныя позднѣйшимъ состояніемъ въ силу совершившейся реформы, естественно представляющей прогрессъ въ смыслѣ цивилизаціи. Отсюда проф. Крыловъ, самостоятельно и независимо отъ возражателей изъ славянофильскаго лагеря, приходитъ къ тому же заключенію, что изслѣдованіе г. Чичерина въ науку русской исторіи вноситъ только отрицательные результаты.

Надобно замѣтить, что статья Крылова въ сущности не была ученою критикою, ибо Крыловъ самъ говоритъ: „признаться надо, я и не слишкомъ силенъ въ знаніяхъ, нужныхъ для такого дѣла; я набрасываю здѣсь идеи въ формѣ предчувствій историческихъ, задавая тѣмъ новую работу для нашихъ многоуважаемыхъ и трудолюбивыхъ историковъ; быть-можетъ *простые намеки* наведутъ ихъ на какія-нибудь глубокія соображенія“ („Рус. Бесѣда“ 1857, кн. II, 134). Такимъ образомъ статьи Крылова служили выраженіемъ того общаго впечатлѣнія, которое серьезный и даровитый ученый, посвятившій себя изученію римскаго права, служащаго руководящею логикою при изученіи дальнѣйшаго движенія юриспруденціи въ послѣдующія времена, вынесъ изъ разсмотрѣнія метода и содержанія разбираемаго изслѣдованія. По особому складу изложенія профессора, высказанное на публичномъ диспутѣ экспромптомъ заключеніе, — хотя оно при напечатаніи и подвергалось нѣкоторой переработкѣ, — при всемъ своемъ внутреннемъ достоинствѣ не лишено было въ разныхъ мѣстахъ противорѣчій, недомолвокъ,

поспѣшныхъ заключеній и даже того семинарско-покровительственнаго тона, съ которымъ учитель стараго времени обращался къ незрѣлымъ упражненіямъ своихъ учениковъ, что было совершенно неумѣстно относительно Б. Н. Чичерина, выступившаго сразу самостоятельнымъ и положительнымъ ученымъ. Но, несмотря на эти недостатки, взглядъ Н. И. Крылова имѣлъ вѣрныя основанія и прямо указывалъ тѣ недостатки метода, которые впоследствии, при болѣе тщательной разработкѣ нашей древней исторіи, лишили выводы Чичерина авторитета, сложившагося при самомъ ихъ появленіи. Статья И. Кр—ва, оставляя въ сторонѣ методъ г. Чичерина, рассматриваетъ какъ общіе его выводы, такъ и нѣкоторые частныя, не выходя изъ предѣловъ тѣхъ юридическихъ памятниковъ, которые послужили основаніемъ и для труда г. Чичерина. Въ статьѣ г. И. К—ва есть нѣсколько весьма цѣнныхъ возраженій, которыя совершенно лишаютъ выводы Чичерина приведеннаго имъ основанія; но, несмотря на то, на статью эту не обращено было ничьего вниманія и даже самъ г. Чичеринъ не считъ своею обязанностью на нее отвѣчать.

Противъ критическихъ статей Самарина и Крылова Чичеринъ помѣстилъ возраженіе въ двухъ статьяхъ, помѣщенныхъ въ 10 и 11 чч. „Рус. Вѣстника“ за 1856 годъ подъ заглавіемъ: „Критика г. Крылова и способъ изслѣдованія „Рус. Бесѣды“ *). Возраженіе Бор. Н. Чичерина блестяще, какъ все что выходило изъ-подъ пера его, и безапелляціонно подкупаетъ читателя, не слѣдившаго внимательно за споромъ во всемъ его объемѣ. Особенно оно должно было подѣйствовать на читателя современнаго, которому было неизвѣстно дальнѣйшее научное движеніе, во многомъ оправдавшее славянофиловъ. Чичеринъ искусно и основательно сгруппировалъ всѣ недосмотры, противорѣчія и преувеличенія въ статьѣ Крылова и подъ защитою такого щита уклонился отъ спора по существу: г. Чичеринъ говоритъ, что онъ взялся за перо не съ цѣлью защищать свои выводы противъ возраженія Крылова (X, 734). Но, тѣмъ не менѣе, г. Чичеринъ подробно разсмотрѣлъ по крайней мѣрѣ общій характеръ возраженія своихъ противниковъ. Конечный результатъ онъ излагаетъ въ слѣдующей характеристикѣ са-

*) Противъ этой статьи небольшую полемическую выходку (иначе назвать нельзя) помѣстилъ въ „Молвъ“ подъ псевдонимомъ „Туляка“ Ал. Ст. Хомяковъ (1857, № 29). Статья эта перепечатана въ его сочиненіяхъ (I, 667—670).

опредѣленіе испытующей мысли, составляетъ необходимое условіе для того, чтобы выразумѣть смыслъ жизни и добыть его для науки. Теперь понятно, отчего русская жизнь въ прошедшемъ и въ настоящемъ представляется отрицательной школою одними внѣшними своими признаками, какимъ-то нестройнымъ загадочнымъ хаосомъ. Эта школа стоитъ не въ средоточіи жизни и не надъ нею, а въ сторонѣ отъ нея“ (Соч. т. I, 204—205). Проф. Крыловъ, разсматривая методъ, употребленный г. Чичеринымъ въ его изслѣдованіи, доказываетъ, что этотъ методъ заключался во внѣшнемъ приложеніи шаблоновъ Гегелевой философіи права къ русской исторіи. Другая особенность метода состояла въ томъ, что древняя Русь разсматривалась съ точки зрѣнія петровской реформы, и изслѣдователь, призывая эту древнюю Русь къ суду, спрашивалъ не то, что дѣйствительно въ ней жило и дѣйствовало, а поскольку въ ней осуществлялись требованія, обусловленныя позднѣйшимъ состояніемъ въ силу совершившейся реформы, естественно представляющей прогрессъ въ смыслѣ цивилизаціи. Отсюда проф. Крыловъ, самостоятельно и независимо отъ возражателей изъ славянофильскаго лагеря, приходитъ къ тому же заключенію, что изслѣдованіе г. Чичерина въ науку русской исторіи вноситъ только отрицательные результаты.

Надобно замѣтить, что статья Крылова въ сущности не была ученою критикою, ибо Крыловъ самъ говоритъ: „признаться надо, я и не слишкомъ силенъ въ знаніяхъ, нужныхъ для такого дѣла; я набрасываю здѣсь идеи въ формѣ предчувствій историческихъ, задавая тѣмъ новую работу для нашихъ многоуважаемыхъ и трудолюбивыхъ историковъ; быть-можетъ *простые намеки* наведутъ ихъ на какія-нибудь глубокія соображенія“ („Рус. Бесѣда“ 1857, кн. II, 134). Такимъ образомъ статьи Крылова служили выраженіемъ того общаго впечатлѣнія, которое серьезный и даровитый ученый, посвятившій себя изученію римскаго права, служащаго руководящею логикою при изученіи дальнѣйшаго движенія юриспруденціи въ послѣдующія времена, вынесъ изъ разсмотрѣнія метода и содержанія разбираемаго изслѣдованія. По особому складу изложенія профессора, высказанное на публичномъ диспутѣ экспромптомъ заключеніе,—хотя оно при напечатаніи и подвергалось нѣкоторой переработкѣ,—при всемъ своемъ внутреннемъ достоинствѣ не лишено было въ разныхъ мѣстахъ противорѣчій, недомолвокъ,

поспѣшныхъ заключеній и даже того семинарско-повровительственнаго тона, съ которымъ учитель стараго времени обращался къ незрѣлымъ упражненіямъ своихъ учениковъ, что было совершенно неумѣстно относительно Б. Н. Чичерина, выступившаго сразу самостоятельнымъ и положительнымъ ученымъ. Но, несмотря на эти недостатки, взглядъ Н. И. Крылова имѣлъ вѣрныя основанія и прямо указывалъ тѣ недостатки метода, которые впоследствии, при болѣе тщательной разработкѣ нашей древней исторіи, лишили выводы Чичерина авторитета, сложившагося при самомъ ихъ появленіи. Статья И. Кр—ва, оставляя въ сторонѣ методъ г. Чичерина, рассматриваетъ какъ общіе его выводы, такъ и нѣкоторые частныя, не выходя изъ предѣловъ тѣхъ юридическихъ памятниковъ, которые послужили основаніемъ и для труда г. Чичерина. Въ статьѣ г. И. К—ва есть нѣсколько весьма цѣнныхъ возраженій, которыя совершенно лишаютъ выводы Чичерина приведеннаго имъ основанія; но, несмотря на то, на статью эту не обращено было ничьяго вниманія и даже самъ г. Чичеринъ не счелъ своею обязанностью на нее отвѣчать.

Противъ критическихъ статей Самарина и Крылова Чичеринъ помѣстилъ возраженіе въ двухъ статьяхъ, помѣщенныхъ въ 10 и 11 ч. „Рус. Вѣстника“ за 1856 годъ подъ заглавіемъ: „Критика г. Крылова и способъ изслѣдованія „Рус. Бесѣды“ *). Возраженіе Бор. Н. Чичерина блестяще, какъ все что выходило изъ-подъ пера его, и безапелляціонно подкупаетъ читателя, не слѣдившаго внимательно за споромъ во всемъ его объемѣ. Особенно оно должно было подѣйствовать на читателя современнаго, которому было неизвѣстно дальнѣйшее научное движеніе, во многомъ оправдавшее славянофиловъ. Чичеринъ искусно и основательно сгруппировалъ всѣ недосмотры, противорѣчія и преувеличенія въ статьѣ Крылова и подъ защитою такого щита уклонился отъ спора по существу: г. Чичеринъ говоритъ, что онъ взялся за перо не съ цѣлью защищать свои выводы противъ возраженія Крылова (X, 734). Но, тѣмъ не менѣе, г. Чичеринъ подробно рассмотрѣлъ по крайней мѣрѣ общій характеръ возраженія своихъ противниковъ. Конечный результатъ онъ излагаетъ въ слѣдующей характеристикѣ са-

*) Противъ этой статьи небольшую полемическую выходку (иначе назвать нельзя) помѣстилъ въ „Молвь“ подъ псевдонимомъ „Туляка“ Ал. Ст. Хомяковъ (1857, № 29). Статья эта перепечатана въ его сочиненіяхъ (I, 667—670).

опредѣленіе испытующей мысли, составляетъ необходимое условіе для того, чтобы выразумѣть смыслъ жизни и добыть его для науки. Теперь понятно, отчего русская жизнь въ прошедшемъ и въ настоящемъ представляется отрицательной школою одними внѣшними своими признаками, какимъ-то нестройнымъ загадочнымъ хаосомъ. Эта школа стоитъ не въ средоточіи жизни и не надъ нею, а въ сторонѣ отъ нея“ (Соч. т. I, 204—205). Проф. Крыловъ, рассматривая методъ, употребленный г. Чичеринымъ въ его изслѣдованіи, доказываетъ, что этотъ методъ заключался во внѣшнемъ приложеніи шаблоновъ Гегелевой философіи права къ русской исторіи. Другая особенность метода состояла въ томъ, что древняя Русь рассматривалась съ точки зрѣнія петровской реформы, и изслѣдователь, призывая эту древнюю Русь къ суду, спрашивалъ не то, что дѣйствительно въ ней жило и дѣйствовало, а поскольку въ ней осуществлялись требованія, обусловленныя позднѣйшимъ состояніемъ въ силу совершившейся реформы, естественно представляющей прогрессъ въ смыслѣ цивилизаціи. Отсюда проф. Крыловъ, самостоятельно и независимо отъ возражателей изъ славянофильскаго лагеря, приходитъ къ тому же заключенію, что изслѣдованіе г. Чичерина въ науку русской исторіи вноситъ только отрицательные результаты.

Надобно замѣтить, что статья Крылова въ сущности не была ученою критикою, ибо Крыловъ самъ говоритъ: „признаться надо, я и не слишкомъ силенъ въ знаніяхъ, нужныхъ для такого дѣла; я набрасываю здѣсь идеи въ формѣ предчувствій историческихъ, задавая тѣмъ новую работу для нашихъ многоуважаемыхъ и трудолюбивыхъ историковъ; быть-можетъ *простые намеки* наведутъ ихъ на какія-нибудь глубокія соображенія“ („Рус. Бесѣда“ 1857, кн. II, 134). Такимъ образомъ статьи Крылова служили выраженіемъ того общаго впечатлѣнія, которое серьезный и даровитый ученый, посвятившій себя изученію римскаго права, служащаго руководящею логикою при изученіи дальнѣйшаго движенія юриспруденціи въ послѣдующія времена, вынесъ изъ разсмотрѣнія метода и содержанія разбираемаго изслѣдованія. По особому складу изложенія профессора, высказанное на публичномъ диспутѣ экспромптомъ заключеніе,—хотя оно при напечатаніи и подвергалось нѣкоторой переработкѣ,—при всемъ своемъ внутреннемъ достоинствѣ не лишено было въ разныхъ мѣстахъ противорѣчій, недомолвокъ,

поспѣшныхъ заключеній и даже того семинарско-повровительственнаго тона, съ которымъ учитель стараго времени обращался къ незрѣлымъ упражненіямъ своихъ учениковъ, что было совершенно неумѣстно относительно Б. Н. Чичерина, выступившаго сразу самостоятельнымъ и положительнымъ ученымъ. Но, несмотря на эти недостатки, взглядъ Н. И. Крылова имѣлъ вѣрныя основанія и прямо указывалъ тѣ недостатки метода, которые впоследствии, при болѣе тщательной разработкѣ нашей древней исторіи, лишили выводы Чичерина авторитета, сложившагося при самомъ ихъ появленіи. Статья И. Кр—ва, оставляя въ сторонѣ методъ г. Чичерина, рассматриваетъ какъ общіе его выводы, такъ и нѣкоторые частныя, не выходя изъ предѣловъ тѣхъ юридическихъ памятниковъ, которые послужили основаніемъ и для труда г. Чичерина. Въ статьѣ г. И. К—ва есть нѣсколько весьма цѣнныхъ возраженій, которыя совершенно лишаютъ выводы Чичерина приведеннаго имъ основанія; но, несмотря на то, на статью эту не обращено было ничьяго вниманія и даже самъ г. Чичеринъ не счелъ своею обязанностью на нее отвѣчать.

Противъ критическихъ статей Самарина и Крылова Чичеринъ помѣстилъ возраженіе въ двухъ статьяхъ, помѣщенныхъ въ 10 и 11 ч. „Рус. Вѣстника“ за 1856 годъ подъ заглавіемъ: „Критика г. Крылова и способъ изслѣдованія „Рус. Бесѣды“ *). Возраженіе Бор. Н. Чичерина блестяще, какъ все что выходило изъ-подъ пера его, и безапелляціонно подкупаетъ читателя, не слѣдившаго внимательно за споромъ во всемъ его объемѣ. Особенно оно должно было подѣйствовать на читателя современнаго, которому было неизвѣстно дальнѣйшее научное движеніе, во многомъ оправдавшее славянофиловъ. Чичеринъ искусно и основательно сгруппировалъ всѣ недосмотры, противорѣчія и преувеличенія въ статьѣ Крылова и подъ защитою такого щита уклонился отъ спора по существу: г. Чичеринъ говоритъ, что онъ взялся за перо не съ цѣлью защищать свои выводы противъ возраженія Крылова (X, 734). Но, тѣмъ не менѣе, г. Чичеринъ подробно рассмотрѣлъ по крайней мѣрѣ общій характеръ возраженія своихъ противниковъ. Конечный результатъ онъ излагаетъ въ слѣдующей характеристикѣ са-

*) Противъ этой статьи небольшую полемическую выходку (иначе назвать нельзя) помѣстилъ въ „Молвіа“ подъ псевдонимомъ „Туляка“ Ал. Ст. Хомяковъ (1857, № 29). Статья эта перепечатана въ его сочиненіяхъ (I, 667—670).

опредѣленіе испытующей мысли, составляетъ необходимое условіе для того, чтобы выразумѣть смыслъ жизни и добыть его для науки. Теперь понятно, отчего русская жизнь въ прошедшемъ и въ настоящемъ представляется отрицательной школою одними внѣшними своими признаками, какимъ-то нестройнымъ загадочнымъ хаосомъ. Эта школа стоитъ не въ средоточіи жизни и не надъ нею, а въ сторонѣ отъ нея“ (Соч. т. I, 204—205). Проф. Крыловъ, рассматривая методъ, употребленный г. Чичеринымъ въ его изслѣдованіи, доказываетъ, что этотъ методъ заключался во внѣшнемъ приложеніи шаблоновъ Гегелевой философіи права къ русской исторіи. Другая особенность метода состояла въ томъ, что древняя Русь рассматривалась съ точки зрѣнія петровской реформы, и изслѣдователь, призывая эту древнюю Русь къ суду, спрашивалъ не то, что дѣйствительно въ ней жило и дѣйствовало, а поскольку въ ней осуществлялись требованія, обусловленные позднѣйшимъ состояніемъ въ силу совершившейся реформы, естественно представляющей прогрессъ въ смыслѣ цивилизаціи. Отсюда проф. Крыловъ, самостоятельно и независимо отъ возражателей изъ славянофильскаго лагеря, приходитъ къ тому же заключенію, что изслѣдованіе г. Чичерина въ науку русской исторіи вноситъ только отрицательные результаты.

Надобно замѣтить, что статья Крылова въ сущности не была ученою критикою, ибо Крыловъ самъ говоритъ: „признаться надо, я и не слишкомъ силенъ въ знаніяхъ, нужныхъ для такого дѣла; я набрасываю здѣсь идеи въ формѣ предчувствій историческихъ, задавая тѣмъ новую работу для нашихъ многоуважаемыхъ и трудолюбивыхъ историковъ; быть-можетъ *простые намеки* наведутъ ихъ на какія-нибудь глубокія соображенія“ („Рус. Бесѣда“ 1857, кн. II, 134). Такимъ образомъ статьи Крылова служили выраженіемъ того общаго впечатлѣнія, которое серьезный и даровитый ученый, посвятившій себя изученію римскаго права, служащаго руководящею логикою при изученіи дальнѣйшаго движенія юриспруденціи въ послѣдующія времена, вынесъ изъ разсмотрѣнія метода и содержанія разбираемаго изслѣдованія. По особому складу изложенія профессора, высказанное на публичномъ диспутѣ экспромптомъ заключеніе, — хотя оно при напечатаніи и подвергалось нѣкоторой переработкѣ, — при всемъ своемъ внутреннемъ достоинствѣ не лишено было въ разныхъ мѣстахъ противорѣчій, недомолвокъ,

поспѣшныхъ заключеній и даже того семинарско-покровительственнаго тона, съ которымъ учитель стараго времени обращался къ незрѣлымъ упражненіямъ своихъ учениковъ, что было совершенно неумѣстно относительно Б. Н. Чичерина, выступившаго сразу самостоятельнымъ и положительнымъ ученымъ. Но, несмотря на эти недостатки, взглядъ Н. И. Крылова имѣлъ вѣрныя основанія и прямо указывалъ тѣ недостатки метода, которые впоследствии, при болѣе тщательной разработкѣ нашей древней исторіи, лишили выводы Чичерина авторитета, сложившагося при самомъ ихъ появленіи. Статья И. Кр—ва, оставляя въ сторонѣ методъ г. Чичерина, рассматриваетъ какъ общіе его выводы, такъ и нѣкоторые частные, не выходя изъ предѣловъ тѣхъ юридическихъ памятниковъ, которые послужили основаніемъ и для труда г. Чичерина. Въ статьѣ г. И. К—ва есть нѣсколько весьма цѣнныхъ возраженій, которыя совершенно лишаютъ выводы Чичерина приведеннаго имъ основанія; но, несмотря на то, на статью эту не обращено было ничьяго вниманія и даже самъ г. Чичеринъ не считъ своею обязанностью на нее отвѣчать.

Противъ критическихъ статей Самарина и Крылова Чичеринъ помѣстилъ возраженіе въ двухъ статьяхъ, помѣщенныхъ въ 10 и 11 чч. „Рус. Вѣстника“ за 1856 годъ подъ заглавіемъ: „Критика г. Крылова и способъ изслѣдованія „Рус. Бесѣды“ *). Возраженіе Бор. Н. Чичерина блестяще, какъ все что выходило изъ-подъ пера его, и безапелляціонно подкупаетъ читателя, не слѣдившаго внимательно за споромъ во всемъ его объемѣ. Особенно оно должно было подѣйствовать на читателя современнаго, которому было неизвѣстно дальнѣйшее научное движеніе, во многомъ оправдавшее славянофиловъ. Чичеринъ искусно и основательно сгруппировалъ всѣ недосмотры, противорѣчія и преувеличенія въ статьѣ Крылова и подъ защитою такого щита уклонился отъ спора по существу: г. Чичеринъ говоритъ, что онъ взялся за перо не съ цѣлью защищать свои выводы противъ возраженія Крылова (X, 734). Но, тѣмъ не менѣе, г. Чичеринъ подробно разсмотрѣлъ по крайней мѣрѣ общій характеръ возраженія своихъ противниковъ. Конечный результатъ онъ излагаетъ въ слѣдующей характеристикѣ са-

*) Противъ этой статьи небольшую полемическую выходку (иначе назвать нельзя) помѣстилъ въ „Молвъ“ подъ псевдонимомъ „Тулака“ Ал. Ст. Хомяковъ (1857, № 29). Статья эта перепечатана въ его сочиненіяхъ (I, 667—670).

опредѣленіе испытующей мысли, составляетъ необходимое условіе для того, чтобы выразумѣть смыслъ жизни и добыть его для науки. Теперь понятно, отчего русская жизнь въ прошедшемъ и въ настоящемъ представляется отрицательной школою одними внѣшними своими признаками, какимъ-то нестройнымъ загадочнымъ хаосомъ. Эта школа стоитъ не въ средоточіи жизни и не надъ нею, а въ сторонѣ отъ нея“ (Соч. т. I, 204—205). Проф. Крыловъ, рассматривая методъ, употребленный г. Чичеринымъ въ его изслѣдованіи, доказываетъ, что этотъ методъ заключался во внѣшнемъ приложеніи шаблоновъ Гегелевой философіи права къ русской исторіи. Другая особенность метода состояла въ томъ, что древняя Русь рассматривалась съ точки зрѣнія петровской реформы, и изслѣдователь, призывая эту древнюю Русь къ суду, спрашивалъ не то, что дѣйствительно въ ней жило и дѣйствовало, а поскольку въ ней осуществлялись требованія, обусловленныя позднѣйшимъ состояніемъ въ силу совершившейся реформы, естественно представляющей прогрессъ въ смыслѣ цивилизаціи. Отсюда проф. Крыловъ, самостоятельно и независимо отъ возражателей изъ славянофильскаго лагеря, приходитъ къ тому же заключенію, что изслѣдованіе г. Чичерина въ науку русской исторіи вноситъ только отрицательные результаты.

Надобно замѣтить, что статья Крылова въ сущности не была ученою критикою, ибо Крыловъ самъ говоритъ: „признаться надо, я и не слишкомъ силенъ въ знаніяхъ, нужныхъ для такого дѣла; я набрасываю здѣсь идеи въ формѣ предчувствій историческихъ, задавая тѣмъ новую работу для нашихъ многоуважаемыхъ и трудолюбивыхъ историковъ; быть-можетъ *простые намеки* наведутъ ихъ на какія-нибудь глубокія соображенія“ („Рус. Бесѣда“ 1857, кн. II, 134). Такимъ образомъ статьи Крылова служили выраженіемъ того общаго впечатлѣнія, которое серьезный и даровитый ученый, посвятившій себя изученію римскаго права, служащаго руководящею логикою при изученіи дальнѣйшаго движенія юриспруденціи въ послѣдующія времена, вынесъ изъ разсмотрѣнія метода и содержанія разбираемаго изслѣдованія. По особому складу изложенія профессора, высказанное на публичномъ диспутѣ экспромптомъ заключеніе, — хотя оно при напечатаніи и подвергалось въ-которой переработкѣ, — при всемъ своемъ внутреннемъ достоинствѣ не лишено было въ разныхъ мѣстахъ противорѣчій, недомолвокъ,

поспѣшныхъ заключеній и даже того семинарско-покровительственнаго тона, съ которымъ учитель стараго времени обращался къ незрѣлымъ упражненіямъ своихъ учениковъ, что было совершенно неумѣстно относительно Б. Н. Чичерина, выступившаго сразу самостоятельнымъ и положительнымъ ученымъ. Но, несмотря на эти недостатки, взглядъ Н. И. Крылова имѣлъ вѣрныя основанія и прямо указывалъ тѣ недостатки метода, которые впоследствии, при болѣе тщательной разработкѣ нашей древней исторіи, лишили выводы Чичерина авторитета, сложившагося при самомъ ихъ появленіи. Статья И. Кр—ва, оставляя въ сторонѣ методъ г. Чичерина, рассматриваетъ какъ общіе его выводы, такъ и нѣкоторые частные, не выходя изъ предѣловъ тѣхъ юридическихъ памятниковъ, которые послужили основаніемъ и для труда г. Чичерина. Въ статьѣ г. И. К—ва есть нѣсколько весьма цѣнныхъ возраженій, которыя совершенно лишаютъ выводы Чичерина приведеннаго имъ основанія; но, несмотря на то, на статью эту не обращено было ничьего вниманія и даже самъ г. Чичеринъ не счелъ своею обязанностью на нее отвѣчать.

Противъ критическихъ статей Самарина и Крылова Чичеринъ помѣстилъ возраженіе въ двухъ статьяхъ, помѣщенныхъ въ 10 и 11 ч. „Рус. Вѣстника“ за 1856 годъ подъ заглавіемъ: „Критика г. Крылова и способъ изслѣдованія „Рус. Бесѣды“ *). Возраженіе Бор. Н. Чичерина блестяще, какъ все что выходило изъ-подъ пера его, и безапелляціонно подкупаетъ читателя, не слѣдившаго внимательно за споромъ во всемъ его объемѣ. Особенно оно должно было подѣйствовать на читателя современнаго, которому было неизвѣстно дальнѣйшее научное движеніе, во многомъ оправдавшее славянофиловъ. Чичеринъ искусно и основательно сгруппировалъ всѣ недосмотры, противорѣчія и преувеличенія въ статьѣ Крылова и подъ защитою такого щита уклонился отъ спора по существу: г. Чичеринъ говоритъ, что онъ взялся за перо не съ цѣлью защищать свои выводы противъ возраженія Крылова (X, 734). Но, тѣмъ не менѣе, г. Чичеринъ подробно разсмотрѣлъ по крайней мѣрѣ общій характеръ возраженія своихъ противниковъ. Конечный результатъ онъ излагаетъ въ слѣдующей характеристикѣ са-

*) Противъ этой статьи небольшую полемическую выходку (иначе назвать нельзя) помѣстилъ въ „Молвъ“ подъ псевдонимомъ „Туляка“ Ал. Ст. Хомяковъ (1857, № 29). Статья эта перепечатана въ его сочиненіяхъ (I, 667—670).

опредѣленіе испытующей мысли, составляетъ необходимое условіе для того, чтобы выразумѣть смыслъ жизни и добыть его для науки. Теперь понятно, отчего русская жизнь въ прошедшемъ и въ настоящемъ представляется отрицательной школою одними внѣшними своими признаками, какимъ-то нестройнымъ загадочнымъ хаосомъ. Эта школа стоитъ не въ средоточіи жизни и не надъ нею, а въ сторонѣ отъ нея“ (Соч. т. I, 204—205). Проф. Крыловъ, разсматривая методъ, употребленный г. Чичеринымъ въ его изслѣдованіи, доказываетъ, что этотъ методъ заключался во внѣшнемъ приложеніи шаблоновъ Гегелевой философіи права къ русской исторіи. Другая особенность метода состояла въ томъ, что древняя Русь разсматривалась съ точки зрѣнія петровской реформы, и изслѣдователь, призывая эту древнюю Русь къ суду, спрашивалъ не то, что дѣйствительно въ ней жило и дѣйствовало, а поскольку въ ней осуществлялись требованія, обусловленныя позднѣйшимъ состояніемъ въ силу совершившейся реформы, естественно представляющей прогрессъ въ смыслѣ цивилизаціи. Отсюда проф. Крыловъ, самостоятельно и независимо отъ возражателей изъ славянофильскаго лагеря, приходитъ къ тому же заключенію, что изслѣдованіе г. Чичерина въ науку русской исторіи вноситъ только отрицательные результаты.

Надобно замѣтить, что статья Крылова въ сущности не была ученою критикою, ибо Крыловъ самъ говоритъ: „признаться надо, я и не слишкомъ силенъ въ знаніяхъ, нужныхъ для такого дѣла; я набрасываю здѣсь идеи въ формѣ предчувствій историческихъ, задавая тѣмъ новую работу для нашихъ многоуважаемыхъ и трудолюбивыхъ историковъ; быть-можетъ *простые намеки* наведутъ ихъ на какія-нибудь глубокія соображенія“ („Рус. Бесѣда“ 1857, кн. II, 134). Такимъ образомъ статьи Крылова служили выраженіемъ того общаго впечатлѣнія, которое серьезный и даровитый ученый, посвятившій себя изученію римскаго права, служащаго руководящею логикою при изученіи дальнѣйшаго движенія юриспруденціи въ послѣдующія времена, вынесъ изъ разсмотрѣнія метода и содержанія разбираемаго изслѣдованія. По особому складу изложенія профессора, высказанное на публичномъ диспутѣ экспромптомъ заключеніе, — хотя оно при напечатаніи и подвергалось нѣкоторой переработкѣ, — при всемъ своемъ внутреннемъ достоинствѣ не лишено было въ разныхъ мѣстахъ противорѣчій, недомолвокъ,

поспѣшныхъ заключеній и даже того семинарско-покровительственнаго тона, съ которымъ учитель стараго времени обращался къ незрѣлымъ упражненіямъ своихъ учениковъ, что было совершенно неумѣстно относительно Б. Н. Чичерина, выступившаго сразу самостоятельнымъ и положительнымъ ученымъ. Но, несмотря на эти недостатки, взглядъ Н. И. Крылова имѣлъ вѣрныя основанія и прямо указывалъ тѣ недостатки метода, которые впоследствии, при болѣе тщательной разработкѣ нашей древней исторіи, лишили выводы Чичерина авторитета, сложившагося при самомъ ихъ появленіи. Статья И. Кр—ва, оставляя въ сторонѣ методъ г. Чичерина, рассматриваетъ какъ общіе его выводы, такъ и нѣкоторые частныя, не выходя изъ предѣловъ тѣхъ юридическихъ памятниковъ, которые послужили основаніемъ и для труда г. Чичерина. Въ статьѣ г. И. Кр—ва есть нѣсколько весьма цѣнныхъ возраженій, которыя совершенно лишаютъ выводы Чичерина приведеннаго имъ основанія; но, несмотря на то, на статью эту не обращено было ничьяго вниманія и даже самъ г. Чичеринъ не считалъ своею обязанностью на нее отвѣчать.

Противъ критическихъ статей Самарина и Крылова Чичеринъ помѣстилъ возраженіе въ двухъ статьяхъ, помѣщенныхъ въ 10 и 11 ч. „Рус. Вѣстника“ за 1856 годъ подъ заглавіемъ: „Критика г. Крылова и способъ изслѣдованія „Рус. Бесѣды“ *). Возраженіе Бор. Н. Чичерина блестяще, какъ все что выходило изъ-подъ пера его, и безапелляціонно подкупаетъ читателя, не слѣдившаго внимательно за споромъ во всемъ его объемѣ. Особенно оно должно было подѣйствовать на читателя современнаго, которому было неизвѣстно дальнѣйшее научное движеніе, во многомъ оправдавшее славянофиловъ. Чичеринъ искусно и основательно сгруппировалъ всѣ недосмотры, противорѣчія и преувеличенія въ статьѣ Крылова и подъ защитою такого щита уклонился отъ спора по существу: г. Чичеринъ говоритъ, что онъ взялся за перо не съ цѣлю защищать свои выводы противъ возраженія Крылова (X, 734). Но, тѣмъ не менѣе, г. Чичеринъ подробно рассмотрѣлъ по крайней мѣрѣ общій характеръ возраженія своихъ противниковъ. Конечный результатъ онъ излагаетъ въ слѣдующей характеристикѣ са-

---

*) Противъ этой статьи небольшую полемическую выходку (иначе назвать нельзя) помѣстилъ въ „Молвъ“ подъ псевдонимомъ „Тулака“ Ал. Ст. Хомяковъ (1857, № 29). Статья эта перепечатана въ его сочиненіяхъ (I, 667—670).

опредѣленіе испытующей мысли, составляетъ необходимое условіе для того, чтобы выразумѣть смыслъ жизни и добыть его для науки. Теперь понятно, отчего русская жизнь въ прошедшемъ и въ настоящемъ представляется отрицательной школою одними внѣшними своими признаками, какимъ-то нестройнымъ загадочнымъ хаосомъ. Эта школа стоитъ не въ средоточіи жизни и не надъ нею, а въ сторонѣ отъ нея“ (Соч. т. I, 204—205). Проф. Крыловъ, рассматривая методъ, употребленный г. Чичеринымъ въ его изслѣдованіи, доказываетъ, что этотъ методъ заключался во внѣшнемъ приложеніи шаблоновъ Гегелевой философіи права къ русской исторіи. Другая особенность метода состояла въ томъ, что древняя Русь рассматривалась съ точки зрѣнія петровской реформы, и изслѣдователь, призывая эту древнюю Русь къ суду, спрашивалъ не то, что дѣйствительно въ ней жило и дѣйствовало, а поскольку въ ней осуществлялись требованія, обусловленныя позднѣйшимъ состояніемъ въ силу совершившейся реформы, естественно представляющей прогрессъ въ смыслѣ цивилизаціи. Отсюда проф. Крыловъ, самостоятельно и независимо отъ возражателей изъ славянофильскаго лагеря, приходитъ къ тому же заключенію, что изслѣдованіе г. Чичерина въ науку русской исторіи вноситъ только отрицательные результаты.

Надобно замѣтить, что статья Крылова въ сущности не была ученою критикою, ибо Крыловъ самъ говоритъ: „признаться надо, я и не слишкомъ силенъ въ знаніяхъ, нужныхъ для такого дѣла; я набрасываю здѣсь идеи въ формѣ предчувствій историческихъ, задавая тѣмъ новую работу для нашихъ многоуважаемыхъ и трудолюбивыхъ историковъ; быть-можетъ *простые намеки* наведутъ ихъ на какія-нибудь глубокія соображенія“ („Рус. Бесѣда“ 1857, кн. II, 134). Такимъ образомъ статьи Крылова служили выраженіемъ того общаго впечатлѣнія, которое серьезный и даровитый ученый, посвятившій себя изученію римскаго права, служащаго руководящею логикою при изученіи дальнѣйшаго движенія юриспруденціи въ послѣдующія времена, вынесъ изъ разсмотрѣнія метода и содержанія разбираемаго изслѣдованія. По особому складу изложенія профессора, высказанное на публичномъ диспутѣ экспромптомъ заключеніе, — хотя оно при напечатаніи и подвергалось нѣкоторой переработкѣ, — при всемъ своемъ внутреннемъ достоинствѣ не лишено было въ разныхъ мѣстахъ противорѣчій, недомолвокъ,

поспѣшныхъ заключеній и даже того семинарско-покровительственнаго тона, съ которымъ учитель стараго времени обращался къ незрѣлымъ упражненіямъ своихъ учениковъ, что было совершенно неумѣстно относительно Б. Н. Чичерина, выступившаго сразу самостоятельнымъ и положительнымъ ученымъ. Но, несмотря на эти недостатки, взглядъ Н. И. Крылова имѣлъ вѣрныя основанія и прямо указывалъ тѣ недостатки метода, которые впоследствии, при болѣе тщательной разработкѣ нашей древней исторіи, лишили выводы Чичерина авторитета, сложившагося при самомъ ихъ появленіи. Статья И. Кр—ва, оставляя въ сторонѣ методъ г. Чичерина, рассматриваетъ какъ общіе его выводы, такъ и нѣкоторые частныя, не выходя изъ предѣловъ тѣхъ юридическихъ памятниковъ, которые послужили основаніемъ и для труда г. Чичерина. Въ статьѣ г. И. К—ва есть нѣсколько весьма цѣнныхъ возраженій, которыя совершенно лишаютъ выводы Чичерина приведеннаго имъ основанія; но, несмотря на то, на статью эту не обращено было ничьяго вниманія и даже самъ г. Чичеринъ не считалъ своею обязанностью на нее отвѣчать.

Противъ критическихъ статей Самарина и Крылова Чичеринъ помѣстилъ возраженіе въ двухъ статьяхъ, помѣщенныхъ въ 10 и 11 ч. „Рус. Вѣстника“ за 1856 годъ подъ заглавіемъ: „Критика г. Крылова и способъ изслѣдованія „Рус. Бесѣды“ *). Возраженіе Бор. Н. Чичерина блестяще, какъ все что выходило изъ-подъ пера его, и безапелляціонно подкупаетъ читателя, не слѣдившаго внимательно за споромъ во всемъ его объемѣ. Особенно оно должно было подѣйствовать на читателя современнаго, которому было неизвѣстно дальнѣйшее научное движеніе, во многомъ оправдавшее славянофиловъ. Чичеринъ искусно и основательно сгруппировалъ всѣ недосмотры, противорѣчія и преувеличенія въ статьѣ Крылова и подъ защитою такого щита уклонился отъ спора по существу: г. Чичеринъ говоритъ, что онъ взялся за перо не съ цѣлью защищать свои выводы противъ возраженія Крылова (X, 734). Но, тѣмъ не менѣе, г. Чичеринъ подробно рассмотрѣлъ по крайней мѣрѣ общій характеръ возраженія своихъ противниковъ. Конечный результатъ онъ излагаетъ въ слѣдующей характеристикѣ са-

*) Противъ этой статьи небольшую полемическую выходку (иначе назвать нельзя) помѣстилъ въ „Молвъ“ подъ псевдонимомъ „Туляка“ Ал. Ст. Хомяковъ (1857, № 29). Статья эта перепечатана въ его сочиненіяхъ (I, 667—670).

мого направленія. Г. Чичеринъ признаетъ за самый существенный признакъ метода положеніе Самарина о постиженіи предмета изслѣдованія всѣмъ существомъ живаго мыслителя на основаніи сочувственнаго настроенія, какъ живое живымъ. Положеніе это г. Чичеринъ подвергаетъ такому анализу. Методы общія, умозрѣніе и опытъ, когда они дѣйствуютъ правильно, берутъ точку отправленія объективную, исходятъ изъ самаго предмета. Умозрѣніе, имѣя цѣлью познаніе логическихъ законовъ, отправляется отъ логическихъ понятій и положеній. Послѣднія, правда, *находятся въ субъектъ*; но такъ какъ самъ субъектъ становится здѣсь предметомъ познанія, объектомъ, то точка отправленія всегда лежитъ въ самомъ предметѣ. Точно также и опытъ, имѣя предметомъ познаніе явленій, беретъ точкою отправленія фактъ, изъ котораго узнаетъ явленіе. Въ томъ и другомъ случаѣ *субъективною* остается способность къ познанію (это и имѣлъ въ виду Самаринъ, говоря о *постижени*), разумъ, который имѣетъ цѣлью не вносить въ предметъ внѣшнее для него воззрѣніе, а вывести изъ него посредствомъ наблюденія общія его начала и законы. Но гдѣ же находится точка отправленія *мистической* методы?—Очевидно, не въ предметѣ, не во внѣшнемъ фактѣ, ибо тогда это будетъ опытъ, а мистическая метода не зависитъ отъ опыта,—не въ логикѣ, ибо мистическая метода не допускаетъ отвлеченной мысли,—слѣдоват., въ личномъ чувствѣ, въ желаніи, въ потребности познающаго, которая и выражается въ сочувственномъ настроеніи мыслителя,—однимъ словомъ, точка отправленія *субъективная* (X, 759—760). Г. Чичеринъ очень обстоятельно излагаетъ причину полученія невѣрныхъ выводовъ при употребленіи такого мистическаго метода, какъ будто кто-нибудь изъ славянофиловъ когда-нибудь отвергалъ значеніе фактической разработки и отказывался отъ логическаго мышленія. На этомъ основаніи воззрѣніе славянофиловъ на исторію древней Руси Чичеринъ предлагаетъ назвать не анти-историческимъ, какъ Соловьевъ, а *мистикофантастическимъ* (XI, 205). Надо сказать, что всякая эпоха въ жизни человѣчества имѣла свое *словесное пугало*: стѣбитъ только прицѣпить это пугало къ какому-нибудь воззрѣнію, для того чтобы погубить его безвозвратно и безъ дальнѣйшей провѣрки въ глазахъ всѣхъ, кто привыкъ руководствоваться не силою самостоятельнаго и независимаго пониманія, а господствующимъ теченіемъ общественной мысли. Чичеринъ если не первый,

то изъ первыхъ, и притомъ съ большею повидимому доказательностью, пустилъ въ ходъ обвиненіе славянофиловъ въ мистицизмъ даже по отношенію къ наукѣ. *C'en était fait!* Люди, на которыхъ славянофильская проповѣдь подѣйствовала и повернула въ ихъ сторону, боялись въ этомъ признаться даже самимъ себѣ и тщательно отрещивались отъ сообщества съ самарянами, обвиненными въ страшномъ грѣхѣ для современнаго мыслителя—въ мистицизмѣ. Но посмотримъ поближе, насколько это справедливо. Г. Чичеринъ говоритъ, что положеніе Самарина „*независимо отъ общихъ категорій, каковы, напримѣръ, умозрѣніе и опытъ (кажется ясно, что они не исключаются), опредѣляющихъ отношеніе отвлеченной мыслительной способности къ объекту, постиженіе имѣеть свои степени, которымъ соотвѣтствуютъ особенныя условія въ отношеніяхъ живаго мыслителя къ предмету изученія*“,—положеніе это выражено въ формѣ афоризма. Это правда; но афоризмъ этотъ принадлежитъ къ числу наиболѣе понятныхъ и наименѣе спорныхъ. Попробуемъ выразить его въ болѣе простой формѣ. Представьте, что о какомъ-нибудь происшествіи рассказываютъ трое, причѣмъ степень знанія и добросовѣстность у всѣхъ троихъ одинакая,—мѣстный очевидецъ, таковой же заѣзжій и посторонній рассказчикъ. Кто изъ нихъ заслуживаетъ наибольшаго вѣроятія? Конечно, мѣстный очевидецъ. Почему?—потому что, при всѣхъ другихъ условіяхъ равныхъ, у него есть нѣчто больше, чѣмъ нѣтъ у другихъ, а именно живое отношеніе къ средѣ, гдѣ случилось происшествіе, а потому онъ лучше и полнѣе постигаетъ тѣ тонкія и неувимыя черты и вліянія, которыя остаются незамѣченными для заѣзжаго очевидца, а тѣмъ болѣе для посторонняго рассказчика. Въ этомъ смыслѣ Прескоттъ выразился, какъ привелъ Хомяковъ, что „одно земство дастъ историку такія силы, которыя никакой геній замѣнить не можетъ“.

Всякій афоризмъ можетъ и долженъ быть повѣренъ, и только тогда, когда афоризмъ выдержитъ критическую повѣрку, онъ получаетъ цѣну и признаніе. Г. Чичеринъ съ добросовѣстностью, которой онъ никогда не измѣнилъ въ своихъ трудахъ, самъ приступилъ къ повѣркѣ афоризма, выставленнаго Самаринимъ.

Г. Чичеринъ признаетъ, что въ познаниі, кромѣ опыта и умозрѣнія, участвуетъ еще *чутье*. „Познаніе въ наукѣ,—говоритъ г. Чичеринъ,—*часто совершается не методическимъ путемъ, а подѣ*

вліяніем *какого-то чутья*, которымъ особенно обладают великіе люди. Это чутье проявляется одинаково во всѣхъ сферахъ познанія, въ *наукахъ естественныхъ*, какъ и историческихъ. Это—*первоначальная дѣятельность разума*, который не достигъ еще до точнаго анализа, но получилъ отъ общаго впечатлѣнія смутное представленіе о предметѣ. Это—низшая степень постиженія, которая въ обыкновенной жизни является очень часто, но въ наукѣ представляетъ только начало познанія, первый такъ сказать толчокъ къ нему“. Тѣмъ не менѣе Чичеринъ признаетъ, что „*общая мысль* иногда бываетъ постигнута чутьемъ при бѣгломъ обзорѣніи всѣхъ частныхъ, и это дѣлается даже быстрѣе, нежели путемъ методическаго наведенія. Но во всякомъ случаѣ подобный выводъ остается не болѣе какъ догадкою, которая не прежде становится достояніемъ науки, какъ когда послѣдняя дойдетъ до нея съ помощью строгой методы“ (X, 765—766). Что касается до сочувствія, то *и оно играетъ нѣкоторую роль въ познаніи*, однако оно отнюдь не служить орудіемъ постиженія, а опредѣляетъ только личныя условія дѣятельности познающаго... Сочувствіе опредѣляетъ прежде всего выборъ предмета, а затѣмъ — и самую энергію познающей способности: оно оживляетъ и согрѣваетъ трудъ, напрягаетъ мысль, помогаетъ преодолевать препятствія, даетъ человѣку силу перейти черезъ самую сухую, утомительную работу (стр. 766).

Попробуемъ эти мысли, въ сущности вѣрныя, но не достаточно точно выясненныя, подвергнуть болѣе обстоятельному изслѣдованію. Замѣтимъ мимоходомъ, что чутье въ человѣкѣ, какъ всѣ впечатлѣнія, возбуждается объектомъ; оно не есть явленіе чисто-субъективное,—субъектъ не можетъ познавать чутьемъ самого себя,—слѣдовательно это *не мистицизмъ*, по опредѣленію г. Чичерина. Чутье есть *первоначальная дѣятельность разума*, — слѣдоват., элементъ необходимый; а если оно есть элементъ необходимый, то куда же оно дѣвается впослѣдствіи, почему оно пропадаетъ, почему оно является часто, а не всегда? А если это элементъ случайный, который въ дѣятельности разума не играетъ никакой роли, то почему онъ названъ первоначальною дѣятельностью проявляющеюся одинаково во всѣхъ сферахъ мышленія, ступеню мышленія, хотя бы и низшею? Для этого надо обратиться снова къ вопросу о методѣ научнаго изслѣдованія и посмотрѣть, въ самомъ ли дѣлѣ онъ одинаковъ, смотря по объекту. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что внѣш-

ная природа, совершенно отдѣленная отъ человѣка, есть настоящій объектъ и познаніе ея, приобретаемое путемъ опыта и наблюденія, даетъ результаты точные, никакому чутью не подчиняющіеся *). Но самъ человѣкъ для человѣческаго познанаія не можетъ сдѣлаться *вполнѣ объектомъ*,—онъ всегда сохранитъ извѣстную долю *субъективизма*,—и потому методъ въ соціальныхъ наукахъ никогда не можетъ достигнуть той точности, какая получается въ наукахъ естественныхъ. Правда, расширение наблюденій можетъ сблизить оба метода и придать соціальнымъ наукамъ болѣе точности; но тотъ, кто имѣетъ понятіе о теоріи предѣловъ въ математикѣ, знаетъ, что величина приближающаяся никогда не можетъ достигнуть отождествленія съ величиной, въ которой приближается, никогда не можетъ вытравить, свести на нѣтъ тотъ отличительный признакъ, который устанавливаетъ самостоятельное ея существованіе. Этотъ субъективизмъ,—называется ли онъ *чутьемъ*, какъ у Чичерина, или *синтезомъ*, какъ у Хомякова,—есть необходимый элементъ познанаія соціальныхъ явленій, есть именно то отношеніе живаго къ живому, безъ котораго познаніе соціальныхъ явленій является мертвымъ, логическою формулой, шаблономъ. Этотъ субъективизмъ и есть именно отношеніе живаго къ живому, „усвоеніе жизни не однимъ разсудкомъ, не въ одной ея логической возможности, но всѣмъ существомъ мыслителя или художника“, „постиженіе въ жизни еще не достаточно не вполнѣ проявленной ея сущности“ (Самаринъ),—однимъ словомъ, воспринятіе тѣхъ свойствъ человѣческой природы, которыя не поддаются наблюденію и лежатъ внѣ сферы, объясняемой дѣйствіемъ однихъ, доселѣ намъ извѣстныхъ законовъ природы. Тѣмъ не менѣе свойства эти являются дѣятельными силами въ человѣческой жизни и составляютъ ея тайну, доступную только цѣльному пониманію живаго человѣка востолку, востолку самъ онъ входитъ въ интересы и тревоги переживаемой ими жизни. Въ этомъ смыслѣ Хомяковъ говоритъ: „Анализъ существовать не можетъ безъ данныхъ, данныя для него заключаются не въ самыхъ фактахъ, а въ непосредственномъ зна-

*) Надо замѣтить, что Б. Н. Чичеринъ не совершенно ясно усвоилъ себѣ характеръ точнаго метода въ изслѣдованіи. Въ послѣднее время, перенося свои занятія на естественныя науки, Б. Н. въ Московскомъ Обществѣ испытателей природы читалъ свою теорію химіи; но, по отзыву специалистовъ, теорія его представляетъ блестящее нагроможденіе гипотезъ, что въ наукахъ точныхъ не представляетъ никакой цѣны. Видно *логическіе факты* не всегда могутъ сослужить настоящую службу.

ніи фактовъ. Это первое непосредственное знаніе (чутье) опредѣляетъ почти во всѣхъ случаяхъ весь характеръ аналитическаго труда, сверхъ того всегда сопровождается скрытымъ синтезомъ, вполне зависящимъ отъ внутренней жизни народовъ“ (Соч. т. I, стр. 76—77). „Общество, также какъ человѣкъ, сознаетъ себя не по логическимъ путямъ. Его сознаніе есть самая его жизнь; оно лежитъ въ единствѣ обычаевъ, въ тождествѣ нравственныхъ или умственныхъ побужденій, въ живомъ и непрерывномъ размѣнѣ мыслей, во всемъ томъ безпрестанномъ волненіи, которымъ живетъ народъ и его внутренняя исторія. Общественное сознаніе принадлежитъ только личности народа, какъ внутреннее, жизненное сознаніе человѣка принадлежитъ только собственной его личности; оно недоступно ни для иностранца, ни для тѣхъ членовъ общества, которые волею или неволею отъ него уединились“ (стр. 20).

Итакъ, кромѣ опыта и умозрѣнія въ постиженіи социальныхъ вопросовъ, всегда присутствуетъ элементъ субъективизма, подчиненный условіямъ мѣста и времени, присущимъ той средѣ, среди которой живетъ и дѣйствуетъ познающій. Но рядомъ съ этимъ субъективизмомъ дѣятельность опыта и умозрѣнія все болѣе и болѣе накапливается и присоединяется въ разумъ познающаго къ непосредственному чутью наблюдателя; послѣднее пополняетъ первый и изъ гармоническаго сочетанія обоихъ элементовъ рождается та относительная истина, которая является господствующею въ данную эпоху. Если опытъ и наблюденіе еще недостаточны и развивающееся изъ нихъ умозрѣніе не даетъ вѣрнаго и широкаго обобщенія, то выдѣляется одинъ субъективизмъ, на степени догадки, который постигаетъ общій смыслъ явленій, идею въ нихъ лежащую—быстрѣе, нежели путемъ фактическаго изученія. Если факты накопились въ достаточномъ количествѣ для разрѣшенія путемъ обобщенія той стороны задачи, которая доступна логическому разуму, то относительная истина является не въ видѣ догадки, а въ видѣ доказанной теоремы, причемъ логическая дѣятельность разума, какъ сила болѣе вышняя и пробуждающая осязательную дѣятельность, принимается одна въ соображеніе, а непосредственный элементъ субъективизма, какъ сила болѣе внутренняя, неуловимая и дѣйствующая съ непрерывною и одинаковою интенсивностью,—только подразумевается, а не ощущается. Если же, напротивъ, грубое обобщеніе фактовъ притупляетъ и вытѣсняетъ

живое отношеніе къ живому, то наука обращается въ скелетъ, лишенный души; сама исторія, говоритъ Самаринъ, какъ простое записываніе случившагося, уподобилась бы ряду метеорологическихъ наблюденій надъ погодою и потеряла бы достоинство науки (стр. 1).

Итакъ, придерживаясь словъ самого г. Чичерина и возстановляя заявленія славянофиловъ въ цѣльномъ видѣ, безъ всякихъ искаженій и недомолвокъ, нельзя не придти къ заключенію, что въ ученіи ихъ не было ничего мистическаго; а что если они центръ постиженія соціальныхъ явленій не переносили всецѣло во внѣ человека, рассматриваемаго исключительно въ смыслѣ объекта, то въ этомъ они были правы, вслѣдствіе присущаго соціальнымъ наукамъ требованія на сохраненіе извѣстной степени субъективизма при ихъ построеніи.

Не распространяясь болѣе о сущности метода, примѣннаго славянофилами къ изученію русской исторіи, посмотримъ, какъ примѣнялъ его самъ г. Чичеринъ и какаго рода неправильность находили въ этомъ случаѣ славянофилы.

Коренное возраженіе, которое Самаринъ сдѣлалъ Чичерину и которое онъ поставилъ въ самомъ началѣ своего возраженія, заключалось въ томъ, что изученіе однихъ юридическихъ памятниковъ въ томъ объемѣ, какъ это сдѣлано Чичеринимъ, не достаточно для уясненія внутренняго характера различныхъ эпохъ русской исторіи. На это Чичеринъ отвѣчалъ, что Самаринъ самъ этихъ памятниковъ не изучалъ и потому не можетъ связать утвердительно, подтверждають ли они результаты добытые авторомъ или въ чемъ-либо ихъ измѣняютъ. Но это замѣчаніе нисколько не ослабляло силы возраженія. На самомъ же дѣлѣ изученіе исключительно юридическихъ памятниковъ неизбежно привело къ односторонности тѣхъ обобщеній, которыя Чичеринъ поставилъ конечнымъ результатомъ своего труда. Отличительный признакъ допетровской администраціи состоялъ, по мнѣнію Чичерина, въ преобладаніи государственнаго начала надъ частными союзами удѣльно-вѣчевой Россіи. Но развѣ этимъ внѣшнимъ признакомъ исчерпывается вся внутренняя соціальная жизнь страны, всѣ отношенія народа, земли—къ правительству или государству? Притомъ какимъ путемъ выведемъ этотъ признакъ? Авторъ говоритъ, что для него путеводною нитью служили труды нѣмецкихъ ученыхъ. Привода

мнѣнія Моля и Штейна, Чичеринъ говоритъ: „Я не выдаю мнѣнія Моля и Штейна за несомнѣнную истину. Съ нѣкоторыми изъ ихъ положеній не могу согласиться и вообще полагаю, что этотъ предметъ, по самой своей новости, требуетъ еще тщательной обработки. Но, во всякомъ случаѣ, находя такое подтвержденіе своимъ воззрѣніямъ въ новѣйшихъ сочиненіяхъ ученыхъ нѣмецкихъ юристовъ, — въ сочиненіяхъ, писанныхъ съ точки зрѣнія теоретической и *возникшихъ подъ вліяніемъ современныхъ событій* (sic), я могу думать, что я въ своихъ изслѣдованіяхъ не сбился съ настоящей дороги“. Эти нѣмецкіе ученые всю жизнь человѣчества размежевали на три періода, преемственно возвышающіеся одинъ послѣ другаго, а именно родовой бытъ, гражданское общество и государство. Что такое эти періоды? — Это именно выведенные умозаключеніемъ законы, которые выражаютъ требованія нашего разума, но которые мы не вправѣ принять за исходную точку нашего воззрѣнія и разсматривать съ нея факты (Чичеринъ, см. выше). Съ точки зрѣнія того точнаго метода, о которомъ заботился г. Чичеринъ и который старается выводить законы изъ самой жизни и разсматривать ее помимо готовыхъ шаблоновъ, да еще „возникшихъ подъ вліяніемъ современныхъ событій“ и потому рѣшительно не примѣнимыхъ къ жизни давно прошедшей, — эта повѣрка наблюденій учеными трудами Чичерина и Штейна едва ли представляется умѣстною. Замѣтимъ при этомъ, что одинъ изъ этихъ періодовъ (родовой бытъ) совершенно разбитъ былъ К. С. Аксаковымъ, какъ форма сочиненная и непримѣнимая къ тому періоду нашей исторіи, на который она была наложена трудами нѣмецкихъ ученыхъ; притомъ разбитъ онъ былъ не приложеніемъ мистическаго метода, а чисто-фактической разработкой, соединенною съ здоровою логикой.

К. Д. Кавелинъ писалъ о неопредѣленности господствующихъ понятій о гражданскомъ и государственномъ правѣ. Кавелинъ говоритъ: „внимательно пересмотрѣвъ всѣ части гражданскаго права, нельзя найти ни одной, въ которой бы шла рѣчь исключительно объ одномъ частномъ, приватномъ; въ каждой непремѣнно оказывается очень много такого, что по своему значенію, вліянію, роли имѣетъ публичный, общественный интересъ, касается болѣе или менѣе общества, государства. Показать, гдѣ въ нихъ оканчивается частное, приватное и начинается общественное, публичное, на основаніи лишь ихъ значенія, роли и вліянія, нѣтъ никакой возмож-

ности. Именно потому, что частное, приватное сливается въ этомъ смыслѣ съ общественнымъ, публичнымъ, нельзя на ихъ различіи основать различіе гражданскаго и публичнаго (государственнаго) права (брошюра: „Что есть гражданское право?“ Спб. 1864, стр. 15). Отсюда легко усматривается, насколько точно и опредѣленно можно установить моментъ или шаблонъ *гражданскаго общества*, гдѣ всѣ явленія общественной жизни подчиняются характеру частнаго, гражданскаго права. Понятіе о государствѣ, господствующее у Штейна, есть даже не теоретическій выходъ, а конкретное представленіе, дѣйствительно возникшее подъ вліяніемъ современныхъ событій, и поэтому самому переходящее и теперь уже разлагающееся: это есть государственная централизація, стремившаяся, на первыхъ порахъ послѣ революціоннаго разлада опровергнутыхъ старыхъ союзовъ, скрѣпить цѣльность государственной территоріи искусственнымъ нивелированиемъ. И вотъ съ высоты этого государства, признаннаго за высшій моментъ теоріей и силой современныхъ событій навязаннаго европейскому матеріку, не исключая и Россіи, вошедшей въ общую систему, разсматривались событія и отношенія въ древней Россіи. Понятно, что полученные результаты получались отрицательные и нисколько не уясняли теченія внутренней жизни въ тогдашнемъ обществѣ. Мы видимъ въ книгѣ Чичерина центральныя учрежденія и отношенія ихъ къ мѣстнымъ или областнымъ; но отношеніе тѣхъ или другихъ къ народу, къ самому обществу осталось для автора неизвѣстнымъ, и вопроса этого онъ не ставилъ, потому что смыслъ этихъ отношеній данъ ему былъ въ руки прямо и безъ дальнѣйшихъ заботъ тѣми шаблонами, въ которые онъ счелъ за нужное втиснуть русскую жизнь. Такимъ образомъ Б. Н. Чичеринъ въ исторіи русской науки былъ и остался самымъ виднымъ, послѣдовательнымъ и убѣжденнымъ сторонникомъ теоріи государственной централизаціи *), которую онъ изложилъ вполне въ позднѣйшемъ своемъ произведеніи „О народномъ представительствѣ въ Россіи“, — произведеніи, которое

---

*) Е. О. Коршъ мнѣ рассказывалъ, что, помимо другихъ обстоятельствъ, онъ и Б. Н. Чичеринъ разошлись съ „Рус. Вѣсти.“ изъ-за теоретическихъ убѣжденій о государствѣ. Катковъ, въ то время, смотрѣлъ на государство какъ на необходимое зло, Чичеринъ и Коршъ видѣли въ немъ — для современной эпохи — органическую форму, которую должны быть проникнуты всѣ стороны государственной жизни, — разумѣется, не нарушая законной свободы частныхъ лицъ. Это послужило причиною изданія „Атеней“.

совершенно разошлось съ убѣжденіями современной русской интеллигенціи. Но храни меня Богъ о чьихъ-либо добросовѣстныхъ научныхъ трудахъ говорить безъ уваженія и справедливой оцѣнки. Заслуги Б. Н. Чичерина всегда должны быть на виду въ разработкѣ русской исторіи. Первый шагъ въ изслѣдованіи русской исторіи долженъ былъ начаться съ примѣриванія къ ней современныхъ научныхъ шаблоновъ, ибо въ этихъ шаблонахъ все-таки содержались обобщенія соціальныхъ явленій, хотя собранныхъ на другой почвѣ и развившихся при другихъ условіяхъ. Это примѣненіе дало—и не могло не дать—отрицательные результаты, но г. Чичеринъ совершенно правъ, говоря, что обозначеніе отрицательныхъ признаковъ составляетъ одну изъ существенныхъ задачъ науки (XI, стр. 191). Всякое опредѣленіе начинается съ отрицанія (*omnis determinatio est negatio*); отрицаніе указываетъ ту грань, съ которой предметъ опредѣляемый начинаетъ отдѣляться отъ другихъ; уже послѣ того начинается анализъ, наполняющій его признаками положительными.

Что же сдѣлали славянофилы? Фактовъ было слишкомъ мало, чтобъ извлечь изъ нихъ непосредственное, широкое и сколько-нибудь объясняющее внутреннюю жизнь древней Руси обобщеніе; западныхъ шаблоновъ славянофилы примѣнять не хотѣли, да это было и не нужно, потому что такая задача уже была выполнена разбираемымъ изслѣдованіемъ. Славянофиламъ оставалось прибѣгнуть къ тому, что Б. Н. Чичеринъ назвалъ „чутьемъ“, представляющимъ дѣятельность разума, первый толчокъ къ познанію, постигающій однакоже общую мысль быстрѣе, нежели путемъ методическаго наведенія“ (въ особенности при такихъ послышкахъ, которыя употребилъ г. Чичеринъ) или къ тому, что сами славянофилы называли „постиженіемъ предмета изслѣдованія всѣмъ существомъ живаго мыслителя, на основаніи *сочувственнаго* настроенія, какъ живаго живымъ“. Въ послѣднемъ выраженіи вся тяжесть лежитъ въ выраженіи *сочувственнаго* настроенія. Не даромъ г. Чичеринъ, говоря о *сочувствіи*, понималъ его исключительно съ внѣшней стороны, какъ личное предрасположеніе къ предмету и любовь къ занятіямъ. Таково дѣйствительно *сочувствіе* всякаго *посторонняго ученаго*; таково было *сочувствіе* всѣхъ этихъ почтенныхъ нѣмцевъ, Штриттера, Миллера, Баера, Шлецера, Еверса, Неймана и др., которыхъ имена всегда съ признательностью помянетъ наука рус-

ской исторіи и которые внесли въ нее все, что могла дать ихъ обширная эрудиція и добросовѣстное, примѣрное трудолюбіе. Но жизни русской и характера нашей исторіи эти ученые и не могли понять. Для этого нужно то внутреннее сочувствіе, о которомъ говоритъ Хомяковъ,—сочувствіе равно недоступное какъ иностранцамъ, такъ и оторвавшимся отъ русской почвы образованнымъ людямъ, о которыхъ сказалъ поэтъ:

Для нихъ глаголы нѣди звучной
Съ высотъ Кремля—будильникъ скучный,
И воля дѣвпровскихъ плескъ и шумъ
Не будятъ въ нихъ сердечныхъ думъ.

Это сочувствіе, сочувствіе къ народу, къ массѣ и было тѣмъ рычагомъ, которымъ повернулось все міровоззрѣніе у славянофиловъ и которымъ они такъ рѣзко отдѣлялись отъ своихъ современниковъ. Въ то время, какъ вся читающая и мыслящая публика того времени преклонялась на вѣру предъ результатами тогдашней исторической школы и считала вопросы порѣшенными, славянофилы чутьемъ не только угадали всю невѣрность, но и указали причину въ ошибочно направленномъ стремленіи. Не отвергая науки, они, для восстановленія русской старины, прежде всего требовали признанія интересовъ той массы, которую обходилъ съ чувствомъ жалостливаго пренебреженія образованный человѣкъ того времени; они требовали, чтобы изслѣдователи обратились къ остаткамъ старины, сохранившимся въ народѣ, къ его обычаямъ, преданіямъ, пѣснямъ и вѣрованіямъ. На это могутъ сказать: догадаться, что изслѣдованіе, только начинающее разработку предмета, не можетъ быть вполне вѣрнымъ и окончательнымъ—не мудрено, особенно если честь подтвержденія догадки предоставлена другимъ; а собраніемъ русской старины занимались и прежде славянофиловъ и послѣ очень многіе. Все это вѣрно, но все это были усилія и стремленія отдельныхъ людей; въ славянофилахъ появился первый кружокъ людей, глубоко преданныхъ идеѣ народности, разработавшихъ эту идею,—конечно, въ своеобразной формѣ,—во всѣ стороны народной жизни, до мельчайшихъ подробностей, и задавшихся благородною цѣлью проповѣдывать эту идею, несмотря ни на какія препятствія и полное равнодушіе, даже пренебреженіе къ ихъ трудамъ современной имъ читающей публики. Не проповѣдь кружка, а не-

преодолимая сила обстоятельствъ заровняла пропасть, доселѣ раздѣлявшую образованное меньшинство отъ массы народной, и новыхъ дѣятелей науки снабдила тѣмъ чутьемъ народности, которое утрачивалось въ прежнее время слишкомъ безусловнымъ преклоненіемъ предъ „последнимъ словомъ“ западной науки. Подъ этими условіями началась новая, еще далеко не оконченная разработка нашей древней исторіи; она не оправдала вполне того увлеченія русскою стариною, которымъ наполнялось гаданіе славянофиловъ, но во всякомъ случаѣ оно стоитъ ближе къ славянофиламъ, нежели къ отрицательно-исторической школѣ, для которой вся русская жизнь сводилась къ постепенному и законному расширенію государственной централизаціи. Труды ученыхъ, какъ С. М. Соловьевъ, К. Д. Кавелинъ, Б. Н. Чичеринъ, всегда оставляютъ свой слѣдъ въ наукѣ и имена ихъ всегда будутъ произноситься съ уваженіемъ; но не менѣе почтенны и достойны изученія труды ихъ противниковъ, отъ которыхъ исходилъ первый призывъ къ дальнѣйшему движенію: нельзя на эти труды продолжать смотрѣть съ тѣмъ пренебреженіемъ, съ которымъ относились къ нимъ люди науки, воспитанные прежнему школой, когда славянофилы не были достаточно усвоены и вообще находились не въ аванжаѣ.

Открытое нападеніе „Рус. Бесѣды“ на отрицательную теорію въ русской исторіи, главные представители которой въ Москвѣ применили къ „Рус. Вѣстнику“, вызвало отвѣтъ С. М. Соловьева, котораго слѣдуетъ признать главою поворота къ изученію русской исторіи на основаніи правилъ и пріемовъ европейской науки.

С. М. Соловьевъ сосредоточилъ свои возраженія въ извѣстной и въ свое время одержавшей рѣшительную побѣду въ современномъ общественномъ мнѣніи статьѣ: „Шлецеръ и анти-историческое направленіе“. Уже само заглавіе этой статьи весьма поучительно и до нѣкоторой степени выясняетъ ея направленіе. Статья какъ бы поставлена подъ защиту Шлецера, онъ представляется какъ бы учителемъ и главнымъ руководителемъ, только его методъ признается настоящимъ, а съ нимъ несогласное осуждается какъ анти-историческое. А между тѣмъ кто былъ Шлецеръ?—Шлецеръ былъ иноземецъ, талантливый и трудолюбивый, вооруженный всѣми пособіями европейской науки и, насколько это возможно было для того времени, тщательно и добросовѣстно изучившій доступные ему памятники русской старины. Талантъ и изученіе открыли ему много

указаній на характеръ древнѣйшаго періода нашей исторіи, но все же не уяснили ему ея истинныхъ задачъ и движеній. Самъ же С. М. Соловьевъ говоритъ, что, возстановивши критически достовѣрность и смыслъ первоначальной русской лѣтописи, Шлецеръ о дальнѣйшемъ ходѣ нашей исторіи „имѣлъ ошибочныя понятія“ (стр. 437). „Честный Несторъ,—говоритъ авторъ статьи,—представлялъ свою страну пустынею, гдѣ живетъ нѣсколько народцевъ. Если наша обширная страна въ половинѣ IX вѣка была пустынею, то могла ли она скоро перестать быть пустынею, скоро населиться? Поэтому мы не будемъ удивляться медленности государственнаго развитія, медленности установленія *наряда* въ землѣ великой (стр. 438). Такимъ образомъ весь смыслъ русской исторіи С. М. Соловьева сводился къ хронологическому расширенію государственнаго наряда въ Россіи. Но, помимо этого внѣшняго наряда, внутренняя жизнь народа заключаетъ въ себѣ много другихъ законныхъ проявленій и требованій, а потому вопросъ, насколько внѣшній государственный нарядъ распространялся, сохраняя или, напротивъ, угнетая эти законныя проявленія и требованія всякой народной жизни, не зависима отъ государственнаго наряда, — не рѣшается одною хронологіей. По мнѣнію С. М. Соловьева, древняя Россія,—подобно тому какъ въ настоящее время крестьянское сословіе,—пребывало въ состояніи безсознательнаго подчиненія своему, стариною освященному, обычаю; человекъ, когда разъ освобожденъ отъ этого подчиненія, являлся совершенно чистымъ, ибо прежняя связь его съ своимъ и старымъ существовала безъ вѣдома его разума, коренилась только въ одной половинѣ его существа, безъ вѣдома другой. Русский человекъ XVIII вѣка явился совершенно чистымъ, вполне готовымъ къ воспріятію новаго,—однимъ словомъ, явился ребенкомъ, ребенкомъ чрезвычайно способнымъ, воспріимчивымъ, но ребенкомъ, для котораго наступила пора ученія, пора подражанія, ибо чтѣ такое ученіе, какъ не подражаніе? Даровитый, воспріимчивый ребенокъ начинаетъ учиться, узнаетъ много новаго, чего другіе не знаютъ. Первое необходимое слѣдствіе этого въ ребенкѣ—гордость, чувство своего превосходства надъ другими, желаніе высказывать свое превосходство, хвастаться, щеголять новопріобрѣтеннымъ знаніемъ: новое, чужое, что имъ приобрѣтено, имѣетъ для него необыкновенную прелесть, а старое свое, всѣмъ извѣстное, всѣмъ доступное—не имѣетъ никакой. Ребенокъ необходимо педантъ, ибо

не имѣть силы овладѣть новымъ предметомъ и овладѣть самимъ собой при пользованіи этимъ предметомъ, и потому носится съ нимъ, всѣмъ показываетъ и хвастается; отсюда—страсть употреблять не встати научныя положенія и слова, страсть употреблять иностранныя слова, вмѣсто своихъ, говорить безъ нужды на иностранномъ языкѣ, подражать иностраннымъ обычаямъ, даже и такимъ, которые ничѣмъ не лучше своихъ прежнихъ. Все это мы видимъ у русскихъ людей XVIII вѣка, и все это было естественнымъ, необходимымъ слѣдствіемъ состоянія русскаго общества въ до-петровское время: чего древняя Русь не завѣчала, того новая изъ ничего вдругъ создать не могла; для созданія новой, чего именно недоставало древней Руси, потребны были вѣка (стр. 465 — 477). Это служить до нѣкоторой степени объясненіемъ чисто-внѣшняго подраженія Европѣ и современной отчужденности отъ своего народа образованнаго меньшинства до послѣдняго времени, но отнюдь не оправданіемъ. Обвиняя *анти-историческое* направленіе въ томъ, что оно во всей древней Руси видитъ только хорошее и всякое осужденіе считаетъ „отрицаніемъ“, Соловьевъ говоритъ: „Историкъ встрѣчается явленіе, о которомъ современники выражаются, положимъ, такъ: «мерзость заустѣнія на мѣстѣ святѣ». Историкъ, пораженный такимъ явленіемъ, начинаетъ разыскивать причины, по которымъ оно произошло, а ему кричатъ: «Какъ не стыдно! Какое одностороннее, отрицательное направленіе! Толкуетъ объ одной мерзости заустѣнія, а святаго мѣста не видитъ,—у народа была не одна мерзость заустѣнія, было и святое мѣсто». Разумѣется, историку легко отвѣчать на эти крики: «Еслибы мерзость заустѣнія была на приличномъ ей мѣстѣ, а не на святомъ, то я бы о ней и не говорилъ» (стр. 478 — 499). Затѣмъ С. М. Соловьевъ переходитъ къ разбору отдѣльныхъ мнѣній славянофиловъ о родовомъ бытѣ, объ общинномъ, о земскихъ соборахъ, о значеніи въ исторіи русскаго просвѣщенія новгородскаго архіепископа Геннадія, объ отношеніи славянофиловъ къ Петровской реформѣ и вообще о характерѣ позаимствованій просвѣщенія однимъ народомъ у другого.

Естественно, что статья Соловьева произвела большое впечатлѣніе на сотрудниковъ „Рус. Бесѣды“, и они сейчасъ же послѣпили на нее отвѣтомъ. Въ „Бесѣдѣ“ за 1857 г. въ третьей книгѣ появились отвѣты гг. Безсонова, Ю. Самарина, К. Аксакова и

Хомякова. Въ возраженіи Хомякова есть заступничество за память И. В. Кирѣевскаго, о которомъ всколзь упомянулъ Соловьевъ, и частныя возраженія на нѣкоторыя мысли и выраженія Соловьева, и общая критика всего настроенія русской исторіи, какъ она является въ вышедшихъ до того времени томахъ труда Соловьева. Общій выводъ Хомякова такой: „Вполнѣ признавая неутонченную дѣятельность г. Соловьева, его любовь къ наукѣ и даровитость, я не думаю отрицать ни достоинства, ни полезности его историческаго труда; но, приступая къ исторіи, еще не достаточно подготовленной отдѣльными изслѣдованіями, онъ съ намѣреніемъ или безсознательно ограничился одностороннимъ взглядомъ. Онъ рассказываетъ не исторію Россіи, даже не исторію государства Русскаго, а только исторію государственности въ Россіи, во сколько этотъ рассказъ подготовленъ другими изслѣдованіями и отчасти имъ самимъ. Этотъ трудъ, конечно, не бесполезенъ. Это сборъ оффиціальныхъ столбцовъ исторической лѣтописи, подведенный подъ нѣкоторую систему. Должно прибавить, что есть и неоффиціальная часть, слишкомъ мало обдѣланная; но она не связана никакою живою связью съ оффиціальнымъ отдѣломъ, такъ же, какъ водится въ современныхъ газетахъ. Послѣдовательность кое-гдѣ видна, жизни нигдѣ. Это зависѣло, разумѣется, отъ самаго свойства первой задачи (сознательной или безсознательной), но, вслѣдствіе продолжительнаго занятія, обратилось въ привычку; а самъ г. Соловьевъ уже сказалъ, какъ вредно однообразіе занятій. Естественнымъ послѣдствіемъ привычки къ односторонности было то, что когда явилось направленіе, требующее отъ исторіи не только документальности, но еще органическаго смысла, г. Соловьеву такое направленіе показалось анти-историческимъ.

„Дѣйствительно, что хотѣлъ онъ сказать,—что люди этого направленія отрицаютъ прошедшее? Такое предположеніе было бы просто бессмысленно. Или желали бы прошлое передѣлать на свой ладъ?—еще бессмысленнѣе. Или не хотятъ историческихъ занятій?—но онъ знаетъ, что они не менѣе его занимаются исторіей и стараются обращать вниманіе своихъ соотечественниковъ на это изученіе. Или же критически изслѣдываютъ старину, не знакомы съ критическими приѣмами, или не хотятъ ихъ знать, перестраивая образъ старины по своему хотѣнію? Этого г. Соловьевъ не могъ сказать: онъ знаетъ, что то направленіе, о которомъ онъ говоритъ,

требуетъ изслѣдованій, и признаетъ даже невозможнымъ подвигомъ писать исторію Россіи при отсутствіи предварительныхъ трудовъ критическихъ (о чемъ оно ему даже напоминало весьма вѣжливо, но ясно). Итакъ, въ эпитетъ „анти-историческое“ можетъ быть только одинъ разумный смыслъ, а именно слѣдующій. Это направленіе не восхищается всякимъ историческимъ періодомъ: оно знаетъ, что исторія народа, какъ развитіе человѣка, имѣетъ свои временныя отклоненія (иногда весьма продолжительныя); что ея дѣятели вступаютъ иногда на ложные пути, увлекая за собою всѣ правящія обществомъ силы; что иногда направленіе не вполне ложное бываетъ и неправымъ и ложнымъ вслѣдствіе своей односторонности и неразумнаго отношенія къ другимъ временно пренебрегаемымъ требованіямъ и силамъ народа; что не всегда позднѣйшее бываетъ лучшимъ, а современное не всегда вѣрнымъ закону внутреннему, лежащему въ основѣ развитія правильнаго; и что наконецъ часто слѣдуетъ въ прошедшемъ отыскивать тѣ разумныя начала, которыя, будучи временно затаены или отстранены отъ дѣятельности, должны еще (по счастливому выраженію г. Самарина) изъ прошедшаго прорасти въ будущее. Въ этомъ только значеніи выраженіе г. Соловьева можетъ представлять смыслъ; но жаль историка, которому такое направленіе кажется анти-историческимъ*.

Самаринъ, разобравъ обвиненія противъ нѣкоторыхъ его положеній со стороны Соловьева, остановился на постоянно повторяемомъ Соловьевымъ обвиненіи древней Руси въ недостаткѣ просвѣщенія и на доказательствахъ о безусловной пользѣ Петровской реформы и сближенія съ Европой. Въ видѣ возраженій Самаринъ ставитъ слѣдующій вопросъ:

„Два недуга разъѣдали древнюю жизнь—лихоимство и обрядность: противъ этого г. Соловьевъ спорить не будетъ. Древняя Русь ихъ не скрывала; напротивъ, она каялась въ нихъ во всеуслышаніе, искала средствъ противъ нихъ, но не находила исцѣленія (съ этимъ также согласится г. Соловьевъ). Итакъ, съ полнымъ и яснымъ сознаніемъ своей болѣзни, съ готовностью на все для кореннаго исцѣленія, поступила Русская земля на попеченіе безстрашнаго хирурга, привезшаго изъ-за границы новую систему лѣченія. Она теперь испробована, прошло полтараста лѣтъ. Мы не спрашиваемъ: здорова ли Россія?—нѣтъ, это было бы много. Мы просимъ только, чтобъ намъ указали, какое новое, притомъ дѣйствительное

и древней Руси невѣдомое или недоступное, средство открыто и употреблено въ дѣло? Противъ двухъ коренныхъ недуговъ, лихоимства и обрядности, которыхъ всѣ признаки такъ подробно описаны, что приобрѣла Россія? И когда намъ укажутъ, что она приобрѣла, мы беремся показать, что она утратила.

Свойства земледѣльскаго сословія въ смыслѣ народа Соловьевъ характеризуетъ слѣдующимъ образомъ: „Однообразіе, простота занятій, подчиненіе этихъ занятій природнымъ условіямъ, надъ которыми трудно взять верхъ человѣку, однообразіе формъ быта, разобщеніе съ другими классами народа—ведетъ въ земледѣльческомъ сословіи къ господству формъ, давностью освященныхъ, къ безсознательному подчиненію обычаю, преданію, обряду. Отсюда въ этомъ сословіи такая удержливость относительно стараго, такое отвращеніе къ нововведеніямъ, осязательно полезнымъ, такое *бессіе смысла передъ подавляющею силою привычки*. Въ земледѣльческомъ сословіи сохранились преданія, обряды, идущіе изъ глубочайшей древности: попробуйте попросить у земледѣльца объясненія смысла обряда, который онъ такъ суевѣрно соблюдаетъ—вы не получите другаго отвѣта, кромѣ: такъ водится; но попробуйте нарушить обрядъ или часть его,—вы взволнуете человѣка, цѣлое общество, которые придутъ въ отчаяніе, будутъ ждать всѣхъ возможныхъ бѣдствій отъ нарушенія обряда. Но понятно, какую помощь оказываетъ это сословіе государству, когда послѣднее призываетъ его на защиту того, что всѣмъ народомъ признано за необходимое и святое. Поэтому справедливо называютъ земледѣльческое сословіе по преимуществу охранительнымъ. Почтенныя свойства этого сословія, какъ *сословія*, не могутъ быть оспариваемы; но что же если цѣлый народъ живетъ въ формѣ быта земледѣльскаго сословія“ („Рус. Вѣстникъ“ 1857 г.).

На это Самаринъ возражаетъ:

„По системѣ ученаго историка XIX вѣка *черные люди* годны только на *черный день*. Ихъ дѣло встрѣчать грудью непріятелей и складывать свои головы, когда правительство ударитъ въ набатъ; но развѣ одно нашествіе иноплеменниковъ со штыками и пушками угрожаетъ тому, что признается народомъ за необходимое и святое? Бываютъ бѣды и отъ другихъ причинъ. Вспомните слѣпую любовь къ новизнѣ, тупое презрѣніе къ обычаю и привычкѣ, самоувѣренность полупросвѣщенія, всецѣло вѣрующаго въ безоши-

бочность послѣдней вычитанной теоріи, наконецъ легіонъ невинныхъ, благонамѣренныхъ поборниковъ самодержавныхъ притязаній разсудка на исправленіе жизни. А чего не выдумаетъ разсудокъ! Сегодня, напримѣръ, кого-то озарила мысль, что жителямъ селъ подобаетъ быть хлѣбопашцами и что только въ городахъ можетъ существовать промышленность. Такъ дѣйствительно было въ Германіи, такъ должно быть и вездѣ. Правда, что у насъ на сѣверѣ, въ теченіе полугода, земледѣльческія занятія по неволѣ прекращаются и поселяне по необходимости должны обращаться въ торговлѣ и промысламъ; правда также, что есть у насъ цѣлыя губерніи, для которыхъ хлѣбопашество составляетъ лишь второстепенное подспорье, и что именно тамъ встрѣчаются богатѣйшія села, гдѣ въ каждой избѣ заведена фабрика; но что до этого! Обычай—не указъ науки. Наука требуетъ городовъ,—подавайте намъ города, мануфактуры, фабрики; если на то пойдетъ, мы пожалуй за одинъ разъ сотню богатыхъ селеній произведемъ въ городской чинъ, то-есть мы навалимъ на нихъ многосложный штатъ, съ думами, магистратами, цехами, управными порядками, и подъ бременемъ этого штата исхудаетъ нѣкогда цвѣтущее, полное жизни село, и выродится въ чахлый городъ, но все же городъ! А что, если завтра другому книжнику почудится, что намъ совсѣмъ не нужны ни фабрики, ни мануфактуры, что мы исключительно земледѣльцы, что наше дѣло пахать, пасти овецъ и топить сало, а все остальное мы должны получать отъ другихъ? Бѣдная земля! Какой безконечный рядъ операцій и опытовъ готовится для нея впереди, сколько ломки, противорѣчій, сколько ударовъ по самымъ чувствительнымъ жиламъ, сколько даромъ погубленнаго труда, сколько напраснаго насилія! Что же предохранить ее отъ всѣхъ этихъ бѣдъ, едва ли чѣмъ уступающихъ нашествію 20 языковъ или московской волокитѣ, если не отпоръ—вполнѣ разумный, хотя и безсознательный—именно того сословія, которое, обладая безошибочностью духовнаго инстинкта, хранить въ себѣ цѣльность народной стихіи?

„Но этого-то именно и не вмѣщаетъ школа; здѣсь-то и обрывается ея книжная мудрость. Разумность, не облеченная въ затверженные формы логическаго сознанія, для нея не существуетъ; устойчивость факта, право жизни передъ истязующимъ ее разсудкомъ—кажется ей оскорбленіемъ величества науки и раздражительныхъ

ея служителей. Между тѣмъ уваженіе въ существующему и не учтенному въ противозаконности факту заключаетъ въ себѣ самую существенную и драгоцѣнную гарантію прочности правъ какъ личныхъ, такъ и общественныхъ, и вѣрности народнаго быта (Соч. ч. I, 235—236)

. Аксаковъ свое возраженіе начинаетъ такою характеристикой обоихъ направленій: „Направленіе названо *анти-историческимъ*. Почему? Отвергаетъ ли оно историческія данныя, считаетъ ли ненужнымъ знать прошедшее? Нѣтъ, самъ г. Соловьевъ не могъ сказать этого. Онъ не оспариваетъ, что направленіе опирается на историческихъ фактахъ, но... оно ихъ не такъ перетолковываетъ. Въ такомъ случаѣ названіе «анти-историческое» сюда не идетъ, ибо ошибочно перетолковывать исторію не значитъ исторію отвергать и идти въ наукѣ путемъ неисторическимъ; въ противномъ случаѣ г. Соловьевъ всѣхъ несогласныхъ съ нимъ долженъ былъ бы причислить къ анти-историческому направленію, оставивъ при историческомъ лишь себя и своихъ партизановъ или (какъ теперь довольно неудачно переводятъ у насъ) сторонниковъ. Названіе *анти-историческое* придумано невѣрно, и говорить объ этомъ мнѣ нечего. Но слово сказалось не даромъ. *Историческое* направленіе, какъ называетъ свое направленіе г. Соловьевъ, понимаетъ исторію, точно, исключительнымъ и одностороннимъ образомъ. Оно думаетъ, что преемство всѣхъ историческихъ явленій есть непремѣнное восхожденіе отъ лучшаго къ лучшему, такъ что день настоящій есть всегда день правдивый, а вчерашній день есть день осужденный. Это—поклоненіе не исторіи, а *времени*. Здѣсь нѣтъ вопроса объ истинѣ въ ней самой, вѣра въ которую, вы не справляетесь: ея ли время теперь, или нѣтъ?—здѣсь вопросъ только о времени, и ужъ тотъ непремѣнно правъ, чье время. Это странное, *привременное*, если можно такъ выразиться, направленіе есть постоянное оправданіе историческихъ дѣятелей-временщиковъ (подъ дѣятелями мы разумѣемъ здѣсь не одни лица, а всякую движущую идею эпохи). Но, постоянно прославляя настоящую идею, историкъ съ такимъ историческимъ направленіемъ можетъ впадать въ безпрестанныя ошибки... Нѣтъ, истина—не временщикъ и отъ времени не зависеть. Что мнѣ за дѣло, что такая-то идея *теперь* торжествуетъ? О ея ложности и неложности сужу я на основаніи требованій истины независимой и не усомнюсь назвать ее ложною (если

такою найду), какъ бы ни была она сильна во времени. Основаніемъ для пониманія исторіи должна быть, съ одной стороны, идея общей истины, ибо всякая исторія представляетъ такое или иное къ ней отношеніе, съ другой—начало (принципъ) народное, проникающее всю исторію, а не преемство историческихъ явленій или формъ. Вотъ что должно быть критеріумомъ (мѣриломъ); и вотъ чего нѣтъ у школы исторической (какъ она сама себя называетъ), — школы, которая служитъ времени и всякой послѣдней исторической идеѣ, напримѣръ теперь—идеѣ Петровскаго переворота. Вотъ что называемъ мы: „поклоняться времени“. Должно или отказаться отъ господства времени и прибѣгнуть къ истинѣ самой по себѣ, на основаніи которой объясняется самое время, или обоготворить время и отказаться тогда отъ истины самой по себѣ независимой. *Историческое* (какъ оно называетъ себя) направленіе избрало второй путь. Понятно, что это направленіе страдаетъ недостаткомъ критики, и потому, откинувъ исключительное названіе историческаго (названіе, которое принадлежитъ всякому направленію, на исторіи основанному), оно, въ отличіе отъ другихъ, гораздо вѣрнѣе можетъ назваться *анти-критическимъ*. У него, если хотите, можетъ быть критика прошедшаго, но никогда настоящаго; между тѣмъ какъ настоящее не есть еще истина, потому что оно настоящее и торжествующее и подлежитъ также критикѣ. Критика же одного прошедшаго не есть свободная критика, а осужденіе. Гдѣ критика является только орудіемъ заранѣе изреченнаго приговора, тамъ нѣтъ критики. И потому повторяемъ, что направленію, о которомъ говоримъ, прилично названіе *анти-критическаго*. Но изъ этого названія мы не намѣрены дѣлать прозвища, считая это неумѣстнымъ въ серьезной статьѣ („Рус. Бес.“ 1857, III, 104—106).

Затѣмъ Аксаковъ излагаетъ въ частности свой споръ съ Соловьевымъ о родовомъ бытѣ, значеніи общины и земскихъ соборахъ.

Возраженіе г. Безсонова такъ же слабо, какъ и статья его. Безсоновъ принадлежалъ къ тѣмъ *enfants terribles* славянофильскаго кружка, противъ которыхъ предостерегала „Рус. Бесѣду“ редакція „Современника“ и которые, проникнувшись духомъ ученія, лишены были способности толковаго, вѣрнаго и полезнаго примѣненія ихъ къ своимъ изслѣдованіямъ. Въ очень растянутой рецензій изданнаго гг. Горскимъ и Невоструевымъ „Описанія славянскихъ рукописей Москов-

ской Синодальной библиотеки“ („Рус. Бес.“ 1856, I, 1—90) А. Безсоновъ изложилъ цѣлый рядъ умозаключеній, въ которомъ онъ опровергаетъ предположеніе издателей, что помѣщеніе новгородскимъ архіепископомъ Геннадіемъ въ его первомъ полномъ собраніи перевода нѣкоторыхъ ветхозавѣтныхъ книгъ съ латинскаго произошло вслѣдствіе неудачи или утраты древнихъ переводовъ съ греческаго. Г. Безсоновъ видитъ въ этомъ личную небрежность или неумѣлость Геннадія, а при случаѣ рассказываетъ о сильномъ у насъ распространеніи греческаго языка, такъ что нельзя было затрудниться въ присканіи переводчиковъ. Напротивъ Соловьевъ недостатокъ труда Геннадія приписываетъ не лично ему, а современному состоянію просвѣщенія въ Россіи. Возраженіе г. Безсонова не содержитъ никакихъ фактическихъ данныхъ и едва ли можетъ убѣдить кого-либо изъ читателей *).

Самый важный изъ вопросовъ, поднятый „Рус. Бѣсѣдою“, былъ вопросъ объ *общинѣ* **). Въ „Заключительномъ словѣ“, съ которымъ

---

*) Въ бумагахъ Ал. Иван. сохранилось нѣсколько писемъ г. Безсонова по поводу уничтоженія библиотеки при Московской Синодальной типографіи, которую митрополитъ Филаретъ порѣшилъ разорвать и развѣстять по разнымъ мѣстамъ. Г. Безсоновъ хлопоталъ по этому случаю очень много („Историческій очеркъ Типографской библиотеки въ Москвѣ“—„Рус. Бес.“ 1859, V, 39—105, съ послѣсловіемъ редакціи, письмо въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ 1859 года) и обращался съ частными письмами, между прочимъ, къ Ал. Ивановичу, но изъ писемъ Кошелева къ И. С. Аксакову видно, что въ Петербургѣ никакого предположенія объ измѣненіи типографскаго книгохраненія не существовало.

**) Мотивы человѣческаго развитія не объясняются ни любовью, ни враждою, потому что эти понятія служатъ только выраженіемъ субъективныхъ отношеній одного человѣка къ другому. Мотивы эти должно отыскивать глубже, въ физиологической природѣ человѣка. По теоріи эволюціи наблюдать эти мотивы слѣдуетъ не прямо въ человеческой средѣ, но въ организмахъ сравнительно низшихъ, гдѣ они выражаются проще и болѣе доступны наблюденію. Въ недавнее время Альфр. Еспивасъ съ этою цѣлью взялся за изысканіе законовъ, проявляющихся въ обществахъ между животными („Des sociétés animales, étude de psychologie, 2 ed. Paris 1878 г.). Задачу свою Еспивасъ излагаетъ слѣдующимъ образомъ: „Общезитіе не есть случайный фактъ въ животномъ царствѣ; оно не является тамъ и самъ случайно и какъ бы по капризу; оно не ограничивается, какъ думаютъ обыкновенно, нѣкоторыми отдѣльными видами, — бобрами, пчелами и муравьями; напротивъ общезитіе составляетъ, какъ постараемся доказать въ предлагаемомъ нами трудѣ, фактъ нормальный, постоянный, всеобщій. Начиная съ низшихъ ступеней развитія и до самыхъ высшихъ, всѣ животныя, въ известное время своего существованія, входили какимъ бы то ни было образомъ въ общество; общественная среда есть необходимое условіе сохраненія и возобновленія жизни. Таковъ біологическій законъ, который не бесполезно выставить на свѣтъ“ (стр. 9). Излагая наблюденія надъ стадами

„Рус. Бесѣда“ обратилась къ читателямъ, закрываясь въ 1859 г., редакція прямо выдвигаетъ этотъ вопросъ какъ знамя своего журнала. „Бесѣда“ и „Сельское Благоустройство“ неумоимо трудились надъ разъясненіемъ сущности этого явленія (общиннаго устройства) изъ русской и славянской исторіи и жизни,—явленія, имѣющаго громадную будущность и не только не противорѣчащаго здравому понятію требованіямъ науки, но предназначеннаго внести новое воззрѣніе и произвести совершенный переворотъ въ политической экономіи, какъ она сложилась доселѣ на Западѣ („Рус. Бес.“ 1859, VI, 4). Дѣйствительно, ученіе объ общинѣ есть краеугольный камень всего славянофильскаго міровоззрѣнія. Въ „Рус. Бесѣдѣ“ это ученіе излагалось полемически; но въ другихъ своихъ сочиненіяхъ, если не въ цѣльномъ видѣ, то отрывочно, славянофилы заявили свою теорію догматически, т.-е. въ смыслѣ самостоятельнаго, а не спорнаго изложенія. Поэтому мы скажемъ предвари-

(reuplades, народы) животныхъ высшихъ порядковъ,—птицъ и млекопитающихъ,—Еспинасъ приходитъ къ заключенію, что мотивъ всякаго нормальнаго общества между животными, выходящаго за предѣлы семьи (въ полномъ фвіологическомъ смыслѣ), можетъ быть названъ симпатією (475); что во многихъ случаяхъ самопожертванія, замѣченныхъ между позвоночными высшихъ порядковъ, симпатія обнаруживается сама собою и возвышается до тѣхъ размѣровъ, которые мы называемъ чистою добротою или самоотреченіемъ; что въ то время, когда этотъ безкорыстный мотивъ дѣйствуетъ на агента, мотивъ этотъ имѣетъ характеръ побуждательнаго импульса, которому трудно сопротивляться, мотивъ сдѣлался прирожденною привычкою, безусловнымъ инстинктомъ; но импульсъ этотъ не является чисто-механическимъ, ибо въ немъ присутствуетъ, хотя темное, сознание и болѣе или менѣе ясно ощущается противоположность этого мотива съ эгоистическими наклонностями (557—558). Нѣтъ сомнѣнія, что въ человѣкѣ, одаренномъ словомъ, эта прирожденная симпатія, воспитанная давнею привычкою и потребностью взаимопомощи для своего личнаго благоустройства, перешла въ инстинктъ общности, который и составляетъ общее основаніе соединенія людей въ общество, помимо личныхъ чувствъ любви и вражды, опредѣляющихъ только ближайшія взаимныя отношенія извѣстныхъ лицъ въ данномъ обществѣ. Въ этомъ смыслѣ Хомяковъ совершенно справедливо замѣтилъ, что „разобненіе народовъ и пустынная жизнь во многихъ случаяхъ убилъ зачатки образованія“ (III, 286). Чувство симпатіи или общенія получило, какъ всякое общее нравственное понятіе, нѣсколько разныхъ названій, синонимовъ, опредѣляющихъ различныя его стороны, но сходящихся къ одному первоначальному понятію: сочувствіе, соглашеніе, совѣсть, нравственность, справедливость, правда, общественное мнѣніе и, въ послѣднее время модное слово—альтруизмъ. Всѣ эти проявленія истекаютъ изъ одинаго начала, изъ инстинкта общности, и всѣ они присущи всякому обществу; но самое содержаніе, въ которомъ проявленія эти обнаруживаются въ извѣстномъ народѣ, дается его историческою жизнью, т.-е. совокупностью всѣхъ условій мѣста и времени, дѣйствующихъ въ данный моментъ. Новѣй инстинктъ общности выразился прежде всего установленіемъ однообразія въ дѣйствіяхъ и отношеніяхъ между чле-

тельно нѣсколько словъ съ этой точки зрѣнія. Западное воззрѣніе того времени держалось на господствовавшей въ то время теоріи индивидуализма и построенной на ней государственности или конституціонализма. Славянофилы первые выдвинули противъ этой теоріи свое ученіе объ общественности или, какъ теперь принято называть—альтруизмъ, ведущемъ къ общинному устройству. Современный представитель западнаго лагеря К. Д. Кавелинъ, возражая Самарину, исходную точку своего воззрѣнія, задолго до дарвинизма (въ 1847 году), формулировалъ слѣдующимъ образомъ: Человѣкъ былъ и до сихъ поръ находится въ столкновеніяхъ съ другими людьми, въ недобровольной зависимости отъ нихъ, тягостной для него и не только для него совершенно бесполезной, но и положительно вредной; чрезъ всю исторію видно стремленіе отдѣлаться отъ этой зависимости если не совсѣмъ, то какъ можно болѣе ограничить ее самымъ необходимымъ и неизбѣжнымъ; чѣмъ ближе человѣкъ подходитъ къ этой цѣли, тѣмъ онъ миролюбивѣе

вами общества, путемъ перениманія или способности къ перенимчивости, составляющей одно изъ условій инстинкта общественности (*tacitus omnium consensus римскихъ крестовъ*); это однообразіе выразилось въ привычкахъ и обычаяхъ, передаваемыхъ отъ поколѣнія къ поколѣнію чрезъ воспитаніе или преданіе. Но чѣмъ болѣе общество расширялось, чѣмъ чаще становились сношенія его съ другими обществами, воспитавшимися подъ другими историческими условіями, чѣмъ сложнѣе становились отношенія между людьми, чѣмъ рѣвче общество распадалось на группы, отдѣленные между собою различіемъ положенія и занятій, тѣмъ труднѣе становилось отдѣльному лицу разбираться въ этомъ непрерывно мѣняющемся и разрастающемся хаосѣ и тѣмъ чаще являлось нарушеніе прежняго однообразія лицами, не желавшими подчиняться установленному порядку. Такимъ образомъ тѣмъ или другимъ путемъ важнѣйшія отношенія, безъ которыхъ общежитіе не удовлетворяло потребностямъ большинства, выдѣлялись, получали строго опредѣленное и болѣе постоянное содержаніе, облекались извѣстными внѣшними формами и стали такимъ образомъ обязательною нормою общественной жизни. Такимъ образомъ произошли условіе, договоръ, обрядъ, законъ, юридическая формальность. Эта условная сторона жизни, представляющая *minimum* требованій, которыя обязанъ исполнить всякій членъ общества и за неисполненіе которыхъ онъ подвергается ответственности, впоследствии получила названіе *права*. Въмѣстѣ съ этимъ, такъ какъ все общество не могло надзирать, чтобы право не нарушалось отдѣльными лицами и не могло привлекать ихъ къ ответственности, то явилась потребность въ установленіи постоянной и сильной власти, восстанавливающей порядокъ, нарушенный въ обществѣ, съ появленіемъ котораго общество подчинялось *закону* и пріобрѣтало форму государства, т. е. сплоченнаго организма, обладающаго всеми условіями для дальнѣйшаго развитія.—Подробная бібліографія статей по вопросу объ общинѣ вложена въ общей бібліографіи по крестьянскому вопросу, помѣщавшейся Кошелевымъ въ „Сельскомъ Благоустройствѣ“, и у Мезова—„Крестьянскій вопросъ въ Россіи“ (стр. 70—89).

относится къ другимъ людямъ, потому что вражда имѣетъ менѣе основанія, поводовъ и причинъ. Человѣкъ безпрестанно ищетъ и безпрестанно находитъ; удовлетвореніе смѣняется неудовлетвореніемъ и такъ далѣе до безконечности; вмѣстѣ съ тѣмъ человѣкъ становится развитѣй, многостороннѣй. Что заставляетъ его идти этимъ путемъ, что возбуждаетъ въ немъ недовольство тѣмъ, чѣмъ онъ обладаетъ?—Требованія въ немъ самомъ лежація и которыя безпрестанно измѣняются. Такимъ образомъ человѣкъ создаетъ свои опредѣленія изъ себя: не будь въ немъ этихъ требованій, онъ вѣчно оставался бы однимъ и тѣмъ же, какъ окружающая его природа, строго и безусловно повинующаяся внѣшнему закону. А какъ создаваніе новаго быта исторически, вездѣ и всегда, возбуждаетъ противодѣйствіе, желанье удержать старое, то между тѣмъ и другимъ происходитъ столкновение, вражда, практическое отрицаніе. По степени гражданской образованности оно выражается въ убійствѣ или дракѣ, или брани, или ссорѣ, или наковецъ въ самомъ миролюбивомъ, добросовѣстномъ обсужденіи, но, тѣмъ не менѣе, столкновение все-таки будетъ, и оно необходимо выразится въ фактахъ, во внѣшнихъ дѣяніяхъ, въ мірѣ практическомъ. Поэтому цѣль развитія есть примиреніе, а путь ведущій къ этому примиренію—вражда, отрицаніе (I, 399—400).

Противъ этого положенія Хомяковъ выставилъ такой религіозный афоризмъ. Изъ всѣхъ законовъ нравственнаго міра, по которымъ разумъ долженъ строиться, чтобы получить вѣдѣніе, первымъ и высшимъ является любовь; она по преимуществу необходима для разумнаго развитія. Это положеніе само по себѣ уже богато послѣдствіями. Любовь не есть стремленіе одинокое: она требуетъ, творитъ и находитъ отзвуки и общеніе, и сама въ отзвукахъ и общеніи растетъ, врѣпнетъ и совершенствуется. Итакъ, общеніе любви не только полезно, но вполне необходимо для постиженія истины, а постиженіе истины на ней зиждется и безъ нея невозможно. Недоступная для отдѣльнаго мышленія, истина доступна только совокупности мышленій, связанныхъ любовью. Эта черта рѣзко отдѣляетъ ученіе православное отъ всѣхъ остальныхъ: отъ латинства, стоящаго на внѣшнемъ авторитетѣ, и отъ протестантства, отрѣшающаго личность до свободы въ пустыняхъ разсудочной отвлеченности (I, 273). Въ другомъ мѣстѣ Хомяковъ говоритъ: вражда можетъ являться какъ случайность въ составленіи

общества, но не можетъ входить ни въ какомъ случаѣ въ его норму, идея же взаимной любви можетъ являться и въ процессѣ развитія общественнаго и окончательною его нормою (I, 160). Такимъ образомъ и ученіе объ общинѣ сведено было въ славянофильской теоріи къ тому православно-религіозному знаменателю, который составлялъ отличительный характеръ цѣлой системы. Община дѣла славянофиламъ, какъ единственная общественная среда, въ которой возможно осуществленіе христіанской любви, которую Спаситель призналъ нормою, верховнымъ закономъ людскихъ отношеній. Какъ бы то ни было, принимая чувство любви за основной и высшій мотивъ всей человѣческой дѣятельности, славянофилы должны были видѣть въ обществѣ организмъ саморазвивающійся изнутри самого себя и независимо отъ внѣшнихъ условій,—другими словами, признавать инстинктъ общественности. Отсюда вражда славянофиловъ ко всему внѣшнему, условному, носящему слѣды насилія, въ противоположность внутреннимъ движеніямъ человѣка, исходящимъ изъ присущаго ему чувства христіанской, всеобъемлющей любви. Отсюда славянофилы (за исключеніемъ Самарина и Кошелева, видѣвшихъ въ государствѣ, помимо мотивовъ его происхожденія, необходимую органическую форму общежитія) дошли до отрицанія государства, въ которомъ они видѣли съ теоретической стороны выраженіе внѣшней формальности или условія, на которомъ примирились враждующія между собою личности (*Contrat social*), а съ практической, — какъ оно представлялось въ данную минуту, — давленіе меньшинства надъ большинствомъ. Эту мысль ранѣе всѣхъ, еще въ 1838 году, заявилъ И. В. Кирѣевскій, но въ формѣ менѣе рѣзкой и опредѣленной. На Западѣ, говоритъ Кирѣевскій, всѣ отношенія общественныя основаны на *условіи*, или стараніяхъ достигнуть этого искусственнаго основанія. *Внѣ* условія нѣтъ отношеній правильныхъ, но является произволь, который въ правительственномъ классѣ сказывается самовластіемъ, въ управляемомъ—*свободою*. Но и въ томъ и въ другомъ случаѣ этотъ произволь доказываетъ не развитіе внутренней жизни, а развитіе внѣшней, формальной. Всѣ силы, всѣ интересы, всѣ права общественныя существуютъ тамъ отдѣльно, каждый самъ по себѣ, и соединяются не по нормальному закону, а или въ случайномъ порядкѣ, или въ искусственномъ соглашеніи. Въ первомъ случаѣ торжествуетъ матеріальная сила, во второмъ—сумма индивидуальныхъ разумнѣй.

Но матеріальная сила, матеріальный перевѣсъ, матеріальное большинство, сумма индивидуальныхъ разумнѣй, въ сущности составляютъ одно начало, только въ разныхъ моментахъ своего развитія. Потому *общественный договоръ* не есть изобрѣтеніе энциклопедистовъ, но дѣйствительно идеаль, къ которому стремились безъ сознанія, а теперь стремятся съ сознаніемъ всѣ западныя общества: подъ вліяніемъ раціональнаго элемента, перевѣсившаго элементъ христіанскій (I, 196). До самой рѣзкой и окончательной постановки это отрицаніе государства доведено у К. С. Аксакова и Хомякова. По мнѣнію Аксакова, государство какъ принципъ — зло (I, 56 и 306); государство есть необходимая крайность (стр. 57); путемъ государства пошла западная Европа и разработала великолѣпно государственное устройство, съ чрезвычайными отгѣнками, доведя его въ Америкѣ до высшей степени либерализма. Но это либеральное государство есть все-таки неволя, и чѣмъ шире оно ложится на народъ, тѣмъ болѣе оно захватываетъ народъ въ себя и каменитъ его духомъ закона, учрежденія, внѣшняго порядка. Если либерализмъ государственный (Аксаковъ видимо не отличаетъ либерализма отъ бюрократизма) дойдетъ до крайнихъ предѣловъ, до того, что каждый будетъ чиновникомъ, кварталнымъ самого себя, тогда окончательно государство убьетъ живое начало въ человѣкѣ. Живое начало, конечно, не въ государствѣ, а въ общинѣ (I, 249—251, примѣч.). Хомяковъ говоритъ: Соединеніе людей въ искусственную форму государства, форму чисто-внѣшнюю (покуда она не признана какъ выраженіе глубокой мысли человѣческой, лежащей искони въ душѣ человѣка, а это время еще не наступило даже въ XIX-мъ вѣкѣ послѣ Р. Хр.), это соединеніе было чуждо иранскому духу (подъ именемъ иранцевъ Хомяковъ разумѣетъ вообще народы арійской расы). Оно было принято какъ необходимость внѣшняя, какъ средство отпора противъ натиска враговъ (IV, 38). Государство, по мнѣнію Хомякова, не можетъ дѣйствовать иначе, какъ насиліемъ, поэтому Хомяковъ противопоставляетъ начало государства всякому внутреннему началу, религіозному, нравственному, общинному и даже дружинному (IV, 444—445). Но славянофилы сами не могли выдержать всей рѣзкости и односторонности такого взгляда и впади въ противорѣчіе. Хомяковъ говоритъ: „Когда люди образовали общину, то общій внутренний, нравственный законъ является какъ порядокъ

общей жизни, какъ обычай. Является другая, впрочемъ, нравственная же сила, общее мнѣніе, составляющее уже общественную нравственность; эта сила возможна и законно права, ибо основаніе общества и его союза есть одно общее нравственное убѣжденіе. Такое общество есть общество въ настоящемъ смыслѣ человѣческомъ. Нравственное убѣжденіе лица согласно съ общимъ убѣжденіемъ; только на этомъ и основывается союзъ въ обществѣ; только поэтому и можно быть въ обществѣ. Какъ скоро лице противорѣчитъ общему нравственному убѣжденію общества, — общество должно удалить лице, если оно не идетъ само; какъ скоро все общество противорѣчитъ нравственному убѣжденію лица, — лице должно само удалиться изъ общества, хотя бы оно его и не изгоняло. Единственное законное распоряженіе общины есть удаленіе того изъ своей среды, который рѣшительно противорѣчитъ нравственнымъ ея началамъ и, слѣдовательно, не можетъ жить общюю съ ней жизнью. Вотъ жизнь общины, управляемая внутреннею, нравственною, свободою правдою. Но для общественнаго человѣка, по его личной слабости, потому что не всѣ люди образуютъ такія нравственныя общины и не всѣ признаютъ только господство нравственной силы (нравственнаго суда), — *такое состояніе на землѣ невозможно*. Тогда община прибѣгаетъ къ другой силѣ и къ другому суду внѣшней правды — къ силѣ внѣшняго закона или закона собственно. Законъ на нравственныхъ основаніяхъ, почерпнутыхъ изъ общества, согласно съ нравственнымъ требованіемъ общества, опредѣляетъ *внѣшнія* обязанности людей другъ къ другу и къ обществу и употребляетъ, для исполненія своихъ постановленій, *принужденіе*. Законъ не требуетъ искренности, не требуетъ, чтобы поступокъ человѣка былъ согласенъ съ его совѣстью; онъ требуетъ, чтобы поступокъ былъ такой, а не другой, — и только: до внутренней правды, до души — закону нѣтъ дѣла (I, 50—51). Человѣкъ вступаетъ произвольно въ общество другихъ людей. Начинается размѣнъ силъ и взаимныхъ пособій, поставляются условія, возникаютъ законы, рождаются государства. Этотъ новый союзъ людей, подчинившихъ свой произволь и прихоти понятіямъ о выгодахъ и благѣ, представляетъ уже воплощенную мысль въ органическомъ тѣлѣ. Каковы бы ни были первоначальныя понятія, какую бы ни представляли они смѣсь лжи съ правдою, правильныя общества облагоуживаютъ человѣчество (III,

7 и 8). Итакъ, правильныя общества начинаются тогда, когда законъ и государство заставляютъ людей подчинить свой произволъ и прихоти понятіямъ о выгодѣ и благѣ. Но Хомяковъ и на этомъ не остановился: онъ совсѣмъ отрекся отъ осуществленія внутренней правды во всей ея полнотѣ въ реальномъ обществѣ. Говоря о томъ, какъ Москва привела къ единству разобщенныя области древней Руси, Хомяковъ не только не отвергаетъ принципъ государства, но является сторонникомъ политической централизаціи. Великая держава болѣе другихъ представляетъ душѣ осуществленіе той высокой и доселѣ недосягаемой цѣли мира и благоволенія между людьми, къ которой мы призваны, потому что душевный союзъ съ милліонами, когда онъ осуществленъ, выше поднимаетъ душу человѣка, чѣмъ связь, даже самая близкая, съ немногими тысячами; потому что видимая и безпрестанная вражда всегда рыщетъ около тѣсныхъ границъ мелкаго общества, и что удаленіе ея облагороживаетъ и умиротворяетъ сердце; и потому, наконецъ, что по тайному (но можетъ-быть понятному) сочувствію между духомъ человѣка и объемомъ общества самое величіе ума и мысли принадлежитъ только великимъ народамъ (Соч. I, стр. 227). Въ статьѣ „о юридическихъ вопросахъ“, написанной Хомяковымъ по поводу возникшихъ тогда толковъ о судебной реформѣ („Рус. Бес.“ 1858 г., кн. II), Хомяковъ, упомянувши о своемъ принципѣ раздѣленія правды на внутреннюю и внѣшнюю, приходитъ къ такому результату: Но все это пустяки. Вѣдь цѣль-то—не правда, а судъ, дающій миръ, тишину и благоденствіе обществу. Дѣйствительно, за отвлеченностью не угонишься. Довольно для общества условной случайности, которую очень легко опредѣлить. Развѣ не все случайно и условно? Говорю ли я это въ насмѣшку?—нисколько. Такая условность необходима, безъ нея миръ въ обществѣ ни существовать, ни возстановляться не можетъ. Самый этотъ миръ есть цѣль; орудіе же его—судъ, а суду нужны правила неизмѣнныя (I, 678). Славянофилы были живые люди, а не доктринѣры, и прислушивались къ голосу жизни. К. С. Аксаковъ, иногда въ порывѣ увлеченія, восклицалъ: вся сила въ идеалѣ (I, 9). Но именно это и ставитъ Хомяковъ ему въ вину. Въ письмѣ къ Ю. Ѳ. Самарину Хомяковъ говоритъ объ Аксаковѣ, что Аксаковъ невозможенъ въ приложеніи практическомъ. Будущее для него должно непремѣнно сейчасъ же перейти въ настоящее, а про временныя уступки настоящему онъ

знать не хочеть; а мы знаемъ, что безъ уступокъ обойтись нельзя. Уступки въ началахъ непозволительны, — онѣ губятъ самыя начала; но никакое начало, съ другой стороны, не можетъ проявляться въ совершенной чистотѣ и непримѣнности („Рус. Арх.“ 1879, II, 330).

Государству славянофилы противопоставляютъ общину или общинное устройство, какъ осуществленіе братолюбія и внутренней правды, нравственнаго закона. По мнѣнію К. С. Аксакова, русская община — не договорная, а бытовая; она — не контрактъ, не сдѣлка — она — проявленіе народной мысли, народнаго духа, проявленіе живое а не искусственное, — таково всегда свойство жизненнаго принципа. Община есть союзъ людей, отказывающихся отъ своего эгоизма, отъ личности своей и являющихъ общее ихъ согласіе, это — дѣйство любви, высокое дѣйство христіанское. Какъ явленіе жизни, явленіе свободное, община не можетъ имѣть въ себѣ ничего условнаго (стр. 292). Вмѣстѣ съ тѣмъ, община есть устройство уже образованное, разумно-человѣческое, а не естественно-человѣческое, какъ, напримеръ, родовой бытъ, слѣдовъ котораго исторія между славянами не открываетъ. Община есть то высшее, то истинное начало, которому уже не предстоитъ найти нѣчто себѣ высшее, а предстоитъ только преуспѣвать, очищаться и возвышаться (стр. 291). Община представляетъ такимъ образомъ нравственный хоръ, и какъ въ хорѣ не теряется голосъ, но, подчиняясь общему строю, слышится въ согласіи всѣхъ голосовъ, такъ и въ общинѣ не теряется личность, но, отказываясь отъ своей исключительности для согласія общаго, она находитъ себя въ высшемъ очищенномъ видѣ, въ согласіи равномѣрно самоотверженныхъ личностей; какъ въ созвучіи голосовъ каждый голосъ даетъ свой звукъ, такъ въ нравственномъ созвучіи личностей каждая личность слышна, но не одиноко, а согласно, и предстаётъ высокое явленіе дружнаго, совокупнаго бытія разумныхъ существъ (сознаній), предстаётъ братство, община, торжество духа человѣческаго. Выраженіе разума человѣческаго есть слово, оно выражаетъ согласіе общины; итакъ, выраженіе ея совокупной нравственной дѣятельности есть совѣщаніе, вѣче, сходка, соборъ, дума (стр. 292). Самаринъ опредѣляетъ общину такимъ образомъ въ примѣненіи къ Россіи: Семейство и родъ представляютъ видъ общезитія, основанный на единствѣ кровномъ, городъ съ его областью — другой видъ, основанный на единствѣ областномъ и лозднѣ эпархіальномъ; наконецъ единая, обнимающая всю Рос-

сію государственная община—послѣдній видъ выраженія земскаго и церковнаго единства. Всѣ эти формы различны между собою, но онѣ суть только формы, моменты постепеннаго расширенія одного общиннаго начала, одной потребности жить вмѣстѣ въ согласіи и любви, — потребности, сознанный каждымъ членомъ общины, какъ верховный законъ, обязательный для всѣхъ и носящій свое оправданіе въ самомъ себѣ, а не въ личномъ произволеніи каждаго. Таковъ общинный бытъ въ существѣ его; онъ основанъ не на личности и не можетъ быть на ней основанъ, но онъ предполагаетъ высшій актъ личной свободы и сознанія — самоотреченіе (I, 54). Хомяковъ старался въ общинномъ устройствѣ опредѣлить отношеніе лица къ цѣлому обществу. Всякое общество находится въ постоянномъ движеніи; иногда это движеніе быстро и поражаетъ глаза даже не слишкомъ опытнаго наблюдателя, иногда крайне медленно и едва уловимо самымъ внимательнымъ наблюденіемъ. Полный застой невозможенъ, движеніе необходимо; но когда оно не есть успѣхъ, оно есть паденіе. Таковъ всеобщій законъ. Правильное и успѣшное движеніе разумнаго общества состоитъ изъ двухъ разнородныхъ, но стройныхъ и согласныхъ силъ. Одна изъ нихъ—основная, коренная, принадлежащая всему составу, всей прошлой исторіи общества—есть сила жизни, самобытно развивающаяся изъ своихъ началъ, изъ своихъ органическихъ основъ; другая—разумная сила личностей, основанная на силѣ общественной, живая только ея жизнью—есть сила никогда ничего не созидающая и не стремящаяся что-нибудь созидать, но постоянно присущая труду общаго развитія, не позволяющая ему перейти въ слѣпоту мертвеннаго инстинкта или вдаваться въ безразсудную односторонность. Обѣ силы необходимы но вторая—сознательная и разсудочная—должна быть связана живою и любящею вѣрою съ первой, силою жизни и творчества. Если прервана связь вѣры и любви, наступаютъ раздоръ и борьба (I, 127). Обращаясь къ древней Руси, Хомяковъ дѣлаетъ такое замѣчаніе: „Тотъ, кто знаетъ сколько-нибудь тогдашнюю Русь, знаетъ также, что она вся стояла на взаимномъ поручительствѣ: таковъ былъ ея гражданственный смыслъ, основанный на ея общемъ характерѣ. Заручныя по большей части служили не ограниченіемъ права, отъ котораго кто-нибудь отказывался, а огражденіемъ другаго признаннаго права, которое кто-нибудь обязывался не нарушать. Вся

земля почти во всѣхъ своихъ подробностяхъ была основана на взаимной порукѣ и отвѣтственности, подразумеваемой или высказываемой“ (I, 629). То же самое старался выяснить и Самаринъ.

Говоря о вліяніи христіанства на развитіе человѣчества, Кавелинъ между прочимъ высказалъ: Въ древности о человѣкѣ, помимо опредѣленій кастъ, сословій, національностей и гражданства, не имѣли никакого понятія. Христіанство, во имя внутренняго духовнаго міра, отрицаетъ всѣ видимыя, матеріальныя, слѣд. несущественныя, ничтожныя различія между людьми. Христіанское начало безусловнаго достоинства человѣка и личности, рано или поздно, должно было перейти въ міръ гражданскій. Переходя за тѣмъ къ основанію новыхъ государствъ германцами на римской почвѣ, Кавелинъ продолжаетъ: Государства, ими основанныя—явленіе совершенно новое въ исторіи. Они проникнуты личнымъ началомъ, которое принесли съ собой германцы. Всюду оно видно, вездѣ оно на первомъ планѣ, главное, опредѣляющее (Соч. I, 315 — 319). Нѣтъ, этого недостаточно!—говоритъ Самаринъ.—Ваше опредѣленіе не только не исчерпываетъ сущности христіанства, даже не исчерпываетъ его участія, какъ историческаго агента, въ прошедшихъ судьбахъ человѣчества. Изъ словъ вашихъ выходитъ, что главное, если не единственное, историческое назначеніе христіанства заключалось въ томъ, чтобы личность, нѣкогда подавленную природою, отдѣлить отъ нея и затѣмъ пустить на волю, съ правомъ произвольно изъ себя самой опредѣлять себя. Но это только отрицательная сторона христіанства,—та сторона, которою оно обращено къ язычеству и юдаизму, слѣдовательно не все христіанство. Вы забыли его положительную сторону,—забыли, что прежнее рабство оно замѣнило не отвлеченною возможностью инаго состоянія, но дѣйствительными обязанностями, новымъ игомъ и благимъ бременемъ, которыя налагаются на человѣка самимъ актомъ его освобожденія. „Изъ опредѣляемаго человѣка сталъ опредѣляющимъ, сказали вы; слѣдовало бы дополнить: и вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣленнымъ. Христіанство внесло въ исторію идею о безконечномъ, безусловномъ достоинствѣ человѣка, говорите вы, человѣка отречающагося отъ своей личности, прибавляемъ мы, и подчиняющаго себя безусловно цѣлому. Это сомоотреченіе каждаго въ пользу всѣхъ есть начало *свободнаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ безусловно обязательнаго союза людей между собою.* Этотъ союзъ, эта община, освященная вѣч-

нымъ присутствіемъ Св. Духа, есть церковь (I, 34—35). На личности, ставящей себя безусловнымъ мѣриломъ всего (это слова автора), можетъ основаться только искусственная ассоціація, уже осужденная исторіей; но абсолютной нормы, закона безусловно обязательнаго для всѣхъ и каждаго, изъ личности путемъ логики вывести невозможно, слѣдоват. не выведетъ его и исторія“ (стр. 41).

Современною исторіей Запада Самаринъ старался подкрѣпить основное значеніе общиннаго устройства и необходимость его для развитія человѣчества. Въ самомъ Западѣ на разныхъ тонахъ повторяется одна тема: скорбное признаніе несостоятельности личности человѣческой и безсилія такъ-называемаго индивидуализма. Что значать эти упреки современному обществу въ эгоизмъ и личной корысти? Они обратились теперь въ общія мѣста; но въ искренности основного чувства нельзя сомнѣваться. Почему вскорѣ послѣ іюльской революціи охладѣли къ политическимъ вопросамъ и прежнія строптивость и недоувѣрчивость къ верховной власти перешли въ потребность какаго-то крѣпкаго, самостоятельнаго начала, собирающаго личность? Отчего эта потребность такъ сильно высказалась въ соціальныхъ школахъ, вышедшихъ изъ революціи и ей обязанныхъ своимъ существованіемъ? Почему изъ терминологіи революціи: „свобода, личность, равенство“ — вытѣснены словами: общеніе, братство, и другими заимствованными изъ семейнаго или общиннаго быта? Указывая на Жоржъ-Зандъ, которая въ „Консуэло, Жаннѣ, Comragnon du tout de France, Чертовой лужѣ“ отъ изображенія личности протестующей противъ общества, составляющаго главную тему ея прежнихъ произведеній, перешла къ изображенію красоты и спокойнаго могущества, самопожертвованія и самообладанія и мирной простоты семейнаго быта,—Самаринъ говорилъ, что въ отвѣтъ на краснорѣчивый голосъ Мицкевича (читавшаго въ 1840—1843 г. исторію славянскихъ литературъ въ Collège de France) взоры многихъ, въ томъ числѣ и Жоржъ-Зандъ, обратились къ славянскому міру, который понятъ ими какъ міръ общины, и обратились не съ однимъ любопытствомъ, а съ какимъ-то участіемъ и ожиданіемъ (I, 38—39). Не слѣдуетъ ли изъ всего этого, что германское племя или, точнѣе, германо-романскій міръ дошелъ до отвлеченной формулы, до требованія такого начала, которое составляетъ природу племени славянскаго, что послѣднее даетъ живой, въ самомъ бытіи его заключающійся отвѣтъ на послѣдній вопросъ

западнаго міра (I, 40). „Но замѣчательно, что славянофилы, призвавая общину и общинное устройство явленіемъ чисто-славянскимъ, изъ-за повального осужденія западнаго образованія и изъ чувства національной исключительности, относились недружелюбно къ тѣмъ явленіямъ европейской жизни, которыя, въ сущности, путемъ факта поддерживали справедливость ихъ теорій. Ю. О. Самаринъ говоритъ, что изъ германскаго (т.-е. западнаго) начала, представленнаго самому себѣ, изъ одной идеи личности не можетъ возникнуть иное общество, кромѣ искусственной, условной ассоціаціи (I, 40). Замѣтимъ, что Самаринъ въ этомъ случаѣ имѣлъ въ виду современное ассоціативное движеніе, что видно изъ его ссылки на книгу Штейна о социализмѣ. Хомяковъ говоритъ, что въ самой идеѣ коммунизма проявляется односторонность, которая лежитъ не столько въ разумѣ мыслителей, сколько въ односторонности понятій, завѣщенныхъ прежнею исторіей западныхъ народовъ. Наука старается только дать отвѣтъ на вопросъ, заданный жизнью, и отвѣтъ выходитъ односторонній и неудовлетворительный, потому что односторонность лежала уже въ вопросѣ, заданномъ тому 13 вѣковъ назадъ германскою дружиною, завоевавшюю римскій міръ. Мыслители западные вертятся въ безысходномъ кругѣ потому только, что идея общины имъ недоступна. Они не могутъ никакъ идти дальше ассоціаціи (дружины) (I, 49—50).

Впрочемъ къ самому факту рабочихъ союзовъ Хомяковъ относится сочувственно; въ не вошедшемъ въ полное собраніе сочиненій предисловіи Хомякова къ переводу статьи Уэвеля „О началахъ англійскаго университетскаго воспитанія“, Хомяковъ въ числѣ великихъ движеній англійской жизни указываетъ, что въ Англійи составляютъ въ громаднхъ размѣрахъ союзы мелкихъ капиталовъ или труда, *общающіе новую эру жизни народной* („Русская Бесѣда“ 1858 г., II, 128).

Главнѣйшимъ и существеннымъ признакомъ общиннаго устройства славянофилы (за исключеніемъ Ал. Иван. Кошелева) признавали единогласіе въ рѣшеніяхъ.

Въ общинѣ совѣщаніе имѣетъ цѣлю общее согласіе. Понятно, что, при такомъ требованіи общаго согласія, согласіе не можетъ окончиться, пока всѣ не соединятся въ одну мысль, пока не будетъ общаго согласія, пока, говоря словами лѣтописи, *не снудутся въ любовь*; отсюда вытекаетъ начало единогласія при рѣшеніяхъ

нымъ присутствіемъ Св. Духа, есть церкви (I, 34—35). На личности, ставящей себя безусловнымъ мѣриломъ всего (это слова автора), можетъ основаться только искусственная ассоціація, уже осужденная исторіей; но абсолютной нормы, закона безусловно обязательнаго для всѣхъ и каждаго, изъ личности путемъ логики вывести невозможно, слѣдоват. не выведеть его и исторія“ (стр. 41).

Современною исторіей Запада Самаринъ старался подчеркнуть основное значеніе общиннаго устройства и необходимость его для развитія человѣчества. Въ самомъ Западѣ на разныхъ тонахъ повторяется одна тема: скорбное признаніе несостоятельности личности человѣческой и безсилія такъ-называемаго индивидуализма. Что значать эти упреки современному обществу въ эгоизмъ и личной корысти? Они обратились теперь въ общія мѣста; но въ искренности основного чувства нельзя сомнѣваться. Почему вскорѣ послѣ іюльской революціи охладѣли къ политическимъ вопросамъ и прежнія строптивость и недоувѣрчивость къ верховной власти перешли въ потребность какаго-то крѣпкаго, самостоятельнаго начала, собирающаго личность? Отчего эта потребность такъ сильно высказалась въ соціальныхъ школахъ, вышедшихъ изъ революціи и ей обязанныхъ своимъ существованіемъ? Почему изъ терминологіи революціи: „свобода, личность, равенство“ — вытѣснены словами: общеніе, братство, и другими заимствованными изъ семейнаго или общиннаго быта? Указывая на Жоржъ-Зандъ, которая въ „Консуэло, Жаннѣ, Comragnon du tour de France, Чертовой лужѣ“ отъ изображенія личности протестующей противъ общества, составляющаго главную тему ея прежнихъ произведеній, перешла къ изображенію красоты и спокойнаго могущества, самопожертвованія и самообладанія и мирной простоты семейнаго быта, — Самаринъ говорилъ, что въ отвѣтъ на краснорѣчивый голосъ Мицкевича (читавшаго въ 1840—1843 г. исторію славянскихъ литературъ въ Collège de France) взоры многихъ, въ томъ числѣ и Жоржъ-Зандъ, обратились къ славянскому міру, который поняты ими какъ міръ общины, и обратились не съ однимъ любопытствомъ, а съ какимъ-то участіемъ и ожиданіемъ (I, 38—39). Не слѣдуетъ ли изъ всего этого, что германское племя или, точнѣе, германо-романскій міръ дошелъ до отвлеченной формулы, до требованія такого начала, которое составляетъ природу племени славянскаго, что послѣднее даетъ живой, въ самомъ бытіи его заключающійся отвѣтъ на послѣдній вопросъ

западнаго міра (I, 40). „Но замѣчательно, что славянофилы, признавая общину и общинное устройство явленіемъ чисто-славянскимъ, изъ-за повального осужденія западнаго образованія и изъ чувства національной исключительности, относились недружелюбно къ тѣмъ явленіямъ европейской жизни, которыя, въ сущности, путемъ факта поддерживали справедливость ихъ теорій. Ю. О. Самаринъ говоритъ, что изъ германскаго (т.-е. западнаго) начала, представленнаго самому себѣ, изъ одной идеи личности не можетъ возникнуть иное общество, кромѣ искусственной, условной ассоціаціи (I, 40). Замѣтимъ, что Самаринъ въ этомъ случаѣ имѣлъ въ виду современное ассоціативное движеніе, что видно изъ его ссылки на книгу Штейна о социализмѣ. Хомяковъ говоритъ, что въ самой идеѣ коммунизма проявляется односторонность, которая лежитъ не столько въ разумѣ мыслителей, сколько въ односторонности понятій, завѣщенныхъ прежнею исторіей западныхъ народовъ. Наука старается только дать отвѣтъ на вопросъ, заданный жизнью, и отвѣтъ выходитъ односторонній и неудовлетворительный, потому что односторонность лежала уже въ вопросѣ, заданномъ тому 13 вѣковъ назадъ германскою дружиною, завоевавшю римскій міръ. Мыслители западные вертятся въ безысходномъ кругѣ потому только, что идея общины имъ недоступна. Они не могутъ никакъ идти дальше ассоціаціи (дружины) (I, 49—50).

Впрочемъ въ самомъ факту рабочихъ союзовъ Хомяковъ относится сочувственно; въ не вошедшемъ въ полное собраніе сочиненій предисловіи Хомякова къ переводу статьи Уэвеля „О началахъ англійскаго университетскаго воспитанія“, Хомяковъ въ числѣ великихъ движеній англійской жизни указываетъ, что въ Англійи составляютъ въ громаднхъ размѣрахъ союзы мелкихъ капиталовъ или трудя, *общающіе новую эру жизни народной* („Русская Бесѣда“ 1858 г., II, 128).

Главнѣйшимъ и существеннымъ признакомъ общиннаго устройства славянофилы (за исключеніемъ Ал. Иван. Кошелева) признавали единогласіе въ рѣшеніяхъ.

Въ общинѣ совѣщаніе имѣетъ цѣлю общее согласіе. Понятно, что, при такомъ требованіи общаго согласія, согласіе не можетъ окончиться, пока всѣ не соединятся въ одну мысль, пока не будетъ общаго согласія, пока, говоря словами лѣтописи, *не снудутся въ любовь*; отсюда вытекаетъ начало единогласія при рѣшеніяхъ

нымъ присутвіемъ Св. Духа, есть церковь (I, 34—35). На личности, ставящей себя безусловнымъ мѣриломъ всего (это слова автора), можетъ основаться только искусственная ассоціація, уже осужденная исторіей; но абсолютной нормы, закона безусловно обязательнаго для всѣхъ и каждаго, изъ личности путемъ логики вывести невозможно, слѣдоват. не выведетъ его и исторія“ (стр. 41).

Современною исторіей Запада Самаринъ старался подкрѣпить основное значеніе общиннаго устройства и необходимость его для развитія человѣчества. Въ самомъ Западѣ на разныхъ тонахъ повторяется одна тема: скорбное признаніе несостоятельности личности человѣческой и безсилія такъ-называемаго индивидуализма. Что значать эти упреки современному обществу въ эгоизмъ и личной корысти? Они обратились теперь въ общія мѣста; но въ искренности основного чувства нельзя сомнѣваться. Почему вскорѣ послѣ іюльской революціи охладѣли къ политическимъ вопросамъ и прежнія строптивость и недоувѣрчивость къ верховной власти перешли въ потребность какого-то крѣпкаго, самостоятельнаго начала, собирающаго личность? Отчего эта потребность такъ сильно высказалась въ соціальныхъ школахъ, выпедшихъ изъ революціи и ей обязанныхъ своимъ существованіемъ? Почему изъ терминологіи революціи: „свобода, личность, равенство“ — вытѣснены словами: общеніе, братство, и другими заимствованными изъ семейнаго или общиннаго быта? Указывая на Жоржъ-Зандъ, которая въ „Консуэло, Жаннѣ, Comragnon du tour de France, Чертовой лужѣ“ отъ изображенія личности протестующей противъ общества, составляющаго главную тему ея прежнихъ произведеній, перешла къ изображенію красоты и спокойнаго могущества, самопожертвованія и самообладанія и мирной простоты семейнаго быта, — Самаринъ говорилъ, что въ отвѣтъ на краснорѣчивый голосъ Мицкевича (читавшаго въ 1840—1843 г. исторію славянскихъ литературъ въ Collège de France) взоры многихъ, въ томъ числѣ и Жоржъ-Зандъ, обратились къ славянскому міру, который понятъ ими какъ міръ общины, и обратились не съ однимъ любопытствомъ, а съ какимъ-то участіемъ и ожиданіемъ (I, 38—39). Не слѣдуетъ ли изъ всего этого, что германское племя или, точнѣе, германо-романскій міръ дошелъ до отвлеченной формулы, до требованія таковаго начала, которое составляетъ природу племени славянскаго, что послѣднее даетъ живой, въ самомъ бытіи его заключающійся отвѣтъ на послѣдній вопросъ

западнаго міра (I, 40). „Но замѣчательно, что славянофилы, признавая общину и общинное устройство явленіемъ чисто-славянскимъ, изъ-за повального осужденія западнаго образованія и изъ чувства національной исключительности, относились недружелюбно къ тѣмъ явленіямъ европейской жизни, которыя, въ сущности, путемъ факта поддерживали справедливость ихъ теорій. Ю. О. Самаринъ говоритъ, что изъ германскаго (т.-е. западнаго) начала, представленнаго самому себѣ, изъ одной идеи личности не можетъ возникнуть иное общество, кромѣ искусственной, условной ассоціаціи (I, 40). Замѣтимъ, что Самаринъ въ этомъ случаѣ имѣлъ въ виду современное ассоціаціонное движеніе, что видно изъ его ссылки на книгу Штейна о социализмѣ. Хомяковъ говоритъ, что въ самой идеѣ коммунизма проявляется односторонность, которая лежитъ не столько въ разумѣ мыслителей, сколько въ односторонности понятій, завѣщенныхъ прежнею исторіей западныхъ народовъ. Наука старается только дать отвѣтъ на вопросъ, заданный жизнью, и отвѣтъ выходитъ односторонній и неудовлетворительный, потому что односторонность лежала уже въ вопросѣ, заданномъ тому 13 вѣковъ назадъ германскою дружиною, завоевавшюю римскій міръ. Мыслители западные вертятся въ безысходномъ кругѣ потому только, что идея общины имъ недоступна. Они не могутъ никакъ идти дальше ассоціаціи (дружины) (I, 49—50).

Впрочемъ къ самому факту рабочихъ союзовъ Хомяковъ относится сочувственно; въ не вошедшемъ въ полное собраніе сочиненій предисловіи Хомякова къ переводу статьи Уэвеля „О началахъ англійскаго университетскаго воспитанія“, Хомяковъ въ числѣ великихъ движеній англійской жизни указываетъ, что въ Англійи составляютъ въ громаднхъ размѣрахъ союзы мелкихъ капиталовъ или труда, *объщающіе новую эру жизни народной* („Русская Бесѣда“ 1858 г., II, 128).

Главнѣйшимъ и существеннымъ признакомъ общиннаго устройства славянофилы (за исключеніемъ Ал. Иван. Кошелева) признавали единогласіе въ рѣшеніяхъ.

Въ общинѣ совѣщаніе имѣетъ цѣлю общее согласіе. Понятно, что, при такомъ требованіи общаго согласія, согласіе не можетъ окончиться, пока всѣ не соединятся въ одну мысль, пока не будетъ общаго согласія, пока, говоря словами лѣтописи, *не снудутся въ любовь*; отсюда вытекаетъ начало единогласія при рѣшеніяхъ

нымъ присутвіемъ Св. Духа, есть церковь (I, 34—35). На личности, ставящей себя безусловнымъ мѣриломъ всего (это слова автора), можетъ основаться только искусственная ассоціація, уже осужденная исторіей; но абсолютной нормы, закона безусловно обязательнаго для всѣхъ и каждаго, изъ личности путемъ логики вывести невозможно, слѣдоват. не выведетъ его и исторія“ (стр. 41).

Современною исторіей Запада Самаринъ старался подкрѣпить основное значеніе общиннаго устройства и необходимость его для развитія человѣчества. Въ самомъ Западѣ на разныхъ тонахъ повторяется одна тема: скорбное признаніе несостоятельности личности человѣческой и безсилія такъ-называемаго индивидуализма. Что значать эти упреки современному обществу въ эгоизмъ и личной корысти? Они обратились теперь въ общія мѣста; но въ искренности основного чувства нельзя сомнѣваться. Почему вскорѣ послѣ іюльской революціи охладѣли къ политическимъ вопросамъ и прежнія строптивость и недовѣрчивость къ верховной власти перешли въ потребность какаго-то крѣпкаго, самостоятельнаго начала, собирающаго личность? Отчего эта потребность такъ сильно высказалась въ соціальныхъ школахъ, вышедшихъ изъ революціи и ей обязанныхъ своимъ существованіемъ? Почему изъ терминологіи революціи: „свобода, личность, равенство“ — вытѣснены словами: общеніе, братство, и другими заимствованными изъ семейнаго или общиннаго быта? Указывая на Жоржъ-Зандъ, которая въ „Консуэло, Жаннѣ, Comragnon du tour de France, Чертовой лужѣ“ отъ изображенія личности протестующей противъ общества, составляющаго главную тему ея прежнихъ произведеній, перешла къ изображенію красоты и спокойнаго могущества, самопожертвованія и самообладанія и мирной простоты семейнаго быта, — Самаринъ говорилъ, что въ отвѣтъ на краснорѣчивый голосъ Мицкевича (читавшаго въ 1840—1843 г. исторію славянскихъ литературъ въ Collège de France) взоры многихъ, въ томъ числѣ и Жоржъ-Зандъ, обратились къ славянскому міру, который понятъ ими какъ міръ общины, и обратились не съ однимъ любопытствомъ, а съ какимъ-то участіемъ и ожиданіемъ (I, 38—39). Не слѣдуетъ ли изъ всего этого, что германское племя или, точнѣе, германо-романскій міръ дошелъ до отвлеченной формулы, до требованія такого начала, которое составляетъ природу племени славянскаго, что послѣднее даетъ живой, въ самомъ бытіи его заключающійся отвѣтъ на послѣдній вопросъ

западнаго міра (I, 40). „Но замѣчательно, что славянофилы, признавая общину и общинное устройство явленіемъ чисто-славянскимъ, изъ-за повальнаго осужденія западнаго образованія и изъ чувства національной исключительности, относились недружелюбно къ тѣмъ явленіямъ европейской жизни, которыя, въ сущности, путемъ факта поддерживали справедливость ихъ теорій. Ю. О. Самаринъ говоритъ, что изъ германскаго (т.-е. западнаго) начала, представленнаго самому себѣ, изъ одной идеи личности не можетъ возникнуть иное общество, кромѣ искусственной, условной ассоціаціи (I, 40). Замѣтимъ, что Самаринъ въ этомъ случаѣ имѣлъ въ виду современное ассоціативное движеніе, что видно изъ его ссылки на книгу Штейна о социализмѣ. Хомяковъ говоритъ, что въ самой идеѣ коммунизма проявляется односторонность, которая лежитъ не столько въ разумѣ мыслителей, сколько въ односторонности понятій, завѣщенныхъ прежнею исторіей западныхъ народовъ. Наука старается только дать отвѣтъ на вопросъ, заданный жизнью, и отвѣтъ выходитъ односторонній и неудовлетворительный, потому что односторонность лежала уже въ вопросѣ, заданномъ тому 13 вѣковъ назадъ германскою дружиною, завоевавшюю римскій міръ. Мыслители западные вертятся въ безысходномъ кругѣ потому только, что идея общины имъ недоступна. Они не могутъ никакъ идти дальше ассоціаціи (дружины) (I, 49—50).

Впрочемъ къ самому факту рабочихъ союзовъ Хомяковъ относится сочувственно; въ не вошедшемъ въ полное собраніе сочиненій предисловіи Хомякова къ переводу статьи Уэвеля „О началахъ англійскаго университетскаго воспитанія“, Хомяковъ въ числѣ великихъ движеній англійской жизни указываетъ, что въ Англійи составляютъ въ громаднхъ размѣрахъ союзы мелкихъ капиталовъ или трудя, *объщающіе новую эру жизни народной* („Русская Бесѣда“ 1858 г., II, 128).

Главнѣйшимъ и существеннымъ признакомъ общиннаго устройства славянофилы (за исключеніемъ Ал. Иван. Кошелева) признавали единогласіе въ рѣшеніяхъ.

Въ общинѣ совѣщаніе имѣетъ дѣлю общее согласіе. Понятно, что, при такомъ требованіи общаго согласія, согласіе не можетъ окончиться, пока всѣ не соединятся въ одну мысль, пока не будетъ общаго согласія, пока, говоря словами лѣтописи, *не снудутся въ любовь*; отсюда вытекаетъ начало единогласія при рѣшеніяхъ

нымъ присутвіемъ Св. Духа, есть церковь (I, 34—35). На личности, ставящей себя безусловнымъ мѣриломъ всего (это слова автора), можетъ основаться только искусственная ассоціація, уже осужденная исторіей; но абсолютной нормы, закона безусловно обязательнаго для всѣхъ и каждаго, изъ личности путемъ логики вывести невозможно, слѣдоват. не выведетъ его и исторія“ (стр. 41).

Современною исторіей Запада Самаринъ старался подкрѣпить основное значеніе общиннаго устройства и необходимость его для развитія человѣчества. Въ самомъ Западѣ на разныхъ тонахъ повторяется одна тема: скорбное признаніе несостоятельности личности человѣческой и безсилія такъ-называемаго индивидуализма. Что значать эти упреки современному обществу въ эгоизмъ и личной корысти? Они обратились теперь въ общія мѣста; но въ искренности основного чувства нельзя сомнѣваться. Почему вскорѣ послѣ іюльской революціи охладѣли въ политическимъ вопросамъ и прежнія строптивость и недоувѣрчивость къ верховной власти перешли въ потребность какаго-то крѣпкаго, самостоятельнаго начала, собирающаго личность? Отчего эта потребность такъ сильно высказалась въ соціальныхъ школахъ, выпедшихъ изъ революціи и ей обязанныхъ своимъ существованіемъ? Почему изъ терминологіи революціи: „свобода, личность, равенство“ — вытѣснены словами: общеніе, братство, и другими заимствованными изъ семейнаго или общиннаго быта? Указывая на Жоржъ-Зандъ, которая въ „Консуэло, Жаннѣ, Comragnon du tour de France, Чертовой лужѣ“ отъ изображенія личности протестующей противъ общества, составляющаго главную тему ея прежнихъ произведеній, перешла къ изображенію красоты и спокойнаго могущества, самопожертвованія и самообладанія и мирной простоты семейнаго быта, — Самаринъ говорилъ, что въ отвѣтъ на краснорѣчивый голосъ Мицкевича (читавшаго въ 1840—1843 г. исторію славянскихъ литературъ въ Collège de France) взоры многихъ, въ томъ числѣ и Жоржъ-Зандъ, обратились къ славянскому міру, который поняты ими какъ міръ общины, и обратились не съ однимъ любопытствомъ, а съ какимъ-то участіемъ и ожиданіемъ (I, 38—39). Не слѣдуетъ ли изъ всего этого, что германское племя или, точнѣе, германо-романскій міръ дошелъ до отвлеченной формулы, до требованія такого начала, которое составляетъ природу племени славянскаго, что послѣднее даетъ живой, въ самомъ бытіи его заключающійся отвѣтъ на послѣдній вопросъ

западнаго міра (I, 40). „Но замѣчательно, что славянофилы, признавая общину и общинное устройство явленіемъ чисто-славянскимъ, изъ-за повальнаго осужденія западнаго образованія и изъ чувства національной исключительности, относились недружелюбно къ тѣмъ явленіямъ европейской жизни, которыя, въ сущности, путемъ факта поддерживали справедливость ихъ теорій. Ю. Ѡ. Самаринъ говоритъ, что изъ германскаго (т.-е. западнаго) начала, представленнаго самому себѣ, изъ одной идеи личности не можетъ возникать иное общество, кромѣ искусственной, условной ассоціаціи (I, 40). Замѣтимъ, что Самаринъ въ этомъ случаѣ имѣлъ въ виду современное ассоціаціонное движеніе, что видно изъ его ссылки на книгу Штейна о социализмѣ. Хомяковъ говоритъ, что въ самой идеѣ коммунизма проявляется односторонность, которая лежитъ не столько въ разумѣ мыслителей, сколько въ односторонности понятій, завѣщенныхъ прежнею исторіей западныхъ народовъ. Наука старается только дать отвѣтъ на вопросъ, заданный жизнью, и отвѣтъ выходитъ односторонній и неудовлетворительный, потому что односторонность лежала уже въ вопросѣ, заданномъ тому 13 вѣковъ назадъ германскою дружиною, завоевавшею римскій міръ. Мыслители западные вертятся въ безысходномъ кругѣ потому только, что идея общины имъ недоступна. Они не могутъ никакъ идти дальше ассоціаціи (дружины) (I, 49—50).

Впрочемъ къ самому факту рабочихъ союзовъ Хомяковъ относится сочувственно; въ не вошедшемъ въ полное собраніе сочиненій предисловіи Хомякова къ переводу статьи Уэвеля „О началахъ англійскаго университетскаго воспитанія“, Хомяковъ въ числѣ великихъ движеній англійской жизни указываетъ, что въ Англійи составляютъ въ громаднхъ размѣрахъ союзы мелкихъ капиталовъ или труда, *общающіе новую эру жизни народной* („Русская Бесѣда“ 1858 г., II, 128).

Главнѣйшимъ и существеннымъ признакомъ общиннаго устройства славянофилы (за исключеніемъ Ал. Иван. Кошелева) признавали единогласіе въ рѣшеніяхъ.

Въ общинѣ совѣщаніе имѣетъ дѣлю общее согласіе. Понятно, что, при такомъ требованіи общаго согласія, согласіе не можетъ окончиться, пока всѣ не соединятся въ одну мысль, пока не будетъ общаго согласія, пока, говоря словами лѣтописи, *не снудутся въ любовь*; отсюда вытекаетъ начало единогласія при рѣшеніяхъ

нымъ присутствіемъ Св. Духа, есть церковь (I, 34—35). На личности, ставящей себя безусловнымъ мѣриломъ всего (это слова автора), можетъ основаться только искусственная ассоціація, уже осужденная исторіей; но абсолютной нормы, закона безусловно обязательнаго для всѣхъ и каждаго, изъ личности путемъ логики вывести невозможно, слѣдоват. не выведетъ его и исторія“ (стр. 41).

Современною исторіей Запада Самаринъ старался подкрѣпить основное значеніе общиннаго устройства и необходимость его для развитія человѣчества. Въ самомъ Западѣ на разныхъ тонахъ повторяется одна тема: скорбное признаніе несостоятельности личности человѣческой и безсилія такъ-называемаго индивидуализма. Что значать эти упреки современному обществу въ эгоизмъ и личной корысти? Они обратились теперь въ общія мѣста; но въ искренности основного чувства нельзя сомнѣваться. Почему вскорѣ послѣ іюльской революціи охладѣли въ политическимъ вопросамъ и прежнія строптивость и недовѣрчивость къ верховной власти перешли въ потребность какого-то крѣпкаго, самостоятельнаго начала, собирающаго личность? Отчего эта потребность такъ сильно высказалась въ соціальныхъ школахъ, вышедшихъ изъ революціи и ей обязанныхъ своимъ существованіемъ? Почему изъ терминологіи революціи: „свобода, личность, равенство“ — вытѣснены словами: общеніе, братство, и другими заимствованными изъ семейнаго или общиннаго быта? Указывая на Жоржъ-Зандъ, которая въ „Консуэло, Жаннѣ, Comragnon du tour de France, Чертовой дужбѣ“ отъ изображенія личности протестующей противъ общества, составляющаго главную тему ея прежнихъ произведеній, перешла къ изображенію красоты и спокойнаго могущества, самопожертвованія и самообладанія и мирной простоты семейнаго быта, — Самаринъ говорилъ, что въ отвѣтъ на краснорѣчивый голосъ Мицкевича (читавшаго въ 1840—1843 г. исторію славянскихъ литературъ въ Collège de France) взоры многихъ, въ томъ числѣ и Жоржъ-Зандъ, обратились къ славянскому міру, который понять ими какъ міръ общины, и обратились не съ однимъ любопытствомъ, а съ какимъ-то участіемъ и ожиданіемъ (I, 38—39). Не слѣдуетъ ли изъ всего этого, что германское племя или, точнѣе, германо-романскій міръ дошелъ до отвлеченной формулы, до требованія такого начала, которое составляетъ природу племени славянскаго, что послѣднее даетъ живой, въ самомъ бытіи его заключающійся отвѣтъ на послѣдній вопросъ

западнаго міра (I, 40). „Но замѣчательно, что славянофилы, признавая общину и общинное устройство явленіемъ чисто-славянскимъ, изъ-за повальнаго осужденія западнаго образованія и изъ чувства національной исключительности, относились недружелюбно къ тѣмъ явленіямъ европейской жизни, которыя, въ сущности, путемъ факта поддерживали справедливость ихъ теорій. Ю. О. Самаринъ говоритъ, что изъ германскаго (т.-е. западнаго) начала, представленнаго самому себѣ, изъ одной идеи личности не можетъ возникать иное общество, кромѣ искусственной, условной ассоціаціи (I, 40). Замѣтимъ, что Самаринъ въ этомъ случаѣ имѣлъ въ виду современное ассоціаціонное движеніе, что видно изъ его ссылки на книгу Штейна о социализмѣ. Хомяковъ говоритъ, что въ самой идеѣ коммунизма проявляется односторонность, которая лежитъ не столько въ разумѣ мыслителей, сколько въ односторонности понятій, завѣщенныхъ прежнею исторіей западныхъ народовъ. Наука старается только дать отвѣтъ на вопросъ, заданный жизнью, и отвѣтъ выходитъ односторонній и неудовлетворительный, потому что односторонность лежала уже въ вопросѣ, заданномъ тому 13 вѣковъ назадъ германскою дружиною, завоевавшею римскій міръ. Мыслители западные вертятся въ безысходномъ кругѣ потому только, что идея общины имъ недоступна. Они не могутъ никакъ идти дальше ассоціаціи (дружины) (I, 49—50).

Впрочемъ къ самому факту рабочихъ союзовъ Хомяковъ относится сочувственно; въ не вошедшемъ въ полное собраніе сочиненій предисловіи Хомякова къ переводу статьи Уэвеля „О началахъ англійскаго университетскаго воспитанія“, Хомяковъ въ числѣ великихъ движеній англійской жизни указываетъ, что въ Англии составляютъ въ громаднхъ размѣрахъ союзы мелкихъ капиталовъ или трудя, *объщающіе новую эру жизни народной* („Русская Бесѣда“ 1858 г., II, 128).

Главнѣйшимъ и существеннымъ признакомъ общиннаго устройства славянофилы (за исключеніемъ Ал. Иван. Кошелева) признавали единогласіе въ рѣшеніяхъ.

Въ общинѣ совѣщаніе имѣетъ цѣлю общее согласіе. Понятно, что, при такомъ требованіи общаго согласія, согласіе не можетъ окончиться, пока всѣ не соединятся въ одну мысль, пока не будетъ общаго согласія, пока, говоря словами лѣтописи, *не снудутся въ любовь*; отсюда вытекаетъ начало единогласія при рѣшеніяхъ

нымъ присутвіемъ Св. Духа, есть церковь (I, 34—35). На личности, ставящей себя безусловнымъ мѣриломъ всего (это слова автора), можетъ основаться только искусственная ассоціація, уже осужденная исторіей; но абсолютной нормы, закона безусловно обязательнаго для всѣхъ и каждаго, изъ личности путемъ логики вывести невозможно, слѣдоват. не выведетъ его и исторія“ (стр. 41).

Современною исторіей Запада Самаринъ старался подчеркнуть основное значеніе общиннаго устройства и необходимость его для развитія человѣчества. Въ самомъ Западѣ на разныхъ тонахъ повторяется одна тема: скорбное признаніе несостоятельности личности человѣческой и безсилія такъ-называемаго индивидуализма. Что значать эти упреки современному обществу въ эгоизмъ и личной корысти? Они обратились теперь въ общія мѣста; но въ искренности основного чувства нельзя сомнѣваться. Почему вскорѣ послѣ іюльской революціи охладѣли къ политическимъ вопросамъ и прежнія строптивость и недовѣрчивость къ верховной власти перешли въ потребность какого-то крѣпкаго, самостоятельнаго начала, собирающаго личность? Отчего эта потребность такъ сильно высказалась въ соціальныхъ шлоахъ, вышедшихъ изъ революціи и ей обязанныхъ своимъ существованіемъ? Почему изъ терминологіи революціи: „свобода, личность, равенство“ — вытѣснены словами: общеніе, братство, и другими заимствованными изъ семейнаго или общиннаго быта? Указывая на Жоржъ-Зандъ, которая въ „Консуэло, Жаннѣ, Comragnon du tour de France, Чертовой лужѣ“ отъ изображенія личности протестующей противъ общества, составляющаго главную тему ея прежнихъ произведеній, перешла къ изображенію красоты и спокойнаго могущества, самопожертвованія и самообладанія и мирной простоты семейнаго быта, — Самаринъ говорилъ, что въ отвѣтъ на краснорѣчивый голосъ Мицкевича (читавшаго въ 1840—1843 г. исторію славянскихъ литературъ въ Collège de France) взоры многихъ, въ томъ числѣ и Жоржъ-Зандъ, обратились къ славянскому міру, который понятъ ими какъ міръ общины, и обратились не съ однимъ любопытствомъ, а съ какимъ-то участіемъ и ожиданіемъ (I, 38—39). Не слѣдуетъ ли изъ всего этого, что германское племя или, точнѣе, германо-романскій міръ дошелъ до отвлеченной формулы, до требованія такого начала, которое составляетъ природу племени славянскаго, что послѣднее даетъ живой, въ самомъ бытіи его заключающійся отвѣтъ на послѣдній вопросъ

западнаго міра (I, 40). „Но замѣчательно, что славянофилы, признавая общину и общинное устройство явленіемъ чисто-славянскимъ, изъ-за повальнаго осужденія западнаго образования и изъ чувства національной исключительности, относились недружелюбно къ тѣмъ явленіямъ европейской жизни, которыя, въ сущности, путемъ факта поддерживали справедливость ихъ теорій. Ю. О. Самаринъ говоритъ, что изъ германскаго (т.-е. западнаго) начала, представленнаго самому себѣ, изъ одной идеи личности не можетъ возникнуть иное общество, кромѣ искусственной, условной ассоціаціи (I, 40). Замѣтимъ, что Самаринъ въ этомъ случаѣ имѣлъ въ виду современное ассоціаціонное движеніе, что видно изъ его ссылки на книгу Штейна о социализмѣ. Хомяковъ говоритъ, что въ самой идеѣ коммунизма проявляется односторонность, которая лежитъ не столько въ разумѣ мыслителей, сколько въ односторонности понятій, завѣщенныхъ прежнею исторіей западныхъ народовъ. Наука старается только дать отвѣтъ на вопросъ, заданный жизнью, и отвѣтъ выходитъ односторонній и неудовлетворительный, потому что односторонность лежала уже въ вопросѣ, заданномъ тому 13 вѣковъ назадъ германскою дружиною, завоевавшею римскій міръ. Мыслители западные вертятся въ безысходномъ кругѣ потому только, что идея общины имъ недоступна. Они не могутъ никакъ идти дальше ассоціаціи (дружины) (I, 49—50).

Впрочемъ къ самому факту рабочихъ союзовъ Хомяковъ относится сочувственно; въ не вошедшемъ въ полное собраніе сочиненій предисловіи Хомякова къ переводу статьи Уэвеля „О началахъ англійскаго университетскаго воспитанія“, Хомяковъ въ числѣ великихъ движеній англійской жизни указываетъ, что въ Англійи составляются въ громаднхъ размѣрахъ союзы мелкихъ капиталовъ или труда, *объщающіе новую эру жизни народной* („Русская Бесѣда“ 1858 г., II, 128).

Главнѣйшимъ и существеннымъ признакомъ общиннаго устройства славянофилы (за исключеніемъ Ал. Иван. Кошелева) признавали единогласіе въ рѣшеніяхъ.

Въ общинѣ совѣщаніе имѣетъ дѣлю общее согласіе. Понятно, что, при такомъ требованіи общаго согласія, согласіе не можетъ окончиться, пока всѣ не соединятся въ одну мысль, пока не будетъ общаго согласія, пока, говоря словами лѣтописи, *не снудутся въ любовь*; отсюда вытекаетъ начало единогласія при рѣшеніяхъ

нымъ присутвіемъ Св. Духа, есть церковь (I, 34—35). На личности, ставящей себя безусловнымъ мѣриломъ всего (это слова автора), можетъ основаться только искусственная ассоціація, уже осужденная исторіей; но абсолютной нормы, закона безусловно обязательнаго для всѣхъ и каждаго, изъ личности путемъ логики вывести невозможно, слѣдоват. не выведетъ его и исторія“ (стр. 41).

Современною исторіей Запада Самаринъ старался подчеркнуть основное значеніе общиннаго устройства и необходимость его для развитія челоѳчества. Въ самомъ Западѣ на разныхъ тонахъ повторяется одна тема: скорбное признаніе несостоятельности личности челоѳческой и безсилія такъ-называемаго индивидуализма. Что значать эти упреки современному обществу въ эгоизмѣ и личной корысти? Они обратились теперь въ общія мѣста; но въ искренности основного чувства нельзя сомнѣваться. Почему вскорѣ послѣ іюльской революціи охладѣли къ политическимъ вопросамъ и прежнія строптивость и недовѣрчивость къ верховной власти перешли въ потребность какого-то крѣпкаго, самостоятельнаго начала, собирающаго личность? Отчего эта потребность такъ сильно высказалась въ соціальныхъ школахъ, вышедшихъ изъ революціи и ей обязанныхъ своимъ существованіемъ? Почему изъ терминологіи революціи: „свобода, личность, равенство“ — вытѣснены словами: общеніе, братство, и другими заимствованными изъ семейнаго или общиннаго быта? Указывая на Жоржъ-Зандъ, которая въ „Консуэло, Жаннѣ, Comragnon du tour de France, Чертовой лужѣ“ отъ изображенія личности протестующей противъ общества, составляющаго главную тему ея прежнихъ произведеній, перешла къ изображенію красоты и спокойнаго могущества, самопожертвованія и самообладанія и мирной простоты семейнаго быта, — Самаринъ говорилъ, что въ отвѣтъ на краснорѣчивый голосъ Мицкевича (читавшаго въ 1840—1843 г. исторію славянскихъ литературъ въ Collège de France) взоры многихъ, въ томъ числѣ и Жоржъ-Зандъ, обратились къ славянскому міру, который поняты ими какъ міръ общины, и обратились не съ однимъ любопытствомъ, а съ какимъ-то участіемъ и ожиданіемъ (I, 38—39). Не слѣдуетъ ли изъ всего этого, что германское племя или, точнѣе, германо-романскій міръ дошелъ до отвлеченной формулы, до требованія такого начала, которое составляетъ природу племени славянскаго, что послѣднее даетъ живой, въ самомъ бытіи его заключающійся отвѣтъ на послѣдній вопросъ

западнаго міра (I, 40). „Но замѣчательно, что славянофилы, призывая общину и общинное устройство явленіемъ чисто-славянскимъ, изъ-за повальнаго осужденія западнаго образованія и изъ чувства національной исключительности, относились недружелюбно къ тѣмъ явленіямъ европейской жизни, которыя, въ сущности, путемъ факта поддерживали справедливость ихъ теорій. Ю. Э. Самаринъ говоритъ, что изъ германскаго (т.-е. западнаго) начала, предоставленнаго самому себѣ, изъ одной идеи личности не можетъ возникать иное общество, кромѣ искусственной, условной ассоціаціи (I, 40). Замѣтимъ, что Самаринъ въ этомъ случаѣ имѣлъ въ виду современное ассоціативное движеніе, что видно изъ его ссылки на книгу Штейна о социализмѣ. Хомяковъ говоритъ, что въ самой идеѣ коммунизма проявляется односторонность, которая лежитъ не столько въ разумѣ мыслителей, сколько въ односторонности понятій, завѣщенныхъ прежнею исторіей западныхъ народовъ. Наука старается только дать отвѣтъ на вопросъ, заданный жизнью, и отвѣтъ выходитъ односторонній и неудовлетворительный, потому что односторонность лежала уже въ вопросѣ, заданномъ тому 13 вѣковъ назадъ германскою дружиною, завоевавшею римскій міръ. Мыслители западные вертятся въ безысходномъ кругѣ потому только, что идея общины имъ недоступна. Они не могутъ никакъ лести дальше ассоціаціи (дружины) (I, 49—50).

Впрочемъ къ самому факту рабочихъ союзовъ Хомяковъ относится сочувственно; въ не вошедшемъ въ полное собраніе сочиненій предисловіи Хомякова къ переводу статьи Уэвеля „О началахъ англійскаго университетскаго воспитанія“, Хомяковъ въ числѣ великихъ движеній англійской жизни указываетъ, что въ Англійи составляются въ громаднхъ размѣрахъ союзы мелкихъ капиталовъ или труда, *объщающіе новую эру жизни народной* („Русская Бесѣда“ 1858 г., II, 128).

Главнѣйшимъ и существеннымъ признакомъ общиннаго устройства славянофилы (за исключеніемъ Ал. Иван. Кошелева) признавали единогласіе въ рѣшеніяхъ.

Въ общинѣ совѣщаніе имѣетъ цѣлю общее согласіе. Понятно, что, при такомъ требованіи общаго согласія, согласіе не можетъ окончиться, пока всѣ не соединятся въ одну мысль, пока не будетъ общаго согласія, пока, говоря словами лѣтописи, *не снудутся въ любовь*; отсюда вытекаетъ начало единогласія при рѣшеніяхъ

нымъ присутствіемъ Св. Духа, есть церковь (I, 34—35). На личности, ставящей себя безусловнымъ мѣриломъ всего (это слова автора), можетъ основаться только искусственная ассоціація, уже осужденная исторіей; но абсолютной нормы, закона безусловно обязательнаго для всѣхъ и каждаго, изъ личности путемъ логики вывести невозможно, слѣдоват. не выведетъ его и исторія“ (стр. 41).

Современною исторіей Запада Самаринъ старался подтвердить основное значеніе общиннаго устройства и необходимость его для развитія челоѳчества. Въ самомъ Западѣ на разныхъ тонахъ повторяется одна тема: скорбное признаніе несостоятельности личности челоѳческой и безсилія такъ-называемаго индивидуализма. Что значать эти упреки современному обществу въ эгоизмъ и личной корысти? Они обратились теперь въ общія мѣста; но въ искренности основного чувства нельзя сомнѣваться. Почему вскорѣ послѣ іюльской революціи охладѣли къ политическимъ вопросамъ и прежнія строптивость и недоѳрчивость къ верховной власти перешли въ потребность какаго-то крѣпкаго, самостоятельнаго начала, собирающаго личность? Отчего эта потребность такъ сильно высказалась въ соціальныхъ школахъ, вышедшихъ изъ революціи и ей обязанныхъ своимъ существованіемъ? Почему изъ терминологіи революціи: „свобода, личность, равенство“ — вытѣснены словами: общеніе, братство, и другими заимствованными изъ семейнаго или общиннаго быта? Указывая на Жоржъ-Зандъ, которая въ „Консуэло, Жаннѣ, Comragnon du tour de France, Чертовой лужѣ“ отъ изображенія личности протестующей противъ общества, составляющаго главную тему ея прежнихъ произведеній, перешла къ изображенію красоты и спокойнаго могущества, самопожертвованія и самообладанія и мирной простоты семейнаго быта, — Самаринъ говорилъ, что въ отвѣтъ на краснорѣчивый голосъ Мицкевича (читавшаго въ 1840—1843 г. исторію славянскихъ литературъ въ Collège de France) взоры многихъ, въ томъ числѣ и Жоржъ-Зандъ, обратились къ славянскому міру, который понять ими какъ міръ общины, и обратились не съ однимъ любопытствомъ, а съ какимъ-то участіемъ и ожиданіемъ (I, 38—39). Не слѣдуетъ ли изъ всего этого, что германское племя или, точнѣе, германо-романскій міръ дошелъ до отвлеченной формулы, до требованія такого начала, которое составляетъ природу племени славянскаго, что послѣднее даетъ живой, въ самомъ бытіи его заключающійся отвѣтъ на послѣдній вопросъ

западнаго міра (I, 40). „Но замѣчательно, что славянофилы, призывая общину и общинное устройство явленіемъ чисто-славянскимъ, изъ-за повальнаго осужденія западнаго образованія и изъ чувства національной исключительности, относились недружелюбно къ тѣмъ явленіямъ европейской жизни, которыя, въ сущности, путемъ факта поддерживали справедливость ихъ теорій. Ю. Э. Самаринъ говоритъ, что изъ германскаго (т.-е. западнаго) начала, представленнаго самому себѣ, изъ одной идеи личности не можетъ возникать иное общество, кромѣ искусственной, условной ассоціаціи (I, 40). Замѣтимъ, что Самаринъ въ этомъ случаѣ имѣлъ въ виду современное ассоціаціонное движеніе, что видно изъ его ссылки на книгу Штейна о социализмѣ. Хомяковъ говоритъ, что въ самой идеѣ коммунизма проявляется односторонность, которая лежитъ не столько въ разумѣ мыслителей, сколько въ односторонности понятій, завѣщенныхъ прежнею исторіей западныхъ народовъ. Наука старается только дать отвѣтъ на вопросъ, заданный жизнью, и отвѣтъ выходитъ односторонній и неудовлетворительный, потому что односторонность лежала уже въ вопросѣ, заданномъ тому 13 вѣковъ назадъ германскою дружиною, завоевавшею римскій міръ. Мыслители западные вернутся въ безысходномъ кругѣ потому только, что идея общины имъ недоступна. Они не могутъ никакъ идти дальше ассоціаціи (дружины) (I, 49—50).

Впрочемъ къ самому факту рабочихъ союзовъ Хомяковъ относится сочувственно; въ не вошедшемъ въ полное собраніе сочиненій предисловіи Хомякова къ переводу статьи Уэвеля „О началахъ англійскаго университетскаго воспитанія“, Хомяковъ въ числѣ великихъ движеній англійской жизни указываетъ, что въ Англійи составляются въ громаднхъ размѣрахъ союзы мелкихъ капиталовъ или труда, *объщающіе новую эру жизни народной* („Русская Бесѣда“ 1858 г., II, 128).

Главнѣйшимъ и существеннымъ признакомъ общиннаго устройства славянофилы (за исключеніемъ Ал. Иван. Кошелева) признавали единогласіе въ рѣшеніяхъ.

Въ общинѣ совѣщаніе имѣетъ дѣлю общее согласіе. Понятно, что, при такомъ требованіи общаго согласія, согласіе не можетъ окончиться, пока всѣ не соединятся въ одну мысль, пока не будетъ общаго согласія, пока, говоря словами лѣтописи, *не снудутся въ любовь*; отсюда вытекаетъ начало единогласія при рѣшеніяхъ

нымъ присутствіемъ Св. Духа, есть церковь (I, 34—35). На личности, ставящей себя безусловнымъ мѣриломъ всего (это слова автора), можетъ основаться только искусственная ассоціація, уже осужденная исторіей; но абсолютной нормы, закона безусловно обязательнаго для всѣхъ и каждаго, изъ личности путемъ логики вывести невозможно, слѣдоват. не выведеть его и исторія“ (стр. 41).

Современною исторіей Запада Самаринъ старался подкрѣпить основное значеніе общиннаго устройства и необходимость его для развитія челоѳчества. Въ самомъ Западѣ на разныхъ тонахъ повторяется одна тема: скорбное признаніе несостоятельности личности челоѳческой и безсилія такъ-называемаго индивидуализма. Что значать эти упреки современному обществу въ эгоизмъ и личной корысти? Они обратились теперь въ общія мѣста; но въ искренности основного чувства нельзя сомнѣваться. Почему вскорѣ послѣ іюльской революціи охладѣли къ политическимъ вопросамъ и прежнія строптивость и недоѳрчивость къ верховной власти перешли въ потребность какаго-то вѣрнаго, самостоятельнаго начала, собирающаго личность? Отчего эта потребность такъ сильно высказалась въ соціальныхъ школахъ, вышедшихъ изъ революціи и ей обязанныхъ своимъ существованіемъ? Почему изъ терминологіи революціи: „свобода, личность, равенство“ — вытѣснены словами: общеніе, братство, и другими заимствованными изъ семейнаго или общиннаго быта? Указывая на Жоржъ-Зандъ, которая въ „Консуэло, Жаннѣ, Comragnon du tour de France, Чертовой лужѣ“ отъ изображенія личности протестующей противъ общества, составляющаго главную тему ея прежнихъ произведеній, перешла къ изображенію красоты и спокойнаго могущества, самопожертвованія и самообладанія и мирной простоты семейнаго быта, — Самаринъ говорилъ, что въ отвѣтъ на краснорѣчивый голосъ Мицкевича (читавшаго въ 1840—1843 г. исторію славянскихъ литературъ въ Collège de France) взоры многихъ, въ томъ числѣ и Жоржъ-Зандъ, обратились къ славянскому міру, который поняты ими какъ міръ общины, и обратились не съ однимъ любопытствомъ, а съ какимъ-то участіемъ и ожиданіемъ (I, 38—39). Не слѣдуетъ ли изъ всего этого, что германское племя или, точнѣе, германо-романскій міръ дошелъ до отвлеченной формулы, до требованія такого начала, которое составляетъ природу племени славянскаго, что послѣднее даетъ живой, въ самомъ бытіи его заключающійся отвѣтъ на послѣдній вопросъ

западнаго міра (I, 40). „Но замѣчательно, что славянофилы, признавая общину и общинное устройство явленіемъ чисто-славянскимъ, изъ-за повальнаго осужденія западнаго образованія и изъ чувства національной исключительности, относились недружелюбно къ тѣмъ явленіямъ европейской жизни, которыя, въ сущности, путемъ факта поддерживали справедливость ихъ теорій. Ю. О. Самаринъ говоритъ, что изъ германскаго (т.-е. западнаго) начала, представленнаго самому себѣ, изъ одной идеи личности не можетъ возникнуть иное общество, кромѣ искусственной, условной ассоціаціи (I, 40). Замѣтимъ, что Самаринъ въ этомъ случаѣ имѣлъ въ виду современное ассоціативное движеніе, что видно изъ его ссылки на книгу Штейна о социализмѣ. Хомяковъ говоритъ, что въ самой идеѣ коммунизма проявляется односторонность, которая лежитъ не столько въ разумѣ мыслителей, сколько въ односторонности понятій, завѣщенныхъ прежнею исторіей западныхъ народовъ. Наука старается только дать отвѣтъ на вопросъ, заданный жизнью, и отвѣтъ выходитъ односторонній и неудовлетворительный, потому что односторонность лежала уже въ вопросѣ, заданномъ тому 13 вѣковъ назадъ германскою дружиною, завоевавшю римскій міръ. Мыслители западные вертятся въ безысходномъ кругѣ потому только, что идея общины имъ недоступна. Они не могутъ никакъ идти дальше ассоціаціи (дружины) (I, 49—50).

Впрочемъ къ самому факту рабочихъ союзовъ Хомяковъ относится сочувственно; въ не вошедшемъ въ полное собраніе сочиненій предисловіи Хомякова къ переводу статьи Уэвеля „О началахъ англійскаго университетскаго воспитанія“, Хомяковъ въ числѣ великихъ движеній англійской жизни указываетъ, что въ Англии составляютъ въ громаднхъ размѣрахъ союзы мелкихъ капиталовъ или трудя, *общающіе новую эру жизни народной* („Русская Бесѣда“ 1858 г., II, 128).

Главнѣйшимъ и существеннымъ признакомъ общиннаго устройства славянофилы (за исключеніемъ Ал. Иван. Кошелева) признавали единогласіе въ рѣшеніяхъ.

Въ общинѣ совѣщаніе имѣетъ цѣлю общее согласіе. Понятно, что, при такомъ требованіи общаго согласія, согласіе не можетъ окончиться, пока всѣ не соединятся въ одну мысль, пока не будетъ общаго согласія, пока, говоря словами лѣтописи, *не снудутся въ любовь*; отсюда вытекаетъ начало единогласія при рѣшеніяхъ

нымъ присутствіемъ Св. Духа, есть церковь (I, 34—35). На личности, ставящей себя безусловнымъ мѣриломъ всего (это слова автора), можетъ основаться только искусственная ассоціація, уже осужденная исторіей; но абсолютной нормы, закона безусловно обязательнаго для всѣхъ и каждаго, изъ личности путемъ логики вывести невозможно, слѣдоват. не выведетъ его и исторія“ (стр. 41).

Современною исторіей Запада Самаринъ старался подкрѣпить основное значеніе общиннаго устройства и необходимость его для развитія челоуѣчества. Въ самомъ Западѣ на разныхъ тонахъ повторяется одна тема: скорбное признаніе несостоятельности личности челоуѣческой и безсилія такъ-называемаго индивидуализма. Что значать эти упреки современному обществу въ эгоизмъ и личной корысти? Они обратились теперь въ общія мѣста; но въ искренности основного чувства нельзя сомнѣваться. Почему вскорѣ послѣ іюльской революціи охладѣли къ политическимъ вопросамъ и прежнія строптивость и недовѣрчивость къ верховной власти перешли въ потребность какого-то вѣрнаго, самостоятельнаго начала, собирающаго личность? Отчего эта потребность такъ сильно высказалась въ соціальныхъ школахъ, вышедшихъ изъ революціи и ей обязанныхъ своимъ существованіемъ? Почему изъ терминологіи революціи: „свобода, личность, равенство“ — вытѣснены словами: общеніе, братство, и другими заимствованными изъ семейнаго или общиннаго быта? Указывая на Жоржъ-Зандъ, которая въ „Консуэло, Жаннѣ, Comragnon du tour de France, Чертовой лужѣ“ отъ изображенія личности протестующей противъ общества, составляющаго главную тему ея прежнихъ произведеній, перешла къ изображенію красоты и спокойнаго могущества, самопожертвованія и самообладанія и мирной простоты семейнаго быта, — Самаринъ говорилъ, что въ отвѣтъ на краснорѣчивый голосъ Мицевича (читавшаго въ 1840—1843 г. исторію славянскихъ литературъ въ Collège de France) взоры многихъ, въ томъ числѣ и Жоржъ-Зандъ, обратились къ славянскому міру, который поняты ими какъ міръ общины, и обратились не съ однимъ любопытствомъ, а съ какимъ-то участіемъ и ожиданіемъ (I, 38—39). Не слѣдуетъ ли изъ всего этого, что германское племя или, точнѣе, германо-романскій міръ дошелъ до отвлеченной формулы, до требованія такого начала, которое составляетъ природу племени славянскаго, что послѣднее даетъ живой, въ самомъ бытіи его заключающійся отвѣтъ на послѣдній вопросъ

западнаго міра (I, 40). „Но замѣчательно, что славянофилы, признавая общину и общинное устройство явленіемъ чисто-славянскимъ, изъ-за повальнаго осужденія западнаго образованія и изъ чувства національной исключительности, относились недружелюбно къ тѣмъ явленіямъ европейской жизни, которыя, въ сущности, путемъ факта поддерживали справедливость ихъ теорій. Ю. О. Самаринъ говоритъ, что изъ германскаго (т.-е. западнаго) начала, предоставленнаго самому себѣ, изъ одной идеи личности не можетъ возникнуть иное общество, кромѣ искусственной, условной ассоціаціи (I, 40). Замѣтимъ, что Самаринъ въ этомъ случаѣ имѣлъ въ виду современное ассоціаціонное движеніе, что видно изъ его ссылки на книгу Штейна о социализмѣ. Хомяковъ говоритъ, что въ самой идеѣ коммунизма проявляется односторонность, которая лежитъ не столько въ разумѣ мыслителей, сколько въ односторонности понятій, завѣщенныхъ прежнею исторіей западныхъ народовъ. Наука старается только дать отвѣтъ на вопросъ, заданный жизнью, и отвѣтъ выходитъ односторонній и неудовлетворительный, потому что односторонность лежала уже въ вопросѣ, заданномъ тому 13 вѣковъ назадъ германскою дружиною, завоевавшю римскій міръ. Мыслители западные вертятся въ безысходномъ кругѣ потому только, что идея общины имъ недоступна. Они не могутъ никакъ идти дальше ассоціаціи (дружины) (I, 49—50).

Впрочемъ къ самому факту рабочихъ союзовъ Хомяковъ относится сочувственно; въ не вошедшемъ въ полное собраніе сочиненій предисловіи Хомякова къ переводу статьи Уэвеля „О началахъ англійскаго университетскаго воспитанія“, Хомяковъ въ числѣ великихъ движеній англійской жизни указываетъ, что въ Англии составляютъ въ громаднхъ размѣрахъ союзы мелкихъ капиталовъ или труда, *объщающіе новую эру жизни народной* („Русская Бесѣда“ 1858 г., II, 128).

Главнѣйшимъ и существеннымъ признакомъ общиннаго устройства славянофилы (за исключеніемъ Ал. Иван. Кошелева) признавали единогласіе въ рѣшеніяхъ.

Въ общинѣ совѣщаніе имѣетъ цѣлю общее согласіе. Понятно, что, при такомъ требованіи общаго согласія, согласіе не можетъ окончиться, пока всѣ не соединятся въ одну мысль, пока не будетъ общаго согласія, пока, говоря словами лѣтописи, *не снудутся въ любовь*; отсюда вытекаетъ начало единогласія при рѣшеніяхъ

нымъ присутствіемъ Св. Духа, есть церковь (I, 34—35). На личности, ставящей себя безусловнымъ мѣриломъ всего (это слова автора), можетъ основаться только искусственная ассоціація, уже осужденная исторіей; но абсолютной нормы, закона безусловно обязательнаго для всѣхъ и каждаго, изъ личности путемъ логики вывести невозможно, слѣдоват. не выведетъ его и исторія“ (стр. 41).

Современною исторіей Запада Самаринъ старался подтвердить основное значеніе общиннаго устройства и необходимость его для развитія человѣчества. Въ самомъ Западѣ на разныхъ тонахъ повторяется одна тема: скорбное признаніе несостоятельности личности человѣческой и безсилія такъ-называемаго индивидуализма. Что значать эти упреки современному обществу въ эгоизмъ и личной корысти? Они обратились теперь въ общія мѣста; но въ искренности основного чувства нельзя сомнѣваться. Почему вскорѣ послѣ іюльской революціи охладѣли къ политическимъ вопросамъ и прежнія строптивость и недоувѣрчивость къ верховной власти перешли въ потребность какого-то вѣрнаго, самостоятельнаго начала, собирающаго личность? Отчего эта потребность такъ сильно высказалась въ соціальныхъ шквалахъ, вышедшихъ изъ революціи и ей обязанныхъ своимъ существованіемъ? Почему изъ терминологіи революціи: „свобода, личность, равенство“ — вытѣснены словами: общеніе, братство, и другими заимствованными изъ семейнаго или общиннаго быта? Указывая на Жоржъ-Зандъ, которая въ „Консуэло, Жаннѣ, Comragnon du tour de France, Чертовой лужѣ“ отъ изображенія личности протестующей противъ общества, составляющаго главную тему ея прежнихъ произведеній, перешла къ изображенію красоты и спокойнаго могущества, самопожертвованія и самообладанія и мирной простоты семейнаго быта, — Самаринъ говорилъ, что въ отвѣтъ на краснорѣчивый голосъ Мицкевича (читавшаго въ 1840—1843 г. исторію славянскихъ литературъ въ Collège de France) взоры многихъ, въ томъ числѣ и Жоржъ-Зандъ, обратились къ славянскому міру, который понятъ ими какъ міръ общины, и обратились не съ однимъ любопытствомъ, а съ какимъ-то участіемъ и ожиданіемъ (I, 38—39). Не слѣдуетъ ли изъ всего этого, что германское племя или, точнѣе, германо-романскій міръ дошелъ до отвлеченной формулы, до требованія такого начала, которое составляетъ природу племени славянскаго, что послѣднее даетъ живой, въ самомъ бытіи его заключающійся отвѣтъ на послѣдній вопросъ

западнаго міра (I, 40). „Но замѣчательно, что славянофилы, призывая общину и общинное устройство явленіемъ чисто-славянскимъ, изъ-за повальнаго осужденія западнаго образованія и изъ чувства національной исключительности, относились недружелюбно къ тѣмъ явленіямъ европейской жизни, которыя, въ сущности, путемъ факта поддерживали справедливость ихъ теорій. Ю. Э. Самаринъ говоритъ, что изъ германскаго (т.-е. западнаго) начала, предоставленнаго самому себѣ, изъ одной идеи личности не можетъ возникать иное общество, кромѣ искусственной, условной ассоціаціи (I, 40). Замѣтимъ, что Самаринъ въ этомъ случаѣ имѣлъ въ виду современное ассоціаціонное движеніе, что видно изъ его ссылки на книгу Штейна о социализмѣ. Хомяковъ говоритъ, что въ самой идеѣ коммунизма проявляется односторонность, которая лежитъ не столько въ разумѣ мыслителей, сколько въ односторонности понятій, завѣщенныхъ прежнею исторіей западныхъ народовъ. Наука старается только дать отвѣтъ на вопросъ, заданный жизнью, и отвѣтъ выходитъ односторонній и неудовлетворительный, потому что односторонность лежала уже въ вопросѣ, заданномъ тому 13 вѣковъ назадъ германскою дружиною, завоевавшю римскій міръ. Мыслители западные вертятся въ безысходномъ кругѣ потому только, что идея общины имъ недоступна. Они не могутъ никакъ идти дальше ассоціаціи (дружины) (I, 49—50).

Впрочемъ въ самому факту рабочихъ союзовъ Хомяковъ относится сочувственно; въ не вошедшемъ въ полное собраніе сочиненій предисловіи Хомякова къ переводу статьи Уэвеля „О началахъ англійскаго университетскаго воспитанія“, Хомяковъ въ числѣ великихъ движеній англійской жизни указываетъ, что въ Англійи составляютъ въ громаднхъ размѣрахъ союзы мелкихъ капиталовъ или труда, *общающіе новую эру жизни народной* („Русская Бесѣда“ 1858 г., II, 128).

Главнѣйшимъ и существеннымъ признакомъ общиннаго устройства славянофилы (за исключеніемъ Ал. Иван. Кошелева) признавали единогласіе въ рѣшеніяхъ.

Въ общинѣ совѣщаніе имѣетъ дѣлю общее согласіе. Понятно, что, при такомъ требованіи общаго согласія, согласіе не можетъ окончиться, пока всѣ не соединятся въ одну мысль, пока не будетъ общаго согласія, пока, говоря словами лѣтописи, *не снудутся въ любовь*; отсюда вытекаетъ начало единогласія при рѣшеніяхъ

нымъ присутствіемъ Св. Духа, есть церковь (I, 34—35). На личности, ставящей себя безусловнымъ мѣриломъ всего (это слова автора), можетъ основаться только искусственная ассоціація, уже осужденная исторіей; но абсолютной нормы, закона безусловно обязательнаго для всѣхъ и каждаго, изъ личности путемъ логики вывести невозможно, слѣдоват. не выведетъ его и исторія“ (стр. 41).

Современною исторіей Запада Самаринъ старался поддѣржить основное значеніе общиннаго устройства и необходимость его для развитія человѣчества. Въ самомъ Западѣ на разныхъ тонахъ повторяется одна тема: скорбное признаніе несостоятельности личности человѣческой и безсилія такъ-называемаго индивидуализма. Что значать эти упреки современному обществу въ эгоизмъ и личной корысти? Они обратились теперь въ общія мѣста; но въ искренности основного чувства нельзя сомнѣваться. Почему вскорѣ послѣ іюльской революціи охладѣли къ политическимъ вопросамъ и прежнія строптивость и недоувѣрчивость къ верховной власти перешли въ потребность какого-то крѣпкаго, самостоятельнаго начала, собирающаго личность? Отчего эта потребность такъ сильно высказалась въ социальныхъ школахъ, вышедшихъ изъ революціи и ей обязанныхъ своимъ существованіемъ? Почему изъ терминологіи революціи: „свобода, личность, равенство“ — вытѣснены словами: общеніе, братство, и другими заимствованными изъ семейнаго или общиннаго быта? Указывая на Жоржъ-Зандъ, которая въ „Консуэло, Жаннѣ, Comragnon du tour de France, Чертовой лужѣ“ отъ изображенія личности протестующей противъ общества, составляющаго главную тему ея прежнихъ произведеній, перешла къ изображенію красоты и спокойнаго могущества, самопожертвованія и самообладанія и мирной простоты семейнаго быта, — Самаринъ говорилъ, что въ отвѣтъ на краснорѣчивый голосъ Мицкевича (читавшаго въ 1840—1843 г. исторію славянскихъ литературъ въ Collège de France) взоры многихъ, въ томъ числѣ и Жоржъ-Зандъ, обратились къ славянскому міру, который понятъ ими какъ міръ общины, и обратились не съ однимъ любопытствомъ, а съ какимъ-то участіемъ и ожиданіемъ (I, 38—39). Не слѣдуетъ ли изъ всего этого, что германское племя или, точнѣе, германо-романскій міръ дошелъ до отвлеченной формулы, до требованія такого начала, которое составляетъ природу племени славянскаго, что послѣднее даетъ живой, въ самомъ бытіи его заключающійся отвѣтъ на послѣдній вопросъ

западнаго міра (I, 40). „Но замѣчательно, что славянофилы, признавая общину и общинное устройство явленіемъ чисто-славянскимъ, изъ-за повальнаго осужденія западнаго образованія и изъ чувства національной исключительности, относились недружелюбно къ тѣмъ явленіямъ европейской жизни, которыя, въ сущности, путемъ факта поддерживали справедливость ихъ теорій. Ю. О. Самаринъ говоритъ, что изъ германскаго (т.-е. западнаго) начала, предоставленнаго самому себѣ, изъ одной идеи личности не можетъ возникнуть иное общество, кромѣ искусственной, условной ассоціаціи (I, 40). Замѣтимъ, что Самаринъ въ этомъ случаѣ имѣлъ въ виду современное ассоціаціонное движеніе, что видно изъ его ссылки на книгу Штейна о социализмѣ. Хомяковъ говоритъ, что въ самой идеѣ коммунизма проявляется односторонность, которая лежитъ не столько въ разумѣ мыслителей, сколько въ односторонности понятій, завѣщенныхъ прежнею исторіей западныхъ народовъ. Наука старается только дать отвѣтъ на вопросъ, заданный жизнью, и отвѣтъ выходитъ односторонній и неудовлетворительный, потому что односторонность лежала уже въ вопросѣ, заданномъ тому 13 вѣковъ назадъ германскою дружиною, завоевавшю римскій міръ. Мыслители западные вертятся въ безысходномъ кругѣ потому только, что идея общины имъ недоступна. Они не могутъ никакъ идти дальше ассоціаціи (дружины) (I, 49—50).

Впрочемъ къ самому факту рабочихъ союзовъ Хомяковъ относится сочувственно; въ не вошедшемъ въ полное собраніе сочиненій предисловіи Хомякова къ переводу статьи Уэвеля „О началахъ англійскаго университетскаго воспитанія“, Хомяковъ въ числѣ великихъ движеній англійской жизни указываетъ, что въ Англій составляются въ громаднхъ размѣрахъ союзы мелкихъ капиталовъ или труда, *объщающіе новую эру жизни народной* („Русская Бесѣда“ 1858 г., II, 128).

Главнѣйшимъ и существеннымъ признакомъ общиннаго устройства славянофилы (за исключеніемъ Ал. Иван. Копелева) признавали единогласіе въ рѣшеніяхъ.

Въ общинѣ совѣщаніе имѣетъ цѣлю общее согласіе. Понятно, что, при такомъ требованіи общаго согласія, согласіе не можетъ окончиться, пока всѣ не соединятся въ одну мысль, пока не будетъ общаго согласія, пока, говоря словами лѣтописи, *не снудутся въ любовь*; отсюда вытекаетъ начало единогласія при рѣшеніяхъ

нымъ присутствіемъ Св. Духа, есть церковь (I, 34—35). На личности, ставящей себя безусловнымъ мѣриломъ всего (это слова автора), можетъ основаться только искусственная ассоціація, уже осужденная исторіей; но абсолютной нормы, закона безусловно обязательнаго для всѣхъ и каждаго, изъ личности путемъ логики вывести невозможно, слѣдоват. не выведетъ его и исторія“ (стр. 41).

Современною исторіей Запада Самаринъ старался подтвердить основное значеніе общиннаго устройства и необходимость его для развитія человѣчества. Въ самомъ Западѣ на разныхъ тонахъ повторяется одна тема: скорбное признаніе несостоятельности личности человѣческой и безсилія такъ-называемаго индивидуализма. Что значать эти упреки современному обществу въ эгоизмъ и личной корысти? Они обратились теперь въ общія мѣста; но въ искренности основного чувства нельзя сомнѣваться. Почему вскорѣ послѣ іюльской революціи охладѣли къ политическимъ вопросамъ и прежнія строптивость и недоверчивость къ верховной власти перешли въ потребность какого-то крѣпкаго, самостоятельнаго начала, собирающаго личность? Отчего эта потребность такъ сильно высказалась въ соціальныхъ шлоахъ, вышедшихъ изъ революціи и ей обязанныхъ своимъ существованіемъ? Почему изъ терминологіи революціи: „свобода, личность, равенство“ — вытѣснены словами: общеніе, братство, и другими заимствованными изъ семейнаго или общиннаго быта? Указывая на Жоржъ-Зандъ, которая въ „Консуэло, Жаннѣ, Comragnon du tour de France, Чертовой лужѣ“ отъ изображенія личности протестующей противъ общества, составляющаго главную тему ея прежнихъ произведеній, перешла къ изображенію красоты и спокойнаго могущества, самопожертвованія и самообладанія и мирной простоты семейнаго быта, — Самаринъ говорилъ, что въ отвѣтъ на краснорѣчивый голосъ Мицкевича (читавшаго въ 1840—1843 г. исторію славянскихъ литературъ въ Collège de France) взоры многихъ, въ томъ числѣ и Жоржъ-Зандъ, обратились къ славянскому міру, который понять ими какъ міръ общины, и обратились не съ однимъ любопытствомъ, а съ какимъ-то участіемъ и ожиданіемъ (I, 38—39). Не слѣдуетъ ли изъ всего этого, что германское племя или, точнѣе, германо-романскій міръ дошелъ до отвлеченной формулы, до требованія такого начала, которое составляетъ природу племени славянскаго, что послѣднее даетъ живой, въ самомъ бытіи его заключающійся отвѣтъ на послѣдній вопросъ

западнаго міра (I, 40). „Но замѣчательно, что славянофилы, призвавая общину и общинное устройство явленіемъ чисто-славянскимъ, изъ-за повальнаго осужденія западнаго образованія и изъ чувства національной исключительности, относились недружелюбно къ тѣмъ явленіямъ европейской жизни, которыя, въ сущности, путемъ факта поддерживали справедливость ихъ теорій. Ю. О. Самаринъ говоритъ, что изъ германскаго (т.-е. западнаго) начала, предоставленнаго самому себѣ, изъ одной идеи личности не можетъ возникать иное общество, кромѣ искусственной, условной ассоціаціи (I, 40). Замѣтимъ, что Самаринъ въ этомъ случаѣ имѣлъ въ виду современное ассоціаціонное движеніе, что видно изъ его ссылки на книгу Штейна о социализмѣ. Хомяковъ говоритъ, что въ самой идеѣ коммунизма проявляется односторонность, которая лежитъ не столько въ разумѣ мыслителей, сколько въ односторонности понятій, завѣщенныхъ прежнею исторіей западныхъ народовъ. Наука старается только дать отвѣтъ на вопросъ, заданный жизнью, и отвѣтъ выходитъ односторонній и неудовлетворительный, потому что односторонность лежала уже въ вопросѣ, заданномъ тому 13 вѣковъ назадъ германскою дружиною, завоевавшю римскій міръ. Мыслители западные вернутся въ безысходномъ кругѣ потому только, что идея общины имъ недоступна. Они не могутъ нивагъ идти дальше ассоціаціи (дружины) (I, 49—50).

Впрочемъ въ самому факту рабочихъ союзовъ Хомяковъ относится сочувственно; въ не вошедшемъ въ полное собраніе сочиненій предисловіи Хомякова къ переводу статьи Уэвеля „О началахъ англійскаго университетскаго воспитанія“, Хомяковъ въ числѣ великихъ движеній англійской жизни указываетъ, что въ Англійи составляются въ громаднхъ размѣрахъ союзы мелкихъ капиталовъ или труда, *общающіе новую эру жизни народной* („Русская Бесѣда“ 1858 г., II, 128).

Главнѣйшимъ и существеннымъ признакомъ общиннаго устройства славянофилы (за исключеніемъ Ал. Иван. Кошелева) признавали единогласіе въ рѣшеніяхъ.

Въ общинѣ совѣщаніе имѣетъ дѣлю общее согласіе. Понятно, что, при такомъ требованіи общаго согласія, согласіе не можетъ окончиться, пока всѣ не соединятся въ одну мысль, пока не будетъ общаго согласія, пока, говоря словами лѣтописи, *не снудутся въ любовь*; отсюда вытекаетъ начало единогласія при рѣшеніяхъ

нымъ присутствіемъ Св. Духа, есть церковь (I, 34—35). На личности, ставящей себя безусловнымъ мѣриломъ всего (это слова автора), можетъ основаться только искусственная ассоціація, уже осужденная исторіей; но абсолютной нормы, закона безусловно обязательнаго для всѣхъ и каждаго, изъ личности путемъ логики вывести невозможно, слѣдоват. не выведеть его и исторія“ (стр. 41).

Современною исторіей Запада Самаринъ старался подтвердить основное значеніе общиннаго устройства и необходимость его для развитія челоуѣчества. Въ самомъ Западѣ на разныхъ тонахъ повторяется одна тема: скорбное признаніе несостоятельности личности челоуѣческой и безсилія такъ-называемаго индивидуализма. Что значать эти упреки современному обществу въ эгоизмъ и личной корысти? Они обратились теперь въ общія мѣста; но въ искренности основного чувства нельзя сомнѣваться. Почему вскорѣ послѣ іюльской революціи охладѣли къ политическимъ вопросамъ и прежнія строптивость и недоуѣрчивость къ верховной власти перешли въ потребность какого-то крѣпкаго, самостоятельнаго начала, собирающаго личность? Отчего эта потребность такъ сильно высказалась въ соціальныхъ школахъ, вышедшихъ изъ революціи и ей обязанныхъ своимъ существованіемъ? Почему изъ терминологіи революціи: „свобода, личность, равенство“ — вытѣснены словами: общеніе, братство, и другими заимствованными изъ семейнаго или общиннаго быта? Указывая на Жоржъ-Зандъ, которая въ „Консуэло, Жаннѣ, Comragnon du tour de France, Чертовой лужѣ“ отъ изображенія личности протестующей противъ общества, составляющаго главную тему ея прежнихъ произведеній, перешла къ изображенію красоты и спокойнаго могущества, самопожертвованія и самообладанія и мирной простоты семейнаго быта, — Самаринъ говорилъ, что въ отвѣтъ на краснорѣчивый голосъ Мицкевича (читавшаго въ 1840—1843 г. исторію славянскихъ литературъ въ Collège de France) взоры многихъ, въ томъ числѣ и Жоржъ-Зандъ, обратились къ славянскому міру, который поняты ими какъ міръ общины, и обратились не съ однимъ любопытствомъ, а съ какимъ-то участіемъ и ожиданіемъ (I, 38—39). Не слѣдуетъ ли изъ всего этого, что германское племя или, точнѣе, германо-романскій міръ дошелъ до отвлеченной формулы, до требованія такого начала, которое составляетъ природу племени славянскаго, что послѣднее даетъ живой, въ самомъ бытіи его заключающійся отвѣтъ на послѣдній вопросъ

западнаго міра (I, 40). „Но замѣчательно, что славянофилы, признавая общину и общинное устройство явленіемъ чисто-славянскими, изъ-за повального осужденія западнаго образованія и изъ чувства національной исключительности, относились недружелюбно къ тѣмъ явленіямъ европейской жизни, которыя, въ сущности, путемъ факта поддерживали справедливость ихъ теорій. Ю. Ө. Самаринъ говоритъ, что изъ германскаго (т.-е. западнаго) начала, предоставленнаго самому себѣ, изъ одной идеи личности не можетъ возникать иное общество, кромѣ искусственной, условной ассоціаціи (I, 40). Замѣтимъ, что Самаринъ въ этомъ случаѣ имѣлъ въ виду современное ассоціаціонное движеніе, что видно изъ его ссылки на книгу Штейна о социализмѣ. Хомяковъ говоритъ, что въ самой идеѣ коммунизма проявляется односторонность, которая лежитъ не столько въ разумѣ мыслителей, сколько въ односторонности понятій, завѣщенныхъ прежнею исторіей западныхъ народовъ. Наука старается только дать отвѣтъ на вопросъ, заданный жизнью, и отвѣтъ выходитъ односторонній и неудовлетворительный, потому что односторонность лежала уже въ вопросѣ, заданномъ тому 13 вѣковъ назадъ германскою дружиною, завоевавшею римскій міръ. Мыслители западные вертятся въ безысходномъ кругѣ потому только, что идея общины имъ недоступна. Они не могутъ нивагъ идти дальше ассоціаціи (дружины) (I, 49—50).

Впрочемъ къ самому факту рабочихъ союзовъ Хомяковъ относится сочувственно; въ не вошедшемъ въ полное собраніе сочиненій предисловіи Хомякова въ переводу статьи Уэвеля „О началахъ англійскаго университетскаго воспитанія“, Хомяковъ въ числѣ великихъ движеній англійской жизни указываетъ, что въ Англійи составляютъ въ громаднхъ размѣрахъ союзы мелкихъ капиталовъ или труда, *объщающіе новую эру жизни народной* („Русская Бесѣда“ 1858 г., II, 128).

Главнѣйшимъ и существеннымъ признакомъ общиннаго устройства славянофилы (за исключеніемъ Ал. Иван. Кошелева) признавали единогласіе въ рѣшеніяхъ.

Въ общинѣ совѣщаніе имѣетъ дѣлю общее согласіе. Понятно, что, при такомъ требованіи общаго согласія, согласіе не можетъ окончиться, пока всѣ не соединятся въ одну мысль, пока не будетъ общаго согласія, пока, говоря словами лѣтописи, *не снудутся въ любовь*; отсюда вытекаетъ начало единогласія при рѣшеніяхъ

нымъ присутвіемъ Св. Духа, есть церковь (I, 34—35). На личности, ставящей себя безусловнымъ мѣриломъ всего (это слова автора), можетъ основаться только искусственная ассоціація, уже осужденная исторіей; но абсолютной нормы, закона безусловно обязательнаго для всѣхъ и каждаго, изъ личности путемъ логики вывести невозможно, слѣдоват. не выведетъ его и исторія“ (стр. 41).

Современною исторіей Запада Самаринъ старался подкрѣпить основное значеніе общиннаго устройства и необходимость его для развитія человѣчества. Въ самомъ Западѣ на разныхъ тонахъ повторяется одна тема: скорбное признаніе несостоятельности личности человѣческой и безсилія такъ-называемаго индивидуализма. Что значать эти упреки современному обществу въ эгоизмъ и личной корысти? Они обратились теперь въ общія мѣста; но въ искренности основного чувства нельзя сомнѣваться. Почему вскорѣ послѣ іюльской революціи охладѣли къ политическимъ вопросамъ и прежнія строптивость и недовѣрчивость къ верховной власти перешли въ потребность какаго-то крѣпкаго, самостоятельнаго начала, собирающаго личность? Отчего эта потребность такъ сильно высказалась въ соціальныхъ школахъ, вышедшихъ изъ революціи и ей обязанныхъ своимъ существованіемъ? Почему изъ терминологіи революціи: „свобода, личность, равенство“ — вытѣснены словами: общеніе, братство, и другими заимствованными изъ семейнаго или общиннаго быта? Указывая на Жоржъ-Зандъ, которая въ „Консуэло, Жаннѣ, Comragnon du tour de France, Чертовой лужѣ“ отъ изображенія личности протестующей противъ общества, составляющаго главную тему ея прежнихъ произведеній, перешла къ изображенію красоты и спокойнаго могущества, самопожертвованія и самообладанія и мирной простоты семейнаго быта,—Самаринъ говорилъ, что въ отвѣтъ на краснорѣчивый голосъ Мицкевича (читавшаго въ 1840—1843 г. исторію славянскихъ литературъ въ Collège de France) взоры многихъ, въ томъ числѣ и Жоржъ-Зандъ, обратились къ славянскому міру, который понятъ ими какъ міръ общины, и обратились не съ однимъ любопытствомъ, а съ какимъ-то участіемъ и ожиданіемъ (I, 38—39). Не слѣдуетъ ли изъ всего этого, что германское племя или, точнѣе, германо-романскій міръ дошелъ до отвлеченной формулы, до требованія таковаго начала, которое составляетъ природу племени славянскаго, что послѣднее даетъ живой, въ самомъ бытіи его заключающійся отвѣтъ на послѣдній вопросъ

западнаго міра (I, 40). „Но замѣчательно, что славянофилы, признавая общину и общинное устройство явленіемъ чисто-славянскимъ, изъ-за повальнаго осужденія западнаго образованія и изъ чувства національной исключительности, относились недружелюбно къ тѣмъ явленіямъ европейской жизни, которыя, въ сущности, путемъ факта поддерживали справедливость ихъ теорій. Ю. Θ. Самаринъ говоритъ, что изъ германскаго (т.-е. западнаго) начала, предоставленнаго самому себѣ, изъ одной идеи личности не можетъ возникать иное общество, кромѣ искусственной, условной ассоціаціи (I, 40). Замѣтимъ, что Самаринъ въ этомъ случаѣ имѣлъ въ виду современное ассоціаціонное движеніе, что видно изъ его ссылки на книгу Штейна о социализмѣ. Хомяковъ говоритъ, что въ самой идеѣ коммунизма проявляется односторонность, которая лежитъ не столько въ разумѣ мыслителей, сколько въ односторонности понятій, завѣщенныхъ прежнею исторіей западныхъ народовъ. Наука старается только дать отвѣтъ на вопросъ, заданный жизнью, и отвѣтъ выходитъ односторонній и неудовлетворительный, потому что односторонность лежала уже въ вопросѣ, заданномъ тому 13 вѣковъ назадъ германскою дружиною, завоевавшею римскій міръ. Мыслители западные вертятся въ безысходномъ кругѣ потому только, что идея общины имъ недоступна. Они не могутъ нивакъ идти дальше ассоціаціи (дружины) (I, 49—50).

Впрочемъ къ самому факту рабочихъ союзовъ Хомяковъ относится сочувственно; въ не вошедшемъ въ полное собраніе сочиненій предисловіи Хомякова къ переводу статьи Уэвеля „О началахъ англійскаго университетскаго воспитанія“, Хомяковъ въ числѣ великихъ движеній англійской жизни указываетъ, что въ Англійи составляются въ громаднхъ размѣрахъ союзы мелкихъ капиталовъ или труда, *общающіе новую эру жизни народной* („Русская Бесѣда“ 1858 г., II, 128).

Главнѣйшимъ и существеннымъ признакомъ общиннаго устройства славянофилы (за исключеніемъ Ал. Иван. Кошелева) признавали единогласіе въ рѣшеніяхъ.

Въ общинѣ совѣщаніе имѣетъ цѣлю общее согласіе. Понятно, что, при такомъ требованіи общаго согласія, согласіе не можетъ окончиться, пока всѣ не соединятся въ одну мысль, пока не будетъ общаго согласія, пока, говоря словами лѣтописи, *не снудутся въ любовь*; отсюда вытекаетъ начало единогласія при рѣшеніяхъ

нымъ присутвіемъ Св. Духа, есть церковь (I, 34—35). На личности, ставящей себя безусловнымъ мѣриломъ всего (это слова автора), можетъ основаться только искусственная ассоціація, уже осужденная исторіей; но абсолютной нормы, закона безусловно обязательнаго для всѣхъ и каждаго, изъ личности путемъ логики вывести невозможно, слѣдоват. не выведетъ его и исторія“ (стр. 41).

Современною исторіей Запада Самаринъ старался подкрѣпить основное значеніе общиннаго устройства и необходимость его для развитія человѣчества. Въ самомъ Западѣ на разныхъ тонахъ повторяется одна тема: скорбное признаніе несостоятельности личности человѣческой и безсилія тагъ-называемаго индивидуализма. Что значать эти упреки современному обществу въ эгоизмъ и личной корысти? Они обратились теперь въ общія мѣста; но въ искренности основного чувства нельзя сомнѣваться. Почему вскорѣ послѣ іюльской революціи охладѣли къ политическимъ вопросамъ и прежнія строптивость и недовѣрчивость къ верховной власти перешли въ потребность какого-то крѣпкаго, самостоятельнаго начала, собирающаго личность? Отчего эта потребность тагъ сильно высказалась въ соціальныхъ школахъ, вышедшихъ изъ революціи и ей обязанныхъ своимъ существованіемъ? Почему изъ терминологіи революціи: „свобода, личность, равенство“ — вытѣснены словами: общеніе, братство, и другими заимствованными изъ семейнаго или общиннаго быта? Указывая на Жоржъ-Зандъ, которая въ „Консуэло, Жаннѣ, Comragnon du tour de France, Чертовой лужѣ“ отъ изображенія личности протестующей противъ общества, составляющаго главную тему ея прежнихъ произведеній, перешла къ изображенію красоты и спокойнаго могущества, самопожертвованія и самообладанія и мирной простоты семейнаго быта, — Самаринъ говорилъ, что въ отвѣтъ на краснорѣчивый голосъ Мицкевича (читавшаго въ 1840—1843 г. исторію славянскихъ литературъ въ Collège de France) взоры многихъ, въ томъ числѣ и Жоржъ-Зандъ, обратились къ славянскому міру, который понятъ ими какъ міръ общины, и обратились не съ однимъ любопытствомъ, а съ какимъ-то участіемъ и ожиданіемъ (I, 38—39). Не слѣдуетъ ли изъ всего этого, что германское племя или, точнѣе, германо-романскій міръ дошелъ до отвлеченной формулы, до требованія таковаго начала, которое составляетъ природу племени славянскаго, что послѣднее даетъ живой, въ самомъ бытіи его заключающійся отвѣтъ на послѣдній вопросъ

западнаго міра (I, 40). „Но замѣчательно, что славянофилы, признавая общину и общинное устройство явленіемъ чисто-славянскими, изъ-за повальнаго осужденія западнаго образованія и изъ чувства національной исключительности, относились недружелюбно къ тѣмъ явленіямъ европейской жизни, которыя, въ сущности, путемъ факта поддерживали справедливость ихъ теорій. Ю. О. Самаринъ говоритъ, что изъ германскаго (т.-е. западнаго) начала, предоставленнаго самому себѣ, изъ одной идеи личности не можетъ возникать иное общество, кромѣ искусственной, условной ассоціаціи (I, 40). Замѣтимъ, что Самаринъ въ этомъ случаѣ имѣлъ въ виду современное ассоціаціонное движеніе, что видно изъ его ссылки на книгу Штейна о социализмѣ. Хомяковъ говоритъ, что въ самой идеѣ коммунизма проявляется односторонность, которая лежитъ не столько въ разумѣ мыслителей, сколько въ односторонности понятій, завѣщенныхъ прежнею исторіей западныхъ народовъ. Наука старается только дать отвѣтъ на вопросъ, заданный жизнью, и отвѣтъ выходитъ односторонній и неудовлетворительный, потому что односторонность лежала уже въ вопросѣ, заданномъ тому 13 вѣковъ назадъ германскою дружиною, завоевавшею римскій міръ. Мыслители западные вертятся въ безысходномъ кругѣ потому только, что идея общины имъ недоступна. Они не могутъ нивакъ идти дальше ассоціаціи (дружины) (I, 49—50).

Впрочемъ къ самому факту рабочихъ союзовъ Хомяковъ относится сочувственно; въ не вошедшемъ въ полное собраніе сочиненій предисловіи Хомякова къ переводу статьи Уэвеля „О началахъ англійскаго университетскаго воспитанія“, Хомяковъ въ числѣ великихъ движеній англійской жизни указываетъ, что въ Англии составляются въ громаднхъ размѣрахъ союзы мелкихъ капиталовъ или труда, *объщающіе новую эру жизни народной* („Русская Бесѣда“ 1858 г., II, 128).

Главнѣйшимъ и существеннымъ признакомъ общиннаго устройства славянофилы (за исключеніемъ Ал. Иван. Кошелева) признавали единогласіе въ рѣшеніяхъ.

Въ общинѣ совѣщаніе имѣетъ цѣлю общее согласіе. Понятно, что, при такомъ требованіи общаго согласія, согласіе не можетъ окончиться, пока всѣ не соединятся въ одну мысль, пока не будетъ общаго согласія, пока, говоря словами Лѣтописи, *не снудутся въ любовь*; отсюда вытекаетъ начало единогласія при рѣшеніяхъ

нымъ присутствіемъ Св. Духа, есть церковь (I, 34—35). На личности, ставящей себя безусловнымъ мѣриломъ всего (это слова автора), можетъ основаться только искусственная ассоціація, уже осужденная исторіей; но абсолютной нормы, закона безусловно обязательнаго для всѣхъ и каждаго, изъ личности путемъ логики вывести невозможно, слѣдоват. не выведетъ его и исторія“ (стр. 41).

Современною исторіей Запада Самаринъ старался подкрѣпить основное значеніе общиннаго устройства и необходимость его для развитія человѣчества. Въ самомъ Западѣ на разныхъ тонахъ повторяется одна тема: скорбное признаніе несостоятельности личности человѣческой и безсилія такъ-называемаго индивидуализма. Что значать эти упреки современному обществу въ эгоизмъ и личной корысти? Они обратились теперь въ общія мѣста; но въ искренности основного чувства нельзя сомнѣваться. Почему вскорѣ послѣ іюльской революціи охладѣли къ политическимъ вопросамъ и прежнія строгость и недовѣрчивость къ верховной власти перешли въ потребность какого-то крѣпкаго, самостоятельнаго начала, собирающаго личность? Отчего эта потребность такъ сильно высказалась въ социальныхъ школахъ, вышедшихъ изъ революціи и ей обязанныхъ своимъ существованіемъ? Почему изъ терминологіи революціи: „свобода, личность, равенство“ — вытѣснены словами: общеніе, братство, и другими заимствованными изъ семейнаго или общиннаго быта? Указывая на Жоржъ-Зандъ, которая въ „Консуэло, Жаннѣ, Comragnon du tour de France, Чертовой лужѣ“ отъ изображенія личности протестующей противъ общества, составляющаго главную тему ея прежнихъ произведеній, перешла къ изображенію красоты и спокойнаго могущества, самопожертвованія и самообладанія и мирной простоты семейнаго быта, — Самаринъ говорилъ, что въ отвѣтъ на краснорѣчивый голосъ Мицкевича (читавшаго въ 1840—1843 г. исторію славянскихъ литературъ въ Collège de France) взоры многихъ, въ томъ числѣ и Жоржъ-Зандъ, обратились къ славянскому міру, который понятъ ими какъ міръ общины, и обратились не съ однимъ любопытствомъ, а съ какимъ-то участіемъ и ожиданіемъ (I, 38—39). Не слѣдуетъ ли изъ всего этого, что германское племя или, точнѣе, германо-романскій міръ дошелъ до отвлеченной формулы, до требованія такого начала, которое составляетъ природу племени славянскаго, что послѣднее даетъ живой, въ самомъ бытіи его заключающійся отвѣтъ на послѣдній вопросъ

западнаго міра (I, 40). „Но замѣчательно, что славянофилы, признавая общину и общинное устройство явленіемъ чисто-славянскимъ, изъ-за повальнаго осужденія западнаго образованія и изъ чувства національной исключительности, относились недружелюбно къ тѣмъ явленіямъ европейской жизни, которыя, въ сущности, путемъ факта поддерживали справедливость ихъ теорій. Ю. О. Самаринъ говоритъ, что изъ германскаго (т.-е. западнаго) начала, предоставленнаго самому себѣ, изъ одной идеи личности не можетъ возникнуть иное общество, кромѣ искусственной, условной ассоціаціи (I, 40). Замѣтимъ, что Самаринъ въ этомъ случаѣ имѣлъ въ виду современное ассоціаціонное движеніе, что видно изъ его ссылки на книгу Штейна о социализмѣ. Хомяковъ говоритъ, что въ самой идеѣ коммунизма проявляется односторонность, которая лежитъ не столько въ разумѣ мыслителей, сколько въ односторонности понятій, завѣщенныхъ прежнею исторіей западныхъ народовъ. Наука старается только дать отвѣтъ на вопросъ, заданный жизнью, и отвѣтъ выходитъ односторонній и неудовлетворительный, потому что односторонность лежала уже въ вопросѣ, заданномъ тому 13 вѣковъ назадъ германскою дружиною, завоевавшею римскій міръ. Мыслители западные вертятся въ безысходномъ кругѣ потому только, что идея общины имъ недоступна. Они не могутъ никакъ идти дальше ассоціаціи (дружины) (I, 49—50).

Впрочемъ къ самому факту рабочихъ союзовъ Хомяковъ относится сочувственно; въ не вошедшемъ въ полное собраніе сочиненій предисловіи Хомякова къ переводу статьи Уэвеля „О началахъ англійскаго университетскаго воспитанія“, Хомяковъ въ числѣ великихъ движеній англійской жизни указываетъ, что въ Англійи составляются въ громаднхъ размѣрахъ союзы мелкихъ капиталовъ или труда, *общающіе новую эру жизни народной* („Русская Бесѣда“ 1858 г., II, 128).

Главнѣйшимъ и существеннымъ признакомъ общиннаго устройства славянофилы (за исключеніемъ Ал. Иван. Кошелева) признавали единогласіе въ рѣшеніяхъ.

Въ общинѣ совѣщаніе имѣетъ цѣлю общее согласіе. Понятно, что, при такомъ требованіи общаго согласія, согласіе не можетъ окончиться, пока всѣ не соединятся въ одну мысль, пока не будетъ общаго согласія, пока, говоря словами Лѣтописи, *не снудутся въ любовь*; отсюда вытекаетъ начало единогласія при рѣшеніяхъ

нымъ присутвіемъ Св. Духа, есть церковь (I, 34—35). На личности, ставящей себя безусловнымъ мѣриломъ всего (это слова автора), можетъ основаться только искусственная ассоціація, уже осужденная исторіей; но абсолютной нормы, закона безусловно обязательнаго для всѣхъ и каждаго, изъ личности путемъ логики вывести невозможно, слѣдоват. не выведетъ его и исторія“ (стр. 41).

Современною исторіей Запада Самаринъ старался поддѣржить основное значеніе общиннаго устройства и необходимость его для развитія человѣчества. Въ самомъ Западѣ на разныхъ тонахъ повторяется одна тема: скорбное признаніе несостоятельности личности человѣческой и безсилія такъ-называемаго индивидуализма. Что значать эти упреки современному обществу въ эгоизмѣ и личной корысти? Они обратились теперь въ общія мѣста; но въ искренности основного чувства нельзя сомнѣваться. Почему вскорѣ послѣ іюльской революціи охладѣли къ политическимъ вопросамъ и прежнія строптивость и недовѣрчивость къ верховной власти перешли въ потребность какого-то крѣпкаго, самостоятельнаго начала, собирающаго личность? Отчего эта потребность такъ сильно высказалась въ социальныхъ школахъ, выпедшихъ изъ революціи и ей обязанныхъ своимъ существованіемъ? Почему изъ терминологіи революціи: „свобода, личность, равенство“ — вытѣснены словами: общеніе, братство, и другими заимствованными изъ семейнаго или общиннаго быта? Указывая на Жоржъ-Зандъ, которая въ „Консуэло, Жаннѣ, Comragnon du tour de France, Чертовой лужѣ“ отъ изображенія личности протестующей противъ общества, составляющаго главную тему ея прежнихъ произведеній, перешла къ изображенію красоты и спокойнаго могущества, самопожертвованія и самообладанія и мирной простоты семейнаго быта, — Самаринъ говорилъ, что въ отвѣтъ на краснорѣчивый голосъ Мицкевича (читавшаго въ 1840—1843 г. исторію славянскихъ литературъ въ Collège de France) взоры многихъ, въ томъ числѣ и Жоржъ-Зандъ, обратились къ славянскому міру, который понялъ ими какъ міръ общины, и обратились не съ однимъ любопытствомъ, а съ какимъ-то участіемъ и ожиданіемъ (I, 38—39). Не слѣдуетъ ли изъ всего этого, что германское племя или, точнѣе, германо-романскій міръ дошелъ до отвлеченной формулы, до требованія такого начала, которое составляетъ природу племени славянскаго, что послѣднее даетъ живой, въ самомъ бытіи его заключающійся отвѣтъ на послѣдній вопросъ

западнаго міра (I, 40). „Но замѣчательно, что славянофилы, признавая общину и общинное устройство явленіемъ чисто-славянскимъ, изъ-за повальнаго осужденія западнаго образованія и изъ чувства національной исключительности, относились недружелюбно къ тѣмъ явленіямъ европейской жизни, которыя, въ сущности, путемъ факта поддерживали справедливость ихъ теорій. Ю. Θ. Самаринъ говоритъ, что изъ германскаго (т.-е. западнаго) начала, предоставленнаго самому себѣ, изъ одной идеи личности не можетъ возникать иное общество, кромѣ искусственной, условной ассоціаціи (I, 40). Замѣтимъ, что Самаринъ въ этомъ случаѣ имѣлъ въ виду современное ассоціаціонное движеніе, что видно изъ его ссылки на книгу Штейна о социализмѣ. Хомяковъ говоритъ, что въ самой идеѣ коммунизма проявляется односторонность, которая лежитъ не столько въ разумѣ мыслителей, сколько въ односторонности понятій, завѣщенныхъ прежнею исторіей западныхъ народовъ. Наука старается только дать отвѣтъ на вопросъ, заданный жизнью, и отвѣтъ выходитъ односторонній и неудовлетворительный, потому что односторонность лежала уже въ вопросѣ, заданномъ тому 13 вѣковъ назадъ германскою дружиною, завоевавшею римскій міръ. Мыслители западные вертятся въ безысходномъ кругѣ потому только, что идея общины имъ недоступна. Они не могутъ нивакъ идти дальше ассоціаціи (дружины) (I, 49—50).

Впрочемъ къ самому факту рабочихъ союзовъ Хомяковъ относится сочувственно; въ не вошедшемъ въ полное собраніе сочиненій предисловіи Хомякова къ переводу статьи Уэвеля „О началахъ англійскаго университетскаго воспитанія“, Хомяковъ въ числѣ великихъ движеній англійской жизни указываетъ, что въ Англійи составляются въ громаднхъ размѣрахъ союзы мелкихъ капиталовъ или труда, *общающіе новую эру жизни народной* („Русская Бесѣда“ 1858 г., II, 128).

Главнѣйшимъ и существеннымъ признакомъ общиннаго устройства славянофилы (за исключеніемъ Ал. Иван. Кошелева) признавали единогласіе въ рѣшеніяхъ.

Въ общинѣ совѣщаніе имѣетъ цѣлю общее согласіе. Понятно, что, при такомъ требованіи общаго согласія, согласіе не можетъ окончиться, пока всѣ не соединятся въ одну мысль, пока не будетъ общаго согласія, пока, говоря словами лѣтописи, *не снудутся въ любовь*; отсюда вытекаетъ начало единогласія при рѣшеніяхъ

нымъ присутствіемъ Св. Духа, есть церковь (I, 34—35). На личности, ставящей себя безусловнымъ мѣриломъ всего (это слова автора), можетъ основаться только искусственная ассоціація, уже осужденная исторіей; но абсолютной нормы, закона безусловно обязательнаго для всѣхъ и каждаго, изъ личности путемъ логики вывести невозможно, слѣдоват. не выведетъ его и исторія“ (стр. 41).

Современною исторіей Запада Самаринъ старался подкрѣпить основное значеніе общиннаго устройства и необходимость его для развитія человѣчества. Въ самомъ Западѣ на разныхъ тонахъ повторяется одна тема: скорбное признаніе несостоятельности личности человѣческой и безсилія такъ-называемаго индивидуализма. Что значать эти упреки современному обществу въ эгоизмъ и личной корысти? Они обратились теперь въ общія мѣста; но въ искренности основного чувства нельзя сомнѣваться. Почему вскорѣ послѣ іюльской революціи охладѣли къ политическимъ вопросамъ и прежнія строптивость и недоувѣрчивость къ верховной власти перешли въ потребность какого-то крѣпкаго, самостоятельнаго начала, собирающаго личность? Отчего эта потребность такъ сильно высказалась въ социальныхъ школахъ, вышедшихъ изъ революціи и ей обязанныхъ своимъ существованіемъ? Почему изъ терминологіи революціи: „свобода, личность, равенство“ — вытѣснены словами: общеніе, братство, и другими заимствованными изъ семейнаго или общиннаго быта? Указывая на Жоржъ Зандъ, которая въ „Консуэло, Жаннѣ, Comragnon du tour de France, Чертовой лужѣ“ отъ изображенія личности протестующей противъ общества, составляющаго главную тему ея прежнихъ произведеній, перешла къ изображенію красоты и спокойнаго могущества, самопожертвованія и самообладанія и мирной простоты семейнаго быта,—Самаринъ говорилъ, что въ отвѣтъ на краснорѣчивый голосъ Мицкевича (читавшаго въ 1840—1843 г. исторію славянскихъ литературъ въ Collège de France) взоры многихъ, въ томъ числѣ и Жоржъ-Зандъ, обратились къ славянскому міру, который понять ими какъ міръ общины, и обратились не съ однимъ любопытствомъ, а съ какимъ-то участіемъ и ожиданіемъ (I, 38—39). Не слѣдуетъ ли изъ всего этого, что германское племя или, точнѣе, германо-романскій міръ дошелъ до отвлеченной формулы, до требованія таковаго начала, которое составляетъ природу племени славянскаго, что послѣднее даетъ живой, въ самомъ бытіи его заключающійся отвѣтъ на послѣдній вопросъ

западнаго міра (I, 40). „Но замѣчательно, что славянофилы, признавая общину и общинное устройство явленіемъ чисто-славянскимъ, изъ-за повальнаго осужденія западнаго образованія и изъ чувства національной исключительности, относились недружелюбно къ тѣмъ явленіямъ европейской жизни, которыя, въ сущности, путемъ факта поддерживали справедливость ихъ теорій. Ю. О. Самаринъ говоритъ, что изъ германскаго (т.-е. западнаго) начала, предоставленнаго самому себѣ, изъ одной идеи личности не можетъ возникать иное общество, кромѣ искусственной, условной ассоціаціи (I, 40). Замѣтимъ, что Самаринъ въ этомъ случаѣ имѣлъ въ виду современное ассоціаціонное движеніе, что видно изъ его ссылки на книгу Штейна о социализмѣ. Хомяковъ говоритъ, что въ самой идеѣ коммунизма проявляется односторонность, которая лежитъ не столько въ разумѣ мыслителей, сколько въ односторонности понятій, завѣщенныхъ прежнею исторіей западныхъ народовъ. Наука старается только дать отвѣтъ на вопросъ, заданный жизнью, и отвѣтъ выходитъ односторонній и неудовлетворительный, потому что односторонность лежала уже въ вопросѣ, заданномъ тому 13 вѣковъ назадъ германскою дружиною, завоевавшею римскій міръ. Мыслители западные вертятся въ безысходномъ кругѣ потому только, что идея общины имъ недоступна. Они не могутъ никакъ идти дальше ассоціаціи (дружины) (I, 49—50).

Впрочемъ къ самому факту рабочихъ союзовъ Хомяковъ относится сочувственно; въ не вошедшемъ въ полное собраніе сочиненій предисловіи Хомякова къ переводу статьи Уэвеля „О началахъ англійскаго университетскаго воспитанія“, Хомяковъ въ числѣ великихъ движеній англійской жизни указываетъ, что въ Англій составляются въ громаднхъ размѣрахъ союзы мелкихъ капиталовъ или труда, *объщующіе новую эру жизни народной* („Русская Бесѣда“ 1858 г., II, 128).

Главнѣйшимъ и существеннымъ признакомъ общиннаго устройства славянофилы (за исключеніемъ Ал. Иван. Копелева) признавали единогласіе въ рѣшеніяхъ.

Въ общинѣ совѣщаніе имѣетъ цѣлю общее согласіе. Понятно, что, при такомъ требованіи общаго согласія, согласіе не можетъ окончиться, пока всѣ не соединятся въ одну мысль, пока не будетъ общаго согласія, пока, говоря словами лѣтописи, *не снудутся въ любовь*; отсюда вытекаетъ начало единогласія при рѣшеніяхъ

нымъ присутствіемъ Св. Духа, есть церковь (I, 34—35). На личности, ставящей себя безусловнымъ мѣриломъ всего (это слова автора), можетъ основаться только искусственная ассоціація, уже осужденная исторіей; но абсолютной нормы, закона безусловно обязательнаго для всѣхъ и каждаго, изъ личности путемъ логики вывести невозможно, слѣдоват. не выведетъ его и исторія“ (стр. 41).

Современною исторіей Запада Самаринъ старался подкрѣпить основное значеніе общиннаго устройства и необходимость его для развитія человѣчества. Въ самомъ Западѣ на разныхъ тонахъ повторяется одна тема: скорбное признаніе несостоятельности личности человѣческой и безсилія такъ-называемаго индивидуализма. Что значать эти упреки современному обществу въ эгоизмъ и личной корысти? Они обратились теперь въ общія мѣста; но въ искренности основного чувства нельзя сомнѣваться. Почему вскорѣ послѣ іюльской революціи охладѣли къ политическимъ вопросамъ и прежнія строптивость и недоувѣрчивость къ верховной власти перешли въ потребность какаго-то вѣриваго, самостоятельнаго начала, собирающаго личность? Отчего эта потребность такъ сильно высказалась въ соціальныхъ школахъ, вышедшихъ изъ революціи и ей обязанныхъ своимъ существованіемъ? Почему изъ терминологіи революціи: „свобода, личность, равенство“ — вытѣснены словами: общеніе, братство, и другими заимствованными изъ семейнаго или общиннаго быта? Указывая на Жоржъ-Зандъ, которая въ „Консуэло, Жаннѣ, Comragnon du tour de France, Чертовой лужѣ“ отъ изображенія личности протестующей противъ общества, составляющаго главную тему ея прежнихъ произведеній, перешла къ изображенію красоты и спокойнаго могущества, самопожертвованія и самообладанія и мирной простоты семейнаго быта,—Самаринъ говорилъ, что въ отвѣтъ на краснорѣчивый голосъ Мицкевича (читавшаго въ 1840—1843 г. исторію славянскихъ литературъ въ Collège de France) взоры многихъ, въ томъ числѣ и Жоржъ-Зандъ, обратились къ славянскому міру, который понять ими какъ міръ общины, и обратились не съ однимъ любопытствомъ, а съ какимъ-то участіемъ и ожиданіемъ (I, 38—39). Не слѣдуетъ ли изъ всего этого, что германское племя или, точнѣе, германо-романскій міръ дошелъ до отвлеченной формулы, до требованія такого начала, которое составляетъ природу племени славянскаго, что послѣднее даетъ живой, въ самомъ бытіи его заключающійся отвѣтъ на послѣдній вопросъ

западнаго міра (I, 40). „Но замѣчательно, что славянофилы, признавая общину и общинное устройство явленіемъ чисто-славянскимъ, изъ-за повальнаго осужденія западнаго образованія и изъ чувства національной исключительности, относились недружелюбно къ тѣмъ явленіямъ европейской жизни, которыя, въ сущности, путемъ факта поддерживали справедливость ихъ теорій. Ю. О. Самаринъ говоритъ, что изъ германскаго (т.-е. западнаго) начала, предоставленнаго самому себѣ, изъ одной идеи личности не можетъ возникнуть иное общество, кромѣ искусственной, условной ассоціаціи (I, 40). Замѣтимъ, что Самаринъ въ этомъ случаѣ имѣлъ въ виду современное ассоціаціонное движеніе, что видно изъ его ссылки на книгу Штейна о социализмѣ. Хомяковъ говоритъ, что въ самой идеѣ коммунизма проявляется односторонность, которая лежитъ не столько въ разумѣ мыслителей, сколько въ односторонности понятій, завѣщенныхъ прежнею исторіей западныхъ народовъ. Наука старается только дать отвѣтъ на вопросъ, заданный жизнью, и отвѣтъ выходитъ односторонній и неудовлетворительный, потому что односторонность лежала уже въ вопросѣ, заданномъ тому 13 вѣковъ назадъ германскою дружиною, завоевавшею римскій міръ. Мыслители западные вертятся въ безысходномъ кругѣ потому только, что идея общины имъ недоступна. Они не могутъ никакъ идти дальше ассоціаціи (дружины) (I, 49—50).

Впрочемъ къ самому факту рабочихъ союзовъ Хомяковъ относится сочувственно; въ не вошедшемъ въ полное собраніе сочиненій предисловіи Хомякова въ переводу статьи Уэвеля „О началахъ англійскаго университетскаго воспитанія“, Хомяковъ въ числѣ великихъ движеній англійской жизни указываетъ, что въ Англійи составляются въ громаднхъ размѣрахъ союзы мелкихъ капиталовъ или труда, *общающіе новую эру жизни народной* („Русская Бесѣда“ 1858 г., II, 128).

Главнѣйшимъ и существеннымъ признакомъ общиннаго устройства славянофилы (за исключеніемъ Ал. Иван. Кошелева) признавали единогласіе въ рѣшеніяхъ.

Въ общинѣ совѣщаніе имѣетъ цѣлю общее согласіе. Понятно, что, при такомъ требованіи общаго согласія, согласіе не можетъ окончиться, пока всѣ не соединятся въ одну мысль, пока не будетъ общаго согласія, пока, говоря словами Лѣтописи, *не снудутся въ любовь*; отсюда вытекаетъ начало единогласія при рѣшеніяхъ

нымъ присутвіемъ Св. Духа, есть церковь (I, 34—35). На личности, ставящей себя безусловнымъ мѣриломъ всего (это слова автора), можетъ основаться только искусственная ассоціація, уже осужденная исторіей; но абсолютной нормы, закона безусловно обязательнаго для всѣхъ и каждаго, изъ личности путемъ логики вывести невозможно, слѣдоват. не выведетъ его и исторія“ (стр. 41).

Современною исторіей Запада Самаринъ старался подкрѣпить основное значеніе общиннаго устройства и необходимость его для развитія человѣчества. Въ самомъ Западѣ на разныхъ тонахъ повторяется одна тема: скорбное признаніе несостоятельности личности человѣческой и безсилія такъ-называемаго индивидуализма. Что значать эти упреки современному обществу въ эгоизмъ и личной корысти? Они обратились теперь въ общія мѣста; но въ искренности основного чувства нельзя сомнѣваться. Почему вскорѣ послѣ іюльской революціи охладѣли къ политическимъ вопросамъ и прежнія строптивость и недовѣрчивость къ верховной власти перешли въ потребность какого-то вѣчнаго, самостоятельнаго начала, собирающаго личность? Отчего эта потребность такъ сильно высказалась въ соціальныхъ школахъ, вышедшихъ изъ революціи и ей обязанныхъ своимъ существованіемъ? Почему изъ терминологіи революціи: „свобода, личность, равенство“ — вытѣснены словами: общеніе, братство, и другими заимствованными изъ семейнаго или общиннаго быта? Указывая на Жоржъ-Зандъ, которая въ „Консуэло, Жаннѣ, Comragnon du tour de France, Чертовой лужѣ“ отъ изображенія личности протестующей противъ общества, составляющаго главную тему ея прежнихъ произведеній, перешла къ изображенію красоты и спокойнаго могущества, самопожертвованія и самообладанія и мирной простоты семейнаго быта, — Самаринъ говорилъ, что въ отвѣтъ на краснорѣчивый голосъ Мицкевича (читавшаго въ 1840—1843 г. исторію славянскихъ литературъ въ Collège de France) взоры многихъ, въ томъ числѣ и Жоржъ-Зандъ, обратились къ славянскому міру, который понятъ ими какъ міръ общины, и обратились не съ однимъ любопытствомъ, а съ какимъ-то участіемъ и ожиданіемъ (I, 38—39). Не слѣдуетъ ли изъ всего этого, что германское племя или, точнѣе, германо-романскій міръ дошелъ до отвлеченной формулы, до требованія такого начала, которое составляетъ природу племени славянскаго, что послѣднее даетъ живой, въ самомъ бытіи его заключающійся отвѣтъ на послѣдній вопросъ

западнаго міра (I, 40). „Но замѣчательно, что славянофилы, признавая общину и общинное устройство явленіемъ чисто-славянскимъ, изъ-за повальнаго осужденія западнаго образованія и изъ чувства національной исключительности, относились недружелюбно къ тѣмъ явленіямъ европейской жизни, которыя, въ сущности, путемъ факта поддерживали справедливость ихъ теорій. Ю. О. Самаринъ говоритъ, что изъ германскаго (т.-е. западнаго) начала, предоставленнаго самому себѣ, изъ одной идеи личности не можетъ возникнуть иное общество, кромѣ искусственной, условной ассоціаціи (I, 40). Замѣтимъ, что Самаринъ въ этомъ случаѣ имѣлъ въ виду современное ассоціаціонное движеніе, что видно изъ его ссылки на книгу Штейна о социализмѣ. Хомяковъ говоритъ, что въ самой идеѣ коммунизма проявляется односторонность, которая лежитъ не столько въ разумѣ мыслителей, сколько въ односторонности понятій, завѣщенныхъ прежнею исторіей западныхъ народовъ. Наука старается только дать отвѣтъ на вопросъ, заданный жизнью, и отвѣтъ выходитъ односторонній и неудовлетворительный, потому что односторонность лежала уже въ вопросѣ, заданномъ тому 13 вѣковъ назадъ германскою дружиною, завоевавшею римскій міръ. Мыслители западные вертятся въ безысходномъ кругѣ потому только, что идея общины имъ недоступна. Они не могутъ нивкакъ идти дальше ассоціаціи (дружины) (I, 49—50).

Впрочемъ къ самому факту рабочихъ союзовъ Хомяковъ относится сочувственно; въ не вошедшемъ въ полное собраніе сочиненій предисловіи Хомякова къ переводу статьи Уэвеля „О началахъ англійскаго университетскаго воспитанія“, Хомяковъ въ числѣ великихъ движеній англійской жизни указываетъ, что въ Англій составляются въ громаднхъ размѣрахъ союзы мелкихъ капиталовъ или труда, *общающіе новую эру жизни народной* („Русская Бесѣда“ 1858 г., II, 128).

Главнѣйшимъ и существеннымъ признакомъ общиннаго устройства славянофилы (за исключеніемъ Ал. Иван. Кошелева) признавали единогласіе въ рѣшеніяхъ.

Въ общинѣ совѣщаніе имѣетъ цѣлю общее согласіе. Понятно, что, при такомъ требованіи общаго согласія, согласіе не можетъ окончиться, пока всѣ не соединятся въ одну мысль, пока не будетъ общаго согласія, пока, говоря словами Лѣтописи, *не снудутся въ любовь*; отсюда вытекаетъ начало единогласія при рѣшеніяхъ

общины, начало славянское, отъ первыхъ временъ и доселѣ свято хранимое русскимъ народомъ. Понятно, что начало большинства есть начало, по которому согласіе является ненужнымъ,—начало насильственное, побѣждающее лишь физическимъ преимуществомъ: которыхъ больше, тѣ одолеваютъ которыхъ меньше.—Единогласіе трудно, но всякая высота нравственная трудна, и всего труднѣе быть христіаниномъ; изъ этого не слѣдуетъ, чтобы человѣкъ отказывался отъ нравственной высоты и отъ христіанства. Къ тому же тотъ народъ, который уже въ своей жизни положилъ начало общины и единогласія, несравненно легче его достигнетъ, чѣмъ тѣ, которые признаютъ преимущество большинства какъ право, какъ законъ. Здѣсь не мѣсто говорить о томъ, какъ славяне стремились даже въ первыхъ временахъ сохранить свое неотъемлемое начало единогласія; какъ рѣшались они скорѣй на бой другъ съ другомъ (?!), когда не могли согласиться, какъ бы наказывая тѣмъ себя за свое несовершенство; какъ лютичи прибѣгали къ насильственнымъ мѣрамъ, чтобы вынудить согласіе немногихъ, и все это единственно для того, чтобы не признать права большинства какъ законъ, какъ начало, чтобы въ законѣ не разорвать единства общины, единства высшаго начала—общаго согласія. Какъ скоро они не могли согласиться и несогласіе являлось какъ фактъ, они предоставляли ему обнаружиться, какъ факту, враждою, битвою, принужденіемъ насильственнымъ къ согласію; но иногда не признавали возможности несогласія какъ начала, не возводили несогласіе въ начало, признавая большинство и меньшинство разномыслящихъ и предоставляя меньшинство во власть большинства. Дальнѣйшій ходъ совершенствованія долженъ былъ состоять въ томъ, что согласіе будетъ возможнымъ и возможнымъ. Но на пути своемъ славяне встрѣтили препятствія: разныя искушенія и совершавшіяся видоизмѣненія въ ихъ судьбѣ не заставили ихъ отказаться отъ своего высокаго, своего жизненнаго начала: общины, согласія, свободы нравственной, безусловной. Наиболѣе удержали это начало славяне русскіе. Народъ нашъ держится ею во всей силѣ, и мы знаемъ, какъ онъ, когда вводится въ него другое начало, ограждаетъ отъ него свое жизненное сознание. Такъ на вопросъ, какъ идутъ выборы, одинъ крестьянинъ отвѣчалъ, что они мечутъ жребій шарами: кому больше выпадетъ, тотъ и избранъ. (Но какая же тутъ разница съ большинствомъ?!) И такъ, крестья-

нинъ не можетъ помириться съ разумностью большинства, не можетъ исказить своего высокаго разума этою нравственною и логическою нелѣпностью и называетъ баллотировку жеребьемъ, не уважая ее и признавая случайностью, неправдою. (?) Одинъ крестьянинъ, когда я ему старался объяснить смыслъ большинства и меньшинства, какъ рѣшенія вопроса, какъ достиженія истины дѣла, подумалъ и сказалъ: это не есть правда человѣка.—Понятно, что въ общинѣ, основанной на живомъ началѣ свободы нравственнаго согласія, слово „совѣщаніе“ должно имѣть великое мѣсто, ибо насильственнаго исхода для большинства нѣтъ, и люди должны сговориться, убѣдить другъ друга, совѣщаться, согласиться. И точно, въ русской исторіи мы безпрестанно видимъ общественныя совѣщанія въ меньшемъ и большемъ видѣ. Вездѣ дума и рѣчь; дума и рѣчь необходимы—какъ проявленія человѣческой жизни, какъ путь къ согласію и общему дружному, прочному дѣлу, какъ выраженіе человѣческой жизни, человѣческой свободы, какъ и подобаешь человѣку (292—294, вариантъ 298—299). Понятно, съ какимъ ужасомъ прочелъ К. С. Авсаковъ въ проектѣ Положенія (до обнародованія его Авсаковъ не дожилъ) предположеніе, потомъ измѣненное (можетъ быть даже вслѣдствіе его протеста), о томъ, что на крестьянскихъ сходахъ всѣ дѣла рѣшаются для большинства голосовъ (въ утвержденномъ Положеніи измѣнено: „съ общаго согласія или большинствомъ голосовъ“. Общ. Пол. ст. 53). Авсаковъ написалъ въ 1859 г. рѣзкое и озлобленное письмо къ кн. Черкасскому: „Вы предоставляете себѣ опредѣлить, когда міръ есть міръ. Первый—non sens и первая дерзость противъ народа. Когда міръ признаетъ себя міромъ, тогда онъ и міръ. Другаго опредѣленія тутъ быть не можетъ. Вы говорили: но въ такомъ случаѣ нѣсколько лицъ могли бы рѣшить дѣло всего общества. Предоставляя это самому обществу, дайте ему болѣе простору. Повѣрьте, ужъ оно само позаботится, чтобы нѣсколько человѣкъ не рѣшали за него его дѣло. Хорошъ міръ, когда не самъ себя признаетъ и опредѣляетъ. Предоставьте что-нибудь человѣку самому. Вѣдь вы не со скотами имѣете дѣло, а напротивъ—съ народомъ, который въ общественномъ дѣлѣ смыслить гораздо побольше васъ, членовъ благороднаго дворянскаго собранія. Но далѣе, посягнувши на самостоятельность самого міра, вы посягаете на самостоятельность его рѣшенія. Вы рѣшаетесь опредѣлять ему, что такое есть его соб-

ственное рѣшеніе, рѣшаетесь наступить на то начало, которое составляетъ самую основную его силу, тайну его жизни, именно—единогласіе. Вы вводите большинство, эту дивую матеріальную силу, которая большею частью изъ чувства рабскаго подобострастія передъ Европой и признается нами,—большинство столь противное духу Русской земли („Замѣчанія на новое административное устройство крестьянъ въ Россіи“. 1861 г., 9—11). Мы согласны,—оговаривается Аксаковъ,—что, съ точки зрѣнія государственности строго развитой, начало единогласія является *не практическимъ*, но также точно какъ и любовь братская, самопожертвованіе, всякая добродѣтель и вообще вся нравственная сторона человѣка является не практической“. По мнѣнію Самарина, способ рѣшенія по большинству запечатлѣваетъ распаденіе общества на большинство и меньшинство и разложеніе общиннаго начала; вѣче, выраженіе его—нужно было именно для того, чтобы примирить противоположности; цѣль его—вынести и спасти единство; отъ этого оно обыкновенно оканчивается въ лѣтописяхъ формулою: *сמידошася вси въ любовь* (I, 57). Хомяковъ раздѣляетъ то же мнѣніе: „большинство есть выраженіе грубо-вещественнаго превосходства, а единодушіе—выраженіе высоконравственнаго единства, въ которомъ всѣ отдѣльные члены, частныя лица, теряютъ свою строптивую личность, а община выступаетъ какъ нравственное лице (Соч. I, 464). На земскихъ соборахъ возможность единодушія, удивительная по теперешнимъ понятіямъ, объясняется весьма просто—изъ тогдашняго быта. Основую мнѣнія были не личныя, шаткія и произвольныя понятія, естественно склонныя къ разногласію, но древній обычай, который одинъ для всѣхъ русскихъ, и прямой законъ божественный, который одинъ для всѣхъ православныхъ“ (Соч. I, 382—383). Выше я привелъ опыты со стороны Ал. Иван. выбора старостъ на сходѣхъ, причѣмъ въ первый разъ крестьяне отнеслись безъ всякаго участія, а во второй, понявъ суть дѣла, раздѣлились на партіи, такъ что пришлось прибѣгнуть къ голосованію и остановиться на лицахъ получившихъ большее число голосовъ. Сторонникъ единогласія, какъ основного признака у насъ сельской общины, Хомяковъ отвѣчаетъ на это слѣдующимъ образомъ: Очевидно, еслибъ опытъ, тобою сдѣланный, доказывалъ что-нибудь, то онъ бы доказалъ или совершенное равнодушіе крестьянъ къ міровой сдѣлкѣ, или невозможность

единогласія. Но ни равнодушія нельзя предположить во множествѣ деревень, гдѣ миръ изстари рѣшаетъ всѣ дѣла и даже самовластно распоряжается судьбою своихъ членовъ (отдавая въ батрачество, рекрутство и даже на поселеніе), ни невозможности единогласія, которое также изстари ведется въ этихъ же деревняхъ. Что же доказываетъ твой опытъ?—Ничего противъ общины или противъ единогласія, но, еъ несчастію, весьма много противъ вреда, приносимаго нами (т.-е. помѣщиками) землѣ Русской. Твои предшественники во владѣніи прервали сходку и отучили крестьянъ отъ права обычнаго, замѣнивъ его произволомъ своимъ или управительскимъ. Тебѣ трудно было возстановить нить прерваннаго обычая и отучить отъ помочей ребенка, котораго водили на нихъ слишкомъ долго; но мнѣ кажется, или, лучше сказать, я увѣренъ, что ты слишкомъ скоро отсталъ. Потребовалъ бы отъ міра рѣшенія, и очень скоро память стараго обычая, чувство нравственной правды и примѣръ другихъ міровъ (если есть сходка въ сосѣдствѣ) привели бы опять дѣло въ порядокъ („Рус. Арх.“ 1884 года, IV, 262). Замѣчательно, что одинъ изъ самыхъ ярыхъ противниковъ славянофиловъ, К. Д. Кавелинъ въ этомъ случаѣ сошелся съ ними. Кавелинъ указываетъ, что, по убѣжденію большинства крестьянъ, единогласное рѣшеніе домохозяевъ есть непремѣнное условіе всякаго распоряженія ими общиннымъ владѣніемъ. Что крестьяне дѣйствительно такъ понимаютъ дѣло, извѣстно всякому, кто приглядывался къ быту великорусскихъ и бѣлорусскихъ деревень. Скажемъ болѣе: это—старинный взглядъ всѣхъ славянскихъ племенъ. Требованіе единогласнаго вердикта отъ англійскихъ присяжныхъ, безъ сомнѣнія, вытекаетъ изъ того же стародавняго воззрѣнія. Обычай единогласія, до сихъ поръ глубоко вкорененный въ нашемъ великорусскомъ крестьянствѣ, вполне объясняетъ, почему славянофилы видѣли въ нашей общинѣ живую единицу, связанную полнымъ единодушіемъ всѣхъ ея членовъ, и признаютъ за выраженіе ея мнѣнія не большинство голосовъ, а полное согласіе всѣхъ; понятнымъ становится также, почему, по той же теоріи, лице не поглощается общиной, не подчиняется ея силѣ, а добровольно и непринужденно присоединяется къ его рѣшенію, сливается съ нимъ въ любви. Эта теорія оправдывается исторически тѣмъ, что она высказываетъ существующій фактъ, а теоретически—тѣмъ, что навсегда останется идеаломъ, хотя можетъ-быть,

при сильномъ развитіи индивидуализма, и недостижимымъ для общины. Во всякомъ случаѣ вопросъ о представительствѣ меньшинства, занимающій лучшіе умы Англій, показываетъ что рѣшеніе по большинству голосовъ не разрѣшаетъ задачи въ смыслѣ приблизительно вѣрнаго выраженія общественнаго мнѣнія („Общинное землевладѣніе“. С.-Пб. 1876 г., 13 и 14). Въ требованіи единогласія при рѣшеніяхъ со стороны славянофиловъ было много справедливаго. Кто присмотрѣлся къ крестьянскимъ неофициальнымъ сходкамъ, когда крестьяне соберутся толковать о дѣйствительно интересующемъ ихъ дѣлѣ, тотъ согласится съ слѣдующимъ замѣчаніемъ. Часто мнѣніе большинства схода оспариваетъ очень незначительная часть, сходъ расходится съ тѣмъ, чтобы сойтись опять, собираются два-три раза и кончается тѣмъ, что сговорятся и иногда сходъ согласится съ меньшинствомъ; очевидно, что здѣсь меньшинство ограждено больше, нежели при счетѣ голосовъ. Съ другой стороны, практика земскихъ собраній выяснила, что рѣшеніе по голосамъ развило всякіе посторонніе и неблаговидные приемы для привлеченія голосовъ; что иногда шальной голосъ рѣшаетъ дѣло въ неправую сторону; что рѣшеніе на голоса мѣшаетъ обсужденію,—зачѣмъ терять слова, когда знаешь, что рѣшеніе зависить не отъ силы убѣжденія, а отъ механическаго счета; что ловкій предсѣдатель можетъ воспользоваться всякимъ удобнымъ случаемъ и, зная хорошо образъ мыслей и привычки гласныхъ, предложить на обсужденіе интересующій его вопросъ именно тогда, когда онъ увѣренъ въ самомъ незначительномъ большинствѣ. Но „сойтись на любовь“ можетъ только общество совершенно однородное, обсуждающее вопросы простые и всѣмъ равно извѣстные; тамъ оппозиція руководится только личными расчетами, невольно уступающими въ виду несочувствія большинства. Но когда вопросы осложнились, когда составились партіи съ опредѣленными убѣжденіями, когда приходится отказываться не отъ личнаго желанія, которое трудно поддерживать, если видишь общее противъ него сопротивленіе, а отъ цѣльнаго убѣжденія, отъ котораго отказываться для порядочнаго человѣка не мыслимо,—тогда „сойтись на любовь“ невозможно и единственный способъ рѣшенія состоитъ въ голосованіи.

Такимъ образомъ, вся задача философіи общества у славянофиловъ заключается *въ отрицаніи личности, какъ исключительной основы для построенія общества, какъ его исходной точки.* Дѣй-

ствительно, на личности (эгоизмъ) совершенно послѣдовательно построить теорію общества—нельзя.

Полемика о русской сельской общинѣ открыта была въ нашей литературѣ появленіемъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ за 1856 годъ статьи Б. Н. Чичерина „Обзоръ историческаго развитія сельской общины въ Россіи“ (кн. 3 и 4), на которую помѣстилъ свои возраженія И. Д. Бѣляевъ въ первой же книжкѣ вышедшей въ 1856 году „Рус. Бесѣды“.

Самъ Чичеринъ главные результаты своего изслѣдованія излагаетъ въ слѣдующемъ видѣ:

1) Что наша сельская община вовсе не патріархальная, не родовая, а *государственная*; она не образовалась изъ естественнаго союза людей, а *устроена правительствомъ, подъ непосредственнымъ вліяніемъ государственныхъ началъ.*

2) Что она вовсе не похожа на общины другихъ славянскихъ племенъ, сохранившихъ первобытный свой характеръ посреди историческаго движенія; она имѣетъ свои особенности, но онѣ вытекаютъ собственно изъ русской исторіи, не имѣющей никакого сходства съ исторіей западныхъ славянскихъ племенъ.

3) Что наша сельская община имѣла свою исторію и развивалась по тѣмъ же началамъ, по какимъ развивался общественный и государственный бытъ Россіи. Изъ родовой общины она сдѣлалась владѣльческою и изъ владѣльческой государственною. Средневѣковыя общинныя учрежденія не имѣли ничего сходнаго съ нынѣшними; тогда не было ни общаго владѣнія землею, ни ограниченія правъ наслѣдства отдѣльныхъ членовъ, ни передѣла полей, ни ограниченія права перехода на другія мѣста, ни соединенія земледѣльцевъ въ большія села, ни внутренняго суда и расправы, ни общинной полиціи, ни общинныхъ хозяйственныхъ учреждений. Все ограничивалось сборомъ податей и отправленіемъ повинностей въ пользу землевладѣльца, и значеніе сельской общины было чисто-владѣльческое и финансовое.

4) Настоящее устройство сельскихъ общинъ вытекло изъ самыхъ сословныхъ обязанностей, наложенныхъ на земледѣльцевъ въ концѣ XVI вѣка, и преимущественно изъ укрѣпленія ихъ къ мѣстамъ жительства и отъ разложенія податей на души („Опыты изъ истор. рус. права“, стр. 57). Чтобы показать ту общую исходную точку, которой вообще придерживается авторъ, мы при-

ведемъ еще одно изъ основныхъ положеній Чичерина: „Радикаль- нья преобразованія въ учрежденіяхъ не могутъ не подѣйствовать на самыя права; съ теченіемъ времени новый, водворенный ими порядокъ вещей дѣлается жизненною привычкою, такъ что трудно отъ него и отстать. Слѣды преобразованій остаются даже и на характерѣ народномъ, который развивается въ ту или другую сторону, смотря по тому, подѣ какому вліяніемъ живетъ общество. Вообще учрежденія не представляютъ одного только поверхностнаго явленія въ исторіи народа,—они составляютъ самую общественную жизнь, они—произведеніе общественнаго его духа“ (стр. 134).

Г. Бѣляевъ пришелъ къ совершенно противоположному результату. По его мнѣнію, „община не была связана съ землею, а жила въ характерѣ народа, въ историческомъ развитіи общественной жизни на Руси. Народонаселеніе свободно сходилось и расходилось, селилось то на той, то на другой землѣ, но всегда селилось общинами: другаго быта, другаго образа жизни русскій народъ не признавалъ и не хотѣлъ признавать“ („Рус. Бесѣда“, 1856, I, 120). „Причина, почему община не распадалась совершенно, заключалась не въ хозяйственной цѣли, а лежала гораздо глубже, именно—въ самомъ духѣ народа, въ складѣ русскаго ума, который не любитъ и не понимаетъ жизни внѣ общины, который даже въ своей родной кровной семьѣ хочетъ видѣть общину, товарищество, и семью называетъ домою, а представителя земли—хозяиномъ“ (стр. 115) Обѣ эти теоріи—и г. Чичерина, и г. Бѣляева—представляются до сихъ поръ гипотезами, съ строгой научной точки зрѣнія окончательно не провѣренными. Стать безусловно на сторону Чичерина нельзя уже потому, что такой народный бытовой институтъ, проникающій всѣ отношенія и стороны жизни крестьянскаго сословія, словомъ закона не можетъ ни сложиться, ни разрушиться, если послѣднему не поможетъ насильственное и продолжительное обезземеленіе всѣхъ мелкихъ общинниковъ. Критическій разборъ мнѣній Чичерина и Бѣляева не относится къ нашей задачѣ,—мы должны ограничиться рѣшеніемъ частнаго вопроса, какъ сложилось понятіе объ общинѣ въ умѣ Ал. Ивановича и въ какомъ видѣ оно было имъ выражено. Въ полемикѣ объ общинѣ Ал. Иван. является уже горячимъ защитникомъ общины и такимъ онъ остается до конца. Къ первой статьѣ Бѣляева Ал. Иван. присоединилъ редакціонное примѣчаніе, имъ подписанное, гдѣ говоритъ слѣдующее:

„Мы весьма благодарны г. Чичерину за возбужденіе важнаго вопроса о сельской общинѣ, за совокупленіе во едино и уясненіе главныхъ доводовъ, коими повидимому опровергается исконное существованіе общины у насъ въ Россіи; но думаемъ, что уже теперь, по прочтеніи живой, крайне заманчиво написанной статьи г. Чичерина и строго-ученаго отвѣта г. Бѣляева, можно вывести слѣдующія заключенія:

„1) Что наша община есть не патріархальная, не родовая, не государственная, а по преимуществу товарищеская или, вѣрнѣе сказать, мірская. Она не устроена правительствомъ, а образовалась изъ самаго быта русскихъ людей; правительство же только мудро воспользовалось тѣмъ, что уже существовало въ нравахъ и обычаяхъ народа.

„2) Что русская община имѣетъ конечно свои особенности, которыя вытекаютъ собственно изъ русской исторіи, но въ главныхъ чертахъ (въ общинномъ владѣніи землею, въ выборѣ начальниковъ, въ сущности власти этихъ начальниковъ, въ братскомъ товариществѣ членовъ общины и проч.) она тождественна съ общинами другихъ славянскихъ земель,—разумѣется, на сколько эти послѣднія общины не были искажены вліяніемъ римства и истекающихъ изъ него гражданскихъ учрежденій.

„3) Что наша сельская община, съ древнѣйшихъ историческихъ временъ и до нынѣ, сохранила всѣ отличительныя черты, которыми она рѣзко отличается отъ западныхъ германскихъ и прочихъ общинъ,—черты, составляющія главную основу порядка и величія въ настоящемъ и служація залогомъ благосостоянія и могущества Россіи въ будущемъ. Изъ статьи г. Бѣляева видно, на основаніи историческихъ свидѣтельствъ, что издавна было у насъ общинное владѣніе землею, что были передѣлы земли и что были общинные суды и расправы. Продажи земель конечно совершались, но онѣ или касались лично-собственныхъ земель, или представляли только замѣнъ одного тяглаго лица другимъ. Были ли въ древней Россіи большіе поселки, сколь много ихъ было,—это къ настоящему дѣлу мало относится, ибо общины могутъ равно существовать какъ въ большихъ, такъ и въ малыхъ деревняхъ. Что же касается до переходовъ народонаселенія съ мѣста на мѣсто, цѣлыми деревнями или отдѣльными лицами, то они ни мало не уничтожали общиннаго начала въ народѣ, что, впрочемъ, на дѣлѣ доказывается подвиж-

ными артелями, существующими и нынѣ въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи.

„4) Настоящее устройство сельскихъ общинъ вышло не изъ словныхъ обязанностей, наложенныхъ на земледѣльцевъ съ конца XVI вѣка, не изъ прикрѣпленія ихъ къ мѣстамъ жительства и не изъ разложенія податей на души, а изъ тысячелѣтней жизни русскаго народа и государства. Впрочемъ это очевидно также какъ изъ того, что закономъ трудно, вѣрнѣе сказать—невозможно укоренить въ нравахъ и обычаяхъ то, чего въ нихъ нѣтъ самобытно, такъ и изъ того, что общинное устройство существуетъ и тамъ, куда правительственныя распоряженія почти не заглядывали, а именно—въ помѣщичьихъ имѣніяхъ. Во всѣхъ вотчинахъ (особенно въ сѣверныхъ губерніяхъ), гдѣ власть помѣщичья не уничтожала прямо и положительно мірскаго управленія, общества очень сильны и живы; сверхъ того замѣчательно, что даже въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ сходки, судъ стариковъ, выборы и мірское управленіе въ деревняхъ были уничтожены помѣщиками или ихъ управляющими, снова всѣ эти обычаи оживали и укоренялись, какъ только слабѣла или устранялась власть, препятствовавшая ихъ развитію“ (146—147).

Статья г. Бѣляева вызвала отзывы съ разныхъ сторонъ, такъ что „Рус. Бесѣда“ сдѣлалась центромъ того ученія, которое въ разныхъ видахъ поземельной общины у славянъ видѣло *народное*, а не *государственное* учрежденіе. Первый отозвался профес. Иванищевъ, помѣстившій въ „Рус. Бесѣдѣ“ (1857 г. кн. 3) весьма важную и сообщавшую совершенно новыя данныя статью „О древнихъ сельскихъ общинахъ въ юго-западной Россіи“, изъ которой обнаружилось, что въ юго-западной Россіи сельскія общины имѣли правосуда даже надъ помѣщиками въ извѣстномъ отношеніи и начали утрачивать это право только съ XVII столѣтія. Извѣстный польскій ученый Мацѣевскій прислалъ въ „Рус. Бесѣду“ статью „Голосъ изъ Польши по случаю спора современныхъ русскихъ писателей о началѣ и развитіи общины“, гдѣ Мацѣевскій набрасываетъ вкратцѣ свою теорію происхожденія русской общины—какъ народнаго, а не государственнаго учрежденія—путемъ сравнительнаго изученія древне-германской, древне-славянской и литовской общины („Рус. Бес.“ 1859 г. кн. VI, 65—80). Милечевичъ помѣстилъ статью „Семейная община по селамъ сербскимъ“ (1858 г., кн. III, 98) и „Сербская община“, гдѣ онъ рассматриваетъ преимущественно сельскія об-

щины въ Сербіи (1859 года, кн. VI, 49). Ковалекинъ (К.) изложилъ въ IV-й кн. „Рус. Бесѣды“ за 1859 г. (стр. 211) содержаніе изслѣдованія Утешеновича о семейныхъ общинахъ или задругахъ южныхъ австрійскихъ славянъ („Die Hauscommunioneu der Sudslaven“, v. Wien, 1859 г.).

Хомяковъ раньше и глубже всѣхъ своихъ современныхъ единомышленниковъ пошелъ въ изученіи общины и высказалъ еще въ 1849 году положенія, дальше которыхъ ученіе объ общинѣ не подвинулось и теперь. Надо замѣтить, что Ал. Иван. съ самаго начала былъ въ числѣ *противниковъ* общины и въ этомъ смыслѣ написалъ Хомякову два письма, напечатанныя нами въ приложеніи осьмомъ (№№ 21 и 22). Въ проектѣ, составленномъ Ал. Иван. въ 1850 году, предполагалось надѣлить увольняемыхъ крестьянъ землею семейными участками, поступающими въ личную собственность (проектъ, напечатанный въ прилож. VI, § 38), что впрочемъ обусловливалось самымъ положеніемъ объ увольненіи крестьянъ въ свободныя хлѣбопашцы, ставившимъ такой порядокъ надѣла непремѣннымъ условіемъ заключенія договора. Отвѣтъ Хомякова на первое письмо Кошелева, напечатанный въ „Рус. Арх.“ 1884 года, содержитъ всю теорію общины, какъ она сложилась въ представленіи главы славянофильскаго ученія. Хомяковъ въ письмѣ излагаетъ слѣдующія основныя положенія, въ видѣ краткихъ замѣтокъ, не снабженныхъ вполне развитыми доказательствами, но свидѣтельствующихъ ту силу вѣрно угадывающаго синтеза, которою одаренъ былъ этотъ необыкновенный человекъ. Положенія эти, излагаемыя собственными словами приводимаго письма, слѣдующія:

1. Общность земель не противна усовершенствованію хлѣбопашества. Хомяковъ приводитъ, что первые слѣды усовершенствованія хозяйства находятся въ разказахъ о поморахъ, гдѣ владѣніе было общинное; и кромѣ того Хомяковъ указываетъ на Пермь и вообще сѣверную Россію. При этомъ онъ заявляетъ, что вѣроятно, при полнѣйшемъ развитіи общины, 20 или 30-лѣтнее владѣніе будетъ поставлено условіемъ общимъ и кореннымъ и тогда главное затрудненіе (передѣлы) будетъ устранено.

2. Общинѣ приносятся въ жертву не выгоды общества, а нѣкоторая часть неограниченныхъ правъ лица индивидуальнаго, что, по-моему, не можетъ считаться убыткомъ, ибо вознаграждается съ лихвою.

3. Община есть одно уцѣлѣвшее гражданское учрежденіе всей русской исторіи. Отними его, не остается ничего, изъ его же развитія можетъ развиваться цѣлый гражданскій міръ.

4. Общинное устройство, будучи ограничено, замѣнится у насъ по необходимости расширеніемъ административности.

5. Признаемъ сперва міровое устройство *чѣмъ-то прекраснымъ и драгоценнымъ* для человѣчества; понятно, что оно по преимуществу возможно для той земли, гдѣ оно существуетъ доселѣ и гдѣ не нужно его создавать или вводить, а только расширить или, лучше сказать, допустить до расширенія.

6. Община хлѣбопашественная, очевидно, всѣхъ легче устроивается и повидимому всѣхъ полезнѣе; Россія же—земля и теперь, и надолго, по преимуществу, хлѣбопашественная.

7. Основныхъ формъ сельскаго быта только двѣ: одна—англійская, сосредоточеніе собственности въ немногихъ рукахъ, другая—французская послѣ революціи, безконечное дробленіе собственности. Первая очень выгодна для сельскаго хозяйства и усиливаетъ до невѣроятности массу богатства, но за то безземеліе большинства и антагонизмъ капитала и труда доводятъ въ ней язву пролетаріата до безчеловѣчной и непремѣнно разрушительной крайности. Въ ней страшныя страданія и революціи впереди. Вторая форма невыгодна для хозяйства, замедляетъ его и во многихъ случаяхъ (именно тамъ, гдѣ нужны значительныя силы для побѣжденія какой-нибудь преграды) дѣлаетъ его совершенно невозможнымъ; но введеніе этой системы во Франціи удаляетъ, а можетъ-быть даже устраняетъ во Франціи навсегда нашествіе пролетаріата, ибо онъ мало извѣстенъ въ сельскомъ быту и является, въ видѣ исключенія, въ нѣкоторыхъ слишкомъ неблагодарныхъ мѣстностяхъ. Но за то эта форма имѣетъ другой существенный недостатокъ: это—полная разъединенность. Разъединенность же есть полное оскудѣніе нравственнаго начала, а оскудѣніе нравственнаго начала—въ то же время и оскудѣніе силъ умственныхъ. Поземельная община, соединяя экономическія выгоды обѣихъ формъ и предохраняя отъ пролетаріата, есть для народа лучшая школа, гдѣ пріобрѣтается нравственное воспитаніе. Слышать только о дѣлѣ общемъ и потомъ въ немъ участвовать, слышать съ дѣтства судъ и расправу, видѣть, какъ эгоизмъ челоуѣка становится безпрестанно лицомъ къ лицу съ нравственною мыслью объ общемъ, о совѣсти, законѣ обычномъ,

вѣрѣ, и подчиняться этимъ высшимъ началамъ—это развитіе не только нравственности, но и ума.

8. Община есть единственная справедливая и нормальная помощь бѣдности. При общинѣ возможна только временная нищета, ибо всѣ члены общины суть товарищи и пайщики. Взаимное вспоможеніе имѣеть уже характеръ не милостыни, не подаванія невольнаго, которое владеть скудный кусокъ нищему въ ротъ для того только, чтобъ онъ не вздумалъ взять себѣ пищу насильно, но обязанности общественной, истекающей изъ самаго отношенія товарищей другъ въ другу и обусловленной взаимною и общею пользою. Русская поговорка говоритъ: кормится сирота, растетъ міру работникъ.

9. Что касается до приложенія общиннаго начала къ фабричной и ремесленной промышленности, то отвѣтъ положительный и опредѣленный мнѣ кажется невозможнымъ въ наше время (писано въ 1849 году); возможна только догадка, основанная на вѣроятности, а вѣроятность — въ пользу общины. Всеобщее стремленіе во всей Европѣ свидѣтельствуетъ объ одномъ — о борьбѣ капитала и труда и о необходимости помирить этихъ двухъ соперниковъ или слить ихъ выгоды. Стремленіе всеобщее и разумное встрѣчаетъ вездѣ неудачу; неудача же происходитъ не отъ какой-нибудь теоретической невозможности, но отъ невозможности практической, именно отъ нравовъ рабочаго класса. Эти нравы, — плодъ жизни, убившей всю старину съ ея обычаями, — не допускаютъ ничего истинно-общаго, ибо не хотятъ уступить ничего изъ правъ личнаго произвола. Для нихъ недоступно убѣжденіе, что эта уступка есть уже сама по себѣ выгода для лица; ибо, уступая часть своего произвола, оно становится тамъ какъ лице нравственное, прямо дѣйствующее на всю массу общественную посредствомъ живаго, а не просто отвлеченнаго или словеснаго общенія. Это убѣжденіе будетъ доступно или, лучше сказать, необходимо присутствію человѣку, выросшему на общинной почвѣ. *Община промышленная есть или будетъ развитіемъ общины земледѣльческой.* Учрежденіе въ Россіи артелей довольно извѣстно; оно оцѣнено иностранцами; оно имѣеть кругъ дѣйствія шире всѣхъ подобныхъ учреждений въ другихъ земляхъ. Отчего? — оттого, что въ артель собираются люди, которые съ малыхъ лѣтъ уже жили по своимъ деревнямъ жизнью общинною. Въ артеляхъ мало, почти нѣтъ мѣ-

щанъ, мало дворовыхъ. Вся основа—крестьяне или выпедшіе изъ крестьянства. Это не случайность, а слѣдствіе нравственнаго закона и жизненныхъ привычекъ. Конечно, я не знаю ни одного примѣра совершенно промышленной общины въ Россіи, такъ сказать фаланстера, но много есть похожаго: напримѣръ, есть мельницы, эксплуатируемыя на паяхъ, есть общія деревенскія земли и, что еще ближе, есть деревни, которыя у купцовъ снимаютъ работу и раздаютъ ее у себя по домамъ. Все это не развито; да у насъ вся промышленность не развита. Народъ не познакомился съ машинами, естественная жизнь торговли нарушена. Когда простѣе устроится нашъ общій бытъ,—всѣ начала разовьются и торговая или, лучше сказать, промышленная община образуется сама собою.

И. С. Аксаковъ помѣстилъ въ „Русской Бесѣдѣ“ извѣстіе о ремесленномъ союзѣ въ Ярославской губерніи, гдѣ крестьяне бывшихъ вотчинъ г-жи Марковой и кн. Оболенской, въ числѣ 400 душъ, занимались выдѣлкой деревянныхъ ящиковъ для химическихъ товаровъ; крестьяне принимали заказы и распредѣляли работу по приговорамъ мірскаго схода. Аксаковъ при этомъ указываетъ, что нашъ крестьянскій бытъ, со своимъ общиннымъ поземельнымъ владѣніемъ, вноситъ въ науку политической экономіи новое оригинальное экономическое возрѣніе, едва вмѣстимое (?) умственнымъ горизонтомъ западныхъ мыслителей („Рус. Бесѣда“ 1858 г., II, 209). Интересно, что къ вопросу объ артеляхъ пришелъ въ то же время, совершенно самостоятельно и независимо, кружокъ другихъ мыслителей. Изъ числа кружковъ, примыкавшихъ къ Буташевичу-Петрашевскому, гдѣ вопросъ объ освобожденіи крестьянъ поставленъ былъ на первомъ планѣ, нѣкоторые сходились съ славянофилами не только стремленіемъ къ самодѣятельности и народности, но и православно-религіознымъ настроеніемъ. Къ числу таковыхъ относился Ѡ. М. Достоевскій. Миллеръ, въ матеріалахъ, собранныхъ для біографіи Достоевскаго, между прочимъ приводитъ указаніе, какъ Достоевскій относился къ западнымъ соціальнымъ теоріямъ. Считая авторовъ этихъ теорій честными фантазерами, Достоевскій настаивалъ, что всѣ эти теоріи не имѣютъ для насъ никакого значенія, что мы должны искать источниковъ для развитія русскаго общества не въ ученіяхъ западныхъ социалистовъ, а въ жизни и въ вѣковомъ строѣ нашего народа, гдѣ въ общинѣ, артели и круговой порукѣ давно уже существуютъ основы болѣе прочныя и нор-

мальные, чѣмъ всѣ мечтанія Сенъ-Симона и его школы (Соч. Достоевскаго, I). Тѣмъ не менѣ славянофилы, несмотря на сходство стремленій, никогда не сходились съ этимъ кружкомъ, даже враждебно смотрѣли другъ на друга. А. Н. Плещеевъ писалъ изъ Москвы очень не лестную характеристику Хомякова и Аксакова.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Хомяковъ признаетъ за крестьянами право личной поземельной собственности. Личная дѣятельность и предприимчивость, говоритъ Хомяковъ, должны имѣть свои права и свой кругъ дѣйствія; довольно того, что они всегда будутъ находить точку опоры въ сельскомъ мірѣ и что въ немъ же или черезъ него они будутъ мириться съ общественностью, не вырастая никогда до эгоистической разрозненности. *То же будетъ и съ нами* (т.-е. съ личными предпринимателями). Но это еще впереди и какъ Богъ дастъ. Допустимъ начало, а оно само себя создастъ просторъ.

Вообще на вопросъ объ общинѣ Хомяковъ смотритъ несравненно серьезнѣе своихъ современниковъ. По его убѣжденію, это вопросъ, безспорно, самый важный изъ всѣхъ не только русскихъ, но и вообще современныхъ вопросовъ, хотя его важность далеко не вполне понятна у насъ и, можетъ - быть, совсѣмъ непонятна въ чужихъ краяхъ. Со-временемъ мы сростемся съ общиною. Но какъ, этого рѣшить нельзя. Смѣшно было бы взять на себя все предвидѣть („Рус. Арх.“ 1884 г., IV, 261—269).

Съ экономической стороны вопросъ объ общинномъ землевладѣніи впервые поднять былъ въ „Экономическомъ Указателѣ“, издававшемся бывшимъ профессоромъ Вернадскимъ (1857—1858 г.). Въ февралѣ 1857 года (№№ 5, 7, 9 и 10) помѣщена была статья главнаго инспектора сельскаго хозяйства на югѣ Россіи, Струкова, „Опытъ изложенія главнѣйшихъ условій успѣшнаго сельскаго хозяйства“,—статья, обратившая въ свое время общее на себя вниманіе. Струковъ подробно разбираетъ препятствія, мѣшающія успѣхамъ у насъ сельскаго хозяйства, а именно обязательный трудъ, исключительное право на владѣніе поземельною собственностью со стороны привилегированнаго меньшинства и форму общиннаго владѣнія, гдѣ она сохранилась какъ остатокъ низшей культуры. Въ доказательство невыгодности общественнаго владѣнія выставляются слѣдующія двѣ теоремы, которыя и выражаютъ сущность возраженій противъ общиннаго владѣнія: 1) общественное пользование можетъ продолжаться съ выгодою только до тѣхъ поръ,

пока не изсякнетъ естественное плодородіе земли для обезпеченія небольшихъ нуждъ жителей, и 2) оно удерживаетъ развитіе нравственныхъ и вещественныхъ силъ земледѣльцевъ и успѣхи сельскаго хозяйства на самой низкой степени, особенно если край лишенъ еще выгодъ торговаго и ремесленнаго движенія (№ 10, стр. 230). Съ этой точки зрѣнія Струковъ съ безапелляціонною рѣзкостью возстаетъ противъ общиннаго владѣнія: никогда во всѣхъ послѣдующихъ статьяхъ оно не подвергалось такому сильному нападению. Для Струкова общинное владѣніе есть зловредная язва, которая истощаетъ силы земли и удерживаетъ развитіе земледѣльческаго богатства и нравственнаго состоянія земледѣльческихъ сословій (стр. 231). Струковъ говоритъ, что онъ не рѣшается высказаться по этому вопросу примѣнительно къ Россіи и предоставляетъ эту задачу общественному рѣшенію*); но задача эта поставлена была такъ, что со стороны противниковъ общиннаго владѣнія, — а къ числу ихъ относилось въ то время громадное большинство, — утвердительный отвѣтъ былъ не затруднителенъ и ясенъ. Такимъ образомъ вопросъ не только перенесенъ былъ на экономическую почву, но ставилъ необходимость осуществить результатъ въ сферѣ самой народной жизни. Отъ защитниковъ общиннаго владѣнія требовался серьезный и энергическій отпоръ. Н. Г. Чернышевскій первый поднялъ брошенную перчатку^{**)}. Мало-помалу, въ томъ же 1857 году и въ особенности въ слѣ-

---

*) Въ августѣ 1858 года г. Струковъ помѣстилъ въ „Земледѣльческой Газетѣ“ (№ 64, особое приложение) статью „о поземельномъ владѣніи и пользованіи“, въ отвѣтъ на первую статью Ал. Иван. о сельской общинѣ („Рус. Бесѣда“ 1857 года, кн. IV). Статья эта чисто-полемическаго характера: онъ старается набросить на Кошелева тѣнь въ недостатокъ доброжелательства къ крестьянамъ и въ излишнемъ пристрастіи къ помѣщичьимъ интересамъ, причѣмъ не обошлось безъ превратнаго истолкованія словъ противника („Сел. Благ.“ 1858 г. № IX, стр. 185—186). Несправедливость этого упрека видна уже изъ того, что другіе противники Кошелева, напротивъ, упрекали его въ слишкомъ передовыхъ стремленіяхъ и въ совершенномъ пренебреженіи помѣщичьихъ интересовъ. Въ своемъ мѣстѣ будетъ видно, что обвиненіе г. Струкова было только слѣдствіемъ раздраженнаго самолюбія антагониста.

**) Г. Чернышевскій помѣстилъ въ „Современникѣ“ за 1857 годъ четыре статьи, представляющія собою одно неразрывное цѣлое: 1) Замѣтки о журналахъ 1857 года („Совр.“ 1857 г., № 5); 2) Разборъ сочиненія барона Гакстгаузена „Studien über die inneren Zustände, das Volksleben und insbesondere die ländlichen Einrichtungen Russlands“ (№ 7); 3) Отвѣтъ на статью И. В.—скаго „о поземельной собственности“, критику „Современника“, помѣщенную въ №№ 22, 25, 27 и 29 „Экономическаго Указателя“ („Совр.“ №№ 4 и 9), и „о поземельной собственности“ (№ 11).

дующихъ (1858—1859), въ этомъ спорѣ приняла участіе вся журналистика, оцѣнившая всю важность поставленнаго вопроса.

Въ первой статьѣ („Замѣтки о журналахъ“) Чернышевскій отнесся самымъ сочувственнымъ образомъ къ той сторонѣ славянофильскаго ученія, которая касается защиты общиннаго землевладѣнія. По его мнѣнію, всѣ теоретическія заблужденія, всѣ фантастическія увлеченія славянофиловъ съ избыткомъ вознаграждаются уже однимъ убѣжденіемъ ихъ, что общинное устройство нашихъ селъ должно оставаться неприкосновеннымъ при всѣхъ перемѣнахъ въ экономическихъ отношеніяхъ. Чернышевскій объясняетъ происхождение на Западѣ пролетаріата крайнимъ развитіемъ понятія о правахъ отдѣльной личности (индивидуализмъ) и говоритъ, что тамъ возникла идея о союзномъ пользованіи и производствѣ между людьми. Въ земледѣліи это должно выразиться переводомъ земли въ общинное пользованіе (стр. 116). У насъ общинное землевладѣніе, захватывающее общую массу обрабатываемыхъ земель за исключеніемъ $\frac{1}{12}$ или $\frac{1}{20}$ части, принадлежащей личнымъ землевладѣльцамъ, существуетъ на самомъ дѣлѣ какъ спасительное учрежденіе, въ осуществленіи котораго западныя племена начинаютъ видѣть избавленіе своихъ земледѣльческихъ классовъ отъ бѣдности и бездомности. Затѣмъ, обращаясь къ статьѣ Струкова и разбирая тѣ ходячія экономическія теоріи, на которыхъ она построена, Чернышевскій прежде всего доказываетъ, что если и справедливо уменьшеніе массы производимыхъ цѣнностей при общинномъ пользованіи землею, за то увеличивается благосостояніе массы населенія. Возраженія противъ общиннаго землевладѣнія, кромѣ тѣхъ, которыя принадлежатъ не собственно способу пользованія землею, а общему экономическому строю данной эпохи, сводятся главнымъ образомъ къ двумъ общимъ положеніямъ: 1) что общинное пользованіе не допускаетъ удобренія и улучшенія земли и 2) что община убиваетъ энергію въ человѣкѣ. Первое положеніе касается только одного способа общиннаго пользованія съ ежегоднымъ передѣломъ земли и ни мало не касается другаго способа — общиннаго пользованія съ продолжительными сроками, а тѣмъ болѣе самаго принципа общиннаго пользованія. Другая мысль относительно энергіи относится не къ сферѣ экономическихъ, а къ сферѣ нравственно-историческихъ наукъ, и рѣшительно противорѣчитъ всѣмъ извѣстнымъ фактамъ исторіи и психологіи, доказывающимъ, напротивъ, что въ союзѣ укрупняются

умъ и воля чловѣка. Для устранения неудобствъ общиннаго землевладѣнія въ смыслѣ улучшенія сельскохозяйственнаго производства и для перехода съ этою цѣлью отъ трехпольной системы къ плодo-перемѣнной, Чернышевскій, въ мѣстностяхъ, гдѣ почва требуетъ удобренія, считаетъ нужнымъ допускать перемежеваніе участковъ только въ силу крайней необходимости и притомъ съ вознагражденіемъ отъ общины того хозяина, который получаетъ участокъ земли менѣе удобренный, нежели его прежній. Въ концѣ концовъ Чернышевскій ставитъ слѣдующіе основные тезисы, которые онъ предлагаетъ „Экономическому Указателю“ принять или опровергнуть:

1. Принципъ общиннаго пользованія землею самъ по себѣ не можетъ быть несомвѣстнымъ съ успѣхами сельскаго хозяйства.

2. Напротивъ, по достиженіи государствомъ извѣстной степени экономическаго развитія, опредѣляемой сильнымъ развитіемъ торговли и устройствомъ улучшенныхъ путей сообщенія, общинное пользованіе землею представляется единственнымъ средствомъ избавить огромное большинство земледѣльческаго населенія отъ бѣдствій, соединенныхъ съ батрачествомъ и нищетою, необходимымъ слѣдствіемъ батрачества.

3. Англія и Франція вступили уже въ этотъ періодъ.

4. Даже и въ предшествовавшее время, когда, при слабомъ развитіи торговли и путей сообщенія, дѣйствія закона безграничной конкуренціи не были еще такъ ощутительны, мнимыя неудобства общиннаго пользованія землею для усиленія производства далеко превышаются выгодными слѣдствіями общиннаго пользованія для благосостоянія массы земледѣльческаго населенія.

5. Потому и въ настоящее время благо государства, тождественное съ благомъ большинства населенія, требуетъ сохраненія общиннаго пользованія землею.

6. Всѣ возраженія противъ общиннаго пользованія землею не касаются его принципа, а относятся къ одному изъ способовъ этого пользованія (ежегодному передѣлу земель) и легко устраняются при другихъ способахъ, — между прочимъ, при передѣлѣ на продолжительные сроки съ вознагражденіемъ отъ общины прежняго обработывателя за улучшеніе земли, если по передѣлу участокъ или влинь участка переходитъ къ другому члену общины (стр. 134).

Статья вторая излагаетъ въ извлеченіи изъ сочиненія Гакстага-

узена свѣдѣнія, собранныя имъ о русской сельской общинѣ, и составляетъ въ этомъ смыслѣ фактическую подкладку разсужденій Чернышевскаго. Надо замѣтить, что въ то время сочиненіе Гакстгаузена было единственное, по которому можно было полнѣе и вѣрнѣе познакомиться съ нашею сельскою общиною *печатно*, а не на основаніи личнаго наблюденія, въ такихъ обширныхъ размѣрахъ очень мало для кого доступнаго. Гакстгаузенъ, въ бытность свою въ Москвѣ, близко сошелся съ славянофилами; онъ бывалъ часто у Ал. Иван. Кошелева и просиживалъ съ нимъ вдвоемъ цѣлыя утра. Какъ видно изъ напечатаннаго письма Ал. Иван. въ 1849 году, послѣдній въ то время не былъ убѣжденнымъ сторонникомъ общины, но, какъ безпристрастный и серьезный наблюдатель, онъ не могъ не указать и не разъяснить иностранцу фактической смыслъ самаго крупнаго явленія въ поземельныхъ отношеніяхъ нашего отечества.

Въ то время, когда Ал. Иван. обратился уже въ одного изъ самыхъ убѣжденныхъ и энергическихъ защитниковъ общины, по принципу, изъ Карлсбада, 24 іюня 1859 года, писалъ онъ И. С. Аксакову: „Здѣсь я провожу много времени съ Гакстгаузеномъ, который также пьетъ воды, и мы съ нимъ не наговоримся; по пяти часовъ говоримъ безъ умолку. Теперь, вѣрно, онъ опять напишетъ что-нибудь объ общинѣ, ибо мы этотъ вопросъ трактовали вдоль и поперекъ. Конечно, много мыслей моихъ онъ выдастъ за свои, но отъ него многое скорѣе примутъ, чѣмъ отъ меня, а потому—коли не мытьемъ, такъ катаньемъ“.

По всей вѣроятности, Гакстгаузенъ сходилса въ Москвѣ или другомъ мѣстѣ и съ другими членами славянофильскаго кружка (Хомяковымъ, Самаринымъ *) и К. С. Аксаковымъ), которые тогда уже стояли за общинное владѣніе—не только какъ за фактъ, но какъ за принципъ, имѣющій общечеловѣческое значеніе. Въ одномъ изъ писемъ въ И. С. Аксакову Кошелевъ упоминаетъ вообще объ участіи, которое имѣли славянофилы въ разъясненіи Гакстгаузену явленія общиннаго землевладѣнія. Славянофилы, какъ помѣщики, знали нашу сельскую общину по *личному наблюденію*, и этимъ объясняется различіе исходной точки въ защитѣ ея со стороны славянофиловъ и Чернышевскаго. Признавая за Чернышевскимъ

*) Самаринъ упоминаетъ о разговорѣ своемъ въ Москвѣ съ Гакстгаузеномъ относительно общины („Сел. Благ.“ 1858, № 12, 326).

ту заслугу, что онъ „полюбилъ русскую общину“, Кошелевъ ставитъ ему въ упрекъ, что онъ защиту ея перенесъ на почву той общечеловѣческой науки, на основаніи которой трудно защищать всякое живое, туземное учрежденіе („Рус. Бес.“ 1857, IV, 165).

На вызовъ „Современника“ отвѣтилъ въ „Экономическомъ Указателѣ“ самъ И. Вернадскій обширною статьею подъ заглавіемъ „О поземельной собственности.—Отвѣтъ критику „Современника“ (1857 г. №№ 22, 25, 27 и 29) *). Совершенно справедливую оцѣнку этой статьи сдѣлалъ А. И. Кошелевъ, который нашелъ въ ней свысока, во имя науки провозглашенныя аксіомы, добытыя западными экономистами, не изучавшими общиннаго владѣнія землею на дѣлѣ и не имѣвшими случая оное изучать,—собственныхъ г. Вернадскаго наблюденій и свѣдѣній ровно никакихъ, примѣры фантастическіе и притомъ весьма неудачно составленные и болѣе

*) Статьи сотрудниковъ „Экономическаго Вѣстника“ въ защиту личной поземельной собственности и противъ общины: 1857 года: Къ вопросу о поземельной собственности П—рева (№ 24, 545); замѣчанія о преимуществѣ поземельной собственности предъ общиннымъ владѣніемъ, Ал. Савельева (№ 49, 1157).—1858 г.: общинное владѣніе землею (№ 56, 83); вліяніе поземельнаго владѣнія общиннаго и собственниковъ на промышленность народную, Дубенскаго (№№ 57 и 60, 97 и 167); о поземельной собственности, Кадивскаго (№ 58, 117); замѣтка объ общинномъ пользованіи землею (№№ 59, 140); нѣчто о бывшемъ общинномъ поземельномъ владѣніи въ Германіи, д-ра Бергштрессера (№ 61, 181); нѣсколько словъ по поводу статьи г. Чернышевскаго „о поземельной собственности, П. Г. Л. (№ 64, 158); поземельная собственность, аренды, батрачество, Ив. Бѣлильскаго (вып. 34, 762); нѣчто объ общинномъ пользованіи землею, Г. Гета (вып. 40, 916); по поводу общины (вып. 41, 939); еще по поводу общины (вып. 44). Всѣ эти статьи не прибавляютъ ничего новаго и еще слабѣе главнаго возраженія, написаннаго самимъ редакторомъ. Если возраженія эти чѣмъ-нибудь отличаются, то только своеобразностью. Въ № 49-мъ 1857 года помѣщена статья г. Савельева „Замѣчанія о преимуществѣ поземельной собственности предъ общиннымъ владѣніемъ“. Къ этой статьѣ редакторъ присоединилъ слѣдующее обращеніе къ Ал. Иван.: „изъ этой статьи А. Кошелевъ легко можетъ усмотрѣть, что не одна ненавистная ему наука и не одни западники понимаютъ вопросъ сей какъ „Экономическій Указатель“, а и многіе практики, русскіе практики, помѣщики рѣшаютъ оный тоже въ пользу частной собственности“ (1160). Самымъ убѣдительнымъ доводомъ несостоятельности общиннаго владѣнія съ практической стороны г. Савельевъ признаетъ слѣдующій: „я знаю изъ опыта, что собственные мои зажиточные крестьяне, съ тѣмъ имѣніемъ, идѣ я еще не успѣлъ ихъ надѣлать землею въ отчужденную собственность и гдѣ по старому обычаю существуетъ общинное владѣніе, перестали уваживать свои поля (1158). Г. Бѣлильскій въ статьѣ „Поземельная собственность, аренды, батрачество“ (вып. 34), доказываетъ, что надѣлъ австрійскихъ крестьянъ помѣщичьими землями за ничтожное вознагражденіе сопровождался разореніемъ сельскаго сословія; а безземельное освобожденіе крестьянъ въ Курляндіи довело его до цвѣтущаго состоянія.

ничего" (137—138). Слабость возраженія Вернадскаго еще усугублялась тѣмъ высокоумѣрнымъ тономъ, съ которымъ профессорское скудоуміе обращалось въ здоровой логикѣ, не подкупленной чужими и отчасти западными научными авторитетами. Къ сожалѣнію, это вызвало насмѣшливый тонъ полемической отвѣтной статьи Чернышевскаго и нѣсколько ослабило силу ея дѣйствія на серьезныхъ и безпристрастныхъ читателей. Тѣмъ не менѣе, въ концѣ своей статьи, г. Вернадскій выставилъ цѣлыхъ 16 пунктовъ, какъ грозный corpus delictu, во имя котораго призывалось къ отвѣту общинное землевладѣніе, хотя тутъ же сознался въ недостаточности данныхъ (фактовъ и расчетовъ практиковъ), которыя необходимы для разрѣшенія спора.

Защитниками общины выступили Чернышевскій и Кошелевъ. Чернышевскій въ первой части своего отвѣта, полемической, имѣлъ, какъ самъ онъ заявилъ, главнымъ образомъ переходящую и не касающуюся сущности вопроса цѣль— „формою будто бы жаркаго спора возбудить интересъ общества къ вопросу, которымъ оно гораздо меньше занялось бы, еслибы дѣло было изложено безъ полемической приправы“. Но, тѣмъ не менѣе, и эта часть заключаетъ въ себѣ нѣкоторыя соображенія, проливающія свѣтъ на вопросъ объ общинномъ землевладѣніи. Г. Вернадскій въ статьѣ своей не сдѣлалъ различія между бѣднякомъ и пролетаріемъ, между общиннымъ землевладѣніемъ и общиннымъ производствомъ, т.-е. обработкою сообща пахатной земли союзомъ или ассоціаціей между собою извѣстнаго числа мелкихъ или крупныхъ землевладѣльцевъ. Оттого г. Вернадскій утверждаетъ, что на Западѣ существуютъ пролетаріи, владѣющіе земельною собственностью (т.-е. бѣдняки, владѣющіе слишкомъ незначительнымъ участкомъ для прокормленія семьи), а въ нашей сельской общинѣ существуютъ пролетаріи (батраки и безземельные крестьяне); не признавая общиннаго пользования, Вернадскій считаетъ полезнымъ общинное производство въ смыслѣ общихъ работъ (напримѣръ жнитво общими усилиями) или приобрѣтенія сообща улучшенныхъ сельско-хозяйственныхъ орудій (наприм., молотилокъ, вѣялокъ). Чернышевскій точно устанавливаетъ понятіе о пролетаріи и объясняетъ его сравнительную безмощность съ владѣльцемъ слишкомъ дробнаго земельного участка; при этомъ онъ доказываетъ, что, кромѣ собственности безграничной, существуетъ еще собственность подверженная нѣкоторымъ

ограниченіямъ, и что эта собственность, называемая общинною, принадлежитъ каждому участнику общины (акціонернаго общества, нашей сельской общины и т. д.) въ той мѣрѣ, въ какой онъ пользуется доходами отъ этой собственности. По второму разъясненію, Чернышевскій выставляетъ теорему, по которой общинное производство невозможно безъ общиннаго владѣнія какою-нибудь недвижимою собственностью; а потому нельзя допускать и одобрить общинное производство, совершенно отвергая въ то же время законность и возможность общиннаго землевладѣнія. При этомъ Чернышевскій указываетъ, что одно общинное землевладѣніе только предотвращаетъ пролетаріатъ, а соединяясь съ общиннымъ производствомъ, общинное землевладѣніе содѣйствуетъ возвеличенію производства. Кромѣ того Чернышевскій въ этой статьѣ подтвердилъ точными данными прежній свой расчетъ о болѣе равномерномъ распредѣленіи результата сельско-хозяйственнаго производства между отдѣльными домохозяевами при общинномъ поземельномъ владѣніи, нежели между землевладѣльцами, фермерами и безземельными сельскими рабочими; указалъ, что задержка замѣны трехпольной системы плодоперемѣнною и вообще успѣхи земледѣлія зависятъ не отъ системы пользованія землей, но отъ другихъ экономическихъ и политическихъ причинъ: такъ во Франціи этимъ успѣхамъ препятствуетъ размельченность частной собственности и политическая неустойчивость страны, у насъ же переходъ къ плодоперемѣнной системѣ оказывается убыточнымъ для частныхъ, даже крупныхъ землевладѣльцевъ. Наконецъ, Чернышевскій приводитъ, что новѣйшая наука на Западѣ уже пришла къ заключенію, что и тамъ насталъ періодъ поземельной собственности, когда уже живо чувствуется потребность общинной обработки земли или земледѣльческихъ ассоціацій.

Въ четвертой статьѣ „о поземельной собственности“ Чернышевскій излагаетъ свой теоретическій взглядъ на общинное землевладѣніе. Чернышевскій единственнымъ кажущимся сильнымъ возраженіемъ считаетъ то, что общинное землевладѣніе можетъ препятствовать успѣхамъ сельскаго хозяйства. Съ этой точки зрѣнія Чернышевскій сравниваетъ различныя формы землевладѣнія и приходитъ къ слѣдующимъ результатамъ:

1. Выгода, доставляемая прочными улучшеніями въ земледѣліи, достается общиннику при 15-лѣтнемъ передѣлѣ въ большей степени, не-

хели фермеру при такой же продолжительности контракта (это самый продолжительный срок для английских фермеров), такъ какъ при новомъ передѣлѣ общенникъ можетъ потерять часть произведенныхъ улучшеній, а фермеръ непремѣнно теряетъ всю сумму ихъ. Это математически точно доказано приложенною таблицю (А), противъ которой ничего возразить нельзя. Изъ этого Чернышевскій выводитъ, что нѣтъ такой системы земледѣлія, которая менѣе фермерства удовлетворяла бы условіямъ нужнымъ для прочныхъ долговременныхъ улучшеній, которыми главнымъ образомъ обеспечиваются успѣхи сельскаго хозяйства. Корень учрежденія фермерства — въ интересахъ празднои ренты и помѣщенія избыточествующихъ капиталовъ, а вовсе не въ интересахъ успѣховъ сельскаго хозяйства.

2. Вышепоименованная выгода отъ долговременной затраты, по мнѣнію Чернышевскаго, достается въ меньшей степени и самому собственнику въ сравненіи съ общинникомъ. Для доказательства этого Чернышевскій приложилъ другую таблицу (В); но она не выдерживаетъ критики, такъ какъ въ нее введены невѣрные коэффициенты. Чернышевскій предполагаетъ, что въ теченіе срока сооружения собственникъ не получаетъ ренты съ фермера, ею не располагающаго, но улучшение можетъ не мѣшать хозяйству и тогда рента остается; притомъ фермеръ, чтобы получать до окончанія срока выгоды улучшения безъ возвышенія ренты, — всегда готовъ возможно потѣсниться. Чернышевскій предполагаетъ, что собственникъ, по незнанію и привычкѣ къ расточительности, употребитъ болѣе значительный капиталъ на улучшение, нежели община; но здѣсь взять признакъ случайный, — ничто не мѣшаетъ собственнику и самому быть знающимъ, и пригласить спеціалиста, и тратить свой капиталъ расчетливо. Нерасчетливость собственниковъ справедлива исторически: до сихъ поръ крупные землевладѣльцы во всѣхъ странахъ привыкли жить въ праздности и роскоши и тратить деньги зря; но этотъ историческій элементъ нельзя вводить въ строго - математическую функцію, гдѣ приходятъ между собою въ соотношеніе только величины постоянныя, а не случайныя. Притомъ и а priori это положеніе невѣрно. Если разсматривать общинное владѣніе какъ коллективную крупную собственность, то и тутъ выгоды не представляются на сторонѣ общины, такъ какъ единичная предприимчивость и распорядительность, при одинаковыхъ условіяхъ, всегда станетъ выше коллективной; а соб-

ственная выгода рано или поздно приучить собственника и къ разсчитливости, и къ знакомству съ дѣломъ.

3. Частная поземельная собственность, при извѣстномъ развитіи экономическихъ условій въ народѣ, стремится перейти въ фермерство. Это вѣрно и исторически, и физиологически. Какъ скоро у собственника есть такой участокъ земли, который даетъ ренту, достаточную для празднои жизни въ довольствѣ, для него система фермерства привлекательнѣе и выгоднѣе всякой другой системы собственнаго труда.

4. Колебанія поземельной собственности управляются извѣстными законами. Принципъ наследственности постоянно и быстро влечетъ поземельную собственность къ сосредоточенію все въ меньшемъ и меньшемъ числѣ рукъ, все болѣе и болѣе громадными массами. Дѣйствіе этой преобладающей силы ускоряется дѣйствіемъ имѣющихъ одинаковое съ нею направленіе принциповъ, предаваго, даренія и завѣщанія. Въ нормальномъ ходѣ экономическихъ отношеній, по тому же направленію дѣйствуетъ принципъ покупки и продажи, чѣмъ еще болѣе ускоряется ходъ сосредоточенія. Быстрота и интенсивность этого стремленія къ сосредоточенію такъ велики, что смѣны немногихъ поколѣній достаточно было бы для соединенія всей поземельной собственности цѣлой страны въ рукахъ нѣсколькихъ сотъ человекъ, еслибъ эти законы дѣйствовали безпрепятственно. Чернышевскій очень обстоятельно излагаетъ происхожденіе этого закона и подтверждаетъ его математическими исчисленіями, основанными на таблицѣ мужскаго прироста, вычисленнаго на основаніи генеологическихъ таблицъ 10 дворянскихъ родовъ, на основаніи „родословной книги кн. П. Долгорукаго“. Принять эту таблицу прямо нельзя и надобно ее провѣрить, такъ какъ статья даетъ прямо результаты, не объясняя способа ихъ полученія. По даннымъ французской статистики можно вывести заключеніе, что послѣ насильственнаго уничтоженія крупной собственности до половины всей территоріи снова соединилось въ обширные участки; изъ остальной же половины дробленіе все болѣе и болѣе увеличиваетъ число мелкихъ участковъ, на которыхъ не могутъ существовать владѣльцы. Чернышевскій вообще принимаетъ эти колебанія поземельной собственности въ такомъ видѣ, что до двухъ третей всей территоріи соединены непрерывно въ общинные участки, рента которыхъ достаточна для

праздной жизни и которые необходимо идутъ подь фермерство, какъ скоро развивается экономическій бытъ до такой степени, на которой патріархальныя отношенія замѣняются коммерческими. Изъ остальной, меньшей части, половина (около $\frac{1}{3}$ или $\frac{1}{6}$ части всей воздѣлываемой территоріи) дробится на мелкіе влочки, хлѣбопашествомъ на которыхъ не могутъ существовать владѣльцы, и только другая половина остается въ участкахъ, которые не нуждаются въ фермерствѣ, но могутъ кормить своего владѣльца. Этотъ аргюментическій выводъ не подтвержденъ никакими данными.

5. Коррективныя средства противъ абсолютнаго соединенія поземельной собственности суть война и насилие, пороки и болѣзни. Средства эти дѣйствуютъ особенно сильно въ тотъ моментъ, когда агломерация достигаетъ своего апогея, достигаетъ чрезмѣрности, превышающей человѣческія силы. Во всякомъ случаѣ драгоценныя учрежденія, которыя предотвращаютъ нужду въ подобныхъ ликвидаціяхъ поземельной собственности цѣлой страны. Таково общинное устройство поземельной собственности.

6. Цвѣтущее состояніе земледѣлія, какъ на примѣръ въ Англіи, обуславливается не формою поземельной собственности и не одними естественными условіями, но духомъ гражданскихъ учреждений, отношеніемъ сословій, порядкомъ администраціи.

7. Улучшенія въ земледѣліи являются тогда только, когда затрата капитала становится выгодною; для этого нужно земледѣлію развитіе рынковъ и извѣстная густота населенія.

8. Причины, способствующія постепенному, но постоянному сосредоточенію поземельной собственности, обезземеливая все большую и большую часть населенія, обращаютъ ихъ въ работниковъ или батраковъ, для которыхъ заработная плата падаетъ до такой степени, чтобы только работники не умирали съ голоду.

9. Принципъ личной поземельной собственности имѣетъ непреклонное основаніе въ самой природѣ человѣка. Нація всегда распределяется на два разряда: людей обыкновенныхъ, желающихъ жить безбѣдно и обезпеченно, которымъ нужно достояніе независимое отъ превратностей счастья, такъ чтобы трудящійся всегда имѣлъ средства къ труду, какимъ является общинное поземельное владѣніе, и людей особенно даровитыхъ, особенно счастливыхъ или особенно дѣятельныхъ, которые могутъ успѣшно выдерживать конкуренцію, любятъ рисковать и которые могутъ отказываться отъ обще-

ственного надѣла на свой страхъ, чтобы воспользоваться выгодами частной собственности.

10. Та форма поземельной собственности есть наилучшая для успѣховъ сельскаго хозяйства, которая соединяетъ собственника, хозяина (т.-е. фермера) и работника въ одномъ лицѣ. Государственная собственность съ общиннымъ владѣніемъ изъ всѣхъ формъ собственности наиболѣе подходитъ къ этому идеалу. При этомъ, исходя изъ примѣра Америки, Чернышевскій принимаетъ, что государственныя земли должны преобладать въ странѣ надъ выдѣленными въ частную собственность. Тогда становится возможнымъ выдѣлать каждому желающему не подлежащаго передѣлу подворнаго участка, наиболѣе близкаго къ плану частной поземельной собственности. Если же историческія условія распределенія собственности и густота населенія дѣлаютъ невозможнымъ такой процентъ незанятыхъ земель, то примѣняется форма общественнаго пользованія съ тѣмъ, что если при обработкѣ земли вложенъ въ нее какой-либо постоянный капиталъ, то или передѣлы обусловливаются срокомъ 10—15-лѣтняго пользованія безъ вознагражденія, или община, отбирая у кого-либо изъ членовъ его участокъ, вознаграждаетъ ту долю затраты постоянного капитала, которая утрачивается вслѣдствіе передачи.

11. Примѣняя къ Россіи, Чернышевскій оставляетъ за частными владѣльцами всю землю, которая эксплуатируется ими лично для себя; а земли государственныя, принадлежащія частнымъ лицамъ, но ими не эксплуатируемыя и состоящія въ настоящемъ пользованіи крестьянскаго сословія, должны быть обращены въ государственную собственность для обращенія ихъ въ общинное владѣніе жителей страны, посвящающихъ себя обработкѣ земли.

Такимъ образомъ *теорія* общиннаго владѣнія поставлена была Н. Г. Чернышевскимъ послѣдовательно, широко и радикально.

Вслѣдъ за Чернышевскимъ первымъ изъ славянофиловъ выступилъ въ защиту общины въ коротенькой статьѣ А. С. Хомяковъ („Молва“ 1858, № 28—„Современный вопросъ“. Соч. I, 636—638). Эта маленькая статейка указываетъ только на большія затрудненія при отмежеваніи отдѣльныхъ участковъ, въ проведеніи безчисленнаго множества дорогъ и отсутствіи водопоя. Но статью эту нельзя принимать въ расчетъ, тѣмъ болѣе, что самъ Хомяковъ взглядъ свой на

общину изложилъ въ приведенномъ мною письмѣ къ Кошелеву гораздо послѣдовательнѣе, шире и многостороннѣе, но письмо это въ то время не было напечатано. Первую обстоятельную статью въ защиту общины изъ славянофильскаго лагеря помѣстилъ А. И. Кошелевъ (въ сентябрѣ 1857 года въ „Рус. Бесѣдѣ“ — по поводу журнальныхъ статей о замѣнѣ обязанной работы наемною и о поземельной общинной собственности, кн. IV). Ал. Иван. перепечаталъ въ этой статьѣ всѣ 16 обвинительныхъ пунктовъ противъ общиннаго землевладѣнія, выставленныхъ Вернадскимъ въ его отвѣтѣ Чернышевскому, съ обстоятельными въ выносахъ критическими примѣчаніями (стр. 138—148). Въ результатѣ Ал. Иван. пришелъ къ такому заключенію, что большая часть изъ нихъ не относится къ предмету, который подлежитъ обсужденію; изъ остальныхъ иные суть повторенія связаннаго въ предыдущихъ пунктахъ; другіе до того натянуты, что послѣ краткихъ къ нимъ примѣчаній уже ничего въ нихъ не осталось (стр. 139). Кто, подобно мнѣ, прочтетъ со вниманіемъ самыя пункты и опроверженіе на нихъ Кошелева, тотъ не можетъ съ нимъ не согласиться; согласился, повидимому, и самъ г. Вернадскій, потому что его возраженіе (Отвѣтъ Кошелеву— „Экон. Указатель“ 1858 года, № 50) совершенно напрасно старается пустоту свою и безсодержательность прикрыть фельетоннымъ остроуміемъ. По мнѣнію г. Вернадскаго, общинное владѣніе, въ смыслѣ развитія, воспитываетъ только плутовъ; а затѣмъ сторонники этой формы землевладѣнія приглашаются, если они желаютъ быть послѣдовательными, распространить ее на всѣхъ частныхъ землевладѣльцевъ безъ всякаго различія. Два противоположные лагеря: „Современникъ“, Чернышевскій и поземельная община съ одной стороны, „Экономическій Указатель“, Вернадскій и личная собственность съ другой—рѣзко выдѣлились и совершенно опредѣленно высказались: повидимому, достаточно было пристать къ тому или другому. Но Александръ Ивановичъ избралъ совсѣмъ независимое положеніе, то именно, которое, по современнымъ обстоятельствамъ, представлялось самымъ настоятельнымъ и непосредственно отвѣчающимъ на запросъ.

Время тогда было совсѣмъ не спокойное, старыя учрежденія, еще не совсѣмъ распатавшіяся и до извѣстной степени крѣпкія, рубились съ корня, было не до теоріи, требовалось отыскать *modus vivendi*, указаніе какъ двумъ сторонамъ, связаннымъ между собою отношеніями,

не выдерживающими нравственной критики, но существовавшими не одну сотню лѣтъ, разойтись возможно спокойно и справедливо. Очевидно, что всякій вопросъ представлялся въ то время не съ теоретической, а съ чисто-практической точки зрѣнія, въ смыслѣ возможности къ немедленному осуществленію. Вступивъ въ число сторонниковъ общиннаго владѣнія, Ал. Иван. понялъ, что его прежде всего слѣдуетъ защитить не какъ теоретическое начало, не какъ оправданную философскимъ анализомъ форму общежитія, а какъ фактъ, за которымъ стоитъ вся масса населенія, и потому фактъ получившій значеніе народной святыни, недоступной никакому посягательству и искусственному разрѣшенію. Обращаясь къ теоріи, выставленной Чернышевскимъ, Кошелевъ говоритъ: „г. Чернышевскій защищаетъ мірское пользованіе или владѣніе землею, — въ этомъ мы съ нимъ вполне согласны; но г. Чернышевскій смотритъ на нынѣшнюю нашу общину какъ на ступень къ другой, гдѣ явится общинный трудъ со всѣми принадлежностями: туда мы за г. Чернышевскимъ слѣдовать не расположены *). Нѣтъ, останемся лучше на почвѣ дѣйствительности, посвятимъ свои умственные силы настоящему времени и не будемъ теряться въ догадкахъ и предположеніяхъ. Конечно, общинный трудъ бываетъ и теперь, а впоследствии онъ, вѣроятно, и усилится, но не будемъ навязывать общинѣ своихъ частныхъ мыслей и тѣмъ давать нашимъ противникамъ новыя оружія для нападокъ на правое дѣло („Рус. Бесѣда“ 1857, IV, 170—171).

Ал. Иван. вообще отвергаетъ постановку вопроса объ общинѣ съ точки зрѣнія *принципа*: „это начало, постановленное вообще въ безусловной формѣ, ложно и противники могутъ побѣдоносно его опровергнуть; но, примѣнное къ одной какой-либо странѣ, оно вѣрно или невѣрно, глядя по тому, о какомъ обществѣ идетъ дѣло“ (стр. 166). Но Ал. Иван. примкнулъ уже къ теоріи Хомякова и К. Аксакова, опредѣлявшихъ различіе западной поземельной ассоціаціи отъ нашей общины въ томъ, что первая есть явленіе условное, а послѣдняя — *бытовое*. „Западные люди, — говоритъ Кошелевъ, — соединяются на столько, на сколько это необходимо; русскіе рождаются общинниками, но они не общинники — только въ мѣрѣ

---

*) Возраженія Кошелева противъ шести тезисовъ въ защиту общиннаго владѣнія, выставленныя Чернышевскимъ въ его отвѣтѣ Вернадскому и приведенныя нами выше, были изложены въ статьѣ Кошелева („Рус. Бес.“ 1857, IV, 166—169).

необходимой для сохраненія своей личности и своего семейнаго быта. Слѣдовательно для первыхъ общинное начало есть исключеніе, къ которому они по необходимости прибѣгаютъ; для послѣднихъ же оно есть правило, отъ котораго они только по необходимости отступаютъ. Тамъ ассоціація есть произведеніе искусственное, ограниченное по времени и по особенному своему назначенію; здѣсь община есть нѣчто живое, есть явленіе постоянное, есть средство къ достиженію всякихъ человѣческихъ цѣлей. Думаемъ, что начало ассоціаціи на Западѣ будетъ все болѣе усиливаться и распространяться, но не смѣемъ предаваться надеждѣ, чтобъ общинное начало могло быть возставлено тамъ, гдѣ его уже нѣтъ и гдѣ личная собственность овладѣла всею — или почти всею — землею. Для этого потребовался бы такой переворотъ, такое потрясеніе, каковаго свѣтъ еще никогда не видывалъ и о которомъ даже гадательно трудно говорить“ („Рус. Бес.“ 1857, IV, 167—168).

Ю. О. Самаринъ всецѣло присоединилсѣ къ этому взгляду и тоже смотрѣлъ на общину какъ на бытовой фактъ народной нашей жизни. Первую свою статью объ общинномъ землевладѣніи Самаринъ начинаетъ слѣдующимъ обращеніемъ къ Кошелеву. Зашла рѣчь о томъ, выгодно или вредно общинное владѣніе землею. „Вы совершенно справедливо замѣтили, что это нашъ домашній вопросъ—не со стороны внесенный въ нашу литературу, но выдвинутый впередъ неотразимою потребностью общественнаго самосознанія. Въ самомъ дѣлѣ, общинная форма землевладѣнія существуетъ только у насъ; слѣдовательно, только у насъ могутъ быть изучены въ натурѣ, извѣданы на практикѣ ея выгоды и невыгоды. При всей нашей незрѣлости и неразвитости, въ этомъ вопросѣ мы относимся къ другимъ народамъ какъ эксперты, которыхъ вся цивилизованная Европа обязана и—прибавимъ—готова слушать съ радостью. Разумѣется, съ нашей стороны тутъ нѣтъ ни заслуги, ни повода величаться; по особенному складу нашего сельскохозяйственнаго быта, по исторической необходимости, а не вслѣдствіе свободнаго труда или врожденной проницательности, мы не можемъ не знать о сельской общинѣ гораздо больше, чѣмъ французы, англичане и нѣмцы. Я воображаю себѣ, какъ обрадовался Гакстгаузенъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ предпринявшій путешествіе въ Россію единственно съ цѣлью взглянуть нашей сельской общинѣ прямо въ лицо, если только дошелъ до него слухъ,

что два журнала, издающіеся въ Россіи, взялись за разъясненіе предмета, которымъ онъ такъ живо интересовался вчуждѣ... И что же? Въ шести статьяхъ, писанныхъ съ противоположныхъ точекъ зрѣнія, но съ одинаковымъ жаромъ и увлеченіемъ, самый зоркій глазъ не отыщетъ ни одного довода—ни pro, ни contra, который бы зародился отъ живаго впечатлѣнія, вынесеннаго изъ нашей народной среды, ни одного наблюденія надъ сподручною намъ практикою, ни одной черты снятой прямо съ натуры. Чѣмъ это объяснить? Неужели, проживши столько вѣковъ подъ условіями общиннаго быта, мы до сихъ поръ еще не успѣли *почувствовать* на себѣ самихъ ни выгоды, ни недостатковъ его? Едва ли! Но, къ несчастію, то, что мы ежедневно видимъ и ощущаемъ, не приводится къ ясному сознанію и не проникаетъ въ область науки, вслѣдствіе какого-то страннаго, сперва невольнаго, а теперь систематическаго разобщенія ея съ живою дѣйствительностью.

„Послѣ этого мудрено ли, что начавши говорить о нашей сельской общинѣ и обратившись за справками и доводами къ иностраннымъ писателямъ, никогда не издавшимъ ее въ глаза, „Современникъ“ и „Указатель“ съ перваго же шага сбились съ исторической почвы и потеряли изъ виду предметъ спора? Русская община осталась въ сторонѣ, а на ея мѣсто подвернулись, незамѣтно, съ одной стороны—теорія искусственной *организации труда*, съ другой—существовавшее нѣкогда въ западной Европѣ, теперь почти повсемѣстно исчезнувшее, *совокупное и нераздѣльное пользование* угодьями разнаго рода (*Gemein-nutzungen, communautes* и т. д.). При такомъ смѣшеніи понятій о самомъ предметѣ спора можно ли было надѣяться уяснить вопросъ“ („Сельское Благоустройство“).

Всѣ возраженія противъ общины, по мнѣнію Кошелева, сводятся къ тремъ слѣдующимъ пунктамъ:

„1. Общинное владѣніе землею препятствуетъ введенію улучшеній по сельскому хозяйству, а равно и производству опытовъ, имѣющихъ цѣлью усовершенствованіе онаго.

„2. Оно имѣетъ вредное дѣйствіе на производительность земли какъ отъ невведенія въ хозяйства нужныхъ улучшеній, такъ и отъ того, что въ малыхъ размѣрахъ нельзя выгодно обрабатывать землю, и наконецъ

„3. Оно приковываетъ людей къ мѣсту владѣнія и препятствуетъ

чим обращаться на заработки туда, гдѣ бы они могли добыть болѣе денегъ“.

По первому пункту Кошелевъ, не отрицая, что личное землевладѣніе благопріятнѣе какъ для введенія разныхъ улучшеній по сельскому хозяйству, такъ и для произведенія опытовъ, приходитъ къ заключенію, что общинное землевладѣніе не представляетъ никакихъ непреодолимыхъ препятствій къ достиженію обѣихъ цѣлей (стр. 152). Нельзя особенно нападать на общину за то, что крестьянское хозяйство находится въ одномъ положеніи и не стремится къ улучшеніямъ, такъ какъ и хозяйство личныхъ собственниковъ раздѣляетъ точно ту же участь, и поэтому виновато здѣсь не общественное владѣніе. По мнѣнію Кошелева, „всѣ улучшенія могутъ быть и будутъ введены въ мірскія хозяйства, какъ скоро эти улучшенія будутъ необходимы. Конечно, частныя хозяйства подадутъ въ этомъ дѣлѣ примѣръ, но въ этомъ и состоитъ главнѣйшее ихъ назначеніе. Можно навѣрное сказать, что наши мірскія поля скорѣе примутъ плодоперемѣнную систему, чѣмъ мелкія личныя владѣнія во Франціи. А это почему?—потому, что общинное владѣніе представляетъ готовое основаніе для всякихъ предпріятій сообща, тогда какъ при личномъ дробномъ владѣніи во Франціи всякое соединеніе до крайности затруднено отсутствіемъ связи между дачниками. Что же касается до производства опытовъ, то оно весьма возможно при общинномъ владѣніи землею, лишь была бы охота, денежныя средства и нѣкоторая степень просвѣщенія. Всѣ эти три условія встрѣчаются рѣже у мелкихъ владѣльцевъ, чѣмъ у большихъ и средственныхъ; но мірское владѣніе землею въ этомъ столько же виновато, сколько и дробная личная собственность. Впрочемъ не разъ общества сельскаго хозяйства и комитеты выставокъ имѣли случай разсматривать разные машины и орудія, сдѣланныя разными крестьянами, слѣдовательно общинниками. Мнѣ самому приходилось видѣть разные крестьянскія изобрѣтенія и въ томъ числѣ ручную жатвенную машину, изобрѣтенную однимъ крестьяниномъ; правда, это послѣднее орудіе оказалось мало облегчающимъ и ускоряющимъ работу жнеца, но дѣло не въ результатѣ, а въ стремленіи. Пропащникъ одного тульскаго крестьянина считается у свеклосарныхъ заводчиковъ отмѣнно удобнымъ орудіемъ и входитъ въ общее употребленіе. Даже опыты разныхъ посѣвовъ и удобреній производятся

крестьянами; правда, они не печатаютъ о нихъ, но за то наши кабинетные агрономы печатаютъ объ опытахъ, которыхъ на дѣлѣ они не производятъ“.

Второе возраженіе, что общинное землевладѣніе умаляетъ производительность земли раздробленіемъ земли на мелкія хозяйства, гдѣ обработка дѣлается невыгодною, также несправедливо. Самыя благопріятныя условія для воздѣлыванія земли представляютъ хозяйства среднихъ размѣровъ. За границею мелкія хозяйства, доходящія до дробности чрезвычайной, дѣйствительно представляютъ такую массу неудобствъ, что такое хозяйство или сравнительно приносятъ наименьшій доходъ, или даже совсѣмъ дѣлается невозможнымъ. Но общинное владѣніе здѣсь именно и владеть преграду, такъ какъ при передѣлахъ участки отдѣльныхъ лицъ могутъ быть удержаны, по приговору сходки или по обычаю, при известной величинѣ, — что нѣкоторыми общинами и теперь уже принято за правило. Кромѣ того, особенности нашего крестьянскаго хозяйства таковы, что при сравненіи расходовъ и доходовъ большихъ и среднихъ господскихъ экономій и малыхъ крестьянскихъ хозяйствъ перевѣсъ дохода остается на сторонѣ послѣднихъ. Если въ хозяйствахъ личныхъ собственниковъ болѣе матеріальныхъ средствъ, то въ крестьянскихъ хозяйствахъ личный трудъ и личное усердіе хозяина должны принести много пользы. Во время страды крестьяне у себя работаютъ одинъ за двоихъ, даже ночью они вьютъ хлѣбъ и косятъ овесъ; имъ въ это время и праздники ни по чѣмъ; слѣдовательно въ самое нужное и дорогое время они удвояютъ свою дѣятельность, что не можетъ быть ни при какомъ, даже вольнонаемномъ большомъ или среднемъ хозяйствѣ. „При всякомъ большомъ и среднемъ хозяйствѣ затрачивается много капиталовъ и сверхъ того необходимо пропадаетъ довольно времени и разныхъ мелкихъ доходовъ, которые при личномъ хозяйствѣ обыкновенно сберегаются. Такимъ образомъ зимою, весною время распутицы, осенью въ дурную погоду рабочіе при всякомъ, даже наемномъ, хозяйствѣ мало производятъ, а часто и ничего не дѣлаютъ; дома же у себя крестьяне никогда безъ дѣла не бываютъ: въ свободный часъ они то орудія или сбрую исправляютъ, то городьбу или дворъ чинятъ, то на продажу что готовятъ, — однимъ словомъ, всякая минута, не занятая сельскими работами, употребляется въ пользу. — Скотина и птица, которыя водятся у

крестьянъ, имѣющихъ свой домъ и дворъ, приносятъ доходъ тѣмъ болѣе значительный, что это разведеніе не сопряжено почти ни съ какими расходами. Отъ личнаго своего хозяйства крестьянинъ часто урывается на день, на два, и смотришь — онъ заработалъ полтинникъ или рубль серебромъ, иногда и болѣе. А извозы, доставляющіе много денегъ крестьянамъ, дешевы у насъ лишь потому, что они производятся большею частію крестьянами только между дѣль. Къ тому же крестьяне употребляютъ очень мало денегъ на обзаведеніе и ремонтъ всѣхъ вещей, которыя производятся и исправляются ими лично, въ свободное отъ полевыхъ работъ время. Сверхъ того, многія вещи, нужныя для домашней жизни крестьянина, служатъ вмѣстѣ съ тѣмъ и для земледѣлія.

„Третье и послѣднее возраженіе: общественное владѣніе приковываетъ людей къ мѣсту жительства и препятствуетъ имъ обращаться на заработки туда, гдѣ бы они могли выручить болѣе денегъ. И это обвиненіе носить на себѣ клеймо не русскаго завода... Одни одобряютъ, другіе осуждаютъ, но всѣ признаютъ расположеніе нашего народа къ кочевой, особаго рода, жизни, обнаруживающейся тѣмъ, что толпы рабочихъ устремляются на сѣверъ, югъ и востокъ для заработковъ въ столицахъ, въ портахъ, въ степяхъ и проч. Какъ же при этомъ обвинять мірское владѣніе въ томъ, что оно приковываетъ крестьянъ къ землѣ? Личное владѣніе удерживаетъ (и это вполнѣ справедливо) французовъ на своемъ участіи и не позволяетъ имъ добывать деньги на сторонѣ; у насъ явленіе совершенно противное: люди идутъ на заработки за тысячу и болѣе верстъ, и дома остаются только необходимо-нужные рабочіе и бабы. Это ни почему нашимъ ученымъ, и мірское дробное владѣніе подвергается тому же обвиненію, которому подлежитъ личное мелкое владѣніе“.

Затѣмъ Кошелевъ переходитъ къ изложенію причинъ, почему онъ такъ *ревниво* стоитъ за сохраненіе мірскаго владѣнія землею. Причины эти слѣдующія:

„*Вопервыхъ*, потому, что этотъ способъ владѣнія у насъ существуетъ. Конечно, не все существующее хорошо (Боже насъ упаси отъ подобной слѣпоты!), но и не все существующее дурно. Существующее должно быть удержано, пока неудобства онаго не признаны ясно и положительно. Мірское владѣніе землею не уличено во вредномъ дѣйствіи ни на Россію вообще, ни на земледѣльческое

сословіе въ особенности; слѣдовательно оно должно быть сохранено. Сверхъ того народъ любитъ этотъ способъ владѣнія; на немъ основано то начало, которымъ проникнута вся жизнь русская; нравы, обычаи, даже привычки нашихъ поселянъ спаяны съ этимъ учрежденіемъ. Такъ изъ чего же намъ уничтожить его?

„*Восторыхъ*, мы настаиваемъ на удержаніи мірскаго землевладѣнія потому, что почти все, что мы видимъ, слышимъ и знаемъ въ нашихъ селахъ, основано на этомъ началѣ, и что съ его отмѣною потребовалось бы пересоздать чуть-чуть не всю Россію. Наши деревни выстроены такъ, а не иначе—потому, что крестьяне владѣютъ землею сообща; при введеніи личной поземельной собственности, вмѣсто нынѣ существующаго порядка, слѣдуетъ всѣмъ поселянамъ выйти на свои участки или оставаться въ большомъ отдаленіи отъ оныхъ. Въ первомъ случаѣ представляются слѣдующія неудобства: весьма многіе участки будутъ безъ воды, безъ луговъ и проч., а въ послѣднемъ предположеніи иные крестьяне будутъ имѣть близкіе, а другіе крайне отдаленные участки.— Полеводство наше должно быть измѣнено сейчасъ, ибо паръ на маломъ участкѣ не удобенъ; а возможно ли у насъ теперь введеніе плодоперемѣнной системы?—А съ скотоводствомъ что намъ дѣлать? По отмѣнѣ пара, необходимо держать весь скотъ круглый годъ на дворѣ, а откуда взять кормъ? Завести травосѣяніе? Но всѣ ли наши земли теперь къ тому способны? Указаны ли нашею наукою сельскаго хозяйства травы пригодныя для каждой мѣстности?—Теперь сосѣдъ помогаетъ сосѣду въ обмолокѣ овина, въ подачѣ сноповъ на одонье и проч.; тогда всякій долженъ управляться одинъ, какъ сможетъ, или нанимать работника себѣ на помощь. Теперь у крестьянина нѣтъ пилы, бурава, другаго топорика и тому подобнаго, и онъ беретъ все нужное на время у сосѣда; тогда, при нашихъ пространствахъ и непогодахъ, всякій запасайся самъ всѣмъ необходимымъ. — Вотъ главнѣйшія матеріальныя неудобства отмѣны общиннаго владѣнія, а сколько другихъ не столь осязательныхъ, но не менѣе существенныхъ! Однимъ словомъ, чѣмъ болѣе вдумываешься въ обстоятельства, сопряженныя съ отмѣною общиннаго владѣнія землею, тѣмъ болѣе убѣждаешься въ невозможности такого преобразования и сильнѣе привязываешься къ нынѣ существующему порядку вещей.

„*Втретьихъ*, мы желаемъ сохраненія общиннаго владѣнія

землею потому, что оно общаетъ твердое и правильное устройство земледѣльческаго сословія въ Россіи. Если это состояніе важно вездѣ, то въ особенности оно важно въ государствѣ, которое признается всѣми по преимуществу земледѣльческимъ. Безъ владѣнія землею могутъ ли быть поселяне прочно и разумно устроены? Крестьянинъ безъ земли—что рыба безъ воды. Неужель такъ, безъ оглядки, рѣшимся превратить нашихъ поселянъ въ батраки и поденщики? Не думаю, чтобы такое преобразование было выгодно даже для нынѣшнихъ преимущественныхъ землевладѣльцевъ, но оно неминуемо должно оказаться гибельнымъ для крестьянства и вреднымъ для всего государства. Поселяне составляютъ у насъ сильнѣйшее сословіе не только по числу, но и по неиспорченнымъ могущественнымъ, нравственнымъ и физическимъ, силамъ. Въ другихъ земляхъ крестьяне составляютъ четверть, треть, двѣ пятыхъ народонаселенія, у насъ слишкомъ двѣ трети всѣхъ жителей суть земледѣльцы; неудобомыслима мѣра, въ силу коей это огромное большинство превратилось бы въ кочующій, бездомный, безземельный людъ. Насчетъ превосходства этого сословія въ нравственномъ отношеніи мнѣнія еще могутъ быть различны; но нельзя, кажется, не признать самостоятельности крестьянства, его могущества и стойкости. И это сословіе, главную основу нашего массивнаго величія, хотятъ лишить земли и предать батрачеству. Нѣтъ, это сущая невозможность: скорѣе вода пойдетъ противъ своего обычнаго теченія, чѣмъ русскій поселянинъ можетъ быть оторванъ отъ земли, упитанной его потомъ. Одно средство навсегда его успокоить, привязать его къ общему порядку и къ земледѣлію есть—предоставить ему участіе въ поземельной собственности. И у насъ это будетъ не нововведеніемъ, а только законнымъ освященіемъ того, что существуетъ издавна. Мѣрское владѣніе землею спасаетъ насъ отъ всѣхъ бѣдствій того дробнаго землевладѣнія, которое оказывается столь неудобнымъ во Франціи. Сверхъ того, великую выгоду представляетъ мѣрское владѣніе въ томъ, что оно устраняетъ на долгое время, быть-можетъ навсегда, возможность пролетаріата, этой великой язвы европейскихъ государствъ.

„*Вчетвертыхъ*, мы защищаемъ мѣрское владѣніе землею еще потому, что оно преимущественно содѣйствуетъ къ устойчивости нашего государства. Конечно, крѣпость нашей державы составляетъ не то или иное сословіе, но совокупность оныхъ, — весь народъ;

нельзя однако не признаться, что въ эту сокровищницу крестьянство влагаетъ лепту великую. Мы разумѣемъ здѣсь не то только, что крестьяне выкупаютъ всего болѣе воинствъ, платятъ всего болѣе податей, исправляютъ всего болѣе повинностей и проч., но въ особенности то, что они суть представители по преимуществу нашей народности. Всѣ сословія, болѣе или менѣе, увлекались иноземными мыслями, нравами и обычаями; крестьянство менѣе прочихъ поддалось чуждому вліянію и сохранило для насъ тѣ начала русской жизни, которыя теперь мы изучаемъ, которыми стараемся проникнуться, къ которымъ прибѣгаемъ при всякой общей бѣдѣ, и которыя одни обѣщаютъ нашей странѣ могущество и спокойствіе. Если это такъ, то не общинному ли быту, а слѣдовательно не мірскому ли владѣнію землею въ особенности, которое составляетъ преимущественную основу крестьянской жизни, обязаны мы устойчивостью нашей страны? Чѣмъ былъ бы нашъ поселянинъ, чѣмъ были бы мы всѣ, еслибы, продолжая блуждать по огромнымъ нашимъ пространствамъ, нынѣ тутъ, завтра тамъ онъ навнимался въ рабочіе, или, лишенный всякой собственности, былъ въ полномъ распоряженіи своихъ хозяевъ? Къ счастью, чего положительно не установилъ законъ, то сдѣлалъ обычай, утвержденіе котораго должно быть искреннимъ и сильнѣйшимъ желаніемъ всякаго русскаго“.

Эта горячая и разумная защита нашей сельской общины со стороны „Современника“ и въ особенности со стороны славянофильскихъ органовъ („Рус. Бесѣды“ и журнала „Сельскаго Благоустройства“) въ свое время имѣла большое значеніе. Въ средѣ общества, въ средѣ людей знакомыхъ съ условіями сельскаго быта не могла зародиться мысль о ломкѣ историческаго учрежденія, сросшагося съ народною жизнью. Но въ образованномъ меньшинствѣ того времени не мало было доктринѣровъ, которые готовы были испробовать, для благодѣтельствованія массы, и такой крупный опытъ; а такъ какъ большинство этихъ доктринѣровъ принадлежало къ вліятельной средѣ, то нельзя было поручиться и за отсрочку мѣръ, вносящихся къ распаденію общины. Вѣдь ставилъ же законъ 1803 года объ обязанныхъ крестьянахъ участковое или подворное владѣніе непрѣмнымъ условіемъ прекращенія крѣпостныхъ отношеній. Своевременная защита принесла свою пользу: въ дальнѣйшемъ движеніи этого спора, въ литературѣ того времени, большинство оказалось противниками общиннаго владѣнія въ теоріи, но *ни одинъ голосъ*

не рѣшился выступить съ предложеніемъ о необходимости принудительныхъ мѣръ противъ существующей у насъ поземельной общины.

Ал. Иван. уже въ то время хорошо понималъ значеніе такого результата. Противникамъ общиннаго владѣнія онъ говорилъ: „Рѣшеніе настоящаго вопроса въ литературѣ, предъ судомъ общественнаго мнѣнія, можетъ имѣть вліяніе на предположенія губернскихъ комитетовъ и даже на окончательныя опредѣленія самого правительства. А потому нынѣ мы должны говорить не туманно, не общими мѣстами, не на-авось, не на основаніи иноземныхъ теорій, составленныхъ при иныхъ условіяхъ, а положительно, доказательно, съ прямымъ и точнымъ примѣненіемъ къ нашему быту. Это желательно всегда и вездѣ, но, здѣсь и теперь, оно вполне обязательно, ибо дѣло идетъ хотя не о немедленномъ, насильственномъ уничтоженіи существующаго, однако объ измѣненіи и направленіи этого существующаго въ совершенно иную колею, если и не сейчасъ, то въ самой близкой будущности. Или, быть-можетъ, вы думаете воспользоваться общиннымъ устройствомъ съ общиннымъ землевладѣніемъ и круговымъ ручательствомъ—теперь, на время, для выхода изъ крѣпостнаго состоянія, но тотчасъ же вы хотите вложить въ законоположенія начало разрушенія этого устройства? Но мудро ли это? Конечно, несвойственное почвѣ сѣмя иногда просто замираетъ; но иногда оно даетъ и болѣзненные произрастанія. Ваши пособія и преимущества въ пользу личной собственности могутъ представить, какъ вы называете, *отрадныхъ явленія*; но проникнетъ ли ваше добро до массы крестьянства? Эти частныя, скажу—даже рѣдкія, явленія личной собственности въ общей дачѣ не сдѣлаются ли помѣхою для удобнаго размѣщенія полей, остающихся въ пользованіи у остальныхъ крестьянъ? Разумно ли теперь, когда мы вступаемъ въ величайшій переворотъ, который когда-либо у насъ совершался, когда крестьянству только предстоитъ прочно устроиться, и когда всѣ его силы должны быть призваны къ дѣлу,—разумно ли теперь же поражать то начало, которое, по сознанію всѣхъ знакомыхъ съ нашимъ народомъ и даже всѣхъ разсудительныхъ противниковъ общиннаго землевладѣнія, лежитъ въ основѣ нашей крестьянской жизни? Конечно, это начало устоитъ, какъ оно устояло противъ помѣщичьей и чиновничьей власти; но велика разница въ томъ, будетъ ли оно

развиваться съ полною въ себя вѣрою, или съ сознаниемъ, что оно есть положеніе временное, что оно осуждено на смерть, что противъ него уже выставлены узаконенія, и что дѣйствіе ихъ должно постепенно усиливаться. Этотъ вопросъ такъ важенъ, онъ такъ существенно, такъ сильно относится къ самому источнику нашего государственнаго и общественнаго бытія, что его рѣшить, не осмотрѣвшись вспять, кругомъ себя и въ даль, насколько наши глаза то позволяютъ, и что еще хуже—*предрѣшить* его, ибо на рѣшеніе прямое и откровенное ни у кого духа не хватитъ,—это есть дѣло, по крайней мѣрѣ, въ высшей степени неосторожное“ („Сельское Благоустр.“ 1858, № 8, стр. 146—147).

Было бы странно, еслибы такой важный вопросъ не затронулъ литературы, и дѣйствительно вся періодическая печать отнеслась къ нему съ полнымъ вниманіемъ. Но только какою шаткостью, какимъ отсутствіемъ всякой опредѣленности въ этомъ вопросѣ отличалось большинство журналовъ, помѣщая статьи и про и contra. „Современникъ“ и „Рус. Бесѣда“ остались вѣрны себѣ и до конца защищали общину.

Въ слѣдующихъ годахъ Чернышевскій помѣстилъ второй рядъ статей. Здѣсь онъ разсматриваетъ общинное владѣніе съ чисто-теоретической точки зрѣнія и, опровергнувъ политико-экономическую теорію старой французской школы Ж. Б. Сея и его послѣдователей, которой придерживались защитники личной земельной собственности, ставитъ на ея мѣсто новую теорію, извѣстную подъ именемъ *государственнаго социализма*. Сюда относятся слѣдующія статьи:

I. *Критика философскихъ предубѣжденій противъ общиннаго владѣнія* („Соврем.“ 1858 г. № 12). Въ основу своей статьи Чернышевскій поставилъ метафизическій законъ, выведенный нѣмецкою умозрительною философіей: 1) высшая степенъ развитія по формѣ совпадаетъ съ его началомъ; подъ влияніемъ высокаго развитія, котораго извѣстное явленіе общественной жизни достигло у передовыхъ народовъ, это явленіе можетъ развиваться очень быстро, подниматься съ нижней прямо на высшую, минуя средніе логические моменты (611). Законъ этотъ, недостаточно установленный, Чернышевскій невѣрно примѣняетъ къ явленіямъ жизни естественной и социальной. Въ приложеніи къ общинному владѣнію законъ этотъ даетъ такой результатъ: общинное владѣніе есть первобытная фор-

на поземельныхъ отношеній, а частная собственность есть вторая послѣдующая форма, слѣдовательно за нею неизбѣжно, въ смыслѣ высшей формы, должно вернуться общинное владѣніе (597). А какъ въ Россіи уже существуетъ общинное владѣніе, въ настоящее время уступившее въ западно-европейскихъ государствахъ свое мѣсто переходной формѣ личной собственности, то сохраненіе у насъ общиннаго владѣнія съ этой теоретической точки зрѣнія представляется несомнѣннымъ.

II. *Экономическая дѣятельность и законодательство* (1859, № 1). Здѣсь Чернышевскій старается разяснить понятія новой экономической школы объ отношеніяхъ государства къ частной инициативѣ въ экономич. дѣятельности (стр. 364). Исходя изъ основнаго положенія, что государство существуетъ только для блага или пользы частныхъ лицъ (336), Чернышевскій приходитъ къ заключенію, что государство должно стремиться къ тому, чтобы выгоды общественной жизни распредѣлялись между членами общества какъ можно равномѣрнѣе, а убытки ложились на тѣхъ, кто легче ихъ можетъ вынести; только въ этомъ направленіи можно доставлять людямъ, при данномъ размѣрѣ національнаго богатства, наибольшую сумму благосостоянія (344). Съ общей теоретической точки зрѣнія, мнѣніе, будто бы экономическая дѣятельность не нуждается ни въ какихъ положительныхъ законахъ, когда остальные дѣятельности обойтись безъ нихъ не могутъ, представится чистою нелѣпостью, нарушеніемъ всякой аналогіи между проявленіемъ человѣческой дѣятельности въ разныхъ сферахъ и противорѣчіемъ основному принципу общества (348). Съ точки зрѣнія государственной общинное владѣніе представляетъ слѣдующія преимущества: оно не увеличиваетъ, а уменьшаетъ хлопоты и расходы правительства; оно такъ просто, что отстраиваетъ нужду во вмѣшательствахъ всякой центральной и посторонней администраціи; оно даетъ безспорность и независимость правамъ частнаго лица; оно благопріятствуетъ развитію въ немъ прямоты характера и качествъ нужныхъ для гражданина; оно поддерживается и охраняется силами самого общества, возникающими изъ инициативы частныхъ людей (стр. 360).

III. *Суетыріе и правила логики* (1859 г. № 9). Здѣсь Чернышевскій разсматриваетъ тѣ условія, которыя, помимо общиннаго владѣнія, у насъ мѣшаютъ успѣхамъ сельскаго хозяйства. Условія эти суть: незначительная степень населенности, слабое разви-

тіе городовъ, плохое состояніе путей сообщенія, неразвитость торговли и промышленности, недостатокъ у землевладѣльцевъ оборотнаго капитала, крѣпостное состояніе, отсутствіе умственнаго развитія въ народѣ и упадокъ его энергіи (стр. 514), а въ особенности дурное состояніе нашей администраціи и судебной власти (521—522). Что общинное владѣніе не причастно у насъ отсутствію успѣховъ въ земледѣліи, Чернышевскій доказываетъ съ отрицательной стороны, указывая тѣ страны, гдѣ всѣ остальные условія сходны съ нашими, но нѣтъ общиннаго владѣнія, а господствуетъ личная поземельная собственность, и гдѣ состояніе земледѣлія нисколько не лучше нашего. Таковы Испанія, Турція, Персія, Кабуль, Бухара, Хива, Коканъ (стр. 516—517).

Въ № 3 „Современника“ за 1858 годъ помѣщены „Замѣчанія на статью о поземельной собственности“ въ 4 книжкѣ „Современника“ за 1857 годъ, въ видѣ письма въ редакцію „Провинціала“. Авторъ, совершенно согласный съ Чернышевскимъ и даже признающій частную поземельную собственность за форму переходящую и осужденную на уничтоженіе, дѣлаетъ возраженіе противъ разсчета Чернышевскаго о сравнительно большей выгодности прочныхъ улучшеній для общественника по отношенію къ частному землевладѣльцу, а равно противъ слишкомъ продолжительнаго періода вліянія этихъ улучшеній на возвышеніе дохода съ земли, принятаго Чернышевскимъ въ его разсчетахъ. Свои *ria desideria* авторъ формулируетъ слѣдующимъ образомъ: „Я желалъ бы въ вашей статьѣ, во первыхъ, немного болѣе уступки въ пользу частной собственности, исторически неизбѣжной, можетъ-быть какъ состоянія переходнаго, и, во вторыхъ, допущенія возможности разумнаго распоряженія землями со стороны частныхъ владѣльцевъ, независимо отъ системы фермерства, до сихъ поръ намъ совершенно чуждой; вмѣстѣ съ тѣмъ искренно желалъ бы, чтобы угрожающій намъ въ будущемъ призракъ фермерства не парализовалъ, въ настоящемъ, частныхъ нашихъ усилій къ усовершенствованію сельскаго хозяйства, а со временемъ и совсѣмъ исчезъ предъ поглощающимъ вліяніемъ общиннаго начала“ (101—102). Въ своемъ „Отвѣтѣ на замѣчанія г. Провинціала“ (104—113) Чернышевскій въ довольно длинномъ предисловіи разъясняетъ справедливыя и нисколько не озлобленныя отношенія образованнаго класса къ помѣщикамъ вообще и въ особенности къ тѣмъ изъ нихъ, которые готовы на по-

жертвованія во имя общаго блага. При этомъ Чернышевскій заявляетъ, что возникновеніе у насъ фермъ не принесетъ вреда при общинномъ землевладѣніи, если земля арендуемая фермеромъ не будетъ преобладать надъ послѣднимъ. Вообще же говоря, Чернышевскій одобряетъ мѣры, намѣченныя „Провинціаломъ“ для увеличенія пространства земли, поступившаго въ общинное владѣніе: присоединеніе къ прилежащей общинѣ тѣхъ клочковъ земли, которые, чрезъ наслѣдственное дробленіе, измельчали до извѣстнаго предѣла и мысль о передачѣ по завѣщанію отца наслѣдственной его земли въ общинное владѣніе его роду,—мысль, которая впрочемъ осталась безъ всякаго дальнѣйшаго разъясненія (стр. 110).

Въ томъ же № 3 В. А. Панаевъ *) помѣстилъ въ защиту общины статью подъ названіемъ „Община“ (стр. 255—308). Панаевъ опровергаетъ слѣдующія возраженія противъ общины: 1) община останавливаетъ возможность надлежащихъ усовершенствованій въ сельскомъ хозяйствѣ; 2) уменьшаетъ производительность почвы; 3) стѣсняетъ волю члена общины; 4) не даетъ члену общины правъ, предоставляемыхъ личнымъ землевладѣіемъ, наприм. свободнаго распоряженія и отчужденія своего участія (стр. 261); 5) увѣреніе противниковъ общины, будто общинники сами тяготятся этимъ положеніемъ и охотно готовы перейти къ принципу личной поземельной собственности (294). Статья Панаева служитъ необходимымъ дополненіемъ статей Чернышевскаго; Панаевъ въ своихъ доказательствахъ отправляется не отъ общихъ, отвлеченныхъ положеній, а отъ личнаго наблюденія надъ явленіями общинной жизни. Интересно и характерно Панаевъ рассказываетъ, какъ самъ онъ, въ управляемомъ имъ имѣніи, хотѣлъ ввести наслѣдственное участковое пользованіе и встрѣтилъ отпоръ отъ крестьянъ, заставившихъ его измѣнить свой образъ мыслей; въ подтвержденіе своихъ положеній Панаевъ приводитъ лично ему извѣстные случаи изъ разныхъ мѣстностей въ Россіи. Окончательный выводъ, къ которому пришелъ Панаевъ, таковъ: русская община представляетъ

---

*) Это не тотъ Панаевъ, который вмѣстѣ съ Некрасовымъ былъ редакторомъ „Современника“. Въ 1865 году, когда я завѣдывалъ внутреннимъ отдѣломъ въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“, я знакомъ былъ съ инженернымъ полковникомъ В. А. Панаевымъ, помѣщавшимъ статьи свои въ газетѣ. Панаевъ былъ тогда сторонникомъ бумажной валюты для современнаго рынка и возставалъ противъ неудачныхъ и разорительныхъ мѣръ для восстановленія разнѣна путемъ заграничныхъ займовъ, особенно въ той формѣ, какъ она тогда заключалась.

осуществленіе тѣхъ естественныхъ въ экономическомъ смыслѣ отношеній людей къ землѣ и между собою, къ каковымъ они должны придти, если ничѣмъ не стѣснены и поставлены въ такія условія, при которыхъ и себя, и права свои на землю считаютъ равными. Въ основаніи русской общины лежитъ самая широкая и практическая идея, проникнутая безграничнымъ духомъ справедливости; и потому русская община, съ экономической точки зрѣнія, не есть явленіе отсталое, а напротивъ передовое (272). Идея эта есть прирожденное человѣку право на землю и возможность получить ее сообразно своимъ потребностямъ. Панаевъ и впослѣдствіи выступилъ главнымъ защитникомъ общины на сельскохозяйственномъ сѣздѣ 1861 года въ память столѣтняго юбилея Императ. Вольнаго Экономическаго Общества, въ засѣданіи 4 ноября, гдѣ Бушенъ прочелъ свой докладъ по входившему въ программу вопросу: „насколько общинное землевладѣніе совмѣстимо съ успѣхами сельской промышленности“, — докладъ, направленный въ защиту личнаго землевладѣнія и противъ общины.

Въ ряду противниковъ общиннаго землевладѣнія мѣсто выдохшагося и прекратившагося въ 1859 году „Экономическаго Указателя“ занялъ „Русскій Вѣстникъ“.

Въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ защитниками личной поземельной собственности выступили все люди высокопоставленные: П. А. Валуевъ *), подъ псевдонимомъ Гуфейзенберга („Письмо къ редак-

---

П. А. Валуевъ, кромѣ этой статьи, помѣстилъ еще въ газетѣ „Le Nord“ за 1858 г., подъ псевдонимомъ Aliqua, письма объ освобожденіи крестьянъ въ балтійскихъ провинціяхъ Россійской имперіи. Письма эти переведены были въ „Рус. Вѣстникѣ“ за 1858 г. (№№ 2 и 3) и изложены въ сокращеніи въ журналѣ „Сельскаго Благоустройства“ (№№ 1 и 2). Ему же принадлежитъ помѣщенная прежде въ „Журналѣ Мин. Вн. Дѣлъ“ статья „Положеніе о крестьянахъ Эстляндской губерніи“ (іюнь 1857 г.). Авторъ этихъ писемъ стремится доказать, что фермерство есть лучшій способъ землевоздѣлыванія, что потому земля должна оставаться во владѣніи высшаго сословія въ государствѣ, что хозяйствованіе въ ней слѣдуетъ предоставлять фермерамъ и что рабочими должны быть вольные люди по найму. Статью эти обратили на себя вниманіе высшаго петербургскаго дворянства и оно выставило впередъ П. А. Валуева въ борьбѣ своей съ Н. А. Милютинимъ, которому по праву, послѣ смерти С. С. Ланскаго, принадлежалъ министерскій портфель. Но ожиданія не сбылись. Воля покойнаго государя, сила вещей и собственный, дипломатически-уклопчивый характеръ Петра Александровича не позволили слишкомъ круто повернуть въ другую сторону. Не могу не рассказать кстати одного случая, доказывающаго, какъ благосклонно, но осторожно относился П. А. Валуевъ къ интересамъ дворянства: Въ одинъ изъ моихъ прѣзидовъ въ Петербургъ я вызванъ былъ вечеромъ къ министру. Послѣ длинной и

тору по поводу вопроса о поземельной собственности и общинномъ пользованіи землею“. 1857, № 22, 101—115); извѣстный смоленскій губернский предводитель дворянства и желѣзнодорожный дѣятель, а потомъ губернаторъ и помощникъ попечителя Московскаго округа С. С. Ивановъ („Поземельная собственность и общинное владѣніе“. 1858, № 16, 28); извѣстный экономистъ, оберъ-прокуроръ сената А. Н. Бутовскій („Общинное владѣніе и собственность“, № 13, 59); извѣстный сельскій хозяинъ Д. Д. Нееловъ („О личномъ и общинномъ владѣніи землею“, № 14, 44; № 15, 52). Несмотря на то, прочитавши внимательно всѣ эти статьи, я долженъ повторить строгій, но справедливый отзывъ Ал. Иванов. о всѣхъ тогдашнихъ защитникахъ поземельной собственности: „Я прочелъ все, что можно было прочесть объ этомъ предметѣ, но находилъ лишь фразы, возгласы, нѣкоторыя невѣрныя свѣдѣнія о нашемъ сельскомъ бытѣ и выписки изъ западныхъ писателей, не имѣвшихъ случая изучить на дѣлѣ этотъ способъ владѣнія“ („Рус. Бесѣда“ 1857, кн. IV, 135—136). Но въ первой книгѣ за сентябрь 1858 года самъ Катковъ помѣстилъ статью „Русская сельская община“ (стр. 183—235), гдѣ авторъ объясняетъ вновь изобрѣтенную имъ систему *общинной собственности*. Къ этой статьѣ съ ироническою полемикой отнеслись—Евг. О. Коршъ, подъ псевдонимомъ Н. Тупицына („Новая русская община“, три письма къ редактору „Атеней“ 1888 г., №№ 40, 41 и 42) и Ал. Иван. Кошелевъ („Русская сельская община“ въ „Сельск. Благоустройствѣ“ 1858 г.,

блестящей рѣчи о сочувствіи къ потерямъ дворянскаго сословія, Петръ Александровичъ сдѣлалъ мнѣ такое предложеніе. Извѣстно, что крестьянскій надѣлъ оцѣненъ былъ въ 150 р. сер.; но за него выдавалось выкупными листами только 120 р. сер. Предполагалось, для вознагражденія дворянства въ потерѣ тридцати рублей, выпустить на всю эту сумму облигацій, срокъ реализаціи которыхъ назначался чрезъ сто лѣтъ, но за все это время процентовъ на нихъ не уплачивалось. Петръ Александровичъ совѣтовалъ мнѣ, если я раздѣляю такой способъ вознагражденія, пропагандировать его въ газетахъ,—тогда этому придавали нѣкоторую важность. Не знаю наизусть, но я слышалъ, будто Валуевъ вносилъ подобное предложеніе въ государственный совѣтъ, но оно, конечно, не прошло. Интересно, что Я. А. Соловьевъ, въ статьяхъ своихъ о поземельной общинѣ (см. „Отеч. Зап.“ 1858 г.), очень зло и безцеремонно разбираетъ статью, напечатанную безъ имени П. А. Валуевымъ въ „Журн. М. В. Д.“ объ эстляндскихъ крестьянахъ: видно, что это были два человека разныхъ лагерей, не сочувствующихъ другъ другу. Поэтому Валуевъ, сдѣлавшись министромъ, вытѣснивъ Соловьева, бывшаго управляющимъ земскимъ отдѣломъ, и послѣ его ухода министерство внутреннихъ дѣлъ совершенно разошлось въ направленіи съ главнымъ комитетомъ по устройству крестьянъ.

XI, 43 — 66). Оба возраженія направлены главнымъ образомъ противъ непосредственнаго практическаго примѣненія рекомендованной системы, что дѣйствительно представляетъ нелѣпость, но мало обращено вниманія на теоретическіе выводы автора. Этому безъ сомнѣнія, способствовалъ обычный тонъ статьи. Если дѣйствительно *le stile l'est l'homme*, то стиль Каткова не даетъ высокаго понятія о его личности: высокомѣрное презрѣніе ко всякому чужому мнѣнію *) и убѣжденіе въ собственной непогрѣшимости и великомъ значеніи своихъ откровеній проглядываютъ вездѣ. Настоящую статью Катковъ начинаетъ такимъ заявленіемъ: Отстаивать общинное владѣніе невозможно, по крайней мѣрѣ невозможно для людей уважающихъ слово и неспособныхъ жертвовать очевидностью истины упрямству самолюбія. Не знаемъ, остаются ли въ прежней позиціи защитники общиннаго владѣнія послѣ цѣлаго ряда статей, помѣщенныхъ въ нашемъ журналѣ и представляющихъ въ подробности и съ разныхъ сторонъ всю нелѣпость и весь вредъ общиннаго владѣнія, за которое защитники русской общины ратуютъ съ такимъ увлеченіемъ, съ такимъ энтузіазмомъ, съ такимъ рѣшительнымъ пожертвованіемъ самыхъ коренныхъ экономическихъ началъ“ (стр. 185—186). За то свою практически-непримѣнимую систему Катковъ ставитъ чрезвычайно высоко: Исторія покажетъ, что начало это (общинная собственность въ томъ видѣ, какъ предлагаетъ ее Катковъ) есть одно изъ тѣхъ сѣмянъ всемірной жизни, которыя таятся въ глубинѣ славянской народности. Форма общинной собственности, организовавшись въ могущественной дѣйствительности, развѣвъ все, что заключается въ ея возможности, станетъ не только на ряду съ римскимъ началомъ личной собственности и германскимъ (?) родовой, но далеко превзойдетъ ихъ и приведетъ къ высшему единству и полнѣйшей, совершеннѣйшей нормѣ общественныхъ отношеній. То, что кажется непримиримымъ и невозможнымъ виѣ этого начала, стано-

---

*) Въ 1858 году Б. Н. Чичеринъ, какъ я уже говорилъ, отдѣлился отъ „Рус. Вѣстника“ и примкнулъ къ „Атеней“. Безъ всякой нужды и отношенія къ дѣлу, Катковъ въ настоящей статьѣ послалъ по адресу своего бывшаго сотрудника такой отзывъ: „Нельзя безъ чувства жалости и презрѣнія видѣть бесплодное направленіе, которое не имѣетъ другой цѣли, какъ только клеймить и поворотить наше прошедшее и воевать съ тѣмъ, что самъ же считаетъ навѣки отжившимъ и уничтоженнымъ“ (стр. 187—188). А что Катковъ говоритъ въ этой статьѣ объ редакціи „Современника“!??

зится чрезъ него дѣломъ легкимъ и простымъ. Всѣ ужасы коммунизма исчезаютъ какъ призракъ передъ его развитіемъ, которое можетъ уничтожить въ самомъ корнѣ существенныя причины современнаго общественнаго недуга западной Европы (стр. 233). Посмотримъ скорѣе, въ чемъ же состоитъ это благодѣяніе, успокоивающее Европу и устанавливающее полную и совершеннѣйшую норму общественныхъ отношеній. Предупреждаемъ читателя, что статья, которая возвѣщаетъ великое начало, очень не разработана: много лишняго, къ дѣлу не идущаго, иное не досказано, другое не ясно. Поэтому я постараюсь изложить статью сжато и послѣдовательно, съ нѣкоторыми необходимыми поясненіями. Экономическая дѣятельность состоитъ въ томъ, что человѣкъ своимъ *трудомъ* предметы видимой природы приспособляетъ къ удовлетворенію своихъ потребностей и въ этомъ смыслѣ болѣе или менѣе измѣняетъ ихъ естественный, наружный видъ. Такимъ образомъ предметъ или произведеніе природы обращаются въ *вещь* (гез—въ римскомъ юридическомъ смыслѣ), *цѣнность*, *товаръ*, *капиталъ*. Это отношеніе человѣка-хозяина къ видимой природѣ выразилось въ юридическомъ институтѣ собственности (*dominium*), которое заключаетъ въ себѣ право личнаго обладанія вещью, исключая всѣхъ другихъ, и право неограниченнаго ею распоряженія, доходящее до права уничтоженія по капризу собственника. Но человѣкъ живетъ на землѣ, которая въ свою очередь создаетъ всѣ предметы, перерабатываемые трудомъ человѣка, и потому для всякаго трудящагося земля представляетъ первоначальное, основное и неразрушимое *орудіе производства*. Отношенія человѣка къ землѣ не могутъ слагаться по *типу собственности*, или, другими словами, земля не должна переходить въ *личную собственность*, такъ какъ она по существу своему не имѣетъ ни одного признака, характеризующаго вещь, какъ предметъ собственности: она не создана трудомъ человѣка, она не можетъ быть уничтожена, отъ пользованія ею никого устранить нельзя, не лишая его вмѣстѣ съ тѣмъ права свободной личности,—права, принадлежащаго человѣку какъ человѣку. Рабъ и пролетарій—явленія патологическія, которыя не могутъ быть принимаемы въ расчетъ наукой при созданіи правильной, нормальной теоріи, согласно съ сущностью изучаемаго предмета. Но для того, чтобы земля сдѣлалась орудіемъ производства для лица трудящагося, необходимо, чтобы ему отдѣленъ былъ

известный ограниченный участокъ, которымъ онъ имѣлъ бы возможность пользоваться по своему усмотрѣнію. Такимъ образомъ въ отношеніи къ землѣ создается другое право, *право пользованія* (*possessio*) или *владѣнія*, которое въ нормальномъ видѣ предполагаетъ, что участокъ, отведенный лицу, сообразенъ съ размѣрами его труда и остается въ его распоряженіи до тѣхъ поръ, пока продолжится производство. Вотъ та общая теорія, которую даетъ современный анализъ экономическихъ отношеній человѣка къ природѣ и другимъ лицамъ.

Эти общіе принципы никогда не терялись въ исторіи человѣчества, но, непрерывно измѣняясь, подъ вліяніемъ самыхъ многообразныхъ условій, и колеблясь то въ нормальную, то въ патологическую сторону, создали въ каждомъ народѣ особый типъ земельныхъ отношеній.

Римляне были народъ по преимуществу завоевательный; источникомъ собственности для нихъ являлся не трудъ, а *насилие*, захватъ; символомъ поземельнаго владѣнія для нихъ было *копье* (*hasta*), а не *соха*, какъ для славянина-земледѣльца. Поэтому римляне понятіе о вещной собственности, со всѣмъ его безграничнымъ и неумолимымъ произволомъ, перенесли не только на землю, но и на раба (*servi sunt res*). Отсюда понятіе о личной собственности перешло къ романо-германскому міру и держится до сихъ поръ въ общественномъ сознаніи: поземельная собственность защищается западнымъ человѣкомъ не только какъ фактъ, какъ экономическое удобство, но какъ принципъ. Впрочемъ было бы противно исторіи утверждать, что понятіе о личной собственности сложилось исключительно въ римскомъ законодательствѣ и оттуда перешло къ другимъ народамъ. Въ правѣ пользованія лежала фактическая возможность перехода къ личной поземельной собственности. Этотъ институтъ до такой степени любъ и удобенъ для человѣческаго эгоизма, что, пока человѣчество достигло настоящей степени культуры, частная собственность должна была возникнуть вездѣ путемъ расширенія фактическаго владѣнія или пользованія, вслѣдствіе борьбы отдѣльныхъ личностей, неравныхъ между собой предприимчивостью (иниціативою), и возникновенія сословныхъ группъ, захватившихъ въ свои руки привилегіи власти и поземельнаго владѣнія. Такимъ образомъ, съ развитіемъ экономической жизни, сложилась и крупная поземельная собственность, связанная

съ обезземеліемъ подчиненнаго большинства. Съ теченіемъ времени поземельная собственность, освященная историческою давностью, получила въ человѣчествѣ признаніе справедливаго и защищаемаго обществомъ акта приобрѣтенія, что въ римскомъ правѣ получило, со свойственною ему характерностью выраженія, обозначеніе *iustus titulus possidendi*. Оттого насильственная экспроприация личныхъ поземельныхъ собственниковъ, въ томъ или другомъ видѣ, въ настоящее время была бы вышею несправедливостью; восстановление нормальныхъ отношеній, въ смыслѣ вышеизложенной теоріи, предоставлено естественному ходу исторіи путемъ увеличенія населенія и измѣненія отношеній между экономическими группами, вслѣдствіе распространенія цивилизаціи.

Въ племенахъ, заселявшихъ землю путемъ мирнаго занятія, не вырабатывались сами собою явственныя государственныя формы (въ смыслѣ правительственной централизаціи); племена эти отличались, напротивъ, болѣе или менѣе сильною антипатіей къ государственнымъ формамъ и къ точнымъ юридическимъ опредѣленіямъ (въ римскомъ смыслѣ) (стр. 190). Типъ поземельной собственности у славянскихъ племенъ сохранился прежній, въ формѣ нераздѣльной семьи (задруга у сербовъ и западныхъ славянъ) и сельской общины (у великоруссовъ). Первый шагъ присвоенія земли въ видѣ выдѣленнаго и защищаемаго участка или округа, предназначеннаго для пользованія извѣстной группы, замѣчается еще у кочевниковъ-звѣролововъ или пастуховъ, гдѣ земля составляетъ общественную собственность, которою пользуется каждое отдѣльное лице въ размѣрѣ своихъ потребностей, но верховное право собственности признается не за лицомъ, а за цѣлою группою. То же самое имѣетъ мѣсто и въ первоначальныхъ земледѣльческихъ поселеніяхъ, гдѣ занятый округъ принадлежитъ въ собственность всему населенію, а частное пользованіе получаетъ болѣе опредѣленности, вслѣдствіе отличія земель воздѣланныхъ, поступающихъ въ постоянное пользованіе единицъ или группъ ее обрабатывающихъ. Верховное право собственности цѣлою общины выражается въ распоряженіяхъ пусто-порожними, т.-е. не обработанными или воздѣланными, но покинутыми землями, которыми община надѣляетъ прибылыхъ членовъ, въ нее поступающихъ, путемъ естественнаго народженія или свободнаго присоединенія, съ согласія общины.

Вотъ типъ первоначальной сельской общины, гдѣ передѣлы не

составляютъ существеннаго признака и являются только какъ слѣдствіе недостатка земли, поступившей цѣликомъ въ пользованіе наличныхъ членовъ общины и не оставшейся въ запасѣ. Такъ и въ древней Россіи поземельная собственность первоначально была родовая, то - есть принадлежала нераздѣльнымъ семьямъ, вродѣ задругъ у западныхъ славянъ: „владѣяше вѣждо родомъ своимъ“. Съ пришествіемъ варяговъ, съ возникновеніемъ у насъ государственной централизаціи и измѣненіемъ экономическихъ условій страны, верховное право собственности на землю, какъ вездѣ, перешло къ князю, а право вѣчнаго пользованія осталось за фактическими владѣльцами земли. Эти владѣльцы явились въ двухъ видахъ: владѣльцы, которые право пользованія сосредоточили всецѣло и непосредственно въ своемъ лицѣ (земли владѣльческія), и владѣльцы, которыхъ право пользованія зависѣло отъ общины, сохранившей свое верховное право распоряженія извѣстнымъ участкомъ отъ времени первоначальнаго заселенія. Это очень ясно въ юридическихъ памятникахъ, гдѣ черносошные крестьяне принадлежащую имъ землю называютъ „великаго князя своею землею“. Замѣчательно, что отсутствіе въ этомъ смыслѣ у насъ римскаго понятія о верховномъ правѣ собственности, нераздѣльномъ съ правомъ законнаго владѣнія, замѣченное, какъ мы уже видѣли, славянофилами и Крыловымъ, указано въ разбираемой статьѣ и Катковымъ. Такой обычный взглядъ, присущій народу и выражающійся въ сознаніи, что поземельная собственность устанавливается фактомъ воздѣлыванія земли, а не захватомъ, — придавъ нашему народу тотъ демократическій характеръ, который не допустилъ у насъ развитія аристократіи, несмотря на образованіе многочисленнаго и привилегированнаго служилаго сословія. Лѣса до самаго государственнаго межеванія сохраняли у насъ характеръ общаго пользованія какъ со стороны частныхъ владѣльцевъ, такъ и сельскихъ общинъ, прилегающихъ къ извѣстной дачѣ (въѣзжіе лѣса), и только съ этой эпохи лѣса отведены были въ частную собственность, причемъ нарѣзка происходила по числу ревизскихъ душъ, принадлежавшихъ помѣщику во время размежеванія.

Теперь спрашивается: какое экономическое явленіе внесла частная поземельная собственность въ общественную жизнь? Частная собственность дала владѣльцу ограниченнаго въ его исключительное пользованіе земельного участка, превосходящаго его

трудоваыя силы, доходъ, не зависящій отъ труда человѣческаго и обусловленный исключительно его правами собственности, т.-е. изъятіемъ принадлежащаго ему участка изъ народнаго оборота, *даровую ренту*. Общее направленіе современнаго производства сводится къ тому, что продукты человѣческаго труда—товары—дешевѣютъ, а земля, основное орудіе всякаго производства, какъ скоро она обращена въ частную собственность, *постоянно* возрастаетъ въ цѣнности. Возрастаніе это не имѣетъ ничего общаго съ трудовою дѣятельностью человѣка и зависитъ исключительно отъ прироста населенія, отъ увеличенія спроса на предметъ, предложеніе котораго неизмѣнно и не зависитъ отъ воли человѣка. А когда этотъ предметъ изъять изъ оборота исключительнымъ правомъ, монополіею извѣстныхъ лицъ, то эти лица, очевидно, пользуются *даровою рентою*, какъ экономическимъ послѣдствіемъ своей монополіи.

Эту теорію даровой ренты авторъ разсматриваемой статьи принялъ за основаніе. Поземельная община устраивается въ такомъ видѣ:

- 1) Община образуется крупная, не менѣе 5.000 душъ.
- 2) Всѣ земли, состоящія въ пользованіи экономіи этой волости, обращаются въ общинную поземельную собственность.
- 3) Участки общинной земли поступаютъ членамъ общины въ видѣ неотъемлемыхъ подворныхъ участковъ или въ видѣ фермъ на продолжительные сроки.

4) Такъ какъ, при настоящемъ экономическомъ состояніи, община, въ смыслѣ частнаго землевладѣльца пользуется даровою рентою, то каждый пользующійся участкомъ общинной земли уплачиваетъ эту ренту въ видѣ соответствующаго оброка, который можетъ быть измѣняемъ по усмотрѣнію общины.

5) Поступающій съ участковъ оброкъ, за вычетомъ повинностей, дѣлится поровну между всѣми членами, не исключая выселившихся изъ общины и отказавшихся отъ пользованія общинною землею.

Такое устройство придумано авторомъ для избѣжанія передѣла, этого большаго мѣста теперешняго общиннаго владѣнія: лица, почему-либо не имѣющія возможности заниматься земледѣліемъ или лишенные къ тому способности и охоты, теперь поступающія въ лишенныхъ средствъ къ жизни батраковъ или пролетаріевъ, сохраняютъ нѣкоторое обезпеченіе въ смыслѣ выдѣляемой имъ части изъ оброчной суммы, получаемой за пользованіе общинною позе-

мельною собственностью. Но противъ этой системы существуетъ серьезное теоретическое возраженіе. Даровая рента, — въ томъ смыслѣ, какъ принимаетъ ее авторъ, — не можетъ быть въ дѣйствительности выдѣлена, ибо отдѣльнаго существованія она не имѣетъ. Арендная плата заключаетъ ее въ себѣ, но она въ то же время содержитъ и плату за наемъ всего капитала, затраченнаго на приведеніе поземельной собственности въ тотъ видъ, въ какомъ она сдается: Авторъ чувствовалъ это затрудненіе, но предлагаетъ мѣру совершенно не подходящую: опредѣленіе оброка губернскимъ съѣздомъ изъ представителей общинъ и дворянъ-землевладѣльцевъ (въ то время, когда статья была написана, другихъ землевладѣльцевъ почти не было). Совершенно справедливо, что такая система, по многимъ соображеніямъ, была не мыслима, какъ непосредственная практическая мѣра для устройства крестьянскаго быта, даже въ ту минуту, когда ему предстояло коренное преобразование.

Напечатанныя во второй октябрьской книжкѣ „Рус. Вѣстника“ за 1858 годъ дополнительныя „замѣтки“ по тому же вопросу („Совр. Лѣт.“, стр. 308—334) нисколько не выяснили практической применимости изобрѣтенной авторомъ „общинной собственности“ на построенномъ имъ фантастическомъ примѣрѣ, а когда дѣло дошло до Россіи и вопросъ коснулся живой и интересной своей стороны, авторъ, послѣ намека на значеніе артели въ организаціи будущей общинной собственности, сейчасъ же оборвалъ свое изложеніе общапіемъ „поговорить подробнѣе впоследствии“. Но такое общапіе осталось безъ исполненія. Ал. Иван. хоронитъ статью „Рус. Вѣстника“ безвозвратно простымъ и сразу представляющимся вопросомъ: гдѣ же тѣ земли, которыя крестьянскія волости должны получить *даромъ*, чтобы раздавать ихъ своимъ членамъ и съ нихъ получать оброкъ, въ видѣ *даровой ренты*, не имѣющей смысла при уплатѣ самимъ обществомъ какого-либо оброка или выкупа за раздаваемую землю? Но статья Каткова имѣетъ значеніе въ томъ смыслѣ, что она ставитъ съ теоретической стороны требованіе, которому нельзя отказать въ справедливости. При современномъ экономическомъ состояніи, мало мѣстностей, гдѣ есть столько земли, чтобы не только каждый получилъ надѣлъ достаточный для прокормленія, но чтобы этимъ былъ обезпеченъ и естественный приростъ населенія; съ другой стороны, не всѣ жители страны имѣютъ возможность и способность сдѣлаться землевла-

дѣльцами, такъ что при самомъ широкомъ надѣлѣ необходимо окажется въ населеніи извѣстный процентъ безземельныхъ батраковъ. Такъ какъ поземельная собственность, при густомъ населеніи и постоянномъ возрастаніи цѣнъ на землю, приноситъ, кромѣ дохода, соотвѣтствующаго затратѣ труда и капитала, еще даровую ренту, то поземельные собственники, будутъ ли то личные уѣздные и городскіе владѣльцы или община, должны быть по справедливости обложены повинностью для содержанія безземельныхъ и немущихъ. Это положеніе не было формулировано Катковымъ въ его статьѣ. Изъ дополнительныхъ „замѣтокъ“ видно, что точкою отправленія для построенія Каткова была англійская подать для бѣдныхъ (poor gate), и единственно такое положеніе непосредственно и неизбежно вытекаетъ практически изъ его постановки о даровой рентѣ, получаемой землевладѣльцами, помимо участія труда и капитала, въ возвышеніи цѣнности земли.

До нѣкоторой степени съ теоріей Каткова объ общинной собственности сходится взглядъ Кавелина. Взглядъ этотъ впервые изложенъ Кавелинымъ въ статьѣ его „Взгляды на русскую сельскую общину“ (напечатана первоначально въ „Атенеѣ“ 1859 г., ч. I, стр. 165—197, и перепеч. въ Соч. IV, 249—287). Кавелинъ прежде всего отличаетъ общину административную и поземельную. О современной административной общинѣ, устроенной чисто съ финансовою цѣлью и связанной съ круговою порукою, Кавелинъ говоритъ: Община административная или общинное управленіе стѣсняетъ личность каждаго члена общины, парализуетъ силы каждаго, мѣшаетъ развитію нравственныхъ и экономическихъ силъ всего государства. Поэтому общинное управленіе должно измѣниться съ измѣненіемъ общей финансовой системы (Соч. IV, стр. 249—250). Имѣя въ виду исключительно поземельную общину, Кавелинъ подробно излагаетъ всѣ общественныя невыгоды сосредоточенія поземельной собственности въ рукахъ крупныхъ землевладѣльцевъ-капиталистовъ и указываетъ, что при исключительномъ господствѣ личной собственности непремѣнно наступаетъ полная социальная анархія, гдѣ обостряется ничѣмъ не умѣряемая борьба частныхъ интересовъ и оканчивается повальнымъ бѣдствіемъ народныхъ массъ. Кавелинъ отдаетъ полную справедливость защитѣ, въ смыслѣ предупрежденія, Самаринымъ и Кошелевымъ существующаго у насъ общиннаго землевладѣнія и видитъ самъ въ

этомъ учрежденіи единственный выходъ. При существованіи общиннаго землевладѣнія, въ надлежащей пропорціи съ личною собственностью, — какая это пропорція, Кавелинъ рѣшить не беретъ, — опаснаго для общественной экономіи перевѣса людей бездомныхъ никогда быть не можетъ, какъ бы населеніе ни увеличивалось. Даже если вокругъ густыхъ массъ осѣдлаго и домовитаго населенія образуются *безчисленные слои* бездомныхъ людей, то и тутъ сравнительно зло будетъ менѣе чувствительно. Эти густыя массы осѣдлаго и домовитаго населенія придадутъ народу такой характеръ устойчивости и постоянства, который не мыслимъ при обращеніи всей массы населенія въ бездомныхъ ситальцевъ. Но Кавелинъ не можетъ допустить передѣла, — передѣлы, въ его глазахъ, составляютъ коренное неудобство теперешняго порядка и должны быть устранены. Въ этой первой статьѣ Кавелинъ не отдавалъ себѣ яснаго отчета, какимъ образомъ можно этого достигнуть. Основная мысль его такова: теперешнее общинное землевладѣніе должно перейти въ личную пожизненную поземельную аренду, но храни насъ Боже, чтобы оно перешло въ личную собственность (т. IV, стр. 287). Какимъ образомъ это совершится практически, въ то время ясно уму Кавелина не представлялось или, по крайней мѣрѣ, имъ не указано. Кавелинъ предполагаетъ, что сельская поземельная община разобьетъ свою землю на мелкіе участки, и эти мелкіе участки будутъ сдавать въ пожизненную аренду желающимъ изъ своихъ членовъ; этими желающими будутъ всѣ небогатые, скромные люди, которые, не мечтая о большихъ прибыткахъ, думаютъ лишь о завтрашнемъ днѣ и рады, когда къ концу года сводятъ концы съ концами. Откуда и на какихъ условіяхъ сельская община получить землю для устройства такихъ арендъ, — Кавелинъ не говоритъ, а только слегка намекаетъ, что впоследствии такіе участки могли бы называться сельскимъ обществомъ изъ свободныхъ казенныхъ земель. Авторъ не скрываетъ, что такой способъ не представляетъ обезпеченія земельнымъ надѣломъ для всего нуждающагося населенія страны; но онъ замѣчаетъ, что ни при какомъ порядкѣ невозможно равное обезпеченіе земельными участками всѣхъ жителей страны. Способъ, имъ предлагаемый, по его мнѣнію, служить единственнымъ палліативомъ для надѣла землею по возможности большаго числа людей въ ней нуждающихся.

Въ послѣднемъ своемъ сочиненіи („Крестьянскій вопросъ“. С.-Пб.

1882 г.) Кавелинъ пришелъ къ убѣжденію, что вопросъ рѣшается лишь признавъ земли, отведенныя въ надѣлъ крестьянамъ, за *неприкосновенную и неотчуждаемую собственность сельскихъ обществъ* и предоставляя всей массѣ членовъ общества лишь право наследственнаго владѣнія и пользованія этою землею, безъ права ее закладывать или какимъ-либо образомъ отчуждать на правахъ собственности. Мы непоколебимо убѣждены въ томъ, продолжаетъ Кавелинъ, что только такимъ устройствомъ землевладѣнія будетъ обеспеченъ и упроченъ бытъ земледѣльческаго населенія не у насъ однихъ, но и всюду, и разрѣшится вопросъ о сельскомъ пролетаріатѣ, озобо-чивающій теперь правительства, владѣющіе классы и мыслящихъ людей въ цѣломъ мірѣ. Признаніемъ сельскихъ обществъ вѣчными собственниками земель, отведенныхъ въ надѣлъ крестьянамъ, безъ права ихъ отчуждать и закладывать, создастся крестьянская земля, изъятая изъ обращенія, не подлежащая куплѣ и продажѣ, чѣмъ устранятся всѣ опасенія обезземеленія крестьянъ чрезъ скупку ихъ надѣловъ немногими лицами. Признаніемъ за каждымъ домохозяиномъ права наследственнаго владѣнія и пользованія отведеннымъ ему надѣломъ устранится крайне вредный для успѣха земледѣлія періодическій передѣлъ земель, необезпеченность правъ лица передъ сельскимъ обществомъ на владѣніе землею. Но вмѣстѣ сохранится весьма драгоцѣнное право общества, по взаимному соглашенію домохозяевъ, уничтожить черезполосицу, измѣнить теперешнее распредѣленіе полей, ввести улучшенную эксплуатацію земли, завести участковое ея владѣніе въ одномъ мѣстѣ, или въ нѣсколькихъ мѣстахъ, но не въ общихъ поляхъ съ другими и т. п. Этимъ устранятся всѣ невыгодныя послѣдствія тенерешняго общиннаго землевладѣнія, но сохранятся и всѣ незамѣнимыя, полезныя его стороны, которыя, со введеніемъ личной собственности домохозяевъ на отведенныя имъ надѣлы, должны, къ несомнѣнному вреду земледѣльческаго населенія, совсѣмъ исчезнуть („Крестьянскій вопросъ“. С.-Пб. 1882 г., стр. 80—81). Если хозяинъ земли есть общество, то оно можетъ, не нарушая ничьихъ правъ, устроить у себя поземельные порядки, какіе оно признаетъ наиболѣе полезными; когда же каждый хозяинъ будетъ собственникомъ своего надѣла, общество будетъ лишено возможности измѣнять существующій распорядокъ полей и угодій (стр. 90). Въ видѣ возраженія Кавелину, въ томъ же „Атеней“ помѣщена статья Разина („Общин-

ное управление и общинное пользование“. 1859 г., ч. II, стр. 58—69). Положенія доказываемыя авторомъ въ этой статьѣ сводятся къ двумъ главнымъ. Авторъ стоитъ за административную общину и отвергаетъ совершенно поземельную. Отстаивать общинное владѣніе и отвергать общинное управление — несправедливо. Надо — наоборотъ. Если есть элементъ прогресса и благосостоянія въ нашей общинѣ, то только въ общинномъ управленіи, а общинное владѣніе несостоятельно во всѣхъ своихъ проявленіяхъ вообще и въ частности. Не общинное управление, а общинное землевладѣніе стѣсняетъ личность и парализуетъ силы каждаго члена общины, мѣшаетъ развитію нравственныхъ и экономическихъ силъ всего государства, — тогда какъ общинное управление есть учрежденіе имѣющее самую блестящую, самую благотѣльную будущность (ч. II, 1859 г., стр. 60). По мнѣнію г. Разина, безъ надѣловъ и безъ череполосицы нѣтъ общиннаго землевладѣнія. Новая мѣра, предлагаемая Кавелинымъ (пожизненная аренда небольшихъ участковъ), оказывается совершенно несостоятельною, потому что она соединяетъ всѣ невыгоды неполнаго владѣнія со всею несправедливостью маіоратовъ и не имѣетъ оправданія передѣловъ, которыхъ польза доказывается тѣмъ, что они могутъ предупредить пролетаріатъ (стр. 61).

Отдѣлившись отъ „Русск. Вѣстника“, Евг. О. Коршъ началъ издавать „Атеней“, просуществовавшій съ 1858 года и закрывшійся въ 1859 году. Между тѣмъ журналъ этотъ, въ лицѣ своихъ сотрудниковъ, представлялъ центръ всѣхъ выдающихся людей изъ числа западниковъ сороковыхъ годовъ, вѣрныхъ традиціямъ первоначальнаго кружка. Въ журналѣ принимали участіе всѣ лучшіе профессора того времени въ Московскомъ университетѣ: С. М. Соловьевъ, С. В. Ешевскій, Б. Н. Чичеринъ, О. И. Буслаевъ, Ф. М. Дмитріевъ, И. К. Бабстъ, Г. Е. Щуровскій, А. Н. Бекетовъ, К. П. Герцъ, Н. А. Поповъ; къ журналу изъ сотрудниковъ, не принадлежавшихъ къ этому кругу, применили К. Д. Кавелинъ, П. В. Анненковъ, А. И. Кронебергъ, Н. И. Буличъ, А. М. Аванасьевъ, Вал. О. Коршъ, Митр. П. Щепкинъ, Я. М. Вейнбергъ, Чужбинскій. „Атеней“ былъ единственный московскій журналъ, который протягивалъ руку редакціи „Современника“; тамъ напечатала по одной статьѣ Н. Г. Чернышевскій и А. Н. Пыпинъ. Взглядъ на общину самого издателя (Е. О. Корша) изложенъ въ

его руководящей статьѣ, помѣщенной въ № 1 „Атеней“ — „Взглядъ на задачи современной критики“: „Не думаемъ быть въ противорѣчїи съ народомъ и съ истиной, если скажемъ, что мїрское устройство, въ исконномъ его примѣненїи, не оберегало нашему земледѣльческому классу тѣхъ благъ, какихъ бы должно было ожидать отъ этого порядка, при совершенствахъ, приписываемыхъ ему новыми его поклонниками. Они, быть-можетъ, возразятъ намъ, что это произошло отъ виѣшнихъ помѣхъ, противостоявшихъ развитію древняго; вѣчно спасительнаго начала. Но, позвольте, что-нибудь одно: или начало это не было довольно плодovitо и могуче, или кругомъ виноватъ народъ, если, обладая въ теченіе вѣковъ такими вѣрными, богатыми владомъ, онъ не умѣлъ или не хотѣлъ имъ воспользоваться. Мы не дерзаемъ обвинять народъ и позволяемъ себѣ выгоднѣе думать объ его способностяхъ. Мы полагаемъ, на основанїи экономическаго закона, подтверждаемаго исторїей всѣхъ народовъ, что формы древняго сельскаго быта, при возрастающемъ развитїи движимой собственности, торговли и кредита, должны безъ всякаго насилїя, по естественному ходу вещей, исподволь уступать новымъ, дающимъ болѣе простора самодѣятельности, личной отвѣтственности предъ Богомъ и передъ людьми и тому высокому довольству, которое доступно только при этихъ условїяхъ, безъ нихъ же нѣтъ спасенїя человѣку“ (I, стр. 66—67). Мнѣнїя „Атеней“ интересны потому, что здѣсь интересны взгляды на общину Кавелина и Чичерина. Мы уже привели помѣщенную въ этомъ журналѣ статью К. Д. Кавелина — „Взглядъ на русскую сельскую общину“. Вторая капитальная статья принадлежитъ Б. Н. Чичерину („О настоящемъ и будущемъ положенїи помѣщичьихъ крестьянъ“ — 1858, ч. I, стр. 486—526). Статья эта разсматриваетъ крестьянскій вопросъ широко, во всемъ его объемѣ, и выражаетъ *profession de foi* автора. Б. Н. Чичеринъ начинаетъ съ того, что признаетъ неотъемлемое право крестьянъ на землю: „Крестьянинъ въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ полагалъ на нее свой трудъ; онъ съ ней соединился на основанїи давности; она составляла для него единственное вознагражденїе за всѣ тягости долготѣннаго служенїя отечеству: не лишитъ же его этого достоянїя“ (стр. 497). Чичеринъ очень гуманно и безобидно толкуетъ о размѣрѣхъ надѣла и повинностей, признавая, что нормою для послѣднихъ должна служить оцѣнка земли, но никакъ не должна

входить оцѣнка труда или личности крестьянина; признаетъ необходимость выкупа, съ предоставленіемъ земли въ собственность крестьянъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ необходимость переходнаго состоянія, съ оставленіемъ барщины. Это переходное состояніе въ то время намѣчено было правительствомъ на 12-лѣтній срокъ. Затѣмъ, говоря объ обеспеченіи исправнаго платежа крестьянами въ пользу помѣщика, Чичеринъ разсуждаетъ такимъ образомъ: „Для помѣщика будетъ выгоднѣе возложить отвѣтственность въ отбываніи повинностей крестьянами, въ переходный періодъ, на отдѣльныя лица, чтобы имѣть дѣло съ ними порознь. Но такое положеніе должно имѣть непремѣннымъ послѣдствіемъ отдачу земли въ пользованіе каждому крестьянину отдѣльно, т.-е. раздѣленіе ея на постоянные тягловые участки, съ устраненіемъ всякаго дробленія или передѣла, а съ тѣмъ вмѣстѣ долженъ прекратиться существующій нынѣ порядокъ мірскаго владѣнія. Впрочемъ и здѣсь не слѣдуетъ постановлять неизмѣнныя правила. Во многихъ оброчныхъ имѣніяхъ отвѣтственность возложена на весь міръ, который привыкъ уже къ исправному платежу. Если помѣщикъ согласится продолжить эти отношенія и община приметъ на себя отвѣтственность, то не надобно этому препятствовать“ (стр. 511). Мѣры взысканія съ неисправныхъ плательщиковъ Чичеринъ рекомендуетъ слѣдующія: оброчный крестьянинъ можетъ быть переведенъ на барщину, барщинный подвергается *тѣлесному наказанію*, по опредѣленію закона, ибо право наказанія сопряжено съ барщинною работою какъ единственное средство обезпечить ея отбываніе. Крайнею мѣрой, съ разрѣшенія уѣзднаго присутствія, можетъ представляться отнятіе у крестьянина его земельного участка (стр. 512). Выкупъ усадебъ долженъ быть произведенъ отдѣльными домохозяевами: усадебная земля, не подлежа передѣлу и составляя домашній очагъ и хозяйство крестьянина, естественно должна быть скорѣе частною собственностью, нежели мірскою; при этомъ она должна подлежать неограниченному праву продажи, какъ скорѣе крѣпостное состояніе будетъ окончательно отмѣнено (стр. 517).

Вообще объ общинномъ владѣніи Чичеринъ такого мнѣнія: Мірское владѣніе земель, которое составляетъ естественное послѣдствіе государственной системы, основанное на крестьянскомъ правѣ, на рѣзкомъ разграниченіи сословій, на взысканіи податей съ рабочихъ силъ, на пожертвованіи частной дѣятельности пользѣ

государства, представляется явленіемъ неумѣстнымъ въ порядѣ вещей, который виждется на сближеніи сословій, на развитіи частной дѣятельности, на свободѣ экономическихъ и гражданскихъ отношеній. Какъ остатокъ старины среди новыхъ жизненныхъ условій, оно можетъ вести только къ несправедливостямъ и несообразностямъ (стр. 522). Чичеринъ въ особенности указываетъ на то обстоятельство, что тамъ, гдѣ община владѣетъ слишкомъ незначительнымъ количествомъ земли, тамъ образуются *семейства затямыя*, т.-е. такія, которыя не получаютъ доли въ мірской землѣ, такъ что число участковъ остается неизмѣннымъ. Но такой порядокъ, спрашиваетъ Чичеринъ, не есть ли уничтоженіе кореннаго начала мірскаго владѣнія, состоящаго въ предоставленіи всѣмъ членамъ общины права на одинаковое пользованіе землею (стр. 522). Впрочемъ Чичеринъ допускаетъ, что современемъ, можетъ-быть, возникнетъ иной общественный порядокъ, въ которомъ въ новой формѣ возродится мірское владѣніе; но для этого необходимо, чтобы всѣ остальные стороны быта согласовались съ подобнымъ учрежденіемъ, чтобы все было приведено къ одной точкѣ зрѣнія, къ одной общей системѣ, иначе оно останется странною аномаліей (стр. 522). Чичеринъ дѣлаетъ оговорку, что не слѣдуетъ уничтожать мірское владѣніе, какъ несогласное съ новыми условіями жизни. Существующій обычай не должно нарушать безъ настоятельной нужды; притомъ же новыя потребности и элементы не измѣняютъ жизни разомъ, а проникаютъ въ нее постепенно. Съ другой стороны, не слѣдуетъ однако и поддерживать старый порядокъ искусственнымъ образомъ. Пусть мірское владѣніе землею будетъ предоставлено естественному своему ходу. Пусть крестьяне, которые хотятъ выкупаться съ землею отдѣльно отъ другихъ, выкупаются отдѣльно; пусть тѣ общины, которыя захотятъ раздѣлять мірскую землю на участки, принадлежащіе хозяевамъ въ личную собственность, получаютъ на это разрѣшеніе. Практическія потребности, жизненныя столкновенія сами собою будутъ приспособлять старый порядокъ къ новому. Мы увѣрены, что на первую пору мірское владѣніе сократится почти повсемѣстно (стр. 523).

Неизвѣстно, какимъ образомъ это общее заключеніе можно свести вмѣстѣ съ тѣми, сейчасъ приведенными, руководящими соображеніями, которыми опредѣляетъ Чичеринъ дѣятельность губернскихъ комитетовъ по обезпеченію исправнаго платежа повин-

ностей со стороны крестьянъ и выкупа ими усадебъ. Рядомъ съ этими противорѣчащими статьями, Кавелина съ одной стороны, Чичерина и Разина съ другой, въ „Атенеѣ“ помѣщена статья посторонняго сотрудника Матв. Н. Юрьина, подъ заглавіемъ „Споръ объ общинномъ землевладѣніи“ (1858 г. ч. VI), гдѣ защита общиннаго владѣнія выводится изъ ученія Фурье. По мнѣнію Юрьина, социализмъ—съ научной точки зрѣнія—всего менѣе похожъ на пропаганду грабежа и всеобщаго разбоя. Социализмъ не больше какъ дальнѣйшіе выводы политикоэкономической науки о трудѣ, о собственности и о богатствѣ (стр. 19). Для насъ социализмъ есть консервативное начало, могущее лишь упрочить и осмыслить наше гражданское существованіе, а никакъ не заносить въ него убійственной тоски и мрачныхъ преданій; раціональныя основы социализма согласуются совершенно съ понятіями и сознанными убѣжденіями русскаго народа (стр. 33). Юрьинъ отправляется отъ теоріи Фурье, по которой одиночный трудъ человѣка служитъ источникомъ страданій и лишеній, и только трудъ въ совокупности, трудъ общественный приноситъ наслажденія и сопровождается великими и для всѣхъ равно доступными результатами. Только при совокупномъ трудѣ является возможность для каждаго жить своимъ трудомъ и прекращается неизбежность эксплуатаціи или хищническаго пользованія трудами другаго. Сельская община представляетъ почву болѣе готовую для ассоціаціи труда, нежели исключительная собственность на Западѣ. Наилучшіе результаты поземельной частной собственности не невозможны и для общинной; въ идеѣ они даже ближе къ ней и ей сподручнѣе: наше общинное землевладѣніе, напримѣръ, представляетъ само собою желаемое въ возможности соединеніе земельныхъ маленькихъ участковъ въ одно обширное хозяйство, совмѣщаетъ идеальныя стороны мелкой и крупной поземельной собственности и служитъ наиудобнѣйшею сферою для будущаго развитія и организаціи земельной обработки путемъ ассоціаціи (стр. 33). Въ силу этихъ соображеній, Юрьинъ приходитъ къ общему заключенію, что нѣтъ ни малѣйшей надобности старообрядчески держаться за существующую нынѣ форму, если есть въ виду возможность лучшаго и нѣтъ причинъ носиться съ ней, какъ съ ровковымъ вопросомъ о судьбѣ отечества; но надобно понять одно: принципъ ея—*надѣль землю каждому*—не можетъ и не долженъ ни умереть, ни измѣниться (стр. 40). Такъ, для предупрежденія невы-

годъ сельскаго хозяйства, парализуемыхъ передѣлами, путемъ дѣйствительнаго серьезнаго изученія окажется возможность ввести рациональные передѣлы земли, въ замѣнъ произвольнаго распоряженія сходки. Выводъ необходимости удержанія у насъ общиннаго владѣнія изъ ученія Фурье о совокупномъ трудѣ въ большинствѣ читающей публики имѣлъ менѣе всего шансовъ на успѣхъ; но статья написана съ несомнѣннымъ талантомъ, сжато, ясно и послѣдовательно; въ свое время она была замѣчена и способствовала уясненію болѣе правильнаго взгляда на теоретическое значеніе социализма. Ал. Иван., въ библиографическомъ отдѣлѣ „Сельскаго Благоустройства“, приведя довольно подробно содержаніе статьи, начинаетъ свой отчетъ словами: „съ радостью привѣтствуемъ помѣщеніе прекрасной статьи г. Юрьина“, и кончаетъ желаніемъ, чтобы „авторъ почаще подавалъ голосъ по спорному вопросу“; при этомъ Кошелевъ замѣчаетъ, что въ статьѣ весьма вѣрно опредѣленъ характеръ социализма на Западѣ и противоположныхъ ему чисто-политикоэкономическихъ ученій (декабрь, № 12, 179—186).

На статью М. Н. Юрьина откликнулся въ „Атенеѣ“ старый товарищъ Е. О. Корша, въ университетѣ примыкавшій къ кружку Герцена, астрономъ А. Н. Савичъ („Нѣсколько мыслей объ общинномъ владѣніи землею“. 1858, VI, 438). Авторъ заявляетъ полное сочувствіе статьѣ Юрьина: по его мнѣнію, будущій прогрессъ человечества весь заключенъ въ распространеніи ассоціацій. Каждый шагъ къ ассоціаціи есть шагъ къ великому единству, которое выражается основною идеей всего человечества: *все человечество въ одинъ, нераздѣльно въ одинъ организмъ*. Община есть рудиментъ или зачатокъ высказанной нами идеи (стр. 439). Но въ глазахъ автора русскіе крестьяне есть какое-то жалкое существо, которое первоначальное понятіе о собственности, о моемъ и твоёмъ, можетъ получить только путемъ непосредственнаго приобрѣтенія земли въ личную собственность. И вотъ, на основаніи этой странной логики, г. Савичъ совѣтуютъ сначала ввести личное и наследственное участковыя владѣнія, а уже потомъ крестьяне совершенно сознательно могутъ перейти къ земледѣльческой ассоціаціи, соединенной съ общиннымъ владѣніемъ въ иной, болѣе соответствующей современнымъ экономическимъ условіямъ, формѣ. Зачѣмъ, говоритъ авторъ, налагать руку на естественный ходъ событій, зачѣмъ шагать за возрастъ

народа и учить его социализму, когда еще онъ не знакомъ и съ интересами индивидуальными, когда онъ еще не успѣлъ *быть эгоистомъ* и не знаетъ еще, въ какой мѣрѣ станетъ его для самого себя... Не спѣшите же, дайте ему время образумиться и убѣдиться фактически въ томъ, что хорошо и что дурно, гдѣ правда и гдѣ ложь (141). Ал. Иван. возражаетъ на это слѣдующимъ образомъ: Съ этимъ мы никакъ согласиться не можемъ. Мы думаемъ, что не трудно удержать общинную собственность и общинное землевладѣніе, пока личные, отдѣльные интересы не охватили всей жизни земледѣльца, пока общинность сохраняется въ обычаяхъ, нравахъ и понятіяхъ народа, пока земли не издробились и не перешли въ частную собственность лицъ; но крайне трудно, считаемъ почти невозможнымъ, посредствомъ ассоціаціи возвратиться къ общинной собственности. Можно искусственно произвести нѣчто вродѣ общиннаго землевладѣнія съ общинною обработкою полей,—словомъ, произвести то, что теперь на Западѣ имѣется въ виду нѣкоторыми мыслителями; но мы плохо вѣримъ въ прочность и плодотворность подобныхъ ассоціацій и повѣримъ имъ лишь тогда, когда вложемъ палецъ въ рану. Вотъ почему мы такъ упорно стоимъ за удержаніе нынѣ существующаго общиннаго землевладѣнія („Сел. Благ.“ 1859, № 1, библиогр., 3). Если сравнить эту неопредѣленность въ постановкѣ вопроса и постоянное шатаніе изъ стороны въ сторону „Атенея“ съ вполне опредѣленною и основанною на практическомъ знакомствѣ съ народнымъ бытомъ защито общиннаго владѣнія со стороны славянофильскихъ органовъ, то невольно приходишь къ заключенію, какъ далеко ушли отъ пониманія живыхъ вопросовъ нашей народной жизни западники сороковыхъ годовъ, какъ свысока смотрѣли они на народъ, на массу, и какъ поэтому трудно, скажу—даже невозможно, было сказать имъ въ данномъ случаѣ что-либо прямо и непосредственно примѣнимое къ быту освобождаемаго крестьянства.

Послѣ „Рус. Вѣстника“ болѣе опредѣленнымъ и постояннымъ противникомъ общины была „Библиотечка для Чтенія“, послѣ того, какъ туда перешель Ф. Г. Тернеръ, начавшій свою литературную дѣятельность по крестьянскому вопросу съ „Отечественныхъ Записокъ“. Тернеръ принадлежалъ къ той плеядѣ нашихъ экономистовъ пятидесятыхъ годовъ, которые оставались вѣрны научному авторитету Ж. Б. Сея и всѣхъ его послѣдователей и не пошли въ науку далѣе манчестерской школы. Эти экономисты, въ числу кото-

рых принадлежало большинство выдающихся административных деятелей той эпохи, кроме Вернадскаго, — Ламанскій, Тернеръ, Безобразовъ, Бутовскій, Гагенмейстеръ, Домонтовичъ, фонъ-Бушенъ и др., — во время министерства Рейтерна стояли во главѣ финансового управленія: имъ мы обязаны съ одной стороны введеніемъ гласности въ финансовую администрацію и распространеніемъ банковыхъ учрежденій, а съ другой — несчастными опытами неосторожнаго фритредѣрства и неумѣлаго возстановленія размѣна исключительно путемъ внѣшнихъ займовъ. Взглядъ Тернера очень важенъ, какъ выраженіе взгляда на общину этой просвѣщенной части тогдашняго либеральнаго чиновничества. Алекс. Ивановичъ справедливо замѣтилъ, что первоначальная полемика по вопросу объ общинѣ установила общее согласіе въ томъ, что общинный способъ владѣнія землею долженъ быть сохраненъ при предстоящемъ преобразованіи. Да и въ самомъ дѣлѣ кто осмѣлился бы посягнуть на полное и насильственное разрушеніе вѣковаго народнаго обычая? Но если, какъ замѣтилъ Кошелевъ, „на рѣшеніе прямое и откровенное ни у кого духу не хватитъ“, то практика административнаго доктринѣрства выработала въ этомъ случаѣ обходный путь *предпріимія*, по которому законодательство, вторгаясь въ сферу народной жизни, принимаетъ подручныя мѣры, тормозящія нелюбое направленіе или поворачивающія его въ другую, удобную сторону. Такъ совѣтовалъ и г. Тернеръ. Тернеръ ставитъ вопросъ: „если въ нѣкоторыхъ случаяхъ необходимы будутъ правительственныя мѣры, дающія извѣстное направленіе развитію народнаго быта, то эти мѣры должны ли дѣйствовать въ духѣ вѣчнаго поддержанія общины, или должны онѣ облегчать вырабатывающуюся изъ общиннаго начала личную собственность?“ На вопросъ этотъ г. Тернеръ отвѣчаетъ: „по нашему мнѣнію, въ обоихъ случаяхъ (?) развитіе начала личной собственности, въ болѣе или менѣе близкой или дальней будущности, должно быть искомымъ результатомъ“. До извѣстной степени, съ этой точки зрѣнія смотрѣло на общину преобладающее большинство либеральныхъ чиновниковъ и въ редакціонныхъ комиссіяхъ. Ф. Г. Тернеръ принадлежалъ къ числу тѣхъ безцвѣтныхъ элективовъ, которые, въ стремленіи согласить двѣ непримиримыя между собою системы, никогда не договариваются до чего-нибудь опредѣленнаго и положительнаго и всегда садятся между двухъ стульевъ. Не безъ

злой ироніи Александръ Ивановичъ замѣтилъ, что статья г. Тернера написана такъ *разсудительно* и такъ *благонамѣренно*, что жалѣешь, когда не можешь съ нимъ согласиться („Сельское Благоустройство“ 1858 г., № 7, стр. 33, прим.). Что отзывъ мой не голословенъ, можно убѣдиться даже изъ вышеприведеннаго отвѣта г. Тернера, гдѣ онъ совѣтуетъ, въ духѣ *отъчнаго* поддержанія общины, принять искомымъ результатомъ развитіе начала личной собственности!?! Поэтому мы не будемъ излагать доводы г. Тернера ни въ ту, ни въ другую сторону, но упомянемъ о нихъ, приводя воззрѣнія, сдѣланныя Кошелевымъ въ отвѣтъ его г. Тернеру.

Не было журнала, который бы сталъ въ такія неопредѣленные отношенія по настоящему спору, какъ „Отечественныя Записки“. Прежде всего въ августѣ 1857 года тамъ помѣщена была статья Тернера: „По поводу замѣны обязанной работы наемною“ (№ 8, стр. 643—674), гдѣ авторъ, касаясь вопроса объ общинномъ землевладѣніи, прямо указалъ на него какъ на главное препятствіе къ успѣхамъ у насъ въ сельскомъ хозяйствѣ, наравнѣ съ крѣпостнымъ правомъ и гораздо сильнѣе—невѣжества (стр. 649—650). Въ декабрьской книжкѣ за 1857 годъ „Отеч. Зап.“ перепечатали противъ общины статью бывшего предсѣдателя Юрьевского Общества сельскаго хозяйства г. Пушкиевича. Статья г. Пушкиевича напечатана въ „Запискахъ Юрьевского Общества сельскаго хозяйства“ за 1858 г. и содержитъ возраженія, почерпнутыя не изъ книгъ, а изъ личныхъ наблюденій, прямо съ поля*). Оттого противники общиннаго землевладѣнія съ такою убѣдительною выставили ее впередъ. „Отечественныя Записки“ съ особеннымъ удареніемъ указываютъ, что „мнѣніе г. Пушкиевича основано на тридцатилѣтней опытности“; „Библиотека для Чтенія“ (т.-е. г. Тернеръ) видитъ въ ней безапелляціонный приговоръ. Доводы г. Пушкиевича (потеря времени при переѣздахъ на работу, глубокія борозды въ поляхъ и частые споры по случаю перепашекъ) рассмотрѣны въ статьѣ Ал.

*) Замѣчательно, что съ чисто-практической точки зрѣнія въ защиту общиннаго владѣнія выступилъ только нижегородскій помѣщикъ В. Боборыкинъ въ „Журналѣ Сельскаго Хозяйства“, издаваемомъ Московскимъ Обществомъ (1858 г., № 1, стр. 10). Авторъ сообщаетъ подробности о крестьянскомъ дѣленіи земли и, между прочимъ, заявляетъ, что народъ вполне понимаетъ выгоды общиннаго владѣнія (уравнительное распределеніе земли и препятствіе накопленію поземельной собственности въ однихъ рукахъ) и потому крѣпко держится своего общиннаго порядка, сознавая въ немъ начало правды, которое, по его повятіямъ, ничѣмъ лучшимъ замѣнено быть не можетъ.

Иван. объ общинномъ землевладѣніи“, напечатанной въ „Сел. Благоустройствѣ“ (1858 г. № 8, стр. 126—127, прим. 2), причеъ Ал. Иван. показалъ, что всѣ эти неудобства не составляютъ характера общиннаго землевладѣнія и точно также встрѣчаются на общихъ поляхъ у мелкихъ собственниковъ. Въмѣсто общиннаго землевладѣнія Пушквичъ рекомендуетъ постоянные семейные участки величиною въ 1 казенную десятину на тягло. Капитальный трудъ по вопросу объ общинномъ землевладѣніи помѣстилъ извѣстный дѣятель по крестьянскому дѣлу Я. А. Соловьевъ „О поземельномъ владѣніи въ Россіи“ (январь ст. 1, февраль ст. 2, іюнь ст. 3, іюль ст. 4, августъ ст. 5, сентябрь ст. 6). Соловьевъ подробно приводитъ мнѣнія защитниковъ и противниковъ общиннаго землевладѣнія, причеъ сочувствіе его къ поземельной собственности очевидно выражается въ томъ, что доводы первыхъ изложены сжато и не полно, а мнѣнія послѣднихъ приведены съ большею подробностью и вполнѣ основательно. Вообще со взглядомъ приверженцевъ личнаго землевладѣнія можно совершенно достаточно познакомиться по первымъ двумъ статьямъ Соловьева, причеъ онъ въ особенности выдвигаетъ статью Домонтовича, напечатанную въ „Земледѣльской Газетѣ“. Послѣ приведенія высказанныхъ мнѣній, Соловьевъ излагаетъ свѣдѣнія о поземельномъ владѣніи у всѣхъ западныхъ народовъ. Въ послѣдней (VI) статьѣ изложены собственные соображенія автора. Соловьевъ видитъ въ общинномъ землевладѣніи два существенныхъ неудобства: передѣлы и дробность участковъ. Собственный взглядъ Соловьева на общинное землевладѣніе состоитъ въ томъ, что оно въ большей степени, нежели личное владѣніе, предупреждаетъ обезземеленіе крестьянъ, но за то способствуетъ развитію бѣдности. Бѣдность крестьянъ, при общинномъ владѣніи, происходитъ отъ равномѣрнаго (?) распредѣленія труда и земли, несмотря на разнообразіе силъ и способностей (стр. 214). Это привело Соловьева къ защитѣ той системы, которую въ то время начало уже вводить министерство государственныхъ имуществъ и которая состояла въ отводѣ желающимъ изъ крестьянъ на каждый домъ постоянныхъ семейныхъ участковъ. По мнѣнію Соловьева, рядомъ подобныхъ мѣръ министерство государственныхъ имуществъ даетъ средство богатымъ крестьянамъ выйти изъ круга стѣсненій общиннаго владѣнія и развить матеріальныя и нравственныя свои средства во всей ихъ полнотѣ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, бѣдные крестья-

яне, не имѣющіе способвъ къ самостоятельной дѣятельности, будутъ находить защиту отъ безземельности и бездомности въ общинномъ владѣніи, имѣя возможность выйти изъ него съ приобретіемъ средствъ къ самостоятельной дѣятельности (стр. 216). Единственно только этими радикальными мѣрами можно достигнуть и развитія народнаго богатства, и обезпеченія участи бѣдныхъ, и увеличенія государственныхъ доходовъ (стр. 217). Эта система министерства, изобрѣтенная тою фракціей либеральнаго чиновничества, которая занималась экономическими вопросами, какъ примиреніе факта общиннаго землевладѣнія съ принципомъ личной собственности, получаетъ важное значеніе при составленіи Положенія о крестьянахъ въ редакціонной комиссіи. Самая видная и вліятельная роль принадлежала въ этихъ комиссіяхъ чиновникамъ разныхъ министерствъ, въ которыхъ применилъ кн. Черкасскій: единственнымъ тамъ исконнымъ защитникомъ общины оставался Ю. О. Самаринъ. Подъ вліяніемъ этой теоріи появилась въ Положеніи о крестьянахъ статья, позволяющая отдѣльнымъ домохозяевамъ право выкупа своихъ надѣловъ въ видѣ постоянныхъ семейныхъ участковъ, отводимыхъ безъ согласія крестьянскаго общества (Вык. Пол. ст. 165). Но Соловьевъ чувствовалъ самъ, что его положенія объ относительномъ вредѣ общиннаго землевладѣнія не сходятся съ дѣйствительностью. А потому онъ самъ ставитъ два вопроса, гдѣ содержатся наиболѣе вѣскія и сразу представляющіяся возраженія противъ мнѣнія о распространеніи бѣдности въ мѣстностяхъ съ общиннымъ землевладѣніемъ. Первый вопросъ: почему введеніе поземельной подати не уничтожило ни общиннаго владѣнія, ни недоимокъ у государственныхъ крестьянъ и не способствовало ихъ благосостоянію? На этотъ вопросъ Соловьевъ, съ своей точки зрѣнія, отвѣчаетъ: единственно потому, что законъ не дозволяетъ выдѣлъ желающимъ постоянныхъ участковъ въ личную собственность. На этомъ именно основаніи и построена система семейныхъ участковъ, какъ единственный, по мнѣнію Соловьева и министерства, путь къ поднятію крестьянскаго благосостоянія. Второй вопросъ: почему уровень крестьянскаго благосостоянія нисколько не выше, а напротивъ—ниже у крестьянъ въ западныхъ губерніяхъ, гдѣ общинное владѣніе не существуетъ? На этотъ вопросъ Соловьевъ прямого отвѣта не даетъ.

Въ октябрьской книжкѣ „Отечественныхъ Записокъ“ напеча-

тана довольно странная статья г. Колмогорова „Собственность и община“, а въ ноябрѣ—дополнительная замѣтка „Еще нѣсколько словъ о собственности и объ общинѣ“. Г. Колмогоровъ прежде всего излагаетъ исторію заселенія Сибири и указываетъ, что у сибирскихъ старожиловъ сохранился прежній порядокъ владѣнія, по которому лѣса и выгоны остались въ общемъ пользованіи, сѣнокосы поемные, луговые и лѣсные дѣлятся членами общины по паямъ, а пашни, равно какъ покосные луга и пастбища, огороженные близъ домовъ, поступаютъ въ неотъемлемую личную собственность. Г. Колмогоровъ называетъ это *исконною собственностью* и предлагаетъ этотъ способъ въ видѣ идеала, на томъ основаніи, что сибирскіе старожилы съ нимъ достигли до высокой степени благосостоянія, а позднѣйшіе переселенцы изъ Россіи, владѣющіе землею на общинномъ правѣ, остаются въ бѣдности. Отсюда авторъ выводитъ необходимость перейти повсемѣстно къ владѣнію на сибирскій манеръ. Способъ осуществленія этой задачи г. Колмогоровъ излагаетъ такъ оригинально, что я приведу собственныя его слова: „Но если грядущія права допустить такую полусобственность повсюду, какъ въ Сибири, не противорѣчающую, впрочемъ, и нынѣ существующимъ правиламъ для надѣла землями государственныхъ крестьянъ на число душъ, и если права эти *ограничатъ будущиѣхъ владѣльцевъ земель, встѣхъ безъ изгятія сословій*, не продавать, или инымъ образомъ не отчуждать *въ полную* собственность менѣе хотя трехъ десятинъ и не покупать болѣе десяти таковыхъ въ однѣ руки, исключая, разумѣется, въ послѣднемъ случаѣ дворянъ и другихъ привилегированныхъ владѣльцевъ и вѣдомствъ и лицъ, удостоиваемыхъ пожалованіемъ арендами, то-есть чтобъ и эти послѣдніе владѣльцы не продавали или не отчуждали, наприм., наслѣдствомъ и т. п. участки земель менѣе трехъ десятинъ земли на одно лицо (въ меньшемъ случаѣ наслѣдники дѣлились бы деньгами), а не покупали бы болѣе десяти десятинъ земли *изъ посторонниѣхъ рукъ или вѣдомствъ* на одно лице, то доводовъ общинниковъ отъ раздробленія земель до невозможности содержать семьи безбѣдно и отъ расширенія владѣній до безсилія обрабатывать ихъ—не можетъ произойти *никогда*. (Здѣсь мы разумѣемъ только земли для *воздѣлыванія*, не касаясь такихъ, которыя заключаютъ въ нѣдрахъ своихъ какія-либо ископаемыя богатства.) Три десятины *собственной* удобной земли при усиленномъ трудѣ, даже только при

умѣренной развитости и улучшеніяхъ въ промышленности и сельскомъ хозяйствѣ, можно поручиться, въ состояніи удовлетворять жизненнымъ потребностямъ семьи въ шесть или восемь человекъ (!), а десять десятинъ, при большей силѣ, т.-е. при достаточномъ скотѣ, могутъ быть воздѣланы владѣльцемъ и *своею семьей* удовлетворительнымъ образомъ“ (стр. 83—84). Впрочемъ, у г. Колмогорова имѣются въ запасѣ самыя оригинальныя доказательства противъ общиннаго землевладѣнія и въ защиту личной собственности. Въ заключеніе своей первой статьи г. Колмогоровъ говоритъ: „Да и къ чему ваши клики, гг. общинники, когда правительство наше, понимающее дѣло собственности лучше насъ съ вами, высказалось уже въ пользу собственности? При улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ оно опредѣлило за первое правило откупить усадьбы въ неотъемлемую собственность на всегдашнее владѣніе ею изъ рода въ родъ“. Въ своемъ дополненіи г. Колмогоровъ выражается слѣдующимъ образомъ: „вредъ отъ полной собственности, *въ современномъ обществѣ*, заключается въ неодинаковомъ развитіи всѣхъ членовъ его. Большинство нашего земледѣльческаго класса мало того что грубо и полудико,—нѣтъ, оно еще погрязаетъ въ пьянствѣ, и до того, что мужикъ пьетъ, пока у него есть деньги, случается даже. пьетъ и на свое ношебное платье, пьетъ и на послѣднюю скотину“. На эту тему авторъ рассказываетъ многое и заключаетъ слѣдующими словами: „Да, наконецъ, и *народное хозяйство* въ чистомъ (?) и обширномъ (??) его значеніи, выражающемъ дѣйствіе (???) на Западѣ Европы и Сѣверной Америки, едва ли правильно можетъ быть примѣнено къ дѣйствию и дѣятельности вообще нашего земледѣльческаго и промышленнаго класса: едва ли въ настоящее время не заключается оно только въ одной фразѣ (!?)... Потому что хозяйства этого нельзя допустить у народа полудикаго, который, притомъ, пропиваетъ *съ себя* и зипунъ, и шапку, и послѣднюю свинью, а тѣмъ болѣе у народа, который не различаетъ денежныхъ знаковъ, не умѣетъ ни сосчитать, ни свѣситъ, ни смѣрять и т. д.“. Статья эта оригинальна еще и тѣмъ, что съ ней, въ длинныхъ подстрочныхъ примѣчаніяхъ, вступаетъ въ полемику сама редація. Противъ г. Колмогорова выступилъ въ „Современникѣ“ Грицько (Г. З. Елисеѣвъ), тоже сибирякъ (по поводу статьи г. Колмогорова, преимущественно же статьи его „Собственность и община“—„Современникъ“ 1858 г., № 12, стр. 48). Г. Елисеѣвъ

подробно и обстоятельно доказываетъ, что г. Колмогоровъ передаетъ не свѣдѣнія, а свои мечты о Сибири; что сибирская полусобственность вовсе не такъ благодѣтельна, какъ передаетъ авторъ,—что она есть почти отсутствіе всякой собственности; что въ Сибири богатство развивается въ крестьянствѣ не вслѣдствіе того, что тамъ нѣтъ общиннаго землевладѣнія, а потому, что тамъ земель величайшее изобиліе, нѣтъ стѣсненія ни для скотоводства, ни для другихъ промысловъ, и, пуще всего, что тамъ вѣрнопное право не тяготѣетъ на людяхъ. Другое возраженіе г. Колмогорову помѣстили въ „Рус. Бесѣдѣ“ г. Козолекинъ, подъ псевдонимомъ „Переселенецъ“, въ статьѣ „О землевладѣніи въ Сибири“ (1860 г., кн. I, стр. 119—132). Авторъ пишетъ на основаніи личныхъ наблюденій и не согласенъ ни съ Колмогоровымъ, ни съ Елисеѣвымъ. Онъ также кратко излагаетъ исторію заселенія Сибири и на основаніи приведенныхъ имъ историческихъ и статистическихъ данныхъ (изъ „Статист. обзор. Сибири“ Гагемейстера), а равно на личныхъ распросахъ, приходитъ въ слѣдующему заключенію: „Земля въ Сибири—вольная; тамъ, гдѣ обиліе ея превышаетъ средства мѣстнаго земледѣльческаго населенія, всякій пользуется ею свободно, какъ воздухомъ, пашетъ и сѣетъ, гдѣ вздумается, и смотритъ, вслѣдствіе этого, на распаханнѣй имъ участокъ, до поры до времени, какъ на принадлежащій ему въ исключительное владѣніе. Но какъ скоро земля начинаетъ приходиться въ прирѣзъ, она теряетъ свою первобытную свободу, становится въ извѣстныя гражданскія отношенія, и тотчасъ являются передѣлы. Передѣламъ подвергаются или пахатныя поля, или луга, или, наконецъ, лѣса, смотря потому, гдѣ, въ какихъ угодьяхъ, вслѣдствіе тѣхъ или другихъ причинъ, прежде всего почувствуется относительный недостатокъ, а вслѣдствіе недостатка и неравенство“ (стр. 131).

Наконецъ, въ 5 книжкѣ за май 1859 года „Отечественныя Записки“ помѣстили статью горячаго защитника общины, г. М. Юрьина, подъ заглавіемъ „Объ экономическихъ отрицаніяхъ общиннаго землевладѣнія“ (стр. 144—178). Статья эта есть вторая попытка автора примѣнить къ русской общинѣ начала фурьеризма. Статья состоитъ изъ двухъ частей: общей, гдѣ разсматриваются вообще причины и явленія общенности, и частной, посвященной исключительно общинѣ. Авторъ указываетъ, что въ западной европейской литературѣ давно уже обнаружили, при обсужденіи эконо-

мических вопросов, два теоретических направления. Одно из них *экономическое*, которое вполне выражается известным лозунгом: *laissez faire, laissez passer*, или принципом полной свободы экономической деятельности, основанной на личной предприимчивости, без всякого вмешательства правительственной власти. Другое, которое автор называет *юридическимъ*, принимает за исходное начало идею справедливости, которая есть собирательная сила блага общества, охраняемая соединенною волею всех или иначе общественною властью. Справедливость истекает из требований совести; а совесть есть высшая в нас духовная сила, которая для всех одинаково священна, одинаково обязательна, одинаково существенна и лична, ибо нет человека, который почитал бы нарушением своей свободы—делать то, что *справедливо* (стр. 150). Основные истины справедливости принадлежат к категории истин почти математических, не подлежащих стало-быть сомнению и могущих составлять в своем развитии почву (154). Автор довольно подробно рассматривает отношения справедливости к экономической свободе и при этом высказывает следующие два основных положения: Мы сознаем, что основанием как общественной, так и частной разумной жизни служит труд, что общественною обстановкою труда и специальностью человеческих талантов и деятельности могут уравниваться все крайние ступени состояний, и что ими же, наконец, должны выработываться главнейшие основы для равенства людей между собою и равносильного осуществления человеческого достоинства каждого из них (стр. 154). Общественная власть должна организовывать для людей те стороны экономического быта, которые лежат вне индивидуальной их власти и могут устроиться не иначе, как общою волею всех, т.-е. положительным законом и общественными учреждениями (156). Переходя затем к общине, Юрбинь начинает с замечания, что экономисты берут общину лишь как искаженный и запутанный факт, а не как принцип, что и ведет ко множеству недоразумений, голословных выводов и ни к чему ведущих отрицаний. Безпрестанные передёлы, считаемые за величайшее зло, не составляют необходимого условия общинного землевладения, ибо сроки их могут видоизменяться до бесконечности, а земельные участки переходить во владение пожизненное и иногда даже потомственное. Передёлы на

многіе годы вредить хозяйству менѣ фермерства, зависящаго отъ произвола и корыстныхъ притязаній собственника. Мелкая черзполосица существуетъ въ общинномъ владѣніи наравнѣ со всякою мелкою собственностью. Зависимость отъ общины нисколько не мѣшаетъ нашему крестьянину распоряжаться и пользоваться своею землею, и пользоваться своею землею наравнѣ съ собственникомъ, только безъ права вѣчнаго *отчужденія* и *потомственнаго* пользованія. При этомъ обращеніе участка въ продажу, дабы заручиться капиталомъ для другой дѣятельности, съ распространеніемъ общинныхъ земель, можетъ замѣниться со временемъ отчужденіемъ въ аренду на долгій срокъ, съ полученіемъ впередъ всей арендной платы, что, по цѣнѣ, почти будетъ равняться продажѣ. Экономическій принципъ общиннаго землевладѣнія состоитъ въ томъ, что земля, по вѣковому праву принадлежащая цѣлому народу, никакъ не можетъ дѣлаться предметомъ собственности нѣкоторыхъ только лицъ, но должна всепремѣнно быть доступною каждому работнику, какъ вѣчно неизмѣнный и никогда не разрушаемый источникъ частнаго его благосостоянія и постоянного труда (стр. 166—167). Такъ какъ этотъ трудъ замѣчается не въ безпредѣльной, но положительно опредѣленной силѣ, то, по началамъ справедливости, всякому земля дѣйствительно необходима настолько, насколько ему подъ силу обрабатывать *своимъ* трудомъ (168). Для предупрежденія скопленія многихъ мелкихъ участковъ во власти одного долженъ существовать законъ, не допускающій вѣчнаго отчужденія земли, освящающій юридически всеобщее ея надѣленіе всѣхъ и cadaго и обезпечивающій, со всею справедливостью, самостоятельность и независимость труда (169). Препятствіемъ успѣхамъ сельскаго хозяйства служить у насъ не общинное владѣніе, а невѣжество, которое удерживаетъ хозяйство на той же низкой степени и у частныхъ землевладѣльцевъ. Вѣрнѣйшій исходъ къ богатству и прогрессу для нашего общиннаго землевладѣнія есть добровольная ассоціація, которая для труда есть его единая надежда, его поэзія и идеаль (стр. 172). Авторъ признаетъ исконнымъ свойствомъ нашего народа соединять именно *труды*, а не капиталы только, для достиженія какой-нибудь экономической цѣли; въ доказательство онъ указываетъ общинныя работы и примѣненіе ихъ къ сельскому хозяйству и къ весьма обширнымъ промысламъ (артели). Прибавимъ еще общее

расположеніе крестьянъ въ *помочамъ*, т.-е. въ даровому, кромѣ угоденія, сельскохозяйственному труду, по вызову кого-либо изъ сосѣдей. Въ опроверженіе того, что общинное владѣніе мѣшаетъ развитію въ народѣ личности и свободы, авторъ указываетъ на приниженное положеніе французскихъ крестьянъ, владѣющихъ мелкою собственностью. Убѣжденія нашихъ крестьянъ, говоритъ онъ, что всѣ они равны между собою, что каждый изъ нихъ имѣетъ одинаковое со всякимъ другимъ право на землю и что никто не долженъ захватывать, въ обиду ближняго, больше даровыхъ средствъ и способовъ къ работѣ, нежели сколько приходится ихъ по справедливости на каждаго, возвышаютъ русскаго крестьянина нравственно несравненно болѣе и очеловѣчиваютъ гораздо глубже, нежели какая бы то ни было изолированная собственность. Въ этомъ-то юридическомъ принципѣ экономическаго равенства лежатъ тѣ величайшія и глубоконравственныя основы нашего будущаго народнаго быта и всеобщаго полноправства, которыя составляютъ наилучшее достояніе нашей исторіи (стр. 177). Вообще обѣ статьи г. Юрина для своего времени были очень замѣчательны и могутъ быть не безъ пользы прочтены и теперь.

Съ апрѣля 1858 года, въ теченіе года, издавался „Журналъ Землевладѣльцевъ“ (выходилъ по 2 книжки въ мѣсяцъ, всего 24 №№). Редакторъ А. Д. Желтухинъ, помѣщикъ Пензенской губерніи, былъ однимъ изъ самыхъ раннихъ и рѣшительныхъ сторонниковъ измѣненія крѣпостныхъ отношеній и въ февралѣ 1847 года представилъ министру внутреннихъ дѣлъ Перовскому „Проектъ освобожденія крестьянъ“, для того времени въ высшей степени замѣчательный (напечатанъ въ „Журналѣ Землевладѣльцевъ“ 1859 г., № 24, въ особомъ приложеніи). По проекту этому предполагалось освобожденіе крестьянъ посредствомъ залога въ кредитныхъ установленіяхъ съ надѣломъ крестьянъ на каждое тягло (мужа съ женою) такимъ количествомъ удобной земли, которое, будучи оцѣнено по наемнымъ на землю цѣнамъ, дало бы возможность этому тяглу ежегодно выплачивать въ кредитное установленіе такую сумму, какая, по расчету займа въ ономъ, на его часть придется. Извѣстно, что крестьянскія души принимались въ залогъ кредитными установленіями во время крѣпостнаго права по 80 руб. сер. за душу; по этой оцѣнкѣ всѣ займы въ кредитныхъ установленіяхъ пересрочивались на 37 лѣтъ, а чистыя отъ залога имѣнія закладывались вновь.

Крестьяне, за полученную от помещика землю, обязывались вносить ежегодно 6% со всей суммы займа: в первые три года — помещику для облегчения перехода на новое хозяйство, в остальные 37 лет — в кредитное установление. Подушный оклад и земские повинности распределялись между крестьянами и помещиком по количеству удобной земли, владимой тѣми и другимъ. Кроме того, в смыслъ переходныхъ мѣръ, предлагалось: 1) обезпеченіе и прочное устройство судьбы дворовыхъ людей; 2) переводъ крестьянъ съ барщины на оброкъ; 3) распространять между помещиками путемъ печати или публичной проповѣди, а главное примѣромъ убѣжденія, что вольнаемная работа не только у насъ возможна, но и выгодна; 4) коренная реформа общественнаго воспитанія; 5) приготовленіе сословія юристовъ и преобразование судопроизводства; 6) улучшеніе путей сообщенія. Проектъ этотъ, какъ видно, не отличался особою практичностью, но едва ли кто другой въ то время ставилъ вопросъ такъ широко, безпристрастно и выгодно для крестьянъ. Поэтому не удивительно, что А. Д. Желтухинъ назначенъ былъ членомъ редакціонной комиссіи*). Въ программѣ журнала издатель заявилъ свою цѣль „содѣйствовать успѣшному окончанію великаго дѣла улучшенія и устройства быта крестьянъ, отрывая возможность людямъ всѣхъ мнѣній высказывать ихъ съ полною свободой въ этомъ изданіи“. „Благонамѣренность, безпристрастіе, уваженіе ко всякому мнѣнію и ко всякой личности — единственныя условія, которыя мы позволяемъ себѣ предложить желающимъ помѣщать свои статьи въ нашемъ журналѣ. Насъ, можетъ-быть, упрекнуть, что такимъ образомъ журналъ нашъ не будетъ имѣть *цѣнта*. Истина и соглашеніе въ этомъ, какъ и во всякомъ человѣческомъ дѣлѣ, не могутъ быть найдены въ *крайностяхъ*, они должны быть въ *серединѣ*, а найти эту разумную середину и довести до мирнаго, дружескаго соглашенія могутъ только справедливость и взаимныя уступки. Стремясь къ этой

*) Въ 1-мъ № „Журнала Землевладельцевъ“ перепечатано изъ „Трудовъ Импер. Вольно-Экономическаго Общества“ (1845 г., № 4) письмо пензенскаго помещика къ П. А. Ж. (стр. 1—30). Здѣсь Желтухинъ описываетъ устройство своего хозяйства, крестьянъ и управленія со времени отъѣзда своего въ деревню. Интересно, что наблюденія автора надъ крестьянскимъ бытомъ очень скоро убѣдили его во вредѣ барщины и преимуществѣ оброка, хотя оброкъ положилъ Желтухинъ очень высокій — 82 р. 25 коп. или 23 р. 50 к. сер. съ надѣла, полагая на тягло до 6 десятинъ угодій, кромѣ выгона (стр. 23).

цѣли, мы желаемъ придать нашему журналу одинъ цвѣтъ—справедливости“. Но такъ какъ въ журналѣ принимали участіе преимущественно люди менѣе всего склонные къ пожертвованію въ настоящемъ дѣлѣ, а самъ издатель держалъ себя въ сторонѣ и рѣдко высказывался, то „Журналъ Землевладѣльцевъ“ получилъ названіе „органа крѣпостниковъ“, хотя это названіе, въ то время очень неопредѣленное и понимаемое чисто субъективно, въ сущности ничего существеннаго не выражаетъ. Роль Желтухина въ редакціонныхъ комиссіяхъ, какъ она представлена въ сочиненіи Н. П. Семенова („Освобожденіе крестьянъ“), не настолько рельефна, чтобы категорически причислить его къ этой партіи. Но на прощальномъ обѣдѣ 1 ноября 1860 года, гдѣ собрались 17 членовъ редакціонныхъ комиссій, составлявшихъ единомысленную группу дѣйствовавшихъ и сочувствовавшихъ освобожденію, Желтухинъ не принялъ участія, а послѣ закрытія комиссій онъ примкнулъ къ кн. Гагарину, который, вмѣстѣ съ другими членами главнаго комитета, желалъ освобожденія съ обязательнымъ надѣломъ по одной десятинѣ на душу, съ тѣмъ, чтобы всю необходимую землю крестьяне припимали у помѣщиковъ по добровольному соглашенію (Семеновъ, т. III, ч. 2, стр. 752, 755, 763).

Собственно вопросу объ общинномъ владѣніи посвящены въ „Журналѣ Землевладѣльцевъ“ двѣ статьи: помѣщика Нижегородской губ. А. Р. Остафьева и статья помѣщика Московской губ. П. Кичеева. Первый въ статьѣ „Объ общинномъ правѣ“ (1858 г., № 3, стр. 30—33) и въ возраженіи на статью В. И. Боборыкина („Журн. Моск. общ. сел. хозяйства“ 1858 г., № 1) „Объ общинномъ владѣніи землею и вліяніи промысловъ на земледѣліе“ (№ 8, стр. 73—76), желаетъ удержать общину въ смыслѣ административной единицы, а не „для вѣрнаго обезпеченія интересовъ помѣщика“ (стр. 76). Что же касается до общиннаго владѣнія землею, то г. Остафьевъ умоляетъ: „Бога ради, не подвергайте общинному игу поземельную собственность и личную свободу дѣйствій крестьянина. Повѣрьте человѣку, который, по обстоятельствамъ, болѣе десяти лѣтъ находится постоянно въ близкихъ сношеніяхъ съ народомъ; этою губительною мѣрою воздвигните вы китайскую стѣну всякому усовершенствованію въ земледѣліи и личному духовному развитію крестьянина“ (№ 3, стр. 43). Г. Остафьевъ увѣряетъ, что крестьяне сами не сочувствуютъ этой формѣ землевладѣнія, соеди-

ненной съ неизбѣжнымъ зломъ передѣловъ; при этомъ приводитъ, что въ его имѣніи раздѣлъ общинной земли на постоянные участки былъ имъ произведенъ *по просьбѣ самихъ крестьянъ*. Статья г. Кичеева „Мысли по крестьянскому дѣлу“ (№ 8, стр. 141—144) очень странная: авторъ предлагаетъ учрежденіе общиннаго владѣнія такъ, чтобы поля помѣщичьи и крестьянскія обрабатывались сообща, а урожай дѣлился пополамъ(!). Изъ постоянныхъ сотрудниковъ „Журнала Землевладѣльцевъ“ высказался по этому вопросу тульскій помѣщикъ П. П. Сумароковъ, помѣщавшій статью свою, кромѣ того, въ „Русск. Вѣстникѣ“, а затѣмъ рядъ статей въ „Отечественныхъ Запискахъ“. Въ статьѣ „Взглядъ на нѣкоторыя журнальныя статьи по крестьянскому вопросу“ („Поземельное общинное владѣніе“, № 2, стр. 50—63), Сумароковъ останавливается преимущественно на статьѣ Ю. Ѳ. Самарина („Сел. Благ.“ 1858 г., № 1), главнымъ образомъ потому, что г. Самаринъ „не скрываетъ“ самаго важнаго неудобства общиннаго владѣнія, противъ котораго возстаетъ г. Сумароковъ,—передѣла. Общее заключеніе г. Сумарокова слѣдующее: „Общинное владѣніе землею вредно и для земледѣлія, и для земледѣльца (для послѣдняго и вещественно, и нравственно, въ отношеніи къ труду), если при немъ будетъ допущенъ передѣлъ пахатной земли въ какіе бы то ни было сроки, и если притомъ отвѣтственность въ платѣ податей и исполненіи повинностей будетъ прямо падать на общество, а не на cadaго изъ его членовъ отдѣльно, чего впрочемъ (т.-е. круговой поруки) и въ теперешнемъ устройствѣ нашихъ общинъ нѣтъ. Но если уничтожить передѣлъ и круговую поруку, то всякое дальнѣйшее посягательство на этотъ стародавній обычай нашего народа будетъ теперь несвоевременнымъ. Шагнуть прямо къ фермерскому хозяйству и къ отдѣлу крестьянскихъ участковъ въ особняки — совершенно невозможно и не для чего“. Изъ причинъ невозможности г. Сумароковъ указываетъ на то, что съ общиннымъ землевладѣніемъ связана у насъ пастьба скота. Даже въ дачахъ обширныхъ, смежныхъ только по генеральному размежеванію, у насъ разбивка полей принаровлена такъ, чтобы, елико возможно, паръ приходился къ пару, собственно для того, чтобы сосѣди взаимно старались оборонять себя отъ погравъ хлѣба и *доставить другъ другу сколько можно простора въ пастбищахъ*. „Не для чего потому, что еслибы крестьянскіе участки и раздѣлились на особняки, то опять засѣвались бы по

той же трехпольной системѣ, по которой засѣваются и теперь“ (стр. 57—58). Г. Е. Г—ко (Е. С. Гордѣнко) помѣстилъ въ „Сельскомъ Благоустройствѣ“ (май, № 5, стр. 93—106) статью „Мысли объ улучшеніи сельскаго хозяйства и быта земледѣльцевъ“, гдѣ онъ высказывается за общину и указываетъ, что это есть *единственное средство* помѣщикамъ сдѣлать поземельный разводъ съ крестьянами (стр. 105). Г. Даниловъ въ статьѣ „Замѣтки на статью Г. Е. Г—ко“ („Журн. Землевлад.“ № 7, стр. 43—50) признаетъ, что до окончательнаго поземельнаго развода съ крестьянами общинныя владѣнія или, точнѣе, мірскія устройства крестьянъ очень нужно удержать помѣщикамъ *въ своихъ собственныхъ выгодахъ* (стр. 44). Замѣтимъ, что это былъ мотивъ, почему люди наименѣе сочувствовавшіе освобожденію, такъ называемые „крѣпостники“, тоже стали въ то время на сторону защитниковъ общины: предполагая вліяніе помѣщика на крестьянскія общества, они, естественно, стремились сохранить въ томъ или другомъ видѣ наличный составъ своей вотчины, что, прежде всего, предполагало существующую въ ней поземельную связь. Но г. Даниловъ такъ ожесточился противъ общиннаго владѣнія, что онъ рѣшается на такую радикальную мѣру: ежели бы, по словамъ г. Кошелева, для отмѣны у насъ общиннаго крестьянскаго землевладѣнія потребовалось пересоздать (т.-е. постепенно и согласно, но *спѣшно* преобразовать, объясняетъ г. Даниловъ) чуть-чуть не всю Россію, въ ея экономическомъ быту, такъ что-жь?—въ добрый бы часъ! Жалѣть, вѣдь, кажется, не о чемъ, рисковать нечѣмъ, хуже-то вѣдь не можетъ быть (стр. 50).

Въ № 83 „Земледѣльческой Газеты“ 1857 года, въ отвѣтъ на первую статью Чернышевскаго, гдѣ онъ излагаетъ наблюденія Гакстаузена, г. П. Великосельцевъ помѣстилъ замѣтку „Объ общинномъ пользованіи землею“. Авторъ приходитъ къ такому заключенію: на случай будущаго пауперизма не худо государствамъ имѣть всегда извѣстную часть земли, никому не продаваемую, съ тѣмъ, чтобы отдавать ее для обработки бѣднѣйшимъ жителямъ за умѣренную плату, но не дѣлать этого принципа общимъ для всѣхъ земель, принадлежащихъ государству. По мнѣнію автора, „при общественномъ пользованіи землею, конечно, не бываетъ сравнительнаго пауперизма и пролетаріата въ частности, но тотъ и другой дѣлаются общими. Въ доказательство указывается вообще на бѣд-

ственное у насъ состояніе сельскаго населенія. Авторъ признаетъ самыми нормальными хозяйства, которыя, по размѣрамъ своимъ, даютъ достаточную работу 2, 3, 10 человѣкамъ, и возстаетъ противъ крупной собственности. Эта замѣтка вызвала двѣ другія. Въ № 100 помѣщена „Замѣтка о способахъ владѣнія землею“ г. Д. Пр. Авторъ, по собственному наблюденію, перечисляетъ всѣ встрѣчающіяся у насъ формы крестьянскаго землевладѣнія — помѣстныхъ участковъ у татаръ и однодворцевъ, постоянныхъ участковъ у свободныхъ хлѣбопашцевъ и крестьянъ-общинниковъ, и приходитъ къ заключенію, что разность благосостоянія вездѣ обуславливается не формою владѣнія, а другими мѣстными экономическими условіями. По наблюденію г. Д., крестьяне, имѣющіе значительные земельные участки, превышающіе рабочія силы семьи, сдаютъ излишки въ малоземельныхъ губерніяхъ за ничтожную плату, и земля, дурно обрабатываемая и выпаживаемая ежегодными съемщиками, не приноситъ надлежащаго дохода ни владѣльцу, ни арендатору. Напротивъ, при общинномъ владѣніи и раздѣленіи земли на участки, каждая семья получаетъ количество земли по числу рабочихъ рукъ, т.-е. столько, сколько она можетъ обработать. Передѣлы, по мнѣнію автора, не препятствуютъ уваженію земли и улучшеніямъ, выгоднымъ въ данной мѣстности. По наблюденію автора, подъ Москвою, между Коломенскою и Серпуховскою дорогами, вазенныя и удѣльныя селенія, владѣющія землею на общинномъ правѣ, перешли къ безпаровому хозяйству въ поляхъ своихъ. Въ №№ 102 и 103 той же газеты г. К. Домонтовичъ помѣстилъ замѣтку по поводу статьи „Замѣтка о способахъ владѣнія землею“. Основное положеніе г. Домонтовича то, что форма землевладѣнія зависитъ вообще отъ экономическихъ и административныхъ условій, но никакъ не отъ свойства народа. Главные выводы г. Домонтовича таковы: Общинное владѣніе, съ уравнительнымъ раздѣломъ по душамъ, не имѣетъ никакихъ неудобствъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ нѣтъ надобности тщательно обрабатывать землю и удобрять ее, гдѣ не чувствуется еще необходимости въ улучшеніяхъ и гдѣ они даже были бы невыгодны, т.-е. не окупались бы. Но какъ скоро является потребность и возможность улучшеній, земледѣліе можетъ развиваться успѣшно и быстро въ томъ только случаѣ, когда дѣятельность каждаго сколько можно менѣе стѣсняется другими. Наиболѣе затрудняется частная дѣятельность при общинномъ владѣніи,

а слѣдовательно замедляются и успѣхи земледѣлія. Въ 1859 году въ „Земледѣльческой Газетѣ“ по этому вопросу помѣщены были слѣдующія статьи: А. Смирнова „Сельское общественное устройство, не допускающее нищеты“ (№ 4, стр. 106—110) и г. Д. „Послѣдніе толькі объ общинномъ поземельномъ владѣніи“ (№ 28). Г. Смирновъ, разбирая выгоды и невыгоды той и другой формы землевладѣнія, приходитъ къ заключенію, что объ эти формы необходимы и взаимно пополняютъ другъ друга, какъ полярныя противоположности, истекающія изъ основной экономической идеи земли. Г. Д. является противникомъ общиннаго землевладѣнія и приводитъ опроверженія противъ статьи Панаева объ общинѣ. Интересно при этомъ, что г. Д., между прочимъ, опирается на слова Самарина, выразившагося, что общинный способъ владѣнія не благоприятствуетъ улучшеніямъ по сельскому хозяйству и долженъ рушиться, какъ скоро является потребность усилить доходъ отъ сельскаго хозяйства при помощи знанія, труда и капитала („Сел. Благ“. I, 30).

Замѣчательно, что противниками общины являлись изъ помѣщиковъ люди умѣренные и вообще въ другихъ отношеніяхъ сочувственно относившіеся къ улучшенію положенія крестьянъ, какъ напримѣръ г. Ладыженскій („Листокъ для всѣхъ“ 1858 г., № 5, „Мысли о вопросѣ общиннаго и отдѣльнаго владѣнія“) и г. Х. Д., который въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ помѣстилъ возраженіе на статью Панаева въ „Современникѣ“ (1858 г., № 7, объ общинѣ, по поводу статьи „Община“, В. Л. Панаева). Г. Х. Д., подобно Чичерину, видитъ въ общинѣ не что иное какъ административное учрежденіе.

Среди этого журнальнаго разногласія стойко выдерживалъ защиту общины славянофильскій органъ „Сельское Благоустройство“, куда Ал. Иван. перенесъ всѣ статьи по крестьянскому вопросу. Въ августѣ (1858 г., № 8) появилась статья Кошелева „Общинное поземельное владѣніе, отвѣтъ Ф. Г. Тернеру“. Ал. Иван. былъ очень усердно занятъ этою статьею съ 5 часовъ утра до вечера и самъ былъ ею доволенъ. 13 августа онъ писалъ Аксакову: „я думаю, что высказалъ мысли такія новыя, что даже въ нашемъ кружкѣ онѣ высказаны не были; думаю, что смыслъ общины я много уяснилъ. Мое мнѣніе, что наследственное пользованіе согласимо съ общимъ землевладѣніемъ, что круговое ручательство есть кредит-

ный листъ на общинную землю и пр.—суть мысли еще въ печати не высказанныя“. При этомъ Кошелевъ указываетъ на замѣчаніе въ „Журналѣ Землевладѣльцевъ“, что статья Панаева „объ общинѣ“, помѣщенная въ „Современникѣ“, есть не что иное какъ перифраза статьи Кошелева, только разбавленной и разжиженной. „Я на это не намекнулъ,—говоритъ Кошелевъ,—хоть видѣлъ это очень ясно. Намъ надо дѣло дѣлать, а не хвастаться. Дѣло идетъ настолько успѣшнѣе и благотворнѣе, насколько мы свое я прячемъ подъ каблукъ. Пусть они хвастаются, пусть себѣ приписываютъ то, что мы дѣлаемъ, лишь бы дѣло дѣлалось!“ Въ другомъ письмѣ Кошелевъ замѣчаетъ: „Соціалисты гораздо для насъ опаснѣе славянистовъ (подъ которыми Кошелевъ разумѣлъ людей ставящихъ все славянское дѣло впереди всего). Первые могутъ повредить нашему ученію объ общинѣ: только смѣшайте или даже не различайте рѣзко этихъ двухъ ученій, и общинное владѣніе, общинное устройство могутъ подвергнуться опять гоненіямъ“ (1 октября 1858 г.). Дѣйствительно, статья Кошелева представляетъ отвѣтъ на всѣ возраженія противъ общиннаго землевладѣнія, которыя были сдѣланы до тѣхъ поръ, а новыхъ не заявлялось и впослѣдствіи.

Повторяя, что несовмѣстимость общиннаго владѣнія съ успѣхами сельскаго хозяйства ничѣмъ не доказана, Кошелевъ высказываетъ новый и важный аргументъ по этому вопросу. По справедливому замѣчанію Кошелева, въ этомъ отношеніи сельскую общину можно сравнивать только съ мелкими собственниками, поселенными *деревнями* и имѣющими *общія поля*, *однодворцами*, *колонистами* и *крестьянами*, владѣющими собственными подворными участками. Причину такой скученности населенія Кошелевъ объясняетъ топографическимъ характеромъ страны и народными привычками. „За границей мы видимъ почти на каждомъ шагѣ отдѣльное житье и хозяйство. Но такое размѣщеніе устроено ли въ недавнее время въ силу убѣжденія въ необходимости плодоперемѣннаго хозяйства? Нѣтъ, тамъ люди издавна такъ жили; такъ живутъ и тѣ изъ нихъ, которые и теперь еще удерживаютъ трехпольное или залежное хозяйство. Слѣдовательно, тамъ расселеніе произведено не ради измѣненія сѣвооборотовъ, а по возможностямъ и удобствамъ, представляемымъ самою поверхностью земли, и по требованіямъ особеннаго нравственнаго и юридическаго развитія тамошнихъ жителей. Почему у насъ и теперь мелкіе личные собственники жи-

вуть деревнями, а не особняками? Впервыхъ—потому, что рускіе люди любятъ жить вкупѣ, что это для нихъ существенная потребность и что на устройство особняковъ рѣшаются лишь люди зажиточные, владѣющіе 50 и болѣе десятинами земли, и притомъ семьянистые, имѣющіе у себя дома, такъ сказать, свою общину, а вторыхъ—потому, что у насъ удобныхъ мѣсть для поселковъ мало: хорошо селиться хуторами тамъ, гдѣ земли удобно изрѣзаны рѣками, ручьями, оврагами и проч., а на нашихъ равнинахъ, пространныхъ, безводныхъ степяхъ, придется довольствоваться колодцами, что, какъ всякій хозяинъ знаетъ, при скотоводствѣ крайне неудобно. Наши деревни, наши общія поля суть столько же произведенія духа нашего народа, сколько и физическаго образованія нашей земли. Попытайтесь расселить крестьянъ почти любой деревни особняками, и вы убѣдитесь въ невозможности такой попытки и признаете неизбѣжность общихъ полей; а при нихъ личная собственность, для перехода къ иному сѣвообороту, не имѣетъ никакого преимущества надъ общиннымъ владѣніемъ. Скажу болѣе: при невозможности расселиться, община, *владея* землю, имѣетъ несравненно болѣе возможности измѣнить свое раздѣленіе полей, чѣмъ личные мелкіе собственники, изъ которыхъ *важный помный хозяинъ* своего участка“ („Сел. Благ.“ 1858, VIII, 112—113).

Гг. Чичеринъ, Тернеръ и др. возставали, между прочимъ, противъ общиннаго землевладѣнія за то, что оно не достигаетъ предположенной цѣли, т.-е. не предупреждаетъ излишняго размельченія участковъ для обработки и оставляетъ, при скудости земли, безъ надѣла извѣстныя семьи, которыя они неправильно называли *затялыми*. Кошелевъ утверждаетъ, что „общинное устройство никогда не лишаетъ семейства земли, а при малоземельи даетъ ему, вмѣсто двухъ тяголъ, только полтора или одно; оно никогда не изгоняетъ затяглаго на бѣлый свѣтъ, какъ говоритъ г. Тернеръ, а обезпечиваетъ ему навсегда кровь и участіе въ братниномъ или отцовскомъ хозяйствѣ, и даетъ ему возможность отлучиться временно на заработки и оставить на корню жену и дѣтей. Нашъ затяглый—не бездомовъ, а человекъ вполнѣ осѣдлый; онъ всегда имѣетъ пай въ общей землѣ и отказать ему нельзя. Онъ можетъ получить полтягла, но обездолить его нельзя. Затѣмъ разница относительно раздробленія участковъ между общимъ и личнымъ поземельнымъ владѣніемъ та, что всякія мѣры, полагающія гра-

ницы раздробленію личныхъ участковъ, клонятся къ ихъ сосредоточенію въ немногихъ рукахъ, а уравновѣшеніе невозможно; при мірскомъ же владѣніи землею могутъ быть назначены границы такъ, что участки остаются въ извѣстныхъ, впередъ сознательно опредѣленныхъ размѣрахъ“ (115—116). Одно изъ самыхъ важныхъ возраженій противъ общиннаго пользованія предполагало, что нормальное развитіе поземельнаго кредита невозможно при общественномъ пользованіи землею. Въ этомъ случаѣ Кошелевъ опередилъ современниковъ и тогда уже указывалъ на сравнительную доступность кредита поземельной сельской общинѣ: „Общины, имѣющія общее землевладѣніе, могутъ, кажется намъ, получать деньги на условіяхъ несравненно болѣе выгодныхъ, чѣмъ мелкіе собственники, и необходимыя предварительныя формальности и расходы по займамъ для общинъ могутъ быть гораздо болѣе облегчены и упрощены, чѣмъ для личныхъ владѣльцевъ, ибо подлоги, утайки и проч. въ этомъ случаѣ менѣе возможны.“

„Если общества или правительство могутъ для выкупа довѣрить деньги въ заемъ крестьянскимъ общинамъ, отвѣтствующимъ нераздѣльно, то совершенно невозможно это исполнить въ отношеніи отдѣльныхъ личностей. Круговое поручительство, въ широкихъ размѣрахъ, одно представляетъ достаточное ручательство въ вѣрности уплатъ, а оно неудобомыслимо безъ тѣсныхъ связей, налаженныхъ на крестьянъ общиннымъ поземельнымъ владѣніемъ. Оно возможно, оно справедливо только при общинномъ землевладѣніи. Многіе говорятъ, что круговое ручательство есть произведение, плодъ крѣпостнаго права, что оно несправедливо и при первой возможности подлежитъ отмене, ибо просто возмутительно, что каждый долженъ отвѣчать за всѣхъ; гдѣ тутъ свобода, гдѣ тутъ охраненіе собственности? Вся эта выходка истекаетъ изъ того, что не хотятъ понять, что русская община безъ общиннаго землевладенія неудобомыслима, что круговое ручательство вовсе не посягаетъ на личность людей, а основано на общемъ, нераздѣльномъ, поземельномъ владѣніи (при личномъ пользованіи землею), и что круговое ручательство есть не что иное какъ *закладной листъ на общую землю*, какъ поземельный кредитъ въ простѣйшей его формѣ“.

Противники общиннаго владѣнія обращали вниманіе на то, что общинное устройство можетъ существовать и безъ общиннаго владѣнія, т.-е., другими словами, что административная община не

связана безусловно съ поземельною и можетъ и даже вездѣ существовать отдѣльно отъ поземельной. Ал. Иван. доказывалъ, что административная община безъ поземельной представляетъ гораздо менѣе связи между членами, нежели взаимное ихъ соединеніе:

„Общины или общества на Западѣ и въ нашихъ городахъ суть не что иное какъ случайныя совокупленія людей въ искусственныя единицы, которыя не заключаютъ въ себѣ никакой самобытной жизни, составляются чисто-на-чисто по географическимъ соображеніямъ, существуютъ какъ необходимыя подраздѣленія округовъ, или какъ городскою чертою обойденныя поселенія, и не распадутся потому только, что онѣ и не составлялись, а были административно образованы (стр. 120).—Наша община по существу французскихъ *communes* и нѣмецкихъ *Gemeinden*; источникъ ея бытія поглубже, чѣмъ административное предписаніе; основаніе ея пошире извнѣ даннаго правила; существо ея по нравственнѣе, чѣмъ одна подчиненность и послушаніе. Русская община не составляется изъ встрѣчнаго-поперечнаго, а для принятія кого-либо въ ея члены необходимо ея согласіе; слѣдовательно, она образуется не случайно. Правда, это правило въ помѣщичьихъ имѣніяхъ нарушалось сплошь и рядомъ, но тамъ и сама община замѣнялась помѣщичьимъ произволомъ. Въ селахъ вѣдомства государственныхъ имуществъ это коренное правило нашей общины, къ счастью, сохранено. Русская община имѣетъ свое обычное право и руководствуется имъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, развѣ встрѣчаетъ извнѣ данныя ей постановленія, которыя она временно и въ необходимой мѣрѣ исполняетъ, храня память о своихъ собственныхъ обычаяхъ и возвращаясь къ нимъ при первой возможности“ (стр. 123—124).

Очень многіе противники общины (Соловьевъ, Вернадскій, Терперъ и др.) выставяли противъ общины однимъ изъ самыхъ крупныхъ обвиненій, что затрудненъ выходъ изъ общины желающему. Противники говорятъ: „Правда, изъ общины можно выйти; но во всякомъ случаѣ изъ русской общины можно выйти члену ея, благодаря положительнымъ на то условіямъ, только съ уронами, и то не всегда и не вездѣ. Притомъ, даже если и дѣлается выходъ такого рода, то характеръ его различенъ для собственника и для общинника: собственникъ, оставляя мѣсто, получаетъ на подъемъ цѣну своей проданной земли, а общинникъ еще долженъ заплатить за выходъ. — Скажите на милость, чѣмъ виновно общинное

землевладѣніе въ томъ, что у насъ не свободенъ выходъ изъ общинъ? Причиною того могутъ быть крѣпостное право, государственныя соображенія и проч., но уже, конечно, не общинное владѣніе. Оно, по существу своему, даетъ право на землю, а его обвиняютъ въ томъ, что оно замыкаетъ дверь для выхода. Что же касается до разницы между выходомъ изъ общины личнаго собственника и выходомъ общинника, то не понимаемъ, почему г. д-ръ Вернадскій полагаетъ, что всѣ личные собственники, выходя изъ общины, имѣютъ что продавать. При личной собственности могутъ быть и такіе люди (да ихъ бываетъ и очень много), у которыхъ нѣтъ ни клова земли. Да еще скажите, что лучше: чтобы немногіе люди богатые, предприимчивые, желающіе быть-можетъ вовсе покинуть земледѣліе, выходили изъ общины, оставляя безвозмездно свои участки въ пользу прежнихъ своихъ сочленовъ, или чтобы большинство изъ поселянъ блуждало изъ общества въ общество, не имѣя даже что покинуть на корню и не сохраняя даже надежды снова возвратиться на прежнее пепелище и снова получить свой поземельный участокъ? Почему выходящій въ купечество, въ цеховые и проч. не можетъ, при неудачѣ его торговой или иной попытки, возвратиться во свояси и вновь поступить въ крестьянство съ полученіемъ поземельнаго надѣла? Не есть ли это бесплатное оставленіе своего участка—нѣкотораго рода застрахованіе себя пристанища и клова земли на случай неудачной спекуляціи“ (стр. 129—130). Кавелинъ, въ брошюрѣ своей объ общинномъ землевладѣніи, замѣтилъ, что это существенное различіе между *свободною* и *несвободною* поземельною общиною впервые указалъ Ал. Иван. Московское правительство прикрѣпленіемъ крестьянъ къ землѣ и упроченіемъ круговой отвѣтственности за уплату повинностей (отправленіе государственнаго тягла) обратило прежнюю свободную поземельную общину въ несвободную. Только въ этомъ смыслѣ можно признать у насъ правительственное вліяніе на удержаніе у насъ поземельной общины, существовавшей искони въ видѣ народнаго обычая.

Возраженія Вернадскаго, Струкова и др., что община убиваетъ въ челоуѣкъ энергію и всѣ качества, развиваемыя личною предприимчивостію, Кошелевъ опровергаетъ слѣдующимъ образомъ. Онъ приводитъ слова Вернадскаго: «община не въ состояніи у своего питомца вызвать того развитія, которое полагается въ сознаніи

своего личнаго достоинства, въ чувствѣ самостоятельности и энергій дѣйствій, потому что эти качества дѣлали бы ея судь и дѣйствія необязательными (?!); а если община въ состояніи что-нибудь развить въ человѣкѣ, то это развѣ ловкость, смѣтливость, умѣнье найтись, что однако еще не составляетъ весьма высокія качества и что даже не всегда можетъ быть полезнымъ». „Слышали мы и сами замѣчали, что французскіе крестьяне вообще тупы и мало развиты, что обыкновенно приписывается одиночному и разбросанному ихъ житью-бытью. Слышали и сами думали, что русскій безграмотный крѣпостной крестьянинъ смыслень, находчивъ, общителенъ, довольно просвѣщенъ въ религіозномъ отношеніи и вовсе не подль, потому что общинная жизнь развиваетъ его понятія, изоощряетъ его способности и приучаетъ его къ сношеніямъ съ людьми и что, сверхъ того, она поддерживаетъ его нравственное достоинство, электризуя его значеніемъ міра. Вы можете крестьянина приневолить ко многому, но міръ у насъ весьма самостоятеленъ, и отъ него трудно (если невозможно) получать приговоръ противный его убѣжденіямъ. Не даромъ помѣщики вообще тщательно заботились объ его упраздненіи. Сравните крестьянина, гдѣ существуютъ сходки, съ крестьяниномъ, гдѣ прикащикъ или староста всѣмъ заправляетъ, и вы, вѣрно, не скажете, что община не въ состояніи вызвать у своего питомца того развитія и проч. Теперь взводится на русскаго крестьянина обвиненіе въ отсутствіи самостоятельности, личнаго достоинства и энергій, даже въ неимѣніи личности; сверхъ того ставятся ему въ вину его ловкость, сметливость, умѣнье найтись, «что, — какъ говоритъ одинъ изъ укорителей, — не составляетъ весьма высокія качества, и что даже не вездѣ бываетъ полезнымъ». Последнее выражено не совсѣмъ ясно и весьма кудревато; но смыслъ понятенъ: намекаютъ на мошеничество русскаго крестьянина. Источникомъ всѣхъ этихъ пороковъ и недостатковъ выставляется общинное устройство. Доказательствъ въ основательности этихъ обвиненій и въ дѣйствительности исхода ихъ изъ общиннаго начала не приводится никакихъ. Ну, скажите, возможно ли такъ обходиться съ словомъ? Нѣтъ! Оснуйте обвиненіе на фактахъ, выразитесь опредѣлительнѣе, покажите исхожденіе этихъ бѣдъ изъ общиннаго устройства, и мы беремъ ихъ опровергнуть; а до того мы считаемъ эту выходку пуфомъ. Не забывайте, однако, что иное бываетъ *при* чемъ-нибудь,

не истекая однако изъ него; благоволите тщательно отдѣлить, что принадлежитъ къ вѣрнопостному праву и что истекаетъ собственно изъ общиннаго начала“ (стр. 130—131).

Защитники личной собственности утверждаютъ, что переселенія въ дальнія губерніи и даже выселенія изъ большихъ селъ на участки въ общей дачѣ при общинномъ владѣніи такъ затруднительны, что почти невозможны. Теперь дѣйствительно и переселенія и выселенія рѣдки; хотя и тѣ и другія бывають по собственному желанію крестьянъ, но они еще и не необходимы. *Когда же народонаселеніе слишкомъ ступитъ, добытки на сторонѣ, въ недалекомъ разстояніи, сдѣлаются скудными и пути сообщенія улучшатся и умножатся, тогда, при поощреніи правительства, въ переселяющихся недостатка не будетъ.* (Предсказаніе Кошелева, кажется, оправдалось!!) Это доказывается тѣмъ, что и теперь изъ подгородныхъ слободъ разныхъ губерній крестьяне отправляются, по собственной волѣ, въ Самарскую и другія губерніи, какъ они говорятъ, на новыя мѣста. Что касается до расселеній въ одной и той-же дачѣ, теперь таковыя производятся по волѣ помѣщиковъ или правительства; тогда не можетъ ли случиться слѣдующаго: „когда земли подсельныя сдобрятся до того, что онѣ будутъ давать тройные, четверные урожаи противъ запольныхъ десятинъ, когда любовь къ землѣ, къ количеству земли еще болѣе разовьется, чѣмъ теперь, — тогда можетъ состояться общественный приговоръ, въ силу котораго будутъ вызваны охотники поселиться на запольныхъ дачахъ, предложится имъ получить двойное или полуторное количество земли, въ сравненіи съ надѣломъ остающихся на корню, и дадутся имъ еще другія льготы? Что такія вещи возможны, то въ подтвержденіе сего имѣются фактическія доказательства: въ одномъ мнѣ извѣстномъ имѣніи, гдѣ лѣсъ крайне дорогъ и гдѣ запольная земля хотя и плодородная, но не давала урожаявъ отъ недостатка толоки, помѣщикъ предложилъ всѣмъ желающимъ туда переселиться, съ условіемъ построить на свой счетъ избы, освободить крестьянъ отъ работъ междупарныхъ, осеннихъ и отъ зимнихъ извозовъ на два года и оставить за ними на три годъ ихъ старыя воношляники. Охотниковъ нашлось довольно, и новый поселекъ образовался безъ малѣйшаго принужденія“.

Ал. Иван. признаетъ передѣлы органическою принадлежностью нашей сельской общины. „Знаю,—говоритъ онъ,—что есть имѣнія,

гдѣ земли не передѣливаются, но сомнѣваюсь, чтобъ это было по желанію крестьянъ, а не по настоящему приказанію помѣщиковъ. Наши крестьяне любятъ передѣлы послѣ известнаго времени, и это срочное уравниваніе земель вовсе для нихъ не непріятно. Мы вовсе не считаемъ передѣлы *необходимымъ, неизбѣжнымъ зломъ общиннаго владѣнія*, и не желали бы прекращенія ихъ вслѣдствіе *теоретическаго хозяйственнаго требованія*. Наша община есть не только общество сельскохозяйственное, но вмѣстѣ съ тѣмъ—и преимущественно—учрежденіе бытовое, житейское. Передѣлы могутъ быть невыгодны въ одномъ отношеніи, но полезны въ другомъ; а потому мы требуемъ пуще всего, чтобъ этому възвѣвому народному учрежденію не было дѣлаемо насилія, вслѣдствіе чуждыхъ ему умозрительныхъ требованій („Сел. Благ.“ 1858 года, № 8, 130, прим.). Прежде бывали вездѣ и теперь еще въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ происходятъ ежегодные передѣлы. но они видимо измѣняются и уступаютъ мѣсто передѣламъ на болѣе или менѣе продолжительные сроки. По востребованію обстоятельствъ, общинное владѣніе, ни мало не измѣняя своему характеру, можетъ допустить даже наслѣдственное пользованіе землею. Это не только возможно, но даже удобно. „Теперь передѣлы необходимы, потому что тягла въ помѣщичьихъ имѣніяхъ большею частью не испрашиваются, а налагаются. Слѣдовательно, какъ скоро рабочая сила или старѣетъ, или умираетъ, то семейство проситъ льготы, т.-е. складки тягла, и въ такомъ случаѣ необходима и накладка тягла. Эти частныя складки и накладки тяголь перепутываютъ поземельные участки и заставляютъ прибѣгать къ передѣламъ. Такое положеніе дѣла еще продолжится, пока будутъ обязательныя работы или пока будутъ вноситься оброчныя или выкупныя деньги; но когда всѣ эти повинности минуютъ, и крестьянамъ придется вносить однѣ государственныя, земскія и общественныя повинности, тогда тяглою будутъ дорожить. Тогда семейства, лишаящіяся работниковъ, будутъ удерживать за собою землю, доставляющую имъ возможность кормиться даже при наемѣ работниковъ. Слѣдовательно, и передѣлы, о которыхъ такъ много толкуютъ, могутъ все рѣже и рѣже повторяться или и вовсе прекратиться. Это не догадка, не предположеніе, а почти фактъ: усадебная земля въ нашихъ селеніяхъ находится въ мірскомъ владѣніи, а между тѣмъ, въ большей части деревень, воноплянники и огороды (уже не говорю о землѣ подъ

строениями) находятся въ коренномъ, наслѣдственномъ пользованіи крестьянскихъ семействъ“.

Числовымъ даннымъ, приводимымъ Соловьевымъ въ „Отечественныхъ Запискахъ“ объ увеличеніи благосостоянія въ мѣстностяхъ, гдѣ крестьяне надѣлены подворными участками, Кошелевъ приводитъ параллельные примѣры изъ той же мѣстности и при тѣхъ же хозяйственныхъ условіяхъ такого же увеличенія благосостоянія въ мѣстностяхъ съ общиннымъ землевладѣніемъ. Отсюда Кошелевъ заключаетъ, что земли общиннаго владѣнія ни мало не уступаютъ землямъ личнаго владѣнія въ отношеніи къ возрастанію какъ ихъ стоимости, такъ и доходности.

Чтобы показать, до какой степени Ал. Иван. былъ глубоко убѣжденъ въ законности существованія у насъ общиннаго владѣнія и какъ *религиозно* (собственное его выраженіе) старался онъ его охранить отъ всякихъ посягательствъ, видно изъ его „приписки“ къ статьѣ, гдѣ Кошелевъ своимъ противникамъ ставитъ вопросы о практическомъ способѣ уничтоженія общины словомъ закона. Кошелевъ, въ концѣ, упоминаетъ о такомъ случаѣ, гдѣ законъ, оставляя существованіе общины, установилъ все-таки начало ея разрушенія. Таково, дѣйствительно, положеніе о выдѣлѣ въ личную собственность участка, выкупленнаго крестьянскимъ семействомъ (Вых. Положен. ст. 165 *). Кошелевъ, какъ будто предчувствуя подобную мѣру, говоритъ: „Эти частныя, скажу—даже рѣдкія, явленія личной собственности въ общей дачѣ не сдѣлаются ли помѣхою для удобнаго размѣщенія полей, остающихся въ пользованіи у остальныхъ крестьянъ? Разумно ли теперь, когда мы вступаемъ въ величайшій переворотъ, который когда-либо у насъ совершался, когда крестьянству только предстоитъ прочно устроиться и когда всѣ его силы должны быть призваны къ дѣлу,—разумно ли теперь же поражать то начало, которое, по сознанію всѣхъ знакомыхъ съ нашимъ народомъ и даже всѣхъ разсудительныхъ противниковъ общиннаго землевладѣнія, лежитъ въ основѣ нашей крестьянской жизни? Конечно, это начало устоитъ, какъ оно устояло противъ помѣщичьей и чиновничьей власти; но велика разница въ томъ, будетъ

---

*) Укажемъ кстати, что когда свѣдущіе люди собрались въ первый разъ по вопросу о пониженіи выкупныхъ платежей, то они, по предложенію Д. Ф. Самарина, единогласно постановили ходатайствовать объ отмініи этой статьи. Какія были послѣдствія означеннаго ходатайства, мнѣ неизвѣстно.

ли оно развиваться съ полною въ себя вѣрою, или съ сознаниемъ, что оно есть положеніе временное, что оно осуждено на смерть, что противъ него уже выставлены узаконенія, и что дѣйствіе ихъ должно постепенно усиливаться“ (стр. 147).

Противники общины, не безъ лукавства, предлагали ея защитникамъ такой вопросъ: если общинное владѣніе надѣлено такими преимуществами, то почему же не распространить его на всѣхъ? Ал. Иван. отвѣчаетъ на это совершенно согласно съ Чернышевскимъ. Кошелевъ также желаетъ, и по тѣмъ же причинамъ, сохранить оба вида собственности, личный и общинный: первый—какъ элементъ преуспѣванія, какъ способъ удовлетворенія сильныхъ, богатыхъ, предприимчивыхъ личностей, какъ награда за особенные понесенные труды; а второй—какъ элементъ устойчивости, какъ ничѣмъ незамѣнимая связь въ народѣ, именно въ тѣхъ его слояхъ, гдѣ необходима *матеріальная* точка единенія, — какъ средство всякому доставить кровь, отчизну, безнуждное существованіе и уравнять людей въ возможныхъ и необходимыхъ границахъ. Алекс. Ивановичъ заявляетъ даже, что онъ не желаетъ поступленія въ общинное владѣніе не только всей земли, но даже большей ея части (Чернышевскій желаетъ, чтобы количество общинной земли превосходило земли, принадлежащія въ личную собственность и составляющія *исключеніе*, что и вѣрно, если онѣ представляютъ результатъ исключительной предприимчивости). „Мы желаемъ,—говоритъ Кошелевъ,—чтобы личная поземельная собственность была доступна для всѣхъ—общинниковъ и необщинниковъ, для дворянъ, купцовъ, мѣщанъ, духовныхъ и крестьянъ. Общинное же землевладѣніе должно существовать для обезпеченія безнужднаго существованія огромной массы народной. Это владѣніе должно, по нашему мнѣнію, обнять приблизительно все то пространство земли, которое нынѣ находится въ его рукахъ; вотъ почему мы стоимъ за нынѣшній крестьянскій надѣлъ. Это количество обезпечиваетъ нынѣшнее существованіе земледѣльческаго сословія и достаточно для него будетъ еще въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ, ибо плодородіе нашихъ земель можетъ утроиться, учетвериться, удесятиться“.

Болѣе серьезное и многостороннее изученіе вопроса объ общинѣ привело Ал. Иван. къ измѣненію его взгляда на это явленіе и настолько сблизило его съ Чернышевскимъ, что въ первой статьѣ

Кошелевъ возражаетъ Чернышевскому на его пониманіе общины въ смыслѣ принципа, а во второй самъ приходитъ къ тому же и, какъ сейчасъ увидимъ, даже повторяетъ аргументацію послѣдняго*). Община теперь для Кошелева уже не представляется безразличнымъ фактомъ, формою преходящею, но *вѣчною*, принципомъ. Въ заключеніи статьи Кошелевъ говоритъ, что онъ подастъ „рѣшительный голосъ не только за удержаніе общиннаго землевладѣнія въ настоящую пору, но и за охраненіе и поддержаніе его на будущее время, т.-е. настолько, насколько дано человѣку настоящимъ опредѣлять будущее. Европа,—говоритъ Кошелевъ,—представляетъ окончательные результаты древняго римскаго образованія; въ ней личность и личная собственность развиты до крайности; а потому социалисты и коммунисты на Западѣ опасны,—они бьютъ своихъ противниковъ при всѣхъ встрѣчахъ. Послѣдніе не могутъ не признать, что обще-

*) Интересно, что Ал. Иван. въ защитѣ общиннаго владѣнія ссылается на тотъ же законъ, на которомъ, какъ мы видѣли уже, построилъ свою защиту Чернышевскій,—именно, что высшая степень развитія по формѣ совпадаетъ съ его началомъ („Соврем.“ 1858, XII, 611). Такой социальный законъ дѣйствительно существуетъ, но напрасно Чернышевскій взялся выводить его при простѣйшихъ явленіяхъ природы, въ смыслѣ закона „планетарнаго“. Соціальныя законы, безъ сомнѣнія, суть отраженія законовъ естественныхъ, космическихъ, планетарныхъ,—называйте ихъ какъ хотите. Но, по всей вѣроятности, причинную связь уму человѣческому не дано прослѣдить такъ далеко, чтобы открыть простѣйшіе и самыя общіе законы міровой жизни, въ отношеніи къ которымъ всѣ остальные являются какъ частные случаи примѣненія. Поэтому, на длинномъ пути для каждой группы законовъ, открываемыхъ человѣкомъ, онъ избираетъ промежуточные ставія, гдѣ группируются открываемые имъ частныя законы въ общіе, справедливыя для извѣстной серіи проявленій. Такая особая станція существуетъ для социальныхъ законовъ, ибо до сихъ поръ приурочить ихъ къ нашимъ познаніямъ наукъ о природѣ не удалось, а потому нечего за это и браться. Съ чисто-соціологической точки зрѣнія законъ этотъ формулировать легче. Общество на извѣстной степени развитія всегда представляло при своемъ началѣ такое состояніе, гдѣ извѣстныя явленія его отчасти совершались съ наибольшею простотою и, слѣдовательно, элементы ихъ уравнивались до полной гармоніи. Условія, при которыхъ совершался историческій процессъ, нарушали эту гармонію тѣмъ, что различныя стороны или элементы этого явленія развивались не одинаково: одни переросли, другіе сокращались, — одни шли прямо, другіе уклонялись въ сторону. Если это нарушеніе гармоніи было не настолько сильно, чтобы совершенно убить данный общественный организмъ, то весь прогрессъ его замѣчался въ томъ, что нарушенная гармонія возстановлялась, всѣ стороны общественной жизни мало-помалу выравнивались и патологическія уклоненія получали нормальное развитіе. Само собою, что возстановленіе равновѣсія высшему культурному моменту придавало въ осложненномъ видѣ ту форму, которая служила точкою отправления, такъ какъ въ томъ и другомъ случаѣ нормальнымъ порядкомъ являлось взаимное уравниваніе всѣхъ сторонъ общественной жизни.

ственное устройство неудовлетворительно, а между тѣмъ сами ничѣмъ не могутъ его замѣнить, и общезитія, предлагаемая Кабе и компанією, въ которыхъ личность людей принесена въ жертву какой-то отвлеченной, не существующей единицѣ, приводятъ ихъ въ справедливый ужасъ. Коммунизмъ и социализмъ, на время подавленные, много сильнѣе своихъ противниковъ. Имъ принадлежитъ, правда, не будущность, но, конечно, будущая минута. Съ негодованіемъ и страхомъ смотритъ Европа на Прудона, а между тѣмъ четверть, треть своихъ достатковъ она употребляетъ на помощь нищимъ,—не изъ братолюбія, а изъ того только, чтобъ этимъ выкупить спокойное пользованіе остальнымъ. Что же это, какъ не тайное признаніе Прудоновской теоріи? Какое специфическое лѣкарство противъ всѣхъ этихъ золъ?—одно, ничѣмъ не замѣнимое, вполне достаточное—*община*. Западъ въ своихъ передовыхъ людяхъ подходитъ мечтою къ тому, что у насъ существуетъ на дѣлѣ, а противники общиннаго начала прикладываютъ къ нему понятія уже отходящаго порядка вещей, негодуютъ, что они не приходится, и хотятъ по своимъ привознымъ, а потому мертвымъ, мѣрамъ и образцамъ пересоздать живое. Они говорятъ, что это общинное состояніе, это общинное владѣніе землею были прежде и въ другихъ земляхъ, но что вытѣснены, уничтожены успѣхами просвѣщенія, земледѣлія, промышленности и торговли. *Но развѣ начало и конецъ не тождественны? Это видно на явленіяхъ природы и разума; это, наконецъ, объяснено и доказано послѣдними великими мыслителями Германіи.* Общинное начало не есть шестое чувство, коимъ Богъ одарилъ славянина, но оно есть скрижаль завѣта, вѣренна намъ, какъ *позднѣйшимъ* дѣятелямъ на міровомъ поприщѣ. Ни Тьеръ, ни Гизо, ни прочіе ученые и талантливые люди не защитятъ на Западѣ права собственности, осаждаемаго пролетаріатомъ, и не излѣчатъ язвъ, растравленныхъ въ общественномъ тѣлѣ до крайности развитою личностью. Таковъ переворотъ можетъ быть произведенъ лишь словомъ, исходящимъ изъ устъ не отдѣльныхъ личностей, а цѣлаго народа, народа юнаго, несмотря на тысячелѣтнее его существованіе“.

Такимъ взглядомъ на общину Ал. Иван. отдѣлился отъ Ю. О. Самарина, высказывающаго такое заключеніе: „Защищая хозяйственную общину у насъ, въ Россіи, и въ настоящее время, я однако же не выдаю ее за форму безукоризненную и общепримѣ-

нимую. Мнѣ даже не вѣрится, чтобы возможно было изобрѣсти такую формулу. Общинное землевладѣніе имѣетъ свои существенныя неудобства, которыхъ я не скрывалъ. Въ немъ таится внутреннее противорѣчіе, свидѣтельствующее, что эта форма *не можетъ быть вѣковечною, а должна измѣниться путемъ свободнаго развитія*“ („Сельск. Благоустр.“ 1858, XII, 327).

Ал. Иван. до конца жизни оставался горячимъ и ревностнымъ защитникомъ сельской общины: мы будемъ имѣть случай не разъ въ этомъ убѣдиться, въ дальнѣйшемъ изложеніи его общественной дѣятельности.

До появленія второй статьи Ал. Иван., Ю. О. Самаринъ началъ рядъ статей по вопросу объ общинѣ. Въ январской книжкѣ „Сельскаго Благоустройства“ помѣщена первая статья Самарина „О поземельномъ общинномъ владѣніи“, составленная на основаніи личныхъ наблюденій въ губерніяхъ Московской, Тульской и степныхъ приволжскихъ. Въ статьѣ этой Самаринъ разсматриваетъ раздѣлъ крестьянами между собою пашни, такъ какъ остающіяся въ общемъ владѣніи земли Самаринъ подводитъ подъ другую категорію совокупнаго пользованія, сходнаго съ западными формами (*Gemeinnutzungen, communautes*). Крестьяне дѣлятъ пашню по *тягламъ*. Тягло представляетъ извѣстное количество рабочихъ силъ и физическихъ потребностей, принятое за единицу *), подобно тому, какъ у насъ встарину соха представляла условную единицу поземельную. По этой единицѣ опредѣляется количественное отношеніе рабочихъ силъ и потребностей каждаго дома въ рабочимъ силамъ и потребностямъ всего мірскаго общества,—иными словами, дѣлается переложеніе домовъ на тягла. Каждый домъ, переложенный на тягла, получаетъ значеніе *дроби*, въ которой знаменатель выражаетъ сложность единицъ, состоящихъ въ цѣломъ обществѣ, а числитель—количество таковыхъ же единицъ или долей, приходящихся на домъ. Отсюда Самаринъ даетъ другое опредѣленіе тягла: „тягло есть *общій дѣлитель*,—иными словами, *единица пропорціональнаго отношенія силъ и потребностей къ землѣ, выгодамъ и тягостямъ разнаго рода*“. Самаринъ приводитъ числовые примѣры такого дѣлежа, различныя отношенія числа тяголъ къ числу душъ, порядокъ раздѣла въ имѣніяхъ многоземельныхъ и ма-

*) Хомяковъ опредѣляетъ тягло такъ: въ коренномъ понятіи о тяглѣ выражается совокупность земли производящей и силы возвышающей ея произведенія (Соч. I, 426).

лоземельныхъ и вліяніе на раздѣлъ мѣстныхъ условій, именно мѣстной администаціи. Выгоды тягловаго надѣла Самаринъ опредѣляетъ слѣдующимъ образомъ: „Пропорціональность надѣла сырымъ матеріаломъ, землею, къ рабочимъ силамъ, нуждамъ и тягостямъ удовлетворяетъ требованіямъ справедливости и обезпечиваетъ общее благосостояніе. Не посягая на продукты свободнаго труда, эта система, косвеннымъ образомъ, предупреждаетъ вредныя крайности въ распредѣленіи общественнаго богатства. Земля не можетъ доставаться въ руки того, кто въ ней не нуждается или неспособенъ ею воспользоваться, и, наоборотъ, тотъ, кому она нужна и кто обладаетъ средствами потребными на ея оплодотвореніе, не можетъ быть вынужденъ затратить свой капиталъ на приобрѣтеніе права на землю или принять на себя тяжелый, часто неоплатный долгъ“. Въмѣстѣ съ тѣмъ Самаринъ обращаетъ вниманіе и на невыгодную сторону—на частые передѣлы. Здѣсь Самаринъ отдѣляется отъ Кошелева, признающаго передѣлъ за неотъемлемый и существенный элементъ общиннаго владѣнія и только требующаго продолжительности ихъ, сообразной съ условіями хозяйства. Самаринъ говоритъ: „по мѣрѣ того какъ увеличивается въ земледѣліи участіе труда и капитала, замѣняя дѣйствіе даровыхъ силъ природы, увеличиваются затруднительность и несправедливость передѣловъ, а слѣдовательно и общиннаго владѣнія. Между тѣмъ очевидно, что совершенствованіе земледѣлія ведетъ именно къ постепенному расширенію участія мысли, воли, труда, капитала, и что причины, заставившія нашихъ крестьянъ и помѣщиковъ отказаться въ среднихъ губерніяхъ отъ ежегодныхъ передѣловъ (еще недавно повсемѣстно существовавшихъ) и ввести продолжительные сроки пользованія пашнею, потребуютъ со временемъ совершеннаго прекращенія передѣловъ. Допущеніе ихъ черезъ долгіе или неопредѣленные сроки есть только переходный моментъ на пути къ этому результату,—моментъ, на которомъ нельзя удержаться, ибо трудность не побѣждена, а только отсрочена“. Притомъ Самаринъ указываетъ на обычай дѣлить пашню на три полосы: ближайшую къ селенію и получающую постоянное удобреніе; среднюю, удабриваемую рѣдко и скудно; дальнюю, прѣсную или запольную, вовсе не получающую удобренія,—и каждое тягло получаетъ по участву въ каждой полосѣ. Такимъ образомъ, ни одинъ хозяинъ не рискуетъ лишиться *всей* навозной земли

и получить одну прѣсную; но можетъ случиться, и случается, что удобрившій $\frac{3}{4}$ своей земли получить послѣ передѣла только $\frac{2}{3}$ удобренной, и то скудно, и $\frac{1}{3}$ прѣсной. Вотъ отчего исправные, богатые и работающіе хозяева вообще не любятъ передѣловъ“. Интересно, какъ сами крестьяне смотрятъ на передѣлы. „Стъ единственною цѣлью вызвать отвѣтъ на этотъ вопросъ,—говоритъ Самаринъ,—я нѣсколько разъ заводилъ рѣчь на мірскихъ сходкахъ, въ губерніяхъ Тульской, Самарской и Рязанской, о невыгодахъ передѣловъ и предлагалъ положить имъ конецъ. Всякій разъ два три голоса соглашались съ моими доводами, поддерживали, хотя робко, мое предложеніе, и всякій разъ огромное большинство отвергало его, такъ что самые противники стародавняго обычая скоро умолкали. Но эти немногіе и робкіе голоса шли всегда отъ самыхъ исправныхъ и зажиточныхъ хозяевъ“.

Въ октябрьской книжкѣ „Сельск. Благ.“ Самаринъ помѣстилъ, въ отвѣтъ Бутовскому въ „Рус. Вѣстникѣ“ (1858, кн. 13), статью „Общинное владѣніе и собственность“. Возраженіе Бутовскаго имѣло преимущественно юридическій характеръ. Авторъ сомнѣвается, чтобы общинное землевладѣніе было результатомъ добровольнаго соглашенія крестьянъ, а признаетъ его просто безотчетнымъ переживаніемъ первобытной формы, свойственной всякому племени въ первой порѣ его осѣдлости; общинное владѣніе не есть учрежденіе лежащее въ духѣ народа и складѣ его ума, но просто привычка,—не природный складъ ума, а искусственный, привитый къ нашему народу вѣковымъ господствомъ, порядковъ, который не свободно имъ установленъ, но который онъ вытерпѣлъ. Двѣсти пятьдесятъ лѣтъ сряду наши крестьяне сидѣли общинами на чужихъ земляхъ; у нихъ не могло составиться собственности ни общей, ни частной. Затѣмъ Бутовскій съ исторической и теоретической стороны разсматриваетъ „самое начало собственности“, чтобы придти къ послѣдней формѣ ея проявленія, гдѣ „наконецъ прекращаются родовыя и сословныя исключительныя права на землю, и право приобрѣтатъ поземельную собственность отдается въ равной степени всѣмъ гражданамъ безъ различія. Для государствъ, гдѣ совершилась эта послѣдняя реформа, можно сказать, ликвидація прошедшаго кончена. Поземельная собственность, сдѣлавшись доступною всякому честному труду, озарилась всею святостью права“. Послѣ краткаго изложенія поземельныхъ правъ въ Россіи

Бутовскій изображаетъ всѣ невыгоды и несправедливости общинаго владѣнія и *выкупа земель въ мірскую, а не въ личную собственность*. Къ числу такихъ неудобствъ Бутовскій относитъ главнымъ образомъ передѣлы, существованіе въ общинѣ безземельныхъ крестьянъ, подъ именемъ затыглыхъ или батраковъ; при владѣніи землею міромъ на правахъ собственности не раздѣльной, а общинной, всѣ затрудненія, происходящія изъ малоземелья и дробленія участковъ, которыя теперь легко и миролюбиво улаживаются, превратились бы въ источникъ споровъ, жалобъ и обоюдныхъ домогательствъ между общинниками“. Ю. Э. Самаринъ подробно и обстоятельно опровергнулъ всѣ эти возраженія, почерпая свои доводы преимущественно изъ противорѣчій, подмѣченныхъ у противника, и фактовъ, самимъ имъ приводимыхъ *). При этомъ Самаринъ заявляетъ, что „въ статьѣ г. Бутовскаго мы не находимъ *безпристрастной* оцѣнки того и другаго явленія. У него совершенно тождественные вопросы, возникающіе неминуемо и въ средѣ общинности, и въ средѣ личной собственности, напримѣръ: какъ предупредить крайность въ дробленіи участковъ, какъ обезпечить

*) Между прочимъ, разбирая исторію происхожденія собственности, изложенную Бутовскимъ, Ю. Э. Самаринъ указываетъ на выдѣленіе понятія о личной собственности изъ предшествующаго факта собственности семейной, т. е. коллективной или общинной. „Человѣкъ, въ пору своего младенчества, извѣмогъ бы, даже безъ всякихъ съ его стороны усилій, еслибъ его не кормила молокомъ своимиъ мать и не прикрывала его своею одеждою отецъ; слѣдовательно, первое, что усвоиваетъ себѣ человѣкъ и что дѣлается его собственностью, есть въ отношеніи къ нему *чужое, полученное отъ другихъ*: онъ самъ это узнаетъ, когда въ немъ разовьется разумъ, и тогда, вмѣстѣ съ понятіемъ о собственности, въ неразлучной съ нимъ связи, возникаетъ въ немъ понятіе о предустановленномъ, естественномъ его *общеніи* съ другими людьми. Законъ собственности, по самой его естественности, вовсе не предваряетъ всѣ формы общежитія, какъ думаетъ авторъ, а, совершенно наоборотъ, зарождается въ общежитіи. Еслибъ взрослые, готовые люди падали съ неба, какъ аэролиты, г. Бутовскій былъ бы совершенно правъ, но человѣкъ *родится*; самое появленіе его на Божій свѣтъ предполагаетъ предшествовавшее ему существованіе *челъ*; онъ входитъ въ жизнь какъ младшій членъ уже готовой семьи, а семья есть первообразъ и зародышъ общества. Это—первая форма человѣческаго общежитія, основанная на свободномъ и въ то же время нравственно-обязательномъ самопожертвованіи, на томъ самомъ началѣ, на которомъ держатся и всѣ послѣдующія формы. Позднѣе, когда въ человѣкѣ разовьется сознаніе, онъ пріобрѣтаетъ способность отрѣшаться *мысленно* отъ кровнаго родства, отъ семьи, рода, племени, и восходитъ до отвлеченнаго понятія своей личности, своего я; но это я, эта личность, разобщенная съ человѣчествомъ, и это мое отраженіе той же личности на матеріальной пріродѣ—*помятія* добытыя путемъ отвлеченія или отрицанія дѣйствительности, а не живыя явленія“ („Сельское. Благоустройство“ 1858, X, 14).

участъ рабочихъ, не находящихъ себѣ занятія въ селахъ, въ какой мѣрѣ возможно успѣшное хозяйство, требующее семейнаго согласія, и т. п.,—въ первомъ случаѣ, въ общинѣ, разрѣшаются враждою, ссорою, игрою страстей, заглушающихъ голосъ разсудка, гидрою сутяжничества и другими мнѣологическими пугалами; а во второмъ—при частной собственности—обоюдною уступчивостью, легкими сдѣлками и какою-то трогательною гармоніей интересовъ. Тамъ тема разыгрывается въ трагическомъ тонѣ, а здѣсь—въ идиллическомъ“. Приведа данныя о землевладѣніи крестьянъ собственниковъ въ при-рейнской Пруссіи, собранныя по порученію правительства Вильгельма, Самаринъ приходитъ къ слѣдующему результату: „Итакъ, полная отрѣшенность личной собственности и неограниченная свобода въ распоряженіи землею привели къ неограниченному дробленію и гибельной чрезполосности; дробленіе и чрезполосность привели къ необходимости положить предѣлъ раздѣламъ и установить нормальные участки, замкнутыя хозяйства или маіоратства, фидей-комиссы; эти учрежденія, въ свою очередь, ведутъ съ одной стороны къ нарушенію справедливости и равенства между наслѣдниками, къ обдѣламъ всѣхъ въ пользу одного, къ фальшивымъ оцѣнкамъ; съ другой — къ ограниченію права собственности на землю совмѣстными притязаніями на нее кредиторовъ. Таково было развитіе поземельныхъ правъ въ одной землѣ, и мы далеки отъ мысли выдавать его за нормальное; мы, напротивъ, споримъ противъ предустановленныхъ формулъ и нормъ. Въ другихъ странахъ развитіе можетъ пойти совершенно инымъ путемъ; но когда вопросъ о поземельной крестьянской собственности почти ежегодно возбуждается въ камерахъ и совѣтахъ, когда выходятъ десятками книги и брошюры о выгодахъ той или другой формы владѣнія, когда вниманіе многихъ правительствъ обращено на опасности со стороны полной свободы въ распоряженіи землею, угрожающія внутренней прочности и крѣпости осѣдлаго крестьянства, мы не можемъ признать ликвидаціи прошедшаго оконченною, ни повѣрить, чтобы въ неограниченной личной собственности заключался предохранительный талисманъ отъ всѣхъ невыгодъ, страданій и бѣдствій, сопряженныхъ съ нашимъ обычнымъ порядкомъ вещей“.

Бутовскій впрочемъ согласенъ на оставленіе у крестьянъ общины административной и ратуетъ только противъ поземельной. Мы уже видѣли возраженіе по этому вопросу Кошелева. Самаринъ замѣ-

часть, что, при оставленіи въ этомъ случаѣ круговой отвѣтственности за исправное отбываніе повинности, несправедливо устранить общество отъ всякаго вліянія на хозяйство своего члена, полнаго собственника земли, а отвѣтственность попережнему сохранить на обществѣ; это значитъ полагать въ основаніе общественной организаціи не общественный интересъ, а интересъ казенный. Замѣчательно, что гг. Бутовскій, Вернадскій и всѣ принадлежащіе къ одному экономическому согласію готовы были допустить, въ видахъ успѣшности сельскаго хозяйства, развитіе у насъ „земледѣльческихъ ассоціацій“, лишь бы уничтожить общинное начало, опуская изъ виду справедливое положеніе Чернышевскаго, что всякій совокупный трудъ, въ той или другой степени, требуетъ владѣнія общимъ имуществомъ.

Въ декабрьской книжкѣ „Сельское Благоустройство“ (№ 12), Ю. О. Самаринъ помѣстилъ, въ опроверженіе г. Иванова („Русск. Вѣстн.“ 1858 г. № 16), статью „Поземельная собственность и общинное владѣніе“. Г. Ивановъ возражаетъ противъ общины съ экономической точки зрѣнія, на основаніи той научной теоріи, которой держатся всѣ сторонники личнаго землевладѣнія. Поэтому въ его доводахъ нельзя найти ничего новаго, кромѣ противоположенія общиннаго владѣнія, какъ *искусственнаго*, личному владѣнію, какъ *естественному* порядку вещей. Само собою разумѣется, что г. Ивановъ не церемонится съ мнѣніемъ своихъ противниковъ и говоритъ въ началѣ статьи, будто Самаринъ и Кошелевъ предлагаютъ надѣленіе крестьянъ и *помѣщиковъ* землею не соотвѣтственно личнымъ правамъ каждаго, а соотвѣтственно потребностямъ обоихъ сословій (стр. 618). Это, въ несчастіе, у насъ довольно обычный полемическій приѣмъ: еслибы возражающіе внимательно и добросовѣстно изучали положенія противниковъ и не придавали имъ, сознательно или по недоразумѣнію, превратный смыслъ, то значительная часть полемическихъ пререканій оборвалась бы на самомъ началѣ и не наводняла литературу. Точно также и возраженіе Самарина не представляетъ ничего новаго. Въ немъ важно только возраженіе противъ выкупа крестьянами земли въ собственность *лично*, какъ предлагаетъ г. Ивановъ, рисующій самыя мрачныя картины при выкупѣ цѣлымъ обществомъ. Мы уже видѣли, какъ противъ этого возставалъ Кошелевъ; вотъ что къ этому прибавилъ Самаринъ: „Выкупъ въ *полную личную собственность* участка

мірской земли, отведенной въ пользованіе извѣстному лицу, предполагаетъ упраздненіе всѣхъ правъ, лежащихъ на той землѣ, а именно: вотчиннаго права, принадлежащаго помѣщику, и права владѣнія, принадлежащаго міру. Это послѣднее право не иначе можетъ перейти къ частнымъ лицамъ отъ юридическаго лица, называемаго міромъ, какъ посредствомъ выкупа, притомъ съ согласія міра или путемъ экспропріаціи. Перваго случая, чтобы цѣлая община дозволила добровольно одному или нѣсколькимъ хозяевамъ вырѣзать свои участки изъ общей мірской дачи, почти нельзя и предполагать (это вполне подтвердилось: міръ ни за что не соглашается выдѣлить изъ мірской земли въ натурѣ участки крестьянамъ, выкупившимъ свой надѣлъ, на основаніи права, предоставленнаго ст. 165 Вѣд. Полож.). Оставалось бы обойтись безъ согласія міра. Противъ этой мѣры, благопріятной для немногихъ и стѣснительной для большинства, можно бы сказать многое; но, вмѣсто всякихъ доводовъ, мы сошлемся на примѣръ Пруссіи, которая испробовала ее въ примѣненіи къ упраздненію сервитутовъ и совокупнаго пользованія угодіями (Servituten, Gemeinheiten). Ученые агрономы и администраторы, съ половины XVIII вѣка, не переставали жаловаться на эти остатки средневѣковой формы; выгоды, ожидаемыя отъ ихъ упраздненія, были такъ очевидны, наука говорила такъ громко, что правительство рѣшилось, не обращая вниманія на предразсудки и закоренѣлыя привычки большинства, принять радикальныя мѣры. Въ этихъ видахъ издано было Положеніе 7 іюня 1821 г., въ силу котораго (§§ 23 и 40) *каждый хозяинъ* могъ требовать выдѣла себѣ въ личное и ничѣмъ не ограниченное распоряженіе приходящейся на его долю части общихъ угодій и прекращенія пастбища на своей землѣ; за каждою просьбою слѣдовало немедленно исполненіе, причемъ не спрашивали, согласно ли общество, и не разбирали, не произойдетъ ли вреда для всѣхъ отъ выгодъ, предоставляемыхъ одному;—однимъ словомъ, дѣйствовали точь-въ-точь такъ, какъ совѣтуютъ теперь наши экономисты. Отъ этого неосмотрительнаго распоряженія возникли разнообразныя жалобы, мѣстами разстроилось хозяйство цѣлыхъ общинъ и упало благосостояніе мелкихъ землевладѣльцевъ, огородниковъ, хатниковъ и т. п. Объяснить это не трудно. Нельзя было произвести сепарацію одного хозяина, не примезевавъ его участковъ, разсѣянныхъ въ общихъ поляхъ, къ однимъ мѣстамъ; иначе при череполосности онъ былъ

бы связанъ общимъ сѣвооборотомъ или не имѣлъ бы прогоновъ къ своимъ полосамъ. Потому удовлетвореніе каждой поданной просьбы требовало передвиженія всѣхъ межъ и границъ; при каждой сепараціи всѣ участки, начиная со сложныхъ, передвигались то въ одну, то въ другую сторону. Легко себѣ представить, какво было выносить подобную операцію по нѣсколько разъ къ ряду прочимъ хозяевамъ, которые не желали или не въ состояніи были выдѣлиться. Правда, что если разорялись крестьяне, то наука торжествовала,—ея требованія исполнялись безпрекословно, безъ оглядки; впрочемъ и то продолжалось не долго. Правительство скоро убѣдилось, что тревожное состояніе, возбужденное одною необдуманною мѣрою, влекло за собою болѣе худыхъ послѣдствій для большинства, чѣмъ возникало пользы для частныхъ лицъ отъ ускоренія сепарацій, и въ 1838 году оно постановило правиломъ—приступать къ выдѣламъ, сопряженнымъ съ обмѣнами участковъ, не иначе, какъ по просьбѣ по крайней мѣрѣ $\frac{1}{4}$ заинтересованныхъ лицъ, и не повторять этой операціи до истеченія 12 лѣтъ, безъ согласія большинства мѣстныхъ обывателей. Съ тѣхъ поръ частныя выдѣлы отдѣльныхъ хозяевъ порознь *совершенно прекратились*. Итакъ, въ этомъ случаѣ, ограниченіе личнаго права интересомъ общественнымъ, подчиненіе личной свободы общественному приговору—явилось какъ результатъ горькаго опыта и какъ шагъ впередъ, слѣдовавшій за неудавшимся примѣненіемъ къ жизни тѣхъ общихъ положеній, которыя въ учебникахъ кажутся до такой степени несомнѣнными и ясными. Прибавимъ къ этому, что дѣло идетъ о правительствѣ просвѣщенномъ, котораго нельзя заподозрить въ исключительномъ пристрастіи къ старинѣ, ни въ предразсудкахъ, ни въ недостаточномъ знакомствѣ съ выводами науки.

„Но пора обратиться опять къ предмету. Мы сказали, что выкупъ пашни и угодій въ личную собственность крестьянъ предполагаетъ упраздненіе, вопервыхъ, права вотчинной собственности и, вовторыхъ, права владѣнія и распоряженія принадлежащаго міру,—слѣдовательно, по всей справедливости, не можетъ совершиться безъ вознагражденія міра. Опредѣлить вознагражденіе за теряемое помѣщикомъ право вотчинной собственности очень немудрено, ибо данныя для этого представляются сами собой въ повинности, составляющей законный доходъ помѣщика отъ крестьянской земли; напротивъ того, очень трудно переложить на деньги, оцѣнить об-

пественное право владѣнія, опредѣлить, что именно потеряетъ мѣръ, какія возникнутъ для него стѣсненія, насколько упадетъ цѣнность и уменьшится удобство земли, остающейся, за выдѣломъ отдѣльныхъ участковъ съ общественномъ пользованіи“ (стр. 295—298). Между тѣмъ Самаринъ уже въ то время объяснилъ тѣ скрытые мотивы, которые большинство защитниковъ личной крестьянской собственности,—конечно, стоявшихъ въ сторонѣ отъ литературной дѣятельности, но тѣмъ не менѣе представлявшихъ собою въ то время значительную силу,—имѣли въ виду, говоря о личномъ надѣлѣ крестьянъ землею и о личномъ выкупѣ. „Враждебные отзывы объ общинѣ,—говоритъ Самаринъ,—объяснялись очень просто: еслибы съ каждымъ крестьяниномъ порознь имѣть дѣло, куда бы еще не шло! Не заплатитъ разъ, другой, и долой его съ земли; ступай на всѣ четыре стороны, а земля моя. Заговоритъ одинъ—зажать ротъ не трудно; ну, а какъ съ цѣлымъ міромъ имѣть дѣло, такъ оно выходитъ потруднѣе: пожалуй, тутъ и самъ руки обломашь. Это по крайней мѣрѣ послѣдовательно и ясно; съ этой точки зрѣнія, для дальнѣйшихъ полуобнаруженныхъ намѣреній, общинное владѣніе и мірское устройство, безъ сомнѣнія, являются помѣхою; но вѣдь авторъ далекъ отъ этого взгляда,—какъ видно по всему, онъ искренно желаетъ новаго порядка вещей. Спрашивается: гдѣ же источникъ такой же точно вражды со стороны автора“ (стр. 300)? Отвѣтъ простой и ясный: въ теоретическомъ доктринерствѣ, которое не хочетъ выслѣживать требованій живой жизни, а стремится ломать ее и всячески пригибать подъ уровень своихъ логическихъ выводовъ, отвлеченныхъ и непримѣнимыхъ къ условіямъ мѣста и времени. Протестъ, живой и энергическій, хотя нѣсколько преувеличенный и окрашенный неподходящимъ религіознымъ оттѣнкомъ, противъ безусловнаго доктринерства, прилагавшагося западниками ко всѣмъ проявленіямъ русской жизни, составляетъ главную заслугу и силу славянофиловъ. Наконецъ, замѣтимъ еще особенность разсматриваемыхъ статей. Г. Ивановъ, въ своей статьѣ, сильнѣе нежели кто-нибудь до него настаивалъ на тождествѣ общиннаго владѣнія съ коммунизмомъ, исходя изъ того положенія, что надѣлъ общинною землею происходитъ сообразно естественнымъ потребностямъ каждаго и количеству произведеній земли, приносимыхъ ею безъ содѣйствія капитала, а не соразмѣрно съ употребленными усиліями и способностями отдѣльнаго члена общества. По замѣчанію Самарина,

„эти строки ясно доказываютъ, что авторъ смѣшалъ два факта надѣлъ по душамъ, который есть изобрѣтеніе администраціи и оттуда перешель, хотя не вездѣ, въ обычай, и надѣлъ по тягламъ. пропорціональный потребностямъ и средствамъ каждаго дома, который гораздо древнѣе перваго и не навязанъ народной жизни, а ею самою созданъ“ (стр. 312). Впрочемъ, въ глазахъ г. Иванова всякая попытка предупредить крайности въ распредѣленіи богатства есть коммунизмъ вредный для народнаго труда (стр. 627). Вмѣстѣ съ тѣмъ Самаринъ вооружается противъ круговой поруки, когда она является результатомъ подушной подати, упадающей на трудъ, а не на землю, и связывается съ запрещеніемъ выхода изъ общины членовъ, не пользующихся въ дѣйствительности землею и находящихъ заработокъ на сторонѣ (стр. 322—323).

Я изложилъ съ достаточною подробностью доводы въ защиту общиннаго землевладѣнія Ал. Иван. и другихъ членовъ кружка. Вообще разработка вопроса объ общинѣ въ пятидесятыхъ годахъ была произведена, главнымъ образомъ, съ *фактической* стороны—какъ бытоваго явленія русской жизни—Копелевымъ и Самаринымъ, а съ *теоретической*—какъ форма общественной взаимности (альтруизма), на-ряду съ западными ассоціаціями—Чернышевскимъ и Юрьинимъ. Обѣ стороны сходились въ признаніи недостаточной фактической разработки вопроса, но славянофилы имѣли то важное преимущество, что они говорили о сельскихъ общинахъ по личному наблюденію. Ю. Э. Самаринъ изучалъ сельскую общину со спеціальною цѣлью дать отвѣтъ на поставленныя задачи. Теоретическая разработка пошла въ прокъ молодому поколѣнію, которое приобрѣло сочувствіе къ этому явленію и принялось за фактическую разработку. Въ этомъ случаѣ въ особенности важно значеніе Чернышевскаго, и притомъ не непосредственною постановкою вопроса объ общинѣ, а цѣльнымъ возрѣніемъ, котораго онъ былъ представителемъ. Славянофиловъ тогдашняя молодежь не читала и съ общиною она познакомилась главнымъ образомъ чрезъ „Современникъ“, который былъ ея руководствомъ по всѣмъ общественнымъ вопросамъ въ свое время. Но въ данную минуту, когда вопросъ объ общинѣ былъ животрепещущій и отъ его рѣшенія въ ту или другую сторону зависѣлъ исходъ предстоявшей реформы крѣпостнаго права, заслуга славянофиловъ была очень значительна, ибо они повернули въ эту сторону общественное мнѣніе. Копелевъ, въ

одномъ изъ писемъ къ И. С. Аксакову, говоритъ: молодежь насъ мало читаетъ, но люди опытные и практическіе все болѣе и болѣе склоняются въ нашу сторону. Въ принципѣ, т.-е. въ опредѣленіи значенія общины какъ отвлеченной формы союзнаго труда, изъ славянофиловъ дальше всѣхъ, какъ мы видѣли, пошелъ Хомяковъ.

Кромѣ вопроса объ общинѣ, были въ то время поставлены въ литературѣ еще два важные вопроса, въ разработкѣ которыхъ приняла участіе „Рус. Бесѣда“: вопросы о желѣзныхъ дорогахъ и о снабженіи арміи и флота провіантомъ.

Въ январѣ 1857 года Высочайше утверждены Положеніе объ устройствѣ въ Россіи сѣти желѣзныхъ дорогъ и Уставъ образовавшагося съ этою цѣлью Главнаго Общества російскихъ желѣзныхъ дорогъ, съ участіемъ иностранныхъ, преимущественно французскихъ, капиталистовъ. Сѣть, предположенная Главнымъ Обществомъ, обнимала пути отъ Петербурга до Варшавы и Прусской границы, отъ Москвы до Нижняго-Новгорода, отъ Москвы чрезъ Курскъ и низовья Днѣпра до Феодосіи и отъ Курска или Орла чрезъ Динабургъ до Риги. Но само собою разумѣется, что еще ранѣе рѣшенія вопроса законодательнымъ путемъ началась въ литературѣ оживленная его разработка, въ которой приняли участіе всѣ органы печати. Въ первомъ номерѣ „Журнала Глав. Упр. Путей Сообщенія“ г. Марченко помѣстилъ статью „О пользѣ устройства желѣзной дороги отъ Динабурга въ Курскую губернію“ чрезъ Лепель, Оршу, Климовичи, Мглинъ и Трубчевскъ. Поводомъ въ проведенію этой линіи г. Марченко признаетъ то, что Курская губернія, какъ средина черноземной плодородной площади Россіи, должна быть связана съ Балтійскимъ моремъ, чрезъ продолженіе этой дороги до Риги или Либавы. Въ „Современникѣ“ того же года вопросъ о желѣзныхъ дорогахъ, въ общемъ смыслѣ, рассмотрѣлъ г. Журавскій *). Авторъ принимаетъ за центръ или

---

*) „Соврем.“ 1856 г.: № 2—„Соображенія касательно устройства желѣзныхъ дорогъ въ Россіи“—отвѣтъ А. И. Кошелеву; № 9—„Еще соображенія касательно устройства желѣзныхъ дорогъ“, 1—22; „О желѣзныхъ дорогахъ въ Россіи“—„Рус. Вѣстн.“ 1856 г., 2-я майская книжка, 417—457. Здѣсь разсматривается общій вопросъ о желѣзныхъ дорогахъ. Интересно, что сначала г. Журавскій помѣстилъ въ № 2 „Современника“ статью безъ подписи, а потомъ подписанную статью въ „Рус. Вѣстникѣ“. Въ подписанной статьѣ Журавскій ссылается на *превосходную* статью въ „Современникѣ“, имъ же написанную, и приводитъ изъ нея большія выписки. Оригинальный способъ самовосхваленія!

за исходную точку желѣзныхъ дорогъ въ Россіи Орель на томъ основаніи, что Орловская губернія имѣетъ довольно центральное положеніе, если принять въ соображеніе все производительное пространство южной и средней Россіи, со включеніемъ заводской и мануфактурной промышленности. Оттуда предполагалось направить одну дорогу на сѣверъ—къ Москвѣ, чрезъ Тулу и Каширу; другую—на югъ, къ Черному морю, чрезъ Курскъ и Харьковъ; третью—на востокъ, къ Саратову, и четвертую—на западъ, къ Динабургу, стоящему на С.-Петербурго - Варшавской желѣзной дорогѣ и имѣющему соединиться съ Ригю чрезъ предпринятую уже дорогу отсюда до Динабурга. Во второй статьѣ г. Журавскій нѣсколько измѣнилъ это предположеніе и пришелъ къ заключенію, что, не сдѣлавъ подробныхъ изысканій мѣстныхъ статистическихъ и топографическихъ, трудно сказать положительно, которое изъ двухъ направленій—въ Динабургъ изъ Орла или Курска—будетъ выгоднѣе; повидимому, послѣднее имѣетъ нѣкоторое преимущество (стр. 21). Противъ этихъ предположеній Кошелевъ помѣстилъ двѣ статьи въ 1-ой книжкѣ „Рус. Бесѣды“ за 1856 г. (стр. 146—160). Прежде всего Кошелевъ и Журавскій разошлись въ томъ основномъ взглядѣ, который каждый изъ нихъ имѣлъ на значеніе желѣзныхъ дорогъ вообще и преимущественно въ Россіи. Кошелевъ признавалъ, что центръ желѣзныхъ дорогъ прямо указываетъ всѣмъ бытомъ страны, и этотъ уже существующій центръ необходимо связать съ остальными мѣстностями въ такихъ направленіяхъ, чтобы дороги шли не по безлюднымъ пустынямъ, а по направленіямъ уже опредѣленнымъ потребностями земледѣлія, промышленности, торговли, внутренняго управленія и общаго просвѣщенія (стр. 157). Г. Журавскій, указывая въ особенности на Соединенные Штаты, находить, что когда хотимъ приложить къ нашему торговому движенію новыя усовершенствованныя средства перевозки, то необходимо обратить вниманіе не только на существующее направленіе перевозки товаровъ, но и на выгоднѣйшія, въ видахъ общественной экономіи, направленія между странами богатыми различнаго рода произведеніями и нуждающимися въ потребностяхъ того же рода (№ 9, стр. 5). Кошелевъ указываетъ на Москву, какъ центръ, указанный всею народною жизнью: „Москва, по словамъ народа, есть сердце Россіи; Москва по исторіи есть то средоточіе, вокругъ котораго собралась вся земля Русская; Москва

есть преимущественное гнѣздо русской промышленности; Москва есть то мѣсто, куда безчисленные множества обозовъ отвсюду тянутся съ разною кладью и гдѣ производятся закупки и продажи торговцами всѣхъ за- и при-Московныхъ губерній; Москва лежитъ на границѣ хлѣбородной и промышленной полосъ Имперіи и образуетъ собственно размѣнный пунктъ какъ для той, такъ и для другой; Москва, уже соединенная желѣзною дорогою съ С.-Петербургомъ, резиденціей высшаго государственнаго управленія, есть ближайшій и необходимый центръ, изъ котораго исходятъ всѣ административныя распоряженія на сѣверо-востокъ, на востокъ, на югъ и на юго-западъ; Москва, какъ сама по себѣ, такъ и по прямому ея соединенію съ С.-Петербургомъ, есть главный разсадникъ, преимущественный распространитель просвѣщенія по обширной нашей Имперіи;—однимъ словомъ, Москва во всѣхъ отношеніяхъ есть такое средоточіе для Россіи, которое само себя таковымъ поставило и которое нельзя безнаказанно ни передвинуть, ни уничтожить“ (стр. 156). Исходя изъ Москвы, какъ центра, Кошелевъ предлагаетъ проведеніе желѣзныхъ дорогъ до Нижняго, до Саратова и до Динабурга, чтобы послѣднею дорогою чрезъ Динабургъ, лежащій на строившейся тогда Варшавско-Петербургской дорогѣ, связать Москву съ Варшавою, а затѣмъ другую, тоже тогда предполагаемую отъ Динабурга, дорогою—съ Ригою. Впослѣдствіи Орель можетъ быть связанъ съ Ригою и Варшавою боковою желѣзною дорогою—отъ Орла до Смоленска.

Г. Журавскій въ своемъ возраженіи слабо отстаиваетъ Орловско-Саратовскую линію, но всѣ свои доводы сосредоточиваетъ на соединеніи Орла или Курска съ ближайшими портами Балтійскаго моря, дабы дать выходъ сельскимъ произведеніямъ западной плодородной полосы, не направленнымъ къ черноморскимъ портамъ. При этомъ цифрами сбора по желѣзнымъ и шоссейнымъ дорогамъ г. Журавскій доказываетъ, что промышленность наша такъ слабо развита, что для нея улучшенные пути не стоятъ еще на первомъ планѣ, что заставляетъ его отодвинуть и Московско-Нижегородскую дорогу. Интересно, что г. Журавскій заподозрилъ Ал. Иван. въ узкомъ мѣстномъ патріотизмѣ, заставившемъ его указать на Москву, заключая это изъ того, что Кошелевъ отвергаетъ проведеніе желѣзной дороги изъ Орла чрезъ Динабургъ на Ригу на томъ основаніи, что это возвыситъ значеніе Орла на

счетъ Москвы и Риги—на счетъ С.-Петербурга. По мнѣнію Журавскаго, съ развитіемъ торговли и промышленности на югѣ Россіи центръ ея постоянно будетъ перемѣщаться южнѣе. Кошелевъ, въ опроверженіе Журавскаго, помѣстилъ очень обстоятельную статью въ третьей книгѣ „Рус. Бесѣды“ за 1856 г. („Еще соображенія касательно устройства желѣзныхъ дорогъ въ Россіи“, стр. 88—112). Здѣсь Кошелевъ прежде всего указываетъ на разность условій Америки, какъ союза почти независимыхъ другъ отъ друга государствъ, изъ которыхъ каждое считаетъ себя главнымъ въ конфедераціи и старается свой городъ сдѣлать центромъ торговли и промышленности, слѣдовательно и центромъ желѣзныхъ дорогъ,—и Россіи, государства единодержавнаго, обязаннаго своимъ бытіемъ и могуществомъ тому, что изъ удѣльныхъ участковъ она слилась въ одно тѣсно связанное цѣлое, имѣющее свой историческій центръ. Затѣмъ Кошелевъ преимущественно настаивалъ на связи Москвы съ Динабургомъ чрезъ Смоленскъ. Но сущность этой статьи построена на положеніи, которое до сихъ поръ не утратило своего значенія. „Очевидно,—говоритъ Кошелевъ,—г. Журавскій придерживается мнѣнія, изобрѣтеннаго иностранными писателями и повторяемаго нашими политико-экономами, что Россія есть земледѣльческое государство. Это мнѣніе еще могло бы быть защищаемо, еслибы вся Россія была черноземною, еслибы половина государства по своей почвѣ, климату и положенію не предназначалась самою силою вещей быть промышленною; еслибы въ теченіе шести-семи мѣсяцевъ зимнихъ не прекращались наши земледѣльческія работы и еслибы Европа, убѣдившись, что она промышленная страна, рѣшилась покинуть земледѣліе и покупала у насъ столько хлѣба и другихъ сырыхъ произведеній, сколько мы могли бы туда отправить. Къ сожалѣнію, всѣ эти условія неисполнимы. Говорятъ намъ, что мы должны производить какъ можно болѣе хлѣба, пеньки, льна, сала, кожъ и проч.; но развѣ вы не знаете, какъ часто, даже теперь, мы не знаемъ, куда сбывать наши продукты. Учтите хозяйственно, во что намъ эти товары обходятся, и вы найдете, что, по большей части, не стѣитъ ихъ производить. Улучшенные пути сообщенія, конечно, помогутъ отчасти этой бѣдѣ, но они не заставятъ чужіе края покупать сырыхъ произведеній болѣе, чѣмъ сколько имъ нужно, и даже не удалятъ съ рынковъ произведеній Америки, Австраліи и другихъ странъ, которыя также хлопочуть

объ удешевленіи своихъ товаровъ. По расчетамъ г. Тенгоборгскаго, Россія производитъ 260 мил. четвер. разнаго хлѣба; изъ этого количества 60 мил. поступають на сѣмена, около 140 мил. потребляется на мѣстѣ самими производителями, около 60 мил. четвертей поступаетъ въ продажу, изъ коихъ ежегодно, въ сложности, отправляется за границу 4 мил. четвертей,—слѣдовательно, только $\frac{1}{15}$ продажнаго хлѣба и только $\frac{1}{10}$ всего, за исключеніемъ сѣмянъ, производимаго хлѣба. Цифра отправляемаго за границу хлѣба почти вѣрна, прочія довольно вѣроятны, а потому можно безошибочно заключить, что отпускъ за границу никакъ не можетъ поднять наше земледѣліе, и что внутреннее потребленіе въ этомъ дѣлѣ можетъ оказать несравненно большую помощь. Наши города и промышленныя губерніи суть главные покупщики нашихъ сельскихъ произведеній; они будутъ требовать болѣе хлѣба, мяса, масла и проч. въ томъ только случаѣ, когда у нихъ будетъ болѣе денегъ, ибо, какъ извѣстно, карманъ ѣстъ и пьетъ почти столько же, сколько и желудокъ. Болѣе же денегъ будетъ въ городахъ и нехлѣбородныхъ губерніяхъ только при развитіи въ нихъ промышленности. Слѣдовательно промышленность одна можетъ существенно оживить наше земледѣліе, которое въ свою очередь доставитъ помѣщикамъ и поселянамъ возможность покупать на большія денежныя суммы мануфактурныхъ издѣлій. Кто живетъ въ деревнѣ, кто занимается преимущественно сельскимъ хозяйствомъ, тотъ на дѣлѣ видитъ тѣсную связь земледѣлія съ промышленностью. Имѣніе черноземное, даже не отдаленное отъ пристаней, никогда не дастъ настоящаго дохода, если нѣтъ въ немъ, или въ сосѣдствѣ отъ него, какого-либо фабричнаго или заводскаго производства. Крестьяне такого имѣнія нуждаются въ заработкахъ, а зимою рѣшительно не знаютъ какъ добыть денегу. Лишь только устраивается въ околоткѣ значительный заводъ или фабрика (разумѣется, на коммерческомъ основаніи), то всѣ ближнія села и деревни приходятъ въ лучшее состояніе, и образованность края не замедлитъ быстро двинуться впередъ“ (стр. 107—109). Относительно сохраненія за Москвой значенія центра народной жизни, несмотря на передвиженіе торговли и промышленности болѣе къ югу, Кошелевъ говоритъ: „Конечно, не должно насильственно или враждебно дѣйствовать ни противъ той, ни противъ другой оконечности Имперіи, но способствовать раз-

двоенію государства, утратѣ имъ центра его тяжести и основанію иной Россіи, какой-то южной, для которой центръ тяжести есть еще искомое,—есть также дѣло весьма странное. Торговля и промышленность любятъ свободу, и всякое насильственное ихъ направленіе для нихъ вредно: это—истина неоспоримая; но приносить имъ въ жертву все остальное (а имѣются у людей и въ государствѣ интересы и не торговые, и не промышленные), предупреждать ихъ требованія и желанія, не обращая вниманія ни на какія другія соображенія, не есть дѣло мудрой политики“ (стр. 99).

Статьи Кошелева въ свое время обратили на себя общее вниманіе; даже сама редакція „Современника“ указывала на нихъ какъ на изложеніе вѣрныхъ и основательныхъ соображеній. Что же касается до дѣйствительности, то она вполне оправдала Ал. Ивановича: Москва, совершенно согласно съ его предсказаніемъ, сдѣлалась центромъ нашей желѣзно-дорожной сѣти. Въ первой книгѣ „Русской Бесѣды“ за 1857 годъ по этому вопросу откликнулся Хомяковъ, письмомъ изъ Тулы, на имя А. И. Кошелева, безъ подписи (стр. 81—85). Письмо это не отличается особенною аргументаціей и защищаетъ проведеніе дороги къ Динабургу изъ Москвы, а не изъ Орла, между прочимъ, тѣмъ, что Москва есть сама по себѣ значительный внутренній рынокъ для торговли хлѣбомъ. Хомяковъ, въ качествѣ москвича, принимая близко къ сердцу упрекъ, сдѣланный Москвѣ Журавскимъ, что она мало обращаетъ вниманія на процвѣтаніе юга, говоритъ: вотъ я, напримѣръ, тулякъ (слѣд. москвичъ), давно всему этому радуюсь и знаю многихъ, которые раздѣляютъ со мною это чувство. Но Хомякова глубоко огорчаетъ это, какъ онъ выражается, „шатаніе“ народнаго, историческаго центра: „Процвѣтаетъ при-Каспійскій край,—подвигай туда центръ. Процвѣтаетъ Сибирь,—туда... Бѣдный центръ, осужденный на шатаніе со всякимъ шагомъ Россіи впередъ! Созидаются, правда, новые центры торговли и общительности на Югѣ, будутъ созидаться и на дальнемъ Востокѣ, и слава Богу. Это совсѣмъ еще не шатаніе и не перекочовка центра Россіи“ (84—85).

Безпорядки, обнаружившіеся въ интендантскомъ вѣдомствѣ во время Крымской кампаніи, обратили вниманіе и правительства, и общества на заготовленіе провіанта для войскъ послѣ того, какъ въ отчетѣ комиссаріатскаго департамента морскаго мини-

стерства за 1855 годъ, напечатанномъ въ „Морскомъ Сборникѣ“ 1856 года, была высказана необходимость измѣнить существующій порядокъ заготовленія провіанта и фуража для флота. Возбудилась объ этомъ предметѣ цѣлая литература, въ которой приняла участіе вся періодическая печать. На этотъ вопросъ отозвался и Ал. Иван. („Еще нѣсколько словъ о способахъ заготовленія провіанта и фуража для арміи и флота“—„Рус. Бесѣда“ 1857 г., кн. II, стр. 105—116). Кошелевъ разбираетъ господствовавшую тогда мысль приобрѣтать для казны хлѣбъ и фуражъ изъ первыхъ рукъ. Кошелевъ не останавливается на разборѣ высказаннаго въ „Морскомъ Сборникѣ“ предположенія объ учрежденіи казенныхъ запасныхъ магазиновъ, для скупки правительствомъ хлѣба отъ самихъ производителей, находя, что этотъ вопросъ прекрасно и съ знаніемъ дѣла разобранъ въ „Экономическомъ Указателѣ“. Но онъ доказываетъ, что поставка хлѣба прямо и безъ посредниковъ недоступна ни для крестьянъ, ни для помѣщиковъ. Основныя его положенія въ этомъ случаѣ таковы:

„1. Надежнѣйшій способъ заготовленія нужныхъ произведеній для казны есть заподрядъ съ *публичныхъ торговъ*; одинъ только этотъ способъ заготовленія окруженъ всѣми безъ изъятія необходимыми и существеннѣйшими условіями и обезпеченіями, которыя должны неизмѣнно сопутствовать всякой казенной операціи.

„2. Покупка произведеній изъ первыхъ рукъ вообще есть принадлежность младенческаго общества; при большей его зрѣлости устанавливается раздѣленіе труда и промысловъ; и торговое словіе въ государствѣ, какъ посредствующее звѣно между производителемъ и потребителемъ, становится такою же существенною необходимостью, какъ и самая производительность.

„3. Премія, взимаемая торговцемъ, есть справедливое вознагражденіе за употребленный капиталъ, за хлопоты и риски.

„4. Эта премія бываетъ излишня и, слѣдовательно, обременительна для производителя и потребителя только въ томъ случаѣ, если нѣтъ достаточнаго соперничества между торговцами, т.-е. достаточной свободы въ сдѣлкахъ, достаточной гласности и достаточнаго довѣрія къ правительству и между частными людьми“.

Кошелевъ говоритъ, что статьи по этому вопросу страдали вообще незнакомствомъ съ тѣми мѣрами, которыя приняты были правительствомъ въ послѣднее время, и указываетъ на огромныя

льготы, предоставленныя дворянамъ со стороны военнаго министерства въ 1856 году; но, несмотря на то, число поставщиковъ изъ помѣщиковъ оказалось очень ограниченное. Признавая эти льготы совершенно достаточными, Кошелевъ указываетъ нѣкоторыя мелочныя практическія подробности, измѣненіе которыхъ еще болѣе облегчить прямыя сношенія министерства съ помѣщиками. Эта статья Кошелева вызвала благодарственное письмо тамбовскаго помѣщика („Рус. Бесѣда“ 1857 г. III, 508—509), гдѣ онъ излагаетъ свои соображенія объ измѣненіи срока поставки запродаваемыхъ запасовъ.

Такимъ образомъ мы перечислили всѣ вопросы, которые занимали „Русскую Бесѣду“ въ четырехлѣтній періодъ ея существованія, и опредѣлили ея значеніе въ русской журналистикѣ. Редакція имѣла право въ „заключительномъ словѣ“, которымъ она оканчивала въ 1859 году свое изданіе, высказать такое заявленіе: „Не такъ сходимъ мы теперь съ журнальнаго поля, какъ вступали на него въ первый разъ, въ 1856 году. Оставляя въ сторонѣ вопросъ о личномъ успѣхѣ нашего изданія, мы съ истинною радостью видимъ, что многія мысли, за которыя такъ горячо ратовала „Бесѣда“, сдѣлались нынѣ уже общимъ достояніемъ. Въ этомъ свидѣтельствѣ едва ли могутъ отказать намъ не только добросовѣстные, но и недобросовѣстные изъ нашихъ противниковъ. Читатели помнятъ, какую бурю противъ насъ возбудило въ 1856 г. мнѣніе „Русской Бесѣды“ о народности въ наукѣ. Этотъ вопросъ является теперь совершенно рѣшеннымъ, и рѣшеннымъ положительно. Вопросъ объ общинномъ устройствѣ, основанномъ на общинномъ землевладѣніи и охраняемомъ извнѣ круговымъ ручательствомъ, вызвалъ противъ насъ грозныя выходки со стороны безусловныхъ поклонниковъ западной экономической науки. „Бесѣда“ и „Сельское Благоустройство“ неутомимо трудились надъ разъясненіемъ сущности этого явленія—изъ русской и всеславянской исторіи и жизни. Конечно, еще есть много разногласій въ частностяхъ, но подождемъ терпѣливо, и заявленное „Бесѣдою“, но принадлежащее народу начало возростетъ, окрѣпнетъ и освѣтитъ собою всю Русскую землю. Мысль объ освобожденіи крестьянъ съ землею, необходимо истекающая изъ изученія народнаго русскаго быта, печатно впервые заявлена была въ „Рус. Бесѣдѣ“ (кн. IV-я 1857 г.). Разработкѣ и распространенію этой ве-

ливой истины былъ посвященъ особый отдѣлъ „Бесѣды“— „Сельское Благоустройство“. Глубоко сожалѣемъ, что обстоятельства, отъ редакціи не зависящія, заставили прекратить изданіе въ то самое время, когда вопросъ вступилъ въ періодъ самаго полного своего развитія, но утѣшаемся мыслью, что дѣятельность наша имѣла исторически-практическую важность и была оценена всѣми, кому дорогъ успѣхъ крестьянскаго дѣла. Но мы рады, что успѣли, кажется, разсѣять ложныя понятія, какія существовали у насъ и у славянъ о русскомъ панславизмѣ, и убѣдили нашихъ братій, что сочувствіе наше чуждо посягательства на ихъ самостоятельное развитіе: признаніе правъ на самобытность каждой славянской народности было всегда девизомъ русскаго славянофильства. Смѣемъ думать, что и въ области философіи, исторіи и филологіи „Русская Бесѣда“ представила немаловажные образцы самостоятельной, независимой, своеобразной русской мысли“.

Интересно положеніе, которое приняли въ то время относительно „Рус. Бесѣды“, какъ вновь появившагося журнала, другіе органы современной журналистики. Отсюда надо исключить „Москвитянинъ“, продолжавшійся еще въ 1856 году и этимъ годомъ законченный. „Москвитянинъ“ продолжалъ признавать себя какъ стоящаго въ одномъ лагерѣ и постоянно высказывалъ свою солидарность съ „Русскою Бесѣдой“. Мы уже видѣли, что въ вопросѣ о народности въ наукѣ „Москвитянинъ“ сталъ на сторону „Рус. Бесѣды“ и помѣстилъ статью Лешкова въ этомъ направленіи. Хомяковъ и нѣкоторые другіе изъ сотрудниковъ „Рус. Бесѣды“ продолжали помѣщать свои статьи въ „Москвитянинѣ“ *).

Враждебное отношеніе къ „Русской Бесѣдѣ“ рѣзче всего проявилось въ московской журналистикѣ. Это и понятно: въ Мос-

*) Незавѣстно почему г. Венгеровъ утверждаетъ въ своей статьѣ „Молодая редакція Москвитянина“, что журналъ прекратился окончательно въ 1853 г. „Москвитянинъ“ продолжалъ выходить въ 1856 г., но уже безъ участія „молодой редакціи“, и въ этомъ году дѣйствительно прекратился. Въ этомъ году Хомяковъ помѣщалъ тамъ свои стихотворенія (Мечтаніе, Пророкъ, Къ братьямъ, кн. III, 92). Изъ сотрудниковъ „Рус. Бесѣды“ М. Стаховичъ помѣстилъ тамъ стихотворную повѣсть „Аксюта“ (II, 1), М. А. Максимовичъ—„Воспоминанія о Н. И. Надеждинѣ“ (I, 225), П. А. Безсоновъ—„О словѣ Давида Заточника“ (II, 319, 389), нѣкоторыя черты путешествія Ю. П. Венелина въ Болгаріи (III, 95). М. П. Погодинъ помѣстилъ въ „Москвитянинѣ“ свой „отвѣтъ“ на помѣщенный въ „Рус. Бесѣдѣ“ „Филологическія письма“ Максимовича (IV, 26) и „отвѣтъ“ на помѣщенный тамъ же два послѣднія письма Максимовича (IV, 336).

квѣ былъ дѣятельный центръ борьбы между славянофилами и западниками, тамъ живы были ея традиціи и остались изъ лицъ, принимавшихъ въ журналистикѣ, прямые участники этой борьбы (самъ Катковъ, Е. О. Коршъ, Павловъ и друг.), или стоявшіе въ немъ въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ (Б. Н. Чичеринъ и Ф. М. Дмитріевъ). Мы уже видѣли, что при самомъ появленіи „Рус. Бесѣды“ „Московскія Вѣдомости“ въ коротенькой замѣткѣ высказали свое несочувствіе программѣ новаго журнала. Съ самаго начала „Рус. Вѣстникъ“ не раздѣлялъ этого предубѣжденія и даже осуждалъ редакцію „Московскихъ Вѣдомостей“ въ излишней поспѣшности. „Скажемъ съ самаго начала, — говоритъ редакція „Рус. Вѣстника“, — что мы искренно сочувствуемъ многому, что высказывалось людьми славянофильскаго направленія, хотя не менѣе рѣшительно расходимся съ ними во многихъ воззрѣніяхъ, которыя, по нашему убѣжденію, какъ случайная примѣсь, портятъ всю завеску“ (1856, VI, 220). Но съ первыхъ же книжекъ „Рус. Бесѣды“ она разошлась во всѣхъ вопросахъ съ „Рус. Вѣстникомъ“ и между обоими журналами появилась полемика, продолжавшаяся во время всего существованія „Рус. Бесѣды“. Главнымъ противникомъ послѣдней, какъ мы уже видѣли, по всѣмъ вопросамъ, былъ Б. Н. Чичеринъ, который сдѣлался во всѣхъ вопросахъ, гдѣ выступала съ своимъ мнѣніемъ „Рус. Бес.“, самымъ радикальнымъ и непримиримымъ ея антагонистомъ и въ то же время самымъ виднымъ, послѣдовательнымъ и убѣжденнымъ представителемъ западнаго направленія московской журналистики. Впослѣдствіи, когда появились критическія статьи Аксакова на его исторію, къ числу непримиримыхъ противниковъ славянофильскаго взгляда на исторію древней Руси примкнулъ и С. М. Соловьевъ, сначала самъ принимавшій, въ качествѣ сотрудника, участіе въ „Рус. Бесѣдѣ“. Съ 1858 г. полемика эта со стороны „Рус. Вѣст.“ обратилась въ непримиримую и лишенную всякаго серьезнаго основанія брань, на которую „Рус. Бесѣда“ никогда въ томъ же тонѣ не отвѣчала (Ср. „Рус. Вѣст.“ 1858 г. Изобличительныя письма Байбороды, апрѣль I, 234—247; II, 411—424). Интересно, что этотъ способъ возраженія своимъ противникамъ „Рус. Вѣст.“ усвоилъ себѣ послѣ того, какъ онъ, въ началѣ своего появленія, говоря о значеніи критики и прозрачно намекая на Бѣлинскаго, указывалъ, что въ прежнее время „господствовали баши-бузуки, которые занимали журнальные аванпосты и носились

съ гиваньемъ въ отдѣлахъ критики, библиографіи, обзорѣни журналистики; считаемъ необходимымъ произнести судъ обо всемъ, сказать обо всемъ мнѣніе; но какой судъ и какое мнѣніе—до этого не было нужды, лишь бы только встать или не встать бросить въ публику нѣсколько задорныхъ словъ“ (VI, 212). Наравнѣ съ „Рус. Вѣстникомъ“ однимъ изъ главныхъ противниковъ „Рус. Бесѣды“ при самомъ появленіи были „Московскія Вѣдомости“, гдѣ самыя серьезныя статьи этого направленія принадлежатъ Е. Ѳ. Боршу, писавшему подъ псевдонимомъ Н. Чельшевскаго. Polemica началась съ появленія первыхъ трехъ книжекъ „Рус. Бесѣды“, и почти прекратилась въ первой половинѣ 1857 года. Главныя возраженія состояли въ слѣдующемъ:

1. „Прошелъ почти цѣлый годъ, успѣли выйти три толстыхъ номера, а мы до сихъ поръ имѣемъ дѣло съ общими началами, намъ все еще продолжаютъ толковать о возможности и необходимости новыхъ началъ, избѣгая грубаго прикосновенія безошаднаго факта“ („Русская Бесѣда“, Н. Чельшевскаго, 1856, № 153). На это сотрудники „Рус. Бесѣды“ (А. И. Кошелевъ) отвѣчали: „споръ въ области чистыхъ началъ имѣетъ великую и первую важность, и споръ этотъ не перестанетъ и не можетъ перестать, пова не исчерпается и не прекратится самъ собою. Убѣжденіе, пріобрѣтенное въ области теоріи, въ области начала, принципа, очень важно, ибо оно идетъ отсюда въ жизнь, въ дѣло, и освѣщаетъ весь окружающій міръ. Потому уже, не всегда скоро, начинается подробное разсмотрѣніе самихъ явленій, освѣщенныхъ пріобрѣтеннымъ воззрѣніемъ, начинается сознательное и отчетливое ихъ пониманіе и, наконецъ, пронизанная единствомъ, строится наука. Русскаго воззрѣнія, проведеннаго по всѣмъ отраслямъ знанія, правда, еще не дано ни „Рус. Бесѣдою“, ни вообще ея направленіемъ; но развѣ возможно это исполнить вдругъ, именно въ то время, когда работа только что началась и идетъ? Это былъ бы знакъ худой: это показало бы или ограниченность самого воззрѣнія, или крайнюю отвлеченность, которая не видитъ трудностей, представляемыхъ жизнью“ (1857, № 1).

2. Г. Самаринъ, между прочимъ, говоря о преувеличенномъ и исключительномъ пристрастіи къ факту, выразился: Чтò дало вамъ право такъ безошадно осуждать всякую попытку внести въ науку нѣсколько болѣе, чѣмъ группировку фактовъ, или

выдавать за единственный надежный исходъ въ наукѣ тотъ механическій процессъ разработки матеріаловъ, которымъ составляются изъ метрическихъ книгъ статистическія таблицы („Рус. Бесѣда“ 1856, II, 97)? На это г. Чельшевскій приводитъ слова Гизо, гдѣ онъ говоритъ, что въ настоящее время въ розысканіи истины преобладаетъ духъ точности, осторожности, воздержности, духъ науки, разумная метода; вездѣ чувствуется необходимость брать факты за основаніе и за правило; всѣ убѣждены, что они составляютъ вещество науки, что никакая общая идея не можетъ имѣть цѣны, если она не вынесена изъ лона фактовъ, если она не питается ими постоянно, по мѣрѣ того, какъ она растетъ; совсѣмъ другое было нѣкогда, лѣтъ сто тому назадъ; въ умственномъ мірѣ, въ собственной наукѣ факты плохо изучались, мало соображались; мысль и соображеніе двигались свободно, ученые предавались изученіямъ гипотезъ безъ инаго путеводителя, кромѣ нити выводовъ (Guizot: „Hist. de la civilisation en France“, chap. I, въ статьѣ Чельшевскаго „Отвѣтъ г. сотруднику“ „Рус. Бесѣды“, 1857 г. № 5). Изъ приведенныхъ словъ Самарина нельзя вывести прямо, что онъ отвергаетъ необходимость изученія фактовъ, какъ основнаго фона для обоснованія идеи; но справедливость заставляетъ до нѣкоторой степени согласиться съ г. Чельшевскимъ и признать, что аргюментическое построеніе, не лишенное нѣкоторой доли преувеличенія и односторонности, встрѣчалось въ ученіи славянофиловъ; славянофилы желали построить свое русское воззрѣніе воспользовавшись фактами русской жизни, а факты эти, въ ихъ время, не только не были собраны какъ въ отношеніи къ прошедшему, такъ и къ настоящему, но почти вовсе не были извѣстны. Поэтому я и сказалъ, въ началѣ изложенія моего объ ученіи славянофиловъ, что роль его прежде всего отрицательная, критическое отношеніе къ западной мысли, при которомъ именно синтетическій процессъ получаетъ главное значеніе. Это отрицательное отношеніе, съ котораго, по выраженію Герцена, начался поворотъ русской мысли, и составляетъ главную заслугу славянофиловъ, которой, конечно, не могли ни признать, ни оцѣнить ихъ современные противники.

3. Знаменитая теорія общиннаго быта не приложена до сихъ поръ вполне къ цѣлому развитію русской исторіи. Статья „Московского Сборника“ 1852 г. („О древнемъ бытѣ у славянъ и у рус-

скихъ въ особенности“) могла бы имѣть побольше фактовъ. Сверхъ того статья эта не идетъ далѣе XIII вѣка; а развѣ послѣ этого времени быть не могъ измѣниться (вышеприведенная статья г. Челышевскаго и „замѣтка“ его же въ № 72). Правда, что славянофилы не прослѣдили непрерывно, въ какихъ формахъ и при какихъ условіяхъ общинный бытъ держался въ нашей древней исторіи. К. Аксаковъ въ отвѣтъ своемъ г. Соловьеву ограничился такимъ неопредѣленнымъ и бездоказательнымъ положеніемъ: „бытъ общинный именно таковъ, что онъ отъ самаго широкаго объема доходить до самыхъ тѣсныхъ, до одной деревни напримѣръ. Сила въ томъ, чтобы всѣ эти отдѣльныя общины были взаимно связаны и восходили бы до цѣлой, главной, всеобъемлющей общины—всей земли. Такой-то періодъ всерусской общины и наступилъ вмѣстѣ съ Москвою, какъ столицею государства и земли. Самымъ лучшимъ доказательствомъ, что община въ Россіи не исчезла, а лишь приняла широкіе размѣры, служитъ 1612 годъ“.

4. Указывалось на пристрастіе славянофиловъ къ древней Руси, на желаніе видѣть только свѣтлыя ея стороны и всѣ ея недостатки заслонять и объяснять разными діалектическими и, притомъ, несостоятельными тонкостями. Идеализированіе древней Руси, не всегда подкрѣпленное достаточно фактами, встрѣчается у славянофиловъ; безъ такой идеализаціи свою проповѣдь о народности славянофилы и сами бы не выработали, а еще менѣе распространили. Но „Московскія Вѣдомости“ совершенно основательно уличаютъ славянофиловъ въ частныхъ и несущественныхъ фактахъ. Въ критическомъ разборѣ сочиненій Чичерина „Областные учрежденія въ Россіи“, г. И. Кр—въ нашелъ благодѣтельныя качества въ правожѣ, какъ средствѣ взыскація съ неисправнаго должника; К. Аксаковъ поступокъ Добрыни, разрубившаго жену свою, съ которою онъ обманомъ повѣнчался, находитъ согласнымъ съ своимъ увѣреніемъ, что сила богатырская у насъ всегда является осѣненною чувствомъ православія и семьи и оправдываетъ вообще тѣмъ, что таковъ тогда былъ вообще обычай у богатырей *). Такія *свѣтлыя* стороны въ древней Руси не могутъ пробудить къ ней сочувствіе. Но за то славянофилы, упрекая своихъ противниковъ

---

*) Здѣсь разумѣется статья Ф. И. Буслаева „О народности въ древне-русской литературѣ и искусствѣ“ („Рус. Вѣстн.“ 1857 г. № 15); объ этой статьѣ помѣщенъ обстоятельный критическій разборъ Кр—ва („Рус. Бес.“ 1857 г., IV, 79—108).

въ отрицательномъ направленіи, отыскивающимъ небывалыя темныя пятна, приводили признаки несравненно болѣе крупныя и существенныя. Славянофилы возражали противъ теоріи г. Чичерина, по которой судъ въ Россіи былъ институтъ гражданскаго, а не государственнаго права, и, какъ всякое частное имущество, отдавался въ кормленіе, такъ что самое преступленіе разсматривалось только какъ доходъ. Хомяковъ возражалъ противъ заявленія Соловьева: „Русскій человѣкъ XVIII вѣка явился совершенно чистымъ, вполнѣ готовымъ къ воспринятію новаго,—однимъ словомъ, явился ребенкомъ, и т. д., то-есть,—поясняетъ Хомяковъ,—ничего не приносящимъ, кромѣ способности пониманія, а впрочемъ съ мозгомъ похожимъ на бѣлую бумагу, на которой еще ничего не написано. Это объясняетъ весь историческій трудъ г. Соловьева. Онъ видитъ до Петра только *матеріальный* ростъ Россіи“ („Рус. Бес.“ 1857 г., вн. III, стр. 146). Для западниковъ вся древняя русская исторія была торжествомъ государства, централизаціи надъ отдѣльными областями, государственности надъ обычаемъ и внутреннею самостоятельною жизнью общинъ. Для нихъ вѣче было неурядицей, боярская дума—княжескимъ капризомъ, земскій соборъ—случайностью, исходящею отъ царской воли и призыва. Такимъ образомъ древняя Русь, по ихъ мнѣнію, представляла съ одной стороны князя-собираателя, устрояющаго вѣрное и сильное государство, а съ другой—безправную и послушную массу, коснѣвшую въ своемъ невѣжествѣ. Славянофилы первые указали, что эта масса въ до-петровской Россіи несравненно болѣе, чѣмъ теперь, участвовала въ дѣлахъ государственныхъ, по крайней мѣрѣ въ смыслѣ совѣщательнаго элемента; что вѣче, боярская дума и соборы имѣютъ между собою связь въ томъ смыслѣ, что они служатъ проявленіемъ одного и того же бытоваго начала, необходимости „совѣта съ землею“; что чѣмъ далѣе мы отходимъ отъ періода единодержавія и приближаемся къ вѣчевому періоду нашей исторіи, тѣмъ менѣе централизаціи и государственности лежить на мѣстномъ и свободномъ развитіи русскаго общества. Послѣдующія розысканія только фактически подтвердили эти предчувствія славянофиловъ.

Въ первомъ номерѣ „Атенея“ издатель (Евгеній Федоровичъ Коршъ) помѣстилъ статью „Взглядъ на задачи современной критики“ (стр. 61 — 69), гдѣ изложена profession de foie журнала.

Авторъ признаетъ, что реализмъ преобладаетъ не только въ деревнѣ, на фабрикѣ, на биржѣ,—онъ, можно сказать, въ воздухѣ, онъ заражаетъ нравы и мнѣнія, онъ уже заразилъ науку, искусство и литературу. Затѣмъ указывается, въ какой степени по всѣмъ отраслямъ современное реальное направленіе можетъ способствовать движенію впередъ образованія, причемъ авторъ нападаетъ только на натуральную школу въ искусствѣ, во сколько она является лишенною художественной мысли, чисто - фотографическимъ снимкомъ съ природы. Возвращаясь къ старому спору о народности, статья говоритъ: Смотра на жизнь съ реальной точки зрѣнія, вглядываясь въ дѣйствительность, какъ она есть, мы не позволимъ себѣ унижать народность, одинъ изъ главныхъ живыхъ ключей той необъятной рѣки, которая называется исторіей, но не станемъ же отвергать и того, что, по натурѣ общаго всѣмъ людямъ разума, въ исторіи каждаго народа важнѣйшимъ представляется именно постепенный ростъ его, какъ нравственнаго существа, при особыхъ для каждаго условіяхъ—личныхъ и чисто-внѣшнихъ, вліяніе этого роста на учрежденіе и нравы и взаимное вліяніе учрежденій на развитіе человѣчности. Дружный, при всемъ разнообразіи, и неослабный, при всѣхъ видимыхъ задержкахъ и изворотахъ, ходъ общеевропейской образованности, возрастающее, съ каждымъ шагомъ, сближеніе народовъ—все это прямо противорѣчитъ бездоказательнымъ утвержденіямъ поклонниковъ племенныхъ, исключительно національныхъ теорій. Не естественно ли послѣ того, что, протестуя въ каждомъ случаѣ противъ неотразимыхъ успѣховъ сближенія, они въ то же время стараются придать смыслъ живой дѣйствительности замирающимъ обломкамъ старины (I, 66). Говоря вообще о необходимости развитія для всякаго культурнаго народа, Коршъ, между прочимъ, заявилъ, что, конечно, можно бы желать, чтобы варварскіе обычаи (авторъ указываетъ сожиганіе вдовъ въ Индіи, подвѣчные потасовки въ церкви у стирійскихъ славянъ) прекратились „внутреннимъ воздѣйствіемъ жизни народа“, какъ недавно выразился одинъ журналъ; но если исторія показываетъ намъ на каждомъ шагу, что внутреннее воздѣйствіе, по большей части, ждетъ внѣшнихъ побужденій, то нечего сѣтовать, что въ Индіи англійскій солдатъ, а въ Венгріи австрійскій жандармъ являются орудіями образованности (I, 65). Это послѣднее выраженіе возмутило Ю. Θ. Самарина (въ своей „Замѣт-

къ“— „Рус. Бес.“ 1858 г., I, стр. 220—223). Самаринъ видитъ въ этомъ общее положеніе, по которому насиліе одного народа надъ другимъ оправдывается, если народъ насилующій образованнѣе народа за нимъ укрѣпленнаго. Въ параллель Самаринъ приводитъ подобныя примѣры: „Когда герцогъ Альба вступалъ въ нидерланды съ испанскою арміею и цѣлымъ отрядомъ инвизиторовъ, онъ разсуждалъ точно такъ, какъ издатель „Атenea“: «Конечно, можно бы желать, чтобъ эти проклятые протестанты одумались сами; но если исторія показываетъ намъ на каждомъ шагу, что внутреннее воздѣйствіе, по большей части, ждетъ внѣшнихъ побужденій, то нечего сѣтовать, что придется кое-кого поджарить или повѣсить для вразумленія темной толпы. Тутъ важно спасеніе душъ!» Мы полагаемъ, что герцогъ Альба былъ такъ же искренно убѣжденъ въ превосходствѣ католичества надъ протестантствомъ, какъ убѣжденъ издатель „Атenea“ въ превосходствѣ австрійцевъ надъ славянами“. На возраженіе Коршъ отвѣчалъ въ № 11 „Атenea“ съ своей стороны „замѣткою“ (стр. 146—148), гдѣ онъ между прочимъ утверждалъ, что историческая логика указываетъ на пагубное разъединеніе западныхъ славянъ, на упрямое коснѣніе многихъ племенъ ихъ въ мнимо-первобытной особности,— словомъ, на низкій уровень образованія, какъ на главную причину ненормальнаго ихъ отношенія къ австрійцамъ (II, 147). Вышеприведенная статья Корша вызвала болѣе пространное возраженіе—г.—г. (Копелева?) подъ заглавіемъ „Взглядъ на задачи современной критики“ („Русская Бесѣда“ 1858 года, I, 88—104). Здѣсь программа „Атenea“ разбирается слѣдующимъ образомъ: „Реальное направленіе нашего вѣка есть такая избитая, пошлая тема времени и всего повременнаго, что ужъ какъ-то совѣстно начинать съ нея новое изданіе журнала. Если въ самомъ дѣлѣ и есть въ нѣкоторыхъ явленіяхъ нашей жизни исключительное уклоненіе въ реальность, то мужамъ мысли и слова, конечно, слѣдовало бы не потворствовать такому уклоненію, а восполнять недостатокъ устремленіемъ мысли въ міръ идеальный, безъ котораго нѣтъ полноты для бытія человѣческаго. Да и не напрасно ли укорять цѣлый вѣкъ и взваливать на него то, что принадлежитъ въ немъ нѣкоторой его части и нашему къ ней ограниченному сочувствію (стр. 90)? Реализмъ, какъ извѣстно, происходитъ отъ слова *res*—вещь, дѣло. Ему противоположенъ идеализмъ отъ слова *idea*—

мысль. Наука раздѣлила эти понятія въ мірѣ человѣческомъ; но въ жизни, на дѣлѣ, въ сущности—они неразрывно соединяются. Какая же вещь, дѣло, въ человѣкѣ не есть проявленіе мысли? Какая же мысль въ немъ не переходитъ рано или поздно въ вещь, въ дѣло? Говоря философскимъ терминомъ, какое же реальное не есть воплощеніе идеальнаго, и какое же идеальное не просится въ реальное? Отсюда ясно, что реализмъ невозможенъ безъ идеализма, а идеализмъ безъ реализма: реализмъ есть идеализмъ обнаружившійся; идеализмъ есть реализмъ въ возможности. Но, повторяемъ, раздѣлилъ ихъ только анализъ науки, а въ сущности они нераздѣльны. Отдѣлите реализмъ отъ идеализма—и вы получите исключительный матеріализмъ, отъ котораго онъ и спасается только ихъ взаимнымъ соединеніемъ. Отдѣлите идеализмъ отъ реализма—и вы получите спиритуализмъ, теряющійся въ чистой отвлеченности. И тамъ, и здѣсь—крайность; и тамъ и здѣсь часть человѣка—въ матеріализмѣ,—конечно, самая грубая, самая чувственная сторона его,—и какъ бы авторъ ни хотѣлъ оградить реализмъ, признанный имъ въ его отдѣльности, отъ поползновенія въ матеріализму, это будетъ невозможно. Говоря о реализмѣ эпохи, онъ сочувствуетъ ея матеріализму, самъ того не сознавая. Отсюда понятно, какъ онъ, увлеченный этимъ сочувствіемъ, могъ признать, что австрійскій жандармъ и англійскій солдатъ могутъ быть орудіями человѣческой образованности въ Индіи и у стирійскихъ славянъ⁴. Затѣмъ авторъ оправдываетъ древнюю Русь главнымъ образомъ отъ упрековъ Буслаева *) въ недостаткѣ грамотности, въ пьянствѣ и неуваженіи женщины параллельными примѣрами изъ западной литературы и защищаетъ знаменитый „Домострой“ Сильвестра.

Напротивъ, петербургская журналистика вообще въ „Рус. Бесѣдѣ“ отнеслась сочувственно; тотчасъ по напечатаніи объявленія о „Бесѣдѣ“. „Отечественныя Записки“ съ радостію привѣтствовали но-

---

*) Статьи сюда относящіяся: два слова о правжѣ, по случаю 4 книги „Рус. Бесѣды“, любителя старины, 1857 г. № 2; письмо къ г. любителю старины любителю повизны, № 4; отвѣтъ г. сотруднику „Рус. Бесѣды“ любителю старины, № 6; второе письмо къ г. любителю старины любителю повизны, № 8; письмо къ г. любителю повизны провинціального читателя „Московск. Вѣд.“, № 8. Отвѣтъ со стороны „Рус. Бесѣды“—„Отвѣтъ на два слова о правжѣ въ № 2 „Московск. Вѣд.“ сотрудника „Рус. Бесѣды“, № 5.

вый журналъ и выразили свое ожиданіе именно отъ разработки своеобразной программы славянофильскаго лагеря.

Всѣхъ радушіе съ самаго начала относился къ „Рус. Бесѣдѣ“ „Современникъ“. Отношенія этихъ двухъ журналовъ очень интересны: изъ нихъ видно, какъ, по мѣрѣ большаго распространенія и разъясненія славянофильскаго ученія, сравнительно молодое поколѣніе, не принимавшее личнаго участія въ борьбѣ между западниками и славянофилами сороковыхъ годовъ, постепенно начало прислушиваться къ заподозрѣнному ученію и извлекать изъ него то, что въ немъ было самобытнаго и справедливаго.

Вслѣдъ за выходомъ первой книжки „Рус. Бесѣды“, „Современникъ“ радостно ее привѣтствовалъ. Разногласіе между убѣжденіемъ славянофиловъ и убѣжденіемъ людей, противъ которыхъ они возстаютъ, касается многихъ очень важныхъ вопросовъ. Но въ другихъ еще болѣе существенныхъ стремленіяхъ противники совершенно сходятся, мы въ томъ убѣждены. Согласіе въ сущности стремленія такъ сильно, что споръ можетъ быть только объ отвлеченныхъ и потому туманныхъ вопросахъ. Какъ скоро рѣчь переносится на твердую почву дѣйствительности, касается чего-нибудь пракческаго о наукѣ или жизни, коренному разногласію нѣтъ мѣста; возможны только случайныя ошибки съ той или другой стороны, отъ которыхъ та или другая сторона съ радостью откажется, какъ скоро вѣтъ-нибудь изъ чьихъ бы то ни было рядовъ будетъ высказано болѣе здравое рѣшеніе, потому что тутъ нѣтъ разъединенія между образованными русскими людьми: всѣ хотятъ одного и того же (1856, V ; IV, 244—247).

Послѣ выхода всѣхъ 4 книжекъ „Бесѣды“ за 1856 г., „Современникъ“ замѣтилъ, что нерасположеніе противъ „Рус. Бесѣды“ въ огромномъ большинствѣ публики очень сильно; онъ признаетъ однако же, что кто захочетъ безпристрастно взглянуть въ „Бесѣду“, найдетъ въ ней много хорошаго. Славянофильство, если разсматривать его въ лучшихъ его представителяхъ, не заключаетъ въ себѣ ничего антипатичнаго; оно—заблужденіе, но заблужденіе могущее имѣть очень благородный характеръ и соединяться со многими прекрасными элементами. Славянофиламъ вредитъ не то, что они славянофилы,—есть другія причины предубѣжденія противъ нихъ. Придавая слишкомъ большую важность своимъ отвлеченнымъ понятіямъ о всеобъемлющемъ характерѣ русской народности, о такъ

называемой односторонности и несостоятельности западной науки и жизни, они слишком готовы безъ разбора восхищаться всякимъ сужденіемъ, лишь бы только оно было въ пользу народности противъ европеизма. Величайшій вредъ славянофиламъ приноситъ неразборчивость въ выборѣ союзниковъ (1857, I, 182).

Въ „Замѣткахъ о журналахъ за мартъ 1857 года“ „Современникъ“, послѣ выхода первой книжки „Рус. Бесѣды“ за 1857 годъ, далъ о ней такой отзывъ: „Холодно, отчасти насмѣшливо, отчасти даже какъ-то непріязненно смотрѣла на „Рус. Бесѣду“ почти вся наша публика. Почти всѣ наши журналы, когда говорили о ней, говорили съ ироніей или съ укоризнами. Наконецъ-то, послѣ напраснаго годичнаго ожиданія, дождались мы отъ публики болѣе благопріятныхъ отзывовъ о мнѣніяхъ, органомъ которыхъ служить „Русская Бесѣда“. Не знаемъ, рѣшатся ли отказаться сразу отъ своихъ предубѣжденій журналы, до сихъ поръ не видѣвшіе ничего хорошаго въ „Русской Бесѣдѣ“, рѣшатся ли они признаться, что славянофилы одушевляются не одною мечтой о небываломъ и невозможномъ специально-русскомъ построеніи науки на фантастическихъ основаніяхъ, но также—и еще больше—стремленіями свойственными каждому образованному и благородному человѣку, каковы бы ни были его теоретическія заблужденія. Въ самомъ дѣлѣ, обѣ партіи (западниковъ и славянофиловъ) считаютъ въ своихъ радахъ людей не имѣющихъ почти ничего общаго между собою, кромѣ того или иного взгляда на отношеніе народности къ общей человѣческой наукѣ. А этотъ вопросъ, служащій основаніемъ для раздѣленія партій, далеко не имѣетъ, по нашему мнѣнію, той всепоглощающей важности, какую ему приписываютъ; и между людьми согласными въ его рѣшеніи могутъ быть разнорѣчія по другимъ, гораздо существеннѣйшимъ вопросамъ. Какъ бы ни заблуждались въ своихъ понятіяхъ о до-Петровской Руси люди, въ настоящемъ одобряющіе только то, что дѣйствительно достойно одобренія, и желающіе всѣхъ тѣхъ улучшеній, какихъ долженъ желать образованный человѣкъ,—мы все-таки почли бы мнѣнія такихъ людей добрыми, потому что дѣйствительныя стремленія относительно настоящихъ дѣлъ важнѣе всякихъ отвлеченныхъ мечтаній о достоинствахъ или недостаткахъ отдаленнаго прошедшаго“. Затѣмъ, признавая славянофиловъ полезными въ томъ смыслѣ, что они, какъ люди съ горячею преданностію своимъ

убѣжденіямъ, дѣйствуютъ на пробужденіе умовъ въ нашемъ обществѣ, гдѣ настоятельнѣйшею потребностію является пробужденіе мысли и способности къ принятію какихъ-либо умственныхъ убѣжденій, какихъ-либо нравственныхъ влеченій, какихъ-либо общественныхъ интересовъ,—„Современникъ“ задается вопросомъ: польза, приносимая славянофилами дѣлу пробужденія мысли въ русскомъ обществѣ, не превышаетъ ли вредомъ, какой они приносятъ успѣхамъ общества, наполняя мысль человѣка, ими пробужденнаго къ жизни, совершенно ложнымъ содержаніемъ, стремясь дать ей направление превратное. „Современникъ“ и на это отвѣчаетъ отрицательно, доказывая, что изъ элементовъ, входящихъ въ систему славянофильнаго ученія, многіе положительно одинаковы съ идеями, до которыхъ достигла наука или къ которымъ привелъ лучшихъ людей историческій опытъ въ западной Европѣ. Начнемъ, говорить „Современникъ“, хоть съ тѣхъ враждебныхъ чувствъ, въ которыхъ обыкновенно обвиняются славянофилы. Конечно, грубо понимаемое, такое обвиненіе будетъ совершенною клеветой на нихъ,—всему дѣйствительно великому и хорошему въ западной Европѣ они сочувствуютъ не менѣ самыхъ заклятыхъ западниковъ и, конечно, никому не уступятъ ни въ уваженіи къ такимъ людямъ, какъ Робертъ Пиль или Диккенсъ, Штейнъ или Гегель, ни въ искренности желанія какъ можно ближе и полнѣе познакомить русскихъ съ благотворными плодами западнаго просвѣщенія. Безпристрастный человѣкъ долженъ назвать предубѣжденіемъ мнѣніе, будто они враждебны европейскому просвѣщенію. Но то правда, и въ томъ признаются они сами, что они не считаютъ слишкомъ завиднымъ нынѣшнее положеніе народной жизни въ западной Европѣ. За эту строгость нельзя ихъ винить (IV, 333—336). Хорошія стороны славянофильскаго ученія, по мнѣнію „Современника“, заключались въ слѣдующемъ: Выгодно отличаясь серьезнымъ взглядомъ на западную Европу отъ пустыхъ ея панегиристовъ, славянофилы отъ каждаго серьезнаго западника отличаются только тѣмъ, что, къ своей невыгодѣ, вмѣшиваютъ въ серьезный взглядъ много фантазій, которыми навлекаютъ на себя насмѣшки отъ всѣхъ и негодование отъ тѣхъ, которые опасаются, что эти фантазіи могутъ распространиться въ нашемъ обществѣ. Но есть въ славянофильствѣ другая сторона, которая ставитъ славянофиловъ выше многихъ изъ самыхъ серьезныхъ западниковъ, это—сочувствіе ихъ къ русской

поземельной общинѣ (V, 114). Но общественное недовѣріе еще тяготѣло надъ отвергнутымъ ученіемъ и „Современникъ“ еще находился подъ его вліяніемъ. Когда К. С. Аксаковъ въ „Молвѣ“ указалъ на солидарность „Современника“ съ славянофилами по вопросу о сельской общинѣ, — „Современникъ“, какъ бы испугавшись, поспѣшилъ оговориться, что эта солидарность ограничивается тѣмъ, что у славянофиловъ вполнѣ согласно съ европейскою наукою. „Я могу, говоритъ Чернышевскій, уважать славянофиловъ за многое, но симпатіи ихъ я не заслуживаю, какъ они сами объявляютъ и какъ я самъ чувствую“ (1858, XII, 577, прим.).

Около того же времени А. И. Кошелевъ не упустилъ случая принять участіе въ общепользномъ дѣлѣ, способствовавшемъ распространенію просвѣщенія.

Въ январѣ 1858 года не безъ инициативы Ал. Иван. открыта была одна изъ первыхъ публичныхъ библіотекъ въ Рязани, для бесплатнаго чтенія и пользованія книгами на дому за незначительный взносъ (6 руб. сер. въ годъ). Объ этомъ помѣщено было въ первой книгѣ „Рус. Бесѣды“ за 1858 г. объявленіе съ приглашеніемъ къ пожертвованію и съ вызовомъ редакціи принять на свой счетъ доставку книгъ, присланныхъ въ редакцію. Ал. Иван. и впоследствии не оставлялъ безъ вниманія Рязанской библіотеки. 18 января 1859 года онъ писалъ Ив. С. Аксакову: „Потрудитесь написать къ Давыдову, чтобъ онъ узналъ отъ Гагемейстера, что стоятъ всѣ изданія Археологической Коммиссіи, и чтобъ онъ прислалъ списокъ съ обозначеніемъ цѣнъ. Это я выписываю для Рязанской публич. библіотеки, — не будетъ ли уступки. Не жертвуетъ ли вашъ батюшка свои сочиненія Рязанской библіотекѣ. Знаете, она очень полезна. По вечерамъ чловѣкъ по 15 изъ чиновниковъ приходятъ и читаютъ. Чѣмъ идти въ трактиръ смотрѣть на игру въ билліардъ, они приходятъ и читаютъ. Жертвуютъ въ библіотеку довольно много, такъ что ея существованіе обезпечено“.

Въ 1857 году И. С. Аксаковъ издавалъ газету „Молву“, хотя въ качествѣ официального издателя ее подписывался М. Шпилевскій. Въ первой своей передовой статьѣ Аксаковъ говоритъ, намекая на борьбу славянофильскаго направленія съ западнымъ: „Въ нашемъ общественномъ сознаніи есть воззрѣнія, есть направленія, есть, слѣдовательно, знамена, есть борьба. Странно было бы отвергать это. Странно было бы также желать какаго-то сбли-

женія между противоположными сторонами. Когда сойдутся въ мысляхъ совершенно свободно, тогда сблизятся, не сойдутся—не сблизятся. Но никакихъ уступокъ въ своихъ убѣжденіяхъ, ради сближенія, быть не должно! Это было бы смѣшеніе и взаимное ослабленіе въ пользу какаго-то нравственнаго комфорта и умственной лѣни. Нѣтъ, пусть каждая сторона, безъ всякой насильственной уступки и безъ всякаго насильственнаго упорства, исчерпаетъ всѣ силы свои, всю глубину своей мысли; тогда можетъ явиться полная и окончательная побѣда, тогда борьба можетъ дойти до яснаго и плодотворнаго результата! Благословимъ же борьбу! Пусть будетъ она крѣпка, безпощадна, честна и добросовѣстна“ (№ 1). Этотъ нѣсколько задорный вызовъ, не оправдавшійся съ самаго начала содержаніемъ „Молвы“, вооружилъ на нее всю журналистику; даже тѣ ея органы, которые признавали за „Рус. Бесѣдой“ характеръ серьезнаго журнала, къ „Молвѣ“ относились съ насмѣшливымъ пренебреженіемъ. Самъ Ал. Иван. отказался отъ солидарности съ газетой Аксакова. Въ „Литературномъ объясненіи“ („Рус. Бес.“ 1857 г., кн. II) Александръ Ивановичъ говорить: „изъявляемъ нашу радость по случаю появленія періодическаго изданія, обѣщающаго идти съ нами одною дорогою. Добрый путь, дорогой собрать! Но не мѣшаетъ здѣсь и теперь же объявить во всеуслышаніе, что наши два изданія совершенно независимы другъ отъ друга. Увѣрены впередъ, что „Бесѣду“ будутъ упрекать въ томъ, что скажетъ „Молва“, и наоборотъ, а потому просимъ друга и недруга судить каждаго изъ насъ за собственныя вины, а отнюдь не относить къ отвѣтственности „Молвы“ то, что скажетъ „Бесѣда“, и „Бесѣду“ не казнить за то, что будетъ сказано въ „Молвѣ“. А между тѣмъ въ „Молвѣ“ помѣщено нѣсколько недурныхъ передовыхъ статей Аксакова (о народѣ, Москвѣ, просвѣщеніи, искусствѣ, народности, славянахъ). Хомяковъ писалъ Самарину о „Молвѣ“: „Аксакова premier Moscou объ общественномъ мнѣніи (28 іюня № 12) не дурень, или просто сказать хорошъ, и очень смѣль. Пошлите хоть что-нибудь въ „Молву“; я туда маленькіе вклады посылаю“ („Рус. Арх.“ 1879, III, 348). Кромѣ передовыхъ статей К. С. Аксаковъ помѣщалъ въ „Молвѣ“ постоянно критическія и библиографическія замѣтки. С. Т. Аксаковъ помѣстилъ здѣсь отрывокъ изъ очерковъ помѣщичьяго быта 1800 годовъ; Хомяковъ помѣстилъ небольшую пе-

редовую статью объ общинѣ, подъ заглавіемъ „Современный вопросъ“ (№ 28). Въ „Молвѣ“ есть дѣльныя критическія статьи: объ актахъ, относящихся до юридическаго быта Россіи, изданныхъ Археогр. Коммиссіею В. Н. Лешкова, и о книгѣ Андреева „Живопись и живописецъ главныхъ европейскихъ школъ“ Ѳ. В. Чижова; по части библиографіи „Драматическія произведенія Екатерины II“ М. Лонгинова и „Списокъ русскимъ писательницамъ“ кн. Н. Голицына. Въ качествѣ изящной словесности „Молва“ наполнялась рассказами о Ветлужскомъ краѣ гр. Н. С. Толстова и статьями А. Чебышева-Дмитріева, который являлся во всѣхъ видахъ—какъ поэтъ, прозаикъ и рецензентъ. Но, главнымъ образомъ, страницы „Молвы“ переполнены были полемикою. „Молва“ приняла подъ свою защиту проф. Крылова и автора статьи о Грановскомъ г. Григорьева. Извѣстно, какъ въ „Обличительныхъ письмахъ Байбороды“ выставялся въ самомъ неблагопріятномъ свѣтѣ Н. И. Крыловъ, по поводу его возраженій Чичерину. Публика, не знавшая Крылова, могла рукоплескать беззащѣнному фельетонному остроумію этихъ писемъ, отъ которыхъ не отказался бы самъ г. Буренинъ; но удивительно, какъ въ профессорской средѣ, которой хорошо были извѣстны ученія и педагогическія заслуги Крылова, нашлись лица способныя на такую неприличную выходку. А потому воззваніе отъ редактора „Молвы“ всѣмъ бывшимъ ученикамъ проф. Крылова (1857, № 3-й, 36) встрѣчено было всѣми бывшими слушателями Крылова съ полнымъ сочувствіемъ. Что же касается до нападокъ „Молвы“ на критическій разборъ Павлова статьи Григорьева о Грановскомъ, гдѣ были затронуты ученія заслуги Григорьева въ качествѣ ориенталиста, то здѣсь „Молва“ защищала не такое правое дѣло, такъ что самъ Аксаковъ не могъ не признать неблаговиднаго отношенія біографа къ памяти такого благороднаго и уважаемаго дѣятеля, какъ Грановскій. Интересно напечатанное въ „Рус. Арх.“ (1879, III, 404) письмо кн. Вяземскаго, тогда товарища министра народнаго просвѣщенія, отъ 10 сентября 1857 г. къ К. С. Аксакову по поводу „Молвы“. „Народная молва вамъ приписываетъ „Молву“ или по крайней мѣрѣ передовую батареиную статью ея, которая, подъ заглавіемъ „Молва“ (№ № 20 и 21-й, 23 и 30-го августа), палитъ и жаритъ изо всѣхъ орудій. Къ сожалѣнію моему, я уже вынужденъ былъ сдѣлать замѣчаніе цензору (Н. Гилярову-Платонову), рассматривающему эту газету, за нѣ-

которыя неумѣстныя выходки, имъ одобренныя. Нынѣ обращаю снова мое вниманіе на №№ 20 и 21, а именно на мѣсто, въ которомъ говорится о вольномъ трудѣ и о трудѣ невольномъ (въ статьѣ было высказано желаніе объ уничтоженіи „невольнаго“ труда) и о вольномъ и невольномъ туалетѣ (защита народнаго костюма, который тогда носили славянофилы). Позвольте мнѣ теперь отнестись къ вамъ съ нѣкоторыми замѣчаніями. Историческій, наследственный вопросъ о крѣпостномъ состояніи въ Россіи есть, безъ сомнѣнія, вопросъ, надъ которымъ призадуматься можно и который каждаго благомыслящаго человѣка долженъ озабочивать. Но вы сами согласитесь, что это вопросъ щекотливый и жгучій, и потому самому правительствомъ изъятый изъ среды вопросовъ, предоставленныхъ гласному печатному сужденію и журнальной полемикѣ. Вопросъ сей взяло правительство на свое рѣшеніе и, такъ сказать, подѣ свою отвѣтственность. Слѣдовательно, не для чего, вопреки извѣстнымъ и положительнымъ распоряженіямъ, вскользь и побочно, поднимать его отвлеченными и риторическими фразами, въ которыхъ нѣтъ никакихъ новыхъ поясненій и доводовъ и не приискивается ключъ къ открытію ларчика, который вовсе не *просто открывается*. Упованіе на водвореніе *вольнаго труда*—утопія, которая можетъ сбить съ толку трудящихся. Большая часть труда, особенно того, который совершается въ потѣ лица, есть трудъ *по нуждѣ*, а вовсе не изъ доброй воли. Трудъ есть наказаніе свыше человѣческому роду и слѣдствіе первороднаго грѣха. Спросите у вольныхъ работниковъ Англіи и Франціи, что думаютъ они о своемъ вольномъ трудѣ, который запираетъ ихъ часовъ на 12 и болѣе въ сутки въ душныхъ фабрикахъ, чтобы выработать себѣ и дѣтямъ своимъ кусокъ насущнаго хлѣба. Спросите этихъ вольныхъ работниковъ, во что обходятся имъ и чѣмъ для нихъ кончаются ихъ *grèves* (стачки), когда вздумаютъ они возвысить заработную плату свою. Нечего смотрѣть вамъ въ Америкѣ на негровъ. И въ вольной Англіи бѣдные люди совершаютъ невольный трудъ потому, что ручной физическій трудъ есть почти всегда и вездѣ неволя. Вводить въ искушеніе несбыточными мечтаніями и эффектными фразами меньшую братію грѣшно и ужъ вовсе не православно“. Письмо это было написано *за два тѣсяца* до обнародованія Высочайшаго рескрипта виленскому военному генер.-губернатору (20 ноября 1857 г.); тѣмъ не менѣе, тотчасъ послѣ письма,

прекратились передовыя статьи Аксакова въ „Молвѣ“, а послѣднимъ декабрьскимъ номеромъ (38) прекратилась и сама „Молва“. Въ 1859 году И. С. Аксаковъ предпринялъ изданіе газеты „Парусъ“. Въ первомъ номерѣ, въ передовой статьѣ, говоря о цензурныхъ условіяхъ, редакторъ заявилъ слѣдующее, въ виду своей программы: „Неужели же еще не пришла пора быть искреннимъ и правдивымъ? Неужели мы еще не избавились отъ печальной необходимости лгать или безмолвствовать? Когда же, Боже мой, можно будетъ, согласно съ требованіемъ совѣсти, не хитрить, не выдумывать иносказательныхъ оборотовъ, а говорить свое мнѣніе прямо и просто, во всеуслышаніе? Развѣ не довольно мы лгали? Чего довольно?!—изолгались совѣмъ... Было такое время, когда ни воздуху, ни свѣту не давалось людямъ, когда жизнь притаилась и смолкла, и въ пустынномъ мракѣ пиrowала и вѣнчалась оффиціальная ложь, одна, владыкою безмолвнаго простора. Но вѣдь это время прошло! Или мы еще не убѣдились, что постоянное лганье приводитъ общество къ безнравственности, къ безсилію и гибели? Или уроки исторіи пропали для насъ даромъ? Развѣ не выгоднѣе для правительства знать искреннее мнѣніе каждаго и его отношенія къ себѣ? Гласность лучше всякой полиціи, составляющей обыкновенно ошибочныя и безтолковыя донесенія, объяснить правительству настоящее положеніе дѣлъ и его отношенія къ обществу, и въ чемъ замѣчаются недостатки его распоряженій, и что предстоить ему совершить или исправить. Горячо убѣжденные въ пользѣ гласности, вѣруя въ возможность преобразованій путемъ мирнымъ и разумнымъ, мы постараемся излагать наши мнѣнія въ „Парусѣ“ съ полною откровенностью и подавать постоянно свой голосъ при разрѣшеніи всѣхъ современныхъ общественныхъ вопросовъ,— разумѣется, всегда почтительный и скромный, но вполнѣ независимый и свободный. Неужели намъ не будетъ это дозволено? Попробуемъ. Если же наша газета сядетъ на мель, то пусть знаютъ читатели напередъ, что виною тому не редакція, а распоряженія, стѣсняющія искренность слова, что видно еще не созрѣло перо для безоглядочной правды“.

На второмъ же листѣ газета была прекращена.

ПРИЛОЖЕНИЕ ПЕРВОЕ.

Перечень статей, помѣщенныхъ въ „Московскомъ Наблюдателѣ“.

Журналъ „Московскій Наблюдатель“ составляетъ величайшую библиографическую рѣдкость. По словамъ А. Н. Пыпина, полного экземпляра нѣтъ въ Императорской публичной библиотекѣ, я тоже не нашелъ его ни въ Румянцовскомъ, ни въ Историческомъ музеѣ. Сводный взъ разныхъ библиотекъ экземпляръ далъ возможность составить прилагаемый перечень статей, помѣщенныхъ въ пятнадцати частяхъ, за время редакторства Андросова.

Журналъ выходилъ съ 1 марта по 1 января ежемѣсячно по двѣ книжки, отъ 8 до 10 печатныхъ листовъ, безъ раздѣленія по отдѣламъ. Каждая 4 книжки составляли томъ или часть.

Римскія цифры означаютъ части, арабскія—страницы.

А) Стихотворенія.

Б. Б. 1836: Сочувствіе, VIII, 394—395; Советъ, IX, 510; Языкъ страсти, X, 180

Ев. Баратынскій. 1835: Последній поэтъ, I, 30—32; Бокаль, Алегивадъ, V, 24—27.

А. А. Башилова. 1835: Моя молитва, I, 264; Къ ней, I, 612; Встрѣча старинныхъ знакомыхъ, сказка, I, 729—739; Я былъ, я емъ, V, 152—156.—1836: Толпа, VI, 129—130; Поэтъ и духъ жизни, VI, 267—271; Дума на берегу Днѣвира, VI, 719—720; Отрывокъ изъ малороссійскаго преданія „Княжое озеро“, VII, 368—374.—1837: Ночное мечтаніе, XI, 17—18; Ямбы, XI, 98—104; Въ альбомъ (К. И. Рабусу), XII, 535—537; Перв, XIII, 41—42.

И. Бекъ. 1836: Встрѣча, VII, 355—356; Встрѣча, 502—503.

Боборыкинъ, 1835: Къ ** I, 595—596.

Нв. Бороздна. 1836: Отрывки изъ „Поэтическихъ очерковъ Украины, Одессы и Крыма“, VIII, 310—317; IX, 511—519.

Волковъ. 1837: На кончину И. И. Дмитріева, XIII, 231.

Кн. Зин. Волконская. 1835: Къ кн. П. А. Вяземскому на смерть его дочери, II, 113.—1836: Четыре ангела, VIII, 116—117.

Вукъ Стефановичъ, изъ его „Сборника сербскихъ пѣсень“ 1837 г.: Бошняка въ Москвитин, XIV, 442—449.

Кн. М. Голицынъ. 1836: Степь, VII, 538—540.

С. Гранкинъ. 1837: Вчера прелестнѣйшая ночь на насъ ниспала, изъ В. Гюго, XV, 224—225; Дервишъ, изъ В. Гюго, 226—228; Призывъ, 229—230; Надежда на Бога, изъ В. Гюго, 253; Молитва за всѣхъ, изъ В. Гюго, 380—396.

Н. Грековъ. 1835: Я смотрю на васъ; Къ ***, II, 285—288; Къ . . . VII, 118—119.

Л. Дубровский. 1835: Небо, 510—511.—1836: Къ **** X, 343—344.

К. Ег—ъ. 1837: Звѣздочка, XII, 47.

В. Зубовъ. 1835: Южная весна, III, 245—246.—1836: Дѣла Востока, VIII, 446—450.

Мениковъ. 1835: Паденіе Содома и Гоморра, V, 422—434.—1836: Грусть паша, VIII, 86—88; Когда стѣснить твою внезапно грудь, 250—251.

Ознобишинъ. 1835: Весенняя грусть, I, 593—594; Шведскія пѣсни: Исповѣдь, Злой братъ, Двѣ сестры, II, 229—239; Ока, V, 172—176.—1836: Чудная бандура, VII, 46—48; Мысль, 97—98; Оливскій царь, мистерія, 170—173; Битва въ дубровѣ, шведская пѣснь, IX, 239—240; Необходимость слезъ, изъ Амру, 339; Гомеопатія, 359—362.—1837: Одалиска, XIV, 96.

Ив. П—ъ 2-й. 1835: Экстазе, изъ В. Гюго, III, 343—344.

Н. Ф. Павловъ. 1835: Геній мира, упованій, I, 324—325; Недоносокъ, I, 526—528.

М. П. Поюдинъ. 1835: Стены изъ жизни Петра Великаго, IV, 407.

Н. Прокоповичъ. 1835: Своя семья, повѣсть, II, 5—33.

А. С. Пушкинъ. 1835: Туча, II, 175; На выздоровленіе Лукулла, IV, 191—193.

Рамчъ. 1835: Пророчество объ открытіи Америки и побѣдахъ Карла V, изъ XV-й пѣсни „Неистоваго Орлаанда“, IV, 118—132.

Граф. А. Растворчина. 1835: Осеннее листья, I, 292—295; Кто поэтъ, III, 386—388; Последній цвѣтъ, IV, 377—378; Сонетъ, 379—380; Къ Дону, VI, 106—107; Сонетъ, VI, 469.

Пл. Рѣдкинъ. 1836: Надежда, VI, 334—335.

П. С. 1835: Мнѣ на странствіе земля, III, 247—248; Лунный свѣтъ, изъ В. Гюго, V, 172—173.

В. Соколовскій. 1837: Отрывокъ изъ 2-й части драматической поэмы „Хеверь“, XIII, 345—349.

Стромиловъ. 1836: Ожиданіе, IX, 241—242; На свѣжномъ подножіи Кавказскихъ вершинъ, 426—427; И. И. Дмитріеву, 457—458; Ночь, X, 315—316.—1837: Цвѣтокъ, XI, 19—20; Рѣчка, 386—387; Гроза, XII, 76—77; Еврейская мелодія, 308—309; Пѣсня, XIII, 238—239; Пушкинъ, 343; Кронштадтъ, 344.

Над. Теплова. 1835: Придетъ весна и садъ мой зацвѣтетъ, I, 103; Осень, III, 512—513; Флейта, IV, 381; Родина, 385; Перерожденіе, V, 364—365.—1836: Воспоминаніе, VI, 495.

В. Теплякова. 1836: Любовь и ненависть, VI, 737—739.

Темучикъ-Чингизъ-ханъ. 1836: Мадригаль Б (рамбеусу), VIII, 85.

Мирза Фатъ Али Ахундовъ, персидскій поэтъ, на смерть Пушкина, переводъ въ прозѣ В. В. Клементьева, 1837, XI, 297—304.

В. Филимоновъ. 1837: Злопамятство желудка, изъ поэмы „Обѣдъ“, XI, 248—261.

Кн. Шаликовъ. 1835: Къ Елиз. Степ. Берхманъ, III, 390—391.

С. П. Шевыревъ. 1835: Седьмая пѣснь „Освобожденнаго Іерусалима“, III, 5—35, 159—196.

А. С. Хомяковъ. 1835: Элегія, I, 53—54; Мечта I, 87—88; Ключъ, III, 340—342.—1836: Островъ, VI, 16—18; Къ . . . VI, 158—160.

Н. Языковъ. 1835: Д. В. Давыдову, III, 471—475; А. А. Фуксъ, III, 476—477;

Сказка о пастухѣ и вепрѣ, IV, 60—66; Д. П. Ознобихину, 194—196; Е. Н. М—ой, 197—198.—1836: П. В. Кирѣевскому, VI, 72—76; Къ...., 239—241; Е. А. Баратынскому, 432—434; Н. А. Языковой, 694—696; Къ...., VII, 217—219; Отрывокъ изъ русской сказки „Жарь-птица“, VIII, 273—285.

Л. Якубовичъ. 1835: Дочь и приемшъ, III, 389; Надпись, сонеть, 508—509, Царство мира, горныя ели, IV, 133—136.—1836: Н. М. Язикову, VIII, 194; Кладбище; 368; Сказки, 470—471; Русская сабля, 472—473; Умирающій гайдукъ, иллирійская баллада, IX, 29—30.

З. 1835: Изъ „Михаила Тверскаго“, II, 565—569.

— „ — 1835: Храмъ, I, 613—615.

Безъ подписи. 1835: Матери Италин, II, 54.—1836: Синонимъ: гостинная—салонъ, VIII, 541.—1837: Черный доковъ, XII, 44—45; Ожиданіе, 46; Одалиска, XIV, 47.

В) Прозаическія статьи.

1. Повѣсти, рассказы, путешествія и описанія.

а) Оригинальныя.

Аскеръ народный. 1835: Не выдержи, а почти выдержи изъ большихъ записокъ о прошлыхъ временахъ, и воспоминанія о Ю. А. Нефединскомъ-Мелецкомъ, В. В. Кашистѣ и проч., III, 612—622.

Вадимъ (Пассекъ). 1837: Купало, XIV, 247—267.

Вельтманъ. 1835: Эротика, повѣсть, I, 330—381.—1837: Иоланда, повѣсть, XII, 397—448.

Кн. Зин. Волконская 1836: Отрывки изъ сказаній объ Ольгѣ, VIII, 286—309; IX, 308—338.

Кн. А. Волконскій. 1837: О римлянахъ въ XIX вѣкѣ, очерки изъ путевыхъ воспоминаній, XII, 156—175.

В. Даль (Казакъ Луганскій). 1835: Иванъ Лапотникъ, сказка, I, 70—86.—1836: Письма къ свату о книжной и письменной управѣ благочинія, VIII, 349—367.—1837: Два рассказа, или Болгарка и Подолянка, XIII, 5—40.

Ф. Евсикій. 1836: Театральный маскарадъ, Варшавскіе очерки, X, 369—388.—1837: Варшавскіе очерки, XIII, 461—480.

Журнальный машатъ. 1837: Вокзалъ въ Петровскомъ паркѣ, XI, 422—442.

А. Заволжскій. 1837: Сосѣди, повѣсть, XII, 176—214, 290—308.

И. Ф. Калайдовичъ. 1837: Вербное воскресенье въ Москвѣ, записка найденная въ бумагахъ, XI, 456—459.

Архим. Иннокентій. 1837: Слово въ субботу свѣтлыя седмицы (Воскр. Чтеніе, Кіевъ, № 2), XI, 467—474.

Ал. Лоренцо. 1836: Отрывки изъ заграничной переписки, VII, 542—565.

Кн. Влад. Львовъ. 1837: Поповка, очеркъ, XI, 575—585.

М. Макаровъ. 1835: Древняя и новая Москва, III, 135—144; IV, 444—460.—1836: Черты изъ жизни русскихъ дворянъ въ концѣ XVIII вѣка, IX, 243—252.—1837: XI, 132—147; XII, 360—370; XIV, 432—441; Русскія преданія, XII, 245—258, 503—514; Забѣтки о Москвѣ, XV, 231—235; Русскій комикъ, ревизоръ минеральныхъ водъ, XV, 109—112.—1836: О посохѣ Александра Пересвѣта, IX, 121—123.

М. Максимовичъ. 1837: Рѣчь надъ гробомъ ген.-фельдмаршала кн. Фонъ-деръ-Остенъ-Сакена, XI, 388—394.

Мартосъ. 1837: Матеріалъ для исторіи памятника вел. кн. Димитрію Донскому, письмо къ ген.-адъют. Балашову, XIV, 450—457.

- Н. А. Мельмутовъ.* 1836; Путевые очерки, VIII, 5—47, 143—193.
Кн. Одоевскій (Безластнй). 1835: Петербургскія письма, I, 54—69; Себастьянъ Бахъ, II, 55—112.—1836: Русскія ночи, VI, 5—15.
Н. Ф. Павловъ. 1835: Маскарадъ, I, 229—263; II, VI, 19—71.
Н. А. Полев. й. 1835: Пиръ Святослава, IV, 329—376.
Пе. Полевистъ. 1835: Гривцо, рассказъ Бандуриста, V, 507—516.
П. Отрывки изъ путешествія д-ра Фуссенгера, V, 330—363.
Я. Н. Сабуровъ. 1835: Поѣздка въ Саратовъ, Астрахань и на Кавказъ, II, 176—229; III, 197—219; IV, 34—59.
Изъ Срзневскій. 1835: Барабашъ, I, 597 — 611; Мартынецъ, V, 133—151.—1836: Майоръ, рассказъ, VI, 205—238, 435—468, 721—736; Барсерки, изъ Скандинавскихъ сагъ, VII, 357—368.—1837: Rapsodio sonatino: Не сонъ, а жизнь,—не сонъ, а смерть, XI, 21—75.
Тимовеевъ. 1835: Любовь поэта, V, 5—23.
А. И. Тургеневъ (Золова аруба). 1835: Письмо изъ Флоренціи, I, 296 — 327, 529—550; Отрывки изъ заграничной переписки, IV, 624—633; V, 251—266.
А. Шидловскій. 1835: Ночь на Байкаль, III, 249—269.
А. Хомяковъ. 1835: Замичаніе на статью о чрезполосности, помѣщенную въ 20 № Земледѣльческой Газеты, I, 792—802.
А. Чериковъ. 1835: Палермо и его окрестности, отрывокъ изъ путешествія по Сициліи, II, 521—564.
А. В. 1837: Ольга, повѣсть, XI, 161—199.
А. Б. 1835: Таинственный туалетъ, повѣсть, III, 220—244.
А. П. Аг-р... 1837: Тотъ и другой, повѣсть, XV, 5—40.
В. П. 1835: Гедзара, повѣсть, IV, 199—281.—1836: Отрывки изъ переписки съ Римомъ, VII, 573—581.—1837: Письма изъ Рима, XIII, 90—102.
Безъ подписи. 1835: Черный человекъ, быль, I, 633—651; Вечеръ въ Петергофѣ, II, 493—500.—1836: Представленіе Гамлета, сена, X, 125—127.—1837: Московская поѣздка, XV, 73 — 90; Удовольствія и неудобства зимней жизни въ Парижѣ, XV, 91—108; Судъ надъ вѣдьмами, XV, 117—139; Люди старата вѣка, XI, 156—158.

в) П е р е в о д н ы я .

- Аксильонъ.* 1837: Восемнадцатый вѣкъ, XV, 298—325.
Ганри Берту. 1836: Десятиминутная проповѣдь, IX, 429—456.—1837: Живой призракъ, Германъ Аппельротъ, XV, 140—223.
Люцианъ Бонапартъ. 1836: Отрывокъ изъ записокъ, помѣщенный въ Journ. d. Déb., IX, 94—113.
Бульверъ. 1835: Отрывокъ изъ романа „Послѣдніе дни Помпеи“, II, 467 — 484, 570—598; III, 33—112.
Вальтеръ-Скотъ. 1837: Вальтеръ-Скотъ въ школахъ, изъ его автобіографіи, XI, 585—588.
Альфредъ де Виньи. 1835: Капитанъ Рено, изъ соч. „Servitude et grandeur militaires“, III, 566—605; IV, 67—117.
Эдуардъ Гамсъ. Гостиная г-жи Рекамье, V, 458—478.
Генрихъ Гейне. 1836: Флорентинскія ночи, VI, 579—615; VII, 5—45.
Леонъ Гозманъ. 1837: Біографъ Жервасъ, рассказъ, XV, 254—297.
Томасъ Гросси. 1835: Отрывокъ изъ романа Марка Висконти, пер. Шевырева. II, 240—284, 381—412.
Г-жа Дебордъ Вальморъ. 1836: Женщина, повѣсть, IX, 31—73.

Девисъ (I. F. Davis). 1837: Китай, въ соч. La Chine, XIII, 201—230.

Шарль Дидье. 1837: Воспоминаніе объ Испаніи, XIII, 308—342.

Домонъ Д. Юрьевъ. 1835: Таитскій архипелагъ, пер. Н. Полевого, III, 392—438, 514—547.

Емилъ Жирарденъ. 1837: Записки Марціана, писанныя имъ самимъ, XII, 240—255.—1836: Пагубный даръ, въ новаго романа La cappe de M. de Balzac, пер. В. В-ій, VIII, 229—249.

Жоржъ-Зандъ. 1835: Письма путешественника, III, 36—71; Симонъ, повѣсть, VII, 131—157, 272—333, 496—563, 616—693; VII, 49—96.—1837: Мопра, романъ, XIII, 49—89, 131—175, 263—307, 390—438; XIV, 5—46, 127—162.

Испанская хроника. 1835: Отрывокъ, переводъ М. Лиховина, IV, 375—406.

Испанія въ настоящемъ ея видѣ, 1835, изъ книги Spain as it is, IV, 282—316.

Антуанъ де Латуръ. 1837: Рукопись Наполеона, XII, 122—131.

Августъ Левальдъ. 1836: Барейтъ и Жанъ-Поль, акварель изъ жизни, VII, 319—354.

Л. Л. Л. Валахія и Молдавія, XI, 76—98; Правы въ Америкѣ, XIV, 417—431.

Л. Е. Л. 1836: Мекльдредъ Пембертонъ, рассказъ изъ N. Monthl. Magaz., VII, 147—170.

Мармье. 1836: Посѣщеніе Гейзера в Геклы въ Исландіи, VIII, 530—538.—1837: Жизнь поэтовъ, XII, 335—359; Германскія преданія, XI, 518—552; Природа въ Даніи, XII, 371—378; Шведскіе университеты, XIII, 112—123.

М. 1837: Рамазанъ и Бейрамъ въ Алжирѣ, XI, 553—562.

Альфредъ Мюссе. 1837: Дитя любовницы, XV, 423—483.

Мишель Раймондъ. 1836: Свадьба въ Шварцвальде, рассказъ, пер. В. Б-ва, IX, 133—181.

Альфредъ Ройеръ. 1835: Судья своей чести, I, 740—791.

Евгеній Скрибъ. 1837: Бубновый король, повѣсть, XII, 449—488.

Эмилъ Сувестръ. 1836: Последняя любовь, повѣсть, X, 5—58.

Фредерикъ Сулье. 1837: Ночь въ дилижансѣ, XI, 105—132; Замокъ Ронкероль, 352—385; Первое кресло, 484—507; Гордость и суетность, повѣсть, XIV, 268—302, 361—416; XV, 41—72.

Г-жа Тастю. 1837: Встрѣча въ маскарадѣ, XIV, 191—203.

Лордъ Ф. 1836: Красный носъ, VIII, 475—487.

Филаретъ Шаль. 1837: Драматическіе нравы XVI столѣтія, пер. М. Строева, XII, 215—244.

Börsenhalle 1836: Денди древняго Рима, IX, 114—121.

Journal des Débats 1837: Майнцское торжество въ честь Гуттенберга, XII, 527—534.

Morgenblatt 1835: Парижскіе нищіе, IV, 137—146. — 1836: Бѣгство Шиллера изъ Штутгарда, IX, 182—207; Американцы въ Англіи, VI, 345—362; Парижъ, Лондонъ, Ляссабовъ, очерки, VIII, 369—393; X, 181—231, 345—368; Пѣмцы и французы въ своемъ языкѣ, пер. П. Дубровскій, X, 317—342; Домашній комфортъ у англичанъ, пер. П. Дубровскій, XII, 78—92.

New Monthly Magazine 1836: Новѣйшія плаванія кругомъ свѣта, VI, 395—432; Римскіе театры, XIII, 195—215.

Revue Britannique 1835: Паганини въ Булони, V, 51—76.—1836: Искусство лавать объды, VII, 375—394; Воспоминанія объ Испаніи 1835—1836 г., VIII, 419—445.—1837: О состояніи общества въ Англіи, XV, 297—408; Воспоминанія о Мальтѣ и Сициліи, XII, 92—111.

Wiener Zeitschrift 1835: П'ятушій домъ, приключеніе изъ Тридцатилѣтней войны, III, 342—385.

Безъ подписи и указаній. 1835: Англійскій парламентъ и общество воздержности, съ нѣмецкаго, I, 186—199; Брюловъ въ Москвѣ (безъ номерациі).—1836: Исторія олувъ и о другѣ Пьерро, X, 389—406.—1837: Либертино Генуччи, повѣсть съ англійскаго, XII, 5—41; Аенны въ 1832 и 1836 годахъ, XV, 237—252; О привычкахъ челоука, XV, 326—349; Женитьба Гёте, съ франц. Вл. Классовскій, XIV, 98—115.

2. Статьи ученаго содержанія.

а) Оригинальнныя.

В. Андросовъ. 1835: Производимость и живыя силы.

Дм. Баятышъ-Каменскій. 1835: Кн. Антиохъ Дмитр. Кантемиръ, III, 478—507.

Юрій Венеминъ. 1836: Скандинавоманія и ея поклонники, VIII, 488—525; IX, 269—307.—1837: 395—425; О зародышѣ новой болгарской литературы, XIV, 47—95.

Волковъ. 1837: О послѣднихъ дняхъ жизни И. И. Дмитриева, XIII, 232—237.

Кн. А. Волконскій. 1837: Очеркъ исторіи архитектуры, XI, 508—517.

Ф. Глинка. 1836: Оедоръ Исавевъ или бѣдное семейство въ кляткѣ, приглашеніе къ пожертвованію, VI, 336—344; IX, 363—373.—1837: Къ благотворителямъ семейства Р-к-т-с-хъ, XI, 441—451.

В. В. Григорьевъ. 1835: Историческіе и филологическіе труды русскихъ ориенталистовъ, II, 413—420.

Дм. Давыдовъ. 1835: Химическое изысканіе по свеклосахарному производству, II, 298—251.

Діаконовичъ Лога. 1837: Оукидять, XI, 563—574.

А. Добровольскій. 1836: Предположеніе объ устройствѣ въ Москвѣ картинной галлерей и при ней выставки художественныхъ произведеній, VI, 564—570.

П. Дубровскій. 1835: Новѣйшая поэзія у поляковъ, V, 271—303.

И. Ефимовичъ. 1835: Взглядъ на системы философій XIX вѣка во Франціи, V, 77—104.—1837: XII, 141—155.

П. И. Ивановъ. 1835: Назначеніе помѣстныхъ окладовъ въ старинной русской службѣ, V, 216—224.—1836: Борисовскій городокъ, X, 127—134.

И. К. 1836: Сельско-хозяйственное учебное заведеніе близъ Дерпта, IX, 253—255.

Липранди. 1835: Нѣкоторыя разсужденія о военной наукѣ, III, 72—82.

Дм. М. Львовъ. 1836: Гражданскій героизмъ, анекдотъ о Екатеринѣ II и гр. Остерманѣ, VIII, 260—261.

А. М. Б. М. 1837: Общія поговорки, XI, 452—456.

И. Н—съ. 1836: Опытные люди, по случаю указа о размежеваніи, VI, 367—372.

М. Ф. Орловъ. 1835: Отчетъ Московскаго художественнаго класса, читанный въ годичномъ собраніи, II, 161—174.

М. П. Полюдинъ. 1835: Очеркъ русской исторіи, I, 89—102; Письма изъ Петербурга о трудахъ ученыхъ и литераторовъ, I, 442—448.

Н. В. Ростиславичъ-Савельевъ. 1837: Битва Куликовская и походъ на Новгородъ, изъ книги „Димитрій Іоанновичъ Донской“, XIII, 350—362.

Ив. А. Сабуровъ. 1835: Взглядъ на цѣны хлѣба, бывшія въ Пензенской губерніи съ 1830 по 1835 годъ, и на послѣдствія сихъ цѣвъ, II, 421—441.

Як. Ал. Сабуровъ. 1835: Игра, V, 151—171.

Ив. Снегиревъ. 1835: О мѣстѣ погребенія Авраама Палицына, II, 352—360.—

1836: Надпись Порфирія Сѣвѣнникова о его лексиконѣ на иконѣ Владимірской Богоматери въ церкви Св. Ермолая, на Ковьемъ Болотѣ, VIII, 261—264.

С. П. Шевыревъ. 1835: Училище глуховѣмыхъ въ Москвѣ, III, 460—467.—1836: Опера любителей въ Москвѣ—„Севильскій цирюльникъ“ (подписано: Наблюдатель), VI, 363—367.—1837: Сильфиды Санковская, XIII, 103—111.

Д-ръ Ястребиновъ. 1835: Взглядъ на направленіе исторіи, письмо къ М. Ф. Орлову, I, 695—701.

Проф. Эверсманъ. 1837: Климатъ, погода и другія явленія въ Оренбургскомъ краю, изъ сочиненія „Естественная исторія Оренбургскаго края“, пер. В. И. Дала, XV, 337—379.

Проф. П. Эйбродтъ. 1835: О первой причинѣ неровности твердой оболочки земли, V, 435—457.

Безъ подписи. 1835: Европа и Востокъ, о переводѣ Ведъ на французскій языкъ, II, 485—492; Равное о Парижѣ, V, 177—215, 397—421.—1836: О смерти Пушкина, X, 122; Развалины дома Потемкина въ Екатеринославѣ, X, 263—266.—1837: Вѣроятный вѣкъ человѣческой жизни, XI, 5—16; Очеркъ разстройства Персін предъ появленіемъ Надиръ-шаха, XIV, 359—380; Исландская письменность, XV, 409—422.

б) Переводныя.

Д-ръ Брейгамъ. 1835: Извлеченіе изъ брошюры о пагубномъ вліяніи умственныхъ трудовъ на здоровье и организацію дѣтей, III, 145—149.

Гаммеръ. 1835: Обзорѣніе важнѣйшихъ государственныхъ учрежденій и переѣвъ, произведенныхъ въ Турціи нынѣ царствующимъ султаномъ Махмудомъ, I, 377—422, 819—827.

Гёрресъ. 1835: Домъ сѣмьаследшихъ и идеи объ искусствѣ и помѣшательствахъ ума, IV, 5—33, 157—190.

Шарль Дидье. 1836: Политическое состояніе евреевъ въ Варварійскихъ владѣніяхъ, IX, 224—238.

Дюбуа. 1837: Животный магнетизмъ, извлеченіе изъ донесенія Парижской Медицинской академіи, XII, 515—526.

Проф. Лижъ. 1837: Первообытныи міръ, отрывокъ изъ книги, XIII, 363—368.

Е. Литтре. 1837: Гёте натуралистъ, XIV, 303—319.

III. Нодде. 1835: Что такое истина? Философское сомнѣніе, VI, 108—128.

Сталь. 1835: Труды европейскихъ ориенталистовъ въ послѣдніе два года, донесеніе Парижскому Азіатическому Обществу, изъ Nouveau Journal Asiatique, IV, 536—577.

S. 1835: Состояніе училищъ въ Англіи, III, 606—612.

Тьеръ, франц. министръ внутр. дѣлъ. 1835: Мнѣніе объ устройствѣ желѣзныхъ дорогъ во Франціи, I, 802—818.

II. Г. Шафарикъ. 1836: Мысли о древности славянъ въ Европѣ, пер. Ос. Бодянского, VIII, 48—84; О народахъ Скиискаго племени, историч. изслѣдованія, пер. Ос. Бодянского, VII, 504—538.

А. Швейнардъ. 1837: Нѣмецкая философія, XIV, 162—190.

Безъ подписи и указанія. 1837: Замѣчанія о первоначальномъ состояніи Европы, XI, 200—222; Новости изъ царства наукъ, XII, 489—502.

Bibliothèque Universelle 1837: Наблюденія, сдѣланныя во время поѣздки къ Куягогскому водопаду, возлѣ овера Эрйо, изъ записокъ натуралиста, XII, 269—289.

Edinburgh Review 1837: Золи или тайныя индѣйскіе убійцы, XI, 262—296, 313—351.

L'Europe Industrielle 1837: О настоящем состоянии промышленности и торговли, XIII, 43—48.

Industrie 1835: Замѣчательнѣйшія вещи, бывшія на Парижской выставкѣ 1834 года, съ рисунками, I, 170—185.

Kunstblatt 1836: Парижская художественная выставка 1836 г., VII, 445—464; VIII, 216—228.

Révue Britannique 1835: Объ участіи и правахъ женщинъ между нынѣшними народами Европы, I, 265—291; Народныя особенности, II, 420—441; О домахъ убѣжища и благотворительныхъ заведеніяхъ и вліяніи ихъ на низшіе классы народа, III, 307—339. — 1836: Высшая общественная образованность, X, 289—314.

3. Критика, рецензіи, литературные очерки.

а) Оригинальныя.

Андросовъ. 1835: Разборъ изданія „Государственная внѣшняя торговля 1834 г. въ различныхъ ея видахъ“, III, 548—565; Записки перваго комитета сахароваровъ при Московскомъ обществѣ сельскаго хозяйства, М. 1834; Записки втораго комитета сахароваровъ, М. 1835 г., I, 551—562. — 1836: Какъ пишутъ критику, VI, 470; Ревизоръ, соч. Гоголя, VIII, 120—131; Статистическія замѣтки о внѣшней торговлѣ Россіи, соч. Небольсина, 2 ч. Спб. 1835, VI, 161—180.

А. 1835: Критическое объясненіе, V, 479—490.

а. 1835: Сцены на морѣ, соч. Давыдова.

Бодянский. 1835: Народныя спѣванки или свѣтскія пѣсни словаковъ въ Венгріи, изд. Яномъ Колларомъ, IV, 383—416, 578—607.

Германъ. 1835: О земледѣльческихъ колоніяхъ, соч. Г. Л. Ф. Гюерна де Помезъ, II, 1832 г.; О бѣдности, нищетѣ и средствахъ предупредить ея пагубныя послѣдствія, соч. бар. Морога, II, 1834; Политическая экономія въ духѣ христіанскомъ, соч. виконта де Вильевъ-Баржемона, III, 113—134.

Дяконовичъ Логи. 1836: Нѣсколько замѣчаній о религіи древнихъ грековъ, по поводу спора Шевырева съ Надеждинымъ, VII, 89—115.

Ив. Кумеровъ, О. Варвинскій и пр. 1837: Россія въ историческомъ, статистическомъ, географическомъ и литературномъ отношеніи, соч. Ф. Булгарина, XI, 395—422; XII, 326—334; XIII, 176—200.

М. Н. Лихонинъ. 1836: Вельтманъ и его сочиненія, VII, 99—117, 220—231.

М. Макаровъ. 1837: Жизнь и приключенія всѣхъ русскіихъ періодическихъ изданій отъ самаго начала ихъ появленія до нашего времени, XIV, 204—233, 320—340.

Кандидатъ Михайловъ. 1837: О русской исторіи г. Устрялова, XI, 222—247.

Е. Мельниковъ. 1835: Музыкальная лѣтопись, I, 144—169.

Як. Невыровъ. 1836: Объ оперѣ Глинки „Жизнь за царя“, письмо изъ Петербурга, IX, 374—384; Пантомима, или преданія глубокой древности, соч. Вильяма Гойота, X, 96—121.

Н. Н. 1835: Замѣчаніе на переводъ рукописи Жолкѣвскаго, помѣщенной въ іюльской книжкѣ „Библиотеки для Чтенія“, II, 658—678.

— *О* — 1835: „Недовольные“, комедія Загоскина, IV, 417—443; „Аскольдова могила“, опера, музыка Вереговскаго, III, 270—288.

М. П. Погодинъ. 1835: Царствованіе царя Θεодора Алексѣевича, соч. Берга, I, 563—574; Обзорніе системъ городовъ Россійской имперіи, изд. М. В. Д., V, 490—496. — 1836: Славянскія новости, письмо къ редактору, VII, 288—304.

Полемистъ. 1835: Дѣтскій Журналъ на 1835 г., II, 511—515.

Н. П...ш...сь. 1835: Брамбеусъ и юная словесность, II, 442—465, 598—637.
Н. Савельевъ. 1837: Начертаніе русской исторіи для училищъ, проф. Погодина, X, 232—256.

См. 1836: Начертаніе физики, М. Павлова, IX, 340—358, 481—509.

Т. Т. Т. 1837: Забѣчательнѣйшія книги, вышедшія во Франціи въ 1836 году, XII, 46—75.

С. П. Шевыревъ. 1835: Словесность и торговля, I, 5—29; О критикѣ вообще и у насъ въ Россіи, I, 493—525; Кн. Мпх. Вас. Скопинъ-Шуйскій, драма Н. Кукольника, I, 114—119, 382—395; Три повѣсти Н. Павлова, I, 120—130; Миргородъ, повѣсть Н. Гоголя, I, 396—411; *Romans, contes et nouvelles litteraires, histoire de la poésıe et de la litterature chez tous les peuples*, par Jules Janin, P. 1834, II, 114—123; Стихотворенія Вл. Беведиктова, С.-Пб. 1835, III, 439—459; Чаттертовъ, драма Альфреда де Винья, IV, 608—623; Московскій театръ, прїѣздъ Каратыгинныхъ, I, 669—687.—1836: Перечень наблюдателя, VI, 77—105, 242—265; Отмѣтки наблюдателя, VII, 566—572; Москва и Петербургъ въ литературныхъ отношеніяхъ, VI, 181—187; Отвѣтъ автора „Исторіи поэзій“ издателю „Телескопа“ на его рецензію, VI, 697—718; VII, 252—287, 395—407; Путешествіе ко святымъ мѣстамъ русскимъ, 408—417.—1837: Гердеръ, Шиллеръ и Гёте, изъ соч. „Теорія и поэзія въ историческомъ развитіи у древнихъ и новыхъ народовъ“, X, 129—159; Перечень наблюдателя, XII, 311—326.

Кн. С. Урусовъ. 1837: Извѣстіе о „Нибелунгахъ“, по поводу перевода на французскій языкъ г-жи Ch. Meltière, XIII, 492—498.

Рецензіи не подписанныя. 1835: Ангорскіе пороги, сибирская быль, соч. Н. Щ. Слб. 1835, I, 416—419; Новѣйшія сочиненія объ Азій, V, 28—52; Исторія сына вѣка, соч. Альфреда де Мюссе, V, 366—377; Наполеонъ, поэма Кина, V, 378—380; Воспоминанія маркиза де Креки, съ 1710 по 1802 годъ, т. IV, II, 1834, I, 574—588; Мысли заключеннаго, соч. гр. Лейроне, II, 1834, I, 588—589; Исторія народной германской поэзій, д-ра Гервинуса, т. I, II, 371—375; *Servitude et grandeur militaire, par le comte Alfred de Vigny*, 588—589.—1836: Издатель „Телескопа“ на Аустерлицкомъ мосту, VII, 305—313; Шуточки „Библиотеки для Чтенія“, VIII, 137—140.—1837: Забѣтки по поводу „Библиотеки для Чтенія“ (Мозги, новые приходы въ Москвѣ), XII, 379—386, 538—542, 545.

b) Переводныя.

Гёте. 1835: Шекспиръ по Гёте, II, 34—53.

Жюль Жаненъ. 1835: Мнѣніе о Дюлорѣ и Пиголе Брѣне, II, 679—686.

Бѣнишъ. 1836: О теперешнемъ состояніи нѣмецкой литературы, VII, 465—501; IX, 5—28, 459—480; X, 77—95; Новые нѣмецкіе романисты, X, 145—179.

Л. 1835: Исторія французской морской силы, соч. Евгенія Сю, рец. Л., V, 497—506.

Л. А. 1835: Послѣдніе дни Помпеи, истор. романъ Бульвера, I, 130—143.

Люше (Aug. Luchet). 1835: Литературное сотрудничество, I, 706—728.

Х. Мартиеръ. 1836: Исторія Франціи, соч. Мишле, т. I и II, II, 637—657.

Магаде. 1835: Письмо о рукописи, заключающей греческій переводъ Санхониатовой Финикійской исторіи, Ph. le Vas, VIII, 396—406; IX, 125—126.

С. Мюнхъ. 1836: Опыты философіи индѣйцевъ, соч. Кольбуна, переведенные съ англійскаго, съ санскритскими текстами и примѣчаніями Г. Потье, IX, 74—93.

Д. Низаръ. 1835: Викторъ Гюго въ 1836 году, V, 225—250, 304.

Сисмонди. 1836: Ирландія въ 1834 году, путешествіе по Ирландіи, соч. Инглиса, 2 ч., VIII, 318—348, 451—469.

Филаретъ Шаль. 1835: Генрихъ Гейне, I, 616—632.

Berliner Conversations Blatt 1836: Бальзакъ, VIII, 118—128.

Bibliothèque Universelle 1837: Вальтеръ Скоттъ и его послѣдователи, XII, 112—122.

Journal des Débats 1836: Первое представленіе оперы Меркаданта „Разбойники“ въ Парижской Итальянской оперѣ, VII, 418—425.

Morgenblatt 1835: Сочиненія объ Америкѣ, II, 124—147.

New Monthly Magazine 1836: Новый романъ Бульвера „Ріензо“, VI, 571—575.—1837: Доказательства въ пользу новаго драматическаго генія, разборъ „Парацельза“, соч. Роберта Браунинга, VII, 174—216.

Revue Germanique 1836: Новая литература въ Германіи, VI, 188—193.

Безъ подписи и указанія. 1835: Упрекъ современной литературѣ, изъ франц. журнала, III, 623—627.—1836: Новый романъ Жюль Жанена „Le chemin de traverse“, VI, 742—746; Нѣмецкая литература, съ нѣмецкаго, IX, 208—223; X, 59—76.

4. Матеріалы для русской исторіи.

Указъ 28 сентября 7193 г. царей Иоанна и Петра Алексѣвичей боярину и оружейнику П. В. Шереметеву о пришествіи въ Москву изъ Троицы.

Списокъ съ листа, поданнаго царю Алексѣю Михайловичу старцемъ Печерскаго монастыря Кирилломъ, 31 марта въ 177 г., о покровительствѣ Кіево-Печерской лаврѣ.

Списокъ съ листа гетмана Демьяна Игнатова къ кошевому атаману Петру Сухалѣю, съ приглашеніемъ вступить въ подданство Россіи, 10 мая 1669 года, XIII, 481—491.

ПРИЛОЖЕНИЕ ВТОРОЕ.

Статья Александра Ивановича, напечатанная въ № 99 „Земледѣльческой Газеты“ за 1847 годъ, съ подписью Александръ К... Слова напечатанныя курсивомъ цензурою не пропущены.

О х о т а п у щ е н е в о л и .

Часто повторяемъ мы сію пословицу, но рѣдко, весьма рѣдко думаемъ о глубокомъ ея смыслѣ. Чего не дѣлаемъ мы по охотѣ! Скачемъ по большимъ дорогамъ, не спимъ ночи, работаемъ съ утра до вечера, и намъ все это не тяжело. Успѣхъ большею частью увѣнчиваетъ наши усилія — почему? — потому именно, что мы все это дѣлаемъ добровольно, что мы имѣемъ въ виду достиженіе нашей дѣли и работаемъ для себя. Какъ тяжело всякое принужденіе! Мнѣ хочется служить въ военной службѣ, а меня опредѣляютъ въ гражданскую; я не люблю деревню, а родители посылаютъ меня хозяйничать въ отдаленную губернію; для излѣченія отъ болѣзни мнѣ хочется ѣхать за границу, а меня отправляютъ на Кавказъ. Гражданская служба, деревня, Кавказъ — сами по себѣ суть вещи не дурныя, не тяжелыя и для многихъ онѣ составляютъ предметы пламенныхъ желаній; но во всемъ этомъ дурно, тяжело лишь одно — именно то, что мы должны это дѣлать не по убѣжденію, не по охотѣ, а по неволѣ.

Если непріятно, тяжело совершать по неволѣ нѣсколько дѣлъ въ жизни, то каково дѣлаю жизнь, почти всѣ дѣйствія оной производить не по охотѣ, а по неволѣ! Сидора мы назначаемъ въ повара, Андрея — въ лакея, Гаврилу — въ портные, и такъ далѣе, между тѣмъ какъ они, быть-можетъ, имѣютъ наклонности къ совершенно инымъ занятіямъ. *Федоръ желаетъ жениться, онъ сотворенъ для семейной жизни, а я не дозволяю ему жениться, потому что, какъ человека характера тигра, его личная услуга мнѣ нужна, я хочу имѣть его всегда въ господскомъ домѣ.* Родители желали бы сохранить при себѣ дѣтей своихъ и лично наблюсти за ихъ нравственностью, а мы отдаемъ ихъ въ ученіе въ Москву, гдѣ и мальчики и дѣвочки болѣе развращаются поведеніемъ, чѣмъ научаются ремесламъ. — И мы еще удивляемся, что у насъ мастеровые умѣютъ только перенимать и ничего не выдумываютъ и не улучшаютъ. Мы ставимъ въ примѣръ нѣмцевъ, англичанъ, которые постоянно доводятъ до большаго совершенства всѣ ремесла, которыми они занимаются. Да, разница тутъ велика. Они посвящаютъ себя тому, чему хотятъ; добрая воля развиваетъ ихъ умъ съ дѣтства; они хлопочутъ, трудятся — для себя, а не для другого.

Взглянемъ на барщинскую работу. Придетъ крестьянинъ сколь возможно позже, осматривается и оглядывается сколь возможно чаще и дольше, а работаетъ сколь возможно меньше, — ему не дѣло дѣлать, а день убить. — На господина работаетъ онъ

три дня и на себя также три дня. Въ свои дни онъ обрабатываетъ земли больше, справляетъ всѣ домашнія дѣла, и еще имѣеть много свободного времени. Господскія работы, особенно тѣ, которыя не могутъ быть урочными, приводятъ усерднаго надсмотрщика или въ отчаяніе, или въ ярость. Наказываешь нехотя, но прибѣгаешь къ этому средству—какъ единственно возможному, чтобы дѣло впередъ подвинуть. Съ этою работою сравните теперь работу артельную, даже работу у хорошаго подрядчика. Здѣсь все горитъ: матеріаловъ не наготовишься, времени проработаютъ они менѣе барщинскаго крестьянина, отдохнуть они болѣе его, но надѣлаютъ они вдвое, втрое. Отчего?—Охота пуще неволи.

Взойдите въ мануфактуру, гдѣ работаютъ по наряду, даже гдѣ, въ видѣ поощренія, дается нѣкоторая задѣльная плата. Что вы тамъ найдете? Инструменты непременно въ худомъ видѣ, ибо работники ихъ не берегутъ, они за нихъ не отвѣчаютъ, можно этихъ людей наказать, но нельзя прогнать. По этой же самой причинѣ работа производится и дурно, и неотчетливо; что же касается до сработаннаго количества, то вѣрно едва въ половину противъ вольнаго работника. — Какая разнища войти въ мануфактуру истинно на коммерческой ногѣ устроенную! Какъ тамъ одинъ передъ другимъ боится переработать, такъ тутъ они другъ друга одушевляютъ и подстрекаютъ. Вычетъ заставляетъ каждаго, строже всякаго надсмотрщика, наблюдать за чистотою работы. Собственная выгода будитъ его до свѣта и освѣщаетъ ему вечеромъ.—Охота пуще неволи.

У насъ въ домахъ слугъ много, а прислуги мало. Всякій имѣеть свою часть, и даже свою часть исправляетъ столько, сколько необходимо, а всего чаще и гораздо менѣе, чѣмъ сколько нужно.—За границею, даже въ С.-Петербургѣ у иностранныхъ купцовъ—въ домѣ одинъ слуга, а между тѣмъ все чисто, все убрано; за столомъ онъ одинъ служитъ пятнадцати, двадцати человѣкамъ; вездѣ онъ посиѣваетъ; нигдѣ нѣтъ за нимъ остановки. Почему?—Потому что онъ получаетъ жалованье хорошее, т.-е. то, чего намъ стоять двое, трое нашихъ *невольныхъ* слугъ; потому что если онъ не будетъ исполнять всѣхъ требованій своего хозяина, не будетъ предупреждать его желаній, то его сошлютъ, и возьмутъ слугу болѣе усерднаго. Спросите иностранцевъ въ Петербургѣ, какъ они довольны нашими такъ-называемыми артельщиками; одинъ человѣкъ служитъ за троихъ. Отчего?—Охота пуще неволи.

Мы часто жалуемся, что слуги наши глупы, безпечны, лѣнны, — да какъ же имъ быть иными? О чемъ имъ заботиться? Они знаютъ, что барины ихъ накормить и одѣнуть. Къ чему имъ радѣть?... Что ни больше они будутъ работать, то тѣмъ больше навалятъ на нихъ дѣла, и одно средство быть покойнымъ—дѣла не дѣлать, а отъ дѣла не бѣгать. *Что же касается до ума, то въ ихъ теперешнемъ положеніи это самая опасная и бесполезная вещь: почти всѣ умные слуги или пьяницы, или окаянныя головы. Самая лучшая вещь въ слугѣ — чтобы онъ былъ не уменъ и не лѣнь.* Дѣло другое въ *вольномъ* *) человѣкѣ: онъ долженъ позаботиться о томъ, чтобы принасти къ старости, на случай болѣзни; ему надобно подумать или объ отцѣ и матеря, или о женѣ и дѣтяхъ. Если онъ будетъ служить плохо, то его прогонятъ; если онъ можетъ въ домѣ исправлять только одну часть, то онъ и жалованье получить за 1, за 1/2 слуги,—однимъ словомъ, всякій слуга служитъ безъ усталы, мечется во всѣ углы, все имъ приведено въ порядокъ, потому что онъ служитъ по доброй волѣ; потому что онъ получаетъ для себя по мѣрѣ, какъ онъ служитъ для другаго.

Часто слышимъ мы жалобы на пьянство русскаго народа. Да какъ, почтенные читатели, не быть имъ пьяницами? Какое главное дѣйствіе пьянства? Что въ пьян-

*) Напеч.: *наемномъ*.

ствъ всею привлекательнѣе? По мнрѣ какъ вино размырывается, человекъ чувствуетъ что все около него преобразовывается, предметы смѣшиваются, воспоминанія покидаютъ и онъ входитъ въ иной какой-то мнръ. Онъ забываетъ горе, становится смѣле, живетъ какою-то другою жизнью, — пьяному море по колено, говоритъ пословица. — Можно ли ставить съ вину нашимъ людямъ, что имъ хочется хоть изрядка отъдаться иной жизни? Пьянство есть необходимое утѣшеніе въ ихъ положеніи, и горе намъ, когда они съ настоящимъ своимъ быту перестанутъ пьянствовать.

Одна привычка, одна восточная (не хочу сказать сильнѣе) лѣнь удерживаетъ насъ въ освобожденіи себя отъ крѣпостныхъ людей*). Почти всѣ мы убѣждены въ превосходствѣ труда свободнаго передъ барщинскою работою, вольной услуги передъ принужденною, а остаемся при худшемъ, зная лучшее. Много можно сказать насчетъ невозможности теперь превратить нашихъ крѣпостныхъ крестьянъ въ обязательные; но что удерживаетъ насъ (въ**) дворовымъ людямъ, на основаніи указа 12 іюня 1844 года, дать отпускныя съ заключеніемъ съ ними обязательствъ? Обеспеченія имѣемъ мы полныя: если они не заплатятъ слѣдующихъ намъ денегъ въ назначенные сроки, то удовлетворяемся мы преимущественно предъ всѣми прочими ихъ долгами и даже передъ казенными повинностями; если имущества ихъ недостаточно, то отдаются въ рекруты и зачетныя квитанціи намъ выдаются, а негодные въ рекруты отправляются въ крѣпостныя работы. Чего же намъ требовать болѣе? Средства намъ даны; исполненіе зависитъ отъ насъ однихъ. Есть уже и примѣры, но, къ несчастью, они не столь многочисленны, какъ бы того слѣдовало ожидать. Пусть люди благонамѣренны примутся за дѣло дружнѣе и тогда вѣрно отсталыхъ будетъ немного.

1 ноября 1847 г. — С. Песочья.

---

*) Напечатано: ненаемныхъ слугъ.

***) Напеч.: мало-помалу.

ПРИЛОЖЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

И правда часто бывает неправдоподобна.

Статья эта запрещена была цензурою.

Въ концѣ первой половины XIX столѣтія, 1847 года октября 2 дня, въ № 118 „Московскихъ Вѣдомостей“ напечатано: „Желающихъ отпустить въ услуженіе хорошій оркестръ музыкантовъ, состоящій изъ 8 до 16 человекъ, просимъ дать знать“. и пр., и пр., и пр. Если эта газета попадетъ въ руки внуковъ нашихъ, то вѣрно это объявленіе сочтутъ они за острогу какого-нибудь насмѣшника, желавшаго возобновить въ нашей памяти обычай давнихъ временъ. Трудно, очень трудно и теперь повѣрить, чтобъ объявленіе сіе было не забавною выходкой человека, подобнаго тому англичанину, который, не найдя въ законахъ воспрещенія продавать свою жену, вывелъ на веревочкѣ свою половину на базаръ. И путешникъ 2 октября нарочно помѣстилъ въ свое объявленіе слова „изъ 8 и до 16 человекъ“; безъ этой оговорки вѣрно многіе бы подумали, что желаютъ купить оркестръ изъ выученныхъ птицъ или иныхъ музыкальныхъ животныхъ. Правительство запретило печатать объявленія о продажѣ и покупкѣ крестьянскихъ душъ еще въ 1801 году и возобновило его въ 1822 и 1823 гг., а люди умнѣе наши средство обойти это запрещеніе остроумною выдумкою: вмѣсто *продается* употребляется выраженіе *отпускается съ услуженіемъ*. Пора, почтенные сограждане, это изобрѣтеніе заклеить печатью отверженія; пора людей не продавать и не покупать; а это тѣмъ для насъ легче, что правительство указомъ 12-го іюня 1844 года дало намъ право отпускать дворовыхъ людей на волю по договорамъ, съ платежами сими послѣдними денежныхъ суммъ, въ одинъ или нѣсколько сроковъ или ежегоднаго оброка по смерти владѣльца, или на опредѣленное число лѣтъ.

Благодѣтельное правительство наше, чтобы болѣе поощрить на сіе христіанское дѣло, дозволило отпускать на волю даже изъ заложенныхъ имѣній безъ взноса выкупныхъ денегъ и съ слѣдующей за отпускомъ половины года освободило насъ отъ платежа всякихъ повинностей за отпущенниковъ. Чего желать самому скромному въ своихъ требованіяхъ владѣльцу? Правительство наше постепенно стремилось къ утверженію нашихъ отношеній къ крѣпостнымъ людямъ на болѣе христіанскихъ началахъ; съ 1801 года оно еще рѣшительнѣе начало дѣйствовать въ этомъ смыслѣ,—неужели общее мнѣніе не поможетъ въ этихъ благихъ его начинаніяхъ, неужели продажа и покупка людей продолжится и послѣ изданія закона 1844 года? Объявленіе 2-го октября срамить насъ всѣхъ, нашу страну. Неужели все должно быть у насъ сдѣлано правительствомъ, неужели общее мнѣніе не заклеить держающихъ еще торговать людьми? И побѣдители перестали продавать своихъ плѣнниковъ, а мы продаемъ и покупаемъ своихъ братьевъ во Христвѣ, своихъ согражданъ, русскихъ людей, какъ и мы сами!...

ПРИЛОЖЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Въ текстѣ указано письмо А. В. Елагина. Дѣйствительно въ бумагахъ Александра Ивановича находится оригиналъ не подписаннаго письма, съ надписью сверху карандашомъ, неизвѣстно чьею рукой, „письмо А. В. Елагина“. По сличеніи письма оно оказалось копіей съ письма П. В. Кирѣвскаго, напечатаннаго въ „Рус. Архивѣ“ 1873 г. (II, 1345—1354), подлинникъ котораго также сохранился въ бумагахъ Ал. Ив. Повидному, письмо А. В. Елагина съ заявленіемъ его несогласія на отдѣльныя условія помѣщиковъ по освобожденію крестьянъ дѣйствительно существовало, но утрачено.

ПРИЛОЖЕНИЕ ПЯТОЕ.

Документы по намѣренію Александра Ивановича внести проектъ улучшенія быта крѣпостныхъ въ рязанское губернское дворянское собраніе въ 1847 году.

1. Письмо А. И. Кошелева октября 1847 года къ министру внутреннихъ дѣлъ.

Утвердить на законномъ основаніи бытъ крестьянъ и дворовыхъ людей и отношеніе къ нимъ помѣщика -- было всегда живѣйшимъ моимъ желаніемъ. Съ особенною радостью привѣтствовалъ я указы объ обязанныхъ крестьянахъ и о дозволеніи давать дворовымъ людямъ отпуска по условіямъ. Къ несчастію, благодѣтельныя сіи мѣры не получаютъ до сихъ поръ надлежащаго развитія: онѣ не переходятъ въ жизнь и остаются лишь въ Сводѣ Законовъ, какъ свидѣтельства желаній правительства.

Конечно, крѣпостные люди вообще и въ особенности въ нѣкоторыхъ губерніяхъ еще не требуютъ перемѣны въ своемъ положеніи; большая часть даже объ этомъ и не помышляетъ. Этимъ-то состояніемъ дѣла, смѣю думать, и должно воспользоваться, чтобы произвести постепенный и сколько можно менѣе чувствительный переходъ къ иному быту.

Должно сознаться также, что большинство дворянъ стоитъ за нынѣшій порядокъ вещей и противно измѣненію отношеній ихъ къ крестьянамъ; иначе и быть не можетъ. Наше дворянство столь же многочисленно, сколько оно и бѣдно; просвѣщеніе обхватило только верхній слой этого званія; остальныя же его подраздѣленія болѣе или менѣе остаются въ прежнемъ неподвижномъ положеніи. Измѣненіе крѣпостнаго права въ отношеніи людей сопряжено съ пожертвованіями. Богатому жертвовать несравненно легче, чѣмъ бѣдному; бѣдность же есть нынѣшній удѣлъ безчисленнаго нашего дворянства.

Указъ объ условныхъ отпускахъ мало-помалу приноситъ полезныя плоды, но положеніе объ обязанныхъ крестьянахъ не имѣетъ рѣшительно никакого дѣйствія. Въ этомъ должно обвинять не одно нежеланіе дворянства измѣнить неестественное право въ отношеніи крѣпостныхъ людей; есть люди, сильно желающіе по совѣсти устроить бытъ доставшихся имъ крѣпостныхъ людей, но не приступаютъ къ дѣлу потому, что у нихъ руки связаны. Причина совершеннаго неразвитія сего законоположенія, смѣю доложить вашему высокопревосходительству, лежитъ въ самомъ законѣ и въ особенностяхъ въ статьяхъ 906 и 912 тома IX Свода Законовъ.

Измѣненіе крѣпостнаго права въ отношеніи людей должно быть результатомъ усилій какъ правительства, такъ и самого дворянства. Смѣю даже думать, что дворянство для собственнаго своего охрaненія и для собственныхъ своихъ выгодъ должно принять въ этомъ дѣлѣ первое и главное участіе. Обстоятельства сего вопроса такъ

многосложны, и некоторые пожертвования такъ необходимы, что дворянство одно можетъ, каждое для своей мѣстности, составить по сему предмету надлежащее предположеніе.

Сіе-то убѣжденіе возлагаетъ на меня долгъ на предстоящихъ выборахъ, на основаніи статьи 104-й тома IX Свода Законовъ, предложить дворянству Рязанской губерніи испросить Высочайшее соизволеніе на составленіе комитета для обсужденія настоящаго положенія дворянскихъ имѣній и для предположенія мѣръ къ узаконенію отношеній крестьянъ и дворовыхъ къ своему помѣщику.

Зная всю важность сего вопроса, не скрывая себѣ сопротивленій, которыя разрѣшеніе онаго должно встрѣтить въ здѣшной мѣстности, я не иначе рѣшусь сдѣлать сіе предложеніе, какъ предварительно получивши на то соизволеніе вашего превосходительства.

Нужнымъ считаю присовокупить, что предложеніе сіе намѣренъ сдѣлать не молодой мальчикъ, но 42-лѣтній человекъ, — не теоретикъ, а хозяинъ постоянно живущій въ деревнѣ и ревностно занимающійся своимъ хозяйствомъ; и, наконецъ, не безвѣрный, ищущій въ перемѣнахъ улучшенія своего состоянія, но человекъ имѣющій вынѣ въ своемъ владѣніи, при достаточномъ количествѣ земли, 3.500 ревизскихъ душъ мужеска пола.

Осмѣливаюсь препроводить при семъ къ вашему высокопревосходительству проектъ предложенія, которое я желаю сдѣлать на предстоящихъ (10 декабря сего года) рязанскихъ губернскихъ выборахъ и всепокорнѣйше прошу почтить меня разрѣшеніемъ, могу ли я сдѣлать сіе предложеніе или нѣтъ?

2. Отвѣтъ министра внутреннихъ дѣлъ (23 ноября 1847 г., № 3489).

По всеподданнѣйшему докладу моему письма вашего, отъ 23-го октября, Его Величество Высочайше повелѣтъ соизволилъ отозваться, что предполагаемое вами предложеніе на дворянскихъ выборахъ, при всей благонамѣренности своей, не всѣмъ удобно, какъ и самое составленіе комитета, для обсужденія настоящаго положенія дворянскихъ имѣній въ Рязанской губерніи и для начертанія мѣръ къ опредѣленію отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ. Но еслибы вы, милостивый государь, съ своей стороны заключили съ крестьянами своими условія для обращенія ихъ въ обязанные, то это было бы вполне согласно съ желаніями Его Величества и подало бы поощрительный примѣръ для другихъ владѣльцевъ.

3. Проектъ рѣчи А. И. Кошелева дворянамъ Рязанской губерніи объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ.

Милостивые государи,
почтеннѣйшіе дворяне!

Знаю всю важность предложенія, которое я намѣренъ вамъ сдѣлать; угадываю предубѣжденія, съ которыми оно, вѣроятно, будетъ встрѣчено; не скрываю себѣ даже опасности навлечь чрезъ то на себя неудовольствіе, быть-можетъ даже негодованіе некоторыхъ изъ сочленовъ моихъ. Если я на это рѣшился, то это единственно потому, что совѣсть не дозволяетъ мнѣ дѣйствовать иначе. Я могу въ своихъ убѣжденіяхъ ошибаться, но смѣю надѣяться, что почтеннѣйшее дворянство оцѣнитъ чистоту моихъ намѣреній.

Отношенія помѣщика къ своимъ крестьянамъ и дворовымъ людямъ и отношенія крестьянъ и дворовыхъ людей къ своему помѣщику въ настоящемъ положеніи, кажется, долго оставаться не могутъ. И православная наша вѣра, и просвѣщеніе, все болѣе и болѣе распространяющееся, безусловно требуютъ измѣненія въ крѣпостномъ правѣ. Не буду говорить о неестественности сего права; совѣсть и просвѣщеніе каждаго изъ моихъ почтеннѣйшихъ сочленовъ суть въ семь дѣлъ лучшіе, краснорѣчивѣйшіе ходатаи за меньшихъ нашихъ братьевъ. Считаю даже, по нѣкоторымъ причинамъ, которыя вы, милостивые государи, легко оцѣните, неудобнымъ пространно доказывать, что *теперь*, именно *теперь*, должно заняться симъ дѣломъ, что откладывать оное столь же неудобно, сколько и опасно, и что всякая холодность дворянства въ семь случаевъ можетъ имѣть для него самыя неблагопріятныя послѣдствія. Всеаугустѣйшій Монархъ нашъ изяснилъ свою высокую волю въ указахъ объ обязательныхъ крестьянахъ и объ условномъ освобожденіи дворовыхъ людей. Онъ предоставилъ дворянству право дѣлать условія, то-есть, по собственному усмотрѣнію, устраивать на законномъ основаніи наши отношенія къ крѣпостнымъ людямъ. Времени прошло много, а что сдѣлали мы? Такъ ли мы должны исполнять желанія отца отечества? Оставимъ ли на себѣ нареканіе, что мы одни помѣхомъ къ исполненію благихъ его намѣреній? Если нѣкоторыя постановленія въ сихъ законоположеніяхъ препятствуютъ къ приведенію оныхъ въ исполненіе, то равнѣ статья 104 тома IX Свода Законовъ не даетъ намъ права совѣщаться о своихъ нуждахъ и пользахъ и въ важныхъ случаяхъ приносить всеподданнѣйшія прошенія Его Императорскому Величеству? Нѣтъ, почтеннѣйшіе сочлены, холодность наша въ семь дѣлъ не извинительна, и она тѣмъ менѣе извинительна, что удерживаетъ насъ одна боязнь лишиться нѣкоторыхъ выгодъ.

Конечно, милостивые государи, мы не обязаны жертвовать достояніемъ семействъ нашихъ для достиженія цѣли даже высокой. На насъ лежитъ долгъ сохранять дѣтямъ полученное нами по наслѣдству. Сей-то именно долгъ и побуждаетъ меня вставать особенно на необходимости разрѣшенія сего вопроса въ настоящее время. Положеніе дворянскихъ помѣстій вообще бѣдственно: никогда не было столько имѣній описанныхъ и назначенныхъ въ продажу, какъ нынѣ; никогда кредитъ между дворянствомъ не былъ безсилнѣе настоящаго времени; никогда дворянство не было болѣе, чѣмъ нынѣ, обременено долгами частными и казенными. Причины сего бѣдственнаго положенія нашего дворянства, конечно, многообразны, но главнѣйшая, смѣю думать, заключается въ неопредѣленности и нетвердости нашихъ отношеній къ крестьянамъ. При теперешнихъ нашихъ обстоятельствахъ нельзя и думать о существенныхъ перемѣнахъ и улучшеніяхъ въ хозяйствѣ. Барщинская работа есть всегдашній камень преткновенія для всѣхъ нашихъ усилій по сему предмету. Съ другой стороны, крестьяне такъ убѣждены во вспоможеніи со стороны помѣщика, что собственными работами занимаются они еще хуже, чѣмъ господскими. Одно средство выйти изъ сего ложнаго положенія заключается въ томъ, чтобы намъ совершенно выдѣлать свою собственность, свою настоящую принадлежность, а въ крестьянахъ возбудить дѣятельность выгодами труда собственно для нихъ самихъ. Если правительство одно приступить къ разрѣшенію сего вопроса, то оно неминуемо издастъ правила общія, и многіе, весьма многіе изъ насъ потеряютъ убытки невознагражденные. Обстоятельства сего дѣла крайне многосложны; весьма нужны для онаго мѣстныя свѣдѣнія, но еще нужнѣе соображенія людей, у корня дѣла находящихся. Неужели мы добровольно откажемся отъ участія, предлагаемаго намъ правительствомъ въ семь важномъ дѣлѣ, и предоставимъ на произволъ обстоятельствъ то, что теперь можемъ устроить для собственной пользы, для пользы дѣтей нашихъ и всего государства?

Нѣтъ, почтеннѣйшіе сочлены, за бездѣйствіе въ семь случаевъ мы будемъ отвѣчать передъ самими собою, передъ дѣтьми и внуками нашими.

Нѣкоторые скажутъ, быть-можетъ, что разрѣшеніе сего вопроса трудно, весьма трудно, почти невозможно. По этой-то самой причинѣ дѣло сіе и есть необходимое достоиніе нынѣшняго достославнаго царствованія. Мирное присоединеніе къ нашей православной церкви двухъ милліоновъ нашихъ братій, отторгнутыхъ унию, изданіе Свода Законовъ, размежеваніе череполосныхъ дачъ, переходъ черезъ Балканы — всѣ сіи чудеса совершены во дни нынѣ благополучно царствующаго Императора, и послѣ сего можно ли сомнѣваться, чтобы какое-либо благое дѣло было нынѣ невозможнымъ?

Вотъ обстоятельства, которыя долгомъ считатьъ представить въ благоусмотрѣніе ваше, милостивые государи, и которыя побуждаютъ меня предложить вамъ всеподданнѣйшимъ прошеніемъ, черезъ гг. начальника губерніи и министра внутреннихъ дѣлъ, испросить Высочайшее соизволеніе на составленіе комитета изъ двоихъ депутатовъ отъ каждаго уѣзда для обсужденія настоящаго положенія дворянскихъ имѣній Рязанской губерніи и для предположенія мѣръ къ узаконенію отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ по Рязанской губерніи.

4. Первоначальный проентъ Александра Ивановича объ улучшеніи быта крѣпостныхъ въ томъ видѣ, какъ Кошелевъ предполагалъ внести въ рязанское дворянское собраніе.

Отношенія помѣщика къ крестьянамъ и дворовымъ людямъ и отношенія крестьянъ и дворовыхъ людей къ своему помѣщику въ настоящемъ видѣ долго оставаться не могутъ. Просвѣщеніе, все болѣе и болѣе распространяющееся, поставяетъ крѣпостныхъ людей къ своему владѣльцу въ непріязненное положеніе: они чувствуютъ, что они не вещи, а люди, что располагать ими безъ ихъ согласія противно и православно вѣрѣ и здравому разуму, что нынѣшняя ихъ, лишь животнымъ свойственная, зависимость есть одно злоупотребленіе и что неимѣніе никакой собственности убиваетъ всякую охоту къ трудамъ. Слѣдствія сего порядка вещей суть неблагоприятное сіихъ людей къ владѣльцу, отсутствіе всякаго усердія, лѣность, все болѣе и болѣе укореняющаяся, безпечность о своемъ положеніи, даже отчаяніе, которое сильнѣе и сильнѣе ими овладѣваетъ. Сколько теперь примѣровъ людей, которые нарочно ведутъ себя дурно, для того, чтобы поступить въ рекруты и сдѣлаться современемъ вольными! При урожаѣ крестьяне продаютъ весь хлѣбъ, а деньги пропиваютъ, ибо знаютъ, что въ случаѣ неурожая помѣщикъ по охотѣ или по неволѣ будетъ ихъ кормить. Народонаселеніе умножается, но земледѣліе между крестьянами дѣлаетъ ли какіе-либо успѣхи? Крестьянскія земли все болѣе и болѣе выпашиваются, а крестьянинъ, ничѣмъ не обезпеченный, ничѣмъ не подстрекаемый, едва думаетъ объ удовлетвореніи нуждъ завтрашняго дня. Оброчные крестьяне накопляютъ все болѣе и болѣе недоимокъ, ибо знаютъ, что чѣмъ исправнѣе они будутъ платить, тѣмъ болѣе съ нихъ возьмутъ. Личности помѣщика противопоставляютъ они одну силу лѣности, безпечности и отчаянія.

Помѣщикъ съ своей стороны также чувствуетъ себя въ отношеніи къ крѣпостнымъ своимъ людямъ въ какомъ-то странномъ положеніи. Прежде, имѣя убѣжденія иные, онъ и дѣйствовалъ иначе. Закономъ права наши не сокращены: мы сохранили право даже наказывать розгами и отправлять для наказанія при полиціи; мы, какъ и прежде, можемъ отдавать въ рекруты и ссылатъ въ Сибирь на поселеніе. Повиди-

тому, мы сохранили всё наши прежнія права, а на дѣлѣ мы сохранили только бездушные остовы оныхъ. Измѣнились наши убѣжденія, измѣнились и мнѣнія крѣпостныхъ людей нашихъ. Прежде мы наказывали сильно, иногда жестоко, но наказывали какъ отцы наказывали своихъ дѣтей. Въ крайнихъ случаяхъ разрывали съ ними всякія связи отдачею въ рекруты или ссылкой въ Сибирь, но эти случаи были рѣдки. Отданный въ рекруты уже считался человѣкомъ полуумершимъ; онъ или не возвращался, или возвращался уже сѣдой, трудами и наказаніями убитый человѣкъ. Сосланный въ Сибирь исключался изъ числа живыхъ и о немъ не было болѣе никакого слуха. Нынѣ солдаты возвращаются въ полномъ развитіи силъ своихъ и приносятъ въ домъ свой сѣмена независимости и понятія о лучшей жизни. Представляемые нами въ распоряженіе правительства не ссылаются въ Сибирь на поселеніе, а помѣщаются болшею частью въ арестантскія роты и остаются въ недалекомъ разстояніи отъ прежняго своего мѣстожительства. Немногіе изъ помѣщиковъ сохранили еще обыкновеніе лично наказывать своихъ людей, а болѣе приказываемъ объ этомъ начальникамъ нами избраннымъ изъ среды же наказанію подлежащихъ лицъ; наказанія дѣлаются слабо, и мы не имѣемъ уже нравственной возможности наблюсти за точнымъ исполненіемъ нашихъ приказаній. Нужды наши увеличиваются соразмѣрно нашему увеличивающемуся просвѣщенію, а земли и крестьяне истощаются въ обратномъ дѣйствіи. Вотъ отчего дворянство все болѣе и болѣе разоряется, число имѣній, отдаваемыхъ въ опеку, постоянно умножается и газеты наполнены объявленіями объ имѣніяхъ, назначенныхъ въ продажу.

Слѣдовательно изъ нынѣшняго нашего положенія выйти необходимо, —исходить отъ столь же желателенъ для крѣпостныхъ нашихъ людей, сколько и для насъ самихъ.

Правительство давно видѣло сіе положеніе дѣлъ и необходимость изъ онаго выйти; а потому оно предоставило первую возможность къ осуществленію сего перехода закономъ *о вольныхъ хлѣбопашцахъ*. Но этотъ законъ не имѣлъ и не могъ имѣть обширнаго дѣйствія, ибо дворянство должно было лишиться всѣхъ своихъ выгодныхъ правъ и остаться безъ ничего. Второй законъ, а именно *Положеніе объ обязанностяхъ крестьянъ*, утверждалъ торжественно неотъемлемую собственность земли за дворянствомъ и давалъ право заключать съ крестьянами условія съ сохраненіемъ всѣхъ вотчинныхъ правъ. Этотъ законъ имѣлъ еще менѣе дѣйствія, чѣмъ первый о вольныхъ хлѣбопашцахъ, и удивляться этому не должно. Не должно винить дворянство въ холодности, въ нежеланіи воспользоваться дарованною возможностью прекратить крѣпостное состояніе съ сохраненіемъ всѣхъ прочихъ вотчинныхъ правъ, — причины неисполненія лежатъ на самомъ законѣ.

Первая и главнѣйшая причина заключается въ Сводѣ Законовъ, томѣ IX изд. 1842 г., въ статьѣ 906, гдѣ сказано: въ случаѣ неисполненія крестьянами пріемлемыхъ ими на себя по договору обязанностей, они понуждаются къ тому земскою полиціею, подъ руководствомъ уѣздныхъ предводителей дворянства и подъ высшимъ наблюденіемъ губернскаго правленія.

Смыслъ сей статьи есть слѣдующій: я, помѣщикъ, долженъ отказаться отъ власти повудительной, которую я имѣю, и передать оную въ руки исправника и становаго пристава. Кто имѣетъ какую-нибудь опытность въ дѣлахъ, вѣрно никогда не рѣшится на такую отчаянную игру. Сдѣлать своихъ крестьянъ обязанными значить предать и себя и ихъ въ руки земской полиціи, значить лишить себя всякой собственности безъ пользы даже для крестьянъ. Хотя говорится въ семъ параграфѣ объ уѣздныхъ предводителяхъ, но мы слишкомъ хорошо знаемъ, что власть ихъ совершенно ничтожная и что они могутъ насъ защитить менѣе чѣмъ становой приставъ. Что же касается до гу-

бернских правлений, то и тутъ мы не видимъ никакого ручательства за лучшее исполненіе узаконеній. Эта статья одна, пока будетъ существовать, остановитъ всякое развитіе мысли объ обязанныхъ крестьянахъ.

Вторая причина заключается Свода Законовъ того же тома въ статьѣ 912, гдѣ сказано: Помѣщики и обязанные крестьяне сохраняютъ заключенные между собою договоры навсегда ненарушимо, имѣя однако право особыми частными условіями дѣлать измѣненія въ надѣлѣ землею и повинностяхъ на опредѣленные сроки, съ обоюднаго согласія; а если имѣнія состоятъ въ залогѣ, то и съ согласія надлежащихъ кредитныхъ установленій; во всѣхъ же случаяхъ не иначе, какъ съ предварительнаго утвержденія правительства.

Есть ли возможность заключать какія-либо условія *навсегда*? Возможно ли по доброй волѣ согласиться на то, чтобы въ условіяхъ не иначе дѣлать измѣненія, какъ съ предварительнаго утвержденія правительства? Конечно, теперь въ первоначальномъ условіи правительство должно принять участіе, ибо иначе условія будутъ односторонни,—съ одной стороны помѣщикъ и съ другой стороны онъ же, ибо крѣпостные его люди до поступленія въ иное состояніе никакой воли не имѣютъ. Слѣдовательно, въ семъ первомъ условіи правительство необходимо должно быть участникомъ въ качествѣ представителя безгласныхъ людей; но впоследствии времени, когда они будутъ имѣть свои права, свою самобытность, тогда они должны имѣть право и сами контраговаться.

Уничтоженіе крѣпостнаго состоянія есть потребность все болѣе и болѣе усиливающаяся, и ежечасно все нужнѣе и нужнѣе дать сему дѣлу надлежащее разрѣшеніе. Крѣпостные люди начинаютъ этого желать; мы болѣе и болѣе убѣждаемся въ этой необходимости; правительство давно видитъ неотлагаемость этой перемѣны.

Разрубить этотъ узелъ—можетъ имѣть для всего государства самыя бѣдственныя послѣдствія. Если же дѣйствовать осторожно и не спѣша, то смѣю думать, что разрѣшеніе сего вопроса несравненно легче, чѣмъ съ перваго взгляда онъ кажется.

Смѣю представить свое мнѣніе по сему предмету.

Мнѣ кажется, что необходимо дѣйствовать съ двухъ сторонъ—и со стороны правительства—и со стороны дворянства.

Правительство должно измѣнить вышеупомянутые параграфы слѣдующимъ образомъ: § 906. Въ случаѣ неисполненія крестьянами пріемлемыхъ ими на себя по договору обязанностей, помѣщики имѣютъ право представлять ихъ посемейно въ распоряженіе правительства. Въ случаѣ неисполненія помѣщикомъ условій по заключенному договору, крестьяне имѣютъ право жаловаться земской полиціи и губернскаму начальству, которыя понуждаютъ помѣщика къ точному онаго исполненію. Всякій помѣщикъ имѣетъ выгоду въ сохраненіи на своей землѣ благонадежныхъ крестьянъ, а потому чрезъ это наложена будетъ благотѣльная узда на требованія помѣщика. Съ другой стороны, всякій крестьянинъ приверженъ къ своей родинѣ,—этимъ будетъ онъ побуждаемъ къ исполненію условія. Лишь въ крайности помѣщикъ предоставитъ крестьянъ своихъ въ распоряженіе правительства; правительство съ своей стороны, имѣя огромное количество незаселенныхъ земель, не въ накладѣ будетъ отъ безденежно пріобрѣтаемыхъ людей для заселенія обильныхъ своихъ степей.

Статья 912 должна быть измѣнена слѣдующимъ образомъ: Помѣщики заключаютъ съ своими крестьянами, поступающими въ званіе обязанныхъ крестьянъ, договоры на сроки не менѣе шести или восьми и не болѣе двѣнадцати лѣтъ, имѣя однако право особыми частными условіями дѣлать измѣненія въ надѣлѣ землею и повинностяхъ съ обоюднаго согласія, а если имѣніе состоитъ въ залогѣ, то и съ согласія подлежащихъ кредитныхъ установленій. За годъ до истеченія срочнаго времени

крестьяне обязаны заключить новое условіе, на новый срокъ, или съ своимъ помѣщикомъ, или съ инымъ, на землю коего они желаютъ поступить. Безъ предъявленія въ земскомъ судѣ новаго условія крестьяне не имѣютъ права уходить на ниня мѣста. Равнымъ образомъ и помѣщикъ обязанъ объявить крестьянамъ за годъ до истеченія срока, желаетъ ли онъ или нѣтъ оставить ихъ на своей землѣ и заключить съ ними новое условіе.

Срочныя условія необходимы, ибо слышкомъ ясно, что званіе обязанныхъ крестьянъ есть состояніе переходное, но вмѣстѣ съ тѣмъ такое состояніе, которое одно можетъ безъ потрясенія перевести крестьянъ изъ крѣпостнаго въ свободное состояніе. Назначеніе срока не менѣе шести или восьми лѣтъ имѣеть цѣлью, чтобы не въ слышкомъ близкомъ времени начался переходъ; опредѣленіе срока не болѣе 12 лѣтъ устанавливается для того, что должайшіе сроки суть новыя кабалы, новый видъ крѣпостнаго состоянія. Дозволеніе перехода отъ одного помѣщика къ другому есть одно, что введетъ элементъ свободы въ договоры между крестьянами и помѣщиками на основаніи сего перваго срочнаго термина. Статья 906 можетъ быть отмѣнена и разбирательство между помѣщикомъ и крестьянами можетъ и должно быть на общемъ основаніи чрезъ полицію и судъ. Само собою разумѣется, что вмѣстѣ съ сими перемѣнами правительство должно всѣми силами озаботиться улучшеніемъ какъ полицейской, такъ и судебной частей. Страхъ наказаній безсиленъ для обузданія лихоимства. Смотрятъ теперь строже, отдають подъ судъ часто, а взятки у насъ не уменьшились, а, напротивъ, усилились. Прежде чиновникъ бралъ понемногу, ибо зналъ, что можетъ брать долго, а теперь онъ сѣвшихъ хватать, пока его не отдали подъ судъ. Лихоимство можетъ быть уничтожено однимъ общимъ мнѣніемъ; общее мнѣніе не иначе можетъ дѣйствовать, какъ опираясь на гласность.

Дворянство, съ своей стороны, должно непремѣнно дѣйствовать, и дѣйствовать неусыпно. Первымъ его дѣйствіемъ должно быть—испросить у правительства дозволеніе учредить уѣздные и губернскіе комитеты для точнѣйшаго опредѣленія отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ. Уѣздные комитеты должны состоять изъ двоихъ депутатовъ отъ дворянства подъ предсѣдательствомъ уѣзднаго предводителя. Депутаты должны назначаться не шарами, а или съ общаго совѣта единогласно, или по запискамъ, подписываемымъ избирателями. Участвовать должны въ сихъ собраніяхъ всѣ дворяне, а не одни имѣющіе не менѣе 100 душъ. Комитетъ сей долженъ собираться разъ въ мѣсяцъ, съ 1-го числа, и засѣданія онаго продолжаться до окончанія всѣхъ поступившихъ дѣлъ. Губернскій комитетъ составляютъ, подъ предсѣдательствомъ губернскаго предводителя, депутаты отъ каждаго уѣзда по одному, назначенные особо, а не изъ числа засѣдающихъ въ уѣздныхъ комитетахъ. Губернскій комитетъ собирается три раза въ годъ и собранія продолжаютъ до окончанія всѣхъ поступившихъ дѣлъ. Общимъ правиломъ губернской комитетъ собирается къ 1-му декабря, 1 мая и 1 іюня и собранія продолжаютъ ежедневно, не менѣе недѣли каждый разъ, но, по востребованію обстоятельствъ, продолжаютъ свои собранія и долѣе недѣли. Первымъ дѣйствіемъ уѣзднаго комитета должно быть отобраніе отъ каждаго помѣщика точнаго показанія повинностей, которыя крестьяне въ отношеніи къ нему должны исполнять, и угодій, которыя онъ взаимѣвъ того имъ предоставляетъ. По представленіи сего показанія комитетъ его разсматриваетъ, и если находитъ, что повинности соразмѣрны съ даваемыми угодьями, то съ мнѣніемъ своимъ представляетъ въ губернскій комитетъ. Если же находитъ, что повинности несоразмѣрны съ угодьями, предоставляемыми въ пользованіе крестьянамъ, то приглашаетъ помѣщика въ комитетъ и убѣждаетъ его свои требованія умѣрить. Если помѣщикъ соглашается, то поступаетъ какъ выше сказано. Если же помѣщикъ не соглашается, то уѣздный

комитетъ составляетъ свое мѣнѣе и представляетъ оное на утвержденіе губернскаго комитета. Губернскій комитетъ по разсмотрѣніи представленій уѣздныхъ комитетовъ, утверждаетъ положенія оныхъ, а если съ уѣздными положеніями не согласится, то съ мнѣніемъ своимъ представляетъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ. По полученіи изъ губернскаго комитета утвержденія положенія о повинностяхъ такихъ крестьянъ къ такому-то помѣщику, комитетъ наблюдаетъ за точнымъ соблюденіемъ онаго съ обѣихъ сторонъ и старается убѣдить помѣщиковъ къ превращенію сего положенія во взаимное условіе, на основаніи Свода Законовъ тома IX статей 903—914.

Уѣзднымъ комитетамъ вѣняется въ обязанность входить съ представленіями о лучшемъ устройствѣ помѣщичьихъ крестьянъ въ губернскій комитетъ, а губернскій комитетъ входить съ своимъ представленіемъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ.

ПРИЛОЖЕНИЕ ШЕСТОЕ.

Второй проект улучшения быта крепостных, представленный Александромъ Ивановичемъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ въ 1850 году.

Въ „Посмертныхъ запискахъ“ Алек. Иван. (стр. 66 внизу) сказано, что въ 1850 году онъ представилъ министру внутреннихъ дѣлъ проектъ освобожденія его крестьянъ съ надѣленіемъ землею, въ ихъ пользованіи состоявшею, и съ выдачею ему выкупныхъ денегъ по сорока рублей серебромъ за десятину. Въ бумагахъ не сохранилось точныхъ черновыхъ ни письма министру, ни самаго приложеннаго къ нему проекта. Но сюда, очевидно, относится и по времени и по содержанію составленный авторомъ въ царствованіе Императора Николая настоящей проектъ прекращенія крепостной зависимости. Проектъ не получилъ окончательной отдѣлки и сохранился въ черновыхъ наброскахъ, не одинаково обработанныхъ. Эти черновые наброски обнимаютъ собою слѣдующія три отдѣльныя части проекта.

1. *Введеніе*, гдѣ авторъ подробно излагаетъ мысли свои о неудобствахъ и вредѣ крепостнаго права. Это введеніе несравненно полнѣе и обстоятельнѣе изложено Алек. Иван. въ окончательномъ его проектѣ, представленномъ въ 1856 году, который своевременно будетъ напечатанъ; поэтому настоящее введеніе не представляетъ никакого интереса.

2. *Самый проектъ* найденъ мною въ различныхъ редакціяхъ, которыя не были сведены Алек. Иван., такъ что одни параграфы проекта окончательно развиты и обработаны въ одной редакціи, другіе въ другой. Поэтому мнѣ пришлось составить сводную редакцію и изложить содержаніе въ видѣ отрывочныхъ положеній, для удобства занумерованныхъ. Но сопоставленіе ихъ другъ возлѣ друга не принадлежатъ самому автору и съ моей стороны было чисто-механическое, т.-е. я подбиралъ изъ разныхъ редакцій болѣе обработанныя положенія и ставилъ другъ подлѣ друга относящіяся къ одному и тому же отдѣлу печатаемаго проекта.

3. *Заключеніе*, гдѣ авторъ касается нѣкоторыхъ другихъ сторонъ современнаго общественнаго строя, требующихъ совмѣстнаго преобразованія; сущность заключенія я приведу въ сокращеніи.

Проектъ улучшения быта крепостныхъ людей:

Дозволить помѣщикамъ освобождать крестьянъ своихъ на слѣдующихъ основаніяхъ *):

*) Варьянтъ: Дозволить помѣщикамъ освобождать крестьянъ на слѣдующихъ основаніяхъ:

а) закладывая въ опекунскіе совѣты или заемный банкъ въ суммѣ не свыше ста рублей серебромъ за душу, считая крестьянскія души мужеска пола со всѣмъ движимымъ и недвижимымъ ихъ имуществомъ (т.-е. всѣмъ крестьянскимъ строеніемъ)

1. Помѣщикъ, надѣлившій крестьянъ своихъ землею не менѣ двухъ десятинъ на душу, можетъ заключать съ ними условіе на освобожденіе и представить въ залогъ въ кредитное установленіе съ крестьянскимъ строеніемъ и землею по оцѣнкѣ. Надѣлъ менѣ 2 десятинъ допускается только по особому разрѣшенію высшаго правительства.

2. За всякую душу имѣющую крестьянскую осядлость и оставленную помѣщикомъ на прежнихъ мѣстахъ выдавать по 40 р. сер. *). За души, не имѣющія крестьянской осядлости и переводимыя на другія мѣста, кредитное учрежденіе ничего не платитъ.

3. За землю, отвѣденную крестьянамъ, помѣщикъ получаетъ вознагражденіе по особой оцѣнкѣ, установленной дворянскою комиссіею; но вся сумма получаемаго помѣщикомъ вознагражденія не должна превышать ста рублей за душу. Такимъ образомъ, гдѣ земля оцѣнена по 30 руб. за десятину, помѣщику для полученія 100 р. сер. необходимо дать крестьянамъ 2 десятины ($30 \times 2 + 40 = 100$); гдѣ земля оцѣнена по 20 р.— 3 десятины ($20 \times 3 + 40 = 100$) и т. д. Необходимо, чтобы земля надѣленная крестьянамъ была изъ числа той, которою они до того пользовались, и чтобы она прилежала къ ихъ усадьбамъ.

4. Заключеніе этого условія на первый разъ должно быть предоставлено дворянству безъ всякаго назначенія срока и безъ всякихъ понудительныхъ мѣръ. По истеченіи 6 (вар. 2) лѣтъ дозволеніе сіе должно быть сопровождено назначеніемъ срока, также 6 лѣтъ, съ избраніемъ примирителей по одному или по два отъ каждаго уѣзда, имѣющихъ быть избранными по равному числу отъ дворянства и и отъ вольныхъ крестьянъ. Наконецъ, по минованіи сего срока, имѣють быть назначены изъ дворянъ и вольныхъ крестьянъ, по собственному ихъ избранію, судьи для окончательнаго положенія условій между помѣщиками и крестьянами, не воспользовавшимися даннымъ отъ правительства дозволеніемъ.

5. Въ каждомъ уѣздѣ подъ предсѣдательствомъ уѣзднаго предводителя дворянства учреждается комиссія для приведенія въ извѣстность и для оцѣнки дворянскихъ имѣній. Членами сей комиссіи суть четыре или шесть дворянъ, особенно на сей предметъ отъ дворянства избранныхъ.

6. Члены сихъ комиссій избираются на томъ же основаніи и тѣмъ же порядкомъ, какъ избираются вышѣ посредники для полюбовнаго размежеванія.

7. Комиссіи сіи, по открытіи своемъ, имѣють потребовать отъ каждаго помѣщика въ девятимѣсячный срокъ описаніе его имѣнія съ представленіемъ плана на землю и съ оцѣнкой оной. Форма описанія приложена при проектѣ.

8. Оцѣнка земли, помѣщенная въ описаніи, имѣеть служить основаніемъ какъ для залога земли съ крестьянами въ кредитныя установленія, такъ и для платежа поземельной подати, имѣющей замѣнить подушный окладъ.

9. Описаніе и оцѣнка имѣють быть составлены и подписаны самимъ помѣщикомъ или уполномоченнымъ отъ него особенною на сей предметъ довѣренностію и того же уѣзда помѣщиками, числомъ не менѣ двоихъ, владѣющихъ въ совокупности

цѣною по X рублей серебромъ, а съ надѣломъ землею по извѣстному количеству десятинъ по оцѣнкѣ; или

б) представляя ихъ въ особенное кредитное учрежденіе, со всѣми угодіями, которыми они пользовались, и съ полученіемъ за нихъ акцій, приносящихъ доходу по шести процентовъ, на сумму, которая имѣеть составиться, помножая доказанный и возможный доходъ съ нихъ получаемый на $12\frac{1}{3}$, т. е. изъ восьми процентовъ.

*) Въ первоначальной редакціи было назначено 20, затѣмъ 30, въ окончательной 40; въ этотъ счетъ, какъ видно изъ смысла статьи, входитъ и оцѣнка усадебной земли вмѣстѣ съ строеніемъ крестьянина.

вдвое большимъ количествомъ земли, нежели на какое удостовѣряется описанію. Въ случаѣ затрудненія исполнить сіе правило въ отношеніи большихъ имѣній, или въ малонаселенныхъ уѣздахъ, описаніе должно быть подписано, кромѣ самого владѣльца, уѣзднымъ предводителемъ дворянства и двѣнадцатью помѣщиками той же губерніи или половиннымъ числомъ помѣщиковъ въ уѣздѣ живущихъ. Помѣщики другъ у друга не могутъ удостовѣрять описанія, то-есть если помѣщикъ А удостовѣрилъ описаніе имѣнія помѣщика В, то помѣщикъ В не можетъ уже удостовѣрить описаніе имѣнія помѣщика А.

10. По истеченіи девяти-мѣсячнаго срока, уѣздныя комиссіи приступаютъ къ разсмотрѣнію и соображенію представленныхъ отъ помѣщиковъ описаній. Тѣ же имѣнія, на которыя не представлено описаній, имѣютъ быть описаны и оцѣнены однимъ изъ членовъ комиссіи съ приглашеніемъ сосѣднихъ помѣщиковъ и со взысканіемъ пени по 60 коп. сер. съ десятины въ пользу дворянской кассы.

11. По разсмотрѣніи и соображеніи всѣхъ сдѣланныхъ описаній (на каковой трудъ назначается еще девяти-мѣсячный срокъ), комиссія приглашаетъ въ свои засѣданія тѣхъ помѣщиковъ, въ описаніяхъ и оцѣнкахъ коихъ она считаетъ нужнымъ сдѣлать какія-либо измѣненія, дополненія или поясненія. Если помѣщикъ на замѣчанія комиссіи согласенъ, то описаніе измѣняется, подписывается какъ владѣльцемъ, такъ и сосѣдними владѣльцами и утверждается комиссіею. Если на замѣчанія комиссіи помѣщикъ не согласенъ, то онъ даетъ на оныя отзывъ, который и приобщается къ описанію.

12. Изъ всѣхъ сихъ описаній комиссія составляетъ сводъ и съ приложеніемъ подлинныхъ описаній и мнѣній несогласныхъ помѣщиковъ представляетъ оный въ губернской комитетъ дворянства. На сей трудъ назначается шестимѣсячный срокъ, а на весь трудъ въ уѣздной комиссіи опредѣляется двухгодовой.

13. Губернскій комитетъ дворянства разсматриваетъ представленные отъ уѣздныхъ комиссій описанія, соображаетъ оныя между собою, обсуживаетъ мнѣнія несогласныхъ помѣщиковъ и по большинству голосовъ собираетъ всѣ нужныя дополнительныя справки, требуетъ отъ уѣздныхъ комиссій и отъ помѣщиковъ всѣ необходимыя свидѣнія и поясненія, постановляетъ рѣшительныя по всѣмъ предметамъ опредѣленія.

14. Въ правильности описанія отвѣчаютъ своею собственностію, во 1-хъ, помѣщикъ подписавшій описаніе собственнаго имѣнія; во 2-хъ, помѣщики удостовѣрившіе упомянутое описаніе; наконецъ, въ 3-хъ, члены уѣздной комиссіи, утвердившіе описаніе. Въ правильности оцѣнки отвѣчаютъ всѣ вышеупомянутыя лица въ той постепенности, какъ поименованы, и, сверхъ того, члены губернскаго комитета дворянства, утвердившіе описаніе. Въ случаѣ несостоятельности членовъ уѣздной комиссіи или губернскаго комитета дворянства, отвѣчаютъ тѣ общества, которыми сіи члены избраны.

15. Хотя однимъ изъ первыхъ дѣйствій губернскаго комитета дворянства должно быть испрошеніе начала коштнаго межеванія по Рязанской губерніи, однако необходимо постановить, что неразмежеваніе дачи не можетъ служить препятствіемъ къ подачѣ описанія. Описаніе должно быть составлено владѣльцами неразмежеванной дачи за общимъ ихъ подписомъ, безъ обозначенія кому сколько изъ сей дачи принадлежитъ, и оцѣнка должна быть ими сдѣлана по большинству голосовъ, а несогласные могутъ свое мнѣніе изложить въ особомъ отзывѣ.

16. Какъ нѣкоторыя помѣщичьи имѣнія состоятъ въ череполосномъ владѣніи съ дачами вѣдомства государственныхъ имуществъ, то коштное межеваніе должно съ оныхъ начаться, и прежде всего отдѣлить владѣнія помѣщичьи отъ владѣній казенныхъ.

17. Ближайшіе помѣщики, приглашенные къ составленію описанія и оцѣнки самымъ владѣльцемъ описываемаго имѣнія или членомъ уѣздной комиссіи, не имѣютъ права отъ того отказаться; но если они находятъ, что сдѣланное описаніе невѣрно или учиненная оцѣнка несправедлива, то должны свое мнѣніе объяснить въ особомъ отзывѣ, о которомъ и должно быть упомянуто при составленіи описанія.

18. Когда членъ комиссіи отправляется для описанія и оцѣнки имѣнія, то дается о томъ знать земскому суду, на тотъ конецъ, чтобы въ случаѣ надобности полиція оказывала ему надлежащее содѣйствіе.

19. Губернскій комитетъ дворянства составляется изъ предсѣдателя, товарища предсѣдателя и изъ двадцати четырехъ избранныхъ отъ дворянства, т.-е. по два отъ cadaго уѣзда.

20. Участвуютъ въ назначеніи избранныхъ и могутъ быть избираемыми въ это званіе всѣ дворяне, имѣющіе право голоса, на основаніи статьи 38 Устава о службѣ по выборамъ тома III Свода Законовъ, изд. 1842 года. Равнымъ образомъ могутъ участвовать въ семъ избраніи дворяне на основаніи статьи 59 того же Устава о службѣ по выборамъ.

21. Назначеніе въ избранные происходитъ слѣдующимъ порядкомъ: всякій избиратель пишетъ на особой запискѣ имена двоихъ лицъ въ званіи избранныхъ, подписываетъ внизу оной свое имя и прозваніе, свертываетъ и кладетъ на блюдо, нарочно для того на столѣ поставленное. По положеніи записокъ всѣми членами собранія, предводитель развертываетъ записки, каждую порознь, и провозглашаетъ имена назначаемыхъ, а двое изъ дворянъ, по назначенію предводителя, записываютъ имена провозглашенныхъ. Тѣ, которые получили въ свою пользу большинство голосовъ, и во всякомъ случаѣ болѣе чѣмъ половину голосовъ, провозглашаются избранными.

22. Если послѣ первой подачи голосовъ ни одинъ не получилъ въ свою пользу большинства голосовъ, то тѣмъ же порядкомъ отбираются голоса во второй разъ, но въ этотъ разъ могутъ писать избирателей по два имени изъ тѣхъ четырехъ лицъ, которыя при первой подачѣ голосовъ получили въ свою пользу большее число голосовъ. Если только одинъ не соединитъ въ пользу свою большинство, то пишется одно имя изъ двоихъ, получившихъ въ свою пользу большее число голосовъ. Если и при второй подачѣ голосовъ не состоялось избраніе обоихъ избранныхъ, то таковая подача голосовъ продолжается до воспослѣдованія избранія.

23. По окончаніи избранія составляется списокъ объ избраніи, который и подписывается всѣми присутствующими членами и доводится до свѣдѣнія губернскаго предводителя дворянства.

24. Черезъ двѣ недѣли по окончаніи выборовъ, всѣ избранные съѣзжаются въ губернскій городъ и собираются на первый разъ подъ предсѣдательствомъ губернскаго предводителя дворянства. Въ семъ первомъ собраніи уполномоченные избираютъ изъ среды себя предсѣдателя и товарища предсѣдателя. По окончаніи сего избранія они приступаютъ къ своимъ настоящимъ занятіямъ.

25. На мѣсто избранныхъ, назначенныхъ въ предсѣдатели и въ товарищи предсѣдателя, назначаются, въ пополненіе числа уполномоченныхъ, вновь избранные тѣми уѣздами, изъ которыхъ выбыли лица, занявшія должности предсѣдателя и товарища; но изъ кандидатовъ на мѣсто убылыхъ никогда не назначаются.

26. Какъ скоро выбываютъ изъ избранныхъ по болѣзни или инымъ причинамъ, то предсѣдатель тотчасъ доводитъ о томъ до свѣдѣнія губернскаго предводителя, который сводится съ губернаторомъ, и съ общаго согласія назначаютъ срокъ для съѣзда дворянъ въ уѣздный городъ для учиненія сего избранія. Срокъ сей не можетъ быть отдаленъ болѣе шести недѣль со дня помѣтки отношенія предсѣдателя губернскаго комитета.

27. Для составленія предположеній по разнымъ предметамъ, въ кругъ дѣйствій сего комитета входящихъ, составляются изъ членовъ комитета особыя комиссиі. Назначеніе въ сіи комиссиі дѣлается предсѣдателемъ, но, въ случаѣ несогласія на оное одного изъ членовъ комитета, члены въ сіи комиссиі назначаются самымъ комитетомъ записками, какъ выше упомянуто, по большинству голосовъ.

28. Помѣщикъ, желающій освободить крестьянъ своихъ, заключаетъ съ ними условіе насчетъ земли, которою онъ ихъ надѣляетъ, и договоръ сей вмѣстѣ съ нарѣзочнымъ планомъ представляетъ къ уѣздному предводителю дворянства. Уѣздный предводитель, во 1-хъ, удостовѣряется на мѣстѣ въ согласіи крестьянъ на заключенное условіе, во 2-хъ — въ удобоисполнимости онаго для нихъ, въ 3-хъ — въ выгоды надѣла земли и въ 4-хъ — въ томъ, что не включено, на какое условіе, могущее стѣснить ихъ въ дальнѣйшемъ существованіи; затѣмъ съ мнѣніемъ своимъ представляетъ въ Высочайше утвержденную комиссію.

29. Высочайше учрежденная комиссія должна состоять изъ одного лица, облеченнаго особеннымъ Монаршимъ довѣріемъ, и изъ четырехъ товарищей, которые суть члены сей комиссиі.

30. Комиссію сія можетъ завѣдывать четырьмя губерніями и должна по три мѣсяца оставаться въ каждой губерніи.

31. Комиссію чрезъ членовъ своихъ удостовѣряется, на мѣстѣ, въ справедливости обстоятельствъ, изложенныхъ въ мнѣніи уѣздныхъ предводителей. Членъ, удостовѣрившійся въ выгоды договора для крестьянъ, представляетъ въ комиссію, и комиссію утверждаетъ договоръ окончательно.

32. По утвержденіи договора помѣщикъ получаетъ изъ кредитнаго установленія по 100 руб. серебромъ за каждую душу; а въ случаѣ если имѣніе уже заложено, то за исключеніемъ лежащаго долга. Въ то же время землемѣръ прорѣзываетъ межу и ставитъ межевые знаки съ вырытіемъ ямъ, а земскій судъ объявляетъ крестьянъ свободными и обще съ помѣщикомъ наблюдаютъ, чтобы тотчасъ введенъ былъ порядокъ управленія для крестьянскихъ обществъ учрежденный.

33. При залогѣ помѣщичьихъ имѣній въ кредитныхъ установленіяхъ процентъ назначается не 6, но 5, и можно прибавить срокъ окончанія залога до 40 и въ случаѣ необходимости до 42 лѣтъ.

34. Передъ кредитнымъ установленіемъ отвѣчаетъ все крестьянское общество съ землею. Въ случаѣ неплатежа кредитное установленіе назначаетъ въ продажу землю со всѣми крестьянскими строеніями.

35. Недовыручки пополняетъ казна*), которая крестьянъ отправляетъ для поселенія въ дальнія губерніи.

36. Общество освобожденныхъ крестьянъ взымаетъ съ каждаго крестьянина упاداющіе на него проценты, какъ и другіе платежи, т.-е. буде въ срокъ и въ льготное время не заплатитъ, то продаетъ его участокъ земли, потомъ домъ его и наконецъ отдаетъ его въ заработки.

37. Долгъ сей долженъ быть обезпеченъ казною.

38. Земля каждаго общества должна быть раздѣлена на *участки* не по душамъ, а по работникамъ наличнымъ при освобожденіи. Участки составляютъ собственность не общества, а каждаго семейства, и передѣловъ быть не можетъ. Участокъ переходитъ въ наследство.

---

*) Нельзя ожидать, чтобы были большія недовыручки. Крестьянамъ платить не тяжело. Если на участокъ земли положить 2½ души, то надѣльный участокъ долженъ ежегодно уплачивать по 15-ти руб., т.-е. по 6-ти руб. сер. съ души.

39. Каждый крестьянин может покупать и продавать участки отведенные въ собственность крестьянъ. Купчихъ не пашутъ, но эти уступки только записываются въ книгу мірской казны и выдается покупщику свидѣтельство, за подписью продавца, а за неумѣиємъ его грамоты—кого-либо по его прошенію.

40. Каждое общество обязано имѣть школу на счетъ общества, свою больницу, или приписаться къ какой-либо больницѣ, и свою богадѣльню, или приписаться къ какой-либо богадѣльнѣ.

41. Въ продолженіе первыхъ десяти лѣтъ бывшій помѣщикъ есть главный судья и исправникъ селенія. Если онъ не исполняетъ обязанности самъ, то можетъ назначить заступающаго мѣсто изъ крестьянъ того же селенія.

III. Заключение.

Въ заключеніи Алек. Иванъ указываетъ на необходимость одновременнаго *переложенія подушной подати съ поземельную* и прекращенія *взяточничества*.

Относительно первой мѣры Кошелевъ излагаетъ слѣдующія соображенія:

Нельзя требовать съ каждой десятины одинаковую подать: одна десятина можетъ дать большой доходъ, другая—совершенно ничтожный; въ одной мѣстности земля стбитъ 30—40 рублей серебромъ, а въ другой—2—3 рубля. Несправедливо, невозможно требовать равную подать со всѣхъ земель. А потому необходимо произвести всѣмъ землямъ оцѣнку и съ оцѣнки положить и подать. Въ другихъ земляхъ Европы эта оцѣнка, называемая тамъ кадастромъ, дѣлается весьма учено, подробно, чрезвычайно точно и продолжается многія лѣта. Тамъ химики различаютъ земли, геометры дѣлаютъ особое опредѣленіе каждому клочку земли; намъ этого добиваться нельзя, да и почти не нужно. У насъ владѣнія не такъ мелки, подать не такъ тяжела, чтобы такая точность была необходима. Мы можемъ оцѣнку произвести и легче, и скорѣе. Предшествующею оцѣнкѣ мѣрою должно быть окончаніе спеціальнаго размежеванія, ибо безъ межеванія ничего сдѣлать нельзя. Слѣдовательно первая необходимость по окончаніи срока, назначеннаго для полюбовнаго размежеванія, приступить къ коштному размежеванію. Кажется, довольно было назначено сроковъ, пора начать и коштное межеваніе. Теперь не размежевались только тѣ, которые не хотятъ размежеваться или не могутъ по причинамъ отъ нихъ не зависящимъ. Затѣмъ необходимо приступить къ оцѣнкѣ земель посредствомъ уѣздныхъ комиссій и губернскихъ комитетовъ, по правиламъ вышензложеннымъ.

Алек. Иванъ помѣстилъ въ заключеніи нѣсколько рѣзкихъ страницъ противъ господствовавшаго у насъ въ то время взяточничества и лихоимства; но мы ихъ пропустимъ, какъ не имѣющія въ настоящее время значенія. Мы перейдемъ прямо къ мѣрамъ, предлагаемымъ Кошелевымъ для уничтоженія этого зла.

Первая мѣра къ искорененію лихоимства и лихоимательства должно заключаться въ назначеніи всѣмъ должностнымъ лицамъ совершенно безнужденнаго существованія. Дайте судѣ и исправнику по тысячѣ рублей или тысячѣ двѣсти серебромъ жалованья, засѣдателямъ, приставамъ и секретарямъ по 600 или по 500 рублей серебромъ и тогда требуйте, чтобы они не брали.

Вторая мѣра необходима есть уничтоженіе канцелярской тайны. Надобно сознаться, что нигдѣ тайны настоящія не соблюдаются такъ худо, какъ у насъ. Мы часто не знаемъ того, что должны знать, т. е. то, что публикуется: я надняхъ видѣлъ весьма образованнаго помѣщика, который въ 1847 году не зналъ, что съ 1844 года дозволено отпускать на волю дворовыхъ людей по условіямъ съ ними заключаемымъ. Напротивъ того, секретныя предписанія, получаемыя губернаторами, известны даже тѣмъ людямъ, до кого они не касаются. Бѣда та, что всѣ сии тайны, какъ секретныя, такъ и не секретныя, продаются и покупаются. Должно думать, что канце-

лярская тайна есть выдумка невѣжества, чтобы нѣсколько себя прикрыть, а поддерживается лихоимствомъ, какъ одинъ изъ самыхъ обильныхъ источниковъ взятокъ. Канцелярская тайна, строгая канцелярская тайна, должна остаться для однихъ дѣлъ секретныхъ, прочія же дѣла, какъ судебныя, такъ и правительственныя, не имѣютъ никакой надобности въ покровѣ тайными исключеніями.

Эти мѣры при обыкновенныхъ обстоятельствахъ были бы совершенно достаточны, но у насъ, гдѣ лихоимство и лихоительство пустили глубокіе корни, гдѣ они вошли въ обычай, — для насъ эти мѣры недостаточны. Мы думаемъ о бѣдныхъ и составляемъ общества для посѣщенія бѣдныхъ и оказанія имъ пособій; мы заботимся о тюрьмахъ и имѣемъ общества для наблюденія за тюрьмами; мы заботимся объ улучшеніи хлѣбопашества, скотоводства, садоводства, медицины, естественныхъ наукъ, словесности и пр. и пр. Почему не составить общество для искорененія лихоимства и лихоительства? Развѣ предметъ не довольно важенъ, или слишкомъ отъ насъ отдаленъ, или развѣ такое общество не можетъ дѣйствовать законными средствами? Очевидно, что дѣло это близко къ сердцу каждого благомыслящаго; несомнѣнно и то, что мы имѣемъ болѣе возможности достигъ этой цѣли, чѣмъ само правительство. Мы, люди просвѣщенные и благонамѣренныя, можемъ дать другъ другу честное слово отнюдь и ни въ какомъ случаѣ не дозволить себѣ лихоительство. Человѣкъ отдѣльный, съ самою чистою душою, съ полнымъ самоотверженіемъ, не можетъ самъ по себѣ одинъ выполнить себѣ даваемое слово, ибо онъ на каждомъ шагу встрѣтитъ притѣсненія и гоненія и самый сильный и отважный будетъ подавленъ. Лихоимцы безъ переговоровъ, безъ разрѣшенія высшаго правительства, составляютъ общество не явное, но тайное; сѣть этого братства раскинута съ нижнихъ степеней до самыхъ высшихъ; они другъ друга поддерживаютъ, они своихъ вытаскиваютъ впередъ, а противниковъ разными непріятностями и неудачами приводятъ въ безсиліе и уныніе, и люди не взяточники съ сокрушеннымъ сердцемъ видятъ, что имъ съ противною партіей воевать нельзя, и удаляются на покой. Почему же противъ сего тайнаго общества не составить людямъ благомыслящимъ общество явное, правительствомъ утвержденное? Первымъ правиломъ этого общества было бы взятокъ не давать; вторымъ — по дѣламъ нашимъ, гдѣ лихоительство наше можетъ намъ принести ущербъ потерю дѣла, другъ другу помогать и совѣтомъ и личными хлопотами; третьимъ правиломъ, — и совѣтами и личными хлопотами помогать вдовамъ, сиротамъ, отсутствующимъ, больнымъ, — словомъ, всѣмъ людямъ, которые сами себѣ помочь не могутъ. О дознаваемыхъ нами лихоимцахъ и лихоителяхъ собирать всевозможныя справки и преслѣдовать ихъ всѣми законными средствами. Испросить дозволеніе въ каждой губерніи составить такое общество, которому и состоять подѣ покровительствомъ или Государя Императора, или Государя Наслѣдника. Служащіе не могутъ быть членами сего общества. Одинъ и тотъ же человѣкъ можетъ быть членомъ общества по разнымъ губерніямъ. Общество составляется не изъ однихъ дворянъ, но прочія сословія могутъ принять въ ономъ участіе, и на принятіе нужно только согласіе общества.

ПРИЛОЖЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Переписка Александра Ивановича съ министромъ внутреннихъ дѣлъ относительно отпуска крестьянъ на свободу съ землею въ 1857 году (проектъ третій).

1. Письмо Алек. Ив. къ министру внутреннихъ дѣлъ С. С. Ланскому.

Я осмѣлился повергнуть записки мои объ уничтоженіи крѣпостнаго состоянія (проектъ общаго освобожденія, который рассмотримъ въ своемъ мѣстѣ) къ стопамъ Всеавгустѣйшаго нашего Монарха. Въ сихъ запискахъ, имѣющихся въ копіи въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, я изложилъ, по крайнему моему разумѣнію, способъ, кажушійся мнѣ болѣе удобнымъ къ освобожденію крестьянъ съ справедливымъ вознагражденіемъ за то помѣщикамъ. Въ дополненіе къ этому, считаю долгомъ довести до свѣдѣнія вашего высокопревосходительства, что я готовъ, на основаніи поданнаго мною проекта, освободить моихъ крестьянъ въ Рязанской губерніи количествомъ около пяти тысячъ душъ.

Какъ предложенный мною способъ требуетъ нѣкоторыхъ общихъ законодательныхъ мѣръ, которыя невозможны при частномъ, какъ бы въ видѣ опыта дѣлаемомъ, освобожденіи, то честь имѣю представить вашему высокопревосходительству о томъ, не сочтете ли вы удобнымъ, на сей разъ, замѣнить упомянутыя мѣры слѣдующими частными распоряженіями:

Во 1-хъ, вмѣсто выпуска особыхъ билетовъ и облигацій, о которыхъ говорится въ моемъ проектѣ, дозволить мнѣ заложить освобождаемыхъ крестьянъ съ землею, которая имѣетъ поступить въ ихъ общинную собственность, въ опекуномъ совѣтѣ или въ государственномъ банкѣ, въ размѣрѣ не свыше 100 рублей серебр. на душу (что, въ разныхъ случаяхъ и по разнымъ обстоятельствамъ, не разъ допускалось по особымъ Высочайшимъ повелѣніямъ). Согласно съ поданнымъ мною проектомъ, я желаю получить вознагражденіе не за людей, коихъ я лишусь, а единственно за землю, по справедливой оцѣнкѣ. Я предполагаю дать моимъ крестьянамъ на тягло по семи десятинъ, что выйдетъ на душу отъ $2\frac{1}{2}$ до 3 десятинъ.

Во 2-хъ, вмѣсто общей оцѣнки земель, имѣющихъ поступить въ собственность крестьянскаго общества, чрезъ особыя коммиссіи подъ отвѣтственностью всего дворянства, дозволить мнѣ проивести сію оцѣнку подъ моею отвѣтственностью, обезпеченною потребнымъ количествомъ земель, имѣющихъ остаться въ моей личной собственности. Въ нашей мѣстности земли продаются цѣною отъ 30 до 50 руб. сер. за десятину. Я предполагаю оцѣнить десятину моей земли по 35 руб. сер., что составитъ оцѣнку весьма умѣренную.

Въ 3-хъ, вмѣсто побужденія крестьянъ къ исправному платежу процентовъ въ

кредитное учреждение, чрезъ посредство земской полиціи подъ угрозою переселенія ихъ въ отдаленныя губерніи, какъ предложено въ поданномъ мною проектѣ, предоставить это наблюденіе и побужденіе мнѣ и наслѣдникамъ моимъ, для чего и утвердить за нами слѣдующія права:

- а) быть попечителями надъ нашими освобожденными крестьянскими обществами;
- б) отдавать въ рекруты или ссылатъ въ Сибирь на поселеніе, на счетъ крестьянскаго общества, тѣхъ неплательщиковъ, за которыхъ міромъ не внесутся недоимки;
- в) представлять эти квитанціи за тѣ семейства того же крестьянскаго общества, которыя ушлатятъ за освобожденіе себя отъ рекрутской повинности ту сумму денегъ, которая выдается казною за рекрутскія квитанціи, или при неимѣніи охотниковъ зачестъ за себя эти квитанціи, представлять оныя въ казенныя палаты и деньги, получаемыя какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, вносить въ кредитное учрежденіе въ погашеніе недоимки, накопившейся за освобожденнымъ крестьянскимъ обществомъ.

Это попечительство, эти права и обязанности должны оставаться за мною и моими наслѣдниками до тѣхъ поръ, пока наше ручательство за крестьянъ считается необходимымъ. Съ погашеніемъ долга или ранѣе, если правительство сочтетъ возможнымъ отмѣнить упомянутое наше ручательство, прекращаются всѣ вышеупомянутыя права и обязанности мои и наслѣдниковъ моихъ по крестьянскому обществу.

Если ваше высокопревосходительство сочтете мое предложеніе заслуживающимъ уваженія и если на приведеніе онаго въ исполненіе послѣдуетъ предварительное Высочайшее соизволеніе, то я войду съ своими крестьянами въ добровольныя соглашенія и, по заключеніи съ ними договоровъ, буду имѣть честь представить оныя, порядкомъ, какой мнѣ будетъ указанъ, на окончательное утвержденіе.

Марта   дня 1857 года. С.-Петербургъ, у Демута № 24.

2. Отвѣтное письмо министра Ланского А. И. Кошелеву.

Письмомъ отъ 29 марта сего года вы сообщили мнѣ предположенія ваши объ отпускѣ на волю состоящихъ во владѣніи вашемъ въ Рязанской губерніи крестьянъ, количествомъ около 5.000 лицъ мужскаго пола, на основаніи главныхъ началъ изложенныхъ въ проектѣ объ уничтоженіи крѣпостнаго состоянія, повергнутомъ вами на Высочайшее воззрѣніе, изъясняя при томъ, что если на приведеніе вашего предположенія въ исполненіе послѣдуетъ Высочайшее разрѣшеніе, то вы не замедлите войти по сему предмету въ добровольное соглашеніе съ крестьянами.

Не входя въ подробное обсужденіе началъ, на коихъ основанъ составленный вами проектъ, отдавая полную справедливость добросовѣстности этого обширнаго труда и благородству побужденій, руководившихъ вами при настоящемъ предложеніи, я не могу, однако, не обратить предварительно вниманія вашего на необходимость войти въ ближайшее разсмотрѣніе условій, предлагаемыхъ вами при освобожденіи принадлежащихъ вамъ крестьянъ, и на тѣ предположенія, которыя, по мнѣнію моему, отчасти оказываются неудобноисполнимыми, отчасти же требуютъ измѣненія или поясненія.

Во 1-хъ, вмѣсто выпуска особыхъ билетовъ и облигацій, о которыхъ говорится въ проектѣ уничтоженія крѣпостнаго состоянія, предполагается заложить освобождаемыхъ крестьянъ съ землею, которая имѣетъ поступить въ ихъ общинную собственность, въ опекуномъ совѣтѣ или въ государственномъ банкѣ, въ размѣрѣ не свыше 100 руб. сер. на лицо мужскаго пола.

Не говоря уже о томъ, что въ залогъ можетъ поступить только земля, а не освобождаемые крестьяне, потому именно, что они перестаютъ быть крѣпостными, не говоря и о затрудненіи возвысить размѣръ ссуды въ противность правиламъ опекунскаго совѣта и предполагая даже, что Государь Императоръ, во вниманіе къ особенной важности для государства предлагаемой вами въ видѣ опыта мѣры, Высочайше соизволилъ бы разрѣшить производство изъ государственнаго казначейства испрашиваемой вами надбавочной ссуды,— рождается независимо отъ того вопросъ: чѣмъ будетъ обеспечена уплата капитала, ссужаемаго правительствомъ или кредитными учрежденіемъ на выкупъ крестьянъ, и плата процентовъ на оный?

Въ настоящее время опекунскій совѣтъ производить ссуды въ размѣрѣ не свыше 80 р. с. на ревизское лицо м. п. подъ залогъ всей земли съ поселенными на оной крѣпостными крестьянами, между тѣмъ какъ по вашему предположенію ссуда въ увеличенномъ размѣрѣ не свыше 100 руб. сер. будетъ гарантируема лишь тою частью земли, которая поступитъ въ собственность крестьянъ. Не могу убѣдиться въ томъ, чтобы такой залогъ былъ безусловно достаточенъ. Вы оцѣниваете десятину земли круглымъ числомъ въ 35 р. сер. и предполагаете отвести на лицо м. п. отъ 2½ до 3 десятинъ, т.-е. участокъ цѣною отъ 87 р. 50 к. до 105 р. с., обеспечивая таковою собственностію ссуду въ 100 руб. сер.

По общему правилу, кредитныя учрежденія выдаютъ ссуды въ половину противъ обеспечения, а потому подъ указываемыя вами 2—3 десятины земли можно бы было выдать не болѣе 50 руб. Для увеличенія ссуды вамъ слѣдовало бы увеличить обеспечение землею, у васъ остающаюся.

Во 2-хъ, вы предполагаете, что будетъ дозволено произвести оцѣнку земель, имѣющихъ поступить въ собственность крестьянскаго общества, вамъ самимъ и подъ личною вашею ответственностію. Такое отступленіе отъ общаго правила, постановленнаго въ вашемъ проектѣ, едва ли можетъ быть допущено, какъ потому, что таковая оцѣнка не представляетъ достаточнаго ручательства ни правительству, производящему ссуду, ни крестьянскому обществу, такъ и потому, что частное, предлагаемое вами, освобожденіе крестьянъ можетъ служить опытомъ для общаго освобожденія. Кажется, не предстоило бы никакихъ затрудненій къ производству оцѣнки посредствомъ особой комиссіи въ присутствіи и съ участіемъ помѣщика и повѣренныхъ отъ общества. Наконецъ, остается еще замѣтить, что было бы гораздо удобнѣе, еслибы оцѣнка эта была произведена прежде опредѣленія размѣра ссуды.

Въ 3-хъ, вы не упоминаете ничего въ письмѣ вашемъ о мѣрахъ къ освобожденію дворовыхъ людей, а предметъ этотъ не можетъ быть оставленъ безъ обсужденія и яснаго указанія.

Въ 4-хъ, предоставленіе помѣщику и наследникамъ его права отдавать въ рекруты или смсать въ Сибирь на поселеніе неисправныхъ плательщиковъ— совершенно противорѣчить самому существу свободнаго состоянія крестьянъ. Это есть право, истекающее изъ крѣпостнаго права, да и при существованіи крѣпостнаго состоянія подлежащее ограниченіямъ и могущее даже быть вовсе уничтоженнымъ. Такое право, еслибы оно и могло даже быть вообще установлено, подъ какими бы то ни было условіями, во всякомъ случаѣ могло бы быть предоставлено только самому обществу или же, въ случаѣ несостоятельности сего послѣдняго, правительству, но ни въ какомъ случаѣ помѣщику, который въ немъ не нуждается, потому что не имѣетъ необходимости принимать на себя какую-либо ответственность за освобожденіе крестьянъ. Общество отвѣчаетъ круговою порукою въ исправномъ взносъ долга и процентовъ; потому только общество и можетъ подвергаться ответственности неисправныхъ пла-

тельщиковъ, да и то лишь, кажется, въ томъ случаѣ, если будетъ доказано, что неисправность произошла отъ собственной вины плательщика.

Вполнѣ сочувствуя общимъ соображеніямъ вашимъ о необходимости измѣненія и опредѣленія отношеній помѣщиковъ къ поселеннымъ на земляхъ ихъ крестьянамъ, я могу только искренне желать, чтобы вы, милостивый государь, принявъ въ соображеніе предыдущія замѣчанія, нашли возможнымъ измѣнить нѣкоторыя предположенія ваши, сохраняя въ виду ту цѣль, къ которой они были направлены. Опытность ваша въ дѣлѣ сельскаго хозяйства, знаніе вами быта, характера и нуждъ крестьянъ и, наконецъ, ревностное желаніе, вами неоднократно обнаруженное, способствовать разрѣшенію, едва ли не важнѣйшаго, современнаго вопроса—вопроса о крѣпостномъ правѣ—подадутъ мнѣ надежду, что вы найдете средство къ осуществленію предположенной цѣли.

№ 1122.

16 апрѣля 1857 г.

3. Отвѣтное письмо Алек. Иван. Кошелева министру Ланскому.

Отношеніе вашего высокопревосходительства отъ сего 16 апрѣля, за № 1122, имѣлъ я честь получить. Благоклонный вашъ отзывъ о трудѣ моемъ и о намѣреніи отпустить на волю моихъ крестьянъ искренно меня утѣшилъ и поощряетъ этому дѣлу посвятить дальнѣйшія мои усилія. Почему спѣшу представить въ благоусмотрѣніе вашего высокопревосходительства нѣкоторыя поясненія и измѣненія, вслѣдствіе замѣчаній, которыя благоугодно было вамъ мнѣ сообщать.

Ваше высокопревосходительство полагаете, что залогъ земли, по настоящей ея цѣнности рубль за рубль, недостаточно обезпечиваетъ кредитное учрежденіе, и извясняете желаніе, чтобъ я усилилъ это обезпеченіе землею, остающеюся у меня во владѣніи. Въ письмѣ моемъ отъ 29 марта я предлагалъ мое ручательство за крестьянъ и извяснялъ готовность сіе мое ручательство обезпечить частью земель, остающихся въ моемъ владѣніи; но выѣстъ съ тѣмъ я выговаривалъ себѣ нѣкоторыя права, а именно: быть попечителемъ надъ увольняемыми крестьянскими обществами, отдавать въ рекруты и представлять въ распоряженіе правительства тѣхъ неплательщиковъ, за которыхъ крестьянское общество міромъ не внесетъ недоимки. Если правительство находитъ, что эти права не могутъ быть мнѣ предоставлены, а должны принадлежать крестьянскому обществу, то въ такомъ случаѣ нельзя, кажется, требовать ручательства отъ меня, лишеннаго всякихъ средствъ побуждать крестьянъ къ платежамъ, а эта отвѣтственность за исправность взносовъ въ кредитное учрежденіе должна быть отнесена на міръ, имѣющій пользоваться вышеозначенными правами. Въ этомъ случаѣ, кажется мнѣ, сверхъ земли кредитное учрежденіе обезпечивается личною крестьянскаго общества, которое изъ-за нѣсколькихъ неплательщиковъ не захочетъ все въ совокупности подвергнуться отвѣтственности передъ правительствомъ. Если я предлагалъ свое ручательство съ предоставленіемъ мнѣ нѣкоторыхъ правъ, то это было единственно для облегченія правительства во взиманіи недоимокъ и въ огражденіе крестьянъ отъ дѣйствій—иногда притязательныхъ—земской полиціи. Слѣдовательно, для усиленія обезпеченія кредитныхъ учрежденій необходимо избрать одно изъ двухъ: или мое ручательство, обезпеченное частью моихъ земель съ предоставленіемъ мнѣ вышеупомянутыхъ правъ, или круговое ручательство крестьянъ другъ за друга, обезпеченное личною всего крестьянскаго общества. Права мнѣ предоставляемые могли бы быть нѣсколько ограничены слѣдующими постановленіями: во 1-хъ, отдачу въ рекруты за недоимку слѣдовало бы

допустить не прежде накопленія оной за обществомъ до суммы, чего стоить рекрутская квитанція (нынѣ выдается изъ казны по 300 руб.), и, во 2-хъ, назначеніе, когдѣ изъ неплательщиковъ отдавать за недоимку, могло бы быть предоставлено крестьянскому обществу. Но во всякомъ случаѣ невозможно, кажется, требовать вмѣстѣ и того и другаго ручательства.

Во 2-мъ пунктѣ ваше высокопревосходительство изволите находить неудобнымъ предоставить мнѣ одному сдѣлать оцѣнку земель и полагаете, что „не предстояло бы никакихъ затрудненій къ производству оцѣнки посредствомъ особой комиссіи въ присутствіи и съ участіемъ помѣщика и повѣренныхъ отъ общества крестьянъ“. Вполнѣ соглашаюсь со справедливостью сего замѣчанія и весьма радъ отвѣтственность сего дѣла не оставлять на себѣ одномъ, а раздѣлить оную съ посторонними, а потому и болѣе безпристрастными людьми и при участіи самихъ крестьянъ. Ваше высокопревосходительство вмѣстѣ съ тѣмъ изъявляете желаніе, чтобы эта оцѣнка произведена была прежде опредѣленія размѣра ссуды. Сія послѣдняя имѣетъ быть назначена по *дѣйствительной* стоимости земли; слѣдовательно оцѣнка необходимо должна предшествовать опредѣленію размѣра ссуды, ибо ею только окончательно ограничивается сумма оной, имѣющая только не превышать ста руб. сер.—цифры, предположенной въ моихъ запискахъ въ видѣ *maximum*.

Во 3-мъ пунктѣ вамъ угодно обратить мое вниманіе на освобожденіе дворовыхъ людей. Вполнѣ признавая необходимость этой мѣры, я опустилъ ее въ письмѣ, съ которымъ я имѣлъ честь къ вамъ обратиться, только потому, что я считаю существующіе законы достаточными для достиженія этой цѣли помѣщикомъ, желающимъ освободить своихъ дворовыхъ людей, и что неудовлетворительно лишь исполненіе оныхъ, т.-е. самое взмыканіе по условіямъ, заключаемымъ съ дворовыми людьми. Я уже отпустилъ на волю болѣе 200 душъ дворовыхъ людей обоого пола и встрѣчалъ временныя затрудненія только въ слабомъ дѣйствіи полиціи. Я считалъ лишнимъ говорить объ этомъ въ письмѣ моемъ, какъ потому, что радикальнаго противъ того средства теперь въ виду не имѣется (лишь большая гласность и дѣйствительная отвѣтственность чиновниковъ за злоупотребленія могутъ быть надежными къ тому средствамъ), такъ и потому, что я былъ убѣжденъ въ возможности, въ крайнихъ случаяхъ, принесенія жалобъ на медленность дѣйствій полиціи самому правительству, которому нынѣ, болѣе чѣмъ прежде, извѣстны злоупотребленія чиновниковъ и которое и безъ того озабочено улучшеніемъ мѣстнаго управленія и расправы. Понудительныхъ же мѣръ противъ себя и противъ моихъ дворовыхъ людей, не желающихъ воспользоваться свободой, считалъ ненужнымъ испрашивать. Первое для меня бесполезно, ибо я искренно и пламенно стремлюсь къ освобожденію всѣхъ людей, находящихся въ моемъ владѣніи; а втораго я и не желаю, ибо не намѣренъ людей, прослужившихъ мнѣ долгое время, выталкивать отъ себя вопреки ихъ желанію. Изъ крестьянъ во дворовые я не беру и брать не буду, и отъ этого права я охотно отказываюсь. Дворовые до окончательнаго освобожденія будутъ особо числиться при моей землѣ и исправлять рекрутскую повинность, а за нихъ подати будутъ мною уплачиваться на общемъ основаніи.

О четвертомъ замѣчаніи вашего высокопревосходительства я уже говорилъ, отвѣчая на пунктъ 1-й. Здѣсь позволяю себѣ сказать только одно: конечно, я вовсе не желаю сохранить ни для себя, ни для наследниковъ моихъ права располагать судьбою другихъ людей. Я выговариваю для себя эти права только въ случаѣ, еслибы мое ручательство за крестьянъ сочтено было необходимымъ, ибо предпочиталъ эти права, теперь мнѣ принадлежащія въ отношеніи ко всѣмъ, ограничить дѣйствіемъ въ отношеніи къ однимъ неплательщикамъ. Если же правительство сочтетъ возможнымъ

освободить меня от этой ответственности, то, конечно, эти права совершенно для меня не нужны.

Что же касается до порядка сельского управления, до отправления крестьянами рекрутской и других повинностей и пр., то положение об этом, буде угодно правительству, может быть мною составлено обще съ выборными отъ крестьянъ и представлено вмѣстѣ съ договорами, которые будутъ мною заключаться съ крестьянами по поводу ихъ увольненія. Теперь нахожу необходимымъ высказать лишь одно: крестьяне, вѣроятно, пожелаютъ остаться въ вѣдѣніи министерства внутреннихъ дѣлъ, что даже необходимо въ случаѣ, если правительству угодно будетъ, чтобы я былъ попечителемъ надъ крестьянами, на основаніяхъ, изложенныхъ въ моихъ запискахъ.

Искренно желая, чтобы примѣръ мой остался не безъ послѣдователей и, вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы кредитныя учрежденія не потерпѣли убытковъ, въ случаѣ если правительство сочтетъ неудобнымъ ручательство помѣщиковъ за крестьянъ, при оставленіи за ними вышеизложенныхъ правъ, осмѣлюсь перейти за границу прямо до меня относящагося и предложить мѣры для побужденія крестьянскихъ обществъ къ исправнымъ уплатамъ въ кредитныя установленія. Я рѣшаюсь на это вовсе не потому, чтобы я думалъ, что подобныя или, быть можетъ, лучшія мѣры не имѣлись уже въ виду правительства, но единственно потому, что считаю противнымъ совѣсти, по такому важному дѣлу, умолчать самое немудрое мнѣніе. Мнѣ кажется необходимымъ, для предупрежденія накопленія недоимокъ за крестьянскими обществами, постановить противъ того весьма строгія мѣры. Такими мѣрами могли бы быть или средство, предложенное мною въ моихъ запискахъ, т.-е. переселеніе всего крестьянскаго общества въ отдаленныя губерніи и продажа его земель, или отдача въ рекруты очередныхъ, развѣ крестьянское общество само приговорить къ тому неплательщиковъ, съ зачетомъ денегъ за квитанціи, по установленной отъ правительства цѣнѣ, въ погашеніе недоимки.

17 апрѣля 1857 г.

С.-Петербургъ.

4. Второе письмо министра внутрен. дѣлъ Ланского А. И. Кошелеву.

Съ удовольствіемъ усмотрѣлъ я изъ письма вашего отъ 17 текущаго апрѣля мѣсяца готовность вашу измѣнить условія, предположенныя вами при увольненіи крѣпостныхъ крестьянъ вашихъ, сообразуясь съ тѣми общими замѣчаніями, которыя я имѣлъ честь сообщать вамъ, милостивый государь, въ письмѣ отъ 16 числа текущаго мѣсяца.

Хотя при такихъ обстоятельствахъ осуществленіе предположеній вашихъ и оказывается болѣе возможнымъ, тѣмъ не менѣе, однако, я считаю нужнымъ, во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній, положительно и подробно объяснить какъ мѣру и родъ участія, которое, по личному *) моему мнѣнію, можетъ принять въ этомъ дѣлѣ правительство, такъ и права, которыя въ общихъ государственныхъ видахъ могутъ быть дарованы помѣщику и крестьянамъ, и обязанности, которыя имѣютъ быть возложены на нихъ.

Въ проектѣ вашемъ изъяснено, между прочимъ, что вы не требуете какого-либо вознагражденія за личность крестьянъ, состоящихъ нынѣ во владѣніи вашемъ, но

Говорю личному потому, что еслибы мы съ вами и согласились во всѣхъ подробностяхъ, дѣло это должно быть представлено на Высочайшее утвержденіе чрезъ подлежащее правительственное учрежденіе.

лишь за землю, которую вы предполагаете отвести имъ, т.-е. за ту часть вашей собственности, которая будетъ отчуждена въ пользу крестьянскаго общества. Поэтому здѣсь не можетъ быть и рѣчи о какомъ-либо выкупѣ правительствомъ крѣпостныхъ крестьянъ съ землею, но лишь о способѣ вознагражденія помѣщика за отходящую отъ него землю. Безъ сомнѣнія, за землю должны платить тѣ, которые приобрѣтаютъ оную; но такъ какъ сами крестьяне не имѣютъ средствъ внести одновременно столь значительную сумму, то правительство можетъ-быть въ этомъ случаѣ рѣшится, посредствомъ производства ссуды, облегчить достиженіе предположенной дѣли и тѣмъ самымъ дать возможность крестьянамъ сдѣлаться вольными землевладельцами, а помѣщику получить на выгодныхъ условіяхъ въ свое распоряженіе значительный капиталъ и вмѣстѣ съ тѣмъ освободиться отъ тягостей и неудобствъ крѣпостнаго права, столь поразительно изображенныхъ вами въ представленныхъ запискахъ. Такимъ образомъ ссуда производимая правительствомъ служить къ пользѣ не однимъ лишь крестьянъ, но и помѣщика, а потому оказывается справедливымъ, чтобы какъ помѣщикъ, такъ и крестьяне принимали на себя ручательство въ уплатѣ оной.

Такое начало уже допущено вами въ извѣстной мѣрѣ въ послѣднихъ предположеніяхъ вашихъ, — остается только опредѣлить размѣръ ссуды. По моему мнѣнію, обезпеченіе во всякомъ случаѣ должно быть значительнѣе ссуды, буде возможно въ половину, но ни въ какомъ случаѣ не менѣе какъ одною третью, т.-е. если ссуда составляетъ 100 руб., то земля представляемая въ обезпеченіе должна быть оцѣнена не ниже 150 руб.—При этомъ само собою разумѣется, что осуществленіе этого предположенія будетъ зависѣть отъ того, признаетъ ли правительство возможнымъ произвести испрашиваемую для крестьянъ ссуду.

Принимая на себя въ отношеніи къ правительству или къ кредитному учрежденію ручательство въ уплатѣ произведенной ссуды, вы, милостивый государь, испрашиваете для себя и наслѣдниковъ своихъ, впредь до совершенной уплаты крестьянами лежащаго на нихъ долга, нѣкоторыя особенныя правъ въ видѣ понудительной мѣры противъ неплательщиковъ. Сознывая необходимость такихъ мѣръ, я не раздѣляю мнѣнія вашего относительно существа оныхъ. Нынѣ вы предполагаете ограничить испрашиваемыя вами правъ слѣдующими ограниченіями, а именно: во 1-хъ, чтобы отдача въ рекруты за недоимку могла послѣдовать не прежде накопленія оной за обществомъ до суммы, чего стоить рекрутская квитанція, и, во 2-хъ, чтобы назначеніе въ рекруты одного изъ неплательщиковъ было предоставлено самому обществу.

Предоставленіе такого рода правъ можетъ-быть и было бы допущено, равно какъ и сохраненіе за помѣщикомъ, по крайней мѣрѣ временно, попечительства надъ освобожденными крестьянами. Желательно было бы, однако, ближе опредѣлить права, сопряженныя съ этимъ званіемъ, степень полицейско-судебной и распорядительной дѣятельности помѣщика, отношеніе его къ мірскимъ сходкамъ и мірскимъ должностнымъ лицамъ, вліяніе его на раздѣлъ земли между отдѣльными семьями, на управленіе хлѣбными магазинами и т. п.,—однимъ словомъ, степень участія его въ дѣлахъ общества.

Что же касается, наконецъ, до положенія дворовыхъ, то я нахожу, что правительство ни въ какомъ случаѣ не можетъ допустить, чтобы, при увольненіи изъ крѣпостнаго состоянія крестьянъ, дворовые оставались, на неопредѣленное время, въ прежней зависимости отъ помѣщика, и чтобы такимъ образомъ въ каждомъ имѣніи образовались два общества: одно свободныхъ землевладельцевъ, а другое личныхъ крѣпостныхъ помѣщика. Вы, милостивый государь, изъясняете, что не считали въ этомъ отношеніи нужнымъ испрашивать понудительныхъ мѣръ противъ себя и про-

тивъ своихъ дворовыхъ, такъ какъ съ одной стороны вы искренне желаете освобожденія всѣхъ находящихся во владѣнннхъ вашемъ людей, а съ другой стороны не намѣрены выталкивать отъ себя, вопреки ихъ желанію, людей, прослужившихъ вамъ долгое время. Но поэтому самому и не предстоитъ, кажется, препятствій къ опредѣленію теперь же условій, подъ которыми крѣпостные дворовые могутъ приобрести вольность, или по крайней мѣрѣ того срока, въ который вы обязуетесь, въ отношеніи къ правительству, освободить ихъ. Конечно, нѣтъ никакой необходимости изгонять, вопреки ихъ и вашему желанію, людей, не желающихъ воспользоваться правами свободы, но въ такомъ случаѣ вамъ, по справедливости, слѣдуетъ обезпечить участь тѣхъ изъ нихъ, которые не въ состояніи снискивать себѣ средства существованія и принять на себя обязанность, и по увольненіи ихъ изъ крѣпостнаго состоянія, давать имъ у себя пристанище и средства пропитанія.

На основаніи всего вышеназложеннаго, я имѣю честь предоставить вамъ, милостивый государь, сообщить мнѣ окончательныя подробныя предположенія ваши объ увольненіи состоящихъ во владѣннхъ вашемъ крестьянъ и дворовыхъ.

№ 21.

29 апрѣля 1857 г.

5. Окончательный отвѣтъ А. И. Кошелева министру внутреннихъ дѣлъ.

Отношеніе вашего высокопревосходительства отъ 29 апрѣля за № 21 имѣлъ я честь получить въ Москвѣ, по возвращеніи изъ деревни, и слѣду представать на ваше милостивое усмотрѣніе мои отвѣтныя соображенія.

Ваше высокопревосходительство полагаете, что для надлежащаго обезпеченія ссуды не свыше 100 рублей серебромъ на душу по оцѣнкѣ земли, которая имѣеть быть предоставлена въ собственность крестьянскихъ обществъ, необходимо, чтобъ залогъ былъ значительнѣе, по крайней мѣрѣ одною третью этой суммы, т.-е. во 150 рублей серебромъ. Мнѣ кажется, что земля, оцѣненная, по предположенію вашего высокопревосходительства, не однимъ помѣщикомъ, а цѣлою комиссіею, съ участіемъ въ оной выборныхъ отъ крестьянъ, представляетъ уже полное обезпеченіе дѣлаемой ссуды, и что для правительства нужно только одно—ручательство въ своевременномъ взносѣ крестьянами слѣдующихъ съ нихъ ежегодныхъ платежей. Для достиженія этого, я предложилъ свое ручательство и это мое ручательство вызвался обезпечить частью земель, которыя должны оставаться въ моей собственности. Какъ помѣщику, увольняющему своихъ крестьянъ съ землею, предоставляется, по моему предположенію, право отдавать въ рекруты недомочниковъ, а деньги за эти квитанціи представлять въ погашеніе недоимки, накопившейся на крестьянскомъ обществѣ, то нельзя и предполагать, чтобы могла накопиться значительная недоимка. Но для побужденія помѣщика къ наблюденію за взносами крестьянскимъ обществомъ процентныхъ денегъ и для соединенія ихъ общими интересами, по крайней мѣрѣ на первое время (вслѣдствіи же нѣкоторое патронатство, съ одной стороны, и нѣкоторая подчиненность, съ другой, между дворянами-землевладѣльцами и крестьянскими обществами установятся сами собою), я предложилъ обезпечить мое ручательство частью моихъ земель. Часть сія, кажется, по вышепроеписаннымъ причинамъ, не должна быть значительною, потому что это было бы крайне тяжкимъ стѣсненіемъ для помѣщика и притомъ безъ пользы для правительства. Ваше высокопревосходительство изволите говорить, что какъ помѣщикъ получаетъ въ свое распоряженіе значительную сумму денегъ, то справедливо, чтобы за эти выгоды онъ несъ и часть тяжести по этой ссудѣ. На это позвольте вамъ доложить, что наши

мнѣнія большею частью заложены, что помѣщики, по этой причинѣ, не получаютъ значительныхъ суммъ и что расходы по устройству ховаяйствъ, на вольнонаемномъ основаніи, очень велики и ссудныхъ денегъ, за вычетомъ долговъ по опекунскому совѣту, едва ли достаточно будетъ на покрытіе всѣхъ по этому предмету издержекъ. Слѣдовательно, весьма вѣроятно, что помѣщики, для пріобрѣтенія машинъ, рабочаго скота, для возведенія нужныхъ построекъ и проч., должны будутъ заложить даже часть своихъ собственныхъ земель; а потому очень для нихъ важно имѣть свободною отъ залога большую, по возможности, часть своихъ земель. По этой причинѣ, мнѣ кажется достаточнымъ требовать отъ помѣщика обезпеченія на $\frac{1}{3}$ и никакъ не болѣе какъ на $\frac{1}{4}$ часть дѣлаемой крестьянамъ ссуды; такъ что если по оцѣнкѣ ссуда выйдетъ въ 100 рублей серебромъ на душу, то помѣщикъ, въ обезпеченіе своего ручательства, обязанъ представить еще своихъ земель на суму 20 или 25 руб. серебромъ на душу.

Сверхъ того, не сочтете ли ваше высокопревосходительство возможнымъ срокъ ручательства помѣщика, а слѣдовательно и пользованіе его правами по отдахѣ въ рекруты за недоимку, ограничить десятию годами или тѣмъ временемъ, пока $\frac{1}{3}$ или $\frac{1}{4}$ часть ссуды, обезпеченная помѣщикомъ дополнительнымъ залогомъ, не будетъ уплачена крестьянами.

Вашему высокопревосходительству угодно, чтобъ я представилъ свое мнѣніе насчетъ ближайшаго опредѣленія правъ, сопряженныхъ съ попечительствомъ надъ увольняемыми крестьянскими обществами. Объ этихъ правахъ я уже говорилъ въ третьей изъ записокъ, мною прежде поданныхъ, теперь же, для большаго разъясненія и опредѣленія этого предмета, считаю нужнымъ присовокупить: 1) Распорядительная и судебная власти, въ границахъ законами опредѣленныхъ для помѣщичьяго вѣдѣнія, должны принадлежать крестьянскому обществу, кромѣ случаевъ, въ которыхъ мѣръ или избранные отъ мѣра будутъ въ разногласіи; въ этихъ случаяхъ дѣла поступаютъ на окончательное рѣшеніе попечителя (этотъ порядокъ существуетъ у меня на дѣлѣ во всѣхъ мнѣніяхъ и въ нѣкоторыхъ уже болѣе 20 лѣтъ, и число дѣлъ до меня доходящихъ крайне ограничено). 2) Право собирать крестьянъ на сходку должно принадлежать какъ сельскому головъ и старшинамъ, такъ и попечителю; утвержденіе же приговоровъ сходки на первое время (т.-е. на время существованія ручательства) должно быть предоставлено попечителю или, какъ сказано въ упомянутой моей запискѣ, лицу довѣренному отъ попечителя. 3) Раздѣлъ земли между крестьянами по тагламъ долженъ быть ввѣренъ крестьянскому обществу, ибо крестьяне великіе мастера этого дѣла, и вмѣшательство попечителя должно быть лишь въ случаѣ упорнаго разногласія между крестьянами, не разрѣшеннаго тремя сходками (я передѣлялъ землю по всѣмъ моимъ мнѣніямъ, и ни одинъ разъ мнѣ не пришлось вмѣшаться въ эти дѣла). 4) Наблюденіе за хлѣбными магазинами и исполненіе разныхъ обязанностей по полицейскому вѣдомству должны также зависѣть отъ крестьянскаго общества и лицъ имъ избранныхъ, развѣ хлѣбные смотрители и полицейскіе чиновники сочтутъ необходимымъ дѣйствовать *помудительно*; въ каковыхъ случаяхъ, для огражденія крестьянъ отъ притѣсненій, къ несчастью, нынѣ еще весьма возможныхъ, слѣдуетъ вмѣшиться этимъ чиновникамъ въ обязанность обращаться сперва къ попечителю и приступать къ законнымъ взысканіямъ только въ случаѣ, если эти предварительныя мѣры окажутся недостаточными. Положительныя и подробныя правила по сему предмету могутъ быть, какъ я прежде изъяснилъ, составлены мною обще съ выборными отъ крестьянъ; но, кажется, неудобно мнѣ къ оному приступить до полученія предварительнаго Высочайшаго разрѣшенія на заключеніе добровольныхъ сдѣлокъ съ крестьянами на предложенныхъ мною основаніяхъ. Дѣло это, смѣю удо-

стовѣрить ваше высокопревосходительство, насъ не затруднить, и я надѣюсь, что представленное нами положеніе удостоится одобренія правительства.

Насчетъ дворовыхъ людей я готовъ примѣнить къ себѣ тѣ мѣры, которыя изложены были мною въ 4-ой мною подвѣнной запискѣ и которыя, смѣю думать, удовлетворятъ справедливымъ вашимъ требованіямъ по сему предмету.

Принося вашему высокопревосходительству мою благодарность за милостивое и заботливое вниманіе, коего вы удостоили мои предположенія по важному дѣлу уничтоженія крѣпостнаго состоянія въ отечествѣ нашемъ, льщу себя надеждою, что, при вашемъ благосклонномъ и высокопросвѣщенномъ содѣйствіи, я буду такъ счастливъ, что, по крайней мѣрѣ, въ своихъ имѣніяхъ устрою участь людей, состоящихъ въ моемъ владѣніи, на основаніяхъ разумныхъ, справедливыхъ и прочныхъ.

Мая дня 1857 года.

Москва.

ПРИЛОЖЕНИЕ ОСЬМОЕ.

Переписка А. И. Кошелева съ членами славянофильскаго кружка и Н. С. Аксаковымъ.

№ 1. Письмо А. И. Кошелева Н. С. Аксакову. Чтеніе и характеристика отцовъ церкви; необходимость удалаться отъ общества.

Давно къ вамъ не писалъ, дражайшій Иванъ Сергѣевичъ, и не получалъ отъ васъ писемъ. Грустно долго не сообщаться съ человѣкомъ сочувственнымъ. Что вы подѣлываете? Что читаете? О чемъ особенно думаете? Что сборникъ? Есть ли какаѧ надежда?

О себѣ скажу вамъ, что я въ деревнѣ хорошо занимаюсь. Упиваюсь сочиненіями Василія Великаго. Теперь я прочелъ всего Григорія Богослова, оканчиваю Василія Великаго, многое прочелъ изъ твореній Златоуста и не знаю, которому изъ трехъ святителей дать предпочтеніе. Всѣ трое горятъ любовью къ Богу и человѣчеству; всѣ трое дѣйствуютъ и пишутъ въ полной христіанской свободѣ; всѣ трое кротки и строги, смиренны и непреклонны, миролюбивы и воинственны. Св. Григорій особенно удовлетворяетъ уму своею ясностью и возвышенностью; Св. Василій обращается прямо къ душѣ и возбуждаетъ въ ней любвеобильныя чувства; Златоустъ дѣйствуетъ съ особенною силою на волю,—хочется улучшаться, дѣйствовать, т.-е. христіанство переводить въ жизнь. Златоустъ долженъ быть вашимъ любимымъ св. отцомъ, вамъ надобно его прочесть отъ доски до доски. Василій Великій долженъ особенно нравиться Кириѣвскому, а Григорій Богословъ — Хомякову. Вотъ какъ я раздѣлилъ между вами св. отцовъ, а себѣ предоставляю всѣхъ троихъ, ибо я отъ нихъ въ равномъ восторгѣ.

Много это время я думалъ и все болѣе и болѣе вижу необходимость разорвать связи съ язычествомъ, т.-е. нашимъ обществомъ и нашимъ общественнымъ бытомъ, и крѣпче прилѣпиться къ ученію Христову и къ образу жизни съ Нимъ согласному. Всѣ мы называемся христіанами, а между тѣмъ въ жизни, въ мысляхъ и въ чувствахъ не многимъ чѣмъ ушли отъ язычниковъ. Что такое у насъ за религія? Запрятали ее въ какой-то уголокъ, тамъ засвѣчаемъ передъ нею лампаду, а цѣлый день живемъ какъ будто еще Счастливецъ не явился на землѣ. Взглядъ на Европу для христіанина крайне назидателенъ: настоящей вѣры тамъ мало, все творится въ духѣ сего міра, а между тѣмъ безъ сознанія они работаютъ въ пользу христіанства. Теперешнее положеніе и наукъ, и искусствъ, и жизни имѣетъ много сходства съ временами предшествовавшими божеству Спасителя. Философія дошла до сознанія необходимости отравленія; искусства высказали все и теперь пришли въ упадокъ; жизнь перешла въ грубую чувственность, безъ всякой духовной живительной искры.

Переворотъ въ Европѣ долженъ быть. Церковь въ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка видимо упала, теперь необходимо должно быть ея возрожденіе. Наша церковь, конечно, всего болѣе сохранила жизни, въ ней ученіе Христово всего живѣе и чище. Что предстоитъ во второй половинѣ XIX вѣка? Едва ли кто дерзнетъ это предсказывать!

Я читаю теперь съ великимъ наслажденіемъ соч. Неандра о Златоустѣ. Хотя и протестантъ, а горячо пишетъ о семь св. отцѣ. Когда пріѣду въ Москву, то дамъ прочесть эту прекрасную книгу.

8 ноября 1852 г.

С. Песочня.

№ 2. Письмо А. И. Кошелева А. С. Хомякову о томъ же предметѣ.

Что ты подѣлываешь, другъ мой Хомяковъ? Когда располагаешь быть въ Москвѣ? Мнѣ очень хочется съ тобою свидѣться и обо многомъ поговорить. Сочиненіе твое, писанное по-французски, я прочелъ съ величайшимъ наслажденіемъ. Ты вдохновенъ былъ свыше, а потому все посланіе писано въ одномъ прекрасномъ духѣ, съ ясностью и живостью, чѣмъ не всегда отличаются твои статьи. Хотѣлось мнѣ помочь тебѣ, но не удалось. Времена тяжелыя, можно какъ разъ сдѣлать пророчку.

О себѣ скажу тебѣ, что я теперь пріѣхалъ въ деревню на мѣсяцъ; жена и дѣти уже въ Москвѣ, и я послѣ 20 ноября туда отправляюсь на зиму. Съ 1-го апрѣля занятія мои шли порядочно, но июль и августъ занять былъ машинами, объ испитаніи коихъ прочти мою статью краткую въ Москов. Зем. журналѣ, а болѣе обстоятельная будетъ напечатана въ Москов. Сборникѣ (?) и въ Лебедянскихъ Запискахъ. Прочелъ я болѣе половины Ветхаго Завѣта, всего Григорія Богослова и Василія Великаго и многое изъ твореній Златоустаго. Теперь начинаю читать Ефрема Сирина. Какъ хороши переводы Московской духовной академіи! Эти чтенія принесли мнѣ много пользы. Я имъ обязанъ и величайшими, неизреченными наслажденіями, и истиннымъ душевнымъ назиданіемъ. Да, другъ мой, эти три святителя глубоко понимали христіанство! Весьма хотѣлось бы мнѣ обо многомъ съ тобою переговорить, хотѣлось бы узнать, до какой степени мы согласны. Съ Кирѣевскимъ видѣлся въ сентябрѣ и началъ октября и съ нимъ мы во многомъ не согласны. Чувствую теперь, какъ трудно удержаться въ вѣрѣ съ настоящею христіанскою свободою. Какъ разъ стрѣлка пойдетъ или на ту, или на другую сторону! Какъ высокъ апостоль Павелъ во всѣхъ, а въ особенности въ этомъ отношеніи! Чуть предашься вѣрѣ, — теряешь христіанскую свободу; дашь ходъ свободѣ, — слабѣетъ, исчезаетъ вѣра; истинное же христіанство состоитъ въ единствѣ вѣры и свободы.

Если важно понимать ученіе Христово, то несравненно еще важнѣе жизнь проникать Его божественными правилами, и въ этомъ отношеніи мы еще болѣе далеки отъ христіанства, чѣмъ даже въ первомъ. Даже у вѣрующихъ изъ насъ вѣра что-то странное: выстроили мы ей часовню, зажгли лампаду, оказываемъ ей даже всякія почести, но далѣе идти считаемъ излишнимъ. Что намъ за дѣло, что и наши дѣйствія и окружающія насъ отношенія суть чисто-язмыскія! Мы сдѣлали изъ вѣры покойныя кресла и со всякими комфортами въ нихъ посиживаемъ. Безъ сознанія мирскіе католики. Это зло, по-моему, вреднѣе, опаснѣе самаго невѣрія, ибо оно ему корень. Невѣръ правъ, дѣйствуя какъ онъ дѣйствуетъ, но вѣрующій, ведя образъ жизни невѣра, несетъ тяготу его грѣховъ. Эта мысль, думаю, всего тяжче лежала на душѣ Гоголя; онъ, полагаю, и изнемогъ подъ ея бременемъ. Онъ хотѣлъ быть монахомъ въ мѣрѣ, что всегда было трудно, а теперь невозможно. Нельзя не сознаться,

что теперь выдвинуты и требуют разрѣшенія вопросы общественные. Европа пытается их разрѣшить, а никакъ их не разрѣшить, ибо идетъ не изъ центра къ окружности, а наоборотъ. Мы не пытаемся по-европейски — и хорошо дѣлаемъ: съ окружности центра не найдешь. Намъ должно себя и насъ окружающее освѣтить, и освѣтить солнцемъ вѣры, коей мы сподобились. Намъ нужно глубоко себя проникнуть истинно: *стра безъ дѣла мертва*. И еще вмѣстѣ съ однимъ св. отцомъ должны на дѣлѣ явить: *безъ знанія нѣтъ жизни, но и безъ настоящей жизни нѣтъ eterna знанія*.

Заговорился я съ тобою, другъ мой Хомяковъ. Но я такъ проникнуть истинно, что необходимо намъ жизнь проникнуть ученіемъ Христовымъ, что не могъ не высказать этого въ бесѣдѣ съ тобою. При свиданіи поговоримъ о многомъ; я думаю, что ты найдешь во мнѣ нѣкоторыя перемены, за которыя можно поглядѣть по головѣ, но не просто, а съ угрозою: смотри, братъ, не останься при словахъ.

9 ноября 1852 г.

С. Песочня.

№ 3. Отвѣтное письмо И. С. Аксакова А. И. Кошелеву на № 1.

Читайте не торопясь.

Письмо ваше отъ 8-го ноября получилъ я 23-го ноября, любезнѣйшій Александръ Ивановичъ. Видите, какъ долго ходятъ письма! Это отчасти причиною, почему не писалъ къ вамъ въ деревню; къ тому же я не зналъ навѣрное, долго ли вы останетесь въ Песочнѣ.

Письмо ваше живо передало мнѣ и состояніе вашего духа, и тотъ мятежъ мыслей, задачъ, требованій, вопросовъ и стремленій, возбужденныхъ въ васъ чтеніемъ св. отцовъ. Такой же мятежъ верѣдко поднимается и во мнѣ. Не думайте, чтобы слова эти относились къ сомнѣнію, къ недостатку вѣры. Нѣтъ, не про это я говорю. Я говорю про то состояніе духа, когда, весь проснувшійся, онъ подобенъ быстрому возмущенному потоку, про состояніе головы, похожее на то, когда человекъ, взглянувъ на солнце и ослѣпленный свѣтомъ, видитъ послѣ того передъ собою отдѣльные пламенные кружки. Мысли роятся, и трудно, по крайней мѣрѣ, построить ихъ въ логической связи и системѣ. Но выражусь яснѣе; читайте только не торопясь. Вы говорите о необходимости разорвать связь съ язычествомъ, то-есть не только съ обществомъ, но и со всѣмъ общественнымъ бытомъ, о необходимости соглашенія всей жизни съ Христовымъ ученіемъ, о состояніи Европы, похожемъ на положеніе міра передъ рождествомъ Спасителя, о близости переворота, о неминуемомъ возрожденіи церкви. На ваши слова, на вашъ кличъ о разрывѣ съ язычниками, мнѣ было бы легко отвѣчать вамъ такими же кликами, потому что они мнѣ по душѣ, они совпадаютъ съ воинственностью моего духа; я писалъ много стиховъ въ этомъ смыслѣ и собираюсь написать стихи, гдѣ говорю о необходимости такого подвига, который бы пожиралъ человека, который бы славалъ въ одно цѣлое всю жизнь человека, вопреки раздробленію ея на дни, часы и минуты, который бы мчался черезъ ежедневность, черезъ *злону*, т.-е. заботы и случайности каждаго дня; въ этихъ стихахъ я говорю о нашей любви къ человечеству, проповѣдуемой послѣ жирнаго ужина, о нашихъ трудахъ на пользу общую, — трудахъ, которые только прихоть или роскошь нашихъ барскихъ досуговъ, и т. д., и т. д. Хотя это и не совсѣмъ то, что вы высказываете, однако же совпадаетъ съ тѣмъ. Братъ Константинъ говорилъ всегда то же, что и вы теперь, и, прочтя ваше письмо, хотѣлъ выразить вамъ полное свое сочувствіе. Но потому ли, что всегда легче давать совѣты и дѣлать замѣчанія, или по особенному моему свойству, по милости котораго въ глубинѣ души моей есть

какое-то сокровенное, но добросовѣстное, безопадное зеркало, обличающее самыя горячія мои движенія, — свойство, благодаря которому въ глубинѣ души, въ минуты положительнаго слова, шевелится вопросъ, при жаркихъ воззваніяхъ поднимается протестъ, нерѣдко оставляемый мною безъ вниманія, — какъ бы то ни было, но, сочувствуя вамъ, хочу высказать вамъ мои задушевные недоумѣнія.

Не думайте, чтобы такъ было легко опредѣлить себѣ образъ дѣйствій и начертать путь, которымъ слѣдуетъ идти. Берегитесь легкости въ постройкѣ системъ жизни, — это самая опасная вещь. Спросите себя: прониклась ли душа ваша достаточною любовью къ ближнему, а не только любовью къ истинѣ, пришла ли она въ то благо-раствореніе, которое смягчитъ сердце и даетъ особенный тонъ и колоритъ всѣмъ вашимъ поступкамъ? Это не общія мѣста. Горячо любилъ Бога святой Іосифъ Волоцкій, за это онъ и святъ; но онъ жегъ еретиковъ и былъ неправъ. Я долженъ по совѣсти признаться, что когда меня обдастъ вониственнымъ жаромъ любви къ добру и правдѣ, то, чтобы не стѣснять просторъ моего негодованія, я стараюсь не видѣть Евангелія, лежащаго у меня на столѣ, а припоминаю ревность Бога Израиля, ветхозавѣтныхъ изреченія и псалмы Давидовы. Такъ я недавно написалъ письмо къ одной моей пріятельницѣ, бывшей долго подъ добрымъ моимъ вліяніемъ и находившейся со мною въ самыхъ безкорыстныхъ и честныхъ отношеніяхъ. Она сдѣлала вдругъ очень дурной поступокъ, и я обличилъ ее со всею силой слова безопадно-рѣзко и разорвалъ съ ней всякія сношенія. Письмо мое было одобрено и мною, и братомъ Константиномъ, и другими. Но хорошо ли это? Развѣ я тутъ не шегольнулъ благородствомъ своей души, выломъ своего негодованія, наконецъ мѣткостью языка? „Эхъ какъ выругался!“ — думалъ я самъ въ себѣ... И долженъ я по совѣсти признаться, что поступилъ я не совсѣмъ хорошо, — что вмѣсто того, чтобы подать руку помощи, я можетъ-быть еще наложилъ руку на ближняго и толкнулъ его въ пропасть, разорвавъ съ нимъ сношенія, что въ душѣ моей было больше негодованія, нежели *скорби*! Все это я пишу для того, чтобы предостеречь себя и васъ отъ рѣзкости и жестокости при объявленіи войны язвѣникамъ!

Намъ заповѣдано любить Бога и потомъ любить ближняго. И, странно, любовь къ Богу чаще встрѣчается, чѣмъ любовь къ ближнему! Повидимому, это — негѣпость: одно съ другимъ нераздѣльно, одно безъ другаго неполно. А между тѣмъ это такъ. Человѣкъ такъ способенъ отвлекаться (абстрагироваться), такъ склоненъ къ отвлеченному созерцанію, такъ падокъ на отвлеченныя системы и такъ умѣетъ привязываться къ нимъ со всею силою любви, что подобныя явленія встрѣчаются очень часто; такихъ примѣровъ между святыми найдешь десятками. Я уже говорилъ вамъ объ Іосифѣ Волоцкомъ. Этому очень много содѣйствуетъ *чтеніе* и погруженіе въ отвлеченное благочестивое созерцаніе, *безъ живыхъ дѣлъ добри, безъ живыхъ отношеній къ живымъ людямъ*. Я долженъ вамъ сказать, что вы на пути не все безопасно. Берегитесь для Бога забыть людей! Я вамъ говорю это потому, что меня пугаетъ иногда жаръ, съ каковымъ вы предаетесь своимъ занятіямъ, своему уединенному чтенію... Святые столпники стояли лѣтъ по 30 на столпахъ; другіе лежали по столько же лѣтъ на одномъ боку, или въ гробу; третьи затворялись въ келліяхъ и каменными стѣнами ограждали себя отъ общества, отъ того язычества, съ которымъ и вы хотите разорвать связи. Всѣ они достигли святости, а глубоко чту ихъ и не думаю, чтобы оскорбилась святая истина, если ихъ подвигъ назову я святымъ безуміемъ. И они были неправы передъ людьми; мнѣ кажется, и они преступили заповѣдь о любви къ ближнему. Боже мой! въ тѣ минуты, или лучше сказать секунды, когда вдругъ иногда снизойдешь въ душу, обрѣтешь такое богатство любви, такое добро, — тысячерукимъ хотѣлось бы быть, чтобы вездѣ поспѣть съ помощью, съ словами любви

и утѣшенія! И въ тѣ священныя минуты дико подумать мнѣ о пустынничествѣ, отшельничествѣ или монастырѣ!

Далѣе. Вы хотите разорвать связи съ общественнымъ бытомъ, жить образомъ жизни согласнымъ съ ученіемъ Христа. Константинъ же проповѣдуетъ общественное отшельничество... Все это такъ и я съ этимъ согласенъ, но вотъ мои замѣчанія: „Жить образомъ жизни согласнымъ съ ученіемъ Христа“—легко сказать. Да знаете ли, что со времени Иисуса Христа едва ли былъ человѣкъ жившій этимъ образомъ жизни! Не стану говорить объ апостолахъ, но не знаю ни одного святаго, котораго образъ жизни соответствовалъ бы вашему требованію: образъ жизни пустынниковъ, отшельниковъ и монаховъ, по моему мнѣнію, съ ученіемъ Христа и съ заповѣдью Его о любви къ ближнему не согласенъ. Тутъ надобно различать личный подвигъ, личное совершенствованіе человѣка и отношеніе его къ обществу. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи еще не было человѣка столько совершеннаго, сколько совершеннымъ можетъ быть человѣкъ въ смыслѣ личной святости. Наприм. св. Сергій благословляетъ войска и посылаетъ ихъ на брань именемъ того, кто запретилъ вынимать мечъ изъ ноженъ; тамъ святые благословляютъ и освящаютъ незаконныя требованія государства и проч., и проч., и проч. Христіанской общины, христіанскаго общественнаго быта еще нѣтъ и, въ этомъ смыслѣ, еще не выработался образъ жизни согласный съ Христовымъ ученіемъ. Вы скажете, что вы разумѣете только стремленіе къ этому образу жизни, а это—другое дѣло... Но и тутъ будьте осторожны,—вамъ предстоитъ вѣчное мучительное стремленіе, и вы должны всячески опасаться, чтобы не опредѣлить слишкомъ опредѣлительно того образа жизни, котораго вы домогаетесь, чтобы не построить системы, не положить рамокъ. Объясню вамъ это примѣромъ: разрывая связи съ азычествомъ, вы, въ числѣ прочихъ обвиненій, заслужившихъ ему это названіе, выставляете *роскошь*. Вслѣдствіе сего сами вы сокращаете свои расходы, и въ той отшельнической общинѣ, куда вы удаляетесь, тратите вы на себя, положимъ, не 5.000, а 3.000. Но и эти 3.000—роскошь! Крестьянинъ скажетъ вамъ, что это неисчетное богатство. Вмѣсто сукна въ 20 рублей аршинъ, вы можете носить не только въ 15, но и въ 10 рублей,—не только въ 10 рублей, но и въ 5,—не только въ 5 рублей, но и дерюгу. Гдѣ вы тутъ остановитесь? Вамъ, можетъ-быть, покажется этотъ примѣръ слишкомъ мелочнымъ, но вѣдь это такъ во всемъ. Мнѣ хочется только объяснить, что это общественное отшельничество можетъ вести къ великой гордости, къ самодовольствію, къ опасному заблужденію. Для общества существуетъ мудрый законъ роста и созрѣванія, который насиловать невозможно, но котораго уклоненія, а также и болѣзни роста должно гнать соответственными возрасту гѣбарствами. Апостолъ Павелъ говорилъ съ аеяніями языкомъ еллинской мудрости, съ евреемъ былъ еврей, съ азычникомъ—язычникъ. На этомъ основаніи можно употреблять и теперь оружіе проповѣди комедію, сатиру и проч. Всѣ сочиненія Гоголя имѣютъ это значеніе, хотя многимъ горячимъ христіанамъ, а можетъ-быть и вамъ, они кажутся какимъ-то недостойнымъ, чисто-земнымъ мірскимъ средствомъ! Ап. Павелъ приказываетъ принимать въ среду христіанъ колеблющагося въ вѣрѣ безъ преній о вѣрѣ; запрещаетъ разрывать браки новообратившихся христіанъ съ азычниками, чтобы невѣрные святились о вѣрныхъ. Я указалъ вамъ на все это какъ на способы дѣйствовать на общество, какъ на примѣры отношеній къ обществу. Не думайте, чтобы я не признавалъ, что есть такіе общественныя поступки, которыхъ дѣлать никогда не слѣдуетъ; не воображайте, чтобы я, за невозможностью устроить вполне христіанскій образъ жизни, отвергалъ всякое стремленіе къ нему, и проч., и проч. Чувствую, что неясно выражаюсь, но я хочу сказать: во 1-хъ, при разрывѣ съ обществомъ, при объявленіи ему войны, или при удаленіи отъ него—слѣдуетъ прежде всего

вспомнить о 2-й заповѣди Христовой и о томъ, въ какой мѣрѣ мы можемъ ее выполнять, удаляясь отъ тѣхъ, кому мы нужны, раздражая ихъ безъ пользы, обличая ихъ словомъ лишеннымъ любви; во 2-хъ, слѣдуетъ рассмотреть — не слишкомъ ли послѣшно беремъ мы на себя званіе апостольское, не становимся ли мы на пьедесталъ не мало ли избѣгаемъ мы шуму и треску при нашихъ благородныхъ поступкахъ; можетъ-быть истинный христіанинъ, побывавъ межъ нами, бурными отшельниками изъ языческаго общества, захочетъ бѣжать и отъ насъ, не найдя между нами истиннаго духа Христова; въ 3-хъ, въ отношеніи къ частнымъ лицамъ должно помнить, что презрѣніе, жесткое слово и вообще духовный кулакъ не всегда полезенъ, не всегда у мѣста, что обильнѣе плодами слово любви, что какъ апостолъ Павелъ употреблялъ особенный пріемъ въ отношеніи къ азиянамъ, такъ и въ отношеніи почти каждаго лица требуются свои особые пріемы, что нельзя отъ инаго требовать всего вдругъ, но слѣдуетъ его вести постепенно. Одинъ святой желалъ обратить на путь истины нѣкую грѣшную жену, нарядился молодымъ человѣкомъ, познакомился съ ней, сталъ ее навѣщать, приобрѣлъ ея довѣренность и, не доведя дѣла до грѣха, успѣлъ обратить ее. Я не предлагаю этого способа, потому что въ немъ есть обманъ, но указываю вамъ на кротость, терпѣливость и снисходительность, необходимыя въ отношеніи къ другимъ. Нельзя, напримѣръ, сказать иному: не танцуй, но слѣдуетъ постепенно привести его душу къ тому, чтобы ему самому не захотѣлось танцовать. Въ 4-хъ, въ отношеніи къ обществу вообще. Здѣсь должно также завѣситься, въ чемъ больше пользы: въ ругательствахъ ли, въ воспитаніи ли отдѣльныхъ личностей, составляющихъ общество, въ разъясненіи ли обществу настоящаго смысла его дѣйствій и всего образа жизни. Надо помнить, что общество идетъ по лѣстницѣ и никакъ не можетъ перескочить вдругъ черезъ сорокъ ступеней, на ту ступень, которую вы ему указываете. Видя передъ собой, вслѣдствіе вашей проповѣди, необходимость такого отчаяннаго прыжка, оно, убоявшись, рѣшится, пожалуй, остаться на одной ступени или сходить внизъ. Никакъ нельзя тѣ требованія, какія могутъ относиться къ отдѣльной личности, переносить на общество. Едва ли также есть польза въ строгой проповѣди. Вы ему ничего не скажете новаго; вы не укажете ему идеала выше указаннаго въ Евангеліи, а гораздо болѣе сдѣлаете вы ему благодѣянія, если какъ-нибудь посвятите ему и поможете перевалиться на слѣдующую ступень. Кромѣ того, отдѣляя себя отъ общества, слѣдуетъ подумать, не слишкомъ ли мы сами надъ нимъ превозносимся; нѣтъ ли въ этомъ чего-нибудь оскорбительнаго; не должно ли совѣты обществу распространять и себѣ, то-есть дѣлать видъ, какъ будто даешь совѣты и себѣ, не считая себя превыше общества.

Вы не должны изъ этого заключать, что я признаю необходимость какого-то смѣшенія съ обществомъ, какого-то потворства лжи, суетѣ и проч. и проч. Нисколько, но я считаю нужнымъ строго смотрѣть за собою и воспитать себя не только въ познаніи истины, но и въ любви къ ней. Собственно я нуждаюсь въ этомъ гораздо болѣе, чѣмъ вы, и чувствую, что меньше всякаго другаго способенъ слѣдовать всѣмъ прекраснымъ совѣтамъ, которые я даю другимъ, но кажется мнѣ это такъ. Я часто стараюсь въ воображеніи своемъ олицетворить мудрость и пробую впадать въ ней въ уста свои стихи, свои выходы благороднаго содержанія, и чувствую, что неприличны они устами мудрости, что не такъ бы она стала выражаться и дѣйствовать.

Видите, какъ я вамъ много написалъ. Мнѣ слѣдовало бы, мнѣ хочется отвѣчать вамъ на другую половину письма: о состояніи Европы, о близости переворота и о возрожденіи церкви; у меня много роится мыслей объ этомъ предметѣ, давно

возникших и никогда не высказанных, по несчастному моему неумѣнью высказывать свои мысли стройно и вѣстными словомъ, — но я ужъ теперь усталъ, написавъ за одинъ пріемъ такое огромное письмо, а потому и отлагаю это до слѣдующихъ разовъ. О Сборникѣ новаго ничего нѣтъ; впрочемъ спросите Ольгу Федоровну, по почтѣ же писать неудобно. Самъ я работаю день цѣлый; читаю акты, грамоты, судебники и проч., и проч. О важности этихъ занятій когда-нибудь поспѣ; я ищу въ русскомъ бытѣ залоговъ новаго общества, новаго возрожденнаго міра.

1852 г. ноября 24.

Абрамцево.

№ 4. Письмо Н. С. Ансанова А. И. Кошелеву о томъ же предметѣ.

Я прочелъ письмо ваше къ брату Ивану: тамъ есть мысль, которая мнѣ совершенно по душѣ и о которой я много говорилъ съ Хомяковымъ и, вѣроятно, съ вами. Но возможно, что я васъ какъ-нибудь не такъ понялъ. А потому хочу объясниться.

Вы говорите, что надо разорвать связи съ обществомъ. Совершенно справедливо. Когда я говорилъ о томъ же Хомякову, онъ на это возражалъ мнѣ, что такъ какъ около насъ нѣтъ другой общественной жизни, то нельзя не примкнуть къ этой. Возраженіе, по моему мнѣнію, вполне ошибочное.—Если нѣтъ другой дѣятельности, кромѣ дурной, лучше вовсе ничего не дѣлать, чѣмъ приставать къ ней. Если нельзя жить общественною жизнью, кромѣ той, какая передъ нами, то лучше вовсе отъ нея отказаться.—Если согласиться съ Хомяковымъ, то общество и общественность потеряютъ всякій смыслъ. Общество, съ своею общественною жизнью, есть не собрание, не стадо, а союзъ людей, основанный на единствѣ началъ, убѣжденій. Какъ скоро такого основанія у общества не имѣется, то общественная жизнь уже развратна, ибо общество безъ всякихъ нравственныхъ началъ—*безнравственно*, какъ самое это слово показываетъ, имѣя притомъ положительно дурной смыслъ. Обществу же съ порочными началами и говорить нечего. Само собою разумѣется, что, принадлежа къ безнравственному обществу, вы или принимаете его начала, духъ его жизни, или, по крайней мѣрѣ, отказываетесь отъ потребности нравственнаго союза людей. Съ другой стороны, если вы, принадлежа къ обществу, построенному на началахъ нравственныхъ, допускаете въ него человѣка противорѣчающаго или своими мнѣніями, или постоянно своею жизнію — вашимъ общественнымъ началамъ, тогда вы отказываетесь, слѣдовательно, отъ вашихъ общественныхъ началъ; для васъ не нужно единство общей головы и вы потрясаете всю общественную связь, расшатываете самыя основанія общества и ослабляете его нравственную силу. Апостолъ Павелъ прямо говоритъ объ исключеніи изъ среды христіанской общины самую общинную человѣка, противорѣчающаго ея началамъ.—Въ подобномъ случаѣ нѣтъ общей связи, нѣтъ общества. Вотъ это значеніе общества позабыли мы вполне; отсюда появилась ясная для васъ, и для меня, и для многихъ непобѣдимая мерзость свѣта, который силенъ не злодѣями, не разбойниками и ворами, а порядочными и добрыми, но дрянными и дряблыми людьми. Для человѣка мало одной *личной* нравственности. Есть нравственность *общественная*. Первую еще можно встрѣтить у насъ, а послѣдней не добьетесь. Между тѣмъ послѣдняя дѣйствуетъ сильно и на личную нравственность; отъ того, что ея нѣтъ у насъ, такое всюду безсиліе, такая апатія, дряни у насъ больше, чѣмъ настоящаго зла.—Если хотите, у насъ образовалось общество съ своею жизнію, торжественно признающее, что не нравственныя, но внутреннія начала, а *приличіе* должно быть общественною основой. Это общество — *святъ*. Съ нимъ разорвать необходимо связи. Какъ-то случилось мнѣ однажды, именно у Бе-

стужевых, гдѣ счелъ я долгомъ сказать мои мысли о жизни общественной, — мнѣ возражали, что такимъ образомъ придется остаться одному. На это отвѣчалъ я, что, во первыхъ, найдутся люди, съ которыми въ общеніи быть можно; во вторыхъ, что еслибъ ихъ не нашлось, то должно сохранить себя. Что сталъ бы я дѣлать, еслибъ окруженъ былъ язычниками? Вошелъ ли бы я въ общеніе жизни съ ними? А современнѣйшій свѣтъ, конечно, хуже языческаго общества. Въ наши времена право знакомства, неотъемлемое ваше право, должно получить полезный смыслъ. И повѣрьте, что только рѣшимся поступать строго въ этомъ дѣлѣ, возникнетъ и сила общественная, и общественная жизнь. — Не поймите моихъ словъ такъ, что всѣхъ людей внѣ стоящихъ должно презирать и не имѣть съ ними соприкосновенія. Каждый язычникъ имѣетъ право на вашу любовь и на пользу отъ васъ; но отношеніе между вами и имъ иное: не общественное (онъ не можетъ принимать участія въ вашей жизни, въ вашемъ союзѣ), а частное, цѣль котораго — сдѣлать возможнымъ для язычника это общеніе. Бойтесь изъ сожалѣнія къ нему убить весь строй вашей не только личной, а общей жизни. — Вы можете и должны оказать и внѣшнюю, и внутреннюю помощь кому бы то ни было, хоть жиду, но принимать его въ свое общеніе жизни не можете: такъ понимаю я не буквально запрещеніе ѣсть и пировать съ язычниками, — въ этомъ случаѣ бываетъ уже не то единственное, частное отношеніе, а общеніе жизни. Повторяю: общество есть союзъ людей, основанный на единствѣ нравственнаго начала. Если вы принимаете человѣка, не признающаго этого начала, то или общество, по-вашему, нравственныхъ началъ не имѣло, или вы сами же отъ этихъ нравственныхъ началъ отказываетесь. У насъ этого не понимаютъ. Общественная нравственность у насъ не существуетъ, а отсутствіе ея губительно. Это мы видимъ на дѣлѣ. Я носился со статьею, гдѣ говорилъ объ этомъ.

Очень жалѣю, что прочелъ прекрасное письмо къ вамъ брата Ивана (№ 3), послѣ того, какъ написалъ вамъ письмо. Духъ письма совершенно истиненъ, но размышленія не всѣ вѣрны. Согласенъ я со всѣмъ тѣмъ, что говоритъ онъ о личной утлѣи человѣка при осужденіи; но это уже частная вина отдѣльнаго лица, а дѣло отъ этого не должно измѣняться. И во времена апостоловъ иные христіане могли изгонять изъ своей общины съ яростью, но изгонять, тѣмъ не менѣе, было должно. — Надо очень отдѣлать личный подвигъ отъ подвига общественнаго. Когда въ церкви говорятъ: „оглашенніи измыдите! вѣрніи помолимся!“ — вы остаетесь съ вѣрными, а не уходите съ оглашенными; между тѣмъ лично вы можете быть хуже ихъ. Христіанинъ можетъ быть величайшая дрянь и отвѣтить за это Богу; но, тѣмъ не менѣе, онъ остается въ общинѣ христіанской. Еслибъ изгонять грѣшниковъ, то никого бы не осталось и некому было бы изгонять. Изгоняйте не *грѣшниковъ*, а *еретиковъ*. Подъ этимъ именемъ я разумѣю или людей исповѣдующихъ безнравственнаго начала, или ведущихъ постоянно безнравственный образъ жизни.

№ 5. Отвѣтное письмо А. И. Кошелева И. С. Аксакову на № 3.

Премного вамъ благодаренъ, дражайшій Иванъ Сергѣевичъ, за ваше чудное письмо. Вполнѣ сочувствую общему стремленію, смыслу вашего посланія, т.-е. тому, что должно по мѣрѣ и возможности дѣйствовать на людей, не отдѣляясь отъ нихъ, что монашество не есть цѣль человечества, что удаленіе крайне вредно для самого отдѣляющагося и пр. Примѣръ святаго, ходившаго по будничнымъ для испуленія тамъ душъ и не боявшагося замарать себя ни передъ людьми, меня также поразила своею глубокостію при чтеніи Четин-Миней. Но когда этотъ святой рѣшился на такой подвигъ? Не тогда ли, когда онъ чувствовалъ себя доста-

точно совершеннымъ, т.-е. крѣпкимъ? Спаситель и апостолы могли возлежать съ итарями, ибо они не боялись за себя; кто же изъ насъ въ такомъ положеніи? Мы съ ногъ до головы покрыты стружьями; можетъ-быть чувствуемъ въ себѣ нѣкоторую силу, съ помощью Божью, врачевать себя и дѣйствовать къ той же цѣли на ближайшую окрѣпость, но какъ апостолъ Павелъ сказалъ: *bestem zlamia tialim obycham blamie*. Если въ моемъ письмѣ я употребилъ *разрываетъ* связи съ язычествомъ, то это чистая описка, происшедшая отъ того, что часто не перечитываю своихъ писемъ: я хотѣлъ сказать: *разрываетъ*, ибо первое для насъ совершенно невозможно, — мы всѣ напичканы язычествомъ, и чтобы съ нимъ разобщиться, надобно себя уничтожить. Я думалъ и думаю, что надобно по мѣрѣ возможности разрывать связи съ язычествомъ, т.-е. себя перевоспитывать и удаляться не лицъ составляющихъ общество, но самого общества. Хомяковъ очень справедливо сказалъ, что съ каждымъ человѣкомъ изъ общества на одинъ можно бесѣдовать, но что въ обществѣ ни съ кѣмъ и ни о чемъ рѣшительно говорить нельзя. Прежде Василій Великій выразилъ ту же мысль: не разрушайте, говорятъ онъ, связей съ язычниками, ибо вы можете быть имъ полезными, но убѣгайте ихъ обществъ, ихъ пировъ и бесѣдъ, потому что тамъ вы погубите свою душу. — Если я говорю, что мы должны удалиться *общества* и его обмычаевъ, то это не потому, чтобъ я презиралъ людей составляющихъ такъ называемое *la société* (Боже сохрани меня отъ такой гордости и глузости!) и не потому, чтобъ я имѣлъ склонность къ пустынножительству (оно совершенно противно моему природѣ и люди для меня необходимы); но единственно потому, что мы всѣ и каждый изъ насъ въ особенности крайне дряхлы, что мы очень готовы засыпать на подушкѣ общаго самодовольствія и духовной дремоты, что мы, расходуя себя по грошамъ, тратимъ послѣднія силы, что мы, при развлеченіи общественномъ, не имѣемъ силы, возможности, досуга войти въ себя, что намъ нужно себя переработывать (о чемъ такъ много и такъ прекрасно говоритъ апостолъ Павелъ), къ чему, конечно, не общество дастъ намъ средства, и пр. — Если вы думаете, что человѣкъ никогда добросовѣстно не скажетъ: теперь я готовъ, могу дѣйствовать и для пользы другимъ, — то это, думаю, не совсѣмъ справедливо. Въ свѣтскомъ любомудрїи это дѣйствительно такъ: тамъ исканіе центра съ окрѣпости; въ христіанскомъ же любомудрїи исходъ изъ центра. Мы видимъ въ самыхъ смиренныхъ подвижникахъ время, когда они, чувствуя свою *зрѣлость*, выходили на проповѣдь. Это дается свыше, дается всякому, по мѣрѣ его достоинства, по непреложному слову Господню: *толците и отверзется вамъ; просите и дастся вамъ*.

Я особенно настаиваю на необходимости разрывать по возможности связи съ язычествомъ, ибо вижу ежедневно, какъ *сѣть*, т.-е. тьма, дѣйствуетъ дурно на людей даже вѣрующихъ, даже одаренныхъ душою теплою. Сколько людей погибло по милости уступчивости свѣтскимъ требованіямъ и обычаямъ! Сколько каждый изъ насъ загрязняется ежедневно отъ пресмыканія въ свѣтской, обычной колѣѣ. Какъ ни прїѣдемъ въ Москву, какъ ни потрепшемся въ салонахъ даже самыхъ менѣе нелѣпыхъ, а вскорѣ чувствуешь и въ умѣ и въ душѣ ущербъ. Знаю, что вы *это* весьма чувствуете, а потому за васъ менѣе боюсь, чѣмъ за другихъ. Многие легко увлекаются, растериваются, и эти утраты съ большимъ трудомъ вознаграждаются. Въ числѣ этихъ многихъ я ставлю себя въ числѣ первыхъ, а потому и говорю объ этомъ съ болѣзненнымъ чувствомъ. Не могу я ходить въ буднична для ищѣнія тамъ душъ; мнѣ въ мѣрѣ нуженъ, еще очень нуженъ монастырь — нужна братья, которая бы мнѣ помогала въ такомъ подвигѣ самопересозданія.

Если я писалъ къ вамъ и къ Хомякову о необходимости разрывать связи съ язычествомъ, то конечно писалъ не въ видѣ поученія или проповѣди, но какъ чело-

вѣкъ сильно проникнутый тѣмъ, что каждый изъ насъ одинъ слабъ и ничего не можетъ сдѣлать не только въ отношеніи другихъ, но и въ отношеніи самого себя. Дружеская бесѣда, дружеское письмо много значатъ для человѣка. Теперь дѣло идетъ не о частномъ какомъ дѣлѣ, не объ отдѣльномъ какомъ измѣненіи, но о существенномъ, чуть-чуть не всецѣломъ преобразованіи нашемъ какъ въ личномъ, такъ и общественномъ отношеніи.

Не думайте, дражайшій Иванъ Сергѣевичъ, чтобъ я зачитывался св. отцовъ. Дѣйствительно, я много читаю и нахожу въ нихъ обильный источникъ того, чего я тщетно искалъ въ жизни, въ Шеллингахъ и пр. Вы имѣли о нихъ ложное понятіе, васъ ими напугали какъ привидѣніями. Конечно, неразумное чтеніе св. отцовъ можетъ быть вредно; но и самое Евангеліе, худо понятое, возжигало костры, вооружало народы и пр. Я не вижу въ св. отцахъ яснаго разрѣшенія настоящихъ общественныхъ вопросовъ (какъ то говорить нашъ дражайшій Кирѣевскій); но глубоко убѣжденъ, что они должны намъ сильно помочь къ возвращенію въ христіанство и къ разрѣшенію современныхъ вопросовъ.

Вы говорите въ своемъ письмѣ о мятежѣ мыслей, задачъ, требованій, вопросовъ и стремленій, возбужденныхъ во мнѣ чтеніемъ св. отцовъ. Въ этомъ вы ошибаетесь. Вы переносите этотъ мятежъ съ себя на меня. И еще никогда не былъ въ большемъ душевномъ мирѣ, какъ теперь. Задачъ, мыслей, вопросовъ, конечно, много; но благодарю Бога, что Онъ зажегъ во мнѣ искру вѣры, которая, умиротворяя душу, умножаетъ ея духовныя силы и разжигаетъ во мнѣ дѣятельность. Прежде неудачи, т.-е. результаты несоотвѣтственные ожиданіямъ, приводили меня если не въ отчаяніе, то въ уныніе; теперь я убѣжденъ въ томъ, что дѣло не въ результатахъ, а въ дѣланіи; дѣланіе есть нашъ удѣлъ, а результаты въ рудѣ Божіей... Это убѣжденіе не убиваетъ дѣятельности, а ее закаляетъ.

27 ноября 1852 г.

Москва.

№ 6. Отвѣтное письмо А. И. Кошелева Н. С. Аксанову на № 4.

Очень радъ, что мое письмо было написано, видно, неясно: оно мнѣ доставило чудное поученіе отъ Ив. Сергѣевича, съ которымъ я въ весьма многомъ согласенъ, и сочувственное письмо отъ васъ, дражайшій Константинъ Сергѣевичъ, съ которымъ въ существенныхъ вещахъ я весьма несогласенъ. Вы проповѣдуете вѣчное отшельничество въ обществѣ, а я желаю только временнаго удаленія изъ общества менѣе ради его дряхлости, чѣмъ ради нашей немощи. Вы предлагаете такіе законы, при коихъ никакое общество не можетъ существовать; я хочу наложенія на себя епитиміи, дабы очищеннымъ возвратиться къ людямъ, отъ которыхъ мы не можемъ и не должны удаляться навсегда. Вы основываете всѣ ваши общественныя правила на началахъ абсолютныхъ; я же того мнѣнія, что никакой абсолютный законъ въ обществѣ существовать не можетъ. Какъ неизмѣнность, вѣчность, миръ есть удѣлъ церкви, такъ измѣняемость, подвижность, борьба есть удѣлъ общества. Законы въ государствѣ должны истекать изъ обстоятельствъ и съ измѣненіемъ оныхъ должны измѣняться. При этихъ условіяхъ человѣчество преуспѣваетъ; поддержаніе *statu quo* Свербеева и ваша абсолютность суть уничтоженіе всякой дѣятельности. Знаю, что ваши законы очень широки, что просторъ есть слово вашего уложенія и что стѣсненія вы боитесь болѣе, чѣмъ я; но позвольте вамъ доложить, что ваши законы такъ отвлечены, что они не могутъ захватить ни одного обстоятельства, всякій день случашагося въ жизни. Государство не есть, конечно, случайный *aggregat* лицъ, не

есть вслѣдствіе какого-нибудь *contrat social* соединенное общество, но и не есть *союз людей, основанный на единствѣ началъ, убѣжденій*. Такое общество было въ мірѣ одно, да и то чисто-религіозное, т.-е. общество христіанъ во времена апостоловъ. Много разъ мы съ вами объ этомъ толковали, разсуждая о началѣ *единодушія*, которое вы поддерживали. Нѣтъ, дражайшій Константинъ Сергѣевичъ, вы о человѣческомъ обществѣ имѣете, какъ мнѣ кажется, ошибочное понятіе: что вѣрно на небѣ— въ религіи, то невѣрно на землѣ— въ міру. Общество не должно налагать на насъ оковъ,—общество не есть лице, а лишь *форма* для свободнаго развитія личностей. Соединяйте людей вѣрою, наукою и проч., но не касайтесь личной свободы, не налагайте на нее оковъ извнѣ. Ваше общество есть чистая невозможность,—ваше общество будетъ отвергать изъ среды себя до тѣхъ поръ, пока оно сосредоточится въ одномъ человѣкѣ.

Ваша исключительность противна всему ученію Христову, а примѣръ апостола Павла относится только къ крайнимъ случаямъ: онъ исключилъ одного изъ общества, а послѣ опять его принялъ. Какъ же на этомъ основаніи исключать изъ общества цѣлое общество?

Извините, что пишу коротко и очень неполно. Я повторяю то, что очень странно и много разъ вамъ говорилъ въ нашихъ бесѣдахъ. Сочувствую вашему желанію чистоты и единства для общества, но сознаю, что общество есть дѣло земное, а чистота и единство суть вещи небесныя. Нельзя ихъ насиловать, но должно ихъ къ себѣ на землю заманивать. Можно и должно людей къ нимъ наклонять, но нельзя ихъ къ нимъ усиленно нагибать.

№ 7. Отвѣтное письмо Н. С. Ансанова А. И. Кошелеву на № 6.

Я получилъ ваше письмо и отвѣчаю вамъ немедленно. Изъ вашихъ словъ вижу ясно, что вы меня во многомъ не такъ поняли. Вы вѣроятно (какъ я вижу) будете со мною спорить и тогда, когда мнѣ удастся объяснить свою мысль достаточно. Но пусть будетъ лучше споръ при взаимномъ пониманіи. Недоразумѣніе всегда досадно.

Мнѣ кажется, въ моихъ мысляхъ не различаете вы: 1) значеніе человѣка *личное* и значеніе человѣка *общественное*; 2) ошибку и ложь человѣка частную, личную, практическую отъ лжи общей, лжи самого возвращенія, или лжи *теоретической*. Постараюсь быть какъ можно яснѣе.

Въ письмѣ къ брату Ивану вы приводили слова Василія Великаго, чтобы имѣть сношеніе съ язычниками, какъ съ лицами, но удалаться отъ нихъ какъ отъ общества. Я очень радъ, что вы приводите эти слова. Они могутъ быть приняты за основу. Потрудитесь перечестъ письмо мое и вы увидите, мнѣ помнится, что у меня въ немъ написано, что я говорю о возможности личныхъ отношеній между христіаниномъ и язычникомъ, слѣдовательно между человѣкомъ самаго чистаго образа мыслей и жизни и человѣкомъ грѣшникомъ. Но въ то же время я говорю о томъ, чтобы порочнаго человѣка, явно и постоянно варушающаго нравственныя основы, не допускать въ *общество жизни*, не имѣть съ нимъ *общественныхъ* отношеній,—другими словами, не принимать въ свое общество. При этомъ я указалъ вамъ на запрещеніе ѣсть съ язычниками, ибо общая трапеза или пиръ предполагаетъ прямое и постоянное общеніе жизни, ея радости и утѣхи, а не *частное и случайное отношеніе пользы*, какое можетъ и должно быть между христіаниномъ и язычникомъ. Разумѣется, въ этой мысли гордости нѣтъ; христіанинъ хорошо знаетъ, что онъ не *своимъ* достоинствомъ исцѣляетъ и врачуетъ, а благодатью ему ниспосланною, истинною откровенія, вѣрою своей. Кажется, слова мои теперѣ ясны и, кажется, они согласны съ словами Василія

Великаго. Теперь если вы признаете эти слова, то, имѣя частное столкновение съ язычниками, какъ съ отдѣльными лицами, столкновение *не съ духъ общей жизни, а съ духъ личной, духовной пользы*,—вы однако сами, какъ *лице*, удалитесь отъ ихъ общества.

Съ другой стороны, вы дѣлаете точно то же: вы, соприкасаясь, какъ *лице*, съ язычникомъ, какъ *лицемъ*, — какъ *общество*, удалите отъ себя язычника, удалите его какъ *лице* нарушающее вашу общественную жизнь, построенную на своихъ общихъ основахъ.

Итакъ, *личное* соприкосновение въ смыслѣ духовной пользы, проповѣди, но не *чужае* какъ въ подобномъ духѣ, между вами и язычникомъ или человѣкомъ, противорѣчающимъ вашей нравственной основѣ, можетъ и даже должно существовать, вытекающая изъ любви христіанской. Но *общественное* отношеніе также не можетъ и не должно существовать между вами и язычникомъ, или всякимъ нарушающимъ нравственную основу—уже не только вашу, но всего общества. Дѣло понятное: вѣдь общество, по существу своему, уже не представляетъ только отношеній проповѣди внутри себя или т. п. Общество есть союзъ людей, основанный на единствѣ общихъ для нихъ убѣжденій и вѣрованій; отсюда является гармоническое, согласное теченіе всей общей жизни, во всѣхъ ея проявленіяхъ, и въ радостяхъ, и утѣхахъ и т. п. *Только истекшая изъ единая источника, стравомія*, возможна общественная жизнь и *сеселіе жмзми*. Вы видите, что здѣсь судъ—въ какой мѣрѣ каждый изъ насъ *лично* осуществляетъ эти начала; судъ этотъ остается въ сторонѣ. Тутъ я удерживаюсь отъ осужденія. Но не только не удерживаюсь, но считаю обязанностью своею или осудить общественное нарушеніе истины, или отвергнуть челоѣка, отвергающаго самаа нравственныа начала, проповѣдующаго противъ нихъ, или образомъ жизни постоянно ихъ нарушающаго,—и *постоянный* образъ жизни есть тоже проповѣдь.

Итакъ, думаю я, что каждый изъ насъ *обязанъ* удалиться отъ общества, построеннаго на началахъ *лжи*, каковъ *сметъ*; и, составляя въ свою очередь общество, построенное на началахъ нравственныхъ (а не на личномъ нашемъ совершенствѣ), мы должны исключать изъ нашего общества всякаго, кто общественныа эти начала нарушаетъ, нарушаетъ опять не его личноа слабостью, а проповѣдываніемъ другихъ началъ или образомъ жизни, что то же самое, или наглымъ, не краснѣющимъ, не знающимъ стыда, грубымъ, что опять то же самое, или чѣмъ-либо подобнымъ. Я уже сазвалъ, что допускаю и какъ допускаю *личныа* столкновения.

Мы должны исключать изъ общества всякаго, нарушающаго его общественныа нравственныа основы. Это—долгъ. Отъ забвенія этого долга происходитъ всеобщая дряблость, вредно дѣйствующая на каждое лице въ обществѣ. Но, при общественномъ долгѣ, являются уже отдѣльныа отношенія каждаго частнаго лица къ общественному долгу, который отъ того самъ не измѣняется. Если лице съ радостью будетъ гнать порочнаго или вообще недостойнаго изъ своего общенія, то, исполняя долгъ общій, оно, какъ частное лице, тяжело грѣшитъ. Если лице изгоняетъ изъ общества съ горестью и молитвою о возвращеніи (само собою, что общество приметъ назадъ содѣлавшихся вновь достойными, —удивляюсь, какъ вы сочли это возвращеніемъ),—оно, лице, исполняя долгъ, совершаетъ великое дѣло, и заслуга его велика передъ Богомъ.

Кажется; теперь мысль моя ясна; но я повторяю съ новою силой о необходимости нравственности общественной, о вредѣ и пагубѣ ея отсутствія, о судѣ *личноа* надъ *обществомъ* ложнымъ, объ *общественномъ* судѣ надъ *лицемъ*,—другими словами, объ удаленіи личноа изъ общества (разумѣется, безнравственнаго), объ изгнаніи общественномъ — лица (разумѣется, общественно-безнравственнаго). Знаю я,

что безъ этого не ослабнетъ зло, и въ особенности будетъ процвѣтать поколѣніе приличныхъ мерзавцевъ и мошенниковъ *сomme il faut*. Я уже сказалъ, что этотъ общественный долгъ не требуетъ никакой личной жестокости; напротивъ, тогда совершается онъ вполне достойно, когда совершается съ умилениемъ и сокрушеніемъ души о прогоняемомъ братѣ.

Но, признаюсь, есть еще одно личное отношеніе къ этому общественному долгу, который, повторю, остается тѣмъ же общественнымъ долгомъ, несмотря ни на какія личные отношенія. Это новое, частное отношеніе лица къ неправдѣ есть негодованіе, гнѣвъ, ревность богѣ ветхозавѣтная (какъ справедливо сказалъ братъ Иванъ). Я согласенъ, что такая ревность—далеко еще не любовь христіанина, но я долженъ сказать однако, что она все-таки добро и приноситъ пользу.

Что касается до личнаго подвига души, я уже писалъ, что я согласенъ съ братомъ Ивановымъ, но мое письмо теперь не о личномъ подвигѣ. Я вижу ложность взгляда, по моему разумѣнію,—и на эту теоретическую ложь, на ложь мысли, я теперь нападаю. Меня оскорбляетъ полное отсутствіе общественной нравственности, полное забвеніе лицомъ своего общественнаго долга. Меня оскорбляетъ не столько порокъ самый, сколько *вражда* порока у насъ. Меня оскорбляетъ *благоприспособленность* порока. Мнѣ ненавистнѣе

Благообразіе порока,
Чѣмъ безобразіе его.

По-моему, это благообразіе порока—верхъ разврата. Источникъ его—забвеніе общественной нравственности. Ее мы должны вспоминать. А само собою разумѣется (повторяю еще разъ), отъ каждаго лица зависить достойно или недостойно исполнить этотъ долгъ.

Еще нѣсколько словъ: вы говорите, что я проповѣдую *отшельничество*, но *отшельничество* я никогда не говаривалъ. Нѣтъ, я именно говорилъ, что *отшельничество* необходимо не пустынное, но общественное отшельничество, т.-е. отшельничество среди общества, отшельничество частнаго лица или, еще лучше, небольшого кружка, который своимъ отчужденіемъ въ тысячу разъ больше по-дѣйствуетъ на другихъ, испорченныхъ развратною жизнью, чѣмъ своимъ ложнымъ снисхожденіемъ, смѣшеніемъ себя въ ряды ихъ, а вмѣстѣ смѣшеніемъ понятій добра и зла, которое, конечно, есть развратъ. А такое общественное смѣшеніе понятій добра и зла считаю я вреднѣйшимъ дѣломъ и въ то же время дѣломъ нашего времени и главнымъ источникомъ всѣхъ общественныхъ золъ.

Искренно или неискренно, люди часто облекаютъ снисхожденіе пороку общественному христіанскою любовью, думаютъ спасти человѣка развратнаго, подавая ему руку, и тѣмъ самымъ губятъ его, ободряя его въ развратѣ этою поданною рукою.

P.S. Образъ древней Руси все живѣе передъ моими глазами. Этотъ образъ ея можетъ много и много намъ всѣмъ быть полезнымъ.

№ 8. Отвѣтное письмо И. С. Ансакова А. И. Кошелеву. Письмо Кошелева, вызвавшее этотъ отвѣтъ, въ бумагахъ не найдено.

Очень радъ, любезнѣйшій Александръ Ивановичъ, что письмо мое вызвало со стороны вашей такой убѣдительный отвѣтъ, такое разъясненіе дѣла, которое, оправдывая васъ, измѣняетъ самую сущность обвиненія. Я вѣдь всего этого не зналъ и радъ теперь, что знаю: это успокоиваетъ мою совѣсть, скрѣпляетъ нашу связь и устраняетъ недоразумѣнія. Можетъ-быть письмо мое и причинило вамъ нѣкоторое

огорченіе, по нужды нѣтъ! Все, что, отвлекая насъ отъ суеты внѣшней дѣятельности, заставляеть насъ, хоть на время, опять заглянуть въ нашу душу,— все это не пропадетъ даромъ. Я хотѣлъ было писать вамъ свои мысли о *покаяніи* вообще, но откладываю до болѣе удобнаго времени. Все, что вы говорите о помѣщичьемъ правѣ, мнѣ совершенно по сердцу. Я увѣренъ, что вы двините это дѣло.

Вы не пишете, когда ѣдете въ деревню. Теперь отправился къ вамъ братъ Константинъ, а по возвращеніи его изъ Москвы отправлюсь я въ Москву для продажи батюшкиной книги. Что ваша голова? Вы пишете, что вамъ нездоровится. Пожалуйста берегитесь... Прощайте, мой любезнѣйшій Александръ Ивановичъ, смотрите, будьте же здоровы. Крѣпко обнимаю васъ. Ольгѣ Фѣдоровнѣ — мой дружескій поклонъ. До свиданья.

Посылаю вамъ письмо Хомякова о третейскомъ судѣ. Не знаю, цѣлы ли у него мои письма и гдѣ они — въ деревнѣ или въ Москвѣ. У насъ третья сутки гостить Самаринъ.

22 января 1853 г.

Абрамцево.

№ 9. Письмо А. И. Кошелева И. С. Ансакову. Письмо Ансакова, вызвавшее этотъ отвѣтъ, въ бумагахъ не найдемъ.

Сочувствуя вполнѣ общему духу вашего письма, дражайшій Иванъ Сергѣевичъ, и въ особенности тому, что вы говорите и въ прозѣ и въ стихахъ о подвигѣ и его необходимости, я не могу согласиться съ вами въ нѣкоторыхъ вами въ письмѣ изложенныхъ мнѣніяхъ. Въ заключеніе скажу нѣсколько словъ объ удовольствіяхъ вообще; но сперва позволите защитить васъ и себя отъ упрековъ, которые вы намъ дѣлаете за систематичность.

Согласенъ, что систематичность есть бичъ на человѣческую свободу, что сама по себѣ она есть зло, что она можетъ убить все живое, все высшее въ нашей душѣ; но въ такомъ случаѣ это будетъ систематичность доведенная до крайности. И излишняя доброта перестаетъ быть добродѣтелью; и энергія чреватѣрная переходитъ въ болѣзненное состояніе. Вы сами вѣрно сознаетесь, что если такая систематичность есть недостатокъ, то и отсутствіе всякой систематичности, т.-е. склонность дѣйствовать всегда по минутнымъ внушеніямъ чего-то, есть также недостатокъ и недостатокъ, по крайней мѣрѣ, равный первому недостатку. Слѣдовательно, вы, вѣроятно, осуждаете не систематичность, но излишекъ систематичности. Что такое систематизмъ?—ис что иное какъ стремленіе осмыслить жизнь, вселить въ нее единство. Конечно, можно дать жизни ложное, насильственное единство, а потому необходимо быть у себя постоянно на стражѣ, повѣряя чувства свои и окружающихъ людей съ системою; но безъ системы можно ли, желательно ли оставаться? И самая безсистемность есть уже система. Прежде, т.-е. при свѣтѣ одного естественнаго разума, это дѣло было крайне труднымъ и всегда неудовлетворительнымъ. Теперь для вѣрующаго оно гораздо легче: система, цѣлая система содержится въ Божественномъ Писаніи; эта система не есть мертвая, въ какомъ-нибудь вещественномъ ковчегѣ заключенная скрижаль, но слово живое, постоянно развивающееся въ совокупности церкви Христовой. Систематизировать на этомъ основаніи менѣе опасно, чѣмъ предаваться несистематизированію: тамъ можно другъ друга исправлять, направлять, — тутъ остается только слѣдовать минутнымъ, несвязнымъ, часто непонятнымъ внушеніямъ, тутъ всякій человѣкъ одинъ и общеніе не имѣетъ прочной основы.

Мы живемъ въ вѣкѣ безусловно искусственномъ, у насъ нѣтъ ни одного про-

стаго отхоженія, ни одной простой мысли, едва ли сохранилось въ душѣ человѣка одно простое чувство. Съ сознаниемъ или безъ сознанія, мы всё систематизируемъ сами или займемъ отъ другихъ. Эти системы могутъ имѣть болѣе или менѣе единства; система большинства людей состоятъ изъ немногихъ правилъ и мнѣній, между собою вовсе не связанныхъ и принятыхъ ими безъ испытанія, но болѣе по сочувствію, то-есть въ потворство своимъ страстямъ и вкусамъ. Какъ бы то ни было, а у всякаго есть своя система. Совершеннымъ несистематикомъ, то-есть человѣкомъ дѣйствительно всегда по чувству, былъ только одинъ Христосъ, но въ Немъ чувство было всегда согласно съ умомъ; слѣдовательно, Онъ былъ въ то же время и совершеннымъ систематикомъ. Мы, пребывая постоянно въ борьбѣ между чувствомъ и разумомъ, возносясь только изрѣдка, и то порывами, въ область ума, гдѣ чувство и разумъ сливаются въ одно, можемъ ли мы враждовать на систематичность? Не есть ли она попыткою видѣть единство въ многообразный міръ нашего бытія? Систематичность, скажете вы, заставляетъ укладывать все въ тѣсную рамку своего личнаго взгляда. А развѣ лучше вовсе не укладывать? Чтобъ отвѣчать на это положительно, надобно или имѣть весьма высокое мнѣніе о своемъ чувствѣ, о правильной дѣятельности своей души, или отрицать существованіе такой рамки вообще, т.-е. системы истины. Наша церковь, какъ и многія другія церкви, слишкомъ систематизировала, т.-е. все опредѣлила, все подвела подъ точныя, положительныя правила; но изъ того не слѣдуетъ, чтобы мы, превознося свободу Христову, получали чрезъ то право черкнуть все, что церковь сдѣлала въ теченіе времени, при постоянномъ своемъ развитіи. Не гордость ли, не потворство ли своему чувству, быть-можетъ даже и высокому, заставляетъ насъ вооружаться противъ систематичности? Разумная система человѣка истекаетъ не изъ его одного мозга, а есть результатъ человѣческой дѣятельности всего прошедшаго времени; и сверхъ того главнѣйшее есть плодъ дерева Божественнаго Откровенія. Если моя система ложна, тѣсна, матеріальна, вы можете меня вразумить, расширить мой горизонтъ, очистить, одухотворить мой вещественный взглядъ на вещи; но если вы отвергаете систему для себя и для меня, если приказываете руководствоваться чувствомъ, то вы уничтожаете общій между нами языкъ и намъ нельзя спорить, поправить другъ друга, какъ нельзя спорить о цвѣтахъ, о вкусахъ, и добиваться разумно единства въ понятіяхъ объ этихъ предметахъ. Можно и должно возставать противъ излишней систематичности, или, лучше сказать, противъ мертвой систематичности. Если вы возстаете противъ стремленія нѣкоторыхъ людей подводить все подъ точныя рубрики, прикладывать мертвую мѣрку къ живому дѣйствию, то въ этомъ я съ вами спорить не буду, ибо глубоко убѣжденъ и не разъ высказывалъ даже и печатно свое отвращеніе къ подобнымъ попыткамъ; но это ли составляетъ нашу болѣзнь настоящаго дня? Мы не нѣмцы, а русскіе; мы грѣшимъ не систематизмомъ, а отсутствіемъ онаго. Большинство изъ насъ, почти всё мы живемъ предаваясь влеченіямъ чувства, имѣемъ мнѣнія болѣе для омеблированія нашей головы, чѣмъ для перехода ихъ въ жизнь. Мы вообще черезчуръ непослѣдовательны, а вы вздумали упрекать себя и меня въ систематизмъ! Конечно, мы систематики въ сравненіи со многими другими людьми; мы можемъ казаться уродами, но это въ насъ недостатокъ ли? Не качество ли это въ насъ? Мы знаемъ человѣка весьма высокаго по уму, по душѣ, весьма замѣчательнаго по свѣдѣніямъ, но не сознаемъ ли мы, что, какъ дѣятель, онъ стоитъ много ниже той точки, которая принадлежитъ ему по огромнымъ его способностямъ. Мнѣнія его самобытны, убѣжденія глубоки, воля сильна, а между тѣмъ въ жизни онъ нашъ братъ—должный человѣкъ, его вліяніе слабо, ограничено; почему?—потому, что между мыслями и дѣйствіями его нѣтъ согласія, потому что у него недостатокъ въ систематичности. Рус-

ская жизнь так перепутана; въ ней такое смѣшеніе русскаго съ иностраннымъ, что теперь слѣдовать въ дѣлахъ жизни чувству невозможно или возможно только въ рѣдкихъ случаяхъ. Необходимо осмыслить нашу жизнь и для того должно прибѣгнуть къ систематизированію. Я весьма за простоту, и кто же можетъ быть противъ ней? Но возможна ли теперь простота? Не излишнимъ было бы выкинуть въ мысль: можетъ ли теперь быть простота съ послѣдовательностью, простота въ естественномъ ея видѣ? Есть ли къ ней иной путь, кромѣ систематизированія, т. е. кромѣ стремленія чрезъ соглашеніе вишней жизни съ мыслью, чрезъ внесеніе смысла въ нашу бессмысленную атмосферу, возвратиться къ единству и, слѣдовательно, къ простотѣ? Должно сознаться, что мы живемъ въ моментъ особеннаго смѣшенія, особеннаго разлада въ понятіяхъ и дѣйствіяхъ; и въ эту минуту, хотя нельзя особенно не любоваться простотою, доставшеюся въ удѣлъ немногимъ высокимъ уродамъ, но ее рекомендовать, ее дружески навязывать на кого бы то ни было—есть анахронизмъ, есть дѣло чловѣка непрактическаго. Не съ упреками, но съ снисходительными дружескими привѣтствіями должны мы встрѣчать чловѣка, еще не достигнувшаго простоты, лишь бы онъ былъ откровененъ самъ съ собою и съ людьми. Простота можетъ быть хуже систематизма; одного должны мы требовать безусловно—чистосердечія. Выть систематикомъ въ Россіи есть уже подвигъ, и подвигъ не малый,—для этого нужно силы много, ибо борьба у этого чловѣка столько же внутренняя, сколько и вишняя. Борьба эта тѣмъ тяжче, что она ежедневная, мелкая и не слабая. Систематикъ въ Россіи есть мученикъ; его должно не тревожить сомнѣніями, но поддерживать добрыми словами.

Боюсь, что неточность въ моихъ выраженіяхъ не заставила бы васъ подумать, что я защищаю всякую систематичность. Сочувствую вашимъ опасеніямъ насчетъ того, чтобы вліяніе нѣмецкой философіи и образованности не увлекло насъ далеко отъ русской жизни, отъ глубокаго русскаго житейскаго символа и пр. Нѣтъ, будьте покойны, мы легче можемъ быть увлечены во французскую суетливость, во французское легкомисліе, въ матеріализмъ (что мы уже видали на опытѣ), чѣмъ превратиться въ нѣмецкихъ ученыхъ и философовъ; это не опасно. Да если и есть такіе люди, то они остаются въ одиночествѣ, безъ вліянія на массы, на жизнь. Голый систематикъ у насъ есть лицо осужденное на безплодство. Только такой систематикъ можетъ прияться на нашей почвѣ, который проникнуть жизнью, который удовлетворяетъ не одному разуму, но душевнымъ потребностямъ чловѣка.

Насчетъ удовольствій, требуемыхъ вами въ награду за труды или затѣкомъ передъ трудами, то въ этомъ я спорить съ вами не буду; такіа удовольствія можно считать законными, какъ сонъ послѣ бдѣнія или передъ бдѣніемъ. Только слѣдуетъ строго смотрѣть, чтобы сонъ былъ послѣ бдѣнія или передъ бдѣніемъ, а не послѣ дремоты или передъ дремотою. И притомъ необходимо обращать вниманіе на время и мѣсто, гдѣ вкушаются удовольствія; иное удовольствіе позволительно въ одно время и въ одной странѣ и непозволительно въ другое время и въ другой странѣ. Важнѣйшее въ этомъ отношеніи не самоудовольствіе, но то, что мы въ него вносимъ; если мы въ немъ не утопаемъ, а оно служитъ лѣстницею къ высшему, то оно не только позволительно, но оно становится просто дѣломъ.—Сколько наслажденія было для святыхъ въ пѣніи высокихъ славословій! Сколько этихъ они обратили людей къ виновнику всякаго блага.—Сверхъ того, во времена аскетизма, можно стоять за удовольствія почти какъ за догматы вѣры; во времена же сибаритства, при стремленіи всеобщемъ вести жизнь удобную, веселую и шумную,—можно сдѣлаться аскетомъ и всѣми силами противиться даже невиннымъ удовольствіямъ.

Въ заключеніе долженъ вамъ сказать, дражайшій Иванъ Сергѣевичъ, что наша

миръ и противъ систематизма и за удовольствія въ нѣкоторыхъ границахъ, т.-е. въ тѣхъ, въ которыхъ вы вѣроятно ихъ заключаете, могутъ быть истинны, но, во всякомъ случаѣ, они не сѣеэреженны. Намъ должно, по моему миѣнью, теперь бороться не съ систематизма и аскетизма, чѣмъ противоположныхъ наклонностей. Весьма справедливо древнее изреченіе: истина въ золотой серединѣ; такъ же глубоко сказалъ Паскаль: величіе наше заключается не въ какой-либо крайности, но въ томъ, чтобы казаться обѣихъ крайностей и наполнить весь между ними промежутокъ. Я вовсе не защитникъ крайнихъ миѣній, ни крайнихъ дѣйствій; какъ человекъ по преимуществу практическій, я долженъ быть врагомъ крайностей вообще, и эту обязанность я исполняю по характеру, вовсе безъ труда; но есть времена, гдѣ нужно, чтобы иная крайность выступила. Мы живемъ въ эпоху всеобщаго разложенія въ мирѣ нравственномъ и религіозномъ, политическомъ и общественномъ. Прежде я думалъ, что можно и должно не разрывать съ обществомъ, съ такъ-называемымъ свѣтомъ, и что, идя съ нимъ рука объ руку, легче направить его къ цѣли, нами считаемою за истинную. — Много спорилъ съ нѣкоторыми нашими общими пріятелями, обвиняя ихъ въ непрактичности; теперь я измѣнилъ свое въ этомъ отношеніи миѣніе и вижу, что иное, непрактичное въ обыкновенное время становится весьма практичнымъ въ чрезвычайныя времена. Толпу надобно поразить, надобно по лбу стукнуть дубинкою; надобно пробить кору пошлыхъ привычекъ, правилъ и понятій. Какъ отличительныя черты нашего времени суть сибаритизмъ, отсутствіе строгихъ правилъ, исканіе удовольствій въ умерщвленіи человѣческой потребности чего-то иного, равнодушіе ко всему высокому, отвращеніе отъ труда и проч., то систематизмъ, аскетизмъ до нѣкоторой степени суть въ человѣкѣ не недостатки, а качества. Эти качества, мною замѣченныя въ васъ и въ вашемъ братцѣ, особенно меня къ вамъ привлекли; я чувствовалъ въ нихъ недостатокъ въ себѣ и въ пополненіе чего и уцѣлился за ваше богатство. Не будьте Богдоловчеземъ, высоко цѣнившимъ свою Исторію и не уважавшимъ своей Душеньки. Не упрекайте себя въ систематизмѣ, не предавайтесь несвойственной вамъ любви (даже в лѣтомъ) къ удовольствіямъ; бодро теките по пути подвиговъ, хотя пока незначительныхъ, и будьте въ этомъ отношеніи моимъ не обвинителемъ, не укорителемъ, а товарищемъ и помощникомъ.

28-го іюня 1853.

С. Песочна.

№ 10. Отвѣтное письмо И. С. Аксакова А. И. Кошелеву на № 9.

Благодарю васъ за длинный и подробный отвѣтъ, любезнѣйшій Александръ Ивановичъ, за дружественность софтовъ и возраженій. Не опровергать васъ собираюсь я теперь, но хочу распространить ваше письмо, хочу пояснить еще разъ самое дѣло, возстановить истину во всей ея полнотѣ. Въ концѣ вашего отвѣта вы пишете: „будьте не обвинителемъ моимъ, не укорителемъ, а товарищемъ и помощникомъ“. Именно товарищемъ и помощникомъ вашимъ хочу я быть и для этого-то необходимымъ считаю указывать вамъ правду, какъ я ее понимаю, укорить васъ въ томъ, въ чемъ, по моему миѣнью, вы достойны укора, обвинять васъ въ томъ, въ чемъ, опять же по моему взгляду, вы подвержены обвиненію... Есть люди, которые полагаютъ, что народу надобно говорить одно, а про себя думать другое; что народу надо высказывать только часть правды, даже немного съ ложью, а полную правду вѣдать про себя; что, для исправленія болѣзни гѣба или отдѣльной человѣческой личности, надобно, какъ отчасти думаете и вы, немножко усиловать правду, преувеличивать ее (charger), односторонить, сказалъ бы я, еслибъ можно было употреблять это слово, т.-е. являть ис-

тину, для блага человечества, нѣсколько въ одностороннемъ видѣ... Не осуждая этого способа дѣйствія въ нѣкоторыхъ людяхъ, я не вполне признаю справедливость такого взгляда. Мнѣ кажется, что истина всегда должна представляться во всей своей полнотѣ и для успѣховъ своихъ не должна прибѣгать ни къ какимъ самоискаженіямъ: притчи, употребленіе выраженій изъ обиходнаго быта, примѣненіе къ простымъ человѣческимъ понятіямъ—не искаженіе истины. А вѣдь, надо признаться, многимъ (даже и святымъ) строгимъ моралистамъ, взявшимъ на себя исправленіе грѣшниковъ, право, хотѣлось бы исключить нѣкоторыя мѣста изъ Евангелія, какъ ослабляющія силу ихъ правоученій. Подобнаго рода моралисты, исправляющій, напримѣръ, блудницу возбужденіемъ въ ней ужаса загробныхъ наказаній, или раскаяніи въ размыслахъ, способныхъ убить, уничтожить силы душевныя,—не рѣшился бы дать этой блудницѣ всего Евангелія въ руки, для того, чтобы не прочла чуднаго разсказа о томъ, какъ привлекли блудницу предъ Христа строгіе судьи, собиравшіеся побить ее камнями, какъ сказалъ Онъ имъ, чтобы знающій себя безгрѣшнымъ первый бросилъ въ нее камень, какъ сидѣлъ Онъ молча, чертя на песокъ, какъ одинъ за другимъ скрылись строгіе судьи, какъ наконецъ Единный безгрѣшный отпустилъ грѣшницу безъ осужденія, сказавши: иди и не грѣши! Я увѣренъ, повторю, что иной горячій правоучитель не далъ бы прочесть этого разсказа блудницѣ, пожалуй хоть для того, чтобы она не нашла себѣ въ этомъ какого-то оправданія, тогда какъ эти дивныя евангельскія строки дѣйствуютъ на душу благотворнѣе и сильнѣе всякихъ проповѣдей Ефрема Сирина! Я знаю, что вы поступили бы иначе, что вы не побоялись бы никому дать въ руки Евангеліе, но я возражаю этимъ примѣромъ на ваши же слова о необходимости исключительнаго, даже односторонняго, нападенія на такую-то болѣзнь вѣка, о пользѣ односторонности въ нѣкоторыхъ случаяхъ, о несвоевременности полноты правды. Конечно, въ исторіи односторонность является часто могучимъ рычагомъ, вытаскивающимъ человечество изъ какой-нибудь глубокой колеи, въ которую оно зашло, но она же и всаживаетъ его опять въ какую-нибудь другую колею; впрочемъ, не объ этомъ рѣчь. Пусть имѣетъ свое законное мѣсто односторонность естественная и искрення, но не односторонность условленная и систематическая, заранее сознанныя и взвѣшенная. Ложь, заключающаяся въ нѣкоторой односторонности вашего нападенія, въ несоразмѣрности лѣкарства съ болѣзнію, въ усиленности дозы,—эта ложь или отаратитъ врачуемаго отъ врачующаго, лишитъ перваго довѣренности къ послѣднему, или, нагнѣчивъ больнаго отъ одной болѣзни, свергнетъ его въ другую болѣзнь, не менѣе опасную. Да, любезнѣйшій Александръ Ивановичъ, пусть правда является во всей своей широтѣ, многосторонности и свободѣ: только тогда она сильна, только тогда она убѣдительна. Вы никого не убѣдите, особенно натуры съ вѣрнымъ душевнымъ инстинктомъ, если будете являть только часть правды, признавая другую несвоевременною, или даже съ благимъ умысломъ скрывая и отрицая ее. Это однако не значитъ, чтобы я считалъ ненужнымъ нападать на одну болѣзнь преимущественно предъ другой! Бываютъ болѣзни вѣка, хроническія болѣзни народа, постоянные недуги одного лица (все это, разумѣется, въ нравственномъ смыслѣ); они требуютъ особеннаго, спеціальнаго лѣченія: все это такъ; займитесь исключительно этою болѣзнію, но не усиливайте дозы, не закрывайте полноты истины, не отаратывайте больнаго отъ истины, являя ее въ одностороннемъ видѣ. Вотъ вамъ отвѣтъ мой на нѣкоторыя мнѣнія ваши, помѣщенные въ концѣ письма. Теперь обращусь къ началу.

Кто же вамъ сказалъ, что, нападая на систематизированіе жизни, я защищаю жизнь—по внушеніямъ чего-то, по влеченію чувства и проч.? Я защищаю „свободу Христову“, свободу евангельскую, а не внушенія чего-то, не разногласію чувствъ. Если жить только по нравственному, на сердцахъ написанному закону (какъ гово-

рится у язычниковъ, у апостола Павла), то не отличишь закона совѣсти непрощѣнной отъ закона плоти еще не уничиженной, еще неспознавшей своего низкаго значенія; побужденія чувственными примешь за внушенія сердца, — чувство мести, напримѣръ, явится чѣмъ-то законнымъ, потому что къ нему влечется душа, и проч. Кто же вамъ про это говорить? Не можетъ, не должно собственно чувство управлять жизнью: оно заведетъ, пожалуй, человѣка въ такую трущобу, изъ которой трудно будетъ ему и выѣзти. Воля не управляемая разумомъ, или, лучше сказать, воля не просвѣтленная разумомъ, не проникнутая вся разумнѣемъ — губить нерѣдко самую прекрасную душу. Забудьте, я говорю: разумомъ, а не разсудкомъ; я предполагаю необходимымъ условіемъ не собственно соединеніе чувства и разсудка, но психологическую цѣльность, въ которой нѣтъ раздѣленія между мыслью, чувствомъ и волею. — Понятію о системѣ не слѣдуетъ противопоставлять чувство, но свободу, — разумѣтся, разумную, свободу Христову. Вы говорите: безсистемность есть уже система, — да, безсистемность несвободная, неестественная, также заранѣе сознанныя и насильственно или искусственно усвоенная. Но свободное отсутствіе системы и вмѣсто нея цѣльность и простота — вотъ высокій идеалъ, который поставленъ намъ въ Евангеліи. Вы говорите: «цѣлая система заключается въ Св. Писаніи; эта система не мертвая, но слово живое, постоянно развивающееся въ совокупности церкви». Не могу согласиться и съ этимъ выраженіемъ, не могу назвать живое слово системой, или вы что-нибудь иное разумѣете подъ «системой». Не могу также допустить выраженія, что живое, т.-е. Божіе, слово развивается. Оно *живетъ*, оно проходитъ жизнь, но не развивается, тѣмъ болѣе, что со словомъ «развиваться» мы соединяемъ понятіе усовершенствованія. Вы должны бы яснѣе опредѣлять, что вы разумѣете подъ словомъ система. Система есть построеніе цѣлаго зданія въ области мысли на основаніи какого-нибудь сознанныаго начала, или же искусственное построеніе самой жизни — согласно съ принятымъ началомъ. Построеніе жизни не есть сама живая жизнь, тутъ уже является искусственность, принужденіе рамки, рубрики. — Я сказалъ, что необходимо, чтобъ Евангеліе *тепло* въ нашихъ жилахъ. Требованіе, конечно, не только великое, но и невозможное почти для человѣка. А между тѣмъ только тогда доступна будетъ человѣку *совершенная* свобода, когда онъ весь насквозь освѣтится Христомъ, когда вселится въ немъ разумъ Христовъ! Какъ же быть? За невозможностью полнаго очищенія воли, нужно ли прибѣгнуть къ помощи системы въ жизни, устроить жизнь по системѣ, разумѣтся — по системѣ христіанской, или, лучше сказать, по одной изъ многоразличныхъ христіанскихъ системъ? Не скажу *нельзя*, потому что есть люди, которые лучше сковать свою волю какою бы ни было христіанскою системою, чѣмъ оставаться вовсе безъ системы, съ волею необузданною. Не могу сказать и *можно*, чувствуя, что путь систематизма ложенъ, искусственъ, холоденъ, что въ немъ есть самоудовлетвореніе, нѣтъ живаго отношенія къ Богу, нѣтъ свободы... Есть люди (и много ихъ въ наше время, въ нашъ болѣзненный вѣкъ), въ которыхъ, какъ вы справедливо замѣчаете, подорвана всякая простота въ мысли и чувствѣ, нарушена цѣльность, нѣтъ единства между мыслью и дѣломъ... Такіе люди вѣчно систематизируютъ, даже и тогда, когда воюютъ противъ системы. Не видя въ себѣ свободныхъ движеній, выбившись изъ силъ, чтобы видѣрить въ себя простоту и цѣльность, они хватаются за понятія о долгахъ и объ обязанностяхъ, они съ наслажденіемъ берутъ себя въ ежевныя рукавицы, съ особенною радостію вступаютъ въ распоряженіе своими внѣшними поступками, безжалостно подчиняя ихъ своей волѣ, внося единство въ жизнь, между мыслями и дѣйствіями. Хотя я назвалъ и васъ и себя систематиками, но я не вполнѣ похожу на сдѣланное мною сейчасъ изображеніе,

уже потому, что слишком склоненъ къ лирическому одушевленію, потому что могу писать лирическія стихотворенія. Да и въ вѣсь дѣятельность не есть плодъ системы, а непосредственное спонтанное внушеніе вашей натуры. Но обратимся къ людямъ. Такъ, поступки ихъ честны, строго соблюдается ими долгъ, свято выполняются обязанности, и долгъ и обязанности всѣ предварительно взвѣшены, оцѣнены, анализированы... Почтенны эти люди, конечно, но нельзя позволить имъ дѣлать свой образъ мыслей и дѣйствій отрицательнымъ для другихъ, но холодно съ ними, но они, можетъ-быть, дальше отъ истины, чѣмъ иной вѣтренникъ, способный подчасъ на такой дивный поступокъ, который и въ голову не придетъ систематику съ жельною волю. Близорукъ умъ человѣка въ отношеніяхъ его къ людямъ, дальнорюка только любовь! Не придуть въ голову, повторяю, систематику тѣ многостороннія мнѣнія, услуги и заботы, которыя иному страждущему дороже всякаго честнаго исполненія систематикомъ трудныхъ обязанностей относительно его, страждущаго. Дѣло въ томъ, что систематичное согласіе между мыслью и дѣйствіемъ не есть цѣльность, не есть единство. Оно только повидимому кажется чѣмъ-то цѣльнымъ, но отъ чуткаго нравственнаго слуха не скрется нравственный диссонансъ, сопровождающій подобное систематическое единство. Этотъ диссонансъ заключается въ отсутствіи живой, теплой любви, въ недостаткѣ психологической цѣльности человѣка. Холодомъ вѣетъ отъ добраго дѣла, сдѣланнаго вслѣдствіе системы (хотя и безъ особеннаго наслоуванія воли), не грѣетъ оно души человѣка, кому дѣлается доброе дѣло, а потому и доброе дѣло не приноситъ всей своей пользы.

Но, повторяю, не слѣдуетъ изъ словъ моихъ заключать, что, въ противоположность систематизму, я защищаю жизнь по собственнымъ внушеніямъ „чего-то“. Люди, живущіе только по внушенію душевному, могутъ быть, конечно, богаче систематика великодушными порывами и дѣлами, но на два свѣтлыхъ поступка могутъ они насчитать десять темныхъ или сѣрыхъ, потому что душевный ихъ критеріумъ не строгъ, не спасаетъ отъ запутанности понятій, а отсутствіе воли, или, лучше сказать, дурно направленная воля, повинующаяся однимъ душевнымъ внушеніямъ, можетъ постепенно привести ихъ и къ погибели. Напрасно говорятъ эти люди: „я не могу, я не въ состояніи себя принудить, у меня слаба воля“. Не слаба у нихъ воля, когда, въ потворство дурному влеченію, они подчасъ преодолеваютъ такіа препятствія, такъ упорно идутъ къ заданной себѣ цѣли, что на всѣ эти подвиги не рѣшился бы, можетъ быть, человѣкъ и съ извѣстною крѣпкою волей. Но эти люди правы въ томъ смыслѣ, что думаютъ ихъ противно все отмеченное, не живое, все искусственное... Какъ же быть? Приучать ихъ развѣ насильно къ системѣ?... Нѣтъ, сохрани Богъ! Вотъ какъ думаю я. И систематикъ, и бессистемный—оба придуть къ истинѣ и къ свѣту, оба примутъ въ сердце любовь Христа, разрѣшающую всѣ затрудненія въ отношеніяхъ людей между собою. Систематикъ пусть откажется отъ гордыни (чувства неминуемо сопровождающаго всякую стройную систему), пусть исполнится смиреніемъ и недовѣріемъ къ своимъ системамъ, пусть пожелаетъ прежде всего, пусть проситъ у Бога, прежде всего, любви и любви, простоты и свободы,—оставаясь еще систематикомъ относительно себя самого, не налагаетъ ли онъ своей системы на другихъ?—пусть ограничитъ свою власть, пусть, хоть системы ради, только добромъ и лаской относится онъ къ другимъ людямъ, пусть не удерживаетъ въ себѣ добрыхъ порывовъ, пусть не боится благородной непослѣдовательности, и тогда постепенно будетъ шириться и шириться его система, проникаться тепломъ и свѣтомъ и спадетъ, наконецъ, съ него какъ шелуха. Бессистемный же да возлюбитъ правду Христову всею душой своей, да просвѣтитъ свое душевное разуміе словомъ Христовымъ: ему легче это сдѣлать, чѣмъ систематику, ибо ни одна дверь

въ душѣ его не заколочена наглухо, и если не къ отвлеченному уразумѣнію, то къ олушвенленному умиленію отъ способности систематика. Тогда сама собой освѣтится въ немъ воля, умолинетъ разногласіа чувствъ, не надо уже будетъ въ этой разногласіи отыскивать чистыхъ и стройныхъ звуковъ, потому что вся душа будетъ стройнымъ и гармоническѣй хоръ... Я не скажу, чтобы не сохранилось различія между систематикомъ и бессистемнымъ, даже и тогда, когда они оба возлюбятъ истину, оба будутъ горѣть ея пламенемъ. Петръ и Іоаннъ апостолы несходны между собою, Василій Великій и Григорій Богословъ также, но это несходство не смущало ихъ, не заставляло передѣлывать другъ друга взаимно на свой образецъ... Свой путь у систематика къ истинѣ, свой путь у человѣка живущаго не отвлеченнымъ разсудкомъ, а душевными откровеніями. Грѣшитъ систематикъ, если требуетъ отъ послѣдняго, чтобы онъ подчинялся его системѣ; грѣшитъ бессистемный, если осуждаетъ путь систематика, ибо осужденіе заставляеть упорнѣе держаться системы, даже и ложной, ибо систематикъ не можетъ жить какъ бессистемный. Впрочемъ, всѣ эти вопросы разрѣшаетъ любовь христіанская, которой надо отворять настѣжь всѣ двери и калитки въ сердцахъ.

Довольно. О систематизмѣ нѣмцевъ и объ отсутствіи систематизма въ Россіи, о систематизмѣ православной церкви, о болѣзняхъ вѣка, о необходимомъ современномъ лѣченіи я буду писать вамъ въ другой разъ, любезнѣйшій Александръ Ивановичъ, а теперь закончимъ покуда бесѣду нашу о личномъ нашемъ съ вами систематизмѣ. Я думаю, мы согласны во многомъ въ мысли, но расходимся иногда въ предложеніи, въ частныхъ случаяхъ жизни... Однако пора, пора кончить. Не во гнѣвъ будь сказано, погода разгуливается, небо яснѣетъ, и какъ я, по системѣ, предположилъ лѣтомъ какъ можно меньше работать, а гулять, пользоваться воздухомъ, наслаждаться природой и запасаться бодрими силами духа на 9-мѣсячную нашу зиму, то сиѣшу въ садъ, въ послушаніе системѣ, такъ какъ, вы полагаете, любовь къ лѣту и къ наслажденіямъ лѣтомъ не совсѣмъ мнѣ сродна.

29 іюня 1853 г.

№ 11. Письмо И. С. Аксанова А. С. Хомякову о страданіяхъ и молитвѣ.

Давно собираюсь я къ вамъ писать, любезнѣйшій Александръ Степановичъ, да все не находилъ времени. Теперь, пользуясь просторомъ и досугомъ Песочни, хочу вложить вамъ подробно нѣкоторыя замѣчанія мои на проповѣдь Вине: *les pasteurs des pêcheurs* и спросить вашего мнѣнія: нѣтъ ли какой опасности въ моемъ взглядѣ, не противорѣчитъ ли онъ ученію церкви?... Впрочемъ, гдѣ же оно, это ученіе церкви? Не въ богословіи Макарія, не въ Исаакѣ Сиріянинѣ, не въ Іоаннѣ Златоустѣ, не въ русскомъ крестьянинѣ... Я знаю только то, что если вы, любезнѣйшій Алексѣй Степановичъ, начнете писать что-нибудь, вполне согласное, по вашему и по моему глубокому убѣжденію, съ ученіемъ церкви, то и русскій народъ и греки, и можетъ-быть девять десятыхъ святыхъ отцовъ отрекутся отъ вашихъ мнѣній... Это впрочемъ меня не смущаетъ: развѣ внѣшняя историческая церковь почти не отреклась отъ Евангелія? Однако же обратимся къ дѣлу. Вине въ проповѣди своей: *les pasteurs des pêcheurs*—говорить: *l'homme souffre pour ses péchés. S'il ne souffrait pas pour cette cause, pour-quoi donc souffrirait-il?.. les souffrances sont l'école, où l'Esprit de Dieu nous rapprend les vérités éternelles et nous élève pour le Ciel: les souffrances sont comme la préface obligée de l'oeuvre divine, qui par les désenchantements, les mécomptes et les échecs, travaille a vider notre âme de ses anciens attachements et la dispose à recevoir un nouvel hôte.*

Les souffrances, en un mot, sont les préparatifs de la grâce... L'éducation par la douleur est indispensable à des êtres, qui ont à se régénérer (т.-е. людям вообще). C'est par les chatiments du péché que Dieu veut nous retirer, individus et nations, des chaînes du péché. C'est sur les ruines de nos espérances et de notre fortune, sur les cendres de tout ce qui nous fut oher, qu'il fait croître avec le plus de vigueur les rejetons salutaires de l'arbre de vie. Si les épreuves arrivent coup sur coup, si d'une affliction à l'autre le Seigneur vous laisse à peine le temps de respirer, n'en doutez pas, vous avez alors des raisons particulières de vous croire aimés *). Итакъ, вотъ что говорить Вине. Мысль его заключается въ томъ, что несчастіе посылается отъ Бога человѣку, какъ наказаніе, т.-е. что Богъ наказываетъ человѣка за грѣхи страданіемъ и горемъ съ цѣлю образумить и обратить его къ себѣ; что страданія — необходимый путь для обрѣтенія благодати, и что если даже человѣкъ страдаетъ много и часто, но повидимому совершенно безвинно, онъ долженъ приписывать свои тяжкія страданія особенной къ себѣ любви Божіей, долженъ полагать, qu'il a des raisons particulieres pour être aimé de Dieu **).— Не новы эти мысли; мы повторяемъ ихъ безпрестанно, не выикая даже въ ихъ сущность. Много утѣшительнаго въ нихъ для страдающаго и слабого человѣчества. Слова: „Богъ наказалъ, Богу такъ угодно, Богъ испытуетъ человѣка“—раздаются при каждой бѣдѣ, даже при каждой неудачѣ. За этою мыслью непосредственно слѣдуетъ другая: попросить Бога объ отвращеніи горя и несчастія. Мнѣ кажется, что всѣ эти слова, взятая изъ ежедневнаго обихода, несомнѣнны вѣрны; мало того, они затемняютъ истину для самого человѣка, даютъ ему ложное направленіе: „Видно Богу такъ угодно“, скажетъ набожный человѣкъ, ударившійся въ темнотѣ лбомъ объ стѣну, хотя нѣтъ сомнѣнія, что взявши въ руки фонарь онъ не расшибъ бы себѣ лба. Приведенный мною примѣръ только повидимому мелочевъ: развѣ наши несчастія не происходятъ большею частію отъ того, что мы блуждаемъ въ потемкахъ и потому не видимъ опасности вѣшней или нравственной? „Засуха!... попросить развѣ у Бога дождя?“—говорятъ крестьяне. Пошелъ дождь, да такой, что чуть не погубилъ жатву... „Бѣда, бѣда, залило!“—скажутъ они же и опять давай служить молебны, чтобы Богъ поменьше смачивалъ землю. Пришла холера, люди мрутъ тысячами... Это Богъ наказываетъ людей и хочетъ привести ихъ къ себѣ. Всегда какъ-то странно были мнѣ подобныя рѣчи. Если видѣть въ каждомъ случающемся съ нами горѣ — наказаніе, посылаемое Богомъ, то кажется грѣшно было бы отъ него избавляться. Дурно поступаетъ сынъ, если бѣжить отъ отцовской розги и не дается ему, когда тотъ собирается его высѣчь. Въ этомъ смыслѣ грѣшно было бы дѣлаться и отъ холеры. Кромѣ того, дѣйствительно видимъ мы, что честный и добродѣтельный человѣкъ страдаетъ иногда

*) Человѣкъ страдаетъ за грѣхи свои. Еслибы страдалъ онъ не по этой причинѣ, то за что же именно?... Страданіе—это школа, гдѣ Духъ Святый снова учитъ насъ вѣчнымъ истинамъ и воспитываетъ къ небу; страданіе—какъ бы необходимое предисловіе Божественнаго водѣйствія, — предисловіе, разочарованіемъ, неудачами и промахами очищающее нашу душу отъ прежнихъ привязанностей и располагающее ее къ принятію новаго гостя. Страданіе, словомъ, служитъ приутовленіемъ къ благодати. Воспитаніе скорбью необходимо для существъ, которыя должны возродиться. Богъ наказаніями грѣха хочетъ насъ, народы и отдѣльныхъ лицъ, исторгнуть изъ цѣпей грѣховныхъ. На развалинахъ нашихъ надеждъ и счастья, изъ пепла всего, что намъ было дорого, растить Онъ съ наибольшою силою спасительныя отпрыски дерева жизни. Если ударъ сыщется за ударомъ, если Творецъ едва даетъ вамъ отдыхъ отъ одного сторченія до другаго, не сомнѣвайтесь, вы имѣете тогда особенныя причины быть увѣренными въ любви къ вамъ Божіей.

***) Что имѣетъ особенныя причины не сомнѣваться въ любви къ нему Божіей.

внѣшнимъ страданіемъ гораздо болѣе, чѣмъ злой и коварный. Если добродѣтельный человѣкъ, страдающій вслѣдствіе простуды страшнымъ ревматизмомъ въ ногахъ, будетъ считать это наказаніемъ за свои грѣхи, то онъ долженъ будетъ или вслепнать на себя грѣхи небывалые, для уравновѣшванія грѣховъ съ страданіемъ, или сдѣлать такого рода выгодный расчетъ, что излишекъ страданія зачтется ему на томъ свѣтѣ: мысль гордая и грѣховная. Или же, по словамъ Вине, онъ вообразить себя особеннымъ фаворитомъ Божиимъ: мысль также въ высшей степени гордая и отдаляющая отъ Бога.

Мнѣ же кажется, что для Бога не существуетъ человѣческихъ мелкихъ опредѣленій счастья и несчастья. Несчастья собственно нѣтъ въ мірѣ, т.-е. оно не создано Богомъ. Богъ не создавалъ несчастія, какъ не создавалъ зла: у Бога все добро, все любовь, все миръ, все гармонія, вездѣ премудрость, нигдѣ диссонанса. Смерть въ природѣ не есть диссонансъ. Богъ устроилъ логическій порядокъ вещей, который уже самъ силою логики своей неминуемо наказываетъ всякаго нарушающаго порядокъ. Несчастье есть всегда законное, логическое послѣдствіе нашей ошибки, или невѣжества, нашего грѣха,— стало-быть оно вполне согласно съ гармоніей и мудростью Божіей. Огонь жжетъ, вода топить, земля осѣдаетъ и проваливается. Я заронилъ искру въ сѣно и домъ мой сгорѣлъ. Кто виновать?—разумѣется, я, которому данъ разумъ, чтобы понимать, какъ опасна искра для сѣна, которому даны глаза, чтобы этого не дѣлать. Несчастье мое, такъ логически происшедшее, насколько не нарушило гармоніи міра, не есть особенное любовное наказаніе Божіе. Впрочемъ, объясню здѣсь за одинъ разъ, что Богъ вразумляетъ (пожалуй — говори кто хочетъ—и наказываетъ) всѣмъ, и восходитъ яснымъ солнцемъ, и бурей, всѣми явленіями природы и жизни, міра внѣшняго и нравственнаго: учишь кто хочетъ; всѣмъ предложена трапеца: садись за нее кто пожелаетъ, а не хочешь учиться, не хочешь сѣсть за трапезу,—самъ виновать, если останешься невѣжей, если будешь голоденъ. Возьмемъ другой случай. Загорѣлся мой домъ отъ грома. Народъ, вы знаете, признаетъ это непосредственнымъ дѣломъ Божиимъ и даже считаетъ тушить подобныя пожары грѣхомъ. И это несчастье не есть зло, ниспосланное мнѣ Богомъ. Если этотъ пожаръ случился до изобрѣтенія громовыхъ отводовъ, то виновато человѣчество, зачѣмъ еще не изобрѣло ихъ; если отводы изобрѣтены, то виновато въ томъ, что еще не упростило, не удешевило ихъ, не сдѣлало ихъ доступными ко всеобщему употребленію.—Не слѣдуетъ обвинять Бога въ неурожаѣхъ, т.-е. приписывать Ему неурожай какъ наказаніе за грѣхъ. Россія все-таки честіе Англіи, которая наша или находитъ средства избавляться отъ неурожаевъ, изобрѣла какой-то способъ орошенія полей и нагрѣванія земли. Но русскому человѣку данъ умъ, которымъ онъ не пользуется, даны таланты, на которые онъ не приобрѣлъ ни полущки,—и несчастье неурожаевъ связано логически съ его исторіей и съ его современнымъ положеніемъ. Можетъ-быть неурожай заставитъ его взяться за умъ и хоть такимъ образомъ приобщиться къ свѣту знанія. Не слѣдуетъ никакъ выводить изъ моихъ словъ, что я вовсе устранилъ, такъ сказать, участіе Бога въ ежедневной судьбѣ человѣчества. Напротивъ того, „Премудрость!“—хочется мнѣ воскликнуть, слыша и ощущая гармоническую связь всѣхъ отдѣльныхъ явленій между собою, стройную послѣдовательность событій и непреложность законовъ, установленныхъ Богомъ.—Хотя приведенные мною случаи касались болѣе міра внѣшняго, міра природы, но то же самое и въ мірѣ нравственномъ. Гордый человѣкъ претерпѣлъ крайнее униженіе. Богъ наказалъ его за гордость, скажемъ ми. Не Богъ наказалъ, а онъ самъ себя наказалъ, онъ забрался на такую верхушку, на которой каждый вѣтерокъ могъ и долженъ былъ свалить его, и онъ шлепнулся при первомъ дуновеніи вѣтра.—Я несчастенъ, потому

что въ душѣ моей есть потребность счастья несбыточнаго, идеальнаго... Будь несчастенъ, если не хочешь откинуть то, что порождаетъ несчастіе, не обвиняя въ немъ Бога,— или же отбрось свои неумѣренныя требованія.— Я хочу сказать, что всякое несчастіе имѣетъ свою причину—не произвольную, не случайную, а разумную, логическую,— и въ этомъ убѣжденія, въ этомъ сознаніи стройной послѣдовательности вещей есть великое утѣшеніе, способное даже укротить многія неразумныя требованія и ожиданія внезапныхъ перемѣнъ судьбы.— Итакъ, грѣхъ самъ себя наказываетъ, т.-е. онъ приводитъ къ своему естественному, законному, логическому результату, т.-е. къ несчастію и страданію. Но ошибается тотъ, кто думаетъ, что грѣхъ непременно наказываетъ видимымъ виѣшнимъ страданіемъ, т.-е. приводитъ грѣшника непременно къ страданію и горю. Напротивъ того, мы видимъ частенько, что грѣшникъ не испытываетъ почти никакого земнаго горя до самой смерти, что онъ богатъ, покоенъ, знатенъ,—словомъ, *счастливъ*, по людскому приговору, и наоборотъ—терпѣть добродѣтельныя; иногда же добродѣтельныя бывають и на землѣ счастливы. Что-жь все это значить? Если человекъ страдаетъ за свои грѣхи, какъ говоритъ Вине, то отчего же не всякій грѣшникъ страдаетъ? Если же страданія показываютъ иногда, по словамъ того же Вине, особенную любовь Божию къ человѣку добродѣтельному, то отчего же многіе добродѣтельныя не страдаютъ? Не говорю уже о томъ, что, принявъ мысль Вине, человекъ долженъ желать, искать, просить себѣ страданій, какъ знака особенной благосклонности Божіей. Трудно было бы мнѣ отвѣчать на этотъ вопросъ, еслибъ я не думалъ, что горе и счастье, какъ понимаютъ ихъ люди, *понятія совершенно ошибочныя*, не принимаемыя Богомъ въ расчетъ и соображеніе и созданныя людьми. Пусть же грѣшникъ наслаждается всѣми земными благами: я не назову его счастливымъ, потому что онъ не готовится къ жизни загробной, потому что онъ не знаетъ радостей чистыхъ. Пусть страдаетъ добродѣтельный, лишившись ногъ отъ простуды, слѣдовательно отъ собственной вины. Я вижу на немъ не наказаніе за грѣхи, а исполненіе законовъ природы, установленныхъ Богомъ, слѣдовательно — воли Божіей. Меня не смутитъ его страданіе: у него есть счастье другое, котораго нѣтъ у грѣшника. Иногда горе приводитъ человека къ Богу, иногда счастье, а наоборотъ—горе иногда только ожесточаетъ человека, счастье усыпляетъ душу. Если кто, будучи счастливъ, въ счастья забылъ Бога, то вѣдь въ сущности выйдетъ, что несчастіемъ для него было самое это счастье. Если кто въ несчастія обратится къ Богу, то счастье его слѣжалось для него счастьемъ. *Земнаго счастья*, собственно говоря, не существуетъ тамъ, гдѣ есть старость, дряхлость, смерть, болѣзнь, т.-е. такого счастья, которое бы зависѣло отъ однихъ земныхъ условій. Можетъ быть минута пьянства, но за нею слѣдуетъ обидное отрезвленіе; бываетъ временное забытье, за нимъ слѣдуетъ пробужденіе; бывають минуты сладостнаго, грѣшнаго увлеченія: онѣ ведутъ за собою горькое раскаяніе. Нѣтъ, счастье не въ этомъ, счастье только въ Богѣ, т.-е. не тогда, когда человекъ отыскиваетъ *срединный* пунктъ, какъ совѣтуетъ, кажется, добротолубіе, не въ восторгѣ аскета, но тогда, когда душа постоянно съ Богомъ и Богомъ проникаетъ всю земную жизнь свою, съ ея радостями и законнымъ горемъ, когда душа участвуетъ въ согласномъ хорѣ творенія, когда она постоянно полна звуками всей міровой гармоніи. Это счастье въ Богѣ можетъ и сопровождаться виѣшнимъ земнымъ счастьемъ, можетъ и не сопровождаться имъ,— оно не освобождаетъ человека отъ виѣшняго горя: буря захватываетъ въ полѣ равно и хорошаго и дурнаго человека. Такъ Духъ Святой, обитавшій въ угодникахъ Божіихъ, не избавлялъ ихъ отъ земныхъ страданій, а несчастными ихъ назвать нельзя. Мученикъ, горя въ огнѣ, не былъ несчастливъ. Точно такъ и земное счастье вовсе не грѣшно и не лишаетъ насъ

части въ царствѣ Божіемъ (какъ думаютъ нѣкоторые мрачные аскеты), если только оно проникнуто правдою Божіею, если въ немъ нѣтъ ни хмѣля, ни пьянства, если оно постоянно святится союзомъ человѣка съ Богомъ.

Не знаю, вполнѣ ли ясво выражаю я свою мысль. Я хочу сказать, что гармонія мірозданія никогда ничѣмъ нарушена быть не можетъ; ее нарушаетъ для себя только одинъ человѣкъ, именно тогда, когда онъ недостаточно убѣжденъ въ строгой послѣдовательности и связи явленій, когда онъ не носитъ въ душѣ свѣтлаго сознанія премудрости Божіей. Все зависитъ отъ отношеній, въ которыхъ ставитъ себя человѣкъ къ міру, къ такъ называемому счастью, къ такъ называемому несчастью, къ страданіямъ физическимъ, къ боли сердечной. Богъ не наказываетъ, т.-е. не причиняетъ человѣку зла, хотя и съ доброю цѣлью, ибо все, что отъ Бога, добро и благо, а горе, зло, существующее въ мірѣ, логически истекаетъ отъ насъ самихъ, т.-е. отъ нарушенія нами законовъ Божіихъ, отъ нашихъ грѣховъ, отъ нашего неразумія, отъ нашей недѣятельности. Слѣдовательно и зло есть явленіе вполнѣ законное, несообразно не нарушающее стройности явленій, напротивъ того убѣждающее меня сильнѣе въ непреложности законовъ Божіихъ, въ премудрости Божіей, въ гармонической связи и зависимости всѣхъ явленій между собою! Въ страданіяхъ, причиняемыхъ намъ нашими развратомъ, нашими страстями, нашею слабостью—виновны мы сами; въ неурожаяхъ виновны мы же; въ злыхъ, послѣдствіяхъ разбушевавшихся стихій (въ чемъ нѣтъ однако ни зла, ни гнѣва Божія) виновны мы же, не придумавшіе еще способа держать ихъ въ своей власти. Нѣтъ у Бога фальшивыхъ нотъ, и мы, призванные участвовать въ общемъ хорѣ творенія, сами виноваты, если не попадаемъ въ тонъ, фальшивимъ и фальшею своей деремъ себя ухо.

Обыкновенно понимаютъ, что на томъ свѣтѣ вознаградятъ насъ за земныя страданія. Послѣ этого, какъ я сказалъ, надо каждому пожелать себѣ земныхъ страданій, чтобы такимъ образомъ вѣрнѣе обезпечить за собою, такъ сказать, застраховать себя мѣсто въ царствіи Божіемъ. Нѣтъ, вознаграждать за то (употребляю на этотъ разъ это невѣрное выраженіе) какъ относился ты къ жизни, за то, какъ переносилъ ты земныя страданія, за то, какъ поступилъ ты съ своимъ счастьемъ. Если и страдавшій на землѣ и счастливый были постоянно съ Богомъ, то они равно вознаграждаются, ибо одинаково потрудились: счастливому даже легче забыть Бога, чѣмъ страдальцу, которому нѣтъ другаго утѣшенія, кромѣ Бога. Здѣсь, кстати, скажу нѣсколько словъ о смерти. Боюсь, чтобы слова мои не показались слишкомъ смѣлыми. Человѣку назначено природою жить, положимъ, хоть до 90 лѣтъ (Бюффонъ полагаетъ гораздо больше), пока онъ не обветшаетъ и не умретъ отъ старости; разумѣется, это возможно ему при отсутствіи тѣхъ внѣшнихъ, физическихъ и нравственныхъ обстоятельствъ, которыя имѣютъ вліяніе на жизнь, сокращаютъ ее, подрываютъ силы, бываютъ причинами смерти преждевременной. Говорится, что смерть всегда найдетъ себѣ причину. Это совершенно справедливо,—всякая преждевременная смерть также имѣетъ свою причину, которую избѣжать болѣе или менѣе во власти человѣка. Устраненіе причинъ смертей преждевременныхъ даетъ возможность жизни человѣческой совершать свой естественный ходъ до тѣхъ поръ, пока причины, уже не зависящія отъ человѣка, наприм. старость, дряхлость, приведутъ къ неминуемому послѣдствію — къ смерти. Я очень хорошо знаю, что если я теперь, не умѣя плавать, пойду въ воду, въ глубокой омутъ, то утону. Прими я синильную кислоту въ большомъ количествѣ, случайно или преднамѣренно,—я умру. Не стану я лѣчиться отъ холеры,—непремѣнно сдѣлаюсь ея жертвой, если, разумѣется, не выздоровлю уже отъ какихъ-нибудь особенныхъ, благопріятныхъ физическихъ условій. Тотъ умеръ отъ бѣшеныхъ лошадей, разбившихъ его экипажъ: еслибъ онъ поѣхалъ на смиръ-

ныхъ, этого бы не было. Обыкновенно думаютъ, что часть смерти непременно зависитъ отъ Бога, и что если человѣкъ умретъ преждевременно, то Богу такъ было угодно, причѣмъ ссылаются на слова: безъ воли Божіей волосъ не спадетъ съ головы человѣка. Совершенно такъ; но смерть моя, совершившаяся вслѣдствіе законныхъ причинъ, вполнѣ подтверждаетъ стройность логическаго порядка, установленнаго самимъ Богомъ, слѣдовательно согласна съ волею Божіей. Огонь жжетъ; воля Божія такова, что человѣческое тѣло способно къ горѣнію; я бросился въ пламя и сгорѣлъ, и смерть моя, согласная съ волей Божіей, въ то же время зависитъ и отъ моей воли. Я убѣжденъ, что человѣчество со временемъ найдетъ вѣрные средства избавлять себя отъ всякихъ преждевременныхъ смертей, не избавляя себя отъ смерти, какъ отъ естественнаго исхода жизни. Полагаютъ также, что человѣкъ естественно или преждевременно умираетъ только тогда, когда достаточно соврѣлъ для суда Божія, когда совершилъ свой земной подвигъ и пр. Но всѣ тексты Евангелія и Апостоловъ говорятъ противъ этой мысли. Человѣкъ, состоящій въ такой зависимости, въ земной своей жизни, отъ земныхъ условій, долженъ быть готовъ каждую минуту предстать предъ судъ Божій. Впрочемъ оставимъ этотъ вопросъ и обратимся къ прежде начатому нами разговору. Совсе не слѣдуетъ выводить изъ сказаннаго мною, чтобы было грѣшно огорчаться или плакать. Плакалъ я Иисусъ, видя Лазаря мертваго и скорбь его домашнихъ. Мученикъ, считая себя блаженнымъ на костре, все-таки чувствовалъ боль и страданье. Боль физическая и боль сердечная неминуемо испытываются человѣкомъ—и злымъ и добрымъ, но это еще не есть зло, не есть послѣдствіе грѣха и не можетъ назваться несчастіемъ. Въ такомъ гореваніи объ умершихъ, въ простомъ сѣтованіи нѣтъ бунта; оно нисколько не разрушаетъ того благоуханнаго ощущенія премудрости Божіей, которое должно присутствовать въ каждой душѣ человѣческой. Напротивъ того, отсутствіе скорби есть явленіе дисгармоническое, есть ожесточеніе сердца, есть недостатокъ любви къ ближнему и къ Богу; все равно какъ отсутствіе чувства боли въ тѣлѣ есть признакъ омертвѣнія тѣла.—Теперь естественно возникаетъ другой вопросъ, вопросъ о молитвѣ. Можно ли и должно ли молиться объ отвращеніи бѣды, о испосланіи того или другаго блага; можно ли просить непосредственно внимательства Бога въ каждый частный случай жизни? Трудно отвѣчать на этотъ вопросъ. Боишься самъ опредѣлительности отвѣта; чувствуешь, что грубая виѣшность слова оскорбитъ только чувство вѣры, выразишь мысль слишкомъ положительно и какъ-то матеріально, не передавъ того благоуханія, которымъ исполняетъ человѣка молитва. Однакожь, задавъ себѣ вопросъ, какъ-нибудь отвѣчать на него надо. Нерѣдко видимъ мы, что, основываясь на словахъ: все возможно вѣрующему, просите и дастся вамъ и проч.,—набожный помѣщикъ, съ искреннимъ жаромъ и вѣрой въ Бога, просить голоднаго года для выгоднаго сбыта своего хлѣба; набожная, но безразсудная мать съ горячею вѣрой молить Бога, чтобы Онъ помѣстилъ ея сына въ кавалергарды. Иной вѣрующій дѣтляй, видя угрожающую опасность, просить Бога объ отвращеніи бѣды, не предпринимая съ своей стороны никакихъ мѣръ для избавленія себя отъ опасности. Однимъ словомъ, люди болшую частію воображаютъ себѣ Бога какимъ-то хлопотуномъ по ихъ частнымъ дѣламъ, готовымъ исполнять всѣ ихъ прихоти, если Его попросятъ хорошенько! Не говорю о молитвѣ общественной,—признаюсь, я не люблю, когда частная, келейная молитва человѣка подчиняется какому-то полицейско-церковному уставу, производится по молитвеннику въ опредѣленномъ углу, опредѣленное число разъ и съ опредѣленными поклонами, хотя бы все это происходило съ толкомъ, съ чувствомъ и съ разстановкой. Молитва словесная или безмолвная, секундная или часовая, молитва искренняя есть возношеніе души къ Богу, сближеніе и соединеніе души съ

Богомъ, возжеланіе всѣмъ сердцемъ свѣта истины. Не должна она носить, какъ у васъ, какого-то корыстнаго, интереснаго значенія, т.-е. обращаться къ Богу съ просьбой о вмѣшательствѣ, о вспоможеніи Божию въ каждый случай жизни. Вопросъ заключается въ томъ, признавши вездѣ логическій порядокъ, стройный ходъ законовъ, установленныхъ Божіей премудростью, вправѣ ли мы просить Бога о нарушеніи этого порядка для нашихъ выгодъ и по просьбамъ каждаго изъ насъ?

Пожалуй, пусть молится всякій какъ знаетъ, но исполнится молитва только истинно вѣрующаго, т.-е. молитва внушенная чувствомъ истинной вѣры, хотя бы временно обшившей человѣка. Что-жъ такое истинная вѣра, какъ не признаніе во всемъ мудрости Божіей и покорность Божіей волѣ? Слѣдовательно, истинная, достойная вѣрующаго молитва не можетъ быть въ разладѣ съ волею Божіей, не будетъ просить того, чего не должно. Но какъ знать, что должно, чего не должно, какъ выдержаться отъ неумѣстной просьбы? Нельзя этого знать, или, лучше сказать, этотъ анализъ содержанія своей просьбы вреденъ душѣ человѣка, охлаждаетъ его порывы къ Богу. И Христосъ просилъ Бога, да мимо Его идетъ чаша страданій, для которыхъ сошелъ Онъ на землю, которая не могла быть отвращенна отъ Него. Однако же Христосъ, вслѣдъ за тѣмъ, прибавилъ: „Но да будетъ воля Твоя“. Такъ, да будетъ воля Твоя! Этими словами должна оканчиваться каждая молитва. Какая бы ни была ваша просьба, но въ словахъ: да будетъ воля Твоя,—вы отрекаетесь уже отъ всего неумѣстнаго въ вашей просьбѣ, вы проникаетесь чувствомъ всеблаготворительности Божіей, вы присоединяетесь душой вашей къ гармоническому ходу мірозданія, вы свободно подчиняетесь дивнымъ законамъ Божиимъ. Поэтому молитва можетъ быть справедливо названа не только лирическимъ возношеніемъ къ Богу, но гораздо проще—бесѣдою человѣка къ Богу, какъ говорятъ Виве въ *Nouvelles Etudes*.

Богъ—какъ солнце. Кто приближается къ солнцу, тому свѣтло и тепло; кто удаляется отъ солнца, тому темно и холодно. Всѣхъ заблудшихъ зоветъ солнце грѣться его лучами; всѣхъ грѣшниковъ призываетъ Иисусъ къ своей любви, къ своей истинѣ. Счастіе обитаетъ въ душѣ, грѣющейся лучами Божьяго свѣта, какія бы ни были обстоятельства земной жизни. И если несчастенъ человѣкъ душой, если ему холодно и темно, такъ онъ самъ виноватъ, что удаленъ отъ источника свѣта и тепла. Если же человѣкъ, которому холодно, вознесъ къ Богу свою молитву и тепло сдѣлалось ему, то это не значитъ, что Богъ безъ его заслуги, по одной его просьбѣ, отвратилъ отъ него холодъ. Человѣкъ самъ, молитвою своею, придвинулъ себя къ Богу и ощутилъ тепло. „Тебя безъ тебя создати невозможно, тебя безъ тебя спасти не могу“, говоритъ Богъ человѣку въ проповѣди Димитрія Ростовскаго, который прибавляетъ, что это сказано въ Писаніяхъ. Соломонъ гдѣ-то пишетъ: начало премудрости—пожелать премудрости. Возжелать всѣмъ сердцемъ свѣта—значитъ уже подвинуться къ свѣту. И вотъ значеніе молитвы: при приближеніи къ свѣту яснѣе становится въ человѣкѣ душевное разуміе, лучше видать его духовныя очи, освѣщается для него жизнь и отношенія его къ людямъ. Теперь понятнѣе становится мнѣ и объясненіе ваше о грѣхѣ нераскаивномъ, называемомъ худюю на Духа Святаго. Тебя безъ тебя спасти не могу, т.-е. если ты уклоняешься совершенно отъ свѣта, отъ любви, то вѣтъ для тебя спасенія... Итакъ, истинная молитва есть движеніе души къ Богу и признаніе ею воли Божіей, т.-е. всѣхъ законовъ Его премудрости. Какъ же молится другъ за друга? Это—не знаю по чьему объясненію, но кажется отъ васъ я это слышалъ—соединеніе другъ съ другомъ въ Богѣ.

Все это объяснить было нужно, чтобъ отнять у молитвы характеръ корыстолюбивый. Нѣтъ совершеннѣе молитвы, какъ Отче нашъ,—молитвы, сказанной намъ Господомъ. Въ ней не выражаются никакія личныя житейскія требованія; она ва-

чинается полнымъ гармоническимъ аккордомъ, признаемъ Божіей премудрости, Божіей воли и оканчивается устремленіемъ къ чистотѣ и истинѣ, возжеланіемъ чистоты и истины. Хлѣбъ же насущный значитъ нужное: жизнь и смыслъ,—остальное приложится, въ остальномъ я справлюсь, остальное не должно имѣть вліянія на мою душу. Само собою разумѣется, однако, что если человѣкъ погорѣетъ и поестъ иногда иногда сильно, даже возропцетъ нѣсколько, то не слѣдуетъ ставить ему это въ тяжкое обвиненіе. Не всяко лыко въ строку, говорить пословица. Да вспомнить неумолимые судьи, что и Иисусъ на крестѣ пронагнѣ слова боли: „Господи, вскую оставилъ я еси!“—Итакъ, да видитъ человѣкъ въ каждомъ горѣ и страданіи его естественную законность, истекающую изъ видимыхъ и ощутительныхъ причинъ, именно изъ грѣха или невѣжества, или недѣтельности; но никакое внѣшнее страданіе не мѣшаетъ счастію человѣка, нѣтъ необходимости въ страданіи, какъ полагаютъ Вине, не есть оно наказаніе, посылаемое Богомъ — изъ гнѣва, правосуднаго мщенія, или особеннаго расположенія къ нѣкоторымъ любимцамъ, а естественный, логическій результатъ нашихъ дѣйствій и премудраго строя вещей, установленнаго Богомъ.

Что вы скажете на это, любезнѣйшій Алексѣй Степановичъ? Я очень мало читалъ богословскихъ книгъ, мало знакомъ съ различными богословскими системами и, разумѣется, толкую теперь о томъ, что было миллионъ разъ пересмотрѣно и даже разрѣшено. Можетъ-быть даже я возобновляю собою какую-нибудь старую ересь, давно осужденную. Знаю я также, что далеко не въ совершенной полнотѣ выразилъ я свою мысль, даже не совсѣмъ удачно передалъ и то, что болѣе объяснилъ себѣ и усвоилъ, но увѣренъ, что вамъ понятно оно будетъ и въ настоящемъ видѣ и вы сами различите предѣлы моей мысли и освѣтите присущіе ей логическіе результаты, мною не усмотрѣнные.

Письмо это начато въ Песочнѣ, кончено въ Дехтянхъ Баркахъ, куда мы отправились съ Александромъ Ивановичемъ. Это — вотчина его въ сорока верстахъ отъ Песочны.

Алекс. Иван., разумѣется, со мной не согласенъ и говоритъ, что мысль моя противна не только православію, современно понимаемому, но и вообще христіанскому ученію. Не знаю; но, передавши мысль, я можетъ-быть не съумѣлъ передать того благотворнаго, постоянно нравственнаго аромата, которымъ наполняетъ меня эта мысль, того душевнаго сознанія премудрости, гармоніи Божіей, связи и зависимости всѣхъ явленій между собой и въ то же время независимости отъ нихъ человѣка (не земной его жизни, а души человѣка—въ движеніи ея къ Богу). Впрочемъ, повторяю, я нисколько не имѣю дерзкой увѣренности, что мнѣніе мое истинно. Теперь думаю я такъ, и ношу въ душѣ постоянно глубокое убѣжденіе, что приду къ свѣту, потому что желаю свѣта всею душой, приду къ свѣту, хотя бы на пути своемъ сворачивалъ иногда съ дороги, налѣво и направо. Не полѣнитесь, прошу васъ, любезнѣйшій Алексѣй Степановичъ, отвѣчать мнѣ на письмо мое—подробно, отчетливо, терпѣливо. Буду ждать вашего отвѣта съ нетерпѣніемъ; адресуйте его въ Троицкій посадь; на этой недѣлѣ я ѣду отсюда. Прощайте, будьте здоровы.

21 іюня 1853 г.

С. Песочня.

Примѣчаніе. Два отвѣта на это письмо А. С. Хомякова къ И. С. и К. С. Аксаковымъ напечатаны въ богословскихъ его сочиненіяхъ (Соч. II, 284—291; 292—295). Письмо Хомякова къ А. И. Кошелеву по поводу настоящаго письма напечатано въ Р. Арх. 1879, III, 282—284).

№ 12. Письмо Н. С. Аксанова А. С. Хомякову по поводу письма И. С. Аксанова за № 11.

Любезнѣйшій Александръ Степановичъ.

Наконецъ собрался я писать вамъ по поводу переписки вашей съ братомъ Иваномъ. Ваше возраженіе прекрасно. Кромѣ отдѣльныхъ доказательствъ, въ письмѣ вашемъ обнаруживается общій взглядъ, цѣлое направленіе, съ которымъ я вполне сочувствую. Соглашаясь съ вами, я однако же долженъ сказать, что вы не обратили вниманія на главную ошибку, именно на то, какъ представляется въ письмѣ брата Ивана участіе Бога въ дѣлахъ міра.—Говорятъ обыкновенно, при томъ или другомъ обстоятельстве, что Богу такъ угодно, — пишетъ Иванъ, — между тѣмъ, прибавляетъ онъ, это вытекаетъ изъ необходимаго порядка вещей, введеннаго Богомъ.—Въ сущности, это совершенно одно и то же, но Иванъ этого не видитъ, различаетъ одно отъ другаго — и потому впадаетъ въ ошибку. Здѣсь ложное пониманіе лежитъ въ самой основѣ его словъ. Онъ какъ будто думаетъ, что Богъ, разъ заведши законы міра и весь міровой порядокъ, удалился, сталъ къ сторонѣ,—и міръ пошелъ дѣйствовать по своимъ законамъ. Такое пониманіе дѣлаетъ Бога *нужнымъ*. Сверхъ того, оно путается въ категоріи времени, то-есть что порядокъ міра сотворенъ, а прежде не былъ сотворенъ, и слѣдовательно сперва Богъ не творилъ, а потомъ сотворилъ.—По категоріи времени Богъ раздѣляется на *Бога Творца* и *Бога не Творца*.—Не выпуская категоріи времени и возвышаясь при мысли о Богѣ до понятія безконечности, мы должны необходимо призвать безконечность (во времени) Бога не-Творца, и такую же безконечность Бога Творца. Здѣсь является противорѣчіе неразрѣшимое, здѣсь является признаніе перемѣнъ въ существѣ Божіемъ,—перемѣны, совершившейся въ безконечномъ времени. Противорѣчіе это вытекаетъ изъ ошибочной точки зрѣнія, ибо самая категорія времени, самое *прежде* и *послѣ*—есть созданіе конечнаго міра, есть явленіе, изъ него возникшее, и къ безконечному и къ безвременному относиться не можетъ. Вотъ почему путается обыкновенно мысль человѣка, которая не можетъ представить себѣ конца, не можетъ представить и безконечности. Наши понятія о безконечности есть понятіе о безконечномъ рядѣ концовъ, понятіе безгранично-коллективное; кажется, это называетъ Гегель *Schlechte Unendlichkeit*. Итакъ, если *прежде* и *послѣ*—есть призма нашего міра, то понятно, что представляетъ себѣ эпоху, когда ничего не было, а потомъ эпоху, когда все было заведено и пущено въ ходъ,—слѣдовательно, эпоху, когда Богъ не былъ Творцомъ, и эпоху, когда сталъ Творцомъ,—очевидно невозможно. Находясь внѣ предѣловъ, Богъ не положилъ ихъ когда-нибудь, ибо *когда-нибудь* есть понятіе конечное, ограниченное; но они, предѣлы, постоянно полагаются, разбинаясь сейчасъ же на *прежде* и *послѣ*, на *тамъ* и *здесь*, на всю эту конечную безконечность. Поэтому Богъ постоянно, такъ-сказать, творитъ міръ, или творится въ мірѣ. Слѣдовательно все постоянно угодно Богу, вездѣ Его воля. Прежде, чѣмъ поговорю о самомъ выраженіи этомъ, хочу дополнить сказанное выше. Призма конечнаго міра, являя все во времени и пространствѣ, конечно приурочиваетъ всякое явленіе воли Божіей, въ немъ (конечномъ мірѣ) обличающееся, ко времени и пространству. Съ этой точки зрѣнія человѣкъ ищетъ начала міру, но, встрѣчаясь здѣсь съ безконечностію, попадаетъ въ несклонный кругъ противорѣчій. Предпославъ же свое конечное пониманіе и потому необходимую ошибку о мірѣ и о началѣ міра, не разрѣшая противорѣчій, распаивающаго врата конечности, человѣкъ будетъ, если угодно, правъ съ своей точки зрѣнія, говоря, что міръ начался тогда-то; но самая точка зрѣнія ошибочна. Остави вопросъ о началѣ міра, гдѣ встрѣчается человѣкъ съ понятіемъ безконечности или,

лучше, *отъ конечности*, повторимъ, что всякое вѣконечное дѣйствіе воли Божіей, проникая конечный міръ, является подъ его условіями, *пріурочивается*, какъ я сказалъ. Самое воплощеніе самого Бога, Спасителя Иисуса Христа, явилось тамъ-то и тогда-то, и явилось, именно, когда было должно, — другими словами, когда Богъ хотѣлъ. Это пріурочиванье въ конечномъ мірѣ — въ связи съ вѣчною правдою, съ мудростію Бога, съ существомъ Божіимъ. Миѣ кажется, такимъ образомъ, многіе трудные вопросы становятся возможны къ рѣшенію. Хотя я знаю, что сравненіе никогда полно не бываетъ, но однако употребляю сравненіе, которое, кажется миѣ, помогаетъ объясненію: какъ солнце свѣтится лучами, какъ лучи идутъ постоянно отъ лица солнца во всѣ стороны; такъ Богъ свѣтится міромъ, такъ міръ идетъ постоянно отъ лица Божія, какъ лучи отъ солнца, соблюдая, конечно, въ себѣ законы, Богомъ же полагаемые, конечныя условія времени, пространства и все себѣ присущее. Теперь о самомъ выраженіи: такъ угодно Богу. *Такъ угодно Богу* не значитъ: *такъ захотѣлось, вздумалось Богу*; понятіе человѣческое здѣсь къ Богу не придается; не думаю, чтобы нашлись такіе, которые бы предполагали прихоти въ Богѣ, а еслибъ и нашлись, то мы не съ ними толкуемъ. Воля Божія присутствуетъ вездѣ и всегда. Воля человѣческая свободна; но человѣку принадлежатъ только нравственная сторона дѣла, самый же поступокъ, какъ фактъ (быль), есть соизволеніе Божіе, и весь міръ строится и ведется Имъ къ дѣлу Ему извѣстной. Итакъ, свободна одна воля человѣка. Воръ крадетъ: тутъ грѣшитъ его свободная воля, — на грѣхъ нѣтъ воли Божіей; а удастся ли ему украсть, или нѣтъ, — на то воля Божія. Вотъ почему буквально вѣрно, что и власть съ главы не спадетъ безъ воли Божіей. Съ другой стороны, всѣ дѣйствія личныя человѣка суть его воли, онъ всегда повиненъ въ нихъ своею волею, а результатъ или направленіе дѣйствій человѣка, принадлежащее Богу, человѣка не оправдываетъ и не обвиняетъ. Разбойникъ ограбилъ прохожаго; прохожій нашелъ убійщца въ монастырѣ, пострѣлся въ монахи и сталъ святымъ. Разбойникъ нисколько тѣмъ не оправданъ; грѣхъ дѣла ему принадлежитъ, а направленіе дѣла его, плодъ — Богу. Одинъ человѣкъ, желая вытащить изъ пропасти другаго, подаль ему веревку; веревка оборвалась и тотъ упалъ назадъ, да еще переломилъ себѣ ногу; помогавшій не виноватъ; и неизвѣстно еще, какой дальнѣйшій плодъ этого перелома ноги. Дѣйствуя въ мірѣ, воля Божія дѣйствуетъ міромъ, тѣми же явленіями, которыми постоянно бываетъ въ мірѣ. Убійца дѣлится въ васъ изъ-за угла; вы поскользнулись и упали; пуля пролетѣла мимо: Богу угодно было спасти васъ. Но въ подобныхъ именно случаяхъ люди охотно и даже какъ бы преимущественно видятъ волю Божію; и точно, она замѣтнѣе здѣсь: между тѣмъ нѣтъ мгновенія во времени, нѣтъ точки въ пространствѣ, когда и гдѣ бы не дѣйствовала воля Божія.

Не надо смущаться выраженіями, говорящимися при отдѣльныхъ случаяхъ или обстоятельствахъ жизни: такъ Богу угодно, Богъ меня спасъ, Богъ явилъ свою милость, судъ Божій и т. д. Я думаю, что тѣ, которые употребляютъ такія выраженія, понимаютъ, что Богъ никогда не дѣлаетъ, чего Ему не угодно, всегда спасаетъ человѣка, всегда являетъ свою милость, всякая минута есть Его справедливый судъ. Но человѣку *виднѣе* бываетъ это на томъ или другомъ случаѣ, и обвинимъ ли его за то? Я, по крайней мѣрѣ, ни мало, — я признаю все законное дѣйствіе на человѣка того или другаго конечнаго явленія, того или другаго случая въ нашемъ мірѣ конечныхъ явленій и случаевъ. Воля Божія совершается постоянно съ одинаковою силою, но человѣку *виднѣе*, понятнѣе она иногда только, и пусть будетъ виднѣе. Надобно, чтобы мысль человѣка была освобождена отъ ложнаго воззрѣнія; но свободная мысль въ своей истинѣ или должна перейти въ чувство, въ жизнь, осуществиться — и человѣкъ становится святымъ, каковаго еще не было на землѣ, каждую секунду

слышать онъ волю Божию и каждую секунду славословить, или мысль должна не убивать живаго, хотя ограниченнаго, чувства, которое пусть дѣйствуетъ въ своихъ земныхъ предѣлахъ, пусть слышать волю и милость Божию мѣстами и временами. Та же мысль, этотъ правосудный свѣтъ, должна понять весь смыслъ, всю силу случайныхъ добрыхъ движеній человѣка и дать имъ полное право жизни. Какъ же скоро мысль,—въ такомъ случаѣ она не вполне ясна и свободна, — захочетъ требовать отъ человѣка, чтобъ онъ всегда и всюду видѣлъ и чувствовалъ волю Божию, и упадетъ на его жаркія, временныя и мѣстныя, благодаренія и изліянія любви къ Богу, то, не давши ему высоты чувства, высоты жизни, для него недоступной, которой и требовать она не можетъ, она убьетъ только въ человѣкѣ эти живыя благія ощущенія и дастъ ему холодное формальное ощущеніе, или, лучше, сдѣлаетъ зарубку на его памяти, что всякую минуту воля Божія и т. д. Къ счастью, человѣкъ не выдержитъ такого холоднаго формальнаго состоянія. Богъ меня любить, говорятъ иногда люди, и пусть говорятъ. Богъ любить всѣхъ, постоянно, безмѣрно, но человѣку виднѣе это при случаяхъ. Человѣкъ благодаритъ Бога, спасшись изъ бѣды. Станемъ ли мы осуждать его, сказавши, что онъ постоянно долженъ благодарить Бога? — нѣтъ; и еслибъ нашелся такой праведникъ на землѣ, то ему здѣсь нечего было бы и дѣлать, но если такого нѣтъ, то пусть благодаритъ человѣкъ, когда можетъ благодарить, пусть благодаритъ, когда слышишь для него милость Божія,—и онъ правъ совершенно: невозможность непрестанной благодарности лежитъ въ условіи грѣховной природы человѣческой. Точно также и молитва: осудимъ ли мы молящагося временно и мѣстно, сказавъ, что онъ долженъ молиться всюду и вездѣ? — не осудимъ, конечно. Вся жизнь должна быть молитва, но это такая же невозможность, какъ невозможность совершенства на землѣ. Пусть же будетъ молитва тогда и тамъ, когда и гдѣ она можетъ быть. *Знать истину* долженъ человѣкъ, *стремиться* къ ней долженъ: это требуется отъ него; *но пребывать* въ истинѣ во время жизни, — этого требовать и за это осуждать нельзя. На пути стремленія къ истинѣ много есть частныхъ, недостаточныхъ ея проявленій, которыя, какъ скоро искренни и душевны, имѣютъ свою правду, прекрасны и исполнены добра. Пусть же она будетъ. И да разумѣетъ мысль, что воля Божія и милость вездѣ и всегда, что благодареніе и славословіе—непрестанны, но человѣку, подъ условіемъ собственнаго несовершенства и заблужденій, подъ условіемъ самаго конечнаго міра, и воля и милость Божія виднѣе иногда и индѣ, но благодареніе и славословіе непрестанное—невозможны, и потому да молится и благодаритъ человѣкъ, когда и гдѣ можетъ; онъ правъ, по-моему, лишь бы искренни были молитва и благодареніе. Какъ и о чемъ молится человѣкъ—это другое дѣло. Третье, чтобы не было частныхъ этихъ благодареній и изліяній любви—совершенно, по-моему, ложно и формально. Итакъ, пусть будетъ дава свобода,—и эта свобода законна,—всѣмъ необходимымъ, частнымъ, живымъ проявленіямъ души человѣческой, причина которыхъ лежитъ въ существѣ человѣка.

У Бога нѣтъ любимцевъ, нѣтъ пристрастія, и если можно измѣрять безмѣрную любовь Бога къ человѣку, то можно сказать, что Богъ востолько любитъ человѣка, востолько онъ Его любитъ, такъ что любовь Бога есть любовь къ Богу. Я не признаю Бога, говорить псевдо-атеистъ, нося противорѣчіе въ сердцѣ своемъ. Я люблю Бога, говорить псевдо-вѣрующій, нося омятъ въ себѣ противорѣчіе. Мнѣ кажется, что можно здѣсь выразиться такъ, что Богъ востолько близокъ къ человѣку, востолько человѣкъ близокъ къ Нему. Я сказалъ: если можно измѣрять безмѣрное,—слѣдовательно, слова мои имѣютъ относительную или приблизительную правду.

Оставляя въ сторонѣ важные вопросы о свободѣ и необходимости, о волѣ че-

ловической и воли Божией и проч., и проч., и надѣясь когда-нибудь коснуться этого въ широкомъ объемѣ, я хочу сказать нѣсколько словъ о чудесахъ и о молитвѣ.

Вы знаете, что чудо считаю я еще грубымъ проявленіемъ Божіей воли. Духъ слова Божія, духъ ученія Божественнаго, любовь, церковь—вотъ гдѣ глубоко и въ полной славіи является Богъ. Я скорѣе грѣшу съ аллианами, чѣмъ съ іудеями. Чудо, которому я вполнѣ вѣрю, вещь очень опасная для человѣка; онъ готовъ пристраститься къ чуду; природный, старый язычникъ, онъ глубоко склоненъ къ идоламъ, къ чародѣйству, къ магіи, ко всему чудесному. Я вѣрю чуду вполнѣ и не двинусь ему. Я не вижу въ немъ нарушенія того вѣчнаго закона, который все объясняетъ, ибо здѣсь нѣтъ нарушенія Божіей воли, которая есть единый вѣчный законъ. Чудо есть нарушеніе конечнаго закона. Я знаю возраженіе нѣкоторыхъ, что есть истинны общія, которыя нарушаться не могутъ, между тѣмъ чудо—часто есть нарушеніе этихъ истинъ. Но эти нѣкоторые ошибаются,—никакая истина общая не нарушается, ибо надо отличить въ чудѣ самое явленіе отъ закона, который только повидимому въ немъ нарушается. Да и какъ знаемъ мы отношенія общей истины къ явленію? Не могу не видѣть я премудрости Божіей въ томъ, что нѣтъ узаконенныхъ непремѣнныхъ чудесъ, что не всѣ святые имѣютъ мощи, что мощи могутъ сгорѣть, разрушиться и т. д. Еслибъ этого не было, человѣкъ бы увѣровалъ въ чудеса, и тогда обратился бы въ совершеннаго язычника, во что онъ порывается и теперь на каждомъ шагу. Сколько попытокъ обратить вѣру въ магію!... Впрочемъ, все зависитъ отъ того, какъ относится человѣкъ къ своимъ дѣйствіямъ, свободно или рабски. Это также большой вопросъ, предметъ моего спора съ Иваномъ, который я также оставляю въ сторонѣ. Теперь о молитвѣ.

Буквально вѣрю я словамъ, что всякая молитва исполняется, разумѣется, если она не на зло; буквально вѣрю я, что гора движется съ мѣста, если съ вѣрою ей будетъ сказано: двинься. Я знаю, что вы, глубоко понимая молитву, называете ее погруженіемъ въ Бога; но мнѣ кажется, что вы слишкомъ исключаете простую и вполнѣ законную ея сторону—просьбу. Я не вижу, почему бы мнѣ не просить у Бога не только спасенія души, но спасенія тѣлеснаго отъ болѣзни, пожара и проч. Если испѣлялъ самъ Спаситель и Апостолы, если самъ Спаситель скорбѣлъ и молился, то этимъ указано намъ, что можемъ просить о чемъ-нибудь Бога. Признаюсь вамъ, что я не вижу невозможности просить Бога о чемъ угодно, какъ скоро просьба моя не имѣетъ въ себѣ дурной примѣси. Мнѣ кажется, что дѣтское отношеніе къ Богу въ этомъ случаѣ есть возможное настоящее отношеніе. Слова: да будетъ воля Твоя, есть воспоминаніе и убѣжденіе мое въ томъ, что воля Божія непреложна и выше всего, и что я не думаю нарушать ее своею волею; но отъ этой же воли жду несомнѣннаго исполненія моей молитвы. Молитва исполняемая никогда не нарушаетъ ненарушимой воли Божіей, ибо, какъ видно изъ вышесказаннаго, нѣтъ предопредѣленія, и явленіе, являясь въ конечномъ мірѣ, во времени и пространствѣ, не измѣняетъ самаго общаго закона, не измѣняетъ свободы. Я думаю, что въ волѣ Божіей находится и соизволеніе мнѣ помолиться о чемъ-нибудь, и исполненіе моей просьбы. Моя воля свободна; съ одной стороны, лицомъ къ всеобъемлющему, безвременному, безмѣстному, вѣконечному—времени нѣтъ и нѣтъ пространства: я поступаю, я поступаю, я поступаю—это все равно, вся живая моя сжмается въ одну точку, гдѣ все качество моей воли; и съ другой стороны—въ мірѣ конечномъ только—распадается все на времена, годы, мѣсяцы, мѣста, случаи и всѣ подробности. Чувствую, какъ отвлеченна эта мысль и какъ недостаточно она выражена, но она понятна, мнѣ кажется. Это отношеніе къ міру конечному моей свободы нисколько не нарушаетъ,—я свободно дѣйствую каждую минуту, ибо всякое дѣйствіе мое вытекаетъ изъ свободы

когого существа. Возьмемъ примѣръ изъ міра конечнаго: нарушаетъ ли сколько-нибудь свободную вашу волю, если я заранѣе знаю, что вы непременно поступите такъ-то въ такомъ-то случаѣ; вы поступаете тѣмъ не менѣе свободно. Но я отдался въ сторону. Итакъ, молитва, дѣйствіе свободной воли человѣка, исполняясь, нисколько не нарушаетъ свободной воли Божіей; Божія же воля соизволяетъ на ея исполненіе. Человѣкъ же, говоря послѣ молитвы: да будетъ воля Твоя,—высказываетъ тѣмъ свое убѣжденіе, что молитва его Божіей воли не нарушаетъ. Я думаю, слѣдовательно, что молитва есть и просьба, думаю, что она такою можетъ быть и что исполнится она, какъ скоро говорится съ вѣрою.

Ясно ли высказалъ я свои мысли, не знаю; я коснулся было опять огромнаго вопроса, но опять оставлю его. Впрочемъ, вы вознаградите сами пониманіемъ недостатковъ моего выраженія. Когда-нибудь хотѣлъ бы я высказать всё мои мысли объ этомъ предметѣ.

№ 13. Письмо А. И. Кошелева А. С. Хомякову по поводу письма
И. Ансанова № 11.

Да, любезный другъ Хомяковъ, непременно отвѣчай Ивану Сергѣевичу. Письмо его стоить отвѣта, и если ты не отвѣтишь, то грѣхъ будетъ на твоей душѣ. Я вполнѣ чувствую, что это не такъ, что это мнѣніе не религіозное, а философское, что оно противно не только нашей церкви, но всѣмъ христіанскимъ церквамъ, что оно охлаждаетъ жизнь и что у него молитва есть суррогатъ. Изложенное имъ мнѣніе содержится съ нѣкоторыми исключеніями въ возвращеніи Шеллинга на начало зла, на Провидѣніе и пр. Я общалъ Ивану Сергѣевичу также отвѣчать ему, хотя письмо и не ко мнѣ адресовано; но мой отвѣтъ едва ли будетъ для него удовлетворителенъ, ибо мои доводы будутъ почерпнуты главнѣйше изъ св. отцовъ; но ты отвѣтишь изъ собственнаго фонда, твой отвѣтъ будетъ гораздо современнѣе, глубже и шире, а потому ты долженъ непременно отвѣтить Аксакову, и твой отвѣтъ будетъ истиннымъ благодѣяніемъ для многихъ.

Мы теперь въ Песочнѣ. Иванъ Сергѣевичъ провелъ у насъ двѣ недѣли, а сегодня уѣзжаетъ. Время стоять прекрасное, но хлѣба и травы не таковы, будетъ и сѣна мало и хлѣба мало. Мы пробудемъ здѣсь до 20 августа, а послѣ отъезду семейство въ Москву, оттуда къ 15 сентября въ Рязань, потомъ въ Лебедянь и, наконецъ, въ Песочню, гдѣ надѣюсь провести всю осень. Не пріѣдешь ли въ Рязань къ торгамъ на вино? Новому заводчику слѣдовало бы явиться на торги, которые будутъ тѣмъ интереснѣе, что предсѣдатель у насъ новый: какіе-то порядки онъ поведетъ?

Я прочелъ *Méditation's évangéliques par Vinet*, въ немъ очень много хорошаго, но не всё размышленія равнаго достоинства. Славны его бесѣды: *la vanctification, Le premier don gage de tous les autres, la foi du centenier* и нѣкотор. другія. *Etudes sur V. Pascal* превосходны отъ начала до конца и возбуждали во мнѣ желаніе прочесть *Provinciales* и *Reenées*, по новому изданію. Теперь читаю *Essais de Philosophie morale et de Morale religieuse*,— книга весьма хорошая, введеніе превосходное, но вообще чувствуешь, что Vinet еще не достигъ зрѣлости: онъ болѣе опровергаетъ, чѣмъ назидаетъ.

Прощай, любезный другъ Хомяковъ. Иванъ Сергѣевичъ общалъ прислать ко мнѣ твой отвѣтъ на его письмо, а потому ожидаю твоего отвѣта съ величайшимъ нетерпѣніемъ. Дай хоть строчкою о себѣ вѣсточку.

3-го іюля 1853 г.

С: Песочня.

№ 14. Письмо А. И. Кошелева А. С. Хомякову о значеніи слова „Православная церковь“. Ответъ Хомякова на это письмо напечатанъ въ „Р. Арх.“ 1879 г., III, 277—282.

Ты помнишь, любезный другъ Хомяковъ, что въ Лебединѣ, вслѣдствіе нашихъ полуночныхъ разговоровъ, я записалъ твое мнѣніе о православной Восточной церкви и о томъ, что ты разумѣешь подъ церковью, и обѣщаль тебѣ наложить въ письмѣ мои по сему предмету убѣжденія. Глазная болѣзнь моя, не оставившая меня и по сіе время, не позволила мнѣ до сихъ поръ исполнить сіе сердечное мое желаніе. Нынѣ, предполагая писать о первой половинѣ твоего мнѣнія, нужнымъ считаю тебя предупредить, что я излагаю свои мысли менѣе въ видѣ душевныхъ, во мнѣ глубоко укоренившихся вѣрованій, чѣмъ въ видѣ мнѣній, начинающихъ во мнѣ переходить въ убѣжденія, а потому не ищи строчекъ, полныхъ доводовъ въ пользу защищаемаго мною мнѣнія, но обрати особенное вниманіе на мои сомнѣнія, на возраженія противъ твоего, или, вѣрнѣе сказать, противъ мнѣнія церкви нашей, къ которой принадлежать считаю я величайшимъ счастіемъ и съ которою быть во всемъ согласнымъ есть искреннѣйшее мое желаніе.

Ты признаешь, что „Восточная церковь наша есть церковь не по преимуществу и не въ корнѣ (in potentia), но исключительно и на дѣлѣ (de facto) православная, что въ ней заключается вся истина, что она одна отъ времени до времени, по требованію обстоятельствъ, проявляетъ и высказываетъ догматы христіанства, что всѣ прочія церкви основаны на лжи, что всѣ дѣйствія ихъ ложны, что наша церковь одна представляетъ на землѣ вѣчную, невидимую церковь, что всѣ прочія церкви должны пасть и обратиться съ покаяніемъ къ нашей церкви, что нашей церкви нечего у нихъ заимствовать, что онѣ не содѣйствуютъ прямо къ осуществленію царствія Божія и что наша церковь одна должна оно осуществитъ“.

Если наша церковь исключительно и на дѣлѣ православна, то всѣ прочія вѣроисповѣданія безусловно ложны, что ты и утверждаешь. Но если они безусловно ложны, то какъ же могутъ они существовать, и притомъ существовать не малое время? Лишь истина животворна и все живетъ лишь настолько, насколько всякая вещь заключаетъ въ себѣ истины. Всякая ересь, всякій расколъ (какъ бы въ сущности негѣпы они ни были) исходятъ, думаю, изъ пониманія или приложенія болѣе живаго, слѣдовательно болѣе истиннаго какого-либо изъ ученій Христовыхъ, чѣмъ какія существуютъ въ томъ мѣстѣ и въ томъ времени, въ которомъ они возникаютъ, ибо иначе они не могли бы возникнуть, а тѣмъ менѣе жить и распространяться. Всякое явленіе въ мірѣ—на то чтобы проявить частичку истины съ самосознаніемъ или безъ онаго—непосредственно или посредственно. Источникъ истины, сама истина есть Христосъ. Кто исповѣдуетъ его Богомъ, кто сподобился душою усвоить себѣ тайну искупленія, тотъ христіанинъ. Слѣдовательно, всѣ церкви, признающія Божество Христа и спасеніе чловѣка, совершенное Имъ на крестѣ, суть церкви Христовы. Это, кажется мнѣ, ясно утверждено самимъ Спасителемъ, который сказалъ ученикамъ своимъ: *иже бо тѣсть на вы, по васъ есть* (Лук. IX, 50); и еще: *Всякъ убо, иже исповѣсть Мя предъ чловѣки, исповѣтъ ея и Азъ предъ Отцемъ моимъ, иже на небесѣхъ*. Ты эти послѣднія слова относишь къ лицамъ, а не къ церквамъ, и говоришь, что лица могутъ спасаться и въ неправославныхъ церквахъ; но не понимаю, на чемъ ты можешь основать такое произвольное разграниченіе, и, сверхъ того, ты этимъ самымъ уничтожаешь, какъ мнѣ кажется, необходимость церкви для чловѣческаго спасенія. Мнѣ кажется, что всѣ церкви Христовы православны болѣе или менѣе, и что ни одна изъ

них не православна исключительно и на дѣлѣ (de facto). Еслибы какая-либо церковь на землѣ была исключительно и на дѣлѣ православна, то міръ нашъ, какъ достигшій свою цѣль, уже болѣе бы не существовалъ, ибо осуществленіе церкви Христовой на землѣ есть, конечно, единственная цѣль всякаго бытія. Я считаю нашу церковь по преимуществу и въ корнѣхъ православною, но не могу допустить, чтобы прочія церкви, признающія Христа Богомъ и вѣрующія въ искупленіе нашихъ грѣховъ Его крестною смертію, были безусловно неправославными. По плодамъ познаете дерево, сказалъ Спаситель; злое дерево не даетъ плодовъ добрыхъ. Какъ же протестантизмъ, распространяющій Слово Божіе во всѣхъ концахъ вселенной, неуспѣшно заботящійся о расточеніи свѣдѣній по всѣмъ слоямъ народа и проводящій божественное ученіе въ жизнь частную и общественную, можетъ быть деревомъ безусловно злымъ? Какъ же римскій католицизмъ, совершающій своими прозелитизмомъ просто чудеса, можетъ быть деревомъ безусловно злымъ? Знаю, что ты на это мнѣ скажешь, что протестантизмъ, заключившій задачу христіанства въ границы болѣе тѣсныхъ, сдѣлалъ для себя трудъ сподручѣе, что католицизмъ, овеществивъ для себя ученіе Христово, перенесъ на него страсти земныя и пр. Конечно, противъ этихъ твоихъ возраженій я спорить не буду, и столько же, сколько и ты, сознаю ложь этихъ особенныхъ ихъ направленій; но вмѣстѣ съ тѣмъ не могу не признать многого и разнообразнаго добра ими сдѣланнаго. Кто выдвинулъ общественные вопросы, столь существенные для человѣка, кто проникъ ихъ болѣе духомъ христіанства, кто приблизилъ ихъ къ разрѣшенію, какъ не западныя церкви? Я говорю: *западныя церкви*, ибо должно сознаться, не во гнѣвъ философамъ, ученымъ и пр., что все просвѣщеніе новѣйшихъ временъ имѣетъ своимъ источникомъ слово Божіе и церкви Христовы, хранившія, разрабатывавшія этотъ неистощимый токъ жизни и свѣта. Кто живѣе, многообразнѣе въ самой жизни частной проявлялъ или стремился проявить Христово ученіе, какъ не западныя церкви? Признавая нашу церковь по преимуществу и въ корнѣхъ православною, я долженъ сознаться, что она, свято хранившая чистоту вѣры, мало заботилась о проявленіи ея въ жизни, даже частной, и почти во все не проявляла ея въ жизни общественной. Долженъ также признаться, что церковь наша, свято исполнявшая слова Спасителя: *Царство Моє влѣсть міра сего*,—ограничила міръ Божій одною мысленностью, предоставила міръ вещественный въ вѣдѣніе врага нашего и тѣмъ заключила себя въ область болѣе созерцанія, чѣмъ дѣйствія. Оттого наша церковь мало заботится о своемъ распространеніи, и даже духовное пастырство, столь существенное дѣло церковныхъ пастырей, у насъ сохранилось лишь въ ихъ названіи и вся ихъ обязанность сосредоточилась въ совершеніи таинствъ. Оттого вѣрные сыны нашей церкви смотрятъ враждебно на всѣ матеріальныя усовершенствованія въ мірѣ, считая ихъ за козни врага нашего, полагаютъ, что вещественное благосостояніе людей есть не добро, а зло, и готовы всякое свѣтское любознудіе, искусство, политику и пр. предать анаемѣ.

Согласенъ съ тобою, что наша церковь одна уясняетъ отъ времени до времени догматы ученія Христова, и что она одна не заключаетъ въ своей догматикѣ мнѣній ложныхъ. Но развѣ вся жизнь церкви, вся церковь—въ догматикѣ? Осуществленіе этой догматики не есть ли конечная цѣль церкви? И въ этомъ отношеніи совершенно ли мы православны? Сохранился ли въ нашей церкви тотъ огонь, та любовь, которая свѣдала апостоловъ и въ особенности Святаго Павла и которые ставляли ихъ переносить и холодъ, и голодъ, и темничныя заключенія, и смерти разнаго рода? И іудеи, даже до настоящаго времени, развѣ не хранятъ чистоту Моисеева ученія, а между тѣмъ, какъ не познавшіе Бога, какъ распявшіе Его, они разсѣяны по землѣ и нигдѣ не находятъ себѣ успокоенія. Не говорю

чтобы мы хранили чистоту Христова учения совершенно по-иудейски; но боюсь, чтобы въ отношеніи сего чистѣйшаго, духовнѣйшаго ученія ми не сдѣлалось своего рода іудеями. Храненіе чистоты вѣры есть, конечно, дѣло великое, но далеко не все дѣло. Чистота нашей вѣры горестно противопоставляется нечистотѣ, формальности и матеріальности нашей жизни. Іерархія, первая хранительница слова Божія, едва ли не главная, не первая отступница отъ Духа Божія, и, читая обличенія пророковъ противъ іудейскихъ священниковъ, думаешь, что пророки знали нашихъ духовныхъ и обращаются къ нимъ съ своими укорительными словами. Если протестантизмъ изъ христіанскихъ церквей есть та церковь, которая содержитъ въ себѣ всего менѣе церковности,— та церковь, которая явилась въ міръ только для того, чтобы уничтожить вещественный храмъ Христовъ, великолѣпно воздвигнутый католицизмомъ, и указать, что храмъ Христовъ долженъ быть не изъ камня и золота, не изъ рабства съ одной и не изъ деспотизма съ другой стороны; то вѣрнѣе того должно сознаться, что протестантизмъ всего болѣе проникнуть важностью слова Божья (*qu'il l'a pris le plus au sérieux*) и что его духовенство всѣхъ менѣе недостойно званія церковныхъ пастырей.

Не гордость ли съ нашей стороны думать, что наша церковь одна представляетъ на землѣ вѣчную, невидимую церковь? Мнѣ кажется, что ни общій духъ Новаго Завета, ни слова Спасителя, переданныя намъ Его учениками, не оправдываютъ такого исключительнаго, самонадѣяннаго мнѣнія. И апостолъ Павелъ и прочіе апостолы требовали отъ людей для ихъ спасенія только одной вѣры во Христа. Съ чего же мы, составивъ полную, обширную догматику, исключаемъ изъ числа Его учениковъ всѣхъ тѣхъ, которые неодинаково съ нами думаютъ? Изъ этого не заключи, чтобы я полагалъ, что въ нашемъ богословіи было много произвольнаго, не основаннаго на смыслѣ слова Божія. Нѣтъ, я убѣжденъ, что развитіе нашей церкви есть самое правильное, но превосходство ея все-таки сравнительное, а не безусловное. Еслибы церковь Христовой, во временномъ ея видѣ, слѣдовало существовать такъ безусловно, такъ осознательно, какъ нѣкоторыя церкви и богословы то утверждаютъ, то вѣроятно Спаситель или боговдохновенные Его ученики оставили бы намъ ученія, правила и наставленія болѣе положительныя, чѣмъ какія Моисей оставилъ вароуду еврейскому. Спаситель такъ мало дорожилъ своими словами, что ни Самъ ихъ не записывалъ, ни ученикамъ не приказывалъ ихъ передавать письменно; но всякій ученикъ, проникнутый Св. Духомъ, передавалъ ученіе Спасителя своими словами, и даже слова Спасителя они передавали разнo, согласуясь между собою только въ одномъ, т.-е. въ самомъ существенномъ — въ духѣ Его ученія. Мы, утративши духъ согласія, хотимъ удержать единство въ формахъ въ отдѣльныхъ ученіяхъ: не ожививъ руки, ноги, когда душа уже покинула тѣло.— Спаситель сказалъ: гдѣ двое или трое соберутся во имя мое, то Я уже посреди ихъ; съ чего же мы взяли считать отлученными отъ Христа, лишенными Св. Духа цѣлыя церкви, исповѣдующія его св. имя? Нѣтъ, другъ мой, такое мнѣніе по-моему неправославно,—не дышетъ тою любовью, которою проникнуты Евангеліе и Апостольскія Посланія.

Не вообрази, чтобы я думалъ, что Св. Духъ покинулъ свою церковь. Нѣтъ, Онъ никогда и не покидалъ, и никогда ея не покинетъ; но Онъ не тамъ, гдѣ человѣкъ говоритъ: здѣсь въ этомъ Св. Духъ. Изъ всего слова Божія для меня истекаетъ убѣжденіе, что Св. Духъ вездѣ, но что для человѣка именно Онъ не тамъ и не въ то время, когда человѣкъ думаетъ Его обхватить, Его себѣ усвоить. Конечно, есть особенныя, почти видимыя, отъ времени до времени, но неистовѣдимыя судьбы Божіимъ, Его любовью ниспосылаемыя проявленія Св. Духа; но и сія самыя проявленія поражаютъ людей почти уже тогда, когда ихъ уже болѣе нѣтъ на землѣ.

Изъ сего прихожу я къ заключенію, что церковь, говорящая, что Св. Духъ пребываетъ во мнѣ, и только во мнѣ, увлекается земными, временными помыслами, и что Св. Духъ можетъ пребывать на землѣ только невидимо во всѣхъ и во всемъ, т.-е. во всемъ и во всѣхъ ему покланяющимся, алчущихъ общенія съ Нимъ и видимо себя уничижающихъ.

Не думаю, чтобы прочія Христовы церкви должны были пасть и обратиться съ покаяніемъ къ нашей Восточной церкви. Да и сама наша церковь этого не думаетъ; ибо она не перестаетъ молиться о *соединеніи* церквей, а не о низложеніи, не о покореніи, не о паденіи иновѣрческихъ церквей. Еслибъ она полагала, что онѣ основаны на лжи, то вѣрно истина не стала бы молиться о соединеніи съ ложью. Я долженъ признаться, что, желая отъ всей души воссоединенія церквей, думаю, что раздѣленіе церкви было такое же необходимое событіе въ жизни церкви, какъ и всякое раздвоеніе жизни вообще, — раздвоеніе, содержащее въ себѣ залогъ живенности всего на землѣ сущаго. Раздвоеніе римскаго католичества есть также происшествіе необходимое въ его жизни и доставившее ему силы для разрѣшенія предназначенной ему задачи, т.-е. проникновенія, освѣщенія практической, видимой стороны жизни. По моему католичество должно провести христіанство въ жизнь частную и особенно общественную; но при этомъ стремленіи оно должно необходимо утратить то единство, ту духовность, которыя составляютъ одну изъ самыхъ существенныхъ особенностей христіанства. Восточная церковь, сохранившая единство, духовность ученія, никогда не царствовала, была всегда въ порабощеніи, а потому осталась какъ бы чуждою *миру сему*. Примиреніе *мира сего* и *мира мною* есть неоспоримо задача христіанства, — задача, которая должна быть разрѣшена Восточною и Западною церквами въ совокупности. Слѣдовательно, наша церковь можетъ и должна заимствовать у церкви западной ея знаніе *мира сего*, ея вліяніе на *миръ сей*, — однимъ словомъ, ея дѣйствительность; а Западная должна признать догматическую православность Восточной церкви и обѣ должны слиться во едино.

Осуществленію царствія Божія содѣйствуетъ все сущее; но иное содѣйствуетъ непосредственно, другое посредственно, — иное съ сознаніемъ, другое безъ сознанія. Существенную, одну дѣйствительную разницу въ этомъ отношеніи составляетъ исповѣданіе Христа душею, словомъ и дѣломъ. Различные виды и степени пониманія, конечно, имѣютъ вліяніе на наши чувства, мысли и дѣянія; но они дѣйствуютъ только относительно, а не безусловно. Иная церковь доставляетъ своимъ исповѣдникамъ способъ болѣе удобный къ усвоенію себѣ благодати, дарованной намъ искупленіемъ, другая въ этомъ отношеніи менѣе благодѣтельная; но разница между ними только относительная, сравнительная. Существенное лишь одно исповѣданіе съ любовью имени Господа нашего Іисуса Христа, авившаго намъ славу Бога Отца и оживившаго насъ Св. своимъ Духомъ. Слѣдовательно, всѣ церкви, на семъ исповѣданіи основанныя, содѣйствуютъ непосредственно и съ сознаніемъ къ осуществленію царствія Божія.

Вотъ, другъ мой, мое исповѣданіе по сему важному предмету. Сознаю всю важность православныхъ мнѣній для человѣка, но никакъ не могу все православіе церкви заключать въ его догматику. Церковь не есть академія, — она обхватываетъ всего внутренняго человѣка и стремится *все* тайное въ немъ проявить въ *мирѣ* для большей славы Божіей. Важнѣйшее въ человѣкѣ не чувство, не знаніе, но дѣло, т.-е. крестное исповѣданіе Христа.

Кончаю, потому что когда-нибудь кончить надо. Съ нетерпѣніемъ ожидаю твоего отвѣта, которымъ ты вѣрно не замедлишь, зная, что твое слово въ отношеніи ко мнѣ есть дѣло; а предметъ письма такъ важенъ, что вѣрно ты захочешь какъ можно скорѣе вразумить меня истинѣ, если я ошибаюсь.

1-го декабря 1853 г. Москва.

№ 15. Письмо А. И. Кошелева А. С. Хомякову объ источникахъ христіанской догматики.

Приступаю ко второй половинѣ твоего мнѣнія, любезный другъ Хомяковъ. Ты говоришь: „Подъ церковью православною я разумію не св. отцовъ, еще менѣе нѣвшію іерархію съ ея ученіемъ, изложеннымъ въ нѣвѣстныхъ богословіяхъ Антонія, Макарія и другихъ; но церковь держащуюся Св. Писанія, правилъ св. соборовъ, по догматической части, и литургическихъ учреждений, и живущую въ нашей церкви именно въ томъ, что въ ней есть неизмѣннаго или что въ ней принимается единодушнымъ согласіемъ іерархіи виѣстѣ съ народомъ“.— Здѣсь ты ожидай отъ меня менѣе возраженій, чѣмъ вопросовъ. Въ сущности, въ главныхъ основахъ сего мнѣнія, я съ тобою совершенно согласенъ; желаю только точнѣе выразить положенія этого мнѣнія, яснѣе обозначить нѣкоторыя его стороны, остающіяся для меня въ какой-то неопредѣлительности, и предложить тебѣ на разрѣшеніе нѣсколько вопросовъ для устраненія невольнаго навязывающагося сомнѣній по сему важному предмету.

Конечно, православная наша церковь не считаетъ каноническими творенія св. отцовъ, а тѣмъ еще менѣе—сочиненія писателей не сопричтенныхъ къ лику святыхъ. Всѣ эти творенія имѣютъ для церкви лишь относительную важность, но каноническаго значенія нельзя, кажется, отказать мнѣніямъ св. отцовъ въ томъ, въ чемъ они всѣ между собою согласны и противъ чего не было протеста со стороны православнаго народа, т. е. тѣла церкви. Въ этомъ случаѣ ихъ слова въ догматическомъ смыслѣ имѣютъ, кажется, значеніе вселенскаго собора. Конечно, такихъ единогласныхъ мнѣній мало, очень мало; при развогласіи же св. отцовъ всякій христіанинъ можетъ думать по лучшему своему усмотрѣнію и отнюдь не подчиняться таинственнымъ иреченіямъ: *такъ церковь полагаетъ*. Церковь свои рѣшенія изложила въ символахъ вѣры, въ литургическихъ учрежденияхъ и въ постановленіяхъ вселенскихъ соборовъ. Такъ думаю я на основаніи мнѣнія, изложеннаго мною въ первомъ моемъ письмѣ; но ты, утверждающій, что наша церковь исключительно православна, не можешь, кажется, не призвать каноническими и положенія помѣстныхъ соборовъ. Знаю, что твое мнѣніе не таково, а потому желаю бы знать, какъ, признавая нашу церковь исключительно православною, ты можешь помѣстные соборы не признавать равносильными вселенскимъ соборамъ? Въ этомъ случаѣ не послѣдовательнѣе ли нашъ другъ Кирѣевскій? Каноническое значеніе ты приписываешь только тому, что содержится въ Священномъ Писаніи, въ правилахъ вселенскихъ соборовъ по догматической части и въ литургическихъ учрежденияхъ. Все это завѣщано намъ первыми вѣками христіанства, а въ теченіе слѣдующаго тысячелѣтія и даже до настоящаго дня развѣ церковь, которая, по твоему мнѣнію, заключаетъ въ себѣ все православіе и олицетворяетъ невидимую церковь на землѣ, развѣ эта церковь онѣмѣла? По-моему церковь Христова не онѣмѣла, ибо она проявляла различныя истины *по мѣстамъ*.— Ученіе Христово совершенно и вѣчно; но пониманіе его, развитіе и приведеніе его въ дѣйство по необходимости несовершенны, временны и помѣстны. Нигдѣ и никогда ни одна истина осуществлена быть не можетъ; всѣ истины и каждая въ особенности могутъ быть осуществлены лишь въ цѣломъ мірѣ и тогда, когда Богъ вторично явится на землѣ для заключенія земной жизни человечества. До того времени истина, Духъ истины пребываетъ во всѣхъ церквахъ, которыя вѣрують во Христа и которыя въ совокупности образуютъ ту невидимую церковь, которую осуществить стремится я должна стремится каждая церковь въ отдѣльности, точно такъ, какъ каждый христіанинъ стремится, и долженъ стремиться, осуществить въ себѣ высокій образецъ, предложенный намъ въ лицѣ Іисуса Христа.

Знаю, что ты не отвергаешь св. преданія; но желалъ бы знать положительнѣе: въ какихъ границахъ ты заключаешь его каноничность.

Сверхъ того, каноническое значеніе имѣетъ для тебя все то, что принимается единодушнымъ согласіемъ іерархіи вмѣстѣ съ народомъ. Сколько мнѣ извѣстно, такого и такимъ образомъ принятаго положенія не было и нѣтъ ни одного. Чтобы такое рѣшеніе могло состояться, слѣдовало *всей* іерархіи принять въ немъ участіе; но притомъ такое рѣшеніе слѣдовало предложить на утвержденіе *всему* православному народу. Не говорю о томъ, какъ трудно такой обрядъ исполнить, но безъошибочно можно сказать, что далеко не послѣдовало бы единодушнаго согласія по самому простому, самому несомнѣнному положенію. Допускаю, что подъ *единодушнымъ согласіемъ* ты разумѣешь не исполненіе вложеннаго мною обряда, а установленіе чего-либо, сдѣланное съ одной стороны іерархіею и не отвергнутое другою стороною—народомъ. Но и въ семь случаевъ, по надлежащемъ испытаніи, удѣлѣтъ весьма немногое, а на дѣлѣ выидеть слѣдующее: православною будетъ для каждаго та церковь, къ которой онъ принадлежитъ, съ которою онъ согласенъ въ главныхъ догматахъ и которую онъ почитаетъ тѣми положеніями, которыя, по его мнѣнію, истекаютъ изъ тѣхъ общихъ, основныхъ догматовъ; православною же—въ общемъ, во всемірномъ смыслѣ—должно считать Христову церковь, заключающуюся въ совокупности Христовыхъ церквей, и которая осуществляетъ ту невидимую церковь Имъ основанную, живимую и увѣнчиваемую.

Существенная разница между нами и тѣми, которые въ разрѣшеніи всякихъ недоразумѣній смылаются на мнѣніе церкви, заключается по-моему въ слѣдующемъ: мы, преклоняясь въ основныхъ догматахъ исповѣданію церкви, основанному на Свящ. Писаніи, пополющенію св. преданіемъ и разъясненному вселенскими соборами, признаемъ себя вправѣ во всемъ прочемъ руководствоваться Богомъ намъ даннымъ разумомъ и совѣстью; а противники наши, по смиренію ложному, христіанству противному, признаютъ безусловными учителями Сидора или Карпа, какого-нибудь покойника или уважаемаго ими живаго человѣка. Конечно, всякаго уваженія и любви достойны люди прежде или нынѣ подвизающіеся на поприщѣ благочестія и своимъ свѣтомъ насъ освѣщающіе, но и ихъ непогрѣшимыми считать не должно. Съ этимъ положеніемъ наши противники, конечно, согласятся, а между тѣми они дѣйствуютъ, считая нѣкоторыхъ людей какъ бы непогрѣшимыми. Это противорѣчіе объясняется тѣмъ, что они считают нѣкоторыхъ людей озаренными свѣтомъ свыше, а потому и преклоняются не собственно предъ этими людьми, но передъ лучами вѣчнаго свѣта. Конечно нельзя отвергать озареній свыше; отвергать ихъ значило бы не признавать и основнаго озаренія, т.-е. явленія Бога на землѣ. Но не должно смѣшивать озареній освѣщающихъ людскія глаза съ озареніями ихъ ослѣпляющими. Весь Новый Заветъ освобождаетъ человѣка, усмысливаетъ его Богу, даетъ просторъ и уму и волѣ человѣческой. Впослѣдствіи времени умножились такъ называемыя озаренія свыше, которыя стремятся произвести дѣйствіе противное. Нельзя на каждомъ шагѣ не повторять себѣ: *испытуйте духа*.

Впрочемъ къ чему говорить объ этомъ съ тобою: это зло тебѣ особенно извѣстно и на тебя оно производятъ болѣе тяжкое дѣйствіе, чѣмъ на меня и на другихъ. Весьма согласенъ, что ему необходимо противодѣйствовать; но, дѣйствуя противъ него, какъ бы не власть въ другую крайность. Признаться, этого я всего болѣе боюсь и за тебя и за себя. Путь между вѣрованіемъ въ слишкомъ многое и вѣрованіемъ въ слишкомъ малое такъ скользокъ, что удержаться въ блаженной серединѣ есть, конечно, одна изъ труднѣйшихъ задачъ для человѣчества.

Оканчиваю, повторяя просьбу не пренебрегать моими письмами и разсѣять туманы, обхватывающіе умъ и душу друга твоего.

14 января 1854 г. Москва.

№ 16. Письмо И. В. Кирѣвскаго А. И. Кошелеву о свободѣ
вѣроисповѣданія.

Я прочелъ книгу *Vinet*, которую ты мнѣ далъ съ условіемъ сказать о ней подробно мое мнѣніе, обозначивъ опредѣлительно: въ чемъ согласенъ съ нею, въ чемъ не согласенъ. Но признаюсь, что это было бы для меня очень затруднительно! Я не согласиться съ *Vinet* не могу, ни отвергнуть того, что онъ говоритъ, не въ состояніи. Мнѣ кажется (прости, что буду говорить откровенно и безъ церемоніи о такой книгѣ, которую ты называешь своимъ сочиненіемъ), кажется, что онъ самъ не далъ себѣ яснаго отчета въ своей мысли прежде, чѣмъ началъ излагать ее, оттого вышла очень краснорѣчивая, очень искренняя путаница лжи и правды. О чемъ хлопочетъ онъ? Что хочетъ сказать?—То, кажется, что церковь должна быть совершенно отдѣлена отъ государства, такъ что ни церковь не должна знать государства, ни государство церкви, но каждое изъ этихъ двухъ согласій должно существовать и дѣйствовать не только независимо отъ другаго, но и безъ всякаго отношенія къ другому. Эта ли его мысль? Но *какая церковь* и *какое государство* должны такъ дѣйствовать? И что такое *должны*? Какой *законъ* будутъ они исполнять, дѣйствуя такъ: законъ церкви, или законъ государства? И какой церкви и государства, существующаго съ какою господствующею мыслию? Или слово *должны* не относится ни къ какому закону никакой церкви, ни къ какому извѣстному государству, ни къ какой извѣстной философской идеѣ государства, но есть только постулатъ тѣхъ понятій, какія *Vinet* составилъ себѣ о лучшемъ устройствѣ протестантской церкви и объ идеалѣ государства? Въ такомъ случаѣ, прежде разрѣшенія вопроса, надобно было ясно обозначить: *какая* это образовалась въ головѣ *Vinet* лучшая церковь и какой идеалъ государства? Потому изъ этихъ понятій уже само собой вышло бы и послѣдствіе ихъ, законъ ихъ взаимнаго отношенія. Тогда мысль *Vinet* вступила бы въ свои естественныя границы: тогда съ нею нельзя было бы спорить, какъ съ мыслию, составляющею часть его личнаго вѣроисповѣданія и его любимой мечты о государствѣ. Но тогда, вмѣсто 550 страницъ, книга *Vinet* обратилась бы въ весьма маленькую брошюрку, которую мы съ тобой, вѣроятно, не замѣтили бы, какъ вещь, имѣющую слишкомъ относительный интересъ. Но тѣмъ-то и шумать должныя мысли, что онъ растагиваютъ частныя истины въ объемъ всеобщихъ истинъ.

Ване начинается свою книгу говоря объ убѣжденіяхъ религіозныхъ вообще и объ обязанности каждаго человѣка свободно выражать свое. Здѣсь онъ беретъ предметомъ своимъ не только *естъ исповѣданія христіанскія*, но и *естъ етры не христіанскія*, жидовскую, ямческія, магометанскую, и даже *убѣжденія философскія*, и даже *систему неопрія*, и ставитъ ихъ всѣ въ одну категорію убѣжденій совѣсти объ истинѣ, и изъ законовъ самой совѣсти выводитъ для всѣмъ обязанность открытаго и свободного исповѣданія своихъ убѣжденій. Я въ такомъ случаѣ совершенно сочувствую съ нимъ, какъ христіанинъ, ибо этотъ законъ совѣсти объ открытомъ и неоглашенномъ исповѣданіи своей вѣры есть законъ христіанскій. Но я сомнѣваюсь въ томъ, *естъ ли* виды ямчества и *естъ ли* системы невѣрія найдутъ этотъ законъ въ своей совѣсти. „Но совѣсть одна“, скажешь ты. Да, какъ одна истина. Это не мѣшаетъ однакожъ человѣку принимать часто за истину ложь. Совѣсть — это вѣра. Требовать *одной совѣсти* ото всѣхъ людей—то же, что требовать *одной етры*. Конечно, въ *этомъ частномъ* отношеніи, совѣсти большей части вѣръ согласны между собою, однако же если есть общества жрецовъ или философовъ, которые содержатъ *свои убѣжденія* въ тайнѣ и думаютъ, что для самаго торжества ихъ истины необходимо скрывать ее подъ личиною общепринятаго заблужденія, то я могу не со-

глашаться съ ними, могу жалѣть о нихъ, могу спорить съ ними, но не могу думать, чтобы мои понятія о совѣсти и вѣрѣ должны были непрежнно быть и ихъ понятіями о совѣсти и вѣрѣ. Слѣдовательно, не благоразумнѣе ли будетъ здѣсь различить: какому убѣжденію принадлежить какой образъ дѣйствованія, и каждое требованіе посылать прямо по адресу туда, гдѣ оно принимается. Утѣшать же себя мыслию, будто весь міръ признаетъ тѣ законы, которые я считаю для себя обязательными, это—китайство, изъ котораго выводы могутъ повести къ заблужденію.

Изъ этого положенія, что *каждое убѣжденіе* имѣетъ нравственную обязанность откровенно выражаться въ словахъ и дѣйствіяхъ, Vinet выводитъ нравственную обязанность *для каждою государства* не стѣснять никакое убѣжденіе въ возможности выразить себя и проповѣдывать себя словами, дѣлами и жизнію. Такъ какъ онъ говоритъ о государствѣ *вообще* и объ убѣжденіи *вообще*, то естественно, что въ его рассужденіяхъ является такая неопредѣлительность, такая преувеличенность, такая несоотвѣтственность одной мысли съ другою, что первая сто страницъ второй части показались мнѣ войною Донкихота съ вѣтранными мельницами, или упражненіями талантливаго студента на курсѣ какого-нибудь швейцарскаго Шевьерва. Противъ кого рыцарствуетъ онъ?—противъ *Роте*, о которомъ и протестанты даже сомнѣваются, христіанинъ ли онъ или нѣтъ. Его понятіе о государствѣ, что оно должно быть само вполне человѣкомъ, есть одна изъ системъ, которыхъ тысячи возникаютъ ежедневно въ Германіи. Принять эту систему за представительницу общаго мнѣнія и думать, что все сдѣлалъ, когда одолѣлъ ее,—довольно смѣшно и ребячливо. Еслибы еще Vinet сражался съ отцомъ Роте—самимъ Гегелемъ, разбирая его взглядъ на государство въ его первообразномъ видѣ, то возраженія его имѣли бы какой-нибудь всеобщій интересъ; но возражать одному изъ полу-гегельянцевъ—хорошо только тому, кому очень писать хочется. Къ тому же, никакое философское понятіе о государствѣ не стоитъ само собою, но выводится изъ общихъ началъ системы, какъ необходимое послѣдствіе. Какъ же опровергать выводъ, не касаясь началъ? Вообще выводы философскіе не опровергаются, они просто отвергаются, когда построятся противорѣчащая имъ система. Но Vinet ввязался рассуждать о государствѣ на правахъ философа, а между тѣмъ никакой философской истины не поставилъ. Поэтому, что бы онъ ни говорилъ, истину или ложь, все будетъ безъ основанія, одна фраза, больше или меньше благовидное мечтаніе. Другое дѣло, когда онъ захочетъ говорить какъ христіанинъ. Здѣсь онъ имѣетъ основаніемъ убѣжденія того исповѣданія, къ которому онъ принадлежитъ. Здѣсь, слѣдовательно, его слово имѣетъ голосъ.

Мало-помалу ворочая свою мысль съ боку на бокъ и пережевывая одно и то же, Vinet, наконецъ, дошелъ до этого сознанія и чувствуетъ, что сказанное имъ *вообще* не такъ общепримѣнительно, какъ казалось ему съ перваго взгляда. Вслѣдствіе этого пробуждающагося въ немъ сознанія, Vinet сначала ограничиваетъ свои возгласы объ убѣжденіяхъ *вообще* тѣмъ, что сказанное имъ не можетъ относиться къ магометанству, ни къ древнему язычеству, ни къ іудейству, а только къ различнымъ видамъ христіанства. Потомъ еще страницъ черезъ сто онъ говоритъ, что сказанное имъ не можетъ относиться къ римскому католицизму, которое перестало бы быть совсѣмъ католицизмомъ и Римскою церковью, еслибы отказалось отъ соединенія власти духовной и свѣтской. А потому его требованіе о раздѣленіи двухъ властей можетъ относиться *только къ однимъ протестантскимъ исповѣданіямъ*.

Книга была бы гораздо яснѣе, еслибы авторъ съ самаго начала опредѣлилъ границы своей мысли.

Однакожь и между протестантскими исповѣданіями надобно также различить. Если, наприм., *англійскую церковь* считать въ числѣ протестантскихъ, то очевидно,

что къ ней не можетъ относиться требуемая авторомъ неприкосновенность свѣтской и духовной власти. Ибо, какъ прямое произведеніе власти *сѣтской*, церковь англійская при разъединеніи властей должна сама распастся на свои составныя части и, слѣдовательно, уничтожиться.

Реформаты тоже не могли бы (по крайней мѣрѣ при началѣ своемъ) слѣдовать увѣщанію *Vinet*, ибо, по ученію Кальвина, самое государство должно происходить изъ церкви и ею устраниваться. Но историческая мельница оттерла эту часть догмата отъ реформатства, и потому для этой секты вопросъ объ отношеніи къ свѣтской власти еще можетъ почитаться нерѣшеннымъ.

Квакеры прямо и чисто не признаютъ государства внѣ себя и надъ собою и по догмату своему не могутъ составлять часть аудиторіи *Vinet*.

Гернгутеры хотя и не во враждебномъ отношеніи къ государству находятся, однако же внутри другаго политическаго общества составляютъ не только общество церковное, но и гражданское, съ особыми устройствами взаимныхъ отношеній. слѣдовательно и они, еслибы составляли народъ отдѣльно существующій, непременно образовали бы государство, прямо изъ церкви исходящее и съ церковнымъ устройствомъ одно составляющее. Потому и къ нимъ слово *Vinet* стноситься не можетъ.

Остаются лютеране, которые признали въ Аугсбургскомъ исповѣданіи, что устройство свѣтскаго государства не должно зависѣть отъ церкви, что власти духовная и свѣтская различны и не должны подчиняться одна другой, но обѣ должны съ одинакимъ благоговѣніемъ почитаться и сохраняться, какъ *два высшія благодати Бога на землѣ* (als zwei höchste Gaben auf Erden.)

Но, поставивъ церковь въ одинакихъ правахъ съ государствомъ въ догматѣ, они въ дѣйствительности тотчасъ же подчинили устройство духовное покровительству и надзору, и распоряженію и даже управленію свѣтской власти.

Но такъ какъ это ученіе церкви для лютеранъ не догматъ, а закоренѣвшій историческій фактъ, то требованіе *Vinet* можетъ собственно къ нимъ относиться; ибо *Vinet* не хочетъ, вѣроятно, измѣнять вѣроисповѣданій, онъ хочетъ только исправить понятія нѣкоторыхъ объ одномъ постороннемъ предметѣ сомнительнаго свойства. Къ этимъ же сектамъ протестантскаго исповѣданія, къ которымъ относится вопросъ *Vinet*,— т.-е. для которыхъ онъ не догматъ, а еще вопросъ,— можно причислить христіанъ всѣхъ исповѣданій, колеблющихся въ своихъ убѣжденіяхъ, и, потому, невѣрующихъ и философски-христіанствующихъ. Но эти послѣдніе, хотя бы они и имѣли въ рукахъ власть политическую, могутъ ли почитаться законными судьями въ дѣлѣ церковныхъ отношеній? А между тѣмъ авторъ имѣетъ въ виду *ихъ* болѣе, чѣмъ другихъ, ибо пренужденно опирается на *требованіяхъ современной образованности*. По его мнѣнію, христіанская церковь, скоро послѣ своего явленія въ міръ, испортилась и начала заблуждаться. Одно изъ послѣдствій этого заблужденія было сближеніе государства и церкви при Константинѣ. Потомъ всѣ бѣды христіанъ и христіанства были необходимыми слѣдствіемъ этого сближенія, и только въ наше новѣйшее время становится возможнымъ для церкви открыть глаза и видѣть свою ошибку (стр. 350 и мног. др. мѣста). Другими словами: Духъ Святый, скоро послѣ временъ апостольскихъ, оставилъ церковь и возвращается къ ней только чрезъ проповѣдь *Vinet*. Или, можетъ-быть, Духъ Святый не оставлялъ церковь, а живя въ ней, заблуждался, покуда *Vinet* вразумилъ его. Бѣдный западный человѣкъ, которому такая галиматья можетъ лѣзть въ голову!... Или можетъ-быть галиматья эта не въ головѣ (которая не дошла до сознанія своихъ преобразовательныхъ требованій), а только въ сердцѣ, которое внушаетъ желаніе преобразовывать и исправлять церковь. Это чувство послѣ отступленія латинства сдѣлалось господствующимъ въ европейской образованности.

Несмотря однако же на то, что книга Vinet не имѣет ни основанія, ни возможной примѣнительности, — въ ней есть много прекраснаго, много мыслей свѣтлыхъ, много замѣчательнѣйшихъ, много сердечныхъ, драгоцѣнныхъ словъ, и ея чтеніе очень пріятно и, можетъ-быть, не бесполезно возбуждаетъ потребность яснаго сознанія объ этомъ вопросѣ въ читателѣ православномъ. Ибо вопросъ этотъ въ православной церкви не имѣетъ того логическаго опредѣлительнаго отвѣта, какой онъ получилъ на Западѣ отъ соединенія власти духовной и свѣтской въ одномъ лицѣ. Тамъ изъ этого обстоятельства произошла пѣлая система политическихъ отношеній государствъ, которая взошла въ богословскую догматику, какъ часть ея. Тамъ церковь была видимымъ основаніемъ и постоянно видимою поддержкою мірской власти и во всѣ отрасли мірскаго управленія взошла какъ одинъ изъ ея видимыхъ элементовъ. Точно такое же вещественное господство обнаружила Латинская церковь и въ области науки. Въмѣсто того, чтобы духовно проникнуть самое мышленіе человѣческое, самый корень его мышленія, она выводила изъ своего ученія видимыя, буквальныя положенія и навязывала ихъ наукѣ. Галллей, отрекающійся отъ своей системы, и Генрихъ IV, исполняющій эпитимію, выражаютъ одинъ смыслъ церковнаго преобладанія. Оттого реформація, отдѣливъ церковь отъ римства, одинаково разорвала связь какъ между правительствомъ и церковью, такъ и между наукою свѣтскою и богословіемъ. И въ обѣихъ сферахъ послѣдствія были одинаковы. Какъ скоро духовное начало перестало господствовать надъ свѣтскимъ, такъ свѣтское стало господствовать надъ духовнымъ. Церкви протестантскія очутились подъ распоряженіемъ свѣтскихъ правительствъ, и богословія протестантскія сдѣлались выводомъ изъ философскихъ системъ. Ибо государство совершенно безотносительное къ церкви такъ же невозможно, какъ и философія совершенно безотносительная — къ ученію вѣры. Если вещество не повинуется духу, то не можетъ оставаться въ *разныхъ* правахъ, но неизбѣжно должно взять верхъ. Примѣръ Американскихъ Штатовъ, который приводитъ Vinet, ничего не доказываетъ. Это не государство, а случайное совокупленіе нѣсколькихъ разнородныхъ массъ, безпрестанно готовыхъ распасться. Они держатся только тѣмъ, что не пришли къ самосознанію. Какъ скоро самосознаніе проникнетъ ихъ отъ сердца въ части и отъ частей въ сердце, такъ они разлетятся на множество кусковъ. Между тѣмъ теперь правительство въ нихъ не можетъ захватить власть надъ религіей *потому*, что у нихъ нѣтъ одной религіи. Взаимное противорѣчіе многихъ религій составляетъ условіе ихъ независимости. Но еслибы народъ, въ какомъ бы то ни было государствѣ, имѣлъ какую-нибудь одну вѣру, то невозможно предположить, чтобы эта вѣра не опредѣлила — посредственно или непосредственно — своихъ отношеній къ государству и не требовала бы отъ него извѣстныхъ отношеній къ себѣ. Единство въ образѣ мыслей не можетъ не требовать единства въ образѣ дѣйствій. Одинаковая вѣра требуетъ одинаковыхъ нравовъ, одинаковой системы всѣхъ отношеній — семейныхъ и общественныхъ. Правильно ли будетъ то устройство государственное, которое не будетъ прямымъ слѣдствіемъ этой системы междугражданской? Или правительство, которое будетъ стѣснять выраженіе всенародныхъ убѣжденій, подъ предлогомъ, что это выраженіе можетъ быть оскорбительно для какихъ-нибудь убѣжденій иностранныхъ? Или которое само будетъ оскорблять убѣжденія народныя своими устройствами, составляемыми въ духѣ иноземныхъ убѣжденій, наприм. правительство магометанскаго народа, которое будетъ требовать отъ войска употребленія вина для куражу? Или когда оно позволитъ безнаказанно другимъ сектамъ оскорблять нравы своего народа явнымъ исполненіемъ обычаевъ противорѣчащихъ всеобщимъ убѣжденіямъ, наприм. въ государствѣ христіанскомъ публичныя вакханаліи лжечества, или публичныя насмѣшки надъ вѣрою и нравами народа? Или распространеніе соблазнительныхъ книгъ? Или должно ли правительство, говоря вообще, обращать

какое-нибудь вниманіе на нравственныя понятія своего народа? Должны ли законы отстранять то, что мѣшает свободному выраженію этихъ нравственныхъ понятій, или удалять то, что стремится ихъ оскорбить или разрушить? Соединенные Штаты, говорить авторъ, не живутъ законамъ, которые бы охраняли общественную нравственность или общественныя убѣжденія. Но за то тамъ общественныя убѣжденія, въ каждомъ особенномъ штатѣ, охраняются незаконно, особеннымъ общественнымъ своеволіемъ, которое, кажется, не лучше закона, котораго боится авторъ. Противъ оскорбителей ихъ убѣжденій толпа дѣйствуетъ самоуправно и безнаказанно. Если такой безпорядокъ входитъ въ общій порядокъ вещей, то легче ли онъ отъ того, что производится не по закону, а безъ закона?

Авторъ говоритъ очень справедливо, что въ большей части государствъ, гдѣ есть государственная религія, правительство пользуется ею какъ средствомъ для своихъ частныхъ цѣлей и, подъ предлогомъ покровительства ей, угнетаетъ ее. Но это бываетъ не потому, что въ государствѣ есть господствующая вѣра, а напротивъ потому, что господствующая вѣра народа не господствуетъ въ государственномъ устройствѣ. Это несчастное отношеніе происходитъ тогда, когда, вслѣдствіе какихъ-нибудь случайныхъ историческихъ обстоятельствъ, произойдетъ разрывъ между убѣжденіями народа и правительства. Тогда вѣра народа употребляется какъ средство, но не должно. Одно изъ трехъ непременно должно произойти: или народъ поколеблется въ своей вѣрѣ, и затѣмъ поколеблется все государственное устройство, какъ мы видѣли на Западѣ; или правительство дойдетъ до правильного самосознанія и обратится искренно къ вѣрѣ народа, какъ мы надѣемся; или народъ увидитъ, что его обманываютъ, какъ мы боимся.

Авторъ говоритъ, будто церковь православная всегда находилась подъ угнетеніемъ правительства потому, что, бывъ официальной религіей государственною, она находилась подъ покровительствомъ правительства, которое подъ этимъ предлогомъ и пользовалось ею какъ средствомъ. Но несправедливость этого доказывается какъ исторіей Византіи, такъ и исторіей Россіи. Въ Византіи церковь православная очень рѣдко была покровительствуема правительствомъ, которое по большей части было инославное—или арианское, или латинствующее, или иконоборствующее, которое наконецъ и погубило Грецію своимъ отступничествомъ въ унию. Въ Россіи, напротивъ, всѣ правительства—и княжескія, и царскія—были православныя, отъ Владиміра до Грознаго, и мы видимъ, благоденствовала ли церковь и торжествовало ли убѣжденіе народное. Грозный дѣйствовалъ угнетительно, потому что былъ еретикъ; это доказывается, во-первыхъ, Стоглавымъ соборомъ и, во-вторыхъ, стремленіемъ поставить византійство въ одно достоинство съ православіемъ. Отъ того произошла опричина, какъ стремленіе къ ереси государственной и власти церковной. А что его понятіе о границахъ или, правильнѣе, о безграничности его власти и объ ея разорванности съ народомъ было не христіанское, а еретическое, это до сихъ поръ всенародно свидѣтельствуютъ святныя мощи митрополита Филиппа.

Для вѣрующаго отношеніе къ Богу и Его святой церкви есть самое существенное на землѣ, отношеніе же къ государству есть уже второстепенное и случайное. Очевидно, что всѣ законы истины должны нарушиться, когда существенное будетъ подчиняться случайному, или будетъ признаваться на одинакихъ правахъ съ нимъ, а не будетъ господствовать надъ нимъ.

Нужно ли оговариваться, что господство церкви я не понимаю какъ инквизицію, или какъ преслѣдованія за вѣру? Этого магометанизмъ, эти насильственные обращенія такъ же противны христіанству истинному, какъ и обращенія посредствомъ обмана. Если Латинская церковь увлеклась, а можетъ-быть еще и теперь увлекается заблужденіемъ, будто цѣль оправдываетъ средства, если нѣкоторые члены изъ церкви

православной заражались когда-нибудь этимъ ижеученіемъ, то эта ошибка нѣкоторыхъ людей до самой церкви не относится. И государство не въ томъ должно согласоваться съ церковью, чтобы разыскивать и преслѣдовать еретиковъ и силою принуждать вѣрить (это и духу христіанства противно, и производить дѣйствіе противное намѣренію, и государству самому вредитъ почти столько же, сколько и церкви); но въ томъ оно должно согласоваться съ церковью, чтобы поставить себѣ главною задачею своего существованія—безпрестанно болѣе и болѣе проникаться духомъ церкви и не только не смотрѣть на церковь какъ на средство къ своему удобнѣйшему существованію, но, напротивъ, въ своемъ существованіи видѣть только средство для полнѣйшаго и удобнѣйшаго водворенія церкви Божіей на землѣ.

Государство есть устройство общества, имѣющее цѣлью жизнь земную, временную. Церковь есть устройство того же общества, имѣющее цѣлью жизнь небесную, вѣчную. Если общество понимаетъ свою жизнь такъ, что въ ней временное должно служить вѣчному, то и государственное устройство этого общества должно служить церкви. Если же общество понимаетъ свою жизнь такъ, что въ ней земныя отношенія идутъ сами по себѣ, а духовныя сами по себѣ, то государство въ такомъ обществѣ должно быть отдѣлено отъ церкви. Но такое общество не будетъ состоять изъ христіанъ, а изъ людей невѣрующихъ, или по крайней мѣрѣ изъ смѣшанныхъ вѣръ и убѣжденій. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ, конечно, очень вредно бы было, чтобъ одна партія, завладѣвъ силою политическою, давила бы другія, какъ въ Австріи. Но такое государство, искусственно или насильственно слѣшенное изъ различныхъ вѣроисповѣданій и, слѣдовательно, изъ различныхъ народныхъ согласій, стремящихся по натурѣ своей взаимно уничтожаться и, слѣдовательно, распасться на различныя самобытныя устройства,—такое государство не можетъ имѣть притязанія на стройное нормальное развитіе. Все его достоинство должно ограничиваться характеромъ *отрицательнымъ*, такъ что чѣмъ менѣе оно существуетъ какъ государство, тѣмъ болѣе достигаетъ своей цѣли, какъ въ Англіи. Въ такомъ государствѣ граждане могутъ смотрѣть очень равнодушно, когда въ законодательной палатѣ ихъ будутъ сидѣть жида и дѣлать для нихъ законы. Но тамъ, гдѣ народъ связанъ внутренне одинаковыми убѣжденіями вѣры, тамъ онъ вправѣ желать и требовать, чтобъ и внѣшнія его связи—семейныя, общественныя и государственныя—были согласны съ его религіозными внушеніями и чтобы правительство его было проникнуто тѣмъ же духомъ. Дѣйствовать враждебно этому духу—значитъ дѣйствовать враждебно самому народу, хотя бы эти дѣйствія и доставляли ему какія-нибудь земныя выгоды.

15 октября 1853 г.

№ 17. Отвѣтное письмо А. И. Кошелева на письмо И. В. Кирѣвскаго за № 16.

Не хотѣлъ тебѣ отвѣчать, любезный другъ Кирѣвскій, не дождавшись окончанія твоего письма, но нетерпѣливое желаніе хоть нѣсколько защитить Вине и мнѣніе его, которое я считаю какъ своимъ, не позволяетъ мнѣ долѣе молчать. Даже опасеніе, что преждевременный мой отвѣтъ можетъ тебя отвлечь отъ окончанія твоего письма, не въ силахъ удержать моего пера.

Признаюсь, что я ожидалъ отъ тебя, другъ мой Кирѣвскій, менѣе предубѣжденія противъ Вине. Твое о немъ сужденіе кажется мнѣ крайне несправедливымъ, и ты въ его сочиненіи не нашелъ именно того, чѣмъ я особенно восхищался, т.-е. единства въ мысляхъ, послѣдовательности въ выводахъ и живянюю проникнутой практичности. Постаравъ сперва отравить нѣкоторые, не съ свойственною тебѣ добро-

совѣстностью нанесенные ему удары, а потомъ изложу вкратцѣ то мнѣніе, котораго блистательнымъ проявленіемъ я считалъ и считаю книгу безсмертнаго Вине.

Ты спрашиваешь въ началѣ своего письма: „О чемъ Vinet хлопочетъ? Что хочеть онъ доказать?“ И отвѣчаешь за него: „То, кажется, что церковь должна быть совершенно отдѣлена отъ государства, такъ что ни церковь не должна знать государства, ни государство церкви, но каждое изъ этихъ двухъ согласій должно существовать и дѣйствовать не только независимо одно отъ другаго, но и безъ всякаго отношенія одного къ другому. Эта ли его мысль?“

Вовсе не эта мысль его. Онъ, напротивъ того, говоритъ во многихъ мѣстахъ о тѣснѣйшей связи, существующей между церковью и государствомъ, о томъ, что не можетъ процвѣтать государство, гдѣ церковь въ упадкѣ,—что гдѣ нѣтъ религіозности, тамъ нѣтъ и нравственности, а гдѣ нѣтъ нравственности, тамъ не можетъ быть и гражданственности. Слѣдовательно, Вине вовсе не утверждаетъ, что государство не должно знать церковь и что они безъ всякаго отношенія другъ къ другу. Ты совершенно правъ, говоря, что церковь находится къ государству совершенно въ такомъ же отношеніи, въ какомъ находится богословіе къ философіи и прочимъ наукамъ. И церковь и государство едины въ человѣкѣ — точно такъ, какъ едины въ немъ богословіе и философія; но и философія, исходящая изъ вѣры, не будетъ, кажется мнѣ, настоящимъ, дѣйствительнымъ философскимъ любознательствомъ, и государство, исходящее изъ церкви, не будетъ никогда настоящимъ, цѣли государства соответствующимъ государствомъ. Государство и церковь суть два полюса одного и того же существа, т.-е. самое высшее и самое внутреннее проявленіе человѣка; они взаимно другъ друга требуютъ, но и взаимно другъ друга отталкиваютъ; одинъ безъ друга существовать они не могутъ, но существуютъ лишь отдѣльно одинъ отъ другаго.—Всякія попытки вывести философію изъ вѣры, или вѣру изъ философіи — были доселѣ неудачны и, по существу своему, должны навсегда остаться таковыми. У философіи и религіи, у церкви и государства хотя предметы одни и тѣ же, но пути и средства ихъ суть совершенно различныя.

„Но какаѣ же церковь и какое же государство?“ — насмѣшливо спрашиваешь ты и полагаешь, будто Вине подъ церковью разумѣеть и магометанскую вѣру, и даже атенство. Нѣтъ, другъ мой, подъ церковью Вине разумѣеть церковь Христову, и не вижу какую-либо, ибо одно христіанство имѣеть мысль о церкви. Магометанство есть не церковь, а держава, и оно распространялось согласно своему началу — мечомъ, и магометане не державствующіе уже не суть настоящіе магометане. Безбожники опять не образуютъ церкви, ибо у нихъ нѣтъ и не можетъ быть никакихъ общахъ положительныхъ догматовъ. Слѣдовательно, подъ церковью Вине разумѣеть церковь Христову, но право высказывать свои убѣжденія онъ требуетъ не для однихъ членовъ церкви, но для всѣхъ,—для евреевъ, для магометанъ, для невѣровъ и проч.,— и онъ ограничиваетъ это право только полицейскимъ надзоромъ со стороны правительства, истекающимъ изъ сущности самой государственности, но объ этомъ будемъ говорить послѣ. Что касается до того, какое государство Вине имѣеть въ виду,—этотъ вопросъ твой мнѣ кажется даже страннымъ. Всякое государство—и Англія, и Франція, и Россія могутъ образовать аудиторію Вине и видѣть, что въ ихъ устройствѣ согласно и что не согласно съ требованіями здраваго смысла,—разумѣется, не смысла одного Вине (такой гордости нельзя въ немъ и предполагать по прочтеніи, безъ предубѣжденія, твореній крайне умнаго, но и крайне смиреннаго Вине), а ума человѣческаго, который постоянно развивается и передаетъ въ область высшей жизни истины, присущія человѣку, откровенныя ему путемъ вѣры, но вырабатываемыя, уясняемыя и приживаемыя къ міру сему не иначе, какъ путемъ опыта.

Вине не составлялъ себѣ идеаловъ ни церкви, ни государства, и не о нихъ и не для нихъ онъ писалъ. Идеаль церкви для него и для всякаго христіанина находится въ Новомъ Заветѣ, а государство существуетъ до тѣхъ поръ, пока нѣтъ идеала на землѣ; это Вине очень хорошо зналъ и высказалъ во многихъ мѣстахъ своихъ твореній.

Ты сомнѣваешься въ томъ, всѣ ли виды язычества и всѣ ли системы невѣрія найдутъ въ своей совѣсти законъ объ открытомъ и необязанномъ исповѣданіи своей вѣры, и продолжаешь: „Совѣсть—это вѣра. Требовать одной совѣсти отъ людей—то же, что требовать одной вѣры. Потому ты говоришь объ обществахъ жрецовъ или философовъ, которые считаютъ для торжества своего ученія необходимымъ содержать его въ тайнѣ. Ты заключаешь слѣдующими словами: „Утѣшать себя мыслию, будто весь міръ признаетъ тѣ же законы, которые я считаю для себя обязательными, есть китайство, изъ котораго выводы могутъ повести къ заблужденію“. Позволь спросить, противъ кого эта выходка? Конечно, не противъ Вине, ибо его въ китайствѣ можно обвинять менѣе, чѣмъ кого-либо. Его можно назвать апостоломъ безграничной свободы, его можно упрекнуть въ ненависти ко всякому китайству; конечно, и эти упреки будутъ несправедливы, но по крайней мѣрѣ хоть повидимому они будутъ основательны; но обратиться съ выходкою противъ китайства, говоря о Вине, который противъ всякаго навязыванія другихъ личныхъ мнѣній, который для истины требуетъ лишь свободы исповѣданія и который дорожитъ менѣе плодами жизни, чѣмъ самою жизнью,—это просто нецелесообразно. Но слово китайство не измѣнило ли своего значенія? До сихъ поръ я подъ китайствомъ разумѣлъ косиѣние въ старыхъ, вѣками переданныхъ, буквально опредѣленныхъ ученіяхъ, храненіе этихъ ученій въ одной кастѣ мандариновъ и сопротивленіе всякому нововведенію и всякому внѣшнему вліянію. Если слово китайство не измѣнило своего значенія, то конечно Вине менѣе, чѣмъ кто-либо китаецъ. Не могу однако не остановиться на твоихъ словахъ о совѣсти, мною выше приведенныхъ. Нѣтъ, другъ мой, совѣсть не есть вѣра. Сколько людей, столько и вѣръ; ибо даже и въ христіанствѣ вѣра не одна; но вѣра каждому дается и каждымъ принимается въ свою мѣру; слѣдовательно сколько христіанъ, говоря въ строгомъ смыслѣ, столько и вѣръ христіанскихъ. Мы, т.-е. исповѣдники одной церкви, согласно въ главныхъ, существенныхъ догматахъ, можемъ разное понимать нѣкоторыя, не столь важныя, ученія церкви; да и самыя существенныя догматы мы понимаемъ разное, по мѣрѣ нисходящей на насъ благодати, по различнымъ нашимъ способностямъ и по обстоятельствамъ нашей жизни. Совѣсть же у всѣхъ одна, и ее прекрасно опредѣлилъ Вине: она есть чувство долга, врожденное человѣку,—чувство необходимости, ему присущее, согласованіе дѣйствій съ его убѣжденіями („Кійждо своею мыслию извѣстуется“, къ Рим. XIV, 5). Говорять ныне, что нѣтъ совѣсти, потому что у всякаго своя совѣсть. Нѣтъ, у всякаго своя убѣжденія, своя вѣра; но совѣсть, чувство необходимости согласованія своихъ дѣйствій съ своими убѣжденіями, у всѣхъ одна. Человѣкъ, который не считаетъ долгомъ по своей вѣрѣ исповѣдывать свою вѣру открыто и безбоязненно, и не будетъ ее исповѣдывать, т.-е. онъ не воспользуется правомъ, ему отъ государства даруемымъ. Что же изъ этого? Молчаніе человѣка—сосуда истины—вредно и для него, и для другихъ, ибо истина есть жизнь, свѣтъ; жизнь же должна разливаться жизнью и гнать смерть, свѣтъ долженъ разливать свѣтъ и гнать тьму. Но если есть люди убѣжденные, что ихъ свѣтъ долженъ содержаться въ потемкахъ, такъ я пусть его держать подъ колпакомъ. Никто отъ нихъ не вправе требовать противнаго, но и они никому не вредятъ. Они молчатъ, такъ пусть ихъ молчатъ; истина—сообщительна, любовна, ей нуженъ просторъ, она свѣта не боится и ни въ чемъ помощи не нуждается. Она легко справится съ отмалчивающеюся ложью. Право же свободнаго исповѣданія своей вѣры

тѣмъ не менѣ священно, и непользованіе имъ со стороны нѣкоторыхъ лицъ нимало его не потрясаетъ, а тѣмъ менѣ его уничтожаетъ.

Ты говоришь, что Вине слѣдовало бы сказать прямо, что онъ пишетъ для протестантовъ, и именно для лютеранъ, ибо прочія вѣроисповѣданія не могутъ составить его аудиторіи. Мнѣ кажется, что изъ христіанскихъ вѣроисповѣданій одинъ римскій католицизмъ, и именно тѣмъ, что въ немъ есть ложнаго, т.-е. соединеніемъ свѣтскаго и духовнаго начала, исключается изъ числа слушателей Вине. Но надобно сказать, что въ этомъ смыслѣ строгимъ католикамъ остались лишь воспоминанія о бываломъ духовномъ владычествѣ; да и самъ папа въ душѣ своей признаетъ несомнѣнность этихъ двухъ началъ и готовъ въ щелочку послушать Вине. Впрочемъ онъ это почти и доказалъ сознаниемъ консульта и другими своими распоряженіями въ 1847 и послѣдующихъ годахъ. Сверхъ того, эта несомнѣнность преобладанія духовнаго начала надъ свѣтскимъ *въ государственномъ смыслѣ* доказывается всею исторіей католическихъ государствъ, которыя все болѣе и болѣе стараются оградить себя конкордатами, которые однако въ народѣ не встрѣчаютъ сопротивленія и не считаются нарушеніемъ христіанскихъ догматовъ.

Ты говоришь, что, по мнѣнію Вине, Христова церковь, скоро послѣ своего явленія въ міръ, испортилась и начала заблуждаться. Гдѣ же это онъ говорить? Я же, напротивъ того, помню, что онъ не въ одномъ, а во многихъ мѣстахъ своихъ богословскихъ сочиненій различаетъ догматическое, необходимое развитіе церкви отъ іерархическаго, дисциплинарнаго, т.-е. временнаго, такъ - сказать случайнаго ея развитія; и какъ въ первомъ онъ не сознаетъ возможности заблужденія для вселенской церкви, такъ въ послѣднемъ онъ весьма допускаетъ и заблужденія, и злоупотребленія, и, кажется, нельзя въ этомъ съ нимъ не согласиться. Для него церковь не есть ни католическая, ни протестантская и ни иная какая-либо, но вся церковь Христова, къ которой всѣ частныя церкви относятся какъ члены одного тѣла. И католическая, и протестантская, и каждая секта протестантизма осуществляютъ какой-либо видъ ученія Христова, а все ученіе дано осуществить лишь всѣмъ церквамъ, слившимся въ одну церковь. По его мнѣнію, Св. Духъ пребываетъ въ церкви Христовой, а не въ отдѣльной какой-либо церкви; Св. Духъ не дремлетъ и не ошибается (какъ ты заставляешь говорить Вине), но онъ живитъ церкви и заставляетъ каждую стремиться къ одной вѣчной истинной церкви. Онъ часто приводитъ слова Спасителя изъ Евангелія Луки: „иже бо нѣсть на вы, по васъ есть“. Мнѣ кажется, что мы, христіане, часто бываемъ въ положеніи учениковъ Спасителя, которые воспрещали дѣйствовать именемъ Христа тѣмъ, которые не ходили съ ними вслѣдъ за Христомъ. Нѣтъ, христіане не тѣ только, которые принадлежатъ къ извѣстному исповѣданію, но всѣ признающіе Христа Богомъ, проникнутые несостоятельностью человѣческихъ средствъ къ спасенію, вѣрующіе въ примиреніе человѣка съ Богомъ, совершенное Спасителемъ на крестѣ, и полагающіе всю свою надежду на благодать, изливающуюся на человечество изъ ранъ Господнихъ.

Ты спрашиваешь, гдѣ же идея Вине о церкви и о государствѣ осуществлены, или осуществяются, или могутъ осуществиться? Онѣ нигдѣ не осуществлены, ибо еслибъ онѣ были уже осуществлены, то не о чемъ было бы толковать; тогда можно было бы сказать: поди и посмотри. Осуществляются же онѣ болѣе или менѣ вездѣ. Инквизиція, Варолюмеевскія ночи, отиѣна Нантскаго эдикта и пр., и пр., теперь уже невозможны. Терпимость вѣроисповѣданій все болѣе и болѣе усиливается и переходитъ въ свободу вѣроисповѣданій. И этотъ переходъ сопровождается не охлажденіемъ къ вѣрѣ; но нельзя не сознаться, что даже въ Европѣ, въ послѣднія тридцать лѣтъ, религиозность значительно усилилась, что свидѣтельствуется какъ духовною и свѣтскою литературой, такъ и болѣе и болѣе посѣщаемыми церквами, даже въ Парижѣ.

Ты говоришь, что у насъ, на Востокѣ, вопросъ объ отношеніяхъ церкви къ государству не получилъ того опредѣлительнаго отвѣта, какой онъ получилъ на Западѣ отъ соединенія власти духовной и свѣтской въ одномъ лицѣ. Миѣ кажется, что теоретическаго разрѣшенія онъ никакого не получилъ на Востокѣ, а были лишь временныя, обстоятельствами вызванныя и по большей части противоположныя одно другому разрѣшенія. Церковь восточная (т.-е. іерархія) то боролась, то работнствовала. Ты выставляешь, какъ образцы, два государства, гдѣ церковь и государство жили въ надлежащемъ единствѣ,—Византію и древнюю Русь. Ну, эти образцы не соблазнительны. Въ первой были безпрестанныя смуты отъ богословскихъ преній, которыя тѣмъ опаснѣе были, что производились или на, или при тронѣ; а вторая не можетъ служить образцомъ, ибо была младенчествуящимъ государствомъ, забывшимся менѣе о своемъ внутреннемъ устройствѣ, чѣмъ объ упроченіи внутреннихъ раздоровъ и объ отраженіи внѣшнихъ непріятелей. Къ тому же примѣръ Россіи, думаю, болѣе за насъ, чѣмъ противъ насъ; ибо духовенство православное никогда не стремилось стать надъ государствомъ, никогда не считало его второстепеннымъ учрежденіемъ *отъ міръ*, а даже скорѣе можно упрекнуть нашихъ духовныхъ въ томъ, что они слишкомъ кадили и поддавались свѣтской власти.

„Для вѣрующаго,— говоришь ты,—отношеніе къ Богу и Его святой церкви есть самое существенное на землѣ, отношеніе же къ государству есть уже второстепенное и случайное“. Противъ этого никто, и я менѣе чѣмъ кто-либо, не будетъ спорить съ Вине, который это повторяетъ безпрестанно. Онъ даже говоритъ, что каждый вѣрующій отдѣльно стоитъ выше государства. Разница только та, что человекъ и государство суть не одно и то же. Евангеліе говоритъ: „радаѣи имѣніе нищимъ и послѣдуѣи за Христомъ, перенося всѣ обиды, не имѣи ни съ кѣмъ никакихъ тяжбъ, а отдаѣи все, что отъ тебя будутъ требовать“, и пр. и пр. Эти правила для каждаго христіанина суть законъ, и по силамъ онъ его исполняетъ; но можно ли ими руководствоваться государству? Спаситель говорилъ не для одного своего времени, а для всѣхъ будущихъ временъ, почему же Онъ никакихъ постановленій не далъ правителямъ, судьямъ и проч.? Почему Онъ сказалъ: „воздадите Кесарю Кесареви, а Божіе Богови?“—Потому, думаю вмѣстѣ съ Вине, что церковь и государство суть два отдѣльныхъ царства, хотя они оба имѣютъ предметомъ человека и въ немъ они едины, но что въ проявленіи они одинъ отъ другаго совершенно отдѣльны.

Послѣ вышеприведенныхъ тобою словъ ты продолжаешь: „Очевидно, что всѣ законы истины должны нарушаться, когда существенное будетъ подчиняться случайному или будетъ признаваться на одинаковыхъ правахъ съ нимъ, а не господствовать надъ нимъ.“—Кто же этого требуетъ? Кто же противъ этого спорить? Бѣда только та, что ты смѣшиваешь человека съ государствомъ и полагаешь, что то, что справедливо въ отношеніи одного, справедливо и въ отношеніи другаго. Правъ былъ Вине, что онъ цѣлыя сто страницъ употребилъ для опроверженія этого заблужденія. Жаль, что не употребилъ двухсотъ страницъ, и тогда, быть-можетъ, справедливое въ отношеніи человека перестало бы переносить на государство.

Теперь приступаю къ самому важному: ты оставляешь Вине и излагаешь свое мнѣніе.

„Государство,— говоришь ты,—есть *устройство общества, имѣющее цѣлію жизнь земную, временную*; церковь есть *устройство того же общества, имѣющее цѣлію жизнь небесную, вѣчную*“. Не буду говорить о томъ, что государство не есть *устройство общества*, а уже самое это общество; но не могу не возразить противъ того, что государство имѣетъ цѣлію нашу земную жизнь. Развѣ государство обязано миѣ доставлять хлѣбъ, богатство, свѣдѣнія и пр.— словомъ, все входящее въ составъ

моей земной жизни? Въ твоёмъ опредѣленіи таятся или патріархальность, или Лун-Бланство въ какомъ-нибудь видѣ; я протестую противъ всякаго Лун-Бланства. Государство должно мнѣ доставлять лишь одно — возможность приобрести все, что нужно для моей земной жизни, и пользоваться спокойно мною приобретеннымъ, т.-е. свободу. Возлагать же на правительство въ отношеніи гражданъ отеческія или иныя какія-либо наставничьи или распорядительскія обязанности—значить считать людей вѣчно несовершеннолѣтними, а его считать въ отношеніи дѣлъ міра сею озареннымъ какимъ-то свѣтомъ міра *inano*.

Церковь не есть устройство того же общества; государство ограничено известными рѣками, горами или межами, церковь же всякая (разумеется, христіанская) домогается распространения по всему міру. Сверхъ того, церковь не есть общество въ собственномъ смыслѣ. Общественный элементъ входитъ въ нее, но уже второстепенно. Въ государствѣ общество есть главное; государство издаетъ общіе законы, зная, что въ нихъ случаяхъ оныя будутъ несправедливы и даже жестоки, но, ради пользы большинства, оно жертвуетъ меньшинствомъ. Въ церкви первое есть человекъ, т.-е. лице. Она не можетъ пожертвовать ни однимъ лицомъ для пользы всѣхъ остальныхъ. Она не можетъ допустить ни малѣйшей несправедливости, хотя бы для общаго блага людей. Она, согласно словамъ Спасителя, оставитъ девяносто девять и поможетъ сотому, нуждающемуся въ ея помощи. Въ церкви все — человекъ, въ государствѣ все—общество. Вотъ первое существенное различіе между церковными и государственными учрежденіями.

„Если общество,— продолжаешь ты,—понимаетъ свою жизнь такъ, что въ ней временное должно служить вѣчному, то и государственное устройство этого общества должно служить церкви“. Вопервыхъ, для общества нѣтъ ничего вѣчнаго; все для него, какъ и оно само, временно и случайно; вѣчность существуетъ только для человека—не какъ гражданина, а какъ лица. Государство, которое захочетъ служить вѣчности, должно принять или уставъ Василія Великаго, или иное подобное учрежденіе, но въ обоихъ случаяхъ тѣмъ самымъ оно перестанетъ быть государствомъ. Ты упрекалъ Вине въ томъ, что онъ не указалъ, для какого государства онъ пишетъ; но укажи, какое же ты государство имѣешь въ виду, говоря выше мною приведенное? Въ продолженіе своего письма ты говоришь съ любовью о томъ государствѣ, гдѣ народъ связанъ внутренне одинакими убѣжденіями; тамъ онъ вправѣ желать и *требовать*, чтобы и высшія его связи—семейныя, общественныя и государственныя—были согласны съ его религіозными внушеніями и чтобы правительство его было проникнуто *тѣмъ же духомъ*. Гдѣ же такое государство? Конечно, ты подъ нимъ разумѣешь не Россію, гдѣ живутъ миллионы католиковъ, протестантовъ, евреевъ, магометанъ и язычниковъ, которые столько же граждане въ Россіи, сколько и мы, православные. Гдѣ же такое государство?—Такого государства не только нѣтъ и никогда не было, но даже въ воображеніи ты его создать не можешь, развѣ помѣстишь его въ герингтерскую колонію, или въ обитель, гдѣ послушаніе есть основной законъ и гдѣ всѣ сомнѣнія и недоумѣнія разрѣшаются настоятелемъ.

Здѣсь, т.-е. въ самомъ существенномъ мѣстѣ, прерывается твое письмо. Мнѣ не слѣдовало начинать моего отвѣта, но коли разъ перебилъ твою рѣчь, то уже выскажу свое мнѣніе съ нѣкоторою опредѣлительностью. Конечно, я его изложу и не такъ полно, и не такъ сильно, и не такъ живо, какъ то сдѣлалъ Вине, но дружба твоя дополнитъ недостатки, пояснитъ темныя мѣста и, что важнѣе всего, она оттолкнетъ далеко въ сторону то предубѣжденіе, которое, какъ мнѣ кажется, не дало тебѣ вникнуть въ слова Вине.

Нѣтъ, другъ мой, церковь и государство суть два учрежденія совершенно от-

дѣльня, и хотя оба имѣютъ предметомъ одного и того же человѣка, но едины и тождественны только въ человѣкѣ, да и то только въ таинственномъ его центрѣ; въ проявленія же, въ мѣрѣ они совершенно различны и обшлаго ничего не имѣютъ. Правила церкви суть вѣчныя и безусловныя, правила государственныя суть временныя и условныя. Источникомъ вѣчнымъ и неисчерпаемымъ для первыхъ служатъ ученіе Христово; источникомъ для послѣднихъ служатъ безпрестанно измѣняющіяся мнѣнія людей. Церковь говоритъ вмѣстѣ съ Спасителемъ: „дарство мое нѣсть міра сего“. Она здѣсь гостья. Государство же здѣсь—житель, владыка. Только сей вѣкъ, сей мѣръ—есть его достояніе. Изъ вѣчныхъ евангельскихъ ученій ни одно не можетъ быть облечено въ положительный гражданскій законъ,—какъ же хотѣть, чтобы церковь наставляла государство? Церковь говоритъ христіанину: не ищи ничего гнѣющаго и гибнущаго; люби ближняго какъ самого себя и проч. Въ какой гражданскій законъ можно облечь сія истины? Правда, Франція хотѣла было братолюбіе ввести въ законъ, но осталась при смѣшной своей попыткѣ.—Вѣра есть для человѣка источникъ, основаніе и утвержденіе всѣхъ истинъ религіозныхъ. Вѣры нельзя никому дать и никто не можетъ ее взять. Вѣра не есть произведеніе человѣческой воли и, вмѣстѣ съ тѣмъ, она не есть также даръ, принимаемый человѣкомъ въ страдательномъ положеніи. Вѣра есть даръ свыше и вмѣстѣ съ тѣмъ дѣйствіе—самое свободное, самое дѣйствительное отъ человѣка. Какъ же вѣру перенести на государство? А если нѣтъ вѣры въ государствѣ, какъ же оно можетъ быть христіанскимъ, православнымъ? У каждаго человѣка вѣра бываетъ въ его мѣру. Какъ нельзя найти двухъ камушковъ или двухъ древесныхъ листьевъ совершенно подобныхъ, такъ и еще несравненно менѣе можно найти двоихъ людей съ совершенно одинаковою мѣрою вѣры. Для того, чтобы государство было религіозно, надобно одно изъ двухъ: или перенести на государство ту часть вѣры, которая обща всѣмъ гражданамъ, или представителемъ государства, самимъ государствомъ—считать государя. Въ первомъ случаѣ переносимая часть вѣры не будетъ ли равняться нулю, а во второмъ, при таковой религіозности государства, возможно ли будетъ гражданамъ быть религіозными? Кажется, что одно изъ двухъ неминуетъ: если государство имѣетъ вѣру, если оно устанавливаетъ догматы и обряды и опредѣляетъ, что добро и что зло, то граждане суть не что иное какъ куклы; не только для нихъ невозможенъ никакія обсужденія догматовъ и обрядовъ, но даже они не могутъ по-человѣчески, т.-е. свободно, дѣйствовать, а должны испрашивать себѣ приказы для дѣйствія у правительства и потомъ еще у него же испрашивать разрѣшенія и на всѣ могущія возникнуть по исполненію сихъ приказовъ сомнѣнія и недоумѣнія. Если же граждане—люди, если вѣра есть достояніе человѣка, а не государства, то уже государство никакъ не можетъ быть христіанскимъ, а тѣмъ еще менѣе римско-католическимъ, протестантскимъ или восточно-православнымъ.

Но если государство не можетъ быть религіознымъ, то чѣмъ же оно должно быть?—Оно можетъ и должно быть *нравственнымъ*. Но что за нравственность безъ вѣры?... Для человѣка нѣтъ нравственности безъ вѣры, всл нравственность его происходитъ изъ вѣры и ею освящается. Но государство обхватываетъ не всего человѣка, а только внѣшнія его дѣйствія, и то далеко не всѣ.

Наши дѣйствія, разсматриваемыя каждымъ изъ насъ въ своей совѣсти, всѣ дурны, всѣ недостаточны и хорошо въ нихъ лишь то, что намъ не принадлежитъ, а потому никто для себя не праведенъ. Самые великіе подвижники, самые строгіе постники, самые братолюбивые люди,—однимъ словомъ, святые,—упрекали себя въ грѣхахъ и всего менѣе считали себя праведными. Праведными для себя могутъ быть лишь люди невѣрующіе—люди государства, составившіе для себя положитель-

ныя правила и ихъ исполняющіе. Къ тому же, люди вѣрующіе, проникнутые своею грѣховностью, не могутъ и судить другихъ. А между тѣмъ государство судить, и еще судить по правиламъ, имъ же самимъ изданнымъ. Если государство религіозно, то оно, судя и создавая правила для суда, дѣйствуетъ вопреки своему существу. Слѣдовательно, судьи суда, правители распоряжаясь, граждане защищая свои права, и проч., всѣ дѣйствуютъ противурелигіозно. Какъ это согласить?

Человѣкъ какъ лице и человѣкъ какъ гражданинъ — хотя одно и то же существо, но является онъ въ двухъ совершенно различныхъ видахъ. Какъ лице, онъ не имѣетъ права ни приказывать, ни судить; онъ имѣетъ только обязанность уничтожаться предъ Богомъ, молить о своихъ прегрѣшеніяхъ и просить Его помощи. Какъ членъ общества, какъ членъ міра сего, онъ имѣетъ право и обязанность и приказывать, и судить, ибо онъ, какъ часть цѣлаго, судить себя и приказываетъ себѣ. Онъ не можетъ приказывать и судить по Евангелію, ибо на основаніи оваго долженъ онъ быть слугою каждаго, а судить онъ никого не можетъ. Между тѣмъ государство судить и должно судить, приказываетъ и должно приказывать. На основаніи чего же оно приказываетъ и можетъ приказывать, судить и можетъ судить? — на основаніи правилъ нравственности, вырабатывающихся въ обществахъ. Источникомъ этихъ правилъ есть, конечно, вѣра и другаго источника быть не можетъ, но государственная правда истекаетъ не непосредственно изъ вѣры, а посредственно изъ нея *черезъ челоука*, который, какъ гражданинъ, проявляетъ свою правду дѣлами и словами, и изъ этихъ проявленій образуется общественная нравственность — единственное правило для государственныхъ законовъ, распоряженій и сужденій. Всякое посягательство государства на религію вредно для самого государства, ибо оно подавляетъ, заглушаетъ тотъ источникъ, изъ котораго исходить его живенность, — т.-е. личную дѣятельность людей. Религія въ рукахъ государства есть жемчугъ передъ свинцею; религія въ душѣ людей, составляющихъ государство, есть пшеничное зерно, приносящее для него семьдесятъ и сто зеренъ.

Но церковь временная, — скажешь ты, — существуетъ же въ государствѣ и должна же она имѣть къ нему какія-либо отношенія?... Конечно, и эти отношенія суть двоякія: первая и самая существенная и самая тѣсная, но никакому закону не подлежащая, суть отношенія церкви къ государству *черезъ союзность* своихъ членовъ, а его гражданъ. Всякое стѣсненіе, всякое покровительство въ этомъ случаѣ вредны и для церкви и для государства. Церковь получаетъ лишь виѣшнихъ исповѣдниковъ; государство превращаетъ своихъ гражданъ въ лицемеровъ, обманщиковъ, святотатцевъ. Какую жизнь государству можетъ сообщить церковь несвободная? Каковы члены церкви, принадлежащіе ей не потому, что душою они ея, но потому, что велѣно или выгодно считаться ея? Церковь покровительствуемая свѣтскою властію находится въ несравненно худшемъ положеніи, чѣмъ церковь тѣснямая и даже преслѣдуемая. Вторыя отношенія церкви къ государству суть тѣ, которыя каждое учрежденіе въ государствѣ должно къ нему имѣть въ разсужденіи своихъ должностныхъ лицъ, своихъ виѣшнихъ обрядовъ, своихъ собраній и домовъ. Въ этомъ отношеніи всѣ церкви должны имѣть въ государствѣ равныя права и каждая изъ нихъ должна пользоваться такою свободою, каковая только согласна съ равною свободою другихъ исповѣданій, и, сверхъ того, онѣ не должны оскорблять общественной нравственности (что же должно разумѣть подъ общественною нравственностью, мною уже сказано прежде). Слѣдовательно, государство должно защищать права церквей точно такъ же, какъ оно защищаетъ права какого-нибудь страховаго общества, и наблюдать за его обрядами и собраніями точно такъ же, какъ оно наблюдаетъ за собраніями обществъ литературныхъ и другихъ. Если въ этомъ отношеніи общественное мнѣніе требуетъ что-либо особенное для

церковнаго учрежденія, какъ удовлетворяющаго первой самой существенной потребности человѣка, то оное, конечно, можетъ быть допущено, лишь бы только всѣ церкви имѣли право на это отличіе и лишь бы оное не стѣсняло свободы прочихъ церквей, не желающихъ или не могущихъ имъ воспользоваться. Конечно, въ отношеніи государственнаго надзора церкви Христовой опасаться нечего, кромѣ же матеріальнаго охраненія ея свободы ей ничего и не нужно. Если она есть истина, какъ мы въ томъ убѣждены, то неужели она съ ложью не справится? Неужели истина стала такъ слаба? Неужели для торжества или для существованія ея необходима матеріальная сила? Не такова истина была въ первые три вѣка христіанства, да и не такова она и теперь, ибо, несмотря на покровительство, которымъ ее думаютъ, несмотря на охранительныя загородки, которыми ее попечительно окружаютъ, несмотря на милости, которыми ее осыпаютъ,— она живетъ, крѣпнетъ и распространяется, хороня своихъ незваныхъ покровителей, защитниковъ и милостивцевъ *міра сего*.

Признаюсь, что я никакъ не могу себѣ вообразить церковь и государство мирно возсѣдающими на одномъ престолѣ, или государство смиренно сидящее у подножія церковнаго престола. Исторія показываетъ намъ и церковь господствующую надъ государствомъ, и государство господствующее надъ церковью; но въ обоихъ случаяхъ вижу я страшные безпорядки, смуты и явный ущербъ для господствующаго. Церковь римско-католическая почти перестала быть церковью, перейдя въ область государства; государство подчинившее себѣ церковь почти уничтожило ее, умножило расколы и лишило себя той живительной силы, которую можетъ ему сообщить церковь отдѣльная и свободная. Исторія не представляетъ намъ ни одного примѣра мирнаго содѣйствія церкви и государства, или смиреннаго, народомъ одобреннаго подчиненія государства церковной власти. Ты говоришь, что если народъ въ какомъ бы то ни было государствѣ имѣетъ *одну вѣру*, то невозможно предположить, чтобы эта вѣра не опредѣлила, посредственно или непосредственно, своихъ отношеній къ государству и *не потребовала* отъ него *извѣстныхъ* къ себѣ отношеній. Посредственное опредѣленіе отношеній необходимо слѣдуетъ въ каждомъ государствѣ, но непосредственное опредѣленіе этихъ отношеній самую церковь, по-моему, противно существу самой церкви.—Да къ тому же возможно ли, чтобы народъ въ какомъ бы то ни было государствѣ имѣлъ одну вѣру? А вотъ которыхъ, какимъ образомъ вѣра или церковь можетъ *потребовать извѣстныхъ* къ себѣ отношеній? Какъ она будетъ требовать? Какія эти *извѣстныя* отношенія?... Долженъ сознаться, что все это для меня совершенно непонятно.

Повторю вкратцѣ все мною сказанное: вѣра есть исключительная принадлежность человѣка какъ лица; государство, какъ не лице (а собраніе отчасти уничтожившихся въ немъ личностей), не можетъ имѣть вѣры; слѣдовательно оно *не можетъ быть православленнымъ*.— Для государства вѣрою служить общественное мнѣніе, которое есть сумма вѣръ человѣческихъ въ *посредственномъ* временномъ ихъ проявленіи; общественное мнѣніе устанавливаетъ общественную нравственность, по существу своему временную и уголовную — единственное правило для государства; слѣдовательно оно *можетъ и должно быть нравственнымъ*. Основаніе церкви есть вѣра, основаніе государства есть нравственность; царство церкви вѣсть *міра сего*, царство государства есть только *міра сего*; правила первой вѣчны и безусловны, правила послѣдняго временны, относительны и случайны; какъ въ дѣйствительномъ мірѣ нѣтъ между этими противоположностями примиренія, такъ сказать моста, то они и не могутъ ни сидѣть вмѣстѣ на одномъ престолѣ, ни подчинять себя одинъ другому.

Чувствую, что сказанное мною неполно, что многое слѣдовало бы изложить

иначе, но это — письмо къ другу, а не посланіе къ публикѣ, а потому посылаю отвѣтъ мой въ томъ видѣ, какъ онъ вылился. Если я ошибаюсь, то направь меня. Думаю, что въ моемъ письмѣ нѣтъ ничего неправославнаго; смѣю могу сказать, что ничего въ немъ нѣтъ неоткровеннаго и не внушеннаго горячимъ стремленіемъ къ истинѣ.

20 октября 1853 г.

С. Песочня.

№ 18. Отвѣтное письмо И. В. Кирѣвскаго на письмо А. И. Кошелева за № 16.

Чтобы наши толки имѣли какое-нибудь разумное послѣдствіе, необходимо намъ постоянно исполнять два условія: 1) ни на минуту не терять изъ виду *самую зерно* того предмета, о которомъ мы споримъ. Иначе мы разбредемся въ стороны и не одолѣемъ собрать все сказанное нами въ одинъ общій итогъ; 2) мы ни на минуту не должны забывать, *для чего* мы споримъ. Если для того, чтобы имѣть удовольствіе оспорить одинъ другаго, то лучше учись играть въ шахматы и давай спорить на шахматной доскѣ. Если же мы споримъ для того, чтобы согласиться, то эта цѣль стѣдуетъ труда писанья. Но для этого надобно намъ искать въ мысляхъ и словахъ другъ друга не того, чтѣ несогласно съ нашими мыслями, а напротивъ—того именно, чтѣ у насъ есть *общаю* относительно предмета спора. Изъ этого общаго должны мы стараться сдѣлать такіе выводы, которые бы обѣими сторонами были приняты совершенно. Тогда предметъ разногласія самъ собою разрѣшится, прилагаясь къ этимъ выводамъ. Если же, вмѣсто общаго и' согласно съ ними, мы будемъ искать въ словахъ противника того, съ чѣмъ можно спорить, то ни споръ нашъ никогда не кончится, ни вывода никакого мы изъ него не добудемъ.

Я написалъ эту диссертацию потому, что, мнѣ кажется, ты былъ слишкомъ спорливъ въ твоемъ отвѣтѣ на мое письмо, и я самъ боюсь заразиться твоею манерою. Что, наприм., намъ пользы разсуждать, какой смыслъ должно имѣть слово: *китайство*? Значить ли оно—считать свои частныя понятія за единственныя общечеловѣческія, или оно значить—коснѣть въ старомъ и противиться новому,—во всякомъ случаѣ разсужденіе объ этомъ и о подобныхъ тому вѣщахъ можетъ привести насъ только къ тому результату, что *ты* употребляешь это слово правильно, а *я*—ошибочно; но что-жъ изъ этого слѣдуетъ? Намъ важно здѣсь не то, каково я разсуждаю, или каково ты разсуждаешь, а важенъ намъ здѣсь только предметъ нашего разсужденія.

Перечитывая письмо твое, съ трудомъ могу удержать себя, чтобы не спорить о каждомъ пунктѣ отдѣльно. Однако же это желаніе мое—доказать, что я правъ, а что ты ошибаешься—совершенно исчезаетъ во мнѣ, когда я вслушиваюсь уму въ другое желаніе—согласиться съ тобою въ единомысліи.

Прежде, чѣмъ буду спорить, постараюсь отыскать, въ чѣмъ мы согласны, чтобы тѣмъ удалить причины недоразумѣній.

Когда я говорю, что государственность народа должна быть проникнута его вѣрою, т. е. церковью, которую онъ исповѣдуетъ, то это не значить, чтобы государство должно было *покровительствовать* церкви. Покровительствуютъ низшему. Высшему можно только служить и служа, правда, охранять, но только по его волѣ. Если ты скажешь, что подъ предлогомъ охраненія государство иногда стремится господствовать надъ церковью, то злоупотребленіе не уничтожаетъ возможности хорошаго употребленія. Первое (злоупотребленіе) должно замѣчать, открывать, выставлять на общій видъ и тѣмъ уничтожать. Но второе (правильное употребленіе силы государственной въ пользу церкви) нельзя не признать дѣломъ добрымъ.

Я не почитаю также хорошимъ дѣломъ, чтобы государство служило церкви инквизиціоннымъ образомъ. Инквизиція соответствуетъ логически только Римской церкви, смѣшавъ власть мірскую и духовную въ одно нехристіанское господство. Но въ церкви православной инквизиціонный образъ дѣйствія долженъ почитаться еретическимъ, какъ монашескіе ордена рыцарей, кавалерственные епископы и т. п. Потому въ православныхъ земляхъ инквизиціонныя дѣйствія *вредятъ* церкви; въ папскихъ государствахъ инквизиція, напротивъ, *поддерживаетъ* зданіе церковное. Въ южной Европѣ послѣ XVI столѣтія только одна инквизиція могла удержать римское вѣроисповѣданіе и *усилить* реформацію. У насъ, напротивъ, расколы родились прямо изъ инквизиціонныхъ мѣръ и можетъ-быть до сихъ поръ ими же усиливаются.

Также почитаю я противнымъ православной церкви *насильственное понужденіе* гражданъ къ принятію благодати, таинственныхъ дарованій Божіихъ. Церковь, напротивъ, во всё время болясь предавать таинства недостойнымъ, какъ бы отдать святину на поруганіе, или повѣдать тайну Господа врагамъ Его. Если это дѣлается, то какъ противное церкви, а не какъ согласное съ нею, или полезное ей.

Также не полезно церкви, а противно ей, когда ее употребляютъ какъ *средство* для государственныхъ или мірскихъ дѣлей, злоупотребленіемъ присяги и т. п.

Также противно церкви, когда она поставляется въ какую-нибудь *зависимость* отъ мірскаго устройства государствъ, когда духовенство обращается въ чиновничество и т. п.

Но все это противно церкви христіанской *только тогда*, когда она находится во всей чистотѣ *православія*. Римской же церкви, какъ я сказалъ, это не только не противно, но прямо требуется ея характеромъ свѣтско-духовнымъ. Отъ нея-то, отъ римской ереси, распространились эти смѣшанныя понятія, вмѣстѣ со многими другими заблужденіями, въ нѣкоторыхъ и православныхъ странахъ. Но ревность къ чистотѣ вѣры должна требовать, вмѣстѣ со многими другими, очищенія и этихъ понятій, касающихся отношеній церкви къ государству. И теперь именно пришло время, когда это очищеніе нашихъ понятій отъ еретическихъ примѣсей особенно необходимо, потому что натискъ иновѣрія и безвѣрія такъ силенъ, что уже почти не осталось ни одной мысли общественной, политической, нравственной, юридической или даже художественной, которая бы болѣе или менѣе не была запачкана и измята неправославными руками, въ которыхъ она побывала. Потому, если съ этой точки разсматривать книгу *Vinet*, т.-е. какъ *противудѣйствіе* тѣмъ ложнымъ понятіямъ объ отношеніяхъ церкви и государства, которыя распространились изъ Римской церкви, даже ко многимъ лицамъ православнаго исповѣданія, то, конечно, нельзя не сказать, что *въ этомъ отношеніи* чтеніе этой книги можетъ быть очень полезно. Также, я думаю, весьма полезно можетъ быть чтеніе этой книги у насъ и потому, что возбудить въ умѣ такой вопросъ, который спитъ и которому пора проснуться.

Но этимъ должно ограничиться то, что я могу сказать въ пользу *Vinet*. Кажется, этого не мало, и ты можешь быть доволенъ. Я надѣюсь, что ты, видя какъ охотно я отдаю справедливость твоему пріятелю въ отношеніи практическаго примѣненія, захочешь и мнѣ отдать справедливость въ томъ, что я не могу согласиться съ нимъ въ тѣхъ *основныхъ* началахъ, изъ которыхъ онъ выводитъ свои требованія. Или, лучше сказать, не могу я согласиться съ нимъ не потому, чтобы его основныя начала противорѣчили моимъ, но потому, что основныхъ началъ у него не нахожу никакихъ, твердыхъ, опредѣленныхъ, ясно согласныхъ. Нахожу у него смѣшеніе всякихъ началъ, смотря по тому, что ему для его декламации кажется на ту минуту эффектибѣе. Такъ, не поставивъ яснаго опредѣленія ни церкви, ни государству, какъ я сказалъ въ прошедшемъ письмѣ, онъ говоритъ иногда, какъ вещь обще-христіанскую, то, что можетъ относиться къ одному виду протестантства. Иногда относить къ го-

сударству вообще то, что можно отнести только къ государству слѣвленному изъ разнородныхъ кусковъ, какъ Соединенные Штаты. Во многихъ мѣстахъ декламируетъ онъ о томъ, какъ вѣра должна проникать во все отношенія людей, и потомъ, рядомъ съ этими возгласами и какъ бы забывая ихъ, декламируетъ противъ того, чтобы государство находилось въ какомъ-либо опредѣленномъ отношеніи къ вѣрѣ, господствующей въ народѣ.

Ты, защищая его и опровергая меня, *отлагалъ* свое построеніе понятій объ отношеніи государства къ церкви, но также по примѣру своего пріятеля Vinet говоришь очень горячо, часто остроумно, но не ищешь для своего построенія твердаго матеріала. Ты говоришь: „Государство—не *устройство* общества, а *самое* общество“. И сказавъ это, сейчасъ же упрекаешь меня въ Дуа-Бланствѣ и спрашиваешь: „развѣ государство обязано мнѣ доставлять хлѣбъ, богатство, свѣдѣнія,—словомъ, все нужное для земной жизни?“ За этимъ слѣдуетъ выходка о томъ, что „не слѣдуетъ на государство возлагать отеческія, наставничьи или какія бы то ни было распорядительскія обязанности въ отношеніи гражданъ“. Я не буду спорить противъ этой выходки, но не умѣю согласить ее съ тѣмъ положеніемъ, что государство—не *извѣстное устройство*, но *самое общество*.

Церковь, говоришь ты, не есть устройство общества, ибо общественный элементъ входитъ въ нее какъ второстепенный. Въ ней первое—человѣкъ, т.-е. лице. Въ государствѣ все—общество; въ церкви все—человѣкъ. Но если для нея человѣкъ—все, если она обнимаетъ его вполне, то какъ можетъ она дѣлать это, не опредѣляя характера его отношеній къ обществу? Неужели общество магометанъ или жидовъ будетъ имѣть одинакіе нравы съ обществомъ христіанъ? Или общество квакеровъ—одинакіе нравы съ обществомъ латинцевъ? Еслибы лютеране, латинцы, кальвинисты и англиканцы устроили—каждые—свою жизнь совершенно послѣдовательно своимъ убѣжденіямъ, то неужели каждое общество не имѣло бы своихъ особенныхъ нравовъ и обычаевъ, сообразныхъ особенностямъ своихъ убѣжденій?

Отъ всѣхъ отъ нихъ отличалось бы общество православное, т.-е., разумѣется, *согласное* съ своимъ основнымъ ученіемъ.—Но если вѣра народа имѣетъ такое тѣсное соедненіе съ его нравами и обычаями, то какъ же не будутъ имѣть къ нимъ никакого отношенія его законы?—Конечно, завоеваніемъ, или какими-нибудь подобными несчастными обстоятельствами могутъ и, по большей части, дѣйствительно накладываютъ на народъ законы, несогласные съ его нравами, обычаями и вѣрою; но развѣ то, что бываетъ, законъ для того, что должно быть?

Противъ этого отношенія государственнаго устройства къ правамъ и убѣжденіямъ народа ты говоришь: „Гдѣ же такое государство (гдѣ бы народъ былъ связанъ одинакими убѣжденіями)? Такого государства не только нѣтъ и никогда не было, но ты его даже и въ воображеніи создать не можешь“.—Но я думаю, что до 16-го вѣка *все* государства Европы были таковы, что народы въ каждомъ были одинакой вѣры.—Но особенно древняя Россія въ этомъ отношеніи можетъ служить образцомъ единодушія и единомыслія народнаго, воплощавшагося въ нравы и обычаи народныя, и если не успѣваго (по причинѣ внѣшнихъ историческихъ условій) развиться въ его правительственной государственности, то выразившаго, по крайней мѣрѣ, свои требованія во многихъ отношеніяхъ государственнаго законодательства. Впрочемъ я думаю еще и то, что даже теперь никто не имѣетъ права смотрѣть на Россію иначе, какъ на государство православное, а если Биронъ, или кто изъ нѣмцевъ когда-нибудь и смотрѣлъ на нее иначе, то никогда не смѣлъ въ этомъ признаться.—Императрица Екатерина въ своемъ манифестѣ, которымъ она объявляла о низверженіи Петра III и о своемъ востествіи, говоритъ, что императоръ Петръ III,

дошелъ до того, что намѣревался даже содѣлать господствующею въ Россіи вѣрою лютеранскую, отъ чего каждый вѣрный подданный государства долженъ былъ помышлять о пролитіи его крови.—Конечно, не я могу одобрить слова ея; но они, однако же, показываютъ, какъ она понимала единство Россіи и ея вѣры, и хотя сама была не вѣрующая, но никогда не смѣла признаться въ томъ.—И какже можетъ измѣниться характеръ православной Россіи отъ того, что она покорила подъ свою власть нѣсколько милліоновъ католиковъ и нѣсколько милліоновъ протестантовъ, евреевъ, магометанъ и большое количество язычниковъ?—Еслибъ они покорили Россію, тогда только могла бы она утратить господство православнаго духа въ своемъ законоустройствѣ и въ своемъ правительствѣ.—Если же, сохрани Богъ, въ Россіи когда-нибудь сдѣлается что-нибудь противно православію, то все-таки будетъ враждебно Россіи столько же, сколько и вѣрѣ ея. Все, что препятствуетъ правильному и полному развитію православія, все то препятствуетъ развитію и благоденствію народа Русскаго; все, что даетъ ложное и не чисто православное направление народному духу и образованности, все то искажаетъ душу Россіи и убиваетъ ея здоровье нравственное, гражданское и политическое. Потому, чѣмъ болѣе будетъ проникаться духомъ православія государственность Россіи и ея правительство, тѣмъ здоровѣе будетъ развитіе народное, тѣмъ благополучнѣе народъ и тѣмъ крѣпче его правительство, и, вмѣстѣ, тѣмъ оно будетъ благоустроеннѣе, ибо благоустройство правительственное возможно только въ духѣ народныхъ убѣжденій.—Если оно будетъ не того духу, то непременно будетъ стѣснять свободное его выраженіе въ жизни и словѣхъ подъ предлогомъ толеранства и, стѣсняя его, само будетъ стѣсняться имъ и утверждаться противъ него только насильственно, боясь каждой тѣни духа общественнаго, какъ привидѣнія изъ другаго міра.

Ты говоришь: „Церковь и государство едины и тождественны только въ человѣкѣ, и то только въ его таинственномъ центрѣ. Въ проявленіи же въ мірѣ они совершенно различны и общаго ничего не имѣютъ.—Но мы сейчасъ видѣли, что у нихъ общаго—*нравы и обычаи* народа, которые происходятъ изъ его убѣжденій, *стыль*, и съ которыми должно согласоваться его *законное устройство*“. Но, кромѣ нравовъ и обычаевъ народа, *есть его общественныя отношенія* составляютъ также общую середину между церковью и государствомъ, происходя, болѣе или менѣе, изъ одной и требуя отъ другаго себѣ *максимую* утвержденія, или, по крайней мѣрѣ, свободнаго развитія, не стѣсняемаго противорѣчащими законами.

„Церковь, говоришь ты, на землѣ—*гостья*; государство здѣсь—*житель, владыка*“.—Но если церковь—*гостья званая*, то потому именно ее и угощать слѣдуетъ, чтобы она не оставила не заботящагося о ней хозяина! „Ея вся цѣль—*жизнь будущая*, ея правила—*вѣчныя и безусловныя*“. Это правда, но потому-то она и не можетъ покориться требованіямъ здѣшней жизни; потому-то и должно покориться ей государство, котораго „цѣль—*жизнь здѣшняя*, а правила—*временныя, условныя*“. Неужели не хорошо здѣшнюю жизнь устраивать сообразно нашимъ понятіямъ о будущей?

„Вѣра, говоришь ты, есть даръ свыше и, вмѣстѣ, самое свободное, самое самостоятельное дѣйствіе человѣка, потому ее нельзя перенести на государство; слѣдовательно какже можетъ быть государство христіанское—православнымъ?“ Но какъ же ты это понимаешь? Государство можетъ быть языческое, можетъ быть іудейское, магометанское и только не можетъ быть христіанское?

„Для государства, говоришь ты, вѣрою служить общественное мнѣніе, которое есть сумма вѣрѣ *человѣческихъ* въ посредственномъ, временномъ, ихъ проявленіи“. Для чего же ты хочешь, чтобы государство сообразовалось лучше съ этимъ времен-

нымъ, часто ошибочнымъ проявленіемъ народныхъ убѣжденій, а не съ самимъ источникомъ ихъ? Къ тому же, говоря: „сумма вѣръ“, а не „вѣра“, ты непременно хочешь подъ словомъ государство понимать или Соединенные Штаты, или Австрію, т. е. случайный или насильственный слѣпокъ разногласныхъ народностей. Но такое соединеніе разногласій, которыя *воюютъ*, встрѣчаясь другъ съ другомъ, и силится разорваться при первой возможности, — не можетъ идти въ примѣръ *гармоническаго* устройства государства.

Ты продолжаешь: „общественное мнѣніе устанавливаетъ общественную нравственность, по существу своему временную и условную, — единственное правило для государства; слѣдовательно, оно должно быть нравственнымъ“. Я не понимаю здѣсь силлогизма. Почему же единственное правило для государства должна быть только *временная* нравственность, происходящая изъ случайнаго и временнаго общественнаго мнѣнія? Отчего не та — не временная и не случайная — нравственность, происходящая не изъ случайной прихоти общественнаго мнѣнія, но прямо изъ вѣры, господствующей въ государствѣ? Можетъ быть, впрочемъ, что здѣсь-то именно и заключается узелъ всего различія между нашими мнѣніями, по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ ихъ практическому примѣненію. Для тебя главное основаніе государства, причина его такого или такого направленія и образованія, — однимъ словомъ, его *душа*, — есть *общественное мнѣніе*, или *мнѣніе большинства*. Для меня душа государства есть *господствующая воля народа*. Но подумай: право господствованія большинства не сведется ли, въ послѣднемъ результатѣ, къ праву сильнаго? Конечно, и при твоёмъ и при моемъ понятіи о государствѣ должно предположить въ немъ возможность такого оборота вещей, при которомъ грубая эгоистическая сила господствуетъ надъ разумомъ и убѣжденіями народа. Но при моемъ предположеніи это можетъ случиться только обманомъ или явнымъ насиліемъ, т. е. *беззаконно*. При твоёмъ предположеніи это будетъ законное господство партій, превосходящей по количеству или по силѣ. Вслѣдствіе этого неизбежно надобно будетъ признать понятіе Гегелево, что всякое правленіе въ государствѣ равно законно, только бы стояло, и всякая революція равно законна, только бы удалась, и правленіе то беззаконно, которое свергнуто, и революція беззаконна, которая не удалась. Эти-то безнравственныя убѣжденія и привели Европу къ теперешнему ея положенію. Но въ вопросѣ объ отношеніи государства къ церкви ты идешь гораздо дальше Гегеля. Онъ видитъ тѣсную связь между ними, которую ты не признаешь.

Ты кончаешь письмо свое словами: „въ дѣйствительномъ мірѣ, между этими противоположностями (между церковью и государствомъ) нѣтъ примиренія, такъ сказать — моста; и потому они не могутъ ни сидѣть вмѣстѣ на одномъ престолѣ, ни подчинять себя одинъ другому“. Не противорѣчатъ ли эти слова тому, что ты самъ говорилъ сейчасъ же прежде о томъ, что общественное мнѣніе и общественная нравственность служатъ именно этими примирительными мостами между вѣрою и государствомъ?

Прежде еще ты говоришь: „для общества нѣтъ ничего вѣчнаго; все для него, какъ и оно само, временно и случайно; вѣчность существуетъ только для человека — не какъ гражданина, а какъ лица. Государство, которое захочетъ служить вѣчности, должно принять или уставъ Василя Великаго, или иное подобное учрежденіе, но въ обоихъ случаяхъ оно перестаетъ быть государствомъ“. Я думаю, что тутъ есть какая-нибудь ошибка въ твоихъ выраженіяхъ. Ибо не можетъ быть, чтобы ты въ самомъ дѣлѣ думалъ, что цѣль государства должна быть только временная и случайная, а все вѣчное къ нему не относится. Тогда для него и въ немъ не существовало бы ни справедливости, ни нравственности, ни святости законовъ, ни достоян-

ства человѣка, ни духа народнаго и проч., но только удобное и полезное для временныхъ цѣлей. Тогда, способствуя всѣми мѣрами къ развитію благосостоянія физическаго въ народѣ, оно должно всѣми также зависящими отъ него мѣрами заглушать развитіе духовное, какъ могущее быть иногда *прямо противно* этимъ временнымъ цѣлямъ земнаго благосостоянія. Хотя бывали можетъ-быть правители государствъ, которые имѣли подобныя убѣжденія, но, кажется, никто не смѣлъ ихъ громко выговаривать.

Если ты скажешь, что противъ такого угнетательнаго направленія правительствъ ты обезопасилъ себя другимъ требованіемъ, именно тѣмъ, что „государство, какъ ты говоришь, должно доставлять намъ одно: возможность приобрести все, что нужно для земной жизни, и пользоваться спокойно этимъ приобретеніемъ, т.-е. свободу“. Это хорошо на словахъ; но почему же ты думаешь, что государство, которое существуетъ съ какою-нибудь мелкою земною цѣлью, послушается твоего требованія свободы? Понятіе о свободѣ политической есть понятіе относительное и отрицательное, и только на немъ основывалось бы и для него существовало бы общество. Какъ и чѣмъ удержишь ты эту свободу въ такомъ устройствѣ, которое не признаетъ другой законности, кромѣ господства большинства, т.-е. перевѣса силы? Если же въ это относительное и отрицательное понятіе о свободѣ политической мы захотимъ вложить смыслъ существенный и положительный и назовемъ ее уваженіемъ къ свободѣ нравственной и къ достоинству человѣка, то такое понятіе непосредственно происходитъ изъ началъ религіозныхъ; и если ты хочешь, чтобы государство признало его, то оно должно признать и производящія его начала за свое законное основаніе. Признать святость нравственнаго лица нельзя, не признавая святости ~~смысла~~ нравственныхъ истинъ, которыхъ источникъ и средоточіе есть вѣра. Потому, только возникая изъ вѣры, и ей подчиняясь, и ею одушевляясь, можетъ государство развиваться стройно и сильно, не нарушая свободнаго и законнаго развитія личностей и такъ же свободно и живительно согласуясь съ духомъ народа, проникнутаго тою же вѣрою.

Здѣсь оканчиваю я письмо мое, любезный другъ, но не отвѣтъ, ибо надѣюсь продолжать въ Калугѣ. Но письмо это дошло до того пункта, на которомъ кончилось первое и съ котораго оно было отодвинуто твоимъ нападеніемъ. Слѣдов. эти 3 письма (2 моихъ и 1 твое) составляютъ одну половину вопроса, т.-е. объ отношеніи государства къ церкви *вообще*. Вторая половина будетъ разсматривать эти отношенія въ особенности, т.-е. какая система вѣрованія соотвѣтствуетъ какому устройству государства. Здѣсь-то и заключается настоящее зерно моей мысли. Потому, если напишешь на это письмо отвѣтъ, то не сообщай его мнѣ прежде окончанія моего письма. Остаюсь и проч.

№ 19. Письмо И. В. Кирѣвскаго А. И. Кошелеву.—Характеръ русской особенности.

Письмо твое отъ 23 окт. я получилъ 30 окт., а статью *), которую ждалъ съ нетерпѣніемъ, получилъ только 7 ноября. Я прочелъ ее съ большимъ интересомъ и возвращаю на первой же почтѣ. Очень желаю, чтобы она была напечатана, потому что она, безъ сомнѣнія, будетъ очень полезна. Мысль ея истинная, и сказано съ одушевленіемъ. Если въ ней есть недостатокъ, то тотъ, что она не довольно смата и въ ней есть повторенія. Впрочемъ, можетъ-быть для большинства читателей это не мѣшаетъ, а поможетъ понять и убѣдиться. Потому, мнѣ кажется, что у тебя не довольно развита главная мысль, мелькомъ сказанная въ концѣ, т.-е. что просвѣ-

*) О какой статьѣ Кошелева говоритъ здѣсь Кирѣвскій, не извѣстно.

щеніе западное только *вредною стороною своею* противно русскому православному духу, но *существенная* сторона его не только не противна духу русскому, но еще необходима для его полнѣйшаго развитія, какъ и православное направленіе необходимо для полнѣйшаго развитія самого западнаго просвѣщенія, что начала русской основной образованности только потому *особенны* отъ западныхъ, что они—*эмсиая мѣта ступень*, а не потому, чтобы были совершенно *иными*. По этой-то причинѣ русская особенность и можетъ своимъ развитіемъ задушить вредную сторону западной образованности, что направить ее въ сторону истинную; по этой же причинѣ и сама русская особенность можетъ быть задушена западнымъ просвѣщеніемъ, если ей не дадутъ развиться во-время, прежде чѣмъ ложное направленіе Запада возьметъ совершенно верхъ надъ русскою особенностію въ Россіи. Оттого совершенно справедливо говоришь ты, что упустить благоприятное время было бы ошибкою можетъ быть неапправимою.

Недостаточность и даже вредность мѣръ запретительныхъ очевидна изъ того, что русская особенность не есть развитое и готовое просвѣщеніе, но только его основаніе, только направленіе, дрожжи, которыя должны перебродить въ мукѣ, чтобы вышелъ хлѣбъ. Еслибы возможно было остановить входъ въ Россію западнаго просвѣщенія, то изъ этого вышло бы то послѣдствіе, что русскій умъ пришелъ бы въ еще бѣльшую подчиненность Западу, котораго вліяніе сдѣлалось бы еще сильнѣе.

Позволяйте все,—сказать нельзя и не должно. Есть книги безусловно вредныя, именно тѣ, которыя возбуждаютъ и воспаляютъ бурныя страсти. Противъ ложнаго разсужденія есть противодіе въ самомъ разсужденіи. Но страсть—вино. Страсть, возбужденная книгою,—вино фальшивое и вредное для здоровья. Если не запретить его продажу, то люди могутъ отравиться. Крѣпкихъ желудковъ не много и для нихъ могутъ быть исключенія.

Вотъ, любезный другъ, мои мысли о твоей статьѣ. Повторяю, она очень хороша, и интересна, и жива, и дѣльна; но я думаю, что она была бы еще лучше, еслибы ты немного сократилъ ее, уничтоживъ повторенія, и немного распространилъ мысль твою объ общихъ свойствахъ русскаго просвѣщенія, ибо, право, эта мысль незнакома почти никому, а твоя статья писана въ такомъ тонѣ, что ее должна читать вся масса русскихъ читателей, а не пять-шесть твоихъ друзей. Обыкновенно же у насъ подъ русскимъ духомъ понимаютъ только *отсутствіе* образованности и нѣкоторыя характеристическія особенности нравовъ, не подозревая, что эти особенности связаны съ нѣкоторыми *положительными* началами высшаго просвѣщенія.

Очень бы желалъ, чтобы эти замѣчанія мои тебѣ на что-нибудь пригодились. Если же не найдешь ихъ дѣльными, то извини. Я говорю съ тобою, какъ бы съ самимъ собою, прямо, что приходится въ голову. Не мудрено, что я вздоръ въ голову придесть. Авторъ долженъ слушать всѣ критики, а принимать изъ нихъ только то, что самому по сердцу. Но по довѣренности, или по дружбѣ, не должно ничего переиживать, особенно въ сочиненіи, которое написано *con amore*.

Прошу тебя извѣстить меня о судьбѣ твоего журнала. Хочетъ ли Хомяковъ взять въ П—бургъ, и когда именно? Мнѣ это не только интересно знать, но и нужно. Если онъ не пойдетъ, или пойдетъ еще не скоро, то я буду писать къ Норву о себѣ. Мнѣ очень насучило быть нѣмымъ.

Что наше дѣло? Что сдѣлала Палата? Ольга Федоровна писала къ женѣ, что Палата что-то сдѣлала. Очень бы желательно было узнать объ этомъ пообстоятельнѣе и поскорѣе. Хотя я и совершенно покоенъ на этотъ счетъ, зная, что въ вашихъ рукахъ оно пойдетъ лучше и успѣшнѣе, чѣмъ бы могло идти въ моихъ, но все же любопытно знать.

Ты нѣсколько разъ писалъ ко мнѣ, что вы нарядились въ русское платье.— Очень радуюсь за васъ, если это платье удобно и красиво. Но не знаю, радоваться ли за платье. Для него, кажется, было бы здоровѣе, еслибы прежде другихъ въ него нарядились Писемскій съ Сушковымъ. Не худо бы было обмундировать въ него для образца и княгиню Одоевскую. Намъ съ тобой, кажется, не мѣшало бы и подождать, покуда увидимъ, какой эффектъ они сдѣлаютъ.

Я писалъ къ тебѣ нынче лѣтомъ о молотильной машинѣ и просилъ совѣта, какую взять. Ты совѣтовалъ мнѣ подождать, покуда Петровскій изобрѣтетъ машину новаго устройства.

11 ноября.

Долбно.

№ 20. Письмо И. В. Кирѣевского А. И. Кошелеву.—Духовныя книги для чтенія.

Вотъ это, можно сказать, что поступокъ истинно-пріятельскій, любезный другъ мой! Написать три письма, не утѣшаться самоодовольно своимъ превосходствомъ, но написать еще четвертое, чтобы разбудить спящаго или откладывающаго лѣнлива— это такое дѣло, такой подвигъ, который оцѣнить вполне, можетъ-быть, могу только я. Впрочемъ я виноватъ не такъ много, какъ тебѣ можетъ казаться. Первое письмо твое было коротенькое, въ которомъ ты только общалъ другое, длинное. Этого длиннаго я дождался очень долго, а наконецъ, когда получилъ его, то увидѣлъ, что на него отвѣчать по почтѣ было бы слишкомъ длинно и слишкомъ много надобно бы было платить за пересылку. Скоро послѣ того я получилъ твое третье письмо, въ то самое время, когда я отправился встрѣчать сына въ Калугу, гдѣ жена моя сдѣлалась больна, а я возвратился если не съ болѣзней, то, по крайней мѣрѣ, съ жестокою зубною болью, мучившею меня почти до этого дня.—20 июля. Меня перервали на цѣлую недѣлю кое-какія дѣла и заботы. Спѣшу возвратиться къ начатому письму. Прежде всего скажу тебѣ, милый другъ мой, что теперешнее настроеніе твоего духа радуетъ меня болѣе, чѣмъ я могу выразить. Благодарю Бога за тебя и надѣюсь отъ тебя многого. Я давно зналъ, что ты пойдешь по этой дорогѣ, и ждалъ тебя тѣмъ съ большимъ нетерпѣніемъ, что человекъ какъ ты именно необходимъ въ наше время. Ты спрашиваешь у меня совѣта о томъ, что тебѣ читать. Но изъ того, что ты читаешь, я вижу, что ты въ этомъ совѣтѣ не нуждаешься и самъ собираешь себѣ настоящую пищу. Если ты находишь наслажденіе въ чтеніи Василія Великаго, Златоуста и Тихона Воронежскаго, то нѣтъ сомнѣнія, что ты прочтешь всѣхъ святыхъ отцовъ, переведенныхъ на славянскій языкъ, ибо на западныхъ языкахъ они искажены и, большею частью, въ тѣхъ именно мѣстахъ, которыя самыя существенныя для утвержденія на прямомъ пути человека, который стремится къ Восходу отъ Запада. Но ты спрашиваешь меня, кого читать прежде, кого послѣ, и я долженъ признаться тебѣ, что этотъ простой вопросъ меня затрудняетъ. Это чтеніе, чтобы принести настоящую пользу, должно быть сообразно особому устройству каждаго человека. Со мной было такъ, что прежде, чѣмъ я усвоилъ себѣ основное и общее, я хватался за высшее, приличное только совершеннымъ и опытнымъ мужамъ, и признаюсь тебѣ, что этимъ самоувѣніемъ я парализовалъ свои силы, воспиталъ въ себѣ именно ту раздвоенность, которой уничтоженіе составляетъ главную цѣль духовнаго умозрѣнія. Задѣлывать трещину въ построенномъ зданіи труднѣе, чѣмъ класть новое. Потому, любезный другъ, не мнѣ давать тебѣ совѣтъ, а, напротивъ, тебѣ слѣдуетъ поддержать меня своимъ сочувствіемъ, или, лучше ска-

затъ, тоу взаимностию сочувствія, которая удвоиваетъ силы. Изъ всего нашего круга у тебя мысль и дѣло ближе всѣхъ срослись между собою. Этого именно намъ недоставало прежде тебя. Впрочемъ, именно по этому свойству твоему, малѣйшее уклоненіе для тебя тѣмъ опаснѣе, какъ ошибка на войнѣ опаснѣе ошибки въ математикѣ. Потому для тебя существеннѣе всякихъ книгъ и всякаго мышленія—найти святаго православнаго старца, который бы могъ быть твоимъ руководителемъ, которому ты могъ бы сообщать каждую мысль свою и услышать о ней не его мнѣніе, болѣе или менѣе умное, но сужденіе святыхъ отцовъ. Такіе старцы, благодаря Бога, еще есть въ Россіи, и если ты будешь искать искренно, то найдешь. Они есть и въ Москвѣ, только, разумѣется, не въ бѣломъ духовенствѣ.

Что касается до исторіи церкви, то, къ сожалѣнію, мы не имѣемъ ни одного удовлетворительнаго руководства. Иннокентій, какъ ты справедливо замѣтилъ, больше годится для справокъ, чѣмъ для чтенія, — хотя и для справокъ онъ не довольно полонъ. Флѣри многое искажалъ, какъ папистъ, съ намѣреніемъ, а еще больше искажалъ по незнанію, потому что на Западѣ даже самые добросовѣстные ученые не знаютъ исторіи православной церкви, — такъ она переименована пристрастными свидѣтельствами папистовъ. Неандеръ—человѣкъ вѣрующій по сердцу, но сбитый съ пути въ умственныхъ понятіяхъ. Онъ хочетъ быть безпристрастнымъ и представляетъ факты довольно вѣрно, но выводитъ изъ нихъ заключенія ложныя. Впрочемъ, при повѣркѣ его другими, онъ можетъ сообщить настоящіе матеріалы для составленія въ умѣ исторіи церкви. Геррѣреръ просто не христіанинъ. Онъ пишетъ, кажется, для того только, чтобы отличиться оригинальностью взглядовъ, — иѣмецкій Полевой. За то книга его читается легко, умна, краснорѣчива, но сбивчива. Достань еще Мосгейма: это старинный протестантъ, который глухъ на одно ухо, но ученъ и уменъ. Его книга своею наружною формою служила образцомъ для Иннокентія. Краткая ручная книга *Naase* также можетъ служить для справокъ. Тому лѣтъ 20 она была очень любима многими нашими духовными лицами, особенно вышедшими изъ Петербургской академіи, несмотря на то, что Гаазе самъ человѣкъ почти невѣрующій! Краткая исторія первыхъ 4-хъ вѣковъ Муравьева читается легко и для первоначальнаго обзоренія довольно удобна. Монографій, разумѣется, больше, чѣмъ исторій. Достань Аванасія Великаго, Möhler'a, Іоанна Златоустаго, Неандера, „Правду русской церкви“ Муравьева (книга очень хорошая), исторію Флорентинскаго собора, которую очень хвалятъ, но я еѣ еще не читалъ.

Богословіе Макарія мнѣ извѣстно не вполне, т-е. я знаю его Введеніе и первую часть Богословія. Второй еще не имѣю. Въ первой части есть вещи драгоценныя, именно опроверженіе Filioque, особенно драгоценныя по выпискамъ Зверникава, котораго книги достать нельзя, хотя, говорятъ, она была у насъ напечатана. Но *Введеніе* Макарія мнѣ очень не нравится, какъ по сухости школьнаго слога, такъ и по нѣкоторымъ мнѣніямъ несогласнымъ съ нашею церковью, — напримѣръ о непогрѣшимости іерархіи, какъ будто Духъ Святый является въ іерархіи отдѣльно отъ совокупности всего христіанства. Достань Богословіе Антонія Кіевскаго. Тамъ языкъ хуже и тоже много ошибокъ, но есть и хорошее. Впрочемъ, если сказать правду, то удовлетворительнаго Богословія у насъ нѣтъ. Лучшимъ введеніемъ къ нему можетъ служить *Духовный Азфавитъ*, напечатанный въ сочиненіяхъ Димитрія Ростовскаго подъ его именемъ, и еще проповѣди митр. Филарета. Тамъ много бриллиантовыхъ камушковъ, которые должны лежать въ основаніи Сіонской крѣпости. Впрочемъ, мнѣ кажется, что въ теперешнее время, когда такъ запутаны христіанскія понятія отъ западныхъ искаженій, вросшихъ въ истинное ученіе въ продолженіе тысячелѣтій и ослабѣвшихъ не только умъ нашъ, но и сердце, такъ что мы,

даже читая древнихъ святыхъ отцевъ, подкладываемъ имъ собственныя понятія и не замѣчаемъ того, что не согласно съ западнымъ ученіемъ,—въ наше время, говорю я, всего ближе къ дѣлу было бы составить такое введеніе въ Бгословіе, въ которомъ бы объяснилось все различіе православнаго ученія отъ Римскаго не только въ основныхъ догматахъ, но и во всѣхъ ихъ выводахъ. Зная это различіе, мы читали бы святыхъ отцевъ съ полнымъ сознаніемъ ихъ истинности.

Прощай, милый другъ! Спѣшу окончить, чтобы не заставить тебя еще больше дожидаться моего письма. Жена моя тебѣ кланяется. Сынъ кланяется твоему. Мы ѣдемъ въ началѣ августа въ Москву провожать Васю. Если ты будешь въ Москвѣ проѣздомъ, то авось увидимся.

Въ сборникѣ нашемъ, разумѣется, я буду участвовать, если только онъ состоится. Но мнѣ кажется, что ты рассчитывалъ безъ хозяина, т.-е. безъ цензора, который, какъ говорятъ, мараетъ съ плеча, и мараетъ все, но особенно то, гдѣ есть мысль, и особенно мысль, которая могла бы быть полезна. Впрочемъ попробуй.

10 іюня.

№ 21. Письмо А. И. Кошелева А. С. Хомякову о сельской общинѣ.—Отвѣтъ на это письмо Хомякова помѣщенъ въ Рус. Архивѣ 1878 г.

Давно, любезный другъ Хомяковъ, собирался я къ тебѣ писать, но то дѣла, то газеты (которыя теперь отнимаютъ много времени) не позволяли мнѣ этого исполнить. Не о выходахъ винокуреннаго завода и не о французскихъ происшествіяхъ хочу я говорить съ тобою, но о такомъ предметѣ, которымъ ты заживо задѣлъ не одного меня и который въ настоящее время является для насъ однимъ изъ самыхъ кровныхъ вопросовъ.—Я хочу говорить объ общинѣ, объ общинномъ началѣ, которое ты считаешь краеугольнымъ камнемъ нашего общественнаго зданія и въ которомъ ты видишь зародышъ будущаго нашего благоденствія. Сколько я ни винкалъ въ это начало, сколько я ни старался развить его, но я не находилъ въ немъ ничего иного какъ *остатокъ младенчества нашего народа и отсутствіе будущности для образованнаго общества.*

Первое (если и не главное) достоинство этого начала есть, по мнѣнію твоему, то, что мы встрѣчаемъ его безпрестанно въ древней исторіи нашей, что многія происшествія имъ проникнуты и что оно составляетъ до сихъ поръ въ крестьянскихъ обществахъ основаніе всѣхъ ихъ между собою отношеній. Не буду оспаривать истину сего положенія, но спрошу: развѣ все, что было, вѣчно быть должно? Въ дѣтствѣ, въ молодости, въ зрѣломъ возрастѣ и въ старости развѣ общества дѣйствуютъ и должны дѣйствовать одинаково? Исторія всеобщая говоритъ не въ твою пользу. Общинное начало было вездѣ, гдѣ право собственности не было еще развито. На Западѣ оно уничтожилось давно, потому что Римъ сообщилъ ему съ своимъ просвѣщеніемъ и плоды своего общественнаго устройства. У насъ земель было много, лица всегда значили очень мало и сильные, умные или богатые легко овладѣвали толпою. Индивидуальность была развита слабо, или лишь могучія индивидуальности проявлялись. Пріятель нашъ А. (ксаковъ) восхищается единогласными положеніями крестьянскихъ общинъ; расскажу тебѣ свой опытъ. По пріѣздѣ моемъ въ имѣніе, гдѣ я теперь живу, собралъ я крестьянъ, объявилъ имъ, что судъ между собою и завѣдываніе собственными ихъ общественными дѣлами предоставляю имъ самимъ, а потому и поручилъ избрать изъ среды себя старшину. Крестьяне удивились моему приказу; сперва не знали кого выбрать и наконецъ выбрали въ старшины тѣхъ, кого предложилъ имъ крестьянинъ, который былъ и однимъ изъ самыхъ богатыхъ и однимъ

изъ величайшихъ плутовъ. Впослѣдствіи времени крестьяне увидѣли, что я въ ихъ дѣла почти вовсе не вмѣшивался, что старшины дѣйствовали самостоятельно и что они судили и рядили ихъ по лучшему своему разумію. При слѣдующихъ выборахъ проявились споры, несогласія, партіи, и я принужденъ былъ отбирать голоса посредствомъ раздѣленія людей на правую и лѣвую сторону; слѣдовательно, единогласіе исчезло, какъ скоро выборы сдѣлались не шуткою, а дѣломъ, — какъ скоро увидѣли крестьяне, что въ рукахъ выборныхъ дѣйствительныя права. То же должно сказать и объ общинномъ началѣ въ томъ смыслѣ, какъ вы его превозносите. Община должна всегда существовать какъ одно изъ подраздѣленій государственнаго устройства; община должна имѣть и свои доходы и свои расходы, и свои права и обязанности, и своихъ начальниковъ и своихъ служителей; но община не должна владѣть землею обрабатываемою членами оной; община не должна распоряжаться землею, отнимая у одного и отдавая другому, т.-е. раскладывать землю; община не должна отвѣчать за проступки своихъ членовъ (какъ то было еще въ среднихъ вѣкахъ), за ихъ долги и недоимки. Однимъ словомъ, община не есть семья, а государство въ маленькомъ видѣ. — Исторія конечно полезна, необходима, какъ ключъ къ понятію настоящаго нашего быта, но исторія не должна быть маякомъ на морѣ будущности, — она есть фонарь освѣщающій взадъ, а не впередъ.

Главное достоинство общиннаго начала, по твоему мнѣнію, если я хорошо тебя понялъ, заключается въ томъ, что община уничтожаетъ бобыльство (proletariat). Что бобыли являются одной изъ жесточайшихъ явъ настоящаго времени на Западѣ, въ этомъ я совершенно съ тобою согласенъ, но едва ли они обязаны своимъ началомъ отсутствію общиннаго начала въ Европѣ. Усиленіе бобыльства произошло явно изъ преимуществъ, захваченныхъ нѣкоторыми классами гражданъ. Дворянство, духовенство, а впослѣдствіи времени средній классъ на Западѣ провозгласили себя исключительными обладателями всего: всѣ богатства, всѣ права, всѣ удовольствія — для нихъ, и для нихъ однихъ; всѣ труды, всѣ обязанности и всѣ лишенія — для такъ называемаго народа, и для него одного. Когда одинъ или нѣкоторые захватываютъ слишкомъ много, то явно, что другіе будутъ терпѣть недостатки. Это подтверждается опытомъ ежедневно. Гдѣ бобыльство сельское, какъ не въ Англіи? Гдѣ аристократія земельная, денежная захватила болѣе, какъ не въ Англіи? Бобыльство во Франціи есть еще остатокъ порядка вещей до 1789 года. Пролетаріатство западное порождено не отсутствіемъ общиннаго начала, но ложнымъ, противоестественнымъ порядкомъ вещей, въ силу коего немногіе владѣли многими, издавали законы для всѣхъ и, разумѣется, безкорыстіе и самозабвеніе были не отличительными чертами Лудвиговъ XIV, ихъ маркизовъ и прочихъ паредворцевъ. — По моему мнѣнію, общинное начало не только не отвратитъ бобыльства, но непремѣнно его разовьетъ и усилитъ. Законы на счетъ бѣдныхъ должны существовать во всякомъ благоустроенномъ государствѣ и обязанность приаррѣнія ихъ должна лежать на всякой общинѣ. Разница только та, что община въ европейскомъ смыслѣ помогаетъ сборами со всѣхъ членовъ въ видѣ общественнаго налога, а община въ моемъ смыслѣ, какъ владѣтельница всей дачи, какъ собственно хозяйка всего, по своему усмотрѣнію передѣляетъ земли и снабжаетъ ея всякаго могущаго работать. — Вопросы: какой способъ лучше, ближе, безошибочнѣе достигаетъ свою цѣль? Какой способъ безобиднѣе для людей достаточныхъ? Какой способъ благоприятнѣе для немущихъ?

Кажется несомнѣнно, что земля, которая принадлежитъ мнѣ и которую я могу располагать вѣчно въ пользу дѣтей моихъ, будетъ много лучше удобрена, нежели та земля, которую могутъ у меня отнять завтра или по истеченіи положеннаго числа лѣтъ. Слѣдовательно, въ хлѣбопашественномъ отношеніи собственность частная,

а не общественная, имѣть преимущество неоспоримое. Если земля произведетъ больше, то и избытковъ, само собою разумѣется, будетъ больше. Легче всякому удѣлить часть изъ своихъ избытковъ, чѣмъ не имѣть возможности приобрести такковыя избытки. Бѣдное общество не въ состояніи оказать и малое пособіе, а богатому обществу не трудно отдать и добрую часть своихъ излишковъ. Достаточному крестьянину легче удѣлить часть своихъ заработковъ, чѣмъ лишиться земли имъ удобренной, или не имѣть возможности въ продолженіе двухъ-трехъ послѣднихъ передъ передѣломъ лѣтъ удобрить и улучшить свою землю. Первые два вопроса разрѣшаются несомнѣнно; послѣдній вопросъ можетъ быть защищаемъ съ равнымъ успѣхомъ какъ съ той, такъ и съ другой стороны. Немущіе вѣрно подадутъ голосъ въ пользу общаго владѣнія землею и передѣла оной, но равнѣ общество должно быть устроено въ пользу меньшинства, въ пользу бѣдныхъ? Это было бы для общества Прокустовою кроватью. Общество должно быть устроено въ видахъ успѣха, а не неподвижности; общество должно призрѣвать сирыхъ, больныхъ, престарѣлыхъ и проч., но не лишать прочихъ возможности развивать свои силы и способности.— Всякая нераздѣльная общинная собственность есть камень, которымъ люди тянутся не впередъ, а назадъ.

Да еще доводъ весьма сильный противъ твоего мнѣнія представляетъ слѣдующее обстоятельство: если общинное начало заключаетъ въ себѣ зародышъ всякаго общественного благосостоянія, то это начало должно быть обще всѣмъ людямъ. Крестьяне могутъ имѣть общину въ твоёмъ смыслѣ, потому что они будутъ имѣть землю въ общемъ, нераздѣльномъ владѣніи и потому что они почти всегда дома и всѣ вмѣстѣ; но ремесленники, торговцы—какъ могутъ они составлять общину въ твоёмъ смыслѣ? Вѣрно ты не потребуешь, чтобы они всѣ свои заработки слагали въ одну общую кассу. Да и о насъ, землевладѣльцахъ, ты тоже забылъ: какъ намъ вступить въ общину? Иного средства нѣтъ, какъ отдать въ общину наши земли, лѣса, луга и проч.—Съ общиннымъ началомъ ты доходишь или до всеобщей общественной собственности, т.-е. до уничтоженія всякой собственности, или ты увѣковѣчиваешь раздѣленіе народа на сословія.

Изложилъ я вкратцѣ мои мысли насчетъ общиннаго начала, но, боюсь, такъ ли я повялъ тебя. Быть-можетъ, что я сражался съ мельницами и еще не коснулся твоего мнѣнія. Въ этомъ случаѣ просвѣти меня, объясни свое мнѣніе и поддержи его доводами. Вопросъ объ общинномъ началѣ не есть вопросъ чисто-умозрительный; въ настоящемъ времени онъ есть вопросъ чисто-практическій. Отъ разрѣшенія вопроса: собственность земли должна ли быть частная, семейная или общинная,—зависитъ успѣхъ преобразованія крестьянскаго быта. Сдѣлай милость не полѣнись отвѣчать мнѣ на это письмо. Наша переписка можетъ сдѣлаться очень интересною и полезною не для насъ однихъ. Я съ своей стороны обещаю тебѣ быть аккуратнымъ и добросовѣстнымъ. Если ты убѣдишь меня въ ложности моего мнѣнія, то тотчасъ въ томъ сознаюсь.

Хотѣлось бы говорить съ тобою еще обо многомъ, но и такъ мое письмо весьма длинно. Изъ письма Свербеева вижу, что онъ на парижскія происшествія шибко косится; изъ письма сестры Аксакова къ моей женѣ вижу, что пріятель нашъ не сердится, а радуется, что народъ возрождается, хоть даже и на Западѣ, и по головкѣ его гладить. А я говорю: перемелется и мука будетъ; лишь бы молодое, а то все къ лучшему.

Крайне бы одолжилъ, еслибы собралъ и ко мнѣ прислалъ всѣ или главныя статьи, въ которыхъ мы или твои единомышленники высказали свои убѣжденія насчетъ общины и общиннаго начала.

16 марта 1848 г.

С. Песочня.

№ 22. Ответное письмо А. И. Кошелева А. С. Хомякову обь общинѣ.

Весьма благодаренъ тебѣ, любезный другъ Хомяковъ, за твое письмо въ отвѣтъ на мое мнѣніе относительно общиннаго устройства. Предметъ такъ важенъ и ты обнялъ его такъ полно, что считаю неотложнымъ долгомъ скорѣе тебѣ отвѣчать.

Сперва мимоходомъ возражу противъ нѣкоторыхъ частныхъ твоихъ замѣчаній. Въ Англіи хлѣбопашество въ блестящемъ положеніи не потому, что земли принадлежатъ немногимъ лицамъ, а сельское хозяйство ведется въ мелкомъ видѣ фермерами, слявшими земли на продолжительный срокъ. Главныя причины процвѣтанія хлѣбопашества въ Англіи суть: многовѣковое пользованіе свободою и безопасностью, огромное народонаселеніе, запрещеніе ввоза хлѣба и пр. Во Франціи хлѣбопашество въ дурномъ положеніи не потому, что тамъ земельная собственность весьма дробна, но потому, что Франція воскресла только шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ, что въ теченіе этого періода она испытала жестокіе перевороты, а спокойствіемъ пользовалась мало, что сосредоточеніе власти въ Парижѣ и департаментныхъ городахъ вовсе убило сельскую жизнь, что правительство весьма мало заботилось обь образованіи земледѣльческаго класса и пр. Слѣдовательно примѣры въ Англіи и Франціи ничего не говорятъ въ пользу твоего и вопреки моего мнѣнія. Ты самъ соглашаешься, что передѣлы вредны и что 20- или 30-лѣтнее владѣніе должно быть поставлено условіемъ общимъ и кореннымъ при общинномъ устройствѣ. Тридцатилѣтній срокъ представляетъ полную собственность въ первыя 10 лѣтъ, полусобственность— въ продолженіе вторыхъ десяти лѣтъ и временное пользованіе въ теченіе послѣднихъ 10 лѣтъ. Въ первый срокъ будутъ дѣлаться коренныя улучшения, во второй— незначительныя и въ третій будутъ извлекаться выгоды изъ прежнихъ улучшеній и отнюдь не заботиться о поддержаніи земли въ одинаково хорошемъ положеніи. Слѣдоват. 30-лѣтнее владѣніе только потому хорошо, что оно нѣсколько похоже на собственность, — слѣдовательно собственность несравненно лучше владѣнія, слѣдов. противъ частной и въ пользу общинной собственности ты долженъ доводить искать не тутъ, а въ иномъ мѣстѣ.

Вы (т.-е. единомышленники Хомякова) полагаютъ, что общинное устройство есть особенность славянъ, что у насъ оно сохранилось потому, что намъ предназначено этому началу дать полное развитіе и что оно соприсносуще православію. Не спорю, что общинное начало у насъ существуетъ болѣе, чѣмъ въ другихъ европейскихъ государствахъ, но, думаю, не потому, что оно намъ сроднѣе, а потому, что у насъ чувства дѣвственнѣе, что образованіе еще не развило у насъ жизнь частную и общественную и что мы и по чувствамъ, и по понятіямъ, и по желаніямъ еще входимъ въ юношескій возрастъ. Не думаю, чтобы возможно было доказать, что общинное начало есть чисто-славянская принадлежность. Если вы разумѣете это въ томъ смыслѣ, что мы, русскіе, пришли на историческое поприще поздиѣ другихъ народовъ—я именно тогда, когда чувство общности начинается съ особенною силой высказываться, что мы способны развить общинное начало и чище и легче другихъ народовъ,—то въ этомъ съ вами согласенъ: легче учить неученаго, чѣмъ переучивать ученаго. Но въ этомъ случаѣ не говорите и не заставляйте нѣкоторыхъ иностранныхъ романистовъ (Гакстгаузена) говорить, что общинное начало есть отличительная черта славянскаго племени. Не думаю также, чтобы именно намъ, русскимъ, предоставлено было дать полнѣйшее развитіе этому началу. Мы еще такъ далеко отстали отъ Европы, жизнь у людей Запада уже настолько развита, они такъ быстро идутъ впередъ, что долго, весьма долго намъ ихъ еще не догнать. Общественность въ Европѣ теперь развилась и ежечасно развивается, такъ что мы съ усиленіемъ

умственныхъ силъ понимаемъ всё ея явленія. Не постигаю также, какую связь особенную общинное начало имѣть съ православіемъ, т.-е. съ греко-россійскимъ ученіемъ христіанской церкви. Согласенъ, что общинное начало тождественно съ ученіемъ Христовымъ; но считать нехристіанами католиковъ и протестантовъ и полагать, что съ ихъ догматами несомнѣнно общинное начало—есть чувство и понятіе не христіанское. Если въ настоящемъ движеніи Европы нѣтъ духа общности и христіанскаго братства, то видно слова имѣютъ разныя значенія, но во всякомъ случаѣ странно присвоивать исключительность общинную и чувства братства той странѣ, тому народу, который одинъ въ Европѣ держитъ въ рабствѣ подобныя себѣ людей.

Конечно, общность есть первѣйшая потребность людей, необходимое условіе для всякаго развитія человѣческихъ силъ и основаніе всякой государственности. Что составляетъ силу Англии?—явно развитіе общности. Что терзаетъ и еще долго будетъ тревожить Францію?—явно недостатокъ въ развитіи общности. Совершенно съ тобою согласенъ, что *tabula rasa* есть источникъ величайшихъ бѣдствій для всякаго государства, что сельская община есть первое звѣно, корень государственности, что всякое пренебреженіе этого начала и замѣненіе его сосредоточенною административною есть величайшее зло для государства. Въ этомъ ты совершенно согласенъ; но очень разнствуемъ въ мнѣніяхъ, когда ты говоришь: корень и основа нашей жизни есть Кремль, Кіевъ, Саровская пустынь, народный бытъ съ его пѣснями и обрядами и по преимуществу сельская община. Здѣсь вовсе не понимаю, какъ Кремль, Кіевъ и Саровская пустынь могутъ быть основой и корнемъ нашей жизни; съ трудомъ додумываюсь, что мы можемъ почерпнуть существеннаго и живительнаго для общественной жизни въ нашихъ пѣсняхъ и обрядахъ; догадываюсь, хотя и не согласенъ съ тобою, что сельская община, какъ она есть, т.-е. не въ зародышѣ (*in potentia*), а на дѣлѣ (*in re*) и въ исторіи можетъ служить первообразомъ государственнаго устройства. Община, говоришь ты, есть одно удѣльнѣе гражданское учрежденіе всей русской исторіи. Этимъ ты поясняешь свою мысль объ общинѣ; и въ этомъ-то заключается разница между нашими мнѣніями. Россію на дѣлѣ знаю я порядочно, сельскія общества изучалъ съ большимъ прилежаніемъ и могу по совѣсти сказать, что матеріаловъ много, но дѣйствительно сущаго весьма мало. Я бы весьма желалъ, чтобы вы, гг. защитники дѣйствительно сущей общины, указали мнѣ, въ какой части Россіи подобныя общины доселѣ сохранились, и чтобы вы мнѣ описали эти общины не въ общихъ словахъ, но на дѣлѣ, показали и ихъ устройство, и ихъ дѣйствія и распоряженія. Изъ письма твоего я вижу, что ты указываешь на сѣверную Россію и въ особенности на Пермь, какъ на мѣстность, гдѣ общинное начало всего живѣе сохранилось. Это очень понятно, но весьма недостаточно. Извѣстно, что въ этихъ губерніяхъ крестьяне платятъ оброкъ своимъ помѣщикамъ болѣе съ душой, чѣмъ съ земли, что помѣщикъ предоставляетъ самому міру раскладывать оброки какъ потому, что помѣщикъ крестьянъ лично не знаетъ, такъ и потому, что вѣрнѣе взыскивать безъ различія съ цѣлаго общества, чѣмъ съ Ивана и съ Сидора; но въ этомъ я еще не вижу никакого особеннаго превосходства. Крестьяне тѣхъ губерній люди болѣе образованные нашихъ степныхъ поселанъ; они, будучи менѣе управляемы своими помѣщиками, болѣе управлялись сами собою; почти-что по этимъ причинамъ у нихъ образовались нѣкоторыя общественныя устройства,—и объ этомъ никто спорить не будетъ. Но указывать на эти общества какъ на хранилище священнаго огня общности, поставлять ихъ въ образецъ для будущаго устройства—это, не во гнѣвъ было бы вамъ сказать, есть дѣйствіе разгоряченнаго воображенія. Въ тамошнихъ обществахъ разрѣшались простые вопросы и удовлетворялись нужды, самымъ несложнымъ бытомъ возбужденныя; но въ то время, когда въ Европѣ воз-

никаетъ новый порядокъ вещей, когда требуютъ удовлетворенія нужды иного разряда, тогда указывать на нашу сельскую общину значить—или увлекаться сиювременною любовью и восторженностью, или не понимать глубины золь, терзающихъ европейское общество.

Ты съ торжествомъ спрашиваешь меня: былъ ли бы пролетаріатъ возможенъ на Западѣ, еслибы сельская община существовала тамъ по-нашему? Тутъ я долженъ опять спросить тебя: что значить *по-нашему*? Мнѣ кажется, что тамъ община *по-нашему* существовать не могла, потому что тамъ жизнь такъ развита, что ей нельзя оставаться въ зародышѣ, въ какомомъ положеніи и считаю наше сельское общество. Насъ спасаютъ отъ пролетаріата плодородіе почвы и недостатокъ въ людяхъ; у насъ всякій, даже старикъ 60—70-лѣтній, можетъ добыть себѣ пропитаніе; мальчики 10, 11 и 12 лѣтъ берутся охотно изъ пащи и одежды. За границею люди 20—30 лѣтъ и здоровые и смышленные остаются безъ хлѣба, потому что Западъ страдаетъ избыткомъ рукъ. Наши сельскія общества не терпятъ отъ бобыльства не вслѣдствіе существа своего устройства, а оттого что бобыльство само по себѣ невозможно. Просить милостыню или убогіе, или дѣти, или престарѣлые, или лѣтняи; всякій, кто хочеть добыть деньги трудомъ, можетъ у насъ имѣть въ томъ успѣхъ. Старики выработываютъ безнужденное существованіе сидя на пчельникахъ, гоная на пастбище скотину и пр. Старухъ охотно кормятъ за то, чтобъ онѣ смотрѣли за дѣтьми и оставались дома, когда прочіе уйдуть на работу. У насъ пролетаріатъ теперь невозможенъ,—вотъ почему его нѣтъ. Ежегодно отпускаютъ бездну безсрочноотпускныхъ и отставныхъ; казалось бы, вотъ рассадникъ пролетаріатства, а вмѣсто того такъ руки намъ нужны, что эти люди незамѣтно всѣ размѣнены. Еслибы на Западѣ могла существовать сельская община такъ слабо устроенною, какъ у насъ, то она была бы наводнена пролетаріями: земли мало; людей много; подати тяжкіе. Гдѣ наша сельская община еще кое-какъ держится—въ богатой, или бѣдной деревнѣ?—Явно, что въ первой, а почему?—потому, что тѣмъ мы бѣднѣе, чѣмъ мы недостаточнѣе, тѣмъ болѣе мы удалялись въ частность и убѣгали отъ общества. Говорить съ восторгомъ о русской общинѣ поволительно одному Гакстаузену, который не жилъ въ Россіи и не понималъ русскаго языка. Посмотрите въ селеніяхъ,—но говорю помѣщичьихъ, но казенныхъ,—гдѣ самостоятельность болѣе сохранилась, и укажите мнѣ большое семейство вмѣстѣ живущее.—Всѣ семейства передѣлились до нельзя. Дѣти отдѣлены отъ отцовъ, а о братьяхъ живущихъ вмѣстѣ и говорить не приходится. Большія семьи представляютъ исключеніе изъ общаго правила.—Впрочемъ ты самъ сознаешься, что во Франціи, гдѣ земельная собственность очень дробна, нѣтъ пролетаріата,—слѣдовательно сознаешься, что пролетаріатство можетъ не быть безъ общины, какъ ты ее разумѣешь. Для тебя общество есть высшее проявленіе человѣка,—въ совершенномъ обществѣ человѣкъ долженъ уничтожиться. Для меня общество есть зло, но зло необходимое,—какъ человѣкъ вышелъ изъ состоянія безобщественности, такъ онъ долженъ въ это состояніе и возвратиться. Чѣмъ общество совершеннѣе, тѣмъ оно въ требованіяхъ своихъ ограниченнѣе, тѣмъ личность пользуется большею свободою для развитія своихъ силъ и способностей.

№ 23. Письмо А. С. Хомякова И. В. Кирѣевскому.

Видно мы съ тобою плохо собираемся слово держать, любезный Иванъ Васильевичъ, когда первый срокъ ужъ пропустили; я не потому пропустилъ, чтобы не вспомнилъ,—нѣтъ, а просто потому, что писать было нечего. Ты почему?... И теперь пишу отъ стыда, чтобы какъ-нибудь оправдать себя. Новаго ничего нѣтъ ни во мнѣ, ни

около меня. Москва пуста, всё разъехалось, Павловъ одинъ еще въ Москвѣ, или, лучше сказать, въ Дворянскомъ клубѣ. Мои увѣщанія принесли ту пользу, что онъ сталъ играть еще рѣвнѣе и уже имя его произносится на-ряду съ Нилусами. Жаль для него и для насъ.—Тургеневъ увѣхалъ грустный,—кажется, мы ему оказали плохую услугу и частыми нападеніями почти увѣрили, что всё великолѣпныя явленія жизни Запада чуть-чуть не шутка, не исключая ни брошюрку Лакордера, ни мыслей Жубера, а человекъ вообще любить свою игрушку, покуда онъ еще вѣрить, что она дѣло и что кукла—живой человекъ. Сюда, между прочихъ великихъ людей, пріѣхалъ С. С. Уваровъ, котораго я еще не видалъ и который, по слухамъ, невыразимо величественъ въ отсутствіе Строганова и Ефимовичъ, съ бакенбардами и бородою, который переважно увѣряетъ, что главная теперь задача синода состоитъ въ примиреніи православія съ ученіемъ Шлейермахера, и что Протасовъ этимъ очень занимается. Вѣроятное дѣло*). Между прочимъ, почти вѣрно, что поповъ поставятъ на ругу или на жалованье. Откуда возьмутъ потребные на это 30.000.000 ежегодно, и лучше ли? Прежде я думалъ въ ргіогі, что къ этому всячески надобно стремиться, теперь сомнѣваюсь. Для народа хлѣбопашественнаго священники-хлѣбопашцы почти хороши: даютъ добрый примѣръ, учатъ хозяйству, живутъ общею съ народомъ жизнью и, слѣдственно, болѣе ему сочувствуютъ; но это только умствованіе, однако же подтвержденное для меня опытомъ. У меня три попа на ругѣ, два на пашнѣ и *си* лучше *омы*. Праздность беззаботная, безъ занятій необходимыхъ, безъ общества нѣсколько просвѣщеннаго ведетъ ихъ къ обжорству, къ пьянству и разврату, а деньги, которая представляетъ для нихъ и хлѣбъ и все нужное въ жизни, пріучаетъ къ корыстолюбію. Попу на пашнѣ можно жить хорошо безъ денегъ трудолюбіемъ и хозяйствомъ, но деньги знаютъ только одно хозяйство—процентъ и спекуляціи. То и другое болѣе развращаетъ, чѣмъ *хлѣбопашественныя занятія*. Изъ этого не слѣдуетъ, чтобы дѣйствительно пашня приличнѣе была для попа жизни спокойной, но слѣдуетъ только то, что при теперешнемъ бытѣ поповскомъ она приличнѣе. Перемѣна частная не будетъ ни на что годна, но переѣмна общая, систематическая—можетъ быть очень полезна. Дайте жалованье, но требуйте катехизаціи и сдѣлайте эту катехизацію возможною, тогда не жалко будетъ заплатить по 1.000 каждому изъ 30.000 поповъ приходскихъ въ Россіи. Вотъ какъ я предположилъ бы учредить эту катехизацію. Приходъ дѣлится на число деревень. Изъ года вычитается Страстная, Святая недѣля, Святки, сѣнокосъ и жатва. Остальное время дѣлится на число деревень и всякая имѣетъ въ годъ свои положенныя 4 или 5 или 6 недѣль, сколько придется. Въ продолженіе этихъ недѣль поплъ пріѣзжаетъ всякій вечеръ или утро и учитъ словесно въ общей избѣ дѣтей отъ 8 до 12 лѣтъ. Въ продолженіе того же времени дѣти изъ той же деревни, подъ предводительствомъ старика или старухи, приходятъ слушать поученіе послѣ воскресной обѣдни или послѣ праздничныхъ обѣдней, а дѣти прочихъ деревень могутъ и не приходить къ ученію воскресному, хотя всё приглашаются. Вотъ, мнѣ кажется, одно средство, чтобы катехизація была возможною, а жалованье безъ рѣшительнаго переворота въ жизни болѣе можетъ сдѣлать вреда, чѣмъ пользы. Также толкуютъ объ уничтоженіи сословія дьячковъ и пономарей и о вольнонаемномъ замѣщеніи ихъ должностей. Плохо вѣрю: хотя стихарь и не требуетъ рукоположенія, однако же дьячка нанимать, какъ дворника, странно.

Съ твоего отъѣзда не дѣлалъ я ровно ничего и только читалъ всякій вадоръ, да всякій вечеръ каялся въ утраченномъ днѣ. Я такъ часто исповѣдуюсь въ дѣни безъ исправленія, что готовъ съ лютеранами полагать, что лучше не исповѣдаться.

*) Сверхъ того Ефимовичъ пріобрѣлъ великое почтеніе къ Полевому.

Сохраняешь стыд и еще можешь исправиться, а когда признался, отложижь всякій стыдъ, того и смотришь, что въ грѣхѣ погрязнешь.

Тургеневъ ѣдетъ знакомиться съ новымъ королемъ и, по словамъ Свербеева, встрѣтитъ мощи Наполеона.

Петру Васильевичу, которому вѣваюсь, слѣдуетъ заказать *пальто*, *paleton*, *houppelandeVendienne et Bretonne*. Адамъ Бременскій говоритъ, что славяне поморскіе торгуютъ холщевыми плащами, которые у нихъ называются *Paldonis*, народный костюмъ. Любопытный фактъ!

№ 24. Письмо А. С. Хомянова А. И. Кошелеву.

Я надѣялся не письменно, а словесно въ Москвѣ отвѣчать на твое письмо, полагая, что самому удастся попасть на выставку; но дѣла требуютъ меня совсѣмъ въ другую сторону, именно въ Ефремовъ и Данковъ, и этой побѣдки я отсрочить не могу, потому что позже, вѣроятно, матушкинъ отѣздъ въ Москву меня лишитъ возможности совершить мое дѣловое путешествіе по деревнямъ. Нынѣшній годъ я хочу еще одну деревню отпустить на отсыпъ, если прежде отпущенные окажутся исправными. Признаюсь, я этимъ очень дорожу и хочется дѣло повернуть поскорѣе. Въ Смоленской г. я нынѣшній годъ отпустилъ двѣ деревни на денежныхъ условіяхъ, т.-е. на оброкъ, но съ общаго согласія и по запискѣ за общую подписью съ обозначеніемъ земли и угодій, за которыя будетъ вноситься плата. Мало-помалу всю барщину уничтожу и уже началъ въ двухъ мѣстахъ обдѣлку земли наймомъ, но еще въ очень малевкомъ размѣрѣ, а съ будущаго года усиливаю эту обдѣлку и для этого вѣроятно буду обзаводиться многими улучшенными орудіями.

Если ты увидишь Кирѣвскаго, спроси у него, читалъ ли онъ въ Твор. Св. Отцовъ великолѣпное завѣщаніе Ефрема Сирина и можетъ ли онъ послѣ этого памятникъ стоять за легенду о Нерукотворенной Иконѣ Спасителя? А если ты самъ не читалъ, прочти. Мало вещей знаю я болѣе поэтическихъ и говорящихъ о душѣ.

Что-то скажешь ты о перемѣнахъ въ министерствѣ? Не двинетъ ли Бибиковъ извѣстнаго вопроса? Да каково удружилъ Львову? Я увѣренъ, что онъ пострадалъ отъ слѣдующаго соображенія. Къ нему, дескать, на цензуру ходятъ самые скверные люди, Тургеневъ, Аксаковъ, Хомяковъ и пр. Долженъ быть неадежевъ. Хоть онъ куда и не виноватъ, да смѣнить его *in timogem*. А Кирѣвскому скажи, что его статью баронъ Корфъ считаетъ, кажется, Аксаковскою, по крайней мѣрѣ я это предполагаю по его отзыву, и считаетъ крайне *вредною* и *опасною* за то, что онъ, похваливъ старую Русь, не прибавилъ, что новая все-таки много лучше, и это онъ сказалъ не шутя.

ПРИЛОЖЕНИЕ ДЕВЯТОЕ.

Отрывки изъ дневника Алекс. Иван. во время путешествія въ 1849 году.

4 (16) *юля*. — Вновь отстроенный (послѣ пожара въ 1842 году) Гамбургъ поразилъ меня своимъ величіемъ и красотою. вмѣсто маленькихъ, безобразныхъ домовъ воздвигаются великолѣпныя палаты; вмѣсто узенькихъ, кривыхъ улицъ проведены широкія, прямыя улицы. Честь и слава гамбургскому правительству: оно скупило всѣ мѣста, которыя должны были поступить подъ улицы, инымъ обмѣняло, другимъ дало новыя мѣста; но обгорѣвшая часть города выстроена совершенно вновь. Я входилъ въ кофейныя, и вездѣ жизнь полная; все биткомъ набито, вездѣ толкують о своихъ отечественныхъ и европейскихъ дѣлахъ со смысломъ, съ знаніемъ. Каждая кофейная имѣетъ свой характеръ политическій: такъ Alster-Pavillon есть аристократическая кофейная, Валгалла—середяна, а Mühlen-Pavillon чисто-демократиченъ. Нагулявшись, я пришелъ и поскорѣе легъ спать; но я не успѣлъ погасить свѣчку, какъ пришли мнѣ сказать, что около Mühlen Pavillon собрались демократы и съ факелами идутъ по Юнгферстигу. Въ минуту я одѣлся и поспѣшилъ навстрѣчу. Вообразите, весь Гамбургъ, нѣсколько десятковъ тысячъ людей съ пѣснями идутъ ночью по улицамъ въ честь новой, только-что 13 *юля* утвержденной конституціи. Одни были актерами, другіе зрителями; число вторыхъ, конечно, было гораздо значительнѣе. Я пошелъ съ народомъ. Съ Юнгферстига мы поворотили въ улицу, гдѣ живетъ гражданинъ Баумейстеръ (Dostor jägig), который всего болѣе содѣйствовалъ къ утвержденію новой конституціи, удерживая демократовъ и подвигая впередъ аристократовъ. Все это народное шествіе въ ночное время совершилось въ совершенномъ порядкѣ и ни малѣйшаго безчинства не произошло. Полиціи нигдѣ не было.

Въ Königshasse мы поклонились дому, гдѣ жилъ Клопштокъ. Домъ не имѣетъ ничего особеннаго, въ немъ теперь живутъ разные жильцы, и отличается отъ прочихъ только надписью на мраморной доскѣ: „здѣсь, въ продолженіе тридцати лѣтъ, жилъ безсмертный Клопштокъ и здѣсь онъ умеръ 14 марта 1803 года“.

6 (18) *юля*. — Поутру посѣтилъ двухъ гамбургскихъ аристократовъ, г. Маса, нашего консула, и г. Мюллера. Они жестоко жаловались на гражданъ за то, что всѣ хотятъ имѣть равныя права и воображаютъ, будто въ состояніи толковать о государственныхъ дѣлахъ. Странно, что они повторяли слова Хомякова противъ большинства и находили его гнилымъ основаніемъ, что большинство не стремится къ прогрессу, и справедливость на сторонѣ просвѣщеннаго меньшинства. Тихонько, чтобы не услышали приказки, моя хозяйка заявляла надежду, что новый законъ не будетъ приведенъ въ исполненіе и что, съ помощью сильной руки Россіи, все останется по-старому.

Г. Мюллеръ повелъ меня осмотрѣть гамбургскую тюрьму. Зданіе тюрьмы сто-

рѣло при общемъ пожарѣ 1842 года, и теперь тюрьма помѣщается временно въ наемномъ домѣ. Всѣ заключенные работаютъ: нѣмцы занимаются столярною работою, другіе—выдѣлкою заячьихъ мѣховъ, точеніемъ и проч.; кажется, ремеслъ до 10. Нѣмцы, болѣе образованные, преступники занимаются перепискою бумагъ; одинъ занимается переводомъ съ англійскаго. Работа берется отъ фабрикантовъ; назначенъ каждому преступнику урокъ, урокъ очень легкій, въ пользу заведенія; часть денегъ идетъ на погашеніе издержекъ по содержанію, а остатокъ поступаетъ въ пользу работавшаго. Изъ этого остатка денегъ половина выдается работавшему жетонами и онъ можетъ купить себѣ кофе, сахаръ, масло, пиво у тюремнаго поставщика, а другая половина возвращается при выходѣ изъ тюрьмы. Заключенные содержатся очень хорошо. Дневное содержаніе каждаго (т.-е. не одно кушанье, но жалованье надзирателю, отопленіе дома и пр. и пр.) обходится по 14 шиллинговъ (около 32 к. сер. въ день). Работою заключенный возвращаетъ казнѣ около 5 копѣекъ, такъ что каждый преступникъ въ день стобитъ казнѣ 27 к. сер. Преступники раздѣляются на классы; женщины отъ мужчинъ содержатся совершенно особо.

По преступленіямъ заключенные дѣлятся на три разряда. Одиночное заключеніе есть мѣра исправительная, которою располагаетъ главный смотритель тюрьмы. Особый совѣтъ изъ трехъ почетныхъ гражданъ (безъ жалованья) имѣетъ главный надзоръ за тюрьмой. Г. Мюллеръ былъ одинъ изъ этихъ трехъ; они назначаются сенатомъ. Вообще все устроено очень хорошо, семейно. Мнѣ все показали безъ малѣйшаго затрудненія и я не слышалъ слова: „это—тайна“. Всѣ свѣдѣнія, которыя мнѣ сообщали, основывались на документахъ; и еслибъ я прѣхалъ въ качествѣ сенатора для ревизіи, я не могъ бы полнѣе осмотрѣть. Какъ странно это для насъ, русскихъ, приученныхъ къ тайнѣ съ колыбели. По окончаніи осмотра мнѣ подали книгу и просили записать въ ней мое имя. Я полюбопытствовалъ просмотрѣть ее. Кромѣ нѣмцевъ, нашелъ въ ней нѣсколько именъ голландцевъ, англичанъ, американцевъ, но ни одного имени русскаго.

Узнавши, что вечеромъ въ 7 часовъ будетъ весьма интересное засѣданіе учредительнаго собранія (Constituierende Versammlung), я постарался достать билетъ. Секретарь нашего посольства, г. Колошинъ, обявательно вызвался меня проводить и дать мѣсто въ дипломатической ложѣ. Зала очень небольшая, но расположена довольно хорошо. Представителей было около 200.

Это учредительное собраніе составило новую конституцію и законъ о выборахъ и хотѣло приступить къ совѣщаніямъ о прочихъ органическихъ законахъ; но предсѣдатель, докторъ Баумейстеръ, видя, что въ собраніи партіи выступаютъ одна противъ другой все сильнѣе и что реакція въ Германіи вообще усиливается, предложилъ собранію рассмотреть новую и одобренную конституцію и законъ о выборахъ окончательно утвердить и для приведенія ихъ въ дѣйствіе передать сенату, какъ высшему распорядительному учрежденію, съ присовокупленіемъ, чтобы новыя выборы произведены были въ августѣ и чтобы 1-го сентября новое законодательное собраніе могло открыть свои дѣйствія.

До производства же новыхъ выборовъ, старое учредительное собраніе, помимо приведенія въ дѣйствіе конституціи, пожелало приступить къ составленію органическихъ законовъ. Это заключеніе состоялось 11-го іюля, приведено въ исполненіе 13-го, а 16-го былъ Fackelzug, о которомъ я прежде говорилъ. Сенатъ, не желая ввести эту конституцію въ исполненіе,—ибо сенатъ попопалъ себя самъ и доселѣ составленъ былъ совершенно аристократически,—отвѣчалъ собранію, что какъ конституція еще не закончена, ибо нѣтъ органическихъ законовъ, посредствомъ коихъ она должна быть приведена въ дѣйствіе, то онъ, сенатъ, пригласилъ учреди-

тельное собраніе заняться составленіемъ этихъ законовъ и доставить ихъ вмѣстѣ съ конституціей; тогда сенатъ тотчасъ приступитъ къ производству новыхъ выборовъ. Этотъ отвѣтъ сената былъ прочтенъ, и тогда открылись пренія. Лучше всѣхъ—и съ жаромъ, со смысломъ—говорилъ гражданинъ Тритау; онъ убѣждалъ или сейчасъ привести конституцію въ дѣйство, или будетъ уже поздно. Въ 11-мъ часу засѣданіе было отсрочено на $\frac{1}{4}$ часа; но я, уставшій отъ дневныхъ занятій и рѣшившій на другой день ѣхать, отправился домой.

7 (19) іюля. — Берлинъ сдѣлалъ на меня самое тяжелое впечатлѣніе: солдаты вездѣ, полицейскіе чиновники на каждомъ шагу и распоряженія правительства прибиты на всѣхъ углахъ и перекресткахъ. Теперь распоряженія поослабли, потому что Берлинъ тихъ и смиренъ, такъ что хотятъ даже снять осадное положеніе. Выборы избирателей были 1-го іюля; лѣвая совершенно уклонилась отъ выборовъ и одни вѣрные королю (Freugesinnte) участвовали въ выборахъ, а потому всѣ избиратели выбраны изъ самыхъ умѣренныхъ. Общее неудовольствіе чрезвычайное; демократы кричатъ ужасно. Демократы всѣ въ бородахъ, и даже огромныхъ, а противники—чистенькіе и обртые.

15 (27) іюля. — Въ Дисбургѣ на Рейнѣ мы пошли на выборы въ Берлинское собраніе, которые производились въ церкви. Мы взошли безъ всякаго затрудненія, я даже ввелъ своего сына, и мы помѣстились на хорахъ. Коммиссаръ съ двумя ассессорами и съ секретаремъ сидѣлъ посрединѣ. При переключкѣ всякій скандывалъ громогласно, кого онъ избиралъ. Тутъ собраны были Wahlmänner; все происходило чинно и мертво. Лѣвая сторона не участвовала. Въ Пруссіи должны были принять участіе въ выборахъ 468 тыс. человекъ, а приняло участіе только 114 тыс., такъ что только $\frac{1}{4}$ часть призвана была къ выборамъ. На этомъ и основываетъ свой протестъ Вальдекъ. Приверженцы его въ Берлинѣ 31-го іюля собрали 1.400 талеровъ и поднесли ему серебряную гражданскую корону.

24 іюля (5 августа). — Въ Голландіи все дорого, потому что пошлины на всѣ привозные товары значительны, къ тому же и косвенные налоги тяжелы. Въ Голландіи платежъ и съ окошекъ, и со всякой мебели. Между торговцами очень мало честности: непріятно покупать, а отнюдь не совѣтую что-нибудь выписывать,—шкуру сдерутъ! Я выписалъ книгу, которая въ Брюсселѣ стоить 4 франка, съ меня за нее взяли 4 гульдена, т. е. слишкомъ вдвое (гульд. = 2 фр. 10 сант.). Всякій торговецъ имѣетъ въ виду только разъ продать; фіакры, хозяева гостиницъ, купцы, коммисіонеры только о томъ и думаютъ, какъ бы васъ обмануть. Голландцы вообще очень нещедры; милостыня между ними есть рѣдкость. Голландцы менѣе люди, чѣмъ граждане, они жертвуютъ довольно охотно въ пользу бѣдныхъ, но по необходимости, а не по сердечному влеченію.—Черта хорошая въ голландцахъ есть отсутствіе подлости. Голландцы имѣютъ короля, но смотрятъ на него какъ на перваго своего савонника и несравненно менѣе о немъ заботятся, чѣмъ французы о своемъ президентѣ. Мнѣ нравятся также голландская манера: они не мечутся какъ французы, не хлопочутъ какъ нѣмцы, дѣлаютъ все что нужно, но именно столько, сколько нужно. Голландцы служатъ потому, что должно служить, а отнюдь не изъ страсти къ службѣ и не изъ страха. Голландцы ходятъ по королевскому дворцу не снимая шляпы—не изъ хвастовства, но потому что они у себя дома были бы въ шляпѣ, и имъ въ голову не приходитъ, что это можетъ быть сочтено за грубость или недостатокъ уваженія. Нѣмцы упрекаютъ голландцевъ въ грубости, но по-моему они вовсе не грубы: голландцы не имѣютъ французской любезности—остатка двора Людовика XIV, не имѣютъ услужливости нѣмцевъ, ибо всякій нѣмецъ—слуга и желаетъ быть камеръ-лакеемъ. Къ тому же флегма голландская, которая для насъ, русскихъ, не выноσιма, въ голланд-

цѣ мѣшаетъ ему быть такъ учтивымъ, какъ мы требуемъ. Голландецъ васъ толкнетъ и не попроситъ извиненія; но толкните вы его и онъ даже не оборотится. Онъ на подобныя бездѣлицы не обращаетъ вниманія. Онъ хорошій семьянинъ: по воскресеньямъ они цѣлыми семьями ѣздятъ или ходятъ за городъ и веселятся, упинаясь чаемъ, кофеемъ и коньякомъ. Голландцы совершенно противоположны французамъ: они не сдѣлаютъ революціи, боясь какой-нибудь бѣды, не сдѣлаютъ они шагу для общаго блага; но отнимутъ у нихъ что-либо, ограничатъ ихъ свободу, и голландцы въ состояніи драться, какъ дрались они противъ испанской короны. Голландцы заняты собою, своимъ домашнимъ устройствомъ, какъ будто они не въ Европѣ. Европейскія произшествія на нихъ слабо дѣйствуютъ. Они принимаютъ всѣ свѣдѣнія и смотрятъ нельзя ли въ торговомъ отношеніи извлечь изъ нихъ выгоду. О Голландіи пишутъ и читаютъ очень много, и всѣ голландцы свою страну, свои нужды и пользы знаютъ очень хорошо. Книжннкъ лавокъ въ Голландіи очень много.

28 июля (9 августа).—Мы пошли во дворецъ, гдѣ жилъ старшій король Вильгельмъ I и гдѣ живетъ теперь, когда онъ въ Гагъ, нынѣшній король Вильгельмъ III. Меня здѣсь восхитила простота. Король теперь въ загородномъ своемъ дворцѣ, въ Лоо, близъ Амстердама. Во дворцѣ нѣтъ праздныхъ людей; я нашелъ тамъ только одного швейцара, и какъ камеръ-лакей былъ уже вверхъ и показывалъ дворецъ другимъ любопытнымъ, то насъ повела къ нему молодая дѣвушка, его дочь или племянница. Комнаты очень удобныя, очень хорошіе обои, славныя ковры; но все очень просто; размѣры хорошіе, но вовсе не огромныя, мебель старинная, во всемъ простота и бережность, — однимъ словомъ, домъ перваго гражданина. Въ Гагѣ, при королѣ Вильгельмѣ I, существовалъ обычай, что по средамъ въ 11 часовъ король принималъ всѣхъ, кто бы съ какою просьбою къ нему ни пришелъ. Голландцы съ восторгомъ рассказываютъ, какъ старшій король (такъ они обыкновенно называли Вильгельма I) всѣхъ выслушивалъ и всякому давалъ дѣльный отвѣтъ. Эта аудіенція продолжалась иногда 4, 5 и 6 часовъ. Король принималъ стоя, опираясь на столъ, и со всякимъ говорилъ очень снисходительно; рыбака принималъ не послѣ перваго сановника, но по порядку записи его имени. Всѣ входящіе должны были записать свое имя, и тогда призывались по порядку этой записи. Вильгельмъ II этотъ обычай отмѣнилъ, и голландцы за это на него сильно негодовали. Новый король Вильгельмъ III, кажется, его опять вводитъ, ибо въ первые дни онъ уже далъ нѣсколько подобныхъ аудіенцій; но теперь онъ въ Лоо, а потому неизвѣстно, совершенно ли онъ восстановилъ прежній обычай, или только при вступленіи на престолъ давалъ всему народу аудіенціи.—Я зашелъ сегодня къ своему сапожнику; въ магазинѣ его не засталъ (сегодня воскресенье) и вошелъ въ его жилища комнаты. Вездѣ чистота удивительная; я засталъ его за завтракомъ съ женою; они ѣли холодную телятину, масло, сыръ; на столѣ стояло красное вино и два кувшина съ водою зельтерскою и флессингенскою. Хозяинъ пригласилъ насъ къ завтраку, но мы отказались. Я выпилъ стаканъ воды съ виномъ; вино было хорошее бордоское. Полъ былъ покрытъ ковромъ; стѣны увѣшаны гравюрами и вся мебель чиста и покойна. Какъ дождь продолжался, то мы присѣли, а онъ продолжалъ свой завтракъ. Сапожникъ говорилъ очень умно о положеніи Голландіи, о тяжелыхъ налогахъ и о необходимости голландцамъ быть экономными. Сильно сердился мой сапожникъ на Вильгельма II за его расточительность; онъ сказывалъ, что Вильгельмъ I-ый оставилъ сыну 120 милліонъ гульденовъ, которые Вильгельмъ II въ нѣсколько лѣтъ всѣ разметалъ, и теперь молодой король Вильгельмъ III получилъ въ наслѣдство отъ отца много картинъ и хорошихъ вещей, но 10 мил. флоринговъ долгу. Голландцы вообще не любили Вильгельма II и находили его слишкомъ слабымъ и въ особенности расточительнымъ. Они надѣются, что ны-

нѣшній король будетъ настоящимъ голландцемъ, т.-е. строгимъ, справедливымъ, терпѣливымъ и пуще всего бережливымъ домохозяиномъ. Голландцы гордятся тѣмъ, что въ эти бурныя времена они остались спокойными. Пусть, говорятъ они, дѣти шалеть, имъ это простиительно; мы къ свободѣ привыкли; что намъ было нужно, то мы получили и не могли не получить; а болѣе свободы, нежели сколько мы теперь имѣемъ, мы и не желаемъ.

6 (18) августа. — Я думалъ, что въ Голландіи мало бѣдныхъ, а на повѣрку выходитъ, что ихъ очень много. Они не такъ видны потому, что бездна заведеній, гдѣ ихъ содержатъ, въ другихъ заведеніяхъ раздають кушанье, а есть также бѣдные, которые зимою получаютъ на отопленіе. Всякій городъ, всякое сельское общество имѣеть заведеніе для бѣдныхъ и сиротъ. Мнѣ сказывали, что въ Гаарлемѣ при народонаселенности 24 тысячи лѣтомъ содержатся и получаютъ пособіе до 3.000 человекъ, а зимою до 7 тыс., т.-е. лѣтомъ 7 содержатъ одного, а зимою 2½ помогаютъ одному. Это ужасно.

10 (22) августа. — Въ 5 часовъ утра отправился я въ коляскѣ смотрѣть, какъ осушаютъ Гаарлемское море. Это озеро имѣеть длины 6 часовъ и ширины 3 часа (около 20 и 10¼ верстъ), а средняя глубина по исчисленію 3½ метра (если метръ 1½ арш., то слишкомъ 5 аршинъ). Озеро это въ 16 столѣтій поглотило нѣсколько деревень и составилось изъ четырехъ озеръ, которыя до того были раздѣлены населенною землею. И въ послѣднее время Гаарлемское море или озеро грозило прорвать перешеекъ, соединяющій сѣверную Голландію съ южною, и самому Амстердаму доставало кое-какія опасенія. Это побудило въ 184... кажется 4-мъ или 5 году сдѣлать заемъ въ 8 мил. гульденовъ для приведенія въ исполненіе проекта объ осушеніи Гаарлемскаго озера. Первый трудъ былъ обвести все озеро плотиною, которую сдѣлали землею, вынутою изъ канала, которымъ окружали плотину для сообщенія и для выкачиванія воды. Потомъ устроили три паровыхъ машины въ трехъ разныхъ мѣстахъ. Первая машина близъ Лейдена и выкачиваетъ воду въ Рейнъ, другая близъ Гаарлема и черезъ протекающую рѣчку выкачиваетъ воду въ Ай, а третья въ недалекомъ разстояніи отъ Амстердама, близъ Halfweg. Каждая машина имѣеть силу 350 лошадей, 2 машины имѣють по 8 поршней, а одна—первая — 11 трубъ и поршней. Всѣ машины выкачиваютъ каждымъ ударомъ поровну по 64.000 килограммовъ; каждая машина въ минуту даетъ 5½ ударовъ, слѣдовательно въ минуту каждая машина выкачиваетъ $64 \times 5\frac{1}{2} = 352.000$ и всѣ три машины 1.056.000 килограммовъ въ минуту. Поршни имѣють въ діаметрѣ 6 футовъ и берутъ воды объемомъ въ 10 фунтовъ. Машины начали дѣйствовать съ апрѣля и въ 4 мѣсяца выкачали 1 метръ глубины; но первый метръ легче послѣдующихъ, а потому на остальные 2½ считаютъ не менѣе 18 мѣсяцевъ. Эти машины исполнили меня величайшаго удивленія. Выкачать море есть и трудъ и мысль Гогенена. Полагають, что 8 мил. не достаетъ, что нужно будетъ еще занять до 1 милліона. Меня увѣрили, что сумма, которая выручится за землю, полученную изъ-подъ Гаарлемскаго моря, возвратитъ сумму, истраченную на осушеніе моря. По расчетамъ должно получить изъ-подъ моря 20.000 Morgenовъ отличной земли.

Едва вѣхали мы въ сѣверную Голландію, какъ всюду представились глазамъ нашимъ тучныя дуга, прелестныя коровы, быки, телки и проч. Мы осмотрѣли нѣсколько фермъ. Чистота, опрятность и удобства вездѣ удивительныя. Собственное ихъ жилище есть святилище, которое они не охотно показываютъ, ибо боятся, чтобы какъ-нибудь пылъ и нечистота туда не зашли, но къ намъ были такъ милостивы, что насъ впустили. Вездѣ у нихъ ковры, стѣны или изъ изразцовъ бѣлыхъ съ каемками, или выкрашенныя масляною краскою; на полкахъ китайскія

и старинныя голландскія тарелки, чашки и чайники; нигдѣ ни пылинки, все досветсѣя отъ чистоты.

Коровы гѣтомъ день и ночь въ полѣ, на зиму помѣщаются въ хлѣвахъ. Стойла устроены такъ, что коровы стоятъ въ нихъ мѣстахъ головами къ проходу, а въ другихъ къ стѣнѣ, но вездѣ у задовъ проведены каналы для стока жидкости въ навозныя ямы. Кормъ задается коровамъ почти вездѣ на полу въ отгороженныхъ мѣстахъ.

Коровъ всѣхъ чистятъ ежедневно. Стойла чисты до чрезвычайности, но тамъ это не трудно, ибо съ 15 апрѣля по 15 октября, т.-е. 6 мѣсяцевъ, голландцы не вагоняютъ коровъ домой. Въ концѣ марта и въ началѣ апрѣля, а равно въ концѣ октября и началѣ ноября они вагоняютъ коровъ на ночь и въ теченіе 4 зимнихъ мѣсяцевъ коровы стоятъ безвыходно на стойлѣ.

Хорошія коровы молодыя цѣною отъ 120 до 140 и даже до 160 гульденовъ, т.-е. около 70 руб. серб. (гульденъ = 54 коп. сер.).

Голландскія коровы почти всѣ бѣлаго цвѣта, съ черными пятнами, или черныя съ бѣлыми пятнами; яныхъ цвѣтовъ очень мало и голландцы ихъ не любятъ, почему—я этого узнать не могъ. Коммиссіонеръ мой сказалъ, что это потому, что для войска на сумки покупаютъ только кожи бѣлыя съ черными пятнами или черныя съ бѣлыми пятнами. Случаютъ они коровъ съ быками рано и трехлѣтнія у нихъ телки уже телются.

Хорошая корова даетъ въ сутки нашей мѣры до двухъ ведеръ. Доятъ они всегда два раза въ день—въ 4 часа утра и въ 4 часа дня, всегда въ одно время. Телятъ оставляютъ подъ матеріями отъ 4 до 8 недѣль, глядя по телку; чѣмъ крѣпче теленокъ, тѣмъ скорѣе отнимаютъ. Молоко у нихъ жирное. Изъ молока дѣлаютъ сыръ слѣдующимъ образомъ: какъ подоить, то тотчасъ сливаютъ молоко въ кадку и туда кладутъ рюмку или двѣ рюмки, глядя по количеству молока, соленого настоя на телячьихъ кишкахъ. Отъ этого настоя всѣ творожныя части отдѣляются очень скоро, часа въ 2 или 3. Тогда женщина водить по жидкости рѣшетомъ и черезъ то соединяетъ творожныя части. Потомъ она начинаетъ молоко сливать,—творогъ все болѣе и болѣе садится; потомъ чашкою она выжимаетъ творогъ и молоко все сливается. Когда творогъ обстоится, почти безъ жидкости, тогда вынимаютъ творогъ и кладутъ въ формы, а эти формы съ творогомъ въ гнетъ. Подъ гнетомъ сыръ лежитъ сутки, а потомъ его солятъ и кладутъ на полки. Соленіе возобновляется въ продолженіе недѣли ежедневно; потомъ оставляютъ безъ соленія и черезъ мѣсяцъ сыръ готовъ на продажу.

Сыровъ въ Голландіи дѣлаютъ много сортовъ, но главные, по моему, слѣдующіе. Въ южной Голландіи большіе сыры весьма вкусны; въ сѣверной Голландіи маленькіе кружки очень соленыя и, по-моему, не весьма вкусны. Однако ихъ болѣе всего требуютъ за границу и въ особенности въ Англію. Фунтъ этого сыру стбить не менѣе 12 коп. сер. Третій сортъ дѣлается изъ плохого молока въ малыхъ фермахъ съ тминномъ для домашняго и внутренняго употребленія. Этотъ сыръ за границу не отправляется.

Масло дѣлаютъ голландцы изъ молока, которое остается отъ дѣланія сыра, и такимъ образомъ получаютъ много масла, почти столько же, сколько мы изъ чистаго молока, по 1 фунту изъ ведра; масло имѣетъ вкусъ сметаннаго. Сбиваютъ они масло такъ же, какъ у насъ, въ кадкѣ съ пестякомъ, къ которому прикрѣпленъ кругъ съ дырами.

Большую частью бьютъ они масло руками, но гдѣ больше производства, тамъ машина приводится въ дѣйство лошадыю.

Я осматривалъ на фермахъ земледѣльческія орудія, но особеннаго въ нихъ ничего не замѣтилъ.

Впрочемъ въ сѣверной Голландіи хлѣбопашество очень незначительно и почти не видишь полей засѣянныхъ,—все обращено подъ луга. Сѣверная Голландія почти вся ниже поверхности моря и защищена отъ воды плотинами; сверхъ того много озеръ и болотъ высушено, и почва еще ниже этой первой поверхности земли; эти земли называются *roldegrs*. Для постоянного выкачиванія изъ нихъ воды устроены водяныя мельницы.

Земли есть собственно принадлежащія поселянамъ, но большею частью они обрабатываютъ ихъ, какъ фермеры, по условіямъ на 15—20 лѣтъ. Въ Голландіи трудно существовать мелкимъ собственникамъ потому, что нужно содержать плотины и пр.; дробной собственности содержаніе плотинъ затруднительно.

11 (23) августа. Стар. Брукъ.—Въ 5 часовъ я былъ уже на ногахъ и отправился осматривать ферму и заведенное тамъ молочное хозяйство.

Особеннаго только то, что стойла и стѣны сарая выкрашены, что гнетъ при производствѣ сыра сдѣланъ изъ краснаго дерева, что показывали мнѣ въ потолкѣ шкѣльца, къ которымъ на веревкахъ привязываютъ хвосты коровъ, чтобы они ихъ не марали... Чистота во всемъ даже смѣшная.

13 (27) августа.—Въ Амстердамѣ мы посѣтили реформатскій сиротскій домъ, гдѣ воспитывается 300 сиротъ (180 мальчиковъ и 120 дѣвочекъ). Одѣяніе у нихъ странное: полплатья синее, а другая половина красное; но ни они, ни ихъ родственники этимъ не гнушаются, а напротивъ. Во всемъ учрежденіи вы не замѣтите ни малѣйшей роскоши; воспитанники спятъ на вѣсу; у нихъ толстыя простыни, вродѣ дерюги, и покрываются они лѣтомъ простынею, а зимою шерстянымъ одѣяломъ. Ъдятъ по буднямъ одинъ супъ съ полфунтомъ говядины за обѣдомъ, поутру и вечеромъ — по полфунту хлѣба съ масломъ. Все чисто, опрятно. Я не могъ узнать, во что обходится содержаніе каждаго мальчика, но желательно, чтобы многіе поучились здѣсь не столько экономіи, сколько простотѣ.

Въ Амстердамѣ очень много богоугодныхъ заведеній—и для сиротъ, и для стариковъ, и для старухъ, также много школъ. Потомъ я пошелъ къ извѣстному филантропу г. Сюрингару (*Suringar, Heerengracht près du Wolvenstract*), но, къ сожалѣнію, не засталъ его дома: онъ уѣхалъ въ Парижъ на конгрессъ друзей мира.

30 августа (11 сентября).—Прекрасная вещь существуетъ въ Бельгіи, какъ средство противъ распространенія заразы: какъ скоро корова, лошадь или овца занемогаетъ заразительною болѣзнію, то тотчасъ хозяинъ объявляетъ ветеринару и двумъ, на сей предметъ выбраннымъ, въ сошпине. Они осматриваютъ, и если находятъ, что дѣйствительно скотина больна заразительною болѣзнію, то дѣлятъ ее, убиваютъ и тотчасъ зарываютъ, а хозяинъ получаетъ по ихъ свидѣтельству $\frac{1}{3}$ цѣны изъ казны и $\frac{1}{3}$ изъ общины, а одну треть самъ теряетъ. Эта мѣра оказывается столь полезною къ уничтоженію падежа, что прежде на покрытіе этого расхода собирали въ годъ по 1 франку съ коровы и съ лошади, а теперь берутъ не болѣе 10 сантимовъ.

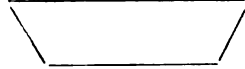
31 августа (12 сентября).—Мы поѣхали на фермы г. Кнейта (въ Гентъ) и на первую ферму доѣхали довольно хорошо, но дождь все усиливался.

Мы взошли сперва въ жильѣ фермера — очень опрятнаго фламандца, который принялъ насъ весьма добродушно и просто. Мы у него посидѣли, поговорили, пока шелъ дождь, а какъ дождь немного унялся, мы пошли сперва въ скотный сарай. Тамъ нашли дургамскаго быка очень хорошей породы, заглаченнаго три года тому назадъ 1.500 фр., нѣсколько телятъ, рожденныхъ послѣ 1-го іюля — смѣсь фламандскихъ коровъ съ дургамскимъ быкомъ. Скотный сарай не имѣетъ ничего особеннаго. Скотина стоитъ головами къ стѣнѣ, кормъ ѣсть на полу. Привязаны въ каждомъ стойлѣ по 2 коровы; въ задахъ канава, по которой моча стекаетъ въ особенную

яму. Навозная яма не покрыта. Въ сухое время жидкость иногда качаютъ на навозную яму.

Скопная комната очень хороша; изъ нея выходъ въ другую комнату, которая въ землѣ и гдѣ свѣжо. Молоко послѣ доенія разливаютъ по горшкамъ, муравлен-

нымъ и имѣющимъ слѣдующую форму—

Молоко стоитъ, глядя по погодѣ, отъ 24 до 48 часовъ, и когда сметана настоится, то сливаютъ въ кадку, откуда тотчасъ сливаютъ въ боченокъ. Къ стѣнкамъ боченка приделана дощечка съ дырами, отверстіе для выпуска молока—просто дырочка съ штыромъ, а другое отверстіе для вынутья масла и для влитія молока закрывается очень плотно, съ желѣзною засовнею. Масло очень хорошо, совершенно желто, но довольно солено. Бельгійцы увѣряютъ, что масло хорошо промытое хранится около года. Снятое молоко даютъ свиньямъ и, кажется, телятамъ. Сыворотку, послѣ сбитья масла, фламандцы любятъ пить, а скоту этого не даютъ. Тутъ нашелъ я фонарь чудесный, который рѣшился тотчасъ купить и привести въ Россію.

Сыра во Фландріи дѣлаютъ мало и только для внутренняго употребленія. Масло и мясо они отправляютъ въ Англію, но не въ значительныхъ количествахъ.

Потомъ осмотрѣли мы лошадей: чудныя, огромныя, сильныя лошади; я не видѣлъ ни въ Германіи, ни въ Англіи лошадей подобныхъ фламандскимъ.

Въ сараѣ, гдѣ хранятся инструменты, я обратилъ особенное вниманіе на плугъ. Онъ безъ колеса, но для углубленія или размельченія имѣетъ ногу деревянную, которая опускается и понижается и идетъ впередъ по непаханной землѣ.

Сошникъ составленъ изъ двухъ частей и кромѣ того ножъ, т.-е. рѣзакъ. Желѣза на этомъ плугѣ очень много, все сдѣлано очень крѣпко и массивно. Я полагаю, что желѣза въ немъ будетъ до 100 фунтовъ. Пашутъ паромъ лошадей. Г. Кнейтъ очень хвалилъ плугъ фламандскій и говорилъ, что для нихъ земли лучше этого инструмента выдумать нельзя. Цѣною обходится въ покупкѣ отъ 80 до 100 франковъ.

Бороны у нихъ желѣзныя огромныя; работаютъ также большею частью паромъ, но иногда и въ-одиночку, запрягаютъ за уголь.

Коса у нихъ обыкновенная, но хлѣбъ они собственно не косятъ и не жнутъ, а имѣютъ они въ правой рукѣ маленькую косу, а въ лѣвой родъ грабелекъ. И они очень проворно убираютъ этихъ хлѣбъ. Я самъ работалъ и, по-моему, этотъ способъ много легче и косы и серпа. Хлѣбъ снимается очень чисто, но только снопы не красивы, а колосья и огузы перемѣшаны. Они такъ убираютъ и пшеницу, и рожь, и овесъ, и бобы,—однимъ словомъ, всѣ хлѣба.

Пшеница озимая у нихъ очень хороша, также замѣчательны бобы и горохъ. Я просилъ дать мнѣ по полуфунта каждаго изъ этихъ хлѣбовъ. Потомъ мы пошли на другую ферму, гдѣ я видѣлъ то же. Сѣвооборота постояннаго и однообразнаго у нихъ нѣтъ, во всякій имѣетъ свой сѣвооборотъ. Земля у нихъ отдыхаетъ черезъ 5, 6, 7 и 8 лѣтъ. Сѣютъ они обыкновенно по навозу ячмень, потомъ овощи, потомъ пшеницу или рожь, бобы или горохъ или кормовой горошекъ, овесъ, потомъ паръ. Рѣпу они обыкновенно получаютъ съ тѣхъ земель, которыя были подъ кормовымъ горошкомъ, свашиваютъ его обыкновенно на цвѣту.

Земля обрабатывается большею частью фермерами. Сами владѣльцы рѣдко занимаются хлѣбопашествомъ. Изъ поселянъ мало которые сами землевладѣльцы. Почва здѣсь, около Остенде и даже въ большей части Фландріи, глинистая и отчасти глинопесчаная.

2 (14) сентября.—Вставши въ половинѣ 6-го и видя, что погода хорошая, я по-

шелъ нанять кабріолетъ для моей поѣздки въ Диксмондъ. По мѣрѣ какъ я удалялся отъ Остенде и приближался къ Диксмонду, страна становилась лучше и лучше, почва плодоноснѣе, обработка тщательнѣе. Овесъ подъ Диксмондомъ былъ вышнюю слишкомъ въ аршинъ, гречиха немного ниже, прочіе хлѣба были уже всѣ убраны.

Въ поляхъ видѣлъ я много народа, сажающаго колызу. Во Фландріи сѣютъ колызу или лѣтомъ въ полѣ и потомъ высаживаютъ въ сентябрѣ и она поспѣваетъ въ июнѣ слѣдующаго года, или сѣютъ въ апрѣлѣ, высаживаютъ въ концѣ мая, а поспѣваетъ она въ сентябрѣ.

Въ здѣшнихъ мѣстахъ болѣе сажаютъ колызу подъ зиму; находятъ, что она и лучше родится, и благопріятнѣе убирается въ июнѣ, а осенью часто бываетъ сырое время и уборка крайне затруднительна. Для саженія употребляютъ машинку, которою вдругъ дѣлаютъ четыре дыры. Въ эти дыры дѣвочки сажаютъ расадку изъ колызы и приваливаютъ къ ней землю. Черезъ двѣ недѣли она беретъ засилье и такъ идетъ подъ зиму.

Въ 11 часовъ я пріѣхалъ въ Диксмондъ и тотчасъ пошелъ къ г. де-Брену, бургомейстеру города, который звалъ меня къ себѣ въ Гентъ. Онъ велѣлъ заложить свой кабріолетъ и мы отправились сперва на винокуренный заводъ гг. Vanhille frères. Этотъ заводъ считается здѣсь однимъ изъ значительнѣйшихъ; онъ въ день выдѣлывалъ до 2.800 литровъ полугара. Гонять полугаръ двойнымъ, или почти двойнымъ—въ 94 гр. спиртомъ, добывая его изъ ржи (съ солодомъ и ячменемъ), изъ картофеля и свекловицы. Гг. Вангилль мнѣ сказали, что они изъ 100 килограм. муки съ солодомъ получаютъ 54 литра полугара. Солоду употребляютъ $\frac{1}{3}$, убыли на солодъ 10 процентовъ. Особенно хвалятъ выходы изъ картофеля и свекловицы. Гг. Вангилль мнѣ сказывали, что изъ 100 километровъ картофеля они получаютъ отъ 16 до 17 литровъ полугара, а изъ такого же числа свекловицы бѣлой отъ 13 до 14 литровъ вина. Изъ свекловицы вино особенную имѣетъ пріятность. Свекловицы вообще на десятинѣй родится втрое и даже вчетверо болѣе, чѣмъ картофеля, и потому хозяева завода теперь почти перестали сажать картофель, а обратились вполне къ свеклѣ. Производство съ свеклою то же, что съ картофелемъ: ее варятъ, давятъ и потомъ затираютъ съ солодомъ. Паровики на заводѣ всѣ круглые; томятъ торфомъ; въ сырое время прибавляютъ немного каменнаго угля. Заторъ дѣлаютъ руками, холодятъ водою. Квасильные чаны маленькіе, въ нихъ дѣлаютъ и заторъ, и холодятъ, и квасятъ. Квасильный процессъ продолжается только 24 часа. Бражнаго куба нѣтъ; бражка качается вверхъ и потомъ опускается внизъ черезъ 14 тарелокъ; въ каждой тарелкѣ встрѣчаютъ ее пары и отдѣляютъ самыя субтильныя части, потомъ эти пары проходятъ чрезъ конденсаторъ и выходятъ спиртъ. Я ничего не нашелъ въ этомъ устройствѣ особенно хорошаго. Спиртъ очень хорошъ и по запаху и по вкусу, равно полугаръ и разныя перегонныя водки. Въ Бельгіи платятъ въ день съ каждаго чана. Этотъ заводъ въ день платитъ 400 франковъ и производитъ 2.800 литровъ, т.-е. около 15 сантимовъ, полагая литръ за $\frac{1}{16}$ часть ведра, т.-е. около 70 коп. сер. съ ведра. Въ Бельгіи заводчики продаютъ кому хотять, какъ хотять и какою мѣрою имъ угодно. Для испытанія крѣпости спирта употребляютъ алкохолетръ Гей-Люссака; курятъ зимою, т.-е. съ октября по апрѣль.

Оттуда отправились мы осматривать разныя фермы въ окрестности города. Вездѣ нашелъ я прекрасныхъ, чрезвычайно сильныхъ лошадей доморощенныхъ; вездѣ рогатый скотъ облагороженный чрезъ смѣшеніе съ вышнимъ дургамскимъ, и каждый фермеръ рассказывалъ, какъ онъ досталъ или быка или телку pur sang Durham. Рогатый скотъ у нихъ прежде былъ голландскій, но они всѣ вообще признаютъ, что дургамскіе коровы молока даютъ поболѣе голландскихъ и молоко ихъ даетъ $\frac{1}{4}$ или даже

$\frac{1}{3}$ болѣе масла. Видѣлъ овецъ тонкорунныхъ, но не въ значительныхъ количествахъ и не вездѣ, но свиней вездѣ и много и, опять-таки, для облагороживанія выписываютъ юрскихъ. Свиныя отлично хороши; они у нихъ круглый годъ въ сараѣ и рѣшительно въ поле не выпускають.

На всѣхъ фермахъ нашелъ очень хорошія земледѣльческія орудія: плуги и бороны обыкновенно фламандскія; иногда употребляютъ они бороны и деревянныя, когда или земля мягка, или заволакиваютъ посѣянное. Еще видѣлъ я у нихъ особый плугъ на колесахъ съ круглымъ отваломъ; они его употребляютъ для паханія передъ посадкою кользы, картофеля. Этотъ плугъ—для разрыхленія земли и особенно для укладки ея ровными бороздами. Вездѣ сажали кользу, которая есть любимое, почти единственное маслянистое растеніе въ здѣшнемъ краю. Бельгійцы признають кользу за самое выгодное растеніе и по количеству масла, и по тому, что оно всегда удается. Для сбитія масла употребляется та же машина, мною выше описанная; стоитъ масло въ сосудахъ, тоже вышеописанныхъ. Вездѣ чистота, опрятность, благосостояніе, милое обхожденіе.

Всѣ фермы, или почти всѣ, выстроены по одному плану

Жилье фермера съ дѣтьми.	Жилье рабочихъ.	Кор о вы.	Лошади.
Гостиная.	Кухня.		

Свади этого сараѣ, гдѣ молотятъ, складываютъ часть хлѣба, а остальной хлѣбъ кладутъ въ скирдахъ, но обмолачиваютъ весь и хранятъ хлѣбъ зерномъ. Молотилокъ и вѣялокъ нигдѣ нѣтъ.

Пообѣдавши въ Диксмиундѣ, мы отправились къ одному богатому помѣщику М-г Graeve, бургомейстеру сельской общины Stuyvenskerk, который самъ занимается хозяйствомъ, что встрѣчается очень рѣдко, ибо почти всѣ помѣщики отдають свои земли въ наймы фермерамъ. Условія обыкновенно пишутся на 9 лѣтъ, но, большею частью, фермеры живутъ очень давно на однихъ мѣстахъ. Много прихворовъ, что фермеры болѣе ста лѣтъ живутъ все на однихъ мѣстахъ, и здѣсь считается предосудительнымъ—какъ для фермера, такъ и для помѣщика—невозобновляемость условій. У этого помѣщика дача состоитъ изъ 200 гектаровъ; онъ держитъ до двухсотъ штукъ рогатаго скота, до 100 свиней, до 200 овецъ. Дохода получаетъ въ сложности отъ 18 до 20 тыс. франковъ; онъ держитъ лошадей и работниковъ; у него нѣтъ молотилки, а только употребляетъ вѣялку обыкновеннаго устройства.

Вездѣ сѣютъ очень много бобовъ, которыми кормятъ лошадей и откармливаютъ свиней. Много сажаютъ красной свеклы, которую также даютъ въ кормъ скоту. Инструменты у него совершенно тѣ же, какъ и на фермахъ.

По молочной и масляной части—то же.

У него видѣлъ я славнаго дургамскаго выписного быка и 4 дургамскихъ коровы. Онъ мнѣ сказывалъ, что быкъ обошелся ему съ приводомъ въ 1.500 фр., а коровы въ 600 франковъ. Доятъ коровъ, большею частью, мужчины.

Описавши интересное нынѣшняго дня, не хочу умалчать и о комической части. Я пріѣхалъ къ бургомистру Диксмиунда, къ г-ву de Breun Peellaert—члену 2-й камеры; онъ принялъ меня чрезвычайно радушно и тотчасъ подалъ бутылку мадеры съ 4 сухариками; потомъ мы отправились для нашихъ осмотровъ. Въ 3 часа мы возвращаемся въ городъ и я полагаю, что буду обѣдать у него, тѣмъ болѣе, что онъ мнѣ сказалъ: „послѣ обѣда мы поѣдемъ въ другую сторону“. Мы ѣздили въ его каб-

рiолетъ; онъ спросилъ меня, гдѣ я остановился, я ему сказалъ, и онъ меня очень обязательно завезъ ко мнѣ въ гостиницу и прибавилъ: „*Avant de continuer vos courses vous désirez peut-être prendre quelque chose*“. Я ему въ отвѣтъ: „и очень“. De Weyn сошелъ со мною и очень мило спросилъ у хозяина, „что у васъ есть готоваго“. Въ гостиницѣ все засуетилось и намъ подали обѣдъ: вмѣсто говядины разварную подошву съ луковымъ соусомъ, холодную телачью кость съ салатомъ и кусокъ сыру. Какъ оба мы были равно голодны, то ѣли и подошву, и кость, а особенно навалились на сыръ. Къ счастью, нашелъ я хорошее вино и имъ угостилъ г. бургомейстера.

Расплатившись за обѣдъ, т.-е. и за себя и за него, мы отправились; онъ было хотѣлъ заплатить за свой обѣдъ, но я его въ этомъ предупредилъ и заплатилъ прежде. Смѣшнѣе всего моя увѣренность, что я у него буду обѣдать, и его полная увѣренность, что я подобаго приглашенія отъ него и не ожидаю. Онъ даже и не извинился, хотя я прѣѣхалъ къ нему какъ къ знакомому, по его приглашенію, и притомъ онъ человѣкъ съ порядочнымъ состояніемъ и пользуется общимъ уваженіемъ.

3 (15) сентября. — Въ Бельгiи въ каждомъ (*arrondissement*) округѣ есть *comité agricole*, гдѣ всякій можетъ участвовать. Съѣздъ собирается, кажется, два раза въ году; тутъ разсуждаютъ о пользахъ и выгодахъ хлѣбопашества, сообщаютъ другъ другу все новое полезное и назначаютъ двоихъ *delegués* *auprès du comité provincial*, который собирается одинъ разъ въ годъ. Этотъ *comité provincial* избираетъ одного *delegué* къ *Congrès agricole*, который собирается въ Брюсселѣ. Тутъ, кромѣ 9 членовъ отъ провинцій, король назначаетъ еще 9 членовъ; они избираютъ президента и толкуютъ объ общихъ дѣлахъ хлѣбопашества. Конгрессъ можетъ представлять правительству проекты, просить объ устраненіи препятствій къ улучшенію хлѣбопашества и пр. и пр.

5 (17) сентября. — Въ Гентѣ пошли мы на выставку земледѣлія и садоводства. Лучше выставки я не видывалъ. Залы казино расположены для этого прекрасно; въ самыхъ залахъ все устроено весьма изящно. Гентъ всегда славился своими цвѣтами, но, признаюсь, богатство ихъ въ теперешнее осеннее время превзошло мои ожиданія; такое же богатство деревьевъ изъ всѣхъ странъ міра, воспитанныхъ во Фландриі. Фруктовъ: грушъ, яблоковъ, винограду, сливъ, бергамотовъ, дынь—бедна и очень много, притомъ, сортовъ весьма замѣчательныхъ. Ананасы фландрскіе много уступаютъ французскимъ ананасамъ, которые выставлены для возбужденія фландрскихъ садовниковъ; подобныхъ ананасовъ я не видывалъ: многіе въ 12, а нѣкоторые въ 16 рядовъ и вышиною въ 16 вершковъ. Георгины всѣхъ цвѣтовъ — и одна лучше другой; особенно поразили меня черныя, розовыя, расписныя. Въ саду подъ крышками, на этотъ случай устроенными, разложены произведенія хлѣбопашества: пшеница неизвѣрно хороша и ростомъ (11 $\frac{1}{2}$ арш.) и зерномъ. Славный ячмень (большую частью озимый). Отличная колыза и дилпадея. Конопля просто невѣроятная, — я сильно сомнѣваюсь въ ея подлинности, — въ 4 аршина. Ленъ чудесный во всѣхъ видахъ, т.-е. взятый только съ поля еще съ головками, потомъ моченый, мятый, чесаный и совершенно на продажу приготовленный. Произведенія огородничества — просто неизвѣрны. Моркови, рѣпы, картофель, бобы, горохи, тыквы, брюквы и пр. и пр. и пр. въ такомъ разнообразіи, что я даже не подозрѣвалъ существованія подобныхъ сортовъ. Тутъ было картофеля нѣсколько сотенъ сортовъ и самые разнообразныя: и бѣлый и синій, и черный и красный, и розовый и зеленый, и круглый и продолговатый, и уродливый и правильный — ясно, что это не экземпляръ, но все разные сорта. Эти выставки крайне интересны и могутъ быть весьма полезны, но слѣдовало бы изъ нихъ открыть продажу и упоминать, въ какомъ количествѣ всякая вещь производится.

По части сельскихъ орудій выставка не богата, нѣкоторыя орудія были выставлены на выставкѣ промышленныхъ произведеній, а нѣкоторыя теперь, по эта-
часть на обѣихъ выставкахъ довольно бѣдна.

9 (21) сентября.—Парижъ все тотъ же, переимены только имена, даже въ Тюлеръ садъ за загородку, т.-е. ту часть, которая была *reservée pour la famille royale*, никого не пускаютъ. Вездѣ тихо, вездѣ смирно, вездѣ граждане добродушны; полиціи менѣе видно, чѣмъ въ 1840 году; паспортъ отъ меня нигдѣ не требовали. Переименъ къ лучшему нашелъ нѣсколько: улицы лучше вымощены и чище, нѣсколько уродливыхъ строеній снесено, но вообще я нашелъ Парижъ какъ будто я выѣхалъ изъ него не 9 лѣтъ назадъ, но 9 мѣсяцевъ. Вездѣ написано: *Liberté, égalité, fraternité*. Вечеромъ пошли въ театръ *des Variétés*, гдѣ давали 4 пьесы: въ первой *Congrès de Paix*—смѣялись надъ съѣхавшимися изъ всѣхъ странъ міра для толкованія о средствахъ къ уничтоженію войны, всякій предлагалъ свое и говорилъ на своемъ языкѣ, и наконецъ всѣ передрались. Во второй пьесѣ *les Caméléons*—представлены одно послѣ другаго всѣ правленія Франціи, а также всѣ партіи: бѣлые, красные, трехцвѣтные,—смѣются надъ всѣмъ и въ заключеніе одѣлалась суматоха: всѣ стали кричать, начали актеры говорить и изъ райка, и изъ партера и изъ ложъ—всякій свое, въ концѣ концовъ суфлеръ входитъ на сцену и извиняется, что представленіе не можетъ продолжаться, потому что авторъ не докончилъ пьесы.

Тогда требуютъ автора и выходитъ авторъ—ребенокъ 6 или 7 лѣтъ, который поетъ очень умные куплеты. Онъ говоритъ, что вина не его, онъ много думалъ, но ничего придумать не могъ—*le provisoir est partout, pour quoi voulez vous qu'il ne soit pas aussi dans sa pièce*. Эти куплеты аплодируются жестоко. Въ слѣдующихъ двухъ пьесахъ—также насмѣшки на существующій порядокъ вещей: на *liberté, égalité et fraternité*, на правительство, на депутатовъ,—однимъ словомъ, смѣются надъ всѣмъ.

19 сентября (10 октября).—Въ 12 часовъ мы пошли въ Народное Собраніе, но до часа трибуны не были отперты и мы должны были прогуливаться подлѣ Собранія. Желающихъ войти было очень много, полиціи было довольно; не позволяли стоять народу у того подъѣзда, откуда входили народные представители; около входа въ трибуны былъ устроенъ queue; стать же въ хвоста не позволяли. Весь дворъ вокругъ Народнаго Собранія былъ наполненъ войсками. Это временное Собраніе устроено нехорошо,—слишкомъ длинно и вообще для слушателей очень невыгодно. Въ два часа зала начала наполняться. Въ 2¼ взомелъ Дюпелъ и открылъ засѣданіе. Засѣданіе началось поименною переключкой, но какъ президентъ не могъ водворить молчанія, то предложилъ представителямъ *Scrutin public à la tribune*, т.-е. всякій представитель входилъ на кафедру и клалъ въ одну урну шаръ (для счету), а въ другую—записку съ своимъ именемъ. Оказалось членовъ 486. Послѣ того министръ иностранныхъ дѣлъ Токвиль, военный Рюльеръ, морской Трасе и финансовъ Пасси представили разные проекты законовъ, относящихся къ римской экспедиціи, и просили всѣ эти проекты передать на разсмотрѣніе особой комиссіи, назначенной въ отдѣленіяхъ (*bureaux*). Собраніе согласилось безъ всякихъ споровъ. Затѣмъ представитель Малардье, членъ крайней лѣвой стороны, просилъ позволеніе предложить министру внутреннихъ дѣлъ Дюфору вопросъ. По изъявленіи собраніемъ на то согласія, г. Малардье сдѣлалъ пустой вопросъ, на который Дюфоръ отвѣчалъ шуткою, и камера перешла à l'ordre du jour. Такъ какъ никакихъ дѣлъ не было на очереди, то въ 3¼ часа засѣданіе было закрыто. Я видѣлъ Дюпена старшаго, который очень состарился; то же долженъ сказать объ Одилювѣ Баро и Тьерѣ; Токвиль до сихъ поръ брываетъ и имѣетъ очень умное лицо; Пасси сѣдъ, лысъ, съ круглыми

маленькимъ лицомъ, небольшого роста; Дюфоръ — мускуловный человекъ, съ значительнымъ лицомъ; Рюльеръ — толстый и имѣетъ лицо вовсе не замѣчательное; Трассе худъ, съ очень умнымъ лицомъ; Ламене имѣетъ лицо умное и крайне хитрое, портретъ его очень похожъ; у Араго лицо умное, доброе, открытое, портретъ очень похожъ; Кавеньякъ похожъ на свои портреты какъ нельзя болѣе, ростомъ высокъ, лицо длинное, нѣсколько угловатое, взглядъ значительный, сидитъ, ходитъ, говоритъ съ большою простотою и avec beaucoup de dignité. Ламартина не было, — онъ боленъ; нѣкоторыхъ другихъ не могъ видѣть.

Публичныя трибуны были очень слабо наполнены, потому что выпустили народа очень мало и билетовъ выдано было немного. Какъ прежде Людвигъ Филиппъ себя заширалъ и окружалъ тѣлохранителями, такъ теперь дѣйствуетъ народное собраніе.

Въ исходѣ 6-го часа я отправился, чтобы взять билетъ для театра Porte St.-Martin, гдѣ давали пьесу Rome. Народа у входа было еще болѣе, чѣмъ у входовъ въ Assemblée nationale, дрались у дверей. Я досталъ билетъ au bureau de location и въ 6¹/₂ мы вошли въ театръ. Представленіе началось въ 7, но до 7 пѣли Margueilieuse и новыя республиканскія пѣсни, и по окончаніи каждой пѣсни раздавались громкія рукоплесканія. То же повторялось и въ антрактахъ. Сюжетъ пьесы неимоверенъ. Первое дѣйствіе: Матай (нынешній папа) представленъ генераломъ, который влюбляется и дѣйствуетъ во всѣхъ отношеніяхъ какъ военный. Второе дѣйствіе: Матай съ отчаянія, что его возлюбленная вышла замужъ за другаго въ его отсутствіе, дѣлается монахомъ и наконецъ производится въ епископы. Въ третьемъ дѣйствіи Григорій папа умираетъ, конклавъ и экзальтація папы съ процессіей на сценѣ. Дѣйствіе четвертое: дѣйствія либеральнаго папы. Восхищеніе народное, неудовольствіе и козни кардиналовъ. И папы и кардиналы въ своихъ священныхъ платьяхъ на сценѣ. Дѣйствіе пятое: народное возмущеніе, бѣгство папы, провозглашеніе республики, дѣйствіе триумвирата и народное торжество. Шуму было очень много.

Кресты, папа, кардиналы, священныя ихъ платья, папская тиара, — однимъ словомъ, все священное на сценѣ. Представленіе кончилось безъ особенныхъ приключеній, но при входѣ было полиціи много.

20 сентября (2 октября). — Во 2-мъ часу пошелъ въ Народное Собраніе, гдѣ сидѣлъ въ дипломатической трибунѣ. Въ 2 часа началось засѣданіе и кончилось въ 5; все засѣданіе было занято выборомъ президента, вице-президентовъ и секретарей. Президентомъ выбранъ опять Дюпенъ, а первымъ вице-президентомъ — Барошъ, который и предсѣдательствовалъ въ Собраніи. Его лицо не замѣчательное: умное, но не весьма привлекательное, — есть въ чертахъ какая-то подлость. Видѣлъ хорошо Пьера Леру, Лароша Жакелена, Наполеона Бонапарте, который очень похожъ на Наполеона, Лагранжа, Беррье.

Много очень смотрѣлъ на Кавеньяка, который постоянно сидѣлъ на своемъ мѣстѣ, говорилъ очень мало съ тѣми, которые къ нему подходили, а самъ ни къ кому не подходилъ. Любимое его положеніе есть руки сложенныя на груди. Тѣрь постоянно бѣгаетъ, хлопочетъ и всѣмъ руки жметъ.

21 сентября (3 октября). — Въ 10 часовъ поутру мы отправились въ Palais du Justice, и тамъ, по милости обязательнаго адвоката, посажены были въ enceinte присутствія de la Cour d'Assises, все слышали и видѣли прекрасно. Дѣло было неважѣливое: судили одного молодого малаго, гѣтъ 22 или 23, обвиненнаго въ покражѣ суммы около 400 фр. Рѣшительныхъ доказательствъ противъ обвиненнаго не было. Главнымъ свидѣтелемъ была привратница того дома, гдѣ покража была учинена; но она видѣла только одно, а именно то, что обвиненный, ушедшій на работу въ 5 часовъ утра, возвратился опять въ 7 часовъ и вышелъ съ той дѣвственницей, гдѣ

украдены вещи, спустя съ часъ времени. Генеральный адвокат доказывалъ, что воровство учинено непременно обвиненнымъ, какъ потому, что привратница видѣла, какъ онъ сходилъ съ лѣстницы, въ чемъ обвиненный вовсе не сознавался, такъ въ особенности потому, что онъ уже въ третій разъ является sous l'inculpation du vol. Адвокатъ обвиненнаго защищалъ порядочно; но и онъ, и генеральный адвокат произнесли огромныя рѣчи, говорили очень много ненужнаго и весьма непристойно старались увлечь присяжныхъ своими фразами и жестами. Президентъ, вмѣсто англійскаго resumé, произнесъ длинную рѣчь, въ которой повторилъ все сказанное и обвинителемъ и защитникомъ и предлагалъ присяжнымъ слѣдующіе вопросы: Виновать ли обвиненный въ покражѣ съ употребленіемъ фальшивыхъ ключей? Виновать ли обвиненный въ покражѣ просто? Имѣются ли circonstances allénuantes?

Я слѣдилъ съ большимъ вниманіемъ за всѣмъ дѣлопроизводствомъ и увѣренъ былъ, что послѣдуетъ acquittement de l'accusé par le jury; но вмѣсто того, вопреки справедливости и всякаго здраваго смысла, присяжные отвѣчали большинствомъ 7 противъ 5 голосовъ отрицательно на первый вопросъ и положительно на слѣдующіе два, т.-е. они признали его виновнымъ въ простой покражѣ. Между тѣмъ очевидно, что или покража была имъ учинена съ поддѣльными ключами, или покража была совершена не имъ, а другимъ лицомъ; слѣдовательно, или должно было признать его виновнымъ по первому вопросу, или слѣдовало его отъ суда освободить. Далѣе circonstances allénuantes никакихъ не было, кромѣ только того, что воровство вовсе не доказано. Послѣ объявленія verdict du jury, я подошелъ къ адвокату и изъяснилъ ему удивленіе насчетъ рѣшенія присяжныхъ; я рѣшительно не могъ понять, какъ можно осудить безъ доказательствъ и потомъ сказать, что имѣются circonstances allénuantes, когда ихъ вовсе не было.

„Que voulez vous, monsieur, l'arbitraire chez nous est en toute chose. Le jury voyant l'accusé revenu pour la troisième fois devant la Cour d'Assises, a cru ne pas pouvoir l'absoudre complètement, mais la condamnation pour vol avec fausses clés entraînant la peine des travaux forcés, le jury le reconnu coupable d'un vol simple et à recommandé à l'attention de la cour des circonstances atténuantes, bien qu'ils n'existent pas“.

А потому судъ осудилъ его на трехгодичное заключеніе въ тюрьмѣ. Я часто бывалъ въ Парижѣ à la Cour d'Assises въ 1831, бывалъ также нѣсколько разъ въ 1840 и былъ теперь, и могу рѣшительно сказать, что порядка въ судопроизводствѣ теперь гораздо болѣе, но, къ сожалѣнію, многоглагольствіе почти одинакое и присяжные продолжаютъ судить весьма произвольно.

30 сентября (12 октября).—Былъ въ Берлинскомъ народномъ собраніи National Versammlung II-й камеры. Толкъ шелъ о ревизіи нѣкоторыхъ статей конституціи. Большая часть рѣчей были читаны. Изъ министровъ говорилъ Мантейфель. Очень тяжело долго сидѣть и слушать чтеніе рѣчей; надобно отдать нѣмцамъ справедливость, что слушать—мастера. Еслибы муха пролетѣла, то было бы слышно. Французамъ, говорунамъ, для слушанія слѣдовало бы выписывать нѣмцевъ. Какъ во французскомъ національномъ собраніи всѣ шумятъ и говорятъ и никто не слушаетъ, такъ у нѣмцевъ чудесный порядокъ и колокольчикъ президента рѣшительно ни разу не раздавался.

Сегодня получено въ Берлинѣ извѣстіе о казни Людовика Батьяни и десяти венгерскихъ генераловъ. Это извѣстіе произвело чрезвычайное дѣйствіе въ Берлинѣ, даже нѣмцы зашевелились и ужасъ овладѣлъ всѣми. Въ Пештѣ, Пресбургѣ, Вѣнѣ дѣйствіе было еще сильнѣе,—опасались возмущенія. Не смѣли казнить ихъ публично,—исполняли приговоръ во внутреннемъ дворѣ тюрьмы.

ПРИЛОЖЕНИЕ ДЕСЯТОЕ.

Письмо А. И. Кошелеву Вас. Адр. Жуковскаго.

Любезнѣйшій Александръ Ивановичъ!

Вдругъ на меня нашло сомнѣнiе, благодаря моей непотребной памяти, отвѣчала ли я на ваше дружеское письмо, въ которомъ вы меня приглашали подъ кровлю вашего дома на все время моего пребыванiя въ Москвѣ. Кажется, что я отвѣчала, — кажется, да не вѣрится; такiя продѣлки со мною часто случаются; во всякомъ случаѣ, если я согрѣшила передъ вами, простите меня, какъ добрый христiанинъ. Судьба не позволила мнѣ воспользоваться вашимъ любезнымъ приглашенiемъ. Вотъ вамъ моя биографiя: вы оставили насъ въ домѣ Клеймана, по сосѣдству съ тѣмъ домомъ, гдѣ вы жили съ вашей супругой; въ маѣ мѣсяцѣ мы были выгнаны изъ этого дома королемъ Виртембергскимъ, переселились въ горницы оставленныя вами и заняли весь этажъ, гдѣ были намѣрены прожить до начала iюля и потомъ ѣхать въ Россiю. Iюль пришелъ, мы уложили всѣ свои пожитки для отъѣзда и стоило только сѣсть въ вагонъ да и ѣхать, анъ нѣтъ, — на мой правый глазъ, давно уже слѣпой, напала подагрическая матерiя и съ тѣхъ поръ, вотъ уже шестой мѣсяцъ, какъ я лишена воздуха, свѣта и возможности дѣлать что-нибудь требующее употребленiя глазъ. Теперь мнѣ вѣсколько лучше, но все не думаю чтобы я могъ отдѣлаться отъ бѣды своей прежде конца зимы. Всѣ мои работы парализированы, особливо составленiе моихъ педагогическихъ таблицъ, которыхъ образчики вы у меня видѣли и которыхъ практическую пользу я уже надъ своею дочерью извѣдалъ; жаль мнѣ будетъ, если эта работа, которой результатъ могъ бы быть полезенъ вообще въ домашнемъ учебномъ образованiи, останется неоконченною. Для окончанiя этой работы и для употребленiя въ дѣло моей методы въ образованiи дѣтей моихъ мнѣ нуженъ помощникъ. Этотъ помощникъ долженъ быть молодой человекъ, хорошо окончившiй университетскiй курсъ наукъ, живаго, воспримчиваго ума, знающiй хорошо русскiй языкъ, древнiе языки, основанiе математики, естественныя науки, исторiю и географiю. Еслибы нашелся такой NB христiански нравственный питомецъ отечественныхъ музъ, и еслибы онъ согласился войти въ мой домъ, чтобы со мною вмѣстѣ совершать первоначальное образованiе дѣтей моихъ и обработать методу, которую могъ бы послѣ самъ же ввести въ общее употребленiе, — это было бы для меня большое счастье. Меня навѣстилъ въ Баденѣ Косовичъ. На вопросъ мой: не знаетъ ли онъ кого соответствующаго моему желанiю, — онъ указалъ мнѣ на Бартенева, кандидата Московскаго университета. Знаете ли вы Бартенева? Если знаете, потрудитесь мнѣ о немъ написать; если же не знаете, то распросите у вашихъ московскихъ профессоровъ. Можетъ-быть вамъ извѣстенъ и другой кто, кромѣ Бартенева, соответ-

ствующій моему идеалу. Однимъ словомъ, примите къ сердцу это важное для меня дѣло. Я желаю имѣть напередъ нѣкоторыя понятія о тѣхъ, къ кому бы я могъ адресоваться, когда возвращусь въ началѣ будущаго лѣта въ Россію.

За симъ простите, дружески васъ обнимаю. Увѣдомьте меня о Кирѣевскихъ, Иванѣ и Петрѣ, и объ Авдотѣ Петровнѣ, о которой давнымъ-давно не имѣю никакого слуха. Обнимите за меня друга Хомякова и Глянку. Передайте мой дружескій поклонъ Шевыреву и Дмитріеву, Мельгунову и Свербеевымъ. И я и жена просимъ васъ сказать наше дружеское почтеніе вашей супругѣ.

Искренно преданный вамъ Жуковскій.

29 ноября (11 декабря) 1851 года.

Бадень-Бадень.

ПРИЛОЖЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ.

Письмо А. И. Кошелева къ Императору Александру II и Записка о денежных средствахъ Россіи.

Всемилостивѣйшій Государь!

Трудно, почти невозможно для частнаго человѣка у насъ составлять какія-либо, на вѣрныхъ данныхъ основанна, предположенія по дѣламъ государственнымъ; но есть случаи, когда мысль невольно къ нимъ несется и когда любовь къ Отечеству и Царю не позволяетъ таить въ себѣ то, чѣмъ душа и умъ преисполнены. Теперь, когда Севастополь и значительная часть нашихъ границъ находится подъ ударомъ враговъ и когда грозитъ Россіи война многолѣтняя, нерѣдко высказываемыя опасенія насчетъ слабости денежныхъ средствъ Россіи глубоко огорчаютъ всякаго вѣроподданнаго. Денежныя наши средства казались мнѣ всегда гораздо болѣе значительными, чѣмъ вообще полагаютъ. Я изложилъ свои убѣжденія по сему предмету; полная увѣренность въ силы и будущность Россіи еще болѣе проникла душу мою и внушила мнѣ смѣлость повергнуть ихъ на воззрѣніе Вашего Императорскаго Величества.

Быть можетъ, что записка моя не дѣльна и не своевременна; въ такомъ случаѣ благоволяте, Государь, видѣть въ ней только порывъ вѣроподданнической преданности.

Апрѣля ... дня 1855 года.

О денежныхъ средствахъ Россіи въ настоящихъ обстоятельствахъ.

Положеніе нашего отечества, въ настоящее время, такъ затруднительно, такъ важно и такъ опасно, что невольно оно дѣлается предметомъ всѣхъ нашихъ думъ и заботъ. Конечно, Царь и его совѣтники стоятъ у руля, наблюдаютъ за ходомъ корабля и принимаютъ, по лучшему своему усмотрѣнію, мѣры для благоуспѣшнаго его направленія. Но не случается ли иногда, что малосвѣдущій рыбакъ указываетъ искусному кормчему подводный камень и обходъ вокругъ него и тѣмъ предохраняетъ корабль отъ грозящей ему бѣды? Иное видѣе для простаго человѣка, чѣмъ для людей и умнѣйшихъ и омытнѣйшихъ, но устремившихъ свое вниманіе на самыя видныя стороны дѣла. А какое теперь въ ходу дѣло и сколько у него сторонъ? Умъ цѣпенѣть при одной думѣ о немъ; каковѣ же тщательно наблюдать за нимъ, направлять многоразличныя отрасли его, устранять встрѣчающіяся препятствія, исправлять частныя неудачи, побѣждать отрывающіяся невозможности и проч. и проч. и проч.? Страшно объ этомъ и подумать. А потому не долгъ ли cadaго русскаго, преданнаго своему отечеству, теперь болѣе, чѣмъ когда-либо, высказывать мысли, которыя, по его убѣжденію, могутъ быть полезными Царю и людямъ, помогающимъ ему нести бремя на-

стоящаго дня? Если мысль дѣльна, то ею воспользуются; если она пуста, то ее откинутъ; а изъ десяти мыслей, отъ глубокаго убѣжденія высказанныхъ, едва ли не будетъ хоть одна дѣльная, а одна мысль дѣльная можетъ уже сдѣлать много добра. Подъ влияніемъ сей-то надежды и по требованію совѣсти, счелъ я долгомъ изложить, по возможности кратко, слѣдующія мысли.

Важность денежныхъ средствъ въ военномъ дѣлѣ.

И прежде деньги имѣли сильное влияние на исходъ войны, а теперь финансы заключаютъ въ себѣ чуть-чуть не всю военную задачу. Чѣмъ денежные средства долѣе вытерпятъ, тотъ и побѣдитъ. На семь-то основаніи многие европейскіе публицисты общаются несомнѣнную побѣду западнымъ державамъ, ибо они считаютъ ихъ несравненно богаче Россіи, которая, по ихъ мнѣнію, при крайнихъ усиліяхъ, можетъ выдержать еще одну кампанію, а въ 1856 году, разоренная и побѣжденная, должна будетъ принять тѣ условія, которыя побѣдителямъ угодно будетъ ей даровать. Не будемъ обманывать себя льстивыми надеждами, но и не станемъ убивать своей дѣятельности излишними опасеніями, а потому рассмотримъ нѣсколько обстоятельно положеніе нашихъ финансовъ и средства, намъ подлежащія.

Государственные долги Россіи.

Нашъ государственный долгъ внѣшній и внутренній на 1-е января 1854 года (по официальнымъ свидѣніямъ) простирался до 417.746.425 рублей сер. Послѣ того сдѣланъ былъ заемъ чрезъ посредство банкира Штиглица въ 50 милліоновъ рублей сер.; были также выпущены билеты казначейства. Допустимъ, что нашъ государственный долгъ дошелъ даже до пяти сотъ милліоновъ рублей сер. Эта сумма представляется небольшимъ нашъ двухгодовой доходъ. Франція имѣетъ долгъ, равняющійся четырехгодичному ея доходу, а Англія должна не болѣе и не менѣе какъ пятнадцатилѣтнюю сложность своихъ доходовъ. Слѣдовательно, въ этомъ отношеніи наше финансовое положеніе не страшно.

Но у насъ, кромѣ этого долга, есть еще другой долгъ. Сумма кредитныхъ билетовъ, выпущенныхъ по 1-е сентября 1854 года (по показанію г. Тенгоборскаго), простиралась до 345.227.000 руб. сер., а разнѣнаго фонда имѣлось 146.563.000 руб. сер. Слѣдовательно еще годъ государственнаго дохода должно отнести къ покрѣтнію государственнаго долга.

Государственные доходы Россіи.

Государственные наши доходы, по показанію г. Тенгоборскаго, дошли въ 1853 году до 224 мил. руб. сер., изъ которыхъ 100 мил., по его же показаніямъ, расходовались на содержаніе военныхъ силъ. Трудно не усомниться въ истинѣ сей послѣдней цифры; вѣроятно многія статьи: содержаніе крѣпостей, флота и другіе расходы — не включены въ эту сумму; ибо извѣстно, что три пятыхъ государственныхъ доходовъ едва покрывали, въ мирное время, издержки военнаго и морскаго вѣдомствъ. Теперь, при умножающейся арміи и при чрезвычайныхъ издержкахъ на содержаніе, передвиженіе и пр. нашихъ войскъ, сумма, потребная для военнаго вѣдомства, должна слишкомъ удвоиться, и я думаю, что можно безъ ошибки назначить на чрезвычайныя издержки по случаю войны еще отъ 100 до 150 мил. рублей сер. въ годъ. — Откуда получать ежегодно такую сумму?

Еслибы война должна была продолжиться одинъ или два года, то выпускомъ кредитныхъ билетовъ и билетовъ казначейства и другими обыкновенными средствами

можно было бы кое-как покрыть предстоящіе государству расходы. Но война грозитъ быть многолѣтнею; размѣры ея становятся все огромнѣе и огромнѣе; и со дня на день дѣлаются очевиднѣе, что одолѣніе врага доставится на часть того, чьи денежные средства долѣе вытерпятъ. Слѣдовательно, нельзя уже болѣе обманывать себя надеждами на миръ и должно наконецъ рѣшиться на войну безъ оглядки вспять. Какія же денежные средства имѣемъ мы, чтобы вести войну многотрудную и многолѣтнюю?

Денежныя средства Россіи.

Средства наши суть: усиленіе налоговъ, займы, выпускъ кредитныхъ билетовъ и пожертвованія.

I. Усиленіе налоговъ.

Первое средство, при настоящемъ развитіи нашихъ производительныхъ силъ едва ли удобно вообще; теперь же оно совершенно невозможно. Цифра нашихъ налоговъ, конечно, не велика сама по себѣ, но она значительна потому, что наши, въ обращеніи находящіяся, богатства и наши добытки нельзя не назвать крайне ограниченными. Англичанину легче заплатить причитающіеся съ него 17, а французу 12 руб. сер., чѣмъ русскому внести слѣдующіе съ него 3¹/₂ руб. сер., а за исключеніемъ жень, дѣтей и престарѣлыхъ не менѣе 14 руб. сер. *) Наши налоги, по слаботу развитію нашихъ средствъ, вовсе не легки. Едва уменьшилась наша вывозная торговля, — и она, составляющая менѣе чѣмъ двадцатую часть нашихъ денежныхъ оборотовъ, такъ подавила всю внутреннюю торговлю, что чувствуется тяжкій застой вездѣ и во всемъ. При неурожаѣ, почти повсемѣстномъ, цѣны на хлѣбъ во всѣхъ хлѣбородныхъ губерніяхъ низки; крестьяне и помѣщики едва въ состояніи уплатить подати и внести проценты въ кредитныя установленія. Мануфактуристы уменьшили свои производства, а торговцы не могутъ сбыть на деньги свои товары. Къ тому же третій наборъ въ теченіе менѣе полутора года почти удвоилъ подати. Теперь рѣшительно ничего болѣе нельзя взять съ крестьянъ; и даже едва ли нынѣшнія повинности такъ исправно уплатятся, какъ онѣ доселѣ платились. — Въ таможенныхъ доходахъ должна быть довольно значительная недоуручка; и цитейный сборъ, доведенный до размѣровъ чрезвычайныхъ, едва доставитъ слѣдующія съ него деньги; къ тому же онъ основанъ на контрактахъ, а слѣдовательно и не можетъ быть увеличенъ. Усиленіе подати на соль есть средство, на которое можетъ быть указано въ отвѣтахъ на статьи европейскихъ публицистовъ; но мы, русскіе, знаемъ всю невозможность его приведенія въ дѣйство: этотъ прибавокъ налога легъ бы преимущественно на низшій классъ, который и безъ того бѣденъ и платитъ все, что онъ только можетъ уплатить; и сверхъ того имѣлъ бы самое вредное вліяніе на общественное здоровье и на земледѣліе. Прочіе наши налоги такъ незначительны, что удвоеніе ихъ не дастъ казѣ и десяти милліоновъ рублей сер. Слѣдовательно налоги не могутъ доставить намъ нужныхъ средствъ къ продолженію войны.

II. Займы.

Займы могутъ быть внѣшніе и внутренніе. Уже опытъ доказалъ, какъ тягостенъ заемъ внѣшній въ настоящихъ обстоятельствахъ. Онъ едва состоялся лѣтомъ текущаго года; онъ вѣроятно совсѣмъ не можетъ состояться теперь, когда область войны все болѣе и болѣе расширяется. Слѣдовательно возможенъ только заемъ внутренній.

*) Эта цифра, какъ и всѣ прочія, быть-можетъ не совсѣмъ вѣрна, ибо частному человеку невозможно имѣть вѣрныхъ свѣдѣній по дѣламъ нашего государственнаго хозяйства. Впрочемъ онъ служитъ здѣсь не доводами, а только приблизительными данными для соображеній.

Нельзя не сознаться, что вообще мы бѣдни капиталами, что капиталы, которые мы и имѣемъ, уже находятся въ кредитныхъ учрежденіяхъ, т.-е. въ рукахъ правительства, что мы особенно страдаемъ недостаткомъ капиталовъ и отсутствіемъ частнаго кредита, и что эти два бѣдствія суть главныя причины теперешняго застоя нашей торговли. Заемъ внутренней извлечетъ послѣднія деньги изъ народа, и сверхъ того онъ не доставитъ казны денегъ въ дѣйствительности, ибо мы должны будемъ взять ихъ изъ банковъ, которые имѣютъ незначительныя наличныя фонды и которымъ казна должна огромныя суммы; слѣдовательно она должна будетъ возвратить кредитнымъ учрежденіямъ почти тѣ же суммы, которыя она получила отъ частныхъ лицъ.

Многіе думаютъ, что мы можемъ сдѣлать заемъ внутренней посредствомъ выпуска билетовъ казначейства. Конечно, эти билеты пользуются общимъ къ себѣ благорасположеніемъ. Они ходятъ во внутренности Россіи даже съ премією и ихъ довольно трудно доставать. Но до сихъ поръ, по показанію г. Тенгоборскаго, ихъ выпущено только на 75 мил. рублей сер. При теперешнемъ застоѣ торговли и промышленности, значительный выпускъ сихъ билетовъ едва ли разойдется безостановочно. Къ тому же для пріобрѣтенія сихъ билетовъ усилятся выемки изъ банковъ и уменьшатся вклады въ сіи учрежденія, и барышъ будетъ только для частныхъ лицъ, которыя, вмѣсто 4 процентовъ въ годъ, получаютъ $4\frac{33}{100}$ процента. Слѣдовательно къ этому внутреннему займу должно отнести то же, что мною сказано о внутреннихъ займахъ вообще.

Нѣкоторые финансовыя люди говорятъ, что казна въ обезпеченіе внутренняго займа можетъ представить свои рыбныя ловли, земли и другія имущества. Это обезпеченіе могло бы удовлетворить европейскихъ капиталистовъ при вѣдномъ займѣ; но наши денежныя люди сочтутъ ихъ мѣтѣ чѣмъ за ничто. Мы вѣримъ нашему правительству, его стойкости и добросовѣстности, вѣримъ совокупности его доходовъ и нравственной его ответственности за долгъ; но если оно представитъ въ обезпеченіе часть своихъ доходовъ или иной вещественный залогъ, сохраняя при томъ неограниченную свою власть на распоряженіе всѣмъ и всѣми, то общее довѣріе къ казнѣ не только не усилится, но ослабнетъ; ибо въ этомъ дѣйствіи всякій русскій увидитъ лишь грустный признакъ затруднительности ея положенія. Огромность капиталовъ, вложенныхъ въ банки, свидѣтельствуетъ о нашемъ довѣрїи къ правительству. Теперь оно у насъ не можетъ болѣе занять, потому что уже все, или почти все, что имѣемъ, мы ему уже довѣрили. Слѣдовательно и этотъ источникъ не обилѣетъ и не можетъ соответствовать потребностямъ настоящаго времени.

III. Выпускъ кредитныхъ билетовъ.

Выпускъ кредитныхъ билетовъ есть, конечно, источникъ богатый и могущій, по видимому, удовлетворить всѣмъ государственнымъ нуждамъ въ настоящее время. Но этотъ благодѣтельный и обильный ключъ исходитъ изъ такой вершины, которая даже не подлежитъ дѣйствію верховной власти. Усиливать его труднѣе, чѣмъ даже въ началѣ открыть, и указами его не оживишь, когда онъ начнетъ изсыхать. Не говори о Франціи и Австріи, гдѣ бумажки доходили до безцѣнности, но собственная наша исторія нынѣшняго столѣтія сохранила для насъ урокъ, который мы не должны забывать. Еще люди нынѣ живущіе помнятъ, какъ ассигнаціи пользовались общимъ довѣріемъ и какъ онѣ были любимомъ ходячемъ въ государствѣ монетою. При усиленныхъ выпускахъ онѣ начали упадать: въ 1803 году рубль серебромъ сталъ уже равняться 1 руб. 25 коп. ассигнаціями; въ 1810 году онъ дошелъ до 3 рублей, а въ 1815 году онъ представлялъ ни болѣе, ни менѣе какъ 4 руб. 18 коп. ассигнаціями. Извѣстно, какое разстройство произведено было этимъ государственнымъ банкротствомъ въ частныхъ и казенныхъ оборотахъ и богатствахъ; но тогда весь нашъ бытъ

частный, общественный и государственный был гораздо проще и малосложнее. В половину меньшее банкротство казны или произведет вдвое большее разстройство в государствѣ; единство и твердость нашихъ кредитныхъ установлений, высоко цѣнимыхъ даже иностранцами, безпристрастно въ оныя вышедшими, погибнуть безвозвратно, и Россія поставлена будетъ на край гибели.—Извѣстны усилія нашего правительства съ 1817 года къ восстановленію цѣнности бумажекъ; но извѣстно также, что результаты далеко не соответствовали его ожиданіямъ. Нашъ государственный кредитъ нѣсколько утвердился только съ 1843 года, когда установлена была новая система билетовъ съ разнѣннымъ фондомъ. Конечно, нашъ разнѣнный фондъ значителенъ, и онъ можетъ снести выпускъ новыхъ кредитныхъ билетовъ на 50, на 100, даже быть-можетъ на 200 мил. руб. сер. Но 50 или 100, или даже 200 мил. рублей, выпущенныхъ билетами, не истощатъ ли всей возможности дальнѣйшихъ выпусковъ? Выпускъ такой значительный, произведенный въ теченіе одного или полутора года, не уронитъ ли ихъ цѣнности? Не наводнитъ ли онъ государства капиталами, которые тотчасъ не найдутъ себѣ дѣятельнаго помѣщенія и поступятъ въ кредитныя учрежденія? Не страшна ли уже и безъ того цифра вкладовъ въ наши банки?—Дерако было бы отвѣчать отрицательно на эти вопросы. Мы знаемъ, какъ твердо довѣріе народа къ кредитнымъ билетамъ; но мы знаемъ также, съ какою похвальною осторожностью правительство доселѣ ихъ выпускало. Конечно, важенъ при бумажныхъ деньгахъ разнѣнный фондъ, но еще важнѣе для ихъ цѣнности итогъ выпущенныхъ билетовъ. Для каждаго государства во всякое время есть извѣстная сумма денегъ, необходимая для его оборотовъ. Если эта цифра ниже мѣстной потребности, то дорожаютъ деньги и дешевѣютъ товары, и извѣи мало-помалу пополняется недостатокъ въ деньгахъ привозомъ драгоценныхъ металловъ. Если сумма денегъ въ государствѣ выше мѣстной потребности, то дешевѣютъ деньги и дорожаютъ товары,—и металлическія деньги выходятъ изъ государства. Какъ первый недостатокъ нѣсколько стѣсняетъ развитіе промышленности, но ограждаетъ государство отъ внезапныхъ потрясеній въ торговлѣ и кредитѣ, такъ послѣдній недостатокъ, оживляя временно мануфактуру и торговлю, готовитъ имъ болѣе или менѣе тяжкіе кризисы. До сихъ поръ мы удерживались до нѣкоторой степени въ золотой серединѣ между этими двумя крайностями. Усиленіе цифры кредитныхъ билетовъ слѣдовало постепенно за развитіемъ торговли и промышленности; но теперь, при остановкѣ денежныхъ оборотовъ, не чувствуется ли уже излишекъ въ кредитныхъ билетахъ? Звонкая монета исчезаетъ изъ обращенія; полунимеріалы вымѣниваются въ Москвѣ по 5 руб. 25 коп., а въ Варшавѣ цѣна на нихъ 5 руб. 35 коп. и даже 38 коп.; и требованія разнѣна билетовъ на золото, какъ слышно, усиливаются. Несмотря на запрещеніе вывоза золота за границу, развѣ не вывезутъ его жиды, умѣвшіе, какъ говорятъ, провезти контрабандою нѣсколько тысячъ штукеровъ? Не будетъ ли правительство въ необходимости приостановить разнѣн билетовъ на золото и чрезъ то не лишитъ ли ихъ того основанія, которое доставляло имъ доселѣ даже предпочтеніе предъ золотомъ и серебромъ? Цѣны у насъ на товары и имущества въ послѣднія 15 или 20 лѣтъ хотя возвысились, но это возвышеніе было постепенное, едва чувствительное и еще вовсе не чрезмѣрное въ сравненіи съ прочими европейскими государствами. Если мы теперь, при общемъ застоѣ торговли, въ теченіе года выпустимъ 50 или 100 мил. рублей сер., то отнюдь не должны льстить себя надеждою, что такой выпускъ, значительный и внезапный, не произведетъ потрясенія въ денежныхъ оборотахъ. Конечно, и за муку, и за сукно, и за подводм билеты будутъ сначала приниматься охотно и безостановочно, потому что ими можно уплатить и подати въ казну, и проценты въ банковна учрежденія; но будутъ отъ этихъ денегъ излишки—и эти излишки неминуемо произведутъ повышеніе цѣнъ внутри

государства и уронять курсы въ отношеніи къ чужимъ краямъ. Правительство должно будетъ въслѣдствіи покупать и провіантъ, и вино, и прочія нужныя для него вещи по возвышеннымъ цѣнамъ; и въ той мѣрѣ, какъ выпуска билетовъ будутъ усиливаться, цѣны на произведенія будутъ возмываться, и мы дойдемъ до худшаго положенія, чѣмъ то, въ которомъ столько лѣтъ находилась Австрія, гдѣ билеты Wiener Währung имѣютъ почти ничтожную цѣнность. Я сказалъ, что наше положеніе будетъ худшее, потому что у насъ всѣ банки въ рукахъ правительства, что наши банки, за отсутствіемъ частнаго кредита, представляютъ весь кредитъ Россіи, и что сколько этотъ порядокъ вещей твердъ при обыкновенныхъ обстоятельствахъ и даже во времена чрезвычайныя при большой осторожности правительства, столько же онъ будетъ безсиленъ, но совершенно безсиленъ при потрясеніи довѣрія къ правительству. У насъ довѣріе къ правительству еще сильно,—оно еще продержится; но если оно начнетъ упадать, то, какъ единое въ Россіи, оно будетъ упадать не постепенно, а быстро, и такъ быстро, что ничѣмъ нельзя будетъ его удержать. Слѣдовательно и этотъ источникъ, сколько онъ ни богатъ, ни заманчивъ, не можетъ дать намъ средствъ къ продолженію войны многотрудной и многолѣтней.

IV. Пожертвованія.

Послѣднее средство, которое остается намъ разсмотрѣть, есть пожертвованія. Конечно, нельзя сомнѣваться въ готовности русскихъ жертвовать всѣмъ для спасенія отечества. Мы видѣли, съ какимъ единодушіемъ Россія, прошедшею зимою, готова была на жертвованія, когда дѣло шло только о вспоможеніи единоплемениннмъ и братьямъ во Христвѣ. Теперь дѣло касается насъ еще ближе: хотѣть уничтожить, сжечь Россію. Конечно, въ послѣднее время, желаніе жертвовать видимо ослабло, но это единственно потому, что мы не знаемъ, необходимы ли для правительства жертвованія, что мы смущены его уступчивостью въ отношеніи къ европейскимъ державамъ и что даже мы боимся, чтобы пожертвованныя нами деньги не послужили на уплату военныхъ издержекъ Франціи и Англіи. Наши жертвованія прошедшаго года были только заявленіями нашего желанія жертвовать. Теперь для жертвованій мы ждемъ, чтобы цѣль войны болѣе уяснилась, чтобы царь сказалъ, какъ вѣкогда сказалъ императоръ Александръ I, что онъ не положитъ оружія, пока земля Русская не будетъ совершенно очищена отъ враговъ и пока святое дѣло, для котораго начата была война, не будетъ исполнено; и сверхъ того мы ждемъ, чтобы дана была намъ возможность принести на алтарь отечества дѣйствительныя жертвы. Въ настоящемъ видѣ наши жертвованія могутъ мало доставить пользы казнѣ: за дворянствомъ считается съ небольшимъ 10 мил. душъ, или около 4.000.000 тяголъ. Тягло обыкновенно даетъ отъ 15 до 25 руб. сер. дохода. Слѣдовательно доходъ дворянства съ помѣстій можетъ быть опредѣленъ въ 80 мил. рублей сер. Но большая часть имѣній заложены въ кредитныхъ установленіяхъ и вносятся процентовъ въ оныя не менѣе 30 мил. рублей сер: Сверхъ того, сколько дворянъ обремененныхъ частными долгами, равными взмсаніями и многочисленными семействами, изъ которыхъ по одному или по нѣсколькѣ лицъ содержатся ими въ войскахъ! Если дворянство пожертвуетъ десятый процентъ съ своихъ доходовъ, то и въ такомъ случаѣ менѣе 5 мил. поступитъ въ казну. Допустимъ, что купечество жертвуетъ около той же суммы. Это составитъ только 10 милліоновъ. Сверхъ того дворянство и купечество, жертвующія каждое съ своей губерніи и въ своемъ городѣ, не могутъ жертвовать ни съ равнымъ единодушіемъ, ни въ равныхъ размѣрахъ. Непремѣнно они будутъ смотрѣть другъ на друга; и какъ они спѣшили заявлять о своемъ желаніи жертвовать, такъ нынѣ они будутъ мѣшкать дѣйствительными жертвованіями,

ибо никто не захочет много отстать от других, но никто не согласится, при нынѣшнихъ трудныхъ обстоятельствахъ для земледѣлія, мануфактуръ и торговли, взымать на плеча своего общества преимущественную тяжесть пожертвованій. Впрочемъ, допустимъ почти невозможное: положимъ, что дворянство и купечество въ сложности пожертвуютъ вдвое противъ нашихъ исчисленій: это уже будетъ крайній, разорительный предѣлъ ихъ возможности жертвовать, а между тѣмъ сумма дойдетъ только до 20 милліоновъ. Сумма сама по себѣ, конечно, значительная, но въ сравненіи съ потребностями войны весьма недостаточная. Къ тому же подобныя пожертвованія породятъ тѣ же неудобства, которыя мы выше указали, говори о налогахъ и внутреннихъ займахъ: они извлекутъ изъ народа остальные капиталы, умножатъ выемки изъ банковъ и уменьшатъ вклады въ оныя. Слѣдовательно и этотъ источникъ, сколько онъ ни святъ, ни важенъ, однако не достаточенъ для покрытія необходимыхъ издержекъ войны.

Обыкновенныя денежныя средства не достаточны.

Изъ всего вышеописаннаго ясно, что обыкновенныя, доселѣ употребленныя, средства достаточны въ совокупности для покрытія расходовъ одной, быть-можетъ двухъ кампаній; но кто поручится, чтобы не было трехъ, четырехъ кампаній, а быть-можетъ и болѣе? Европейскія державы убѣждены въ слабости финансовыхъ средствъ нашего правительства. Конечно, отвѣтъ г. Тенгоборскаго на статью Леона Фоше не могъ измѣнить ихъ убѣжденій. На эту нашу слабость онѣ рассчитываютъ, конечно, болѣе, чѣмъ на свои пеззаны, револьверы и плавучія батареи. Можно ли надѣяться, что онѣ въ концѣ 1855 или 1856 года будутъ къ намъ милостивѣе, чѣмъ теперь, когда онѣ требуютъ ян болѣе, ни менѣе какъ нашего униженія и посрамленія? Европа думаетъ, что безъ ея денегъ мы безсильны, и что наше правительство въ скоромъ времени окажется совершенно несостоятельнымъ къ продолженію войны. Не важно ли, не необходимо ли теперь ей показать, что наши средства огромны и что они такъ же неизсякаемы, какъ и собственныя ихъ средства? Такое заявленіе не будетъ ли путемъ къ миру болѣе надежнымъ, чѣмъ принятіе нотъ, обманчиво намъ изъ Вѣны предлагаемыхъ?... Но какія же нынѣ средства мы имѣемъ?

Богатство и бѣдность Россіи.

Не даромъ Россія издавна слыла и еще нынѣ слыветъ страной богатой: почва ея плодородна; морей, рѣкъ и озеръ въ ней обиліе большое; горы ея исполнены всякихъ металловъ и народъ здоровъ и смысленъ. Конечно, богаты мы отъ природы, но бѣдны лишь отъ самихъ себя: пути сообщенія у насъ крайне недостаточны; земледѣліе находится въ дѣтствѣ; мануфактуры живутъ лишь займами извнѣ; торговля внутренняя очень слабо развита, а внѣшняя дышетъ почти однимъ иностраннымъ кредитомъ; довѣріе между частными лицами едва существуетъ; общественныхъ предприятий нѣтъ, или почти нѣтъ; науки у насъ питаются лишь крохами, падающими съ трапезы богатыхъ. — Грѣшно скрывать въ землю дарованные таланты. Не въ наказаніе, смѣемъ надѣяться, а въ назиданіе наше начинается теперь у насъ великая борьба съ Западомъ, гдѣ всякія производительныя силы, въ послѣднія 40 лѣтъ, развились до размѣровъ едва вѣроятныхъ. Въ Европѣ по желѣзнымъ дорогамъ товары и войска летятъ изъ одного конца земли въ другой; мануфактуры почти всѣ приводятся тамъ въ движеніе парами, удесятворяющими силы человѣческія; обращающихся капиталовъ столько, что даже при значительныхъ государственныхъ займахъ торговля и промышленность не терпятъ отъ того большой остановки; кредитъ частный

такъ силенъ, что случающіяся банкротства ни мало его не подрываютъ, и всякій предпринимающій что-либо дѣльное всегда находитъ деньги; общественныхъ предприятий столько, что правительства считаютъ даже долгомъ налагать нѣкоторыя границы слишкомъ заносчивымъ предприятиямъ; наконецъ, науки втянули въ кругъ своей дѣятельности земледѣліе, мануфактуры, кредитъ, финансы и проч., и по всѣмъ частямъ онѣ творятъ неслыханныя доселѣ чудеса. Даже военное дѣло до того усовершенствовано тамъ наукою, что среди мира сдѣланы въ немъ значительныя улучшения: оружія французскія и англійскія имѣютъ рѣшительное превосходство надъ нашими, французскіе стрѣлки уничтожаютъ нашихъ артиллеристовъ и смущаютъ наши колонны; а флоты Англии и Франціи, воспользовавшіеся новѣйшими усовершенствованіями, ходятъ по морямъ, какъ люди ходили доселѣ по суху.

Что Россіи теперь дѣлать?

Что же намъ теперь дѣлать? Какъ развивать намъ свои силы и разрабатывать тѣ богатства, которыми мы такъ щедро надѣлены отъ Бога?... Средствъ къ тому много, указать ихъ не трудно; но теперь нужнѣе всего достать денегъ, много денегъ, и не въ будущемъ, а въ настоящемъ,—или мы должны подвергнуть себя уничтоженію предъ врагами нашими.

Конечно, ни одинъ русскій не согласится купить миръ, хотя для насъ крайне нужнѣе, цѣною уничтоженія предъ врагами, и всякій готовъ хоть себя заложить, лишь бы только покончить съ честью дѣло, начатое съ цѣлью благою. Мы бѣдны деньгами, но богаты преданностью къ нашей родинѣ и тѣми неисчерпаемыми кладами, которые заключаются въ землѣ и въ насъ самихъ. Эта преданность къ отечеству можетъ насъ самихъ преобразить и создать даже деньги, которыхъ у насъ нѣтъ въ наличности.

Изъ чрезвычайныхъ случаевъ и средства должны быть чрезвычайныя.

Въ чрезвычайныхъ случаяхъ и средства должны быть чрезвычайныя. Доселѣ правительство и народъ составляли двѣ силы, хотя связанныя чувствами любви, но часто разъединенныя видами, интересами и способами дѣйствія. Сліяніе этихъ двухъ силъ теперь нужнѣе, чѣмъ когда-либо. Оно одно можетъ спасти насъ въ настоящую минуту. Доселѣ наше довѣріе къ казнѣ было болѣе вынужденное, чѣмъ добровольное, ибо мы ввѣряли свои наличныя деньги государственнымъ кредитнымъ учрежденіямъ, потому что, за отсутствіемъ частнаго кредита, мы почти не могли ихъ иначе помѣстять. Теперь предстоить намъ довѣрить казнѣ то, чего нѣтъ еще въ наличности и что должно быть у насъ только со временемъ. Такое довѣріе можетъ быть только добровольное и должно истекать изъ полнаго и глубокаго убѣжденія въ великой будущности Россіи: властью такого довѣрія не породить и силою не опредѣлишь и не возьмешь того, чего еще вѣтъ. Оно возможно только при полномъ, искреннемъ довѣрїи, т.-е. при сліяніи во едино правительства и народа. Одни слова не въ состояніи прозвести такого великаго дѣла; нужно для того личное, изустное общеніе между правительствомъ и народомъ. Пусть царь созоветъ въ Москву, какъ настоящій центръ Россіи, выборныхъ отъ всей земли Русской; пусть онѣ прикажутъ изложить дѣйствительныя нужды отечества,—и мы всѣ готовы пожертвовать собою и всѣмъ своимъ достоинствомъ для спасенія отечества. Какъ такая готовность можетъ выражать только наши чувства, ибо нельзя ни всѣмъ идти на войну, ни все достоинство Россіи употребить на военные расходы, то выборные, съ общаго совѣта, опредѣляютъ способъ осуществленія этой готовности. Въ людяхъ у насъ недо-

статка не было, вѣтъ и не будетъ. Мы—не англичане: наемниковъ искать не будемъ; вѣжкіи—и старій и малій—готовы идти за отечество.

Новый видъ внутренняго займа, обезпеченнаго всею достояніемъ Россіи.

Но выборные наши изыщутъ средства къ добытію денегъ для войны; они опредѣлятъ извѣстный сборъ съ деревень, съ заводовъ, съ фабрикъ, съ капиталовъ и съ другихъ имуществъ для составленія суммы—не той, которую они предоставятъ въ распоряженіе правительства и которая не можетъ быть значительною, но той суммы, которая будетъ служить только для уплаты процентовъ, съ погашеніемъ, на билеты, имѣющіе быть выпущенными на основаніи сего пожертвованія, и которая, слѣдовательно, будетъ во много разъ болѣе итога суммъ, назначаемыхъ къ ежегодному сбору. Если выборные на первый разъ опредѣлятъ ежегодный взносъ только шести милліоновъ рубасй сер., то эта сумма изъ расчета шести процентовъ дастъ уже казѣ возможность выпуска билетовъ сего новаго, такъ сказать народнаго, займа на 100 мил. руб. сер. Проценты на сія билеты опредѣлены будутъ, вѣроятно, тѣ же, какіе нынѣ платятся на билеты казначейства, т.-е. $4\frac{33}{100}$, и слѣдовательно останется одинъ процентъ на погашеніе и $\frac{68}{100}$ процента на необходимо должествующіе быть расходы и на недоимки по сбору этихъ денегъ. Сборъ сей долженъ продлиться 36 лѣтъ и, по мѣрѣ развитія нашихъ производительныхъ силъ, будетъ все менѣе и менѣе для насъ обременительнымъ. Билеты сего займа отличаются отъ нынѣшнихъ билетовъ государственнаго казначейства тѣмъ, что они будутъ уплачиваться не всёю сполна по истеченіи 8 лѣтъ, какъ то доселѣ было, а по истеченіи извѣстнаго срока ежегодно по частямъ, и что для уплаты процентовъ и погашенія долга назначена будетъ особая сумма, имѣющая собираться со всѣхъ имуществъ Россіи. Они будутъ тверды, ибо обезпеченіемъ ихъ будетъ служить все достояніе Россіи. Видъ этого пожертвованія возможенъ, ибо не все достояніе Россіи принесется въ жертву, но лишь процентъ съ онаго, т.-е. часть доходовъ съ этого достоянія. Этотъ пожертвованный налогъ будетъ менѣе тягостенъ, чѣмъ налогъ отъ правительства установленный, потому что онъ будетъ добровольно утвержденъ, что онъ падеть на такія имущества, которыя, по мнѣнію выборныхъ, могутъ оный свести, и что онъ будетъ по возможности уравнительно разложенъ. Онъ извлечетъ изъ народа и изъ кредитныхъ установленій не много денегъ, ибо изъ 100 рублей, предоставляемыхъ въ распоряженіе казны, только 6 рублей потребуется теперь, и поступать болѣею частію изъ доходовъ, а не изъ капиталовъ. Этотъ налогъ въ 6 мил. руб. сер. доставитъ казѣ 100 мил. руб. сер. и можетъ быть со временемъ повторенъ столько разъ, сколько нужны войны того требовать будутъ. Подобный выпускъ не уронитъ кредитныхъ билетовъ, ибо билеты сего займа будутъ не деньгами, ищущими помѣщенія, но деньгами уже помѣщенными и проценты приносящими.

Быть-можетъ, что, одобряя предлагаемую мною мѣру, иные скажутъ, что они не видятъ необходимости созывать выборныхъ со всѣхъ концовъ Россіи, когда наше правительство само можетъ установить всякій нужный налогъ. На это я долженъ отвѣчать, что налоги у насъ и теперь не легки, что новаго налога на какіе-либо вещественные, осязательные предметы придумать теперь трудно, что правительство справедливо опасается усиливать налоги уже существующіе, что усиленные налоги никогда не дадутъ ожидаемаго отъ нихъ сбора, что государь принимаетъ пожертвованія, и что даже онъ своимъ послѣднимъ манифестомъ насъ на то вынуждаетъ. Слѣдовательно, пожертвованія самимъ правительствомъ считаются нужными. Главная цѣль моего предложенія есть доставить для продолженія войны суммы значительныя

и вмѣстѣ съ тѣмъ дать пожертвованіямъ видъ разумный и цѣли соответственный, ибо нельзя не сознаться, что бывшія доселѣ пожертвованія, въ которыхъ участвовали болѣе или менѣе, посредственно или непосредственно, почти всакій русскій, доставили казнѣ мало, очень мало денегъ. Попробуйте указомъ установить налогъ съ доходовъ, и вы увидите, что онъ доставитъ казнѣ еще менѣе денегъ, чѣмъ сколько ей доставили пожертвованія, даже въ настоящемъ видѣ. Переложите его даже на имущества, и вы въ десять гѣтъ не опредѣлите цѣнности имущества, или разверстаете его такъ, что иной будетъ платить мало, а другой несоразмѣрно много, и вы, какъ разъ, установите премію въ пользу обмана и бесовѣстности и налогъ на честность и усердіе къ отечеству. Чтобъ этотъ налогъ былъ пронаводителенъ, надобно, чтобъ онъ былъ добровольнъ, чтобъ онъ доставлялся по собственному личному убѣжденію въ необходимости и пользѣ этого взноса и чтобы кляймо стыда налагалось общимъ мнѣніемъ на уклоняющихся отъ сей повинности.

Возраженія противъ предлагаемаго способа.

Противъ сего единственнаго, по моему мнѣнію, способа къ спасенію отечества въ предстоящей борьбѣ съ Европою могутъ быть сдѣланы слѣдующія возраженія:

1. Собраніе выборныхъ можетъ затруднить дѣйствія правительства.
2. Созваніе выборныхъ неудобно по огромному пространству Россіи и по медленности нашихъ сообщеній. Также щекотливо рѣшить, отъ какихъ сословій выборные должны явиться въ собраніе.
3. Сборъ процентный для выпуска билетовъ предлагаемаго займа не доставитъ ожидаемыхъ отъ него суммъ, какъ потому, что невозможно опредѣлять съ нѣкоторою вѣрностію стоимость имущества Россіи, такъ и потому, что взносъ этихъ денегъ будетъ едва ли исправенъ.

Разсмотримъ сіи возраженія одно послѣ другаго.

Созваніе выборныхъ можетъ затруднить дѣйствія правительства.— Опроверженіе.

Первое возраженіе истекаетъ изъ знанія Европы и ея исторіи и изъ незнанія Россіи и ея исторіи. Какъ оппозиціонный духъ присущъ Западу, такъ онъ чуждъ человѣку русскаго. Исторія наша можетъ служить тому неопровержимымъ доказательствомъ. Выборные отъ всей земли Русской собирались много разъ въ земскую думу, представляли царю свои приговоры и не оставили въ исторіи ни единого слѣда оппозиціоннаго направленія. Думы думали, царь рѣшалъ, и дѣйствія правительства ничѣмъ не ограничивались. Подобныя думы созывались при предѣлахъ нынѣ царствующаго императора, даже въ первые годы царствованія Петра Великаго. При императрицѣ Екатеринѣ были созваны депутаты для составленія Общаго Уложенія для Имперіи; дѣло не удалось по разнымъ причинамъ, но, конечно, не по оппозиціонному духу, въ немъ развившемуся. Даже императоръ Александръ, въ годъ вторженія Наполеона въ наши предѣлы, созывалъ московское дворянство и купечество, какъ представителей Россіи, ибо тогда не доставало времени для созыва выборныхъ отъ всей земли Русской; и въ этомъ собраніи союзъ государя съ народомъ скарженъ былъ такъ, что вся Россія оживилась однимъ чувствомъ, что встала вся, какъ одинъ человѣкъ, и готова была положить и себя, и все достоиніе на алтарь отечества.— Собранія дворянства, купечества, мѣщанства и крестьянъ бывають у насъ постоянно въ узаконенные сроки, и ни въ одномъ подобномъ собраніи не про-

является никогда духъ оппозиціонный. Почему: по слабости ли, по разъединенности ли и по необразованности этихъ собраній? Но развѣ слабыя, еще болѣе разъединенныя и еще менѣе просвѣщенные французскія, итальянскія, нѣмецкія и другія общины и сословія съ древнѣйшихъ временъ не проявляли оппозиціи и противъ королевской власти, и одинъ противъ другаго? Мы любимъ власть, вѣрять ей и убѣждены въ томъ, что она должна быть сильна, чтобы быть благотворною; и сопротивление власти, потребность ее ограничить—такъ же чужды русскаго народа, какъ и самого православія, составляющаго сущность всего нашего быта. Для иностранцевъ это непонятно; для людей хотя русскихъ, но образованныхъ духомъ Запада—оно также кажется страннымъ; но для всякаго истинно-русскаго оно такъ естественно и разумно, что онъ даже не допускаетъ возможности противнаго направленія у насъ въ Россіи и съ сожалѣніемъ смотритъ на мутящуюся Европу. Созваніе выборныхъ въ Москву въ теперешнее, крайне важное и грозное время оживитъ всю Россію, скрѣпитъ союзъ царя съ народомъ и воздвигнетъ такую силу, которая въ состояніи будетъ сокрушать всѣ замыслы искусственно соединенной Европы.

Собраніе выборныхъ затруднительно по пространству Россіи.—Опроверженіе.

Второе возраженіе столь же мало основательно. Конечно, Россія пространна и сообщенія у насъ медленны; но созывъ, избраніе и прїѣздъ выборныхъ въ Москву потребуетъ не болѣе двухъ-трехъ мѣсяцевъ. Если изъ отдаленныхъ странъ они и не прїѣдутъ къ сроку, то бѣда не велика. Одинъ манифестъ объ этомъ созывѣ уже произведетъ большое воодушевленіе въ Россіи и въ ея войскахъ. Европа кознями и софизмами соединяетъ силы вѣщественныя, нравственныя и умственные противъ Россіи. Неужели штывами и одними массами мы думаемъ ихъ одолѣть? Необходимо обратиться къ живымъ русскимъ силамъ,—къ сочувствію, къ смѣлости, къ самоотверженію русскихъ. Этого теперь нельзя произвести одними манифестами. Въ такую минуту, какова настоящая, необходимо царю и народу стать лицомъ къ лицу и въ живомъ общеніи скрѣпить соединяющія ихъ узы.—Такое созваніе и на Европу произведетъ дѣйствіе весьма сильное. Тамъ увидятъ, что уже имѣютъ дѣло не съ однимъ С.-Петербургскимъ кабинетомъ, а со всѣмъ народомъ русскимъ; а тамъ знаютъ, что такое войны противъ народовъ. Западные державы видятъ, что наши дипломаты, нѣкогда заносчивые, теперь мягки и уступчивы, и что избранный нами способъ войны оборонительной предоставляетъ имъ выгоды огромныя; а потому онѣ надѣются, что Россія постепенными уступками доведена будетъ до того, что она возвратитъ все пріобрѣтенное ею въ теченіе послѣднихъ 50 лѣтъ. Одно созваніе выборныхъ въ Москву подниметъ духъ русскій и подавитъ дерзкіе замыслы Европы.—Что же касается до рѣшенія того, отъ какихъ сословій должны быть созваны выборные, то это зависитъ совершенно отъ воли правительства. Отъ кого ожидаютъ и желаютъ пожертвованій, отъ тѣхъ должно созывать и выборныхъ.

Сборъ процентный для выпуска билетовъ предлагаемаю займа не доставитъ ожидаемыхъ отъ него суммъ.—Опроверженіе.

Наконецъ, должно рассмотреть послѣднее возраженіе. Основаніемъ ему служатъ, какъ кажется, или чиновничья понятія о вещахъ, или отчаяніе въ будущности Россіи. Конечно, опредѣленіе цѣнности имущества въ Россіи крайне затруднительно для правительства, дѣйствующаго за померами, на бумагѣ и чрезъ чиновниковъ, вообще

не пользующихся ни его, ни нашимъ уваженіемъ; но теперь, когда всѣ трепещутъ за честь, безопасность и судьбу Россіи, и когда всѣ пламенно желаютъ помочь царю въ предстоящей борьбѣ съ Европою, то и это, конечно, трудное дѣло окажется не только возможнымъ, но даже и менѣе многосложнымъ, чѣмъ вообще полагаютъ. Впрочемъ, всякая вещь трудна и легка, невозможна и удобна—глядя потому, съ какого конца за нее возьмешься. Ученый кадастръ, какъ его дѣлали во Франціи и Баваріи, для насъ невозможенъ; но приблизительная оцѣнка, подъ вліяніемъ общей готовности всякаго русскаго пожертвовать всѣмъ для спасенія отечества, сдѣлается такъ легко и скоро, что изумятся даже тѣ, которые считаютъ это дѣло не крайне труднымъ. Русскій человѣкъ одаренъ чудною способностью дѣла дѣлать просто: плотникъ выстраиваетъ и выдѣлываетъ небо съ помощью одного топора; счеты съ деревянными катушками замѣняютъ ему всякую бухгалтерію. Почему и выборные въ нѣсколько дней изустныхъ совѣщаній болѣе и лучше все это устроятъ, чѣмъ могли бы то сдѣлать чиновники въ продолженіе многихъ годовъ. Съ помощію нѣкоторыхъ статистическихкихъ данныхъ, имѣющихся въ министерствахъ финансовъ и внутреннихъ дѣлъ, и свѣдѣній, которыя доставятъ сами выборные, это опредѣленіе цѣнности имущества легко можетъ быть составлено. На первый разъ оно будетъ несовершенно; впоследствии оно можетъ быть исправлено самими выборными на мѣстахъ; но главное дѣло уже будетъ сдѣлано.— Сомнѣваться же въ сборѣ сихъ процентныхъ денегъ—значитъ отчаяваться въ Россіи. Если правительство не имѣетъ вѣры въ насъ, если мы не имѣемъ вѣры въ него и въ самихъ себя, то остается намъ просить, Христа ради, помилованія у враговъ нашихъ. Какъ такіа мысли чужды всякаго русскаго, то не считаю нужнымъ останавливаться болѣе на проверженіи сего мнѣнія.

Самыя существенныя возраженія противъ предлагаемаго займа.

Самыя существенныя возраженія, которыя могутъ быть сдѣланы противъ выпуска билетовъ новаго, мною предлагаемаго займа, заключаются, во первыхъ, въ томъ, что огромное ихъ количество, прибавленное къ суммѣ уже выпущенныхъ кредитныхъ билетовъ, уронитъ цѣнность бумажныхъ денегъ вообще, и, во вторыхъ, что для приобрѣтенія сихъ билетовъ усилятся выемки изъ кредитныхъ установленій и уменьшатся вклады въ оныя; и что, слѣдовательно, сказанное мною противъ выпуска кредитныхъ билетовъ и противъ внутреннихъ займовъ вообще можетъ быть сказано и противъ этого займа. Въ этомъ много справедливаго, хотя и не все. Конечно, масса денегъ прибавится, ибо часть билетовъ новаго займа замѣнитъ деньги, обращающіяся въ народѣ, а равно и лежащія въ кассахъ на случай надобности въ оныхъ; но не должно выпускать изъ виду существенную разницу, имѣющуюся между кредитными билетами и билетами новаго займа: первые требуютъ помѣщенія, послѣдніе суть уже деньги помѣщенія и проценты приносящія. Правда, что сіи билеты отчасти увеличатъ денежный итогъ въ государствѣ, но только отчасти, ибо значительнѣйшая часть изъ нихъ будетъ лежать, какъ билеты банковые, въ шкатукахъ, въ залогахъ и проч. и, слѣдовательно, не будетъ собою умножать обращающійся денежный капиталъ. Что же касается до умноженія выемокъ и уменьшенія вкладовъ, то, конечно, необходимо будетъ усилить резервный фондъ банковъ, т.-е. выпустить кредитныхъ билетовъ на нѣкоторую сумму; но этотъ выпускъ, соединенный съ выпускомъ билетовъ, приносящихъ проценты, будетъ незначителенъ и во всякомъ случаѣ несравненно менѣе обременитъ денежный обращающійся фондъ, чѣмъ еслибы допущено было умноженіе оного чрезъ выпускъ однихъ кредитныхъ билетовъ. Сверхъ того, этотъ заемъ, заключая въ самомъ себѣ и свое погашеніе, не готовитъ правительству въ

будущемъ никакихъ затрудненій, чего, конечно, нельзя сказать о выпускѣ однихъ кредитныхъ билетовъ. Само собою разумѣется, что гораздо было бы выгоднѣе для государства и для частныхъ лицъ не умножать кредитныхъ билетовъ и не дѣлать новаго займа; но какъ война не грозитъ намъ въ будущемъ, а уже есть въ настоящемъ, то лучше откровенно занять у будущаго и тяжесть ея разложить на всѣхъ гражданъ, чѣмъ молча, такъ сказать украдкою, разорять государство, подвергать значительному убытку всѣхъ производителей въ теченіе продолжительнаго времени и готовить въ близкой будущности полное государственное банкротство въ Россіи.— Главная моя надежда при предлагаемой мною мѣрѣ основана на оживленіи Россіи въ промышленномъ и торговомъ отношеніи. Какъ мы страдаемъ не худосочиємъ и не истощеніемъ силъ, а только застоємъ крови во всѣхъ частяхъ нашего огромнаго тѣла, то при одушевленіи, которое неминуемо произведетъ въ насъ съ искренностію написанный манифестъ о собраніи выборныхъ отъ всей земли Русской и при нѣкоторыхъ мѣрахъ къ поощренію торговли, промышленности и земледѣлія, всѣ наши силы—умственные и вещественныя—быстро устремятся къ развитію. Въ этомъ великомъ дѣлѣ существенную пользу должно принести собраніе выборныхъ: люди разныхъ сословій и изъ разныхъ мѣстностей укажутъ на причины застоя внутренней торговли, на препятствія, удерживающія развитіе мануфактуръ и земледѣлія, и на мѣры, которыя могутъ быть приняты для усиленія и распространенія всѣхъ отраслей народной промышленности. При нынѣшнемъ застоѣ денегъ у насъ, быть-можетъ, уже слишкомъ много, при оживленіи же промышленности почувствуется въ нихъ даже недостатокъ; и одновременные выпуски билетовъ кредитныхъ и билетовъ заемныхъ не только не переполнятъ чашу денежнаго обращенія, но будутъ источниками умноженія народныхъ богатствъ. Все дѣло въ томъ, чтобы насъ принудить къ разработкѣ нашихъ сокровищъ, и если война это исполнять, то милліоны, которые она поглощать, возвратятся къ намъ съ лихвою.

Франція произвела одинъ значительный заемъ и рѣшилась учинить другой, Австрія прибѣгла къ этому средству въ размѣрахъ огромныхъ и Англія также готовится на подобную мѣру. Россія заняла 50 мил. рублей чрезъ посредство банкира Щиглица, выпустила нѣсколько серій билетовъ казначейства и усилила на 50 мил. резервный фондъ банковъ; но всѣхъ этихъ денегъ едва должно быть достаточно на расходы истекающаго года, будущія же потребности войны остаются, кажется, непокрытыми. Къ какимъ средствамъ прибѣгнетъ нынѣ правительство для полученія нужныхъ денегъ? Прибѣгнетъ ли оно къ усиленію налоговъ, или къ внутреннему займу, или къ выпуску кредитныхъ билетовъ, или къ пожертвованіямъ, или къ совокупности всѣхъ этихъ средствъ? Или, изъ опасеній финансовыхъ, рѣшится оно на миръ неславный?... Всѣ эти опасенія терзаютъ Россію, подавляютъ духъ ея и убиваютъ ея промышленность и торговлю. Тайна нужна въ нѣкоторыхъ военныхъ и дипломатическихъ дѣлахъ; но она есть гробъ для государственнаго кредита. Мы вѣримъ вполне людямъ и правительствамъ, которыхъ дѣла намъ вполне извѣстны. Какъ скоро они начинаютъ свои распоряженія прикрывать тайною, то довѣріе наше слабѣетъ и, наконецъ, исчезаетъ. Доказательствъ тому много и въ частной, и въ государственной жизни. Кто долженъ болѣе Англіи, и чей вѣстѣ съ тѣмъ кредитъ крѣпче англійскаго? Почему?—потому что всѣ дѣйствія англійскаго правительства по финансовой части совершенно гласны. Могъ скрывать свои дѣла Наполеонъ, стремившійся покорить міръ подъ свою державу и разорившій чрезъ то Францію и всю Европу; но Россія въ настоящей войнѣ стоитъ за дѣло святое, всѣ сыны ея

вполнѣ сочувствуютъ въ этомъ своему царю и готовы отдать все для достиженія благой цѣли настоящей войны. Правительство можетъ сказать: мнѣ нужно столько-то денегъ и на такія-то потребности,—и Россія со всѣми ея физическими, нравственными и умственными силами окружитъ царя и составитъ ему противъ европейскихъ домогательствъ оплотъ несокрушимый! Какаѣ вѣсть съ тѣмъ жизнь разовьется во всей Имперіи: прекратится тяжкая невѣдѣнность, убивающая нынѣ торговлю и промышленныя предпріятія; всякій, зная, что добывать деньги нужно, будетъ изыскивать къ тому средства; съ оживившимся довѣріемъ къ правительству возникнутъ у насъ новые фабрики и заводы; составятся компаніи для устройства нужнѣйшихъ жельзныхъ дорогъ, и внутренніе обороты такъ усилятся, что съ излишкомъ вознаграждать насъ за временное отсутствіе внѣшней торговли. Нужно для всего этого лишь одно довѣріе царя къ народу; народъ же съ своимъ довѣріемъ уже стремится къ нему на встрѣчу. Да утвердитъ Господь довѣріе между царемъ и народомъ и да будетъ оно для нихъ источникомъ крѣпости, богатства и славы!

Декабря 1854 года.

Москва.

ПРИЛОЖЕНИЕ ДВѢНАДЦАТОЕ.

Перечень лицъ, участвовавшихъ въ изданіи „Русской Бесѣды“, съ указаніемъ сочиненій. „Бесѣды вышло: въ 1856 г.—IV части, въ 1857 г.—IV части, въ 1858 г.—VI частей, въ 1859 г. VI—частей и въ 1860 г.—II части.

I. Стихотворенія.

Аксаковъ (И. С.). 1856: Не дай душѣ твоей забыть; Усталыхъ силъ я долго не жалѣть; Добро-бъ мечты, добро бы страсти, I, 5—9.—1857: Отвѣтъ, I, 2—4.—1858: на 1858 годъ, I, 1—2.—1859: Зачѣмъ душа твоя смирна; Отдѣлъ; Моимъ друзьямъ; Опять тоска, опять раздоръ, V, 8—14; Пусть сгинетъ все, къ чему сурово, VI, 2—3.—1860: Пророкъ, I, 133—136.

Аксаковъ (К. С.). 1856: Литераторы натуралисты, II, 58—60.—1895: Совѣты, III, 2—4.

Баратынскій (Е. К.). 1859: Спасибо злобѣ хлопотливой, II, 1.

Беръ (Н. В.). 1857: Легенда верхнихъ лужичанъ, IV, 82—85.—1858: Отрывокъ изъ „Коврада Валленрода“, II, 7—10.

Вяземскій кн. (П. А.). 1856: На церковное строеніе, II, 54—56.—1858: Прага, Зонненштейнъ, III, 1—3.

В. В. 1857: Молодая Бредя, Хорутанская пѣсня, Сербская пѣсня, II, 147—152.

Гротъ (Я. К.). 1859: Царское Село, VI, 6—8, и Скальдъ, 9—10.

Жуковский (В. А.). 1856: Розы, I, 12.—1859: Незаданное стихотвореніе, IV, 1—2.

Киртневскій (П. В.). 1856: Сербская пѣсня, переводъ, IV, 86—88; Русскія народныя пѣсни изъ „Сборника“, I, 44—64; II, 24—31.

Колчановская. 1860: Нѣсколько русскихъ пѣсень, I, 41—132; Остатки боярскихъ пѣсень, II, 71—142.

Никитинъ (И. С.). 1857: Пахарь, Няшій, IV, 79—82.—1858: пѣсня, II, 6—7; Опять знакомыя видѣнья, Разговоры, Ночлегъ въ деревнѣ, Въ чистомъ полѣ тѣнь шагаетъ, Помнишь съ алмами краями, VI, 3—7.

Одоевскій (А. И.). 1857: Съ сѣвера на югъ, II, 145.—1859: На смерть П. П. К., I, 3—4; Два образа, далекій путь, II, 2—5; Я—ну, раздѣлившему со мною вѣтву съ могилы Лауры, III, 3; Славянскія дѣвы, IV, 10—11.

Павловой (К. К.). 1859: А. Д. Б—ой, IV, 11—12.

Петровскій (М.). 1856: Съ чешскаго и иллирійскаго, III, 104—108.—1857: Бывало, изъ Сырокомли, II, 145—147.—1859: Заря, Славянскій поэтъ русскому, Для чего намъ знать твои страданья, III, 12—16; Много, сынъ мой, разныхъ книгъ, съ чешскаго, IV, 12.

Побѣдоносцевъ (Б. П.). 1859: Старые листья, II, 7—8; Вѣчная память, Не говори мнѣ словъ мірскаго утѣшеня, Житейское море, V, 5—7.

Полонскій (Я. П.). 1856: И. С. Аксакову, III, 103—104.

Пушкинъ (А. С.). 1859: Кн—вѣ Урусовой, III, 1.

Соколовъ (А.). 1858: Фарисъ, баллада Мядкевича, IV, 8—14.

Стаховичъ (М. А.). 1856: Пѣсни, Пѣсни юности, Вечерняя пѣсня, I, 9—11; степи, II, 56—57.

Гр. Толстой (А. К.). Лишь только одна я останусь съ собою; Станція; У приказныхъ воротъ собирался народъ; Не Божьимъ громомъ горѣ ударило; О честь ли то молодцу лень прости; Ты невѣдомое, незнаемое, III, 146—150.—1858: Грѣшница; Ты почто, злая кручинушка; Звонче жаворонока пѣнье; Разсѣвается, разстиляется; Что ни день, такъ полымя со влагой, I, 82—90; Ты клонись ликъ, о немъ упоминая; Вырастаетъ дума, словно зарево; Тебя какъ любятъ всё, одинъ твой тихій видъ; Хорошо, братцы, тому на свѣтѣ жить; Какъ бы знала я, какъ бы вѣдала; Ахъ ты гои еси, правда матушка; Когда былъ обвиненъ Старикій воевода, III, 3—8.—1859: Иоаннъ Дамаскинъ, I, 5—30; Нѣтъ ужъ мнѣ не вѣдать, братцы, ни сна, ни покою; Сижу да гляжу я все, братцы, вонъ въ эту сторонку; И. С. Аксакову, II, 5—7; Есть много звуковъ въ сердца глубинѣ; Къ страданьямъ чужимъ ты жалости полна; О еслибы ты могъ, хоть на единый мигъ, V, 4; Изъ Крымскихъ очерковъ,—4—7; Изъ Байрона; Исполать тебѣ жизнь, баба старая; Ты помнишь ли вечеръ, какъ море шумѣло.

Тютчевъ (Ф. И.). 1857: Эти бѣдныя селенья; Вотъ отъ моря и до моря; О вѣщая дума моя, II, 143—144.—1858: Она сидѣла на полу; Надъ этой темною толпой; Есть въ осени первоначальной; Въ часы, когда бываетъ; Смотри, какъ рожа зеленѣетъ; Живыми сочувствіемъ пріявѣта, II, 2—6; Въ альбомъ Ганкѣ, IV, 1—2.—1859: Осенней поздней порою, I, 2—3.

Хомяковъ (А. С.). 1856: Звѣзды; Вечерняя пѣснь; Ночь; Беззвѣздная ночь дышала прохладой, I, 1—4; Какъ часто во мнѣ пробуждалось; Не гордись передъ Бѣлградомъ, II, 52—56; 26 августа, III, 1—2.—1857: По прочтеніи псалма, I, 1—2; Сербская пѣснь, IV, 78—79.—1858: Широка, необозрима, I, 2—3; Къ И. В. Кирѣевскому, I, 4; Труженникъ, II, 1—2.—1859: Судъ Божій, I, 1—2; Подвигъ есть и въ сраженіи, II, 1; Поле мертвыми костюми все бѣлѣется кругомъ, III, 4; Спи, V, 1; Помнишь, по стезѣ нагорной, VI, 1—2.

Шевченко (Т. Г.). 1859: Два малороссійскія стихотворенія, III, 4—6.

Языковъ (Н. М.). 1859: Сіяетъ яркая полночная луна, III, 2—3; А. Н. Вульфъ, IV, 7—10; Я помню, былъ веселъ и шуменъ мой день; Къ баронессѣ Е. П. В., V, 1—4.

О. С. А. 1859: Одичалый, III, 6—12.

II. Проза.

Аксаковъ (И. С.). 1858: Украинскія ярмарки, II, 87—158; ремесленный союзъ въ Ярославской губерніи, II, 209—215.

Редакціонныя статьи. 1859: примѣчаніе къ письму Милчевича изъ Бѣлграда, II, 145—50; предисловіе къ письмамъ Якушкина, IV, 1—4; примѣчаніе къ статьѣ г. Безсонова о Типографской библіотекѣ, V, 104—105; примѣчаніе къ статьѣ г. Якушкина „Проницательность и усердіе псковской полиціи“, V, 106—108; послѣдняя страница въ дѣлѣ г. Якушкина съ псковскою полиціею, VI, 101.

Аксаковъ (К. С.). 1856: о русскомъ возрѣніи, I, 84—86; II, 139—147; богатыри временъ В. Князя Владимира, IV, 1—167; критическія статьи. 1856: VI томъ „русской исторіи“ Соловьева, IV, 1—53.—1857: обзоръ современнѣйшей литературы, I, 1—39; возраженіе на статью Соловьева „Шлецеръ и антиисторическое направленіе“, III, 104—141.—1858: разборъ VI тома „Исторіи Соловьева“, II, 1—33; разборъ „Бѣ-

левской Вивлюенки, III, 14—46; о повѣсти г-жи Кохановской „Послѣ обѣда въ гостяхъ“, IV, 141—144; замѣтка о переводѣ Тацита Кроненбергомъ, IV, 152—154.—1859: послѣсловіе къ разбору романа „Тысяча душъ“ Писемскаго, II, 17—20; повѣсть о Бражникѣ, объясненіе, VI, 181—183; разборъ „исторической грамматики“ Буслаева, V, 65; VII, 122.—1860: разборъ VIII т. „Исторіи Россіи“ Соловьева, I, 1—34; о драмѣ Писемскаго „Горькая судьбина“, I, 133—134.

Князь Луповецкій, комедія, въ приложеніи.

Аксаковъ (С. Т.). 1856: отрывокъ изъ „Семейной хроники“, молодежи въ Багровѣ, II, 1—51; литературныя и театральныя воспоминанія, IV, 1—52.—1857: дѣтскіе годы молодого Багрова, IV, 1—33.—1858: литературныя и театральныя воспоминанія, I, 5—37; II, 52—84; III, 9—43; встрѣча съ мартинистами, I, 31—76.—1860: отрывокъ изъ повѣсти „Наташа“, II, 1—20.

Аппелъротъ (Г. Я.). 1857: основное народное образованіе, IV, 64—99.—1858: I, 138—181.

Арсеній іеромонахъ. 1859: судьба православной греко-италійской церкви, VI, 53—94.

Бартеневъ (П. И.). 1857: біографія И. И. Шувалова, I, 1—80; гр. Арх. Ив. Марковъ, IV, 1—77.—1860: біографическія воспоминанія о Хомяковѣ, II, 23—38. Кромѣ того, Бартеневъ занимался изданіемъ „Записокъ Державина“ и составилъ къ нимъ примѣчанія.

Безсоновъ (П. А.). 1856: критическій разборъ „Описаніе славянскихъ рукописей Московской Синодальной бібліотеки“, II, 1—90.—1857: Лазарица, сербскія преданія, II, 38—70; возраженіе на статью Соловьева „Шлецеръ и антиисторическое направленіе“, III, 73—90.—1859: Типографская бібліотека въ Москвѣ, V, 39—105; о горѣ и веселіи и царѣ Разумѣ, стихъ найденный въ рукописи съ объясненіями, VI, 11—26.—1860: нѣсколько данныхъ по поводу статьи г. Викторова о типографской бібліотекѣ, I, 33—62; к. Ф. Калайдовичъ, біографическій очеркъ, II, 1—50.

Макс. Иван. Невзоровъ, біографическій очеркъ, 1856, II, 86—128.

Русское государство въ половинѣ XVIII вѣка, рукопись временъ царя Алексѣя Михайловича, открытая Безсоновымъ,—въ особомъ приложеніи.

Бибииковъ (М. П.). 1856: старый дворецкій, няня, II, 61—76; некрологъ его 1856 г., 129—130 *).

Бобриневъ (А.). 1858: замѣтки русскаго офицера въ 1849 году, IV, 15—34.

Бальскій (С.). 1856: о вліяніи промышленности на земледѣліе, IV, 102—128.

Бяляевъ (И. Д.). 1856: критическій разборъ статьи Чичерина „Обзоръ историческаго развитія сельской общины въ Россіи“, I, 101—146; еще о сельской общинѣ, отвѣтъ Чичерину, II, 114—141; сочиненіе Гладкова „О вліяніи состоянія частныхъ лицъ на право поземельной собственности“, II, 91—113; критическій разборъ сочиненія Лохвицкаго „Очеркъ церковной администраціи въ древней Россіи“, III, 44; споръ о сельской общинѣ С. Соловьева, IV, 115—123.—1857: историческій взглядъ на крѣпостное состояніе въ Россіи, Вельтмана, II, 93—98; по поводу статьи Иванычева о сельскихъ общинахъ, III, 58—63; приходъ, III, 90—96; кварталъ, IV, 148—160.—1858: критическій разборъ V тома лекцій и изслѣдованій Погодина, I, 28—45; замѣтка по поводу письма Лохвицкаго о рецензій Бяляева, I, 46—53; городъ, I, 197—212; деревня, II, 189—208; разборъ Бялевской Вивлюенки, III, 1—12; разборъ сочиненія Лешкова „Русскій народъ и государство“, IV, 35—72.—1859: крестьяне на

*) Бибииковъ помѣщалъ свои очерки въ „Москвитянинъ“ и „Московскихъ Вѣдомостяхъ“.

Руси, I, 33—88; II, 39—94; III, 65—104; IV, 51—112; V, 13—78; VI, 95—180.—1860: о круговой поруки на Руси, II, 1—100.

Блалевъ (Ил. В.). 1856: борцы въ древней Руси, II, 57—71.—1858: разборъ сочиненія святца Флорова о православныхъ церковныхъ братствахъ, I, 1—12; объ историческомъ значеніи дѣяній Московскаго собора 1561 г., IV, 1—34.

Веселовскій (В. И.). 1859: очерки современной польской литературы и журналистики, III, 1—66 *).

Восчокъ Марко. 1859: Маша, III, 43—56.

Вышеславцевъ. Севастополь въ послѣдніе мѣсяцы осады, II, 47—96.

О. В. (изъ Венгрии). 1859: объ уни венгерскихъ русиновъ, IV, 1—50.

Гилъбердинъ (А. Ф.). 1856: не изданное свидѣтельство современника о Владимірѣ Святомъ и Болеславѣ Храбромъ, I, 1—34; народное возрожденіе сербовъ-лужичанъ въ Саксоніи, I, 1—35; о русской литературной дѣятельности въ Галиціи, I, 35—41; юго-славянскіе рассказы, II, 29—56; извѣстіе изъ Нижнихъ Лужицъ, II, 127—128.—1857: письмо изъ Бѣлграда, I, 89—93; о всеславянскомъ словарѣ Шумавскаго, I, 94—96.—1858: предисловіе св. Кирилла къ переводу Евангелія, I, 108—116; Боснія, I, 54—76; II, 65—93; III, 64—97; IV, 51—80.—1859: I, 99—138; II, 57—104; Боснія въ началѣ 1858 г., III, приложение; греческая служба Кириллу и Меѳодію и житіе св. Наума Болгарскаго, II, 127—144; письмо объ исторіи сербовъ и болгаръ, III, 105—160; IV, 113—210; о книгѣ Іована Хаджича „Духъ церкви Сербской“, V, 1—42; Венгрія и славяне, II, 1—42; чѣмъ поддерживается православная вѣра у южныхъ славянъ, II, 1—28; о филологической дѣятельности Хомякова, II, 47—55.

Гилларовъ (Н. П.) (Н. Г—ъ). 1856: разборъ сочиненія Аксакова „Семейная хроника и воспоминанія“, I, 1—69; разборъ сказанія о странствіи и путешествіи инока Паренія, III, 1—45.—1857: новое объясненіе по старому спору о народности въ наукѣ, IV, 171—194.—1858: нѣсколько словъ о механическихъ способахъ изслѣдованія исторіи, I, 61—87.—1859: о брошюрѣ „Современныя идеи православныхъ лн“, I, 47—56; рационалистическое движеніе философіи новыхъ временъ, III, 1—64; разборъ „Исторіи русской церкви“ Макарія, III, 1—36; о новой повѣсти г-жи Кохановской „Изъ провинціальной исторіи портретовъ“, III, 64—86—1860: о судьбѣ убѣжденій, по поводу смерти Хомякова, II, 61—88 (прил.).

Гогольскій. 1857: „Вѣра“, изъ философскаго лексікона, II, 1—18.

Грабовскій (М. А.). 1858: Гр. Генрихъ Ржевусскій, II, 1—32; III, 1—26.

Григорьевъ (Ап. Ал.). 1856: о правдѣ и искренности въ искусствѣ, III, 1—78.

Григорьевъ (В. В.). 1856: Т. Н. Грановскій до его профессорства, III, 17—46; IV, 1—57.

Гротъ (Я. Е.). 1859: Мысли Як. Гримма о національномъ словарѣ, VI, 1—52.

Г—ва (Н.). 1858: письмо петербургскаго жителя къ московскому пріятелю, I, 182—196.

Даль (В. И.). 1856: письмо къ издателю А. И. Кошелеву, III, 1—16; картины изъ русскаго быта: бредъ, варнакъ, клякуша, IV, 53—82.—1857: мертвое тѣло, не вѣста съ площади, 109—142; IV, 34—77.—1860: о русскомъ словарѣ, рѣчь, I, 111—130.

Даскаловъ (Х.). 1858: Возрожденіе болгаръ, II, 1—65; переводъ съ сербскаго лѣтописи Герцеговины 1831—1857 іеромонаха Профодія Чокорило, II, 93—121.

Державинъ (Г. Р.). 1859: записки, I, 2—48; II, 49—120; III, 121—288; IV, 289—388; V, 389—502.

*) Рядъ статей Веселовскаго о томъ же предметѣ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ въ 1857 и 58 годахъ.

Дестунисъ (Г. С.). 1859: обзорніе дѣятельности независимыхъ грековъ въ 1858 году, II, 21—36.

Дестунисъ (Ю. С.). 1859: голосъ грека въ защиту Византіи, II, 81—158.

Дмитріевъ-Мамоновъ (М.). 1856: о фламандской живописи, I, 54—60; о томъ же, по поводу возраженій г. Фонъ-Крузе, III, 109—118.—1859: значеніе византійской живописи въ исторіи искусства, IV, 77—98.

Надежда (Д.). 1859: чему мы женщины учились, III, 21—50.

Елакинъ (В. А.). 1858: мѣсто венгровъ среди народовъ Европы, I, 117—168.

Ершовъ (А. С.). 1856: желѣзныя дороги, II, 63—89; обзорніе высшаго технического образованія въ западной Европѣ, II, 30.

Жуковский (В. А.). 1856: о меланхоліи въ жизни и въ поэзіи, I, 13—27; нѣчто о привидѣніяхъ, 28—43.—1859: письмо о бракѣ съ дѣвицею Фонъ-Рейтернъ, III, 17—42.

Журавскій (Д. П.). 1856 годъ на южномъ берегу Крыма, III, 47—78.

Иванищевъ (Н. Д.). 1857: о древнихъ сельскихъ общинахъ въ юго-западной Россіи, III, 1—25.—1858: свѣдѣнія о началѣ униі, III, 1—61.

Кирѣевскій (И. В.). 1856: о необходимости и возможности новыхъ началъ для философіи, II, 1—48.—1857: отрывки найденные въ бумагахъ Кирѣевского, I, 1—24.—1858: островъ, II, 11.

Извѣстіе о смерти И. В. Кирѣевского 1856, IV.

Клуиъ. 1857: словенцы, III, 65—122.—1859: I, 87—120; II, 95—126.

Ковалевскій (Ев. П.). 1858: путевыя замѣтки о славянскихъ земляхъ, I, 1—53.—1859: V, 1—38.

Коколекинъ (Переселенецъ). 1859: разборъ соч. Угѣшеновича „Семейная община южныхъ славянъ“, IV, 1—32.—1860: о землевладѣніи въ Сибири, I, 119—132.

Кокоревъ (В. А.). 1858: путь Севастопольцевъ I, 77.

Кононовъ (А. А.). 1860: Оед. Вас. Линденеръ, I, 61—76; на ординарцахъ у Суворова, I, 77—80.

Косовичъ (К.). 1860: нѣсколько словъ въ память А. Ст. Хомякова, II, 89—98 (прил.).

Кохановская. 1859: степной цвѣтокъ на могилу Пушкина, V, 11—64; отвѣтъ Г. Г—ву (Гиларову), VI, 123—152.

Кришелевъ (Ал. Из.). 1856: послѣсловіе къ разбору Бѣлева статьи Чичерина „О сельской общинѣ“, I, 146—147; соображенія касательно устройства желѣзныхъ дорогъ въ Россіи, I, 148—160; критическій разборъ сочиненій Абашева „Практическое руководство къ усовершенствованію сельскаго хозяйства“ и С. Дмитріева „Опытъ практическихъ замѣчаній кинешемскаго земледѣльца“, II, 142—163; еще соображенія касательно устройства желѣзныхъ дорогъ въ Россіи, III, 88—112.—1857: послѣсловіе къ статьѣ Ершова „О техническомъ образованіи“, II, 60—61; еще нѣсколько словъ о способахъ заготовленія провіанта и фуража для арміи и флота, III, 105—116; о замѣнѣ обремененной работы наемною и о поземельной общинной собственности, IV, 109—171; шесть недѣль въ австрійскихъ славянскихъ земляхъ, IV, 1—18.—1858: нѣчто о грамотности, возраженіе Далю, I, 213—219.

Кривошапкинъ (М. Ф.). 1857: голосъ изъ Енисейска по поводу толковъ о народности въ наукѣ, III, 63—80; отрывки изъ описанія Енисейскаго округа, IV, 135—147.

Крыловъ (Н. И.). 1857: критическія замѣчанія на сочиненіе Чичерина „Областныя учрежденія въ Россіи“, I, 25—102; II, 89—166.

Кры—въ (И.). 1856: разборъ сочиненія Чичерина—„Областныя учрежденія въ

Россія“, III, 46—87; IV, 54—114; о народности въ древней русской литературѣ и искусствѣ. по поводу статьи Буславя, IV, 79—108.

Булъинъ (П. А.) 1856: отрывокъ изъ „Записокъ о южной Руси“, II, 49—62; IV, 68—101; Оеклуша, повѣсть, III, 3—102.—1857: Черная рада, хроника 1663 г., II, 1—108; III, 1—122; объ отношеніи малороссійской повѣи къ общерусской III, 122—145.—1859: Климентій, украинскій стихотворецъ временъ Мазепы, V, 79—140.

Ламанскій (В. И.). 1858: о сношеніяхъ русскихъ съ греками, IV, 103—140.—1860: рѣчь, произнесенная при защитѣ диссертациі „О славянахъ въ Малой Азіи“. I, 135—148.

Лешковъ (В. Н.). 1858: критическій разборъ „Временника“, кн. 25, 1857 г., I, 54—65.

Лобко (Л.). 1858: о переводахъ Священнаго Писанія, III, 129—136.

Локшиновъ (М. Н.). 1860: Хомяковъ, какъ предсѣдатель Общ. люб. рос. словесности, II, 39—46 (прл.).

Лореръ (Н.). 1857: изъ воспоминаній русскаго офицера, III, 80—89.—1860: 1—48.

Максимовичъ (М. А.). 1856: дни и мѣсяцы украинскаго селянина, I, 61—83; III, 73; филологическія письма къ Погодину, III, 78—139.—1857: украинскія письма къ Кузьму, I, 38—64; воспоминанія о Богданѣ Хмельницкомъ, I, 65—80; отвѣтныя письма Погодину, II, 80—104; извѣстіе о южнорусскихъ лѣтописяхъ, кв. III; критическія замѣчанія, относящіяся до исторіи Малой Россіи, IV, 22—78.—1858: I, 13—27.—1859: пріѣздъ Богдана Хмельницкаго въ Кіевъ изъ-за Москвы, VI, 93—100.

Марковичъ (Ав. В.). 1857: воспоминанія о П. В. Кирѣевскомъ, II, 17.

Мащевскій (В. А.). 1859: голось изъ Польши, по случаю спора объ общинѣ, VI, 65—80.

Милчевичъ (М.). 1858: семейная община сербская—задруга, III, 98—112.—1859: рассказъ очевидца о скупщинѣ, I, 139—156; письмо изъ Бѣлграда, II, 140—145; сербская община, VI, 48—64.

Мордовцевъ (Д. Л.). 1860: самозванецъ Степанъ Малый, I, 15—50.

Мстиславскій (В. В.). 1858: о поклепной вирѣ по Русской Правдѣ, III, 113—128.

Н. М. 1857: о проповѣдяхъ, изданныхъ на малороссійскомъ языкѣ Гречулевичемъ, III, 60—70.

Надеждинъ (П. И.). 1857: о русскихъ народныхъ мѣнахъ и сагахъ, III, 1—20, IV, 19—63.—1858: Григорій Черный, по рассказамъ очевидцевъ, IV, 19—50.

Ненадовичъ, протоіерей. 1859: записки, I, 1—53; II, 1—56.

М. Номисъ. 1858: отрывки изъ автобіографіи Белокопытенко, IV, 35—64.

Новиковъ (Е. П.). 1857: Гусь и Лютеръ, IV, 1—70.—1858: I, 1—107; III, 152—304; IV, 1—116.

Ордынскій (Б. И. Филалитъ). 1857: Адамантий Корай, просвѣтитель новыхъ грековъ, III, 1—64.—1860: отпаденіе Греціи отъ Турціи, по сочиненію Спиридона Трикупа, I, 131—184.

Островскій (А. Н.). 1857: „Доходное мѣсто“, комедія, I, 7—116.

Павловичъ (С.). 1859: письмо изъ Вѣны о сербской церковной музыкѣ и о г. Станковичѣ, III, 51—57.

Павловъ (Н. М. Бицкъ). 1859: годы въ школѣ, II, 9—48; III, 56—74; IV, 33—96; V, 15—48; VI, 1—38.

Паплонскій (И. И.). 1856: письма изъ Варшавы о польской литературѣ, III, 36—55.—1857: II, 62—74.

Петковичъ (К. В.). 1859: историческій очеркъ сербской православной общины въ Рагузѣ, III, 1—120.

Петровский (М.). 1857: историческое замѣчаніе, V, 105.—1859: библиографическій обзор современной славянской журналистики въ Австріи, III, 67—100.—1860: Млх. Иван. Верекинъ, биограф. очеркъ, I, 1—24.

Полодинъ (М. П.). 1856: отвѣтъ на филологическія письма Максимовича, IV, 124—141.—1857: отвѣтъ на два послѣднія письма Максимовича, III, 99—107.—1858: Н. В. Шеншинъ, III, 137—138; должно ли считать Бориса Годунова основателемъ крѣпостнаго права, IV, 117—172.—1858: отрывокъ изъ писемъ о положеніи славянъ въ Европѣ, I, 53—88; итальянскій вопросъ, III, 101—126; два слова по поводу современныхъ обстоятельствъ, IV, 13—20; Австрія, IV, 106—114.—1860: судъ надъ царевичемъ Алексѣемъ, I, 1—110; публичный диспутъ съ Костомаровымъ, I, 149—170; чешская литература, II, 29—46; воспоминанія о Хомяковѣ, II, 3—28; К. С. Аксаковъ, II, 1.

Побьдоносцевъ (К. П.). 1859: XXI томъ Полнаго Собранія Законовъ, IV, 1—12.

Поповъ (А. Н.). 1856: русское посольство во Францію въ 1668 г., I, 48—79; сокола и кречеты царя Алексѣя Михайловича, II, 72—84.—1857: исторія возмущенія Стеньки Разина, I, 47—104; II, 19.—1858: о построеніи корабля „Орла“ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, IV, 1—18.

Поповичъ (В.). 1859: о болгарскихъ книжцахъ, II, 114—139; отрывокъ изъ рассказовъ моей матери, болгарская повѣсть, VI, 77—102.

Протестъ галицкихъ руссиновъ противъ австрійскаго министерства—1859, VI, 81—92.

Де Пуле (М. Ф.). 1859: разборъ романа Писемскаго „Тысяча душъ“, II, 1—46.

Пльвицкій (А. Ф.). 1859: недостатки и потребности современнаго просвѣщенія, II, 1—38.

Рачинскій (А. Н.). 1857: нѣсколько словъ о просвѣщеніи болгарскаго народа, IV, 160—170; походныя письма ополченца изъ южной Бессарабіи 1855—56 года—особое приложение.

Рихельманъ (Н. А.). 1857: объ устройствѣ земледѣльческаго сословія въ Австріи, I, 105—136; критическій разборъ сочиненія Кулѣша „Записки о южной Руси“, IV, 1—21.

Риттерсбергъ. 1857: новѣйшая дѣятельность въ чешской литературѣ, I, 40—48.

Родолюбцевъ. 1859: сербская церковная музыка и сербскій композиторъ Станковичъ, письмо изъ Вѣны, III, 57—64.

Саковичъ (П. М.). 1858: историческій обзоръ дѣятельности гр. Румянцева и его сотрудниковъ, II, 1—86; III, 61—151; IV, 172—260.

Самаринъ (Ю. Ѳ.). 1856: два слова о народности въ наукѣ, I, 35—47; о народномъ образованіи, II, 85—106.—1857: критическій разборъ сочиненія гр. Орлова „Трехнедѣльный походъ Наполеона противъ Пруссіи въ 1806 году“, I, 1—24; нѣсколько словъ по поводу историческихъ трудовъ г. Чичерина, I, 103—118; замѣтка противъ „Атенея“, I, 220—222; воспоминанія о Д. П. Журавскомъ, II, 1—16; возраженіе на статью Соловьева „Шлецеръ и анти-историческое направленіе“, III, 90—103.—1860: Хомяковъ и крестьянскій вопросъ, II, 55—60.

Себиновъ (А.). 1856: почему большею частью миниатюрныя фламандскія картины, IV, 118.

Семановъ (В. В.) 1856: годъ русскаго земледѣльца—весна, II, 1—28; лѣто, IV, 58—91.—1857: осень, III, 21—62; зима, IV, 100—134.—1858: день помѣщика, I, 38—82.

Сидонскій, протоіерей. 1857: слово при отпѣваніи Ив. В. Кирѣвскаго, II, 1, прилож.

Смоляръ. 1858: голось заграничнаго книгопродавца объ устройствѣ русской книжной торговли, IV, 80—102.

- Соловьевъ (С. М.)*. 1856: братчины, IV, 108—117.
- Срезневскій (Изм. И.)*. 1857: критическій разборъ соч. Востокова, церковнославянскій словарь, II.
- Старковъ (Н. В.)*. 1858: Лужницкій приходъ, II, 121.
- Туловъ (М.)*. 1858: что можетъ способствовать успѣху наукъ въ Россіи, II, 165—174.—1859: I, 89—98; модный чиновникъ, III, 44—52.
- Уевель (Wewell)*. 1858: о началахъ англійскаго университетскаго образованія, пер. Евг. Н. Попова, II, 129—164; III, 1—63.
- Ундольскій (В. М.)*. 1856: новая редація „Слова Данила Заточника“, II, 90—122.
- Фатневъ (А. М.)*. 1859: день сдачи венгровъ, IV, 98—106; солдатскіе рассказы, VI, 39—58.—1860: II, 21—70.
- Филитповъ (Т. И.)*. 1856: критическій разборъ драмы Островскаго „Не такъ живи, какъ хочется“, I, 70—100.
- Хомяковъ (А. С.)*. 1856: къ читателю, предисловіе, I, I—VI; разговоръ въ подмосковной, II, 107—138; предисловіе и послѣсловіе къ биографіи лорда Меткальфа, II, 51—52, 79—84; Ив. Вас. Кирѣевскій, II, 3—8; письмо къ Т. И. Филиппову, IV 92—107.—1857: письмо изъ Тулы о желѣзныхъ дорогахъ, I, 81—85; по поводу отрывковъ найденныхъ въ бумагахъ Ив. Вас. Кирѣевскаго, I, 25—46; послѣсловіе къ повѣдямъ Гричулевича, III, 70—72; возраженіе на статью Соловьева „Шлецеръ и анти-историческое направленіе“, III, 141—158.—1858: предисловіе къ переводу статьи Уевела о началахъ англійскаго университетскаго образованія, II, 127—129; о юридическихъ вопросахъ, II, 175—188; замѣтка по поводу Рила (подп. Г—въ), II, 216—221; картина Иванова, III, 1—22.—1859: о современныхъ явленіяхъ въ области философіи, I, 1—32; послѣсловіе къ статьѣ „Голосъ грека въ защиту Византіи“, II, 150—164; С. Т. Аксаковъ, III, I—VIII; нѣсколько словъ о глаголицѣ, V, 1—12.—1860: рѣчь произнесенная Хомяковымъ въ Обществѣ любителей рос. словесности, I, 1—40; отзывъ о статьѣ С. Т. Аксакова „О собираніи бабочекъ“, I, 62—63; письмо къ Ю. Θ. Самарину о философіи, II, 1—30; отрывокъ изъ записки о всемірной исторіи, 101—171.
- А. Н. Ц.* 1859: о положительномъ и отрицательномъ направленіи въ жизни и литературѣ, I, 1—46.
- Кн. Черкасскій (В. А.)*. 1856: обзорніе политическихъ событій въ Европѣ за 1855 г., I, 1—32; протоколы парижскаго конгресса, II, 1—26; обзорніе внутренняго законодательства, III, 1—20.—1857: о книгахъ Монталамбера „Будущность Англіи“ и Токкевиля „Древній порядокъ и революція“, II, 23—88; тройственный союзъ 15 апрѣля 1836 г., III, 1—30.—1858: два слова по поводу восточнаго вопроса, IV, 65—92.—1859: нѣсколько словъ по поводу книги „Исторія печати въ Англіи и Соединенныхъ Штатахъ“ Кюшевиля Клариньи, II, 106.
- Чижовъ (Θ. В.)*. 1856: Джовани Анжелико Фіезольскій, IV, 131—218.—1857: замѣтки путешественника по славянскимъ землямъ, I, 1—37; II, 1—38.
- Чихачевъ (П. А.)*. 1856: байдарская ночь или прогулка съ пластунами, I, 42—53.
- Чокорилло*, см. Даскаловъ.
- Шевыревъ (С. П.)*. 1858: разборъ сочиненія С. Т. Аксакова „Дѣтскіе годы Багрова внука“, II, 63—92.—1856: обзорніе свеклосахарнаго производства въ Россіи, III, 20—35.
- Шушковъ (Н. П.)*. 1857: замѣтка по свеклосахарной промышленности, I, 86—88.—1858: о сохраненіи свекловичнаго сока при сахарномъ производствѣ, I, 105—112.
- Щедринъ (Салтыковъ, М. Евр.)*. 1859: госпожа Падейкова, IV, 13—32.
- Щуровскій (Гр. Е.)*. 1858: силурскія и девонскія рыбы.
- Якушкинъ (П. И.)*. 1859: путевныя письма изъ Новгородской губерніи, IV, 4—76;

проницательность и усердіе псковской губернской полиціи, V, 108—122; путевыя замѣтки изъ Псковской губерніи, VI, 1—48.

Эрбенъ. 1857: письма о славянской мнѳологіи, IV, 71—128.

— *е—е.* 1858: взглядъ на задачи современной критики, „Атеней“, № 1, I, 84—88.

Статьи не подписанныя:

1856 годъ: о Кургенсенской церкви, II, 26—29; замѣтка на одно замѣчаніе въ статьѣ г. Буслаева, II, 188; біографія лорда Меткальфа, II, 37—39; Мих. Павл. Миллашевскій, прислана изъ Малороссіи, I, 1—50 (прил.).

1857: письмо къ А. И. Кошелеву тамбовскаго помѣщика о поставкѣ провіанта на армію, III, 508—509.

1858: западные славяне, перев. съ французскаго, IV, 1—28; о переводѣ римскихъ классиковъ, письмо изъ Аѳинъ, IV, 144—152.

1860: историческія бумага XVIII вѣка, I, 179—258; воспоминанія о Штурѣ, I, 50—60. Въ отдѣльномъ приложеніи бібліографія.

Акты и документы по дѣлу о возмущеніи Стеньки Разина.

ПРИЛОЖЕНИЕ ТРИНАДЦАТОЕ.

Отрывокъ изъ дневника А. И. Кошелева во время путешествія по австрійскимъ славянскимъ землямъ въ 1857 году.

Прага 1857-го г. іюля 6 (18). — Поутру рано я отправился ходить по городу. Прелесть какъ городъ живописенъ и сверхъ того съ послѣдняго моего пребыванія въ немъ онъ много украсился. Особенно промышленная часть значительно развилась: магазины хороши и болѣе жизни на улицахъ. Въ 9 часовъ я отправился къ *В. В. Ганкѣ*, котораго нашель свѣжимъ, бодрымъ и отгѣнно радушнымъ. Съ нимъ мы долго бесѣдовали, отъ него узналъ многое на счетъ умственнаго движенія въ Чехіи. Движеніе идетъ впередъ; теперь оно глубже захватываетъ. Послѣ пошелъ къ *Шафарикѣ*, котораго я нашель въ болѣзненномъ и крайне разстроенномъ положеніи. Видень еще отгѣнно умный, исполненный потухающей жизни человекъ, но уже развалины того, что нѣкогда было. Ему запрещено писать, читать и даже говорить о предметахъ, могущихъ его волновать. Доктора полагають, что у него водяная въ головѣ. Послѣ обѣда я гулялъ по городу, посѣтилъ сады на *Schützen* и *Sophien* островахъ, а вечеромъ былъ въ „Чешской Бесѣдѣ“. Меня ввелъ туда *В. В. Ганка*, и тамъ провелъ я время крайне пріятно, найдя тамъ истинно славянское радушіе и гостепрѣимство. Тутъ познакомился я съ гг. *Ербеномъ*, *Шумовскимъ*, *Томичскомъ*, *Запомъ* и друг. Всего болѣе бесѣдовалъ я съ первыми тремя. Въ *Ербенѣ* я нашель отгѣнно умнаго, просвѣщеннаго, живаго, горячаго человекъ, въ *Шумовскомъ*—умнаго и неутомимаго лексикографа, а въ *Томичекѣ*—умнаго, милаго и крайне добродушнаго человекъ; невольно что-то къ нему притягиваетъ. Много было разговоровъ о томъ и о семъ. Но я ихъ запишу завтра, ибо еще кое-что недостаточно объяснено. Насчетъ цензуры, то хотя ея нѣтъ, но постановлено, что всякая книга должна быть представлена въ полицію за три дня до выпуска въ продажу, такъ что всякая полиція сдѣлалась цензоромъ. Газеты представляются до выпуска за 3 часа. Книга или газета воспрещается и конфискуется, и это особенная милость (которую надобно выпрашивать), чтобы позволено было нѣкоторые листы перепечатать. Вообще свободы книгопечатанія менѣе, чѣмъ при цензурѣ. Еще вещь замѣчательная: въ *Карлсбадѣ*, въ *Маріенбадѣ* и въ *Прагѣ* я замѣтилъ, что всѣ австрійцы, какъ нѣмцы, такъ и славяне, никогда не говорятъ свободно, не оглянувшись: не подслушиваетъ ли ихъ кто-нибудь. Система дозосовъ чрезвычайно сильно организована, и поживши въ Австрій, чувствуешь, что какой-то гнетъ на вась лежитъ. Нельзя сказать, чтобы австрійское правительство много книгъ конфисковало, но страхъ этой мѣры таковъ, что писатели почти ничего не смѣють писать, а издатели еще менѣе издавать, что могло бы быть конфисковано; но вообще въ Австрій народъ пишущій и издающій не богатъ, и такая мѣра для нихъ разорительна.

7 (19) июля.—Поутру съ г. Ганкою и московскимъ профессоромъ *Матушковымъ* мы отправились сперва въ церковь Св. Тына (по-нѣмецки *Teup*), гдѣ было богослуженіе. Церковь прекрасная и богослуженіе отправлялось очень хорошо; органъ очень благозвучный, проповѣдь — по-чешски. Потомъ пошли мы въ Градчины. Видъ Градчинъ и оттуда на Прагу чудо какъ хорошъ, но нѣкоторыя церковныя башни въ городѣ уже уничтожены. Церквей такъ много, что нѣкоторыя уже заперты. Одна церковь въ Градчинахъ чисто-византійской архитектуры. Г. Ганка, который свѣжъ, молодъ и бодръ, несмотря на седьмой десятокъ, имѣетъ сильнѣйшее желаніе, чтобы въ Прагѣ былъ русскій консулъ и чтобы одна изъ запертыхъ церквей отдана была Восточному православію. Народъ здѣсь вовсе не *Papistisch gesinn*. Онъ набоженъ, но въ немъ не видно тѣсно-католическаго направленія. Въ Градчинахъ мы посѣтили чудный соборъ Св. Вита (*Veit's Dom*). Во дворецъ мы не пошли. Тутъ зимою живетъ императоръ Фердинандъ, а лѣтомъ онъ въ своемъ замкѣ, который въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Праги. Его любятъ за его доброту; а нынѣшняго императора шибко не жалуютъ. Его не считаютъ умнымъ и говорятъ, что всѣмъ заправляетъ его мать, которая умна и хитра. Какъ Градчины, такъ и самая Прага представляють видъ города уладающаго. Чудные дворцы въ упадкѣ или пусты, или превращены въ казармы и богоугодная заведенія.—Потомъ мы исходили малую часть города (*die kleine Seite*) и послѣ 4-часовой ходьбы возвратились домой. Г. Ганка все время былъ на ногахъ, ни разу не присѣлъ и былъ бодръ и живъ. Онъ всякій день кушаетъ и много плаваетъ и вообще наслаждается полнымъ здоровьемъ. Послѣ обѣда мы отправились въ экипажѣ на прогулку въ Бубенгахъ. Садъ прекрасный и виды чудныя. Оттуда мы поѣхали на народный праздникъ Св. Маргариты, установленный съ древнихъ временъ. На этомъ праздникѣ народу было много, но какъ наши тучи, то многіе уже возвращались, когда мы туда ѣхали. Были качели, разныя балаганныя представленія, но главное удовольствіе составляли танцы—*валсы*. Вальсировали чисто по-нѣмецки. Этотъ праздникъ носить на себѣ, какъ и все въ Прагѣ, преимущественно характеръ нѣмецкій. Вечеромъ былъ я въ „Бесѣдѣ“.

8 (20) июля.—Поутру ходилъ къ Ганкѣ, Шумовскому, Томаку, Томичеку и, наконецъ, къ Шафарыку. У послѣдняго сегодня сидѣлъ долѣе, чѣмъ въ первый разъ. Видны лишь развалины человѣка, но и въ развалинахъ замѣтна сила и умъ. Мы говорили довольно. Онъ самъ шель на разговоры серьезныя, и я не имѣлъ духа его съ нихъ своротить. Онъ говорилъ, что теперь народное направленіе серьезнѣе и общѣе, чѣмъ прежде, хотя въ немъ бодрости, силы и генія несравненно менѣе. „Великая бѣда наша, говорилъ онъ, что у насъ нѣтъ денежныхъ средствъ, ибо всѣ наши вельможи во вражьемъ стану, — они всѣ сдѣлались нѣмцами, не живутъ въ Прагѣ, не говорятъ по-чешски и хотятъ быть австрійцами; отъ чужихъ, т.-е. изъ-за границы, принимать намъ пособіе есть дѣло чисто-невозможное. Эти деньги намъ сдѣлають болѣе вреда, чѣмъ пользы. Какъ бы секретно это дано ни было, правительство австрійское то узнаетъ, и оно насъ за это не накажетъ явно, но будетъ всячески притѣснять, лишитъ со временемъ мѣста и всячески вымѣстятъ. Вы, русскіе, особенно Погодинъ, заявляя онъ, имѣете всегда въ общеніяхъ съ нами какіе-то политическіе виды, — этимъ вы вредите и себѣ, и намъ, и дѣлу. Не заботьтесь о насъ, заботьтесь о себѣ; встаньте сами на ноги; глядя на васъ, и мы постараемся быть чехами и дѣлатъ общее „славянское дѣло“. — „Русскихъ чеховъ, говорилъ онъ, теперь остается только одинъ Ганка; онъ — остатокъ прежняго движенія; теперь чехи хотятъ быть чешскими чехами. Мы не враждебны, — напротивъ, кротки, благо-расположены къ русскимъ; но входить въ русскіе интересы мы не только не можемъ, но даже и не желаемъ. Движеніе народное продолжается, но оно идетъ глубже.

Теперь во всѣхъ чешскихъ школахъ учать по-чешски; чешскій языкъ между нами, не аристократами, сдѣлался общественнымъ языкомъ, чего прежде не было“. Шафарику теперь 62 года (онъ родился въ 1795, Ганка въ 1791, а Палацкій въ 1798 году). Онъ собирается путешествовать. Теперь онъ- библиотечаремъ, получаетъ жалованья 1.500 гудьденовъ, квартиру и отопленіе. Онъ не въ нуждѣ. Палацкій въ деревнѣ, и я не могъ съ нимъ познакомиться. Я познакомился съ Шумовскимъ, издателемъ лексикона, съ Томичекомъ, переводчикомъ равныхъ русскихъ повѣстей, съ Запомъ, профессоромъ реальныхъ школъ, издателемъ археологическихъ „Памятокъ“, съ Пуржини, профессоромъ физиологіи, и съ Воцеломъ, профессоромъ археологіи. Къ сожалѣнію, не имѣлъ возможности познакомиться съ Томекомъ (не засталъ его дома и не встрѣтилъ въ „Бесѣдѣ“) и съ Рителсбергомъ, который въ большой бѣдности, котораго нигдѣ не встрѣтилъ я, и о которомъ я, къ сожалѣнію, вспомнилъ только вечеромъ передъ отъѣздомъ. Послѣ обѣда пришли ко мнѣ Ганка и Ербенъ, и мы отправились съ послѣднимъ смотрѣть паровую мельницу, устроенную у заставы подъ Прагою.

9 (21) іюля. — Ганка пришелъ меня проводить и въ 7 часовъ я былъ уже на желѣзной дорогѣ. Мы пріѣхали въ Вѣну въ 7¹/₂, но цѣлый часъ разбирались съ своими вещами и только къ 9 часамъ были въ гостиницѣ.

10 (22) іюля.—Все утро провелъ я у М. О. Раевского, говорили очень много и о весьма многомъ. Положеніе славянъ очень грустно: великая апатія; полное разединеніе между славянскими народами. Дворянство славянское все превратилось въ нѣмецкое, и остальные славяне безъ денежныхъ средствъ ничего дѣлать не могутъ. Сверхъ того, какъ только проявится между славянами замѣчательный, энергичный человѣкъ, то правительство тотчасъ даетъ ему какое-либо выгодное мѣсто и онъ дѣлается австрійскимъ чиновникомъ. Чиновникамъ не позволено ничего печатать безъ согласія ихъ начальствъ; въ газетахъ же писать имъ безусловно запрещено. Славяне вообще бѣдны и казенное мѣсто доставляетъ имъ средство существовать, — вотъ почему нѣтъ почти никакого движенія въ славянствѣ. Ходили въ библиотеку къ Миклошичу, но не застали его тамъ. Возвратились въ городъ въ 7 часовъ, нашли у М. О. Раевского профессора и декана здѣшняго лютеранскаго коллегіума славянъ, Кузмини (Б. а. Л.). Очень радъ былъ я съ нимъ познакомиться. Человѣкъ онъ умный, живой и общительный. Мы говорили съ нимъ обо многомъ. „Матица“ чешская самая дѣятельная, моравская—находится въ рукахъ католиковъ и они направили ее къ своей цѣли, галицко-русская—во Львовѣ и иллирійская—въ Загребѣ (Аграмѣ) дѣйствуютъ порядочно; сербская—въ Пестѣ и славянская—въ Клагенфуртѣ чуть дышать. Вообще дѣятельности ихъ теперь очень слабы, по недостатку матеріальныхъ средствъ. Старые члены умирають, а новыхъ поступаетъ мало, ибо правительство смотритъ весьма подозрительно на всѣхъ дѣятельныхъ и новыхъ членовъ „Матицы“. Движеніе славянское вообще теперь слабо.

11 (23) іюля.—Въ 12 часовъ были съ Раевскимъ и Миклошича въ Публичной библиотекѣ и оттуда отправились къ *Вуку Стефановичу Караджичу*. Застали его дома; онъ старъ, но еще очень живъ; онъ говорилъ много, очень живо, былъ очень пріятливъ. Онъ особенно работалъ надъ соединеніемъ славянъ. Къ нему пришли Кузминъ, съ которымъ я вчера познакомился, и *Урбаръ*, протестантскій священникъ, очень ревностный славянинъ. Оба они словаки. Въ половинѣ 10-го мы всѣ вышли отъ Караджича, пошли вмѣстѣ и зашли къ священнику Раевскому, у котораго просидѣли до 12-го часа. Словаки имѣютъ сильнѣйшее желаніе быть славянами; для нихъ одно литературное единеніе кажется недостаточнымъ, но какое же имъ иное? Не должно ихъ обманывать и слѣдуетъ проповѣдывать одно духовное единеніе, ибо оно одно возможно.—Урбаръ очень пламенный человѣкъ и умный. Онъ сильно дѣйствуетъ на

народъ. Славянская газета только одна издается въ Вѣнѣ Дихардомъ и имѣетъ около 1.000 подписчиковъ.—Бѣдово положеніе славянъ еще тѣмъ, что изъ своей братьи они не знаютъ кому можно довѣряться, ибо изъ нихъ безпрестанно переходятъ на сторону австрійцевъ.

12 (24) июля.—Въ 1-мъ часу имѣлъ долгій разговоръ съ словакомъ Гурбакомъ. Ихъ не должно называть словаками; они себя называютъ *словенами*, а нарѣчіе—*словенскимъ*. Оно очень близко къ чешскому, такъ что *чешское*, *моравское* и *словенское* можно считать однимъ языкомъ. *Русинское* всего ближе къ малороссійскому, *шлезское* (Wasager-Polaken)—къ польскому. Къ сербскому очень близки хорватское и словенское, т.-е. южныя нарѣчія. Изъ народнаго словенскаго (словацкаго языка) часть нарѣчія всего ближе къ чешскому, другая къ польскому, третья къ русинскому. Мы весьма уговарили Гурбака издавать журналъ, но политическаго издавать онъ не можетъ, ибо нужно представить обезпеченіе въ Вѣнѣ въ 6 тыс., а въ другихъ городахъ въ 3 т. гульденовъ; а чисто-литературный журналъ, гдѣ нельзя разбирать и толковать объ общественныхъ вопросахъ, никто читать не будетъ. Теперь для новаго журнала минута не благоприятная, ибо австрійское правительство даже на нѣмецкіе журналы все болѣе и болѣе налегаетъ. Бѣда славянъ, что рѣшительно у нихъ нѣтъ центра и что они всё совершенно безъ сообщеній. „Русская Бесѣда“ произвела здѣсь вообще прекрасное дѣйствіе.

Вечеромъ былъ у Раевского, гдѣ познакомился съ докторомъ *Клумомъ*. Онъ живой, умный и пріятный въ обществѣ человекъ. Онъ обѣщался быть дѣятельнымъ сотрудникомъ „Русской Бесѣды“. Мы много говорили о разъединеніи славянскомъ въ отношеніи вѣры, языка, политическаго и общественнаго быта. Онъ бодръ и говорилъ, что между южными славянами, т.-е. сербами, хорватами и словенцами, есть движеніе и что единеніе подвигается.

ВАЖНѢЙШІЯ ОПЕЧАТКИ.

<i>Стр.:</i>	<i>Строка:</i>	<i>Напечатано:</i>	<i>Слѣдуетъ:</i>
VII	3 св.	немъ	нихъ
30	1 „	Lagrameide.	Lagrameide.
43	1 и 2 сн.	тоже ежедневно	ежедневно
54	16 св.	Кирѣвскихъ	К. Аксакова
74	20 „	Еджворта.	Еджвортъ.
77	1 сн.	недавно	только что
122	7 „	высказалъ	высказало
142	5 „	Notre	Notice
192	6 св.	крестьянина	христианина
230	15 сн.	5.000.000	3.000.000
233	10 „	просвѣщенной	просвѣщенія
240	7—8 св.	не испытанную	ненасытимую
—	9 „	вывела его	вывела
248	14 и 15 „	so be or not so be	to be or not to be
283	11 сн.	одно	одно—
288	17 „	Чичерина	Моля
295	4 „	изслѣдываютъ	изслѣдуя
314	16 „	иногда	никогда
315	17 св.	(292—294	(1 Соч. Акс. 292—294
334	12 „	возвеличенію	увеличенію
351	16 сн.	представится	представляется
361	18 св.	пользованіи экономіи этой	пользованіи этой
383	11 „	убѣжденія	убѣжденіе
421	2 „	считаемъ	считали

Примѣчаніе напечатанное на 423 страницѣ относится къ стр. 427 и наоборотъ.

За 3 книги,
1200р - 2/1

329

Цѣна 4 руб. серебр. За оба тома 7 руб.

106

